Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Google

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

~~No. 1208~~
No. 943

3-j

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Novyi Zhurnal literatury iskusstva i nauki

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ IV

(ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1900 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

(Годъ четвертый.—Т. XIV-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

Digitized by Google

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“,

УЧРЕЖДЕННОЕ ВЪ 1881 Г.

въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.

Основной и запасные капиталы свыше 38.000,000 руб.

Общество заключаетъ:

Страхованія жизни,

т. е. капиталовъ и доходовъ **для обезпеченія семьи** или **собственной старости, приданаго для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ** и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ, и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1900 г. въ Обществѣ «Россія» было застраховано **60,258 лицъ** на **капиталъ въ 134.891,890 руб.**

Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ

какъ **отдѣльныхъ лицъ**, такъ и **коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ** на фабрикахъ; страхованія пассажировъ пожизненныя, годичныя или на меньшіе сроки.

Страхованія отъ огня

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода **(строеній, машинъ, товаровъ, мебели и проч.).**

Страхованія транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе **корпусовъ судовъ.**

Страхованія стеколъ

отъ излома и разбитія.

Заявленія о страхованіи принимаются **и всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37)** и агентами Общества во **всѣхъ городахъ** Имперіи.

Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ заключаются также на **станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.**

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. IV. ОКТЯБРЬ 1900 г. № 10.— 12

О ПОДПИСКѢ НА 1901 ГОДЪ.

Итоги 3½ лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ:

СТРАН.

I. Въ царствѣ Микадо. Съ картины Гёмфри Мура 345

II. Плоды современной цивилизаціи. (I. Политика хищеній). Глинки-Янчевскаго 346

III. Спящая. Съ горельефа Макса Клингера 352

IV. Забавы Парижской выставки. (I. Дворецъ танцевъ). Съ 5 рисун. А. Кастенья. 353

V. Эмерсонъ. (Критико-біографическій этюдъ). (Съ портретомъ и вин.) . 362

VI. Поэмы въ прозѣ, Шарля Бодлера. (Неужели!—Плохой стекольщикъ.—Двойственная комната.—Толпа.—Исповѣдь художника). Въ перев. О. Д. Ниловой. 372

VII. Китайская музыка. (Съ 3 иллюстр.). 376

СТРАН.

VIII. Невѣдомое и психическія проблемы. К. Т. (Съ иллюстр.). 379

IX. *** (Асныка). Стихотвореніе И. Гриневской. 397

X. Пятнадцать мѣсяцевъ въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ. (Разсказъ Герлаха объ его экспедиціи). Съ 2 иллюст.) 398

XI. Живописное и красивое на Парижской выставкѣ 1900 г (VIII. Улица Націй. Съ иллюстр.). 410

XII. Изъ «Канцоньеро» Антоніо Паломеро. (Съ испанскаго). Сонетъ. Стихотвореніе Е. М. Шершевской 420

XIII. XIX вѣкъ въ карикатурахъ. (V—VIII. Нѣмецкая карикатура 1800—1850 гг.). (Съ 11 рис.). . . 421

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

14 статей и замѣтокъ съ 19 иллюстр. (Подробное оглавленіе см. на стр. 434). . . 433

СЪ ОТДѢЛЬНОЙ НУМЕРАЦІЕЙ СТРАНИЦЪ.

О Китаѣ старое и новое. . . . . 33— 48

Новое жизнеописаніе Оливера Кромвеля. Историческая монографія Джона Морлея. Съ многочисленными иллюстраціями. (Съ англійскаго). . . . . 145—160

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Въ черномъ сундукѣ. Романъ. Переводъ съ англійскаго О. М. Соловьевой (Окончаніе). . . . . 49— 75

Философскіе романы Вольтера. Въ переводѣ А. А. Соколовскаго. (Дитя природы). . . . . 145—160

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Атмосфера. Популярная метеорологія. Камилла Фламмаріона. Со множествомъ иллюстрацій. Въ переводѣ К. К. Толстого . . . . . 289—368

Франсуа Рабле. Пантагрюэль. Третья книга: О героическихъ дѣяніяхъ и реченіяхъ добраго Пантагрюэля. Съ французскаго текста XVI вѣка переводъ А. Н. Энгельгардтъ. Съ иллюстраціями Доре. . . . . 65— 96

Живопись прерафаэлитовъ за все время ея существованія (по Перье Бэтъ). Съ иллюстраціями . . . . . 17— 32

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1900 г., по 31-е декабря 1900 г.) **4 р.**, съ доставкой и пересылкой **5 р.**, за границу **8 р.**; полугодовая **2 р. 50 к.**, съ доставкой и пересылкой **3 р.**, за границу **5 р.** За перемѣну адреса: иногородняго на иногородній **28 к.**, иногородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній **50 к.**

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9. (Пріемъ для личныхъ объясненій — по субботамъ отъ 1 до 2 ч. пополудни). **Телефонъ 2327.**

За доставку книгъ въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности.

Дозволено цензурою 29 сентября 1900 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. И. Булгаковъ.**

Digitized by Google

ТОЛЬКО ДО 15-го ОКТЯБРЯ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА НОВОЕ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ

И

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

(60 лѣтъ художественной славы)

Текстъ: Жизнь, дѣятельность и заслуги И. К. Айвазовскаго.

Иллюстраціи: Портреты и болѣе **ста** избранныхъ картинъ И. К. Айвазовскаго съ **1840** г. по **1900** годъ, въ автотипіяхъ и фототипіяхъ.

(Большой томъ въ альбомномъ форматѣ in-4).

ИЗДАНІЕ ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ ДО 15-ГО ОКТЯБРЯ 1900 Г.

Цѣна только по подпискѣ: 5 руб., съ пересылкой **5** руб. **50** коп. По прекращеніи подписки цѣна будетъ **6** руб., съ пересылкой **6** руб. **50** коп.

Желающіе получить изданіе въ изящной папкѣ добавляютъ 50 к., а въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 50 к.

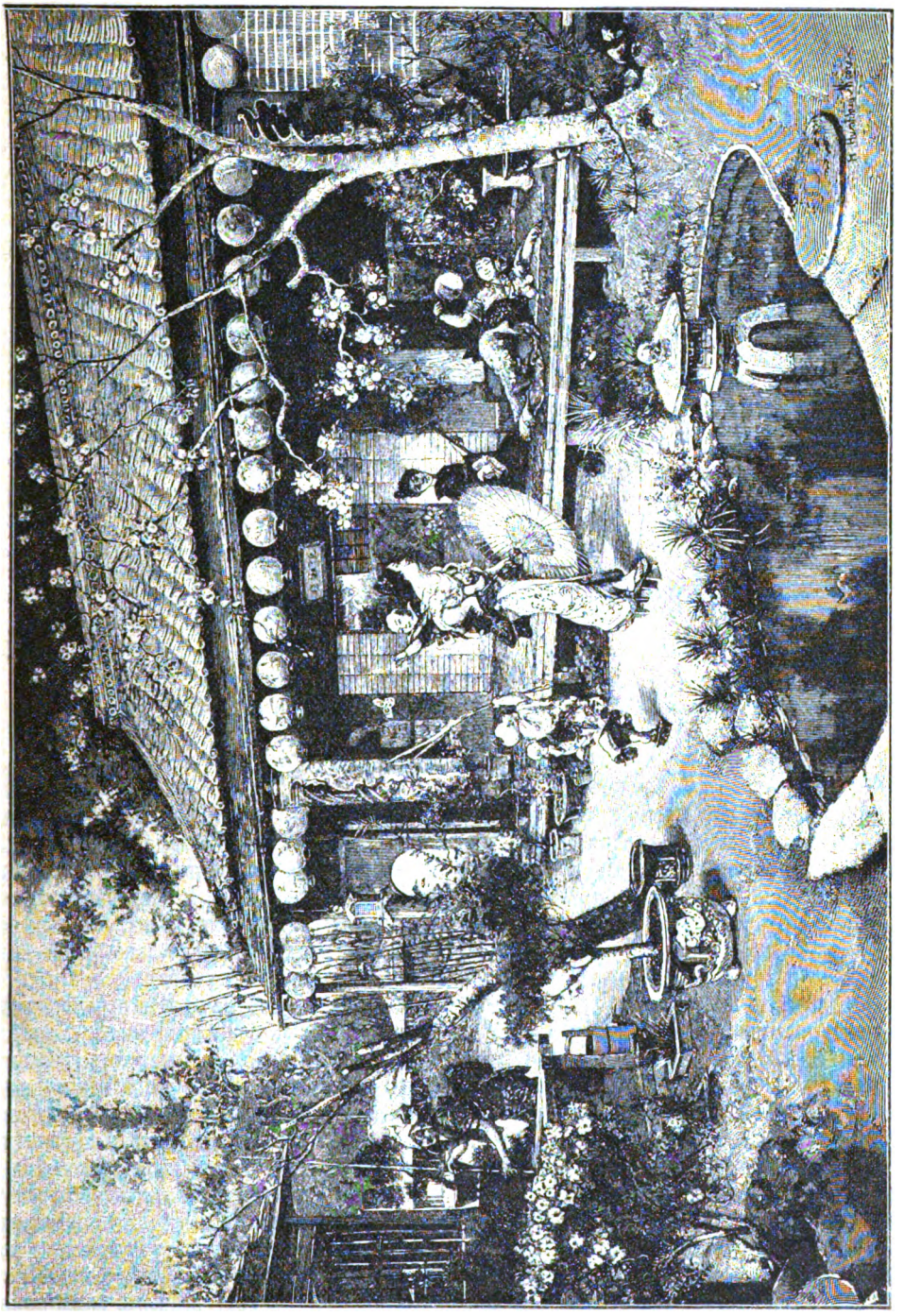
Для петербургскихъ подписчиковъ „Новаго Журнала Иностранной Литературы“, адресующихся непосредственно въ редакцію его (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9), уступка 10% (съ 5 руб.), а для иногороднихъ—пересылка безплатно.

Адресоваться: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9. Ѳ. И. Булгакову.

Съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

Digitized by Google

ОКТЯБРЬ.



Въ царствѣ Микадо.
(Картина Гёмфри Мура).

Digitized by Google

ПЛОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

I.

Политика хищеній.

Западная Европа все еще возмущена и озадачена. Вѣроломный Китай озвѣрѣлъ и, въ своемъ изступленіи, рѣжетъ и пришлыхъ европейцевъ, и своихъ согражданъ. «Вотъ варварство, вотъ дикость нравовъ!»—повторяютъ милліоны голосовъ. — «Нужно разъ навсегда водворить здѣсь цивилизацію! Нужно бить ихъ безпощадно, чтобы тысячу лѣтъ помнили силу европейской культуры!..» Только Россія не возмущается и, скрѣпя сердце, идетъ противъ своего изступленнаго сосѣда. Но въ напутствіе нашимъ братьямъ слышится голосъ «человѣколюбія»...

Что за притча? Мы, на которыхъ Европа смотритъ съ высоты своего величія; мы, къ которымъ она снисходитъ, благодаря лишь нашимъ стремленіямъ сдѣлаться культурнымъ народомъ,—мы говоримъ о «человѣколюбіи», о доброжелательствѣ къ случайному врагу; а культурная Европа негодуетъ и нервничаетъ!.. Въ чемъ же загадка? Неужели только въ томъ, что мы, славяне, по натурѣ добродушны и сильнѣе воспріяли духъ ученія Христа, а западно-европейцы, особенно потомки тевтоновъ и нормановъ, по природѣ своей злѣе и лишь наружно молятся тому же Богу, что и мы,—внутренно же исповѣдуютъ исключительно право сильнаго и поклоняются кумирамъ.

Несомнѣнно, натура имѣетъ огромное значеніе. Мы не въ состояніи долго таить въ себѣ злобу. Мы можемъ вспылить, можемъ дойти до неистовства; но наша вспышка—скоро преходящая, и затѣмъ самому лютому врагу, когда его сразимъ, готовы протянуть руку помощи. Мы пережили татарское иго, и теперь, когда колыбель татарскихъ полчищъ покорена нами, татары—тѣ же подданные наши, тѣ же члены великаго Россійскаго государства. И пользуются они равными съ нами правами съ тѣхъ временъ, какъ попадали подъ скипетръ Русской Державы.

Не то мы замѣчаемъ въ отношеніяхъ западно-европейцевъ къ покореннымъ наро-

Digitized by Google

дамъ, особенно къ стоящимъ на болѣе низкой степени цивилизаціи. Тутъ о равенствѣ нѣтъ и рѣчи. Даже наиболѣе добродушные французы не признаютъ туземцевъ Алжира полноправными гражданами. Права гражданства дарованы только евреямъ. Но на то были особые мотивы. Англичане же относятся къ покореннымъ народамъ, какъ къ низшей расѣ, съ высокомѣріемъ и полнымъ пренебреженіемъ.

Не далеко отъ англичанъ ушли и германцы, начинающіе, такъ называемую, колоніальную политику. Въ свое время съ тѣмъ же презрѣніемъ и съ тою же безсердечностью относились къ подвластнымъ народамъ и испанцы. Неужели же во всѣхъ этихъ случаяхъ проявлялась только злая натура завоевателей? Не было ли постороннихъ импульсовъ, которые направляли и питали эту натуру?.. Конечно, были. Нельзя даже допускать мысли, чтобы цѣлые народы, развившіе понятіе о свободѣ личности, о равенствѣ предъ закономъ,—были только врагами человѣчества. И этими импульсами являлись тѣ экономическія условія, въ которыя попадали поочередно различныя европейскія государства и въ которыхъ въ данную минуту очутились почти всѣ великія державы, за исключеніемъ одной только Россіи.

Прослѣдить за этими условіями, превращающими самыхъ гуманныхъ людей въ безчеловѣчныхъ поработителей, легче всего на Англіи. Англія, несомнѣнно, достигла наивысшей культуры; въ Англіи наиболѣе высоко понимается свобода личности; въ Англіи наиболѣе развито уваженіе къ закону. И въ то же время ни одно государство не поступаетъ такъ предательски, такъ грубо, такъ жестоко по отношенію къ другимъ, какъ Англія; никто не попираетъ такъ понятія о личности по отношенію подвластныхъ народовъ, никто не дѣйствуетъ такъ возмутительно беззаконно, какъ та же Англія. И что на подобныя отношенія вліяютъ именно экономическія условія,—лучше всего свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что самые высокіе умы, самые гуманные люди Англіи, за единичными развѣ исключеніями, склоняются къ политикѣ всемірнаго порабощенія, всемірнаго хищенія.

Быстрое увеличеніе народонаселенія, возможно высшее развитіе промышленности—составляютъ, безспорно, благо всякаго народа. Но, какъ всякая несоразмѣрность въ развитіи какихъ-либо отдѣльныхъ органовъ даннаго индивидуума вызываетъ болѣзненныя явленія, такъ точно и въ государствѣ чрезмѣрный ростъ промышленности, опережая слишкомъ быстро земледѣліе, а тѣмъ болѣе, изгоняя изъ фабрикъ и заводовъ рабочій трудъ,—производитъ разрушеніе государственнаго организма.

Чувство самосохраненія вынуждаетъ прибѣгать ко всѣмъ средствамъ спасенія, не разбирая ни ихъ качествъ, ни того, какъ они отражаются на другихъ государствахъ и въ концѣ концовъ и на самомъ себѣ.

Народу нуженъ хлѣбъ и сырье для переработки. Значитъ, приходится завоевывать менѣе культурныя страны, гдѣ существуетъ еще избытокъ хлѣба и сырья, дабы снабдить ими метрополію.

Народу нужны заработки — приходится увеличивать все производство. Но вѣдь издѣлія промышленности нуждаются въ сбытѣ, а свой рынокъ переполненъ ими и не въ силахъ покупать излишковъ производства, —является необходимость отысканія новыхъ рынковъ всѣми правдами и неправдами.

Всѣ эти недуги Англія переживаетъ въ наибольшей степени, и потому погоня ея за хлѣбомъ и сырьемъ, а одновременно съ тѣмъ и за рынками сбыта достигла своего апогея. Англія безъ Индіи, безъ Австраліи, Африки, Канады не въ силахъ существовать и обезпечить населенію достаточные заработки.

Но что ужаснѣе всего во всемъ современномъ направленіи промышленности, это—постоянная потребность въ увеличеніи числа рынковъ, постоянная необходимость эксплоатаціи все новыхъ и новыхъ странъ. Это—тотъ же морфій, дозы котораго должны быть постоянно увеличиваемы.

Причины, вызывающія такія тяжелыя послѣдствія, состоятъ главнымъ образомъ въ двухъ условіяхъ производства. Первое условіе, болѣе понятное, заключается въ усовершенствованіи самой техники, направленной по преимуществу къ удешевленію издѣлій, что, въ свою очередь, достигается изобрѣтеніемъ техническихъ способовъ выдѣлывать всѣ товары уменьшеннымъ числомъ рабочихъ. Ясно, что если для выдѣлки опредѣленнаго количества тѣхъ или иныхъ товаровъ, напримѣръ, 1 милліона

Digitized by Google

пудовъ желѣзныхъ издѣлій, требовалась въ 1890 году, допустимъ, 1 тысяча рабочихъ, а, вслѣдствіе новыхъ изобрѣтеній и усовершенствованій фабрикъ, въ 1900 году потребуется тѣхъ же рабочихъ только 500, т.-е. половина рукъ,—то, чтобы оставшіеся безъ заработка люди не голодали, приходится увеличивать вдвойнѣ все производство тѣхъ же товаровъ, а, слѣдовательно, приходится и отыскивать новый сбытъ для этого двойного производства.

Второе неблагопріятное условіе состоитъ въ томъ, что тѣ рынки, на которыхъ происходитъ, съ одной стороны, закупка сырья, а съ другой—сбытъ обработанныхъ издѣлій, постепенно бѣднѣютъ и теряютъ покупательную силу. Вслѣдствіе чего эти рынки постепенно должны уменьшать спросъ на тѣ или иные товары, и тому государству, которое ихъ снабжало, приходится искать прежняго даже сбыта, не говоря объ увеличенномъ, на большемъ пространствѣ Земного Шара. Это фактъ безусловно вѣрный; но такъ какъ онъ менѣе доступенъ пониманію, то постараемся пояснить его возможно простѣйшими расчетами и нѣкоторыми историческими примѣрами.

Представимъ себѣ двѣ страны: одна снабжаетъ другую сырьемъ, напримѣръ, хлѣбомъ и шерстью, а получаетъ отъ нея обработанные товары въ видѣ шерстяныхъ матерій. Если на выдѣлку одного пуда шерстяныхъ матерій потребуется, скажемъ, для простоты расчетовъ, $1^1/_2$ пуда шерсти и пудъ хлѣба для пропитанія тѣхъ рабочихъ, которые будутъ заняты выдѣлкой матерій, и если стоимость $1^1/_2$ пуд. шерсти будетъ 10 руб., а пуда хлѣба—1 рубль, то вѣдь тотъ народъ, который продастъ своей шерсти и хлѣба на 11 рублей, не получитъ за эти деньги одного пуда матерій, а заплатитъ за него, скажемъ, 15 рублей.

Такимъ образомъ, онъ теряетъ 4 рубля, получая обратно переработанное сырье стоимостью 11 руб. И эта потеря останется въ пользу народа, перерабатывающаго сырье. Мы приняли эту потерю на пудъ матеріи круглой цифрой въ 4 рубля, часть которыхъ пойдетъ какъ процентъ на затраченный капиталъ по покупкѣ сырья и по постройкѣ фабрики; часть пойдетъ на наемъ управляющаго и всего служебнаго персонала на фабрикѣ; часть—на покупку топлива для двигателя фабрики; часть—на прибыль капиталиста и на нѣкоторый излишекъ въ пользу рабочихъ сверхъ ихъ пропитанія.

Надо замѣтить еще, не только этимъ путемъ происходитъ потеря того земледѣльческаго народа, который пользуется услугами промышленной страны. При всякой переработкѣ сырья остаются отбросы, которые идутъ на удобреніе земли. Земледѣльческій народъ, отдающій свое сырье, лишается этихъ отбросовъ, а, слѣдовательно, онъ беретъ отъ земли болѣе, чѣмъ возвращаетъ ей. Земля его постепенно истощается; земля же народа, перерабатывающаго сырье, обильно удобряется и становится плодороднѣе. А если остается лишнее удобреніе, то и оно продается, увеличивая барыши обрабатывающей страны.

Въ результатѣ — неизбѣжность обѣднѣнія одного и обогащеніе другого.

Приведемъ нѣсколько яркихъ примѣровъ изъ исторіи, заимствуя ихъ у одного изъ величайшихъ политико-экономовъ, Кэри.

Во времена римскихъ царей плодороднѣйшая страна Кампанія была покрыта цвѣтущими нивами и небольшими городами, составлявшими центры обмѣна произведеній для жителей окрестныхъ мѣстностей. Но постепенно Римъ расширяетъ свои завоеванія и централизуетъ у себя всю экономическую и политическую жизнь государства. Отовсюду отправляются въ Римъ хлѣбъ и сырье, гдѣ и перерабатываются въ матеріи и другія издѣлія. Римъ растетъ и украшается, а мелкіе города глохнутъ; зеленыя нивы Кампаніи превращаются въ безплодныя земли; народъ бѣжитъ въ Римъ, требуя «хлѣба и зрѣлищъ». Рабство и ростовщичество усиливаются; нравственные устои расшатываются. Наружный блескъ Рима скрывалъ начало разложенія. Никакіе памятники искусства, никакія величественныя зданія не могли спасти государства. Оно должно было пасть, и небольшого толчка извнѣ было достаточно, чтобы великая римская имперія разлетѣлась въ прахъ.

Посмотримъ, что происходитъ въ болѣе близкія къ намъ времена, и остановимъ вниманіе на дѣятельности Англіи.

Англія во всѣхъ своихъ колоніяхъ или въ государствахъ, подпадавшихъ подъ ея вліяніе, преслѣдовала одну и ту же политику—забирать хлѣбъ и сырье, не допуская переработки на мѣстѣ, и затѣмъ снабжать колоніи своими произведеніями. Результаты

Digitized by Google

получались тождественные. Возьмемъ для примѣра такую плодородную страну, какъ Вестъ-Индія, гдѣ разводится кофе, индиго, сахарный тростникъ и др. Въ концѣ XVIII столѣтія нѣкогда богатые плантаторы превратились въ фактическихъ рабовъ англійскихъ купцовъ и масса имѣній или продавались съ молотка, или бросались на произволъ судьбы. Полное разореніе страны вынудило населеніе подняться во имя освобожденія.

Турція хотя и свободное государство, но съ конца прошлаго столѣтія постепенно попадаетъ подъ экономическое порабощеніе Англіи и тоже доходитъ до полнаго изнеможенія. Если не мы, то наши отцы и дѣды знали еще роскошнѣйшія турецкія матеріи, шали и ткани, которыми Турція снабжала весь міръ. Нынѣ это бѣднѣйшая страна. И начала она бѣднѣть съ тѣхъ поръ, какъ Англія добилась заключенія договора (конечно, добровольнаго, такого же, какъ заключаетъ она и съ другими порабощаемыми странами), въ силу котораго на англійскіе товары не налагались таможенныя пошлины свыше 3%, а англійскіе корабли освобождены были отъ всякихъ портовыхъ налоговъ. Постепенно усиливается вывозъ хлѣба и сырья и ввозъ англійскихъ товаровъ. Но вотъ, наконецъ, въ Англіи изобрѣтается бумагопрядильная машина. Вывозъ машинъ строжайше воспрещается, и Англія стремится свозить на свои фабрики хлопокъ всего свѣта. Турція окончательно разоряется. Съ неимовѣрною быстротой по всей Турціи исчезаютъ ткацкіе станки, ткацкія мастерскія. Въ одномъ Тырново въ нѣсколько лѣтъ закрывается около 1800 мастерскихъ. Немедленно падаетъ и все сельское хозяйство. Является сначала сильная задолженность, а вслѣдъ затѣмъ— продажа имѣній и, наконецъ, забрасываніе земель. Населеніе стонетъ; оно приписываетъ всѣ ужасы своего положенія турецкому игу. Недовольство растетъ; обостряется и вопросъ объ освобожденіи христіанъ...

Не лучше распоряжалась Англія и въ подвластной ей Ирландіи, составляющей даже часть Соединеннаго королевства и, казалось бы, имѣющей право на лучшее отношеніе. До 1688 года это была богатая страна, гдѣ мануфактура шерстяныхъ издѣлій достигла замѣтнаго совершенства. Но Англія не въ силахъ была смотрѣть на это равнодушно. Она измышляетъ всевозможныя стѣсненія съ цѣлью вызвать вывозъ шерсти въ Англію и, конечно, воспрещая вывозъ ея въ чужія страны. Постепенно Ирландія превращается въ ту земледѣльческую страну, которая лишается и заработковъ, и удобренія. Тщетно Ирландія протестовала противъ явной эксплоатаціи,—Англія оставалась неумолимой... Во время американской войны за освобожденіе Ирландія воспользовалась затрудненіями Англіи и въ 1783 г. добилась, наконецъ, экономической свободы и независимаго законодательства. Ирландцы съ того и начали свою независимую политику, что

обложили пошлинами ввозимые товары и тѣмъ снова подняли суконное и ковровое производство. Свою шерсть они сами уже перерабатывали и снова начали богатѣть.

Недолго, однако, продолжалось это благополучіе. Съ 1801 года снова послѣдовали преобразованія на почвѣ централизаціи. Съ введеніемъ присоединительнаго акта Ирландія вынуждена была понижать пошлины, открывая доступъ англійскимъ товарамъ и содѣйствуя вывозу собственной шерсти и своего хлѣба. Въ 1810 г. отмѣняется окончательно пошлина на англійскую бумажную пряжу, а въ 1821 г.—на коттунъ и кисею.

Но Англія этимъ не ограничилась. Алчность повела ее далѣе. Изданъ былъ законъ,

Digitized by Google

коимъ воспрещено было сберегательнымъ кассамъ въ Ирландіи употреблять вклады на поддержаніе ирландской промышленности и предписывалось обращать ихъ исключительно въ британскіе фонды!..

Результатомъ такой систематической дѣятельности было повсемѣстное закрытіе фабрикъ. Въ одномъ Дублинѣ изъ 91 суконныхъ фабрикъ къ 1840 г. уцѣлѣло только 12. Число рабочихъ съ 5000 человѣкъ сократилось до 600. Фабрикація ковровъ вовсе исчезла. Въ концѣ концовъ Манчестеръ и Бирмингамъ фактически получили монополію на снабженіе Ирландіи тканями и желѣзомъ и на вывозъ съ острова сырья. Итакъ, несчастная страна вынуждена была продать свою почву за тѣ товары, которые незадолго предъ тѣмъ она сама производила. Сельское населеніе, лишившись заработковъ и удобренія, съ каждымъ годомъ бѣднѣло и постепенно уменьшало посѣвы. Для уплаты налоговъ и для собственнаго пропитанія продается скотъ, что усугубляетъ бѣдствіе земледѣльцевъ. Въ теченіе шести лѣтъ число головъ рогатаго скота уменьшается на 834000! Задолженность быстро растетъ, имѣнія массами продаются съ молотка. Населеніе эмигрируетъ. Бывали года, что число эмигрантовъ достигало колоссальной цифры 200000 человѣкъ!

Кэри, на основаніи приведенныхъ нами и многихъ другихъ фактовъ, пришелъ къ прискорбному выводу, что тѣ страны, которыя начинаютъ вывозить сырые продукты, кончаютъ тѣмъ, что вывозятъ людей!.. Но вѣдь этому вывозу людей предшествуетъ полное обѣднѣніе страны. Она продолжаетъ продавать сырье, но не въ силахъ уже покупать издѣлій изъ того же сырья. Въ концѣ концовъ фабрикантамъ, которые ее снабжали своими произведеніями, приходится отыскивать новые рынки сбыта. Тамъ снова продѣлываются тѣ же манипуляціи хищенія: вывозится сырье, ввозятся фабрикаты. Новые рынки постепенно тоже бѣднѣютъ; взамѣнъ ихъ отыскиваются другіе и т. д., пока это возможно, пока есть еще народы, которымъ можно навязывать европейскіе фабрикаты путемъ удешевленія ихъ или путемъ насилій и завоеваній.

Итакъ, замѣна человѣка машиной создаетъ цѣлый заколдованный кругъ. Съ одной стороны, населеніе быстро увеличивается и, слѣдовательно, съ каждымъ годомъ потребность заработковъ растетъ, а съ другой — техника изощряется, какъ бы изобрѣсти болѣе усовершенствованныя машины, при помощи которыхъ можно было бы вовсе вытѣснить рабочій трудъ и тѣмъ удешевить фабричныя издѣлія.

Уменьшеніе числа рабочихъ для выдѣлки извѣстнаго количества товаровъ ведетъ къ тому, что съ каждымъ годомъ бо́льшая часть людей остается безъ заработка. Но всѣмъ нуженъ кровъ, всѣмъ нужно ѣсть и одѣваться. Остающіеся безъ работы являлись бы нежелательнымъ безпокойнымъ элементомъ. И вотъ причина, вынуждающая всѣ западно-европейскія государства увеличивать размѣры производства. Но достиженіе этого возможно, въ свою очередь, при двухъ условіяхъ: при увеличеніи пріобрѣтенія сырья и при обезпеченности сбыта готовыхъ издѣлій. Промышленныя государства, какъ Англія, посвящаютъ всю свою энергію на отысканіе такихъ рынковъ, гдѣ они могли бы закупать возможно болѣе сырья и сбывать свои произведенія. Англія съ полнымъ успѣхомъ и отыскивала такіе рынки во всѣхъ частяхъ свѣта. Но тутъ опять новая бѣда. Подобная эксплоатація рынковъ ведетъ, какъ мы видѣли, къ обѣднѣнію населенія тѣхъ странъ, которыя дѣлаются жертвами эксплоатаціи. Эти страны теряютъ способность покупать то же количество товара, и Англія вынуждена отыскивать все новые и новые рынки, тѣмъ болѣе, что производство ея должно расти въ силу большаго требованія заработковъ въ самой Англіи.

Замѣтимъ, что въ то же время и другія европейскія государства, которыя поняли, къ чему ведетъ вывозъ сырья и ввозъ фабрикатовъ, защищаются высокими таможенными пошлинами и тоже стремятся гигантскими шагами къ поднятію своей промышленности. Европейскія государства не только спѣшатъ отдѣлаться отъ ввоза чужеземныхъ товаровъ, но многія изъ нихъ достигаютъ, въ силу тѣхъ же причинъ, которыя дѣйствуютъ и въ Англіи, громаднаго перепроизводства. Имъ тоже нужны рынки сбыта своихъ издѣлій и тоже нужно сырье. Такимъ образомъ, теперь не одна Англія, а всѣ наиболѣе промышленныя страны изыскиваютъ всевозможные пути къ пріобрѣтенію колоній, которыя служили бы метрополіи этими рынками, на гибель однихъ и на обогащеніе другихъ. Безъ этихъ колоній промышленныя государ-

Digitized by Google

ства существовать не могутъ. Нынѣ колоніальная политика, — говоря дипломатическимъ языкомъ, — или, точнѣе выражаясь: политика хищенія является условіемъ бытія современныхъ, наиболѣе сильныхъ промышленныхъ государствъ: Англіи, Германіи и Франціи. На этотъ же путь вступаютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Японія. За ними же тянется Италія и болѣе мелкія государства.

Ясно, потребность въ рынкахъ, систематически разоряемыхъ, растетъ, а число ихъ не только увеличиваемо быть не можетъ, но постепенно сокращается. Гдѣ же брать безъ конца новые рынки? Вѣдь въ данную минуту нѣтъ клочка земли во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ бы промышленныя государства не занимались уже одной и той же эксплоатаціей. Разница лишь въ томъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ преобладающее право эксплоатаціи принадлежитъ одному какому-либо государству, тогда какъ въ другихъ идетъ еще борьба за преобладаніе.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и наибольшій въ мірѣ рынокъ — Китай. Онъ жилъ замкнуто, ни въ комъ не нуждался, производилъ все, что нужно было населенію, начиная отъ хлѣба и кончая предметами роскоши, и могъ бы прожить еще нѣсколько тысячелѣтій. Но наиболѣе промышленнымъ государствамъ некуда уже сбывать свои товары. Всѣ мѣста сбыта переполнены. А въ Китаѣ 400 милліоновъ жителей. Если на всякаго человѣка ввезти товаровъ, въ средней сложности, на 5 рублей, то вѣдь можно было бы сбыть въ одномъ Китаѣ всевозможныхъ товаровъ на 2 милліарда рублей! Два милліарда! — шутка сказать. Вѣдь это цифра общаго экспорта всей Англіи! Вѣдь на много, много лѣтъ обезпечены были бы сбытомъ всѣ государства, которыя не знаютъ что дѣлать со своимъ перепроизводствомъ!

И вѣдь расчетъ ввоза по 5 рублей на жителя вовсе не преувеличенный; Россія, которая достигла уже относительно высокой степени промышленнаго развитія, Россія, которая цѣнность ежегоднаго производства фабрикъ и заводовъ исчисляетъ уже почти въ 2 милліарда,—получаетъ еще заграничныхъ товаровъ приблизительно по 5 рублей на человѣка. Такъ какимъ же лакомымъ кускомъ является Китай, не имѣющій ни современныхъ фабрикъ, ни пушечныхъ заводовъ... и, главное, насчитывающій 400 милліоновъ жителей!..

Не удивительно, что западная Европа сосредоточиваетъ свои взоры на Китаѣ и ставитъ себѣ задачей во что бы то ни стало цивилизовать его, т.-е. развить въ немъ потребности въ европейскихъ товарахъ, пріучить Китай къ нашей роскоши, къ нашему разврату, къ нашему вооруженію... О томъ же, что 400-милліонный народъ, удовлетворявшій въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій своимъ потребностямъ, имѣетъ право, по чувству самосохраненія, оберегать себя отъ такой цивилизаціи,—никто, конечно, и слышать не желаетъ. «Нашимъ фабрикамъ нуженъ сбытъ,—вопіетъ вся Европа,—и изволь Китай покупать наши издѣлія.» «Намъ нужно сбывать опіумъ,—добавляетъ Англія, —изволь Китай разрушать здоровье своихъ гражданъ...» Но куда же дѣнется весь этотъ муравейникъ, если Китай, силою оружія, вынужденъ будетъ покупать европейскіе товары, а самъ долженъ будетъ отдавать свое сырье, лишаясь заработковъ? Неизбѣжнымъ результатомъ такого положенія будетъ вывозъ людей изъ самаго Китая, т.-е. всеобщая эмиграція, подобно тому, что было и продолжается теперь въ Ирландіи! Или же китайскій народъ вынужденъ будетъ защищать свою самостоятельность, ополчаясь противъ вторженія иностранцевъ въ ихъ жизнь и вызывая кровавыя смуты, подобно тѣмъ, которыя періодически загорались на Балканскомъ полуостровѣ до освобожденія славянъ, или подобно настоящему движенію боксеровъ въ самомъ Китаѣ.

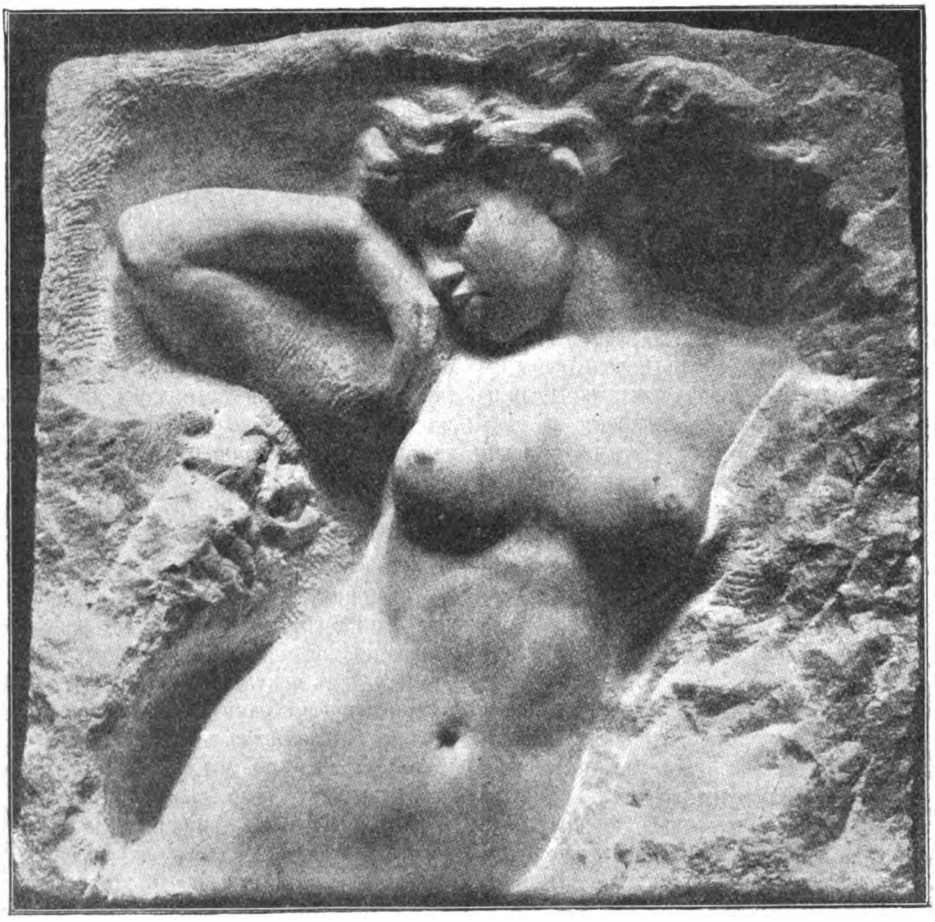
Какъ бы, однако, ни проявлялся протестъ Китая противъ порабощенія его промышленными государствами, одна Россія изъ всѣхъ постороннихъ зрителей будетъ страдательнымъ лицомъ. Если начнется повальная эмиграція, китайцы по неволѣ бросятся въ Россію,—имъ некуда болѣе дѣваться. Если же періодически начнутся смуты, на Россіи, какъ на ближайшемъ сосѣдѣ, наиболѣе онѣ будутъ отражаться. Мы понимали бы подобныя испытанія, если бы и мы участвовали въ общей политикѣ хищенія, если бы и мы стремились жить и обогащаться на счетъ Китая. Но Россія сама по себѣ представляетъ такой колоссальный рынокъ для сбыта своихъ фабрикатовъ, что обходится вовсе безъ Китая. Стоимость вывозимыхъ въ Китай нашихъ издѣлій немногимъ превосходитъ 4

Digitized by Google

милліона рублей, что является каплей въ морѣ. Такой вывозъ не ведетъ къ обѣднѣнію Китая, тѣмъ болѣе, что мы же потребляемъ его чая свыше чѣмъ на 40 милліоновъ. Значитъ, мы скорѣе способствуемъ еще поддержанію благосостоянія китайскаго народа, тогда какъ алчность наиболѣе промышленныхъ государствъ, вынуждая ихъ продолжать и развивать политику хищенія, угрожаетъ какъ Китаю, такъ косвенно и Россіи. Вотъ причины, почему мы признаемъ за Китаемъ его право самозащиты и почему страны съ наибольшимъ перепроизводствомъ требуютъ мщенія вѣроломному Китаю. «Онъ нарушаетъ основные принципы международнаго права! Онъ не желаетъ превратиться въ нашу дойную корову, несмотря на всѣ формальные мирные договоры!» Замѣтимъ кстати, — мирные договоры, подписанные подъ угрозою стальныхъ пушекъ.

Не правда ли, картина отвратительная, отталкивающая; но, увы, это одно изъ прямыхъ послѣдствій замѣны человѣка паровою машиной. Къ сожалѣнію, это только цвѣточки,—ягодки впереди.

О. Глинка-Янчевскій.



Спящая.
Мраморный горельефъ Макса Клингера.
(На Мюнхенской выставкѣ сецiонистовъ 1900 г.).

Digitized by Google

ЗАБАВЫ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ.

Съ рисунками **А. Кастенья.**

Бретонскій гавотъ.

I.

Дворецъ танцевъ.

День заурядного посѣтителя выставки дѣлится на двѣ совершенно различныя части. Прежде всего онъ идетъ осматривать тѣ отдѣлы, которые его интересуютъ какъ спеціалиста, напримѣръ, художественный, механическій, ювелирный или земледѣльческій. Если же у него нѣтъ никакой спеціальности, то, во всякомъ случаѣ, онъ принадлежитъ къ какой-нибудь національности и считаетъ своимъ долгомъ посмотрѣть на произведенія своего отечества. Американецъ прежде всего отправится въ павильонъ Соединенныхъ Штатовъ съ куполами и колоннадами въ стилѣ Вашингтонскаго Капитолія или на механическій дворъ въ Венсеннѣ, гдѣ вертятся и гудятъ могучія машины и гдѣ онъ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія смотрѣть на разнообразнѣйшія формы, принимаемыя тою

Digitized by Google

сталью, которую Питсбургъ разсылаетъ во всѣ концы міра. Нѣмецъ съ восторгомъ будетъ любоваться на прогрессъ, который сдѣлала промышленность его родной имперіи въ самое послѣднее время, и разсматривать увеличивающееся съ каждымъ годомъ число предметовъ, на которыхъ написано: «Сдѣлано въ Германіи», что такъ тревожитъ Англію. Всякій посѣтитель выставки, какой бы онъ ни былъ національности, считаетъ своею обязанностью пройти черезъ безконечныя галлереи, чтобы осмотрѣть громадное количество интересныхъ предметовъ. Онъ переходитъ съ Марсова Поля къ Инвалидамъ, съ лѣваго берега Сены на правый, отъ колоніальной выставки къ городской, отъ городской къ международной и, посвятивъ половину дня на эти скитанія, падаетъ отъ усталости и еле дышитъ. Тогда онъ отыскиваетъ ресторанъ и, усѣвшись передъ хорошимъ обѣдомъ, произноситъ со вздохомъ облегченія:

— Наконецъ-то, я исполнилъ свой долгъ; а теперь вечеръ, слава Богу, насталъ, такъ будемъ веселиться!

Въ предвкушеніи ожидаемыхъ развлеченій, съ такимъ же чувствомъ удовольствія вздыхаютъ сотни тысячъ народа, желающаго, послѣ труда осмотра выставки, позабавиться, — поглядѣть на что-нибудь новенькое.

Съ цѣлью забавить эти милліоны иностранцевъ, начиная отъ шаха персидскаго и принцевъ Дальняго Востока до жителей Орегона и Буэносъ-Айреса, отъ канадца до австралійца, отъ болгарина до шотландца, въ Парижъ явились съ сѣвера и юга, съ запада и востока всѣ тѣ, спеціальность которыхъ— забавлять толпу. Индія прислала своихъ баядерокъ, сверкающихъ золотыми и серебряными бляхами; Ява—своихъ священныхъ танцовщицъ, похожихъ на нѣжно-сложенныхъ идоловъ; изъ Алжирской пустыни явились глотатели огня; изъ Китая—замаскированные и шумные актеры; изъ залитой солнцемъ Испаніи гитаны, изсиня-черные волосы которыхъ рѣзко оттѣняютъ янтарную блѣдность ихъ лицъ; изъ Японіи пріѣхали самые ловкіе фокусники. Отовсюду стеклись въ Парижъ всѣ тѣ, кто выставляетъ себя на показъ, всѣ тѣ, которые поютъ, играютъ, танцуютъ, которымъ аплодируютъ и которыми восхищаются при искусственномъ освѣщеніи сцены.

Въ самомъ Парижѣ артисты, поэты, писатели и актеры соперничаютъ теперь въ изобрѣтательности; самыя остроумныя выдумки ихъ были оставлены про запасъ для нынѣшняго лѣта. Парижъ пользуется репутаціею, которую онъ долженъ поддержать. Иностранцы называютъ его «веселымъ Парижемъ». Кстати тутъ сказать, что Парижъ не только веселый,—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и серіозный, а подчасъ даже и трагическій городъ. Парижане работаютъ съ тою страстностью, съ какою ищутъ развлеченій. Но трудовой Парижъ не извѣстенъ иностранцамъ, и они вовсе не думаютъ о немъ, когда посѣщаютъ городъ-свѣтъ (la ville lumière).

Парижъ дѣйствительно веселый городъ, и онъ справедливо гордится этимъ. Мы живемъ на этой землѣ одинъ только разъ,—такъ неужели же намъ проводить всю эту жизнь въ однихъ только дѣлахъ и заботахъ! Разъ мы исполнили свою дневную задачу,—заработали свой хлѣбъ, будемъ смѣяться, потому что смѣяться имѣютъ право только люди. По части развлеченій иностранцы требуютъ отъ Парижской выставки гораздо болѣе, чѣмъ они стали бы требовать отъ Лондонской или Берлинской; и это кажется вполнѣ естественнымъ.

Что же даетъ выставка толпѣ въ смыслѣ удовольствій? Пройдемся по rue de Paris, подъ деревьями Cours la Reine, вдоль рѣки. Тутъ ослѣпительно иллюминованъ театръ, передъ которымъ поэты, драматическіе писатели или извѣстные актеры не стѣсняются обращаться иногда къ прохожимъ съ остроумной импровизированной выходкой. Далѣе— монмартрскіе поэты-пѣвцы, а по дорогѣ попадался наиновѣйшій театръ маріонетокъ. Тутъ стоитъ средневѣковый городъ съ колокольнями и цѣлыми улицами домовъ съ крутыми, нависшими остроконечными крышами, изъ-подъ которыхъ торчатъ кривыя водосточныя трубы. Но послѣдуемъ за толпой— и мы дойдемъ до зрѣлища, которое превосходитъ своими достоинствами всѣ многочисленныя забавы, придуманныя въ данный моментъ для удовлетворенія нашего любопытства,—до зрѣлища, которое всегда будутъ помнить иностранцы и которое увѣковѣчитъ память о блестящемъ и артистическомъ Парижѣ.

Лучшее изъ всего, что было придумано организаторами выставки, — это Дворецъ Танцевъ. Онъ даетъ такое зрѣлище, кото-

Digitized by Google

Римская сатурналія.

Digitized by Google

рымъ могутъ насладиться всѣ, какой бы они ни были національности. Но, какъ ни хороша мысль сама по себѣ, интересно то, какъ она осуществлена. Этотъ Дворецъ вовсе не даетъ намъ повторенія тѣхъ зрѣлищъ хореграфическаго искусства, какія мы можемъ видѣть и въ Лондонѣ, и въ Нью-Іоркѣ, не дубликатъ также художественныхъ балетовъ Парижской Оперы, который обязательно былъ бы ниже по достоинству этихъ балетовъ, исполняемыхъ танцорами и танцовщицами, которые обучаются съ двѣнадцатилѣтняго возраста, и дивами, получающими княжеское содержаніе. Устроители Дворца Танцевъ воспользовались рѣдкимъ случаемъ дать публикѣ зрѣлище танцевъ различныхъ національностей и различныхъ эпохъ.

Въ путеводителѣ одного нѣмецкаго музея орудій пытокъ говорится, что можно было бы прослѣдить исторію цивилизаціи, изучая страшные предметы, хранящіеся въ музеѣ. Это несомнѣнно, но вѣрно и то, что можно было бы такъ же хорошо, а, пожалуй, даже еще лучше написать исторію цивилизаціи по танцамъ, которые каждая нація придумала для своего удовольствія. Эта крылатая исторія, разсказываемая намъ танцами всѣхъ временъ, поэтична и очаровательна.

Для того, чтобы придать бо́льшую красоту зрѣлищу и устранить все то, что было бы слишкомъ дидактическимъ въ хронологической выставкѣ различныхъ эпохъ, во Дворцѣ Танцевъ поставлено три балета. Въ первомъ—«Кому корону?» исполняются современные танцы, — англійскіе, русскіе, италіанскіе, испанскіе, греческіе и т. д.; во второмъ — «Часъ пастуха», исполняются народныя пляски, — sabotière Бретани и веселый farandole Прованса; въ третьемъ, наконецъ,—«Царство танцевъ»—поставлены главнѣйшіе танцы древнихъ временъ.

Танцы существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ. Потребность производить тѣломъ ритмическія движенія такъ же присуща человѣку, какъ потребность кричать и пѣть. Первобытный человѣкъ выражалъ радость и благодарность за одержанную побѣду, исполняя тяжеловѣсные танцы передъ идолами. Позднѣе онъ также танцовалъ передъ храмами, украшенными статуями боговъ, но его танцы стали болѣе утонченными и сложными. Въ Греціи и въ Египтѣ танцы составляли священнодѣйствіе, и тутъ интересно отмѣтить постоянную связь между ними и религіею. Эта связь сохранилась даже въ первую эпоху христіанства, когда танцы исполнялись въ церквахъ во время нѣкоторыхъ обрядовъ богослуженія и на кладбищахъ. Жители Балеарскихъ острововъ и до сихъ поръ сохранили обычай танцовать во время религіозныхъ празднествъ.

Египетская наука была извѣстна всему свѣту, и египтяне любили изображать въ танцахъ, вѣроятно, медленныхъ и ритмическихъ, теченіе звѣздъ. Такой танецъ немыслимо, конечно, воспроизвести на нынѣшнихъ тѣсныхъ сценахъ, но зато во Дворцѣ Танцевъ воспроизведенъ болѣе извѣстный «танецъ осы». Танцовщица дѣлаетъ видъ, что ее укусила оса, — она ищетъ ее въ своей одеждѣ, частью сбрасывая ее съ себя, затѣмъ снова одѣваясь и исполняя все это въ тактъ музыкѣ, производимой мѣдными бубнами и цимбалами.

У художественныхъ грековъ танцы были тѣсно связаны съ устройствомъ народной и частной жизни и бывали или религіозными, или трагическими, или воинственными, или домашними. Они были священными передъ алтарями боговъ; въ театрѣ же, развертываясь въ изящныхъ процессіяхъ, они принимали подражательную форму и размѣренными жестами изображали чувства, которыя декламировалъ хоръ. Воинственные танцы изображали сраженія и, благодаря развиваемой ими въ тѣлѣ ловкости и гибкости, считались необходимымъ упражненіемъ для тѣхъ, кто предназначался къ карьерѣ воина. Домашніе танцы, сопровождаемые пѣснями и музыкой, исполнялись въ концѣ пира, такъ какъ флейтисты и танцоры для аѳинянина были такъ же необходимы, какъ послѣобѣденное краснорѣчіе необходимо для американца. Они появлялись повсюду,—и на праздникѣ жатвы, и при встрѣчѣ весны, и при сборѣ винограда. Они изображены въ точности и въ изобиліи на греческихъ вазахъ. Кромѣ того, танагрскія статуэтки увѣковѣчили для насъ совершенную грацію греческихъ танцовщицъ и гибкость ихъ тѣлъ, изящно окутанныхъ легкими тканями.

Современная Греція сохранила большее число своихъ древнихъ танцевъ, чѣмъ всѣ остальныя страны. Во Дворцѣ Танцевъ исполняется только мегаріанскій танецъ.

Digitized by Google

Испанскій танецъ.

Женщины въ бѣлыхъ одеждахъ, похожія на панаѳинейскихъ дѣвственницъ, соединенныя другъ съ другомъ посредствомъ шарфовъ, которые онѣ держатъ въ рукахъ, образуютъ длинный рядъ и танцуютъ, дѣлая пять на назадъ и три впередъ по косому направленію. Музыка для этого танца сочинена на мотивы народныхъ греческихъ пѣсенъ, которыя никогда не были изданы; ихъ искусно собрали для этого балета посредствомъ фонографа.

Танцы вообще доставляютъ двоякое удовольствіе: во-первыхъ, удовольствіе самому танцовать, ради естественной потребности въ ритмическомъ движеніи; во-вторыхъ, смотрящему танецъ доставляетъ зрительное наслажденіе. Греки, у которыхъ чувство гармоніи было врожденнымъ, никогда не при-

Digitized by Google

давали танцамъ значенія только какъ зрѣлищу. Въ торжественныя или веселыя минуты своей жизни они доставляли себѣ удовольствіе танцами, лично принимая въ нихъ участіе.

Римъ не даетъ ничего подобнаго. Римлянинъ счелъ бы унизительнымъ для своего достоинства предаваться танцамъ. Цицеронъ говоритъ, что только безумные могутъ танцовать. А потому въ Римѣ танцы существовали исключительно ради зрѣлища въ видѣ пантомимъ и балетовъ. Тѣ же танцы, въ которыхъ принимали участіе всѣ, были шумны и грубы. Сатурналіи даютъ яркій образецъ народныхъ празднествъ, на которыхъ рабы занимали мѣста своихъ господъ, прислуживавшихъ имъ. Впрочемъ, сатурналіи быстро превратились въ оргіи, на которыхъ закономъ служилъ только личный капризъ. Процессіи уродливыхъ личностей и замаскированныхъ фигуръ,—фавновъ и сатировъ, нимфъ и вакханокъ, перемѣшанныхъ безъ всякаго строя и порядка, импровизировали безсмысленные танцы, лишенные всякаго ритма.

Востокъ воспроизведенъ во Дворцѣ Танцевъ индійскими баядерками. Танцы ихъ, болѣе сладострастные, опять-таки имѣютъ значеніе только какъ зрѣлище и, какъ большинство восточныхъ танцевъ, могутъ быть допущены на европейскую сцену въ сильно измѣненномъ видѣ. Костюмъ баядерокъ состоитъ изъ обширныхъ шелковыхъ полосатыхъ шароваръ, доходящихъ имъ подъ мышки, а на голыхъ рукахъ надѣты браслеты. Искусно задрапированныя нѣжными, прозрачными тканями, танцовщицы эти изображаютъ подъ звуки медленной и монотонной музыки любовныя сцены, признанія, кокетство и отказы. Характерная прелесть индусскаго танца заключается въ томъ, что онъ исполняется однимъ только торсомъ,—голова же, руки и ноги не принимаютъ никакого въ немъ участія.

Изъ временъ древней Галліи взятъ «танецъ мечей». Танцующіе прыгаютъ черезъ нихъ, затѣмъ, поднявъ ихъ вверхъ, перекрещиваютъ, ударяютъ одинъ о другой и образуютъ разныя фигуры, дѣлая все это подъ тактъ музыки. Танецъ этотъ въ измѣненномъ видѣ существуетъ еще въ Шотландіи и въ провинціяхъ басковъ.

Дворецъ Танцевъ ничего не поставилъ изъ временъ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ то время существовали религіозные танцы, но возстановленіе ихъ принадлежало бы области археологіи. Организаторы же этихъ историческихъ танцевъ, руководствуясь самыми точными документами, старались дать вмѣстѣ съ тѣмъ не одно сухое возстановленіе, но красивое и живое зрѣлище.

Изъ танцевъ среднихъ вѣковъ поставлена la Branle, въ которой танцоры дѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ, затѣмъ поворачиваются, взявшись за руки и напѣвая одну изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, сохранившихъ прелесть наивности. Каждая провинція имѣетъ свою branle: лошадиную branle, гусиную и branle головешекъ. Послѣдняя и до сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи и танцуется вокругъ костровъ на площадяхъ или въ лѣсахъ въ первое воскресенье Великаго поста или наканунѣ Петрова дня.

Можно даже увидѣть branle на улицахъ Парижа, не входя во Дворецъ Танцевъ. Проходя по пустынному переулку въ Пасси или въ кварталѣ С.-Пьеръ-де-Шальо, можно наткнуться на кучку танцующихъ дѣвочекъ, распѣвающихъ при этомъ пѣсни стараго времени, о которомъ онѣ не имѣютъ, конечно, никакого понятія.

Nous n'irons plus aux bois;
Les lauriers sont coupés.

Эти танцы, безспорно, branle, сохранившаяся въ дѣтскихъ забавахъ.

Во Дворцѣ Танцевъ поставлены новые балеты въ стилѣ Возрожденія. Роскошь костюмовъ, великолѣпіе процессій, гармонія музыки и стиховъ, грація движеній и позъ,—все тутъ соединено, чтобы произвести дивное впечатлѣніе. Въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ при Дворахъ очень любили ставить великолѣпные балеты, въ которыхъ благоволили принимать участіе короли и королевы. Францискъ I, Карлъ V и Екатерина Медичи любили участвовать въ нихъ, а позднѣе и самъ «Король-Солнце»—Людовикъ XIV появлялся въ Версальскихъ балетахъ. Къ концу шестнадцатаго столѣтія относится возникновеніе прелестныхъ танцевъ — павона, менуэта и любимаго въ восемнадцатомъ столѣтіи гавота, которые мода возстановила въ самые послѣдніе годы и которые прекрасно исполняются теперь и въ театрахъ, и въ гостиныхъ. Этихъ танцевъ Дворецъ не нашелъ

Digitized by Google

нужнымъ ставить, такъ какъ его цѣлью было показать невиданное. Зато изъ эпохи семнадцатаго столѣтія онъ поставилъ танецъ шутовъ, взятый изъ балета, который шелъ при Савойскомъ дворѣ въ 1634 году. Онъ называется: «Истина—врагъ Показного» и въ немъ мы видимъ пристрастіе того времени къ сложнымъ аллегоріямъ. Тутъ являются «Ложныя извѣстія», «Скандалъ», «Плутовство», «Обманъ» и «Ложь». Въ

Отъ котораго птички дремлютъ на вѣтвяхъ,
А вода, серебристая, прозрачная вода фонтана
Рыдаетъ отъ восторга.

Въ балетахъ изображаются и народныя празднества. Вотъ одинъ изъ кермессовъ, увѣковѣченныхъ геніемъ Рубенса, съ ихъ шумнымъ весельемъ, чрезмѣрной радостью, съ грубою откровенностью ихъ игръ. Сидя на бочкѣ, играетъ скрипачъ, крестьяне пляшутъ на утоптанной землѣ, обнимаютъ дѣ-

Провансальская фарандола и тараска.

концѣ «Время» прогоняетъ «Показное» со всею его ложью и въ заключительномъ балетѣ появляется «Истина» въ сопровожденіи «Часовъ».

Персонажи вѣчной комедіи: арлекины, колумбины, пьерро и пифферари италіанскаго происхожденія. Пьерро оплакиваетъ свою горькую участь, но пляшетъ и хохочетъ; Колумбина любезничаетъ съ торжествующимъ арлекиномъ; трубы издаютъ высокіе и рѣзкіе звуки, а пары переплетаются и перемѣшиваются.

И пѣсни ихъ несутся къ лунному свѣту—
Тихому лунному свѣту, печальному и прекрасному,

вушекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ часто прикладываются къ стаканчику.

Въ заключеніе исполняются современные народные танцы. Они удержали свою первоначальную оригинальность. Всеуравнивающая мода не коснулась ихъ, и въ нихъ живы самыя древнія традиціи. Каждому человѣку, обладающему чутьемъ историческаго и сознаніемъ того, какими безчисленными нитями мы связаны съ прошлымъ, пріятно убѣдиться, что тѣ ритмическія движенія, которыя ему и теперь приходится видѣть и въ которыхъ онъ можетъ даже принимать участіе, выражали радость жизни и веселье его далекихъ предковъ.

Digitized by Google

Вотъ бретонскій гавотъ, оставшійся тѣмъ же, какимъ онъ былъ въ средніе вѣка; вотъ провансальскій фарандоль съ чудовищемъ «La Tarasque», пропитанный духомъ прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ точно такой, какимъ его танцуютъ и понынѣ въ залитыхъ солнцемъ пыльныхъ городкахъ Прованса. Тутъ овернскій танецъ «bourrée», а труппа басковъ воспроизводитъ любопытные мужскіе танцы, изъ которыхъ одинъ беретъ свое начало изъ «танца мечей» временъ кельтовъ.

Англія показываетъ своихъ извѣстныхъ клоуновъ и ловкую, быструю джигу. Россія—плосколицыхъ плясуновъ, которые прыгаютъ, вертятся на одной ногѣ и въ присядку перескакиваютъ черезъ сцену, между тѣмъ какъ остальная труппа поетъ или, вѣрнѣе, кричитъ, куріозно подергивая по временамъ плечами. Съ счастливыхъ береговъ Неаполитанскаго залива Италія перенесла сюда тарантеллу и сельскую пляску ресогée, въ которой пастухи выступаютъ подъ звуки своего рожка. Испанія одержала побѣду надъ всѣми. Толпѣ никогда не надоѣдаетъ смотрѣть на знакомые ей танцы. Тутъ фанданго со всей его обольстительной граціей и болѣе благородный и сдержанный болеро. Женщина танцуетъ качучу на столѣ. Тутъ исполняется и гуарача, которую можно видѣть теперь только на сценѣ.

Современная Греція сохранила нѣкоторые изъ своихъ древнихъ медленныхъ танцевъ, которые и исполняются во Дворцѣ. Но въ древности были и другіе греческіе танцы, болѣе живые, болѣе рискованные и даже вульгарные, какъ свидѣтельствуютъ о томъ греческія вазы. Образцы ихъ можно найти и въ новѣйшихъ греческихъ танцахъ.

Въ коллекціи народныхъ плясокъ не достаетъ «cake-walk». Этотъ танецъ навѣрное имѣлъ бы успѣхъ и показалъ бы европейцамъ, насколько американскій негръ одаренъ врожденною гибкостью и граціею съ примѣсью истиннаго комизма.

Если Америка не прислала негровъ, то она, во всякомъ случаѣ, торжествуетъ здѣсь въ лицѣ Лои Фуллеръ въ ея неподражаемой огненной пляскѣ. Это самое смѣлое и самое чудесное изобрѣтеніе въ области сценическихъ танцевъ. Великолѣпіе «арабскихъ ночей» блѣднѣетъ передъ волшебною роскошью этого тѣла, вокругъ котораго разбиваются безчисленныя волны пламени, непрерывно возобновляющіяся. Мракъ, заключающійся между міромъ сновидѣній и дѣйствительностью, Лои Фуллеръ наполняетъ незабвенными видѣніями.

Но Дворецъ Танцевъ не монополизировалъ танцы выставки; ихъ можно видѣть повсюду. Никогда не бывало такой шумной выставки. На каждомъ углу васъ осаждаютъ сильный барабанный бой, рѣзкая игра на флейтахъ и дудкахъ, на скрипкахъ и гитарахъ. Въ безчисленныхъ залахъ даютъ представленія иностранныя труппы: онѣ танцуютъ и въ марокскомъ павильонѣ, и въ турецкомъ, и въ персидскомъ, и въ китайскомъ, и на алжирской улицѣ, и въ Старомъ Парижѣ, и въ Испаніи временъ мавровъ. Точно всѣ обратились къ танцамъ съ требованіемъ, чтобы они воспроизвели въ живой формѣ прошедшую, давно утраченную цивилизацію.

Съ дальней окраины Алжира прибыли сюда женщины съ плотно закрытымъ лицомъ, такъ что видны только огненные глаза подъ дугообразными бровями, между которыми на темной кожѣ выдѣляется голубой цвѣтокъ.

Изъ Марокко пріѣхали труппы актеровъ, странствующихъ изъ одного кафе въ другой и живущихъ на тѣ милостыни, которыя имъ тамъ подаютъ. Ихъ сопровождаютъ громаднаго роста мужчины въ тюрбанахъ, съ которыми непріятно было бы встрѣтиться ночью на краю пустыни. Они исполняютъ «пляску мечей» въ ея первобытномъ видѣ.

Тутъ же расхаживаетъ шумная испанская труппа—Карменъ низшаго разбора, но, тѣмъ не менѣе, Карменъ, и недостаетъ только Мэримэ или Бизэ, чтобы ихъ увѣковѣчить. Онѣ всегда готовы внезапно влюбиться въ красиваго офицера и также готовы забыть его ради разукрашеннаго блестками тореадора.

Мысль изобразить танцами цивилизацію всего міра никогда не была осуществлена такъ полно, какъ въ «Tour du monde». Это громадная круглая панорама, задній фонъ которой состоитъ изъ полотна съ нарисованными на немъ восхитительными ландшафтами. Тутъ, напр., Греція съ Парѳеномъ или Пиреемъ, тамъ Испанія, далѣе Константинополь съ Босфоромъ, Японія съ прелестнымъ чайнымъ домикомъ и дѣтски-нѣжными мусмэ, наконецъ, Ява и Цейлонъ. Передъ каждымъ ландшафтомъ устроена сцена, на которой жители страны, нарисованной на полотнѣ, исполняютъ свои національные танцы. Это одно изъ интереснѣйшихъ зрѣлищъ.

Тутъ яванцы цвѣта пряника со своими кре-

Digitized by Google

шечными, но восхитительными женами. Онѣ приводили въ восторгъ художниковъ и были гвоздемъ выставки 1889 года. Головы ихъ украшены перьями, а нѣжное тѣло задрапировано мягкими тканями, при чемъ руки съ золотыми браслетами обнажены, потому что онѣ болѣе всего принимаютъ участія въ танцахъ, далеко непохожихъ на африканскія кривлянья и на слишкомъ выразительную мимику испанцевъ. Онѣ свертываютъ и развертываютъ руки и нагибаются въ тактъ странной мелодіи гамелонга, между тѣмъ какъ маленькіе яванцы садятся на корточки и въ тактъ ударяютъ одну о другую странной формы вазы, сдѣланныя изъ различнаго матеріала. Танцовщицы почти вовсе не двигаются и, холодныя, безстрастныя, изображаютъ своими руками священныя позы идоловъ. Этотъ танецъ въ явской деревушкѣ на выставкѣ 1889 г. былъ истиннымъ сновидѣніемъ, навѣяннымъ Дальнимъ Востокомъ.

Яванцы снова появились въ «Tour du monde», но тутъ они помѣщены между японцами и сингалезцами, близкое сосѣдство которыхъ разрушаетъ иллюзію. Они, правда, и тутъ танцуютъ, и тутъ видно ихъ изящество, но когда они прекращаютъ свои танцы и гамелонгъ умолкаетъ, сразу раздается варварская музыка сингалезцевъ, которые, въ свою очередь, принимаются плясать. Фантастически одѣтые въ шаровары различной ширины, они строятся въ процессію по одному человѣку въ рядъ и слѣдуютъ за вожакомъ, который имѣетъ видъ заклинателя и будто взываетъ къ невидимому для зрителей духу. Все это очень шумно и рѣзко подчеркнуто. Въ то время, когда исполняется это на сценѣ сингалезцевъ, маленькія яванскія богини сидятъ смирно, и ни одна изъ нихъ не любопытствуетъ взглянуть на пляску своихъ сосѣдей; ни одна изъ нихъ не повернетъ головы, чтобы посмотрѣть, что это за кривляющіеся люди съ грубыми голосами,—они точно вовсе не существуютъ для нихъ. Съ величественнымъ восточнымъ равнодушіемъ онѣ неподвижно сидятъ и ничего не видятъ, предаваясь невѣдомымъ мечтамъ. Онѣ не хотятъ видѣть людей, встрѣчу съ которыми случайность выставки устроила имъ на этой тѣсной сценѣ. Какая разница между этою чудесною безстрастностью маленькихъ яванокъ и нашимъ неугомоннымъ любопытствомъ! Они живутъ въ своемъ уголку для самихъ себя, слѣдуя совѣту Монтеня не заботиться о дѣлахъ сосѣда.

Итальянскій буфонъ.

Такая встрѣча столь различныхъ настроеній и размышленія о маленькихъ танцовщицахъ панорамы не составляютъ ли одну изъ интереснѣйшихъ «забавъ Парижской выставки»?

Digitized by Google

ЭМЕРСОНЪ.

(КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

Эмерсонъ — представитель чистѣйшаго идеализма въ міровой литературѣ. На родинѣ своей, въ Сѣверной Америкѣ, онъ пользуется огромной популярностью: его сочиненія распространены въ безчисленныхъ изданіяхъ по всей территоріи великой заатлантической республики, ихъ встрѣчаешь и на столѣ ученаго въ крупныхъ центрахъ «Новой Англіи», и въ книжномъ шкафу фермера, чиновника, коммерсанта въ захолустныхъ селеніяхъ среди пустынь и лѣсовъ «Далекаго Запада». Меркантильные и ультра-практическіе янки окружаютъ величайшаго изъ идеалистовъ-писателей культомъ обожанія, гордясь имъ, какъ лучшимъ духовнымъ достояніемъ американскаго народа, своею величайшей національной славой. Эмерсонъ давно признанъ корифеемъ сѣверо-американской литературы, великимъ національнымъ воспитателемъ и нравственнымъ вождемъ, наиболѣе глубокимъ мыслителемъ и выдающимся поэтомъ Соединенныхъ Штатовъ. За предѣлами своего отечества онъ имѣетъ также многочисленныхъ почитателей среди аристократіи ума, таланта и знаній: его любятъ и цѣнятъ вездѣ, гдѣ только все правдивое, прекрасное и доброе не чуждо человѣческому сердцу. Въ Англіи слава Эмерсона началась вскорѣ послѣ того, какъ имя Бостонскаго проповѣдника великихъ началъ правды, добра и красоты обошло отъ океана до океана всю равнину Сѣверо-Американскаго Союза: родину Шекспира и Карлейля авторъ знаменитыхъ литературныхъ опытовъ («Essays») взялъ, какъ говорятъ англичане въ подобныхъ случаяхъ, штурмомъ послѣ своего второго посѣщенія ея, результатомъ котораго явились его знаменитыя «Англійскія характеристики» («English Traits») и литературная дружба и переписка съ творцомъ «Сартора Ресартуса» (Карлейля). На континентѣ Европы литературная извѣстность Эмерсона начинается съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ XIX столѣтія. Французовъ впервые познакомили съ этимъ оригинальнымъ писателемъ переводы Монтегю. Въ Германіи, литература и философія которой имѣли огромное вліяніе на складъ міросозерцанія американскаго философа, Эмерсона, съ легкой руки Германа Гримма; Фридриха Шпильгагена и другихъ выдающихся литераторовъ, переводятъ, изучаютъ, любятъ уже болѣе сорока лѣтъ. Только у насъ, въ Россіи, имя знаменитаго писателя далеко не такъ популярно, какъ оно того заслуживаетъ: въ русскомъ пантеонѣ всемірной литературы ду-

Digitized by Google

ховный вождь сѣверо-американскаго народа, литературный Вашингтонъ Соединенныхъ Штатовъ еще не занялъ подобающаго ему мѣста. Насколько намъ извѣстно, на русскомъ языкѣ очень мало, если вообще что-либо цѣльное и оригинальное, напечатано обо Эмерсонѣ; многочисленныя его сочиненія ждутъ еще русскаго перевода, добросовѣстное исполненіе котораго — задача весьма нелегкая—окажется цѣннымъ вкладомъ и большою заслугой передъ отечественной словесностью. Кромѣ вышедшаго въ концѣ шестидесятыхъ годовъ изъ-подъ пера одной русской писательницы, довольно вольнаго перевода его «Representative Men» и нѣкоторой части его «Опытовъ», да помѣщеннаго въ «Московскомъ Сборникѣ» К. П. Побѣдоносцева коротенькаго этюда «Дѣла и Дни» изъ томика статей, озаглавленнаго «Общество и Одиночество», мы ничего больше изъ богатаго литературнаго наслѣдія Эмерсона не встрѣтили въ нашей переводной литературѣ.

Предстоящія строки имѣютъ цѣлью дать читателямъ біографическій и литературный портретъ этого замѣчательнаго писателя, выдающіяся творенія котораго вскорѣ появятся въ русскомъ переводѣ на страницахъ нашего журнала.

I.

Чтобы составить себѣ надлежащее представленіе о томъ обаяніи, какимъ Эмерсонъ пользуется у своихъ соотечественниковъ, нужно знать громадное вліяніе, оказанное имъ на духовный прогрессъ и умственную культуру Соединенныхъ Штатовъ. Интеллектуальный уровень сѣверо-американской жизни стоялъ очень низко въ началѣ XIX столѣтія. Молодой народъ, недавно лишь завоевавшій свою политическую независимость, окружённый небывало благопріятными экономическими условіями, съ пыломъ и увлеченіемъ юнаго богатыря весь отдался стремленію къ матеріальному росту и благоденствію. Складъ національнаго генія, умственная жизнь и идеалы общества сразу получили узко-практическое направленіе: цѣлью всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, подъ сѣнью государственнаго режима, основаннаго на принципахъ абсолютнаго равенства всѣхъ передъ закономъ, верховнаго народовластія и индивидуальной самодѣятельности, стали богатства, матеріальныя блага и увеличеніе удобствъ жизни. Національная энергія, умъ и воля американцевъ устремились исключительно на практически-полезное, на задачи, дающія непосредственные матеріальные результаты. Всѣ общественныя и индивидуальныя стремленія носили узко-утилитарный характеръ чего-то торгово-промышленнаго, инженерно-спекулятивнаго. То, что придаетъ истинную красу и отраду жизни,—литература, философія, искусства,—пребывало въ довольно заброшенномъ и прозябающемъ состояніи. Какой-либо оригинальности и самобытности сѣверо-американскаго духа въ этихъ областяхъ не было и слѣда. Послѣднимъ изъ литературныхъ могиканъ, выросшихъ въ великую эпоху Вашингтона и Франклина, на небосклонѣ юной американской словесности блисталъ талантливый авторъ юмористической «Исторіи Нью-Іорка, написанной Короткопанталонникомъ», Вашингтонъ Ирвингъ. Во всѣхъ областяхъ умственной жизни чувствовалась зависимость и рабская подражательность Старому Свѣту. Какъ въ области модъ и изящнаго, такъ и въ литературѣ, философіи и искусствѣ Европа являлась для американцевъ законодательницей. Достигнувъ политической автономіи, Соединенные Штаты въ духовномъ отношеніи продолжали оставаться подчиненной колоніей Англіи, и литературно-художественные вкусы и теченія въ старой метрополіи служили образованнымъ классамъ сѣверо-американскаго общества руководящими образцами. Этому порабощающему вліянію Англіи не мало, конечно, содѣйствовалъ общій обѣимъ странамъ языкъ. Американская живопись, равно и поэзія ограничивались лишь воспроизведеніемъ внѣшнихъ формъ и проявленій природы; сокровенная суть бытія, метафизическая основа и смыслъ жизни не привлекали въ свои таинственныя нѣдра творческихъ порывовъ художественнаго генія американцевъ. И въ области сверхчувственнаго, внутренняго опыта, въ сферѣ религіозной, воззрѣнія и стремленія американцевъ застыли въ формахъ и традиціяхъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ-пуританъ. Внесенный въ колоніи Новаго Свѣта гонимыми изъ Англіи «отцами-пилигримами», суровый кальвинизмъ слишкомъ мрачно смотрѣлъ на суету мірскую и слишкомъ серіозно относился къ жизни: область прекраснаго и всего жизнерадостно настраивающаго никогда не пользовалась его фаворомъ. А между тѣмъ съ

Digitized by Google

гигантскимъ экономическимъ прогрессомъ страны, съ ростомъ національнаго богатства, нарождались какъ потребности высшаго порядка, такъ и матеріальная возможность все большаго ихъ удовлетворенія; пробуждались интересы эстетическіе, на которые суровыя религіозныя традиціи прошлаго продолжали коситься. Отсюда начало разлада между потребностями и влеченіями души ко всему прекрасному земному и возрощенными господствующей религіозной догмой императивами отрицательнаго отношенія къ мірскому, суетному ради неизвѣстнаго прекраснаго по ту сторону земной жизни. Не находя удовлетворенія въ суровомъ ученіи традиціоннаго кальвинизма и его многочисленныхъ сектъ, образованные умы въ своихъ поискахъ разрѣшенія «проклятыхъ вопросовъ» жизни ударялись въ философскій скептицизмъ Локка. Съ другой стороны, широко распространяющіяся среди населенія, благодаря богатырскому экономическому росту демократіи, эпикурейскія привычки и потребности не могли не возмущать въ духовенствѣ присущаго ему духа пуританскаго аскетизма. Чтобы противостоять все усиливающейся волнѣ религіознаго индифферентизма, скептицизма и стремленій исключительно къ земнымъ благамъ, духовные пастыри сѣверо-американскаго народа выступили противъ этихъ теченій съ удвоенной нетерпимостью, доведя гнетъ своего религіознаго авторитета до предѣловъ церковной тиранніи. Реакція противъ послѣдней не замедлила сказаться въ необычайномъ ростѣ новой секты унитаріевъ, ученіе которыхъ, перенесенное въ концѣ XVIII столѣтія бѣжавшимъ изъ Англіи отъ преслѣдованій толпы и правительства знаменитымъ богословомъ и химикомъ Пристлеемъ, нашло въ лицѣ его выдающихся послѣдователей, Чаннинга и Теодора Паркера, весьма успѣшныхъ апостоловъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ картина умственнаго и культурнаго состоянія сѣверо-американскаго общества въ началѣ истекающаго столѣтія. Жизнь его, по выраженію одного англійскаго писателя, была насквозь проникнута духомъ индустріализма и утилитарныхъ воззрѣній, скована цѣпями «принятаго» и условнаго, отличалась въ сферѣ религіозной чистымъ формализмомъ либо холодной разсудочностью, въ области искусства—отсутствіемъ оригинально-творческаго воображенія, въ литературѣ—подражательностью и низкимъ уровнемъ вкуса.

II.

Но вотъ на духовномъ горизонтѣ сѣверо-американской жизни появился проповѣдникъ,—экклезіастъ въ полномъ значеніи этого слова, не только по своей первоначальной профессіи, но и по своему духу и призванію. Съ первыхъ же своихъ проповѣдей, какъ на церковной каѳедрѣ, такъ и на свѣтской трибунѣ публичнаго оратора и на литературной аренѣ, Эмерсонъ обратилъ на себя удивленные взоры соотечественниковъ, которыхъ онъ призывалъ сбросить съ себя историческое иго интеллектуальной зависимости отъ Европы; къ его голосу мало-помалу сталъ прислушиваться весь народъ, вѣру въ молодыя силы котораго онъ старался зажечь, указывая на лежащіе передъ нимъ самостоятельные пути духовнаго творчества, и не прошло 10—15 лѣтъ, какъ когда-то скромный священникъ второй унитаріанской церкви въ Бостонѣ выросъ въ національнаго воспитателя и духовнаго вождя. Результатомъ его ученія явился полный переворотъ въ выше очерченныхъ незавидныхъ условіяхъ умственной жизни сѣверо-американскаго общества, передъ которымъ Эмерсонъ открылъ новые горизонты игнорируемаго до тѣхъ поръ умственнаго и нравственнаго идеала [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію ученія и міросозерцанія Эмерсона, явившагося словно оазисомъ въ пустынѣ и засіявшаго

---

[1]) Нельзя, конечно, утверждать, что Эмерсону исключительно интеллигентные классы Соединенныхъ Штатовъ обязаны своимъ умственнымъ пробужденіемъ и подъемомъ. Этому пробужденію и подъему содѣйствовалъ рядъ выдающихся литературныхъ дѣятелей, вліяніе которыхъ начало чувствоваться съ 1820 г.; таковы Брайантъ, вышеупомянутый Ирвингъ, Куперъ, Чаннингъ—личность необыкновенно глубокаго ума и нравственной силы, даровитый лекторъ Эдвардъ Эвереттъ и др. Но они, по выраженію одного выдающагося англійскаго критика, не создали того, что можно было бы назвать золотымъ вѣкомъ американской литературы; они лишь создали для нея аудиторію, подготовили почву, на которой національное творчество могло вырости и расцвѣсть. Главный и самый могучій толчокъ литературѣ по направленію къ этому вѣку далъ Эмерсонъ; онъ же явился вождемъ и регуляторомъ этого литературнаго движенія.

Digitized by Google

лучезарною звѣздой идеализма надъ кромѣшной сѣтью практической американской жизни, прослѣдимъ жизненный путь и судьбу этого замѣчательаго писателя.

Ральфъ Вальдо Эмерсонъ родился въ Бостонѣ 25-го мая 1803 г. третьимъ сыномъ у тамошняго унитаріанскаго проповѣдника Уильяма Эмерсона. Восемь поколѣній пуританскихъ священниковъ значится въ его родословномъ древѣ. На глашатаѣ великихъ началъ нравственности и красоты, Эмерсонѣ, вполнѣ оправдывается положеніе, высказанное относительно философовъ другимъ конгеніальнымъ ему и глубоко симпатизирующимъ, хотя во многомъ радикально съ нимъ расходящимся философскимъ геніемъ, Фридрихомъ Нитцше (тоже сыномъ священника). «Для каждаго высокаго, возвышеннаго міра,—говоритъ Нитцше, — надо быть предназначеннымъ отъ рожденія; яснѣе выражаясь, надо быть для него естественно подобраннымъ, взрощеннымъ природою: право на философію—понимаемую въ высокомъ смыслѣ этого слова—людямъ дается происхожденіемъ, и здѣсь предки, «кровь» являются рѣшающимъ моментомъ. Много поколѣній должно подготовить своею работой появленіе грядущаго философа; каждое изъ его превосходствъ должно быть отдѣльно усвоено, культивируемо, передаваемо по наслѣдству, врождаемо; не одинъ лишь смѣлый легкій, нѣжный ходъ и бѣгъ его мыслей, но прежде всего готовность къ великимъ отвѣтственностямъ, орлиный взмахъ крыльевъ мысли и высота всеохватывающихъ взоровъ, чувство оторванности отъ толпы съ ея обязанностями и добродѣтелями, благодушная охрана и защита всего, что ложно понимается и подвергается клеветѣ, будь то Богъ, будь то сатана—удовольствіе и упражненіе въ великой справедливости, искусство повелѣванія, широкій просторъ воли, пристальный, медленный глазъ, рѣдко предающійся удивленію, рѣдко поглядывающій вверхъ, рѣдко любящій...» Всѣ или почти всѣ эти условія мы увидимъ совмѣщенными въ духовной организаціи Эмерсона. Въ его жилахъ текла кровь цѣлаго ряда поколѣній «упорно трудящихся, борющихся и страдающихъ проповѣдниковъ». Старый церковный домъ въ Конкордѣ, въ которомъ Эмерсонъ нашелъ впослѣдствіи второй семейный очагъ, выстроенъ былъ его дѣдомъ, священникомъ. Отца своего нашъ философъ лишился въ

Эмерсонъ.

Digitized by Google

раннемъ дѣтствѣ, и воспитаніемъ маленькаго Ральфа занялись три женщины: его мать, тетка Мэри Муди Эмерсонъ и учительница Сара Брэдфордъ. Всѣ онѣ оказали громадное вліяніе на его духовное развитіе и складъ его характера; онѣ воспитали мальчика въ строгихъ правилахъ неуклоннаго исполненія долга, труда и воздержности. Что за личность была его тетка Мэри и какой глубокій слѣдъ она оставила въ душѣ Эмерсона, можно судить по его собственнымъ словамъ. «Она,— говоритъ онъ,— всегда должна сохранить мѣсто святой въ моемъ душевномъ мірѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ я позналъ поэзію и философію, я не знаю ни одного часа поэтическаго и философскаго вдохновенія, въ которомъ бы она не являлась моимъ добрымъ геніемъ.» Портретъ этой замѣчательной женщины, склонности и душевный складъ которой влились множествомъ незамѣтныхъ каналовъ въ духовную личность Эмерсона (не только благодаря ея воспитательному вліянію, но и, несомнѣнно, въ силу близкой наслѣдственности), философъ на склонѣ своихъ лѣтъ (въ 1869 г.) изобразилъ въ прочитанной имъ, по приглашенію «Дамскаго клуба» въ Бостонѣ, лекціи, въ которой далъ удивительно художественную характеристику своей необыкновенной тетки.

Мэри Муди Эмерсонъ, родившаяся незадолго до возстанія сѣверо-американскихъ колоній противъ англійскаго ига, ребенкомъ была привезена изъ Конкорда отцомъ своимъ, тамошнимъ унитаріанскимъ священникомъ (дѣдомъ философа), къ бабушкѣ на ферму въ Мольденъ. Отецъ отправлялся въ качествѣ полкового капелана на театръ военныхъ дѣйствій въ Трикондерогу и впредь до своего возвращенія оставилъ ребенка на попеченіе своей матери. Но вскорѣ онъ умеръ на войнѣ отъ тифа, и дѣвочка все свое дѣтство и юность провела въ домѣ своей бабушки, а послѣ ея смерти—дочери послѣдней, своей тетки, рѣдко навѣщаемая своими братьями и сестрами. Мать ея, между тѣмъ, вторично вышла замужъ за д-ра Рипли, занявшаго священническое мѣсто ея мужа въ Конкордѣ, и обзавелась новою семьей. Къ характеристикѣ дѣвочки слѣдуетъ упомянуть о слѣдующемъ эпизодѣ въ ея раннемъ дѣтствѣ: будучи представлена въ Портлэндѣ знаменитому французскому генералу Лафайету, герою войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ, маленькая Мэри заявила ему, что и она взяла въ руки оружіе («she was in arms»), когда ея соотечественники дрались при Конкордѣ. Въ незавидныхъ условіяхъ протекли ея дѣтство и молодость: ей выпала на долю вѣчная борьба съ матеріальными невзгодами, и притомъ не столько личными, сколько съ нуждой, преслѣдовавшею на фермѣ въ Мольденѣ ея тетку и дядю, а также многочисленныя семьи ея близкихъ родныхъ въ Конкордѣ и Бостонѣ, среди которыхъ она появлялась добрымъ геніемъ. Унаслѣдовавъ отъ тетки названную ферму, доходъ съ которой еле покрывалъ расходы, она вскорѣ ее продала, переселилась въ Мэнъ, и съ тѣхъ поръ пошли ея скитанія то по роднымъ, то, большею частью, по чужимъ людямъ, преимущественно семьямъ священниковъ, гдѣ она нанимала себѣ квартиру со столомъ. Во время этихъ скитаній одна полоса ея жизни прошла въ домѣ овдовѣвшей матери нашего философа, въ дѣтствѣ котораго она и сыграла столь значительную роль. Среди лишеній, трудовъ, не брезговавшихъ самою черною работой, и постоянной борьбы изъ-за куска хлѣба, Мэри Муди Эмерсонъ находила время много читать, заниматься своимъ самообразованіемъ, задумываться надъ глубочайшими вопросами жизни, черпать изъ общенія съ окружавшими ее въ Мэнѣ красотами природы чистѣйшіе восторги и уноситься мыслью въ надвѣздныя выси идеала. Слѣды этой умственной дѣятельности и душевныхъ настроеній сохранились въ ея дневникѣ, выдержки изъ котораго ея племянникъ приводитъ въ вышеупомянутой лекціи. Объ ея поразительной для того времени образованности и начитанности можно судить по тому, что въ числѣ ея любимыхъ и хорошо ею изученныхъ авторовъ Эмерсонъ указываетъ прежде всего на труды извѣстныхъ богослововъ и Библію, а затѣмъ на Платона, Аристотеля, Плотина, Марка Аврелія, Стюарта, французскаго гегеліанца Кузена, Гердера, Локка, г-жу де-Сталь, Чаннинга, Мэкинтоша, Мильтона, Байрона и др.

Эта женщина была полна религіознаго экстаза, неудержимаго влеченія къ чему-то высшему, идеальному, неземному. Въ то время она обладала удивительнымъ психологическимъ чутьемъ, знаніемъ людей и жизни и рѣдкимъ практическимъ смысломъ. Умъ ея необыкновенно быстро схватывалъ

Digitized by Google

самые сложные вопросы, и всякое дѣло, за которое она бралась, кипѣло у нея подъ руками. Этой необыкновенной быстротой мысли и рѣдкими многосторонними способностями объясняется ея крайняя нетерпѣливость по отношенію къ чужимъ мнѣніямъ и дѣйствіямъ. Она была рѣзка въ своихъ сужденіяхъ, нелицепріятна и правдива въ своихъ отзывахъ о людяхъ и вещахъ. Личность ея съ перваго раза производила неотразимое впечатлѣніе, обвораживала, увлекала, поражала, но вскорѣ и пресыщала и нѣсколько охлаждала, благодаря ея импульсивному темпераменту, заставлявшему ее неэкономно распоряжаться и быстро растрачивать громадный запасъ ея остроумія, юмора и эрудиціи. Она это сознавала, а потому и не любила долго останавливаться на однихъ и тѣхъ же знакомствахъ и дружескихъ отношеніяхъ, находя особое удовлетвореніе въ процессѣ завоеванія чужихъ симпатій и поклоненія, въ побѣдѣ надъ сердцами людей, и нисколько не дорожа прочностью и продолжительностью этихъ побѣдъ. Мэри Муди Эмерсонъ была сама самодѣятельность; свою независимость она ставила выше всего на свѣтѣ. Она пользовалась дружбой и уваженіемъ выдающихся людей. Молодость, красоту, успѣхъ, талантъ, дарованіе, изящество манеръ она боготворила и въ поклоненіи, безъ всякаго чувства зависти, этимъ духовнымъ благамъ и ихъ обладателямъ находила величайшее удовлетвореніе. Ей представлялись случаи выйти хорошо замужъ; разъ даже ей было сдѣлано предложеніе человѣкомъ выдающимся, во всѣхъ отношеніяхъ ея достойнымъ; но, послѣ нѣкотораго колебанія, она отказалась отъ этой блестящей партіи, чувствуя, что она не рождена для супружескаго ига. Но зато Мэри Эмерсонъ представляла собой идеальную тетушку, сестру, невѣстку. На молодежь она имѣла громадное вліяніе; наставленія, которыя она обыкновенно давала молодымъ дѣвушкамъ и юношамъ, были такого содержанія: «Не обращайте вниманіе на мелочи; стремитесь къ возвышеннымъ цѣлямъ; дѣлайте то, что вамъ боязно дѣлать; возвышенность характера вырабатывается благородными мотивами.»[1])

Такова была первоначальная руководительница и воспитательница юнаго Ральфа Вальдо. Своею недюжинною индивидуальностью она наложила глубокую печать на духовный складъ и направленіе своего питомца: ея мысли, воззрѣнія, афоризмы не разъ повторяются въ его философско-житейскихъ размышленіяхъ[1]).

Мать Эмерсона Руѳь Хэскинсъ была женщина рѣдко спокойнаго, уравновѣшеннаго характера, съ необычайною выдержкой и терпѣніемъ, съ здравымъ житейскимъ умомъ. Отъ нея Ральфъ унаслѣдовалъ, кромѣ спокойнаго, свѣтлаго нрава («галкіонической—halkyonisch—души»,—сказалъ бы Нитцше), прекрасныя, до глубокой старости сохранившія слѣды красоты черты лица (удивительно напоминающаго лицо Рихарда Вагнера, хотя съ болѣе мягкимъ, привѣтливымъ выраженіемъ) и чудный мелодичный голосъ, немало содѣйствовавшій его славѣ оратора. Руѳь Эмерсонъ была образцовой и энергичной хозяйкой, умѣвшей сводить концы съ концами, несмотря на крайне печальное матеріальное положеніе, въ которомъ она въ 1811 году, послѣ смерти мужа, очутилась молодою вдовой съ шестерыми дѣтьми на рукахъ. Два брата Эмерсона, Эдвардъ и Чарльзъ, преждевременно умерли; первый изъ нихъ, по сохранившимся о немъ воспоминаніямъ, представлялъ собою идеалъ мужской красоты, производилъ своею личностью неотразимое впечатлѣніе и, въ противоположность нашему философу, былъ полонъ страстной кипучей дѣятельности, «рожденный для предводительствованія людьми». Его постигла душевная болѣзнь въ 1828 году, отъ которой онъ, однако, оправился, послѣ чего прожилъ всего шесть лѣтъ и умеръ въ Порторико. Третій братъ Эмерсона, Робертъ, страдалъ слабоуміемъ всю жизнь. Вообще

---

[1]) Объ отношеніяхъ племянника къ ней можно судить по тому, что онъ пишетъ: «Я радъ, что дружба тети Мэри со мною растетъ. Какъ представленіе высокой трагедіи, чтеніе истинно-поэтическаго произведенія или повѣсти въ родѣ «Коринны», такъ и ея общество электризуетъ и, словно гроза, очищаетъ душу. Она представляетъ собою не кодексъ практическихъ правилъ и не какую-либо правильную систему богословской или свѣтской философіи, а Библію, смѣшаннаго и разнообразнаго содержанія, но единую по духу, гдѣ можно найти осуждающіе приговоры, завѣты, обязательства любви, лишающія всякаго смысла мудрое устройство міра и всемогущество Бога.»

[1]) Только-что приведенная характеристика ея племянникомъ въ значительной степени примѣнима и къ его собственной личности.

Digitized by Google

семья нашего мыслителя довольно богата случаями разстройства и ненормальности умственныхъ способностей (къ таковымъ можно еще причислить помѣшанную тетку отца Эмерсона), что невольно заставляетъ вспомнить смѣлую и очень спорную теорію Ломброзо о родствѣ генія съ безуміемъ. У Эмерсона былъ еще одинъ братъ, Уильямъ, изучавшій въ Германіи богословіе и, между прочимъ, посѣтившій Гете, прося его разъяснить ему нѣкоторыя религіозныя сомнѣнія. Благоговѣніе передъ великимъ нѣмецкимъ поэтомъ, видимо, являлось у Эмерсоновъ семейнымъ чувствомъ.

Дѣтство будущаго американскаго философа прошло въ лишеніяхъ и усердномъ ученіи подъ строгою ферулой его воспитательницъ. Сантиментамъ въ воспитательной системѣ не давалось тогда мѣста: ни со стороны рано умершаго отца, ни со стороны матери и тетки, считавшихъ по обычаю того времени необходимымъ скрывать подъ маской строгой требовательности свои теплыя чувства къ дѣтямъ, маленькій Ральфъ не зналъ никакихъ ласкъ и нѣжностей. Съ первыхъ проблесковъ сознанія сталкиваясь съ житейскими невзгодами и лишеніями, сызмала пріученный къ строгому порядку и дисциплинѣ, онъ рано привыкъ сосредоточиваться, уходить въ самого себя, держась въ сторонѣ отъ сверстниковъ, не раздѣляя съ ними обычныхъ радостей и печалей дѣтскаго міра.

Не только наслѣдственность, но и условія жизни съ самаго дѣтства располагали его къ замкнутости и созерцательности; еще ребенкомъ онъ началъ жить больше своимъ внутреннимъ міромъ и смотрѣть на суровую дѣйствительность сквозь призму своихъ дѣтскихъ грезъ и мечтаній, глазами своего богатаго, но безстрастнаго воображенія. Въ этомъ складѣ его дѣтскаго сознанія кроется уже зародышъ непоколебимаго, убѣжденнаго идеализма, свѣтившаго ему неизмѣнно на всемъ его жизненномъ пути. Центральный смыслъ всего окружающаго, основной ключъ къ объясненію жизни и міра Эмерсонъ съ самаго дѣтства привыкъ искать въ себѣ самомъ, въ сокровенныхъ нѣдрахъ своего «я». Онъ сызмала жилъ больше среди абстрактныхъ истинъ и принциповъ, чѣмъ среди конкретныхъ фактовъ, и только здравый житейскій смыслъ позволялъ ему правильно судить объ явленіяхъ практической дѣйствительности. Условіями дѣтства, помимо наслѣдственности, можно также объяснить развившееся въ немъ тяготѣніе къ «священной пустынѣ созерцательнаго уединенія» и способность «съ привѣтливою улыбкой на устахъ чувствовать, находясь среди толпы, независимость своего душевнаго одиночества.» Объ его ранней склонности къ уединенію и мечтательности свидѣтельствуютъ въ своихъ воспоминаніяхъ его школьные товарищи. Самъ Эмерсонъ въ 1839 году пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Когда мнѣ было 13 лѣтъ, мой дядя Самюель Рипли обратился ко мнѣ однажды съ вопросомъ: «Отчего это, Ральфъ, всѣ мальчики тебя не любятъ и не могутъ съ тобою ладить, тогда какъ взрослымъ ты такъ нравишься?» Теперь мнѣ 36 лѣтъ, и это отношеніе ко мнѣ людей оказывается какъ разъ обратнымъ: старые люди относятся ко мнѣ съ подозрительностью и нелюбовью, а молодежь меня любитъ.»

Къ замкнутости и одиночеству его въ значительной степени располагали ненасытная любовь къ знанію и желѣзное трудолюбіе, которыя онъ проявлялъ съ самаго ранняго возраста. Все свободное отъ школьныхъ занятій время маленькій Ральфъ, если только ему не приходилось съ братьями бѣгать по разнымъ хозяйственнымъ порученіямъ матери, проводилъ въ чтеніи попадавшихся ему подъ руку книгъ, большею частью духовнаго и историческаго содержанія. «Желѣзное кольцо бѣдности и суровой нужды», какъ онъ выражается въ одномъ мѣстѣ, закалило его и его семью въ трудѣ, скромныхъ потребностяхъ и воздержаніи.

По окончаніи подготовительной школы въ Бостонѣ, Эмерсонъ поступилъ въ 1817 г. въ знаменитый Гарвардскій колледжъ, гдѣ въ чистой трудовой жизни, не возмущаемые никакими излишествами и отклоненіями отъ намѣченнаго пути, мирно и свѣтло протекли его ученическіе годы. На школьной скамьѣ онъ сталъ обнаруживать недюжинный стихотворный талантъ и усердно работалъ надъ усовершенствованіемъ своего стиля, упражняясь въ искусствѣ литературнаго изложенія мыслей. Готовя себя къ проповѣднической дѣятельности, онъ также упражнялся въ декламаціи и риторикѣ. Къ математикѣ Эмерсонъ не обнаруживалъ никакихъ способностей; точно такъ же неважно шло его философское развитіе. Онъ много читалъ,

Digitized by Google

довольно основательно ознакомился съ англійской драматической литературой, зачитывался историческими трудами и мемуарами. Любимыми авторами его въ стѣнахъ колледжа были отецъ англійской поэзіи Чосеръ и великій житейскій философъ-скептикъ Монтэнь, котораго онъ впослѣдствіи помѣстилъ въ галлереѣ своихъ «Представителей человѣчества». Въ теченіе этого періода своей жизни онъ также положилъ основаніе своему знакомству съ многочисленными произведеніями Плутарха и столь родственной ему по духу философіей Платона. Удостоенный ученой степени, Эмерсонъ непродолжительное время учительствовалъ въ одной школѣ, затѣмъ изучалъ спеціально богословіе, выдержалъ экзаменъ на званіе проповѣдника и въ 1829 году назначенъ былъ викаріемъ, а годъ спустя ординарнымъ священникомъ второй унитаріанской церкви въ Бостонѣ. Вскорѣ послѣ того Эмерсонъ женился на восемнадцатилѣтней красавицѣ Элленъ Тукеръ изъ Бостона, славившейся также рѣдкими душевными качествами и талантами, но отличавшейся крайне слабымъ здоровьемъ. «Я видѣлъ ее,—пишетъ Эмерсонъ,—во всей ея красѣ, и она меня ни разу и ни въ чемъ не разочаровала, кромѣ своей смерти.» Черезъ мѣсяцъ послѣ помолвки она заболѣла чахоткой. Эмерсонъ на ней женился сейчасъ же по назначеніи его священникомъ упомянутой церкви, но не прошло полутора лѣтъ ихъ супружества, какъ она умерла, «всѣми, кромѣ него, забытая». Ея памяти Эмерсонъ посвятилъ прелестное, трогательное по простотѣ чувства, стихотвореніе. Вскорѣ послѣ того въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ произошелъ весьма глубокій кризисъ, заставившій его по обрядовымъ вопросамъ (особливо относительно св. причастія) радикально разойтись съ догмой вѣроученія, офиціальнымъ органомъ котораго онъ являлся, вслѣдствіе чего онъ счелъ необходимымъ сложить съ себя возложенныя на него священническія обязанности, о чемъ онъ съ благородной простотой и искренностью, безъ всякой рисовки и какихъ-либо проблесковъ нетерпимости къ нераздѣляемому имъ больше господствующему воззрѣнію, заявилъ въ прощальномъ словѣ своей паствѣ. Безвременная смерть горячо любимой жены и пережитый имъ внутренній кризисъ сильно отразились на его здоровьѣ, для возстановленія котораго Эмерсону было рекомендовано совершить морское путешествіе.

Въ день Рождества 1832 года онъ сѣлъ на корабль, направляясь къ берегамъ Европы. Свое первое посѣщеніе Стараго Свѣта, особливо Англіи, Эмерсонъ сжато, но выразительно описываетъ въ приложеніи къ своимъ «Англійскимъ характеристикамъ», вышедшимъ въ свѣтъ много лѣтъ спустя. Въ этомъ описаніи онъ объясняетъ, что цѣлью его путешествія въ Европу было ознакомленіе не съ новыми мѣстами и краями, а съ выдающимися личностями. «Желаніемъ моимъ,—говоритъ онъ,—было видѣть лица трехъ или четырехъ писателей—Кольриджа, Уордсворза, Лэндора, де-Квинси и новѣйшаго и самаго выдающагося сотрудника критическихъ журналовъ Карлейля. И я подозрѣваю, что если бы я изслѣдовалъ мотивы, побудившіе меня, когда я былъ боленъ и мнѣ было рекомендовано путешествіе, отправиться въ Европу, таковыми оказалась бы притягательная сила этихъ личностей. Будь Гёте тогда живъ, я бы и въ Германію побрелъ.» Эмерсону, дѣйствительно, удалось навѣстить вышеупомянутыхъ корифеевъ англійской литературы, бесѣды съ которыми и произведенное ими на него впечатлѣніе онъ мастерски очертилъ въ названномъ набросѣ «Первое посѣщеніе Англіи».

Въ 1833 году онъ вернулся въ Америку, гдѣ продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность, но мало-по-малу эстрада и свѣтская аудиторія замѣнили ему пасторскую каѳедру и церковь. Въ 1835 году Эмерсонъ снова вступилъ въ бракъ; второй женой его была нѣкая Лидія, урожденная Джэксонъ, хорошая, но, повидимому, заурядная женщина, «воплощеніе христіанскаго духа», какъ онъ самъ ее называетъ. Отъ нея онъ имѣлъ, кажется, двухъ сыновей, изъ коихъ любимецъ его, Вальдо, умеръ восьми лѣтъ. Потерю этого мальчика, о которомъ онъ выразился: «Кусокъ любви и солнечнаго сіянія, любоваться которымъ я не устаю съ утра до ночи», Эмерсонъ не переставалъ оплакивать до конца своей жизни. Женившись вторично, онъ поселился въ своемъ родовомъ гнѣздѣ Конкордѣ, пригородѣ Бостона, гдѣ въ уединеніи, оживляемомъ каждый разъ посѣщеніемъ стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ почитателей, прожилъ остальную часть своей долгой жизни. Мускетакидъ—имѣніе Конкордскаго философа—бы-

Digitized by Google

ло въ теченіе многихъ лѣтъ чѣмъ-то въ родѣ Ясной Поляны нашего великаго художника-моралиста Толстого; жаждущіе свѣта истины и нравственнаго поученія совершали туда свои паломничества.

Вся остальная жизнь Эмерсона, протекшая среди лѣсовъ и полей его родного Конкорда, въ философскихъ созерцаніяхъ и литературномъ творчествѣ, не ознаменовалась какими-либо выдающимися внѣшними событіями. Лишь изрѣдка, отзываясь на шедшія къ нему со всѣхъ сторонъ приглашенія, онъ отлучался на короткое время изъ своего семейнаго гнѣздышка, чтобы прочесть въ томъ или другомъ городѣ публичную лекцію, принять въ качествѣ руководящаго оратора участіе въ той или иной общественной и политической манифестаціи, отозваться и высказать свой взглядъ на разные общественные вопросы. Эмерсону привелось еще два раза побывать въ Европѣ: въ 1847 году, когда онъ отправился въ Англію, по приглашенію ремесленныхъ союзовъ Ланкашира и Іоркшира, прочесть въ городахъ этихъ округовъ рядъ публичныхъ лекцій, и въ 1872 году, когда посѣщеніе Альбіона явилось для конкордскаго мудреца настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Многочисленные поклонники американскаго философа поставили на производившихся въ то время въ Гласговскомъ университетѣ выборахъ лорда-ректора кандидатуру Эмерсона, но при баллотировкѣ надъ нимъ одержалъ верхъ даровитый новеллистъ и политическій дѣятель Дизраэли, впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ. Во время третьяго путешествія Эмерсона по Англіи пожаромъ былъ истребленъ его домикъ въ Конкордѣ, въ которомъ протекло нѣсколько десятковъ лѣтъ его безмятежной жизни. Хотя въ короткое время, по подпискѣ, его сограждане собрали значительную сумму, на которую еще въ его отсутствіе успѣли выстроить новый домъ для чтимаго всѣми народнаго писателя, истребленіе огненной стихіей родного пепелища сильно повліяло на здоровье Эмерсона, и безъ того начавшее расшатываться вслѣдствіе надвигающейся старости. Онъ еще продолжалъ изъ своего уединенія отзываться перомъ и рѣчью на волнующіе его родину общественные вопросы и событія. Въ 1878 году, по поводу праздновавшихся въ это время столѣтнихъ юбилеевъ разныхъ эпизодовъ изъ великой эпохи сѣверо-американской революціи, Эмерсонъ произнесъ въ Бостонѣ прекрасную рѣчь, озаглавленную «Судьба республики», гдѣ съ замѣчательной объективностью подвергъ суровой критикѣ уродливыя стороны американской политической жизни, отъ которыхъ демократіи грозитъ вырожденіе въ дикій охлократическій строй, заправляемый безнравственными политиканами; но при этомъ Эмерсонъ высказалъ свою глубокую вѣру въ конечное торжество чистыхъ демократическихъ принциповъ и въ свѣтлое, великое будущее, ожидающее американскую демократію.

Въ послѣдніе годы жизни память стала сильно ему измѣнять, но судьба оставалась ему благопріятной до самаго конца: вскорѣ тихая смерть избавила Конкордскаго мудреца отъ грозившаго ему старческаго слабоумія. Эмерсонъ умеръ 27-го апрѣля 1882 года. Онъ оставилъ послѣ себя богатое литературное наслѣдіе. Послѣднее полное собраніе его сочиненій состоитъ изъ двѣнадцати томовъ, содержаніе которыхъ свидѣтельствуетъ о несмѣтномъ богатствѣ и разнообразіи его внутреннихъ переживаній и умственной работы при всей, можно сказать, монотонной его долгой жизни и бѣднотѣ ея выдающимися внѣшними событіями.

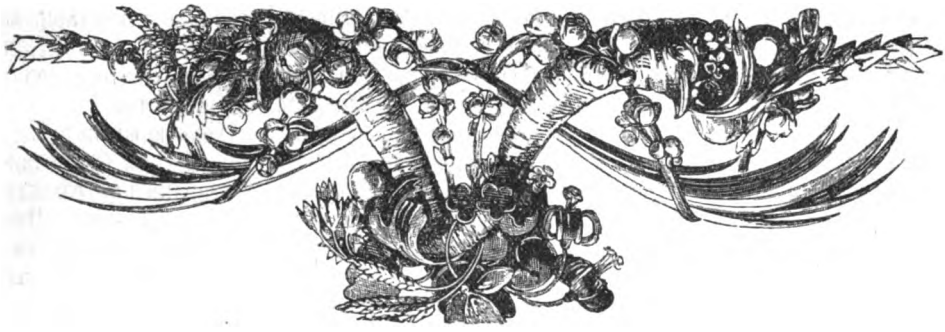
Въ тиши своего философскаго уединенія, сквозь призму неизмѣннаго, несмотря ни на какія испытанія жизни идеализма, обнималъ онъ своимъ взоромъ весь міръ, восторгался природой и пѣлъ ей вдохновенные гимны, подвергалъ тонкому психологическому анализу душевный міръ человѣка, всѣ стороны и проявленія его духа, людскія радости и горе, человѣческія отношенія, интеллектуальную и сердечную дѣятельность, способности ума, аффекты страсти и влеченія, аберраціи человѣческой мысли, привычки, обычаи, нравы, отзываясь въ то же время на животрепещущіе вопросы текущей дѣйствительности, чутко прислушиваясь къ запросамъ и очереднымъ проблемамъ жизни, съ одинаковой ясностью и простотою трактуя, какъ о самой обыденной вещи, о вчерашней новости, о какомъ-нибудь фактическомъ эпизодѣ, такъ и о глубочайшихъ философскихъ матеріяхъ, съ необыкновенной легкостью переходя отъ конкретнаго анекдота къ отвлеченнѣйшему вопросу религіи или метафизики. Когда, въ началѣ сороковыхъ годовъ истекающаго столѣтія, волна европейскаго романтизма достигла береговъ Америки и мыслящіе классы сѣве-

Digitized by Google

ро-американскаго общества увлеклись такъ называемымъ трансцедентализмомъ,—философскимъ движеніемъ, въ видѣ реакціи противъ мертвящаго церковнаго догматизма и разъѣдающаго скептицизма Локка, взрощеннымъ на американской почвѣ перенесенными туда міросозерцаніями Канта, Якоби, Фихте, Шеллинга, Гегелевской философіей въ блестящемъ изложеніи Кузена, вліяніемъ шведскаго мистика Сведенборга и художественныхъ міроотраженій въ твореніяхъ Шиллера, Жана-Поля Рихтера, Новалиса и въ особенности Гёте,—Эмерсонъ явился главой, хотя и не создателемъ этого умственнаго движенія, но отнесся къ нему вполнѣ самостоятельно и критически, будучи совершенно свободнымъ отъ доходившихъ до дѣтской наивности увлеченій и утрировокъ большинства его юныхъ адептовъ. Теоретическое участіе Эмерсона въ этомъ умственномъ движеніи въ сторону чистѣйшаго идеализма выразилось къ его сотрудничествѣ и редактированіи въ теченіе нѣкотораго времени основаннаго кружкомъ юныхъ трансценденталистовъ журнала «The Dial» («Солнечные Часы»). Что же касается предпринятыхъ ими практическихъ опытовъ въ этомъ направленіи, выразившихся въ организаціи идеальнаго земледѣльческаго общежитія, извѣстной Brook Farm,—соціальнаго опыта, оказавшагося вскорѣ мертворожденнымъ дѣтищемъ,—то Эмерсонъ не принималъ въ нихъ никакого активнаго участія и съ присущимъ ему здравымъ практическимъ смысломъ плохо вѣрилъ въ сбыточность реформаторскихъ экспериментовъ этихъ мечтателей.

Начавъ свою публицистическую и проповѣдническую дѣятельность съ лекцій, посвященныхъ такимъ матеріямъ, какъ: «Вода», «Отношенія человѣка къ Земному Шару», «Микель Анджело», «Мильтонъ» и т. п., Эмерсонъ выпустилъ въ свѣтѣ въ 1836 г. напечатанный въ Бостонѣ томикъ подъ заглавіемъ «Природа», заключающій въ себѣ квинтъ-эссенцію его философскимъ воззрѣній на міръ. Всѣ его послѣдующіе труды являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и иллюстраціей основныхъ идей, изложенныхъ въ этомъ небольшомъ трактатѣ, который представляетъ собою чуть ли не единственное прагматическое сочиненіе Эмерсона. Вслѣдъ за этимъ трактатомъ появились въ печати произнесенныя имъ въ теченіе 1837—1838 гг. знаменитыя рѣчи: «Американскій ученый», «Привѣтственное слово старшему классу богословскаго колледжа въ Кэмбриджѣ» (въ Америкѣ) и «Литературная этика», вызвавшія такой восторгъ въ Америкѣ и оказавшія на духовную жизнь страны столь сильное вліяніе, что онѣ были признаны своего рода «Декларацией интеллектуальной независимости Соединенныхъ Штатовъ». Чтобы убѣдиться, что Конкордскому отшельнику-идеалисту, вся жизнь котораго была поглощена абстрактными, чисто теоретическими интересами, ничто человѣческое, ничто житейское, современное и отечественное не было чуждо, что на всѣ вопросы текущей дѣйствительности онъ чутко отзывался,—достаточно прослѣдить перечень и содержаніе его публичныхъ чтеній, рѣчей и привѣтствій; предметомъ ихъ являются такіе вопросы, какъ современныя политическія и общественныя теченія («Lecture on the Times»—въ 1841 г.), человѣкъ-реформаторъ, консерваторъ, трансценденталистъ (лекціи, читанныя въ Бостонѣ съ 1841—42 гг.; рѣчь, произнесенная въ 1844 г. въ Конкордѣ въ годовщину освобожденія негровъ въ Британской Вестъ-Индіи; рѣчь, произнесенная въ 1867 г. при открытіи памятника воинамъ, павшимъ въ гражданской войнѣ 1863—1866 гг.; лекція о войнѣ (1838 г.); рѣчь по поводу утвержденія репрессивнаго закона о бѣглыхъ рабахъ, произнесенная въ Нью-Іоркѣ въ 1854 г., въ которой Эмерсонъ съ рѣдкимъ гражданскимъ мужествомъ всенародно высказалъ свои анти-невольническія убѣжденія; лекція объ американской цивилизаціи, читанная въ 1862 г. въ Вашингтонѣ въ присутствіи президента Линкольна; рѣчь по поводу прокламаціи объ освобожденіи негровъ отъ рабской зависимости (1862 г.); слово, посвященное памяти Авраама Линкольна (на панихидѣ по погибшемъ отъ руки убійцы президентѣ, отслуженной 19 апрѣля 1865 г. въ Конкордѣ), женщина (лекція, читанная въ 1855 г. въ Бостонѣ передъ ассоціацей сторонниковъ правъ женщинъ) и т. д. Держась въ сторонѣ отъ активной политической жизни, Эмерсонъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе (этическимъ ученіемъ, рѣчами и статьями), несомнѣнно, оказалъ громадное содѣйствіе движенію въ пользу эмансипаціи негровъ, расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ женщины и разныхъ другихъ соціальныхъ улучшеній въ американскомъ бытѣ.

Digitized by Google



ПОЭМЫ ВЪ ПРОЗѢ ШАРЛЯ БОДЛЕРА.

въ переводѣ О. Д. Ниловой.

XI [1]).

Неужели!

Много разъ уже солнце, лучезарное или туманное, появлялось изъ-за безбрежнаго моря; много разъ, сіяющее или угрюмое, оно снова погружалось на ночь въ свою огромную купальню. Много дней уже мы могли созерцать созвѣздія южнаго небосклона и разбирать небесную азбуку антиподовъ. И каждый изъ путешественниковъ томился и стоналъ. Можно было думать, что близость земли усиливала ихъ страданія. «Когда же,— говорили они,—перестанемъ мы спать подъ качку волнъ, и сонъ нашъ перестанетъ прерываться шумомъ вѣтра? Когда же отдохнемъ мы покойно?».

Тутъ были тѣ, которые думали о своемъ очагѣ, которые скорбили о своихъ женахъ вѣроломныхъ и скучныхъ, о своихъ безпокойныхъ дѣтяхъ. Всѣхъ доводилъ до безумія призракъ отсутствующей земли, траву которой, думалось мнѣ, они стали-бы пожирать съ бо́льшимъ изступленіемъ, чѣмъ звѣри.

Наконецъ, былъ замѣченъ берегъ, и мы увидѣли, приближаясь, что это была земля роскошная, ослѣпительная.

Казалось, что звуки жизни отдѣлялись отъ нея неопредѣленнымъ шопотомъ и что съ ея береговъ, изобилующихъ разнородными травами, лился на много миль сладостный запахъ цвѣтовъ и плодовъ.

Мгновенно каждый сталъ радостенъ и дурное настроеніе исчезло. Всѣ распри были забыты, всѣ проступки взаимно прощены: условленные поединки вычеркнуты изъ памяти, и вражда разлетѣлась, какъ дымъ.

Я одинъ былъ печаленъ, непонятно печаленъ. Похожій на служителя алтаря, у котораго отняли бы его святыню, я не могъ безъ раздирающей сердце горести оторваться отъ этого моря, такъ безконечно плѣнительнаго, отъ этого моря, такъ безконечно разнообразнаго въ своей страшной простотѣ, и которое, казалось, заключало въ себѣ и изображало своей игрой, своимъ волненіемъ, своимъ гнѣвомъ и своимъ смѣхомъ настроенія, тоску и восторги всѣхъ людей, что жили, что живутъ и будутъ жить.

И, прощаясь съ этой несравненной красотой, съ бездоннымъ синимъ моремъ, я чувствовалъ смертельную тоску, и потому, когда каждый изъ моихъ спутниковъ сказалъ: «Наконецъ!»—я могъ только воскликнуть: «Неужели!»

А между тѣмъ это была земля, земля съ ея звуками, съ ея страстями, съ ея удобствами, съ ея празднествами; это была земля богатая и великолѣпная, полная обѣщаній, которая посылала намъ таинственный запахъ розъ и мускуса и откуда звуки жизни долетали до насъ шопотомъ любви.

---

[1]) См. «Новый Журн. Иностр. Лит.», № 6, Іюнь.

Digitized by Google

XII.

Плохой стекольщикъ.

Есть натуры чисто созерцательныя, непригодныя ни къ какому дѣлу, которыя, между тѣмъ, подъ вліяніемъ какого-то тайнаго, непонятнаго толчка, дѣйствуютъ иногда съ быстротой, на которую сами считали себя неспособными.

Такъ тотъ, кто, боясь найти у своего швейцара печальную вѣсть, трусливо ходитъ цѣлый часъ передъ дверью, не смѣя войти; тотъ, кто хранитъ нѣсколько дней не распечатаннымъ письмо, боясь открыть его, или только спустя полгода рѣшается, наконецъ, на поступокъ, необходимый уже годъ назадъ,— иногда подъ вліяніемъ какой-то непреодолимой силы стремительно принимается за дѣло. Моралисты и врачи, которые имѣютъ притязаніе быть всевѣдущими, не могутъ, однако, объяснить, откуда берутъ такъ внезапно и такую безумную энергію эти души лѣнивыя и сладострастныя, и какъ, неспособныя на поступки самые простые и самые необходимые, онѣ находятъ въ извѣстный моментъ непостижимую смѣлость совершать вещи самыя нелѣпыя и подчасъ опасныя.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, самый безобидный мечтатель, который когда-либо существовалъ, поджегъ однажды лѣсъ, «чтобы видѣть, говорилъ онъ, такъ ли легко занимается огонь, какъ это обыкновенно утверждаютъ.» Десять разъ подъ рядъ опытъ не имѣлъ успѣха; но на одиннадцатомъ онъ удался слишкомъ хорошо.

Другой будетъ закуривать сигару рядомъ съ бочкой пороха, «чтобъ видѣть, чтобъ знать, чтобъ испытать судьбу», чтобъ принудить себя доказать свою твердость, чтобъ имѣть ощущенія игрока, чтобъ познать трепетъ безпокойства, безъ причины, изъ каприза, отъ нечего дѣлать.

Эта своего рода энергія исходитъ отъ тоски и отъ мечтательности, и тѣ, у кого она проявляется, особенно упорно принадлежатъ, по большей части, какъ я уже сказалъ, къ самымъ лѣнивымъ и самымъ мечтательнымъ изъ людей.

Бываетъ, что человѣкъ, застѣнчивый до такой степени, что опускаетъ глаза подъ взорами толпы, застѣнчивый до того, что ему нужно собрать всю свою скудную волю, чтобъ войти въ ресторанъ или пройти мимо кассы театра, контролеры которой кажутся ему облеченными величіемъ боговъ, способенъ съ восторгомъ броситься на шею проходящаго мимо старика и горячо обнять его передъ изумленной толпой.

Отчего? Оттого ли, что это лицо было ему непреодолимо симпатично? Можетъ статься; но будетъ справедливѣе предположить, что онъ и самъ не знаетъ отчего.

Я не одинъ разъ былъ жертвой этихъ приступовъ, этихъ порывовъ, которые заставляютъ думать, что шаловливые духи вселяются въ насъ и внушаютъ намъ, безъ нашего вѣдома, исполнять свои самыя нелѣпыя прихоти.

Однажды утромъ я всталъ скучный, печальный, утомленный бездѣйствіемъ и готовый, какъ мнѣ казалось, на великое дѣло, на блестящій подвигъ. И, увы!—я открылъ окно.

Прошу замѣтить, что духъ мистификаціи, который у нѣкоторыхъ людей является не слѣдствіемъ труда или расчета, но слѣдствіемъ неожиданнаго вдохновенія, способствуетъ много, хотя бы лишь пыломъ желанія, этому состоянію души, истерическому— по мнѣнію врачей, сатанинскому—по мнѣнію тѣхъ, кто думаетъ немного лучше, чѣмъ врачи, которое толкаетъ насъ, не сопротивляясь, на множество поступковъ опасныхъ или непристойныхъ.

Первый, кого я замѣтилъ на улицѣ, оказался стекольщикъ, пронзительный и рѣзкій голосъ котораго достигъ до меня сквозь тяжелую и грязную атмосферу Парижа. Я, во всякомъ случаѣ, не могъ бы объяснить, отчего во мнѣ вспыхнула къ этому бѣдному человѣку такая внезапная, такая деспотическая ненависть.

«Эй! Эй!» И я закричалъ ему подняться. Въ то же время я соображалъ, не безъ удовольствія, что для того, чтобы попасть въ комнату шестого этажа по лѣстницѣ очень узкой, человѣкъ этотъ долженъ будетъ не безъ труда совершить свое восхожденіе и во многихъ мѣстахъ зацѣпить углы своего хрупкаго товара.

Наконецъ онъ явился. Осмотрѣвъ съ любопытствомъ всѣ его стекла, я сказалъ ему: «Какъ! У васъ нѣтъ стеколъ цвѣтныхъ? Стеколъ розовыхъ, красныхъ, голубыхъ, стеколъ волшебныхъ, стеколъ рая? Вы—негодяй! Вы осмѣливаетесь ходить по бѣднымъ кварталамъ, и у васъ даже нѣтъ стеколъ, черезъ которыя можно было бы видѣть жизнь съ хорошей стороны!» И я сильно толкнулъ его къ лѣстницѣ, гдѣ онъ споткнулся и заворчалъ.

Я подошелъ къ балкону и вооружился

Digitized by Google

маленькимъ горшкомъ цвѣтовъ, и когда человѣкъ появился у выхода изъ двери, я бросилъ отвѣсно мое орудіе на край его ноши. И толчекъ повалилъ его, онъ окончательно разбилъ своей спиной все свое жалкое передвижное имущество, которое разрушилось съ трескомъ хрустальнаго дворца, разбитаго молніей.

И, опьяненный моимъ безумствомъ, я съ яростью закричалъ ему: «Жизни съ хорошей стороны! Жизни въ розовомъ цвѣтѣ!»

Эти нервическія забавы не лишены, однако, опасности, и часто можно дорого за нихъ поплатиться. Но что за дѣло до вѣчности проклятія тому, кто обрѣлъ въ мгновеніи безконечность услады!

XIII.

Двойственная комната.

Комната похожая на грёзу, комната истинно «духовная», гдѣ неподвижная атмосфера слегка окутана розовыми и голубыми тѣнями.

Душа наслаждается тамъ нѣгой, напоенной ароматомъ сожалѣній и желаній. Это что-то сумеречное, голубовато-розовое; грёза сладострастія во время затменія.

Мебель имѣетъ тамъ формы продолговатыя, разслабленныя, истомленныя. Мебель кажется погруженной въ грёзу; кажется одаренной безсознательной жизнью лунатиковъ, какъ растенія и минералы. Ткани тамъ говорятъ нѣмымъ языкомъ, какъ цвѣты, какъ небо, какъ заходящее солнце.

На стѣнахъ никакихъ артистическихъ отвращеній. Въ сравненіи съ мечтой, съ впечатлѣніемъ не анализированнымъ искусство опредѣленное есть богохульство. Здѣсь во всемъ достаточно ясности и сладостнаго сумрака гармоніи.

Безконечно слабый ароматъ самыхъ тонкихъ духовъ, къ которому примѣшивается легкая влажность, плаваетъ въ этой атмосферѣ, гдѣ дремлющая душа убаюкивается ощущеніями теплицы.

Кисея ниспадаетъ въ изобиліи надъ окнами и надъ постелью; она разливается бѣлоснѣжными волнами. На этой постели покоится богиня, царица грёзъ. Но почему она здѣсь? Кто указалъ ей путь? Какая волшебная сила ввела ее въ это царство грёзы и нѣги? Но что нужды до этого? Она здѣсь! Я ее узнаю.

Вотъ ея очи, пламя которыхъ пронизываетъ сумракъ; эти пытливые и ужасные глазки, которые я узнаю по ихъ безмѣрному лукавству! Они притягиваютъ, они покоряютъ, они ослѣпляютъ безразсуднаго, кто созерцаетъ ихъ. Я часто изучалъ ихъ, эти черныя звѣзды, которыя одинаково обуздываютъ и любопытство, и восхищеніе.

Какому доброму генію обязанъ я за окружающую меня тайну, безмолвіе, тишину и ароматы? О, блаженство! То, что мы обыкновенно называемъ жизнью, даже съ ея лучшей стороны, не имѣетъ ничего общаго съ этой жизнью высшей, которую я теперь позналъ и которой наслаждаюсь мгновеніе за мгновеніемъ!

Нѣтъ! Болѣе не существуетъ ни мгновеній, ни часовъ! Время исчезло; царствуетъ Вѣчность, вѣчность наслажденій!

Но стукъ ужасный, тяжелый раздался у двери, и, какъ въ кошмарѣ, мнѣ показалось, что я получилъ ударъ молота въ грудь.

Затѣмъ вошла Жизнь! Это или экзекуторъ, который явился мучить меня именемъ закона, или постыдная наложница пришла плакать о своихъ нуждахъ и прибавлять низости своей жизни къ скорбямъ моей, или посланный отъ редактора журнала съ требованіемъ продолженія рукописи.

Комната райская, богиня, владычица грёзъ, Сильфида, какъ говорилъ великій Ренс, все это очарованіе исчезло отъ страшнаго удара жизни.

О горе! Я вспомнилъ! Вспомнилъ! Такъ! Эта канура, эта обитель вѣчной тоски,— это мое жилище. Вотъ мебель глупая, запыленная, изломанная; каминъ потухшій, холодный, загрязненный; темныя окна, гдѣ дождь проложилъ борозды въ пыли; рукописи, испещренныя помарками или разрозненныя. Календарь, гдѣ карандашъ отмѣтилъ дни несчастія.

А это благоуханіе съ того свѣта, которымъ я упивался всей тонкостью чувствъ,— увы!—оно замѣнено отвратительнымъ запахомъ табака, смѣшаннымъ, я и не знаю, съ какой, причиняющей тошноту плѣсенью. Тутъ дышатъ теперь тоскою отчаянія.

Въ этомъ мірѣ тѣсномъ, но такъ полномъ отвращенія, только одна знакомая вещь мнѣ улыбается: стклянка лавдана; старая и страшная подруга; какъ всѣ подруги, увы! —щедрая на ласки и на измѣны.

Такъ! Такъ! Время опять возстановилось; время властно господствуетъ теперь, и съ ужаснымъ старцемъ появилась опять вся его бѣшеная свита воспоминаній, сожалѣній, судорогъ, страховъ, томленій, кошмаровъ, гнѣва и неврозовъ.

Digitized by Google

Увѣряю васъ, что теперь секунды звучатъ сильно и торжественно, и каждая, появляясь на часахъ, говоритъ: «Я жизнь, нестерпимая, неумолимая жизнь!»

Есть только одна секунда въ жизни человѣческой, которая имѣетъ власть возвѣстить добрую вѣсть, добрую вѣсть, которая причиняетъ каждому неизъяснимый ужасъ.

Да! Время царствуетъ; оно грубо захватило опять свою диктаторскую власть. Оно гонитъ меня, какъ вола, своимъ двойнымъ бичемъ: «Ну же, кляча! Трудись же, невольникъ! Живи же, осужденный на вѣчную муку!»

XIV.

Толпа.

Не каждому дана способность слиться съ толпой, окунуться въ нее: это цѣлое искусство умѣть наслаждаться ею; и только тотъ можетъ набраться жизненности на ея счетъ, кого добрая волшебница одѣлила съ колыбели склонностью къ пародіи и личинѣ, отвращеніемъ къ осѣдлости и страстью къ путешествіямъ.

Толпа, пустыня: понятія одинаковыя и превратимыя одно въ другое поэтомъ чуткимъ и живымъ. Кто не умѣетъ населять свою пустыню, не умѣетъ такъ же и быть одинокимъ въ шумной толпѣ.

Поэтъ пользуется тѣмъ несравненнымъ преимуществомъ, что по своему нраву можетъ быть собой и другими. Какъ тѣ блуждающія души, которыя жаждутъ воплощенія, онъ проникаетъ по желанію въ личность каждаго. Ему одному все доступно, и если нѣкоторыя мѣста кажутся для него закрытыми, то только потому, что въ его глазахъ они не стоятъ его посѣщенія.

Безмолвный и задумчивый странникъ найдетъ рѣдкое упоеніе въ этомъ общеніи со всѣмъ. Тотъ, кто легко сливается съ толпой, познаетъ лихорадочныя наслажденія, которыхъ вѣчно будутъ лишены эгоистъ, закрытый какъ сундукъ, и лѣнивецъ, неподвижный какъ моллюскъ. Онъ беретъ на себя, какъ свои, всѣ званія, всѣ радости и всѣ бѣдствія, которыя случай представляетъ ему.

То, что люди называютъ любовью, такъ мало, такъ ограниченно и слабо въ сравненіи съ этой неизреченной оргіей, съ этимъ святымъ позоромъ души, которая отдается вся безъ изъятія,—вся пѣсня, любовь и милосердіе, неожиданному, которое является, неизвѣстному, которое проходитъ.

Полезно иногда открывать счастливцамъ этого міра для того, чтобы хотя на мгновеніе унизить ихъ глупую гордость, что есть блаженства неизмѣримо выше и утонченнѣе ихъ счастья.

Основатели колоній, пастыри народовъ, монахи-миссіонеры, посланные на край свѣта, знакомы отчасти съ этими тайными восторгами, и, въ нѣдрахъ безчисленной семьи, которую создалъ себѣ ихъ геній, они должны смѣяться иногда надъ тѣми, кто ихъ жалѣетъ за ихъ судьбу, столь бурную, и за ихъ цѣломудренную жизнь.

XV.

Исповѣдь художника.

О, до чего вечера осени полны очарованія, непонятной истомы, доходящей до боли! Есть сладостныя ощущенія, неопредѣленность которыхъ не лишаетъ ихъ силы; нѣтъ жала болѣе язвительнаго, какъ Безконечность.

Великая услада—утопать взоромъ въ глубинѣ неба и моря! Безмолвіе, тишина, несравненная ясность лазури! Маленькій парусъ, мелькающій на горизонтѣ, и который своей затерянностью и одиночествомъ походитъ на мое неисцѣлимое существованіе, однообразный говоръ волнъ, всѣ эти предметы думаютъ мной, или я думаю ими (потому что въ великости мечтаній свое «я» скоро теряется!); все это думаетъ, говорю я, но звуками, красками, безъ доказательствъ, безъ размышленій, безъ разъясненій.

Но скоро эти мысли, исходящія ли отъ меня или отъ окружающаго, становятся слишкомъ напряженными. Сильныя наслажденія порождаютъ боль и страданія положительныя. Мои нервы, слишкомъ натянутые, звучатъ уже только болѣзненно.

И теперь глубина неба меня смущаетъ; его ясность меня раздражаетъ. Безчувственность моря, неизмѣнность зрѣлища меня оскорбляютъ! О, неужели надо вѣчно страдать или вѣчно бѣжать отъ прекраснаго? Природа, безжалостная волшебница, соперница, всегда побѣждающая, оставь меня! Перестань искушать мои желанія и мою гордость! Изученіе прекраснаго это—поединокъ, гдѣ художникъ всегда побѣждается.

Digitized by Google

Типы китаянокъ.

КИТАЙСКАЯ МУЗЫКА.

Цивилизація въ Китаѣ имѣетъ за собою столь давнее происхожденіе и притомъ касалась всегда такихъ разнообразныхъ сторонъ жизни, что было бы крайне странно, если бы въ ней оказался пробѣлъ относительно музыки. И, дѣйствительно, историческія данныя показываютъ, что музыка существовала у китайцевъ уже въ очень древнія времена. Но, къ сожалѣнію, отъ старинной китайской музыки не дошло до настоящаго времени почти ничего. Дѣло въ томъ, что послѣдователи Конфуція всегда имѣли какую-то особенную страсть приписывать всякое культурное открытіе, всякое изобрѣтеніе какому-нибудь изъ прежнихъ китайскихъ императоровъ, и притомъ обыкновенно такому, который царствовалъ едва ли не въ доисторическія времена. Это, конечно, порождало споры и даже вызывало волненія, вслѣдствіе чего во II вѣкѣ по Р. Хр. императоръ Шинъ-Че-Вангъ, которому черезчуръ наскучили всѣ такіе споры, для того, чтобы прекратить всякія пререканія между учеными, повелѣлъ собрать всѣ книги, въ которыхъ трактовалось объ ученіи Конфуція и сжечь ихъ, на томъ простомъ основаніи, что излишекъ книгъ, по его мнѣнію, приноситъ болѣе вреда, чѣмъ даже самое отсутствіе ихъ. Въ этомъ колоссальномъ ауто-да-фе погибли, на ряду съ остальными, и книги, заключавшія въ себѣ старинныя китайскія музыкальныя произведенія. Правда, нынѣ лучшіе ученые Китая стараются воспроизвести послѣднія, такъ какъ глубоко

Digitized by Google

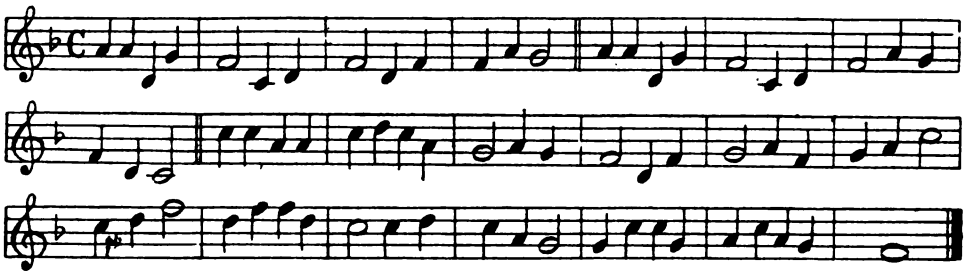
вѣрятъ, что древнія мелодіи, заключавшіяся въ нихъ, имѣли свойство укрощать дикихъ звѣрей и смягчать грубость народныхъ нравовъ; но, во всякомъ случаѣ, предпринятая ими задача представляетъ почти неодолимыя трудности, тѣмъ болѣе, что въ ту эпоху, когда тѣ книги подвергнуты были истребленію, у китайцевъ, какъ и вообще у всѣхъ древнихъ народовъ, не существовало еще достаточно удобнаго и точнаго нотнаго письма. Однако ученымъ въ настоящее время, кажется, все-таки удалось установить съ надлежащей достовѣрностью, что китайцы уже въ древности знакомы были даже съ нашей хроматической гаммой, хотя мелодіи свои и строили почти исключительно на пятитонной гаммѣ; что они употребляли цѣлыхъ восемь родовъ музыкальныхъ инструментовъ, которые приготовлялись ими изъ металловъ, камня, глины или фарфора, дерева, тростника, при чемъ примѣнялась также кожа и струны, а самые инструменты были или духовые, или струнные, или, наконецъ, ударные (барабаны, гонги); наконецъ, что у древнихъ китайцевъ было шесть различныхъ родовъ танцовальной музыки. Вмѣстѣ съ тѣмъ они уже въ очень давнее время умѣли вычислять относительную длину струнъ и величину трубы, необходимую для того, чтобы воспроизвести звуки извѣстной высоты, и принципы, выработанные ими въ этомъ отношеніи, совершенно совпадаютъ съ нашими. Хроматической гаммѣ китайцы, по ихъ сказаніямъ, научились отъ баснословнаго феникса, который будто бы при своемъ пѣніи испускалъ обыкновенно первые 6 полутоновъ этой гаммы, на что самка его отвѣчала ему остальными шестью полутонами. Впрочемъ, хроматическую гамму китайцы употребляли въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ ухо ихъ вообще трудно выноситъ интервалъ малой секунды. Что же касается до пятитонной гаммы (c, d, e, g, a), признаваемой и нашими учеными за древнѣйшій рядъ послѣдовательныхъ музыкальныхъ звуковъ, потому что на немъ основаны не только самыя старинныя скандинавскія и шотландскія мелодіи, но даже и африканскія пѣсни негровъ, то китайцы каждой нотѣ этой гаммы придавали, а, можетъ быть, придаютъ и теперь, особое мистическое значеніе. Такъ, первая ступень ея, положимъ, способствуетъ, по словамъ ихъ ученыхъ, ясности и ширинѣ мыслей, вторая (d) развиваетъ прямодушіе, третья (e) внушаетъ жалость и любовь, четвертая (g) побуждаетъ творить добро, наконецъ пятая (a) вызываетъ молитвенное настроеніе. Въ XI вѣкѣ манчжурами была занесена въ Китай и наша діатоническая гамма, состоящая, какъ извѣстно, изъ семи ступеней (c, d, e, f, g, a, h), но она, повидимому, плохо привилась тамъ; по крайней мѣрѣ, въ мелодіяхъ, основанныхъ на ней, китайцы все-таки стараются избѣгать непривычныхъ ихъ слуху полутоновъ e — f и h — c. Главный недостатокъ китайской музыки заключается въ неопредѣленности ея ритма и счета. Дѣленія нотъ въ ней не существуетъ, а есть только два знака: одинъ, называемый банъ, для указанія сильныхъ временъ такта, и другой—іэнъ, для означе-

Китайскій дуэтъ.

Digitized by Google

нія слабыхъ временъ такта; знаковъ же, указывающихъ на продолжительность нотъ, тамъ не имѣется, и потому китайскій музыкантъ долженъ прежде не разъ прослушать извѣстную мелодію, чтобы потомъ сумѣть правильно выполнить ее. Точно такъ же китайцы совершенно незнакомы съ одновременнымъ сочетаніемъ звуковъ и вслѣдствіе этого не имѣютъ никакого представленія о гармоніи. Наши аккорды имъ совершенно непонятны, и они почти не могутъ уловить ихъ своимъ слухомъ. Единственно, что еще они допускаютъ въ своей музыкѣ — это соединеніе тембровъ различныхъ употребляемыхъ ими инструментовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ есть еще одна очень куріозная особенность въ музыкѣ, а именно они извѣстное послѣдовательное сочетаніе звуковъ связываютъ неразрывно съ культомъ тѣхъ или другихъ изъ своихъ божествъ. Такъ, при молитвахъ, обращенныхъ къ Духамъ Неба, они неизмѣнно употребляютъ два совершенно опредѣленныхъ звука, и притомъ постоянно одни и тѣ же: при обращеніи къ Духамъ Земли они прибѣгаютъ къ двумъ другимъ, тоже вполнѣ опредѣленнымъ тонамъ; то же самое и при молитвахъ, обращенныхъ къ Духамъ Странъ Свѣта, Рѣкъ, Горъ и т. д., такъ что каждая оригинальной китайской мелодіей, при чемъ даже изложилъ ее чисто на китайскій манеръ, безъ всякой гармонизаціи, давъ ей въ аккомпаниментъ только большой барабанъ; но хотя отъ этого упомянутая увертюра его и получила довольно оригинальный характеръ, однако врядъ ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, много выиграла въ музыкальной красотѣ. Нынѣ китайскія музыкальныя произведенія дѣлятся на три категоріи: первую категорію составляютъ мелодіи, употребляемыя при богослуженіи въ честь Духовъ Неба и Земли, а также въ честь предковъ; этимъ мелодіямъ китайскіе ученые приписываютъ глубокую древность, относя нѣкоторыя изъ нихъ даже ко временамъ Ноя. Ко второй категоріи принадлежатъ произведенія, посвященныя культу Конфуція; музыка ихъ отличается крайне медленными темпами и почти полнымъ отсутствіемъ дѣленія на такты. Наконецъ, третій рядъ составляютъ народныя пѣсни. Чтобы яснѣе показать характеръ послѣднихъ, здѣсь приводится, въ видѣ образца, одна изъ наиболѣе популярныхъ въ Китаѣ мелодій, въ родѣ пѣсни безъ словъ, извѣстная подъ названіемъ Па-Банъ, нотированная въ нашихъ музыкальныхъ знакахъ:

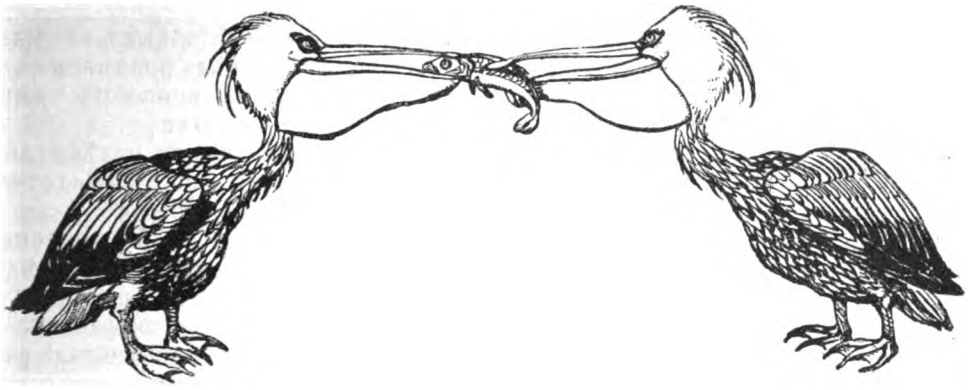
Па-Банъ.



пара изъ 12 полутоновъ хроматической гаммы имѣетъ у нихъ извѣстное, точно опредѣленное значеніе при молитвѣ. Что касается до мелодій ихъ, то всѣ онѣ по большей части очень однообразны и едва ли могутъ, съ нашей точки зрѣнія, быть признаны красивыми или выразительными. Извѣстно, что знаменитый К. М. Веберъ въ своей увертюрѣ «Турандотъ» воспользовался для первой темы

Въ послѣднее время миссіонеры стали съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ примѣнять китайскія мелодіи къ мѣстному христіанскому богослуженію, вводя ихъ въ литургію, а также приноравливая ихъ къ различнымъ псалмамъ и гимнамъ, но пока сказать что-либо объ этихъ попыткахъ—трудно, а нынѣшнія событія въ Китаѣ, пожалуй, и вовсе положатъ имъ предѣлъ.

Digitized by Google



НЕВѢДОМОЕ И ПСИХИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла та книга Камилла Фламмаріона, о которой заранѣе ходили слухи, въ свое время сообщенные нами читателямъ. На экземплярѣ ея, полученномъ нами спустя недѣлю или двѣ по выходѣ въ свѣтъ, значится: «Onzième mille»—одиннадцатая тысяча! Вотъ, значитъ, съ какой жадностью она раскупается, какой громадный интересъ возбудила.

Сочиненія Фламмаріона, несмотря на ихъ нѣкоторую, чисто французскую водянистость, всегда хорошо расходятся потому, вѣроятно, что европейская публика цѣнитъ въ этомъ писателѣ искренность и смѣлость мысли, цѣнитъ дѣйствительнаго ученаго, сумѣвшаго сбросить съ себя путы схоластической прямолинейности, отказаться отъ научныхъ предразсудковъ (даже и въ наукѣ успѣли накопиться таковые) и, охраняя предѣлы точнаго знанія, давать волю воображенію за этими предѣлами. Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, когда мы, упоенные успѣхами, достигнутыми наукою при помощи точныхъ методовъ изслѣдованія, не хотѣли и слышать о какомъ-нибудь другомъ пути, такой грѣхъ считался бы непростительнымъ, особенно со стороны серіознаго ученаго. Забывая, что большинство капитальныхъ переворотовъ въ наукѣ совершилось благодаря воображенію, смѣло нарушавшему существующія ея границы (Галилей, Коперникъ, Ньютонъ, Гальвани, Гете, Дарвинъ и проч.), мы лишали его права играть какую-либо роль въ научномъ мышленіи. Тотъ же Фламмаріонъ тогда не мало пострадалъ за свою «Множественность обитаемыхъ міровъ» и пострадалъ бы еще болѣе, если бы не придалъ этому сочиненію нѣсколько сказочную форму, какъ бы извиняющуюся за несеріозность высказанныхъ въ немъ мыслей.

Теперь времена, должно быть, перемѣнились. Теперь мы понимаемъ, что воображеніе, смутная вѣра всегда служили и будутъ служить какъ бы авангардами науки, въ военномъ смыслѣ слова, освѣщающими для нея неизвѣстныя страны, которыя лежатъ за предѣлами области, прочно уже ею занятой. Отъ такого освѣщенія нельзя требовать точности, но безъ него наука не могла бы идти впередъ. Впервые проходя по незнакомымъ дорогамъ, офицеръ генеральнаго штаба можетъ только карандашикомъ отъ руки сдѣлать приблизительный ихъ чертежъ, а настоящую точную карту составятъ уже топографы на свободѣ, когда вся страна будетъ покорена. Точная работа требуетъ, чтобы рабочій видѣлъ передъ собою только одно дерево, забывая о лѣсѣ, но едва ли она будетъ плодотворна, если хозяинъ прежде не осмотрѣлъ всего лѣса, забывая о деревьяхъ.

Эволюція науки, какъ и самая мысль человѣческая, идетъ всегда толчками, зигзагами, перебрасываясь изъ одной крайности въ другую. Идеализмъ смѣняется реализмомъ, матеріализмъ—спиритуализмомъ, самоувѣренность—отчаяніемъ и такъ далѣе,

Digitized by Google

а въ результатѣ эти зигзаги ведутъ разумъ человѣческій все дальше и дальше впередъ. Какъ путникъ, взбирающійся на крутую гору, или судно, идущее боковымъ вѣтромъ, онъ не можетъ двигаться по прямой линіи, а долженъ лавировать. Но эта лавировка ставитъ его весьма часто въ кажущееся противорѣчіе съ самимъ собой. Не успѣетъ одно поколѣніе людей установиться на томъ, напримѣръ, что живой организмъ есть простая машина, какъ другое спѣшитъ уже признать его проявленіемъ особой психической энергіи, и чѣмъ дольше живетъ человѣчество, или, лучше сказать, энергичнѣе мыслитъ, тѣмъ чаще и чаще становятся такіе переходы. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, напримѣръ, въ наукѣ царилъ крайній спиритуализмъ. Она была тогда только ancilla theologiæ—служанкой богословія, а сколько направленій перемѣнилось въ ней за время новѣйшей исторіи! Сколько направленій перемѣнилось на глазахъ нынѣ живущаго поколѣнія! Не мы ли сами изъ гегеліанцевъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, превратились сначала въ крайнихъ матеріалистовъ, а затѣмъ въ спиритовъ?

И все то—добро, и все то было нужно, и нельзя идти впередъ не измѣняясь безпрестанно—только одни каменные столбы незыблемы.

«Невѣдомое» Фламмаріона, появись въ свѣтъ лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, возбудило бы только гомерическій хохотъ и навсегда погубило бы научную репутацію автора. А теперь даже люди науки съ нетерпѣніемъ ждали его выхода, научные журналы печатали свѣдѣнія о ходѣ работы автора, сообщали окончательные выводы, имъ сдѣланные, и проч. и проч.; вообще всѣ были очень заинтересованы, и когда книга вышла, то на нее, очевидно, накинулись.

Накинулись на нее и мы; но потому ли, что слишкомъ многаго ожидали, или потому, что авторъ черезчуръ поспѣшилъ сдѣлать выводы, на которые его не уполномочивала та часть работы, которая теперь вышла (за первымъ томомъ, вѣроятно, послѣдуютъ другія), мы, признаемся, остались неудовлетворенными.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ еще въ предварительныхъ сообщеніяхъ о своей работѣ обѣщалъ намъ научнымъ образомъ доказать, а въ вышедшей книгѣ считаетъ уже доказанными слѣдующія положенія:

1) Душа существуетъ какъ отдѣльная сущность, отъ тѣла независимая;

2) Она снабжена способностями, наукѣ еще неизвѣстными;

3) Она можетъ видѣть и дѣйствовать на разстояніи безъ посредства внѣшнихъ чувствъ;

4) Будущее заранѣе обусловлено причинами, коихъ оно является слѣдствіемъ. Душа видитъ его иногда.

Авангарды науки—вѣра и воображеніе—съ незапамятныхъ временъ докладывали разуму человѣческому обо всемъ этомъ, о существованіи въ природѣ такихъ вещей, которыя не снились нашимъ мудрецамъ. Было даже время или, лучше сказать, наступали періоды въ жизни человѣчества, когда оно этимъ не снившимся наукѣ вещамъ придавало болѣе реальное значеніе, чѣмъ научнымъ фактамъ. «Credo, quia absurdum» было девизомъ Среднихъ вѣковъ. «Animula, vagula, blindula» еще въ древнемъ Римѣ считалась только временнымъ «гостемъ» тѣла. Поэтому простое провозглашеніе вышеприведенныхъ положеній не составляетъ ни новости для человѣчества, ни заслуги со стороны автора. Мы ждали отъ него не авангардныхъ рисунковъ отъ руки, а точной топографической карты, по крайней мѣрѣ, хоть въ главныхъ чертахъ обрисовывающей границы той области «Невѣдомаго», въ которую онъ обѣщался ввести науку.

Посмотримъ же, насколько онъ выполнилъ свое обѣщаніе.

Прежде всего, въ прекрасно написанномъ введеніи, ссылаясь, между прочимъ, на авторитеты Гёмфри Дэви, Скіапарелли, Цёльнера, Крукса, Гюйгенса, Рише, Уоллеса и другихъ выдающихся ученыхъ, онъ доказываетъ необходимость для науки заняться, наконецъ, изслѣдованіемъ явленій, завѣдомо въ природѣ существующихъ, но до сихъ поръ не обращавшихъ на себя ея вниманія, такихъ явленій, которыя указываютъ, что «по всей вселенной распространенъ невидимый и невѣсомый динамическій элементъ, независимый отъ видимой и вѣсомой матеріи, но на нее вліяющій», и что «въ этомъ динамическомъ элементѣ присутствуетъ интеллектъ, стоящій гораздо выше нашего.» Въ своей книгѣ путемъ строго научнымъ онъ намѣревается доказать существованіе этого элемента.

Digitized by Google

Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ главахъ, тоже прекрасно написанныхъ, онъ осмѣиваетъ, съ одной стороны, тупую инерцію черезчуръ упрямыхъ консерваторовъ въ наукѣ, а съ другой—крайнее легковѣріе черезчуръ увлекающихся прогрессистовъ, а также и полныхъ невѣждъ, представляя тому и другому примѣры.

Судя по этимъ примѣрамъ, приходится думать, что тупая инерція недовѣрія есть основное свойство «людей науки». Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ Платона, Архимеда, Гиппарха и Птоломея, смѣявшихся надъ пиѳагорейцами, провозгласившими, что Земля движется, и кончая членомъ парижской академіи Бульо, который не вѣрилъ въ фонографъ Эдиссона, считая его какой-то акустической иллюзіей, эти люди науки всегда враждебно встрѣчали всякое новое открытіе, отвлекающее науку отъ стараго, привычнаго для нея пути на новый. Надъ Пиѳагоромъ смѣялись; Анаксагора, учившаго, что Солнце больше Земли, преслѣдовали; Галилея чуть не сожгли; Лавуазье, разложившему воздухъ и воду, никто не вѣрилъ, хотя впослѣдствіи и самъ онъ никакъ не могъ повѣрить, чтобы «камни падали съ неба»; Гальвани называли «лягушачьимъ танцмейстеромъ», и такъ далѣе. Во времена болѣе къ намъ близкія, если уже не жгутъ и не преслѣдуютъ болѣе геніальныхъ нововводителей (хотя и этого сказать нельзя,—Жераръ и Лоранъ, творцы современной химіи, подвергались жесточайшимъ преслѣдованіямъ, не могли найти себѣ мѣста и умерли въ крайней бѣдности), то смѣются надъ ними и не вѣрятъ имъ попрежнему. Стоитъ вспомнить о томъ, какое недовѣріе встрѣтили желѣзныя дороги, пароходы, газовое освѣщеніе (въ началѣ текущаго столѣтія ученый міръ не могъ себѣ представить, чтобы горѣніе могло совершаться безъ фитиля), подводные кабели, открытія Джауля, Томаса Юнга, Ома и проч. А вѣдь все это суть лишь подробности разработки принциповъ, уже принятыхъ наукою; въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣло идетъ о принципѣ новомъ, она оказывается попрежнему неумолимою. Великая идея Майера (единство энергіи, эквивалентность силъ) была встрѣчена такъ сурово, что несчастный творецъ ея выбросился изъ окна.

Все это, впрочемъ, нисколько не удивительно: твердая увѣренность всегда инертна, а ничто не дастъ такой твердой увѣренности (въ наше время, по крайней мѣрѣ), какъ, такъ называемая, точная наука.

Однако же, насколько, или, лучше сказать, въ какихъ границахъ она точна? Несомнѣнно лишь въ тѣхъ, которыми вполнѣ овладѣла, а эти границы не только всюду соприкасаются, но и переплетаются съ границами неизвѣстнаго, по объему безмѣрно превышающаго ничтожныя ея владѣнія. Владѣнія эти отрывочны, черезполосны. Мы ничего не знаемъ и не можемъ знать вполнѣ. Давно ли мы открыли лучи свѣта въ томъ, что всегда считали абсолютной темнотою? Давно ли мы нашли аргонъ въ воздухѣ, составъ котораго уже болѣе ста лѣтъ вполнѣ точно былъ намъ извѣстенъ?

Фламмаріонъ правъ поэтому, когда высказываетъ пожеланіе, чтобы наука не замуровывалась въ постоянныя и незыблемыя, quasi-точныя границы, памятуя, что даже самыя орудія, при помощи которыхъ она опредѣляетъ эти границы,—разумъ и внѣшнія чувства человѣка—не совершенны и не могутъ назваться точными даже (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) по сравненію съ инстинктомъ и внѣшними чувствами животныхъ низшихъ. Не твердая увѣренность, а сомнѣніе должно быть обязательнымъ для ученаго, если онъ не хочетъ уподобиться наивнымъ географамъ древности, которые писали на картахъ, у Гибралтарскаго пролива: «Hic deficit orbis»—здѣсь кончается свѣтъ.

Но если ученые страдаютъ упорной недовѣрчивостью къ тому, что нарушаетъ привычные ихъ взгляды, то они же страдаютъ и крайнимъ легковѣріемъ по отношенію къ тому, что эти взгляды поддерживаетъ. Фламмаріонъ, останавливаясь главнымъ образомъ на предразсудкахъ (въ большей части случаевъ—религіозныхъ) невѣжественной публики, при чемъ приводитъ много весьма куріозныхъ примѣровъ ея легковѣрія, упоминаетъ только о трехъ случаяхъ легковѣрія «мужей науки». Въ первомъ изъ нихъ дѣло идетъ о знаменитомъ золотомъ зубѣ, выросшемъ въ 1593 году у одного ребенка въ Силезіи. Четверо ученыхъ того времени написали по цѣлой книгѣ объ этомъ зубѣ, а онъ, на повѣрку, оказался фальшивымъ. Второй случай—не менѣе знаменитыя крысы съ хоботомъ, которыхъ фабриковалъ (приращивая отрѣзанные хвосты къ ноздрямъ) какой-то зуавъ, продавая ихъ потомъ одному ученому члену Парижскаго музея за особую породу, водя-

Digitized by Google

щуюся въ Африкѣ. Въ третьемъ случаѣ, очень недавнемъ (1862—1869 года), хорошій знакомый Фламмаріона, членъ Института, извѣстный геометръ и профессоръ политехнической школы, Мишель Шаль, большой любитель автографовъ, накупилъ этихъ послѣднихъ у какого-то обманщика на 140000 франковъ, при чемъ, не говоря уже о письмахъ Паскаля, Ньютона, Галилея, Генриха IV, въ коллекціи находились даже письма Верцингеторикса, Пиѳагора, Архимеда, Клеопатры, воскресшаго Лазаря, Маріи Магдалины и чуть ли не самого Іисуса Христа! И что всего забавнѣе,—автографъ Верцингеторикса (пропускъ «Императору Юлію Цезарю...») оказался написаннымъ на французскомъ языкѣ!

Но Мишель Шаль—геометръ по профессіи, и потому легковѣріе его въ той отрасли наукъ, которою онъ спеціально не занимался, довольно понятно, да и не можетъ быть, собственно говоря, поставлено въ примѣръ характернаго научнаго легковѣрія, обусловленнаго вѣрою въ излюбленную гипотезу. Мы полагаемъ, что Фламмаріонъ, покопавшись хорошенько, могъ бы найти множество примѣровъ послѣдняго, хотя и не такихъ яркихъ, но весьма убѣдительныхъ. Стоитъ вспомнить хотя бы о всеобщемъ увлеченіи туберкулиномъ Коха, методомъ Шренка или машинами того американца, который превращалъ звуковыя колебанія въ движущую силу[1]). Между прочимъ, непоколебимая вѣра современныхъ ученыхъ въ результаты лабораторнаго опыта, хотя бы неумѣстно и неумѣло приложеннаго (какъ это часто случается въ наукахъ біо- и антропологическихъ), могла бы служить яркимъ примѣромъ научнаго суевѣрія, но для нея, къ сожалѣнію, исторія еще не наступила...

Какъ бы то ни было, покончивъ съ обличеніемъ инертности и легковѣрія, Фламмаріонъ говоритъ, что самъ онъ ничего не утверждаетъ, ничего не отрицаетъ, а намѣренъ только искать и наблюдать, къ чему приглашаетъ и читателей.

Цѣлью своихъ исканій онъ ставитъ душу человѣка, какъ отдѣльную отъ тѣла сущность, а путемъ къ этой цѣли избираетъ научный анализъ случаевъ ея проявленія внѣ организма. Для того, чтобы добыть подходящій матеріалъ, онъ въ мартѣ 1899 года помѣстилъ въ «Annales politiques et littéraires» Бриссона воззваніе, въ которомъ приглашалъ читателей сообщать ему всѣ случаи таинственныхъ и необъяснимыхъ явленій, которыхъ они были свидѣтелями, съ условіемъ быть вполнѣ искренними и подписываться полнымъ именемъ, съ ручательствомъ за вѣрность передаваемаго. Лицъ, не испытавшихъ ничего необыкновеннаго, онъ просилъ все же таки отвѣтить хотя бы простымъ «нѣтъ».

Изъ 80000 читателей вышеназваннаго журнала въ теченіе года отвѣтили только 4280 человѣкъ, причемъ отрицательныхъ отвѣтовъ было 2456, а положительныхъ 1824, но изъ послѣднихъ годились для дѣла только 786 (просимъ замѣтить эти цифры).

Въ этихъ 786 письмахъ разсказано 1130 разнообразныхъ фактовъ. Присоединивъ къ нимъ еще нѣсколько собранныхъ изъ литературы предмета и сообщенныхъ ближайшими друзьями, Фламмаріонъ раздѣлилъ весь матеріалъ на слѣдующія рубрики:

Явленія и проявленія умирающихъ.

Явленія и проявленія живыхъ и не больныхъ.

Явленія и проявленія мертвыхъ.

Видѣніе фактовъ, происходящихъ вдали.

Сны-предвѣстники. Предвидѣніе вообще.

Явленіе мертвыхъ во снѣ.

Предвидѣнныя встрѣчи.

Сбывшіяся предчувствія.

Двойники живыхъ лицъ.

Безпричинныя движенія неодушевленныхъ предметовъ.

Сообщеніе мыслей на разстояніи.

Вліяніе привидѣній на животныхъ.

Призывы, услышанные на далекомъ разстояніи.

Запертыя двери, открывающіяся безъ всякой причины.

Дома съ привидѣніями.

Спиритическіе опыты.

Нельзя сказать, чтобы эта классификація отличалась особенной ясностью и самостоятельностью, а потому и самая книга Фламмаріона, въ которой пока нѣтъ еще ни явленій мертвыхъ, ни предчувствій, ни двойниковъ, ни домовъ съ привидѣніями, смотритъ нѣсколько разбросанной. Большая часть ея занята казуистикой явленій умирающихъ своимъ близкимъ на яву или во снѣ (авторъ

[1]) См. № 3 нашего журнала, стр. 239 и слѣд.: «Необыкновенная исторія о Джонѣ Уоррелѣ Кили».

Digitized by Google

почему-то дѣлитъ телепатическія явленія на эти двѣ категоріи, хотя, въ сущности, онѣ представляютъ собою одно цѣлое). Первыхъ 180 случаевъ, а вторыхъ—70. Остальная часть книги занята казуистикой психическаго вліянія живыхъ лицъ другъ на друга (внушеніе безъ словъ—41 случай), ясновидѣніемъ во снѣ (49 случ.), снами-предвѣстниками (76 случ.) и разсужденіями автора по поводу всего этого матеріала.

Передавать читателямъ содержаніе казуистики, собранной Фламмаріономъ, было бы и скучно, и безцѣльно. Она въ высшей степени однообразна, а иногда и крайне незначительна. Во всѣхъ случаяхъ кто-нибудь гдѣ-нибудь умираетъ, а близкіе люди умирающаго или даже совсѣмъ ему посторонніе, находясь далеко отъ мѣста смерти, ничего о ней не зная и даже часто не имѣя причинъ ожидать, видятъ на яву или во снѣ иногда его самого, въ подлинной обстановкѣ смерти или какъ-нибудь иначе, иногда—какія-нибудь неясныя тѣни или даже вовсе къ дѣлу не относящихся животныхъ (собаку, напримѣръ), а иногда чувствуютъ его прикосновеніе, слышатъ его голосъ или опять-таки къ дѣлу неотносящіеся звуки (звукъ разбитаго стекла, хлопанье дверей и проч.),—вообще получаютъ какое-нибудь знаменіе и какъ разъ въ день и часъ смерти или около того. Впрочемъ, нѣкоторые случаи, особенно сопровождающіеся коллективными галлюцинаціями, передвиженіемъ неодушевленныхъ предметовъ или полною точностью картины смерти, дѣйствительно замѣчательны, и мы ихъ вкратцѣ здѣсь разскажемъ.

Вотъ, напримѣръ, два случая, сообщенные автору генераломъ Пармантье, инженеромъ и астрономомъ.

Въ городкѣ Андлау, въ Эльзасѣ, сидитъ за завтракомъ семья, ежеминутно ожидая прибытія хозяина дома, отправившагося на охоту. Вдругъ, при полномъ безвѣтріи, съ шумомъ захлопывается и потомъ опять открывается окно, не уронивъ графина, который непремѣнно должно было задѣть. Всѣ присутствующіе слышатъ и видятъ это. Хозяйка сразу догадывается, что съ ея мужемъ что-нибудь случилось, а черезъ три четверти часа его приносятъ мертвымъ: случайно застрѣленъ на охотѣ.

Въ одну ночь самъ генералъ Пармантье, его жена и отецъ, спавшій въ другой комнатѣ, три раза сряду слышатъ какъ бы удары землетрясенія: вещи валятся, окна бьются и проч. Успокоившись нѣсколько и осмотрѣвъ комнаты, всѣ трое убѣждаются, что ничего этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько времени приходитъ извѣстіе, что какъ разъ въ эту ночь умерла въ Вѣнѣ старая гувернантка г-жи Пармантье, съ которой она давно уже не имѣла никакихъ сношеній.

Вотъ и еще нѣсколько случаевъ — выбираемъ нарочно такіе, въ которыхъ субъективныя ощущенія сопровождаются объективными явленіями.

Живописецъ Эдуардъ Пари сообщаетъ, что его отецъ, сестра и кузина, сидя однажды въ столовой своего дома, въ Нефшателѣ, услыхали, что кто-то въ сосѣдней комнатѣ перебираетъ клавиши рояля. Сестра пошла посмотрѣть и ясно видѣла, какъ клавиши сами собою поднимались и опускались. Ее подняли на смѣхъ, а черезъ восемь дней пришло изъ Нью-Іорка извѣстіе о смерти дяди какъ разъ въ этотъ самый день. Три дня спустя по полученіи извѣстія рояль опять сама заиграла, на этотъ разъ знаменуя смерть тетки, жены покойнаго.

Г-жа Каролина Бэшли изъ Саверна сообщаетъ, что ея отецъ и дѣдъ, спавшіе въ разныхъ этажахъ, были однажды разбужены стукомъ открывшейся парадной двери дома. Сойдя внизъ и найдя дверь дѣйствительно открытой, они ее заперли, но черезъ нѣсколько минутъ явленіе повторилось съ особенно сильнымъ шумомъ. Отецъ и сынъ вновь сбѣжались вмѣстѣ и заперли дверь тщательнѣе, но она весьма скоро опять отворилась. Тогда ее привязали веревками и явленіе больше не повторялось. Нѣсколько дней спустя получено было извѣстіе о смерти родственника, жившаго въ Америкѣ. Онъ умеръ какъ разъ въ эту ночь и передъ смертью заявилъ окружающимъ, что только-что побывалъ у своего брата въ Европѣ.

Г-жа Марія Лардэ сообщаетъ, что у ея матери была сестра, жившая неподалеку отъ нея въ Вогезахъ, и два брата, изъ коихъ одинъ былъ миссіонеромъ въ Китаѣ, а другой—священникомъ въ Бретани. Однажды днемъ, среди своихъ обычныхъ занятій, сестра вдругъ увидала входящаго въ дверь брата-миссіонера и бросилась было обнять его, но онъ тотчасъ же исчезъ. Въ тотъ же день и часъ братъ-священникъ не только видѣлъ миссіонера, но и слышалъ его голосъ, говорящій: «Братъ, я сейчасъ умру», «Братъ,

Digitized by Google

я умираю», «Братъ, я умеръ». Черезъ мѣсяцъ пришло извѣстіе, что миссіонеръ дѣйствительно умеръ въ тотъ же день и часъ.

Мэръ одного французскаго городка, г. Килліу, сообщаетъ, что разъ, сидя съ двумя пріятелями часовъ въ 7 пополудни, они всѣ трое слышали звонъ монетъ въ шкатулкѣ, а вечеромъ въ тотъ же день въ Парижѣ умеръ братъ мэра.

Г. Мейеръ изъ Ніора сообщаетъ, что его бабка, жившая въ 1835 году около Ла-Рошели, разъ среди бѣла дня услышала страшный шумъ въ одной запертой и необитаемой комнатѣ своего дома. Отправившись туда вмѣстѣ со служанкой, она нашла, что фарфоровый чайный сервизъ, разставленный на каминѣ, сваленъ на полъ въ одну кучу и разбитъ. Ни кошки, ни мыши, ни вѣтеръ не могли этого сдѣлать, а впослѣдствіи оказалось, что какъ разъ въ тотъ же день и часъ одинъ изъ сыновей старушки, служившій солдатомъ въ Африкѣ, нечаянно былъ подстрѣленъ товарищемъ и умеръ отъ столбняка.

Г. Мишель, красильщикъ изъ Валабра, сообщаетъ, что, будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и оставаясь въ домѣ одинъ съ матерью, тогда какъ отецъ и братъ ушли ухаживать за больной бабушкой, онъ легъ было спать, но, не успѣвъ еще заснуть, вдругъ получилъ сильную пощечину. Ясный слѣдъ руки на правой щекѣ сохранялся у него въ теченіе шести мѣсяцевъ. Бить его, конечно, никто и не думалъ, но бабушка умерла какъ разъ въ минуту полученія пощечины.

Г-жа Обалешева (Obalechef) изъ Одессы сообщаетъ, что разъ вечеромъ, улегшись спать въ одной комнатѣ со своей горничной и ребенкомъ, но не успѣвъ еще заснуть, она увидала своего деверя, жившаго въ Твери, Николая Ниловича Обалешева. Онъ былъ въ туфляхъ и халатѣ, котораго она никогда у него не видала. Войдя въ комнату, онъ перешагнулъ черезъ горничную, лежавшую на полу, и сѣлъ въ кресла, а потомъ, посидѣвъ немного, тихо вышелъ. Горничная также его ясно видѣла. Впослѣдствіи оказалось, что онъ какъ разъ въ этотъ день и часъ и въ такомъ точно костюмѣ умеръ.

И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Для того, чтобы не утомить вниманіе читателей, мы на этомъ и остановимся.

Переходя къ обсужденію своей казуистики, авторъ прежде всего старается очистить ее отъ подозрѣнія въ сознательной поддѣлкѣ фактовъ корреспондентами, въ чемъ ее едва ли кто-нибудь и заподозритъ—обманъ былъ бы слишкомъ безцѣленъ, да обманщики сочинили бы и болѣе сенсаціонные разсказы. Затѣмъ онъ стремится устранить подозрѣнія въ безсознательномъ преувеличеніи, въ подстругиваніи, такъ сказать, фактовъ къ вѣрованіямъ, говоря, что когда дѣло касается смерти дорогихъ лицъ, то явленіе оставляетъ въ душѣ ясный и неизмѣнимый слѣдъ, особенно у лицъ, находящихся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, каковы всѣ тѣ, письма которыхъ Фламмаріонъ приводитъ въ своей книгѣ. Съ этимъ нельзя безусловно согласиться. Всякій изъ насъ знаетъ, что среди лицъ, находящихся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, отнюдь не желающихъ лгать, все же встрѣчаются натуры, даже въ самыхъ критическихъ положеніяхъ не могущія отказаться отъ легкаго прикрашиванія дѣйствительности. Но это не важно; если нѣкоторыя подробности ихъ разсказа и не вѣрны, то суть все же имѣетъ свою цѣну, тѣмъ болѣе, что въ казуистикѣ Фламмаріона встрѣчаются случаи, въ которыхъ точность разсказа подтверждена неопровержимо, какъ, напримѣръ, въ томъ (письмо 167), гдѣ жена офицера индійской арміи точнѣе узнала день и часъ смерти своего мужа изъ появленія его призрака, чѣмъ военное министерство изъ подлинныхъ реляцій о сраженіи.

Затѣмъ Фламмаріонъ вполнѣ справедливо доказываетъ, что случаи, разсказанные его корреспондентами, нельзя отнести къ разряду чистыхъ галлюцинацій, въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Галлюцинаціями называются ложныя ощущенія, причины которыхъ (нервное разстройство) лежатъ внутри организма, а не внѣ его. Не будучи вызваны внѣшними причинами, галлюцинаціи поэтому могутъ совпадать съ дѣйствительными происшествіями весьма рѣдко и вполнѣ случайно. Между тѣмъ въ казуистикѣ, собранной Фламмаріономъ, встрѣчается только семь процентовъ явленій, не совпадающихъ съ дѣйствительностью; въ остальныхъ же внѣшняя причина оказалась налицо, тогда какъ внутренней не отмѣчено—всѣ корреспонденты были люди здоровые и вообще галлюцинаціями не страдали.

Съ одной стороны, разсужденія эти вѣрны, конечно, но съ другой—что же такое фиктивныя физическія явленія (звонъ разби-

Digitized by Google

тыхъ стеколъ, напримѣръ, оказавшихся потомъ цѣлыми; хлопанье дверей и оконъ, которыя даже не отворялись, и проч.) какъ не галлюцинаціи, хотя бы коллективныя? Да, наконецъ, и всѣ-то явленія умирающихъ (фигуры ихъ, голоса, прикосновенія и т. п.) суть тоже галлюцинаціи, то-есть ложныя ощущенія, происходящія отъ внутреннихъ причинъ, то-есть нервнаго разстройства, съ тою только весьма существенною разницей, что послѣднее-то можетъ быть дѣйствительно обусловлено причинами внѣшними, дѣйствующими внезапно, съ далекихъ разстояній, на совершенно здоровый и неподготовленный организмъ.

Все это такъ, все это возможно и мыслимо, но не были ли совпаденія такихъ галлюцинацій съ дѣйствительностью случайными? Случай творитъ вѣдь иногда замѣчательно куріозныя совпаденія. Самъ Фламмаріонъ разсказываетъ объ этомъ такія вещи, которымъ съ трудомъ можно повѣрить. Вотъ, напримѣръ, что случилось съ нимъ самимъ. Женясь, онъ, какъ извѣстно, рѣшился совершить свадебное путешествіе не по желѣзной дорогѣ, а на воздушномъ шарѣ, при чемъ обѣщалъ взять съ собою и вѣнчавшаго его священника. Въ день полета, однако же, священникъ, хотя и предупрежденный заранѣе, не явился во-время къ тому мѣсту, съ котораго шаръ долженъ былъ подняться. Не желая его ждать, Фламмаріонъ съ женою рѣшили скрыть отъ него свой полетъ и взять его съ собою когда-нибудь въ другой разъ. Но случай рѣшилъ иначе. Изъ всѣхъ возможныхъ направленій, какія могъ принять шаръ, онъ принялъ именно то, котораго принимать не слѣдовало, то-есть полетѣлъ прямо на ту дачу въ окрестностяхъ Парижа, на которой въ это время жилъ священникъ! Въ результатѣ—ссора.

Другой случай еще замѣчательнѣе. Сидитъ Фламмаріонъ въ своемъ кабинетѣ и пишетъ главу «О вѣтрахъ» для «Атмосферы», съ которою наши читатели теперь знакомятся. Груда исписанныхъ листочковъ, съ примѣрами куріознаго дѣйствія вѣтровъ, лежитъ передъ нимъ на столѣ. Вдругъ одно изъ трехъ оконъ кабинета съ шумомъ распахивается, вѣтеръ подхватываетъ листочки и уноситъ ихъ въ противоположное окно, выходящее на каштановую аллею и стоявшее открытымъ. Въ то же время разражается гроза со страшнымъ ливнемъ, такъ что искать разлетѣвшихся листочковъ — безполезно. Фламмаріонъ совсѣмъ было помирился съ этою потерей и сталъ писать главу заново, но спустя нѣсколько дней ему вдругъ приносятъ изъ типографіи эту главу уже набранной! Развѣ не чудо? Вѣтеръ какъ бы самъ отнесъ въ типографію разсказы о своихъ продѣлкахъ! Но чудо это объяснилось очень просто. Въ моментъ его совершенія разсыльный изъ типографіи завтракалъ въ домѣ Фламмаріона. Переждавъ грозу, онъ пошелъ по аллеямъ обратно, увидалъ разбросанные листочки, узналъ руку Фламмаріона, подумалъ, что самъ ихъ растерялъ, поспѣшилъ собрать и отнесъ въ типографію, никому не сказавъ ни слова о приключеніи.

Но удивительнѣйшее изъ случайныхъ совпаденій пришлось испытать довольно извѣстному поэту, автору либретто «Гугенотовъ», Эмилю Дешану (Deschamps). Будучи мальчикомъ, онъ обѣдалъ однажды съ нѣкіимъ г. Фонжибю, эмигрантомъ, только-что вернувшимся изъ Англіи. Въ честь рѣдкаго гостя, хозяева приготовили плумъ-пуддингъ —блюдо, въ тѣ времена во Франціи неизвѣстное. Мальчику это блюдо очень понравилось, и воспоминаніе о немъ сохранилось поэтому надолго. Прошло лѣтъ десять и Дешанъ, уже взрослый молодой человѣкъ, проходя въ Парижѣ по одному изъ бульваровъ, видитъ въ окнѣ ресторана великолѣпный плумъ-пуддингъ. Вспомнивъ, какъ это вкусно, онъ заходитъ въ ресторанъ и требуетъ себѣ кусокъ рѣдкаго блюда, но оказывается, что оно заказано... все тѣмъ же господиномъ Фонжибю, значительно постарѣвшимъ. Старые знакомые узнаютъ другъ друга и кушаютъ плумъ-пуддингъ вмѣстѣ. Прошло еще много лѣтъ, и Дешана, пожилого уже человѣка, какіе-то знакомые приглашаютъ на плумъ-пуддингъ. Дешанъ, смѣясь, предсказываетъ, что въ такомъ случаѣ на обѣдъ долженъ явиться и г. Фонжибю, но хозяева никогда не слыхивали о такомъ господинѣ. Пообѣдали благополучно, но когда было подано заколдованное блюдо и разговоръ коснулся г. Фонжибю, вдругъ входитъ лакей и докладываетъ о прибытіи послѣдняго! Оказывается, что онъ, теперь уже глубокій старикъ, былъ приглашенъ на обѣдъ къ кому-то въ тотъ же домъ и ошибся дверью... Три раза въ жизни — плумъ-пуддингъ, и всякій разъ съ однимъ и тѣмъ же лицомъ! Дешанъ полагаетъ, что сошелъ бы

Digitized by Google

съ ума, если бы ему еще разъ пришлось ѣсть плумъ-пуддингъ съ г. Фонжибю.

Такъ вотъ какія куріозныя бываютъ случайности. И онѣ не особенно рѣдки. Не найдется, пожалуй, ни одного человѣка, въ жизни котораго ихъ бы не было, а у иныхъ (какъ, напримѣръ, у Фламмаріона) даже по нѣскольку разъ. Люди, играющіе въ азартныя игры, почти всегда становятся суевѣрными, благодаря куріознымъ случайностямъ, часто встрѣчающимся при этихъ играхъ.

Не принадлежатъ ли и явленія, собранныя Фламмаріономъ, тоже къ числу случайныхъ? Понимая, что отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ судьба всего предпріятія, Фламмаріонъ долго на немъ останавливается, разсуждаетъ и доказываетъ, но разсужденія его едва ли могутъ выдержать серіозную критику.

Начинаетъ онъ со слѣдующаго приложенія теоріи вѣроятностей къ своей казуистикѣ: годовая смертность во Франціи равняется 22 на тысячу; суточная будетъ, слѣдовательно, въ 365 разъ меньше, то-есть 22 на 365000 или 1 на 16591; значитъ, по мнѣнію автора, имѣется только одинъ шансъ противъ 16591 за то, чтобы чья-либо смерть совпала съ телепатическимъ ея проявленіемъ въ теченіе тѣхъ же сутокъ, если бы такое совпаденіе было случайнымъ. Между тѣмъ, какъ выше было сказано, девяносто три процента проявленій совпадаютъ со смертью, да не только на разстояніи сутокъ, а даже иногда часъ въ часъ и минута въ минуту. Изъ этого Фламмаріонъ заключаетъ, что проявленія умирающихъ не могутъ быть случайными, а относятся къ смерти, какъ слѣдствіе къ причинѣ.

Разсужденіе это, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ вѣрно, или, лучше сказать, совсѣмъ невѣрно. Цифра 16591 никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ. Она показываетъ только, что во Франціи въ теченіе сутокъ на каждаго умершаго остается 16591 человѣкъ въ живыхъ. При чемъ тутъ телепатическія проявленія? Для того, чтобы статистическимъ путемъ доказать отсутствіе случайности въ такихъ проявленіяхъ, слѣдовало бы опредѣлить процентное ихъ отношеніе къ числу смертей вообще, а также и процентное отношеніе совпавшихъ проявленій къ несовпавшимъ. Если при этомъ окажется, что бо́льшая часть смертей проявляется телепатически, или, по крайней мѣрѣ, что бо́льшая часть телепатическихъ проявленій совпадаетъ со смертями, то тогда можно будетъ сдѣлать заключеніе о томъ, что первыя относятся къ послѣднимъ, какъ слѣдствіе къ причинѣ.

Но насколько малъ вообще процентъ телепатически проявляющихся смертей—это сразу видно. Если бы Фламмаріонъ собралъ не двѣ, а сто тысячъ случаевъ телепатіи за все столѣтіе (такъ какъ вѣдь его казуистика дѣйствительно относится къ цѣлому столѣтію—есть письма, указывающія на дѣдовъ и прадѣдовъ, на первые годы XIX вѣка), то и тогда это было бы каплей въ морѣ, потому что за сто лѣтъ во Франціи умерло не менѣе шестидесяти шести милліоновъ людей (22 × число тысячъ въ милліонѣ × число милліоновъ жителей × 100 лѣтъ), при чемъ только ничтожная ихъ часть ($^1/_{66}$ доля процента) проявила бы себя телепатически.

Что касается процентнаго отношенія совпавшихъ проявленій къ несовпавшимъ, то для этого слѣдовало бы знать точное число послѣднихъ, чего мы не знаемъ, да едва ли и знать можемъ. Изъ того, что въ казуистикѣ, собранной авторомъ, несовпавшія проявленія составляютъ всего только семь процентовъ, вовсе не слѣдуетъ, что ихъ только и было. Въ самомъ дѣлѣ, кому въ жизни не случалось слышать необъяснимые звуки[1]), испытывать какъ бы какія-то «прикосновенія», «дуновенія», безпричинную тоску, иногда даже видѣть какія-нибудь неопредѣленныя формы и проч. и проч. безъ того, чтобы всѣ эти явленія совпали съ чьими-нибудь смертями? А разъ они не совпадаютъ, то тотчасъ же и забываются, особенно если не были слишкомъ яркими, пугающими. Между тѣмъ бо́льшая часть случаевъ, собранныхъ Фламмаріономъ, принадлежитъ

---

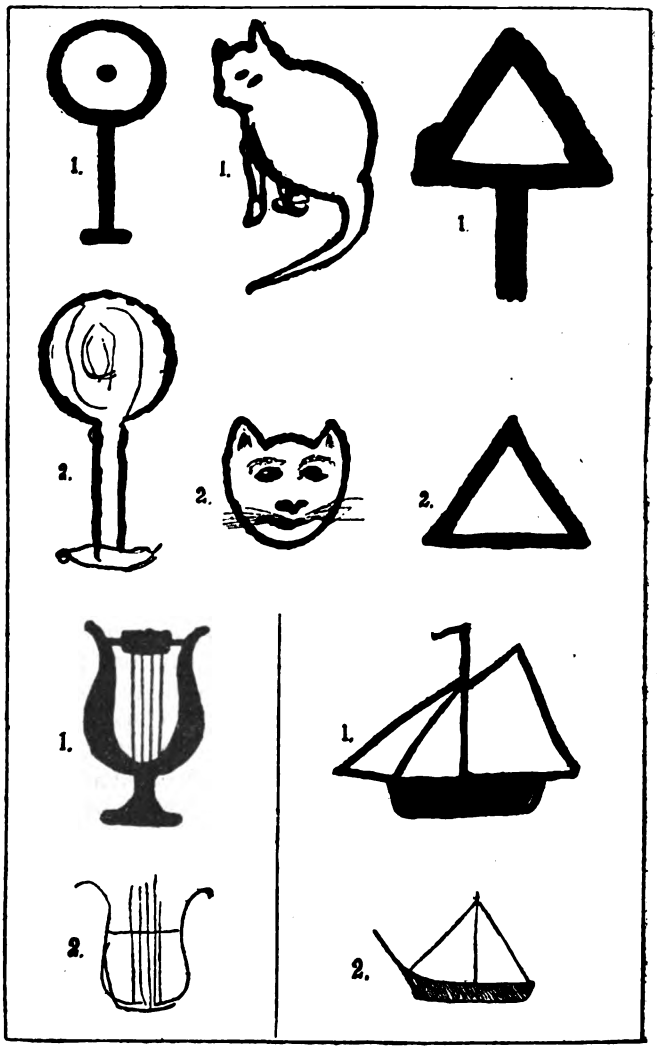
[1]) Иногда очень сильные. Пишущій эти строки, напримѣръ, будучи мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати и сидя въ ясное лѣтнее утро въ одной изъ комнатъ своей квартиры, услыхалъ вдругъ какъ бы паденіе шкапа съ посудой, стоявшаго въ сосѣдней комнатѣ. Весь домъ слышалъ этотъ страшный шумъ и всѣ сбѣжались къ шкапу, который оказался невредимымъ. Изъ сосѣднихъ домовъ этотъ шумъ долетѣть не могъ, такъ какъ таковыхъ кругомъ не было на далекомъ разстояніи (нашъ домъ стоялъ среди сада). Ни съ какимъ несчастіемъ это странное явленіе не совпало, а запомнилось благодаря своей сравнительной грандіозности.

Digitized by Google

именно къ числу такихъ неяркихъ, смутныхъ, легко забывающихся. То кто-нибудь слышалъ свое имя, произнесенное знакомымъ голосомъ; то занавѣски или пологъ постели ни съ того, ни съ сего заколебались; то въ дверь или въ окно кто-то какъ будто постучался; то до плеча или до лба дотронулся; то поцѣлуй или дуновеніе почувствовались; то какая-то странная форма или несуществующая собака привидѣлась и такъ далѣе. Съ кѣмъ же этого по нѣскольку разъ въ жизни не бывало? Если записать всѣ такія явленія, то совпавшихъ между ними будетъ, пожалуй, гораздо меньше $^1/_{66}$ процента.

Да еще вопросъ—насколько данное явленіе совпало со своей предполагаемой причиною. Если имѣть въ виду, что далеко не во всѣхъ письмахъ (пожалуй, даже въ меньшинствѣ) дата совпаденія строго опредѣлена, что самое это опредѣленіе, гдѣ оно есть, не всегда точно («въ тотъ же день», «въ тотъ же вечеръ», «около такого-то часа») и можетъ быть безсознательно приструганнымъ впослѣдствіи, то отъ статистическихъ доказательствъ автора рѣшительно ничего не останется. Всякая случайность можетъ повторяться чаще, чѣмъ совпаденіе чьей-либо смерти съ «прикосновеніями», «дуновеніями», «колебаніями занавѣсокъ» и «стуками въ дверь», или «призывами, произнесенными знакомымъ голосомъ» (которымъ у автора посвящена даже особая глава).

Слишкомъ незначительны всѣ эти явленія и слишкомъ часто повторяются безъ всякаго совпаденія для того, чтобы они могли что-нибудь значить. Но они были бы недостаточны для окончательнаго рѣшенія даннаго вопроса даже и тогда, когда бы дѣйствительно сопровождали девяносто три процента всѣхъ смертей и были бы гораздо значительнѣе. Мы каждый день пьемъ чай вскорѣ послѣ восхода солнца и все-таки этотъ нашъ актъ никакого отношенія къ солнцу не имѣетъ, а связанъ съ необходимостью подкрѣпиться послѣ продолжительнаго поста (въ данномъ случаѣ—сна), въ какое бы время сутокъ эта необходимость ни наступила. Post hoc еще не значитъ propter hoc.



Опыты воспроизведенія рисунковъ по внушенію.
(1. Оригиналъ.—2. Воспроизведеніе)
(См. стр. 391—392).

Вообще количественный, статистическій путь въ данномъ вопросѣ едва ли приго-

Digitized by Google

денъ. Если одинъ и тотъ же нумеръ въ рулеткѣ могъ выдти пять разъ сряду, какъ говоритъ Фламмаріонъ (вѣроятность $=35^5=\frac{1}{52521875}$); если по два раза сряду онъ выходитъ довольно часто; если игроки становятся суевѣрными, благодаря частому повторенію куріозныхъ совпаденій и случайностей; если теорія вѣроятностей даетъ справедливыя предсказанія только при безконечно большомъ числѣ опытовъ и никогда ничего не можетъ признать абсолютно невозможнымъ, то полагаться на нее для оцѣнки фактовъ столь рѣдкихъ и капризныхъ, какъ явленія телепатіи, по нашему мнѣнію, невозможно.

Другое дѣло—путь качественный, такъ сказать. Если брошенный кверху типографскій шрифтъ, падая обратно, рядомъ съ самыми разнообразными сочетаніями буквъ, всякій разъ будетъ укладываться, между прочимъ, и въ правильно составленные слоги, а иногда составитъ и какое-нибудь одно сложное слово, то это явленіе всѣми будетъ приписано случаю. Но если онъ хоть одинъ разъ за все время существованія вселенной самопроизвольно уложится такъ, чтобы составить «Иліаду» или «Евгенія Онѣгина», то такого явленія никто случаю не припишетъ, да оно и не можетъ быть случайнымъ, хотя бы теорія вѣроятностей это допускала. Дѣло въ томъ, что эта теорія относится только къ такимъ явленіямъ, которыя доступны математическому анализу, то-есть къ явленіямъ, обусловленнымъ вѣчно, постоянно и неизмѣнно дѣйствующими силами, въ какихъ бы сочетаніяхъ эти силы между собою ни находились (отчего и зависитъ «случай»). А «Иліада» или «Евгеній Онѣгинъ» суть созданія разума, духа человѣческаго—энергіи, хотя, можетъ быть, и вѣчной для природы вообще, но для земной природы безспорно новой, сравнительно недавно въ нее вторгшейся, не постоянной, а прогрессивно-эволюціонирующей и потому кажущейся вполнѣ свободною, даже капризною. Если теорія вѣроятностей и можетъ предугадать нѣкоторыя явленія физической жизни генераторовъ этой энергіи—людей, то подробностей психической ихъ дѣятельности она предугадать не можетъ, потому что они обусловлены силою безпрерывно измѣняющеюся, крайне тонкой и разнообразной. Спеціальная работа этой силы, характеризующаяся видимой цѣлесообразностью, не можетъ быть результатомъ коллизіи другихъ міровыхъ энергій, отъ которой зависитъ то, что мы называемъ случаемъ, и въ которой можно отличить лишь причины и слѣдствія, а отнюдь не цѣли и средства.

Увидавъ поэтому типографскій шрифтъ, самопроизвольно сложившійся въ «Иліаду», мы обязаны отвергнуть въ такомъ явленіи случайность, и признать его дѣломъ той энергіи, которая одна только можетъ его обусловить, точно такъ же, какъ увидавъ какое бы то ни было движеніе, мы обязаны предположить движущую силу.

Между тѣмъ складываніе шрифта въ отдѣльные слоги, хотя бы всякій разъ повторяющіеся, ровно ничего не значитъ или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не указываетъ на участіе въ этомъ дѣлѣ разума.

Точно то же можно сказать и относительно «дуновеній», даже хлопанья дверьми, паденія сервизовъ и другихъ болѣе обыкновенныхъ, но совершенно не разумныхъ явленій. Причина для нихъ какая-нибудь есть, конечно. Найти эту причину очень интересно, но нѣтъ никакихъ основаній искать ее въ психической энергіи, да еще отдѣльно отъ тѣла существующей, какъ самостоятельная, индивидуальная сущность. Если въ этихъ явленіяхъ психика и замѣшана какъ-нибудь, то, во всякомъ случаѣ, въ видѣ энергіи механической, то-есть не свободной, не индивидуальной, повсюду однообразно разлитой и только проявляющейся лишь тамъ, гдѣ встрѣтитъ подходящія для того условія, при томъ роковымъ образомъ, однимъ словомъ, похожей на всѣ другія энергіи, свѣтовую, тепловую, электрическую и такъ далѣе.

Но явленія, собранныя Фламмаріономъ, даже на такую энергію съ положительностью не указываютъ, потому что колебанія такихъ энергій всегда роковымъ, то-есть непроизвольнымъ образомъ отзываются во всей вселенной. Одна потухшая электрическая лампа усиливаетъ свѣтъ всѣхъ остальныхъ, питающихся изъ одного съ нею источника; всякая энергія, встрѣчая препятствіе для своей дѣятельности, неминуемо превращается въ какую-нибудь другую; нагрѣваніе или охлажденіе одной точки Земного Шара производитъ цѣлый переворотъ и въ почвѣ, и въ воздухѣ. Поэтому всякая поту-

Digitized by Google

хающая душа человѣческая (если признать ее особой формой міровой энергіи) должна бы тоже гдѣ-нибудь какъ-нибудь проявиться. Мы не говоримъ, чтобы этого и не было на самомъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ Фламмаріонъ своей казуистикой проявленія умирающихъ этого не доказалъ — слишкомъ рѣдки, незначительны, безпорядочны, не точно описаны, а главное—другими причинами объяснимы всѣ эти явленія: случайностью, безсознательнымъ мышленіемъ, ожиданіемъ смерти близкаго человѣка, при знаніи его характера и обстановки, галлюцинаціями (то-есть, по вѣрному опредѣленію автора, ложными ощущеніями, зависящими отъ причинъ внутреннихъ) etc. etc.

Но если онъ не доказалъ существованія души, какъ особой, разлитой въ мірѣ, психической энергіи, то тѣмъ менѣе казуистика его доказываетъ существованіе душъ, какъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ сущностей. Для первой цѣли необходимо было бы представить значительно болѣе частые случаи значительно болѣе точныхъ совпаденій между смертью и ея проявленіями [1]), при томъ гораздо болѣе объективными, а для второй — представить хоть одинъ вполнѣ достовѣрный случай полной передачи мысли отъ умирающаго живому, да мысли неоспоримо новой для послѣдняго и сложной. Однимъ словомъ, именно что-нибудь въ родѣ «Иліады», сложившейся изъ шрифта. Въ другихъ отдѣлахъ его книги, какъ увидимъ ниже, есть нѣчто подобное, но въ первомъ отдѣлѣ, которому онъ придаетъ, кажется, особое значеніе, по нашему мнѣнію, не имѣется.

За обсужденіемъ казуистики, собранной въ этомъ отдѣлѣ, слѣдуетъ глава, посвященная галлюцинаціямъ собственно такъ называемымъ, то-есть ложнымъ ощущеніямъ, обусловленнымъ причинами внутренними, при чемъ авторъ старается рѣзко отграничить ихъ отъ явленій телепатическихъ, имѣющихъ причины внѣшнія. Старанія эти, однако же, по нашему мнѣнію, не приводятъ къ цѣли. Изъ примѣровъ, представляемыхъ авторомъ, видно, что онъ какъ бы готовъ считать одно и то же явленіе телепатическимъ, если оно совпало съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ происшествіемъ, и галлюцинаціей, если не совпало. Вотъ, напримѣръ, два случая, для сравненія. Г. Андрэ Блохъ сообщаетъ, что его мать однажды утромъ, одѣваясь, вдругъ ясно увидѣла, рядомъ съ собою, четырнадцатилѣтняго племянника своего, Рене Крэмера, который, улыбаясь, сказалъ ей: «Ну, да, я умеръ». Аг. І. М. сообщаетъ, что онъ разъ вечеромъ, только-что успѣвъ лечь на кровать, почувствовалъ, что на ноги ему навалилась какая-то тяжесть, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказавшаяся хорошенькимъ мальчикомъ, который смотрѣлъ на него улыбаясь. Явленіе было такъ ясно и такъ испугало г. І. М., что онъ даже инстинктивно постарался толкнуть его кулакомъ. Мальчикъ при этомъ перепрыгнулъ черезъ спинку кровати и исчезъ. Какая разница между этими двумя явленіями? Между тѣмъ первое изъ нихъ авторъ считаетъ телепатическимъ, а второе—галлюцинаціей, только потому, что Рене Крэмеръ дѣйствительно умеръ въ данный день (и часъ), а изъ знакомыхъ І. М. никто не умиралъ.

По нашему мнѣнію, при научномъ анализѣ фактовъ, съ ними нельзя обращаться такъ безцеремонно. Для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, авторъ долженъ былъ бы или признать и во второмъ случаѣ телепатію (почему бы въ самомъ дѣлѣ и не такъ? Развѣ не могъ въ эту самую минуту умереть гдѣ-либо мальчикъ, хотя и не знакомый г-ну І. М., но съ душой, «одинаково настроенной»?), или смотрѣть и на первый, какъ на случайное совпаденіе галлюцинаціи съ дѣйствительностью. Вообще отдѣлъ проявленія умирающихъ, по нашему мнѣнію, обставленъ у Фламмаріона весьма неудовлетворительно. Не полагаясь на однихъ только своихъ корреспондентовъ, онъ изъ литературы могъ бы набрать казуистику болѣе доказательную, хотя, можетъ быть, и не столь богатую. Но одна «Иліада», какъ мы выше видѣли, стоитъ дороже милліона простыхъ слоговъ.

Вотъ въ главѣ, трактующей о психическомъ дѣйствіи живыхъ лицъ, однихъ на

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могутъ имѣть не только всевозможныя дуновенія, но даже и полная картина смерти, со всѣми ея подробностями, если она появилась за полъ-часа до происшествія или полъ-часа спустя послѣ него? Тогда она будетъ только галлюцинаціей, случайно совпавшей съ дѣйствительностью и вѣрной лишь потому, что галлюцинирующій приблизительно знаетъ и характеръ и обстановку умирающаго. Да вопросъ еще—насколько вѣрной?

Digitized by Google

другія, о передачѣ мыслей, у Фламмаріона помѣщены даже нѣсколько такихъ «Иліадъ».

Въ самомъ дѣлѣ, помимо всевозможныхъ внушеній въ гипнотическомъ снѣ, всѣмъ извѣстныхъ опытовъ съ отгадываніемъ коротенькихъ мыслей и желаній, исполненія какихъ-нибудь нехитрыхъ и односложныхъ приказаній: «Возьми такую-то книгу и положи туда-то», «Принеси карандашъ и подай тому-то» и проч. и проч., авторъ приводитъ и слѣдующіе, дѣйствительно замѣчательные примѣры.

Г-нъ Мельвиль Ру, архитекторъ изъ Торнака, сообщаетъ, что когда онъ былъ ученикомъ коллежа въ Алэ (Alais), то часто вмѣстѣ съ другими своими товарищами занимался украшеніемъ мѣстной церкви передъ разными религіозными торжествами. Пользуясь случаемъ, молодые люди заходили иногда и въ склепъ, находящійся подъ церковью, гдѣ были похоронены прежніе священники. Полуразломанные гробы послѣднихъ стояли прямо на землѣ, въ низкомъ сводчатомъ помѣщеніи, потолокъ котораго былъ весь покрытъ надписями — именами прежнихъ учениковъ, записанными копотью отъ свѣчки. Воспоминаніе объ этомъ склепѣ осталось у г-на Ру неизгладимое. Лѣтъ пять или шесть спустя, кончивъ курсъ и живя въ Нимѣ, онъ встрѣтился съ однимъ книгопродавцемъ, г-мъ Саллемомъ, который былъ очень увлеченъ тѣмъ, что тогда (въ 1850 году) называлось животнымъ магнетизмомъ. Саллемъ сталъ пробовать усыпить г-на Ру, но безуспѣшно. Другіе, однако же, весьма легко были имъ усыпляемы, и, между прочимъ, одна старуха, лѣтъ шестидесяти, служанка, чаще прочихъ служила для его опытовъ. Однажды, когда она заснула, г-нъ Ру взялъ ее за руку и, совершенно машинально вспомнивъ о склепѣ, рѣшился провести ее мысленно туда. Прежде всего онъ сообщилъ ей, что повезетъ ее въ Алэ, по желѣзной дорогѣ; затѣмъ войдя мысленно въ коллежъ, спросилъ старуху, что она видитъ. Старуха подробно описала ему прихожую, затѣмъ лѣстницу; войдя въ капеллу, она перекрестилась передъ алтаремъ, потомъ сдѣлала всѣ нужныя движенія для того, чтобы сдвинуть одну скамейку и поднять трапъ, ведущій къ склепу; осторожно сошла туда по лѣсенкѣ и, увидавъ гробы, испугалась, даже не хотѣла идти дальше. Успокоивъ ее, какъ могъ, Ру мысленно подвелъ ее къ гробамъ и просилъ описать ихъ.

— Этотъ точно будто бы покрытъ снѣгомъ!—сказала старуха про первый, который, въ дѣйствительности, былъ засыпанъ известью.

— Какіе прекрасные волосы!—замѣтила она относительно черепа, дѣйствительно покрытаго густыми волосами.

— Ахъ, какъ красиво! Шелкъ и золото! —воскликнула старуха при видѣ аббата, похороненнаго въ церковныхъ ризахъ.

— А вотъ посмотрите-ка на потолокъ, я вамъ посвѣчу, — сказалъ Ру, — что вы видите?

— Имена,—отвѣчала старуха.

— Прочтите ихъ.

И она дѣйствительно прочла тѣ, которыя Ру хорошо помнилъ!

Изъ Алэ Ру заставилъ старуху (опять-таки мысленно) пройти пѣшкомъ въ Андузъ и зайти тамъ въ одинъ знакомый ему домъ. Старуха подробно описала дорогу, внѣшность дома, лѣстницу, комнаты, но... не могла описать жильцовъ. Тогда Ру вспомнилъ, что онъ и самъ ихъ не знаетъ.

А вотъ другой случай, сообщенный генераломъ Нуазэ.

Интересуясь магнетизмомъ, но неудовлетворенный обычными его пустяковыми проявленіями, генералъ попросилъ сомнамбулу описать, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ въ этотъ день—а онъ вмѣстѣ съ герцогомъ Монпансье осматривалъ рельефные планы крѣпости на чердакахъ Отеля Инвалидовъ. На вопросъ: куда онъ отправился послѣ завтрака, сомнамбула, не колеблясь, отвѣчала:

— Въ Тюльери.

Не довольствуясь этимъ отвѣтомъ, генералъ заставилъ ее описать: по какой лѣстницѣ онъ поднялся, какими коридорами и залами шелъ и гдѣ, наконецъ, остановился.

— Тутъ вы ждали, — сказала сомнамбула.

— Что же дальше?

— Пришелъ высокій молодой человѣкъ, съ которымъ вы говорили.

— Кто былъ этотъ молодой человѣкъ?

— Не знаю.

— Посмотрите хорошенько.

— А, это сынъ короля!

— Который?

— Не знаю.

Digitized by Google

Какъ ни наводилъ ее генералъ, сомнамбула не узнала герцога Монпансье, такъ что пришлось сообщить ей это.

— Потомъ что было?

— Потомъ вы сѣли въ карету.

— Одинъ?

— Нѣтъ, съ герцогомъ.

— Гдѣ я сидѣлъ?

— Слѣва, на заднемъ сидѣньи.

— Одни мы были въ каретѣ?

— Нѣтъ, спереди сидѣлъ еще толстый господинъ.

— Кто же былъ этотъ господинъ?

— Не знаю.

— Подумайте.

— Это былъ король, — сказала сомнамбула.

— Какъ же это могло быть, чтобы я сидѣлъ на заднемъ сидѣньи, а король на переднемъ?

— Не знаю; я не знаю этого господина...

И такъ далѣе, при чемъ сомнамбула вѣрно описала, какъ они ѣхали, куда пріѣхали и что дѣлали, не могла только назвать рельефныхъ картъ (потому что никогда не видывала), хотя точно ихъ описала, да Отель Инвалидовъ узнала лишь тогда, когда пришлось изъ него уѣзжать.

Наконецъ, третій случай, сообщенный въ 1894 году докторомъ Кэнтаромъ (Quintard) Анжерскому медицинскому обществу, особенно замѣчателенъ, такъ какъ въ немъ не могло быть никакой поддѣлки (чего нельзя сказать о предыдущемъ). Вотъ этотъ случай.

Здоровый, крѣпкій, веселый пятилѣтній мальчикъ, Людовикъ Х., подъ руководствомъ своей матери, начинаетъ изучать таблицу умноженія. Но съ первыхъ же шаговъ этого изученія оказывается, что онъ ее уже знаетъ —стоитъ задать ему любую цифровую задачу, какъ онъ рѣшаетъ ее, даже не думая. Такія удивительныя способности обратили, конечно, на себя вниманіе и долго служили развлеченіемъ всему городу. Года черезъ два, когда мальчику было уже семь лѣтъ, онъ попадаетъ подъ наблюденіе доктора Кэнтара, при чемъ оказывается, что какую бы задачу по задачнику ему ни задали (напримѣръ, зная, что земной радіусъ равняется 6366 километрамъ, а разстояніе отъ Земли до Солнца въ 24,000 разъ больше его, опредѣлить это разстояніе, выразивъ его не въ километрахъ, а въ лье), онъ, даже не прислушиваясь къ ея условіямъ, сразу даетъ вполнѣ точный отвѣтъ. Для того, чтобы такой отвѣтъ получился, необходимо, однако же, чтобы мать Людовика была тутъ и чтобы она знала или видѣла передъ собою рѣшеніе задачи. Въ виду этого докторъ Кэнтаръ заподозрѣлъ, что мальчикъ вовсе не дѣлаетъ въ умѣ никакихъ вычисленій, а просто читаетъ мысли матери. Чтобы убѣдиться въ справедливости своего предположенія, онъ попросилъ госпожу Х. взять въ руки простой лексиконъ и, пристально глядя на какое-нибудь слово, цифру или фразу, спрашивать у мальчика, что она видитъ. Оказалось, что онъ безъ ошибки, повторилъ всѣ эти слова, цифры и фразы! Оказалось также, что онъ угадываетъ подрядъ всѣ карты въ колодѣ, считаетъ деньги въ закрытомъ портмонэ, свободно переводитъ съ любого языка, при единственномъ условіи — чтобы мать была тутъ и знала отвѣтъ на предлагаемые ему вопросы.

Вотъ это дѣйствительно «Иліады», которыхъ ни галлюцинаціей, ни случайностью объяснить нельзя; ихъ однѣхъ достаточно для того, чтобы признать чтеніе мыслей возможнымъ [1]).

Но въ томъ же отдѣлѣ есть и еще нѣсколько интересныхъ сообщеній, напримѣръ, о цѣломъ рядѣ хорошо обставленныхъ опытовъ Охоровича съ внушеніемъ на разстояніи (хотя сущность внушеній всегда очень первобытна—«Подите туда-то, принесите то-то»); о колдунахъ въ простонародьи, которые мучили своихъ враговъ при помощи такого внушенія; объ опытахъ Эмиля Дебо съ отгадываніемъ предметовъ и А. Шмолля— съ внушеніемъ рисунковъ (эксперимента-

---

[1]) Для того, чтобы доказать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ дѣйствительно чтеніе мыслей, а не что-либо другое, авторъ, помимо исторіи Людовика Х., приводитъ еще слѣдующій, очень остроумный опытъ доктора Бертрана.

У одного извѣстнаго магнетизера, мистика по натурѣ, всѣ сомнамбулы видѣли всегда загробную жизнь, ангеловъ и духовъ разнаго рода, чѣмъ магнетизеръ и подкрѣплялъ обыкновенно свои взгляды. Другой магнетизеръ, желая доказать первому, что онъ ошибается и что сомнамбулы видятъ только то, что происходитъ въ его головѣ, предложилъ ему во время сеанса думать о духахъ, сидящихъ за столомъ и кушающихъ индѣйку. Сомнамбула дѣйствительно увидала эту картину — духи кушали, хотя она не могла сказать, что именно...

Digitized by Google

торъ чертитъ на бумагѣ какую-нибудь фигуру, а испытуемые, сидящіе задомъ къ нему и съ завязанными глазами, стараются повторить ее; на прилагаемомъ рисункѣ видно, насколько имъ это удается (см. стр. 387), и такъ далѣе.

Большинство сообщеній, однако же, относящихся къ этому отдѣлу, состоитъ все-таки изъ «дуновеній» и «прикосновеній», то-есть такихъ ничтожныхъ фактовъ, которые отмѣчаются только въ такомъ случаѣ, когда совпали съ дѣйствительностью, а иначе тотчасъ же забываются. То два пріятеля одновременно пишутъ другъ къ другу объ одномъ и томъ же; то мужъ съ женою одновременно думаютъ одно и то же; то кто-нибудь слышитъ «призывъ» въ то время, когда другой о немъ думаетъ, и такъ далѣе. Всѣ такіе факты получаютъ значеніе только въ виду научно признанной уже возможности передачи мыслей, а сами по себѣ не могли бы служить неоспоримымъ доказательствомъ этой возможности, если бы даже встрѣчались въ жизни на каждомъ шагу. А они, какъ мы видѣли, встрѣчаются, или, лучше сказать, совпадаютъ съ дѣйствительностью весьма рѣдко. Столь же рѣдко удается передача мыслей и при опытахъ. Изъ 2997 опытовъ, произведенныхъ Рише, удалось только 789, изъ 17653 опытовъ Марилье—4760, а изъ 400 опытовъ миссъ Уингфильдъ—27. Изслѣдователи утѣшаютъ себя тѣмъ, что, по теоріи вѣроятностей, въ первомъ случаѣ должно бы получиться только 732 удачи, во второмъ—4413, а въ третьемъ — 4. Но разница эта столь незначительна, что по сравненію съ нею плумъ-пуддингъ г-на Фонжибю или какая-нибудь рутерка въ игрѣ въ штоссъ [1]) являются положительно явленіями закономѣрными, обусловленными не случайностью, а особой таинственной силой (можетъ быть, это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, но мы пока не имѣемъ никакого права думать такимъ образомъ).

Какъ бы то ни было, однако же, вышеприведенныя «Иліады», вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими опытами и сообщеніями, обязываютъ насъ допустить возможность передачи мыслей даже на большомъ разстояніи, а если это такъ, то и телепатическія явленія, несомнѣнно, возможны, что, собственно говоря, давно уже принято наукою.

Разсуждая о причинѣ этихъ явленій, авторъ совершенно справедливо говоритъ, что «всякое живое существо есть динамическій центръ, фокусъ. Самая мысль есть динамическій актъ, сопровождающійся частичными движеніями въ мозгу.» А разъ это такъ, то что же мудренаго, если такое движеніе будетъ передаваться на разстояніи, какъ звукъ, какъ свѣтъ, какъ лучистое тѣло? Удивительно было бы, еслибъ оно не передавалось.

Но сравнивъ передачу мыслей на разстояніи съ передачей звука, свѣта и тепла, мы тѣмъ самымъ признали уже существованіе особой психической энергіи, аналогичной прочимъ міровымъ энергіямъ—свѣтовой, тепловой, электрической, но, какъ это ни странно, хуже всѣхъ ихъ нами изученной, хотя мы-то сами и служимъ ея генераторами или, лучше сказать, аппаратами, приспособленными для ея проявленія.

Почему же, однако, эта энергія передается такъ рѣдко? Почему передача совершается иногда въ такой неправильной, капризной формѣ—вмѣсто предсмертной мысли моего умирающаго отца я слышу, напримѣръ, хлопанье дверей или стукъ посуды (которая даже при этомъ дѣйствительно разбивается)? Почему всѣ эти явленія часто не совпадаютъ ни съ чьею смертью, ни съ чьею обо мнѣ мыслью? Почему они не могутъ быть вызваны по желанію? Фламмаріонъ не даетъ никакого отвѣта на всѣ эти вопросы, ссылаясь на то, что проявленія психической энергіи слишкомъ плохо еще нами изучены, гораздо хуже, чѣмъ проявленія энергіи электрической, напримѣръ, а между тѣмъ и тѣ кажутся намъ иногда капризными (странные, по своему разнообразію, эффекты молніи).

Эту главу своей книги авторъ кончаетъ слѣдующими положеніями:

«Телепатія можетъ и должна быть внесена въ науку, какъ безспорный фактъ.»

«Души людей могутъ дѣйствовать другъ на друга безъ посредства внѣшнихъ чувствъ.»

«Психическая энергія существуетъ, но природа ея намъ совершенно неизвѣстна.»

Спорить съ этимъ, конечно, едва ли кто-нибудь будетъ.

Въ трехъ слѣдующихъ главахъ Фламмаріонъ разсуждаетъ о снахъ—простыхъ, такъ сказать, физіологическихъ, обусловленныхъ

[1]) Пишущій эти строки знаетъ случай, въ которомъ такая рутерка была даваема банкометомъ цѣлый вечеръ, то-есть разъ сто подъ-рядъ.

Digitized by Google

внутренними причинами (состояніемъ организма, воспоминаніями, безсознательнымъ мышленіемъ, ассоціаціей идей и т. д.), и телепатическихъ, обусловленныхъ причинами внѣшними, то-есть колебаніями психической энергіи, если можно такъ выразиться, идущими издалека, отъ другихъ фокусовъ этой энергіи. Разсужденія повсюду сопровождаются примѣрами.

О простыхъ снахъ онъ не говоритъ ничего новаго, и примѣры такихъ сновъ не особенно интересны, да и очень малочисленны.

Телепатическіе сны зато иллюстрированы примѣрами весьма богато. Даже въ первомъ ихъ отдѣлѣ, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о проявленіи умирающихъ, на ряду все съ тѣми же однообразными «дуновеніями», «прикосновеніями» и «призывами», которые считаются имѣющими внѣшнюю причину лишь тогда, когда болѣе или менѣе точно совпали съ дѣйствительностью, появляется уже нѣкоторое разнообразіе. Помимо умирающихъ близкихъ людей, душа которыхъ переносится черезъ пространство къ перципіенту и является ему во снѣ, здѣсь уже можно встрѣтить проявленія умершихъ иногда такимъ лицамъ, которыхъ они при жизни совсѣмъ не знали; въ одномъ случаѣ (XV) проявилась даже умирающая собака. Ко всѣмъ такимъ случаямъ нельзя, конечно, примѣнить той теоріи, которую Фламмаріонъ примѣнялъ къ проявленіямъ умирающихъ близкихъ людей. Если собака, умирая, и могла думать о своей хозяйкѣ, то президентъ Карно въ минуту своей смерти никакъ не могъ думать о дѣвицѣ, которую не зналъ и не видывалъ. Авторъ вкратцѣ замѣчаетъ, что въ этихъ случаяхъ душа перципіента сама отправлялась на мѣсто смерти существъ, ее интересующихъ, подробное же обсужденіе явленій такого рода откладываетъ до слѣдующей книги.

Но въ отдѣлѣ сновъ—предвѣстниковъ будущаго и сновъ, въ которыхъ появляются вѣрныя картины происшествій, совершающихся на далекомъ разстояніи, опять встрѣчаются «Иліады», объяснить которыя простой случайностью никакъ нельзя. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Г-нъ Вильмотъ, фабрикантъ изъ Бриджпорта, сообщаетъ, а его жена и сестра подтверждаютъ слѣдующій случай. 3-го октября 1863 года разсказчикъ выѣхалъ на пароходѣ «City of Limerick» изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ вмѣстѣ со своею сестрою, тогда какъ жена его находилась въ Америкѣ, въ Уотертаунѣ. На второй день по выѣздѣ на морѣ поднялась сильная буря, продолжавшаяся восемь дней и чуть не погубившая судна. За все это время пассажиры не могли выспаться какъ слѣдуетъ, а потому, какъ только буря стала утихать, г-нъ Вильмотъ крѣпко заснулъ въ одной изъ кормовыхъ каютъ, въ которой было двѣ койки, одна надъ другою, но такъ, что вслѣдствіе кривизны корпуса судна верхняя койка отступала отъ нижней немного кнаружи. Г-нъ Вильмотъ занималъ нижнюю. Ночью ему приснилось, что жена его въ ночномъ костюмѣ вошла въ каюту и увидавъ, что онъ тамъ не одинъ, поколебалась немного, стоя у порога, но затѣмъ обняла его, поцѣловала и ушла. Проснувшись тотчасъ же послѣ этого сна, г-нъ Вильмотъ былъ очень удивленъ, что спутникъ его, нѣкій Вильямъ Тэтъ, очень религіозный и положительный человѣкъ, сидя въ своей койкѣ и опершись на локоть, пристально смотритъ на него. Посмотрѣвъ такимъ образомъ нѣсколько секундъ, онъ, наконецъ, сказалъ: «Экій вы счастливецъ—васъ дамы посѣщаютъ.» На вопросъ Вильмота, что онъ хочетъ этимъ сказать, Тэтъ объяснилъ, что давно уже не спитъ и ясно видѣлъ, какъ въ каюту проходила дама, въ какомъ она была костюмѣ и что дѣлала.

Высадившись въ Нью-Іоркѣ, Вильмотъ тотчасъ же отправился въ Уотертаунъ. Первымъ вопросомъ его жены было: видѣлъ ли онъ ее недѣлю тому назадъ, во вторникъ?—«Какъ же я могъ видѣть, когда мы были за 1000 миль въ морѣ!» Тогда жена ему разсказала, что, узнавъ о страшной бурѣ и о гибели парохода «Африка», вышедшаго изъ Бостона въ тотъ же день, когда Вильмотъ выѣхалъ изъ Ливерпуля, она очень встревожилась и, какъ разъ въ ту ночь, когда онъ видѣлъ ее во снѣ, часамъ къ четыремъ утра, почувствовала себя перенесенною на «City of Limerick», который подробно описала, такъ же, какъ и всѣ переходы до каюты своего мужа, и эту каюту, и расположеніе коекъ, и даже Вильяма Тэта—однимъ словомъ, повторила весь сонъ г-на Вильмота. Сестра послѣдняго, подтверждая его показаніе, прибавляетъ, что Вильямъ Тэтъ на другой день послѣ этого сна спрашивалъ ее, не приходила ли она къ нимъ въ каюту, такъ какъ онъ ясно видѣлъ даму въ ночномъ костюмѣ.

Digitized by Google

Бывшій судья, а нынѣ депутатъ г-нъ Бераръ сообщаетъ слѣдующее. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, находясь на слѣдствіи гдѣ-то въ маленькомъ курортѣ, затерявшемся среди лѣсистыхъ горъ, онъ пошелъ разъ гулять и заблудился въ лѣсу. Только къ вечеру удалось ему выбраться на дорогу, какъ разъ къ какому-то постоялому двору, весьма не представительному по наружности. Но до города было далеко, наступала ночь, и г-нъ Бераръ рѣшился ночевать на этомъ постояломъ дворѣ, несмотря на невольный страхъ, внушаемый ему обстановкою и хозяевами. Когда ему отвели комнату въ верхнемъ этажѣ дома, то онъ, тщательно осмотрѣвъ ее, открылъ, что, кромѣ запирающейся двери въ коридоръ, въ ней есть еще незапирающаяся и полускрытая обоями дверь на какую-то лѣстницу, ведущую прямо на дворъ. Заставивъ эту дверь столомъ, стуломъ и умывальникомъ, г-нъ Бераръ легъ спать и тотчасъ же крѣпко заснулъ. Среди ночи онъ былъ разбуженъ скрипомъ отодвигаемаго стола и увидѣлъ даже лучъ свѣта, проникавшій сквозь щель двери. Сильно испуганный, онъ громко спросилъ: «Кто тамъ?» Свѣтъ тотчасъ же исчезъ, и все замолкло. Послѣ этого г-нъ Бераръ долго не могъ заснуть, конечно, да и заснувъ подъ утро, безпрестанно просыпался отъ кошмара. При этомъ онъ видѣлъ во снѣ, что дверь на лѣстницу отворяется, и въ нее входитъ хозяинъ постоялаго дома съ ножемъ въ рукахъ, а на порогѣ стоитъ его жена, закрывая одною рукою свѣтъ отъ фонаря, который держитъ въ другой. Подойдя къ постели, хозяинъ погружаетъ ножъ въ сердце спящаго, а затѣмъ они оба съ женою берутъ трупъ (хозяинъ — за ноги, а жена его — за голову) и уносятъ его внизъ по лѣстницѣ, при чемъ хозяинъ держитъ кольцо фонаря въ зубахъ.

Утромъ, проснувшись въ холодномъ поту, г. Бераръ съ радостью созналъ, что онъ невредимъ и поспѣшилъ уйти изъ постоялаго двора, а потомъ, конечно, и забылъ о немъ.

Прошло три года. Просматривая однажды газеты, г. Бераръ наткнулся на корреспонденцію изъ того курорта, о которомъ выше шла рѣчь. Въ этой корреспонденціи сообщалось, что весь городокъ встревоженъ внезапнымъ исчезновеніемъ одного изъ курсовыхъ посѣтителей, довольно извѣстнаго адвоката Виктора Арно, восемь дней тому назадъ отправившагося гулять въ горы и съ тѣхъ поръ не возвращавшагося. Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ появилась еще корреспонденція относительно того же загадочнаго случая. Слѣды В. Арно были найдены. Въ день исчезновенія его видѣли около того самаго постоялаго двора, въ которомъ когда-то ночевалъ Бераръ. Арно тоже сказалъ кому-то, что собирается ночевать тамъ; но хозяинъ двора не признается, говоритъ, что Арно только заходилъ къ нему отдохнуть, а потомъ ушелъ. Между прочимъ, дѣвочка, пасшая скотину, видѣла, какъ на другой день послѣ происшествія хозяйка постоялаго двора прятала въ болотѣ окровавленную простыню. Благодаря дурной славѣ этого двора (шесть лѣтъ тому назадъ почти при такихъ же условіяхъ тамъ же исчезъ одинъ англичанинъ-туристъ) и по вышеприведеннымъ уликамъ, хозяева его были арестованы, но не сознавались.

Прочитавъ все это, Бераръ тотчасъ отправился на мѣсто дѣйствія и предложилъ слѣдователю свои услуги. На первомъ же допросѣ хозяйка, не узнавъ, конечно, Берара, заявила, что Арно не могъ у нихъ ночевать, такъ какъ обѣ комнаты для проѣзжихъ были заняты извозчиками (подтвердившими этотъ фактъ). Бераръ вдругъ спросилъ ее:

— А третья комната, надъ конюшней?

Увидавъ, что эти слова очень поразили хозяйку, Бераръ не далъ ей опомниться и разсказалъ свой сонъ, со всѣми его подробностями, при чемъ обвиняемая чуть не упала отъ ужаса и не могла удержаться отъ восклицанія:

— Вы, стало быть, все видѣли!

Затѣмъ она, однако же, опять начала запираться и отрицать фактъ убійства. Но зато, когда слѣдователь передалъ сонъ Берара ея мужу, то тотъ сразу сознался, думая, что жена его выдала.

— Ахъ, каналья! Она дорого мнѣ за это заплатитъ!—сказалъ онъ.

Помимо этихъ двухъ сообщеній, въ главахъ, касающихся сновъ, есть много весьма интереснаго: сбывшіяся предчувствія и предсказанія [1]) разнаго рода; необъяснимое ясно-

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ, сообщенное г-жей Леконтъ-де-Лилль, золовкою извѣстнаго поэта. Нѣкоему г-ну X. гадалка предсказала, что онъ умретъ отъ укушенія змѣи; поэтому онъ всю жизнь избѣгалъ такихъ мѣстъ, гдѣ водятся змѣи, и въ особенности острова Мартиники, знаменитаго въ

Digitized by Google

видѣніе сценъ, происходящихъ вдали и имѣющихъ произойти въ будущемъ, съ подробностями, иногда поразительными; случаи вполнѣ вѣрнаго, несмотря на свою запутанность, діагноза болѣзней, поставленнаго въ гипнотическомъ снѣ лицами, не имѣющими никакого понятіями о болѣзняхъ, ни о патологической анатоміи; случаи операцій, сдѣланныхъ по указаніямъ ясновидящей и подъ гипнозомъ; случаи открытія ясновидящими преступленій и проч. и проч.

Къ сожалѣнію, всѣ эти интересные разсказы весьма мало вяжутся съ предположенной авторомъ психической энергіей, подобной всѣмъ другимъ міровымъ энергіямъ, такъ какъ если-бы даже наступившія колебанія ея, возбуждаемыя въ одномъ концѣ вселенной, и могли бы проявляться въ другомъ [1]), то колебанія, только имѣющія наступить въ отдаленномъ будущемъ, никоимъ образомъ, нигдѣ и никакъ проявиться бы не могли. Это все равно, какъ если бы волна бури, имѣющей случиться черезъ десять лѣтъ, выбросила на берегъ судно, которое въ настоящую минуту идетъ мимо этого берега. Для объясненія всѣхъ такихъ явленій (предвидѣнія, пророческихъ сновъ, предсказаній и проч.), если будетъ положительно доказано, что они не случайны, нужно создать другую гипотезу, которая, собственно говоря, уже и существуетъ въ наукѣ (безсознательное мышленіе, ассоціація идей, полузабытыя воспоминанія, работа воображенія и проч.; случай, разсказанный Бераромъ, легко всѣмъ этимъ объясняется). Правда, что многіе случаи (напримѣръ, происшествіе съ Вильмотомъ) и затѣмъ остаются необъясненными.

Въ заключительной главѣ своего сочиненія Фламмаріонъ, указавъ на то, что телепатическія явленія были извѣстны съ древнѣйшихъ временъ, и приведя тому примѣры изъ Библіи, греческихъ, римскихъ, средневѣковыхъ и новыхъ писателей, переходитъ къ окончательнымъ заключеніямъ. Первымъ изъ этихъ заключеній является слѣдующее: Положительныя наблюденія доказываютъ существованіе психическаго міра, столь же реальнаго, какъ и тотъ, который доступенъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ.

Но что же такое этотъ психическій міръ,— существуетъ ли онъ какъ особая субстанція или только какъ энергія—атрибутъ субстанціи?

Мы знаемъ (или предполагаемъ), что міровыя энергіи—свѣтъ, тепло, электричество, звукъ, тяготѣніе—не суть субстанціи, а лишь состоянія субстанціи. Звукъ есть волнообразное колебаніе воздуха, дающее отъ 32 до 36000 волнъ въ секунду; электричество — такое же колебаніе гипотетической субстанціи (эфира), дающее отъ одного до тридцати пяти милліардовъ волнъ въ секунду; свѣтъ — колебаніе эфира со скоростью 400—756 трилліоновъ разъ въ секунду, и такъ далѣе.

Никто никогда не видалъ воочію ни звука, ни свѣта, ни электричества, а видятъ только ихъ эффекты. Въ данномъ случаѣ мы тоже никогда не видали души, а видѣли лишь эффекты, ею производимые. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что и она не есть субстанція, а только атрибутъ—динамическая энергія, подобная свѣту, теплу, электричеству?

Фламмаріонъ, очевидно, склоняется къ тому, что не слѣдуетъ. По его мнѣнію, весьма кратко, запутанно и неясно мотивированному, душа (да не только душа, а, пожалуй, и электричество, и всѣ остальныя энергіи) должна быть признана отдѣльной субстанціей, цѣликомъ переносящейся съ мѣста на мѣсто, а не энергіей, только возбуждающей движенія въ другихъ субстанціяхъ. Поэтому онъ и считалъ себя въ правѣ сдѣлать тѣ общія заключенія, которыя были нами приведены въ началѣ этой статьи.

Что касается насъ, то мы никакъ не мо-

этомъ отношеніи. Случилось, однако же, такъ, что при одномъ изъ своихъ переѣздовъ онъ долженъ былъ остановиться около этого острова, хотя на берегъ не выходилъ. Во время остановки судна на бортъ, по обыкновенію, явились негритянки, торговки фруктами. Г. Х. хотѣлъ взять апельсинъ у одной изъ нихъ, но въ ту минуту, когда онъ протянулъ руку къ корзинѣ, изъ нея выскочила змѣя и ужалила его. Змѣю убили, но г. Х. черезъ нѣсколько часовъ умеръ.

[1]) Такія передачи вполнѣ возможны. Нота, взятая на рояли, заставляетъ дрожать струну скрипки или арфы, настроенную въ томъ же тонѣ. Авторъ весьма остроумно замѣчаетъ, что если бы другія струны могли разсуждать, то онѣ признали бы безпричинное, съ ихъ точки зрѣнія, дрожаніе своей говарки за галлюцинацію. Нужно только помнить, что у струнъ нѣтъ внутреннихъ причинъ для дрожанія, а у человѣка онѣ могутъ быть...

Digitized by Google

жемъ признать за нимъ такого права. Изъ того матеріала, который онъ собралъ въ своей книгѣ, по нашему мнѣнію, можно вывести только одно заключеніе, а именно то, что среди поддѣлокъ, преувеличеній и случайностей, которыми завалена арена наблюденій надъ психической жизнью человѣка, встрѣчаются, дѣйствительно, факты, не поддающіеся объясненію при помощи гипотезъ, принятыхъ господствующимъ въ наукѣ (матеріалистическимъ) міровоззрѣніемъ; что есть въ природѣ, даже нашей собственной, нѣчто такое, чего наука до сихъ поръ не замѣтила; что это нѣчто—будетъ ли то психическая энергія, повсюду разлитая и аналогичная прочимъ міровымъ энергіямъ, или, въ самомъ дѣлѣ, рядъ индивидуальныхъ субстанцій, душъ,—что это нѣчто во всякомъ случаѣ рѣзко отличается отъ другихъ энергій и субстанцій элементомъ цѣлесообразности, разумности. Въ то время, какъ надъ матеріей и движущими ею энергіями царствуетъ законъ соотвѣтствія причинъ со слѣдствіями, психическое нѣчто управляется закономъ соотвѣтствія цѣли со средствами. Неодушевленная природа не отвѣчаетъ на вопросъ: зачѣмъ? А одушевленная на него отвѣчаетъ.

Разъ это такъ, разъ такого рода факты замѣчены, — наука не можетъ ихъ игнорировать, наблюденія и опыты должны продолжаться, прежде всего съ цѣлью окончательно констатировать исключительность и существованіе такого рода фактовъ, ихъ особую, не подводимую ни подъ какой изъ извѣстныхъ намъ законовъ натуру. И только тогда, когда это будетъ сдѣлано, наука можетъ приступить къ подробному изученію ихъ характера, путемъ точныхъ наблюденій и опытовъ. Что же касается окончательныхъ выводовъ, то съ ними надо подождать для того, чтобы предвзятая мысль не вліяла на ходъ работы, хотя вѣровать въ тотъ или другой исходъ послѣдней никому не воспрещается. Не нужно только принимать эту вѣру за точное знаніе.

Начиная свою книгу, Фламмаріонъ, какъ опытный ученый, обѣщалъ вести изслѣдованіе именно по этому плану, но, по экспансивности своей натуры, весьма быстро сбился съ него и, не успѣвъ съ достаточной для науки точностью констатировать даже самую дѣйствительность явленій, поспѣшилъ уже сдѣлать изъ нихъ окончательный выводъ.

Въ самомъ дѣлѣ, большинство изъ собранныхъ имъ случаевъ не только допускаетъ, какъ мы видѣли, самыя разнообразныя толкованія (случайность, галлюцинаціи, сознательное и безсознательное пристругиваніе и проч.), но даже прямо преднамѣренную поддѣлку. Врачамъ извѣстно, до какой степени нервные люди, въ особенности истеричныя женщины, падки ко всему чудесному и какъ остроумно поддѣлываютъ онѣ иногда это чудесное, съ цѣлью просто играть въ немъ роль. Помимо такихъ, невинныхъ въ сущности,—по крайней мѣрѣ, матеріально,—безкорыстныхъ поддѣлокъ, чудесное симулируется еще и съ корыстными видами: фокусники, мошенники, даже ловеласы разнаго рода весьма часто пользуются чудеснымъ для прикрытія своихъ маленькихъ или большихъ грѣховъ. Въ провинціи, у насъ, по крайней мѣрѣ, сплошь и рядомъ мѣстный Донъ-Жуанъ сходитъ за домового въ глазахъ какой-нибудь маменьки или бабушки, которая впослѣдствіи готова будетъ поклясться, что видѣла его своими глазами, и даже наружность подробно опишетъ (вышеприведенный случай съ Вильмотомъ очень подозрителенъ въ этомъ отношеніи). Если наукѣ не пристало быть тупо-инертною, то тѣмъ болѣе не пристало ей быть и легковѣрной игрушкой нервныхъ дамъ, фокусниковъ и ловеласовъ. Сомнѣніе и строгая критика должны служить ей основаніемъ. И вотъ это-то основаніе въ книгѣ Фламмаріона недостаточно прочно поставлено, по нашему мнѣнію.

Затѣмъ, въ этой книгѣ отсутствуетъ правильная классификація, положительно необходимая для того, чтобы разобраться среди массы разнородныхъ фактовъ. Выше мы видѣли, до какой степени сбивчива и безсистемна составленная Фламаріономъ программа, а въ изложеніи онъ еще болѣе перепуталъ рубрики.

Наконецъ, не успѣвъ ни убѣдить насъ въ неподдѣльности собранной имъ казуистики, ни классифицировать ее надлежащимъ образомъ, ни обсудить съ подобающимъ наукѣ безпристрастіемъ, не успѣвъ даже какъ слѣдуетъ разграничить понятія о душѣ—какъ энергіи и душѣ—какъ субстанціи, онъ спѣшитъ сдѣлать окончательные выводы, оказывающіеся, конечно, неосновательными и потому дискредитирующіе все предпринятое имъ дѣло.

Digitized by Google

А дѣло это стоитъ того, чтобы имъ заняться. Въ наукѣ накопилось уже достаточное количество фактовъ (Фламмаріонъ могъ бы найти ихъ, покопавшись въ литературѣ, преимущественно психіатрической), незыблемо установленныхъ и неопровержимо доказывающихъ существованіе особой психической энергіи, равномѣрно ли разлитой въ природѣ и аналогичной другимъ міровымъ энергіямъ, или концентрирующейся, такъ сказать, въ индивидуальные пучки, можетъ быть, даже субстанціи (разсматриваетъ же наука матерію какъ систему вихрей, какъ динамическое уплотненіе въ нѣкоторомъ родѣ). Но и помимо науки, помимо всякихъ чудесъ въ обыденной жизни, на всякомъ шагу встрѣчаются проявленія этой энергіи. Подмѣтить ихъ, классифицировать, изучить—составляетъ дѣло будущаго.

Но какъ бы ни была безсистемна, сбивчива, запутана и малодоказательна книга Фламмаріона,—богатая казуистика, горячее отношеніе автора къ дѣлу, смѣлый полетъ его мысли и отдѣльныя, свѣтлыя идеи, разбросанныя по всему сочиненію, дѣлаютъ его достойнымъ не только прочтенія, но и храненія въ наукѣ въ качествѣ склада сырыхъ, малообработанныхъ матеріаловъ, которые со временемъ могутъ пригодиться.

И все-таки это только складъ сырыхъ матеріаловъ — карандашный набросокъ, сдѣланный при авангардной рекогносцировкѣ, а не точная карта, составленная топографомъ...

К. Т.

* * *

(АСНЫКА).

Любовь тайть и грезы
Мнѣ стало выше силъ;
На лепесточкѣ розы
Письмо ей начертилъ.

На бѣломъ лепесткѣ я
Излился весь въ словахъ,
Что, въ сердцѣ пламенѣя,
Блѣднѣютъ на устахъ.

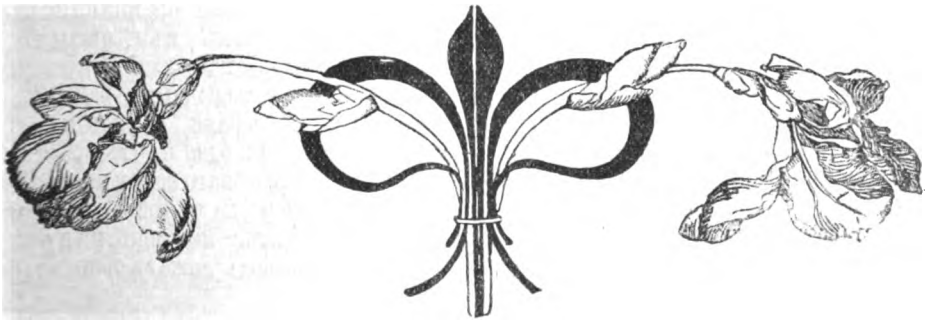
Мои тревоги муки...
Я все ей описалъ —
О чемъ въ тоскѣ разлуки
Я грезилъ и мечталъ.

Я лепесточекъ розы
Ужъ думалъ ей послать —
Изъ глазъ полились слезы,
Не могъ ихъ удержать.

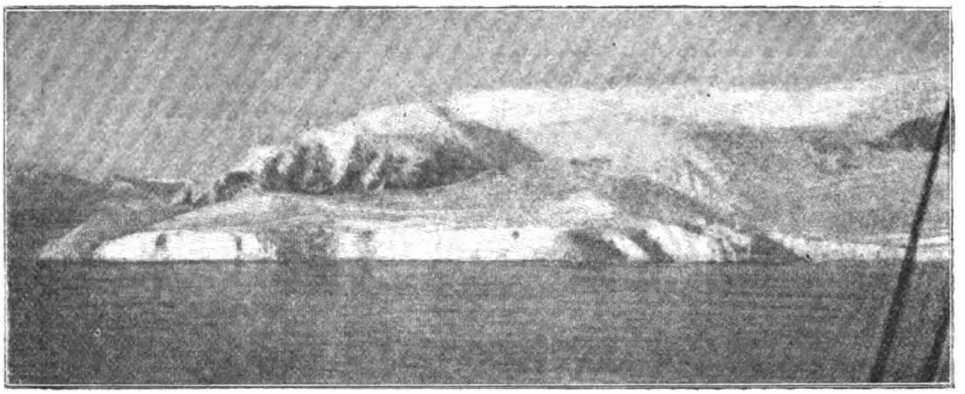
Когда хотѣлъ я снова
Взглянуть на лепестокъ,
Не видѣлъ я ни слова
Изъ блѣдныхъ нѣжныхъ строкъ.

Исчезло все признанье!
Погибло, какъ въ рѣкѣ,
Въ слезахъ — мое посланье
На бѣломъ лепесткѣ.

И. Гриневская.



Digitized by Google



Островъ Бруклинъ.

ПЯТНАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ЮЖНОМЪ ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ[1].

Взглядъ назадъ.

Вскорѣ послѣ описаннаго печальнаго происшествія туманъ разсѣялся, и немного вправо отъ направленія курса судна показалась сплошная ледяная стѣна въ 150 фут. высоты, простиравшаяся и на востокъ, и на западъ, до границъ горизонта. Когда «Бельгика» повернула на западъ и пошла вдоль этой стѣны, въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ нея, то надъ водою обрисовалась еще черная линія, оказавшаяся вскорѣ скалами. У восточнаго конца стѣны была масса пиковъ изъ вулканическихъ горныхъ породъ, откуда доносился рѣзкій запахъ гуано и оглушительное «гха-аахъ, гха-аахъ» безчисленныхъ милліоновъ пингвиновъ. Эта ледяная стѣна оказалась островомъ Лоу. Простоявши ночь у западной его оконечности, Герлахъ, видя на другое утро, что море успокоилось и погода какъ будто обѣщала прояснитъся, отдалъ приказаніе вновь взять курсъ на югъ по проливу Брансфильда, отдѣляющему Южно-Шетландскіе острова отъ собственно антарктическихъ земель. Переходъ былъ сопряженъ съ большими опасностями, потому что погода весь день продолжала оставаться туманной, а въ проливѣ встрѣчались многочисленныя плавучія ледяныя горы. Большинство ихъ имѣло форму прямоугольниковъ съ совершенно плоскими, какъ столъ, вершинами, а на бокахъ ихъ при уровнѣ моря волнами были вырыты чудные гроты. Туманъ придавалъ сѣрый оттѣнокъ этимъ обыкновенно голубымъ или зеленымъ гигантамъ, но и при такомъ освѣщеніи они были своеобразно красивы. Это не мѣшало имъ быть въ то же время и чрезвычайно опасными: подводныя части ихъ, далеко превышавшія своими размѣрами видимую часть горы, представляли собою настоящіе плавучіе рифы. Но «Бельгика» осторожно шла все дальше и дальше на югъ, подвигаясь къ обозначенному на картахъ заливу Юза.

Пусть теперь читатель взглянетъ на приложенныя двѣ карты (см. № 9, стран. 268 и 274). Маленькая представляетъ результатъ совокупныхъ изслѣдованій нѣсколькихъ антарктическихъ экспедицій, большая—сводку съемочныхъ работъ, произведенныхъ офицерами «Бельгики». Обѣ карты изображаютъ одно и то же мѣсто Земного Шара, но что общаго между ними? Тамъ, гдѣ на одной—море, на другой—суша, и наоборотъ, гдѣ на одной—материкъ, на другой—архипелагъ острововъ; даже въ общихъ очер-

[1]) См. «Нов. Журн. Иностр. Лит.» 1900 г., № 9.

Digitized by Google

таніяхъ нѣтъ между ними никакого сходства. Такой странный фактъ перестаетъ, однако, казаться удивительнымъ, если мы вспомнимъ, какъ до сихъ поръ составлялись карты той части антарктическихъ земель, которыя лежатъ къ югу отъ Южной Америки.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1818 году, англійскій торговый капитанъ Смитъ открылъ совершенно случайно Южно-Шетландскіе острова. На нихъ было констатировано множество тюленей разнообразныхъ породъ. Тюлени привлекли сюда англійскихъ и американскихъ промышленниковъ, которые такъ дѣятельно принялись за охоту, что въ нѣсколько лѣтъ почти совершенно истребили дорогихъ животныхъ. Въ поискахъ за новыми мѣстами для промысла, нѣкоторые наиболѣе предпріимчивые промышленники производили развѣдки къ югу отъ архипелага и при этомъ дѣлали новыя географическія открытія. Они видѣли земли съ горными вершинами, покрытыми льдами; они видѣли или думали, что видѣли, берега, тянувшіеся на далекое пространство въ томъ или иномъ направленіи; и они на глазъ судили о разстояніи одной части новооткрытой суши отъ другой. По возвращеніи на родину они разсказывали то, что видѣли. По этимъ смутнымъ показаніямъ географы составляли приблизительныя карты и давали названія новымъ землямъ. Такимъ путемъ американскій тюленепромышленникъ Натаніель Пальмеръ открылъ въ 1821 году Землю Пальмера и Землю Троицы. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1832 году, англійскій тюленепромышленникъ Бискоэ открылъ Землю Грагама, островъ Аделаиды и еще нѣсколько островковъ, которымъ было дано впослѣдствіи его имя. Еще позднѣе, въ 1878 году, нѣмецкій промышленникъ Дальманъ открылъ проливъ Бисмарка и острова императора Вильгельма. Теперь очевидно, что всѣ эти острова, земли и проливы не могутъ считаться реально существующими или, по крайней мѣрѣ, существующими въ томъ видѣ и размѣрахъ, какъ они показаны на картахъ, до тѣхъ поръ, пока ихъ существованіе не будетъ констатировано строго научной экспедиціей.

«Но что же», спросите вы, «дѣлали до сихъ поръ научныя антарктическія экспедиціи? Или ихъ не было вовсе?» Нѣтъ, онѣ были, но, во-первыхъ, ихъ было мало: въ теченіе всего девятнадцатаго столѣтія ихъ можно насчитать только четыре: русская въ 1819—21 году Беллингсгаузена, американская (1835—1840) Вилькса, французская (1837—1840) Дюмонъ-д'Юрвиля и англійская (1839—1843) Джемса Росса. Во-вторыхъ же, какъ мы указывали въ предисловіи, ни одной изъ нихъ не удалось совершить достаточно многочисленныхъ и достаточно продолжительныхъ высадокъ. Между тѣмъ опытъ экспедиціи Герлаха показываетъ, что далеко не одно и то же—судить о размѣрахъ, качествѣ и протяженіи берега издали или находясь на немъ самомъ.

Сказаннаго достаточно, чтобы не удивляться, что бельгійская экспедиція не нашла обширнаго залива Юза, а вмѣсто него встрѣтила гораздо менѣе широкій входъ въ новый проливъ, и что изъ открытыхъ «Бельгикой» частей суши только немногія можно отождествить съ показанными на прежнихъ картахъ: островъ Льежъ, вѣроятно, тождественъ съ островомъ Госисона, а острова Двухъ торосовъ (Two hammocks Islands), гора Вильяма и бухта Бискоэ оказались дѣйствительно существующими, но только не на тѣхъ мѣстахъ, какъ показывали прежнія карты. Земля Пальмера распалась на архипелагъ острововъ. По поводу послѣдняго факта нельзя не замѣтить, что каждый новый шагъ въ сферѣ познанія взаимнаго распредѣленія суши и моря въ антарктическихъ странахъ до сихъ поръ состоялъ всегда въ томъ, что части предполагаемаго материка распадались на комплексъ острововъ, отъ чего границы этого материка отодвигались все далѣе на югъ; экспедиція Герлаха не составляетъ исключенія изъ этого правила.

Но вернемся къ прерванному разсказу о дѣйствіяхъ экспедиціи.

Первая высадка.

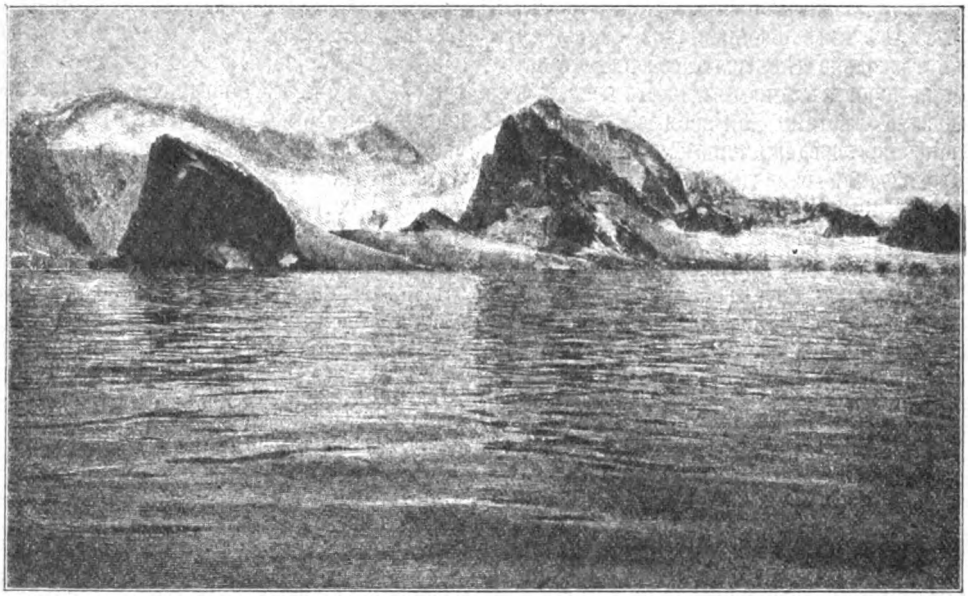
23-го января, въ 3 часа пополудни, странный бѣлый туманъ показался на южной сторонѣ горизонта. Черезъ нѣсколько времени неясныя очертанія суши обрисовались въ этомъ туманѣ. Вершины горъ были покрыты мглою, которая какъ бы свѣтилась какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ,—частое явленіе, составляющее одну изъ самыхъ поразительныхъ особенностей южныхъ полярныхъ странъ. Когда подошли ближе, то оказалось, что суша эта не представляла собой одной безконечной ледяной стѣны, а была вся изрѣзана глубокими долинами и высокими горами.

Digitized by Google

Тамъ и сямъ виднѣлись большіе заливы, и одинъ изъ нихъ, особенно широкій, казалось, манилъ «Бельгику» на свой просторъ. Были вынуты всѣ карты этой мѣстности, какія только были въ распоряженіи экспедиціи; но тщетны были всѣ попытки фиксировать на бумагѣ положеніе судна.

Съ праваго борта судна виднѣлся гористый мысъ въ 2000 футовъ высотою; немного пониже его обнаженной маковки на немъ былъ накинутъ блестящій ледяной плащъ, ниспадавшій до самаго моря, гдѣ онъ кончался перпендикулярной ледяной стѣной въ 120 футовъ высоты. На западъ отъ этого примѣтнаго мыса (его назвали мысомъ Нейтъ) находился заливъ, а за нимъ длинный рядъ горъ, одѣтыхъ въ такую же ледяную мантію. Къ востоку находилось множество небольшихъ островов, по большей части покрытыхъ льдомъ, а за ними на юго-востокъ виднѣлись туманныя очертанія обширной бѣлой страны.

Первымъ дѣломъ направились къ упомянутой группѣ маленькихъ островковъ. Въ десять часовъ вечера «Бельгика» находилась настолько близко къ одному изъ нихъ, что можно было совершить высадку. Этотъ островъ назвали островомъ Августа, по имени несчастнаго Винке. Спустили лодку, и она быстро наполнилась желающими воспользоваться первымъ случаемъ ступить на антарктическую сушу. Все кругомъ говорило о какомъ-то иномъ, незнакомомъ мірѣ. Ландшафтъ, облака, атмосфера, море были полны таинственности. Даже тѣ изъ пассажировъ «Бельгики», кто бывалъ въ арктическихъ странахъ, напримѣръ, Гренландіи, на Шпицбергенѣ, находили теперь, что они видятъ нѣчто совсѣмъ новое. Несходство между арктическими и антарктическими странами столь же велико, какъ разстояніе между ними.



Часть архипелага Пальмеріи.

Солнце только-что скрылось за высокими горами, и наступила темная ночь. Но вода свѣтилась при ударахъ веслами страннымъ сѣроватымъ свѣтомъ, который давалъ возможность разбирать крупную печать. Тотъ же нѣжный свѣтъ окутывалъ всѣ горы и дѣлалъ очертанія ихъ настолько явственными, что въ теченіе всей ночи съ нихъ можно было снимать фотографіи. Небо, однако, продолжало оставаться темнымъ отъ черныхъ тучъ безпрепятственно подымавшихся съ Тихаго океана, чтобы выгрузить свой бѣлый снѣжный грузъ на окрестныя земли. Вѣтеръ утихъ совершенно; вода была гладка, какъ зеркало; земля совершенна спокойна. И среди этой тишины странное и глубокое впе-

Digitized by Google

чатлѣніе производили пронзительные крики чаекъ, грубое «гхааахъ», «гха-аахъ» пингвиновъ, внезапные и неожиданные фонтаны китовъ, всплески тюленей и дѣтскій пискъ птенцовъ на сосѣднихъ скалахъ.

Островъ, на который совершена была эта первая высадка и который впослѣдствіи получилъ наименованіе острова Августа, не былъ на видъ ничѣмъ замѣчателенъ. Это была груда скалъ, по большей части гранитныхъ и гнейсовыхъ. Сѣверные склоны были обнажены, ущелья еще заполнены зимнимъ ледянымъ покровомъ. Лодка пристала къ скалистому рифу. Арктовскій выскочилъ первымъ со своими геологическими мѣшочками и молоткомъ, за нимъ послѣдовалъ Раковитца, затѣмъ Герлахъ и Кукъ, спотыкаясь объ обломки льда и каменьевъ и о дерзкихъ пингвиновъ, которые шумно протестовали противъ высадки на ихъ островъ. Герлаху съ Кукомъ скоро, однако, пришлось вернуться, такъ какъ сильный прибой угрожалъ разбить лодку. И они совершили спокойную partie de plaisir по чудной глади волнъ, пока ихъ товарищи изслѣдовали островъ. Гулкое эхо отзывалось на каждый ударъ геологическаго молотка Арктовскаго, и шумный хоръ пингвиновъ привѣтствовалъ Раковитцу при переходѣ его съ одной скалы на другую. Около полуночи Герлахъ съ Кукомъ вернулись за экскурсантами. Обитателямъ острова не по нутру пришлись такіе настойчивые визитеры. Пингвины толпою собрались вокругъ нихъ, ударяя клювами въ ихъ сапоги; чайки грозно летали надъ ихъ головами, и даже безобидные бакланы летали взадъ и впередъ, вытягивая длинную шею по направленію къ нимъ, точно спрашивая о цѣли ихъ посѣщенія. Особенно импонирующее зрѣлище представляло то, что морскіе леопарды (особый видъ антарктическаго тюленя) вскарабкались на скалы, вызывающе фыркая, скаля зубы и тараща свои большіе стеклянные глаза. Когда отвалили отъ берега, было такъ темно, что нельзя было видѣть движеній этихъ животныхъ въ разстояніи всего нѣсколькихъ аршинъ, но своеобразный свѣтъ, разлитый на ландшафтѣ, позволилъ снять фотографію острова со всѣми деталями.

Ново-открытыя земли.

Съ разсвѣтомъ «Бельгика» тронулась дальше и въ 5 ч. утра очутилась посреди входа въ проливъ, манившій ее на югъ. Но прежде чѣмъ идти на югъ, было рѣшено изслѣдовать большой заливъ, лежавшій на востокъ, такъ какъ онъ легко могъ оказаться проливомъ, ведущимъ въ то свободное отъ льдовъ море, по которому англійскій тюленепромышленникъ Веддель безпрепятственно достигъ въ 1823 году 74°15′ южн. шир. Проходя вдоль берега этого пролива, въ разстояніи всего нѣсколькихъ миль отъ него, «Бельгика» тщательно изслѣдовала окаймлявшую его ледяную стѣну. Она оказалась совершенно сплошной. Внутренность страны была покрыта весь день тучами; но береговая линія была ясно видима и дала возможность положить ее на карту съ большою точностью.

Въ ночь на 25-е января, окончивъ изслѣдованіе этого залива, направились на западъ, поперекъ большого пролива, и утромъ, при совершенно ясной погодѣ, очутились предъ рядомъ ледяныхъ стѣнъ въ 50 — 150 фут. вышиною. Бѣлизна снѣга, лежавшаго на вершинѣ стѣнъ, положительно ослѣпляла глаза. Выбравъ здѣсь два мыска, гдѣ ледъ отчасти растаялъ и давалъ нѣкоторую возможность доступа къ берегу, совершили здѣсь вторую высадку: Данко съ магнитными инструментами, Раковитца, Арктовскій, за ними Кукъ и Амундсенъ на лыжахъ съ фотографической камерой и нѣсколько матросовъ съ баграми, ружьями и прочими снарядами для охоты на тюленей. Было такъ жарко, что одинъ изъ экскурсантовъ получилъ легкій солнечный ударъ. Заливчикъ, въ которомъ высадились, образованъ округленными, источенными льдомъ гранитными скалами. Все дико, скудно и голо было здѣсь; «но это—наши богатства,—справедливо замѣчаетъ Герлахъ,—потому что это — наши открытія. Арктовскій, откалывавшій молоткомъ кусочки обыкновеннаго гранита, казался рудокопомъ, открывающимъ золотоносную жилу. Раковитца собиралъ на рѣдкихъ проталинахъ среди толщи льда, покрывающаго почву, какое-нибудь ничтожнѣйшее растеньице съ такой заботливостью, будто дѣло шло о рѣдчайшей орхидеѣ.» Съ вершины стѣны берегового льда открывался великолѣпный видъ. На востокѣ лежалъ островъ съ двумя голыми холмами около 2500 фут. высотою (островъ двухъ торосовъ), и съ нихъ разстилалась во всѣ стороны бѣлоснѣжная ледяная скатерть. За островомъ,

Digitized by Google

еще дальше на востокъ, едва виднѣлись слабыя очертанія ледяныхъ береговъ залива, изслѣдованнаго наканунѣ. Въ проливѣ были разсѣяны многочисленныя плавучія ледяныя горы, у подножія одной изъ которыхъ стояла маленькая «Бельгика». Къ западу отъ наблюдательнаго пункта, который оказался расположеннымъ на небольшомъ островѣ, находился каналъ съ нѣсколькими рукавами, представляющими, повидимому, превосходныя гавани, а дальше, рукой подать, лежала большая земля, производившая своей комбинаціей черныхъ скалъ и бѣлыхъ ледяныхъ полей самое грандіозное впечатлѣніе.

Послѣ полудня «Бельгика» пошла вдоль западнаго берега пролива обратно на сѣверъ къ мѣсту первой высадки, чтобы оттуда начать сѣть тріангуляціи. Былъ ясный солнечный день съ почти безоблачнымъ небомъ. Термометръ стоялъ почти на точкѣ замерзанія, но воздухъ былъ спокоенъ и сухъ. Всѣ были одѣты въ обыкновенное платье, безъ пальто, а когда гребли или взбирались на гору, то снимали и сюртуки. Даже въ такомъ легкомъ костюмѣ они обливались потомъ, карабкаясь на ледяные утесы. Вода была такъ спокойна, точно въ мельничномъ прудѣ. При малѣйшей ряби золотыми блестками играли на ней солнечные лучи, а въ зеркальной ея поверхности отражались нѣжно-бѣлыя стѣны берегового льда и дикія, черныя вершины кунатаковъ (эскимосское названіе голыхъ скалъ, торчащихъ изъ-подъ материковаго льда Гренландіи). Идя въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега, легко было различить всѣ детали его строенія. На переднемъ планѣ виднѣлись скалы, слишкомъ крутыя, чтобы снѣгъ могъ на нихъ удержаться, — черныя, за исключеніемъ сѣверо-восточныхъ склоновъ, гдѣ мохъ придавалъ имъ красноватый или зеленоватый оттѣнокъ. На заднемъ планѣ все было покрыто материковымъ льдомъ. Послѣдній не представлялъ ровной поверхности, какъ въ Гренландіи, а имѣлъ форму дико-изорванныхъ горныхъ хребтовъ, которые онъ покрывалъ.

Въ 5 час. пополудни «Бельгика» снова была у острова Августа. Здѣсь переночевали, а 26-го весь день производили засѣчки для предстоящей съемки. Утро 27-го было проведено за той же работой, а послѣ полудня было отдано, наконецъ, давно и нетерпѣливо ожидаемое всѣми приказаніе держать курсъ на югъ прямо по проливу. Въ этотъ день всѣ испытывали ту особенную радость и волненіе, которое овладѣваетъ всякимъ мореплавателемъ, когда носъ его корабля разсѣкаетъ дѣвственныя воды. Не хватало, казалось, глазъ, чтобы достаточно наглядѣться на эти высокіе утесы, ниспадающіе въ море, эти бухты съ ползучими ледниками, эти пики, уходящіе въ небо. Нельзя терять ни одного часа. Въ то время какъ одни экскурсировали на берегу, другіе работали на «Бельгикѣ», ходя отъ одного берега къ другому, отыскивая подходящіе пункты для засѣчекъ, измѣряя углы. Около этого же времени вышелъ весь запасъ прѣсной воды, и немалыхъ трудовъ стоило найти мѣсто, гдѣ его пополнить: одинъ ледниковый ручей далъ чистую кристальную воду, запаса которой хватило на нѣсколько мѣсяцевъ.

Антарктическій оазисъ.

Въ теченіе первыхъ же дней плаванія по проливу было совершено множество высадокъ; описывать ихъ всѣ было бы утомительно, но нѣкоторыя заслуживаютъ упоминанія. Такъ, разъ «Бельгика» остановилась переждать внезапно налетѣвшій туманъ у одного пика. Это былъ вертикальный утесъ, свободный отъ снѣга съ вершины до самой подошвы. Пассажиры не замедлили, конечно, отыскать подходящее мѣсто для высадки. Жизнь ключомъ била на этомъ утесѣ. Птичій гамъ, передаваемый эхомъ со скалы на скалу, былъ оглушителенъ. У подножія скалы храпѣли и хрюкали морскіе леопарды. Надъ водой безпрестанно подымались столбы пара, за ними слѣдовалъ свистокъ, точно изъ паровоза, и изъ волнъ вылѣзала голубая спина кита съ длинными плавниками и тяжеловѣснымъ хвостомъ, оставлявшимъ за собою пѣнистый водоворотъ. Огромныя стѣны берегового льда подымались съ обѣихъ сторонъ черной скалы, на которую высадился маленькій отрядъ экскурантовъ. Возлѣ этихъ стѣнъ то и дѣло раздавался звукъ, похожій на пушечный выстрѣлъ, за которымъ слѣдовалъ сильный всплескъ воды: то отламывались груды льда отъ стѣны и падали, разсыпаясь на милліоны обломковъ. Надъ мѣстомъ высадки поднимался утесъ въ 2000 фут. высоты; съ него свѣшивалась огромная скала, въ видѣ балкона, служившая бакланамъ и чайкамъ для высиживанія яицъ. Птенцы, одѣтые въ сѣрый пушокъ, нетерпѣливымъ

Digitized by Google

хоромъ просили пищи у матерей. Но особенно поражало огромное изобиліе мховъ и лишаевъ. Послѣ того, какъ наши путешественники столько времени ничего не видѣли, кромѣ льда и голыхъ скалъ, ихъ несказанно радовали яркіе зеленые, бурые и красные оттѣнки этого оазиса среди безконечнаго пространства ледяной пустыни.

Сухопутная экскурсія.

Другой разъ — это было 30-го января — Герлахъ въ сопровожденіи Данко, Кука, Арктовскаго и Амундсена предпринялъ настоящую маленькую экспедицію на островъ Брабантъ. Цѣлью ея была съемка нѣкоторыхъ частей окружающей мѣстности по способу адмирала Мушеца. Взяли съ собой лыжи, шелковую палатку, спальные мѣшки изъ оленьихъ шкуръ, котелокъ и провизіи на недѣлю; все это было сложено на двое небольшихъ саней.

Экспедиція началась съ того, что взлѣзли на крутой склонъ въ 500 футовъ вышиною и тамъ расположились лагеремъ на ночь. Въ это время разразилась страшная буря. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что нельзя было устоять на ногахъ. Всю ночь двое людей должны были крѣпко держать палатку, а для удержанія прочихъ вещей потребовались соединенныя усилія всего маленькаго отряда. 1 февраля сдѣлана была вторая попытка: поднялись на нѣсколько миль далѣе внутрь острова, но туманъ, вѣтеръ и трещины на поверхности льда дѣлали необходимыми частыя остановки. Трудно было тащить слишкомъ тяжело нагруженныя сани; путники изнемогали отъ усталости. Несмотря, однако, на это, они добрались до вершины одного нунатака въ 1500 футовъ высоты, и съ нея имъ удалось сдѣлать наблюденія, необходимыя для грубой съемки мѣстности.

Видъ съ этой горы былъ красивѣе и грандіознѣе всѣхъ видѣнныхъ раньше. На юго-западѣ открывалась вторая часть пролива, которую «Бельгикѣ» еще предстояло изслѣдовать. На сѣверо-востокѣ, утопая въ бѣлой, воздушной дали, виднѣлись высокіе берега пройденной уже части пролива. Прямо передъ глазами находился небольшой островокъ (островъ Урсель), вырѣзанный въ формѣ бисквита и сверху до низу покрытый ледянымъ плащомъ. На ледяныхъ горахъ, застрявшихъ вокругъ него на подводныхъ рифахъ, безпрестанно раздавались таинственные взрывы, за которыми слѣдовалъ глухой шумъ отъ паденія въ воду обломковъ. Противоположный берегъ пролива далеко отступалъ на западъ, образуя два залива (Вильгельмины и Шарлотты). Въ нихъ было разсѣяно множество островов, за которыми ясно можно было различить узкій каналъ (каналъ Ла-Платы). Ни на востокъ, ни на югъ отъ мѣста наблюденія не было видно и слѣдовъ какого-либо прохода. Рядъ черныхъ утесовъ шелъ тамъ параллельно берегу, а за ними поднимались въ облакахъ бѣлыя очертанія высокой страны.

Послѣ недѣльнаго отсутствія экскуранты благополучно вернулись на «Бельгику», которая тѣмъ временемъ сдѣлала развѣдочный рейсъ на югъ. Лекуантъ сообщилъ объ открытомъ имъ на юго-западѣ продолженіи пролива и о существованіи въ этомъ направленіи множества островов. Ближайшей задачей экспедиціи было подробное изслѣдованіе этихъ открытій, но предварительно «Бельгика» осмотрѣла высокіе берега замѣченныхъ съ горы заливовъ Вильгельмины и Шарлотты, представлявшіе собой непрерывную ледяную стѣну въ 50—200 фут. вышины, окаймленную рядомъ островов.

Ново-открытый проливъ.

8-го февраля «Бельгика» пошла, наконецъ, на юго-западъ. День былъ восхитительный. Антарктическое солнце рѣшило, повидимому, показать все богатство своихъ лучей на снѣжныхъ береговыхъ склонахъ, которые отражали ихъ съ такой силой, что вода и воздухъ были положительно ослѣпительны. Это былъ день фотографій. Въ то время, когда судно, быстро работая винтомъ, шло вдоль берега, развертывая одну панораму за другою, на палубѣ то и дѣло раздавался стукъ затвора фотографической камеры д-ра Кука. Въ этотъ день онъ сдѣлалъ не менѣе 300 снимковъ. Навѣрно, на протяженіи всего стомильнаго берега, пройденнаго «Бельгикой» въ этотъ день, не осталось ни одного замѣтнаго пункта, не увѣковѣченнаго на чувствительной пластинкѣ. Всѣ были на палубѣ съ карандашомъ и бумагой въ рукахъ: одни дѣлали морскія и географическія замѣтки, другіе—геологическія и топографическія; всѣ заносили впечатлѣнія, производимыя этимъ невѣдомымъ міромъ.

Digitized by Google

Даже матросы, Стюартъ (лакей) и Кокъ (поваръ), и тѣ стояли съ бумагой или записными книжками и, бросивъ долгій взглядъ на бѣгущій мимо берегъ, наклонялись надъ своими бумажками.

Ландшафтъ не отличался ничѣмъ существеннымъ отъ видѣнныхъ раньше, но чистота и ясность атмосферы давали возможность разглядѣть всѣ подробности картинъ, проходившихъ передъ глазами. Трудно дать въ нѣсколькихъ словахъ понятіе о безотрадности антарктическихъ странъ. Возьмите Альпы; вообразите себѣ неслыханный потопъ, поднявшій уровень водъ до высоты 2.800 метровъ, границы вѣчныхъ льдовъ; представьте себѣ снѣжныя вершины, которыя останутся надъ этимъ моремъ, — и вы будете имѣть понятіе объ островѣ Брабантѣ островѣ Антверпенѣ, Землѣ Данко и проч. Граница нетающихъ снѣговъ лежитъ здѣсь на уровнѣ моря, хотя эти острова и земли находятся всего подъ 64°—65° южной широты. Въ сѣверномъ полушаріи подъ 65° широты находится Исландія, земля, возможная для обитанія и обитаемая; въ Россіи подъ 60° широты лежитъ Петербургъ, а подъ полярнымъ кругомъ—Архангельскъ; въ Норвегіи — Тромсе подъ 70° широты и Гаммерфестъ подъ 71° широты. Но никакой Гольфстремъ не омываетъ береговъ, открытыхъ «Бельгикой».

Вотъ проливъ раздѣляется на двѣ части островомъ, которому даютъ названіе острова Винке. «Бельгика» идетъ по западному рукаву. Онъ представляетъ собою узкій серебряный фіордъ, ледяныя стѣны и скалы котораго подымаются до высоты 3—4 тысячъ футовъ. Послѣ шести-часоваго плаванія по этому коридору, экипажъ «Бельгики» видитъ черное небо Тихаго океана, въ который впадаетъ новооткрытый проливъ. Утро слѣдующаго дня, 9-го февраля, было такъ же прекрасно, какъ предыдущій день. Согрѣваемые теплыми лучами солнца, наши путешественники сдѣлали двѣ высадки, чтобы фиксировать положеніе конечныхъ пунктовъ на берегахъ новооткрытаго пролива, произвести наблюденія и собрать обычныя коллекціи. Съ 9-го по 12-е занимались детальнымъ изученіемъ мѣстности. Страна была здѣсь, въ общемъ, выше, чѣмъ въ сѣверной части пролива, и, благодаря, вѣроятно, своему болѣе южному положенію, подвергнута большему обледенѣнію. Въ одной изъ горъ признали гору Вильяма, упоминаемую капитаномъ Бискоэ. Проливу дали наименованіе «пролива Бельгики», но офиціальная комиссія, назначенная правительствомъ по возвращеніи экспедиціи для оцѣнки ея научныхъ результатовъ, постановила переименовать его въ «проливъ Герлаха». Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель увидитъ, какое прискорбное обстоятельство подало поводъ къ наименованію восточнаго берега пролива «Землею Данко».

12-го февраля совершена была 21-я и послѣдняя высадка у мыса Ренаръ, состоящаго изъ множества остроконечныхъ пиковъ, слишкомъ крутыхъ, чтобы на нихъ могъ держаться снѣгъ, и вечеромъ того же дня «Бельгика» вошла въ Тихій океанъ, пробравшись въ него изъ Атлантическаго по совершенно новому пути, не пройденному до тѣхъ поръ ни однимъ человѣкомъ.

Въ полыньяхъ среди плавучаго льда.

Вечеромъ 12-го февраля было констатировано, что Земля Данко представляетъ къ югу отъ островов Данеброгъ (названныхъ такъ Герлахомъ въ благодарность за услуги, оказанныя ему офицерами датскаго флота) большой заливъ. Онъ до такой степени, однако, былъ усѣянъ плавучими ледяными горами и льдинами, что рискнуть на поѣздку въ него было бы невозможно, и онъ остался неизслѣдованнымъ. Быть можетъ, это—проливъ, отдѣляющій Землю Данко отъ Земли Грагама. На другой день плавучій ледъ, состоявшій изъ обломковъ ледяныхъ полей, оказался настолько густымъ, что пришлось отойти на значительное разстояніе отъ берега. Продолжая все-таки идти на югъ, «Бельгика» 14-го проходитъ, судя по картѣ, мимо островов Бискоэ, но ихъ не видно; это, впрочемъ, можно объяснить тѣмъ, что погода очень пасмурная. 15-го февраля переходятъ полярный кругъ и на востокѣ замѣчаютъ опять возвышенныя земли, защищенныя отъ человѣка непроходимымъ льдомъ. На слѣдующій день вдали на югѣ показывается другая земля, которая не можетъ быть не чѣмъ инымъ, кромѣ Земли Императора Александра I, открытой Беллингсгаузеномъ [1]).

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что эта земля, открытая русской экспедиціей, была первой сушей, найденной вообще человѣкомъ внутри южнаго полярнаго круга.

Digitized by Google

Въ теченіе двѣнадцати дней «Бельгика» неуклонно подвигалась на западъ вдоль границы плавучаго льда, проникая во всѣ доступные проходы между льдинами. 28-го февраля вѣтеръ превратилъ эти проходы въ обширныя полыньи. Хотя время года было очень позднее, и въ полыньяхъ наблюдалось образованіе «молодого» льда, предвѣстника приближенія зимы, Герлахъ рѣшается воспользоваться расширившимися проходами и проникнуть какъ можно далѣе на югъ. Принять такое рѣшеніе казалось особенно соблазнительнымъ потому, что Беллингсгаузенъ именно въ этомъ мѣстѣ указываетъ «непроницаемую ледяную стѣну».

Подгоняемая сильнымъ вѣтромъ, «Бельгика» быстро проходитъ одну полынью за другою; онѣ отдѣлены другъ отъ друга узкими перешейками изъ раздробленныхъ льдинъ, но крѣпкое судно безстрашно врѣзается въ самую средину этого хаоса льдинъ и, раздвигая ихъ, вновь попадаетъ въ свободную воду. Въ полдень достигаютъ 70°23′ южной широты. Идетъ снѣгъ, не позволяющій ничего различить въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ форштевня. «Бельгика» вошла въ новый міръ, міръ плавучаго льда, изъ котораго ей суждено было выйти только черезъ 13 мѣсяцевъ. Въ 10 час. вечера наступилъ полный мракъ. Переждавъ до разсвѣта въ одной большой полыньѣ, «Бельгика» на другой день продолжала свой путь на югъ при мертвомъ штилѣ. Она проходитъ полынью за полыньею, гладкія точно озера. Но вотъ, въ 5 час. пополудни, пройдя по одной особенно большой полыньѣ, «Бельгика» должна остановиться: передъ ней на необозримое пространство разстилается непроходимый сплошной ледъ. Судно кладутъ въ дрейфъ въ ожиданіи, не откроется ли проходъ, и, дѣйствительно, на другой день оказывается возможнымъ пройти еще немного на югъ: достигаютъ 71°31′ южной широты. 3-го марта приходится признать полную невозможность продолжать углубляться далѣе въ плавучій ледъ, сдѣлавшійся слишкомъ компактнымъ. «Бельгика» поворачиваетъ назадъ. Но полыньи, по которымъ она только-что прошла, теперь уже всѣ затянуло новымъ льдомъ, и только цѣною большихъ усилій «Бельгика» въ одну недѣлю подвигается на 7 — 8 миль къ сѣверу. 10 го марта «Бельгика» совсѣмъ затерта. Черезъ 6 дней у ея пассажировъ является на нѣсколько часовъ надежда освободиться: сильный вѣтеръ развелъ, повидимому, на границѣ льда большую волну, которая обнаружила свое дѣйствіе тѣмъ, что въ компактномъ льду вновь появилось нѣчто похожее на прежнія полыньи. Но надежды были напрасны. Открывшіяся трещины мало-по-малу снова закрылись; вновь настала тишина и безмолвіе; началась зимовка. Въ первый разъ человѣкъ становился лицомъ къ лицу съ невѣдомой антарктической зимой.

Зимовка.

Когда этотъ фактъ окончательно выяснился, всѣ дѣятельно принялись за приготовленія ко встрѣчѣ съ грознымъ врагомъ. Судно окружили снѣжнымъ валомъ, высотой до уровня палубы, чтобы уменьшить потерю теплоты чрезъ лучеиспусканіе. Надъ палубой была устроена крыша, превратившая ее въ закрытый сарай, гдѣ можно было удобно работать даже въ непогоду. 26-го марта подъ котломъ погасили огонь, который до тѣхъ поръ все еще поддерживался, въ надеждѣ на тотъ невѣроятный случай, когда вдругъ явилась бы возможность освобожденія. Подсчитали оставшееся количество топлива: оставалось 70 тоннъ угля въ трюмѣ и до 40 тоннъ антрацита въ кочегарнѣ. На желѣзный переплетъ въ люкѣ, ведущемъ изъ кормовыхъ каютъ въ машинное отдѣленіе, настлали доски и на нихъ помѣстили небольшую печь, которая—худо ли, хорошо ли нагрѣвала каюты, расположенныя вокругъ нея. Тамъ и сямъ на льду вокругъ судна были устроены домики для научныхъ наблюденій. Близъ праваго борта судна, напротивъ прибора для измѣренія глубины, пробили во льду дыру, которая давала возможность производить во время зимы зоологическія и гидрологическія работы, а также оказалась бы весьма полезной въ случаѣ пожара на суднѣ.

Бѣднымъ затворникамъ въ теченіе всей зимы нельзя было удаляться больше, какъ на нѣсколько верстъ отъ судна, терять изъ виду его мачты. «Бельгика» находилась, въ сущности, на подвижномъ полу, подверженномъ постояннымъ смѣщеніямъ. Неровности льда, тороса, ледяныя горы, окружавшія судно, сохраняли свой видъ въ теченіе 2—3-хъ недѣль, самое большее—въ теченіе одного мѣсяца. Вдругъ въ одинъ прекрасный день происходилъ разрывъ ледяного пола, и цѣлыя группы торосовъ измѣняли свою

Digitized by Google

форму. Тотъ, кто, отойдя далеко отъ «Бельгики» до такого разрыва, разсчитывалъ бы попасть домой, руководясь видомъ этихъ торосовъ, навѣрное заблудился бы и погибъ.

При зимовкѣ въ полярныхъ странахъ весьма важнымъ является вопросъ о качествѣ и родѣ пищи. Герлахъ, пользовавшійся въ широкихъ размѣрахъ совѣтами и опытомъ Нансена, приложилъ много стараній при выборѣ провіанта для своей экспедиціи, и экспедиція, благодаря этому, не могла пожаловаться, на однообразіе или плохое качество пищи. Герлахъ имѣлъ возможность составить расписаніе меню на 28 дней, при чемъ ни одно меню не походило на другое; только на 29-й день начиналось повтореніе. Вотъ полное меню цѣлаго дня, взятаго на удачу: завтракъ— кофе, хлѣбъ съ масломъ и мармеладъ; обѣдъ— супъ - пюре изъ гороха, ветчина съ картофелемъ и кислой капустой, телячья головка-tortu и на десертъ малагскій виноградъ; ужинъ—рисъ, паштетъ изъ печенки, макрель, жареная на прованскомъ маслѣ, чай. Все это, разумѣется, консервы. Что касается свѣжаго мяса, то и въ немъ не ощущалось недостатка. Рыбы, правда, не было вслѣдствіе значительной глубины подольдомъ; но пингвины и тюлени снабжали затворниковъ «Бельгики» обильнымъ количествомъ мяса: филе одного королевскаго пингвина было достаточно, чтобы составить значительное добавленіе къ ужину цѣлаго экипажа. Правда, мясо это было не особенно вкусно,— хотя и не отзывалось рыбой, какъ обыкновенно почему-то думаютъ, такъ какъ пингвины и тюлени питаются только креветками,—но являлось прекраснымъ предохранительнымъ средствомъ противъ цынги.

Главнымъ питьемъ служила вода; пили немного и вина, но алкоголь былъ почти исключенъ: только по воскресеньямъ экипажъ за ужиномъ получалъ грогъ.

Несмотря на тѣсное пространство, въ которомъ приходилось жить, каждый находилъ себѣ занятіе. Экипажъ поддерживаетъ чистоту и порядокъ на суднѣ, исполняетъ черныя работы, прислуживаетъ при измѣреніи глубины. Тѣмъ изъ экипажа, кто знаетъ какое-либо ремесло, работа всегда есть. Одни работаютъ въ кузницѣ, устроенной на палубѣ подъ защитой крыши; другіе столярничаютъ, плотничаютъ, шьютъ паруса; всѣ, наконецъ, чинятъ свое платье, шьютъ бѣлье. Послѣ метелей отгребаютъ снѣгъ. Ученые и офицеры судна занимаются научными изслѣдованіями. Лекуантъ безпрестанно производилъ астрономическія наблюденія для опредѣленія географическаго положенія судна, которое вѣтрами и, быть можетъ, теченіями переносится въ разныя стороны. Герлахъ занимался опредѣленіями глубинъ; Арктновскій собиралъ образцы дна, приносимые лотомъ, наблюдалъ температуру моря и бралъ пробы воды съ разныхъ глубинъ. Раковитца собиралъ «планктонъ» (мельчайшіе организмы) и драгировалъ. Данко велъ магнитныя наблюденія.

Между тѣмъ продолжительность дня становилась все меньше и меньше. Въ началѣ мая солнце стало показываться ежедневно всего на нѣсколько минутъ, а 17-го и совсѣмъ исчезло. Въ этотъ день лишь благодаря рефракціи край диска его показался надъ горизонтомъ, а затѣмъ наступила ночь, продолжавшаяся 16000 часовъ! Правда, среди дня мракъ былъ не полный. Сначала около девяти, а затѣмъ, около зимняго солнцестоянія (21-го іюня), около десяти часовъ появлялась заря; это былъ блѣдный, едва замѣтный отблескъ; чувствовалось, что заря эта неспособна родить день; скоро она отказывалась отъ усилій восторжествовать надъ мракомъ; посредствомъ нечувствительнаго перехода она становилась сумерками; къ 3 часамъ пополудни и сумерки эти погасали. Но и этотъ блѣдный призракъ дня появлялся только при ясной атмосферѣ. Въ пасмурную погоду или когда шелъ снѣгъ, обѣдать въ полдень приходилось при искусственномъ освѣщеніи.

При этомъ разсѣянномъ свѣтѣ, наполнявшемъ атмосферу четыре часа въ сутки, нельзя было различить неровностей нагроможденнаго вокругъ судна плавучаго льда: онъ казался плоской равниной грязно-бѣлаго цвѣта. Во время прогулокъ, которыя наши затворники дѣлали съ гигіеническими цѣлями, безпрестанно то тотъ, то другой натыкался на невидимые холмики, сугробы и цѣлые торосы. Судить же правильно о разстояніи и размѣрахъ видимыхъ предметовъ при такомъ освѣщеніи было рѣшительно невозможно.

Въ началѣ зимовки пассажиры «Бельгики» испытали разъ сильную тревогу. Со всѣхъ сторонъ вокругъ судна сталъ раздаваться трескъ. Это предвѣщало приближеніе «ледяного напора»,—явленія, столь дивно описаннаго Нансеномъ въ его дневникахъ.

Digitized by Google

И онъ, дѣйствительно, наступилъ. Ледяныя глыбы сталкивались, нагромождались другъ на друга. Весь корпусъ судна дрожалъ, какъ подстрѣленная птица. Но крѣпкое судно выдержало этотъ натискъ. Когда вновь наступило спокойствіе, можно было констатировать только, что огромное ледяное поле, проскользнувъ во время напора подъ ледъ, приподняло на одинъ футъ носовую часть судна. Это поле явилось въ теченіе всей зимы великолѣпнымъ оплотомъ для «Бельгики» противъ натиска льдовъ.

Если бы «Бельгика» была раздавлена во время одного изъ такихъ натисковъ плавучаго льда, положеніе нашихъ путешественниковъ было бы гораздо хуже положенія арктическихъ экспедицій, испытавшихъ подобную же участь. Дѣло въ томъ, что въ сѣверномъ полушаріи область плавучихъ льдовъ простирается вплоть до береговъ обитаемыхъ земель, которыхъ въ случаѣ крайности можно достигнуть пѣшкомъ съ санями. На югѣ, напротивъ того, гостепріимные берега отдѣлены отъ плавучаго льда огромнымъ пространствомъ свободнаго ото льдовъ моря. Огненная Земля находится въ такомъ же разстояніи отъ антарктическаго круга, въ какомъ Шотландія—отъ круга арктическаго. Единственнымъ спасеніемъ бельгійской экспедиціи въ случаѣ потери судна было бы слѣдующее: добраться до границы плавучаго льда, волоча за собой лодки, нагруженныя такимъ количествомъ провіанта, какое возможно было увезти; потомъ плыть вдоль границы льда по направленію къ Южно-Шетландскимъ островамъ, укрываясь отъ бурь во льдахъ, и, наконецъ, предпринять на шлюпкахъ переходъ по бурному морю, примыкающему къ мысу Горнъ... Надо сознаться, что шансы на спасеніе при такихъ условіяхъ были бы довольно слабы. Но счастіе благопріятствовало экспедиціи, и ей удалось избѣжать злой участи.

Смерть Данко.

Однако исторія зимовки содержитъ въ себѣ печальную страницу. 5-го іюня, въ воскресенье, въ то время, когда въ Европѣ былъ самый разгаръ лѣта, а вокругъ «Бельгики» царила холодная и зловѣщая ночь, въ каютахъ судна разрѣшалась тяжелая драма. Смерть появилась на «Бельгикѣ», чтобы унести одного изъ участниковъ экспедиціи.

Уже три недѣли какъ Данко былъ боленъ. Сердце его отказывалось работать, онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ магнитныхъ наблюденій и слегъ въ постель. Сначала положеніе его не внушало опасеній. Но вскорѣ докторъ объявилъ, что спасти его невозможно. Быстро угасалъ онъ,—къ счастію, не сознавая серіозности своего положенія. Несмотря на тщательный уходъ д-ра Кука, бѣдный Данко тихо угасъ 5-го іюня, въ половинѣ шестого пополудни.

Большой мѣшокъ, сшитый изъ парусины, послужилъ ему гробомъ, а дыра пробитая во льду—его могилой. Печальны были эти похороны. Дулъ рѣзкій ледяной вѣтеръ. Трудно было сверлить отверстіе во льду въ такую погоду. Наконецъ, ее вырыли. Въ глубокомъ молчаніи шли всѣ за санями съ тѣломъ покойнаго, которое везли четверо матросовъ. Еще минута—и бѣдный товарищъ исчезъ навѣки въ холодныхъ глубинахъ антарктическаго океана.

Смерть эта произвела тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ членовъ экспедиціи. Они были потрясены не только нравственно, но и физически. Смерть, посѣтившая судно, точно оставила за собой какой-то гибельный зародышъ. Жизнедѣятельность у всѣхъ словно уменьшилась. Всѣ безъ исключенія стали страдать анеміей и болѣзненной вялостью. У всѣхъ докторъ констатировалъ поблѣднѣніе слизистыхъ оболочекъ, ускореніе пульса. Случалось, что у нихъ пульсъ доходилъ до 130—140 ударовъ въ минуту послѣ малѣйшаго физическаго усилія, послѣ простой получасовой прогулки. Нѣкоторые страдали, сверхъ того, еще и головокруженіемъ. Умственный трудъ сколько-нибудь продолжительный сдѣлался невозможнымъ, и тяжелое положеніе это еще усиливалось тѣмъ, что у многихъ появилась мучительная безсонница. Постоянный мракъ еще усиливалъ эти болѣзненныя явленія. Только съ возвращеніемъ солнца всѣ мало-по-малу стали входить въ прежнюю колею.

Возвращеніе солнца и ожиданіе.

Это радостное событіе произошло 21-го іюля. Солнце не выплыло изъ-подъ горизонта; его животворные лучи позолотили на мгновеніе только верхушки мачтъ, но и этого уже было достаточно, чтобы у всѣхъ стало сразу веселѣе на душѣ. На другой день

Digitized by Google

солнце оставалось надъ горизонтомъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Съ каждымъ днемъ оно все дольше и дольше оставалось видимымъ. Мало-по-малу ко всѣмъ вернулись здоровье и надежды на лучшіе дни. Снова начались прерванныя временной апатіей и безсиліемъ научныя изслѣдованія; среди экипажа тоже закипѣла работа. Обыкновенно рабочій день состоялъ изъ 8 часовъ, остальные же 16 часовъ были посвящены отдыху. Эти долгіе часы досуга всякій убивалъ, какъ могъ. Норвежцы играли на гармоникѣ, бельгійцы довольствовались аріями, которыя наигрывалъ имъ музыкальный ящикъ. Но главнымъ рессурсомъ всѣхъ было чтеніе.

Зима, если принять во вниманіе столь высокія широты, оказалась сравнительно умѣренной. Въ іюлѣ, который соотвѣтствуетъ январю въ сѣверномъ полушаріи, средняя температура была 23°,5 Ц. ниже нуля, а минимальная—37° Ц. Въ сентябрѣ термометръ спустился однажды до —43° Ц. Температура является здѣсь вообще прямой функціей отъ направленія вѣтра. Когда вѣтеръ дуетъ съ сѣвера, т.-е. съ открытаго моря, термометръ быстро подымается до нуля или на нѣсколько десятыхъ градуса ниже нуля, и наступаетъ оттепель. Иней, ледъ, снѣгъ, покрывающіе снасти, падаютъ на палубу большими каплями.

Дрейфъ «Бельгики» тоже былъ функціей вѣтра. Но хотя, въ общемъ, онъ подчинялся направленію господствующихъ воздушныхъ теченій, другой элементъ, повидимому, оказывалъ на него значительное вліяніе: этотъ элементъ былъ не что иное, какъ конфигурація береговъ, которые навѣрное находятся къ югу и востоку отъ пути, пройденнаго «Бельгикой» зимою. Заключить это можно изъ того, что когда вѣтеръ бывалъ западный, судно относило не на востокъ, а на сѣверо-востокъ: по мѣрѣ того, какъ ледъ подвигается на востокъ, онъ встрѣчаетъ препятствіе, которое заставляетъ его отклоняться на сѣверъ. Герлахъ приходитъ къ заключенію, изъ разсмотрѣнія пути «Бельгики», что подъ 90° западной долготы берега предполагаемаго антарктическаго континента лежатъ не ближе 74° южной широты.

Путь «Бельгики», увлекаемой вѣтрами среди плавучаго льда, представлялъ неимовѣрные зигзаги. Такъ, напримѣръ, 31-го мая по прихоти воздушныхъ теченій она достигла своей крайней южной широты, а именно 71°36′, а 1-го ноября она очутилась въ томъ самомъ пунктѣ, который прошла 22-го февраля. Изъ общаго направленія ея дрейфа можно, однако, вывести заключеніе, что если бы онъ продолжался даже нѣсколько лѣтъ, «Бельгика» не подошла бы къ полюсу ближе.

Хотя небо въ большинствѣ случаевъ было пасмурно и мрачно, однако пассажирамъ «Бельгики» неоднократно удавалось наблюдать чудныя оптическія явленія. Вокругъ солнца и луны часто появлялись вѣнцы, кольца, ложныя солнца и ложныя луны. Часто наблюдались великолѣпныя радуги и миражъ, который состоялъ въ томъ, что края ледяныхъ полей казались приподнятыми надъ горизонтомъ и поставленными вертикально.

Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы, не принося замѣтной перемѣны въ положеніи затертаго льдами судна. Правда, даже въ самой серединѣ зимы образовывались во льду трещины, каналы, полыньи. Это бывало тогда, когда вѣтеръ падалъ внезапно, а ледъ, въ силу инерціи, не успѣвалъ сразу остановиться. Но морозъ или новый напоръ сосѣднихъ льдинъ скоро закрывалъ эти полыньи. Лѣтомъ они, разумѣется, дольше оставались открытыми, а въ октябрѣ особенно умножились. Въ теченіе этого мѣсяца снасти «Бельгики» освободились отъ прикрывавшаго ихъ инея и льда. Въ надеждѣ на скорое освобожденіе, приказано было привязать къ реямъ паруса. Но прошелъ ноябрь, декабрь, прошло лѣтнее солнцестояніе (21-го декабря), не принеся никакой перемѣны. Рождество и Новый годъ отпраздновали безъ оживленія; всякій съ грустью думалъ: «Когда же наступитъ освобожденіе?».

Освобожденіе.

Послѣ Новаго года ждать стало больше не въ моготу. Рѣшено было, при помощи спеціальныхъ пилъ и взрывчатыхъ веществъ, пробить во льду каналъ, который позволилъ бы провести судно въ сосѣднюю полынью. Передъ началомъ работъ испытали толщину льда въ разныхъ мѣстахъ вокругъ судна, при чемъ было выяснено, что каналъ можно пробить только на мѣстѣ естественной трещины, открывшейся было въ маѣ и потомъ снова замерзшей. Неудобство за-

Digitized by Google

ключалось въ томъ, что по такому каналу надо было идти кормою впередъ, подвергая руль и винтъ опасности быть сломанными льдомъ. Но выбора не было.

Живо принялись за работу. Іерархическія ступени были отложены. Раздѣленные на двѣ смѣны, всѣ безъ исключенія работали день и ночь въ продолженіе трехъ недѣль киркой и пилою и закладывали въ ледъ патроны тонита, взрывчатаго вещества, котораго было взято съ собою въ экспедицію до 30 пудовъ. Къ 1-му февраля оставалось расчистить всего нѣсколько метровъ позади судна, въ машинѣ уже разведены были пары, какъ вдругъ происходитъ сильный напоръ льда и въ нѣсколько минутъ уничтожаетъ плоды трехнедѣльныхъ усилій. Всѣмъ невольно представляется возможная перспектива второй зимовки. Къ счастію, 11-го февраля ледъ вокругъ судна снова становится менѣе компактнымъ. Замѣтивъ съ вершины мачты, что по сосѣдству открылась большая полынья, которая простирается на сѣверъ до самаго горизонта, Герлахъ отдаетъ приказаніе пробиться къ ней во что бы то ни стало. 13-го февраля судно съ большими усиліями и опасностью поворачиваютъ носомъ къ полыньѣ и къ вечеру достигаютъ ея. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней потомъ «Бельгика» съ большимъ трудомъ прошла 14 миль и затѣмъ снова очутилась предъ непроходимымъ льдомъ. Тутъ ее снова затерло, и при томъ въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ прежде. Ледъ здѣсь не такъ компактенъ, какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ «Бельгика» провела зиму. Несвязанныя другъ съ другомъ льдины сшибаются и сталкиваются безпрестанно, нагромождаясь вокругъ судна и угрожая его раздавить. Нѣтъ того спасительнаго ледяного поля, которое прежде принимало на себя всѣ удары. Такое положеніе продолжается цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіе этого времени небольшое деревянное судно предоставлено на волю твердымъ и грузнымъ ледянымъ громадамъ. 20-го февраля съ вершины мачты замѣчаютъ на горизонтѣ темную линію, окаймляюшую необозримую до сихъ поръ равнину плавучаго льда. Это обѣтованное море, но оно недостижимо для «Бельгики». Льды продолжаютъ тѣснить ее: они обдираютъ обшивку судна, угрожаютъ сломать руль и винтъ. Только 14-го кончается это опасное положеніе. Наканунѣ замѣчены были большія перемѣны въ относительномъ положеніи окружающихъ ледяныхъ громадъ. Двѣ самыя большія изъ нихъ направились прямо на судно. Моментъ былъ критическій. Но судно стояло подъ парами, и Герлахъ, видя, что между упомянутыми ледяными горами открылась трещина, ведущая далеко на сѣверъ, смѣло направился туда. Еще немного—и радостное чувство освобожденія овладѣло всѣми: «Бельгика» плыла по свободной водѣ.

Время года было уже позднее, и о продолженіи изслѣдованій нечего было и думать. Поэтому направились прямо къ Огненной Землѣ. Возлѣ одного изъ острововъ этого архипелага 26-го марта «Бельгика», укрывавшаяся здѣсь отъ бури, была сорвана съ якорей и едва не наскочила на подводную скалу. Ее спасъ только удачный маневръ, и въ 9 час. утра «Бельгика» была уже въ развѣтвленіяхъ Магелланова пролива въ полной безопасности. 28-го марта на разсвѣтѣ она бросила якорь въ Пуэнта-Аренасъ,—томъ самомъ портѣ, въ которомъ она, передъ отправленіемъ своимъ въ антарктическія страны, сказала послѣднее «прости» цивилизованному міру. 5-го ноября «Бельгику» торжественно встрѣтили въ Антверпенѣ.

Digitized by Google

Дипломъ Парижской Всемірной выставки 1900 года.
(Композиція Камилла Буаньяра).

VIII [1]).

Улица Націй.

Едва ли какой-либо другой народъ въ сірѣ обладаетъ такимъ прирожденнымъ чувствомъ вкуса, какъ французы; едва ли кто можетъ превзойти ихъ, когда дѣло касается того, чтобы красиво и изящно устроить то или другое зрѣлище. Вотъ и настоящую свою всемірную выставку они сумѣли расположить такъ живописно и съ такимъ вкусомъ, что при всемъ ея разнообразіи, при всей ея сутолокѣ, въ ней рѣшительно нѣтъ ничего такого, что хотя отдаленно напоминало бы народную ярмарку или базаръ, что бросалось бы въ глаза своею банальностью. Наоборотъ, здѣсь каждый уголокъ въ отдѣльности устроенъ такъ изящно, такъ оригинально, какъ, дѣйствительно, въ состояніи устроить только одни французы. Но Улица Націй даже и между наиболѣе изящными уголками выставки выдѣляется своей грандіозной красотой. На Парижской Всемірной выставкѣ 1878 года,—первой, которая организована была правительствомъ Третьей республики, существовала также Улица Націй; она находилась тогда на Марсовомъ Полѣ, между центральнымъ выставочнымъ зданіемъ и галлереями, окружавшими его. Но тогда она представляла собой собственно лишь рядъ живописныхъ

[1]) См. «Нов. Журн. Иностр. Лит.», №№ 6—9.

Digitized by Google

фасадовъ, которыми было украшено означенное центральное зданіе. Во время Всемірной выставки 1889 г. обстоятельства совершенно не позволили устроить что-либо подобное. Извѣстно, что эта выставка связана была съ чествованіемъ столѣтняго юбилея революціи, и потому лишь немногія государства согласились принять офиціальнымъ образомъ участіе въ ней. По этой причинѣ только нѣкоторыя южно-американскія республики—Аргентина, Бразилія,—да еще Испанія съ Португаліей выступили тогда на ней со своими отдѣльными зданіями, но павильоны въ національномъ стилѣ, построенные первыми, рѣшительно терялись среди садовъ, окружавшихъ Эйфелеву башню; зато павильоны двухъ послѣднихъ государствъ—Испаніи и Португаліи, расположенные на Орсейской набережной, произвели тогда очень благопріятное впечатлѣніе. Это и дало первоначальный толчокъ къ устройству на настоящей всемірной выставкѣ Улицы Націй, и при томъ такой улицы, которая состояла бы не изъ однихъ лишь фасадовъ, какъ это было въ 1878 году, но изъ цѣлаго ряда прекрасныхъ зданій. Назначеніе послѣднихъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы служить центромъ для посѣтителей той націи, которой каждое изъ нихъ принадлежитъ. Расположена теперешняя Улица Націй вдоль лѣваго берега Сены, между мостами Инвалидовъ и Альмы. Почти всѣ народы, принимающіе участіе въ нынѣшней выставкѣ, имѣютъ здѣсь свои собственные павильоны, построенные съ соблюденіемъ всѣхъ характерныхъ особенностей, которыми отличается ихъ національный стиль. Очень интересно видѣть, какъ архитекторы, создавшіе тѣ павильоны, поняли и разрѣшили задачу, выпавшую имъ на долю. Почти каждый изъ построенныхъ здѣсь,—какъ называютъ французы,—дворцовъ сооруженъ не въ одномъ какомъ-нибудь строго опредѣленномъ стилѣ, а является агломератомъ различныхъ типовъ построекъ, господствующихъ въ извѣстной странѣ. Проектируя ихъ, архитекторы, очевидно, имѣли въ виду наиболѣе знаменитыя туземныя зданія и старались только слить самыя выдающіяся части ихъ въ одно гармоническое цѣлое. И это можно сказать относительно огромнаго большинства построекъ, нынѣ красующихся на Улицѣ Націй, особенно о тѣхъ, которыя находятся въ первомъ ряду, ближе къ берегу Сены. Слѣдуетъ замѣтить, что павильоны расположены здѣсь въ два ряда, при чемъ тотъ рядъ, который тянется вдоль самаго берега Сены, состоитъ изъ 15 зданій, принадлежащихъ по преимуществу первостепеннымъ государствамъ: Германіи, Австро-Венгріи, Англіи, Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки; второй же рядъ, вдоль Орсейской набережной, образуютъ 8 павильоновъ болѣе мелкихъ государствъ,—между прочимъ, Даніи, Португаліи, Персіи, Румыніи и даже нашей Финляндіи.

Открывается Улица Націй со стороны Моста Инвалидовъ чрезвычайно величественнымъ зданіемъ, принадлежащимъ Италіи. Благодаря занимаемому имъ мѣсту,—въ самомъ началѣ улицы,—оно не только расположено свободнѣе другихъ, но и занимаетъ болѣе обширное пространство. Внѣшнимъ своимъ видомъ оно напоминаетъ старый соборъ, потому что основнымъ мотивомъ для него послужилъ соборъ Св. Марка въ Венеціи. Въ общемъ, оно представляетъ собой красивую четырехъ-угольную постройку, по срединѣ которой возвышается большой позолоченный куполъ, увѣнчанный орломъ съ распростертыми крыльями; по угламъ же находятся четыре купола меньшихъ размѣровъ, что придаетъ всему зданію въ значительной степени византійскій характеръ. Но уже главный порталъ его и особенно окна носятъ украшенія въ чисто готическомъ стилѣ, напоминая собою окна Миланскаго собора. Затѣмъ боковые порталы построены въ стилѣ Чертозы въ Павіи, а покрытыя богатой рѣзьбою двери напоминаютъ двери Дворца Дожей. Весь фасадъ, отдѣланный подъ бѣлый и красный мраморъ, богато украшенъ красивыми орнаментами въ стилѣ Возрожденія, при чемъ въ многочисленныхъ нишахъ этого фасада помѣщаются статуи то геніевъ и амуровъ, то католическихъ святыхъ. Внутреннимъ своимъ устройствомъ дворецъ Италіи также напоминаетъ старинныя церкви, — именно онъ представляетъ собой какъ бы главный нефъ какого-нибудь большого католическаго собора, расширяющійся въ срединѣ, тамъ, гдѣ возвышается главный куполъ, въ обширный круглый залъ. Залъ этотъ занятъ прекрасной выставкой современной италіанской керамики; особенно замѣчательны тутъ превосходныя коллекціи флорентійскихъ гончарныхъ издѣлій, съ честью поддерживающихъ старинную

Digitized by Google

славу Флоренціи въ этой отрасли производства; нельзя также обойти молчаніемъ выставленные здѣсь образцы прекраснаго хрусталя и стеклянной посуды изъ Мурано, драгоцѣнныя венеціанскія кружева, бронзовыя издѣлія и особенно золотыя и серебряныя вещи изъ Рима, изъ которыхъ многія представляютъ собою настоящіе шедевры ювелирнаго искусства. Далѣе, въ галлереяхъ второго этажа расположена весьма интересная выставка италіанскихъ министерствъ: промышленности и торговли и народнаго просвѣщенія. Наконецъ, въ подвальномъ этажѣ павильона помѣщается выставка лучшихъ сортовъ италіанскихъ винъ и ликеровъ: пьемонтскихъ, тосканскихъ, неаполитанскихъ и съ острововъ Сициліи и Капри. Замѣчательно, что постройка этого дѣйствительно выдающагося по своей красотѣ зданія со всѣмъ его внутреннимъ устройствомъ и со всѣми украшеніями обошлась не дороже 900000 франковъ (около 315000 р.), т.-е. менѣе седьмой части той суммы, какая была затрачена, напр., Германскимъ правительствомъ на нѣмецкій павильонъ; даже Греція истратила на сооруженіе своего зданія цѣлый милліонъ франковъ (375000 рублей), а Швейцарія — даже 1650000 франковъ (около 580000 р.), значитъ, почти вдвое больше Италіи. И, тѣмъ не менѣе, италіанскій павильонъ нисколько не уступаетъ павильонамъ другихъ націй по своей красотѣ и изяществу. Экономія при постройкѣ его достигнута была главнымъ образомъ на строительномъ матеріалѣ; тамъ, гдѣ другія государства употребляли мраморъ, гранитъ или, по меньшей мѣрѣ, песчаникъ, италіанскіе мастера довольствовались деревомъ и камышомъ, съ прибавкою къ этому нѣкотораго количества желѣзныхъ балокъ. Но такъ какъ это дерево, этотъ камышъ, это желѣзо покрыты слоемъ гипса, то легкость постройки не бросается нисколько въ глаза; оно даже выглядитъ, особенно благодаря прекрасной работѣ, не менѣе массивнымъ, чѣмъ сосѣдніе съ нимъ павильоны, воздвигнутые изъ камня. Конечно, оно не имѣетъ той прочности, какъ они; но на тотъ короткій срокъ, пока будетъ длиться выставка, его во всякомъ случаѣ хватитъ, а вѣдь большаго ничего отъ него и не требуется.

Около италіанскаго павильона возвышается павильонъ Турціи. Это государство, да еще Персія являются на выставкѣ единственными странами, поручившими постройку своихъ національныхъ зданій не туземнымъ своимъ архитекторамъ, которые дѣйствительно могли бы придать имъ національныя черты, а французскимъ мастерамъ. Тѣ выстроили, можетъ быть, и очень изящныя зданія, но невольно возникаетъ вопросъ: что же въ этихъ зданіяхъ дѣйствительно турецкаго или персидскаго? Особенно это можно сказать относительно турецкаго павильона. Онъ, повидимому, представляетъ собой что-то въ родѣ мечети, но сбоку къ нему примыкаетъ какая-то толстая башня, заканчивающаяся террасой, а минареты отсутствуютъ. Говорятъ, что будто бы противъ сооруженія ихъ такъ энергично протестовали Сѣверо-Американскіе Штаты, что администрація выставки принуждена была наконецъ уступить и воспретить постройку этихъ минаретовъ. Но одно это уже въ значительной степени искажаетъ національный характеръ всего зданія. Затѣмъ, что означаетъ громадная арка, прорѣзывающая весь фасадъ павильона, выходящій на Сену? Вѣдь въ характерныхъ турецкихъ постройкахъ нельзя встрѣтить ничего подобнаго. Наоборотъ, турецкіе дома отличаются именно тѣмъ, что въ ихъ архитектурѣ замѣчается явное стремленіе замкнуться отъ внѣшняго міра и всѣ внѣшнія украшенія перенести на внутренніе дворы. Вообще турецкій павильонъ производитъ, какъ совершенно справедливо замѣчено не только критикой, но даже и большой публикой, впечатлѣніе постройки во «французско-турецкомъ» вкусѣ, и сколько эту публику заинтересованныя лица нынѣ ни стараются увѣрить, что будто такое мнѣніе основано на незнакомствѣ ея съ дѣломъ, она все-таки весьма упорно отказывается вѣрить, что ей въ данномъ случаѣ представленъ образецъ національной турецкой архитектуры, несмотря даже на всѣ арабески и надписи по бѣлой эмали, которыми украшены стѣны павильона Турціи. Что же касается до внутренняго расположенія этого павильона, то нижній этажъ его занятъ сирійскимъ кафе-ресторановъ, въ которомъ играетъ арабскій оркестръ и устроена эстрада для разныхъ гимнастическихъ представленій на восточный ладъ,—особенно для тѣхъ воинственныхъ плясокъ, исполняемыхъ съ кинжалами и саблями, которыя произвели такое сильное впечатлѣніе на царствующаго германскаго императора во время его

Digitized by Google

путешествія на Востокъ, именно при посѣщеніи имъ города Дамаска. Затѣмъ, въ слѣдующемъ этажѣ размѣщены коллекціи янычарскихъ костюмовъ, а также образцы тѣхъ одѣяній, которыя носили еще въ прошломъ вѣкѣ высшіе придворные сановники Блистательной Порты. Выше же расположены салоны, великолѣпно меблированные въ восточномъ вкусѣ; тамъ можно увидать прекрасные ковры, превосходныя турецкія вышивки, мебель съ инкрустаціями изъ перламутра. Особенно замѣчательны ковры, изготовленные на императорской оттоманской фабрикѣ въ Гереке, образцы которыхъ выставлены въ одномъ изъ салоновъ. Далѣе, въ слѣдующемъ этажѣ имѣется также много разнообразныхъ образцовъ турецкихъ ковровъ. Но наиболѣе достойными вниманія являются тамъ виды Іерусалима и Виѳлеема, причемъ очень точно воспроизведены и Гробъ Господень, и пещера Рождества Христова, а также многіе изъ пунктовъ Скорбнаго Пути, по которому Господь слѣдовалъ на Голгоѳу.

Слѣдующее зданіе по Улицѣ Націй принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Государство это, въ сущности, еще такъ недавно существуетъ, что въ немъ никакъ не могли уже успѣть образоваться какія-либо историческія традиціи по архитектурѣ; всѣ національныя особенности его въ этомъ отношеніи сводятся, пожалуй, исключительно лишь къ стремленію сооружать высочайшіе дома въ нѣсколько десятковъ этажей. Однако, воздвигнуть подобный домъ на выставкѣ хотя, конечно, было бы и очень характерно, но не имѣло бы, очевидно, никакого смысла, да къ тому же было бы и некрасиво. Поэтому Соединенные Штаты выступили здѣсь съ постройкой обще-классическаго стиля, очень напоминающею своимъ внѣшнимъ видомъ Капитолій въ Вашингтонѣ, а, пожалуй, еще болѣе Пантеонъ въ Парижѣ. Это высокое зданіе, имѣющее форму прямоугольника, даже почти квадрата, заканчивается величественнымъ куполомъ, который возвышается надъ нимъ слишкомъ на 25 саженъ и на вершинѣ котораго красуется одноглавый американскій орелъ съ распростертыми крыльями. Главный фасадъ зданія со стороны Сены образуетъ огромный порталъ, увѣнчанный фигурой Свободы въ видѣ стройной молодой женщины, стоящей на колесницѣ, везомой четверкой коней, которыми управляютъ два генія, въ образѣ двухъ дѣтей, символизирующихъ собою прогрессъ физическій и интеллектуальный. Посрединѣ же портала возвышается бронзовая конная статуя Вашингтона, размѣромъ выше человѣческаго роста. Статуя эта представляетъ собою воспроизведеніе той статуи Вашингтона, работы знаменитаго американскаго скульптора Поттера и Френча, которую преподнесли Франціи американскія женщины[1]). Внутри же американскій павильонъ состоитъ изъ цѣлаго ряда обширныхъ залъ, меблированныхъ въ чисто американскомъ вкусѣ и предназначенныхъ какъ для офиціальныхъ пріемовъ, такъ и для частныхъ свиданій американскихъ гражданъ между собою. Послѣдніе найдутъ тамъ рѣшительно все, къ чему они привыкли у себя на родинѣ: и свои журналы и газеты, своихъ путеводителей, свои пишущія машины, свое почтовое бюро и даже свою холодную воду со льдомъ, которую они привыкли потреблять въ невѣроятномъ количествѣ. Такимъ образомъ, они имѣютъ здѣсь въ полномъ смыслѣ свой американскій home.

Рядомъ съ американскимъ павильономъ находится павильонъ Австріи. По размѣрамъ своимъ онъ много меньше своего грандіознаго сосѣда; однако, это нисколько не ослабляетъ пріятнаго впечатлѣнія, производимаго имъ. Внѣшнимъ своимъ видомъ онъ очень походитъ на тѣ стройныя и изящныя зданія въ стилѣ барокко, которыхъ такъ много появилось въ Вѣнѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе. Въ сущности, это тотъ же французскій архитектурный стиль эпохи Людовика XIV, но, такъ сказать, огерманизированный лучшими нѣмецкими мастерами, въ родѣ Фишера фонъ-Эрлаха. Фасадъ разукрашенъ повсюду гирляндами цвѣтовъ и различными комическими фигурами, то хохочущими, то гримасничающими, что придаетъ зданію веселый и даже нѣсколько задорный видъ. Со стороны Сены, между двойными колоннами выдается изящный балконъ, надъ которымъ, на фронтонѣ, красуется золотой австрійскій двуглавый орелъ; верхніе карнизы украшены изображеніями военныхъ трофеевъ; на крышѣ возвышается въ каждомъ углу по небольшому куполу въ формѣ балдахина; наконецъ, по обѣ стороны входныхъ дверей устроены ниши, въ

---

[1]) См. изображеніе и описаніе ея въ «Нов. Журн. Иностр. Лит.» № 7, стр. 95 и слѣд.

Digitized by Google

которыхъ журчатъ фонтаны; вода ихъ падаетъ въ большія раковины, гдѣ помѣщаются группы амуровъ, играющихъ съ дельфинами. Внутри, кромѣ обычныхъ пріемныхъ салоновъ, имѣющихся почти въ каждомъ изъ павильоновъ, находящихся на Улицѣ Націй, расположена выставка произведеній австрійской печати, выставка по бальнеологіи, выставка города Вѣны,—гдѣ, между прочимъ, красуются изображенія Бетховена, Фр. Шуберта, а также бюсты Брамса, Брукнера, Іоганна Штрауса, Гуго Вольфа,—затѣмъ выставка картинъ, преимущественно чешскихъ и польскихъ художниковъ, выставка вѣдомства почтъ и телеграфовъ и, наконецъ, выставка Далмаціи, гдѣ особенно замѣчательны образцы мѣстныхъ живописныхъ костюмовъ.

Кромѣ павильона, принадлежащаго собственно Австріи, на выставкѣ, тутъ же, въ Улицѣ Націй, имѣются еще павильоны двухъ странъ, входящихъ въ составъ этого разноязычнаго государства, а именно Венгріи и Босніи. Боснійскій павильонъ представляетъ собою небольшую красивую постройку въ чисто турецкомъ вкусѣ. Внѣшнимъ видомъ своимъ онъ напоминаетъ какой-нибудь загородный домъ знатнаго турецкаго паши, и, право, однѣ его прелестныя деревянныя оконныя рѣшетки даютъ болѣе точное представленіе о характерѣ турецкихъ построекъ, чѣмъ весь турецкій павильонъ, сооруженный архитекторомъ-французомъ. Замѣтимъ, что большая часть украшеній этого павильона составляетъ точное воспроизведеніе украшеній одной изъ мечетей въ Сараевѣ. Когда же посѣтитель входитъ внутрь павильона, то первое, что бросается ему въ глаза,—это превосходная панорама названной столицы Босніи, воспроизводящая этотъ полуевропейскій городъ со всѣми его башнями, минаретами, церквами, со всѣми его красивыми террасами и цвѣтущими садами. А по обѣимъ сторонамъ этой панорамы воспроизведены съ большою точностью два самыхъ живописныхъ уголка Босніи: Яицкій водопадъ и источники Буны, близъ города Монастырь; вода, текущая въ нихъ, есть настоящая вода, и, какъ только сюда проникаетъ солнечный лучъ, брызги ея блестятъ всѣми цвѣтами радуги. То же великолѣпное зрѣлище повторяется и при электрическомъ освѣщеніи. Затѣмъ, что касается до внутренняго расположенія этого павильона, то тутъ совершенно точно воспроизведена обстановка современныхъ жилищъ боснійскихъ магометанъ, съ ихъ гаремликами и селямликами. Въ одной изъ комнатъ помѣщаются мѣстные работники и работницы въ своихъ національныхъ костюмахъ; они тутъ же, на глазахъ у публики, занимаются изготовленіемъ вышивокъ, а также небольшихъ вещей съ насѣчками и инкрустаціями изъ золота и серебра. Кромѣ того, здѣсь же расположена выставка различныхъ продуктовъ земледѣлія и лѣсоводства, которыми такъ богата Боснія, и образцовъ рудъ ея, а равно выставка туземныхъ управленій публичныхъ работъ и народнаго просвѣщенія.

Въ павильонѣ Венгріи прежде всего бросается въ глаза высокая, мрачная башня въ романскомъ стилѣ, рѣзко выступающая изъ общаго фасада и какъ бы только прикасающаяся къ зданію, при чемъ она даже такъ сильно выступаетъ на берегъ Сены, что загораживаетъ весь проходъ, вслѣдствіе чего публика должна проходить подъ нею. Говорятъ, что она составляетъ точное воспроизведеніе одной изъ старинныхъ башенъ венгерскаго города Коморна, который въ 1840 году, во время венгерскаго возстанія, служилъ однимъ изъ главныхъ оплотовъ для инсургентовъ и вынесъ продолжительную осаду австрійцевъ. Самое зданіе венгерскаго павильона построено въ разнообразныхъ стиляхъ, которые въ разное время господствовали въ Венгріи. Согласовать ихъ между собою такъ, чтобы павильонъ въ совокупности своей имѣлъ гармоничный видъ,—являлось, конечно, далеко не легкой задачей. Но венгерскіе архитекторы вышли съ честью изъ этого затрудненія, и зданіе, сооруженное ими, дѣйствительно очень изящно. Часть фасада его, прилегающая непосредственно къ вышеупомянутой башнѣ, скопирована со знаменитаго замка Вайдъ-Гуніадъ, принадлежавшаго нѣкогда Іоанну Корвину, этому легендарному венгерскому герою, всю свою жизнь боровшемуся съ турками и своими побѣдами надъ ними заставившему ихъ отказаться отъ покоренія Венгріи. Такъ, между прочимъ, онъ нанесъ имъ страшное пораженіе при Германштадтѣ, вслѣдствіе чего заставилъ ихъ удалиться за Дунай, самъ перешелъ черезъ Балканы и только послѣ этого заключилъ съ султаномъ Амуратомъ почетный

Digitized by Google

Дворцы Націй (на Сенѣ, ночной эффектъ).
(На Парижской Всемірной выставкѣ 1900 г.).

Digitized by Google

миръ. Затѣмъ, когда въ 1456 году султанъ Магометъ II, съ 150-тысячнымъ войскомъ, осадилъ Бѣлградъ, то Іоаннъ Корвинъ поднялъ противъ него почти поголовно всѣхъ венгерцевъ, и только благодаря мужеству послѣднихъ исходъ Коссовской битвы былъ менѣе гибеленъ, чѣмъ возможно было ожидать. Замокъ Вайдъ-Гуніадъ долгое время находился въ развалинахъ, и только сравнительно недавно венгерское правительство возстановило его въ прежнемъ видѣ. Зато нынѣ это одна изъ замѣчательнѣйшихъ старинныхъ построекъ въ Венгріи, какъ это можно судить даже по той небольшой части его фасада, которая воспроизведена на Парижской выставкѣ. Другія стѣны венгерскаго павильона носятъ на себѣ характеръ то византійскаго, то готическаго стиля, то стиля Ренессансъ и даже Барокко, бывшаго тамъ въ такой большой модѣ во времена Маріи-Терезіи. Главный входъ въ павильонъ находится, въ видѣ исключенія, со стороны противоположной Сенѣ и является воспроизведеніемъ великолѣпнаго полукруглаго портала Якскаго бенедиктинскаго аббатства. Онъ весь покрытъ скульптурными украшеніями и имѣетъ по обѣимъ сторонамъ своимъ двѣ большія розетки весьма оригинальной формы. Внутри павильона особенно замѣчательны: залъ Пресбургской ратуши, въ готическомъ стилѣ, украшенный по стѣнамъ гербами всѣхъ венгерскихъ комитатовъ, и рыцарскій залъ, стѣны котораго расписаны фресками, составляющими точную копію со стѣнныхъ фресокъ подобнаго же зала въ замкѣ Гуніадъ. Тутъ же, въ концѣ зала, воспроизведена въ точности Донерсмаркская часовня въ Карпатахъ. Далѣе, во второмъ этажѣ павильона находится весьма интересный гусарскій залъ, всѣ украшенія котораго заимствованы изъ различныхъ старинныхъ мадьярскихъ замковъ. Такъ, фреска, изображающая голаго охотника съ копьемъ въ рукѣ, преслѣдующаго дикаго вепря, представляетъ собою копію подобной же фрески, находящейся въ замкѣ Гуніадъ; потолокъ зала, покрытаго богатѣйшей рѣзьбой, тоже является воспроизведеніемъ старины. Двѣ изъ стѣнъ украшены громадными картинами кисти П. Ваго, изображающими главные военные подвиги гусаръ какъ венгерскихъ, такъ и иноземныхъ. Напомнимъ, что возникновеніе гусарскихъ полковъ относится къ 1458 году; тогда Венгрія была наводнена турецкими ордами, и надо было непремѣнно противопоставить имъ такую же легкую и смѣлую кавалерію, какая была у нихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ тогдашнее венгерское правительство попыталось создать такую легкую кавалерію, призвавъ на службу по одному всаднику отъ каждыхъ 20-ти дворянскихъ домовъ; отсюда и самое названіе гусаръ, что по-мадьярски значитъ двадцатый. Службу свою гусары стали отправлять въ своихъ національныхъ костюмахъ, что и сохранилось до послѣдняго времени. Гусары особенно отличились въ тридцатилѣтнюю войну. При королѣ Стефанѣ Баторіи они появились въ Польшѣ, гдѣ въ гусарахъ обыкновенно служили наиболѣе богатые изъ дворянъ. Въ концѣ XVII вѣка они встрѣчаются уже и во Франціи, особенно отличаясь въ преслѣдованіи непріятеля. Людовикъ XIV составилъ изъ нихъ особый полкъ, а наканунѣ первой революціи во Франціи числилось уже 6 гусарскихъ полковъ. У насъ, въ Россіи, гусары были введены въ 1723 году, когда Петръ I повелѣлъ сформировать ихъ «охотою» изъ австрійскихъ сербовъ, перебравшихся въ Россію. Впослѣдствіи число гусарскихъ полковъ у насъ было увеличено и во время кампаніи 1812 года ихъ считалось въ русской арміи 12, при чемъ всѣ они сохраняли венгерскій національный костюмъ. Въ венгерскомъ павильонѣ выставлены не только образцы ихъ вооруженія и одежды, но также и много различныхъ предметовъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ ихъ исторіи. Гусарскій залъ служитъ и официальной пріемной. Къ нему примыкаетъ еще цѣлая амфилада другихъ комнатъ, украшенныхъ орнаментами въ стилѣ Барокко. Въ комнатахъ этихъ расположена выставка многихъ очень рѣдкихъ и цѣнныхъ предметовъ, оружія, знаменъ, священныхъ сосудовъ и даже рукописей, относящихся къ исторіи Венгріи.

Какой контрастъ съ венгерскимъ павильономъ составляетъ павильонъ Англіи! Это небольшой домикъ очень простой архитектуры, представляющій собою точную копію съ англійскаго замка, извѣстнаго подъ именемъ Кингстонъ-Гоуза, построеннаго еще въ началѣ XVII столѣтія въ Бредфордѣ-на-Авонѣ, на сѣверо-востокѣ отъ Салисбюри, и являющагося прекраснымъ образцомъ чистаго англійскаго національнаго стиля, ко-

Digitized by Google

торый, какъ извѣстно, не допускаетъ почти никакихъ наружныхъ скульптурныхъ украшеній, мало прилагаетъ заботы относительно внѣшней красоты зданія и полагаетъ главную свою задачу въ томъ, чтобы создать по возможности наиболѣе удобное и практично устроенное жилище. Стѣны этого павильона—изъ простого краснаго кирпича; ради полной безопасности отъ пожара онѣ покрыты изнутри тонкими стальными листами; большія окна съ навѣсами, чисто англійскаго типа, отличаются отсутствіемъ всякихъ безцѣльныхъ украшеній. Внутреннее устройство павильона свидѣтельствуетъ также лишь о стремленіи сдѣлать все какъ можно удобнѣе и комфортабельнѣе. Павильонъ этотъ предназначенъ служить резиденціей принцу Уэльскому, если бы онъ вздумалъ посѣтить нынѣшнюю Парижскую выставку.

Если англичане задались цѣлью показать типъ наиболѣе комфортабельнаго современнаго жилища, то сосѣдка ихъ по Улицѣ Націй—Бельгія возымѣла намѣреніе познакомить посѣтителей выставки съ однимъ изъ лучшихъ образцовъ своей старины. Павильонъ ея является совершенно точнымъ воспроизведеніемъ знаменитой Уденардской ратуши, построенной еще въ 1530 году архитекторомъ Ванъ-Педе, котораго, по всей справедливости, можно назвать Бенвенуто Челлини зодчества. И въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе тонкую работу, чѣмъ та, какая вложена имъ въ фасадъ этой ратуши. Фасадъ этотъ прорѣзанъ множествомъ стрѣльчатыхъ оконъ, украшенъ цѣлымъ рядомъ стройныхъ и граціозныхъ колоннъ, среди которыхъ устроены ниши съ хорошенькими статуэтками, окруженныя роскошными орнаментами изъ листьевъ, цвѣтовъ, ящерицъ, змѣй, крокодиловъ самой искусной работы, а посрединѣ возвышается богиня, вся покрытая снизу и до верху разнообразной рѣзьбой; въ ней вдѣланъ циферблатъ часовъ, цифры которыхъ изготовлены изъ чистаго золота. Въ нижнемъ этажѣ этого павильона помѣщается, между прочимъ, выставка бельгійской прессы; вообще же комнаты его предназначены для офиціальныхъ пріемовъ.

Тотчасъ за готическимъ павильономъ Бельгіи расположена деревянная постройка Норвегіи, представляющая собою копію со старинныхъ норвежскихъ церквей, съ высокой крышей, увѣнчанной двумя башенками въ видѣ колоколенъ. Внутри ея выставлена модель «Фрама», извѣстнаго корабля, на которомъ совершилъ свое путешествіе къ сѣверному полюсу Нансенъ. Кромѣ того, тамъ имѣется нѣсколько моделей норвежскихъ жилыхъ построекъ въ разныя эпохи, и устроена выставка образцовъ мѣховъ, а также различныхъ рыболовныхъ принадлежностей, употребительныхъ на сѣверѣ.

Переходимъ теперь къ германскому павильону. Онъ также имѣетъ видъ средневѣковой ратуши,—въ родѣ извѣстной Ротенбургской,—но ратуши не дѣйствительно существующей, какую изображаетъ бельгійскій павильонъ, а созданной фантазіей художника, вдохновившагося мотивами старинныхъ зданій, встрѣчающихся и понынѣ во многихъ прирейнскихъ городахъ или въ такихъ, какъ Нюрнбергъ. Каждый изъ фасадовъ этого павильона имѣетъ различный видъ; такъ, фасадъ, обращенный на западъ, образуетъ очень высокую колокольню, въ родѣ тѣхъ, какія нѣкогда можно было видѣть почти во всѣхъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ городахъ; по звуку колоколовъ такихъ колоколенъ сходились ратманы на свои совѣщанія; этими же звуками извѣщались жители о всякомъ общенародномъ бѣдствіи,—наводненіи, пожарѣ, приближеніи непріятеля. Къ колокольнѣ въ германскомъ павильонѣ непосредственно примыкаетъ фасадъ, построенный въ стилѣ старинныхъ нѣмецкихъ городскихъ домовъ и украшенный скульптурными изображеніями, отчасти даже раскрашенными въ различные цвѣта; между прочимъ одинъ такой рисунокъ изображаетъ огонь, въ образѣ Зигфрида, освобождающаго изъ пламени Брунегильду. На противоположномъ же фасадѣ изображено море съ многочисленными плавающими сиренами, какъ символъ Воды. Фасадъ этотъ въ общемъ превосходно воспроизводитъ видъ старинныхъ нюрнбергскихъ домовъ зажиточныхъ горожанъ; надъ находящимся здѣсь входомъ изображенъ гномъ, занятый ковкой оружія и оберегающій кладъ Нибелунговъ, который находится около него. Затѣмъ сѣверный фасадъ павильона, выходящій на Сену, украшенъ символами Воздуха, а южный, обращенный на Орсейскую набережную, символами Земли. Такимъ образомъ, архитектура германскаго павильона является до извѣстной степени символической. Говорятъ, что,

Digitized by Google

по мысли императора Вильгельма II, даже самыя башенки, увѣнчивающія его, должны аллегорически изображать высокій полетъ нѣмецкой мысли, теряющейся въ облакахъ. Затѣмъ внутри павильона расположена выставка произведеній нѣмецкаго печатнаго искусства; между прочимъ, здѣсь имѣется полное собраніе сочиненій Фридриха Великаго на французскомъ языкѣ. Но наиболѣе замѣчательны тамъ шесть превосходныхъ небольшихъ картинъ французскихъ художниковъ XVIII вѣка,—между прочимъ, Ватто, Буше; картины эти составляютъ личную собственность германскаго императора, который счелъ возможнымъ выставить ихъ здѣсь. Хороши также оконныя стекла съ живописью, составляющія произведенія Берлинскаго королевскаго института живописи по стеклу. Но замѣчательно, что наибольшимъ вниманіемъ большой публики пользуется на выставкѣ все-таки не самый германскій павильонъ,—французы не безъ основанія находятъ стиль его нѣсколько высокопарнымъ и напыщеннымъ,—а, какъ это ни странно,—нѣмецкій ресторанъ, помѣщающійся въ нижнемъ этажѣ означеннаго павильона. Это ресторанъ съ очень высокими цѣнами, съ французской кухней и съ исключительно нѣмецкими винами. Онъ такъ сильно посѣщается, что тотъ, кто пожелалъ бы воспользоваться его услугами, долженъ запастись въ изобиліи не только деньгами, но еще въ большей мѣрѣ терпѣніемъ. Въ Парижѣ сложилась даже легенда, что самъ германскій императоръ весьма близко принимаетъ къ сердцу его дѣла; такъ говорятъ, что будто бы онъ передъ отъѣздомъ содержателя ресторана на выставку призвалъ его къ себѣ и лично сказалъ ему тѣмъ строгимъ тономъ, которымъ онъ такъ хорошо владѣетъ: «Постарайтесь, чтобы весь Парижъ говорилъ, что нигдѣ нельзя лучше пообѣдать, чѣмъ въ германскомъ павильонѣ: sic volo, sic jubeo!—а затѣмъ: въ добрый путь!» И масса вѣритъ этому болѣе или менѣе серіозно и потому чувствуетъ себя тамъ какъ бы въ гостяхъ у высокой особы. Что же, можетъ быть, этому ресторану, въ самомъ дѣлѣ, суждено совершить то, что до сихъ поръ служило камнемъ преткновенія для самыхъ искусныхъ дипломатовъ, а именно—если не совсѣмъ погасить, то хотя значительно умалить ненависть, питаемую французами ко всему нѣмецкому. По крайней мѣрѣ, нельзя не замѣтить, что теперь въ Парижѣ считается шикомъ восхищаться всѣмъ нѣмецкимъ и даже коверкать, какъ кто можетъ, нѣмецкій языкъ. Это подало даже поводъ къ остроумному замѣчанію, что напрасно утверждаютъ, будто на Парижской Всемірной выставкѣ нѣтъ, такъ называемаго, гвоздя: а нѣмецкій-то ресторанъ, привлекающій такое огромное количество посѣтителей, развѣ не является настоящимъ clou ея?..

Слѣдующій павильонъ, принадлежащій Испаніи, является однимъ изъ самыхъ величественныхъ и благородныхъ по стилю зданій на Улицѣ Націй. Построенъ онъ не въ надоѣвшемъ до нельзя стилѣ Гренадской Альгамбры или Бургосскаго Собора, а въ томъ испанскомъ стилѣ Возрожденія, съ нѣкоторою примѣсью мавританскаго характера, который такъ ясно выражается въ зданіи дворца Карла V и особенно въ фасадахъ многочисленныхъ дворцовъ въ Толедо, Вальядолидѣ и другихъ по преимуществу старыхъ кастильскихъ городахъ. Частью павильонъ этотъ напоминаетъ даже зданіе Саламанкскаго университета. Стѣны его,—особенно та, которая обращена къ рѣкѣ,—покрыты такой тонкой скульптурной работой, такими богатыми барельефами, которые похожи болѣе на чеканныя работы по драгоцѣннымъ металламъ — золоту и серебру, чѣмъ на рѣзьбу по камню. На правомъ углу его возвышается четырехъ-угольная башня, образующая съ павильономъ одно гармоничное цѣлое. Не менѣе интереса представляетъ и внутреннее его устройство. Входныя двери ведутъ, какъ въ королевскомъ мадридскомъ дворцѣ, на квадратный, вымощенный гранитными плитами дворъ, окруженный колоннадами, надъ которыми идетъ двойной рядъ галлерей. Въ комнатахъ нижняго этажа расположена историческая выставка испанскаго искусства, въ организаціи которой приняла очень горячее и дѣятельное участіе сама испанская королева. Она лично назначала предметы, достойные фигурировать здѣсь, и съ этою цѣлью сдѣлала богатый выборъ изъ числа королевскихъ сокровищъ. Коллекція выставленныхъ тутъ гобеленовъ—самая дорогая и самая прекрасная въ мірѣ; многія священныя реликвіи взяты изъ королевскихъ часовенъ, а образцы стариннаго вооруженія—изъ королевскихъ хранилищъ и коллекцій, основаніе которымъ положено было еще Карломъ V. Между прочимъ,

Digitized by Google

здѣсь выставленъ даже тронъ этого государя, а также вооруженіе, принадлежавшее послѣднему мавританскому королю Гренады Боабдилю, представляющее собой замѣчательнѣйшій образецъ мавританскаго искусства. Въ верхнемъ же этажѣ павильона выставлены лучшіе предметы изъ національныхъ музеевъ Мадрида: бронза, вазы, испанскія древности, драгоцѣнныя украшенія, эмали.

Стоитъ ли говорить о крайне банальномъ павильонѣ съ высочайшей, неуклюжей башней, воздвигнутомъ тутъ же рядомъ княземъ Монакскимъ и заключающемъ въ себѣ не особенно любопытныя коллекціи, собранныя имъ во время морскихъ экскурсій, или еще о весьма странномъ по своему внѣшнему виду шведскомъ павильонѣ, построенномъ изъ дерева въ какомъ-то фантастическомъ и притомъ довольно некрасивомъ стилѣ, подобнаго которому, конечно, не только въ Швеціи, но и вообще нигдѣ въ мірѣ не существуетъ! Остановимъ лучше наше вниманіе на сосѣднемъ греческомъ павильонѣ. Греки выказали очень много и такта, и вкуса, тѣмъ, что при постройкѣ своего павильона взяли за образецъ не Акрополь, не Парѳенонъ съ его колоннадами, не храмъ Олимпійскаго Зевса или святилище Аѳины-Паллады, а соорудили его въ стилѣ небольшихъ старинныхъ церквей, повсюду встрѣчаемыхъ въ окрестностяхъ Аѳинъ, Дельфъ и другихъ греческихъ городовъ, а иногда даже и въ самыхъ городахъ,—такова, между прочимъ, церковь Богоматери въ самыхъ Аѳинахъ. Это небольшое, но очень изящное зданіе, увѣнчанное невысокимъ куполомъ, покрытое разноцвѣтными обливными кирпичами и украшенное небольшими колоннами изъ бѣлаго мрамора. Въ немъ размѣщено рѣшительно все, что только Греція экспонируетъ на Парижской выставкѣ: картины греческихъ художниковъ, ихъ скульптурныя произведенія, наконецъ, всевозможные продукты мѣстнаго производства, начиная отъ коринки, винъ, растительныхъ маслъ, табаку и кончая знаменитымъ паросскимъ мраморомъ, сребросной свинцовой рудой, поваренной солью и сѣрой.

Послѣдній павильонъ въ этомъ ряду принадлежитъ Сербіи. Это очень простое на видъ, хотя въ то же время довольно граціозное зданіе въ византійскомъ стилѣ, напоминающее своею внѣшностью также мѣстныя церкви, ибо въ Сербіи, собственно говоря, еще не существуетъ гражданской архитектуры. Между двумя боковыми галлереями, составленными изъ полукруглыхъ арокъ, украшенныхъ арабесками, виднѣется портикъ, образованный двойнымъ рядомъ колоннъ. Затѣмъ, все зданіе увѣнчано довольно величественнымъ куполомъ, имѣющимъ чисто византійскій характеръ. Внутри, между прочимъ, расположена сербская минералогическая выставка, заключающая въ себѣ интересные образцы рудъ, а также выставки сербскаго министерства народнаго просвѣщенія, сербской табачной мануфактуры и украшеній изъ драгоцѣнныхъ металловъ изящной филигранной работы.

Изъ числа восьми павильоновъ, расположенныхъ во второмъ ряду, вдоль Улицы Націй, интересными являются весьма немногіе. Такъ, румынскій павильонъ имѣетъ довольно банальный видъ, особенно вслѣдствіе пестроты своихъ наружныхъ фасадовъ, да и внутри его заслуживаетъ вниманія лишь одинъ, такъ называемый, «Кладъ изъ Петроассы», состоящій изъ превосходныхъ золотыхъ, съ драгоцѣнными каменьями, вещей, которыя, по преданію, принадлежали будто бы вестготскому королю Алариху. Болгарскій павильонъ, полувизантійскаго, полумусульманскаго стиля, также представляетъ мало оригинальнаго по своей внѣшности. Въ немъ могутъ, пожалуй, еще заинтересовать образцы розоваго масла, этого спеціально болгарскаго продукта, которымъ Болгарія снабжаетъ почти всю Европу: вѣдь не даромъ же Казанлыкская долина носитъ поэтичное названіе «долины розъ». Далѣе, павильонъ нашей Финляндіи представляетъ собой мрачное низкое зданіе, всѣ украшенія котораго заимствованы изъ мѣстной природы и изображаютъ волковъ, медвѣдей, оленей, рыбъ и даже, по какой-то странной фантазіи архитектора, еловыя шишки; въ немъ, между прочимъ, выставленъ большой аэролитъ, упавшій въ прошедшемъ году близъ Финскаго залива. Мало можно также сказать и про павильонъ Люксембурга, построенный въ стилѣ Ренессанса. Болѣе красивъ персидскій павильонъ; это довольно изящное по своей внѣшности бѣлое зданіе, разукрашенное мозаикой очень нѣжныхъ цвѣтовъ. Внутреннимъ своимъ устройствомъ онъ нѣсколько напоминаетъ восточные серали, исполненные нѣги и прохлады. Изъ его

Digitized by Google

узкихъ стрѣльчатыхъ оконъ весьма многія снабжены балкончиками, выкрашенными въ нѣжные цвѣта, а на крышѣ устроены двѣ открытыя террасы, куда по вечерамъ собираются правовѣрные творить намазъ. Внутреннее устройство этого павильона приспособлено подъ помѣщеніе персидскаго шаха во время посѣщенія имъ всемірной выставки; при этомъ второй этажъ является точнымъ воспроизведеніемъ шахскаго дворца въ Испагани. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ имѣются интересныя коллекціи великолѣпныхъ персидскихъ ковровъ, а также чудной бирюзы и громадной величины жемчуга, добываемаго въ Персидскомъ заливѣ.

Что касается затѣмъ до павильоновъ Перу и Португаліи, то первый изъ нихъ не представляетъ рѣшительно ничего оригинальнаго, такъ что даже обѣ перувіанки, украшающія его входъ и олицетворяющія собою: одна—комедію, а другая—живопись, очень смахиваютъ на самыхъ чистокровныхъ парижанокъ. Португальскій же павильонъ похожъ просто на какой-то пакгаузъ, какіе обыкновенно строятся съ таможенными цѣлями у большихъ пристаней. Наконецъ, послѣднимъ зданіемъ въ этомъ ряду является павильонъ Даніи; онъ имѣетъ видъ богатаго буржуазнаго провинціальнаго дома XVII вѣка,—эпохи, когда подъ покровительствомъ Христіана IV особенно процвѣтала архитектура въ Даніи; такъ, къ этому именно времени относятся знаменитые королевскіе дворцы въ Фреденсборгѣ и въ Христіансборгѣ. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ дворцовъ, конечно, не могли быть воспроизведены на выставкѣ, и потому датское правительство удовольствовалось тѣмъ, что представило здѣсь граціозный образчикъ частнаго жилища, ясно показывающаго, съ какимъ искусствомъ датскіе архитекторы умѣютъ комбинировать въ своихъ постройкахъ кирпичъ и дерево. Особенно въ этомъ павильонѣ выдаются по своему изяществу деревянныя рѣзныя украшенія оконъ. Внутри его расположена читальня, въ которой можно найти всѣ датскіе журналы и газеты.

ИЗЪ „КАНЦО БЕРО“ АНТОНІО ПАЛАМЕРО.

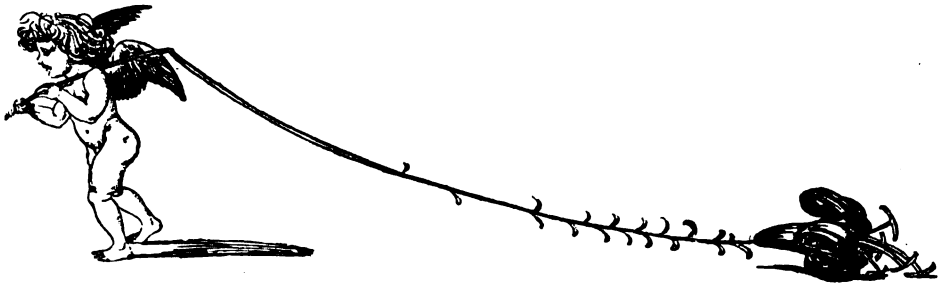
Съ испанскаго.

Сонетъ.

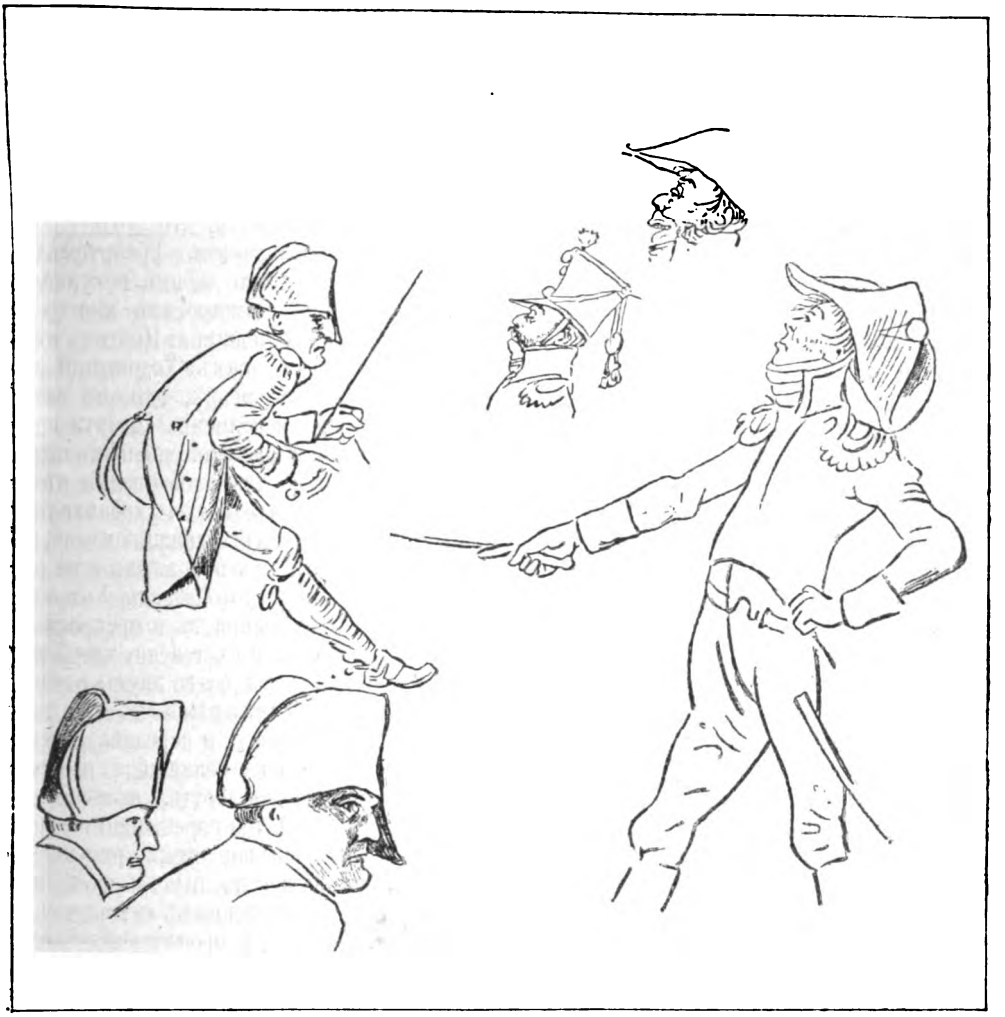
Исполнена тоски, раскаянья, страданья,
Напрасно ты, дрожа, рыдаешь предо мной
И хочешь пробудить заманчивой красой
Во мнѣ былую страсть, былое обаянье...
Я не прощу тебя! Измѣною такой
Разбила ты сама мое очарованье,
И для меня теперь ты—падшее созданье,
Одна изъ многихъ душъ, загубленныхъ судьбой.

Повѣрь, твоимъ мольбамъ безстрастно я внимаю;
Я грѣшницъ молодыхъ къ добру не обращаю,
Не проповѣдникъ я добра и чистоты.
Презрѣньемъ я плачу за твой обманъ отнынѣ:
Пускай Христосъ простилъ Маріи Магдалинѣ,
Но я-то не Христосъ, не Магдалина—ты!

Е. М. Шершевская.



Digitized by Google



Этюды головъ по карикатурамъ Готфрида Шадова («Наполеонъ I и его генералы»). (Въ библіотекѣ Берлинской академіи художествъ).

XIX ВѢКЪ ВЪ КАРИКАТУРАХЪ.

V [1]).

Нѣмецкая карикатура 1800—1815 гг.

Нѣмецкая карикатура нашего вѣка. — Ходовецкій и его бытовыя гравюры. — Нѣмецкіе демократы и французскія моды.—Карикатуры на парики и косы. —Карикатурная полемика.— «Революціонный альманахъ» и «Альманахъ обскурантовъ».—Швейцарцы Липсъ и Д. Гессъ.— «Преобразованная Голландія» Гесса. — Его карикатуры на Наполеона I и на швейцарскую буржуазію.—Сборникъ Дюнкера «1800 годъ».—Рисунки Шадова.—Военныя карикатуры Гейслера.—Карикатуры Фольца.

Ни одна отрасль искусства не даетъ такого яснаго, такъ сказать, нагляднаго понятія о различіи темпераментовъ, характеровъ, воспринятія идей, способности мышленія, привычекъ, нравовъ и склонностей различныхъ народовъ, какъ карикатура.

[1]) См. «Новый Журналъ Иностр. Лит.» №№ 6—9.

Digitized by Google

Карикатуры нѣмецкихъ народностей, въ особенности до начала нашего вѣка, большею частью аллегорическія, туманныя; кажется, какъ будто художники-карикатуристы наблюдали всѣ явленія жизни сквозь дымъ ихъ излюбленныхъ трубокъ, разстилающійся передъ ними и принимающій самыя причудливыя формы и очертанія, смотря по настроенію художниковъ, то мистическихъ, возвышенныхъ, туманныхъ созданій, то лукавыхъ, порочныхъ и насмѣшливыхъ гномовъ. Нѣмецкая карикатура прошлыхъ вѣковъ предпочитала выбирать всегда такія темы, которыя можно было варіировать до безконечности и которыя, хотя ясно изображенныя, могли еще подавать поводъ къ различнымъ толкованіямъ. Всегда почти добродушный и нѣсколько тяжеловатый нѣмецкій юморъ не могъ никогда дойти до мрачныхъ карикатуръ Гойя, до ѣдкаго, злобнаго и суроваго смѣха Гогарта, до легкомыслія и гривуазности французскихъ художниковъ. Нѣмецкіе карикатуристы смѣются иногда слишкомъ громко,—быть можетъ, даже тривіально, но ихъ смѣхъ безобидный, онъ носитъ отпечатокъ счастливаго темперамента, глубокой истинной честности, и можно сказать, что нѣмецкіе юмористы почти единственные, обладающіе даромъ смѣяться безъ горечи и развращенности, безъ принужденія и жеманства.

Но и въ исторіи нѣмецкой карикатуры бывали эпохи большихъ переворотовъ, вызывавшія рѣзкія, опредѣленныя, одинаково понятныя всѣмъ карикатуры, напримѣръ, эпоха Реформаціи, породившая массу ѣдкихъ памфлетовъ и карикатуръ, или конецъ Среднихъ вѣковъ, когда еще робкій, но уже вѣющій надъ всей Европой критическій революціонный духъ выразился въ карикатурахъ, изображающихъ похожденія Тильэйленшпигеля, воплощающаго этотъ новый духъ, и въ изображеніяхъ Шильдбюргеровъ, этихъ прототиповъ нѣмецкихъ консерваторовъ той эпохи. Тридцатилѣтняя война, истощившая силы и уничтожившая благосостояніе нѣмецкихъ народностей, какъ бы остановила ростъ искусства и человѣческаго ума; эта эпоха—зловѣщій пробѣлъ въ исторіи нѣмецкаго искусства и нѣмецкой науки. Только въ XVIII вѣкѣ начинаютъ опять появляться слабыя попытки карикатуръ и то больше заимствованныя у сосѣднихъ народовъ, какъ будто обезсиленная войнами нація забыла свое прошлое и потеряла вѣру въ свои собственныя художественныя силы и способности.

Въ концѣ XVIII вѣка въ Берлинѣ появился художникъ, котораго можно причислить къ карикатуристамъ и имя котораго пользовалось славой и въ началѣ XIX вѣка, хотя художественная дѣятельность его уже была на закатѣ: это Ходовецкій. Его называли берлинскимъ Гогартомъ и находили, что онъ въ своихъ рисункахъ изображалъ, даже заимствовалъ многое у этого англійскаго художника. Противъ этого мнѣнія возсталъ самъ Ходовецкій въ напечатанномъ имъ письмѣ, гдѣ онъ говоритъ, что манера исполненія Гогарта пригодна только для выраженія сильныхъ страстей, но не годится для изображенія нѣжныхъ и пріятныхъ чувствъ; онъ добавляетъ, что восторгается этимъ художникомъ, но не хотѣлъ бы никогда ему подражать и не совѣтовалъ бы никому этого дѣлать. Ходовецкій—прежде всего жанристъ и прекрасный граверъ, исполнившій въ теченіе своей художественной карьеры болѣе двухъ тысячъ гравюръ. Онъ художникъ нѣжныхъ страстей, неспособный испытывать и передавать сильныя ощущенія и отказывающійся изображать и искать ужасное и отталкивающее въ человѣчествѣ. Ходовецкій прекрасно изобразилъ въ цѣлой серіи виньетокъ, рисунковъ и т. д. обычаи, привычки и моды своей эпохи съ юморомъ, не лишеннымъ сатирическаго оттѣнка. Въ своихъ произведеніяхъ онъ только пріятно подсмѣивается, не доходя никогда до грубой карикатуры и уродливаго преувеличенія. Лучшими его произведеніями считаются его виньетки, въ которыхъ онъ выказалъ свою наблюдательность и пониманіе всѣхъ сторонъ человѣческаго характера. Весьма интересна цѣлая серія его «параллелей»: въ двухъ совершенно одинаковыхъ виньеткахъ онъ изображалъ на одной какое-нибудь качество, а на другой, рядомъ съ ней, аффектированную утрировку того же самаго качества, благодаря которой оно превращалось къ карикатуру. Для этого ему было достаточно перемѣнить какой-нибудь пустякъ въ костюмѣ, едва уловимо измѣнить какую-нибудь черту въ лицѣ, придать нѣсколько иной поворотъ головѣ, и то, что на первой виньеткѣ казалось зрителю граціознымъ и натуральнымъ, на второй являлось отталкивающимъ и манернымъ. Среди всей массы рисунковъ этого художника можно

Digitized by Google

найти только три настоящія политическія карикатуры, направленныя противъ Франціи. Первая—«Прибытіе французовъ въ Германію»; на ней изображенъ элегантный кавалеръ съ орденской лентой на шеѣ; небрежно застегнутый жилетъ выдаетъ то, что у него нѣтъ даже рубашки; за нимъ идутъ его два служителя: одинъ—босой, другой—худой и голодный проситъ своего господина одолжить ему хотя бы щепотку табаку, а нѣмецкій крестьянинъ даетъ имъ рубашку и сюртукъ. На второй карикатурѣ—«Свобода и Равенство» представлена молодая нарядная дама, которую взялъ за подбородокъ трубочистъ, едва прикрытый рубашкой въ красномъ фригійскомъ колпакѣ и съ атрибутами своего ремесла въ рукѣ. И, наконецъ, третья «Маратъ и Пуассардки».

Первая французская революція сильно отразилась на всѣхъ нѣмецкихъ народностяхъ и положила начало многолѣтней борьбѣ между приверженцами возникающей нѣмецкой демократіи и представителями, или, вѣрнѣе, остатками отживающаго феодальнаго общества. Но если соціально-эмансипаціонныя идеи революціи нашли много приверженцевъ въ Германіи, то эмигранты, наводнившіе страну, вызвали мало симпатій своимъ легкомысліемъ, расточительностью и своими ненатурально изысканными, доведенными до приторности манерами. Сохранилось довольно много гравюръ, изображающихъ этихъ невольныхъ гостей Германіи въ самыхъ комическихъ положеніяхъ. Нѣмецкіе демократы принялись подражать модамъ французскихъ свободныхъ гражданъ, что вызвало цѣлый рядъ указовъ и декретовъ мелкихъ владѣтельныхъ принцевъ, запрещающихъ носить эти костюмы. Карикатуристы воспользовались этимъ, всѣ альманахи и масса отдѣльныхъ гравюръ той эпохи изображаютъ въ комическомъ видѣ эту, такъ сказать, «модную войну» между правительствами и ихъ непокорными подданными. Появившіяся въ предѣлахъ Германіи республиканскія войска поразили своей безпорядочной, грязной, почти нищенской обмундировкой нѣмцевъ, привыкшихъ къ своимъ параднымъ, вычищеннымъ, напудреннымъ и туго затянутымъ въ мундиръ солдатамъ. Появились карикатуры на французскихъ солдатъ; почти на всѣхъ они изображались оборванными, съ большимъ мѣшкомъ или ранцемъ, наполненнымъ разнымъ провіантомъ, съ кускомъ говядины или огромнымъ хлѣбомъ на ружейномъ штыкѣ. Но и національныя войска, а, главное, германская милиція слу-

Духъ нашего вѣка.
(Карикатура Гесса).

Digitized by Google

жили неистощимыми сюжетами для карикатуръ.

Вопросъ париковъ и косъ являлся тогда вопросомъ первой важности, настоящей злобой дня. Мелкіе владѣтельные принцы въ особыхъ засѣданіяхъ совѣщались чуть не цѣлыми мѣсяцами о томъ, слѣдуетъ ли укоротить косы и на сколько. Издавались строгіе «регламенты», въ которыхъ указывалось, какой длины и толщины должны быть косы, а также опредѣлялись форма банта и цвѣтъ лентъ, ихъ завязывающихъ. Коса признавалась въ тѣ времена какъ бы базисомъ, на которомъ покоилась власть; нельзя было дотронуться до первой, не поколебавъ вторую. Не удивительно поэтому, что косы и парики жестоко осмѣивались и служили темой всевозможныхъ карикатуръ. Если нѣмецкая демократія пользовалась сочувствующей ей прессой и сценой для пропаганды своихъ новыхъ идей свободы, аристократія и правительство дѣйствовали противъ нихъ главнымъ образомъ посредствомъ карикатуръ. Всевозможные альманахи, календари, среди которыхъ выдѣлялся особенно «Революціонный альманахъ», издававшійся съ 1793—1804 г., изображали въ своихъ виньеткахъ всѣ поступки и дѣйствія «новыхъ французовъ», какъ тогда называли революціонеровъ-демократовъ въ самыхъ грубыхъ, комическихъ и отталкивающихъ образахъ и положеніяхъ. Всѣмъ этимъ безчисленнымъ карикатурамъ, направленнымъ противъ нихъ, демократы противопоставили только одно иллюстрированное изданіе: «Альманахъ Обскурантовъ». Изъ числа рисовальщиковъ-карикатуристовъ, принимавшихъ участіе въ этомъ изданіи, особенно выдѣляются карикатуры швейцарца Генриха Липса (1758—1817).

Вообще Швейцарія принимала дѣятельное участіе въ этой карикатурной полемикѣ нѣмецкихъ народностей. Когда Голландія провозгласила себя республикой, копируя во всемъ Францію, швейцарскій художникъ Давидъ Гессъ, приверженецъ аристократическихъ и монархическихъ идей, исполняетъ цѣлую серію карикатуръ, осмѣивающихъ представителей демократическаго режима. Лучшими изъ нихъ считаются двадцать карикатуръ, исполненныхъ краснымъ карандашомъ (a la Sanguine) и извѣстныхъ подъ названіемъ «Hollandia Regenerata» (Преобразованная Голландія). Сборникъ этотъ по техническому выполненію считается однимъ изъ лучшихъ той эпохи. Давидъ Гессъ является въ этихъ произведеніяхъ не только хорошимъ рисовальщикомъ, но и прекраснымъ знатокомъ человѣческаго лица и его выраженій. Когда въ самой Швейцаріи вспыхнуло возстаніе демократовъ противъ конфедеративнаго правительства, и французскія войска, усмиривъ это возстаніе, заставили страну принять форму республиканскаго правленія, совершенно не соотвѣтствующую ея нравамъ, то вся Швейцарія возненавидѣла Францію, наложившую на страну непосильныя контрибуціи и почти совершенно ее подчинившую. Давидъ Гессъ, ненавидѣвшій революцію и Наполеона и страстный патріотъ, берется не только за карандашъ, но и за грабштихъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ вплоть до рокового для Наполеона 1815 года, который художникъ привѣтствуетъ карикатурой съ многознаменательнымъ названіемъ «Наконецъ!», исполняетъ множество ѣдкихъ карикатуръ, направленныхъ противъ Франціи и главнымъ образомъ противъ Наполеона. Изъ нихъ самыя замѣчательныя—«Постой французскихъ войскъ въ городѣ и деревнѣ» и «Политическія качели». Очень интересны также его карикатуры нравовъ изъ міра швейцарской буржуазіи, этого «царства мелочныхъ торговцевъ», какъ ихъ презрительно называютъ во всей Германіи.

Изъ другихъ швейцарскихъ карикатуристовъ этой эпохи пользовался большой славой Дюнкеръ; лучшимъ его произведеніемъ считается сборникъ подъ названіемъ «1800 годъ»; всѣ сорокъ карикатуръ, составляющія его, направлены противъ швейцарской революціи. Самыя интересныя изъ нихъ это: «Лисица и Аистъ», заимствованная изъ басни Эзопа и являющаяся воплощеніемъ унизительнаго и принудительнаго союза Швейцаріи съ Франціей; «Міръ шиворотъ-на-выворотъ»—въ этой карикатурѣ художникъ хотѣлъ выразить, что революція своими идеями перевернула весь міръ вверхъ дномъ: Адамъ и Ева изгоняютъ ангела изъ рая, оселъ читаетъ «Духъ Законовъ», тигръ предлагаетъ мирный договоръ, заяцъ преслѣдуетъ охотника и собакъ, деревья и дома стоятъ вверхъ ногами. Третья и самая забавная карикатура называется «Новая политическая азбука». Каждое слово этой азбуки имѣетъ свою отдѣльную иллюстрированную клѣточку; только клѣточки двухъ

Digitized by Google

словъ пусты: это—слово «дьяволъ», должность котораго упразднена республикой, говоритъ авторъ карикатуры, и «истина», мѣсто которой остается вакантнымъ.

Въ октябрѣ 1807 г. Наполеонъ вступилъ въ Берлинъ, и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца умы всего населенія были заняты только императоромъ. Новыя гравюры, эстампы, раскрашенныя картинки появлялись почти ежедневно, представляя его во всевозможныхъ позахъ и видахъ. Къ этому времени относятся прекрасные рисунки краснымъ карандашомъ и перомъ Іоганна Готфрида Шадова, извѣстнаго скульптора, ректора, а затѣмъ директора Берлинской Академіи Художествъ. Эти рисунки, хранящіеся въ библіотекѣ Академіи и до сихъ поръ еще не изданные, изображаютъ Наполеона и нѣкоторыхъ его генераловъ съ большимъ и очень тонкимъ юморомъ. Обычное величественное выраженіе лица Наполеона замѣнено гримасничающимъ, ротъ и глаза очень выразительны и натуральны, только мимика рта, движеніе глазъ нѣсколько утрированы. Никто изъ предыдущихъ и послѣдующихъ карикатуристовъ не далъ такого сатирическаго изображенія чертъ императора. Что же касается до портретовъ его генераловъ, этихъ старыхъ закоренѣлыхъ республиканцевъ, только слегка покрытыхъ лакомъ имперіализма, то всѣ они, благодаря сильному таланту Шадова, превратились въ безсмертные типы.

Поэтъ и издатель.
(Карикатура Фольца 1811 г.).

Война съ Франціей вызвала множество, такъ называемыхъ, народныхъ юмористическихъ картинокъ, довольно грубо и ярко размалеванныхъ, но тѣмъ не менѣе весьма интересныхъ документовъ для исторіи нравовъ той эпохи. Однимъ изъ самыхъ талантливыхъ поставщиковъ такихъ картинокъ, а также и народныхъ гравюръ является лейпцигскій художникъ Гейслеръ; онъ исполнилъ цѣлую серію военныхъ карикатуръ, изображающихъ въ траги-комическомъ видѣ всѣ бѣды и невзгоды войны. Его юмористическій талантъ, ѣдкій и злой, выказался вполнѣ въ рисункахъ, изображающихъ еврейскія сценки. Средневѣковая ненависть и предубѣжденіе противъ евреевъ продолжали существовать и въ началѣ нашего вѣка, а поведеніе ихъ во время борьбы Германіи съ Первою Имперіей было такого рода, что только еще сильнѣе возбуждало эти чувства. Гейслеръ въ цѣломъ рядѣ карикатуръ изобразилъ евреевъ, продающихъ свои услуги той и другой сторонѣ, договаривающихся съ мародерами, у которыхъ они скупали за безцѣнокъ добычу, собранную этими послѣдними на поляхъ битвъ, одинаково эксплоатирующихъ побѣдителей и побѣжденныхъ

Digitized by Google

Захарія Шнапслейнъ.
(Виньетка «Хроники Эйленгаузена).
(См. стр. 429).

при размѣнѣ денегъ, продажѣ провіанта и т. д.

У Гейслера нашлось много анонимныхъ послѣдователей въ Лейпцигѣ. Этотъ богатый торговый городъ, черезъ который почти неизбѣжно и постоянно проходили войска,

Истинный портретъ завоевателя (1813 г.).
(Съ эстампа Фольца).

являлся отличнымъ пунктомъ для наблюденія нравовъ того времени. Появилось много анонимныхъ карикатуръ, изображающихъ французскіе типы, военныя сценки, армію великаго тріумфатора, и лишь изрѣдка и робко показывались политическія карикатуры, тотчасъ же конфисковавшіяся бдительною цензурой Наполеона. Поставщикомъ такого рода карикатуръ былъ вольный городъ Гамбургъ, пользовавшійся также свободой прессы; но эти карикатуры, большею частью анонимныя, не представляютъ особеннаго интереса до появленія художника Фольца.

Въ 1806 г. въ Нюрнбергѣ издатель Фридрихъ Кампэ начинаетъ собирать вокругъ себя молодыхъ рисовальщиковъ и издавать гравюры, виньетки, рисунки и карикатуры. Но для полнаго успѣха его издательскаго предпріятія ему нужно было найти талантливаго и разносторонняго художника, и онъ нашелъ его въ Фольцѣ, который одинаково хорошо могъ скомпоновать и исполнить историческій эскизъ, бытовую сцену, религіозную композицію, могъ иллюстрировать альманахи и книги и рисовать карикатуры на всевозможныя темы. Но главное достоинство этого рисовальщика заключалось въ томъ, что онъ относился ко всему какъ истинный художникъ, стремясь постоянно развивать и поднимать эстетическій вкусъ народа. Изъ его многочисленныхъ политическихъ карикатуръ большою извѣстностью пользовался «Истинный портретъ побѣдителя». Но его карикатуры нравовъ значительно выше по рисунку и экспрессіи, нежели политическія. Стоитъ только, напримѣръ, посмотрѣть на интересную игру физіономій въ карикатурѣ, озаглавленной «Поэтъ и издатель». (См. на стр. 425).

VI.

1816—1840 гг.

Фантастическія карикатуры Рамберга и Гофмана.—Искусство путешествовать съ карикатурами Кимпфеля.—«Музей остроумія и хорошаго расположенія духа».—Противъ милитаризма.—Аллегорическія гравюры противъ реакціонеровъ.—«Кревинклеры и Цопфентрэгеры»: «Кревинкліада» Фольца и «Сельская эпопея» Вундера.—Нюренбергская «Хроника городского совѣта города Совиное Гнѣздо».—Рисунки Рихтера, Гоземана, Газенклевера и Шрётера.

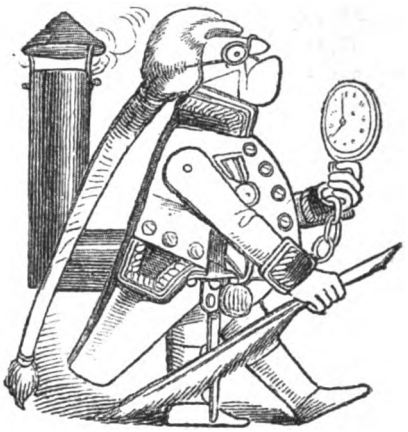
Паденіе Первой Имперіи вызвало въ Германіи цѣлый переворотъ, какъ въ политической, такъ и въ нравственной общественной жизни. Реакціонеры вновь востор-

Digitized by Google

жествовали, и мелкіе владѣтельные принцы стали вновь преслѣдовать всѣ либеральныя идеи. Этими строгими мѣрами они вызвали постепенно недовольство даже среди самыхъ ярыхъ консерваторовъ. Политическія карикатуры, строго преслѣдуемыя, исчезаютъ, и весь нѣмецкій юморъ сосредоточивается на карикатурахъ нравовъ и иллюстраціяхъ къ романамъ, повѣстямъ, путешествіямъ и т. д. Къ этой эпохѣ относятся два художника-карикатуриста, сумѣвшіе и въ это скучное, тревожное и, тѣмъ не менѣе, будничное время найти темы для безобиднаго, веселаго смѣха; одинъ изъ нихъ—Рамбергъ, другой —Гофманъ, авторъ извѣстныхъ фантастическихъ сказокъ.

Рамбергъ (1763 — 1840), родомъ ганноверецъ, выказалъ съ семилѣтняго возраста большія способности къ рисованію. Это былъ замѣчательно трудолюбивый и плодовитый художникъ; по свидѣтельству одного изъ его современниковъ, въ 1800 г. пятьдесятъ граверовъ въ Англіи, Гановерѣ и Пруссіи едва поспѣвали гравировать его работы. Самыя интересныя его карикатуры—тѣ, которыя изображаютъ сцены въ игорныхъ домахъ и сцены изъ жизни обитателей маленькихъ городковъ, нигдѣ и никогда не существовавшихъ, какъ только въ его воображеніи.

Одна изъ самыхъ оригинальныхъ и интересныхъ личностей той эпохи—писатель и художникъ Гофманъ. Въ 1813 году, больной, безъ средствъ, онъ въ Лейпцигѣ принялся за цѣлую серію политическихъ карикатуръ, направленныхъ противъ Наполеона и французовъ. Теперь эти карикатуры представляютъ большую рѣдкость, а тогда издатели-заказчики платили автору по 2—3 рейхсталера (около 3-хъ рублей) за штуку. Три изъ нихъ очень интересны, — это: «Торжественныя похороны міровой монархіи, устроенныя Наполеономъ, его генералами и солдатами союзныхъ войскъ», «Выздоровѣвшая госпожа Галлія уплачиваетъ счетъ своимъ докторамъ—прусскимъ, русскимъ, австрійскимъ и англійскимъ солдатамъ, которымъ она вмѣсто денегъ раздаетъ пушки и укрѣпленія», «Заклинатели»: злой духъ, которымъ была одержима Галлія, т.-е. Наполеонъ, изгоняется окончательно союзными войсками. Карикатуристъ по призванію, но работающій, большею частью, по принужденію, ради денегъ, онъ, получивъ опять казенное мѣсто, т.-е. обезпеченіе, даетъ волю своей богатой фантазіи, пишетъ свои знаменитыя сказки и рисуетъ къ нимъ заглавные листы. Изъ этой серіи карикатуръ очень интересны озаглавленныя «Похожденія капельмейстера Іоганна Крейзлера».



Типы носителей косъ.
Бюрократъ. (Изъ Leuchtkugeln).

Чѣмъ мрачнѣе и тревожнѣе становилась дѣйствительная жизнь Германіи, чѣмъ больше преслѣдуются политическія карикатуры, тѣмъ болѣе стремятся къ изображенію въ литературѣ и искусствѣ того, что нѣмцы называютъ «Schwank», къ фарсу, пародіи, къ грубоватой, но добродушной

Типы носителей косъ.
Полицейскіе. (Изъ Leuchtkugeln).

Digitized by Google

насмѣшкѣ надъ всѣмъ и всѣми. Сатирическіе шуточные романы, комическія путешествія, изображающія самыя смѣхотворныя приключенія, юмористическія эпопеи изъ студенческой жизни, иллюстрированныя извѣстными рисовальщиками-карикатуристами, появились въ это время во всей Германіи. Большой популярностью пользовалось тогда иллюстрированное изданіе «Искусство путешествовать» съ карикатурами художника Кимпфеля и нѣсколько анонимныхъ произведеній, также украшенныхъ иллюстраціями: «Человѣчество въ неглиже», «Музей остроумія и хорошаго расположенія духа» и др. Освободившись отъ деспотизма Наполеона, нѣмецкія народности, какъ уже выше сказано, подпадаютъ опять подъ власть реакціонернаго режима своихъ мелкихъ владѣтельныхъ князей. Все, что только могло напоминать варварскіе принципы, провозглашенные первой республикой, строго и тщательно запрещается; прежнія чинопоклоненіе, система протекціи и взятокъ, костюмы, а, главное, коса и парикъ вновь торжественно возстановляются. И эти два украшенія сильнаго пола, испортившія много крови, исчезнутъ, и на этотъ разъ уже окончательно, только послѣ двухъ революцій.

Но всѣ эти мѣры не могутъ уничтожить тотъ демократическій духъ свободы и самостоятельности, которымъ Франція одѣлила всю Европу. Составляются студенческія корпораціи (Burschenschafft), вступающія въ открытую борьбу съ реакціонернымъ правительствомъ и уже въ 1817 году мечтающія и желающія объединенія всей Германіи. Правительство, въ свою очередь, усиливаетъ строгости, увеличиваетъ надзоръ за университетами, увольняетъ либеральныхъ профессоровъ, запрещаетъ и конфискуетъ журналы и газеты. Всѣ эти мѣры вызываютъ массу карикатуръ, въ Нюренбергѣ и Аугсбургѣ, во Франкфуртѣ и Штутгартѣ основываются такія же издательскія фирмы, какъ фирма Кампэ, издаются всевозможные иллюстрированные сборники, направленные противъ царящаго милитаризма, появляются аллегорическія гравюры, озаглавленныя: «Прежде и теперь», гдѣ осмѣиваются костюмы, навязанные правительствомъ; «Духъ времени», изображенный въ видѣ осла въ огромномъ парикѣ, сидящаго верхомъ на генеалогическомъ деревѣ и попирающаго ногами вѣсы правосудія и фригійскіе колпаки, эту эмблему революціи, и «Клубъ мыслителей—новое нѣмецкое общество», представляющее засѣданіе ученыхъ: они всѣ въ намордникахъ, на стѣнахъ висятъ еще намордники для желающихъ и виднѣются афиши со слѣдующими надписями: «Въ сегодняшнемъ засѣданіи будетъ разбираться вопросъ огромной важности: какъ долго будетъ намъ еще дозволено мыслить?»—а еще ниже написаны правила общества, первый и главный параграфъ которыхъ гласитъ: «Требуется абсолютное молчаніе.» Конечно, такія прямыя сатиры на мѣры, принимавшіяся реакціонерами для того, чтобы заглушить эмансипаціонный духъ въ Германіи, сейчасъ же подвергались уничтоженію.

Цензурныя строгости заставили тогда художниковъ рисовать почти исключительно карикатуры нравовъ, въ выполненіи которыхъ все еще чувствуется сильное вліяніе англійскихъ рисовальщиковъ-карикатуристовъ. Тѣмъ не менѣе представители либеральнаго духа продолжали посредствомъ этихъ обобщеній осмѣивать реакціонеровъ, создавая типы, воплощающіе всѣ явленія и дѣйствія, достойныя осмѣянія. Такими знаменитыми типами являются всѣ «Кревинклеры и Цопфентрэгеры» (носители косъ).

Создателемъ слова «Кревинкель» (вороній уголокъ) и типа обитателя изъ Кревинкеля былъ драматургъ Коцебу. Онъ назвалъ этимъ именемъ имъ же измышленный маленькій провинціальный городокъ, жители котораго являются представителями комическихъ узко-буржуазныхъ нравовъ, царствовавшихъ въ нѣмецкомъ обществѣ той эпохи. Карикатура и литература воспользовались этими типами, и въ продолженіе многихъ лѣтъ театръ и печать забавляли публику похожденіями и перипетіями простодушныхъ и ограниченныхъ обитателей вымышленнаго городка. Въ драмѣ Коцебу такъ же, какъ и во всѣхъ юмористическихъ изданіяхъ, слово «Кревинкель» являлось синонимомъ глупости и тупости въ родѣ знаменитаго Шильдбурга XVIII вѣка. Первый Фольцъ въ 1824 году издалъ цѣлую серію гравюръ подъ названіемъ «Кревинкіада»; затѣмъ Вундеръ нарисовалъ «Сельскую эпопею», гдѣ фигурируютъ хитрые, но придурковатые крестьяне Кревинкеля. Всѣ эти гравюры, довольно ловко и интересно исполненныя, расходились въ десяткахъ ты-

Digitized by Google

сячъ экземпляровъ, въ особенности, когда они стали издаваться въ краскахъ, что очень нравилось народу.

Въ исторіи всѣхъ націй можно встрѣтить многочисленные примѣры того, что люди, способные воспринимать и производить перевороты въ экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ, долго не могутъ отдѣлаться отъ какихъ-то закоренѣлыхъ привычекъ, кажущихся второстепенными, хотя онѣ и играютъ большую роль въ домашнемъ обиходѣ. Такими привычками являлись въ Германіи коса и пудра. Нигдѣ эта прическа — отличительный признакъ реакціонеровъ и реакціонерныхъ идей—не держалась такъ упорно, какъ въ этой странѣ, и вотъ почему нѣмецкая карикатура создала типъ «Цопфентрэгера». Одинъ изъ самыхъ интересныхъ сборниковъ карикатуръ на эту тему былъ изданъ въ Нюренбергѣ подъ заглавіемъ «Хроника городского совѣта города Совиное Гнѣздо»: тамъ изображены, во-первыхъ, многочисленный инвентарь разныхъ древнихъ реликвій, съ которыми не могутъ разстаться жители Совинаго Гнѣзда, то-есть парики, косы, ленты, пудра и клейстеръ, а, во-вторыхъ, выведены типы пяти важныхъ совѣтниковъ города, на которыхъ лежатъ всѣ заботы о благосостояніи его обитателей. Изъ этихъ типовъ очень интересенъ «Захарія Шнапслейнъ», командующій войсками Совинаго Гнѣзда (См. рис. на стр. 426). Этотъ храбрый и суровый воинъ изображенъ съ огромнымъ мечомъ и шпорами, карманы его набиты бутылками и сосисками, шляпа украшена вмѣсто султана маленькой пушкой, изъ жерла которой высовывается павлинье перо. Почти всѣ эти карикатуры анонимныя, потому что въ то время уже большинство художниковъ начинаетъ относиться презрительно къ карикатурѣ, желая творить только для чистаго искусства.

Наступилъ 1830 годъ, и опять повѣяло духомъ свободы на Германію. Паденіе Бурбоновъ во Франціи вызвало революціонное движеніе и здѣсь. Въ Гессенѣ, Саксоніи и Гановерѣ начались возстанія, и правительства этихъ странъ принуждены были пойти на уступки и отмѣнить многія мѣры строгости. Іюльская революція и польское возстаніе волновали всѣ умы, въ особенности молодого поколѣнія, и Германія наводняется массой карикатуръ, гравюръ и пѣсенъ, въ которыхъ изображаются и воспѣваются на всѣ лады эти событія. Но и эта тѣнь свободы продолжалась не долго; въ 1832 году постановленіемъ Франкфуртскаго сейма были запрещены всѣ либеральныя газеты въ Баваріи, и знаменитое народное собраніе, на которомъ присутствовало тридцать тысячъ человѣкъ, громко протестовавшихъ противъ этихъ мѣръ, вызвало лишь репрессаліи со стороны реакціонернаго правительства. Этотъ печальный результатъ собранія изображенъ въ карикатурѣ «Картинки для молодыхъ и старыхъ», гдѣ представлена какая-то личность, въ рукахъ у которой театръ маріонетокъ съ надписью:

Виньетка Рихтера къ «Народнымъ пѣснямъ».

«Народные представители 1831 года.» Затѣмъ началось то же, что въ 1815 году: все, что было разрѣшено, дозволено подъ вліяніемъ страха и силы,—было вновь отнято и запрещено.

Впрочемъ, общественныя условія страны были уже не такія, какъ въ предшествовавшую реакціонерную эпоху. Эстетическое образованіе сдѣлало повсюду огромные успѣхи, въ Мюнхенѣ и Дюссельдорфѣ искусства и занятія ими стали пользоваться большимъ почетомъ, создались новыя художественныя школы, откуда вышли талантливые рисовальщики, значительно выдвинувшіе и поднявшіе искусство карикатуры. Четыре художника становятся во главѣ этого новаго направленія: Рихтеръ, Гоземанъ, Газенклеверъ и Шрётеръ, глав-

Digitized by Google

ное достоинство которыхъ состояло въ томъ, что они совсѣмъ отрѣшились отъ подражанія иностраннымъ карикатуристамъ и внесли въ карикатуру и иллюстраціи чисто національный духъ. Всѣ мало-мальски выдающіяся литературныя произведенія, не только нѣмецкія, но и иностранныя, иллюстрируются, напримѣръ, сказки Музеуса, «Векфильдскій священникъ», «Донъ-Кихотъ» и т. д. Къ этой же эпохѣ относится появленіе своеобразной литературы, или, вѣрнѣе, поэзіи вина, вызвавшей и своеобразный юморъ въ иллюстраціяхъ. Вліяніе Беранже отразилось и на Германіи, гдѣ, впрочемъ, Гамбринусъ восторжествовалъ надъ Вакхомъ. Издавались иллюстрированныя пѣсни, аллегорическія виньетки, типы пьяницъ,—однимъ словомъ, вино и та веселость, которую оно возбуждаетъ, прославлялись на всѣ лады. Лучшими произведеніями Гоземана считаются его прекрасные, исполненные перомъ наброски берлинскихъ типовъ. Шрётеръ прославился иллюстраціями къ «Донъ-Кихоту» и «Фальстафу», а Газенклеверъ, врагъ всего, что тогда подразумѣвалось подъ словомъ Spiesbürgerthum, т.-е. буржуазности, и отличавшійся замѣчательнымъ комическимъ талантомъ, исполнилъ серію карикатуръ къ «Исторіи приключеній кандидата теологіи Іеронима Іобса», ставшей подъ именемъ Іобсіады очень популярной, благодаря именно его прекраснымъ рисункамъ. Въ этой исторіи осмѣиваются всѣ нравы того времени; много насмѣшекъ, и довольно ѣдкихъ, направлены тамъ на адвокатовъ, докторовъ и студентовъ, занимавшихся больше попойками, нежели науками.

Однимъ изъ самыхъ популярныхъ нѣмецкихъ художниковъ-рисовальщиковъ и юмористовъ считается Рихтеръ, который въ продолженіе сорока лѣтъ посвятилъ себя почти исключительно иллюстраціямъ. Какую массу рисунковъ, виньетокъ, карикатуръ исполнилъ этотъ плодовитый художникъ! Многіе изъ нихъ по компоновкѣ и группировкѣ могли бы назваться комическими жанровыми картинками. Лучшими его работами считаются иллюстраціи къ сказкамъ Музеуса и къ народнымъ пѣснямъ. Онъ какъ бы вдохновляется фантастическимъ духомъ древнихъ нѣмецкихъ легендъ; его произведенія носятъ тотъ туманно-аллегорическій и поэтическій отпечатокъ, которымъ отличался юморъ нѣмецкихъ художниковъ-рисовальщиковъ прошлыхъ вѣковъ. Въ его иллюстраціяхъ проходятъ цѣлыя вереницы воздушныхъ, нѣжныхъ и прекрасныхъ владѣтельницъ замковъ, мечтательныхъ пастуховъ, добродѣтельныхъ и злыхъ горныхъ геніевъ и забавныхъ гномовъ.

Къ этому же времени относится появленіе въ нѣкоторыхъ городахъ во время карнавала иллюстрированныхъ журналовъ, сборниковъ, наполненныхъ уморительными карикатурами. Особенно отличались этимъ рейнскіе города и города католической Германіи. Въ этихъ изданіяхъ появлялись обозрѣнія всего происшедшаго за годъ, карикатуры на разныхъ извѣстныхъ лицъ, и даже подъ маской шутовства въ этихъ карикатурахъ затрагивались политическіе вопросы. Многіе выдающіеся художники-жанристы работаютъ для этихъ журналовъ.

VII.

1841—1851 гг.

«Fliegende Blätter».—Баронъ Бейзеле и докторъ Эйзеле.—Нѣмецкіе юмористическіе журналы.—Карикатуры на Пруссію и Австрію.—Баварскій журналъ «Leuchtkugeln».—«Одиссея гг. Хопсъ и Мопсъ». — Летучія карикатуры.—«Дюссельдорфскій Ежемѣсячникъ».—Комическіе и сатирическіе сборники.

Наступилъ 1840-й годъ; не только пролетаріатъ, но и буржуазія возстали противъ господствующаго строя въ общественной и даже въ частной жизни. Всѣ недовольные нашли большую поддержку въ начинающихъ возникать одинъ за другимъ сатирическихъ журналахъ. Первымъ появился журналъ, популярность котораго продолжаетъ всевозрастать и въ наши дни, несмотря на то, что прошло болѣе полувѣка со дня его основанія: это «Fliegende Blätter», основанные въ 1845 году Каспаромъ Брауномъ [1]). Каспаръ Браунъ, живописецъ и граверъ, создалъ два популярнѣйшихъ комическихъ типа: барона Бейзелэ и доктора Эйзелэ. Съ первыхъ же дней ихъ появленія они пріобрѣли такую извѣстность, что почти въ каждомъ домѣ можно было найти ихъ гипсовое изображеніе; уличные мальчишки рисовали ихъ мѣломъ или углемъ на стѣнахъ и заборахъ, ихъ даже изображали и прославляли на сценѣ многихъ театровъ. Бей-

[1]) Объ этомъ журналѣ будетъ подробнѣе сказано при обзорѣ южно-германской юмористики.

Digitized by Google

зелэ и Эйзелэ предпринимаютъ на страницахъ журнала самыя смѣшныя и фантастическія путешествія, разсказываютъ въ своихъ иллюстрированныхъ комическихъ діалогахъ всѣ бѣды и страданія страны, но бдительная цензура положила конецъ ихъ существованію, запретивъ ихъ изображенія. Затѣмъ созданный графомъ Почи типъ «геморoидальнаго чиновника» («Der Staatshämorrhoidarius»), врага всякой реформы, всякаго новшества, становится, въ свою очередь, однимъ изъ излюбленнѣйшихъ типовъ карикатуристовъ и публики.

Но «Fliegende Blätter» съ ихъ полунамеками и осторожными насмѣшками перестали очень скоро удовлетворять разгоряченные умы демократовъ. Карикатура подъ вліяніемъ спроса становится ѣдкой и злобной, какъ бы желая мстить за почти тридцать лѣтъ принужденія и лишенія свободы. Возникаютъ новые журналы: въ Мюнхенѣ — «Пёнчъ» (Punsch), заимствовавшій свое названіе у старшаго по годамъ англійскаго собрата, и «Лейхткугельнъ» (Свѣтящіеся шары), въ Штутгартѣ «Eulenhaus» (Совиная клѣтка), «Лейпцигскій Шаривари», «Берлинскій Шаривари» и, наконецъ, берлинскій же журналъ «Кладерадачъ», основанный Калишемъ, и «Шутъ»—также берлинскій органъ. Изъ всѣхъ этихъ журналовъ самое большое значеніе по своимъ политическимъ карикатурамъ имѣли «Лейхткугель» для Южной Германіи и «Кладерадачъ»—для Сѣверной.

Въ борьбѣ между демократическимъ національнымъ духомъ и духомъ реакціонернымъ карикатура направляла главнымъ образомъ свои стрѣлы на Пруссію и Австрію. Одна изъ удачнѣйшихъ карикатуръ того времени извѣстна подъ заглавіемъ: «Повсюду виднѣется верхушка прусской каски», и, дѣйствительно, куда бы ни взглянулъ бѣдный буржуа, онъ видитъ повсюду прусскую каску: открываетъ ли онъ свой сатирическій журналъ, — вездѣ нарисована каска, смотрится ли онъ самъ на себя въ зеркало — на головѣ у него каска на обѣденной картѣ въ ресторанѣ, въ его тарелкѣ супа, на его креслѣ, въ его кровати даже въ его сновидѣніяхъ — все та же неизмѣнная и страшная прусская каска. Другая карикатура: «Новые стратегическіе проекты капитана фонъ-Трипелянскій» — очень ѣдкая и злобная сатира военной организаціи Пруссіи.

Путешествіе барона Бейзеле и доктора Эйзеле въ Мюнхенъ.
(Рис. Каспара Брауна «Fliegende Blätter»).

Баварскій журналъ «Лейхткугельнъ» былъ въ нѣкоторомъ родѣ офиціальнымъ органомъ нѣмецкой демократіи противъ правительства стараго режима; художники, участвовавшіе въ немъ, создали рядъ правдивыхъ, интересныхъ типовъ, прекрасно нарисованныхъ; напримѣръ, типъ нѣмецкаго Михеля—воплощеніе демократіи—и безчисленные типы Цопфентрэгеровъ, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Въ числѣ сотрудниковъ этого журнала находились такіе извѣстные художники, какъ Шмельцеръ и Каульбахъ. Ни одно сатириче-

Digitized by Google

ское изданіе не осмѣивало такъ мѣтко приверженцевъ реакціонернаго режима, какъ «Лейхткугельнъ». Врядъ ли можно найти много такихъ юмористическихъ злобныхъ сатиръ, какъ знаменитая «Одиссея господъ Хопсъ и Мопсъ», которые, ради общественнаго блага и спокойствія, отправляются повсюду отыскивать двухъ подозрительныхъ республиканцевъ. Но главной темой для насмѣшекъ служатъ все тѣ же несчастные Цопфентрэгеры, которые бичуются безпощадно и безъ отдыха, изображаются въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ во всѣхъ иллюстрированныхъ журналахъ. Рядомъ съ многочисленными юмористическими журналами той эпохи продолжаютъ появляться карикатуры отдѣльными гравюрами, трактующія явленія мѣстныя, а не общія. Главнымъ центромъ изданія такихъ «летучихъ» карикатуръ является Франкфуртъ, и такіе художники, какъ Шоль, Энгель, Фейтъ и Стэнлэ не отказываются принимать участіе въ этой «графической» борьбѣ противъ непопулярнаго правительства. Небольшая кучка художниковъ въ Дюссельдорфѣ положила начало, такъ называемой, художественной карикатурѣ; ихъ органомъ былъ издававшійся въ этомъ же городѣ журналъ «Дюссельдорфскій Ежемѣсячникъ». Кромѣ того, къ этому времени относятся нѣсколько серій прекрасныхъ литографій, изданныхъ знаменитой дюссельдорфской литографіей Арнцъ и К°. Тогда какъ въ Южной Германіи Браунъ и Почи, а въ Сѣверной—Рихтеръ стремились возстановить почти утраченную славу гравюры на деревѣ, исполняя всѣ свои иллюстраціи этимъ способомъ, въ Дюссельдорфѣ литографія дѣлала все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи. Три серіи такихъ литографій пользовались тогда большой популярностью, хотя въ наши дни онѣ кажутся слишкомъ сухими и исполненными устарѣлымъ академическимъ пріемомъ: «Пляска мертвыхъ» Ретеля, «Политическій Степка-Растрепка» Рихтера и «Господинъ Пипмейеръ» Шрётера. Въ этихъ карикатурахъ нѣтъ ничего политическаго, это скорѣе попытка къ примиренію двухъ партій: демократической и реакціонерной посредствомъ осмѣянія недостатковъ той и другой стороны и стремленія способствовать этимъ къ объединенію всей страны. Редакція «Дюссельдорфскаго Ежемѣсячника» сумѣла залучить всѣ лучшія силы той эпохи, напримѣръ, Кампхайзена, извѣстнаго историческаго живописца, карикатуриста Гоземана, Шрётера, Гильдебрандта, пейзажиста Андреаса Ахенбаха и многихъ другихъ.

— Не требуется ли вамъ модель, г. директоръ?
(Карикатура Каульбаха).

Успѣхи литографскаго дѣла, ослабленіе цензурныхъ строгостей усилили появленіе разныхъ комическихъ и сатирическихъ сборниковъ. Изъ нихъ достигли большой популярности слѣдующіе: «Какъ пьетъ и ѣстъ Берлинъ» съ иллюстраціями Гоземана и «Юмористическое путешествіе по рейнскимъ берегамъ», написанный и иллюстрированный Альбертомъ Вольфомъ. Впрочемъ, относительная свобода прессы продолжалась недолго; вліяніе Пруссіи и Австріи вновь подавляетъ демократическій духъ, а воцареніе Наполеона III является прекрасной поддержкой реакціонерной партіи въ Германіи.

Баварскій левъ.
(Изъ Leuchtkugeln).

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

На современныя темы.

Изъ прошлаго.

Литературныя новости.

Художественныя новости.

Научная хроника.

Изъ иностранной журналистики.

Ex libris.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ЗАГРАНИЧНОЙ ХРОНИКИ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

О болѣзни Фридриха Нитцше (Иллюстр.: Барельефъ Курта Стёвинга).—Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ (Иллюстр.: Во время засѣданія Національнаго собранія въ Вашингтонѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Сухой романъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Величайшая минута исторіи. Ст. В. Розанова.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Габріэль Максъ (къ чествованію его 60-лѣтія).

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новости научной техники: Телефонографъ Пульсена.—Автоматическій распредѣлитель марокъ и бланковъ для открытыхъ писемъ.—Градоотводы, разгоняющіе градовыя тучи выстрѣлами.—Аппаратъ для подъема воды на большую высоту сжатіемъ воздуха.—Машина для скульптурныхъ работъ.—Термометръ для высокихъ температуръ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Баронъ де-Комо о Наполеонѣ I.

EX LIBRIS.

Сто лѣтъ литературнаго развитія.

Digitized by Google

Фридрихъ Нитцше († 25-го августа нов. ст.).
(Съ барельефа Курта Стёвинга).

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

О болѣзни Нитцше.

Душевная болѣзнь Нитцше истолковывается превратно, а въ нѣкоторыхъ посмертныхъ оцѣнкахъ этого замѣчательнаго писателя въ нашей печати, по какому-то странному недомыслію, упорно ставится въ связь съ его произведеніями. Это недоразумѣніе нуждается въ разъясненіи.

Въ началѣ 1889 года Нитцше былъ привезенъ въ психіатрическую клинику д-ра Бинсвангера въ Іенѣ. Въ первыя минуты по пріѣздѣ въ больницу онъ не производилъ впечатлѣнія больного: память ему не измѣняла, и онъ вполнѣ владѣлъ собою; по обыкновенію, онъ былъ очень разговорчивъ, онъ много разсказывалъ о самомъ себѣ, но ни словомъ не упомянулъ о своей литературной дѣятельности. Разсказывая о своемъ пребываніи въ Туринѣ, счастливо соединяющемъ въ себѣ преимущества большихъ и маленькихъ городовъ, онъ оживился и съ увлеченіемъ набросалъ окружавшимъ его психіатрамъ характеристику крупныхъ городовъ и маленькихъ провинціальныхъ городишекъ. По формѣ рѣчи онъ былъ замѣчательнымъ стилистомъ, а оживленная его собственной передачей его мастерская рѣчь оказывала волшебное дѣйствіе на слушателей: она вся состояла изъ короткихъ предложеній, блистала неожиданными сочетаніями, поражала мѣткими антитезами и нерѣдко пересыпалась французскими и италіанскими выраженіями. И въ его манерѣ говорить не было ничего, что обличало бы въ немъ профессора,—онъ просто бесѣдовалъ, и въ мягкомъ пріятномъ голосѣ, въ изящныхъ жестахъ, въ самой игрѣ лица сказывался вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ прекраснаго воспитанія. Но вотъ на одной фразѣ внезапно порвалась нить его мысли, онъ не докончилъ своей импровизаціи и поникъ въ молчаніи.

Много споровъ окружаетъ имя Нитцше. Они вращаются не только вокругъ его произведеній, но захватываютъ и самую личность философа. Для однихъ спорщиковъ единственнымъ всесокрушающимъ, по ихъ мнѣнію, доводомъ противъ положеній новаго философа служитъ то, что онъ былъ сумасшедшимъ. Болѣе научные критики, не высказываясь такъ рѣшительно, задаются вопросомъ: съ какого времени появились признаки душевной болѣзни, обнаружившейся въ началѣ

Digitized by Google

1889 года, и въ какой степени его произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ его душевныхъ страданій? По убѣжденію врачей, страданія мозга должны были проявляться уже значительно раньше 1889 года, что подтверждается частыми головными болями, преслѣдовавшими Нитцше уже съ начала семидесятыхъ годовъ. Всѣ философскія сочиненія Нитцше написаны послѣ начала семидесятыхъ годовъ; слѣдовательно, въ этихъ его трудахъ могла до нѣкоторой степени отразиться его душевная болѣзнь. Форма ихъ дѣйствительно не совсѣмъ обычна. Смѣлые образы, картины не всегда изящныя, выводы и заключенія часто совершенно неожиданные, способные перепугать мирнаго читателя, скачки въ ассоціаціи мыслей,—эта форма набросковъ необычайно богатаго и быстро работающаго ума не можетъ быть, однако, признакомъ болѣзни духа, пока правильны лежащія въ основѣ ея разсужденія. Теобальдъ Циглеръ относитъ въ своей книгѣ о Фридрихѣ Нитцше начало его болѣзни къ концу 1882 года. Однако «Заратустра» написанъ имъ въ 1883 году, а три года спустя появилось одно изъ важнѣйшихъ его произведеній: «По ту сторону добра и зла». Лихтенбергеръ, разсматривая философію Ф. Нитцше, говоритъ, напротивъ того, что съ 1882 года общій характеръ его произведеній мѣняется; Нитцше послѣ годовъ болѣзни и страданій дышитъ снова свободнѣе. Въ дѣйствительности же эта перемѣна, замѣтная въ Нитцше съ 1882 года, объясняется тѣмъ, что до этого года Нитцше находился подъ посторонними вліяніями, сначала какъ послѣдователь Шопенгауэра и Вагнера, а затѣмъ являясь сторонникомъ идей Реэ (онъ самъ называлъ себя въ шутку реэалистомъ) и французскихъ позитивистовъ, и только въ 1882 году сталъ самостоятельнымъ мыслителемъ. Пребывая до этого года въ неизвѣстности, онъ сразу выступилъ творцомъ новаго ученія и тѣмъ сразу создалъ себѣ друзей, провозгласившихъ его чуть ли не мессіей, и противниковъ, не задумавшихся клеймить безуміемъ его идеи. Inde ira.

Но безпристрастной критикѣ нельзя объяснить особенности его философіи душевною болѣзнью; указаніе на нее важно лишь настолько, насколько вообще біографическія свѣдѣнія имѣютъ значеніе въ общей характеристикѣ писателя. Весьма возможно, что душевныя страданія явились психологической причиной лишь особенностей способа изложенія Нитцше своихъ идей. Основныя же положенія его философіи должны быть критикуемы независимо отъ душевнаго состоянія ихъ автора, такъ какъ тутъ важна, конечно, не личность писателя, а внутренняя правда его произведеній. Для иллюстраціи сказаннаго представимъ себѣ Нитцше передъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго въ какомъ-нибудь преступленіи; представимъ себѣ его затѣмъ въ качествѣ свидѣтеля въ судѣ и, наконецъ, предположимъ, что онъ написалъ ученый трактатъ по математикѣ и представилъ его въ академію наукъ. Какъ отсутся къ нему критики въ этихъ трехъ случаяхъ? Въ первомъ случаѣ прежде суда была бы предложена психіатрическая экспертиза и, въ случаѣ признанія его совершившимъ преступное дѣяніе въ состояніи умопомѣшательства, судебный разборъ его дѣла былъ бы прекращенъ. Во второмъ случаѣ при сомнѣніи въ нормальности его умственныхъ способностей былъ бы предложенъ отводъ его отъ дѣла. Но ученые академики, на долю которыхъ выпалъ бы разборъ его трактата, не стали бы предварительно задаваться вопросомъ о его дѣеспособности или о возможности довѣрять его показаніямъ,—они обратились бы къ внутреннему содержанію трактата и на основаніи его достоинствъ оцѣнивали бы разсужденіе, да и автора, если бы рѣчь зашла о немъ, а не по автору судили бы о его произведеніяхъ. Будь Нитцше безвреднымъ поэтомъ,—право, никому не пришло бы въ голову считать его стихи «пачкотней помѣшаннаго», какъ это дѣлаетъ Нордау въ отношеніи Нитцше, только на томъ основаніи, что авторъ ихъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Но ученый, открывающій новое русло потоку философской мысли, не мирный поэтъ; онъ, видите ли, опасенъ; его ученіе—бродильный ферментъ, противъ котораго немедленно ополчаются принципіальные противники всякаго броженія и на время одолѣваютъ въ неравной борьбѣ. Исторія философіи знаетъ не одинъ примѣръ такой недостойной борьбы. Ламеттри, истинный основатель въ свое время такъ много принесшаго пользы наукѣ французскаго натурализма, въ теченіе болѣе ста лѣтъ былъ обойденъ научной критикой, пока, наконецъ, Ланге не отнесся къ нему съ должнымъ уваженіемъ и не вывелъ его изъ забвенія. И смѣшно сказать, чѣмъ воспользовались его противники для преданія забвенію потревожившаго ихъ философа! Они поспѣшили представить его въ глазахъ общества безбожникомъ, служителемъ низменныхъ интересовъ, чревоугодникомъ, ухватившись за непріятный случай, бывшій будто бы съ нимъ на обѣдѣ у французскаго посла послѣ паштета съ трюфелями. По мнѣнію общества, такой человѣкъ не могъ написать чего-либо путнаго, его перестали читать. Въ ученіи Нитцше такимъ паштетомъ съ трюфелями уже теперь выставляютъ его безуміе, а межъ тѣмъ совсѣмъ не полагается смѣшивать отзывовъ о Нитцше, какъ о человѣкѣ душевно-больномъ, съ сужденіями о научныхъ положеніяхъ философа.

Digitized by Google

Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Статья сенатора Джона Ферстена).

Со временъ президентской кампаніи 1832 г. кандидаты въ президенты и вице-президенты Соединенныхъ Штатовъ утверждаются въ національныхъ собраніяхъ. И понынѣ въ порядкѣ выборовъ какъ республиканскаго, такъ и демократическаго кандидата не произошло почти никакого измѣненія. Собранія созываются тѣмъ же путемъ, делегаты въ нихъ посылаются на тѣхъ же основаніяхъ и процедура выборовъ осталась та же, съ тою только разницею, что въ республиканскомъ собраніи кандидатъ выбирается простымъ большинствомъ голосовъ, между тѣмъ какъ по правиламъ демократической партіи требуется большинство двухъ третей наличныхъ голосовъ.

Каждое національное собраніе выбираетъ національный комитетъ, въ составъ котораго входитъ по одному представителю отъ каждаго штата и территоріи Союза. На обязанности этого комитета лежитъ все, что касается президентской кампаніи, и онъ сохраняетъ свои полномочія до отмѣны ихъ слѣдующимъ національнымъ собраніемъ. Комитетъ этотъ опредѣляетъ, гдѣ и когда должно состояться національное собраніе, подыскиваетъ ему соотвѣтствующее помѣщеніе и выбираетъ судебнаго пристава и весь низшій служебный персоналъ, необходимый для этого собранія. Комитетъ утверждаетъ также полномочія делегатовъ, выслушиваетъ и разрѣшаетъ всякія пререканія, составляетъ временный списокъ членовъ собранія, и всѣ занесенные въ него делегаты имѣютъ право принимать участіе въ ходѣ дѣлъ, если только собраніе не удалитъ ихъ, разсмотрѣвъ предъявленные противъ нихъ протесты. Когда національный комитетъ сходится, чтобы рѣшить, какое мѣсто выбрать для собранія, то принято, чтобы онъ выслушивалъ предложенія различныхъ городовъ и устные доводы представителей каждаго изъ нихъ въ пользу своего города. При этомъ происходятъ всегда очень горячіе и возбужденные дебаты, и рѣчи представителей соперничающихъ между собою городовъ бываютъ очень интересны и привлекаютъ большое количество слушателей.

Національный комитетъ требуетъ всегда, чтобы городъ, назначенный для собранія, предоставилъ безплатно подходящее зданіе и взялъ бы на себя всѣ общіе расходы по собранію, за исключеніемъ, впрочемъ, личныхъ расходовъ делегатовъ. Вдобавокъ еще къ этому, въ послѣдніе годы случалось, что нѣкоторые города предлагали существенный взносъ въ фондъ своей партіи, какъ добавочное средство для обезпеченія ея успѣха. Филадельфія, назначенная для республиканскаго національнаго собранія, имѣющаго быть открытымъ для настоящихъ выборовъ, добровольно обязалась внести въ кассу республиканскаго комитета сто тысячъ долларовъ, и большая часть этой суммы уже собрана по подпискѣ и передана въ комитетъ.

Изъ національнаго комитета выдѣляются нѣсколько членовъ, на обязанности которыхъ лежитъ забота обо всемъ, что касается зданія, и о томъ, чтобы все необходимое для собранія было вполнѣ заготовлено. Эта же субкомиссія печатаетъ и раздаетъ билеты.

Залъ собранія долженъ обыкновенно вмѣщать около пятнадцати тысячъ человѣкъ. Въ настоящее время національное собраніе состоитъ приблизительно изъ девятисотъ делегатовъ и такого же числа запасныхъ на случай замѣны ихъ. Необходимое мѣсто удѣляется для представителей прессы. Каждому делегату предоставляется обыкновенно, кромѣ его офиціальнаго билета, еще два или три добавочныхъ; каждый же членъ національнаго комитета получаетъ двадцать пять билетовъ. Извѣстное количество билетовъ различнаго достоинства предназначается для именитыхъ гостей и остатокъ ихъ передается мѣстному комитету для раздачи тѣмъ, кто способствовалъ пополненію фонда собранія. Приглашеніе на республиканское національное собраніе долженъ быть сдѣланъ не позже какъ за шесть мѣсяцевъ до назначеннаго для собранія времени.

Число членовъ собранія вдвое больше числа сенаторовъ, представителей и делегатовъ въ конгрессѣ, и оно распредѣляется слѣдующимъ образомъ: каждый штатъ избираетъ четырехъ делегатовъ, вдвое противъ числа его сенаторовъ; каждый конгрессіональный участокъ и каждая территорія избираютъ по два делегата. Иногда случалось, что нѣкоторыя территоріи выбирали болѣе двухъ делегатовъ, ссылаясь на то, что размѣръ ихъ народонаселенія даетъ имъ право на это. Такимъ образомъ въ республиканскомъ собраніи 1888 года засѣдали шесть делегатовъ отъ Южной Дакоты, а въ республиканскомъ собраніи 1896 года, въ Сенъ-Луи, засѣдало шесть делегатовъ отъ Оклагома и, кромѣ того, еще отъ одной или двухъ территорій.

До собранія, національный комитетъ, изготовивъ списокъ делегатовъ, имѣющихъ право участвовать въ предварительной организаціи собранія, избираетъ временнаго предсѣдателя и составляетъ списокъ временныхъ должностныхъ лицъ. Власть національнаго комитета въ такомъ избраніи предсѣдателя подчинена волѣ собранія,—напримѣръ, на республиканскомъ собраніи 1884 года въ Чикаго Пауэль Клейтонъ, избранный національнымъ комитетомъ временнымъ предсѣдателемъ, былъ смѣненъ Джономъ Линчемъ.

Въ часъ, назначенный для открытія.

Digitized by Google

собранія, предсѣдатель національнаго комитета призываетъ собравшихся делегатовъ къ порядку и читаетъ списокъ членовъ. Обыкновенно онъ произноситъ краткій спичъ, послѣ котораго заявляетъ: «Джентльмэны собранія, согласно постановленію національнаго комитета я предлагаю господина такого-то временнымъ предсѣдателемъ этого собранія». Если на это не послѣдуетъ никакихъ протестовъ, предложеніе пускается на голоса и вопросъ рѣшается устно. Если же члены собранія указываютъ другихъ кандидатовъ, въ такомъ случаѣ читается списокъ собранія въ алфавитномъ порядкѣ штатовъ и делегація каждаго штата заявляетъ черезъ своего предсѣдателя о своемъ выборѣ.

Тутъ кстати будетъ упомянуть объ одномъ исключительномъ въ исторіи народныхъ собраній фактѣ, когда на республиканскомъ собраніи 1888 года предсѣдательствовало лицо, которое не было избрано. Это случилось такимъ образомъ: предсѣдатель національнаго комитета Джонсъ изъ Пенсильваніи сказалъ по ошибкѣ: «Джентльмэны собранія, согласно постановленію національнаго комитета, представляю вамъ временнымъ предсѣдателемъ вашимъ мистера Джона Фёрстена изъ Небраска». Послѣ этого Джонсъ тотчасъ же удалился и предоставилъ Фёрстену вести собраніе. Тутъ послѣдовало нѣкоторое замѣшательство,—одинъ делегатъ отъ Канзаса пытался было указать на другое назначеніе, но Фёрстенъ уже началъ свою рѣчь открытія, послѣ которой никто не сдѣлалъ возраженія противъ правильности его избранія.

Принято, чтобы временный предсѣдатель національнаго собранія сказалъ слово о дѣйствіяхъ своей партіи и о ея цѣляхъ. Эта рѣчь составляется обыкновенно заранѣе и отдается на просмотръ вожакамъ партіи и представителямъ кандидатовъ въ президенты. Послѣ этой рѣчи читается и утверждается собраніемъ списокъ низшихъ должностныхъ лицъ, предложенныхъ національнымъ комитетомъ.

Каждая сессія національнаго собранія открывается молитвою, и такимъ образомъ американцы торжественно свидѣтельствуютъ о своей приверженности основамъ христіанской религіи.

Временная организація состоитъ въ томъ, что прежде всего вызываются представители штатовъ для указанія лицъ, намѣченныхъ въ члены различныхъ комитетовъ. Комитеты эти обыкновенно слѣдующіе: комитетъ полномочій, комитетъ постоянной организаціи, комитетъ правилъ и порядка дѣлъ и комитетъ знамени партіи. Каждый штатъ и каждая территорія называютъ по одному члену въ каждомъ комитетѣ.

Съ чисто парламентской точки зрѣнія, комитетъ знамени партіи долженъ быть назначаемъ не временной организаціей, а постоянной. Но таковъ обычай, установившійся, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи больше времени для подготовки.

Когда эти комитеты такимъ образомъ составлены, засѣданіе собранія откладывается до слѣдующаго дня для того, чтобы дать комитету полномочій возможность выслушать и разрѣшить протесты противъ нѣкоторыхъ делегатовъ.

Въ слѣдующее засѣданіе собранія читается прежде всего докладъ комитета полномочій.

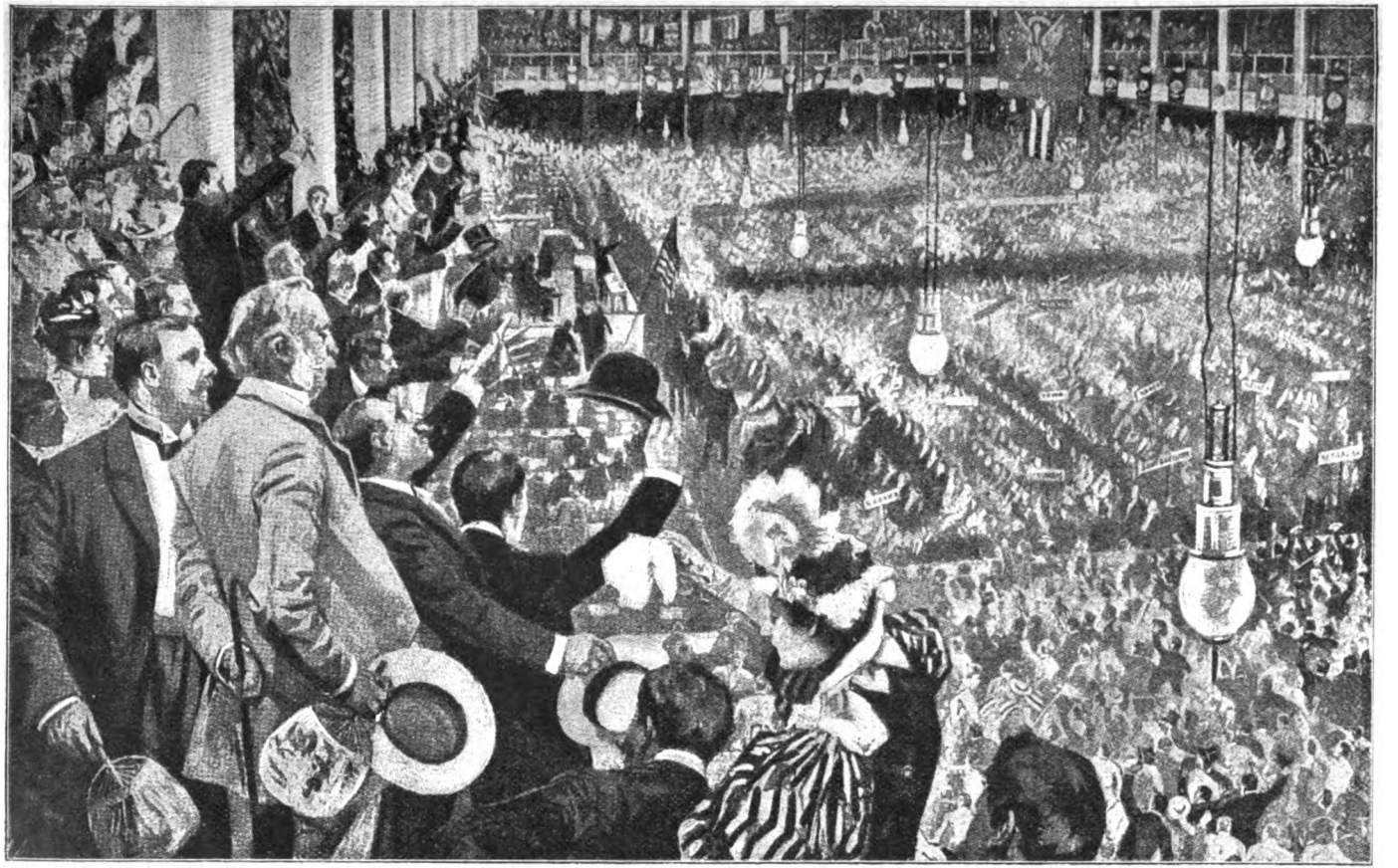
На пяти послѣднихъ республиканскихъ собраніяхъ комитетъ полномочій не успѣвалъ составить свой докладъ къ открытію второго засѣданія собранія, и каждый разъ пускалось на голосованіе предложеніе приступить къ чтенію доклада комитета постоянной организаціи и къ избранію постоянныхъ должностныхъ лицъ. Протоколы этихъ собраній свидѣтельствуютъ о томъ, что такое голосованіе не могло быть допущено однимъ пунктомъ регламента, согласно которому собраніе не можетъ приступить къ постоянной организаціи, пока докладомъ комитета полномочій не удостовѣренъ дѣйствительный составъ собранія. Собранія 1880 и 1884 годовъ обошли этотъ пунктъ, а временный предсѣдатель собранія 1888 года рѣшилъ, что онъ не соотвѣтствуетъ бывшимъ примѣрамъ. Съ тѣхъ поръ поступали точно такъ же въ собраніяхъ 1892 и 1896 годовъ.

Съ чисто парламентской точки зрѣнія собранію не подобаетъ приступать къ постоянной своей организаціи, пока предварительно не опредѣленъ постоянный членскій составъ его. Но національное собраніе—такая крупная, серіозная корпорація людей, жаждущихъ приняться за дѣло, что какой-нибудь пунктъ регламента, стоящій у нихъ поперекъ дороги, не можетъ быть строго соблюдаемъ.

Обыкновенно принимаются правила послѣдняго собранія, и они остаются въ силѣ до тѣхъ поръ, пока комитетъ правилъ и порядка веденія дѣлъ не представитъ своего доклада. Республиканскія національныя собранія приняли, повидимому, правила и парламентское дѣлопроизводство палаты представителей, насколько они примѣнимы къ дѣлопроизводству собраній. По этимъ правиламъ послѣднее имѣетъ власть большинствомъ голосовъ ограничивать дебаты по какому бы то ни было вопросу и даже вовсе ихъ не допускать. Этимъ правомъ рѣдко пользуются на практикѣ, а если и пользуются имъ, то ставится только условіе, чтобы дебаты по разсматриваемому вопросу заканчивались въ опредѣленный срокъ.

Докладъ комитета полномочій вызываетъ обыкновенно въ собраніи протесты противъ одной или нѣсколькихъ партій

Digitized by Google



Во время засѣданія Національнаго собранія въ Вашингтонѣ.

Digitized by Google

делегатовъ, и пренія по этому поводу бываютъ очень интересны. Куріозно, что въ республиканскомъ собраніи 1880 года назначеніе кандидата въ президенты чуть было не зависѣло отъ нѣкоторыхъ опротестованныхъ делегацій и главнымъ образомъ делегатовъ штата Иллинойсъ, такъ какъ вслѣдствіе удаленія нѣсколькихъ делегатовъ Гранта выборъ его былъ бы невозможнымъ и клонился бы въ пользу Гарфильда.

Въ республиканскомъ собраніи 1884 года было нѣсколько очень характерныхъ протестовъ, заключавшихъ въ себѣ тяготѣніе къ различнымъ кандидатамъ.

Въ республиканскомъ собраніи 1888 года происходили крайне возбужденныя пререканія относительно делегаціи изъ Виргиніи, при чемъ покойный сенаторъ Магонъ и Джонъ Уайзъ чуть на подрались на трибунѣ собранія.

Въ республиканскомъ собраніи 1892 года вторичный выборъ президента Гаррисона зависѣлъ, вѣроятно, отъ дѣйствій національнаго комитета, постановившаго рѣшеніе въ пользу многихъ оспариваемыхъ делегацій, завѣдомо поддерживавшихъ Гаррисона. Способъ, какимъ были постановлены рѣшенія, возбудилъ большое озлобленіе, которое, безъ сомнѣнія, сильно сказалось и въ слѣдующей за этимъ собраніемъ кампаніи. Извѣстно было, что когда комитетъ собрался, въ немъ находилось большинство противниковъ Гаррисона; но прежде чѣмъ дѣло дошло до голосованія относительно оспариваемыхъ делегатовъ, какимъ-то образомъ оказался перевѣсъ друзей Гаррисона. Громко высказывались обвиненія въ томъ, что такая перемѣна въ чувствахъ комитета произошла отъ обѣщаній покровительства и мѣстъ, и, конечно, тотъ фактъ, что около трети членовъ собраній состояло изъ чиновниковъ, не могъ способствовать согласію и успѣху партіи.

Въ республиканскомъ собраніи 1896 г. было опротестовано сто шестьдесятъ восемь делегатовъ. Республиканскій національный комитетъ въ продолженіе недѣли работалъ почти безпрерывно день и ночь, выслушивая и разрѣшая протесты. Большинство, хотя и не всѣ, изъ этихъ пререканій происходило между делегаціями, стоявшими за Макъ-Кинлея, и между делегаціями, стоявшими за другихъ кандидатовъ. Къ счастію, въ собраніи большинство за Макъ-Кинлея было настолько подавляющимъ, что вопросъ о предпочтеніи другихъ имѣлъ весьма мало значенія въ рѣшеніяхъ національнаго комитета, и всѣ они были постановлены такъ справедливо и разумно, что только одинъ случай Делавера былъ внесенъ на обсужденіе собранія.

Всѣмъ янки памятно, какую важную роль играли въ демократическомъ собраніи 1896 г. дебаты между делегаціей отъ Небраска и другими соперничавшими съ нею делегаціями. Этотъ именно споръ между золотою и серебряною демократіею впервые выдвинулъ Брайэна въ его собственномъ штатѣ и заставилъ взоры всѣхъ делегатовъ обратиться не него, какъ на самаго подходящаго кандидата партіи.

Въ республиканскихъ собраніяхъ большинство протестовъ идетъ отъ демократическихъ штатовъ, особенно южныхъ, и отъ тѣхъ штатовъ, которые никакъ не могутъ доставить республиканскимъ кандидатамъ избирательныхъ голосовъ. Выборъ представителей въ національное собраніе, производимый въ штатахъ, округахъ и графствахъ Союза, зависитъ отъ голосованія партіи, распредѣленнаго въ различныхъ делегатскихъ округахъ. На первый взглядъ кажется, что таковымъ и должно быть основаніе представительства въ національныхъ собраніяхъ. Но при настоящемъ распредѣленіи всегда возможно и даже вѣроятно, что въ республиканскомъ собраніи избирательные голоса штатовъ безнадежно демократическихъ соединятся для избранія кандидата въ президенты и принудятъ къ его избранію другіе штаты. Кажется также крайне несправедливымъ, чтобы округъ, въ которомъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ республиканской организаціи, который не участвуетъ даже въ выборахъ, имѣлъ въ національномъ собраніи такой же голосъ, какъ другой округъ преимущественно республиканскій, имѣющій на конгрессѣ республиканскаго представителя и сильно способствующій избирательному голосованію того штата, въ которомъ онъ находится. Нѣсколько разъ пытались измѣнить основаніе, на которомъ зиждется представительство. Въ республиканскомъ собраніи 1884 года многіе делегаты сѣверныхъ штатовъ получили указаніе подать голосъ за измѣненіе распредѣленія въ такомъ духѣ, чтобы республиканскіе голоса были распредѣлены по различнымъ округамъ во всей странѣ. Но когда этотъ вопросъ былъ предложенъ въ собраніи, то возраженія южныхъ делегатовъ были настолько сильны и убѣдительны, что предложеніе измѣнить распредѣленіе было отвергнуто рѣшительнымъ большинствомъ. Доводъ представителей южныхъ штатовъ въ пользу существующаго распредѣленія дѣйствительно очень вѣскій. Они настаиваютъ на томъ, что у нихъ есть республиканскіе избиратели; что республиканская національная партія обязана поддерживать и дать имъ возможность пользоваться избирательными правами; что они несправедливо и противозаконно силою и обманомъ лишены голоса при выборахъ и что они могутъ участвовать въ республиканскомъ національномъ совѣтѣ пропорціонально

Digitized by Google

ихъ дѣйствительной избирательной силѣ, исключительно лишь черезъ представительство своихъ делегатовъ, какъ оно нынѣ установлено. Въ прошломъ декабрѣ началось сильное движеніе передъ собраніемъ республиканскаго комитета, требовавшее измѣненія въ представительствѣ для слѣдующаго собранія, но, въ интересахъ согласія и единства партіи, это требованіе не было представлено національному комитету, и сомнительно, чтобы и на много лѣтъ въ будущемъ были произведены какія-либо измѣненія въ существующихъ нынѣ основахъ распредѣленія.

Вернемся къ процедурѣ собранія. Послѣ того, какъ принятъ докладъ комитета полномочій и тѣмъ установленъ постоянный составъ собранія, выслушивается и утверждается обыкновенно докладъ комитета правилъ и порядка веденія дѣлъ. Представляются резолюціи, предложенныя какъ основы знамени партіи, которыя, согласно правиламъ собранія, передаются комитету знамени безъ дебатовъ. Послѣ этого остается только перейти къ докладу комитета знамени и предложить кандидатовъ.

Мнѣнія партіи, доложенныя комитетомъ, рѣдко служатъ предметомъ пререканій и дебатовъ. Одно знаменательное исключеніе имѣло мѣсто въ національныхъ собраніяхъ обѣихъ партій, какъ республиканской,такъ и демократической, въ 1896 г. Пререканія возникли по поводу предложенія, съ одной стороны, золотой монеты и чеканки различныхъ денежныхъ знаковъ—съ другой.

Принятіе въ республиканскомъ собраніи поддержки золотой валюты послужило сигналомъ къ удаленію нѣкоторыхъ делегатовъ, которые долго были выдающимися членами республиканской партіи. Когда изъ собранія въ Сенъ-Луи удалились сенаторы Теллеръ, Мантль, Каннонъ, Петтигрю и нѣсколько другихъ единомышленныхъ съ ними делегатовъ, произошла сцена въ высшей степени драматическая, подѣйствовавшая на нѣкоторое время угнетающимъ образомъ. Но вскорѣ возстановилось хорошее расположеніе и даже веселье, когда отчетливо и громко раздался голосъ предсѣдателя, говорившаго: «Осталось, кажется, достаточно делегатовъ для веденія дѣлъ! Что же теперь будетъ угодно собранію?» Слова эти вызвали могучій взрывъ возгласовъ одобренія пятнадцати тысячъ присутствовавшихъ, и съ этой минуты удаленіе протестовавшихъ членовъ едва ли оставило какой-нибудь слѣдъ въ ходѣ политическихъ событій.

Въ демократическомъ собраніи въ Чикаго произошла сцена еще болѣе драматическая, когда Брайэнъ закончилъ свою замѣчательную историческую рѣчь въ поддержку не золотой монетной системы,—рѣчь, которая въ одинъ часъ прославила его и доставила ему со стороны демократической партіи предложеніе его въ президенты.

Когда вся вышеописанная процедура собранія закончена,—все готово и остается приступить къ предложенію кандидата въ президенты. Предложенія эти дѣлаются посредствомъ вызова штатовъ въ алфавитномъ порядкѣ. Когда очередь доходитъ до штата, желающаго представить кандидата, на трибуну всходитъ выбранный имъ адвокатъ и произноситъ рѣчь. За нимъ могутъ говорить и другіе желающіе поддержать предложеніе. За послѣднюю четверть столѣтія рѣчи эти были замѣчательно краснорѣчивы и сильны. Тѣ, кто слышалъ рѣчь Конклинга за Гранта передъ собраніемъ 1880 г. въ Чикаго, никогда не забудутъ ея; она останется навсегда классическимъ образцомъ.

Когда предложенія сдѣланы, снова читается списокъ штатовъ въ алфавитномъ порядкѣ, и предсѣдатель каждой делегаціи встаетъ и объявляетъ о выборѣ своей делегаціи. Если кто-нибудь изъ членовъ делегаціи опровергаетъ правильность этого заявленія, предсѣдатель требуетъ списокъ делегаціи и секретарь собранія читаетъ имена всѣхъ ея членовъ. Если по прочтеніи списка ни одинъ кандидатъ не получилъ большинства изъ всѣхъ имѣющихся голосовъ, приступаютъ къ чтенію слѣдующаго списка и такъ далѣе.

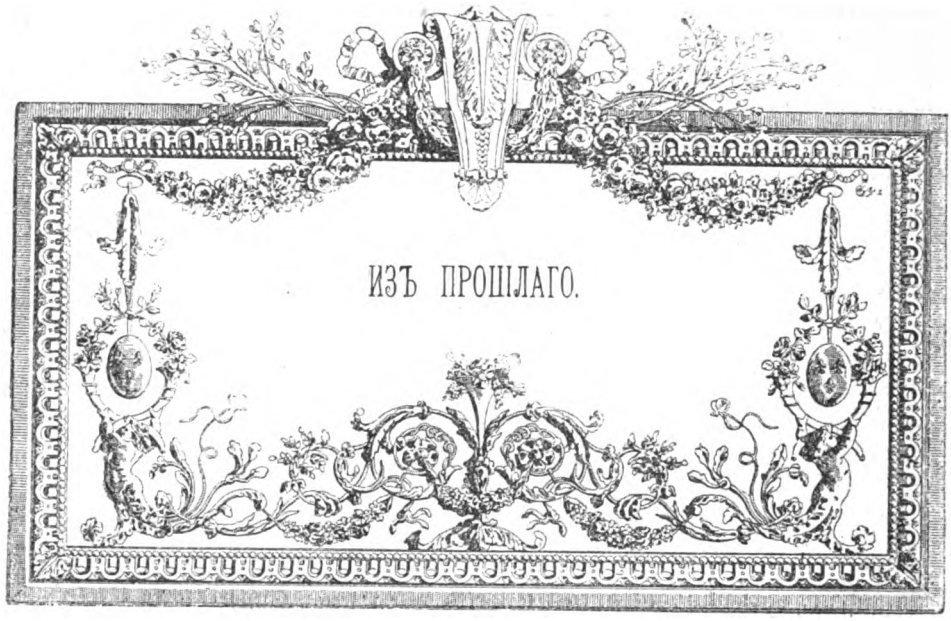
По окончаніи чтенія списковъ, когда окажется, что кандидатъ имѣетъ большинство голосовъ всего собранія, предсѣдательствующій встаетъ и сообщаетъ о результатѣ, заключая свое сообщеніе слѣдующими словами: «и потому властью національнаго собранія такой-то партіи Соединенныхъ Штатовъ, я объявляю, что такой-то законно избранъ кандидатомъ на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ.»

Назначеніе вице-президента происходитъ такимъ же образомъ. Послѣ этого снова читается списокъ штатовъ, и каждый штатъ и территорія называютъ имя своего члена національнаго комитета. Такимъ же образомъ создается комитетъ извѣщеній, и этимъ заканчиваются занятія собранія.

Послѣ этого комитетъ извѣщеній въ подходящее и опредѣленное время является къ кандидату въ президенты и черезъ постояннаго предсѣдателя собранія, который ex-officio есть и предсѣдатель комитета извѣщеній, объявляетъ ему объ его избраніи. Принято, чтобы онъ тотчасъ же далъ краткій отвѣтъ, а затѣмъ представилъ письменное заявленіе о своемъ согласіи съ общимъ изложеніемъ своихъ убѣжденій.

Послѣ этого въ ноябрѣ наступятъ выборы—гласъ народа!

Digitized by Google



Сухой романъ.

Когда молодой Адуевъ, ворвавшись къ дядюшкѣ, повѣдалъ ему о своей любви, хладнокровный и уравновѣшенный дядюшка вызвался быть отгадчикомъ и до такой степени точно воспроизвелъ подробности перваго любовнаго объясненія, что растерявшійся племянничекъ высказалъ самое нелѣпое подозрѣніе: «Вы насъ подслушали?» Эта прозорливость Адуева-старшаго (размѣры которой, можетъ быть, нѣсколько и преувеличены авторомъ «Обыкновенной Исторіи») не должна представляться чѣмъ-то необыкновеннымъ, ибо кому неизвѣстно, что такое любовь незрѣлаго юноши? Цвѣты, луна, стихи, робкое замираніе неопытнаго сердца—все это очень извѣстно, стало ординарнымъ, и только самимъ влюбленнымъ кажется, что передъ ними открывается какой-то новый путь, между тѣмъ какъ они идутъ по тропѣ, утоптанной милліонами поколѣній. Никто, конечно, не сталъ бы доказывать, что и всякая вообще любовь есть только повтореніе одного и того же основного аккорда душевныхъ настроеній, остающагося для всѣхъ неизмѣннымъ. Если бы это было такъ, то исчезла бы вся поэзія любви. Но вѣдь любитъ сердце человѣческое, а это даже по опредѣленію резонерствующаго на протяженіи всей «Обыкновенной Исторіи» дядюшки—«преглубокій колодезь». Его не вычерпать. Лучшіе геніи человѣческаго духа освѣщаютъ намъ новые и новые уголки его, любовь стала господствующей темой европейскаго романа, но колодезь попрежнему остается полнымъ непроницаемой таинственности и манитъ взоры бездонной глубиной. Любовь создаетъ иногда до того причудливыя, неожиданныя коллизіи, что передъ ними сталъ бы втупикъ и не поверхностный знатокъ человѣческаго сердца: любовь даритъ счастіемъ, но иногда любовь бываетъ и мукой, именемъ ея совершаются высшіе подвиги, и она же бываетъ причиной тягчайшихъ преступленій.

Не тутъ ли, въ этомъ неподдающемся строгому ограниченію характерѣ любви, и кроется причина того, что съ этимъ словомъ иногда обращаются не вполнѣ осторожно. Чуть замѣтятъ похожую черточку, слабый намекъ на сердечное влеченіе, сейчасъ говорятъ о любви, благо есть такое избитое слово, всегда готовое къ услугамъ. Часто даже и этого нѣтъ, а поводомъ служитъ лишь случайное сцѣпленіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Бываетъ, наконецъ, что центръ тяжести переносится съ психологической на историческую почву: къ этой послѣдней категоріи можно отнести увлеченія лицъ, имя которыхъ принадлежитъ исторіи. Съ психологической стороны тутъ все можетъ быть заурядно, ординарно, мелко, весь же интересъ сосредоточивается на составѣ

Digitized by Google

«дѣйствующихъ лицъ». Намъ интересно все, что ихъ окружало, съ чѣмъ они сталкивались хотя бы мимолетно и случайно, интересны моменты ихъ жизни, когда они переставали быть королями, учеными, поэтами, артистами и проч. и были просто людьми. Увлеченіе германскаго императора Вильгельма I въ дни юности княгинею Радзивиллъ, исторію котораго подробно разсказываетъ г. Гесикъ [1]), представляетъ наибольшій интересъ именно съ этой послѣдней точки зрѣнія.

Фамилія Радзивилловъ еще въ XVII в. породнилась съ домомъ Гогенцоллерновъ. Въ 1796 г. родство было вновь закрѣплено бракомъ Антонія Радзивилла съ племянницей Фридриха II Людвикой, дочерью Фердинанда прусскаго и Луизы. Отсюда возникли очень тѣсныя отношенія между берлинскимъ дворомъ и семьей Радзивилловъ: князь Антоній былъ своимъ человѣкомъ при дворѣ, о его женѣ и говорить нечего—она была почти членомъ королевской семьи, сердцемъ и душой дѣлила горести прусскаго двора въ ту тяжелую для него пору. Въ семьѣ Радзивилловъ господствовала музыкально-артистическая атмосфера. Князь Антоній Радзивиллъ обладалъ незауряднымъ композиторскимъ талантомъ, недурно пѣлъ и порядочно игралъ на віолончели. Въ его домѣ находили радушный пріемъ артисты, очень часто давались домашніе концерты.

Въ такой-то атмосферѣ росла старшая дочь князя и любимица его, Элиза. Когда она стала взрослой дѣвушкой, ее называли «полу-русалкой, полу-ангеломъ», прибавляя, что у нея душа—«изъ огня и кристалла». Способная и остроумная отъ природы, она была склонна къ меланхолической мечтательности, любила поэзію и искусства, особенно живопись. Воспитаніе она получила очень тщательное, но одностороннее. Какъ вообще въ польскихъ семьяхъ, главное вниманіе обращено было на религіозную сторону и полное пренебреженіе оказывалось тому, что развивало бы интеллигентность. Даже въ спеціально-артистической области, при обученіи игрѣ на арфѣ, пѣнію, рисованію и т. п., строго наблюдалось, чтобы тѣ дарованія, которыми княгиня надѣлена была отъ природы, ни въ какомъ случаѣ не перешли границъ диллетантства и не достигли бы степени основательнаго знанія даннаго искусства.

Въ сравненіи съ поэтической фигурой княгини Элизы, Вильгельмъ, въ качествѣ героя любовнаго романа, долженъ былъ казаться, наоборотъ, очень прозаическимъ. По характеру своему это былъ принцъ не изъ категоріи Гамлетовъ. Его очень хорошо разгадала еще въ молодыхъ годахъ его мать, которая въ 1808 г. (стало быть, когда онъ былъ одиннадцати-лѣтнимъ) писала своему отцу, принцу Мекленбургъ-Стрелицкому, что Вильгельмъ обѣщаетъ быть человѣкомъ справедливымъ, простымъ и разсудительнымъ. Такимъ онъ дѣйствительно и вышелъ. Въ его характерѣ напрасно было бы искать какихъ-либо поэтическихъ черточекъ. «Онъ считалъ,—говоритъ г. Гесикъ,—что крылья не нужны человѣку, коль скоро у него есть ноги, тѣмъ болѣе, что и съ помощью послѣднихъ онъ можетъ взойти очень высоко, хоть бы на тронъ. «Спрашивается, что же такъ влекло поэтическую Элизу къ Вильгельму, который, если бы не родился принцемъ, былъ бы типичнѣйшимъ нѣмецкимъ бюргеромъ—весьма добродѣтельнымъ, но совершенно не интереснымъ? Отвѣтъ на это можетъ быть одинъ: онъ былъ окруженъ тѣмъ особымъ ореоломъ, какой окружаетъ принцевъ крови. Элиза не могла не знать, что одна изъ ея прабабокъ (Варвара Радзивиллъ) была на польскомъ тронѣ. Если Варварѣ посчастливилось достигнуть трона, то почему бы и ей нельзя? Все равно, какова бы ни была корона, лишь бы носить ее на головѣ.

Начало сближенія между Элизой и Вильгельмомъ относится еще къ 1810 году, когда, послѣ смерти королевы прусской Людвиги, дѣтей Радзивилла стали часто приглашать во дворецъ поиграть съ сиротами королевской семьи. Среди этихъ дѣтскихъ забавъ сталъ завязываться первый узелъ симпатіи. Въ 1815 г. послѣ Вѣнскаго конгресса учрежденъ былъ постъ намѣстника Познанскаго, на который назначенъ былъ кн. Антоній Радзивиллъ. Хотя вслѣдствіе этого назначенія Радзивиллы должны были переселиться въ Познань, но тѣсная связь съ Берлиномъ не порвалась. Радзивиллы часто пріѣзжали въ столицу, гдѣ давали роскошные балы, уступавшіе только придворнымъ. Ухаживаніе молодого принца за 17-лѣтней красавицей, которой общимъ голосомъ дано было названіе «бѣлой розы», обратило на себя вниманіе высшаго круга, и предъ княземъ Антоніемъ стала порхать соблазнительная мечта, что его дочь можетъ быть прусской королевой. Эта мысль казалась правдоподобной не ему одному. Такъ думали въ придворныхъ кругахъ, не видѣлъ ничего удивительнаго въ этомъ отецъ Вильгельма. Менѣе всего помышлялъ о возможности такой комбинаціи самъ герой этого кисленькаго романа, принцъ Вильгельмъ. Судя по письмамъ его къ генералу Натцмеру, онъ вовсе даже и не думалъ о болѣе прочномъ закрѣпленіи этого юношескаго увлеченія. Онъ былъ или, по крайней мѣрѣ, казался влюбленнымъ, аккуратно посѣщалъ балы и рауты у кн. Радзивиллъ, но когда до

[1]) Ferdynand Hoesick. Szkice i opowiadania hystoryczno - literackie. Warszawa — Krakow. 1900.

Digitized by Google

него дошелъ слухъ, что комбинація его брака съ княжной Элизой обсуждается серіозно, онъ отнесся съ гнѣвомъ къ этой «уличной сплетнѣ». «Никогда,— писалъ Вильгельмъ въ декабрѣ 1820 г. генералу Натцмеру,—не смѣлъ я подумать о такомъ супружествѣ: предстояла бы слишкомъ великая борьба со всей родней. Но моя страстная любовь не утихла и доселѣ и даетъ поводъ къ сплетнямъ... Мнѣ слѣдовало бы держаться въ сторонѣ, чтобы не давать предлога строить проекты о супружествѣ, которое невозможно, но я былъ не въ силахъ.»

Но Вильгельмъ совершенно напрасно боялся борьбы съ родными и во всякомъ случаѣ преувеличивалъ размѣры ея. Нечего и говорить, что со стороны родныхъ Элизы не могло встрѣтиться никакихъ препятствій. Мало того: кн. Антоній, не сомнѣвавшійся, что отношенія Вильгельма съ его дочерью завершатся бракомъ, предусмотрительно заботился о томъ, чтобы заблаговременно устранить всякія препятствія, и, между прочимъ, поручилъ извѣстному юристу Эйхгорну написать трактатъ въ защиту правъ Элизы войти въ королевскій домъ. Весьма любопытно, что и отецъ Вильгельма ничего не имѣлъ противъ подобной комбинаціи. Онъ зналъ о любви сына и не хотѣлъ ставить ее въ зависимость отъ политическихъ расчетовъ. Ему было по опыту извѣстно, что значитъ любить и—отказаться отъ мысли о бракѣ въ силу высокаго положенія. Поэтому онъ даже оказывалъ помощь Вильгельму. На обсужденіе совѣта министровъ поставленъ былъ вопросъ: можно ли признать за княжной Радзивиллъ право на полученіе короны? Отвѣтъ былъ отрицательный и мотивированъ тѣмъ, что хотя въ настоящее время Вильгельмъ—не наслѣдникъ трона, но легко можетъ сдѣлаться имъ въ случаѣ смерти или бездѣтности старшаго брата. Этотъ отвѣтъ и былъ переданъ Вильгельму отцомъ его. Былъ испробованъ еще одинъ способъ устранить препятствіе, лежавшее на пути этого брака по любви: именно, Элиза усыновлена была однимъ изъ принцевъ (Августомъ прусскимъ, братомъ ея матери), но и это не помогло, такъ такъ совѣтъ министровъ далъ отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что тутъ важенъ не титулъ, а кровь.

Теперь Вильгельму предстояло одно изъ двухъ: отречься отъ правъ на тронъ или же пожертвовать Элизой. Вильгельмъ медлилъ. Какъ разъ около того времени послѣдовало обрученіе его младшаго брата Карла съ принцессой Веймарской, при чемъ отецъ ея выговорилъ, что ея дѣти будутъ пользоваться первенствомъ въ правахъ на тронъ въ томъ случаѣ, если состоится бракъ Вильгельма съ княжной Радзивиллъ. Вильгельму пришлось убѣдиться, что къ его правамъ уже простирается чужая рука, и это послужило для него толчкомъ поскорѣе ликвидировать свое юношеское увлеченіе. Разсудокъ взялъ верхъ надъ любовью, и жажда власти пересилила любовь. Испыталъ ли Вильгельмъ душевную борьбу, прежде чѣмъ остановился на этомъ рѣшеніи? Едва ли, хотя необходимость отказаться отъ любимой женщины, несомнѣнно, принесла принцу душевныя страданія. Путешествіе и постоянная смѣна впечатлѣній—испытанное лѣкарство противъ всякихъ душевныхъ потрясеній; къ этому средству обратился и Вильгельмъ. Онъ предпринялъ путешествіе по Голландіи, а потомъ по Италіи, но, казалось, мало нашелъ въ этомъ утѣшенія: онъ возвратился въ Берлинъ печальнымъ, разстроеннымъ, отравленнымъ пессимизмомъ. Письма его къ генералу Натцмеру звучатъ даже отчаяніемъ. «Ты знаешь,—писалъ Вильгельмъ,—что я хотѣлъ отречься отъ всего. Но мнѣ пришлось убѣдиться, что это—только комедія предъ свѣтомъ; сердце мое бьется все сильнѣй. Я не нашелъ силы, чтобы добровольно отречься отъ счастія, отречься отъ той, которую я люблю и которая меня любитъ.» Чтобы забыться, Вильгельмъ со всею ревностью набросился на ученье и парады, а когда это надоѣдало, онъ тогда отправлялся инкогнито въ статскомъ платьѣ въ Познань и здѣсь въ присутствіи Элизы забывалъ о будущемъ, отдаваясь обманчивымъ мечтамъ. Казалось, любовь вспыхнула съ наибольшей силой, какую могла проявить уравновѣшенная натура принца.

Положеніе семейства Радзивилловъ въ этихъ обстоятельствахъ было не чуждо нѣкоторой щекотливости. Дѣло въ томъ, что и для кн. Антонія, и для княжны Элизы не было секретомъ рѣшеніе кабинета министровъ, отнимавшее у послѣдней всякую надежду увѣнчать себя королевской короной. Была минута колебанія: какое положеніе въ виду категорическаго veto министровъ займетъ Вильгельмъ? Таилась надежда, что, быть можетъ, Вильгельмъ захочетъ доказать, что онъ умѣетъ любить истинной любовью, не желающею считаться съ преградами, но эти мечты и надежды быстро потухли. Тяжелѣе всего это подѣйствовало на впечатлительную душу Элизы: она начала вянуть, потеряла прежнюю живость и искала утѣшенія въ дѣлахъ благотворительности, замѣнившихъ для нея прежніе артистическіе интересы.

Такъ прошло цѣлыхъ четыре года. Вильгельмъ былъ постояннымъ гостемъ въ Познани и въ замкѣ Рубергъ (въ Силезіи), гдѣ семейство Радзивилловъ имѣло свое лѣтнее пребываніе, не переставалъ увѣрять княжну Элизу въ своей любви, хотя, конечно, о супружествѣ вовсе и не думалъ. Поведеніе принца вызывало разные нелестные для него толки

Digitized by Google

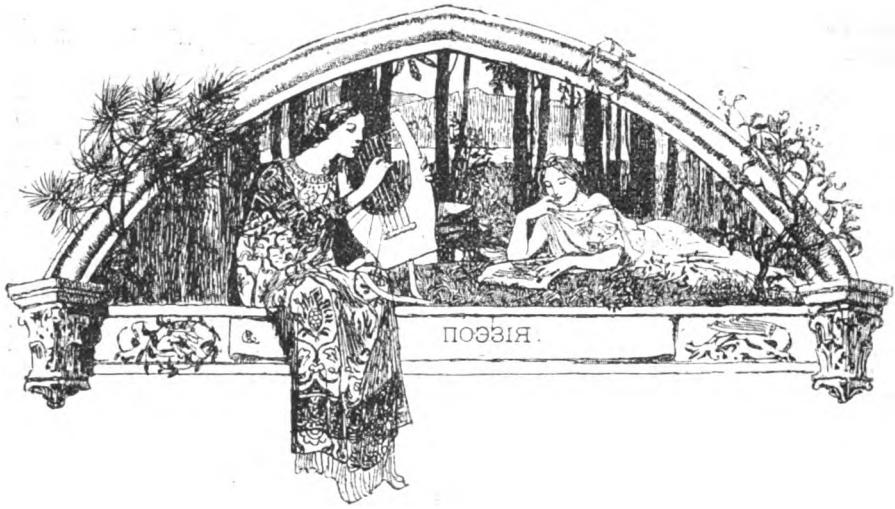
и, что всего замѣчательнѣе, вызывало осужденіе даже со стороны его старшаго брата Фридриха (бывшаго тогда наслѣдникомъ престола), который не переставалъ утверждать, что если бы Вильгельмъ захотѣлъ, онъ нашелъ бы способъ связать себя узами Гименея съ Элизой.

Струна была сильно натянута и это указывало на скорое начало конца. Нѣкоторые полагаютъ, что Вильгельмъ началъ охладѣвать къ кн. Элизѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ княжна стала утрачивать цвѣтъ молодости. Если это такъ, то категорическое требованіе короля разорвать эти отношенія, длившіяся, по его мнѣнію, слишкомъ долго, было весьма на-руку Вильгельму. Письмо короля объ этомъ было получено Вильгельмомъ во время пребыванія въ Теплицѣ въ августѣ 1826 г.; въ тотъ же день Вильгельмъ въ отвѣтномъ письмѣ изъявилъ свою полную покорность отцовско-королевской волѣ.

Съ тѣхъ поръ Вильгельмъ прекратилъ свои визиты въ Познань и Рубергъ. Въ 1828 г., послушный волѣ отца, онъ женился на принцессѣ Августѣ Веймарской. Съ Элизой они впервые встрѣтились послѣ разлуки въ 1830 г. Впослѣдствіи Элиза часто бывала на придворныхъ балахъ, всегда пользуясь отмѣннымъ вниманіемъ Вильгельма: иногда онъ не отходилъ отъ нея весь вечеръ. Давно страдавшая кровохарканьемъ, княжна Элиза скончалась осенью 1834 г. отъ чахотки, лишь на полтора года переживъ своего отца.

Старость.
Рис. Ганса Христіансена.

Digitized by Google



ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Величайшая минута исторіи.

«Римская имперія». Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. Спб. 1900.—Юліанъ Кулаковскій. «Смерть и безсмертіе въ представленіи древнихъ грековъ». Кіевъ. 1899.—Густавъ Флоберъ, «Саламбо», романъ.—Ф. В. Фарраръ. «Соломонъ, его жизнь и время». Спб. 1900.—«Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ». Изслѣдованіе проф. Олесницкаго. Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества.

Передо мною рядъ книгъ, частью только-что прочитанныхъ, частью давно составляющихъ любимое занятіе. Сборникъ г-жи Милюковой (667 стр.) составленъ въ меньшей части изъ русскихъ оригинальныхъ изслѣдованій и въ большей части изъ переводовъ новыхъ западно-европейскихъ трудовъ (въ отрывкахъ) и древнихъ памятниковъ. Тутъ возлѣ статьи проф. Герье «Августъ и установленіе Римской имперіи» помѣщенъ переводъ открытаго и изданнаго Моммзеномъ алкирскаго памятника «Res gestae viri Augusti», автобіографія Августа. Риторическій трудъ Фаррара не смѣетъ отрѣшиться отъ установившагося тона при изложеніи библейскихъ предметовъ; онъ вздымаетъ крылья, но не летитъ, не хочетъ остаться на мѣстѣ и остается на мѣстѣ. Знаменитый романъ Флобера даетъ кое-что, но въ общемъ преисполненъ олеографической мазни кровью и безчеловѣчной грубостью. Несравненно глубже всѣхъ превосходная работа профессора Кіевской духовной академіи Олесницкаго, реставрирующая въ мельчайшихъ деталяхъ скинію Ветхаго Завѣта и Соломоновъ храмъ. Но что эти труды передъ темою?! Она — безконечна. Величайшая минута исторіи—вотъ имя тѣхъ двухъ-трехъ вѣковъ, на которыхъ совершился переломъ отъ до-христіанской къ христіанской эрѣ. Историки пишутъ о немъ изслѣдованія, романисты — романы, даже публицисты берутъ изъ той эпохи краски на свою палитру. Знаемъ ли мы ее? Да, по памятникамъ. Понимаемъ ли? Едва ли.

Многіе ли, напримѣръ, знаютъ, что день 25 декабря, «праздникъ Рождества Христова», когда мы такъ радостно спѣшимъ въ христіанскіе храмы и зажигаемъ восковыя свѣчи передъ темными ликами въ нихъ, установленъ и принятъ былъ новою религіею какъ компромиссъ съ митріанствомъ и принадлежитъ собственно циклу вѣрованій этого звѣзднаго мидійскаго божества? У В. В. Болотова, недавно умершаго высоко-талантливаго профессора С.-Петербургской духовной академіи, есть изслѣдованіе: «День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка». Попутно онъ входитъ въ величайшія детали календарнаго расположенія праздниковъ, и вотъ здѣсь, опять попутно же, входитъ въ сообщеніе фактовъ совершенной неодолимости для ранняго христіанства митріанскаго культа, о томъ, что споръ «pro» и «contra», «за» и «про-

Digitized by Google

тивъ» рѣшительно колебался, и при томъ не въ сторону христіанства; и когда, наконецъ, побѣда была вырвана у язычества, то чтобы что-то затушевать, скрыть, принять въ себя и приписать себѣ, главный митріанскій праздникъ возрождающагося солнца, совершавшійся 25-го декабря, былъ принятъ христіанами за день Рождества Христова. Признаюсь, прочитавъ это, я былъ пораженъ. Точно я увидѣлъ кусокъ мяса или крови, еще живой и дымящійся отъ столь давно минувшей борьбы. «Такъ вотъ какъ горячо было дѣло!» Кто же не знаетъ и еще факта, что Константинъ Великій, уже давшій торжество христіанству, провозгласившій его государственною религіею, получившій чудесное знаменіе Креста Господня на небѣ, крестился всего за нѣсколько дней до смерти, какъ бы говоря всѣмъ этимъ: «Оно восторжествовало въ имперіи, но не въ моемъ сердцѣ!» Ибо когда легіоны, населеніе, чиновничество были христіанскими, когда уже собрался Никейскій соборъ и установилъ главное очертаніе церкви, что могло одинокую душу императора удержать отъ шага, политически столь нужнаго? «Антонинъ Пій воздвигаетъ храмъ Митры въ устьѣ Тибра, въ Остіи; при Маркѣ Авреліѣ статуя Митры появляется на Ватиканскомъ холмѣ, въ Римѣ—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается храмъ св. Петра»,—пишетъ Жанъ Ревилль въ книгѣ «Римская религія во времена династіи Северовъ». Да что такое Митра? Никто порядочно не знаетъ, не знаетъ внутренно и по существу. Когда читаешь изслѣдованія, поражаешься какимъ-то хламомъ суевѣрій, ни на одну минуту не останавливающимъ вниманія. Вниманіе останавливается исторіей постепеннаго введенія культа: его узнали впервые отъ морскихъ пиратовъ, разбитыхъ Помпеемъ; но отзывы о немъ такъ презрительны и пренебрежительны долгое время, лѣтъ приблизительно двѣсти, какъ только это могли бы дѣлать мы по тѣмъ лоскуткамъ извѣстій, какія дошли до насъ. Но потомъ что-то узнали о немъ. Маркъ Авреліій—не чета разбойникамъ, его читаемъ мы, на него немного лѣтъ назадъ указалъ Толстой, какъ на величайшаго моралиста, и онъ воздвигаетъ Митрѣ алтари. Очевидно, мы чего-то такого не знаемъ, что зналъ Аврелій, что составляетъ въ культѣ Митры, да и вообще въ язычествѣ—главное, и, не зная о чемъ, мы, въ сущности, вовсе не понимаемъ, крови, жилы и нервъ величайшей исторической минуты. Что такое было? Въ чемъ заключалось дѣло? Откуда борьба не только въ жизни, но, очевидно, и въ сердцахъ?!

Вѣдь мы какъ себѣ представляемъ дѣло?—«Міръ утопалъ въ развратѣ; цезари пьянствовали, женщины распутничали. Мессалины, Мессалины и Мессалины; Неронъ; безсильный Тацитъ, жгучій Ювеналъ. Приходитъ ап. Павелъ и проповѣдуетъ Распятаго. Свѣтъ побѣдилъ тьму», и Семирадскій, какъ и Сенкевичъ получили сюжеты для своихъ талантовъ. Такъ ли было дѣло? Такъ ли оно просто? Не было ли тоски и дѣйствительнаго недоумѣнія? И тогда—въ чемъ оно?

Нѣтъ ли языческаго сейчасъ во мнѣ, въ васъ, читатель, но чего мы не замѣчаемъ? Вотъ нить изслѣдованія, путь разгадокъ. И, проще всего, не произносимъ ли мы иногда слово «богъ» или «Богъ» съ такими оттѣнками и въ такія минуты собственнаго положенія или окружающей насъ обстановки, когда рѣшительно нѣтъ повода вспомнить ту особенную проповѣдь, тѣ частныя указанія и конкретныя имена которыя принесъ ап. Павелъ въ Римъ? Да, есть!

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка
. . . . . .
Тогда смиряется души моей тревога
И въ небесахъ я вижу Бога.

Вотъ очень странное стихотвореніе! Если бы цензоръ, просматривая его, предложилъ автору прежде одобренія исправить послѣднюю строчку въ томъ смыслѣ, какъ проповѣдовалъ это ап. Павелъ, т.-е. что «и въ небесахъ я вижу Іисуса Христа», то Лермонтовъ ужасно смутился бы, взялъ бы стихотвореніе домой, долго бы надъ нимъ думалъ и, наконецъ, рѣшился бы лучше вовсе его не печатать, чѣмъ сдѣлать поправку совершенно невозможную, потому что совершенно невѣрную относительно состоянія его души и предмета стихотворенія. Вотъ точное изображеніе приснопамятной борьбы. Богословія еще тогда не создалось и не было религіозной системы; было одно Евангеліе, и сущность борьбы и заключалась въ томъ, чтобы вездѣ, гдѣ языческій міръ чувствовалъ душевную нужду назвать имя Божіе безъ точнѣйшихъ опредѣленій, христіане стали требовать, чтобы вставлялось конкретное и опредѣленное имя, называемое вездѣ въ Евангеліи. Мы за тысячу лѣтъ къ этому привыкли. Но вѣдь этой тысячи лѣтъ тогда не было. До сихъ поръ я помню обрывки пѣсни, производившей на меня впечатлѣніе въ дѣтствѣ; въ ней поется объ узникѣ, несправедливо ввергнутомъ въ темницу, и тутъ—картина ночи и часового подъ рѣшетчатымъ окномъ:

И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна.

Стихотвореніе, конечно, плохо, потому что какъ же кроткая и блѣдная луна «горитъ»! Но вотъ послѣднія двѣ строчки, въ которыхъ авторъ-пѣвецъ успокаиваетъ узника:

Digitized by Google

Но есть на свѣтѣ Провидѣнье
И на святой Руси—отецъ.

Т.-е. на землѣ есть «царь», а «въ мірѣ есть Провидѣніе», которые не оставятъ до конца несправедливости. Теперь если бы въ заключительныхъ строчкахъ мы на мѣсто «Провидѣнія» вставили или предложили поэту вставить: «потому что былъ, и умеръ, и воскресъ Іисусъ, сынъ Маріи, обрученной Іосифу», то опять вышло бы недоразумѣніе, нежеланіе поправить и прямо невозможность поправки, раскрывающія страннымъ расхожденіемъ своимъ смыслъ древней борьбы. Была ли въ древности вѣра въ Провидѣніе? Несомнѣнно! Въ безсмертіе души? Конечно, была сильнѣйшая вѣра, о которой говорятъ элевзинскія таинства и діалоги Платона. Знали ли они Творца міра? О немъ постоянно говорятъ Платонъ и Аристотель. Вѣра въ Бога была до такой степени сильна, что, напримѣръ, обращеніемъ къ Богу начинается знаменитая рѣчь «О вѣнкѣ» Демосѳена, а Платонъ кончаетъ молитвами многіе изъ своихъ діалоговъ, напр. «Федръ». Можемъ ли мы представить Спенсера, который заключалъ бы молитвой «Соціальную статику» или «Книгу о воспитаніи»? Смѣшно объ этомъ спрашивать. Но если бы что-нибудь подобное случилось, то его бы назвали «святошей». Между тѣмъ никакимъ насмѣшливымъ именемъ не обзывали древніе Демосѳена и Платона, и, слѣдовательно, напряженіе вѣры какъ у свѣтилъ своего времени, такъ и у общественной массы прямо было въ концѣ язычества ярче, серіознѣе, такъ сказать, трагичнѣе, нежели у насъ сейчасъ, т.-е., во всякомъ случаѣ еще не при концѣ христіанства. Такимъ образомъ формула: «Міръ погибалъ, цезари пьянствовали, женщины развратничали, пока и т. д.»— не имѣетъ никакого подъ собою фундамента, и мы просто не знаемъ: да что же такое совершилось тогда?

Собственныя имена боговъ древности, какъ и весь Олимпъ и Капитолій, не имѣютъ никакого значенія, что видно изъ легкости, съ которою они замѣняли Юпитера Митрою, а греки - Птоломеи, придя въ Египетъ, чудно реставрировали древніе храмы Озириса и Изиды. Можно сказать, что теизмъ человѣчества раздѣляется на христіанскій и внѣ-христіанскій, при чемъ послѣдній вездѣ былъ одинъ, состоя изъ вѣры въ Провидѣніе, Творца міра, загробную жизнь и будущій Судъ надъ злыми и добрыми. Но это все входитъ и въ нашу вѣру, безспорно, однако, возникнувъ ранѣе ея. Борьба между христіанствомъ и внѣ-христіанскимъ теизмомъ и заключалась въ долгомъ недоумѣніи древняго міра, въ долгомъ его страхѣ: входятъ ли и какъ входятъ загробный Судъ, безсмертіе души, Всевидящее міровое Око въ краткій и тѣсный разсказъ, принесенный изъ Галилеи, который они знали не подъ угломъ намъ извѣстнаго богословія, куда вошли всѣ эти древнѣйшія и обширнѣйшія вѣрованія, но именно какъ разсказъ о 33-хъ годахъ жизни, о распятіи и воскресеніи, объ опредѣленномъ лицѣ и опредѣленной странѣ. — «А міръ?» спрашивали они.— «Развѣ онъ безъ Творца?»—«Развѣ мы, несчастные люди, безъ Провидѣнія?» Сейчасъ на всѣ эти вопросы не могли отвѣчать христіане; на нихъ отвѣтили вѣка христіанскаго мышленія, отвѣтили потомъ, отвѣтили позднѣе. И вотъ причина упорства древняго міра передъ исторіей изъ Галилеи.

Теперь оглянемся на себя. Извѣстно, какъ принимали новичковъ въ Запорожскую Сѣчь. Новичка приводили къ кошевому и тотъ спрашивалъ:

— Въ Іисуса Христа вѣришь?

— Вѣрю.

— И въ Пресвятую Богородицу вѣришь же?

— Вѣрю.

Удостовѣрившись, что пришедшій не бусурманъ, а христіанинъ, кошевой повелѣвалъ его зачислить въ войско. Человѣкъ становился казакомъ, т.-е. до извѣстной степени рыцаремъ креста и христіанства. И мы всѣ на вопросъ: «Кто вы»? отвѣчаемъ: «Христіанинъ», а на дальнѣйшій объ этомъ вопросъ разъясняемъ:

— Мы называемся христіанами, потому что вѣримъ въ Іисуса Христа, Бога нашего.

— Бога?..

— Сына Божія.

Но вѣдь это колоссальная разница, ибо «Іисусъ, сынъ Маріи, обрученной Іосифу», не покрываетъ, значитъ, и не исчерпываетъ теизма, онъ составляетъ только второй и средній моментъ его, и кто же знаетъ, въ остальныя $^2/_3$ теизма не вмѣстимо ли неопредѣленное чувство Бога у Демосѳена и Платона, ихъ очень ясныя и до сихъ поръ доказуемыя идеи, да и вообще не лежатъ ли тамъ, говоря историческимъ языкомъ, и «эллинъ и іудей»? Вдругъ, сразу, въ первомъ, второмъ и третьемъ вѣкахъ нашей эры, цивилизованному, старому и очень еще пламенно вѣровавшему міру, былъ предложенъ христо-теизмъ. Онъ отказался. Мы теперь, черезъ девятнадцать вѣковъ, знаемъ, что это есть $^1/_3$ полнаго теизма, но древнему міру онъ былъ предложенъ какъ весь и полный теизмъ. Онъ имѣлъ право отказаться. Вотъ чего не разобрали историки, всѣ не разобрали. Что же такое эти $^2/_3$ теизма?

Мы очень мало вдумываемся въ глубочайшую философію, скрытую въ нашемъ Символѣ вѣры, которую необычайно сжато формулировали отцы Никейскаго собора,

Digitized by Google

такъ сжато, а для насъ и такъ привычно, что мы ее повторяемъ какъ дьячки, которые вмѣсто «Господи, помилуй», сорокъ разъ повторяемаго, уже сливаютъ это въ какое-то гудѣніе: «би-ли-би-ли-Господи». Велико дѣйствіе привычки и забвеніе, безпамятность, ею порождаемая. «Вѣруемъ въ Бога-Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимаго и невидимаго». Что здѣсь не умѣщается? Что сказалъ бы древній міръ, если бы формула эта, изреченная церковью въ четвертомъ вѣкѣ, была предложена апостольскими учениками въ первомъ и второмъ вѣкѣ, тому же Марку Аврелію, Антонину Пію, Александру Северу? «Въ это всегда мы вѣровали! О немъ—наши гимны, объ Отцѣ свѣтовъ, и даже въ тѣхъ словахъ, какъ вы говорите: «Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна»! Вѣдь нужно же что-нибудь понимать въ древностяхъ. «Міръ видимый и невидимый, феноменальный и трансцендентный, и въ центрѣ его какъ зиждитель—Богъ», это есть альфа древней вѣры, которая безъ всякой перемѣны вошла въ первый членъ нашего Символа. Можно сказать, въ борьбѣ христіанства съ внѣ-христіанствомъ только и дѣлалось, что первый членъ Символа отстаивался отъ второго, пока на Никейскомъ соборѣ они согласились и не найдена была міровая «эврика». Но мы всѣ, до сихъ поръ мы всѣ, совершенно вопреки богомудрости отцовъ четвертаго вѣка, незамѣтно для себя впадаемъ въ отрѣзанный и обрубленный евангелизмъ, въ Христо-теизмъ, и ничего конкретнаго не соединяя съ Богомъ-Отцомъ, ничего въ мірѣ и въ себѣ не отыскивая, что относилось бы «не сліянно» къ Нему, опять выходимъ изъ полноты собственной вѣры.

— Вы кто такой?

— Христіанинъ, т.-е. я признаю Богомъ Іисуса Христа.

Это, конечно, истинно, но не полно, противъ Никейскаго Символа вѣры не полно, представляя только второй членъ его. До чего забвеніе всеобще, можно видѣть изъ примѣровъ Гете и Вольтера, которые рѣшительно отказывались понять «Троичность Единаго», прямо смѣялись надъ этимъ, какъ надъ ариѳметическою невозможностью. И у насъ многіе смѣются, просто и чистосердечно не понимая. Между тѣмъ это не только понятно, но только это-то и понятно, т.-е., когда около научителя высочайшаго нравственнаго закона поставлено Предвѣчное Око, блюдущее міръ, Свѣтъ свѣтовъ, Провидѣніе и Судія, угаданное, да и, наконецъ, опредѣленное, прочувствованное, хотя и различно наименованное, между Тибромъ и Ефратомъ, Ниломъ и Пропилеями, между древнимъ Авраамомъ и до Константина Великаго.

До какой степени это такъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Кто изъ православныхъ, войдя въ католическую или протестантскую церковь, взялъ бы частицу св. даровъ и причастился?—Никто!—Перекрестился бы по-ихнему? — Никто же!—Они въ нашей церкви? — Тоже ничего бы не сдѣлали. Между тѣмъ вѣра въ Іисуса Христа, въ Бога-Отца, полное признаніе галилейскаго событія, принесеннаго на Западъ апостолами, у нихъ и у насъ одна. Рѣшительно—мы одной вѣры, мы «христіане» всѣ. Читатель не знаетъ и въ высокой степени удивится, если я скажу ему, что въ Іерусалимскій храмъ Соломона, да, въ тотъ храмъ, гдѣ поучалъ нашъ Спаситель, въ который входили пророки... входили и эллины, не какъ зрители, а для совершенія нѣкоторыхъ низшаго разряда жертвъ и служеній. «Язычники допускались къ участію въ іерусалимскомъ культѣ, отъ нихъ принимали всѣ жертвы по обѣтамъ и жертвы доброхотныя, такъ называемые недаводъ и недаримъ, т.-е. всесожженія, хлѣбныя приношенія и возліянія. Не принимались отъ язычниковъ только спеціальныя еврейскія жертвы—какъ жертвы за грѣхъ, жертва отъ гноеточивыхъ и родильницъ.» (Переферковичъ! «Талмудъ, его содержаніе и исторія». Спб., 1897, стр. 131). Какъ бы мы выразились: «Причаститься нельзя, а поставить свѣчку можно»; даже: «Нельзя пастора позвать служить нашу литургію, но попросить его отпѣть панихиду по умершемъ—можно, справить молебенъ у него—можно же.» Между тѣмъ вся сумма нашей психики и совершившагося, и почувствованнаго, и дѣйствительнаго раздѣленія между протестантизмомъ и православіемъ не позволяетъ этого! Т.-е., мы отъ лютеранина дальше, чѣмъ аѳинянинъ отъкого-нибудь изъ колѣна Веніаминова. Вотъ открытіе, для насъ сейчасъ открытіе! Съ другой стороны, четвертый годъ мѣсяца издревле и сейчасъ называется у евреевъ «Таммузъ», а это—имя самаго любимаго божества сиро-финикійскихъ городовъ. И пророкъ Іезекіиль въ одномъ мѣстѣ жалуется: «О, еврейскія женщины! Вы сидите въ храмѣ и сплетаете одежды Таммузу.» Это смѣшеніе волнъ теизма вовсе было бы невозможно, если бы суть его, отъ коего до насъ дошелъ щебень и камень, обломки обезсмысленныхъ надписей, не была подобна какъ бы четыремъ полостямъ нашего сердца, которыя въ разное время сжимаются, но черезъ всѣ ихъ бѣжитъ одна кровь, хоть въ разные моменты и разнаго даже цвѣта. Но мы показали, что и по сейчасъ мы воздыхаемъ иногда языческими воздыханіями, и говоримъ въ стихахъ то, что могло бы безъ противорѣчія помѣститься въ сборникѣ древнѣйшихъ восточныхъ гимновъ. «Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна...» Этотъ моментъ рожденія, ро-

Digitized by Google

ждаемости въ Божествѣ—опять это альфа теизма, въ Геліополисѣ и Вавилонѣ.

Я люблю на Литейной, близъ Окружнаго суда, церковь, которой темно-синій куполъ усѣянъ золотыми звѣздами. О звѣздномъ небѣ ничего нѣтъ въ Евангеліи, и это не есть евангелическая часть нашего теизма. Между тѣмъ я читаю у пророка Амоса (гл. 5), слова съ очень точнымъ наименованіемъ одного созвѣздія: «Кто сотворилъ семизвѣздіе и Оріонъ и претворяетъ смертную тѣнь въ ясное утро? Господь—имя Ему», и въ слѣдующей главѣ какое-то странное упоминаніе, повидимому, о Скиніи Моисеевой, но съ удивительнымъ осложненіемъ: «Приносили ли вы Мнѣ жертвы и хлѣбные дары въ пустынѣ въ теченіе сорока лѣтъ, домъ Израилевъ? Вы носили скинію Молохову и звѣзду бога вашего Ремфана, изображеніе котораго вы сдѣлали для себя.» — «Вотъ я вамъ, за ваши звѣздочки и луночки, и опахала, и цѣпочки на ногахъ...» грозитъ Исаія еврейскимъ женщинамъ (гл. 4). Странно. Въ костюмъ одежды переходитъ нѣчто священное или бывшее священнымъ, по крайней мѣрѣ, у народа, столь ритуальнаго и въ одеждѣ, какъ библейскіе евреи. Да упоминаніе о «звѣздѣ», изображеніе которой будто бы носилось евреями въ пустынѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія о священномъ трепетѣ евреевъ при воззрѣніи на звѣзды, «и семизвѣздіе, и Оріонъ». Между тѣмъ трепетъ къ звѣздамъ есть часть, есть непремѣнная часть религій Ѳивъ и Вавилона, Я не знаю почему, но я трепещу при воззрѣніи на звѣзды, «умныя очи», очи «изъ неба на меня», и все мнѣ хочется прочесть тамъ мою судьбу, рокъ о мнѣ—заботу Провидѣнія. Вѣрю, вѣрю съ поэтомъ:

Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Т.-е. вѣрю жизни небесъ, что они живутъ, что они — не холодны и что они суть именно «многоочитая» одежда божества, «очи спереди и сзади и внутри и снаружи божества», какъ ихъ описывалъ въ тайносказаніи Іезекіиль. Но эти звѣзды, и именно въ куполѣ храма—я ихъ видѣлъ и срисовывалъ изъ атласовъ различныхъ экспедицій въ Египетъ. Ничего въ Евангеліи о нихъ; въ Египтѣ — онѣ всюду; и онѣ же на дорогихъ нашихъ церквахъ, но уже безъ памяти,—откуда, какъ. Я говорю, древность не умерла; но, потерявъ имена, вѣчною въ ней сутью она вошла въ суть нашего теизма... Ни эллинъ, ни іудей не умерли и не могутъ умереть.

«Я поклоняюсь святому чуду міра»— кто меня остановитъ, если я такъ скажу? Между тѣмъ на Акрополѣ и Капитоліи, и въ Ѳивахъ, и въ Вавилонѣ и поклонялись, и умилялись, и лили слезы передъ «святымъ чудомъ міра», и о немъ же задумался въ колебаніяхъ Константинъ, о немъ размышлялъ Маркъ Аврелій; его мы чувствуемъ всѣ сейчасъ. Чудо міра—въ смыслѣ недоступности для разумѣнія; но и еще далѣе и глубже — святость міра, ибо гдѣ же въ немъ не Богъ? Я поклоняюсь памяти святого; но еще я хочу поклониться изображенію его, хотя въ немъ нѣтъ его, а только связь моей памяти и точной съ него копіи. Никто меня не остановитъ, если я поклоняюсь звѣздѣ, какъ иконѣ Вѣчной Премудрости, какъ точкѣ касанія перстовъ Божіихъ? Если снимокъ есть образъ, то образъ есть и звѣзда, и «семизвѣздіе, и Оріонъ». Вотъ какъ далеко все идетъ, и вмѣстѣ какъ просто! На одно недоумѣніе Пушкина Филаретъ отвѣтилъ прямо египетскимъ стихомъ, т.-е. вѣчною и вездѣ истиною, которая, однако, ранѣе всего почувствовалась и была прямо названа, формулирована въ Египтѣ. Пушкинъ затосковалъ, смутился; петербургскій дэнди спросилъ въ уныніи:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
. . . . . .
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?

Филаретъ отвѣтилъ, изъ души, изъ глубины своей души, не размышляя и сейчасъ же отвѣтилъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога намъ дана...

Какой краткій отвѣтъ! Съ какой радостью мы его всѣ слушаемъ. Но очнемся, откуда это: «жизнь намъ», увы, дается такъ же, какъ и каждой твари и какъ въ цвѣткѣ дается жизнь растенію, и огромному баобабу и едва видной травкѣ. Можемъ ли мы сказать о всѣхъ этихъ моментахъ, что тутъ—Богъ и отъ Бога? Мы вспоминаемъ лотосы въ египетскихъ храмахъ. Такъ неужели имъ вѣрить?! Филаретъ вѣрилъ. Не Богъ, но жилище Божіе, и какъ звѣзда есть образъ, образъ же есть и цвѣтокъ, какъ еще точка касанія Божіихъ перстовъ. Не вездѣ равно это касаніе, «печать» Божія не всюду одинакова: есть точки избранныя, есть точки особенныя. Въ лицѣ нашемъ насколько глазъ особеннѣе остального! Онъ —точно въ лицѣ еще особенное лицо, новое, глубочайшее, изнутри проглядывающее! «Сколько души» въ немъ! «Сколько Бога»—въ цвѣткѣ; въ стеблѣ—меньше; въ корѣ—совсѣмъ мало; въ камнѣ—ничего. Камню я и не молюсь, тоже—корѣ; но о цвѣткѣ... все-таки могу сложить мистико-религіозную пѣсенку; и тоже—о звѣздѣ, и «семизвѣздіи, и Оріонѣ». Звѣзда и цвѣтокъ имѣютъ много богоприсутствія въ себѣ; древніе такъ и говорили:—«Вы намъ проповѣдуете высшую мораль; но

Digitized by Google

вѣдь еще есть трансцендентность, есть міръ-загадка, есть міръ-чудо: какъ это у васъ, въ какомъ положеніи?»—Три вѣка и шелъ споръ.—«Вы должны любить и враговъ, а не однихъ ближнихъ: Онъ сказалъ.»—«Но что Онъ сказалъ о звѣздахъ и цвѣткѣ» и о Промыслѣ надъ звѣздою и цвѣткомъ и о томъ, откуда въ цвѣткѣ и во мнѣ жизнь?» Это совсѣмъ разные вопросы. Разную категоричность этихъ вопросовъ не уловилъ и Гете, не говоря ужъ о Вольтерѣ. Правила поведенія нисколько не есть то же, что объясненіе роста растенія. «Такой нравственности могъ научить только Богъ», говорю я, читая Евангеліе, и не слушаю Ренана, отметаю Штрауса. — «Но и такую прелесть могъ сотворить только Богъ»,— говорилъ древній, указывая на кувшинку въ прудѣ, образъ которой онъ перенесъ въ храмъ. Да, Богъ вездѣ, въ видимомъ и невидимомъ; онъ видимо жилъ между нами 33 года; но гораздо ранѣе Ему же пять тысячъ лѣтъ молились, какъ Невидимому, въ храмахъ, главная и всеобщая черта которыхъ была полное отсутствіе изображеній, иначе какъ въ алегорическомъ смыслѣ.

Намъ хочется кончить мысль свою почти иллюстраціей. Извѣстно, что Соломоновъ храмъ былъ только развитіемъ, расширеніемъ Скиніи Завѣта, планъ которой, при сокрытой мысли, данъ былъ Моисею на Синаѣ Богомъ. Въ то же время этотъ храмъ воздвигали архитекторы и мастера Тирскаго царя Хирама. Вотъ мостъ между Синаемъ и Тиромъ, устои котораго стоятъ еще сейчасъ, а настилка и перила снесены памятными событіями. Въ храмѣ былъ жертвенникъ—святѣйшее мѣсто; и въ Скиніи былъ онъ же. Планъ жертвенника и опять же его тайная, не разсказанная мысль была дана Богомъ. Между подробностями устройства жертвенника замѣчательна одна: подъ верхней его доской находилась земля и камни—не тесанные. Мысль цѣлости проходитъ во всемъ израильскомъ священнослуженіи: «священникъ долженъ быть безъ болѣзни и не уродъ», «пасхальный агнецъ—безъ порока и однолѣтній», а Агнцу міра, жертвѣ за грѣхъ міра «не были перебиты голени». Вездѣ проходитъ мысль органической цѣлости. Еще одно упоминаніе Библіи: въ огонь жертвенный нельзя было бросать дровъ съ загнившимъ или червивымъ сучкомъ, ибо это—грѣхъ, такое дерево оскверняло священное пламя. Вездѣ одна мысль: жизни, какъ противоположенія смерти. Но въ жертвенникѣ, который весь святъ, были точки исключительной и страшной святости: это—рога по четыремъ угламъ его. Это за нихъ ухватился Іоавъ, преслѣдуемый воинами Соломона, передъ смертью. И ухватился Іоавъ за роги жертвенника», сказано въ четвертой книгѣ Царствъ: это — убѣжище и прибѣжище, храмъ въ храмѣ, «сердце» жертвенника. Удивительно, что историки не обратили на это вниманія. Если есть рога—есть и тотъ, у кого бываютъ рога; если они были столь священны, очевидно, они не были архитектурнымъ украшеніемъ. Но гдѣ же онъ? Гдѣ же Тотъ, кому они принадлежатъ. Всѣ мы читаемъ въ Апокалипсисѣ о Предвѣчномъ Агнцѣ и не удивляемся, не поражаемся, привыкли. Знаемъ и Пасхальнаго Агнца Библіи, что-то знаменующаго. Агнецъ—ягненокъ: вотъ у кого могутъ быть рога. Но гдѣ онъ? — Уходитъ въ жертвенникъ, сокрытъ въ немъ, невидимъ—по общему закону невидимости, но не отсутствія, которая проведена въ Скиніи и повторена была въ храмѣ. Невидимъ, но есть; и что онъ есть — свидѣтельствуютъ рога, которые одни выставлены изъ жертвенника. Жертвенникъ похожъ на агнца ли, тельца ли съ наброшенною на него рогожею. Видна рогожа, видна попона; видна доска и стѣны жертвенника, но они суть домъ и жилище только не изваяннаго, но въ самомъ дѣлѣ и живымъ присутствующаго здѣсь тельца ли, агнца ли. Моисей разбилъ изображеніе. Но развѣ это отрицаетъ изображаемое? Иконоборцы отрицали образа. Но развѣ это свидѣтельствуетъ, что они не почитали святыхъ? «Завтра праздникъ Господу!» — сказалъ Ааронъ къ народу, сливъ тельца. А неужели онъ ничего не зналъ о томъ, кому поклоняется его братъ?! Нѣтъ изображенія, и не нужно, грѣхъ; но рога есть и есть изображаемый, но онъ есть живой, онъ есть не какъ мѣдь и золото, а какъ жизнь. Роваамъ въ Веѳилѣ и обнажилъ жертвенное животное. Онъ снялъ рогожу, убралъ попону; получилось то, что сдѣлалъ народу Ааронъ. Историки поняли это, какъ борьбу теизмовъ и такъ объяснили своимъ читателямъ. Между тѣмъ это былъ одинъ теизмъ, и споръ исчерпывался вопросомъ—обнажить ли все, или оставить видимымъ лишь самый незначущій, внѣшній, въ сущности безжизненный, ибо безкровный, придатокъ—рога. Рога безъ крови — ихъ можно передать мѣдью. Но если я поклоняюсь крови и даже въ ней ея тайному и безспорному мистицизму, движущему ее, содѣлывающему ее священной, не проливаемой («не убій»), то какъ въ самомъ дѣлѣ ее выразить?! Ааронъ ошибся, вотъ въ чемъ онъ ошибся: что жизнь вообще не изобразима въ камнѣ, въ металлѣ, геометрически, статистически. И какъ ошиблись историки въ данномъ пунктѣ, принимая за разныя религіи варіанты одной, такъ ошибались люди, народы, творцы исторіи — на границахъ нашей эры. До нея, какъ и начиная съ нея, былъ Богъ — «Единый въ трехъ лицахъ», какъ и исповѣдовали, какъ нашли формулу потомъ; намъ при-

Digitized by Google

несенъ былъ на землю нравственный законъ однимъ Лицомъ; но кромѣ этого есть еще фактъ міра, жилы и кровь міра, и въ нихъ есть также свой мистицизмъ и другой родникъ этого мистицизма. Рожденіе есть фактъ, рожденіе есть кровь; его принципу и поклонялся весь древній міръ, нисколько не ошибавшійся, ибо даже для того, чтобы мыслить, надо сперва родиться. Это изначальнѣйшее и вмѣстѣ что это святое и божественное,—не отрицаетъ и Филаретъ:

Жизнь отъ Бога намъ дана.

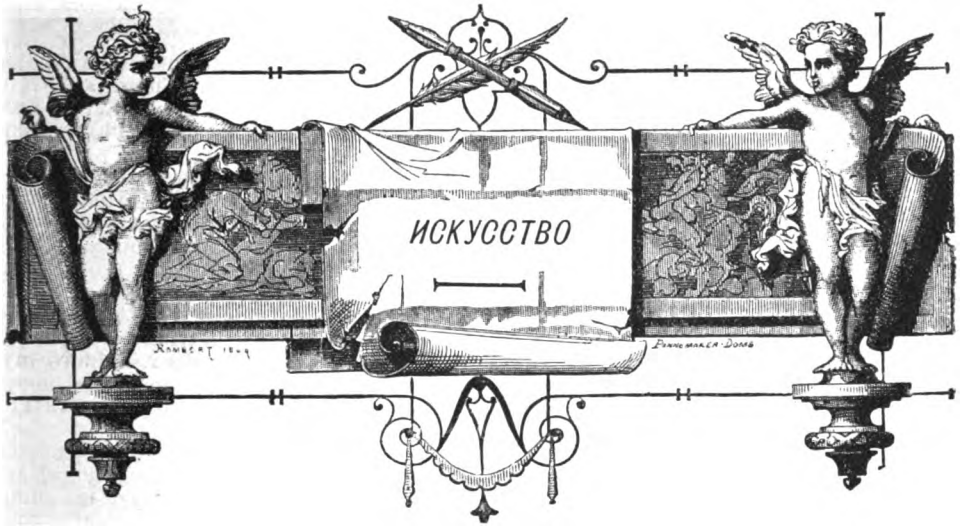
— «Да! да!»—могъ бы въ отвѣтъ Филарету воскликнуть весь древній міръ въ Аѳинахъ, Мемфисѣ, Карѳагенѣ, Тирѣ, Вавилонѣ:—«Мы именно всегда такъ думали, но мы не умѣли выразить, мы были безсильны, какъ художники и словесники, но какъ молитвенники, мы не ошибались. Не умѣя говорить, мы показывали на лотосы; не умѣя выразить трепетъ сердца — поднимали руки къ звѣздамъ. Но мы не звѣздамъ молились и не лотосу, но, какъ говоришь ты, тому, что вотъ «жизнь—отъ Бога, въ жизни—Богъ, и Онъ Самъ—жизненъ, имѣя въ себѣ ключи вѣчнаго живота, отчего изображая мы вѣчно и придавали ему, конечно, по-дѣтски еще, то эту, то иную, но непремѣнно животную форму. Филаретъ нашелъ слово, ибо онъ и живетъ въ словесную, тоже истинную и божественную, но другую эпоху. У него — истина слова, у насъ была истина факта, но безъ расхожденія и противорѣчія.»

Въ одномъ таинствѣ, глубоко фактическомъ—бракѣ, и скрытъ до сихъ поръ весь этотъ будто бы умершій, но не имѣющій никогда умереть, теизмъ крови, «выставляющій рога изъ жертвенника». Бракъ есть младенецъ, о младенцѣ и черезъ младенца таинство, а младенецъ—«образъ и подобіе» Агнца. Кстати, «агнецъ», какъ самое слово знаменуетъ, есть юное, есть дѣтское или отроческое, скорѣе всего—младенческое, по возрасту. О зрѣломъ или старомъ не было бы употреблено такое слово, взято было бы другое близкое слово. Агнецъ — вѣчный младенецъ. Но, повторяемъ, въ признанномъ церковью таинствѣ брака и содержится, но лишь не раскрытый, весь древній мистицизмъ, который и нельзя иначе разрушить, какъ разрушивъ это таинство, а какъ только мы станемъ въ него глубже вдумываться, мы вдругъ почуемъ, что ничего въ древности не умирало и не можетъ умереть. О Логосѣ—мы учимся; но мы еще существуемъ и живемъ и вотъ это уже о Ветхомъ деньми, первомъ родительскомъ лицѣ мистическаго божескаго Существа, и всякій разъ, рождая или присутствуя при рожденіи, мы можемъ поправить греческое уныніе: «великій Панъ не умеръ, онъ—въ насъ и во всемъ, какъ выражаетъ и самое его имя, о которомъ мы у апостола читаемъ, но лишь въ другихъ терминахъ, но съ величайшимъ и лучшимъ углубленіемъ: «Богъ есть всякое и во всемъ». Грековъ слѣдовало выдрать за уши за легкость ихъ молитвъ, ихъ свѣтскость, допустившую перейти въ поэзію, но не за то, кому они молились.

В. Розановъ.

Рис. Эмиля Леви.

Digitized by Google



ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Къ шестидесятилѣтію Габріэля Макса.

23-го августа нов. ст. извѣстный мюнхенскій художникъ Габріэль Максъ праздновалъ годовщину своего шестидесятилѣтія. Изъ учениковъ Пилоти это, несомнѣнно, одинъ изъ значительнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ талантовъ. Его называютъ художникомъ спиритизма и мистицизма, и въ этомъ есть большая доля правды, ибо въ длинномъ рядѣ его произведеній не мало такихъ, которыя отмѣчены печатью мечтательности, сверхчувственности, таинственности.

Габріэль Максъ родился въ старинной столицѣ Богеміи—въ золотой стобашенной Прагѣ 23-го августа 1840 года. Склонность къ искусству и творческая сила болѣе ста лѣтъ гнѣздилась уже въ его семьѣ. Отецъ Габріэля былъ скульпторъ Іосифъ Максъ, которому Прага обязана нѣсколькими скульптурными произведеніями. Мать его, воодушевлявшая его ко всему прекрасному, была дочерью скульптора Шуманна. Первые уроки Габріэля, которые давалъ ему отецъ, пробудили уже въ мальчикѣ такое дарованіе, что уже на десятомъ году онъ съ поразительнымъ искусствомъ копировалъ произведенія Фюриха и Швинда. Общеніе съ художникомъ Густавомъ Крацманномъ, директоромъ картинной галлереи Общества патріотическихъ любителей искусства, также способствовало его увлеченію искусствомъ. Творческій талантъ рано пробудился въ немъ. Вскорѣ онъ написалъ сцены изъ библейской исторіи и изъ Шиллера «Пѣсня о колоколѣ». Вскорѣ по кончинѣ отца, послѣдовавшей 18-го іюня 1854 года, Максъ поступилъ въ Пражскую академію художествъ, которую посѣщалъ до 1858 года. На деньги, вырученныя имъ отъ продажи первой картины большихъ размѣровъ: «Ричардъ Львиное Сердце у тѣла своего отца», устроилъ онъ себѣ поѣздку въ Дрезденъ, Берлинъ, Гамбургъ и къ Сѣверному морю. По возвращеніи, съ 1859 по 1862 г. онъ посѣщалъ академію художествъ въ Вѣнѣ. Въ 1862 г. написалъ фантастичныя свои картины къ произведеніямъ Бетховена, Мендельсона и др. По пути къ Парижу, гдѣ онъ хотѣлъ познакомиться съ Полемъ Деларошемъ, Максъ остановился въ Мюнхенѣ, и такъ увлекся тамошней художественной жизнью, что бросилъ свои намѣренія на счетъ поѣздки въ Парижъ и рѣшилъ основаться около Изара. Въ Карлѣ Пилоти, мастерскую котораго онъ посѣщалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Габріэль нашелъ доброжелательнаго руководителя и вѣрнаго друга, сильно воздѣйствовавшаго на молодого художника, но безъ малѣйшаго давленія на его оригинальность.

Иллюстраціи къ стихотвореніямъ Уланда, Шиллера и Ленау, а также къ «Оберону» Виланда и «Фаусту» Гете, исполненныя Максомъ за періодъ 1865 г. по 1868 годъ для Котта въ Штутгартѣ, отличаются глубокимъ чувствомъ и техническимъ мастерствомъ. Подъ тѣмъ же вдохновеніемъ написаны имъ картины: «Гретхенъ передъ Mater dolorosa» (1868 г.), «Мефистофель» (1871 г.) и «Миньона». Болѣе или менѣе родственны имъ «Тристанъ и Изольда», «Венера и Тангейзеръ» (1873 г.) и «Невѣста льва». Но перваго блестящаго успѣха Максъ достигъ въ 1867 году своей «Мученицей на крестѣ». Вотъ чѣмъ объясняется, что и въ дальнѣйшій періодъ художникъ увлекался мотивами

Digitized by Google

изъ древне-христіанскаго періода. Къ произведеніямъ этого направленія относятся: «Свѣтъ» (1871 г., молодая слѣпая христіанка въ катакомбахъ), «Привѣтъ» (1874, христіанка на аренѣ). Шедевромъ его въ области религіозной живописи служитъ картина «Свершилось» (1883 г.). Кромѣ того, выдающимися произведеніями являются: «Христосъ на полотенцѣ Св. Вероники» (1874 г.), «Воскресеніе дочери Іаира» (1877 г.), «Христосъ исцѣляетъ больное дитя» (1884 г., Національная галлерея въ Берлинѣ) и «Мадонна съ Христомъ» (1885 г., Городской музей въ Лейпцигѣ).

Габріэль Максъ.

Многія изъ этихъ картинъ сдѣлались доступными для болѣе обширныхъ кружковъ любителей искусства, благодаря гравюрамъ Wörnle'я и Унгера. Мученица позднѣйшаго періода изображена на картинѣ «Орлеанская дѣва на кострѣ» (1882 г.).

Фантазія художника развивается наиболѣе оригинально въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ трактуетъ проблемы соціальной жизни и загадочные вопросы душевной жизни. Поворотъ къ сверхчувственному вызванъ былъ у Макса психологическими занятіями, которыя, при своей склонности къ натурализму, онъ предпочиталъ всему остальному. Сюда относятся слѣдующія картины: «Die Zwangsversteigerung» (1870 г.), «Сирота» (1871 г.), «Покинутая», «Дѣтоубійца» (1877 г., Художественный музей въ Гамбургѣ), гравированная Кюномъ.

Къ картинамъ мистическаго направленія относятся слѣдующія: «Привѣтъ духовъ» (1879 г.), «Анна Катарина Эммерихъ» (1880 г., Новая Пинакотека въ Мюнхенѣ), «Астарта» (1886 г.), «Ясновидящая изъ Преворста» (1892 г., въ Рудольфинумѣ въ Прагѣ). Реалистическаго характера — картина «Анатомъ у трупа молодой дѣвушки» (1869 г.). Много шуму надѣлала его картина «Вивисекторъ» (1883 г., гравированная Гольцапфелемъ).

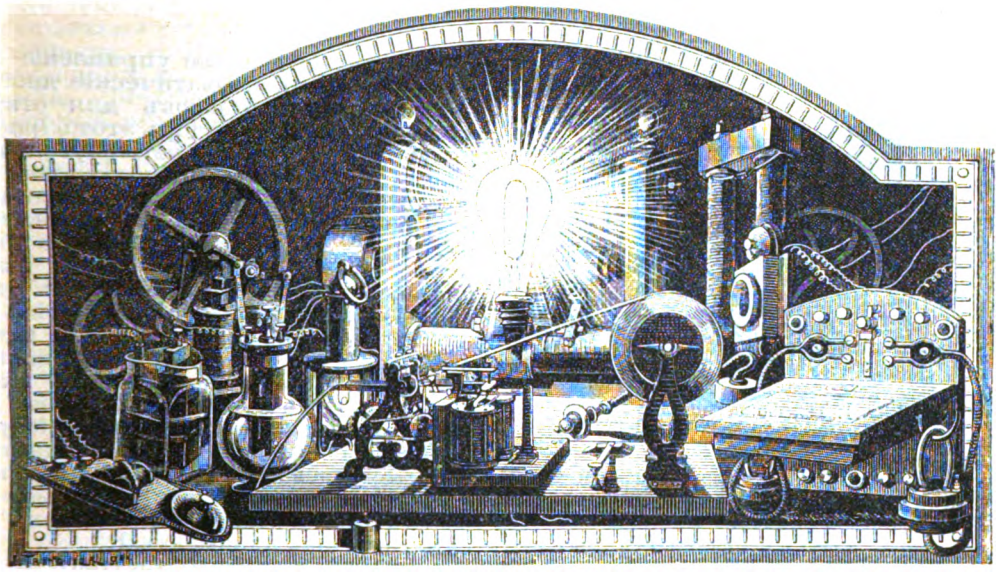
При всей склонности художника къ таинственному, мрачному, даже страшному, онъ отнюдь не лишенъ дара съ истинной поэзіей изображать также и счастливые моменты человѣческой жизни. Это подтверждается произведеніями: «Весенняя сказка» (1873 г.), «Herbstreigen» (1875 г.) и «Любовная тайна». Картина «Собраніе» (собраніе обезьянъ передъ картиной, 1889 г.) преисполнена ѣдкаго юмора.

Со времени посѣщенія Максомъ мастерской школы Пилоти онъ не покидалъ Мюнхена, гдѣ до сихъ поръ неустанно работаетъ въ тихомъ уединеніи, представляя собой ушедшую въ себя художественную натуру, идущую личнымъ своимъ путемъ также и въ вопросахъ науки и общественной жизни. Во внѣшнюю жизнь художника внесли живительное разнообразіе для души и тѣла однѣ только поѣздки его въ Италію, Францію, Бельгію и Нидерланды.

Длинный рядъ благородныхъ женскихъ образовъ, созданныхъ Габріэлемъ Максомъ со времени появленія его «Мученицы на крестѣ», заключается граціозной и трогательной головкой дѣвушки, названной художникомъ «Довѣрчивость». Въ ней наблюдается тотъ же загадочный взоръ, заглядывающій въ загробную жизнь, то же сладостно-горестное, неземное вожделѣніе, въ художественной передачѣ котораго Максъ такъ неподражаемъ. Если признавать одною изъ важнѣйшихъ художественныхъ задачъ умѣнье добиваться живого отраженія душевнаго настроенія на человѣческомъ лицѣ,—не прибѣгая при томъ ни къ символикѣ, ни къ аллегоріи, то Макса можно смѣло отнести къ тѣмъ изъ современныхъ художниковъ, которымъ вполнѣ удалось разрѣшеніе этой задачи [1]).

[1]) Характеристику творчества Габріэля Макса, иллюстрированную воспроизведеніемъ выдающихся его картинъ, см. въ «Новомъ Журналѣ Иностр. Лит.», 1899 г., кн. за ноябрь и декабрь.

Digitized by Google



НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новости научной техники.

Телефонографъ Пульсена.—Автоматическій распредѣлитель марокъ и бланковъ для открытыхъ писемъ. — Градоотводы, разгоняющіе градовыя тучи выстрѣлами. — Аппаратъ для подъема воды на большую высоту сжатіемъ воздуха.—Машина для скульптурныхъ работъ.— Термометръ для высокихъ температуръ.

1.

Избалованное научными открытіями, современное человѣчество почти уже перестало замѣчать ихъ. О телеграфофонѣ или телефонографѣ датчанина Вальдемара Пульсена, напримѣръ, рѣдко кто слышалъ, а между тѣмъ это аппаратъ въ высшей степени замѣчательный, какъ по новизнѣ принципа, вложеннаго въ его основу, такъ и по простотѣ устройства и по значенію для обыденной жизни.

Телефонографъ Пульсена (рис. 1) есть аппаратъ, предназначенный къ тому, чтобы замѣнить собою и телефоны, и фонографы. Основанъ онъ на томъ недавно открытомъ фактѣ, что желѣзная проволока или полоса, проходя между полюсами небольшого магнита, способна намагничиваться поперечно, съ силою, въ каждомъ данномъ разрѣзѣ соотвѣтствующей силѣ тока, который прошелъ по электромагниту, сохраняя при томъ свое магнитное напряженіе на неопредѣленное время. Если мы возьмемъ, напримѣръ, закрытый токъ, идущій отъ элемента С и включимъ въ него микрофонъ Д, телефонъ Е и маленькій электромагнитъ В, между полюсами котораго равномѣрно проходитъ желѣзная проволока или полоса А, то, говоря въ телефонъ, мы получимъ нашу рѣчь какъ бы записанной на проволокѣ. По крайней мѣрѣ, если мы потомъ вновь проведемъ эту проволоку между полюсами того же электромагнита, но уже не соединеннаго съ элементомъ, то услышимъ нашу рѣчь повторенною въ телефонъ отъ слова до слова. Какъ прежде токъ различно намагничивалъ проходящіе мимо него разрѣзы проволоки, такъ теперь эти разрѣзы возбуждаютъ токъ разной силы.

На практикѣ, аппаратъ Пульсена имѣетъ

Digitized by Google

видъ, обозначенный на рис. 2. СД—подставка; Е—электромагнитъ, величиною съ наперстокъ; R—желѣзная полоса, намотанная на катушки А и В, движимыя часовымъ механизмомъ; Т—телефонъ, со-

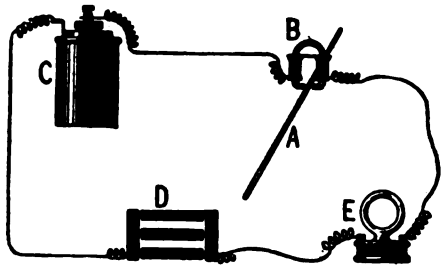


Рис. 1. Телефонографъ Пульсена.

единенный съ электромагнитомъ проводами, въ которые можно вводить батарею. Приложивъ ухо къ телефону и заставивъ катушки вращаться, мы, какъ въ фонографѣ, услышимъ тѣ звуки, которые были записаны на полосѣ когда-либо.

Аппаратъ Пульсена, такимъ образомъ, вполнѣ и съ большой выгодой замѣняетъ фонографъ. Звуки, имъ передаваемые, вполнѣ чисты, не имѣютъ носового оттѣнка, а запись, такъ сказать, никогда не стирается, хотя для того, чтобы стереть ее, достаточно провести полосу между полюсами того же электромагнита, при токѣ постоянной силы. Но телефонографъ гораздо гибче, такъ сказать, простого фонографа. Имъ можно пользоваться на разныя манеры, напримѣръ, для записыванія телефонныхъ переговоровъ. Установивъ у себя, вмѣсто телефона, телефонографъ, вы свободно можете уходить изъ дому,

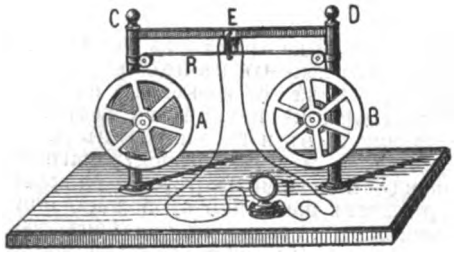


Рис. 2. Видъ телефонографа Пульсена.

такъ какъ по возвращеніи онъ вамъ передастъ все то, что говорилось въ вашемъ отсутствіи. Тотъ же аппаратъ можетъ быть употребляемъ въ качествѣ передаточной станціи на слишкомъ длинныхъ телефонныхъ линіяхъ. Въ настоящее время онъ совершенствуется изобрѣтателемъ.

2.

Французское почтовое управленіе начинаетъ вводить автоматическіе дистрибуторы марокъ и бланковъ для открытыхъ писемъ. Дистрибуторъ этотъ (рис. 3) представляетъ собою четыреугольный ящикъ, на верху котораго укрѣплена вилочка Р, а въ бокахъ находятся прорѣзы для опусканія монетъ и отверстія, изъ которыхъ вываливаются требуемые предметы. Вилочка служитъ для взвѣшиванія писемъ. Положивъ въ нее письмо, какъ показано на рисункѣ, вы читаете въ табличкѣ, помѣщенной ниже, цѣну марки, которую требуется наложить на него, а самыя марки получаете вкладывая въ соотвѣтствующіе прорѣзы десяти-и пяти-сантимныя монетки (Марка во Франціи оплачивается пятнадцатью сантимами, а монеты въ эту цѣну нѣтъ). Такимъ же образомъ вы получаете и бланкъ открытаго письма, вложивъ десять сантимовъ въ прорѣзъ R.

Внутреннее устройство дистрибутора и просто, и остроумно въ то же время. Выдача бланковъ и марокъ совершается обычнымъ образомъ, то-есть монета, падая въ желобокъ R, поднимаетъ рычагъ, задерживающій въ пунктѣ Д движеніе колеса С (обусловленное часовымъ механизмомъ), при чемъ колесо это поворачивается, выбрасывая одинъ бланкъ во отверстіе, находящееся внизу. Точно такъ же выдаются и марки, но такъ какъ онѣ слишкомъ легки и сами изъ колеса не выпадаютъ, то подъ ящикомъ устроена маленькая рукоятка, потянувъ за которую вы нажимаете мѣха и марка выдувается въ нижнее отверстіе.

Вѣсы для писемъ устроены слѣдующимъ образомъ: подставка вилочки Р, вмѣстѣ съ табличкой цѣнъ, находящейся на ея нижнемъ концѣ, придѣлана къ одному плечу коромысла вѣсовъ, а другое ихъ плечо, при своемъ движеніи кверху, встрѣчаетъ рядъ колечекъ, расположенныхъ другъ надъ другомъ и вѣсящихъ по пятнадцати граммовъ (нормальный вѣсъ письма). Если письмо вѣситъ меньше, то первое же колечко останавливаетъ поднятіе плеча, выставляя, въ то же время въ особомъ прорѣзѣ, надлежащую цѣну; если письмо тяжелѣе, то движеніе плеча останавливается вторымъ, третьимъ и такъ далѣе колечкомъ, а выставляемыя цѣны все увеличиваются.

Очень мило, но дѣйствительно ли такъ уже необходимо?

3.

Мы имѣли уже случай говорить о дѣлаемыхъ въ Италіи попыткахъ разгонять градовыя тучи выстрѣлами изъ особаго

Digitized by Google

рода пушекъ. Надо думать, что опыты эти увѣнчались успѣхомъ, потому что въ Италіи теперь уже имѣется болѣе двухъ тысячъ такихъ градоотводныхъ станцій, и австрійское правительство тоже назначило комиссію для изслѣдованія этого вопроса. Знающіе люди говорятъ, что нѣкоторые виноградники, прежде часто страдавшіе отъ градобитій, теперь, при устройствѣ такихъ градоотводовъ, какъ разъ съ того времени остаются невредимыми.

Весь аппаратъ (рис. 4) состоитъ изъ маленькой чугунной мортиры, вертикально стоящей на постаментѣ и оканчивающейся жестяной, конической трубою, метра въ три вышины и пятидесяти сантиметровъ въ діаметрѣ верхняго отверстія. Такія мортиры устанавливаются по одной на каждые двадцать гектаровъ и стоятъ не болѣе тридцати франковъ каждая. Стрѣляютъ изъ нихъ лишь тогда, когда есть основаніе опасаться града. Теорія ихъ дѣйствія на градовыя тучи не разработана, но на практикѣ онѣ оказались полезными.

4.

Подъемъ воды на большую высоту и для отдѣльно стоящихъ домовъ, не связанныхъ съ обширными водопроводами, всегда составлялъ весьма трудную задачу для архитектора. Въ настоящее время г. Монтришоръ изобрѣлъ аппаратъ, который разрѣшаетъ ее довольно удовлетворительно.

Аппаратъ этотъ (рис. 5) состоитъ изъ большой чугунной бутылки, устанавливаемой на днѣ колодца; верхъ этой бутылки, при помощи трубки В, соединенъ съ воздушнымъ насосомъ Р, а снизу ея идетъ трубка Д, проводящая воду кверху. Обѣ трубы при выходѣ своемъ изъ бутылки снабжены клапанами, открывающимися вверхъ. Такой же клапанъ находится и въ боку бутылки, въ точкѣ А, а въ точкѣ С изъ нея выходитъ трубочка, выводящая воздухъ и затыкаемая пробкой, которая помѣщена на поплавкѣ R. Этотъ поплавокъ, поднявшись кверху, съ одной стороны затыкаетъ трубку С, а съ другой, въ точкѣ В, приподнимаетъ клапанъ трубки, ведущей къ воздушному насосу.

Когда аппаратъ находится въ покоѣ, то вода черезъ отверстіе А наполняетъ бутылку, приподнимаетъ поплавокъ и, наконецъ, затыкаетъ трубку С, въ то же время приподнимая клапанъ В. Какъ только это случилось, такъ сжатый воздухъ изъ насоса стремится въ бутылку и вытѣсняетъ воду въ трубку до тѣхъ поръ, пока поплавокъ, опускаясь, не откроетъ трубки С и не отпуститъ клапана В. Тогда вода опять начинаетъ набираться въ бутылку, вытѣсняя воздухъ сквозь С, поплавокъ опять поднимается и такъ далѣе. Такое поперемѣнное наполненіе бутылки и опростаніе ея будутъ продолжаться до

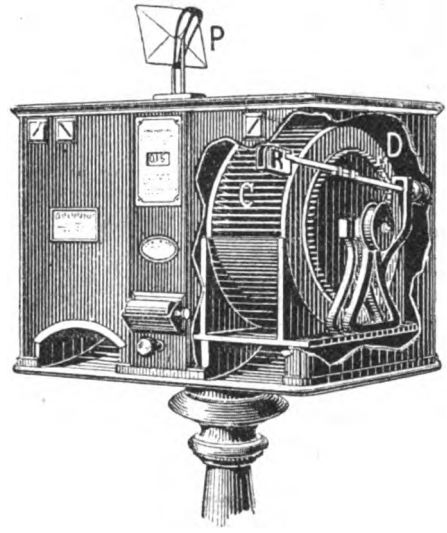


Рис. 3. Автоматическій распредѣлитель марокъ и бланковъ для открытыхъ писемъ.

тѣхъ поръ, пока дѣйствуетъ насосъ Р. Такимъ образомъ воду можно поднимать на высоту сорока метровъ.

5.

Машины, завладѣвшія всѣми аренами человѣческой дѣятельности, начинаютъ вторгаться даже въ искусство. Недавно изобрѣтенъ станокъ, при помощи котораго, по одной данной модели, можно высѣчь изъ камня или любого матеріала сразу нѣсколько статуй или вообще рельефовъ. Станокъ этотъ (рис. 6) состоитъ

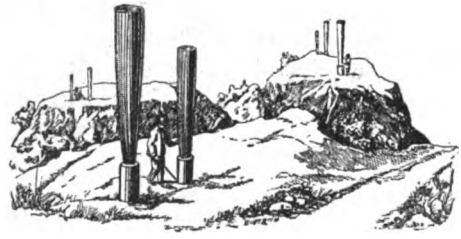


Рис. 4. Градоотводы, разгоняющіе градовыя тучи выстрѣлами.

изъ стола, на которомъ располагаются куски матеріала съ моделью, лежащей посрединѣ, и изъ подвижной тележки,

Digitized by Google

находящейся надъ столомъ и снабженной на одномъ своемъ боку рядомъ сверлъ, вращающихся 2500—3000 разъ въ минуту (какъ извѣстная боръ - машина у зубныхъ врачей). Рабочій, стоящій около модели,

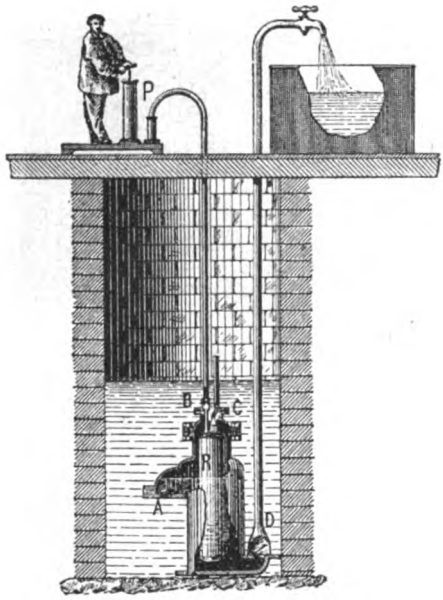


Рис. 5. Аппаратъ для подъема воды на большую высоту сжатіемъ воздуха.

только обводитъ всѣ ея контуры и рельефы однимъ изъ сверлъ, а всѣ остальныя сверла, соединенныя съ первымъ общей оправой, проходятъ тѣ же контуры по сырому матеріалу. Производство скульптурныхъ копій идетъ, такимъ образомъ, очень быстро и отличается тонкостью.

6.

Италіанскій полковникъ Корнора производилъ недавно опыты утилизаціи гремучаго газа для взрыва минъ. Идея эта не нова, но до сихъ поръ не была приведена въ исполненіе, потому что никому не удавалось придумать надлежащую для этого форму. Корнора достигъ, наконецъ, цѣли. Его патроны заключаютъ въ маломъ объемѣ большое количество газа, обладаютъ силою, въ тридцать разъ превышающею силу динамита, вполнѣ безопасны, не портятся отъ лежанія и очень портативны. Фабрикуются они слѣдующимъ образомъ: маленькая, но очень прочная стальная трубочка, наполненная водою, герметически запаивается крышкою, въ которую вставлены концы изолированныхъ платиновыхъ проволочекъ. По закупориваніи, черезъ эти проволочки проводится сильный гальваническій токъ, разлагающій воду на ея составныя части при высокомъ давленіи. Когда операція кончена, то получается патронъ, наполненный сильно сжатымъ гремучимъ газомъ. Для взрыва остается только произвести въ немъ электрическую искру. Такіе патроны тѣмъ еще хороши, что ихъ можно фабриковать на самомъ мѣстѣ производства минныхъ работъ, если только тамъ есть движущая сила для динамо-машины.

7.

До сихъ поръ, какъ извѣстно, мы не имѣли точнаго аппарата для измѣренія очень высокихъ температуръ, а въ настоящее время г. Дюфуръ предлагаетъ устроить настоящій термометръ, въ которомъ бы кварцъ игралъ роль стекла, а расплавленное олово—роль ртути. Олово плавится при 240° С., а кварцъ — выше 1000°. Отливъ, стало быть, изъ расплавленнаго кварца термометръ и наполнивъ его расплавленнымъ оловомъ, мы можемъ точно измѣрять температуры отъ 240° до 1000.

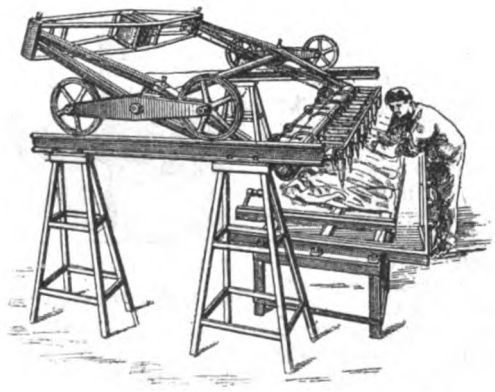


Рис. 6. Машина для скульптурныхъ работъ.

Digitized by Google

Баронъ де-Комо о Наполеонѣ I.

Недавно вышли «Воспоминанія войнъ съ Германіей во времена революціи и Имперіи» барона Себастьяна де-Комо-де-Шарри. Въ своей молодости де-Комо былъ близко знакомъ съ Наполеономъ; одновременно съ нимъ онъ былъ назначенъ лейтенантомъ артиллеріи и служилъ вмѣстѣ въ Безансонѣ, а затѣмъ въ Ліонѣ. Наполеонъ дружески относился къ нему и, когда де-Комо, роялистъ по убѣжденіямъ, рисковалъ попасть въ руки якобинцевъ, онъ помогъ ему благополучно скрыться. Послѣ этого они встрѣтились только черезъ 9 лѣтъ.

Де-Комо поступилъ въ армію Конде и мало-по-малу дослужился до чина капитана, между тѣмъ какъ его прежній другъ сталъ первымъ консуломъ Франціи. Въ это время и столкнула ихъ судьба. Курфюрстъ баварскій избралъ капитана де-Комо для секретной миссіи къ Талейрану, министру иностранныхъ дѣлъ. Таинственный документъ, который везъ де-Комо, оказался не чѣмъ инымъ, какъ предложеніемъ союза между Баваріей и Франціей. Вскорѣ послѣ этого, вслѣдъ за амнистіей эмигрантовъ, де-Комо получилъ возможность вернуться во Францію окончательно; но Наполеонъ предложилъ ему остаться на службѣ у баварскаго курфюрста до той поры, пока Баварія будетъ находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей.

Въ 1805 г. Наполеонъ, наступая на австрійцевъ, вызвалъ къ своему штабу барона де-Комо, подъ предлогомъ, что ему нуженъ офицеръ, владѣющій нѣмецкимъ языкомъ. Онъ встрѣтилъ де-Комо весьма привѣтливо и разговорился съ нимъ, какъ со старымъ сотоварищемъ. «Этотъ непобѣдимый полководецъ и императоръ,— разсказываетъ де-Комо въ своихъ воспоминаніяхъ,—держалъ себя со мной, точно какой-нибудь простой капитанъ; онъ выслушивалъ мои мнѣнія и предположенія съ удивительной внимательностью и ласковостью, то соглашаясь со мной, то дѣлая возраженія. Это настолько поражало меня, что казалось мнѣ какимъ-то сномъ.»

Съ арміей Наполеона де-Комо дошелъ до Вѣны. Передъ самымъ вступленіемъ въ столицу Австріи Наполеонъ въ бесѣдѣ съ де-Комо говорилъ, что удивляется упорству нѣмцевъ. «Мнѣ нуженъ только Рейнъ. Къ чему же они атакуютъ меня? Наполеонъ любитъ народъ; онъ великодушенъ; онъ ясно доказалъ въ Италіи, чего онъ хочетъ». Далѣе де-Комо участвовалъ въ побѣдоносномъ сраженіи при Аустерлицѣ и, постоянно находясь при Наполеонѣ, былъ всегда свидѣтелемъ смѣлыхъ и мѣткихъ его приказаній въ пылу битвы; многія изъ нихъ онъ и приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Послѣ этой кампаніи де-Комо въ чинѣ майора, въ виду предстоящей войны съ

Digitized by Google

Пруссіей, дѣятельно занялся подготовкой баварской арміи. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій онъ снова при главномъ штабѣ Наполеона. Ему императоръ поручаетъ, напримѣръ, взять крѣпость Плассембургъ которая препятствовала свободному проходу изъ Баваріи въ Саксонію. «Возьмите мнѣ ее, г. ученикъ Белидора,—сказалъ Наполеонъ шутливо. Займите ее вашей артиллеріей и обозомъ. А я вамъ дамъ то, что производитъ наиболѣе неотразимый эффектъ, такъ сказать, нервъ войны.» И Наполеонъ велѣлъ передать въ распоряженіе де-Комо 100 тыс. франковъ. Де-Комо съ двумя баварскими баталіонами въ два дня овладѣлъ этой крѣпостью, скорѣе хитростью, нежели силой. «Какъ вы могли сдѣлать такъ много въ такое короткое время?» спрашивалъ его потомъ Наполеонъ.—«Какъ евреи Іерихонъ звукомъ трубъ, государь», былъ отвѣтъ де-Комо.

Видя дружеское расположеніе къ себѣ Наполеона, де-Комо становился все смѣлѣе и смѣлѣе. Пользуясь случаемъ, онъ заговорилъ съ императоромъ о возстановленіи польскаго королевства. Но Наполеонъ встрѣтилъ его слова неодобрительно. «Они допустили свою страну до раздѣла,—сказалъ онъ,—это уже болѣе не нація, это—мертвое тѣло; и нужно сначала вернуть ему жизнь, а потомъ уже дѣлать для него что-нибудь. Я имъ дамъ солдатъ и офицеровъ, а потомъ посмотримъ... Во всемъ этомъ у меня одинъ только дѣйствительный врагъ—Англія; я долженъ считаться съ ея золотомъ и ея алчною политикой. Это купцы, которые подымаютъ войну для своихъ меркантильныхъ интересовъ.»

Де-Комо съ удивленіемъ слѣдилъ за успѣхами Наполеона, но онъ чувствовалъ, что въ этомъ постоянномъ стремленіи къ завоеваніямъ есть что-то роковое. И когда Наполеонъ заговорилъ съ нимъ, какъ съ любителемъ математики, и для иллюстраціи положенія: «минусъ на минусъ даетъ плюсъ,» привелъ какъ бы въ примѣръ: «Минусъ Германія, минусъ Австрія, минусъ Пруссія, минусъ Италія,—согласитесь (и онъ указалъ на самого себя), что я представляю великолѣпный плюсъ»,—де-Комо смѣло отвѣчалъ, что онъ, получивъ такой превосходный результатъ, предпочелъ бы остановиться и доставить себѣ удовольствіе просмотрѣть эти искусныя выкладки.

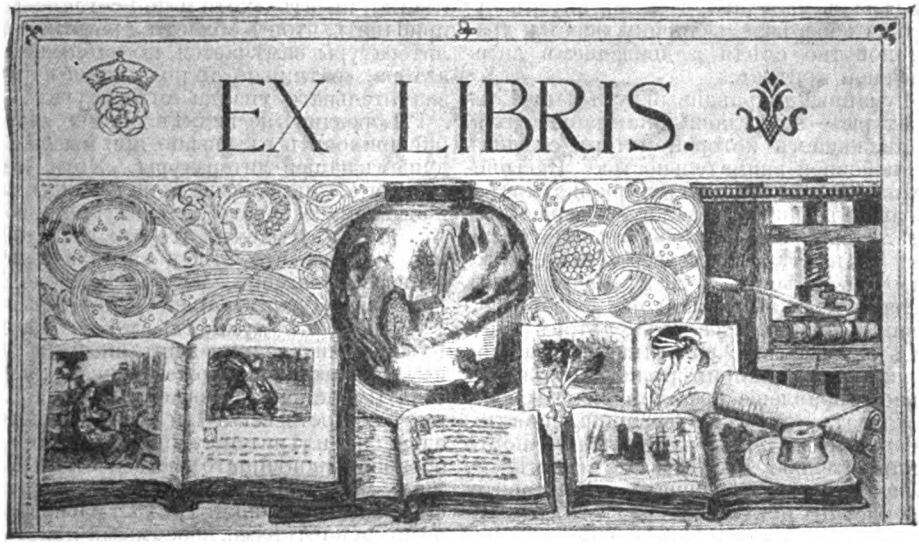
Это возраженіе не разсердило Наполеона; оно его навело на раздумье. «Нѣтъ, вы не остановились бы,—сказалъ онъ,—да и нельзя остановиться. Вѣдь вы знаете мою армію; это чудовище, которое пожретъ меня самого, если я ему не дамъ пищи.» Въ этихъ словахъ весь смыслъ завоевательной политики Наполеона: могущество имперіи и свое онъ построилъ и поддерживалъ на тріумфахъ своего оружія. Говорятъ, что Наполеонъ долженъ былъ остановиться послѣ побѣды при Ваграмѣ. И, правда, онъ долженъ былъ, но онъ не могъ; его армія требовала новыхъ побѣдъ; весь смыслъ существованія его маршаловъ, его многочисленныхъ войскъ заключался въ войнѣ; и въ то же время каждый моментъ перемирія грозилъ возникновеніемъ враждебныхъ коалицій, и нужно было не давать времени имъ крѣпнуть.

И Наполеонъ все шелъ впередъ и проводилъ часы надъ созданіемъ новыхъ плановъ. Де-Комо описываетъ, какъ онъ, лежа на громадной картѣ, отмѣчалъ различные пункты, втыкая булавки съ разноцвѣтными головками; и затѣмъ онъ вставалъ, окидывалъ взоромъ свои помѣтки, и тогда лицо его выражало непоколебимую твердость.

Черты характера Наполеона намъ знакомы; онъ былъ геніемъ воли, и сила его вліянія на другихъ была прямо изумительна. Де-Комо былъ постояннымъ свидѣлемъ проявленія этой могучей воли и онъ рисуетъ намъ въ яркихъ эпизодахъ Наполеона—«бога войны», всегда сильнаго, неустрашимаго, съ острымъ, пронизывающимъ взоромъ, который заставляетъ повиноваться, трепетать и покорно идти вслѣдъ.

Старинная мода воскресаетъ.

Digitized by Google



Сто лѣтъ литературнаго развитія. (Характеристика русской литературы XIX ст. А. К. Бороздина).

Конецъ вѣка. Пора сводить итоги. «Какъ мало прожито, какъ много пережито!» Столѣтіе—періодъ въ жизни народа не слишкомъ большой, а посчитайте-ка, сколько пришлось пережить Россіи за это время: двѣнадцатый годъ, декабристы, крымская кампанія, реформы шестидесятыхъ годовъ, война за освобожденіе славянъ, франко-русскій союзъ... А сколько народныхъ голодовокъ! Сколько перемѣнъ во внутренней политикѣ! Еще не успѣли смолкнуть привѣтствія Щедрина по адресу института урядниковъ, какъ возникъ новый многообѣщающій (или уже многообѣщавшій?) институтъ земскихъ начальниковъ. Конечно, можетъ быть, черезъ двѣсти-триста лѣтъ нашъ вѣкъ и дѣла его покажутся маленькими-маленькими, эпоха—блѣдною и малоинтересною, но для насъ, связанныхъ почти кровной связью со всѣмъ, что создано девятнадцатымъ вѣкомъ,—для насъ все это имѣетъ исключительное значеніе.

Но самое крупное достояніе нашего вѣка, безспорно, представляетъ изящная литература, въ короткое время выросшая, окрѣпнувшая и давшая пышный цвѣтъ. Русскій романъ давно приковалъ къ себѣ общеевропейское вниманіе: имена Достоевскаго и Л. Н. Толстого пользуются за границей не меньшимъ уваженіемъ и любовью, чѣмъ у насъ. Можно смѣло сказать, что для историка литературы нашъ вѣкъ даетъ несравненно больше матеріала (и при томъ какого богатаго матеріала!) для изслѣдованія, чѣмъ всѣ предшествующіе вѣка развитія русской мысли и русскаго слова, взятые вмѣстѣ.

Въ книжкѣ г. Бороздина представленъ общій обзоръ развитія нашей литературы за истекающее столѣтіе и данъ предварительный подсчетъ результатовъ этого развитія. Главное вниманіе авторъ обращаетъ на смѣну идей и направленій, прошедшихъ черезъ нашу литературу быстромелькающей чередой. Не признавая за XIX вѣкомъ полной законченности въ этомъ отношеніи (да такой законченности исторія не знаетъ ни въ какую эпоху), авторъ исходитъ изъ мысли о цѣльности впечатлѣнія, производимаго этимъ періодомъ, что даетъ право резюмировать работу столѣтія, образующую собою извѣстный циклъ развитія. Въ началѣ очерка сдѣланъ краткій обзоръ тѣхъ задачъ, которыя завѣщалъ нашему вѣку XVIII вѣкъ, «и которыя, можетъ быть, въ болѣе или менѣе ясныхъ очертаніяхъ представлялись нашимъ литературнымъ предкамъ.» Въ отношеніи плана авторъ устанавливаетъ положеніе, что данный періодъ «самъ собою распадается на приблизительно равныя части по четвертямъ вѣка, каждая изъ которыхъ имѣетъ свой особый,

Digitized by Google

отличительный характеръ»; затѣмъ въ предѣлахъ каждаго дѣленія авторъ отдѣльно обозрѣваетъ лирику, эпосъ и драму, попутно слѣдя за движеніемъ литературной критики.

«Гуманный и правдивый духъ нашей литературы»—вотъ главнѣйшая наша стихія, за движеніемъ которой авторъ слѣдитъ съ любовной внимательностью. Насыщеніе этимъ духомъ литературной атмосферы авторъ считаетъ залогомъ процвѣтанія литературы, и наоборотъ. Вотъ почему на послѣднюю четверть вѣка, которую онъ вмѣстѣ съ С. А. Венгеровымъ согласенъ назвать эпохой «разброда и исканія новыхъ идеаловъ», авторъ смотритъ не особенно радостными глазами. Въ лирической, напримѣръ, поэзіи крѣпнетъ новое направленіе, представляющее собою результатъ «этической безпринципности»; представители этого направленія «почти исключительно заботятся о формѣ, но отличаются отъ прежнихъ представителей чистаго искусства тѣмъ, что отстраняются отъ этическихъ тенденцій и даже, въ силу какого-то страннаго представленія о свободѣ своего творчества, отрицая связь между идеями добра и красоты, настаивая на какой-то автономности красоты, впадаютъ иногда въ цинизмъ.» Неутѣшительнаго мнѣнія г. Бороздинъ и о новѣйшей генераціи беллетристовъ: «О большинствѣ ихъ приходится сказать, что они пишутъ не потому, чтобы у нихъ была насущная потребность что-нибудь выразить, а просто потому, что они владѣютъ перомъ, т.-е. умѣютъ грамотно и гладко писать (хотя и не всегда)». Если прибавить, что въ области драматической литературы замѣчается, по наблюденіямъ автора, «затишье», то получится картина значительнаго упадка литературы.

Г. Бороздинъ не видитъ, однако, основаній приходить въ уныніе при мысли о будущемъ нашей литературы. «Хотя,—говоритъ онъ,—мы указывали на взгляды, такъ называемаго, новаго литературнаго поколѣнія, мы думаемъ, что это есть нѣчто преходящее, что этимъ взглядамъ, этой словесной накипи, не удастся одолѣть честныя преданія нашей литературы.»

И мы такъ думаемъ, что не удастся. Русскій читатель, воспитанный на чудныхъ образцахъ художественнаго творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго и Л. Н. Толстого, едва ли плѣнится уродливо-туманными образцами новѣйшаго декадентства и развѣ лишь мимолетно увлечется (да простится ему этотъ маленькій грѣхъ!) порнографическими картинами, вносимыми нѣкоторыми авторами въ свои произведенія съ цѣлью хоть сколько-нибудь оживить ихъ уныло-однообразное содержаніе и скрасить свою бездарность. Но чтобы эта мутная накипь напитала всѣ источники русскаго слова, бившіе доселѣ сильнымъ ключомъ свѣжей, здоровой воды?.. Нѣтъ, этого не можетъ быть: литературный вкусъ русскаго читателя слишкомъ хорошо воспитанъ, его не прельстятъ созданія, носящія въ себѣ запахъ разложенія.

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ IV

(ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1900 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

(Годъ четвертый.—Т. XIV-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

При 11-й (ноябрьской) книгѣ для иногороднихъ подписчиковъ прилагается бланкъ почтоваго перевода для подписки на 1901 годъ

Digitized by Google

1896

1897

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЯ ШВЕЦІИ И НОРВЕГІИ

и

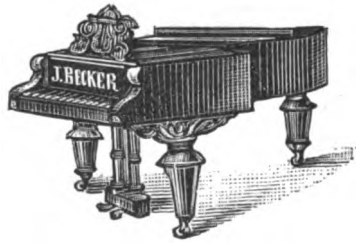
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЯ ДАТСКАГО

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ

Великаго Князя Владиміра Александровича, Великаго Князя Николая Николаевича, Великой Княгини Александры Іосифовны, Великаго Князя Константина Константиновича.

С.-Петербургъ, Казанская площ., уг. Невскаго пр., № 27—18.

РОЯЛИ И 

ПІАНИНО

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893	1894	1896
Чикаго	Антверпенъ	Н.-Новгородъ

1897
Стокгольмъ

Званіе поставщика его величества короля Швеціи и Норвегіи и высшая награда — «Золотая медаль».

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. IV. НОЯБРЬ 1900 г. № 11.

О ПОДПИСКѢ НА 1901 ГОДЪ.

Итоги 3½ лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ:

СТРАН.

I. Геба. Съ картины Фр. Авг. Каульбаха. 463

II. Плоды современной цивилизаціи. (II. Перерожденіе нравственныхъ понятій) С. К. Глинки-Янчевскаго. (Виньетка: «Зима». Съ акв. Марольда). 463

III. Чародѣйка. Монологъ Феба Гарта (съ 12 иллюстраціями) 472

IV. Французскіе поэтессы. Критическій этюдъ Е. М. Шершевской (съ 2 виньетк. и портретомъ Жанъ Бэртеруа) 479

V. Людекъ Марольдъ—Художникъ минуты (съ его портр. и 6 рисунками). Нестора. 490

VI. *** (Аснька). Стихотвореніе И. Гриневской. 499

СТРАН.

VII. О теоріи мозговыхъ локализацій. Д-ра О. А. Литинскаго (съ вин. и 2 иллюстр.) 500

VIII. Народное образованіе въ Китаѣ (съ 3 иллюстр.) 507

IX. Передъ грозой. (О Польшѣ 1863 г.). К. Е. Храневича 513

X. Живописное и красивое на Всемірной Парижской выставкѣ 1900 г. (IX. Достопримѣчательности выставки на Марсовомъ полѣ) (съ 8 илюстр.) 527

XI. XIX вѣкъ въ карикатурахъ. (VIII. Нѣмецкая карикатура 1852—1871 гг.—IX. Художественная карикатура нравовъ и юморъ Баваріи) (съ 32 иллюстрац.) 536

XII. Андромеда. Съ рис. Фантенъ Латура 558

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

22 статьи и замѣтки съ 26 иллюстр. (Подробное оглавленіе см. на стр. 560). . . 559

СЪ ОТДѢЛЬНОЙ НУМЕРАЦІЕЙ СТРАНИЦЪ.

О Китаѣ старое и новое. . . . . 49— 62

Новое жизнеописаніе Оливера Кромвеля. Историческая монографія Джона Морлея. Съ многочисленными иллюстраціями. (Съ англійскаго). . . . . 161—176

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Новые разсказы Бретъ-Гарта (Сокровище хвойныхъ травъ.—Сирена Маячнаго Мыса) . . . . . 1— 28

Философскіе романы Вольтера. Въ переводѣ А. Л. Соколовскаго. (Дитя природы). . . . . 161—184

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Атмосфера. Популярная метеорологія. Камилла Фламмаріона. Со множествомъ иллюстрацій. Въ переводѣ К. К. Толстого . . . . . 369—432

Франсуа Рабле. Пантагрюэль. Окончаніе третьей и начало четвертой книги: О героическихъ дѣяніяхъ и реченіяхъ добраго Пантагрюэля. Съ французскаго текста XVI вѣка переводъ А. Н. Энгельгардтъ. Съ иллюстраціями Доре. . . 97—144

Живопись прерафаэлитовъ за все время ея существованія (по Перье Бэтъ). Съ иллюстраціями . . . . . 33— 48

Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1900 г., по 31-е декабря 1900 г.) **4 р.**, съ доставкой и пересылкой **5 р.**, за границу **8 р.**; полугодовая **2 р. 50 к.**, съ доставкой и пересылкой **3 р.**, за границу **5 р.** За перемѣну адреса: иногородняго на иногородній **28 к.**, иногородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній **50 к.**

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9. (Пріемъ для личныхъ объясненій — по субботамъ отъ 1 до 2 ч. пополудни). **Телефонъ 2327.**

За доставку книгъ въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности.

Дозволено цензурою 27 октября 1900 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. И. Булгаковъ.**

Digitized by Google

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ

И

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

(60 лѣтъ художественной славы)

Рисунокъ крышки переплета.

Текстъ: Жизнь, дѣятельность и заслуга И. К. Айвазовскаго. **Иллюстраціи:** Портреты и болѣе **ста** избранныхъ картинъ И. К. Айвазовскаго съ **1840** г. по **1900** годъ, въ автотипіяхъ и фототипіяхъ.

(Большой томъ въ альбомномъ форматѣ in-4).

Цѣна 6 руб., съ пересылкой **6** руб. **50** коп.

Желающіе получить изданіе въ изящной панкѣ добавляютъ 50 к., а въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 50 к.

Для петербургскихъ подписчиковъ «Новаго Журнала Иностранной Литературы», адресующихся непосредственно въ редакцію его (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9), уступка 10% (съ 6 руб.), а для иногородныхъ—пересылка безплатно.

Адресоваться: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9. Ѳ. И. Булгакову.

Съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА

ЗНАМЕНИТЫЕ ХУДОЖНИКИ XIX ВѢКА.

(Избранныя произведенія съ подробными біографіями и характеристиками художниковъ, оставившихъ неизгладимый слѣдъ въ искусствѣ яркой индивидуальностью творчества, идейнымъ содержаніемъ и образцовымъ исполненіемъ).

Въ продажѣ имѣются въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ

роскошно иллюстрированныя монографіи:

АЛЬМА ТАДЕМА и его произведенія.
Л. КНАУСЪ и его произведенія.
МЕНЦЕЛЬ (сто иллюстрацій).
МЕЙСОНЬЕ (картины и рисунки).

Цѣна каждаго тома 3 руб. 50 коп., пересылка 50 коп.

Адресующіеся въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9) за пересылку не платятъ.

Digitized by Google

НОЯБРЬ.

Геба.

(Съ картины Фридриха Августа Каульбаха).

Digitized by Google

Зима.
(Съ акварели Марольда).

ПЛОДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

II [1]).

Перерожденіе нравственныхъ понятій.

Политика открытаго хищенія торжествуетъ. Правительство наиболѣе цивилизованной страны—Англіи стоитъ во главѣ хищническаго движенія, а народъ на весь міръ выказываетъ правительству свое сочувствіе. Громаднымъ большинствомъ избирателей вотируются имена лицъ, принадлежащихъ къ партіи хищенія... Очевидно, англичане не только не видятъ въ хищеніи ничего предосудительнаго, ничего безнравственнаго, но иной политики, какъ Чемберлэновская, они и не понимаютъ... Политика Чемберлэна именуется лойяльной!.. Ораторы партіи хищенія встрѣчаются громкими аплодисментами, имъ устраиваются шумныя оваціи, тогда какъ противники этой унизительной политики переносятъ вездѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сельскихъ округовъ, грубыя оскорбленія, выслушиваютъ брань и свистки...

Въ Германіи—странѣ величайшихъ мыслителей—раздаются возгласы кровавой мести по отношенію къ странѣ, возымѣвшей рѣшимость отстаивать свою національность и защищать свою экономическую независимость!.. А рядомъ съ тѣмъ въ той же Германіи проводится законъ Гейнце о поднятіи народной нравственности!.. Какова иронія! Вѣдь это служба двумъ богамъ...

Франція до виртуозности довела уменьшеніе дѣторожденій; приростъ населенія почти прекратился. Во Франціи всѣ нравственныя чувства и узы осмѣиваются. Это страна, гдѣ патріотизмъ измѣряется принадлежностью къ той или иной партіи, гдѣ всѣ идеи, поднятыя великой революціей, облеклись въ мертвыя формы, и гдѣ наиболѣе раздается зловѣщій крикъ: «Хлѣба и зрѣлищъ!» Это предвѣстникъ разложенія...

Куда дѣвалась чистоплотность англій-

[1]) См. «Новый Журн. Иностр. Лит.», № 10, Октябрь.

Digitized by Google

скихъ джентльменовъ? Почему исчезли ширина и спокойствіе міровоззрѣнія нѣмецкаго народа? Гдѣ схоронили французы свои нравственные идеалы?.. На всѣ эти вопросы отвѣта нужно искать въ современномъ экономическомъ строѣ.

Когда изгнаніе рабочаго труда возводится въ культъ; когда люди даютъ привилегіи за изобрѣтенія такихъ усовершенствованій, которыя направлены къ той же цѣли—лишить заработка сотни милліоновъ тружениковъ, и вслѣдствіе того правительства западной Европы вынуждены вести открыто политику хищенія,—то рождается другой вопросъ: возможно ли при такихъ условіяхъ говорить о нравственныхъ началахъ?..

Напрасно философы будутъ трудиться надъ отысканіемъ нравственныхъ началъ въ мірѣ отвлеченныхъ идей. Нравственныя начала черпаютъ свою силу въ экономическихъ условіяхъ, а отнюдь не наоборотъ. И пока экономическія условія будутъ развиваться въ томъ же направленіи, т. е. пока все производство будетъ стремиться къ замѣнѣ человѣка машиной, къ лишенію человѣка заработка,—напрасно будемъ удивляться, что цинизмъ ставится на пьедесталъ, и жрецовъ цинизма встрѣчаютъ кликами восторга и боготворенія.

Цивилизованные народы болѣе всего кичатся, что уничтожили рабство, но забываютъ, что не добрая воля двигала ими, а тотъ же расчетъ. Рабство возможно и выгодно для привилегированныхъ классовъ только въ странахъ малонаселенныхъ, гдѣ хватаетъ хлѣба и при самой примитивной обработкѣ земли. Когда же населеніе начинаетъ увеличиваться настолько, что требуется болѣе высокая культура, рабовладѣльческій трудъ, какъ наименѣе производительный, не достигаетъ уже цѣли. Въ сознаніе людей на почвѣ выгодъ начинаетъ проникать мысль объ освобожденіи рабовъ. Болѣе сильные умы быстрѣе схватываютъ эту мысль и провозглашаютъ принципъ свободы. Но, конечно, моментъ освобожденія наступаетъ лишь въ то время, когда сознаніе безцѣльности рабства дѣлается достояніемъ большинства. Болѣе близорукіе, конечно, упорствуютъ, но отстоять своихъ алчныхъ, хотя и недальновидныхъ поползновеній уже не въ силахъ. Рабство падаетъ. Но вовсе не вслѣдствіе того, что люди безкорыстно уразумѣли безчеловѣчность рабства, а вслѣдствіе того, что въ сознаніе ихъ проникла безцѣльность и вредъ его. Вспомните исторію освобожденія рабовъ въ разныхъ концахъ міра и вездѣ примѣтите одно и то же явленіе: рабство постепенно исчезаетъ, начиная со странъ наиболѣе населенныхъ.

Особенно характерно проявилось стремленіе къ уничтоженію рабства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Сѣверные штаты быстрѣе заселились, и тамъ сознаніе вреда рабовладѣнія сдѣлалось уже общимъ достояніемъ, когда южные штаты, съ меньшимъ населеніемъ, упорствовали еще и настаивали на рабствѣ. Пришлось пролить потоки крови, чтобы заставить южные штаты освободить рабовъ.

Такимъ образомъ одна изъ величайшихъ нравственныхъ идей зарождалась, росла и развивалась на почвѣ чисто экономическихъ условій. Даже ученіе Христа не могло смягчить сердца людей, не могло ихъ заставить отказаться отъ позорнѣйшаго порабощенія своихъ же братій, пока это было выгодно привилегированнымъ классамъ... А мы готовы кичиться прекращеніемъ рабства; ставимъ это въ заслугу цивилизаціи.

Мы приводимъ эти факты и соображенія отнюдь не для того, чтобы доказать невозможность поднятія нравственныхъ началъ въ такое время, когда открытый цинизмъ пріобрѣтаетъ явное господство,—Боже сохрани! Мы приводимъ эти простыя истины въ тѣхъ лишь соображеніяхъ, чтобы выяснить необходимость начинать работу съ начала, а не съ конца; чтобы выяснить необходимость дружныхъ совмѣстныхъ усилій къ измѣненію экономическихъ условій, ибо съ этого надо начинать борьбу противъ перерожденія нравственныхъ началъ и быстраго приближенія къ цинизму.

Однѣ и тѣ же причины вызываютъ всегда одни и тѣ же послѣдствія, почему мы и говоримъ: надо бороться не противъ послѣдствій, вызываемыхъ извѣстными причинами, а устранять эти причины. Всякіе иные пути мы считаемъ безцѣльными, и ратоборство во имя поднятія нравственныхъ началъ, пока дѣйствуютъ современныя экономическія условія; представляется намъ своего рода или лицемѣріемъ, или донъ-кихотствомъ—сраженіемъ съ вѣтряными мельницами.

Прослѣдимъ хотя вкратцѣ за вліяніемъ современныхъ экономическихъ условій на перерожденіе нравственныхъ началъ.

Digitized by Google

Когда народы занимались по преимуществу земледѣліемъ, семья всякаго земледѣльца составляла нѣчто цѣлое, сплоченное. Члены семьи сообща обрабатывали землю, сообща вели и свое хозяйство. Въ свободное отъ полевыхъ работъ время нѣкоторые изъ нихъ занимались извозомъ, другіе—кустарнымъ промысломъ. Единство цѣли связывало всѣхъ членовъ семьи. Авторитетъ старшаго члена, т. е. главы ея, признавался остальными. Всѣ понимали необходимость подчиняться и взаимно уважать другъ друга, иначе жизнь была бы немыслимой. А привычка жить совмѣстно и вмѣстѣ трудиться для достиженія общей цѣли развивала во всѣхъ членахъ любовь и дружбу. Если кто-либо изъ нихъ и долженъ былъ отлучаться изъ дома, то отлучки были кратковременны, и всякаго привычка тянула въ свою семью.

Какъ члены одной семьи, такъ и всѣ семьи одной деревни, одной общины или сельскаго общества находили общность матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ. Извозомъ и кустарнымъ промысломъ занимались цѣлыми деревнями. Сообща всѣ и дѣла свои рѣшали, вмѣстѣ въ праздники въ церковь ходили и свободное время вмѣстѣ проводили. Привязанность къ родному дому, къ деревнѣ, къ землѣ жила и развивалась въ каждомъ человѣкѣ. Въ каждомъ изъ нихъ жило и сознаніе, что достиженіе извѣстнаго матеріальнаго благополучія возможно только совмѣстнымъ трудомъ и общими усиліями. Трудъ пользовался почетомъ и общимъ уваженіемъ. Трудъ считался величайшей добродѣтелью.

Конечно, и въ этотъ періодъ жизни человѣчества пороки и преступленія были извѣстны; но люди порочные составляли рѣдкое исключеніе; нравственныя же начала если когда-либо и нарушались, то, во всякомъ случаѣ, эти начала не осуждались и не осмѣивались.

Были также и проявленія зависти и злобы, но для зависти и злобы не было реальной почвы, ибо люди одной среды если и выдвигались, если и достигали относительнаго богатства или высокаго положенія, то въ большинствѣ случаевъ—или необыкновеннымъ трудолюбіемъ, или необычайно сильнымъ умомъ.

Привилегированные классы жили особой жизнью; они усвоили себѣ всевозможныя растлѣвающія начала, но обособленность ихъ препятствовала распространенію растлѣнія во всемъ народѣ. Творимая же ими неправда способствовала еще большему сплоченію всѣхъ прочихъ классовъ и содѣйствовала общему подъему нравственныхъ силъ.

По мѣрѣ же изобрѣтенія машинъ кустарное производство постепенно вытѣсняется и замѣняется фабричной и заводской промышленностью. Постройка желѣзныхъ дорогъ отнимаетъ у населенія и заработки извоза. А между тѣмъ населеніе увеличивается, земля при самой тщательной обработкѣ не въ состояніи уже прокормить многочисленныхъ членовъ семьи, а заработковъ на мѣстѣ становится все менѣе. Постепенно все большее и большее число людей должно покидать деревню и искать заработковъ вдали отъ родительскаго дома, вдали отъ своей земли. Связь съ семьей и землей постепенно подрывается.

Каждый успѣхъ машиннаго производства ведетъ къ большей централизаціи промышленности. Какъ сначала мелкіе заводы и фабрики вытѣсняли кустарей, такъ теперь крупные заводы, примѣняющіе наиболѣе сильныя машины, вытѣсняютъ мелкіе заводы, которые не въ состояніи держаться и конкурировать съ болѣе совершенными. Это, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что отыскивать заработки приходится на болѣе далекомъ разстояніи. Переѣзды удорожаются, возвращеніе домой становится все труднѣе, и мы видимъ, что во всей западной Европѣ значительная часть населенія окончательно уже порвала всякую связь съ землей и превратилась въ тотъ пролетаріатъ, который живетъ изо дня въ день, ничѣмъ не обезпеченный, вѣчно нуждающійся, вѣчно голодающій.

Присмотритесь къ условіямъ жизни и къ обстановкѣ этой меньшей братіи и сличите ихъ съ бытовыми условіями земледѣльческой страны.

Прежде путемъ брака число членовъ семьи, а слѣдовательно и рабочихъ рукъ увеличивалось. Рабочій членъ семьи увеличивалъ ея силу, ея производительность. Бракъ былъ насущною потребностью. Каждый ребенокъ считался благословеніемъ Божіимъ.

Къ чему же ведетъ бракъ при нынѣшнихъ условіяхъ? Каждый родившійся ребенокъ увеличитъ со временемъ число пролетаріевъ, ищущихъ заработка. Пока ребенокъ слабъ, онъ требуетъ ухода и заботъ. А

Digitized by Google

что онъ дастъ семьѣ, когда достигнетъ извѣстныхъ лѣтъ? Увеличитъ конкуренцію такимъ же несчастнымъ, какъ и онъ самъ; быть можетъ, явится даже конкурентомъ своему брату, своему отцу. Ясно—о совмѣстной работѣ, объ общности интересовъ и рѣчи быть не можетъ. Члены одной и той же семьи работаютъ на разныхъ фабрикахъ, а то и въ разныхъ городахъ, иногда не видятся по много лѣтъ или разстаются навѣки. Авторитетъ главы семьи, взаимная родственная любовь, взаимное уваженіе—все это теперь пустые, безсодержательные звуки. Самый бракъ и дѣторожденіе являются излишними. Это уже не благословеніе Господне, а бѣдствіе. Семейныя узы разрушены, а гдѣ нѣтъ семьи—тамъ странно говорить о нравственныхъ началахъ: вѣдь они вырабатываются именно въ семьѣ, они всасываются съ молокомъ матери, а не въ книжкахъ черпаются. Нравственность передается примѣромъ окружающей среды. А когда отецъ и мать, переносяся всякія лишенія или вѣчно вымещая другъ на другѣ свое нищенство, находятъ утоленіе горя въ опьяненіи, сопровождаемомъ буйствомъ и безчинствами, то воспитательное значеніе семьи совершенно исчезаетъ. Ребенокъ подростая видитъ отсутствіе любви и уваженія и только озлобленіе. Откуда въ немъ могутъ развиться нравственныя начала?....

Человѣкъ такъ созданъ, что всегда ищетъ объясненія и оправданія своимъ поступкамъ. Бракъ, семья теперь его связываютъ — онъ вводитъ безбрачіе въ принципъ. Онъ издѣвается, осмѣиваетъ бракъ, какъ предразсудокъ... Мы теряемъ родственную связь—и находимъ, что родственныя чувства—безсмысленныя сантиментальныя требованія: любить же нужно не отца, не мать, не сына или брата, но всякаго человѣка, все человѣчество. Конечно, этого «всякаго» мы тоже не любимъ и любить не можемъ, но вводимъ это въ принципъ, чтобы оправдать свою черствость, чтобы имѣть основаніе никого не любить.

Мы не въ силахъ убить въ себѣ влеченія къ женщинѣ и охотно поддаемся плотской страсти; но, поддаваясь ей, мы объясняемъ это физіологическою потребностью, но не считаемъ себя обязанными вступить въ бракъ, ибо брачный союзъ налагаетъ заботы о воспитаніи дѣтей. Мы и тутъ оправдываемъ себя и отыскиваемъ принципы. Мы плодимъ незаконныхъ дѣтей и говоримъ, что призрѣніе и воспитаніе ихъ лежитъ на обязанности общества. Общество и строитъ воспитательные дома и призрѣваетъ брошенныхъ или подкидываемыхъ малютокъ, но воспитать ихъ, привить имъ нравственныя качества—это дѣло не подъ силу всему обществу; въ этомъ дѣлѣ нужно индивидуальное участіе родителей, нужна согрѣвающая сила любви.

Слѣдующая ступень растлѣнія, до котораго доходятъ уже французы, идущіе впереди другихъ народовъ по пути созиданія мертвыхъ, бездушныхъ принциповъ, — это вытравленіе плода. Франція такъ изощрилась въ этомъ искусствѣ, что приращеніе населенія въ ней почти прекратилось. Беременность женщины, пользовавшаяся когда-то почетомъ, нынѣ считается постыднымъ или карикатурнымъ явленіемъ, и законодатели модъ ухитряются создать костюмы, скрывающіе беременное положеніе.

Что же осталось дѣлать женщинамъ? Бракъ—предразсудокъ, но связь съ мужчинами фактически существуетъ и не можетъ не быть. Дѣти если не вытравляются, то рождаются. О нихъ нужно заботиться, а мужчины стремятся сложить съ себя всякую заботу—вѣдь дѣти не законныя.

Волей-неволей женщинамъ, въ которыхъ сильнѣе еще живетъ материнское чувство любви, пришлось броситься на мужскіе заработки. Женщины вынуждены искать возможности существованія и своего собственнаго, и дѣтей своихъ. Явился вопросъ о равноправности; явился даже самостоятельный «женскій вопросъ». Но вникните въ сущность этого «вопроса»—и увидите, что рѣчь идетъ о борьбѣ за существованіе. При безбрачіи женщины должны сами добывать себѣ кусокъ хлѣба. Но, предлагая свой трудъ на общемъ рынкѣ, тамъ, гдѣ и мужчинамъ жутко приходится, женщины понижаютъ цѣну труда и играютъ прямо въ руку тому же капиталистическому строю, т. е. ухудшенію тѣхъ же экономическихъ условій. Разумѣется, женщинъ винить не приходится, какъ нельзя винить и мужчинъ. Какъ тѣ, такъ и другіе пожинаютъ плоды современной цивилизаціи—всеобщаго хищенія, гдѣ у человѣка похищено основное его право—право труда. Нѣтъ этого права — нѣтъ и семьи. Нѣтъ семьи—нѣтъ основной связующей силы людей, и, какъ послѣдствіе такого положенія, женщина является конкурентомъ мужчины;

Digitized by Google

и вмѣстѣ они, не замѣчая того, какъ будто ратуя изъ-за равноправности, по существу усугубляютъ свою безвыходность и служатъ обогащенію немногихъ на счетъ массъ народа.

Безбрачіе вызываетъ еще одно позорнѣйшее явленіе — быстро развивающуюся проституцію со всѣми ужасами ея: съ открытымъ развратомъ, разгуломъ, притворнымъ веселіемъ, съ порабощеніемъ несчастныхъ проститутокъ содержательницами домовъ терпимости. И чѣмъ цивилизованнѣе страна, то-есть чѣмъ безчеловѣчнѣе свершается похищеніе права труда, тѣмъ шире распространяется проституція. Женщины, не находя ни поддержки мужчинъ, ни заработковъ, достающихся только немногимъ, да и то слишкомъ тяжелой цѣной, бросаются на скользкій путь разврата. Мужчины же, не находя никакихъ нравственныхъ интересовъ дома, ищутъ развлеченій внѣ его и, конечно, быстро пресыщаются. Имъ нужны все болѣе и болѣе сильныя ощущенія, чтобы находить удовольствіе внѣ семьи. Всѣми овладѣваетъ скука и хандра. Всѣ бросаются на всякую новинку, на всякую пѣвицу, которая является въ болѣе легкомъ костюмѣ или принимаетъ болѣе пластичныя, возбуждающія позы.

Таковъ удѣлъ городского пролетаріата, въ ряды котораго вступаютъ какъ низшіе, такъ и интеллигентные классы. Даже жители деревень, которые находятъ еще примѣненіе труда къ землѣ и гдѣ наиболѣе хранятся еще нравственныя начала,—и тѣ постепенно заражаются городскимъ развратомъ, благодаря временнымъ отлучкамъ многихъ сельчанъ на фабричные или торговые заработки. Съ быстрымъ ростомъ городовъ и упадкомъ деревень усиливается и развратъ въ деревняхъ. Воззрѣнія городскихъ жителей берутъ верхъ.

Какъ же отражается эта система хищенія, разрушающая семью, на обществѣ цивилизованныхъ странъ? Общество не въ силахъ противостоять теченію, являющемуся прямымъ послѣдствіемъ экономическихъ условій. Но въ немъ сохраняется еще память объ извѣстныхъ началахъ, и интеллигентные члены общества повторяютъ ихъ отчасти какъ заученныя истины, отчасти желая вызвать въ другихъ состраданіе. Многіе разсчитываютъ, что, проповѣдуя мораль, они тѣмъ самымъ заставятъ общество отнестись сочувственно ко всѣмъ нуждающимся, а, слѣдовательно, и къ ихъ собственному тяжелому положенію. Но, разумѣется, это праздныя мечты. Всѣ члены общества и каждый порознь безсильны предпринять что-либо существенное, ибо никто не рѣшается взглянуть на дѣло съ открытыми глазами. Всѣ считаютъ современную цивилизацію чѣмъ-то непреложнымъ; никто не отваживается сказать, что она-то и скрываетъ въ себѣ зародышъ разложенія. Подавляющее же большинство, испытывая гнетъ цивилизаціи, кичится еще ею и гордится за все человѣчество, которое достигло 100-верстной скорости желѣзныхъ дорогъ, электрическаго освѣщенія, телефоновъ и главное... стальныхъ пушекъ, выбрасывающихъ снаряды въ десятки пудовъ, начиненныхъ лидитомъ!.. Подумаешь, какое благо! И мы убѣждены, что ради такого блага стоитъ приносить въ жертву обезпеченность сотенъ милліоновъ людей! Ради такого блага стоитъ разрушить узы семьи, узы дружбы и любви! Ради такого блага стоитъ попирать всѣ нравственныя начала!....

Что бы мы ни говорили, но съ фактами необходимо считаться. Современная цивилизація, создающая колоссальныя состоянія немногимъ избранникамъ и полную необезпеченность всѣхъ народовъ, признается благомъ, и, слѣдовательно, намъ остается не устранять зла, ибо оно неустранимо, какъ непосредственно вытекающее изъ признанной современной цивилизаціи, а стараться смягчать его насколько это возможно. Если же и это невозможно, то, по крайней мѣрѣ, наружно замазывать рѣзкія проявленія зла. Въ этомъ случаѣ общество дѣйствуетъ, какъ всѣ поверхностные доктора, которые залечиваютъ язвы худосочныхъ людей, не замѣчая самого худосочія — источника язвъ.

Такимъ залечиваніемъ общественныхъ язвъ занимаются всевозможныя благотворительныя общества. И, что замѣчательно, чѣмъ сильнѣе развита система хищенія, то есть, чѣмъ глубже корень зла, тѣмъ шире практикуется система залечиванія, тѣмъ цвѣтистѣедѣятельность благотворительныхъ обществъ. Нигдѣ такъ народъ не бѣдствуетъ и не гибнетъ отъ голода, какъ въ Англіи, и нигдѣ благотворительность не достигла такого развитія, какъ въ той же Англіи.

Несомнѣнно, если исключить тѣхъ дамъ-благотворительницъ, а также и благотворителей, которые рисуются своимъ благотворе-

Digitized by Google

ніемъ или принимаютъ дѣятельное участіе въ обществахъ ради составленія себѣ и поддержанія связей,—всѣ остальные члены благотворительныхъ обществъ сердечно относятся къ дѣлу помощи бѣднымъ. Но вѣдь помогаютъ они той нищетѣ, которая болѣе всего у нихъ на глазахъ, которая служитъ болѣе нагляднымъ укоромъ совѣсти, и, во всякомъ случаѣ, это—микроскопическая помощь общей нуждѣ и притомъ палліативная, такъ какъ не предотвращаетъ источника нужды, а временно облегчаетъ ее.

Въ Западной Европѣ система благотворенія достигла громаднаго развитія. Какихъ только тамъ нѣтъ обществъ! Существуютъ общества призрѣнія дѣтей и оказанія помощи родильницамъ; существуютъ общества покровительства нуждающимся въ работѣ, освобожденія дѣвушекъ изъ домовъ терпимости, оказанія поддержки престарѣлымъ, неспособнымъ къ труду, выдачи вспомоществованій временно нуждающимся и пр. и пр. Но какъ всякое залечиваніе язвъ вводитъ больного временно въ самообманъ и ему кажется, что онъ поправляется, такъ и благотворительныя общества успокаиваютъ и усыпляютъ совѣсть страны, не замѣчающей быстраго усиленія болѣзни всего организма, т.-е. того нравственнаго перерожденія, которое ведетъ къ полному разложенію.

Внутренняя сила всякаго государства зиждется не на штыкахъ и не на пушкахъ, а на нравственныхъ началахъ. Если же нравственная связь исчезаетъ между членами семьи и затѣмъ между членами общества, то неминуемо эта связь исчезаетъ и между гражданами всего государства. Исторія же указываетъ, какія бываютъ послѣдствія такого положенія. Гдѣ нѣтъ связующаго нравственнаго цемента,—государство разрушается внутри и падаетъ отъ малѣйшаго внѣшняго толчка.

Присматриваясь къ жизни и дѣятельности Западной Европы, мы повсюду видимъ, что правительства опираются на ту же разлагающую капиталистическую силу, а пролетаріатъ, нуждающійся постоянно въ заработкахъ, ублажаютъ разными палліативными мѣрами. Англія выходитъ изъ затрудненія, ведя открыто политику хищенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Народъ инстинктивно понимаетъ, что безъ такого хищенія ему нѣтъ житья, и вся Англія, за исключеніемъ сельскихъ обществъ, рукоплещетъ тому правительству, которое энергичнѣе и смѣлѣе занимается внѣшнимъ грабежомъ и захватомъ чужихъ владѣній. Но развѣ это та связь, которая составляетъ силу государства? Первая серіозная неудача—и Англіи придется пережить самыя тяжкія послѣдствія. Послѣднее дѣло—когда весь патріотизмъ сводится къ сочувствію политикѣ хищенія, а сама хищническая политика должна осуществляться при помощи наемныхъ войскъ! Пока Англіи удаются всѣ захваты, а Европа страшится призрачной силы и омываетъ руки—поддерживается связь между правительствомъ и народомъ. Но подобная связь слишкомъ хрупкая и недолговѣчная. Подобная связь существовала и въ древнемъ Кареагенѣ и въ средневѣковой Испаніи. Какая участь постигла эти государства, такую же участь уготовляетъ себѣ и Англія своей современной политикой хищенія.

На этотъ же путь вступаетъ и Германія. Но въ Германіи сильны еще нравственныя узы, въ ней сильны патріотическія традиціи, сильна привязанность къ землѣ, къ родному языку, къ царствующей династіи. Но, разумѣется, когда сверху будутъ раздаваться призывы къ мести и осязательнѣе станетъ, къ чему ведетъ политика подстрекательства южно-африканскихъ республикъ и захватовъ въ разныхъ частяхъ свѣта,—нѣмцы тоже будутъ рукоплескать, ибо всякое хищеніе ведетъ къ обогащенію, но нравственныя узы будутъ расшатываться. Становясь сильнѣе во внѣшнемъ отношеніи, Германія будетъ слабѣть внутри.

Франція испытываетъ уже отчасти послѣдствія порванныхъ нравственныхъ узъ. Страна управляется на тѣхъ же капиталистическихъ началахъ, но всякое правительство безсильно предпринять что-либо серіозное даже въ смыслѣ хищенія. Это безсиліе лишаетъ Францію возможности пріобрѣтать вооруженной рукой новые рынки. Но чтобы не уменьшать количества заработковъ и обуздывать недовольство пролетаріата, Франція постоянно озабочена возведеніемъ грандіозныхъ сооруженій и періодически устраиваетъ всемірныя выставки. Француженки же развиваютъ въ себѣ способность вытравлять плодъ и не быть матерями.

Устройство всемірныхъ выставокъ, несомнѣнно, симпатичнѣе вооруженныхъ захватовъ, но едва ли французы раздѣляютъ

Digitized by Google

эти симпатіи. Выставки—это періодическія дозы морфія, которыя могутъ временно увеличить заработки и оказать временное облегченіе сбыту перепроизводства, но не въ состояніи обезпечить его. При остановившемся ростѣ населенія французы мирятся съ выставками: выставка доставляетъ народу хотя временно «хлѣбъ и зрѣлище», но, несомнѣнно, вся Франція рукоплескала бы всякому тому правительству, которое смогло бы расширить колоніи и открыть новые рынки. Франція при современномъ капиталистическомъ строѣ не менѣе Германіи нуждается въ политикѣ хищенія, но во Франціи слишкомъ расшатаны всѣ нравственные устои, правительство ея слишкомъ слабо и, сознавая свое безсиліе, не осмѣливается вести активной политики. Партійный раздоръ сковываетъ дѣятельность любого министерства.

Итакъ современная цивилизація разрушила все наше внутреннее единеніе. А что же она дала намъ взамѣнъ? Какіе идеалы выдвинула эта цивилизація? Человѣка лишила обезпеченнаго труда или превратила его въ автоматическую часть машины. Современная цивилизація возвела въ принципъ безбрачіе, осмѣяла семейныя отношенія, наглумилась надъ всякимъ чувствомъ любви, считая его глупой и пошлой сантиментальностью, развила проституцію со всѣмъ ея разгуломъ и даже издѣвается надъ чувствомъ патріотизма. Современные цивилизованные люди считаютъ своимъ отечествомъ то мѣсто, гдѣ они могутъ развернуть съ выгодою для себя весь капиталъ, гдѣ этотъ капиталъ пользуется бо́льшимъ покровительствомъ, гдѣ ради торжества капитализма охотнѣе приносится въ жертву привязанность къ родинѣ, къ родному языку или религіи, гдѣ совмѣстное хищеніе и грабежъ признаются политической мудростью.

Безспорно, современная цивилизація предоставила человѣку возможность пользоваться большимъ комфортомъ. Мы можемъ сидѣть на болѣе мягкихъ пружинахъ; можемъ переноситься на громадныя разстоянія въ кратчайшее время; можемъ одѣваться въ болѣе изящныя матеріи, освѣщать свои жилища электрическимъ свѣтомъ, говорить по телефону и пр. Но можно ли оспаривать, что всѣми этими благами суждено пользоваться немногимъ избраннымъ, а громадное большинство обречено на прозябаніе, превращаясь въ полуживотныхъ рабочихъ фабрикъ или подземныхъ шахтъ, а во время войнъ—въ пушечное мясо.

Поставимъ теперь вопросъ: возможно ли при такой развинченности всего общественнаго строя развитіе художественной литературы? Въ произведеніяхъ наиболѣе сильныхъ писателей мы находили всегда свѣточи нравственныхъ идеаловъ или борьбу какихъ-либо сильныхъ чувствъ. Но какіе же идеалы можетъ выставить современная литература или гдѣ она возьметъ сюжеты для драматическихъ произведеній? Гдѣ эти сильныя чувства, которыя могли бы бороться въ человѣкѣ? Любовь къ дѣтямъ—пошлость, мѣщанство. Любовь къ родинѣ—откуда ей взяться!—Всѣ фабрики похожи другъ на друга; вездѣ тѣ же порядки; вездѣ человѣкъ—автоматъ; вездѣ онъ живетъ въ проголодь изо дня въ день. Гдѣ эта родина? На мансардахъ или въ бель-этажѣ?

Религіозность—кому же она теперь нужна? Она идетъ въ разрѣзъ съ современными требованіями. Чего достигли религіозные бури въ борьбѣ съ цивилизованнѣйшимъ народомъ, исповѣдующимъ формально христіанскую вѣру? Если вѣра и нужна, то ради того, чтобы подъ предлогомъ распространенія ея открыть доступъ своимъ товарамъ. Нынѣ миссіонеръ—синонимъ комиссіонера.

Языкъ!.. Но какое же значеніе языка? Не все ли равно—работать на фабрикѣ, гдѣ хозяинъ говоритъ по-англійски или по-нѣмецки! Кто исправнѣе и дороже платитъ—того языкъ понятнѣе и симпатичнѣе.

Преданность династіи... Это—совсѣмъ уже непонятное чувство цивилизованному европейцу. Онъ знаетъ, что нынѣ король «царствуетъ, но не управляетъ», и, значитъ, такому европейцу все равно—какая въ странѣ династія, да ему безразлично—и есть ли она или ея вовсе нѣтъ.

При такомъ направленіи цивилизаціи странно и требовать отъ писателей сильныхъ типовъ или высокихъ идеаловъ. И даже такіе таланты, какъ Зола, изыскиваютъ для своихъ произведеній темы: или отрицательнаго свойства, какъ, напримѣръ, разоблаченіе въ «Лурдѣ» религіозныхъ суевѣрій; или, доводя высшее чувство любви до цинизма, какъ, напримѣръ, въ «Римѣ», гдѣ молодая дѣвушка раздѣвается и ложится рядомъ съ трупомъ возлюбленнаго, чтобы насладиться хоть послѣ смерти его

Digitized by Google

прикосновеніемъ тѣла къ тѣлу; или развивая нѣжное чувство кровожаднаго машиниста къ своей машинѣ въ «Человѣкѣ-звѣрѣ».

Несомнѣнно талантливый писатель, какую бы ни развивалъ мысль, увлекаетъ читателя,—въ этомъ его сила. Но что же онъ оставляетъ на душѣ послѣ прочтенія? Пустоту, неудовлетворенное чувство. Произведенія даже такихъ писателей, какъ Зола, не согрѣваютъ, не возвышаютъ васъ. Въ крайнемъ случаѣ они вызываютъ чувство омерзѣнія къ той же цивилизаціи, которая обращаетъ людей въ полуживотныхъ и заставляетъ ихъ работать въ подземельяхъ, чтобы зажиточнымъ классамъ бархатъ и шелкъ обходились дешевле, или чтобы сталелитейные заводы съ большей выгодой отливали чудовищныя пушки и такіе же снаряды къ нимъ...

Но въ людяхъ живетъ потребность въ свѣточахъ нравственности, и какъ бы мы ни старались заглушить въ себѣ всѣ человѣческія чувства и, главное, совѣсть,—она по временамъ пробуждается и требуетъ пищи. И чѣмъ труднѣе достается эта духовная пища, тѣмъ съ большей жадностью мы на нее набрасываемся.

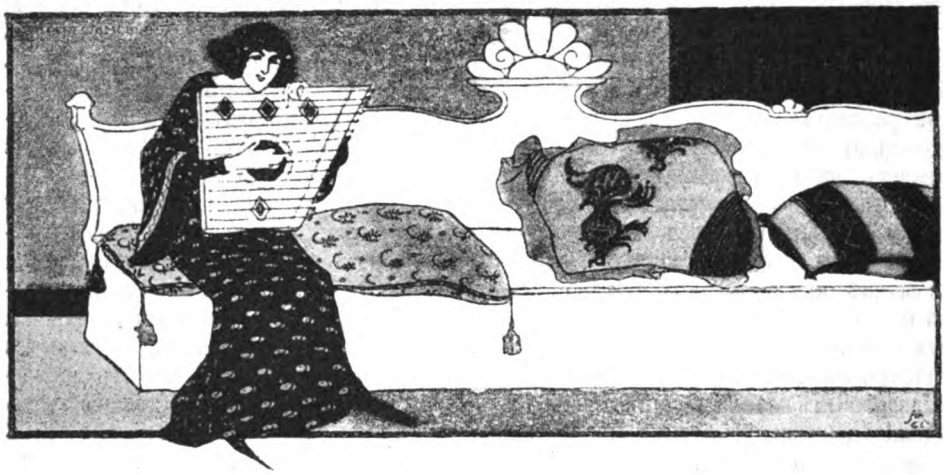
Вотъ почему, когда появляются произведенія такого мірового художника, какъ гр. Л. Н. Толстой,—они переводятся на всѣ языки и во всѣхъ концахъ міра ими зачитываются всѣ тѣ, въ комъ не угасла еще искра Божія. Сила Толстого въ томъ и заключается, что онъ не пресмыкается предъ современной цивилизаціей и не прикрывается ложью. Въ его устахъ лицемѣріе остается лицемѣріемъ, ханжество—ханжествомъ. Онъ выдвигаетъ людей съ тѣми чувствами, которыя даны намъ отъ природы. Онъ не осмѣиваетъ ихъ, а ярко выдвигаетъ облагороженныя чувства и заставляетъ насъ переживать ихъ вмѣстѣ съ его героями. Толстой снисходителенъ къ слабостямъ людскимъ, но въ то же время ведетъ людей къ идеалу добра,—добра чистаго, а не фарисейскаго. Онъ проповѣдуетъ любовь къ ближнему, но ему не чужда любовь и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, болѣе доступная человѣку,—любовь къ женѣ, любовь къ дѣтямъ, любовь къ родинѣ... Толстой не смѣшаетъ современной матеріалистической связи людей, выражающейся въ разныхъ синдикатахъ капиталистовъ или въ стачкахъ рабочихъ, съ тою нравственной связью, которая двигаетъ людьми и заставляетъ ихъ жертвовать жизнью и своимъ достояніемъ во имя защиты дорогихъ имъ братій или родины. Короче говоря, Толстой приближаетъ насъ къ природѣ, къ идеалу добра.

Но Толстые могутъ еще нарождаться у насъ, въ Россіи, гдѣ цивилизація не разрушила окончательно связи нашей съ землей и съ семьей. Тамъ же, гдѣ громадное большинство подаетъ свои голоса за разбойничью политику; гдѣ молодыя лэди состязаются въ охотѣ на буровъ, гдѣ чувство патріотизма другого народа признается преступленіемъ, требующимъ кровавой мести,—тамъ Толстые появляться не могутъ. Народы, требующіе обезглавленія или разстрѣливанія многихъ тысячъ людей, хотя бы даже и ошибочно понимающихъ чувство патріотизма, безъ сомнѣнія, рано или поздно вразумятся, но, конечно, не изученіемъ Толстого,—они его и не поймутъ,—а силой непредотвратимыхъ обстоятельствъ, которыя явятся внутри или извнѣ. Политика хищенія, политика насилія неминуемо вызоветъ такое же насиліе. Возмездіе явится, и явится въ то время, когда его наименѣе ожидаютъ. Политика хищенія и грабежа всегда приводила къ гибели хищниковъ. Исключеній исторія не дѣлаетъ.

«Къ чему же, однако, вы ведете рѣчь?»—спроситъ меня читатель. Единственно къ тому, чтобы показать безцѣльность борьбы противъ перерожденія нравственныхъ началъ, доколѣ въ сознаніе общества не проникнетъ убѣжденіе, что успѣхъ цивилизаціи заключается не въ удешевленіи бархата или стальныхъ пушекъ, не въ замѣнѣ человѣка машиной, а въ обезпеченности труда всего народа. По природѣ своей русскій народъ слишкомъ скроменъ, никогда не положится въ дѣлѣ развитія на свои силы, и потому, довѣряя наружному блеску и величію Европы, мы охотно заимствуемъ отъ Запада законодательство, судоустройство, всѣ институты, даже нравственныя ученія. Не дѣлаемъ ли мы грубой ошибки, заимствуя тѣ основы, которыя, несомнѣнно, способствуютъ призрачному счастію, разрушая величайшее благо—нравственную связь?

С. Глинка-Янчевскій.

Digitized by Google



Чародѣйка.

ЧАРОДѢЙКА.

Монологъ.

Феба Гарта.

(Съ англійскаго).

— Взгляните, пожалуйста, на меня! Надѣюсь, что вамъ это не трудно?... (Пауза). Благодарю васъ!

Большинство женщинъ желаетъ, чтобы на нихъ смотрѣли, но врядъ ли онѣ выражаютъ это желаніе въ томъ видѣ, въ какомъ это сдѣлала я. И мнѣ слѣдуетъ прежде всего объяснить, почему я заявила такую просьбу, а для этого надо разсказать цѣлую исторію.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ я вышла замужъ за Десмонда Морланда. Я встрѣтилась съ нимъ на Ривьерѣ, тамъ же полюбила его, тамъ же вышла за него замужъ и тамъ же мы были упоительно счастливы. Одно только мнѣ было досадно, — онъ не хотѣлъ писать своей семьѣ о нашемъ бракѣ: говорилъ, что отецъ его боленъ, сестры нервны, а бабушка стара, на что я возразила, что большинство бабушекъ бываютъ стары,— говорилъ, что всѣ они не желали, чтобы онъ женился, а потому онъ хотѣлъ сперва обвѣнчаться, а потомъ, когда мы поѣдемъ въ Англію, представитъ имъ меня. Онъ не помѣстилъ даже объявленія о нашей свадьбѣ въ англійскихъ газетахъ; не довѣряй я ему такъ всецѣло, такая таинственность возбудила бы во мнѣ подозрѣнія. Но я не была смущена, потому что сознавала, что сама безупречна, а его и тѣмъ болѣе никто не могъ упрекнуть ни въ чемъ,—я, по крайней мѣрѣ, не находила въ немъ никакихъ недостатковъ, развѣ только, что онъ былъ нѣсколько излишне степененъ, серіозенъ и чуть-чуть печаленъ.

Однажды, вскорѣ послѣ нашей свадьбы, я попросила его разсказать мнѣ все, потому что была увѣрена, что тутъ что-то кроется, а разъ есть о чемъ разсказать, то мнѣ пріятно это знать. Его двоюродная сестра лэди Гескетъ, которая была при этомъ, воскликнула:

— Десмондъ, совѣтую тебѣ не говорить!

Я подскочила и, въ свою очередь, воскликнула:

— Десмондъ, совѣтую тебѣ все разсказать!

Digitized by Google

Онъ, конечно, послушался моего совѣта, и тутъ я должна признаться, что, находя себя безупречной, я положительно была поражена. Но приведу его собственныя слова.

«Милая Жюли,—началъ онъ,—я уже нѣсколько разъ говорилъ тебѣ, что въ былое время Морланды были очень плохими людьми, затѣмъ два или три поколѣнія, устыдившись поведенія своихъ предковъ, стали очень хорошими людьми. Мы, позднѣйшіе Морланды, представители протеста противъ разврата, преступленій и всякаго зла, крайне положительны, холодны, строги и необщительны. Ты смѣялась, когда я говорилъ тебѣ, что, съ точки зрѣнія Морландовъ, кузина Франциска и я считаемся легкомысленными, игривыми и непосѣдами. Моя семья, за исключеніемъ меня, болѣе Морланды, чѣмъ всѣ Морланды вмѣстѣ взятые. Они ненавидятъ все, что не изъ Англіи, почти что не выѣзжаютъ изъ Морландъ-гауза, который находится въ захолустьѣ, и, смотря на нихъ, можно подумать, что вся жизнь соткана изъ скуки и печали. Если бы я имъ сообщилъ о своемъ намѣреніи жениться на тебѣ, они бы настояли на томъ, чтобы прежде познакомиться съ тобою; и тогда вышли бы непріятности, потому что они стали бы меня умолять не жениться на тебѣ. Ну! ну! ну! Не возмущайся! Видишь ли, — ты на половину француженка и, кромѣ того, ты была вдовою; ты, конечно, аристократическаго происхожденія и замужемъ была за аристократомъ, но все же ты была вдовою, а они не одобряютъ вдовъ, выходящихъ второй разъ замужъ; они считаютъ это ужаснымъ. Затѣмъ ты очень богата, какъ и они, но очень расточительна, чего нельзя сказать про нихъ. Наконецъ, помимо всего этого, твоя наружность говоритъ противъ тебя. Ну вотъ! Я такъ и зналъ, что ты подскочишь! Но, Боже мой, что же дѣлать, когда это такъ! Ты слишкомъ красива, слишкомъ обворожительна, слишкомъ хорошо одѣваешься, и, смотря на тебя, можно подумать, что вся жизнь твоя состоитъ изъ веселья и довольства. Ты совершенно особенная женщина и оттого-то, моя радость, я и полюбилъ тебя, но по этому самому они тебя не взлюбятъ.»

— Костюмъ былъ плѣнительный, и я походила въ немъ на картину.

— Взгляните на меня, пожалуйста!

Съ этими словами онъ ущипнулъ меня за щеку, а когда мужъ ущипнетъ жену за щеку, это значитъ, что разговоръ конченъ, какія бы она ни приготовила возраженія.

Digitized by Google

— Я, было, гнѣвно сверкнула на него глазами.

— Мой гнѣвный взглядъ мигомъ превратился въ божественную улыбку.

Но, по правдѣ сказать, я была не въ силахъ возражать: мысль о томъ, что моя наружность говоритъ противъ меня, лишила меня дара слова. Противъ меня?!.. Она всегда говорила въ мою пользу, всегда! Моя наружность говоритъ противъ меня?!.. Вотъ почему я попросила васъ взглянуть на меня. Надѣюсь, что вамъ это было не трудно? Очень вамъ благодарна!

Я, конечно, не могла этого такъ оставить. Я чувствовала себя въ положеніи человѣка, вызваннаго на бой, и тотчасъ же составила планъ. Я попросила Франциску уступить мнѣ на мѣсяцъ свой домъ, который находился по близости Морландъ-гауза, и своихъ слугъ. Я намѣрена была отправиться туда съ одной горничной и поселиться тамъ подъ своимъ прежнимъ именемъ: мадамъ Д'Арвиньи, вдова. Я попросила Франциску написать Морландамъ, что я ея пріятельница, не упоминая о томъ, что я знакома съ Десмондомъ, и попросить ихъ, въ виду моего одиночества, навѣщать меня и оказывать мнѣ всяческое вниманіе. Я намѣрена была поступить вполнѣ честно и въ продолженіе этого мѣсяца, не разыгрывая никакой роли, быть самой собой,—только самой собой. По истеченіи же этого мѣсяца Десмондъ долженъ былъ пріѣхать за мною, и тогда я ему докажу, что они не только ничего не имѣютъ противъ нашего брака, а, напротивъ, въ восторгѣ отъ него.

Мужъ и его кузина одобрили мой планъ, но предупредили меня, чтобы я не ожидала успѣха. Меня это, однако же, не остановило, и я отправилась въ Англію.

Я чуть не пришла въ отчаяніе съ самаго начала. Прежде всего климатъ навелъ на меня уныніе. Былъ конецъ февраля, и Англія, послѣ залитаго солнцемъ юга, произвела на меня впечатлѣніе комнаты со спущенными шторами. Домъ лэди Гескетъ былъ прелестный, но Морландъ-гаузъ, бывшій прежде замкомъ, поразилъ меня своимъ видомъ, похожимъ на образцовую тюрьму: дворецкій походилъ на тюремщика, а остальные слуги—на благонравныхъ узниковъ. Мрачность повсюду,—тоску нагоняющая мрачность. Бабушка, отецъ и сестры Десмонда сдѣлали мнѣ визитъ, который я имъ отдала. Я знала, что Десмондъ питаетъ признательныя чувства къ своимъ близкимъ родственникамъ, я же была признательна тѣмъ близкимъ родственникамъ, которыхъ у него не было,

Digitized by Google

потому что рѣшительно не знаю, что бы я стала дѣлать, если бы ихъ оказалось больше. Я не сумѣю сказать, отъ котораго изъ визитовъ я болѣе окоченѣла: отъ ихъ визита ко мнѣ или отъ моего къ нимъ; они оба были ледяные,— да и не мудрено! Сестры оказались каменными Десмондами, отецъ мраморнымъ Десмондомъ, а бабушка (тоже урожденная Морландъ) была не мягче брилліанта. Я чувствовала, что они смотрятъ на меня какъ на вѣчно порхающую бабочку съ черезчуръ широкими крыльями. На мое счастіе, второй ихъ визитъ болѣе обнадежилъ меня.

Я пѣла однажды одинъ изъ романсовъ Гуно и только тогда, когда окончила пѣть, увидѣла, что они были въ комнатѣ. Я стала извиняться, на что они отвѣтили, что мое пѣніе имъ очень понравилось, что музыка очень мелодична и что я пѣла великолѣпно. Послѣ этого мы заговорили о французскихъ романсахъ и французской литературѣ, т.-е. говорила я, а они, слушая меня, оттаивали и оживали. Послѣ музыки и литературы мы стали обсуждать манеры и обычаи французовъ, при чемъ бабушка вздохнула; она постоянно вздыхала, точно у нея подъ мантильею были спрятаны раздувальные мѣхи; она вздохнула и сказала, что въ былое время одна лэди Морландъ убѣжала съ французскимъ графомъ, который такъ дурно обращался съ нею, что она сошла съ ума и, вернувшись домой, убила мужа и дѣтей своихъ. Изъ этого разсказа я узнала причину такого стойкаго предразсудка Морландовъ противъ всякаго чужеземца. Впрочемъ, бабушка была начинена подобнаго рода веселыми повѣствованіями изъ своей семейной хроники. Въ этотъ вечеръ я разсѣяла мрачныя тѣни смѣшными разсказами о французахъ, ихъ манерахъ и обычаяхъ,—и они смѣялись, — да еще какъ смѣялись, точно забыли, что ихъ жребій—быть печальными. Они заставили меня еще спѣть, и когда собрались, наконецъ, домой, то были поражены, что оказалось уже такъ поздно. Въ слѣдующій вечеръ я отправилась къ нимъ обѣдать и надѣла новое платье, только-что полученное изъ Парижа. Костюмъ былъ плѣнительный, и я въ немъ походила на картину. Сначала онъ ихъ поразилъ, а затѣмъ прельстилъ. За обѣдомъ я была крайне оживлена и блистательна; я сознавала свою силу и видѣла, какъ она дѣйствуетъ на

— Мнѣ удалось завоевать ихъ сердца, какъ я думала, какъ я знала, что это удастся мнѣ.

— Что пользы обладать веселой, жизнерадостной натурой, если не способствуешь тому, чтобы и другіе были веселы и жизнерадостны?

Digitized by Google

нихъ; это забавляло и подстрекало меня. Я сдержала данное себѣ слово: была сама собою — только сама собою; зато они, находясь со мною, были сами не свои. Когда я собралась уѣзжать, они опять не повѣрили, что такъ поздно. М-ръ Морландъ, подсаживая меня въ карету, наступилъ на мою кружевную оборку и такъ изодралъ ее, точно она попала въ молотилку. Я, было, гнѣвно сверкнула на него глазами. О вы, мужчины!.. Вы причиняете намъ истинную сердечную боль, когда рвете намъ нарядъ, особенно кружева; разорвать кружево—это почти непростительно. Но бѣдное созданіе такъ мучительно страдало отъ своей неловкости, что мой гнѣвный взглядъ мигомъ превратился въ божественную улыбку, и я сказала, что это ничего не значитъ... какъ мы всегда это дѣлаемъ.

Въ слѣдующій вечеръ, къ удивленію моему, пріѣхали ко мнѣ дѣвицы Морландъ, возбужденныя и дрожащія; онѣ несли ящикъ, изъ котораго вынули трэнъ,—нѣтъ, вообразите себѣ,—цѣлый трэнъ изъ восхитительныхъ старыхъ кружевъ, такихъ кружевъ, какихъ я не видывала, а я таки много ихъ

— Ну, а теперь какъ мнѣ ему доказать, что я была права?

— Это я излечила ихъ отъ припадковъ угрюмаго настроенія.

видала на своемъ вѣку. Онѣ сказали, что кружева эти принадлежатъ имъ и что онѣ просятъ меня ихъ принять, иначе отецъ ихъ будетъ сильно опечаленъ. Я отвѣтила, что не могу принять такой чудной вещи, которая должна быть наслѣдственною собственностью. На это онѣ возразили, что сами никогда бы не надѣли этихъ кружевъ и что онѣ только берегли ихъ для жены Десмонда, если бы онъ рѣшился когда-нибудь жениться. Я засмѣялась и сказала: «О! въ такомъ случаѣ я могу ихъ взять.» Вся шутка осталась для меня одной, съ придачею еще кружевъ. Послѣ этого онѣ попросили меня не считать ихъ за чужихъ, пріѣзжать какъ можно чаще въ Морландъ-гаузъ и дать имъ возможность проводить возможно больше времени со мною, такъ какъ они обѣщали Францискѣ Гескетъ, что я не буду въ одиночествѣ.

Милыя, глупыя созданія! Онѣ не видѣли того, что я видѣла. Онѣ думали, что такъ ласковы со мною, потому что желаютъ угодить кузинѣ; но это происходило вовсе не потому, а потому, что онѣ почувствовали

Digitized by Google

— Я дрожала... почти плакала.

влеченіе ко мнѣ. Мнѣ удалось завоевать ихъ сердца, какъ я думала (торжествующе), какъ я знала, что мнѣ это удастся!

Послѣ этого я давала имъ возможность пользоваться моимъ обществомъ, насколько онѣ этого желали, и мы всегда были всѣ вмѣстѣ. И, странное дѣло,—я постепенно перестала заботиться о томъ, понравится ли имъ, что я жена Десмонда или нѣтъ; мною овладѣло болѣе глубокое чувство: я стала ихъ жалѣть, мнѣ захотѣлось быть имъ полезной, я желала уничтожить ихъ наслѣдственную мрачность и уныніе. Что пользы—обладать веселымъ, жизнерадостнымъ нравомъ, если не способствуешь тому, чтобы и другіе были веселы и жизнерадостны? Я смѣялась и болтала съ ними, я одѣвалась для нихъ, по всему дому раздавалась моя музыка; я дразнила и задобривала ихъ какъ ребенокъ, а они журили и ласкали меня какъ ребенка. Настало время, когда они во что бы то ни стало захотѣли, чтобы я поселилась въ Морландъ-гаузѣ. Тогда я еще ближе стала къ нимъ, потому что увидѣла тѣ страданія, которымъ подвержены люди, одержимые меланхоліей: они всегда находили меня возлѣ себя, когда ихъ мучилъ страхъ одиночества, страхъ темноты, страхъ отвратительныхъ мрачныхъ видѣній, которыя по временамъ одолѣвали ихъ. Это я излечила ихъ отъ припадковъ того угрюмаго настроенія, когда они не могли выносить присутствія посторонняго человѣка. Морландъ-гаузъ не сталъ болѣе казаться тюрьмой, и даже собаки лаяли отъ восторга при видѣ меня.

Мѣсяцъ такимъ образомъ быстро пролетѣлъ. Подъ конецъ его они получили отъ Десмонда письмо съ извѣщеніемъ, что онъ въ скоромъ времени пріѣдетъ ихъ навѣстить. Онъ не назначалъ имъ дня своего пріѣзда, меня же онъ увѣдомилъ о немъ съ такою точностью, что я могла высчитать минуту, въ которую онъ прибудетъ.

Ну, а теперь какъ мнѣ ему доказать, что я доказала справедливость того, чѣмъ я хвастала? Они, правда, обожали меня; но они могли меня обожать и вмѣстѣ съ тѣмъ не желать, чтобы я носила ихъ имя и стала членомъ ихъ семьи.

Я рѣшила, что мой послѣдній шагъ будетъ смѣлый шагъ. Я приказала уложить свои сундуки и всѣ объ этомъ узнали. Тогда я вошла въ большую гостиную и, накиды-

— Не забывайте же меня, никто изъ васъ!

Digitized by Google

вая рѣшительнымъ движеніемъ на себя плащъ, сказала:

«Я уѣзжаю, прощайте!»

На меня посыпались вопросы: что это значитъ? почему я уѣзжаю? почему я не хочу дождаться Десмонда?

«Зачѣмъ мнѣ его ждать?»—спросила я и при этомъ услыхала, какъ онъ подъѣхалъ къ дому. Они ничего не слыхали, потому что были заняты мною; но я прислушивалась къ его приближающимся шагамъ и услыхала, что онъ, наконецъ, остановился за дверью, которую я оставила пріотворенною.

«Да, я пришла проститься съ вами!»—повторила я. Я дрожала... я почти плакала... потому что вдругъ я перестала думать о томъ, что доказываю Десмонду, и только жаждала доказать себѣ, что я не лишусь истинныхъ, честныхъ друзей, которыхъ пріобрѣла здѣсь.

«Прощайте!—сказала я еще разъ.—Думайте иногда обо мнѣ, говорите иногда обо мнѣ. «En amitié, comme en amour, un peu d'orage vaut cent fois mieux que l'oubli.» Пишите мнѣ, журите меня, браните меня, только не забывайте! Не забывайте меня, никто изъ васъ!»

Они сказали, что не отпустятъ меня, что я должна навсегда остаться съ ними, что я для нихъ необходима, что они такъ полюбили меня!

«Нѣтъ, нѣтъ,—возразила я,—я уѣду! Возвращается вашъ Десмондъ. Представьте себѣ, что я и его очарую такъ же, какъ очаровала васъ; представьте себѣ, что онъ захочетъ жениться на мнѣ и я выйду за него замужъ. Подумайте только объ этомъ. Такая ли я женщина, какую бы вы желали своему Десмонду въ жены?»

Они всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: «Да!», а м-ръ Морландъ взялъ меня за руку и произнесъ:

«Повѣрьте мнѣ, что для меня было бы высшимъ наслажденіемъ имѣть честь назвать васъ своею дочерью.»

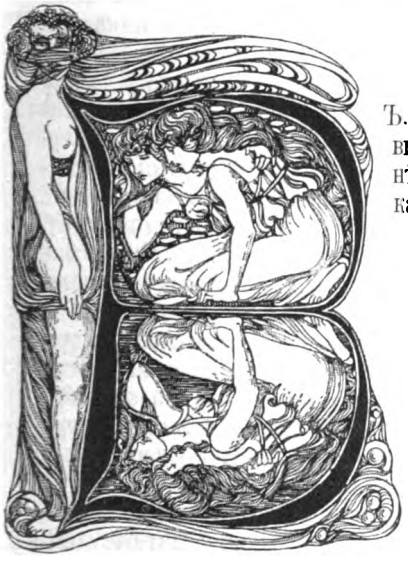
Тутъ, само собою разумѣется, вошелъ Десмондъ; я бросилась въ его объятія, и мы зажили счастливо навсегда.

— Такая ли я женщина, какую бы вы желали въ жены своему Десмонду?

Digitized by Google

ФРАНЦУЗСКІЯ ПОЭТЕССЫ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ **Е. М. Шершевской.**



Въ появлявшихся ранѣе очеркахъ[1]) сдѣлана попытка охарактеризовать какъ общій духъ, такъ и личныя особенности нѣмецкихъ поэтессъ; цѣль даннаго очерка—провести параллельную характеристику поэтессъ французскихъ. Этихъ послѣднихъ, впрочемъ, въ данное время такъ мало, что это даже поражаетъ рядомъ съ плодовитостью нѣмокъ. И, къ сожалѣнію, къ француженкамъ не примѣнимо при этомъ утѣшительное изреченіе: non multum, sed multa. То немногое, что ими въ послѣднее время написано, не можетъ сравниться по колоритности, нѣжности или оригинальности съ такими выдающимися поэтессами, какъ Энгельгардтъ, Альмази или Яничекъ. Единственнымъ крупнымъ исключеніемъ является Луиза Аккерманнъ, но, во-первыхъ она писала еще въ 60-е годы, а во-вторыхъ на ней глубоко отразилось нѣмецкое вліяніе.

I.

Насколько скудны наши свѣдѣнія о первыхъ нѣмецкихъ поэтессахъ, настолько обильны, когда дѣло касается французскихъ. Вотъ почему здѣсь достаточно вкратцѣ обозначить развитіе женской поэзіи во Франціи, пользуясь для этого работами Jaquinet, Le Roux de Lincy и Feugère.

Женщины-поэты появляются во Франціи не ранѣе XIII вѣка, но имена эти еще очень рѣдки, и кромѣ двухъ—Christine de Pisan и Marie de France—ничѣмъ не выдаются. Имя послѣдней связано съ ея поэтическими легендами и свѣжо переданными баснями. На югѣ поэтессы появляются ранѣе, а именно съ XII вѣка. «Среди стихотвореній провансальскихъ трубадуровъ есть пьесы десятка женщинъ, почти всѣхъ со второй половины XII вѣка. Многія были знатныя и благородныя дамы, какъ, напримѣръ, la comtesse de Provence, de Die, Claire d'Anduze и др. Что же касается сюжета и формы, то стихотворенія этихъ дамъ ничѣмъ не разнятся отъ стихотвореній трубадуровъ, но при этомъ они отличаются съ перваго

---

[1]) См. №№ 7, 10, 11, 12 за 1898 г. «Новаго Журнала Иностр. Лит.» и №№ 9, 10, 11 и 12 за 1899 г.

Digitized by Google

взгляда. Въ нихъ чувствуется, несмотря на болѣе слабый и небрежный слогъ, нѣчто болѣе искреннее, живое и страстное» (Fauriel).

Только въ XVI вѣкѣ женская поэзія входитъ въ полную силу, и тогда (въ противоположность нѣмкамъ) становится достояніемъ не однѣхъ аристократокъ, а и буржуазіи, хотя аристократическія имена не перестаютъ встрѣчаться на ряду съ буржуазными. Еще изъ Средней исторіи извѣстно, что жена Карла VI, знаменитая своими похожденіями Изабелла Баварская, писала стихи; то же знаемъ и о первой женѣ Людовика XI, Маргаритѣ Шотландской. Но особенно покровительствовали литературѣ династіи Валуа и Бурбоновъ. Сестра Франциска I, Маргарита Наваррская, была очень извѣстна какъ поэтесса и авторъ очень вольныхъ новеллъ, въ которыхъ вполнѣ отразился духъ той эпохи французскаго Возрожденія. Но насколько «свободны» ея новеллы, настолько добродѣтельны ея стихи. Они сплошь или религіознаго настроенія,—а потому, конечно, однотонны и безцвѣтны,—или наполнены утонченными и наивно-отвлеченными разсужденіями о любви, какъ то было тогда въ модѣ. Интереснѣе тѣ стихотворенія, гдѣ звучитъ болѣе личная нотка, и таково особенно стихотвореніе «Prière pour le roi prisonnier», написанное по поводу плѣна Франциска I Карломъ V. Маргарита страстно любила брата, и когда узнала о его плѣнѣ, то, не взирая ни на какія трудности, отправилась къ нему въ Испанію и оставалась при немъ, ободряя и утѣшая его и въ то же время усердно хлопоча о его освобожденіи. Въ своемъ наивномъ и написанномъ еще старымъ слогомъ стихотвореніи она, однако, сумѣла отразить все свое горячее чувство. Переводъ безсиленъ передать этотъ наивный языкъ, съ его типичными оборотами. Приводимъ лишь нѣсколько строкъ, куріоза ради:

«Вы, Богъ боговъ, премудрый и благой,
Одинъ Господь всесильный и добрѣйшій,
Явите намъ всю благость въ срокъ скорѣйшій:
О, Боже мой, спасите короля!
Достойны мы за наши прегрѣшенья
Тяжелыхъ каръ и страшнаго мученья,
Пускай же нынѣ бьетъ возмездья часъ.
Но этотъ разъ мы просимъ не за насъ:
Господь, примите грѣшниковъ моленья:
О, Боже мой, спасите короля!»

Жанна д'Альбрэ, мать Генриха IV, занималась поэзіей, при чемъ сохранилось преданіе, что она напѣвала одну изъ своихъ пѣсенокъ въ самый моментъ рожденія Генриха, который и унаслѣдовалъ отъ нея свою жизнерадостность и свой веселый, открытый нравъ. Его жена, тоже Маргарита Наваррская, также писала стихи, хотя прославилась больше своими любовными похожденіями, чѣмъ стихами, и оставила цѣлый журналъ своихъ воспоминаній, не внушающихъ, однако, безграничнаго довѣрія!

Рядомъ съ этими коронованными поэтессами выступаетъ и зажиточная буржуазія. Ліонъ прежде всего выдѣлился какъ центръ женской поэзіи, на что много вліяла и его близость къ Италіи, и самой извѣстной его поэтессой является Луиза Лабэ, дочь канатнаго фабриканта и жена тоже канатнаго мастера, за что ее и прозвали «La belle cordière». Она была очень образована, знала классическіе языки, при этомъ была очень привлекательна; все это вмѣстѣ съ ея «Сонетами и элегіями» далеко разнесло ея славу. Она была вполнѣ поэтомъ Возрожденія: религіозные мотивы у нея почти отсутствуютъ, любовные же, напротивъ, такъ жизненны, что подавали не разъ поводъ заподозрѣть ея супружескую вѣрность; затѣмъ она часто грѣшитъ искусственностью, придуманностью антитезъ и, наконецъ, вовсе не скрываетъ своего высокаго о себѣ мнѣнія. Но у нея, несомнѣнно, есть много страсти, искупающей ея подчасъ утомительную изысканность. Таково, напримѣръ, ея страстное обращеніе къ милому, когда она описываетъ ему, какъ многіе знатные люди добиваются ея милостей, для нея устраиваются игры и турниры, и все же—

«И всежъ я этимъ всѣмъ такъ мало занимаюсь,
Что ихъ благодарить я даже не стараюсь;
Въ тебѣ, въ тебѣ одномъ мое добро и зло;
Съ тобой—царица я, а безъ тебя—ничто.»

Среди многихъ другихъ именъ интересно отмѣтить еще Marie de Romieu, Nicole Estienne, Modeste Dupuis, всѣхъ, писавшихъ въ защиту женщинъ, поднимавшихъ уже тогда пресловутый «женскій вопросъ». Это уже нѣчто совсѣмъ новое, чего не встрѣчалось у нѣмокъ. Marie de Romieu въ своемъ «Разсужденіи о превосходствѣ женщины» требуетъ призна-

Digitized by Google

нія не только ея добродѣтелей, но и ума, дѣловитости, энергіи. По ея мнѣнію, всѣ женскіе проступки суть лишь результаты мужской лести. Это было то подготовительное теченіе, которое создало въ блестящемъ XVII в. преобладаніе женщины съ помощью ума, а не другихъ болѣе нѣжныхъ или хрупкихъ качествъ, что имѣло такое большое вліяніе на французское общество и культуру. Провинція не отставала отъ Парижа; каждый большой городъ гордился своими поэтессами, какъ, напримѣръ, Пуатье своими dames des Roches (мать и дочь), создавшими даже нѣчто въ родѣ литературнаго салона (чѣмъ сталъ впослѣдствіи Hôtel de Rambouillet). Насколько сильно было это движеніе въ XVI в., настолько мало поэтессъ далъ XVII вѣкъ. Это кажется страннымъ, когда знаешь, какъ широко распространилось тогда на женщинъ литературное вѣяніе; но если вспомнить, какое громадное значеніе пріобрѣлъ тогда же bel esprit, умѣнье изящно и остроумно болтать, порхая съ предмета на предметъ,—значеніе, которое дошло почти до аномаліи въ XVIII вѣкѣ («La femme au XVIII s.» Goncourt), то не покажется загадочнымъ это исчезновеніе поэтической струи изъ женскаго творчества. Игривые пустяки, милая болтовня даются, конечно, легче стиховъ и гораздо болѣе отвѣчаютъ женскимъ склонностямъ; не даромъ одинъ изъ ихъ историковъ высказываетъ мнѣніе, что женщины слишкомъ любятъ многословіе, чтобы охотно вкладывать свою мысль въ такую ограниченную и размѣренную форму, какъ стихи! Конечно, и въ XVII и XVIII вѣкахъ есть исключенія, такъ—въ XVII в. madame des Houlières, которую Сентъ-Бёвъ называетъ поэтомъ переходной эпохи между XVII и XVIII вѣками, ибо хотя стихотворенія ея еще страдаютъ слащавостью и сантиментальностью, они не лишены при этомъ и реальной подкладки. Подъ ея барашками и розами сквозитъ иногда серіозная мысль, а иногда прямо весьма прозаическій расчетъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстномъ стихотвореніи «A mes enfants», гдѣ подъ необычайнымъ «пастушествомъ» кроется просто просьба королю о денежной помощи. Ея слогъ часто тяжелъ и запутанъ, но въ «Pensées diverses» есть удачныя мысли, оттѣняющія высказанное уже соображеніе о природной способности французскаго ума къ игрѣ съ афоризмами, что выходитъ у нѣмокъ такъ тяжеловѣсно и дѣланно. Вотъ два-три примѣра изъ Des Houlières. Говоря о бренности красоты, она заключаетъ:

«Но такъ недолго обладанье ею;
А безъ нея такъ долго надо жить!»

Здѣсь сказалась не только француженка, но вообще женщина.

Вотъ примѣръ типичной красивой, но вполнѣ безсодержательной фразы (чѣмъ такъ часто грѣшатъ французы):

«Зачѣмъ бояться смерти дуновенья?
О, жалкій трусъ, взгляни ты на ея чело
И вспомни, что хоть страшно смерти оскорбленье,
Зато послѣднее оно.»

Или:

«Здѣсь никто не бываетъ доволенъ судьбою,
Иль своимъ недоволенъ умомъ».

Въ заключеніе—самый эффектный и наименѣе утрированный афоризмъ:

«Не пробуй, человѣкъ, свой разумъ восхвалять:
Учися понимать, какъ жалокъ и ничтоженъ
Тотъ даръ, что надо всѣмъ привыкъ ты возвышать.
Онъ въ юности твоей такъ шатокъ, слабъ и ложенъ;
Инстинктовъ жалкій рабъ, безсиленъ онъ и нѣмъ
Въ блестящіе года пировъ и наслажденья;
Когда же зрѣлыхъ лѣтъ приходитъ отрезвленье,
Онъ лишь несетъ съ собой печаль и сожалѣнье,
А къ старости его теряешь ты совсѣмъ.»

XVIII-й вѣкъ не богаче, но его поэтесса несравненно талантливѣе и самобытнѣе; это — Madame Dufrénoy, про которую даже Беранже пѣлъ:

«Свѣти, моя лампа, свѣти еще долго,
Пока я читаю стихи Dufrénoy.»

Ея элегіи хотя и написаны капризнымъ, неровнымъ стихомъ, однако полны такой живой всепоглощающей страсти, которая сама говоритъ за себя. Это не больная любовь Кристенъ, не мощная чувственность Путткаммеръ, не эллинское наслажденіе счастіемъ Энгельгардтъ,—нѣтъ, онѣ всѣ какъ-то объективируютъ свою любовь; ихъ порывы, несомнѣнно, искренни, но слишкомъ отчетливо переданы, чтобы не понять, что они вылились изъ ума, что они — не непосредственный крикъ тѣла. Если у нихъ и есть такой яркій примѣръ чувственности,

Digitized by Google

какъ Путткаммеръ, то онъ и выразился какъ-то особенно пластично: женщины не видно. Dufrénoy же, напротивъ, разительный примѣръ французскаго пониманія любви женщиной. Она вовсе не чувственна, т.-е. не даетъ себѣ въ этомъ отчета, но эта окраска проходитъ черезъ каждое ея стихотвореніе, звучитъ въ каждой жалобѣ. Здѣсь видно, какъ узко-специфично понимаетъ любовь даже самая добродѣтельная француженка. Несомнѣнно, что и нѣмки не безплотны, что онѣ страдаютъ ровно такъ же и въ томъ же, но даже для нихъ самихъ ихъ чувство является уже облеченнымъ въ извѣстную форму, то наивную, то страстную, то идейную. Француженка же пишетъ такъ, какъ чувствуетъ, а чувствуетъ она прямо физіологически; это звучитъ грубо, но примѣры выяснятъ:

«Нѣтъ, мой другъ, не пытайся увѣрить меня,
Что тревожное чувство порывы, смущенье,
Что такъ часто теперь насъ волнуютъ, маня,
Только дружбы одной проявленья.
Ея радостямъ чуждъ лихорадочный жаръ,
Безкорыстно себя отдаетъ она въ даръ.»
(La prière.)

И кончаетъ:

«О, не дѣлай любовницы ты изъ меня,
Если ты для меня только другъ!»

Или такое (кстати сказать, мало убѣдительное) предостереженіе дѣвушки отъ любви:

«Зелима, любовникъ всегда измѣняетъ,
Но тотъ, кто извѣдалъ восторги любви,
Другихъ испытать не желаетъ.»

Какъ поражаетъ эта откровенность и, пожалуй, даже шокируетъ. Всѣ знаютъ любовь и ея радости, но инстинктивное цѣломудріе мѣшаетъ выставлять ихъ на показъ, что мы и видѣли у нѣмокъ. Онѣ не раскрываютъ интимной стороны своей любви, онѣ смотрятъ вамъ прямо въ лицо своими ясными глазами и съ сіяющей улыбкой говорятъ громко: Я счастлива! Но этотъ прямой взглядъ и эта открытая улыбка служатъ непроницаемымъ покровомъ для ихъ любви—вѣдь они не допускаютъ никакихъ дальнѣйшихъ разспросовъ! И теплое интимное гнѣздышко ихъ любви остается нетронутымъ. Не то у француженокъ: онѣ какъ-то сразу точно вводятъ васъ въ спальню. Часто онѣ и не говорятъ ничего особеннаго, но уже общее настроеніе принимаетъ эту «спальную» окраску.

Dufrénoy вездѣ—типичная женщина. Когда ея «онъ» уходитъ, она садится ему писать, чтобы опять хотя мысленно быть съ нимъ. Какъ это характерно! Какъ быстро и естественно сдается она на его совѣтъ не писать большихъ поэмъ:

«Мою гордость смутили совѣты твои,
Но,—о сила горячихъ лобзаній! —
Когда въ сердцѣ такъ много любви,
Въ немъ такъ мало тщеславныхъ желаній!»
(Poème interrompu).

Но это не мѣшаетъ ей страдать отъ суровой критики:

«Я не знала, что, насъ горячо обожая,
Нашу славу все жъ каждый порочить готовъ,
И что самый ужасный проступокъ свершая,
Наживемъ мы навѣрное меньше враговъ,
Чѣмъ за нѣсколько звучныхъ стиховъ.»
(Le Retour.)

Тѣмъ не менѣе, Dufrénoy, и вправду, далеко не неуязвима въ смыслѣ критики. У нея много прописныхъ истинъ (не въ красотѣ счастіе; искусство—ничто передъ любовью); ея материнскія чувства выражены банально (Automne); ея знаменитая поэма «Баярдъ», премированная Академіей, ничего не стоитъ, это — сухой пересказъ хроники. Вообще, какъ и всѣ женщины-поэты, она хороша только въ непосредственныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, да и то иногда грѣшитъ погоней за эффектнымъ trait d'ésprit, столь присущимъ XVIII в. Напр.:

«Я прощу ему мои мученья,
Но не зло, что скажутъ мнѣ о немъ.»

или:

«Открой мнѣ вновь твои объятья,
«Прости измѣну мнѣ твою.»

Но есть и удачные:

«Въ довѣрьи къ людямъ неустанно
Свое я счастье нахожу,
И если жертва я обмана —
Я ролью жертвы дорожу.»

Это и непосредственно и женски-сердечно.

XIX-й вѣкъ далъ такое множество поэтессъ, что прямо затруднительно сдѣлать выборъ, т.-е. обиліе это относится къ 30—60-мъ годамъ, потомъ все точно замираетъ, и въ данное время только три-четыре имени обращаютъ на себя вниманіе. Изучать ихъ можно безъ различія во времени, ибо на ихъ поэзіи весь минувшій вѣкъ отразился весьма мало. Это объясняется тѣмъ, что ихъ произведенія исключительно личныя, а слѣдовательно об-

Digitized by Google

щественныя бури отразились въ нихъ очень слабо, житейскія же одинаковы для всѣхъ временъ и народовъ. Исключеніе составляютъ двѣ поэтессы—Луиза Коллэ и m-me Тастю. Первая неустанно ратуетъ за женщину или по поводу женщины; но такъ какъ у нея доброй воли гораздо больше, чѣмъ таланта, то можно со спокойной совѣстью отложить въ сторону ея четыре сборника. M-me Тастю интереснѣе, во 1-хъ, потому, что талантливѣе, а во 2-хъ—потому, что на ней одной хоть слабо, но все же отразился духъ времени, жажда свободы, проповѣдь равенства, все, что кипѣло въ то время во Франціи, что свергало королей, учреждало республики, изъ чего постепенно слагалась современная Франція. У Тастю призывъ къ свободѣ — преобладающая нота; она звучитъ часто неудачно, но всегда убѣжденно. Все ея направленіе можно назвать сплошнымъ «гимномъ свободѣ». Разумѣется, это тѣсно связано и съ патріотическимъ чувствомъ. Все стихотвореніе «La Liberté» посвящено ея любимой идеѣ. Тема его — заговоръ Вильгельма Телля. Идея, конечно, ясная, но очень банально ея восхищеніе, и хотя припѣвъ «Свобода! Свобода!» недурно звучитъ, но онъ все же монотоненъ, а иногда и весь поэтическій образъ прямо фальшивъ. Напримѣръ:

«Благородная клятва звучитъ на ихъ чистыхъ устахъ,
Грознымъ эхомъ ее повторяетъ за ними природа
И какъ ропотъ глухой раздается въ горахъ:
«Свобода! Свобода!»

Здѣсь, во-первыхъ, невѣрна сцена заговора, ибо, кто бы ни были заговорщики, они врядъ ли бы стали кричать свою клятву во всеуслышаніе, такъ что ее даже подхватило многократное эхо, а, во-вторыхъ, самое слово «Liberté» звучитъ слишкомъ рѣзко и открыто, чтобы походить на «глухой ропотъ». Длинное стихотвореніе «Les Oiseaux du Sacre» есть тоже проповѣдь свободы, критика королевской пышности, по поводу выпущенныхъ на свободу птицъ въ день коронованія Карла X. Описывая, какъ гибнутъ бѣдныя созданія, ударяясь о своды, обжигаясь о свѣчи, она ихъ утѣшаетъ:

«Вы находите смерть, улетѣвъ изъ тюрьмы,
Но вѣдь смерть это—тоже свобода!»

И такъ далѣе въ томъ же духѣ. Искренній, но банально и водянисто выраженный патріотизмъ звучитъ въ «La France et l'industrie», напоминающемъ какой-то каталогъ промышленной выставки. Лучше другихъ удалось «L'enfant de Canaris» (греческій герой, боровшійся за независимость Греціи въ 1821—29 гг.; сжегъ часть турецкаго флота и положилъ на мѣстѣ 3000 турокъ). Обращаясь къ его сыну, прибывшему въ Парижъ, Тастю говоритъ:

«Служить своей странѣ, свободѣ, алтарю,
Жить почитая ихъ и пасть для ихъ спасенья,—
Героя юный сынъ, вотъ все твое ученье!
Не стоило за нимъ такъ ѣхать далеко:
Все это ты бъ узналъ и у себя легко.»

Достаточно было бы научить его суровымъ пѣснямъ родины, въ которыхъ звучатъ имена ея героевъ: Фармакиса, Кристоса.

«Мосхо, что вмѣстѣ мать, супруга и герой,
Ребенокъ на рукѣ и карабинъ—въ другой,
Передникъ полный пуль,—вездѣ являлась смѣло,
Какъ воинъ и разить и умирать сумѣла.
Судьба не придала ихъ новымъ именамъ
Ту звучность, что всегда насъ въ древности плѣняетъ.
Такъ что жъ?.. Оно звучитъ равно отрадно намъ,
То имя, что въ насъ сердце биться заставляетъ!»

Эта горячая тирада искупитъ многія банальности. Далѣе Тастю говоритъ, что Франція не понимаетъ болѣе свободы:

«Свобода, и добро, и вѣра,—словомъ все,
Что въ Греціи теперь еще полно значенья,
Для Франціи—увы! лишь звуки пышныхъ словъ,
Знамена, что несутъ отряды при сраженьи,
Чтобы сплотить разбросанныхъ бойцовъ!»

Это и сильно и мужественно, и на этомъ всего отраднѣе покончить съ характеристикой Тастю.

Имя m-me Дебордъ-Вальморъ стоитъ еще на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ. Много бѣдствовавшая въ молодости, бывшая нѣкоторое время актрисой (когда и вышла замужъ), она черезъ нѣсколько лѣтъ сошла со сцены и посвятила себя семьѣ и своей литературной дѣятельности. И въ жизни и въ семьѣ она много вынесла страданій, больно ее поразившихъ. Она говоритъ въ «Secret perdu», что пробовала искать утѣшенія въ наукѣ, внѣшнемъ блескѣ, путешествіяхъ, но вездѣ находила все то же страданіе. Только вѣра, этотъ милосердный пріютъ измученныхъ

Digitized by Google

душъ, дала и ей поддержку, и утѣшеніе (La couronne effeuillée). Но эти мелодіи, какъ всегда, очень банальны, такъ же, какъ и ея материнскія чувства. Какъ ни много и длинно говоритъ она со своими дѣтьми, ей все же недостаетъ той простоты и сердечности, которыя скользятъ въ каждой строкѣ безхитростныхъ стихотвореній нѣмокъ (напр., у Дехентъ). Но есть и здѣсь недурныя мелодіи, напр., въ стихотвореніи «A mes enfants». Такъ говоритъ она о королевѣ, съ которой бы ни за что не помѣнялась ролями:

«Спитъ малютка ея, но шаги часовыхъ,
И рѣшетка, и толстыя стѣны,
И блестящія латы на стражахъ нѣмыхъ, —
Все твердитъ ей о страхѣ измѣны.
Скупо надо дарить поцѣлуи свои,
Безъ свидѣтелей сердце не можетъ излиться;
Всѣ порывы веселья, тоски и любви
Подъ плащомъ королевы должны прекратиться.
Вся душа ея льнетъ къ ея кроткимъ глазамъ,
Только ими дитя она страстно ласкаетъ, —
А малютка ее называетъ: «Madame»,
И лишь Богъ ея слезы считаетъ.»

Но сила и значеніе Вальморъ не въ этихъ блѣдныхъ напѣвахъ и даже не въ составившихъ ей имя псевдо-дѣтскихъ стихотвореніяхъ, которыя мы всѣ учили по хрестоматіямъ въ свое время (L'oreiller, L'enfant et l'abeille и т. д.), и гдѣ дѣти и взрослые говорятъ равно искусственнымъ языкомъ,— нѣтъ, ея лучшія произведенія—тѣ, къ которымъ вполнѣ примѣнимо ея же собственное выраженіе:

«...Но—я слабая женщина только,
Я могла лишь любить и страдать...»

И именно свою любовь и свои страданія она выразила въ своихъ «Элегіяхъ» всего ярче и реальнѣе и все съ тѣмъ же, уже отмѣченнымъ у Dufrénoy, интимнымъ оттѣнкомъ. Нѣсколько отрывковъ, не требующихъ комментарія—Дѣвушка опоздала на свиданіе:

«Ну, вотъ и я! Передохнуть нѣтъ силы!..
Меня малѣйшій шорохъ волновалъ,
Шумъ ручейка дорогою пугалъ...
Ты здѣсь уже!.. О, дай вздохнуть мнѣ, милый!
Ну, подожди жъ... Сегодня, право, я
Здѣсь, кажется, и не вздохну съ тобою.
Какъ вся душа измучилась моя
Моею скукой и твоей тоскою!»
(La journée perdue.)

Какъ характерна эта смѣна настроеній дѣвической души! То встрѣчаемъ такую дѣтски-милую болтовню:

«Скажи мнѣ, не будетъ ли завтра ненастья?
Придешь ли ты завтра за мной?
Ты радъ будешь солнцу, скажи, мое счастье?
Ты руку мою опустилъ безъ участья...
День будетъ дождливый, дурной.»
(Romance.)

То шутливо-нѣжное восклицаніе:

«О, Боже, какъ спокойна мама!
Чуть сядетъ—ужъ заснетъ она;
Но мама вѣдь не влюблена!»
(La journée perdue.)

То звучитъ кокетливое предложеніе «остаться друзьями», ибо это, пожалуй, спокойнѣе:

«Оливье, хочешь, да?.. О, какъ нѣженъ твой взглядъ!
Въ немъ не дружбу я вижу! Нѣтъ силъ продолжать!
Да, скажи... Нѣтъ, забыла! Какъ вспомнить подъ рядъ
Мнѣ все то, что тебѣ я должна передать!»
(Idem.)

Этотъ внезапный перерывъ послѣ «Да, скажи» лучше всякихъ изліяній передаетъ едва замѣтную, но жгучую струйку сладострастія. Такъ и видишь пылающія щечки и полуоткрытыя влажныя губки, только-что собравшіяся прощебетать что-то и вдругъ умолкшія подъ жаркимъ и туманящимъ взглядомъ милаго. Тонко подмѣчено и то, что все безконечное количество вещей, которыя надо разсказать и которыхъ она даже не можетъ сразу вспомнить, сводится къ пустой болтовнѣ, явно служащей только предлогомъ для того, чтобы дольше быть съ возлюбленнымъ:

«Но я вижу тебя, я съ тобой говорю...
На, возьми вотъ съ груди моей этотъ букетъ;
Разспроси у него, какъ тебя я люблю,—
И до завтра, до завтра! Ужъ времени нѣтъ.»

Указанная струйка сладострастія и какой-то нравственной «раздѣтости» не разъ проскальзываетъ у Вальморъ, пріобрѣтая особую пикантность благодаря тому, что передъ нами не любовница, а только еще влюбленная дѣвушка:

«Ужели птички ужъ заснули?»

говоритъ она, не замѣтивъ, какъ пролетѣли часы свиданія:

«Ахъ! въ эту ночь такъ чудно спать!»

И дальше:

«Съ тобой разстаться дай же самъ мнѣ силы,

Digitized by Google

Пусти же руку, милый, и уйди!
Ты слышишь—полночь! Завтра наступило!
Въ деревнѣ спятъ, и мнѣ пора идти.
...Съ тобой прощаясь, я вздыхать готова:
Когда же мы забудемъ это слово?!
Его печальный звукъ не созданъ для любви.»
(L'adieu du soir.)

Разумѣется, здѣсь приведены наилучшіе отрывки; много у нея водянистыхъ и безцвѣтныхъ стихотвореній съ жалобами на разлуку, на ожиданіе и т. п. Попадаются и столь типичные для XVIII в. пастушки и пастушки (Les deux bergères и др.). Но и въ грустныхъ стихотвореніяхъ есть глубоко жизненныя,—таковы ея страданія отъ измѣны милаго, ея болѣзненное желаніе обмануть себя:

«Отъ неизвѣстности страдаемъ,
Отъ правды умираемъ мы.»
(Le billet.)

Но эта ужасная правда не даетъ себя забыть, хотя каждый возвратъ надежды вырываетъ у нея такой жгучій порывъ счастія:

«Я не въ силахъ заснуть. О, безсонная ночь,
Сонъ не можетъ сравниться съ тобою!
Лишь обманомъ онъ намъ успѣваетъ помочь,
Ты же—истиной чудной, живою!
...Любитъ, любитъ еще онъ! Какой я обманъ
Предпочту этой истинѣ, Боже?!.»
(Insomnie.)

Но возлюбленный бросилъ ее, и онъ же ее упрекаетъ:

«Онъ обвинялъ... Но въ какомъ преступленьи—не знаю,
Тщетно пыталася выяснить я.
Лишь роковыя слова я опять и опять вспоминаю:
«Ты не увидишь меня!»

Какъ живо передано ея «оглушеніе», когда въ ушахъ и въ сердцѣ, какъ страшный колоколъ, звучитъ одна роковая фраза! Не мудрено, что она говоритъ въ другомъ мѣстѣ:

«Вся жизнь моя—ужасная гроза
И быть не можетъ долгою грозою.»

Всѣ эти элегіи проникнуты поразительно интенсивнымъ чувствомъ любви, несомнѣнно, живой и чисто-женски нѣжной и страдающей. Она старается забыть, боится всякаго возврата къ прошлому и въ то же время страстно этого ждетъ:

«...Ужели у тебя на сердцѣ, милый мой,
Я не засну тѣмъ сномъ, что душу обновляетъ?!
Сонъ на твоей груди! Вѣдь это рай земной,
И гнѣвно небеса съ тобой насъ разлучаютъ.»
(L'Attente.)

Всю ея душу онъ взялъ въ одномъ объятіи, но она молитъ лишь объ одномъ—чтобы онъ не отдавалъ ее назадъ! Это уже приближается по силѣ къ горячимъ любовнымъ порывамъ Кристенъ:

«Онъ убивалъ меня—«Онъ правъ» твердила я.
Меня онъ пріучилъ самой себѣ не вѣрить.»
(A ma soeur.)

Она, какъ Кристенъ, здѣсь тонко понимаетъ мужскую психологію:

«И позабывъ, что самъ онъ былъ всему виною,
Онъ съ удивленіемъ оплачетъ смерть мою.»

Ибо онъ настолько «перемѣнился», что даже вовсе пересталъ вникать въ ея душу, и если ея страданіе не кричитъ о себѣ, онъ спокоенъ и забываетъ, что самъ же своей холодностью вынулъ изъ нея душу. Она же, какъ всякая истинно любящая женщина, вкладываетъ въ свою любовь и ту дозу материнства, которая дѣлаетъ столь трогательными всѣ, подчасъ наивныя, проявленія женскаго чувства. Стоитъ ему заболѣть,—и она снова рвется къ нему и у нея вырывается прекрасный крикъ:

«Какъ не любить его, когда несчастливъ онъ!»

Но сама она такъ истомилась, такъ измучилась вѣчной борьбой, что, какъ усталое дитя, жаждетъ только покоя:

«О приди! Смерть лишь мигъ желанный,
То возвратъ лишь къ роднымъ мірамъ:
Это свѣтъ послѣ мглы туманной,
Это Богъ внялъ твоимъ мольбамъ!»
(Point d'adieu.)

Размѣръ у Вальморъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, очень неровный, капризный и не звучный; въ ея «Романсахъ» рѣдко попадаются удачные мотивы. Зато она приближается къ нѣмецкимъ поэтессамъ своею свѣжестью и искренностью. У нея фраза рѣдко затемняетъ смыслъ, чѣмъ такъ грѣшатъ современныя француженки.

II.

Стихотворенія Marie de Valandré, хотя и изданныя въ 1896 г., могутъ служить продолженіемъ произведеній Dufrénoy и Вальморъ. Та же женская самоотдача, та же монотонная любовная мелодія, только еще бо-

Digitized by Google

лѣе однообразная, ибо «лира» Валандрэ настроена лишь на счастливую супружескую любовь, и та же типичная нравственная «раздѣтость». Вся книжка «Le livre de l'Epousée» пропитана этимъ настроеніемъ, еще болѣе оттѣненнымъ неподдѣльной искренностью и наивностью молодой женщины:

«Съ тѣхъ поръ, какъ предъ Творцомъ твоей я названа,
И я твоя жена, и ты меня милуешь,
Сегодня первый разъ, что я засну одна,
И ты въ вечерній часъ меня не поцѣлуешь.
...Какъ много съ первыхъ дней я провела часовъ
Въ объятіяхъ твоихъ, столь полныхъ наслажденій!
Я испытала все очарованье сновъ
И прелесть нашихъ дивныхъ нѣжныхъ пробужденій.
Но чтобы глубину всей той любви познать,
Которой ты меня такъ горячо чаруешь,
Въ разлуки грустный часъ должна я засыпать
И знать, что ты меня предъ сномъ не поцѣлуешь!»
(Première absence.)

Она не только какъ дитя живетъ только его жизнью, она прямо считаетъ себя его вещью, чего никогда нельзя встрѣтить у нѣмокъ. Обращаясь къ бездѣлушкамъ и рѣдкостямъ, украшающимъ кабинетъ мужа, она говоритъ:

«Въ витринѣ подъ стекломъ къ окну
Онъ васъ заботливо поставилъ;
Свою любимую жену
Хозяйкой въ домѣ онъ оставилъ.
Но съ вашимъ сходенъ жребій мой:
Чтобъ облегчить минуты скуки,
Насъ всѣхъ собрали предъ собой
Его разсѣянныя руки!..»
(Bibelots.)

Наивно ея спокойное и покорное отношеніе къ возможному охлажденію мужа; у нея нѣтъ при этой мысли ни возмущенія, ни страстной борьбы за свое счастіе; нѣтъ увѣренности не только въ сердцѣ мужа (за это никто ручаться не можетъ), но въ его благоразуміи, въ серіозности его чувства, ибо какъ же иначе она бы могла сказать:

«Если возлѣ тебя я печальна порою,
Вспоминаю я тѣхъ, кто, кляняся въ любви безъ конца,
Съ вѣрой тѣшились этой безумной игрою,
И увы! чьи такъ скоро любви измѣнили сердца!
...Жестъ одинъ мой, одно неудачное слово,
Иль непонятый тонъ могутъ счастье мое погубить;
И въ душѣ твоей нѣжность застынетъ сурово,
Мой закроется рай — ты меня перестанешь любить!..»
(Inquiétude.)

Какъ дико звучатъ для насъ такія фразы! Какой неумѣстной откровенностью поражаютъ такія слова въ «Anniversaire»:

«То длилось дни, иль мѣсяцы, иль годы,
Когда меня ты, полонъ доброты,
Училъ срывать средь чуждой мнѣ природы
Любовной нѣги пышные цвѣты?»

Невольно вспоминается стихотвореніе Энгельгардтъ на ту же тему:

«Дай Богъ намъ счастья! Выпьемъ, другъ мой!
Сегодня свѣтлый день насталъ:
Сегодня годъ, какъ мы въ день свадьбы
Нашъ первый выпили бокалъ.
...Съ той поры, сколько дней лучезарнаго счастья
Намъ даровано было судьбой,
И не мало стакановъ искрящейся влаги
Осушили мы дружно съ тобой.»

Описывая свое пробужденіе по уграмъ, Валандрэ говоритъ:

«И ты слышишь, какъ я еще сонной рукою
Въ твои сильные пальцы вплетаю свои,
Изъ всей жизни вокругъ слышу я надъ собою
Лишь твой голосъ, дыханье, да шопотъ любви.
Восхитительный часъ тишины и забвенья!
Послѣ томности сладкой и нѣги ночной
Мое первое къ жизни земной пробужденье—
Горячѣе прижаться къ груди дорогой!»

Это называется «En m'éveillant» (Пробуждаясь); въ pendant къ нему есть «En m'endormant» (Засыпая), гдѣ прелестно передано настроеніе теплой, уютной спальни въ поздній часъ:

«Въ постели брачной, морѣ кружевъ нѣжныхъ,
Я наслаждаюсь мирной тишиной;
Какъ трепетанье крыльевъ бѣлоснѣжныхъ
Спустился пологъ легкій надо мной.
Любви и розъ благоуханья
Весь полнъ, какъ гнѣздышко, альковъ;
Любимой женщины мечтанья

Digitized by Google

Навѣютъ мнѣ волшебныхъ сновъ...
Ты здѣсь же у стола надъ книгою склоненный,
И вижу я сквозь сѣть опущенныхъ рѣсницъ
Лишь милый профиль твой, такъ ярко освѣщенный,
Да шелестъ слышу я мелькающихъ страницъ.
Любви и розъ благоуханья
Весь полнъ, какъ гнѣздышко, альковъ.
Твоей любви очарованье
Я передать не знаю словъ...»

Но рядомъ съ этими женскими стихотвореніями встрѣчается только три, гдѣ говорится о ребенкѣ. У нея былъ только одинъ ребенокъ, да и тотъ умеръ; она раздѣляетъ и въ этомъ общую участь многихъ француженокъ, и это не можетъ не отражаться на ея нравственномъ обликѣ. Лучшее изъ трехъ стихотвореній то, гдѣ она еще передъ родами, опасаясь смерти, обращаясь къ мужу, просить его не забывать ея:

«...О, вспоминай же иногда о той,
Чей смѣхъ звучалъ въ дому твоемъ такъ ясно
И что своею маленькой рукой
Твое держала сердце самовластно.
...Чья навсегда слилась съ твоей любовь,
И что рукой чело твое склоняя,
Тебя молиться выучила вновь,
О небесахъ тебѣ напоминая.»
(Maternité.)

Это безконечно тепло и любяще. Ни въ одномъ изъ ея «Heures de prière» не звучитъ въ столь немногихъ словахъ столько чистой, дѣтски-горячей вѣры.

Стихотворенія Валандрэ—лучшія въ занимающемъ насъ жанрѣ. Другая поэтесса Marthe Stiévenard—типичная бездарность, но еще съ претензіей на какія-то идеи, что ужъ вовсе непростительно, и потому можно съ успѣхомъ отложить ея сборникъ «Chrysanthèmes», отмѣтивъ лишь попутно, что столь же бездарныя нѣмецкія поэтессы (Mina von Mädler, Isold Kurz и т. д.) производятъ всеже лучшее впечатлѣніе своей большей простотой и мягкимъ пониманіемъ природы.

Остается еще одинъ сборникъ: это «Femmes antiques» Жана Бертеруа (псевдонимъ). Онъ сильно разнится отъ вышеприведенныхъ, но еще менѣе подходитъ къ послѣдующей группѣ, а потому и его надо разсмотрѣть здѣсь.

Это—рядъ женскихъ типовъ, взятыхъ изъ легенды, исторіи и Библіи. Характерны здѣсь опять-таки не сюжеты, а манера, форма ихъ передачи. Предисловіемъ служитъ стихотвореніе «Alma», гдѣ выразилось пониманіе роли женщины авторомъ: всѣ приводимые ею типы (Психея, Сибилла, Весталка, Цирцея, Семирамида, Фрина, Мессалина и т. д.)—всѣ суть разныя формы великаго и плодотворнаго начала—женщины, въ которой уже трепещетъ будущее материнство, чья грудь уже готовится къ порожденію новой жизни. Отсюда становится ясно, почему во всѣхъ перечисленныхъ стихотвореніяхъ звучитъ такая яркая, жгучая чувственность. Правда, поэтъ оговаривается, что не въ этомъ самое высшее назначеніе женщины:

«Но въ преданности лишь и въ жертвѣ безъ ропотанья
Вся женская душа воплощена,
И кровью всѣхъ людей скрѣпляемое зданье
Отважною рукой возводитъ и она.»
(Alma).

Однако, очевидно, что эта сторона женщины менѣе близка поэтессѣ, ибо ея героини Дебора, Зейла очень блѣдны и неудачны. Хороша только Юдиѳь и то потому, что поэтъ опять-таки ярче изобразилъ въ ней женщину, а не фанатическую героиню.

Въ стихотвореніи «Психея», описывая похищеніе Психеи Амуромъ, поэтъ такъ передаетъ пробужденіе ея къ любви:

«Психея глаза закрываетъ свои,
Въ душѣ ея что-то такъ дивно запѣло—
Въ ея безконечно невинное тѣло
Проникла вся сладость, весь трепетъ любви.
Сіяньемъ сплошнымъ, ослѣпительно-яснымъ
Смѣнилась мечтаній туманная мгла;
Психея, порывомъ охвачена страстнымъ,
Безумно любовника вдругъ обвила.
И все отдалось въ ней нѣмому объятью,
Одно только чувство въ душѣ молодой
Отнынѣ останется вѣчной печатью—
Восторгъ сладострастья живой.»
(Psyché).

Любовные восторги утихли; Психея впервые смотритъ на Амура, утомленнаго порывами страсти и заснувшаго у ея ногъ:

«Какъ! Этотъ юноша, что, страстью утомленный,
Какъ птенчикъ раненый заснулъ въ теплѣ гнѣзда,
Какъ! Этотъ юноша—супругъ ея влюбленный,
Товарищъ радостей и горя навсегда?

Digitized by Google

Съ небесной жалостью склоняется Психея
Тогда къ носителю таинственныхъ даровъ,
Съ небесной жалостью чело его лелѣя,
Со всею нѣжностью своихъ дѣвичьихъ сновъ.
И съ этимъ дѣвственнымъ лобзаніемъ Мадонны,
Свѣжо коснувшимся любимаго чела,
Лишь съ этимъ дѣвственнымъ лобзаніемъ Мадонны
Супругу ввѣрилась и отдалась жена.»

Какъ вѣрно оттѣнена здѣсь основная и столь оригинальная черта женской любви: соединенія самой беззавѣтной самоотдачи, полнаго уничтоженія въ любимомъ существѣ, съ какой-то глубокой матерински-чистой нѣжностью, вызывающей слезы умиленія на глаза, только-что горѣвшіе страстью. При первомъ взглядѣ Психеи Амуръ улетаетъ—онъ ищетъ другихъ душъ, ибо относительно этой онъ уже выполнилъ свое назначеніе; она узнала любовь, она исполняетъ свою основную задачу. Но поэтъ рисуетъ и еще болѣе смѣлыя картины: вотъ Мессалина поздно ночью покидаетъ свой дворецъ и подъ блестящимъ плащомъ куртизанки вмѣшивается въ дикую толпу гладіаторовъ:

«Ей не страшна позорная ограда;
Глаза горятъ и алчно дышитъ грудь—
И ждетъ она, чтобъ изъ распутницъ стада
Ее бы грубо выбралъ кто-нибудь.»

Ее уже не удовлетворяютъ болѣе безумныя объятія опьяненныхъ патриціевъ, ея пресытившейся натурѣ нужны болѣе сильныя ощущенія. Но юный Силіусъ неожиданно воспламеняетъ ее, и со всею ужасающей наглостью она всенародно вѣнчается съ нимъ:

«И вся толпа, что волею сената
Съ вѣнчальнымъ гимномъ голосъ свой слила,
Трепещетъ вся, той завистью объята,
Что будитъ въ людяхъ ликованье зла.»

Когда, наконецъ, Клавдій возвращается въ Римъ, чтобы положить конецъ этимъ ужасамъ, то его солдаты врываются въ сады Мессалины и въ темнотѣ закалываютъ ее, принявъ ее за пантеру, пятнистая шкура которой одѣвала въ этотъ вечеръ царственную куртизанку.

Новая картина: Олофернъ спитъ, утомленный ласками Юдиѳи:

«На ложѣ широкомъ красиво и смѣло
Его утомленные члены лежатъ,
И рѣзкіе мускулы мощнаго тѣла
Едва успокоенной страстью дрожатъ.»

И Юдиѳь стоитъ надъ нимъ, готовая разить:

«Гдѣ женщина та, что, гибка и послушна,
Въ объятьяхъ владыки могла замирать?
Она ли теперь холодна, и бездушна,
Готовится кару Господню свершать?
...Довольно ли въ жаркихъ порывахъ любовныхъ
Отравы ему она въ кровь налила
И чарами долгихъ лобзаній безмолвныхъ
Разсудокъ владыки смутила она?..»

Да, Олофернъ безпомощенъ; одно движеніе—и Юдиѳь поспѣшно уходитъ, унося свой ужасный трофей. Она быстро входитъ въ городъ и поднимается на стѣны. Тамъ твердой рукою она насаживаетъ на копье окровавленную голову и уже готовится поднять ее высоко надъ народомъ, какъ вдругъ потускнѣвшіе глаза открываются, ротъ искажается ужасной улыбкой:

«О ужасъ! съ послѣднимъ просвѣтомъ сознанья
Въ умѣ замиравшемъ проснулась любовь:
«Еврейка, я жажду еще обладанья,
Лобзаньемъ своимъ усыпи меня вновь.»
И долго, какъ призракъ безъ мысли, безъ воли,
Покорно Юдиѳь оставалася тамъ,
Безкровныя губы прижавши до боли
Къ давно охладѣвшимъ супруга устамъ.»

Смыслъ ясенъ: любовь для женщины вещь настолько самодовлѣющая, сливающаяся со всѣмъ ея существомъ, что даже такая минутная, корыстная самоотдача накладываетъ уже свои узы на ея личность. Нравятся или не нравятся эти стихотворенія—дѣло вкуса, но оригинальны они, безъ сомнѣнія.

Если у нѣмокъ мы видѣли мягкость и грацію истинно женскую, то у француженокъ самъ языкъ созданъ для такой игры. Но зато теряется глубина и нѣжность, взамѣнъ которыхъ является блестящая фраза, изысканное сравненіе, эффектное окончаніе. Нѣмки говорятъ недомолвками, что такъ типично для женщинъ, француженки же какъ разъ поражаютъ своей откровенностью, называніемъ вещей своими именами. Спокойное, неспѣшное развитіе нѣмецкой женщины, такъ медленно, но вѣрно совершавшееся у домашняго очага, отразилось въ ея теплой уютной лирикѣ, въ ея практической здравой философіи, въ ея не особенно глу-

Digitized by Google

бокомъ, но трезвомъ взглядѣ на жизнь. Изъ философскихъ доктринъ нѣмки взяли только самыя главныя и осязательныя. Не то у француженокъ: вся кипучая, лихорадочная жизнь французскаго общества сквозитъ въ ихъ неровныхъ по достоинству и формѣ стихахъ. Всѣ настроенія такъ быстро смѣняются, такъ нервно переходятъ изъ тона въ тонъ, такъ лишены той цѣльности, которая освѣжаетъ въ нѣмкахъ. Нѣтъ у нихъ и здороваго наслажденія жизнью, когда радуетъ не наслажденіе, а именно жизнь, самый фактъ ея. Зато такого самонализа нѣтъ у нѣмокъ; очевидно, ихъ психика менѣе сложна, менѣе раздвоена; точно такъ же въ живости набросковъ, въ остроуміи нѣмки лишь слабо подражаютъ француженкамъ. Но пониманіе природы у нѣмокъ—несомнѣнное, тогда какъ француженки, даже наиболѣе даровитыя, вовсе не даютъ яркихъ описаній и даже рѣдко пытаются ихъ дѣлать. И богатство формы у нѣмокъ несравненное: отъ мотива народной пѣсенки до гекзаметра у нихъ смѣняются всѣ размѣры. Француженки же безпомощно сидятъ на своемъ alexandrin (шестистопный ямбъ), а если пытаются выказать оригинальность, то словно воробьемъ скачутъ, берутъ къ серіозной темѣ плясовой размѣръ (Stièvenard) или пишутъ какимъ-то вовсе фантастическимъ размѣромъ.

(Окончаніе будетъ).

Жанъ Бертеруа.
(См. стр. 487 и слѣд.).

Digitized by Google

Хризантемы.
(Съ акварели Марольда).

ЛЮДЕКЪ МАРОЛЬДЪ—ХУДОЖНИКЪ МИНУТЫ.

Sa voie était tracée dans l'indépendance...
A. Louvrier de Lajolais.

Рис. Марольда.

ПОЧТИ ДВА ГОДА тому назадъ безвременно скончался въ Прагѣ молодой чешскій художникъ, получившій широкую европейскую извѣстность въ качествѣ блестящаго парижскаго иллюстратора и обѣщавшій стать звѣздою первой величины не только для своей родной страны и для Парижа, — своей второй родины, но и для всего современнаго міра искусства. Истекшее со дня его кончины время, вполнѣ достаточное для того, чтобы при обыкновенныхъ условіяхъ заставить позабыть о бѣдномъ поденщикѣ-иллюстраторѣ, хотя бы и любимцѣ публики,—не лишило свѣжести и блеска имени Людека Марольда. Напротивъ, благодаря появившемуся за это время ряду цѣнныхъ изданій, посвященныхъ разбросаннымъ по всей Европѣ произведеніямъ покойнаго художника, еще болѣе выяснилось и упрочилось значеніе труда его недолгой жизни.

Вслѣдъ за посвященной ему богато иллюстрированной книжкой чешскаго художественнаго журнала «Volné Směry» [1]) появился мюнхенскій альбомъ, приготовлявшійся еще при его жизни. Въ составъ его вошли Марольдовы иллюстраціи, помѣщенныя имъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ во «Fliegende Blätter» [2]). Затѣмъ въ концѣ прошлаго года вышелъ большой художественно исполненный альбомъ пражскаго общества художествъ—Jednota Umělců Výtvarných, членомъ котораго состоялъ Марольдъ [3]), и, наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ изящный альбомъ «Златой Пра-

---

[1]) Февраль и мартъ 1899. Распроданъ.

[2]) L. Marold-Album. München, Braun u. Schneider. 10 M.

[3]) Památce L. Marold. Peči a naklanem Jednoty Umělců Výtvarných v Praze. 1899. Цѣна 15 гульд.

Digitized by Google

ги» [1]), состоящій изъ произведеній, помѣщенныхъ Марольдомъ въ этомъ чешскомъ иллюстрированномъ еженедѣльникѣ.

Всѣ эти изданія въ совокупности даютъ возможность достаточно основательно и наглядно познакомиться съ удивительно богатымъ дарованіемъ чешскаго художника. Особенно поучителенъ альбомъ «Едноты Умѣльцевъ», который, благодаря роскоши и рѣдкому техническому совершенству репродукціи, позволяетъ даже невидавъ подлинныхъ произведеній Марольда, проникнуть во многія тайны своеобразныхъ Марольдовыхъ пріемовъ и его художественнаго міросозерцанія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ живое представленіе о томъ, какъ долженъ смотрѣть на окружающее, какъ долженъ видѣть его истинный художникъ.

Дѣло въ томъ, что Марольдъ является типичнымъ представителемъ тѣхъ немногихъ счастливцевъ-художниковъ, которые одарены

Людекъ Марольдъ.

[1]) Изданіе Отто.

Digitized by Google

истинной способностью видѣть міръ, какъ онъ представляется въ дѣйствительности, независимо отъ помѣхи докучливой абстракціи, отъ всякихъ условностей и рутины. Въ этомъ отношеніи Марольдъ является любопытнѣйшимъ предметомъ изученія для всякаго, кому дорого истинное искусство, и мы позволимъ себѣ поэтому отмѣтить наиболѣе характерныя черты его оригинальнаго творчества.

Марольдъ былъ въ полномъ смыслѣ слова художникъ самородокъ. Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, встрѣчающихся почти исключительно въ славянствѣ, богатѣйше одаренныхъ натуръ, которыя слишкомъ сильны и свободолюбивы, а, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слишкомъ лѣнивы для того, чтобы подчиняться внѣшнимъ условіямъ, и независимо и гордо идутъ во всемъ своимъ собственнымъ путемъ. Развитіе такого характера интересно прослѣдить съ дѣтства.

Людекъ Марольдъ родился въ 1865 году въ Прагѣ въ чешскомъ семействѣ. Отецъ его, офицеръ австрійской службы, былъ убитъ въ слѣдующемъ 1866 году въ войнѣ съ пруссаками, а мать скончалась, когда мальчику шелъ восьмой годъ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ на попеченіи горячо любившей его и также горячо имъ любимой тетки. Трехъ лѣтъ онъ уже началъ увлекаться рисованіемъ, но ученье ему никогда не давалось. Онъ приводилъ въ отчаяніе своихъ школьныхъ учителей, которые видѣли, что имѣютъ дѣло съ ребенкомъ совершенно необыкновеннымъ. Любимый предметъ—рисованіе, которому Марольдъ страстно предавался дома, предпочитая, впрочемъ, краски карандашу, въ школѣ также ему не давался и отмѣтки по рисованію онъ приносилъ незавидныя. Когда мальчику исполнилось 16 лѣтъ, тетка Марольда послѣ безуспѣшной попытки помѣстить его въ кадетскій корпусъ рѣшила уступить его склонности къ искусству и отправилась съ образчиками его работы за совѣтомъ къ ректору тогдашней дореформенной (еще нѣмецкой) Пражской академіи. Сужденіе ректора о способностяхъ будущаго свѣтила чешскаго искусства было весьма неблагопріятно: никакихъ надеждъ сдѣлаться порядочнымъ художникомъ Марольдъ не подавалъ. Тѣмъ не менѣе, юноша держалъ экзаменъ и съ грѣхомъ пополамъ былъ принятъ въ академію. Характерно, что между его отмѣтками на пріемномъ испытаніи былъ неудовлетворительный баллъ за рисованіе: «Freihandzeichnen — ungenügend». Надо замѣтить, что техника Марольда уже въ то время была поразительна, но не отвѣчала вовсе академическимъ требованіямъ.

Въ академіи съ поступленіемъ Марольда произошло нѣчто необыкновенное. Онъ вовсе не думалъ учиться у профессоровъ, работалъ по своему, а товарищи его почти всѣ безъ исключенія увлеклись его манерой композиціи и бросились подражать ему. Профессора, однако, не раздѣляли восторга своихъ учениковъ: не прошло полъ-года, какъ молодой оригиналъ былъ исключенъ изъ академіи за работу по перспективѣ. Марольдъ не унывая отправился въ Мюнхенъ, и это было его спасеніемъ. Шесть счастливыхъ лѣтъ, проведенныхъ на свободѣ «въ Аѳинахъ на Изарѣ», дали окрѣпнуть и развиться его таланту. Изъ-за этихъ шести лѣтъ нѣмцы считаютъ себя въ правѣ присваивать себѣ Марольда, котораго признаютъ украшеніемъ Мюнхенской школы, систематически замалчивая его славянское происхожденіе. На самомъ дѣлѣ, Марольдъ въ Мюнхенѣ, числясь ученикомъ Гизиса и Лёфтца, по собственному признанію, ничего у нихъ не дѣлалъ: «изучалъ мюнхенское пиво». Между тѣмъ, съ новыми товарищами Марольда повторилась пражская исторія. Они быстро пристрастились къ манерѣ Марольда, всячески стремились усвоить ее или, по крайней мѣрѣ, подъ нее поддѣлаться. Профессора на этотъ разъ раздѣляли увлеченіе учениковъ, сразу оцѣнивъ въ Марольдѣ громадный своеобразный талантъ. Они Марольду, по крайней мѣрѣ, не мѣшали, не навязывая ненавистныхъ ему школьныхъ рамокъ; въ этомъ вся ихъ заслуга передъ чешскимъ художникомъ и его искусствомъ... Мѣсто Марольда въ академическомъ классѣ обыкновенно пустовало. Онъ былъ всегда занятъ своимъ дѣломъ. Особенное удовольствіе доставляло ему работать въ мюнхенскомъ кабинетѣ гравюръ на мѣди, изучая Рембранта. Такъ какъ ни раньше въ Прагѣ, ни позднѣе въ Парижѣ Марольдъ никогда не чувствовалъ потребности копировать, а въ Мюнхенѣ страстно копировалъ Рембранта и такъ какъ онъ дѣйствительно отличается въ извѣстной степени рембрантовскимъ реализмомъ изображенія, то многіе его и считаютъ ученикомъ Рембранта. Иначе и, повидимому, вѣрнѣе объясняютъ Марольдово увлеченіе Рембрантомъ его біогра-

Digitized by Google

Флиртъ.

Съ акварели Марольда.

Digitized by Google

фы-товарищи въ альбомѣ «Едноты Умѣльцевъ»: «Это было не ученье у Рембранта, а какъ бы дружеская бесѣда двухъ родственныхъ душъ!». Дѣйствительно Марольдъ поражаетъ тѣмъ, что никогда ни у кого ничему не учился и остался въ своихъ произведеніяхъ совершенно самобытнымъ, не напоминающимъ нигдѣ чужой манеры, всюду рѣзко отличаясь отъ всего остального художественнаго міра. Поэтому-то его произведенія мало-мальски опытный глазъ отличитъ среди другихъ съ перваго взгляда. Первые опыты его, наброски, сдѣланные, когда ему было всего 12 лѣтъ, отличаются тѣми же, самыми оригинальными, типически марольдовскими пріемами, какъ и позднѣйшія работы. Съ теченіемъ времени онъ только совершенствовалъ свой глазъ и свою собственную технику, свободную отъ всякой школы и теоріи.

Ко времени пребыванія Марольда въ Мюнхенѣ относятся его первыя иллюстраціи нѣсколькихъ нѣмецкихъ романовъ и обратившія на него всеобщее вниманіе работы во «Fliegende Blätter», для которыхъ, однако, онъ пересталъ работать, когда отъ него потребовали, чтобы онъ не подписывалъ по-чешски «v Mnichově» (въ Мюнхенѣ). Надо замѣтить, что, живя большею частью за границей, Марольдъ никогда не переставалъ быть вѣрнымъ сыномъ своей родины, всегда вращался въ кругу своихъ соотечественниковъ и стремился душою въ родную Прагу.

Въ чешскихъ журналахъ также стали появляться Марольдовы иллюстраціи, которыя не преминули произвести въ компетентныхъ кругахъ настоящую сенсацію. Когда Марольдъ двадцатитрехлѣтнимъ юношей возвратился въ 1887 году въ Прагу, двери Чешской академіи, подвергшейся въ его отсутствіи коренной реформѣ, были широко открыты для славнаго изгнанника. Первые же его шаги въ Прагѣ сопровождались громкимъ успѣхомъ. Въ томъ же 1887 году онъ написалъ первую большую картину «Яичный торгъ (рынокъ) въ Прагѣ», которая была вскорѣ куплена для Рудольфинской пражской галлереи на средства австрійскаго министерства народнаго просвѣщенія — знакъ вниманія, не выпадавшій до тѣхъ поръ на долю чешскихъ художниковъ. Нечего и говорить, что отличіе было вполнѣ заслужено: картина Марольда—первый пражскій «plein-air», полный свѣта, движенія и звуковъ—драгоцѣнный памятникъ исчезающей нынѣ старой провинціальной Праги. Картина эта рѣшила его судьбу. Марольда рѣшено было пристроить: онъ былъ избранъ преподавателемъ Пражскаго художественно-промышленнаго училища и для усовершенствованія въ декоративномъ письмѣ командированъ въ Парижъ въ мастерскую Галланда.

Учиться элементамъ декоративнаго искусства былъ посланъ вполнѣ развившійся уже и кристаллизовавшійся типичный художникъ-бытописатель и жанристъ, повидимому, менѣе всего склонный къ декоративнымъ аллегоріямъ и прочимъ условностямъ!.. Въ своей краткой, въ шутливомъ тонѣ написанной автобіографіи Марольдъ говоритъ по поводу парижской командировки, что онъ былъ посланъ поучиться искусству—какимъ образомъ изъ достаточно разумнаго человѣка можно сдѣлаться дуракомъ... Изъ командировки, понятно, ничего не вышло: Марольдъ весьма скоро сбѣжалъ отъ Галланда и пошелъ въ Парижѣ собственными путями. Любопытно, однако, отмѣтить, что нѣкоторые критики Марольда усматриваютъ даже въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ богатую декоративную струнку и такимъ образомъ какъ бы готовы оправдать приговоръ пражскихъ спеціалистовъ, посылавшихъ Марольда учиться этого рода искусству. Ссылаются также на нѣкоторыя случайныя чисто декоративныя работы Марольда—виньетки, адресы и проч.—всѣ безъ исключенія весьма удачныя и многообѣщающія въ декоративномъ смыслѣ. Можетъ казаться такимъ образомъ, что Марольдъ легкомысленно бросилъ путь, правильно указанный ему людьми, опытными и его понимавшими.

Мы увѣрены, однако, что Марольдъ понималъ себя гораздо лучше своихъ судей: несмотря на то, что декоративная часть у него дѣйствительно несомнѣнно сильна. Онъ вовсе не декораторъ по существу, по призванію; декорація у него не цѣль, а средство. Между тѣмъ, какъ художникъ-декораторъ принципіально пользуется формами живого міра только для вящшаго украшенія своихъ неживыхъ построеній, при чемъ часто убиваетъ жизнь намѣренно, при помощи такъ называемой стилизаціи,—Марольдъ, напротивъ, ставитъ всегда въ центрѣ интереса то или другое явленіе текущей передъ нимъ жизни, и если притомъ любитъ заключить выхваченную изъ жизни страничку

Digitized by Google

Два міра.
(Съ акварели Марольда).

Digitized by Google

въ декоративную, иногда слишкомъ блестящую, пышную рамку изъ шелка, кружевъ, роскошныхъ драпри, дорогихъ бездѣлушекъ и солнечнаго свѣта, то цѣль его—не убить, не заглушить этимъ жизнь, которую онъ больше всего любитъ, а, напротивъ, выдвинуть, приподнять заинтересовавшее его явленіе. Какъ увидимъ позднѣе, эта манера вполнѣ соотвѣтствуетъ его своеобразному художественному міровоззрѣнію.

Сухой и методичный въ школѣ, П. Галландъ сердечнѣйшимъ образомъ отнесся къ горю своего даровитаго ученика, тотчасъ замѣтивъ, что онъ въ его мастерской совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ. Своими впечатлѣніями онъ подѣлился съ опытными друзьями, которымъ послалъ для оцѣнки нѣсколько пробныхъ Марольдовыхъ работъ. Полученные въ отвѣтъ отзывы компетентнѣйшихъ знатоковъ были для молодого чешскаго художника самые лестные. Вотъ оцѣнка Мейсонье:

«...un talent assez sûr de lui pour n'avoir besoin d'aucun conseil... un parfait dessinateur qui voit les choses comme elles sont...» [1])

Леонъ Бонна даетъ совѣтъ поучиться у Жерома, если Марольдъ хочетъ усовершенствоваться въ живописи; однако, онъ полагаетъ, что:

«s'il veut rester ce qu'il est, c'est-àedire un excellent dessinateur, il n'a besoin de personne. Il est admirablement doué.» [2])

Самъ Л. Жеромъ не помышляетъ вовсе учить Марольда:

«Il a des aptitudes singulières, rares pour les choses pittoresques; c'est déjà un homme de grand talent dans son genre, il faut lui dire de continuer dans cette espèce d'art, où il reussit si bien.» [3])

А. Лувріе де-Лажалэ даетъ въ своемъ отвѣтѣ Галланду цѣлую характеристику Марольда, весьма мѣтко оцѣнивая его достоинства и значеніе:

«C'est un monsieur qui accuse une véritbale personnalité... Il voit par lui-même, directement et bien, il rend très bien ce qu'il voit, avec une sûreté extraordinaire... c'est un original et son esprit tend bien à la représentation de la vie moderne. C'est un dessinateur à coup sûr, un voyant et un philosophe sans le savoir encore. Sa voie est tracée dans l'indépendance». [1])

Имѣя въ рукахъ такіе приговоры первыхъ знатоковъ искусства и видя, какъ Марольдъ изнываетъ подъ бременемъ суровой и сухой дисциплины его мастерской, Галландъ началъ убѣждать своего несчастнаго ученика проситься въ Италію. Марольдъ, однако, былъ убѣжденъ, что никакое ходатайство въ Прагѣ ему не поможетъ и, не написавъ ничего своимъ близорукимъ пражскимъ доброжелателямъ, рѣшилъ бросить и мастерскую Галланда и вмѣстѣ съ нею свою стипендію, и попытаться устроить свою артистическую карьеру на свой страхъ по собственному влеченію.

Еще въ бытность въ Прагѣ любимѣйшимъ занятіемъ Марольда было зарисовывать «пражскія фигурки», характерные типы захолустныхъ улицъ, рынковъ, кабачковъ, мастерскихъ. Съ особенной любовью останавливался онъ на типахъ скромныхъ бѣдняковъ и неудачниковъ, затертыхъ въ жизненной борьбѣ, съежившихся въ ней, полинявшихъ, но не утратившихъ горячей искорки жизни; живописными представляются ему также пестрые типы прожигателей жизни, завсегдатаевъ увеселительныхъ мѣстъ, ресторановъ, кофеенъ. Въ этихъ образахъ Марольда плѣняла ихъ выразительность, краснорѣчивость... Моралистомъ Марольдъ никогда не былъ, и если подчасъ въ его набросках этой поры его жизни и чувствуется какъ будто нѣкоторая иронія, то это на самомъ дѣлѣ только весьма безобидный юморъ, свойственный благодушному веселому характеру Марольда, и притомъ, надо замѣтить, уступающій съ годами

---

[1]) «...Талантъ, достаточно увѣренный въ себѣ, чтобы нуждаться въ чьемъ-либо совѣтѣ... прекрасный рисовальщикъ, который видитъ вещи, какъ онѣ есть.»

[2]) «если онъ хочетъ остаться тѣмъ, что онъ есть, то-есть прекраснымъ рисовальщикомъ, онъ не нуждается ни въ комъ. Онъ чудно одаренъ.»

[3]) «У него удивительные пріемы, рѣдкое чувство живописнаго. Это уже человѣкъ большого таланта въ своемъ родѣ, пусть онъ продолжаетъ работать въ томъ направленіи, въ которомъ онъ такъ хорошо преуспѣваетъ.»

[1]) Этотъ человѣкъ является дѣйствительно цѣлостной характерной личностью... Онъ видитъ самостоятельно, прямо и какъ слѣдуетъ, онъ прекрасно передаетъ то, что видитъ, съ необычайной увѣренностью... Это оригиналъ, отличающійся даромъ воспроизведенія современности. Онъ несомнѣнно рисовальщикъ, провидецъ и философъ, самъ того пока не сознающій. Его путь—стезя самостоятельности.»

Digitized by Google

мѣсто самой добросовѣстной объективности. Въ Парижѣ для его изощренной наблюдательности, для излюбленной имъ погони за характерными образами открылось неожиданно широкое поле. Необычайная природная воспріимчивость его была возбуждена до крайности невиданной имъ доселѣ кипучей жизнью бульваровъ, «лѣса», жизнью парижской улицы и изящнаго парижскаго свѣта, столь богатой мѣстными красками и нюансами, не повторяющимися нигдѣ въ другихъ европейскихъ центрахъ. Марольда съ первыхъ же дней пребыванія въ Парижѣ тянуло непреодолимо на улицу, въ эту кипящую толпу, его неудержимо влекло въ блестящій изощренный парижскій свѣтъ, столь богатый утонченнымъ чутьемъ изящнаго. Полъ-года проведенныхъ у Галланда были для него мукой, а бѣгство отъ него весной 1889 года—радостнымъ освобожденіемъ, несмотря на нешуточную заботу, какъ бы не умереть съ голоду среди обилія пищи духовной.

Декоративное панно.
(Съ пастели Марольда).

Лувріе и Галландъ предвидѣли судьбу, ожидавшую Марольда съ момента, когда онъ очутился въ своей стихіи на парижской улицѣ. Едва парижскіе издатели ознакомились съ карандашомъ и кистью Марольда на службѣ бульваровъ и салоновъ, какъ онъ былъ заваленъ грудой соблазнительно выгодныхъ заказовъ на всевозможныя иллюстраціи для романовъ и повременныхъ изданій.

Марольдъ, долго постившійся и духовно и матеріально на своей казенной стипендіи въ двѣсти франковъ и бѣдствовавшій затѣмъ три мѣсяца, потерявъ и эти гроши, бросился теперь съ полнымъ самозабвеніемъ въ омутъ гигантской ежедневной работы, доставлявшей ему, кромѣ легкой, шумной славы блеска столь прельщавшей его утонченной эстетической роскоши, также и глубокое внутреннее удовлетвореніе, на первое время, по крайней мѣрѣ...

Digitized by Google

Слава Марольда, какъ блестящаго иллюстратора, геніальнаго бытописателя Парижа, быстро росла, превосходя самыя смѣлыя ожиданія Галланда и его друзей, и доставляла скромному чешскому художнику всемірную извѣстность.

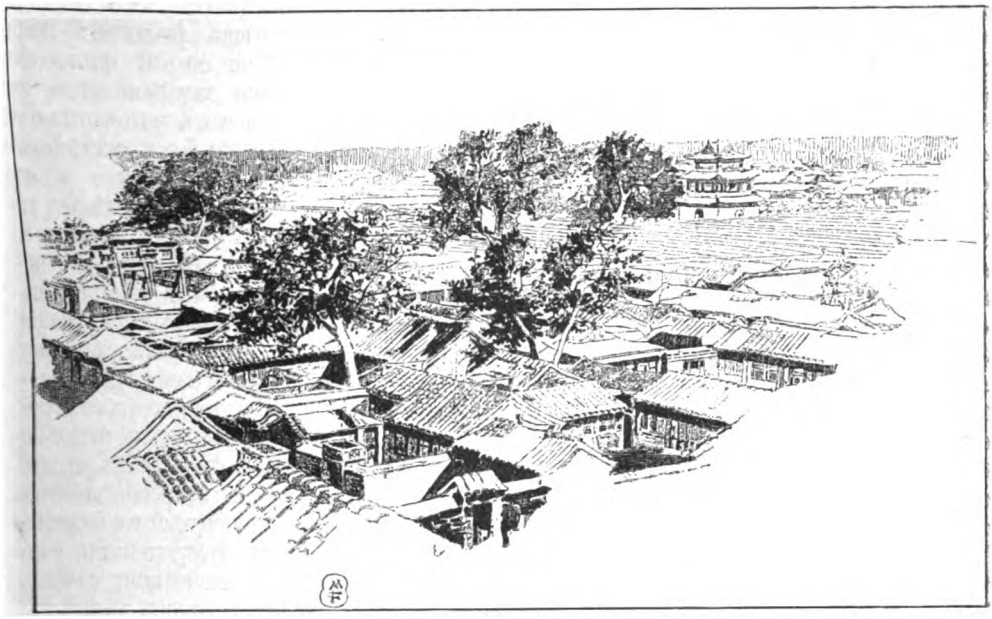
Пражскіе вкусы и увлеченія Марольда подвергаются въ Парижѣ значительной, вполнѣ естественной перемѣнѣ курса: культъ захолустной улицы и захудалыхъ человѣчковъ уступаетъ мѣсто вдохновенному служенію элегантной парижанкѣ и утонченно-изящному міру, въ которомъ она живетъ. Марольдъ чистосердечно восторгается парижанкой. Марольдъ боготворитъ ее, возноситъ ее на драгоцѣнный, роскошный пьедесталъ, увѣковѣчиваетъ ее въ той фазѣ, въ которой онъ ее засталъ и полюбилъ, — въ фазѣ 90-хъ годовъ XIX вѣка.

Парижанка.
(Рис. Марольда).

Кажется, нѣтъ положенія, нѣтъ позы, въ которой бы онъ ее не изобразилъ; нѣтъ привычки, замашки, движенія, жеста, улыбки, которыхъ бы онъ съ любовью не отмѣтилъ, и съ какой легкостью, изяществомъ, съ какою мягкостью гибкихъ женственныхъ линій! Парижанка Мароль да живетъ, она дышитъ... и вы вдыхаете ея ароматъ. Вамъ кажется, вы слышите шуршанье ея шелковыхъ юбокъ, слышите шелестъ ея кружевъ, слышите, какъ хрустнулъ ея туго стянутый корсетъ. Вамъ слышится ея милый смѣхъ, ея говоръ, ея шопотъ, и вы понимаете, что она говоритъ... Удивительно, какъ умѣлъ Марольдъ заставить говорить изображаемыхъ имъ людей! Это искусство, кажется, свойственно одному ему...

Весьма характерно, что въ изображеніи Марольдомъ парижанки вы нигдѣ не найдете тѣни столь свойственнаго ему прежде тонкаго юмора: она для него свята и неприкосновенна въ своей головокружительной прелести. А между тѣмъ нельзя сказать того же объ отношеніи Марольда къ парижанамъ: ихъ онъ не особенно-то щадитъ. Согнувшіяся въ колѣняхъ ноги, довольно жалкая дряблая фигура и не менѣе жалкая, утомленная животнымъ утомленіемъ физіономія не рѣдко украшаютъ Марольдовы наброски. Однако, надо отдать ему справедливость, что въ этихъ случаяхъ онъ вовсе не бываетъ золъ и никогда не шаржируетъ: онъ, по своему обыкновенію, добродушнѣйшимъ образомъ передаетъ одну голую правду, какъ ее видитъ. Вся разница въ отно-

Digitized by Google



Экзаменаціонный залъ, какимъ онъ виденъ съ обсерваторіи въ Пекинѣ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ КИТАѢ.

Китайское правительство издавна признавало заботы о народномъ образованіи за одну изъ главнѣйшихъ своихъ функцій. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ Китаѣ было установлено, что каждый гражданскій чиновникъ, каждый офицеръ, обязанъ имѣть соотвѣтственную ученую степень, народное образованіе получило тамъ прочную и къ тому же единообразную организацію на всемъ обширномъ пространствѣ Небесной Имперіи. Спеціально для того назначенные мандарины высокаго ранга ежегодно производятъ тамъ экзамены въ каждой губерніи; затѣмъ, черезъ каждые три года подобные же экзамены, но уже на высшія ученыя степени, происходятъ въ провинціяхъ; наконецъ, на самыя высокія степени экзамены производятся въ самомъ Пекинѣ, и для того, чтобы добиться на нихъ успѣха, необходимо предварительно посвятить себя очень прилежному изученію китайскихъ классиковъ чуть ли не до тридцатилѣтняго возраста.

Самый курсъ ученія не разъ подвергался въ Китаѣ большимъ измѣненіямъ въ различныя времена; но если задаться вопросомъ, когда именно установлена была тамъ современная школьная система, повлекшая за собою гибель умственнаго прогресса, — то можно отвѣтить, что это случилось лишь около тысячи лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Суньской династіи, когда подъ вліяніемъ великихъ китайскихъ философовъ и мастеровъ литературнаго стиля Шео, Шу, Шена и Шанга все школьное обученіе направлено было исключительно на ознакомленіе учениковъ съ древней китайской литературой. Названные философы были дѣйствительно гигантами мысли, но они впали въ ту фатальную ошибку, что обратили свои взоры исключительно на одно прошлое, вмѣсто того, чтобы заняться потребностями настоящаго, а китайскіе ученые затѣмъ уже слѣпо и неуклонно пошли по ихъ слѣдамъ.

За тысячу лѣтъ до нашей эры предметами

Digitized by Google

экзаменовъ въ Китаѣ служили: шесть добродѣтелей, въ томъ числѣ мудрость, милосердіе, вѣрность, честность; шесть родовъ поведенія и между ними сыновняя любовь, доброжелательность, миролюбіе, искренность; шесть искусствъ, а именно: стрѣльба изъ лука, верховая ѣзда, каллиграфія, счисленіе, музыка и искусство управлять своимъ имуществомъ (у китайцевъ есть и такое). Знаніе всего этого требовалось въ Китаѣ отъ чиновниковъ уже три тысячи лѣтъ тому назадъ. Во времена Ханской династіи, царствовавшей въ началѣ нашей эры, экзамены были ограничены почти исключительно лишь шестью искусствами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ былъ сдѣланъ шагъ громадной важности, а именно: введены были различные вопросы по географіи, государственному праву, а также объ общемъ состояніи государства, о его нуждахъ и потребностяхъ, наконецъ, объ угрожающихъ ему опасностяхъ; затѣмъ, на ряду съ отличнымъ знаніемъ древней литературы и исторіи, стало обращаться вниманіе на оригинальность мышленія и на умѣнье прилагать свои знанія къ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь явное доказательство того, что умственный прогрессъ нѣкогда существовалъ въ Небесной Имперіи; но достигши своей кульминаціонной точки—почти тысячу лѣтъ тому назадъ, затѣмъ онъ сталъ постепенно клониться къ упадку, выразившемуся по преимуществу въ подавленіи всякой индивидуальной оригинальности въ ученыхъ.

Вотъ вкратцѣ тотъ курсъ ученія, который въ настоящее время проходитъ всякій образованный китаецъ. Въ каждой китайской деревнѣ, какъ разсказываетъ Роминъ Хичкокъ въ своемъ этюдѣ «Chinese Education», непремѣнно существуетъ общественная школа, въ которой преподаваніе производится по системѣ, установленной еще во времена Ханской династіи и, слѣдовательно, существующей уже почти двѣ тысячи лѣтъ. Въ такой школѣ ученики научаются письменно изображать и выговаривать тѣ немногіе простые знаки, при посредствѣ которыхъ изображаются самые обыденные предметы. Но правильный курсъ ученія, который долженъ послужить ближайшимъ основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ будущаго ученаго, начинается съ заучиванія классическихъ стихотвореній, за которыми слѣдуютъ четыре книги Конфуція и пять священныхъ классиковъ. Замѣчательно, что китайцы обыкновенно уже въ очень раннемъ возрастѣ начинаютъ изученіе своей философіи, но при этомъ классики заучиваются ими лишь въ зубрежку, при чемъ запоминаются одни звуки словъ, нерѣдко безъ малѣйшаго пониманія ихъ значенія, такъ что многіе изъ китайцевъ могутъ произнести цѣлыя тирады изъ классическихъ книгъ, нимало не понимая, что собственно эти тирады означаютъ. Лишь послѣ того, какъ ученикъ выучилъ всѣ вышепоименованныя сочиненія наизусть, для него начинается изученіе смысла и значенія тѣхъ знаковъ, изъ которыхъ они состоятъ, и затѣмъ все послѣдующее ученіе заключается уже исключительно лишь въ разъясненіи текстовъ, знакъ за знакомъ, — въ разъясненіи, сопровождаемомъ обыкновенно болѣе или менѣе глубокомысленными философскими разсужденіями учителя и дополняемомъ объясненіями самыхъ философскихъ доктринъ. Таковъ общій характеръ всѣхъ послѣдующихъ учебныхъ работъ китайца, при посредствѣ которыхъ онъ можетъ достигнуть высшихъ ученыхъ степеней.

Классическія стихотворенія составляютъ родъ общей энциклопедіи знанія. Въ нихъ трактуется о воспитаніи, о природѣ человѣка, объ общественныхъ обязанностяхъ его, о происхожденіи чиселъ, о трехъ великихъ властяхъ, о временахъ года, о странахъ свѣта, о хлѣбныхъ растеніяхъ и о животныхъ; кромѣ того, тамъ излагаются нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, а также дается понятіе о множествѣ другихъ вещей. Они написаны однимъ изъ учениковъ Конфуція такъ, что каждая строчка ихъ заключаетъ въ себѣ три знака. Далѣе, первая изъ четырехъ классическихъ книгъ Конфуція трактуетъ о Великомъ Ученіи, которое научаетъ «прославлять высокія добродѣтели, обновлять народъ и пребывать въ величайшемъ совершенствѣ». Въ немъ разсказывается о древнихъ, что они путемъ прославленія высокихъ добродѣтелей достигли прежде всего благоустройства въ государствѣ, что затѣмъ вслѣдствіе этого они устроили на прочныхъ основаніяхъ свою семейную жизнь; что регулярная семейная жизнь способствовала ихъ самоусовершенствованію, возвышала ихъ души, дѣлала болѣе искренними ихъ чувства, а все это въ совокупности способствовало расширенію ихъ знаній до крайнихъ возможныхъ предѣловъ.

Digitized by Google

Павильонъ Императорской Академіи въ Пекинѣ.

Такова излюбленная у китайцевъ теорія государства, въ основаніи которой, по ихъ мнѣнію, лежитъ мудрость и нравственное чувство.

Во второй книгѣ Конфуція излагается ученіе о человѣкѣ или о неизмѣнномъ Центрѣ. Она заключаетъ въ себѣ разсужденіе о нравственности, при чемъ за основной принципъ послѣдней признается то философское положеніе, что добродѣтель всегда находится на равномъ разстояніи отъ двухъ противоположныхъ крайностей, а потому гармоническій центръ есть источникъ всего истиннаго, прекраснаго и хорошаго. Отъ человѣка же требуется, чтобы онъ всегда шелъ по пути долга, а этого онъ можетъ достигнуть лишь постояннымъ неустаннымъ наблюденіемъ надъ самимъ собою. Затѣмъ третья книга представляетъ собою собраніе нравственныхъ правилъ и сентенцій замѣчательнѣйшихъ философовъ, а четвертая есть книга Мена, обыкновенно называемаго у насъ Менціусомъ, какъ наименовали этого философа отцы-іезуиты. Изъ пяти священныхъ классическихъ книгъ первую составляетъ знаменитая И-Кингъ, Книга Перемѣнъ; она заключаетъ въ себѣ довольно малопонятное изложеніе различнаго рода гаданій, совершенно превышающее наше пониманіе. Далѣе, въ слѣдующей книгѣ излагается исторія древнихъ китайскихъ династій, начиная съ VIII вѣка до Р. Хр. Третья книга составляетъ сборникъ стихотвореній; въ четвертой содержится описаніе богослужебныхъ обрядовъ, и, наконецъ, пятая есть, такъ называемая, Книга Весны и Осени. Въ ней трактуется о Конфуціи, его жизни, и приводятся отзывы его о государяхъ, относившихся съ почтеніемъ къ древнимъ обычаямъ, а также разсказывается о тѣхъ несчастіяхъ, которыя происходятъ со всякимъ, кто пренебрегаетъ стариною.

Таковъ въ настоящее время образовательный курсъ и таковъ порядокъ его у китайцевъ. Курсъ этотъ, правда, сильно развиваетъ и укрѣпляетъ память, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣйствуетъ губительно на разумъ. Онъ дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ практической жизни до того, что нерѣдко многоученый китаецъ бываетъ не въ состо-

Digitized by Google

яніи написать своему знакомому самаго простого, дружескаго письма,—до такой степени голова его набита изреченіями разныхъ классическихъ философовъ и поэтовъ.

Существующая нынѣ въ Китаѣ система конкурсныхъ экзаменовъ на различныя гражданскія и военныя должности также очень древняго происхожденія; начало ея относится къ временамъ Сунской династіи, царствовавшей около 2200 лѣтъ до Р. Хр. Обыкновенно предварительные экзамены производятся тамъ мѣстными властями, которыя лицамъ, успѣшно сдавшимъ ихъ, выдаютъ особыя удостовѣренія въ томъ. Затѣмъ, въ два года разъ особый чиновникъ, носящій титулъ литературнаго канцлера, посѣщаетъ каждую губернію и производитъ тамъ экзамены на степень сью-тзая, соотвѣтствующую до нѣкоторой степени нашей прежней кандидатской степени. Лица, удостоенныя этой степени, получаютъ право приступить затѣмъ къ провинціальнымъ экзаменамъ, которые происходятъ черезъ каждые три года. Они производятся въ особо устроенныхъ, спеціально для этой цѣли зданіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ экзаменаціонныхъ залъ. Такіе залы находятся непремѣнно въ главномъ городѣ каждой провинціи и имѣютъ вездѣ то же самое внутреннее расположеніе, что и большой экзаменаціонный залъ въ Пекинѣ. На провинціальныхъ экзаменахъ экзаменаторами являются: литературный канцлеръ, мѣстный генералъ-губернаторъ или вице-король и нѣсколько ассистентовъ къ нимъ, назначаемыхъ изъ числа вице-президентовъ столичныхъ государственныхъ учрежденій. Экзамены эти длятся обыкновенно по восьми мѣсяцевъ, при чемъ число экзаменующихся простирается отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ, сходящихся сюда изо всѣхъ мѣстъ той провинціи, гдѣ производятся экзамены, но число лицъ, выдерживающихъ послѣдніе, рѣдко превышаетъ, въ среднемъ, триста человѣкъ, которые и получаютъ степень, называемую кюэнь—провинціальный ученый. Интересно, что тѣ изъ кандидатовъ, которые неоднократно приступали къ означеннымъ экзаменамъ,—хотя бы они и не могли ихъ сдать успѣшно,—получаютъ, по достиженіи возраста отъ 80 до 90 лѣтъ, степень кюэня honoris causa, какъ бы въ награду за свое прилежаніе и постоянную ревность къ наукѣ.

Самые экзамены въ Китаѣ заключаются исключительно въ представленіи сочиненій, которыя должны быть написаны въ строго классическомъ стилѣ и непремѣнно на память, безъ какихъ бы то ни было научныхъ пособій. При этомъ личность автора каждаго сочиненія маскируется псевдонимомъ, а для того, чтобы экзаменаторы не могли узнать ее по почерку, каждое передаваемое имъ экзаменаціонное сочиненіе непремѣнно ранѣе того переписывается особыми писцами, состоящими при экзаменаціонныхъ комиссіяхъ и находящимися подъ строгимъ наблюденіемъ особыхъ контролеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ самими экзаменующимися учрежденъ постоянный строгій надзоръ, гарантирующій насколько возможно, что тутъ не будутъ допущены никакія неправильности или послабленія.

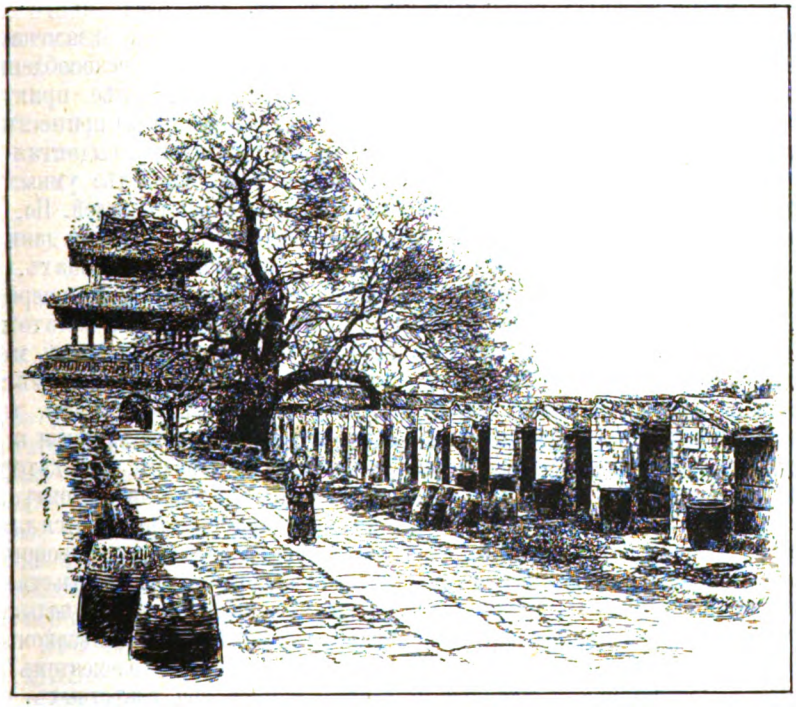
Чтобы дать понятіе о характерѣ темъ, на которыя пишутся въ Китаѣ экзаменаціонныя сочиненія, приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ темъ. Такъ, въ одномъ случаѣ требовалось, чтобы были приведены избранныя мѣста изъ всѣхъ сочиненій Конфуція по поводу слѣдующаго его выраженія: «По истинѣ великъ былъ Йау, какъ государь. Какимъ величіемъ обладалъ онъ! Какъ высоки были его добродѣтели! Народъ не могъ даже пріискать ему достойнаго имени!» Другая тема, по предмету ученія о человѣкѣ, гласила: «Онъ (Конфуцій) находится въ полной гармоніи съ небесными временами» (sic!). Еще одна тема касалась разрѣшенія такой задачи: «Всѣ однородные предметы схожи другъ съ другомъ. Можемъ ли мы предполагать, что одни только люди составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе? Но вѣдь мудрецы и мы принадлежимъ къ одному и тому же роду.»

И слѣдуетъ замѣтить, что для образованнаго китайца сочиненія на подобныя высокопарныя темы не могутъ никогда представить большихъ затрудненій, — конечно, если только онъ хорошо освоился съ изреченіями древнихъ философовъ,—тѣмъ болѣе, что тутъ все дѣло лишь въ памяти да въ искусномъ комбинированіи мыслей классиковъ; оригинальности же совершенно никакой не требуется.

Слѣдующіе экзамены на еще болѣе высокую ученую степень—чинъ-ше, столичнаго ученаго, производятся уже въ Пекинѣ. Къ нимъ имѣетъ доступъ всякій китаецъ, удостоенный степени кюэня, и въ каждомъ провинціальномъ китайскомъ городѣ непремѣнно существуетъ особое учебное заведеніе, подъ

Digitized by Google

управленіемъ какого-нибудь отставного мандарина высокаго ранга, для приготовленія всѣхъ желающихъ подвергнуться испытаніямъ на означенную степень. Тамъ экзамены происходятъ одинъ разъ въ три года, и на нихъ собирается обыкновенно отъ шести до десяти тысячъ претендентовъ, изъ которыхъ едва полтораста человѣкъ удостаиваются искомой степени. Производятся эти экзамены слѣдующимъ образомъ: каждый изъ подвергающихся испытанію помѣщается въ одну изъ узкихъ келій, причемъ ему дозволяется принести туда съ собою лишь принадлежности для письма да то самое платье, въ какое онъ одѣтъ. Въ такой уединенной кельѣ онъ проводитъ въ совершенномъ одиночествѣ около трехъ дней и двухъ ночей, будучи при этомъ вполнѣ изолированъ отъ всего остального міра. Покинуть своей кельи онъ въ теченіе всего этого времени не имѣетъ права, и самая пища приносится ему туда особыми прислужниками. Понятно, что люди со слабымъ здоровьемъ не всегда бываютъ въ состояніи выдержать подобный карантинъ, и смертные случаи между экзаменующимися вовсе не составляютъ тамъ очень большой рѣдкости. Кельи, въ которыхъ размѣщаются экзаменующіеся, расположены рядами на широкой площади, окруженной со всѣхъ сторонъ стѣнами. Въ каждомъ ряду находится 75 келій, и каждые тридцать рядовъ раздѣлены между собою широкимъ проходомъ; всѣхъ же келій вокругъ одного лишь центральнаго экзаменаціоннаго павильона въ Пекинѣ считается около шести тысячъ; кромѣ того, вблизи его есть еще много другихъ такихъ же келій, точно такъ же размѣщенныхъ на участкахъ, огороженныхъ со всѣхъ сторонъ стѣнами.



Проходъ между рядами келій для экзаменующихся въ Пекинѣ.

Для предупрежденія какихъ бы то ни было обмановъ и подвоховъ при экзаменахъ принимаются обыкновенно всевозможныя мѣры предосторожности. Но, не смотря на всю бдительность надзирателей и контролеровъ, тутъ все-таки иногда бываютъ случаи надувательства. Такъ, однажды съ однимъ изъ очень почтенныхъ сановниковъ произошелъ на этихъ экзаменахъ слѣдующій куріозный

Digitized by Google

эпизодъ. Заподозрѣвъ одного молодого человѣка, принадлежавшаго къ очень богатой семьѣ, что представленная имъ письменная работа, оказавшаяся къ тому же во всѣхъ отношеніяхъ до такой степени превосходной, что давала ему право считаться выдержавшимъ экзамены лучше всѣхъ, изготовлена не имъ самимъ, этотъ сановникъ рѣшился взять этого юношу подъ свое непосредственное наблюденіе и при такихъ условіяхъ сепаратно проэкзаменовать его еще разъ. Для этого онъ былъ помѣщенъ въ одну изъ наиболѣе изолированныхъ келій; а чтобы предупредить возможность обмана со стороны прислужниковъ, экзаменаторъ совершенно запретилъ имъ входить въ келью, принявъ на самого себя обязанность доставлять пищу экзаменовавшемуся. И вотъ однажды, когда тотъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, тщетно изощряясь надъ разрѣшеніемъ предложенной ему задачи и пытаясь найти какъ-нибудь способъ выпутаться изъ того затрудненія, въ которомъ онъ очутился, вдругъ къ нему въ келью входитъ самъ почтенный сановникъ, неся кое-что закусить. Но когда послѣдній обернулся къ нему спиною, чтобы удалиться, то молодой человѣкъ увидѣлъ, что у него на спинѣ прикрѣпленъ тонкій листъ бумаги, который онъ тотчасъ же ловко и отцѣпилъ. Оказалось, что на этомъ листѣ было написано разсужденіе именно на заданную ему тему, которымъ онъ, конечно, и воспользовался. Прислужникъ же за подобную находчивость былъ имъ одаренъ такъ щедро, какъ только могъ ожидать.

Наконецъ, самая высшая ученая степень тьэнъ-ше присуждается только послѣ четвертаго конкурснаго экзамена, который производится внутри императорскаго дворца и къ которому допускаются лишь лица, имѣющія третью ученую степень чинъ-ше. Выдержавшіе этотъ послѣдній экзаменъ обыкновенно принимаются затѣмъ императоромъ въ особой аудіенціи и назначаются членами литературной коллегіи Ханъ-Линъ, причемъ имъ дается титулъ Сью-Шванъ,—редактора. Нѣкоторые же получаютъ и иные высокіе титулы, считаясь въ то же время въ составѣ коллегіи Ханъ-Линъ. Кое-кто изъ нихъ иногда назначается даже на какую-нибудь изъ высшихъ должностей въ имперіи. Что же касается лицъ, имѣющихъ степень чинъ-ше, то они являются ближайшими кандидатами на замѣщеніе всякихъ государственныхъ должностей въ провинціяхъ. Такова, въ общихъ чертахъ, система народнаго образованія въ Китаѣ. Несомнѣнно, что она заключаетъ въ себѣ очень много хорошихъ сторонъ, и при иныхъ экзаменаціонныхъ требованіяхъ, болѣе приспособленныхъ къ современной жизни, болѣе практическаго характера, она могла бы принести громадную пользу государству, выдвигая въ немъ на первый планъ наиболѣе умныхъ, развитыхъ и образованныхъ людей. Но, къ сожалѣнію, китайское образованіе давно уже замерло на старинныхъ образцахъ, и знаніе тамъ нисколько не двигается впередъ. Впрочемъ, есть еще и другой недостатокъ у этой системы, а именно она создаетъ массу кандидатовъ на правительственныя мѣста, только и ожидающихъ, когда же, наконецъ, освободятся желанныя вакансіи и они займутъ такія должности, на которыя считаютъ себя въ правѣ претендовать. А если подобныя вакансіи открываются для нихъ не достаточно скоро, то они уже ропщутъ, изъявляя громко свое неудовольствіе. Когда же такихъ лицъ много, то нельзя не признать, что они являются, во всякомъ случаѣ, крайне безпокойнымъ элементомъ въ обществѣ и могутъ при извѣстныхъ условіяхъ надѣлать правительству не мало хлопотъ. Но, конечно, и это можно бы устранить, если бы только образованіе въ Китаѣ приняло болѣе практическое направленіе, и такія лица получили бы возможность посвящать свои знанія не одной только правительственной, но вообще всякой культурной дѣятельности, требующей развитія и знаній для того, чтобы быть успѣшной.

Превращеніе скромной фіалки въ злобнаго китайца.

Digitized by Google

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Чувство острой боли, причиняемое полякамъ памятью о 1863 годѣ, кажется, начинаетъ мало-по-малу утихать. Наступаетъ время болѣе спокойнаго, вдумчиваго и сознательнаго отношенія къ этому горячечному пароксизму, потрясшему польскій народный организмъ тридцать семь лѣтъ тому назадъ. Слѣдуетъ отдать справедливость полякамъ — племени немножко безтолковому (что же дѣлать, если исторія его ничему путному не научила!), но несомнѣнно способному и живучему: оно не похоронило себя подъ гнетомъ тяжелаго испытанія, быстро оправилось и, послѣ короткаго періода унынія, вызваннаго неудачнымъ исходомъ возстанія, съ энергіей и свойственной ему жизнерадостностью вновь взялось за работу. Результаты этой работы—у всѣхъ на глазахъ. Польша достигла экономическаго процвѣтанія, польское общество никакъ нельзя упрекнуть въ равнодушіи къ умственнымъ интересамъ; даже польскій крестьянинъ начинаетъ просыпаться отъ долгаго сна, начало котораго затерялось гдѣ-то еще въ средніе вѣка.

Рана зажила, и теперь являются попытки опредѣлить, какого собственно рода болѣзненный процессъ переживала Польша въ 1863 году. Это интересно, что теперь сами поляки берутся за рѣшеніе даннаго вопроса. О событіяхъ послѣдняго возстанія писали много и многіе, но толку отъ этого было очень мало. Страницы нашихъ историческихъ ежемѣсячниковъ частенько наполнялись писаніями разныхъ «воспоминателей», стремившихся быть краснорѣчивыми въ изображеніи всякихъ ужасовъ, которыхъ не занимать стать въ мятежѣ; но для исторіи одного краснорѣчія мало. Впрочемъ, нельзя многаго и требовать отъ тѣхъ, на долю которыхъ выпала въ свое время не совсѣмъ пріятная обязанность участвовать въ тушеніи этого пожара и которые разсказываютъ теперь о томъ, что имъ приходилось видѣть и слышать. Они видѣли только внѣшнія проявленія возстанія; видѣли, какъ пламя перебрасывало съ одной мѣстности на другую, какъ гибли среди общаго смятенія люди, совершенно ни въ чемъ неповинные; видѣли общую панику, кровь, слышали стоны пострадавшихъ—о томъ и пишутъ. Исключеніе представляютъ записки Берга [1]), но это потому,

[1]) Напечатаны въ «Русск.. Архивѣ» 1870—1873 г. (изданы и отдѣльно) и въ «Русской Старинѣ» 1879 г.

Digitized by Google

что авторъ писалъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ. Внутреннія пружины возстанія, всѣ мелочи его организаціи, составъ руководителей—все это для авторовъ мемуаровъ вещь вполнѣ неизвѣстная (за исключеніемъ, повторяемъ, Берга, которому были доступны нѣкоторые драгоцѣннѣйшіе первоисточники). Мы въ правѣ ожидать, что эти подробности возстанія разскажутъ намъ польскіе писатели.

Только-что вышедшій отдѣльной книжкой историческій этюдъ извѣстнаго польскаго писателя Валерія Пржиборовскаго [1]) о событіяхъ второй половины 1862 года проливаетъ много свѣта на подготовительный періодъ возстанія. Очеркъ этотъ далеко не имѣетъ исчерпывающаго значенія; авторомъ почему-то опущено много событій, бывшихъ слишкомъ явными предвѣстниками надвигавшейся грозы. Во всякомъ случаѣ, г. Пржиборовскій даетъ такъ достаточно фактическаго матеріала, что его очеркъ будетъ служить необходимѣйшимъ пособіемъ при обработкѣ полной исторіи возстанія. Опуская общеизвѣстные факты, мы выберемъ свѣдѣнія о тѣхъ внутреннихъ пружинахъ, взаимодѣйствіемъ которыхъ была подготовлена катастрофа.

Ко времени назначенія великаго князя Константина Николаевича намѣстникомъ Царства Польскаго, а маркиза Велепольскаго—начальникомъ гражданской части, агитаціонная дѣятельность тайныхъ кружковъ въ Польшѣ достигла полнаго разгара. Во главѣ этой дѣятельности стоялъ и ею руководилъ широко развѣтвившійся «Центральный народный комитетъ» — органъ партіи красныхъ. Для представителей этой партіи возстаніе давно уже было дѣломъ вполнѣ рѣшеннымъ, и всякая помѣха приводила ихъ только въ раздраженіе. Существовала еще партія умѣренныхъ или бѣлыхъ, которая спокойнѣе смотрѣла на вещи, жаждала успокоенія для края, но была малодѣятельною и непредпріимчивою. Послѣдняя партія возлагала большія надежды на назначеніе намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича, ѣхавшаго съ неограниченными полномочіями: онъ могъ провести реформы, обезпечивающія краю самоуправленіе съ извѣстной долей свободы языка и религіи, а этого для бѣлыхъ было достаточно.

Иначе отнеслись къ пріѣзду великаго князя красные. Въ ихъ интересахъ было — «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Они всего болѣе желали введенія суроваго военнаго управленія въ краѣ, разсчитывая, что при этомъ условіи возстаніе вспыхнетъ скорѣе и ярче. Поэтому назначеніе великаго князя, ѣхавшаго въ край съ пальмовою вѣтвью, было имъ сильно не на руку. Покушеніе на генерала Лидерса (предшественника великаго князя по намѣстничеству) было устроено съ задней мыслью—показать, что положеніе дѣлъ въ Варшавѣ очень серіозно и пребываніе великаго князя небезопасно. Когда выяснилось, что выстрѣлъ прозвучалъ напрасно, красные стали заботиться о томъ, чтобы помѣшать веденію примирительной политики.

Не дремалъ и Велепольскій, которому достаточно было извѣстно расположеніе партій. Желая парализовать противодѣйствіе красныхъ, онъ задумалъ очень страннымъ способомъ убрать ихъ со сцены. Въ одномъ изъ совѣщаній партіи бѣлыхъ представитель ея, банкиръ Леопольдъ Кроненбергъ объявилъ о желаніи Велепольскаго, чтобы бѣлые предали въ руки маркиза весь центральный комитетъ; маркизъ ручался, что онъ не будетъ губить «красныхъ», вышлетъ ихъ только для вида въ Россію, а когда край успокоится, они будутъ возвращены.

Послѣ живыхъ преній бѣлые постановили согласиться на требованіе маркиза. Но кто рѣшится поднять руку на своихъ же сородичей? Изъ среды бѣлыхъ только Карлъ Маевскій зналъ во всѣхъ подробностяхъ организацію и составъ партіи красныхъ. Его-то и начали убѣждать взять на себя это щекотливое дѣло. Маевскій нѣсколько разъ вмѣстѣ съ Кроненбергомъ посѣщалъ маркиза, торжественно увѣрявшаго, что «волосъ не спадетъ съ головы» выданныхъ, но этой клятвы Маевскому было мало. Онъ потребовалъ, чтобы объ этой комбинаціи былъ составленъ за подписью маркиза и всѣхъ членовъ дирекціи бѣлыхъ протоколъ въ трехъ экземплярахъ: изъ нихъ одинъ долженъ быть высланъ въ какой-нибудь изъ польскихъ архивовъ за границей, другой такимъ же образомъ положенъ на сохраненіе въ краѣ, а третій врученъ ему, Маевскому. Велепольскій отвергъ эти условія, Маевскій не согласился на иныхъ быть предателемъ, и

[1]) Walery Przyborowski. Historya sześciu miesięcy. Ustęp z dziejow 1862 roku. 1901 (!)

Digitized by Google

вся эта комбинація рушилась. Для полноты слѣдуетъ прибавить, что два дня спустя послѣ отказа Маевскій посаженъ былъ въ цитадель, гдѣ пробылъ годъ.

Какъ секретно ни велось это дѣло, красные все-таки провѣдали, какой готовился для нихъ репримандъ. Не было никакого сомнѣнія, что Велепольскій возымѣлъ намѣреніе такъ или иначе порѣшить съ красными, стоявшими ему помѣхою на пути широкозадуманныхъ реформъ. Не удалось узнать «корней и нитей» отъ Маевскаго—найдется другой, болѣе податливый. И вотъ двое изъ красныхъ—Хмѣленскій и Домбровскій, числившіеся въ рядахъ самой крайней лѣвой (за что ихъ изгналъ изъ своего состава даже центральный комитетъ), рѣшили повести дѣло такъ, чтобы приблизить потуги возстанія: убить Велепольскаго и такимъ образомъ прервать нервъ политики примиренія съ Россіей. При этомъ они предположили, воспользовавшись замѣшательствомъ, напасть на центральный комитетъ, захватить власть въ свои руки и тутъ же объявить вооруженное возстаніе.

Какъ Хмѣленскій, такъ и Домбровскій настолько дорожили собой, что не стали подвергать себя неизбѣжной опасности, сопряженной съ выполненіемъ покушенія, да и зачѣмъ, когда вокругъ было столько горячихъ головъ, готовыхъ по первому зову стрѣлять куда попало! Нашелся молодой подмастерье — портной Ярошинскій, человѣкъ скрытный, угрюмый, несообщительный, подъ маской наружной апатіи таившій желѣзный характеръ и разгоряченное воображеніе, заявившій, что «если дѣло идетъ о благѣ отчизны, то онъ готовъ на все». На помощь ему данъ былъ его коллега Родовичъ. Когда въ газетахъ объявлено было о днѣ пріѣзда въ Варшаву великаго князя Константина Николаевича, заговорщики внезапно измѣнили свое рѣшеніе и постановили вмѣсто Велепольскаго обратить покушеніе на великаго князя.

Утромъ 2-го іюля Хмѣленскій вооружилъ Ярошинскаго и Домбровскаго револьверами и стилетами и отправилъ на вокзалъ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, замѣтивши, что такъ какъ при встрѣчѣ великаго князя будетъ и маркизъ, то они съ удобствомъ могутъ выполнить обѣ цѣли. Подготовивши такимъ образомъ покушеніе, Хмѣленскій съ единомышленниками устремились къ помѣщенію центральнаго комитета, чтобы разогнать его и самимъ взять власть въ руки. Ворвавшись въ залъ, гдѣ происходило засѣданіе комитета, они потребовали повелительнымъ тономъ, чтобы власть была отдана имъ. Пока шли споры, подоспѣлъ одинъ изъ полицейскихъ агентовъ (тайно принадлежавшій къ комитету) и доложилъ о благополучномъ пріѣздѣ великаго князя. Хмѣленскій увидѣлъ, что покушенія не было, и ретировался.

На другой день великій князь посѣтилъ православный соборъ и католическій каѳедральный костелъ. Громадная толпа тѣснилась по улицамъ; среди нея таились оба заговорщика. Вечеромъ великій князь Константинъ Николаевичъ былъ въ театрѣ. Когда онъ вышелъ къ подъѣзду, изъ толпы высунулся Ярошинскій и протянулъ руку; великій князь наклонился, думая, что это—податель просьбы, но въ эту минуту грянулъ выстрѣлъ. Къ счастію, пуля лишь слегка оцарапала плечо и застряла въ шнуркѣ отъ театральнаго бинокля. Великій князь возвратился въ аванъ-ложу, гдѣ ему сдѣлали перевязку, и тутъ же собственноручно написалъ депешу о случившемся въ Петербургъ.

Вѣсть о покушеніи молніей разнеслась по городу и произвела угнетающее впечатлѣніе. Спокойные элементы опасались, что покушеніе неминуемо повлечетъ суровый режимъ; очень многіе помимо всякихъ стороннихъ соображеній удручались тѣмъ, что покушеніе кладетъ пятно на польскую національную честь, такъ какъ рука злоумышленника поднялась на человѣка, одушевленнаго самымъ искреннимъ доброжелательствомъ къ полякамъ. Явилась мысль ослабить тяжелое впечатлѣніе, поставить ему какой-нибудь противовѣсъ. Съ этой мыслью католическій архіепископъ Фелинскій на другой день утромъ собралъ всѣхъ канониковъ на совѣщаніе и объявилъ, что онъ намѣренъ отправить торжественное благодарственное богослуженіе и произнести проповѣдь. Едва Фелинскій объявилъ объ этомъ, какъ послышался голосъ каноника Ржевускаго въ тонѣ самаго рѣзкаго протеста: «А, по мнѣ, и богослуженія не нужно, и проповѣди не нужно.» Наступила мертвая тишина. Но Фелинскій нашелся: онъ объявилъ, что по принятому порядку первый голосъ должны давать младшіе по лѣтамъ и по сану, зная хорошо,

Digitized by Google

что этимъ младшимъ оказывается ксендзъ Домагальскій, заявившій себя противникомъ революціоннаго движенія. Вызванный такимъ образомъ, ксендзъ Домагальскій горячо сталъ доказывать, что слѣдуетъ обставить богослуженіе особенной торжественностью, а Фелинскій въ своей проповѣди долженъ суровѣйшимъ образомъ громить это разбойничество. Архіепископъ поспѣшилъ утвердить это мнѣніе, и всѣ разошлись.

Въ тотъ же день, около полудня состоялся въ Бельведерскомъ дворцѣ пріемъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, явившихся къ великому князю съ поздравленіями. Августѣйшій намѣстникъ обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, выразилъ, что если пролитая вчера кровь укрѣпитъ довѣріе къ нему поляковъ, то онъ будетъ считать этотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни. Во время пріема случился одинъ эпизодъ, давшій обильнѣйшую пищу для сплетенъ и пересудовъ по всей Варшавѣ. Среди присутствовавшихъ былъ графъ Андрей Замойскій, предсѣдатель Земледѣльческаго общества, принципіальный противникъ Велепольскаго. Во время пріема онъ держалъ себя въ высшей степени холодно, а когда великій князь обратился къ нему съ заявленіемъ, что онъ разсчитываетъ на его содѣйствіе, Замойскій не обмолвился ни полъ-словомъ и даже якобы не вполнѣ охотно подалъ руку великому князю. Варшаву облетѣла вѣсть, что великій князь хотѣлъ помирить Замойскаго и Велепольскаго, но что когда онъ хотѣлъ взять Замойскаго за руку, тотъ отшатнулся, видя, что великій князь другой рукой притянулъ къ себѣ Велепольскаго.

Какъ ни случайны и незначительны сами по себѣ приведенные факты, но они ясно показываютъ, до чего сильно накалена была общественная атмосфера въ Варшавѣ и какъ затруднительно было положеніе намѣстника. Ему приходилось имѣть своимъ ближайшимъ сотрудникомъ человѣка, имя котораго было чрезвычайно непопулярно. Маркиза Велепольскаго не любили съ рѣдкимъ единодушіемъ, и тутъ очень характерно вотъ какое обстоятельство. Что Велепольскій любилъ свою отчизну, не менѣе всѣхъ красныхъ, не менѣе ихъ желалъ ей добра,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не подлежитъ также сомнѣнію, что изъ всѣхъ тогдашнихъ польскихъ дѣятелей у Велепольскаго была самая ясная и притомъ выработанная до мелочей общественная программа, тогда какъ другіе довольствовались только преданностью отчизнѣ, очень смутно представляя себѣ, какъ ей можно помочь, имѣя очень много горячей готовности идти до лясу и вовсе не задумываясь, что изъ этого выйдетъ. Такимъ образомъ нерасположеніе поляковъ къ Велепольскому вовсе не имѣло характера принципіальнаго разногласія во взглядахъ, въ общественной программѣ: нѣтъ, это была какая-то личная непріязнь, несправедливая и жестокая, и тѣмъ не менѣе въ событіяхъ тогдашнихъ ей принадлежала не малозначительная роль.

Не успѣло еще улечься волненіе, вызванное покушеніемъ на великаго князя Константина Николаевича, какъ Варшава снова была поднята на ноги двукратнымъ покушеніемъ на маркиза Велепольскаго. Мы не станемъ передавать подробностей объ этихъ покушеніяхъ. Въ главныхъ чертахъ они напоминаютъ разсказанное нами покушеніе Ярошинскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь искателями Геростратовой славы явились мелкіе варшавскіе ремесленники (Рылль и Ржонца), дѣйствовавшіе не по собственной иниціативѣ, а по вдохновенію, исходившему отъ того же Хмѣленскаго. Оба покушенія окончились безвредно для маркиза. Злоумышленники были казнены. Великій князь обратился съ прокламаціей къ полякамъ, въ которой, изложивши прискорбныя событія недавняго времени, горячо приглашалъ ихъ порвать всякую связь съ партіей, умѣющей только разрушать, а не строить, и выдти на дорогу спокойнаго развитія, обезпечиваемаго реформами, настоящими и будущими. Нашлись люди, серіозно взглянувшіе на положеніе дѣлъ и внимательно прислушавшіеся къ голосу намѣстника. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время даже смотрѣвшіе на событія сквозь розовые очки не сомнѣвались, что естественный ходъ событій неминуемо ведетъ къ открытому возстанію. Среди партіи умѣренныхъ явилась мысль повернуть колесо событій въ другую сторону.

Провинціальная шляхта въ большей своей части принадлежала къ партіи бѣлыхъ. Простосердечные захолустные шляхтичи съ величайшимъ сочувствіемъ приняли прокламацію, были даже тронуты ею и, не долго раздумывая, стали съѣзжаться группами и съ живѣйшимъ интересомъ дебатировать во-

Digitized by Google

просъ о содѣйствіи намѣстнику—не словомъ, а дѣломъ. Всеобщее оживленіе, охватившее медвѣжьи углы Польши, не замедлило отразиться и на Варшавѣ. Болѣе нетерпѣливые изъ шляхтичей безъ дальнихъ разсужденій ѣхали въ Варшаву, чтобы почерпнуть руководство отъ главарей партіи бѣлыхъ. Судили-рядили и порѣшили вотъ на чемъ: чтобы успокоить Польшу, необходимо возвратить ей конституцію 1815 г. и присоединить къ ней Литву, Волынь, Подолію и Украину, которымъ дать тѣ реформы, которыя уже получило царство Польское. Эти desiderata партія бѣлыхъ и рѣшила представить Велепольскому, прося его содѣйствія и съ своей стороны обѣщая ему помощь во всемъ.

Маркизъ принялъ депутацію сухо и холодно; молчаливо выслушавши ораторовъ, онъ гордо отвѣтилъ: «Ни вашей, ни чьей бы то ни было помощи я не ищу и не требую. Для поляковъ можно иногда что-нибудь доброе сдѣлать, но съ поляками—никогда.» Всѣ поняли, что съ этого момента возникла глубокая пропасть между маркизомъ и бѣлыми.

Случилось такъ, что бѣлымъ еще разъ представилась возможность выдвинуться на первый планъ и занять доминирующее положеніе въ водоворотѣ тогдашнихъ событій.

Въ то время какъ провинціальные простецы, въ прямотѣ своего открытаго сердца, шумно вламывались въ Варшаву съ завѣреніями своихъ чувствъ,—болѣе опытные члены партіи Замойскаго прибѣгли къ другому средству, которое весьма въ ходу въ болѣе цивилизованномъ классѣ общества, именно къ интригѣ, сотканной весьма тонко. Душой этой интриги былъ графъ Пржездецкій (извѣстный археологъ), дѣйствовавшій чрезъ маршала великокняжескаго двора—генерала Хрептовича и Венгленскаго.

Время отъ времени въ бесѣдахъ съ великимъ княземъ генералъ Хрептовичъ, выполняя чужую инструкцію, начиналъ развивать мысль, что вся бѣда, все зло—Велепольскій, его властвованіе пагубно для края и наноситъ ущербъ престижу великаго князя. Непопулярность его (а отраженіе этой непопулярности падаетъ и на великаго князя), ненависть, какую онъ противъ себя возбудилъ, не позволитъ ему утвердить спокойствіе въ краѣ. Какъ выйти изъ этого положенія? Не иначе, какъ устранить маркиза Велепольскаго и поставить на его мѣсто человѣка, который сумѣетъ водворить миръ и тишину въ краѣ. Кто же этотъ чародѣй? А не кто другой, какъ графъ Андрей Замойскій, этотъ любимецъ народа, вліятельный и импонирующій, желанный для большинства.

Всѣ эти нашептыванья въ связи съ роковымъ характеромъ событій, пріобрѣтавшихъ все болѣе и болѣе зловѣщую окраску, произвели впечатлѣніе на великаго князя и вызвали въ немъ желаніе покороче узнать графа Замойскаго. Интрига пошла далѣе. Хрептовичъ дѣлаетъ визитъ Замойскому и дружескимъ тономъ задаетъ вопросъ: почему, молъ, графъ, вы никогда не бываете у великаго князя? — прибавляя, что намѣстникъ всегда радъ бы его у себя видѣть и потолковать объ интересахъ края. Вопросъ этотъ повторялся неоднократно, причемъ Замойскій давалъ отвѣтъ въ томъ духѣ, что онъ не желаетъ давать матеріала для толковъ, будто бы онъ интригуетъ противъ маркиза, но что онъ всегда готовъ быть къ услугамъ великаго князя. Интрига дѣлаетъ слѣдующій шагъ, чреватый большими послѣдствіями: 2 сентября Замойскій получилъ приглашеніе пожаловать въ Лазенковскій дворецъ (куда незадолго предъ тѣмъ перенесъ свою резиденцію великій князь изъ Бельведера) къ 8 часамъ вечера. Очутившись въ кабинетѣ великаго князя, Замойскій, по своему обычаю, съ холоднымъ спокойствіемъ остановился на порогѣ. Великій князь подошелъ къ нему, взялъ за руку и, подведя къ столу, просилъ присѣсть. Послѣ обычныхъ вступительныхъ фразъ разговоръ перешелъ на политическую почву. Великій князь просилъ Замойскаго, чтобы онъ обрисовалъ ему положеніе края, какъ оно ему представляется, и открыто изложилъ причины всеобщаго неудовольствія. Замойскій началъ издалека, изложилъ исторію Польши послѣ раздѣловъ, съ особенной рѣзкостью очертилъ положеніе края въ царствованіе императора Николая I и, перешедши къ теперешнимъ реформамъ, все болѣе теряя первоначальную сдержанность, заключилъ такъ: «Нужно кончить разъ навсегда эту комедію.» Слова эти произвели нецріятное впечатлѣніе на великаго князя, но, подавивъ его, великій князь навелъ разговоръ на теперешнія событія, говорилъ о чрезмѣрности требованій поляковъ. Переходя затѣмъ лично къ графу, великій князь указалъ, что графъ могъ бы содѣйствовать успокоенію умовъ, если бы захотѣлъ. «Всѣ васъ любятъ, уважаютъ и навѣрное будутъ слѣдовать ва-

Digitized by Google

шимъ совѣтамъ, стоитъ вамъ лишь захотѣть; иначе же возникнетъ пропасть,—добавилъ великій князь,—въ которую не мы, а вы упадете.» Искреннія слова великаго князя мало подѣйствовали на графа Замойскаго. Онъ замѣтилъ, что его вліяніе на умы представлено намѣстнику въ преувеличенномъ видѣ. «Если бы меня кто-нибудь спросилъ, что нужно для успокоенія края, я отвѣтилъ бы безъ колебанія: соединеніе всѣхъ провинцій давней Польши подъ управленіемъ вашего высочества, со столицей въ Варшавѣ. Но это только мое личное мнѣніе. Другіе, можетъ быть, думаютъ иначе. Я могу собрать своихъ друзей и знакомыхъ и попросить ихъ, чтобы они искренно и откровенно изложили мнѣ свое мнѣніе по этому вопросу. О томъ, что они отвѣтятъ, я не замедлю довести до свѣдѣнія вашего высочества.» «Хорошо, соберите вашихъ друзей и спросите»,—сказалъ великій князь, и на томъ бесѣда закончилась.

На утро о ней знала вся Варшава. Партія бѣлыхъ была въ восторгѣ. Велепольскій заявилъ, что онъ не нуждается въ ея помощи. хорошо же, думали бѣлые, теперь мы, минуя маркиза, начнемъ вести переговоры съ самимъ великимъ княземъ. Работа закипѣла: во всѣ углы Польши полетѣли письма къ шляхтѣ, принадлежавшей къ организаціи бѣлыхъ, съ приглашеніемъ пріѣхать въ Варшаву на совѣщаніе, устраиваемое съ соизволенія августѣйшаго намѣстника. Весь край молніей облетѣла вѣсть, что Польша—наканунѣ важныхъ событій. Обозы шляхты потянулись въ Варшаву. На всѣхъ произвело впечатлѣніе, между прочимъ, то обстоятельство, что на рогаткахъ, несмотря на военное положеніе, ни у кого не спрашивали паспорта. Приписали это особому распоряженію великаго князя. 10 сентября происходило первое собраніе бѣлыхъ, на которомъ выяснилось, что общественныхъ программъ существуетъ столько же, сколько было собравшихся. Сходились только въ томъ пунктѣ, что нужно поднести великому князю адресъ, въ которомъ отвергнуть свою солидарность съ красными и изложить свои желанія,—довольно неопредѣленныя, но въ общемъ не шагавшія за предѣлы конституціи 1815 г.

Но высокая температура, царившая въ Варшавѣ, начала вскорѣ разгорячать и шляхту. Пріѣхавши въ столицу съ довольно свѣжими головами, шляхтичи начали здѣсь понемногу пьянѣть отъ носившагося всюду шелеста, въ которомъ даже не чуткое ухо могло разобрать слова: «Еще Польска не сгинела!» А тутъ еще красные приложили свои усилія, вертясь въ кружкахъ шляхты и съ язвительнымъ укоромъ намекая, что они пріѣхали устроить новую Тарговицкую конфедерацію. Это была смертельная обида, и шляхтичи вздумали доказать, что они далеко не тарговичане. Посыпался цѣлый рядъ проектовъ, чѣмъ отвѣтить на призывъ намѣстника. Одни стояли за адресъ лаконическій, составленный въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ; другіе требовали прямого упоминанія о конституціи и присоединеніи Литвы и Украины; третьи настаивали на внесеніи въ адресъ требованія объ удаленіи отъ власти ненавистнаго маркиза, и т. д. Нашлись, наконецъ, и такіе, что отвергали самую мысль объ адресѣ, а требовали изданія отъ лица собравшихся особаго манифеста, гдѣ безъ всякихъ околичностей была бы изложена программа переустройства Польши—съ конституціей, сеймомъ, войскомъ и прочее. Напрасны были всѣ усилія графа Замойскаго измѣнить этотъ неожиданный оборотъ совѣщаній. Шляхта начала сеймиковать—значитъ, разсудокъ пересталъ дѣйствовать, а на сцену выступило увлеченіе. Но въ ту минуту, когда совѣщанія достигли наивысшаго оживленія, сверху упала холодная капля, направившая умы въ другую сторону. Великій князь, узнавъ, въ какомъ духѣ намѣрены поднести ему адресъ, далъ понять, чтобы и думать не смѣли подносить ему подобный адресъ подъ страхомъ отвѣтственности.

Но шляхта не хотѣла разъѣхаться, не ознаменовавъ своего пребыванія въ Варшавѣ какимъ-нибудь торжественнымъ актомъ. И вотъ возникаетъ диковинный проектъ—вмѣсто великаго князя поднести адресъ графу Замойскому въ видѣ враждебной манифестаціи по адресу маркиза Велепольскаго. Проектъ этотъ, несмотря на его игрушечный характеръ, прошелъ громаднымъ большинствомъ. Напрасно самъ Замойскій пытался отвлечь отъ этого шага шляхту. Онъ долженъ былъ принять депутацію, взялъ адресъ и, не читая его, побесѣдовалъ съ явившимся о посѣвахъ и урожаѣ, не заикнувшись даже о какомъ-нибудь вопросѣ политики. Тѣмъ бы дѣло и окончилось, и адресъ мирно былъ бы сданъ на храненіе въ семейный архивъ Замойскаго, гдѣ хранится такъ много до-

Digitized by Google

кументовъ польскаго легкомыслія. Но шляхта не могла помириться на такихъ скудныхъ результатахъ своихъ великихъ начинаній и постаралась распространить въ болѣе широкомъ кругу содержаніе адреса. И вотъ появился онъ въ массѣ списковъ во всѣхъ ресторанахъ, кофейняхъ и кондитерскихъ варшавскихъ, а потомъ усердствующіе шляхтичи разгласили его по всему краю. Экземпляръ злополучнаго адреса доставленъ былъ и великому князю, который былъ сильно разгнѣванъ дѣтски-вызывающимъ образомъ дѣйствій бѣлыхъ. Подъ первымъ непріятнымъ впечатлѣніемъ великій князь хотѣлъ было выслать въ Сибирь всѣхъ участниковъ съѣзда, которые, между тѣмъ, поспѣшили сразу же послѣ подачи адреса удрать во свояси; но адресъ былъ безъ подписей, и потому такое постановленіе не могло имѣть легальной основы. За шляхтичей пришлось быть въ отвѣтѣ графу Замойскому: онъ былъ высланъ въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ продолжительную аудіенцію у императора Александра II, а затѣмъ выѣхалъ въ Парижъ.

Такъ закончилась попытка русской власти войти въ ближайшія сношенія съ польскимъ обществомъ, основанныя на взаимномъ довѣріи. Сбывались слова маркиза Велепольскаго, что для поляковъ иногда можно что-нибудь доброе сдѣлать, но съ поляками—никогда. Можетъ быть, и такъ, но, кромѣ этого, намъ думается, немало бѣды происходило оттого, что обѣ стороны не договаривали чего-то или не могли договориться: отсюда—взаимное непониманіе, недовѣріе, за которымъ слѣдовало самое горькое разочарованіе.

Съ удаленіемъ со сцены Замойскаго партія бѣлыхъ, очутившись безъ руководителя, стала хирѣть и распадаться. Господами положенія становятся красные съ центральнымъ народнымъ комитетомъ во главѣ. Организація эта развѣтвилась до самыхъ глубокихъ корней польскаго народнаго организма. Комитетъ становится душою возстанія, и очень интересно присмотрѣться, кто руководилъ тогда судьбами мятущагося народа, на какомъ фундаментѣ возвигалось это зданіе, подъ развалинами котораго погибло такъ много народа.

Составъ комитета сформировался въ іюнѣ или іюлѣ 1862 г. Вотъ имена лицъ, входившихъ въ него: Гиллеръ, Марчевскій, Шварце, Косковскій, Домбровскій и Даниловскій. Изъ нихъ только Гиллеръ имѣлъ хотя нѣкоторое право на роль народнаго вождя; остальные были неизвѣстны даже въ ближайшихъ кругахъ варшавскихъ повстанцевъ, не имѣли за собою ни опыта, ни особыхъ талантовъ. Гиллеръ, которому было въ то время 31 годъ (род. 1831 г. въ Калишѣ), успѣлъ уже побывать въ Сибири, куда онъ былъ сосланъ за участіе въ заговорѣ, открытомъ въ Варшавѣ въ 1850 году, занимался литературой и редактировалъ въ 1861 году листокъ «Czytelnia niedzielna» и былъ популяренъ среди класса ремесленниковъ, гдѣ распространена была его газета. Гиллеръ былъ нелюдимъ, немножко мистикъ и ригористъ; его не любили за надменность и суровость. Куріозно, что Гиллеръ старался бороться съ испорченностью, которая, по его мнѣнію, была поддерживаема правительствомъ, дававшимъ субсидію, напримѣръ, балету, этому «разсаднику разврата». Въ составѣ комитета Гиллеръ былъ представителемъ, если можно такъ выразиться, умѣренно-повстанческой программы. Остальныхъ его товарищей можно было назвать не только красными, а прямо багровыми: ихъ программа касалась того предѣла, дальше котораго некуда идти.

Первымъ дѣломъ комитетъ раздѣлилъ между своими членами обязанности по организаціи возстанія. Важнѣйшій постъ начальника гор. Варшавы былъ порученъ Домбровскому. Гиллеръ получилъ въ завѣдываніе заграничныя сношенія и печать, Шварце—дѣла провинцій праваго берега Вислы, Марчевскій—лѣвый берегъ Вислы и средства сообщенія (то-есть тайную почту), наконецъ, Домбровскій — дѣла Галиціи и Украины. Затѣмъ комитетъ озаботился составленіемъ инструкціи или программы, которая бы объединяла дѣйствія всѣхъ провинціальныхъ органовъ возстанія. Составленіе этой инструкціи поручено было Гиллеру, старому, опытному заговорщику и притомъ литератору.

Гиллеръ выработалъ диковинную систему, подобную которой едва ли можно найти въ исторіи аналогичныхъ движеній у другихъ народовъ. Онъ проектировалъ созданіе тайнаго польскаго государства, тайнаго правительства, функціонирующаго при помощи цѣлаго ряда соотвѣтственно устроенныхъ органовъ. Это не былъ уже заговоръ, такъ какъ организація имѣла существовать

Digitized by Google

ясно и очевидно для всѣхъ; невѣдомыми оставались только имена лицъ, приводившихъ эту громадную машину въ движеніе. Центръ тяжести этого тайнаго польскаго правительства лежалъ въ томъ, чтобы при помощи разныхъ пружинъ указанной организаціи парализовать всѣ дѣйствія и распоряженія существующей власти, снести значеніе ея къ нулю, сдѣлать ее инструментомъ безъ звука. Для этой цѣли предположено привлечь прежде всего органы существующаго правительства, въ лицѣ его агентовъ создать своихъ агентовъ, его полицію обратить въ свою полицію и т. д. Этимъ способомъ всѣ тайныя распоряженія существующаго правительства были бы доводимы до свѣдѣнія тайнаго польскаго жонда и его распоряженіями и дѣйствіями сведены къ нулю. Такова основная черта этой системы, которую можно было бы назвать бредомъ больного ума, если бы послѣдствія не показали, что кое-гдѣ она, разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ, приводилась въ исполненіе весьма удачно.

Вмѣстѣ съ этой инструкціей, напечатанной въ органѣ комитета «Ruch», была опубликована и программа центральнаго комитета, пунктъ первый которой гласитъ, что «организація народная ставитъ своею цѣлью приготовленіе края ко всеобщему возстанію, имѣющему возстановить независимость Польши въ границахъ 1771 года». Этотъ основной пунктъ былъ не болѣе, какъ громкой фразой, назначенной пощекотать воображеніе низшихъ слоевъ. Вѣдь для того, чтобы возстановить Польшу въ границахъ 1771 года, ей нужно было бы вступить въ борьбу съ тремя государствами, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности было во многократъ могущественнѣе Польши. Даже самые ретивые изъ членовъ комитета не вѣрили въ возможность такого исхода. Нужно сказать, что этотъ пунктъ вовсе не исполнялся комитетомъ, сосредоточившимъ свое вниманіе на областяхъ русской Польши.

Если упоминаніе о Польшѣ въ границахъ 1771 года было безвреднымъ, хотя и пустымъ, краснымъ словцомъ, то гораздо болѣе щекотливымъ и небезразличнымъ для дѣла было вставленное въ программу обѣщаніе: «общее уравненіе правъ», что въ переводѣ на практическій языкъ означало упраздненіе крѣпостного права. Воспитанные на символическихъ книгахъ «Демократической Централизаціи» (одинъ изъ кружковъ польской эмиграціи), члены комитета въ глубокой наивности вѣрили, что обѣщаніемъ снять крѣпостныя цѣпи они пріобрѣтутъ польское хлопство, поднимутъ народъ. Это была совершенно несбыточная мечта, такъ какъ народъ даже и знать-то не зналъ о существованіи такого комитета. Между тѣмъ шляхта, среди которой листочки съ программой комитета разлетались съ молніеносной быстротой, съ превеликимъ неудовольствіемъ отнеслась къ затѣѣ, угрожавшей отнять у нея даровой трудъ и лишить безпечальной жизни. Такимъ образомъ, не пріобрѣтая хлопа, комитетъ вооружалъ противъ себя шляхту—тотъ классъ, безъ поддержки котораго возстаніе не могло бы просуществовать и двухъ дней. Мы не будемъ здѣсь разбирать, кто правъ изъ нихъ, кто виноватъ — комитетъ ли, шляхта ли. Но это—очень яркая черточка для характеристики возстанія. Оказывается, что за 30 лѣтъ подготовительной работы (ибо подготовленіе возстанія не прерывалось съ 1831 года) поляки не столковались между собою какъ слѣдуетъ даже въ томъ, что собственно они затѣваютъ — кровавый фейерверкъ или серіозную соціальную реформу. Замѣтимъ кстати, что мы нигдѣ не находимъ указаній, на какихъ началахъ поляки думали устроить то государство, которое долженствовало возродиться изъ пепла революціи.

Послѣ этихъ основныхъ пунктовъ въ программѣ комитета была выработана система «десёнтекъ», достаточно уже описанная, которую мы не будемъ здѣсь излагать подробно. Программа была отпечатана въ большомъ количествѣ экземпляровъ и, очевидно, рано или поздно должна была попасть въ руки русскихъ властей. Теперь даже польскіе писатели удивляются, до какой степени поздно правительство узнало о ней: лишь мѣсяцъ спустя послѣ ея опубликованія. Сейчасъ же маркизъ Вѣлепольскій, думая открыть глаза благомыслящей части польскаго общества на угрожающую опасность, приказалъ перепечатать программу въ правительственномъ органѣ «Dziennik Powszechny», снабдивъ ее комментаріями въ весьма ядовитомъ тонѣ. Всѣ открыто заговорили о существованіи вполнѣ организованнаго заговора. Для центральнаго комитета это послужило сигналомъ, показывающимъ, что пора отъ словъ перейти къ дѣлу.

Digitized by Google

Начинать дѣло какъ разъ въ тотъ моментъ, когда правительство, узнавъ о заговорѣ, насторожилось и вооружилось зоркостью, было и вообще-то не легко, а тутъ еще комитету пришлось съ перваго же шага столкнуться съ соперничествомъ польской эмиграціи, заявлявшей права на верховное дирижерство и не могущей помириться съ мыслью, чтобы въ Польшѣ что-нибудь затѣвалось помимо нея. Съ парижской эмиграціей сношенія кончились довольно еще благополучно. Высланный въ Парижъ агентъ комитета Бобровскій успѣлъ устроить дѣло такъ, что эмиграціонный комитетъ, хотя и не безъ многихъ оговорокъ, призналъ верховенство варшавскаго центральнаго комитета и лишь сохранилъ полную свободу дѣйствій въ области заграничныхъ сношеній. Опасность явилась съ другой стороны. «Воскресшій вождь», какъ его называли, Мѣрославскій, выслалъ въ іюлѣ въ Варшаву своего секретаря Яна Курзыну съ категорическимъ требованіемъ, чтобы комитетъ призналъ его, Мѣрославскаго, своимъ президентомъ, чтобы принималъ отъ него инструкціи и ничего не смѣлъ дѣлать безъ его воли и вѣдѣнія. Изумленный комитетъ отвѣтилъ, что не эмиграція краемъ, а край эмиграціей долженъ править, и, чтобы безъ свары отвязаться отъ претензій Мѣрославскаго, далъ обѣщаніе пригласить «генерала» въ предводители, какъ только начнется вооруженное возстаніе.

Тутъ-то и началась безладица, составляющая типичнѣйшій признакъ общественнаго дѣла, затѣваемаго поляками — таково ужъ ихъ историческое право. Вѣроятно, Мѣрославскій угадывалъ, что его предложеніе не будетъ встрѣчено слишкомъ восторженно, и потому далъ своему представителю соотвѣтствующія инструкціи. Выслушавши «не позволямъ» комитета, Курзына началъ вести интригу, чтобы сформировать другой комитетъ, долженствующій вступить въ борьбу —не съ русскимъ правительствомъ, а съ существующимъ центральнымъ комитетомъ и занять его мѣсто.

Встрѣчаясь съ этимъ эпизодомъ, приходится допустить, что иногда дѣло скорѣе можетъ дѣлаться, чѣмъ даже сказка сказываться. Курзынѣ не только не стоило никакого труда привести свой проектъ въ исполненіе, но даже дѣло пошло такъ, какъ будто въ Варшавѣ только и ждали Курзыну, чтобы составить враждебный комитету органъ. Достаточно сказать, что въ рекруты вновь организующагося повстанскаго ядра вошли даже два члена центральнаго комитета (Даниловскій и Косковскій), сохранившіе въ то же время за собою и старые посты. Новый органъ сталъ называться «Революціоннымъ комитетомъ», издалъ программу, распредѣлилъ обязанности по роду дѣлъ и т. д. Чтобы покончить дѣло съ этимъ, такъ быстро выросшимъ грибомъ, скажемъ, что онъ не пустилъ глубоко своихъ корней: вся дѣятельность его свелась къ подкопамъ подъ авторитетъ центральнаго комитета, даже не принесшимъ послѣднему особаго вреда. Изданная имъ прокламація звучала очень звучно и горячо, но особаго вліянія на ходъ событій не имѣла.

Такимъ образомъ руль оставался въ рукахъ центральнаго комитета, который не переставалъ подвигать дѣло къ взрыву. 12-го августа комитетъ издалъ воззваніе къ польскимъ крестьянамъ, не вызвавшее значительныхъ результатовъ, но достойное быть отмѣченнымъ. Въ этомъ воззваніи комитетъ заявлялъ, что до слуха его дошла вѣсть, будто бы крестьяне не вѣрятъ «въ святость справы польской, не довѣряютъ своимъ пастырямъ», безпокоятся о томъ, что ихъ станутъ забирать въ войско, интересуются, дадутъ ли имъ земельные надѣлы, подешевѣютъ ли соль и табакъ. Комитетъ по всѣмъ этимъ пунктамъ рисовалъ для хлопства въ будущемъ самыя заманчивыя перспективы, обѣщая и въ солдаты не брать, и земли дать множество, и акцизъ уничтожить на соль и табакъ. Послѣ изданія этой прокламаціи комитетъ считалъ вопросъ о крестьянствѣ поконченнымъ и проникся увѣренностью, что какъ только пробьетъ установленная година, народъ рванется съ бѣшеной силой, какъ новый Атилла, какъ «бичъ Божій», все сотретъ, уничтожитъ всѣ преграды и создастъ новую Польшу—сермяжную, молодую, сильную и великую.

1-го сентября комитетъ издалъ торжественный манифестъ, въ которомъ объявилъ во всеуслышаніе, что народъ польскій постановилъ возвратить себѣ вольность и независимость и будетъ бороться до конца, до полной побѣды, и что центральный комитетъ, который является объединителемъ не только военной, но и общенародной организаціи, отнынѣ выступаетъ какъ явный предводитель, какъ

Digitized by Google

дѣйствительный правительственный органъ края. Нечего и говорить, какое сильное впечатлѣніе произвелъ этотъ манифестъ даже на самыхъ хладнокровныхъ и равнодушныхъ людей. Онъ далъ рѣшительный толчокъ всему ходу событій: комитетъ ставилъ такія задачи, которыя въ глазахъ всякаго поляка были священными, къ которымъ равнодушно относиться всякій считалъ бы тяжелымъ преступленіемъ.

Тѣмъ не менѣе, опытнѣйшіе члены комитета очень хорошо знали, что пламенный подъемъ чувствъ, произведенный манифестомъ, есть очень зыбкая опора, такъ какъ скоро можетъ остыть. Нужно было подыскать фундаментъ еще покрѣпче. Такъ какъ въ засѣданіяхъ комитета нерѣдко упоминалось о сильной русской революціонной партіи, руководимой Герценомъ, то Гиллеръ и рѣшилъ съѣздить въ Лондонъ, взявъ съ собой посланіе отъ имени комитета къ главѣ русской революціонной партіи. Посланіе это имѣло цѣлью ознакомить русскихъ съ истинными задачами и стремленіями возстанія. Но тутъ не только не было упоминанія о «Польшѣ въ границахъ 1871 года», а, напротивъ, содержалось увѣреніе, что Литвѣ и Украйнѣ будетъ предоставленъ полнѣйшій выборъ — присоединиться къ Польшѣ или нѣтъ. Это маленькое разногласіе съ первоначальной программой было допущено совершенно завѣдомо, а причина тому слѣдующая. До комитета доходили вѣсти, будто русскіе революціонеры заявляли, что они противъ польской справы ничего не имѣютъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не выступитъ вопросъ о Литвѣ и Украйнѣ, о которой они готовы грызться, какъ «псы изъ-за кости». Ларчикъ, значитъ, просто открывался.

Герценъ не только напечаталъ въ «Колоколѣ» посланіе комитета, но присоединилъ и отъ себя нѣсколько сочувственныхъ комментаріевъ, а легатовъ поспѣшилъ увѣрить, что онъ постарается помочь дѣлу своими связями съ русскими революціонерами, что революція въ Россіи готова ежеминутно вспыхнуть—революція страшная, потому что народная, и т. п.

Возвратившись изъ странствія, Гиллеръ нашелъ въ Варшавѣ немалыя перемѣны. Комитетъ обновился въ своемъ составѣ, сталъ твердо на дорогу терроризма и уже положилъ началу тому ряду тайныхъ убійствъ [1]), которыя бросаютъ такую зловѣщую тѣнь на событія 1862—1863 гг. Это заставило и русское правительство серіознѣе взглянуть на дѣло. Но тогдашняя полиція, подобранная какъ бы нарочно замѣчательно плохо, была безсильна совладать съ развѣтвившейся какъ полипъ организаціей возстанія. Дѣло доходило до комизма. Въ Варшавѣ всѣ знали и громко говорили о возстаніи, о комитетѣ, называли по именамъ его членовъ, а полиція только тѣмъ и могла заявить о своемъ существованіи, что время отъ времени хватала какого-нибудь мастерового, хотя и принадлежащаго къ организаціи, но даже при искреннемъ желаніи неспособнаго дать сколько-нибудь цѣнныхъ свѣдѣній, такъ какъ, кромѣ своей «десятки», онъ никого не зналъ. Тогдашній оберъ-полиціймейстеръ варшавскій, Мухановъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный, но не на мѣстѣ, такъ опредѣлялъ положеніе вещей: «Обыватели что-то затѣваютъ, но что именно—неизвѣстно.»

---

[1]) Въ книгѣ г. Пржиборовскаго приведено нѣсколько кровавыхъ сценъ расправы членовъ повстанческой организаціи съ лицами, которыхъ признано было нужнымъ убрать. Для примѣра приведемъ разсказъ объ убійствѣ начальника тайной полиціи Фелькнера. Однажды Фелькнеръ захватилъ шедшій изъ Лондона тюкъ съ нумерами «Колокола», вслѣдствіе чего произведено было нѣсколько арестовъ на прусской границѣ. Рѣшено было покончить съ Фелькнеромъ. «Исполнителемъ народной воли», какъ ихъ звали къ повстанческомъ кругу, назначенъ былъ нѣкто Менкарскій, служащій въ варшавскомъ магистратѣ. Онъ подобралъ себѣ 6 помощниковъ, привелъ ихъ къ присягѣ предъ Распятіемъ и объявилъ, что кто изъ нихъ проговорится о предполагаемомъ убійствѣ, тому грозитъ участь Фелькнера. 8-го октября Менкарскій разставилъ свою команду по улицамъ, гдѣ долженъ былъ прослѣдовать Фелькнеръ, но удобнаго случая не представилось. Заговорщики уже усѣлись въ трактирѣ, но одинъ изъ дозорщиковъ прибѣжалъ сказать, что Фелькнеръ, кажется, пошелъ домой. Туда всѣ и направились. Когда Фелькнеръ вошелъ въ прихожую, на него наскочилъ сзади пробиравшійся за нимъ одинъ изъ заговорщиковъ, схватилъ за шею и ударилъ кинжаломъ въ грудь. Въ эту минуту подоспѣли другіе, искололи еще несчастную жертву; затѣмъ всѣ разбѣжались въ разныя стороны и исчезли въ сумракѣ октябрьскаго вечера. Было нѣсколько случаевъ, когда кинжальщики подъ разными предлогами завлекали намѣченную жертву за городъ и въ полѣ убивали или вѣшали на ближайшемъ деревѣ.

Digitized by Google

Кто-то посовѣтовалъ тогда великому князю выписать полицейскихъ агентовъ изъ-за границы, и именно изъ Англіи, славившейся своей отлично подобранной, интеллигентной и дисциплинированной полиціей. И вотъ при посредствѣ русскаго посла въ Лондонѣ, имѣвшаго по этому вопросу особое совѣщаніе съ лордомъ Дерби, были приглашены въ Варшаву два джентльмена, обладавшихъ отмѣнными полицейскими качествами. Въ первомъ же совѣщаніи съ оберъ-полиціймейстеромъ они заявили, что имъ потребуется дать въ помощь десять молодцовъ изъ варшавской полиціи, стоящихъ на высотѣ своего полицейскаго призванія,—расторопныхъ, представительныхъ и неспособныхъ теряться. Что могъ отвѣтить Мухановъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи или инвалидовъ, выслужившихъ срокъ въ военной службѣ и искавшихъ теперь угла и куска хлѣба, или неспособныхъ лѣнтяевъ, выгнанныхъ отовсюду и смотрѣвшихъ на полицейскую службу какъ на послѣднее пристанище? Онъ заявилъ, что не только десяти, но даже пяти требуемыхъ помощниковъ онъ не можетъ дать. Посовѣтовавшись между собою, лондонскіе джентльмены, какъ Авраамъ предъ тремя странниками, начали уменьшать свои требованія и, наконецъ, просили уже только двухъ подручныхъ; но и такого малаго количества праведниковъ среди варшавской полиціи не нашлось. При такихъ обстоятельствахъ призванные изъ-за моря новые варяги отказались володѣти варшавской полиціей и укатили во-свояси, получивши по тысячѣ фунтовъ стерлинговъ каждый. Справедливость требуетъ сказать, что денежки были взяты этими джентльменами все-таки не зря: въ короткое пребываніе свое въ Варшавѣ они успѣли раскопать нѣкоторые корни и нити, въ результатѣ чего было арестовано около десятка офицеровъ.

Между тѣмъ комитетъ отъ словъ началъ переходить къ дѣлу. 18-го сентября изданъ декретъ, которымъ установленъ былъ налогъ на поляковъ для составленія фонда, необходимаго на покупку оружія и на подготовку возстанія въ провинціи. Каждый обыватель обязанъ былъ уплатить полъ-процента стоимости недвижимаго имущества и пять процентовъ дохода, причемъ размѣръ послѣдняго исчислялся соотвѣтственно квартирной платѣ, принимаемой въ Варшавѣ за одну треть, а въ провинціальныхъ городахъ—за одну пятую годового дохода. Слѣдуетъ отмѣтить, что декретъ написанъ не въ тонѣ воззванія къ патріотическому чувству, а въ формѣ повелительной и совершенно категорической. Комитетъ здѣсь впервые выступаетъ какъ plenipotens и требуетъ безпрекословнаго повиновенія. Вслѣдъ затѣмъ обыватели поочередно имѣли удовольствіе видѣть у себя незнакомаго молодого человѣка, который предъявлялъ квитанцію, удостовѣренную печатью комитета, и съ учтивой строгостью требовалъ уплаты обозначенной въ ней суммы. Всѣ платили безъ разговоровъ, и съ каждымъ выпускомъ «Ruch'a» рядъ цифръ, показывавшихъ нумера оплаченныхъ квитанцій, становился все длиннѣе и длиннѣе.

Немаловажное событіе въ подготовительномъ періодѣ возстанія составило вступленіе въ члены комитета Оскара Авейде—человѣка, во всякомъ случаѣ, недюжиннаго, но закончившаго свою роль нѣсколько страннымъ образомъ. Воспитанникъ Петербургскаго и Берлинскаго университетовъ, ученый юристъ, ловкій діалектикъ, человѣкъ сильнаго ума и характера, Авейде легко пріобрѣталъ непререкаемый авторитетъ среди молодежи, игравшей, какъ извѣстно, руководящую роль въ организаціи возстанія. Чрезвычайно подвижный и дѣятельный, холодный въ душѣ, мало зараженный патріотическимъ пыломъ, Авейде съ пессимистической ироніей относился къ окружавшимъ его людямъ, не придавалъ большого значенія тому, что дѣлалъ и что видѣлъ, и относился ко всему дѣлу заговора такъ, какъ будто видѣлъ въ немъ лишь интересный спортъ, дающій сильныя ощущенія. Но на ряду съ этимъ онъ не принималъ никакихъ мѣръ личной предосторожности, какъ будто безразлично относился къ тому, что его можетъ ожидать, если его роль будетъ открыта. Онъ входилъ въ составъ всѣхъ комитетовъ, всѣхъ жондовъ, все очень хорошо видѣлъ и очень много запомнилъ, чтобы затѣмъ въ цитадели все описать, не щадя ни себя, ни другихъ всѣхъ дѣятелей, ни родины. Таковъ былъ Авейде.

При его посредствѣ варшавскій комитетъ завязалъ сношенія съ виленскимъ комитетомъ, вѣдавшимъ подготовкой возстанія въ Литвѣ. Тамъ дѣла шли не особенно блистательно. И среди членовъ комитета не было единодушія, и въ краѣ не ощущалось подходящей почвы. Самымъ дѣятельнымъ членомъ виленскаго комитета былъ Калиновскій, энтузіастъ, человѣкъ дѣятельный и энер-

Digitized by Google

гичный, одна изъ тѣхъ личностей изъ разряда метеоровъ, которыхъ такое великое число блеснуло на темномъ горизонтѣ возстанія, оставивъ послѣ себя быстро-гаснущій слѣдъ. Калиновскій со злобой относился къ шляхтѣ, утверждая, что «топоръ не долженъ остановиться даже надъ люлькой шляхетскаго ребенка», и все вниманіе свое сосредоточилъ на крестьянствѣ. Переодѣтый въ сермягу литовскаго крестьянина, въ лыковыхъ лаптяхъ, Калиновскій переходилъ изъ деревни въ деревню, изъ корчмы въ корчму, вездѣ пропагандируя идею дарового надѣла земли крестьянамъ, которые выслушивали его съ тупой покорностью, но далѣе дѣло не шло. Больше пользы принесъ возстанію другой членъ виленскаго комитета, Дюлоранъ, ополячившійся французъ, назначенный Авейде комиссаромъ центральнаго комитета въ Литвѣ. Тотъ, по крайней мѣрѣ, исправно собиралъ установленную извѣстнымъ декретомъ подать съ литовскихъ помѣщиковъ, что подкрѣпляло кассу центральнаго комитета.

Не ограничиваясь Литвой, комитетъ сталъ завязывать сношенія и съ другими областями старой Польши. Слабѣе всего шли дѣла на Украйнѣ. Правда, кіевская польская молодежь издавна уже пыталась организовать подготовку возстанія въ болѣе широкомъ масштабѣ, не ограничиваясь стѣнами университета, но эти попытки были, такъ сказать, отрывочны, не велись систематически, притомъ же не находили опоры въ тамошней шляхтѣ, которая въ громадномъ большинствѣ принадлежала къ партіи бѣлыхъ. Лишь 22-го сентября стараніями Бобровскаго, молодого помѣщика, былъ организованъ особый русскій комитетъ, который, впрочемъ, почти не оставилъ слѣдовъ своей дѣятельности.

Что касается Галиціи, то здѣсь давно уже господствовало сильное волненіе умовъ и существовало много кружковъ, которые, впрочемъ, кромѣ изданія множества патріотическихъ воззваній, ничѣмъ не проявили своей дѣятельности. Комитетъ обратилъ вниманіе и на Галицію. Въ Варшаву пришло извѣстіе, что краковская университетская молодежь собираетъ въ половинѣ октября съѣздъ польской молодежи, учащейся за границей. Рѣшено было воспользоваться этимъ событіемъ въ интересахъ возстанія, и въ Краковъ былъ командированъ тотъ же Бобровскій. Вмѣшавшись въ ряды собравшейся молодежи, Бобровскій воодушевилъ ее своею пламенной рѣчью, водилъ на могилу Костюшки, будилъ дремавшія въ этомъ великомъ польскомъ мавзолѣ воспоминанія, объяснялъ задачи возстанія, намѣренія комитета и пр. Зерно упало на добрую почву, и вскорѣ же въ старой столицѣ Ягеллоновъ организовалось ядро, получившее названіе «Галиційской рады». Наконецъ, что касается Познани, то здѣсь подготовка возстанія покамѣстъ находилась въ самой зачаточной формѣ.

Но не столько укрѣпило положеніе комитета это постепенное расширеніе сферы его дѣятельности, сколько могущественная помощь со стороны католическаго духовенства, которое открыто и торжественно объявило о своей солидарности съ комитетомъ. Фактъ этотъ составилъ эпоху въ подготовительныхъ работахъ къ возстанію, да и самъ по себѣ настолько характеренъ, что на немъ интересно остановиться.

Что польское католическое духовенство, особенно низшее, въ громадномъ большинствѣ было сочувствующимъ возстанію,—объ этомъ знали всѣ, зналъ и комитетъ. Всѣ прошлогодніе манифестаціи, процессіи, проповѣди, самовольное прекращеніе богослуженія въ костелахъ—все это было очень хорошимъ показателемъ настроенія ксендзовъ. Было уже нѣсколько единичныхъ случаевъ присоединенія ксендзовъ къ повстанческой организаціи. Но другое дѣло—единичные примѣры и другое—присоединеніе всего духовнаго сословія. Послѣдняя мысль созрѣвала постепенно. Уже на отпустѣ [1]) 14-го августа въ Лысогорскомъ монастырѣ (Сандомирской епархіи) горячо обсуждался этотъ проектъ. Сюда съѣхалось около 50 ксендзовъ, устроившихъ совѣщанія о помощи справѣ и постановавшихъ послать трехъ делегатовъ въ Варшаву узнать о предположеніяхъ комитета и затѣмъ устроить окончательное совѣщаніе.

Близъ мѣстечка Бодзентына лежитъ село Свентомажъ, нѣкогда принадлежавшее Кра-

[1]) Отпустъ—престольный праздникъ. Такъ какъ въ костелахъ бываетъ по нѣсколько престоловъ, то каждый приходъ имѣетъ по нѣсколько отпустовъ. На отпустъ съѣзжается множество народа со всей окрестности по исконному обычаю, возникшему вслѣдствіе того, что на отпустахъ обыкновенно продавались индульгенціи. Пріѣзжаютъ и окрестные ксендзы, для которыхъ отпустъ служитъ мотивомъ не только помолиться, но и лихо повеселиться въ дружескомъ кругу.

Digitized by Google

ковской епископіи, расположенное въ глухой, лѣсистой мѣстности. Въ этомъ-то укромномъ уголкѣ, куда не могли проникнуть очи полиціи, и назначенъ былъ съѣздъ духовенства Сандомирской епархіи. Послѣ даннаго депутатами отчета о поѣздкѣ въ Варшаву собравшіеся патеры единогласно постановили, что единственный разумный поступокъ, какой они могутъ сдѣлать, это—присоединиться къ комитету. Тутъ же составленъ былъ и протоколъ въ 12 пунктахъ, развивающихъ эту мысль и устанавливающихъ систему содѣйствія комитету со стороны духовенства.

Протоколъ этотъ разосланъ былъ всѣмъ ксендзамъ въ Польшѣ и вызвалъ среди нихъ цѣлое движеніе. Примѣру сандомирскихъ ксендзовъ стало наперерывъ слѣдовать духовенство другихъ епархій, устраивавшее такіе же съѣзды. Однимъ изъ первыхъ устроило съѣздъ подляшское духовенство въ Клочевѣ (близъ Мацѣевичъ), гдѣ собралось 86 ксендзовъ, депутатъ комитета и нѣсколько помѣщиковъ. Совѣщанія начались утромъ въ костелѣ. Послѣ преній 75 ксендзовъ вотировали за солидарность съ комитетомъ, восемь воздержались отъ голосованія и лишь трое подали голосъ за солидарность съ партіей бѣлыхъ. Затѣмъ всѣ принесли присягу на вѣрность комитету и написали протоколъ собранія. Собраніе закончилось въ 6 час. вечера, послѣ чего мѣстный плебанъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на обѣдъ, за которымъ было произнесено много воинственныхъ рѣчей. Температура собранія была накалена до высокаго градуса, многіе плакали отъ умиленія.

Клочевскій съѣздъ, получившій широкую извѣстность, заставилъ пошевелиться партію бѣлыхъ, видѣвшихъ, что дѣла принимаютъ совершенно опасный поворотъ. Рѣшили обратить вниманіе епископа Шиманскаго (сторонника маркиза Велепольскаго) на этотъ съѣздъ и просили воздѣйствовать на не въ мѣру расходившихся ксендзовъ. Епископъ приготовилъ было уже строгое пастырское воззваніе, осуждающее агитацію, и рѣшилъ перевести всѣхъ ксендзовъ помоложе на другіе приходы; но провѣдавшіе обо всемъ ксендзы успѣли такъ напугать своего пастыря, что тотъ счелъ за лучшее помолчать, пока цѣлъ.

Пробовали было ксендзы увлечь за собою и уніатское духовенство, но это было не такъ-то легко: уніатскіе попы, связанные семьей, опасливо глядѣли на затѣю, нарушавшую спокойный ходъ жизни, и далеко не обнаружили той удали, какою прославило себя въ тогдашнихъ событіяхъ целибатствующее католическое духовенство. Но для комитета довольно было, пожалуй, и вѣрноподданничества ксендзовъ. Это былъ тріумфъ для комитета, дававшій ему право еще выше поднять голову и утверждать, что теперь уже не долго осталось ждать.

Укрѣпляя почву въ родномъ краю, комитетъ не упускалъ случая заручиться и посторонней поддержкой. Мы уже говорили о поѣздкѣ Гиллера въ Лондонъ и сношеніяхъ его съ Герценомъ. Въ концѣ ноября былъ посланъ въ Петербургъ Падлевскій съ цѣлью завязать непосредственныя сношенія съ русской революціонной партіей. Представители послѣдней объявили Падлевскому, что революція въ Россіи вспыхнетъ не ранѣе лѣта 1863 г., и къ этому сроку просили пріурочить и возстаніе въ Польшѣ. А, впрочемъ, обѣщали всякую свою помощь, если бы поляки и не додержали срока.

Менѣе посчастливилось Цверчакевичу, который, кажется, proprio motu вступилъ въ переговоры съ Мадзини, спрашивая его, можетъ ли Польша разсчитывать на какое-либо содѣйствіе со стороны европейскихъ революціонеровъ. Мадзини категорически заявилъ, что европейскіе революціонеры, совершенно не будучи приготовлены къ столь быстрому возстанію, не могутъ обѣщать рѣшительно никакой поддержки полякамъ, причемъ провозглашеніе возстанія въ слѣдующую весну онъ считаетъ величайшей бѣдой не только для Польши, но и для всего вообще дѣла борьбы за независимость, подготовляемаго въ Европѣ. Въ томъ же духѣ Мадзини отъ себя еще писалъ и варшавскому комитету.

Въ декабрѣ комитетъ пригласилъ въ Варшаву на совѣщаніе нѣсколькихъ лицъ, отъ которыхъ онъ желалъ узнать мнѣніе по вопросу, какъ скоро можно начать возстаніе. Тутъ были М. Лангевичъ, будущій диктаторъ, С. Милковскій, извѣстный беллетристъ, Сѣраковскій и другіе. Начали собирать свѣдѣнія о положеніи повстанческой организаціи въ провинціи. Отвѣты были очень неутѣшительные: тамъ не было оружія, тамъ — пороху, тамъ—слишкомъ мало народа, заявившаго свою готовность въ требуемомъ направленіи. А между тѣмъ комитетъ зналъ о проектѣ Велепольскаго—про-

Digitized by Google

извести въ Польшѣ рекрутскій наборъ, причемъ въ первую очередь взять всѣхъ, относительно которыхъ установлена была ихъ принадлежность къ повстанческой организаціи, и такимъ образомъ очистить край отъ опасныхъ элементовъ. Проектъ этотъ обѣщалъ совершенно обезсилить повстанческую организацію и свести къ нулю всѣ результаты столь долгой и упорной работы. И вотъ на обсужденіе былъ поставленъ вопросъ: объявить ли возстаніе одновременно съ наборомъ или обождать? Мнѣнія раздѣлились. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшили обождать, а грозу набора предупредить такимъ образомъ, чтобы всѣхъ предназначенныхъ въ рекруты заблаговременно спрятать въ укромныхъ мѣстахъ подъ чужими паспортами.

Надеждамъ комитета не суждено было сбыться. Какъ извѣстно, рекрутскій наборъ послужилъ сигналомъ къ вооруженному возстанію, иниціаторами котораго явились всѣ тѣ, чьи имена записаны были въ рекрутскіе списки. Комитету ничего не оставалось, какъ признать совершившійся фактъ и взять на себя руководительство дѣломъ, на успѣхъ котораго не могло быть ни малѣйшей надежды...

Читая повѣствованіе г. Пржиборовскаго, мы нисколько не удивлялись откровенному заявленію автора, что у него не разъ сердце обливалось кровью при писаніи этой книги и закипала желчь. Въ самомъ дѣлѣ, войдите въ положеніе польскаго историка-патріота. На карту ставится судьба дорогой родины, подготовляется борьба за независимость народа, моментъ величественный! Историкъ въ правѣ ожидать, что изслѣдованіе эпохи наполнитъ его сердце гордостью, откроетъ предъ нимъ яркія сцены самопожертвованія, непоколебимой преданности общественнымъ интересамъ, героизма и т. п. И что же оказывается? Предъ нимъ одна за другой открываются картины, заставляющія его краснѣть за своихъ сородичей. Энергія расходуется на личный капризъ, на первый планъ выдвигается мелкое соперничество вождей, героизмъ проявляется въ рядѣ безцѣльныхъ убійствъ, ненужныхъ для дѣла и только губящихъ его, преданность родинѣ черезчуръ громогласно заявляется на словахъ, но ея мало оказывается на дѣлѣ. А самое главное—общая картина удивительной безпорядочности, безладицы, полнаго хаоса, непослѣдовательности... Таково общее впечатлѣніе подготовительныхъ дѣйствій возстанія.

Мнѣ пришлось однажды очень долго бесѣдовать о судьбахъ Польши съ однимъ симпатичнымъ полякомъ,—скромнымъ захолустнымъ чиновникомъ, поразительно начитаннымъ въ исторической литературѣ, касающейся его родины. Мы перебрали всѣ слабыя страницы польской исторіи, потомъ естественно перешли къ трагическому концу Рѣчи Посполитой, стали говорить о раздѣлахъ. На лицѣ моего собесѣдника отразилась глубокая душевная мука. «Охъ, пане,—замѣтилъ онъ,—морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, дрожь беретъ, когда подумаешь обо всемъ этомъ!» Къ подобному заявленію можно отнестись не иначе, какъ съ сочувствіемъ — и это понятно. Если бы противъ реформаціи не были мобилизированы Польшей іезуиты, вопросъ о диссидентахъ рѣшился бы иначе, тронъ польскій не шатался бы ежеминутно, шляхта кое-чѣмъ поступилась бы въ пользу хлопа, внѣшняя политика была бы болѣе послѣдовательной и т. д. и т. д.,—короче говоря, если бы теченіе польской исторіи направилось по нѣсколько другому руслу, то Рѣчи Посполитой не пришлось бы закончить свое существованіе столь безславнымъ образомъ. Словомъ, тутъ полякамъ есть о чемъ сокрушаться, и если полякъ началъ бы выражать сожалѣніе въ этомъ направленіи, то у кого хватило бы духу злорадствовать въ этомъ случаѣ!

Другое дѣло — второе возстаніе. Оно не было актомъ сознательной, разумной воли народа, а было скорѣе проявленіемъ безотчетнаго настроенія, охватившаго даже не весь народъ, а лишь нѣкоторые его слои. Польскій народъ дорого поплатился за него, и тутъ понятно, почему поляки не безъ боли могутъ вспоминать объ этой эпохѣ. Что же касается результатовъ возстанія, то этотъ вопросъ нельзя считать даже острымъ, потому что сами организаторы возстанія не вѣрили, чтобы возстаніе могло кончиться успѣхомъ, чтобы оно могло принести какіе-нибудь добрые плоды. Такъ позволяетъ заключать изслѣдованіе г. Пржиборовскаго, который смотритъ на возстаніе трезво и прямо, совершенно свободно говоритъ о его темныхъ сторонахъ, о его нелогичности и безцѣльности. Очень можетъ быть, что вскорѣ у польскихъ историковъ при изложеніи событій возстанія сердце перестанетъ обливаться кровью, какъ у г. Пржиборовскаго, и лишь изрѣдка развѣ закипитъ желчь.

К. Храневичъ.

Digitized by Google

Лицевая сторона. Оборотная сторона.
Медаль Парижской Всемірной выставки 1900 г. (раб. скульптора Шаплена).

ЖИВОПИСНОЕ И КРАСИВОЕ НА ВСЕМІРНОЙ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ 1900 Г.

IX [1]).

Достопримѣчательности выставки на Марсовомъ Полѣ.

Если выйти на Марсово Поле, — гдѣ, собственно, и сосредоточена Всемірная выставка современной промышленности,—со стороны Іенскаго моста, то тамъ прежде всего бросается въ глаза извѣстная Эйфелева башня. Это громадное сооруженіе, построенное цѣликомъ изъ желѣза, служило, какъ извѣстно, приманкой для публики еще во время предшествующей Всемірной выставки 1889 года. Нынѣ оно тоже доминируетъ надъ всей выставкой,—пожалуй, можно даже сказать: надъ всѣмъ Парижемъ. Эйфелева башня до настоящаго времени является самою высокою постройкою на свѣтѣ; вышина ея равняется цѣлымъ 300 метрамъ или свыше 135 саженъ, такъ что по сравненію съ нею египетскія пирамиды, храмъ Св. Петра въ Римѣ, Парижскій соборъ Богоматери или Пантеонъ должны казаться пигмеями. Форма ея не есть плодъ фантазіи архитектора, а опредѣлена путемъ строгихъ и точныхъ вычисленій. Извѣстно, что первая мысль о томъ, чтобы соорудить такую высокую башню, подана была нѣкимъ Рюкье, занимавшимъ должность инженера въ технической конторѣ Эйфеля. Вся постройка закончена была въ три года, причемъ на нее пошло до 7300000 килограммовъ (болѣе 450000 пудовъ) желѣза. Съ тѣхъ поръ внѣшній видъ ея остался неизмѣннымъ, и къ настоящей выставкѣ ее только вновь выкрасили, на что потребовалось до 60000 литровъ краски, а вся работа стоила до 100000 франковъ, то-есть болѣе 37000 рублей. Кромѣ того, въ ней передѣланы подъемныя машины съ цѣлью сдѣлать ихъ болѣе удобными для пользованія публики. Нынѣ во всѣхъ трехъ ярусахъ Эйфелевой башни помѣщаются рестораны; но, конечно, не они привлекаютъ массу посѣтителей, а тѣ восхитительные виды, которые открываются съ башни. Особенно хорошъ видъ съ третьей, самой высокой, площадки ея: тутъ передъ взорами зрителя открывается съ

[1]) См. «Нов. Журн. Иностр. Лит.», №№ 6—10.

Digitized by Google

птичьяго полета не только панорама всего Парижа, съ его многочисленными дворцами, соборами, церквами, башнями, мостами, но и окрестностей его на довольно далекое разстояніе. Но всего интереснѣе взглянуть оттуда на картину солнечнаго заката. Вотъ день мало-по-малу склоняется къ вечеру; солнце постепенно исчезаетъ за облаками, окаймляющими горизонтъ, ослѣпительно освѣщая ихъ пурпурово-золотыми лучами; постепенно предметы и зданія, ближайшіе къ землѣ, покрываются тѣнью; мракъ начинаетъ все быстрѣе и быстрѣе окутывать собою городскія улицы; но не успѣли еще дома и церкви принять неопредѣленныя тѣни и формы, какъ вдругъ, то тутъ, то тамъ, начинаютъ зажигаться блестящіе огоньки; скоро число ихъ сильно возрастаетъ, и темная бездна, разстилающаяся у ногъ зрителя, становится похожей на усѣянный звѣздами небесный сводъ, только расположенный въ обратномъ видѣ. А у самаго подножія башни уже разлилось цѣлое море электрическаго свѣта, которымъ освѣщается вся площадь, занимаемая выставкой. Картина, въ общемъ, получается положительно волшебная. Особенно эффектно среди нея выдѣляются своими разноцвѣтными огнями каскады центральнаго водоема выставки, представляя собою совершенную иллюзію огненныхъ фонтановъ и водопадовъ.

Вокругъ Эйфелевой башни расположились многочисленные павильоны, въ которыхъ помѣщаются по большей части различныя увеселенія,—отчасти даже на научной подкладкѣ, — безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одна всемірная выставка. Такъ, направо, кромѣ Женскаго Дворца, находится кинеорама, мареорама, гигантскій глобусъ, Трансатлантическая панорама, «Венеція въ Парижѣ», наконецъ, Дворецъ оптики, а налѣво—панорама кругосвѣтныхъ путешествій, Альпійскій клубъ, Дворецъ костюмовъ или модъ и, въ заключеніе, свѣтящійся хрустальный Дворецъ Понсена. Все это частныя предпріятія, созданныя акціонерными компаніями, образовавшимися спеціально съ подобными цѣлями.

Прежде всего остановимся на Женскомъ Дворцѣ. На Всемірной выставкѣ въ Чикаго для дамъ устроенъ былъ особый домъ, гдѣ сосредоточено было все, что только необходимо для удовлетворенія обыденныхъ женскихъ потребностей. Парижъ захотѣлъ превзойти Чикаго и выстроилъ съ подобною же цѣлью цѣлый роскошный дворецъ; здѣсь дамы, посѣщающія выставку, могутъ отдохнуть со всевозможнымъ комфортомъ, посмотрѣть на различныя модели туалетовъ и даже купить или заказать то, что имъ понравится, привести и свой туалетъ въ порядокъ, если что-нибудь въ немъ разстроилось, — однимъ словомъ, расположиться какъ у себя дома. Здѣсь устроены многочисленные, роскошно меблированные салоны, будуары, имѣется цѣлый штатъ прекрасно выдрессированной прислуги, свои портнихи, модистки, башмачники, куаферы; можно тутъ также и пообѣдать или закусить, напиться чаю, полакомиться пирожнымъ и конфектами. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ организована самая полная выставка всего того, что только можетъ интересовать женщину: костюмовъ, платьевъ, верхнихъ вещей, шляпокъ, перьевъ, кружевъ, вѣеровъ, вышивокъ и всевозможныхъ женскихъ рукодѣлій, разныхъ драгоцѣнныхъ колецъ, браслетовъ, брошекъ. Кромѣ того, здѣсь можно найти и всѣ предметы, имѣющіе какое-либо отношеніе къ женщинѣ, какъ матери и хозяйкѣ, а также къ воспитанію дѣтей—учебныя вещи и игрушки. Не забыты и развлеченія: въ первомъ этажѣ Дворца устроенъ великолѣпный концертный залъ, гдѣ даются музыкальные вечера, на которыхъ исполнительницами являются по преимуществу женщины, при чемъ нерѣдко исполняются также произведенія женщинъ, занимающихся композиціей. Для дѣтей здѣсь есть китайскія тѣни и два раза въ недѣлю даются дѣтскіе спектакли, на которыхъ актерами являются тоже исключительно дѣти. Такимъ образомъ, Женскій Дворецъ представляетъ собой сосредоточіе всего, что только касается женщины и ребенка, какъ предполагаемаго неразлучнаго спутника ея жизни,—словомъ, здѣсь вполнѣ женское царство.

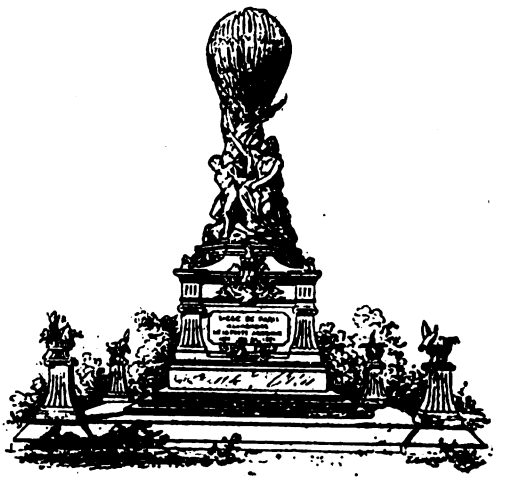
Вблизи Женскаго Дворца находится павильонъ кинеорамы. Послѣдняя представляетъ возможность испытать впечатлѣніе путешествія въ воздушномъ шарѣ черезъ Европу и Африку. Воздушныя путешествія въ свободномъ и управляемомъ шарѣ до сихъ поръ составляютъ лишь мечту, которая не получила еще осуществленія на практикѣ, и, конечно, кинеорама на выставкѣ даетъ лишь иллюзію подобныхъ путешествій;

Digitized by Google

но, во всякомъ случаѣ, весьма интересно испытать тѣ ощущенія, какія выпадаютъ въ такихъ случаяхъ на долю воздухоплавателей. Вотъ мы входимъ въ корзину шара; кажется, будто начинается подъемъ, и земля какъ будто исчезаетъ изъ-подъ нашихъ ногъ. Теперь мы въ заоблачныхъ пространствахъ, пролетаемъ сквозь облака; вотъ гдѣ-то внизу передъ нашими взорами появляется большой городъ: какъ смѣшно копошатся тамъ люди, какъ они комично-малы,—точно муравьи! А вотъ и море! Какъ сердито бушуютъ волны его! Подъ нами проходитъ пароходъ; онъ направляется въ Европу, которую мы уже покинули. Но начинается буря. Какъ засуетились на пароходѣ люди! Вѣдь имъ очень опасенъ морской ураганъ, проносящійся подъ нами и вслѣдствіе нашего положенія почти не затрогивающій насъ. Между тѣмъ уже показался берегъ Африки, и вдали широко разстилаются желтые пески Сахары. Но мы повертываемъ назадъ, направляясь къ Италіи. Скоро мы несемся надъ этой прекрасной страной, любуясь съ высоты нашего полета ея роскошной природой, ея старинными городами, причемъ передъ нашими глазами мелькаютъ то картины римскаго карнавала, то какіе-то военные маневры, сопровождаемые пушечною пальбой, атаками кавалеріи, ружейными залпами. Вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ кинеорама, и она представляетъ довольно любопытное развлеченіе, особенно для большой публики.

Подобно тому, какъ кинеорама даетъ иллюзію путешествія въ воздушномъ шарѣ, мареорама даетъ подобную же иллюзію морского плаванія. Здѣсь—мы на палубѣ большого морского парохода; всѣ снасти, сирена, дымовая труба — воспроизведены точно, до мельчайшихъ подробностей. Вотъ пароходъ задымился, и мы отчаливаемъ отъ Марсельскаго порта, направляясь въ Константинополь. По пути мы какъ бы заходимъ въ Алжиръ, Сфаксъ, Неаполь и Венецію. Конечно, все это, вплоть до бури, настигающей нашъ пароходъ, воспроизводится посредствомъ движущейся панорамы, но тѣмъ не менѣе иллюзія получается довольно полная; къ тому же здѣсь совершаются на нашихъ глазахъ всѣ маневры по управленію пароходомъ и даже воспроизводится морская качка, какъ боковая, такъ и килевая.

Гигантскій глобусъ имѣетъ цѣлью познакомить публику, по возможности въ самой популярной формѣ, съ наиболѣе важными законами астрономіи и космографіи, съ обращеніемъ земли вокругъ солнца, съ видимымъ движеніемъ звѣзднаго неба, съ затменіями, съ образованіемъ туманныхъ пятенъ, съ движеніемъ кометъ. Въ діаметрѣ этотъ глобусъ имѣетъ 46 метровъ, или болѣе 20 саж. Онъ лежитъ на солидныхъ каменныхъ столбахъ и украшенъ миѳологическими и астрономическими фигурами. Внутрь его проникаютъ при посредствѣ лифтовъ, а также по широкимъ лѣстницамъ. Тамъ помѣщается другой, меньшій, глобусъ, діаметромъ въ 36



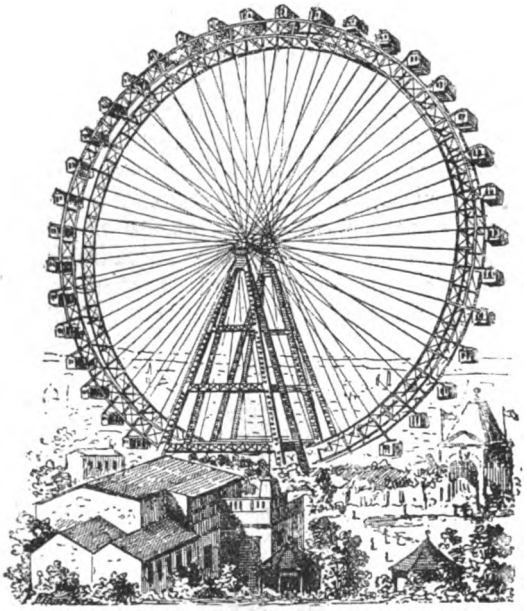
Аэронавты при осадѣ Парижа. Памятникъ Бартольди.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

метровъ ($12^1/_2$ саж.), съ котораго посѣтитель и можетъ наблюдать движеніе небесныхъ свѣтилъ, причемъ солнце и другія звѣзды изображаются электрическими лампами различной величины.

О Трансатлантической панорамѣ распространяться не стоитъ, такъ какъ она даетъ только довольно вульгарные виды береговъ Африки, омываемыхъ Средиземнымъ моремъ, а потому даже не совсѣмъ понятно, почему она называется трансатлантической. Развѣ, можетъ быть, лишь вслѣдствіе того, что ее устроила Трансатлантическая компанія!.. Гораздо болѣе интересенъ уголокъ выставки, называемый «Венеціей въ Парижѣ». Это довольно удачное и точное воспроизведеніе части Венеціи, съ ея кана-

Digitized by Google

лами, по которымъ, какъ громадные черные лебеди, плаваютъ многочисленныя гондолы, и въ которыхъ отражаются великолѣпные



Большое колесо.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

дворцы, украшенные мозаикой и воздушными галлереями изъ бѣлаго камня, съ ея Піацеттой, Дворцомъ Дожей, съ ея знаменитымъ Мостомъ Вздоховъ и соборомъ св. Марка, такъ что здѣсь недостаетъ развѣ только южнаго горячаго солнца, голубыхъ волнъ Адріатики да пѣсенъ гондольеровъ подъ мѣрные взмахи длинныхъ веселъ.

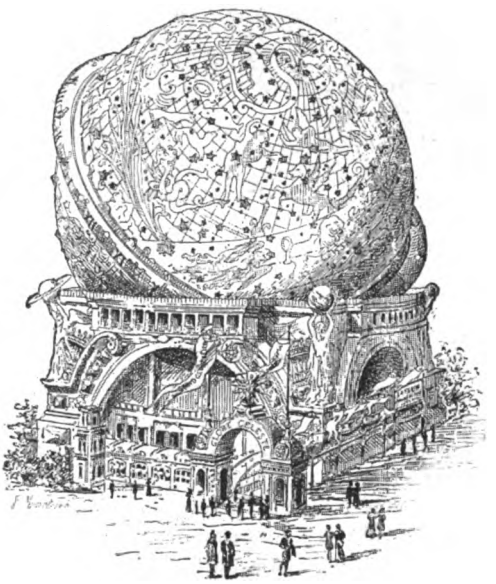
Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этимъ прелестнымъ уголкомъ находится Дворецъ Оптики. Это большое зданіе съ громаднымъ портикомъ, украшеннымъ миѳологическими фигурами и двѣнадцатью знаками зодіака. Его покрываетъ огромный куполъ, заканчивающійся на высотѣ 42 метровъ сильнымъ электрическимъ свѣточемъ. Главную часть всего зданія составляетъ большая и длинная галлерея, которая тянется отъ одного конца его до другого. Въ этой галлереѣ помѣщается знаменитый гигантскій телескопъ, построенный спеціально къ теперешней выставкѣ. Это въ настоящее время самый большой телескопъ въ мірѣ. До сихъ поръ таковымъ считался извѣстный телескопъ обсерваторіи Іеркеса, близъ Чикаго, имѣющій въ діаметрѣ 1 метръ и въ длину 19 метровъ. Казалось, что онъ составляетъ послѣднее слово современной техники, такъ какъ по причинѣ своей длины и особенно своего вѣса онъ являлся уже недостаточно подвижнымъ и потому представлялъ большія неудобства при пользованіи имъ для астрономическихъ наблюденій. Но новый телескопъ имѣетъ въ діаметрѣ $1^1/_4$ метра и 60 метровъ длины, а вѣсъ его достигаетъ 20 тоннъ. Такъ какъ приводить такую массу въ движеніе было бы крайне трудно, вѣрнѣе—даже невозможно, то рѣшено сдѣлать его совершенно неподвижнымъ, и труба его укрѣплена въ горизонтальномъ положеніи на семи прочныхъ столбахъ. На одномъ изъ концовъ трубы находится окуляръ, движущійся по рельсамъ; онъ можетъ быть замѣненъ также фотографическою пластинкой. Другой же конецъ трубы занятъ громаднымъ объективомъ, состоящимъ изъ двухъ линзъ: одной—приспособленной для непосредственныхъ астрономическихъ наблюденій, а другой—предназначенной къ употребленію при фотографированіи. Обѣ эти линзы сдѣланы изъ одинаковаго матеріала, но имѣютъ различные радіусы кривизны, такъ какъ первая изъ нихъ должна сосредоточивать болѣе желтые лучи свѣта, а вторая—фіолетовые. Для того же, чтобы неподвижность самой трубы не препятствовала производить при помощи ея наблюденія надъ различными частями небосклона, противъ объектива устроенъ сидеростатъ Фуко, главную часть котораго составляетъ громадное зеркало, имѣющее 2 метра (почти 1 сажень) въ діаметрѣ и 30 сантиметровъ толщины; оно установлено въ нѣкоторомъ разстояніи отъ линзъ, такъ что можетъ свободно вращаться во всѣ стороны около своихъ двухъ перпендикулярныхъ осей. Зеркало это является одною изъ существеннѣйшихъ частей новаго телескопа и отъ ровности его поверхности, не менѣе, чѣмъ отъ чистоты самихъ линзъ, зависитъ ясность, отчетливость и вѣрность получаемаго изображенія. Стекло его вѣситъ 3600 килограм. (225 пуд.), а вѣсъ всего сидеростата вмѣстѣ съ подставкой доходитъ до 14 тоннъ. Полировка зеркала произведена со всевозможною тщательностью, и насколько оно чувствительно ко всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ, видно уже изъ того, что достаточно приблизить къ нему руку, чтобы исходящая изъ нея лучистая теплота уже

Digitized by Google

оказала свое дѣйствіе и повліяла на ясность получаемаго изображенія. Это обстоятельство возбуждаетъ даже опасенія, можетъ ли зеркало вообще функціонировать достаточно удовлетворительно: вѣдь оно по необходимости должно быть расположено на открытомъ воздухѣ. Слѣдовательно, если вѣтеръ будетъ доносить до него воздушныя теченія различной температуры, то, спрашивается, не вызоветъ ли это чувствительныхъ измѣненій въ получаемыхъ изображеніяхъ? Впрочемъ, провѣрить это возможно будетъ лишь впослѣдствіи, когда телескопъ, послѣ выставки, перенесется на югъ Франціи, гдѣ небо и чище, и яснѣе; тогда и будетъ видно, въ состояніи ли новый телескопъ оказать наукѣ какія-либо услуги или же онъ, при всей своей силѣ приближенія, все-таки безполезенъ и является не болѣе, какъ игрушкой, такъ какъ не допускаетъ точныхъ наблюденій, хотя и легко даетъ 6000-ное увеличеніе въ плоскости, причемъ увеличеніе это можетъ при благопріятныхъ условіяхъ быть доведено даже до 10000-наго; и, слѣдовательно, луна, отстоящая отъ насъ на разстояніи 380000 километровъ, можетъ быть разсматриваема въ него съ разстоянія въ 38 километровъ. Чтобы яснѣе представить себѣ, что именно это значитъ, стоитъ лишь припомнить, что человѣкъ, стоящій на возвышенности въ разстояніи 38 километровъ отъ какого-нибудь города, еще въ состояніи невооруженнымъ глазомъ разглядѣть въ немъ наиболѣе высокія зданія, его башни, колокольни. Если бы удалось получить изображеніе луны на такомъ разстояніи, то можно было бы съ полною увѣренностью разрѣшить вопросъ, была ли луна когда-либо обитаема человѣкообразными существами, или же нѣтъ; о томъ же, что на ней въ настоящее время не существуетъ никакой органической жизни, ясно свидѣтельствуютъ всѣ данныя современной науки. Въ сторонѣ отъ главной галлереи Дворца Оптики, въ которой расположенъ гигантскій телескопъ, есть еще куріозный залъ, названный «Лабиринтомъ»: въ немъ при посредствѣ извѣстнаго расположенія зеркалъ достигаются очень странные эффекты измѣненія въ фигурахъ и въ окружающей ихъ обстановкѣ. Но это уже пахнетъ болѣе балаганщиной, и потому говорить объ этомъ здѣсь неумѣстно.

Точно такъ же не стоитъ распространяться и о свѣтящемся Дворцѣ Понсена. Послѣдній былъ стекольнымъ заводчикомъ и, вѣроятно, потому возымѣлъ мысль построить на выставкѣ павильонъ исключительно изъ стекла, такъ что даже внутренняя обстановка этого павильона,—мебель, ковры, портьеры,—все сдѣлано изъ того же матеріала. Весь павильонъ по вечерамъ освѣщается тысячами разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ и, пожалуй, въ эту пору представляетъ собой недурной видъ, если только не задаваться вопросомъ: какой смыслъ можетъ заключаться въ подобномъ зрѣлищѣ?

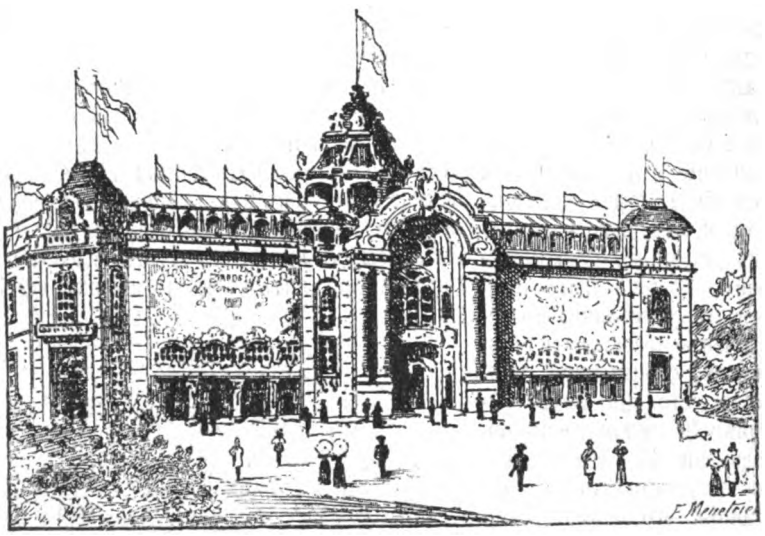
Гораздо большій интересъ возбуждаетъ находящійся тутъ же рядомъ Дворецъ Костюмовъ. Цѣль, которая преслѣдовалась при устройствѣ его, заключалась въ томъ, чтобы показать воочію исторію женскихъ костюмовъ и модъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Но, конечно, для этого недостаточно было собрать лишь извѣстную коллекцію костюмовъ всѣхъ эпохъ и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ; надо было сдѣлать при этомъ строгій выборъ изъ нихъ, представить костюмы въ ихъ наиболѣе характерныхъ образцахъ и въ современной имъ обстановкѣ, на манекенахъ, расположенныхъ живописными группами, чтобы



Гигантскій глобусъ.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

Digitized by Google

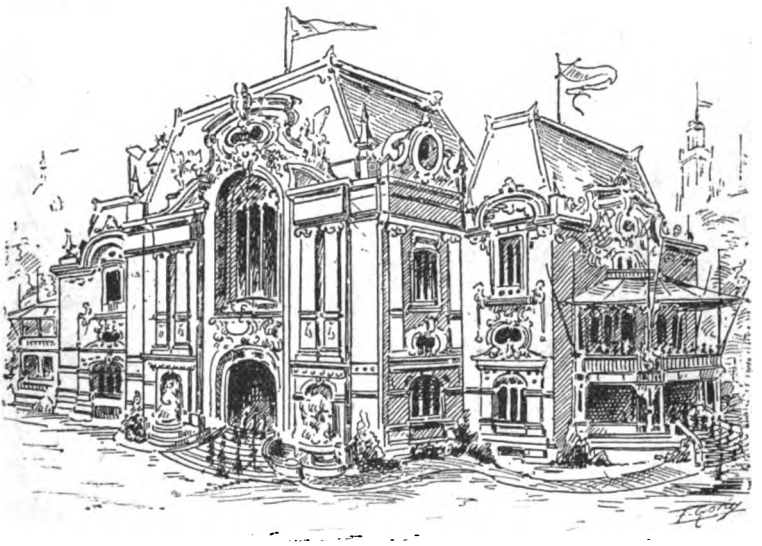
виденъ былъ весь эффектъ ихъ. А для этого пришлось многое подновлять и дѣлать даже вновь, чтобы получилась по возможности полная историческая картина модъ. Не мало на все это положено было усилій, но зато и картина вышла дѣйствительно не только красивая, но даже поучительная. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ высшей степени не поучительно, что нашъ прекрасный полъ, какъ оказывается, всегда, въ древности, какъ и въ Средніе вѣка, въ эпоху Возрожденія, какъ и нынѣ, одинаково и притомъ при помощи почти однихъ и тѣхъ же средствъ, заботился объ украшеніи своей внѣшности, ради того, чтобы нравиться и побѣждать мужскія сердца, и что въ дѣлѣ моды уже давно рѣшительно нѣтъ ничего безусловно новаго: тѣ же самыя формы покроя одежды, тѣ же самыя украшенія постоянно повторяются, имѣя всегда въ виду лишь одну неизмѣнную цѣль придать женской красотѣ какъ можно болѣе блеска. При самомъ входѣ во Дворецъ Костюмовъ мы видимъ, съ одной стороны, римскій атріумъ, а съ другой—внутренность древне-египетскаго дома. И что же, тѣ самыя длинныя складки, тѣ высокія таліи, какія носили римлянки, не повторились ли потомъ въ модахъ временъ Директоріи и Первой Имперіи? Въ XIV и XV вѣкахъ господствовала мода обшивать костюмы опушкой изъ мѣха, какъ это видно на двухъ выставленныхъ здѣсь группахъ, изъ которыхъ одна изображаетъ знатныхъ дамъ, осматривающихъ наканунѣ турнира оружіе участниковъ этого турнира, а другая представляетъ раздачу наградъ послѣ турнира. И тутъ, и тамъ тяжелыя шелковыя платья дамъ, затканныя цвѣтами и арабесками, обшиты горностаемъ, куницей и другими дорогими мѣхами; широкія мѣховыя опушки идутъ даже вокругъ ихъ длинныхъ шлейфовъ, доходя до самаго верха ихъ открытыхъ корсажей. Точно такъ же украшено мѣхомъ и великолѣпное платье изъ голубого бархата, все вышитое золотыми лиліями, на королевѣ Маріи Медичи. Но давно ли мы переживали подобную же моду, когда наши дамы обшивали даже бальныя свои платья опушкой изъ мѣха! Позднѣе мѣхъ замѣняется бархатомъ, который, въ свою очередь, уступаетъ мѣсто кружевамъ. Такъ, на знатной венеціанкѣ, входящей въ гондолу, тихо колышущуюся на водахъ канала, какъ и на дамахъ ея свиты, можно уже увидѣть высокіе кружевные воротники, начинающіеся едва ли не отъ самыхъ плечъ и охватывающіе всю шею. Вскорѣ затѣмъ появляются длинные кружевные рукава, которые нынѣ, какъ оказывается, составляютъ послѣднее слово моды, такъ что ихъ можно теперь видѣть на самыхъ новѣйшихъ лѣтнихъ туалетахъ. И долго еще потомъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, кружева сохраняютъ свою первенствующую роль въ числѣ украшеній не только женскихъ, но даже и мужскихъ костюмовъ; они встрѣчаются на платьяхъ во времена Франциска I и доходятъ до царствованія Людовика XIV, такъ какъ платья на обѣихъ принцессахъ, дочеряхъ послѣдняго, курящихъ тайкомъ трубку у



Дворецъ Костюмовъ.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

Digitized by Google

камина, обшиты широкими кружевными воланами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря тому, что на костюмы въ тѣ времена употреблялись почти исключительно тяжелыя матеріи, которыя для того, чтобы казаться эффектными, требовали отъ женщинъ величественной фигуры, появляется цѣлый рядъ средствъ придавать женскому корпусу искусственнымъ образомъ надлежащую полноту. Такова, въ сущности, была цѣль всѣхъ этихъ фижмъ, всѣхъ этихъ панье эпохи рококо и, даже, пожалуй, знаменитаго кринолина, господство котораго прекратилось лишь въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Далѣе, складки Ватто вызвали изобрѣтеніе турнюровъ, безъ которыхъ онѣ не имѣли вида. Но особенно кокетливыми моды становятся въ эпоху Маріи-Антуанетты. Ленты и всевозможные банты изъ нихъ, различные рюши и легкія муслиновыя фишю, цвѣты въ волосахъ, — вотъ характерныя черты этихъ модъ. Какъ протестъ противъ всѣхъ подобныхъ фривольностей, въ первое время революціи появились костюмы на римскій и греческій образецъ, простые, строгіе, почти лишенные всякихъ украшеній. Эта мода длилась и въ періодъ Первой Имперіи, такъ что платье, которое надѣто было на императрицѣ Жозефинѣ во время ея коронованія, носило чисто классическій характеръ. Интересны также моды 20-хъ и 30-хъ годовъ нашего столѣтія, судя по тѣмъ образцамъ ихъ, которые выставлены во Дворцѣ Костюмовъ. Что касается до модъ позднѣйшаго времени, то образцы ихъ можно видѣть тамъ же на группѣ, представляющей свѣтскій балъ въ 1860 году.



Женскій Дворецъ.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

Интересно опредѣлить, какъ вообще возникаютъ моды. Вотъ мнѣнія наиболѣе компетентныхъ людей по этому вопросу. Въ былыя времена, по ихъ словамъ, дѣло происходило очень просто: обыкновенно моду опредѣлялъ капризъ короля или королевы, а также нерѣдко вкусъ какой-нибудь фаворитки. Когда королева Викторія, повредивъ себѣ ногу, принуждена была провести нѣсколько дней въ креслѣ, то она велѣла сдѣлать себѣ болѣе длинную юбку, которая дала бы ей возможность прикрыть себѣ ноги. И вотъ вся Англія принялась носить длинныя платья взамѣнъ прежнихъ короткихъ. Императрица Евгенія, стремясь замаскировать свою беременность, а, можетъ быть, изъ подражанія амурамъ Маріи-Антуанетты, увеличила размѣры своего кринолина, и весь свѣтъ сталъ носить обширнѣйшіе кринолины. А когда у m-lle Фонтанжъ на охотѣ распустились волосы и она, чтобы они не заволакивали ей лица, связала ихъ самымъ небрежнымъ образомъ лентою, которую оторвала отъ своего же платья, то это породило особый родъ довольно неуклюжей прически, бывшей долго въ модѣ, такъ какъ король находилъ ее восхитительной. Теперь же мода во Франціи идетъ не сверху, не изъ дворцовъ, не изъ высшихъ сферъ общества, а снизу: ее создаютъ тамъ почти исключительно парижскія кокотки. Avis à nos dames! Вмѣстѣ съ тѣмъ мода быстро стала демократизироваться. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ Парижѣ тратитъ

Digitized by Google

теперь сотни тысячъ франковъ на свои туалеты? Развѣ двѣ-три актрисы да пять-шесть изъ дамъ полусвѣта; знать же стала очень экономна въ этомъ отношеніи. Да и самые фасоны женскихъ платьевъ дѣлаются все однообразнѣе и однообразнѣе: теперь всюду господствуетъ почти одинъ костюмъ tailleur, который носятъ рѣшительно всѣ, отъ маркизы или герцогини изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и до послѣдней приказчицы, стоящей за прилавкомъ въ какомъ-нибудь магазинѣ. Костюмъ этотъ стоитъ недорого, удобенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенъ изящества, такъ какъ прекрасно обрисовываетъ формы, вслѣдствіе чего особенно идетъ къ хорошенькимъ женщинамъ, обладающимъ прекраснымъ бюстомъ, ну, а дурнушки... Впрочемъ, какая же женщина не считаетъ себя, при извѣстныхъ условіяхъ, хорошенькой, да, и кромѣ того, вообще говоря, кто изъ женщинъ въ состояніи противиться модѣ, какъ бы ни была она странна и даже уродлива? Мода господствуетъ надъ самымъ изящнымъ вкусомъ, надъ наиболѣе укоренившимися привычками; она издаетъ постановленія, при какихъ условіяхъ и какимъ манеромъ женщина можетъ считаться красивой, какими именно изъ своихъ прелестей она можетъ привлечь къ себѣ сердца женщинъ,—и всѣ безпрекословно подчиняются ея деспотизму. Такъ было во всѣ времена и такъ, конечно, еще долго будетъ впредь. Вотъ почему, между прочимъ, интересно и даже поучительно заглянуть во Дворецъ Костюмовъ, посвященный исторіи моды. Тутъ еще разъ невольно убѣждаешься, что ничто не ново подъ луною, и что наши дѣти навѣрное будутъ увлекаться тѣмъ же, чѣмъ въ старину увлекались наши предки...

Чтобы покончить съ ближайшими окрестностями Эйфелевой башни, остается сказать еще объ Альпійскомъ клубѣ и о панорамѣ кругосвѣтныхъ путешествій. Что касается до перваго, то выставка его состоитъ изъ двухъ частей: изъ коллекціи предметовъ, употребляемыхъ при восхожденіи на горы, и изъ цѣлаго ряда панорамъ и діорамъ, изображающихъ различные горные виды. Изъ послѣднихъ особенно интересенъ превосходно написанный видъ снѣжной вершины Монъ-Блана, взятый со стороны Періадскихъ глетчеровъ. Здѣсь нѣтъ уже и намека ни на пастбища, ни на какія-либо постройки, — все это находится ниже тѣхъ вѣчныхъ снѣговъ, которыми одѣта вершина Монъ-Блана. Здѣсь повсюду виднѣются лишь снѣжныя равнины, глетчеры, голые утесы да бездонныя пропасти. И по мѣрѣ того, какъ зритель подвигается впередъ, картина становится все суровѣе и суровѣе. Вокругъ виднѣются лишь снѣжныя поля, кое-гдѣ усѣянныя остроконечными камнями, полузамерзшіе потоки, страшные водопады, дающіе начало рѣкамъ, текущимъ внизъ, въ долину Шамуни. Это — царство смерти, царство невыносимой стужи. Вообще панорама очень хорошо передаетъ ощущенія и впечатлѣнія, испытываемыя при восхожденіи на Альпы.

Дворецъ Литературы и Наукъ.
(Парижская всемірная выставка 1900 г.).

Панорама кругосвѣтныхъ путешествій показываетъ виды изъ всѣхъ частей свѣта. Она помѣщается въ большомъ оригинальномъ зданіи, построенномъ въ восточномъ вкусѣ и совмѣщающемъ въ себѣ главнѣйшіе типы китайской, японской и индійской архитектуры. Такъ, часть фасада его представляетъ собою точную копію съ

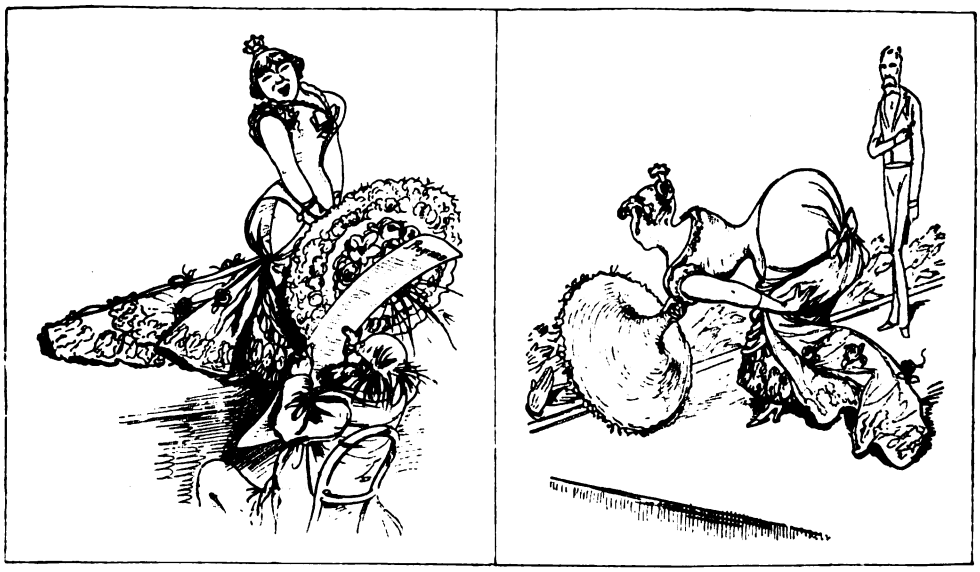
Digitized by Google

одного буддійскаго храма въ Камбоджѣ, другая—вся покрыта рѣзьбой въ японскомъ стилѣ. Всюду виднѣются статуи буддійскихъ божествъ, а громадный куполъ имѣетъ видъ какой-то индійской митры. Входныя двери взяты изъ одного храма въ Токіо и перенесены сюда въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали на мѣстѣ. Онѣ покрыты съ верху до низу странной рѣзьбой, изображающей драконовъ и другихъ фантастическихъ животныхъ съ эмалевыми глазами въ золотыхъ ободкахъ. Самая панорама, помѣщающаяся въ этомъ зданіи, начинается видомъ на цвѣтущіе берега Японіи и на городъ Іеддо; затѣмъ въ туманномъ отдаленіи она показываетъ сады Нико; далѣе является видъ города Шанхая съ его роскошными садами; за нимъ слѣдуютъ виды нѣкоторыхъ интересныхъ мѣстъ въ Индіи, расположенныхъ среди богатой тропической растительности. Потомъ появляется Портъ-Саидъ и Суэцкій каналъ, въ отдаленіи виднѣется на горизонтѣ Константинополь съ Золотымъ Рогомъ, а вслѣдъ затѣмъ появляются Аѳины съ ихъ Акрополемъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ видовъ Средиземнаго моря, панорама заканчивается видами Испаніи. Къ этому прибавлено еще два-три десятка видовъ различныхъ большихъ городовъ, какъ отдѣльныя діорамы, и, между прочимъ, видъ нашей Москвы. Все это довольно красиво нарисовано, мѣстныя характерныя особенности какъ природы, такъ и архитектуры повсюду переданы сравнительно вѣрно, такъ что панорама эта въ общемъ производитъ довольно пріятное впечатлѣніе.

(Окончаніе будетъ).

Дворецъ Мебели и различныхъ индустрій.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

Digitized by Google



Въ концертѣ: Дива.
(Карикатура Оберлэндера).

XIX ВѢКЪ ВЪ КАРИКАТУРАХЪ.

VIII [1]).

Нѣмецкая карикатура 1852—1871 гг.

Карикатуры на Наполеона III.—Ненависть Южной Германіи къ Пруссіи.—Гамбургскій «Промышленный Юмористъ».—Карикатуры на Бисмарка.—Типы «Кладерадача»: Шульце и Мюллеръ.—Берлинскія лоретки.—Рисунки Лефлера, Кюна, Кёнига и Рейнхарта.—Силуэтный жанръ.—Наброски Гендшеля.

Въ теченіе почти двадцати лѣтъ (1852—1871) политическіе вопросы во всей Германіи стоятъ на первомъ планѣ, и карикатура нравовъ въ нѣкоторомъ родѣ уступаетъ главенство карикатурѣ политической. Напрасно «Пимпельхуберъ», типъ баварскаго буржуа, повѣствуетъ въ словахъ и рисункахъ на страницахъ мюнхенскаго «Пёнча» о всѣхъ прелестяхъ Всемірной французской выставки 1854 года, а другой рисовальщикъ того же журнала изображаетъ дѣйствіе, произведенное Тангейзеромъ на слушателя, который даже въ кровати наигрываетъ на скрипкѣ поразившія его мелодіи къ великому ужасу своей дражайшей половины, или рисуетъ бѣдственное положеніе всего оркестра послѣ исполненія «Лоэнгрина»: поломанные инструменты, порванныя струны и самихъ музыкантовъ на больничныхъ носилкахъ,—ничто не дѣйствуетъ на публику, совершенно поглощенную политикой. Наполеонъ III, превратившійся для нѣмцевъ въ простое мѣстоименіе «Онъ», царствуетъ почти исключительно всѣ эти двадцать лѣтъ

[1]) См. «Новый Журн. Иностр. Лит.», № 10.

Digitized by Google

на страницахъ «Пёнча» и «Кладерадача». Карикатуры и шаржи изображаютъ его во всѣхъ видахъ и формахъ, и такимъ образомъ эти два журнала представляютъ какъ бы карикатурную иллюстрированную исторію императора. Сатирическій писатель и рисовальщикъ Шлейхъ изображаетъ его съ большимъ талантомъ въ цѣломъ рядѣ комическихъ виньетокъ въ «Пёнчѣ»: то одѣтымъ кондитеромъ, онъ разрѣзываетъ пирогъ и предлагаетъ Фрицу (пруссаку) какую угодно часть, лишь бы оставить себѣ верхушку пирога, т.-е. Рейнъ; то изучающимъ карту Германіи, онъ суетъ свой носъ въ Данію и попираетъ ногой Швейцарію; то одѣтымъ клоуномъ и жонглирующимъ мячомъ, изображающимъ земной шаръ, или же канканирующимъ съ Польшей, Италіей и Венгріей. Эти виньетки интересны не только какъ документы, но и какъ прекрасно исполненные рисунки. «Кладерадачъ» ни въ чемъ не уступалъ своему южному собрату: Наполеонъ является тамъ то фабрикантомъ новыхъ географическихъ картъ, то директоромъ цирка Луиса, то въ стеклянной банкѣ, изображая термометръ войны и мира, смотря по тому, подымается ли онъ или опускается, и т. д.

Большой популярностью пользовалась карикатура со слѣдующей надписью: «Неронъ

— Неронъ сжегъ Римъ и веселился, а Онъ украшаетъ Парижъ и скучаетъ.

(Kladderadatsch).

— Что ты ищешь въ моемъ карманѣ, проклятый пруссакъ?

— Я подаю тебѣ братскую руку, Михель.

(Punch, 1867).

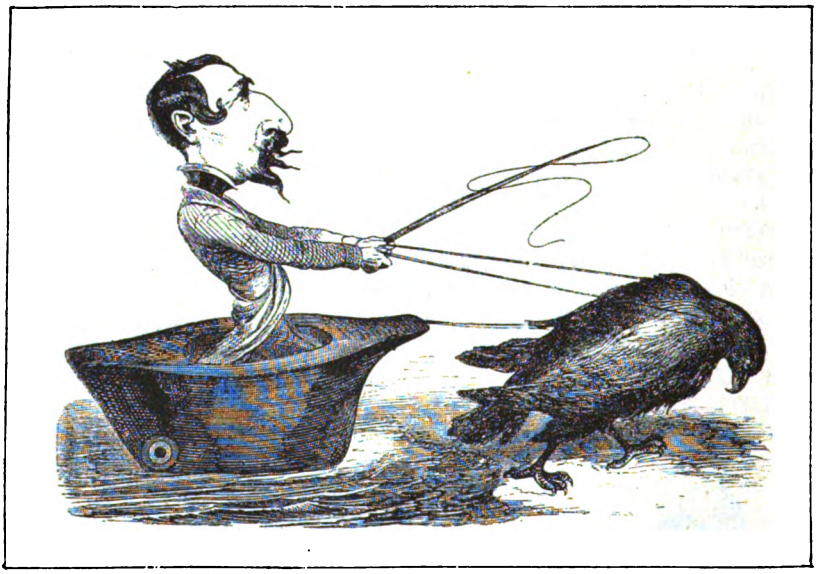
сжегъ Римъ и веселился, а онъ украшаетъ Парижъ и скучаетъ» и другая—«Исторія туфель Гасема»: въ этой исторіи въ цѣлой серіи рисунковъ изображена обувь Наполеона I съ момента изготовленія ея башмачникомъ-революціонеромъ вплоть до острова Святой Елены; затѣмъ эта обувь куда-то пропадаетъ, но ее находитъ какой-то принцъ и пользуется ею для торжественнаго появленія во Франціи.

Но политическія страсти разгорались все сильнѣе и сильнѣе среди нѣмецкихъ народностей. Южная Германія начала обвинять Пруссію въ единомысліи и дружбѣ съ Франціей. «Пёнчъ» на заглавномъ листѣ, надъ цифрой года 1863, изображаетъ статую Наполеона, которую ему собираются поставить благодарные пруссаки. Начиная съ этого года и до 1866 г. художники изощряютъ свой юморъ въ карикатурахъ, затрагивающихъ вопросы внутренней политики и общественной жизни и все усиливающееся соперничество Пруссіи съ Австріей. Возникаетъ новый иллюстрированный журналъ «Франкфуртскій Фонарь» — органъ демократическій, не разъ задѣвавшій Бисмарка въ своихъ прекрасно нарисованныхъ и прекрасно скомпонованныхъ карикатурахъ. Даже во время мобилизаціи войскъ появилась одна изъ послѣднихъ карикатуръ въ «Пёнчѣ», въ которой наглядно выразилась вся ненависть Южной Германіи къ Пруссіи. Она изображаетъ

Digitized by Google

пруесака, обыскивающаго карманы нѣмецкаго Михеля (см. рис. на 537 стр.). Война, какъ извѣстно, окончилась пораженіемъ союзныхъ южныхъ армій, но карикатуристы, тѣмъ не менѣе, продолжали свои нападки на Пруссію. Одна изъ самыхъ ѣдкихъ карикатуръ озаглавлена «Пруссаки въ Южной Германіи»: трое несчастныхъ, худыхъ, изможденныхъ солдатъ являются къ толстому добродушному баварцу на постой, онъ принимаетъ ихъ за больныхъ, жалѣетъ ихъ, но проходятъ четыре недѣли, и сцена мѣняется: баварецъ худъ какъ щепка, даже трубка его—и та похудѣла и вытянулась, зато пруссаки раздобрѣли до неузнаваемости. Интересна также юмористическая виньетка «Новый хозяинъ» изъ серіи виньетокъ, озаглавленныхъ «Дружескія и враждебныя шляпы»: всѣ эти шляпы преклоняются передъ заносчивой и гордо выпрямившейся прусской каской. Въ Гамбургѣ основывается еще сатирическій журналъ «Промышленный Юмористъ», въ которомъ рисунки уже напоминаютъ жанръ Буша, знаменитаго баварскаго карикатуриста. На страницахъ этого журнала появляются карикатуры на Римъ и папу, на испанскую королеву и нѣсколько очень удачныхъ на Наполеона III. Изъ нихъ очень хороша карикатура, изображающая обоихъ Наполеоновъ въ видѣ яицъ со слѣдующей надписью: «Они оба такъ же походятъ другъ на друга, какъ два яйца; разница только та, что Великій оказался орлинымъ яйцомъ, а послѣдній — яйцомъ кукушки».

Послѣ франко-прусской войны и паденія Наполеона III «Кладерадачъ» не имѣетъ уже того огромнаго успѣха, какимъ онъ до того пользовался, какъ будто весь юморъ его политическихъ карикатуръ испарился вмѣстѣ съ тѣмъ, на кого онѣ были главнымъ образомъ направлены. Насколько слабѣе и мало интересны всѣ его карикатуры на первыхъ президентовъ Франціи—на Гамбетту и Жюля Фавра! Осада Парижа и коммуна вызвали только нѣсколько жалкихъ иллюстрацій. Такимъ образомъ закончился блестящій періодъ политической карикатуры въ Германіи.

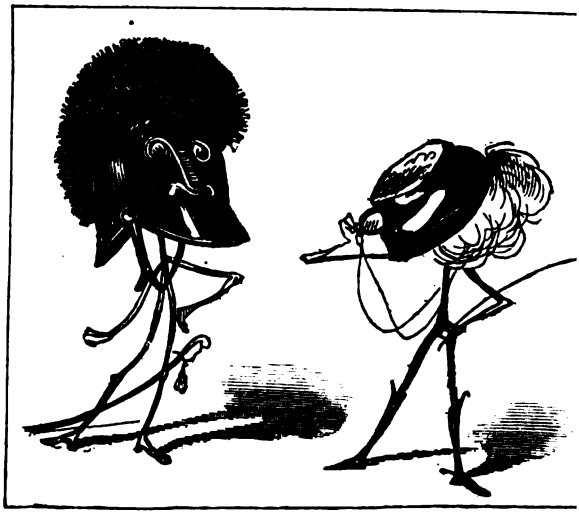


Какъ Онъ совершилъ свое вступленіе въ страну померанцевъ.
(Dorfbarbier, 1858).

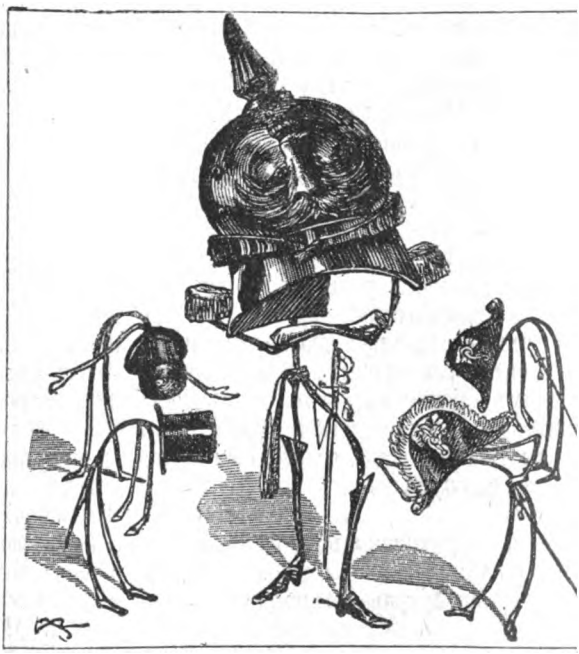
Далѣе уже во всѣхъ почти мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ всѣ юмористическіе журналы наполняются почти исключительно карикатурами нравовъ; только одна Пруссія продолжаетъ въ «Кладерадачѣ», въ

Digitized by Google

«Берлинскихъ Осахъ» и «Шутѣ» свои политическіе нападки на Францію: процессъ Базена, принцъ Лулу, Макъ-Магонъ, Греви даютъ обильную пищу карандашамъ карикатуристовъ. Но и въ самой Германіи является выдающаяся личность, обратившая на себя вниманіе не только всей націи, но и всей Европы—Бисмаркъ. «Кладерадачъ» посвящаетъ Желѣзному Канцлеру множество карикатуръ, но это все большею частью юмористическіе добродушные шаржи, а не злобныя сатиры,—напримѣръ, карикатура, озаглавленная «Затрудненія отъ избытка денегъ»: Бисмаркъ погруженъ въ раздумье, передъ нимъ лежитъ списокъ новыхъ налоговъ, и онъ задаетъ себѣ вопросъ: «Что мы будемъ дѣлать съ такимъ количествомъ денегъ, и, во-первыхъ, откуда же мы ихъ возьмемъ?» Или карикатура, изображающая знаменитые три волоска Бисмарка. Повсюду въ Германіи карикатуристы, осмѣивая и критикуя его государственную дѣятельность, относятся къ нему добродушно, а не враждебно, строго различая въ немъ общественнаго дѣятеля и частнаго человѣка и никогда не задѣвая послѣдняго. Очень интересно прослѣдить за всѣми измѣненіями, которымъ подвергается внѣшность Бисмарка подъ карандашомъ рисовальщиковъ со дня его появленія на политической аренѣ. Сначала его изображали худымъ, высокимъ, съ тѣмъ высокомѣрнымъ выраженіемъ, которое такъ свойственно и присуще прусскому «Junker», т.-е. молодому представителю мелкаго дворянскаго рода; затѣмъ министромъ въ сюртукѣ и цилиндрѣ, повидимому, ничѣмъ не отличающимся отъ другихъ, всегда на второмъ планѣ, позади своего монарха, а начиная съ 1870 года, его рисуютъ полнымъ, почти толстымъ, очень виднымъ, съ веселымъ даже шутливымъ выраженіемъ лица чаще всего въ мундирѣ; онъ теп не только всегда на первомъ пла но изъ-за него никого больше и



Прически дружескія и враждебныя.
(Punch, 1869).



Новый повелитель.
(Punch, 1868).

Digitized by Google

видно, онъ—какъ бы живое воплощеніе всей Германіи [1]).

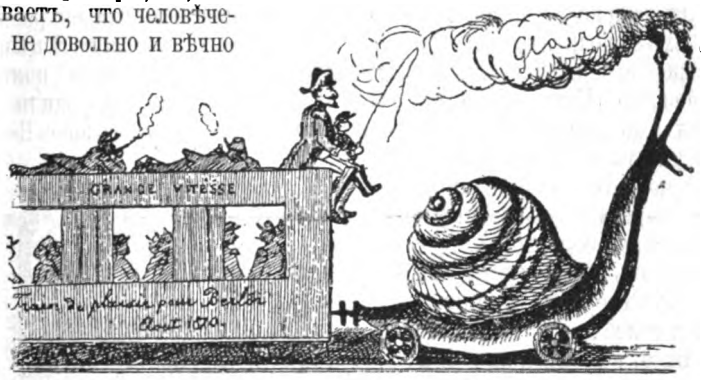
Самыми выдающимися и плодовитыми сотрудниками «Кладерадача» можно назвать художниковъ Карла Рейнхарта и Шольца. Этотъ послѣдній — авторъ иллюстрированныхъ обозрѣній, появляющихся въ этомъ журналѣ почти ежемѣсячно и изображающихъ всѣ интересныя и выдающіяся событія. Издатели «Кладерадача» печатали, кромѣ того, «Альманахъ для смѣха», «Юмористическій, сатирическій народный календарь», и подъ названіемъ «Иллюстрированная библіотека желѣзныхъ дорогъ» они выпустили цѣлую серію маленькихъ книжечекъ, полныхъ неподдѣльнаго, хотя подчасъ и грубоватаго, чисто берлинскаго юмора. Въ этихъ книжечкахъ фигурируютъ главнымъ образомъ два типа — Шульце и Мюллеръ. За исключеніемъ типовъ, созданныхъ Брауномъ во «Fliegende Blätter», врядъ ли кто пользовался большей популярностью и никогда не охладѣвавшей любовью публики, начиная съ 1850 года, какъ эти два излюбленные типа «Кладерадача». Они являются поочереди путешественниками, репортерами, художественными критиками, политиками. Соединяя въ себѣ всѣ должности и занятія, они разсуждаютъ о всѣхъ явленіяхъ общественной жизни и нравовъ. Сегодня они говорятъ о новыхъ открытіяхъ, завтра о какомъ-нибудь преступленіи или о «Кольцѣ Нибелунговъ». Они то путешествуютъ по Рейну, то посѣщаютъ и описываютъ своимъ женамъ Лондонъ, Гамбургъ, Дрезденъ, Копенгагенъ, Нью-Іоркъ и Парижъ, не преминувъ при оказіи сообщить своимъ дамамъ о послѣднихъ французскихъ модахъ и о легкомысленности французскихъ нравовъ. Они до такой степени сдѣлались необходимыми берлинцу, онъ такъ привыкъ къ ихъ юмористическимъ діалогамъ, что не рѣдкость услышать въ Берлинѣ такой вопросъ: «А какъ вы думаете, какъ на это посмотрятъ или что скажутъ объ этомъ Шульце и Мюллеръ?»

Нѣсколько художниковъ-сотрудниковъ названныхъ изданій какъ бы основали новую берлинскую школу граверовъ на деревѣ: это— Шольцъ, Рейнхартъ, Лефлеръ, Кюнъ, Кёнигъ и др. Въ этомъ кружкѣ рисовальщиковъ ясно выразились два направленія: одно чисто національное,—можно даже сказать, берлинское, а другое —французское, и, главнымъ образомъ, оно выражалось въ подражаніи Гаварни. Шольцъ принадлежалъ къ первому направленію, онъ же, между прочимъ, первый сталъ рисовать берлинскую лоретку, но въ этомъ типѣ напрасно было бы искать какой-нибудь индивидуальности, и лучшимъ его опредѣленіемъ могутъ служить слова объяснительнаго текста къ «Альбому берлинскихъ лоретокъ»: «Берлинская лоретка это какъ-бы поддѣлка ея парижской сестры, переводъ блестящаго и бойкаго французскаго водевиля на тяжеловѣсный и грубоватый нѣмецкій языкъ, или кислое шампанское Грюнеберга, налитое въ бутылки съ этикетомъ «Veuve Cliquot»; это—«трюфель безъ аромата». И, дѣйствительно, всѣ берлинскія кокотки Шольца лишены изящества, граціи и элегантности парижскихъ. Впрочемъ, изображая и этихъ послѣднихъ въ «Поѣздкѣ Шульце и Мюллера на Парижскую выставку», онъ даетъ такой же мало привлекательный типъ. Въ этомъ, главнымъ образомъ, виноваты общественныя условія нѣмецкой жизни. Если этотъ талантливый рисовальщикъ изображаетъ кокотку вульгарной, лишенной всякой привлекательности, это происходитъ только отъ того, что она не занимаетъ того особеннаго мѣста, какое ей отведено въ парижскомъ обществѣ. Въ Германіи нѣтъ того, что во Франціи называется полусвѣтомъ, и представительницѣ продажной любви не придаютъ соблазнительной внѣшности, а изображаютъ ее такъ, какъ она есть въ дѣйствительности, т.-е. вульгарной, глупой, жадной и продажной. И если Лефлеръ, котораго считаютъ нѣмецкимъ Гаварни, и даетъ въ своихъ набросках другіе типы, то въ нихъ такъ и чувствуется подражаніе французскому карикатуристу, и въ его берлинской кокоткѣ нѣтъ ни капли нѣмецкой крови. Это вліяніе Гаварни отражается почти на всѣхъ произведеніяхъ Лефлера, за исключеніемъ только его парламентскихъ типовъ и уличныхъ мужскихъ типовъ, въ которыхъ онъ проявляется національнымъ берлинскимъ художникомъ. То же самое вліяніе чувствуется въ карикатурахъ замѣчательно талантливаго рисовальщика Кюна и опять-

[1]) О карикатурахъ на Бисмарка см. подробную статью въ «Новомъ Журналѣ Ин. Лит.» 1898 г., сентябрь.

Digitized by Google

таки въ его женскихъ типахъ. Большей оригинальностью въ выборѣ сюжетовъ и въ трактовкѣ отличается Кёнигъ; особенно интересны его виньетки съ нѣсколько философскимъ оттѣнкомъ,—напримѣръ, тѣ, въ которыхъ онъ доказываетъ, что человѣчество никогда ничѣмъ не довольно и вѣчно жалуется на что-нибудь: грудной ребенокъ уже начинаетъ жаловаться на свою кормилицу, отецъ—на сына, жена—на мужа, солдатъ на свою возлюбленную кухарку и т. д.



Увеселительный поѣздъ въ Берлинѣ.
(Postheirl, 1870).

Самый популярный и самый національный карикатуристъ - рисовальщикъ изъ этой группы Рейнхартъ. Многія его юмористическія гравюры имѣли выдающійся успѣхъ, продолжая и въ наше время вызывать смѣхъ,—напримѣръ, его извѣстная карикатура «Левъ идетъ», гдѣ изображена паника, овладѣвшая всѣми жителями маленькаго городка при извѣстіи, что левъ убѣжалъ изъ звѣринца. Эта гравюра разошлась въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Рейнхартъ былъ въ одно и то же время художникомъ и романистомъ. Его перо обладало такимъ же сатирическимъ юморомъ, какъ и его карандашъ. Онъ написалъ большой романъ, озаглавленный «5-е мая» со множествомъ карикатуръ, направленныхъ противъ денежной аристократіи того времени.

Парижская кокотка, подъ карандашомъ Шольца.

Многіе иллюстрированные еженедѣльные журналы стали также помѣщать юмористическіе рисунки, популяризируя такимъ образомъ все больше и больше карикатуру нравовъ, почти окончательно замѣнившую политическую. На страницахъ этихъ журналовъ появлялись преимущественно карикатуры-силуэты Фернбаха, Гейне, Арндса и знаменитаго рисовальщика животныхъ Шпехта. Лучшимъ представителемъ такого силуэтнаго жанра, если можно такъ выразиться, былъ Павелъ Коневка, обладавшій огромнымъ талантомъ, но онъ, къ сожалѣнію, умеръ очень молодымъ. Коневка иллюстрировалъ силуэтами-шаржами «Фауста»,

Digitized by Google

«Виндзорскихъ кумушекъ», «Фальстафа», «Сонъ въ лѣтнюю ночь» и всевозможныя похожденія животныхъ. Но вся сила его таланта и наблюдательности проявилась особенно въ его портретахъ-силуэтахъ. О быстротѣ, вѣрности и ловкости, съ какими онъ ихъ исполнялъ, разсказываютъ самыя невѣроятныя вещи,—такъ, напримѣръ, въ его біографіи Кеплеръ говоритъ, что ему было вполнѣ достаточно понаблюдать нѣсколько минутъ какое-нибудь лицо, и онъ могъ съ завязанными глазами вырѣзать совершенно похожій силуэтъ-портретъ. Среди остальныхъ художниковъ-юмористовъ Сѣверной Германіи выдается силой своего таланта рисовальщикъ и живописецъ Гендшель (Hendschel); его этюды и наброски полны самаго тонкаго юмора и обличаютъ въ немъ глубокаго и умнаго наблюдателя комическихъ сторонъ человѣческой и особенно дѣтской жизни. Наброски его гораздо талантливѣе его законченныхъ произведеній; въ его группахъ больше движенія, жизни и выраженія, нежели въ его отдѣльныхъ личностяхъ. Но въ чемъ онъ проявилъ себя великимъ и истиннымъ художникомъ—это въ карикатурныхъ сценкахъ изъ дѣтской жизни; каждая изъ нихъ—въ своемъ родѣ маленькій шедевръ.

IX.

Художественная карикатура нравовъ и юморъ Баваріи.

Карикатуры на тему о пивѣ.—Юмористическія афиши и программы. — Южно-германскій юморъ.—Рисунки Морица Швинда и Вильгельма Каульбаха.—Одиссея Энгемана въ рисункахъ Э. Илле.—Дѣтскіе силуэты гр. Почи.—Художественная «Kneipzeitung».—Юмористическіе сборники.—Рисунки для театровъ маріонетокъ. — «Fliegende Blätter». — Рисунки Оберлэндера, Гарбургера, Мегендорфева и Буша.—Юмористическіе журналы «Jugend» и «Simplicissimus».

Въ одной демократической пѣсенкѣ 1848 года поется: «Настоящій король Баваріи—пиво.» И пѣсенка эта почти права: революціи и перевороты, разрушившіе государства, не могли разрушить власти пива въ Баваріи. Пиву и всѣмъ необходимымъ къ нему атрибутамъ посвящена цѣлая литература, и существуетъ спеціальный родъ иллюстрацій; мало того, пиво заставляло баварцевъ, обыкновенно хладнокровныхъ и разсудительныхъ, устраивать цѣлыя возстанія. Эти пивныя революціи повторялись такъ часто, что даже породили въ нѣмецкомъ языкѣ спеціальное слово «Bierkrawall», т.-е. «пивной бунтъ». Поэтому невозможно говорить о баварской карикатурѣ нравовъ, не затрогивая пивного вопроса, и карикатуристамъ, изображающимъ типы любителей пива разныхъ эпохъ, нужно только измѣнять фасоны костюмовъ и формы кружекъ,—содержимое въ нихъ остается неизмѣннымъ.

Современныя моды или простительная ошибка.
— Ахъ какая прелестная старинная мебель!
(Карикатура Бехштейна).

И какое разнообразіе въ юмористическихъ рисункахъ на тему о пивѣ! Уже не говоря о всевозможныхъ аллегорическихъ личностяхъ, обвитыхъ хмелемъ, сидящихъ на бочкахъ или украшенныхъ бочками, веселый карандашъ баварскаго карикатуриста изображаетъ то фантастическую пляску пивныхъ кружекъ, то поднимающіеся изъ пивной пѣны туманные, воздушные, женскіе профили, то воплощаетъ Дарвиновскую теорію, превращая постепенно толстую каменную круж-

Digitized by Google

ку въ толстого же монаха съ добродушнымъ и улыбающимся лицомъ, то проектируетъ новые кружки для представителей политическихъ партій и всѣхъ соціальныхъ классовъ. Когда же наступаетъ сезонъ Сальваторбиръ и Бокбиръ и всѣ жители Мюнхена безъ различія званія, пола и даже возраста отправляются въ пивныя и «келлеры» наслаждаться этими особенными сортами пива, тогда появляется масса спеціальныхъ юмористическихъ программъ, пригласительныхъ писемъ и карточекъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Бокбильдеръ, исполненныхъ самыми знаменитыми художниками, которые пользуются такими случаями, чтобы дать полную свободу своей фантазіи и юмору. А какое количество карикатуръ посвящено биркельнершамъ (въ пивныхъ, да даже почти во всѣхъ мюнхенскихъ ресторанахъ женская прислуга) и типамъ любителей пива! Мало того, существуетъ цѣлая комическая архитектура, причемъ матеріаломъ для построекъ и орнаментовъ служатъ сосиски—эта необходимая закуска истиннаго баварца. Одинъ юмористическій журналъ—«Шутъ» даже напечаталъ, сопровождая текстъ соотвѣтствующими виньетками, «Руководство сосисочной архитектуры или вліяніе сосиски на орнаментное искусство».

Мюнхенскіе рисовальщики вносятъ то же сатирическое вдохновеніе и въ другія произведенія этого же рода. Оно проявляется, правда, въ болѣе изящной и элегантной формѣ во всѣхъ программахъ и афишахъ маскарадныхъ и костюмированныхъ баловъ, изъ которыхъ балъ, устраиваемый ежегодно художниками, пользуется почти всемірной извѣстностью и вызываетъ появленіе множества юмористическихъ набросковъ, сборниковъ и пригласительныхъ карточекъ. Гербъ Мюнхена—дитя въ монашеской одеждѣ—служитъ темой для безчисленныхъ карикатуръ и иллюстрацій; чаще всего его изображаютъ съ кружками пива въ рукахъ. Вообще этотъ юный монахъ пользуется огромной популярностью, его изображаютъ повсюду: на городскихъ воротахъ, на домахъ, на вывѣскахъ, афишахъ, программахъ, календаряхъ, на меню въ ресторанахъ и на юмористическихъ открытыхъ письмахъ. Баварскій юморъ не щадитъ ничего; нѣтъ такого предмета, который бы не служилъ темой для карикатуры: левъ, гербъ всей Баваріи, а также и царствующаго дома Виттельсбаховъ, изображается часто въ видѣ вывѣски, и этотъ царственный левъ держитъ въ одной лапѣ крендель (Bretzel), а другой—придерживаетъ пивную кружку. Даже оригинальныя башни главнаго собора Фрауэнкирхе, которыми такъ гордятся мюнхенцы, и тѣхъ не пощадилъ сатирическій карандашъ карикатуриста: ихъ можно видѣть на страницахъ юмористическихъ журналовъ

Мода и ея изображеніе.
(Карикатура Бехштейна).

Мода и ея изображеніе.
(Карикатура Бехштейна).

Digitized by Google

то украшенными двурогой іезуитской шляпой, то въ видѣ огромныхъ гримасничающихъ рожъ. Другой памятникъ, которымъ баварцы не менѣе гордятся, знаменитая статуя «Баварія» извѣстнаго скульптора Шванталера не избѣгла общей участи: «Пёнчъ» изобразилъ ее съ начатымъ чулкомъ въ рукѣ, а у ногъ ея—льва съ пресловутой пивной кружкой между лапъ. Но и самъ Шванталеръ, этотъ великій художникъ, вся дѣятельность котораго была посвящена служенію высокому и чистому искусству, нерѣдко рисовалъ юмористическіе шаржи. Весь юморъ, весь умъ и духъ южнаго германца выказываются именно въ этихъ двухъ противоположностяхъ: съ одной стороны поклоненіе и служеніе чистому искусству, съ другой—при помощи того же искусства осмѣиваніе въ прекрасныхъ рисункахъ, полныхъ добродушнаго юмора, наблюдательности и жизненности, всего, что заслуживаетъ смѣха, всего, что такъ и напрашивается подъ перо или карандашъ художника-карикатуриста. Просмотрѣвъ всю исторію карикатуры въ Германіи, можно убѣдиться, какое незначительное участіе принимала Баварія въ политическихъ карикатурахъ, главнымъ образомъ, потому, что ѣдкая и злобная сатира совсѣмъ не соотвѣтствуетъ чисто баварскому уму и духу, хотя баварскіе карикатуристы не пощадили ни короля Людвига I, ни его возлюбленной Лолы Монтесъ, которая подверглась безпощадно злобнымъ нападкамъ и всей прессы [1]).

Изъ «Skizzenbuch» Гендшеля.

Юмористы первой эпохи возникновенія національной баварской карикатуры всѣ строгіе классики. Они съ одинаковымъ успѣхомъ занимались исторической и фресковой живописью, карикатурами нравовъ и шаржами. Въ наше время первыя карикатуры нравовъ, исполненныя и изданныя Морицомъ Швиндомъ въ 1830 году, кажутся безцвѣтными и мало интересными, но для того, чтобы вполнѣ оцѣнить его юмористическій талантъ, надо просмотрѣть «Альманахъ гравюръ на 1848 годъ». Всѣ сорокъ двѣ виньетки, составляющія этотъ сборникъ и почти исключительно посвященныя изображенію во всѣхъ видахъ вина и курильщиковъ, нарисованы Швиндомъ. Въ нихъ много фантазіи, юмора, но ихъ можно скорѣе сравнить съ остроумной легкой эпиграммой, нежели съ сатирической карикатурой. Швиндъ умѣлъ во всѣхъ явленіяхъ жизни подмѣтить смѣхотворную ноту и передать ее добродушно-весело въ своихъ произведеніяхъ. Лучшими его карикатурами считаются «Философскіе афоризмы добрыхъ дру-

[1]) Особую статью объ этомъ см. въ «Нов. Журн. Ин. Лит.» 1898 г., сентябрь.

Digitized by Google

зей», «Иллюстраціи къ сказкѣ Котъ въ сапогахъ» и цѣлая серія силуэтовъ, озаглавленныхъ «Котъ и Чортъ».

Карикатуры Вильгельма Каульбаха — болѣе сатирическаго характера; напрасно было бы въ нихъ искать добродушнаго смѣха Швинда. Вліяніе Каульбаха на нѣмецкое искусство было огромное. Это строгій, холодный классикъ въ своихъ большихъ композиціяхъ и тонкій наблюдатель съ сильнымъ философскимъ оттѣнкомъ въ своихъ карикатурахъ. Гогартъ, повидимому, повліялъ на этого талантливаго художника, напримѣръ, въ его знаменитомъ рисункѣ «Домъ умалишенныхъ» и въ его «Пляскѣ смерти» сильнѣе всего чувствуется это вліяніе. Каульбахъ также иллюстрировалъ поэму «Рейнеке Фуксъ». Его животныя, хитрыя и лукавыя, прекрасно передаютъ то выраженіе, которое имъ хотѣлъ придать художникъ. Онъ вообще любилъ пользоваться животными для сатирическихъ изображеній. У него очень часто встрѣчаются ѣдкія карикатуры, направленныя противъ клерикаловъ, которыхъ онъ, какъ протестантъ и либералъ, ненавидѣлъ; охотнѣе всего и чаще всего рисовалъ онъ портреты—шаржи своихъ враговъ, хотя не разъ изображалъ такимъ же образомъ и друзей своихъ, причемъ онъ обыкновенно помѣщалъ голову какого-нибудь извѣстнаго дѣятеля, поразительную по сходству, на уродливое жалкое туловище.

Изъ «Skizzenbuch» Гендшеля.

Эдуардъ Иллэ, хотя значительно моложе по годамъ, также классикъ. Онъ, подобно Каульбаху, любилъ изображать въ своихъ карикатурахъ животныхъ, придавая имъ человѣческія привычки и недостатки, одежду и рѣчь. Это—художникъ вполнѣ національ-

Digitized by Google

ный. Вотъ почему ему такъ удались его комическія иллюстраціи къ разсказамъ Ауэрбаха. Самый популярный типъ, созданный имъ,— господинъ Энгеманъ, сапожникъ изъ Лейпцига, въ его иллюстраціяхъ къ разсказамъ въ стихахъ и прозѣ Эдвина Бормана. Въ цѣлой серіи юмористическихъ разсказцевъ Энгеманъ повѣствуетъ о своихъ сношеніяхъ и знакомствѣ съ Наполеономъ, Шиллеромъ, Гете, Вильгельмомъ Теллемъ и друг. Авторъ довелъ шутку до того, что напечаталъ даже письма Гумбольдта, маршала Нея и Наполеона, адресованныя этому милѣйшему господину Энгеману. Благодаря талантливымъ иллюстраціямъ Иллэ, вся эта комическая Одиссея превратилась въ юмористическій шедевръ. Этотъ рисовальщикъ обладаетъ еще совершенно особенной и оригинальной способностью воспроизводить и какъ бы оживлять стиль давно прошедшихъ эпохъ и передавать манеру другихъ художниковъ почти до полной иллюзіи. Въ этомъ духѣ исполнены рисунки къ «Императору Карлу Великому и его любимой дочери Эммѣ»—исторической легендѣ, будто бы созданной и исполненной различными художниками. И, дѣйствительно, на однѣхъ иллюстраціяхъ можно видѣть фигуры, которымъ приданы излюбленныя титаническія позы Корнеліуса; на другихъ изображены лица съ той обычной ѣдкой и насмѣшливой улыбкой, которую любилъ придавать своимъ образамъ Каульбахъ; далѣе встрѣчаются популярные типы Швинда, охотничьи сцены, нарисованныя совершенно въ духѣ и манерѣ Шнорра, колоритныя, но аффектированныя композиціи Пилоти и т. д. Такимъ образомъ, этотъ сборникъ иллюстрацій есть какъ бы исторія Мюнхенской художественной школы, нарисованная въ юмористическомъ духѣ, но съ глубокимъ знаніемъ индивидуальнаго таланта каждаго художника. Иллэ и теперь продолжаетъ быть дѣятельнымъ сотрудникомъ «Fliegende Blätter».

Салонный пѣвецъ.
(Рис. Гендшеля).

Еще одинъ художникъ принадлежитъ къ этому первому періоду баварскаго юмористическаго искусства: это—графъ Почи, рисовальщикъ, граверъ, поэтъ и музыкантъ, занимавшій, кромѣ того, высокое положеніе въ чиновничьей іерархіи,—онъ былъ оберцеремоніймейстеромъ при дворѣ. Выше было сказано уже о созданномъ имъ типѣ геморроидальнаго чиновника, имѣвшемъ такой огромный успѣхъ въ 1848 году. Кромѣ того, этотъ талантливый художникъ исполнилъ много

Digitized by Google

комическихъ иллюстрацій къ дѣтскимъ книжкамъ, преимущественно къ сказкамъ, написалъ много дѣтскихъ пьесокъ, украшая ихъ юмористическими силуэтами. Онъ обладаетъ замѣчательнымъ умѣньемъ не только заставить дѣтей смѣяться до слезъ, но и занять ихъ и заинтересовать своими рисунками.

Мюнхенскіе художники имѣютъ обыкновеніе собираться кружками по вечерамъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ или пивной, гдѣ за кружкой пива или за игрой въ кегли они разсуждаютъ объ искусствѣ, подымаютъ всевозможные художественные вопросы, обсуждаютъ выставки и занимаются рисованіемъ и писаніемъ юмористическихъ эскизовъ, набросковъ и шаржей. Такимъ образомъ возникъ въ «Алотріи» (ресторанъ, болѣе всего посѣщаемый художниками) журнальчикъ, скромно озаглавленный «Kneipzeitung» (Газета пивной), но въ которомъ, тѣмъ не менѣе, принимали и принимаютъ самое живѣйшее участіе такіе извѣстные художники, какъ Фрицъ-Августъ Каульбахъ, Гуго Кауфманъ, Зейцъ, Лоссовъ, Пигельхеймъ, Циммерманъ и другіе. Каульбахъ, очень разносторонній талантъ, не довольствуется рисованіемъ всякихъ комическихъ шаржей и карикатуръ на Вагнера и его поклонниковъ и юмористическимъ изображеніемъ всѣхъ членовъ «Алотріи»,—онъ еще написалъ самого себя въ видѣ розоваго куста, который поливаетъ изъ лейки средневѣковая нѣмка—Германія. Наружность двухъ художниковъ въ особенности оказалась благодарной для портретовъ шаржей. Одинъ изъ нихъ—Ленбахъ, знаменитый германскій портретистъ, съ его высокоподнятыми плечами, всклокоченной бородой, огромными очками, вопросительнымъ взглядомъ и множествомъ всевозможныхъ иностранныхъ и нѣмецкихъ орденовъ, а второй — скульпторъ-декораторъ Гедонъ, съ огромными руками и богатырской фигурой.

Очень интересны два юмористическихъ сборника, иллюстрированныхъ Каульбахомъ: «Ленбахіада» эпопея, повѣствующая о приключеніяхъ Ленбаха во время посѣщеній имъ Берлина, причемъ все оканчивается торжественнымъ

Полифемъ и Галатея.
(Карикатура Рейнике).

увѣнчаніемъ его лаврами передъ театромъ маріонетокъ, и «Дѣйствительность и Воображеніе», — описаніе фантастическаго путешествія художниковъ Макарта, Ленбаха, Каульбаха и другихъ по Голландіи и Бельгіи. Рисунки этихъ сборниковъ мастерски исполнены, а текстъ изобилуетъ остроумными и комическими приключеніями. Всѣ эти художественные шаржи, карикатуры, наброски рѣдко появляются въ печати, оставаясь достояніемъ тѣхъ художественныхъ кружковъ, для которыхъ они рисуются; только изрѣдка художники-участники, выбравъ среди своихъ автографовъ то, что имъ кажется

Полифемъ и Галатея.
(Карикатура Рейнике).

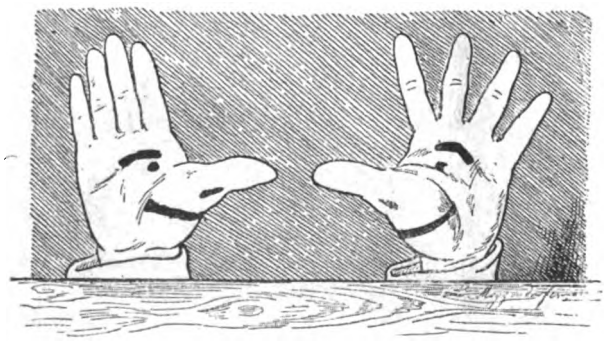
Digitized by Google

Излишнее предупрежденіе.
— Сударыня, трубочистъ пришелъ!
(Рис. Гарбургера).

болѣе достойнымъ, издаютъ альбомъ съ текстомъ въ стихахъ. Такимъ образомъ появились два прекрасныхъ альбома, изданныхъ очень роскошно: «Вдохновеніе Художниковъ» и «Алотрія Швабенмейера».

Нѣсколько извѣстныхъ баварскихъ рисовальщиковъ — Иллэ, Рейнхардъ, Мегендорфъ, Каульбахъ и Бушъ рисовали для театровъ маріонетокъ (годъ нашихъ «Петрушекъ») декораціи, картины, сцены, даже вырѣзали самихъ куколъ-актеровъ и писали для нихъ юмористическія пьесы. Изъ этихъ театриковъ большой славой пользуется театръ «Hanswurst» (Ванька-колбаса) художника Иллэ и «Мюнхенскій Касперль» Лотара Мегендорфа, и комическія веселыя приключенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ продолжаютъ неотразимо дѣйствовать на зрителей, вызывая веселый смѣхъ дѣтей и взрослыхъ.

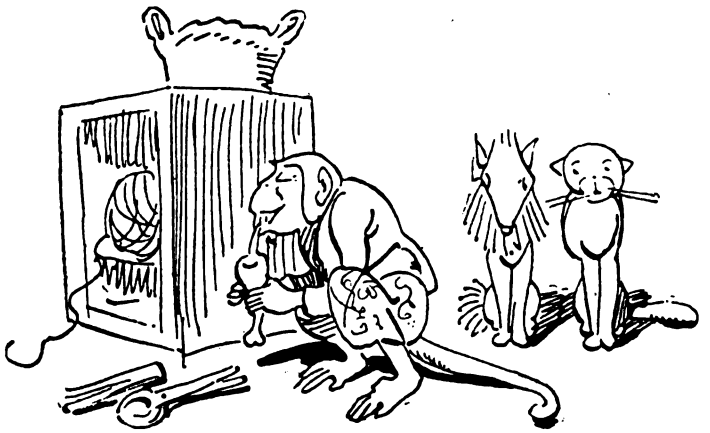
Въ Мюнхенѣ же, этомъ центрѣ германской художественной дѣятельности, основанъ первый художественный юмористическій журналъ «Fliegende Blätter». Сколько бы усилій ни употребляли послѣдующіе журналы и какіе бы великіе таланты ни участвовали въ нихъ, ни одинъ никогда не достигалъ такихъ блестящихъ результатовъ и такой популярности, какъ органъ Каспара Брауна и Шнейдера. Самый лучшій способъ повредить юмору разсказа—это предупредить слушателя, что онъ будетъ забавенъ и смѣшонъ. Самое вѣрное средство уничтожить весь эффектъ шутки—объявить, что вы собираетесь разсказать что-нибудь очень комичное. Настоящій неподдѣльный юморъ и веселый смѣхъ для того, чтобы дѣйствовать неотразимо на слушателя или зрителя, не нуждаются ни въ предисловіи, ни въ предупрежденіи,—они должны неудержимо и самопроизвольно вырываться наружу, приправленные сильной дозой искуснаго и ловкаго преувеличенія. Руководствуясь именно такими принципами, безъ всякихъ трубныхъ звуковъ, громкихъ рекламъ и блестящей внѣшности, началъ свою карьеру самый популярный во всей Германіи, да и, можно сказать, въ цѣломъ свѣтѣ, юмористическій журналъ «Fliegende Blätter» (Летучіе листки). Прекрасные художественные рисунки, ихъ неподдѣльный юморъ, а также и остроумный текстъ сразу упрочили успѣхъ журнала. Со дня появленія его перваго нумера въ 1844 году прошло болѣе полустолѣтія, но публика не охладѣла къ нему, и изъ года въ годъ каждую пятницу ждетъ появленія новаго нумера, какъ радостнаго и веселаго событія. Невольно приходится удивляться неизмѣнному и постоянному успѣху этого юмористическаго журнала, не претендующаго на глубокомысленность и строго из-



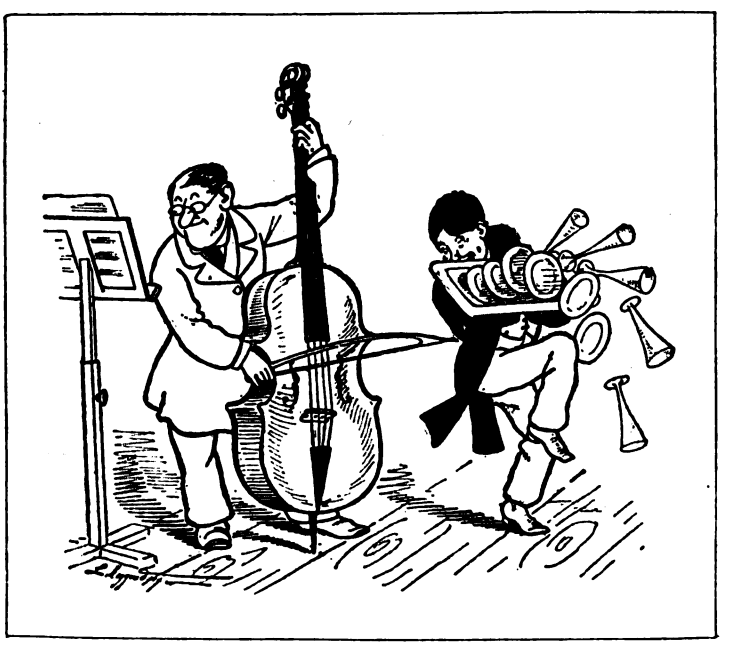
Дешевый театръ.
(Виньетка Мегендорфера).

Digitized by Google

гнавшаго со своихъ столбцовъ все, что могло бы носить какой бы то ни было политическій характеръ или оттѣнокъ, — у народа, отличающагося глубокомысліемъ и серіозностью въ мирное время, горячностью и храбростью во время войны. Многія націи пали и возвысились, одни философскіе взгляды и идеи замѣнились другими, наука открыла новые пути, новыя области для знанія и мысли, журналы появлялись и прекращались, а «Fliegende Blätter» продолжаетъ существовать почти въ томъ же видѣ, переходя съ едва замѣтными измѣненіями отъ одного поколѣнія къ другому; названіе, программа, даже заглавная виньетка остались тѣ же. Старшій сынъ основателя продолжаетъ дѣло отца, и многіе сотрудники, принимавшіе участіе въ составленіи первыхъ нумеровъ журнала, продолжаютъ и понынѣ снабжать его своими рисунками. Быть можетъ, причину этого продолжительнаго успѣха надо искать именно въ томъ что «Fliegende Blätter» никогда почти не вмѣшивался въ политическія распри, не поддерживалъ одну политическую партію въ ущербъ другой. Если иногда въ немъ появлялись карикатуры съ политическимъ оттѣнкомъ, то это были только неясные, полускрытые намеки, а не злобные, полные ненависти нападки. Этотъ журналъ старался всегда избѣгать какихъ бы то ни было нападковъ на религію; въ немъ нѣтъ и слѣда того, что даетъ главную пищу юмору французскихъ карикатуристовъ — гривуазности и безнравственной двусмысленности. Если его сотрудники выискиваютъ во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой жизни все, что дѣйствительно комично, странно и смѣшно, и остроумно посмѣиваются надъ этимъ, зато они никогда не насмѣхаются и



Фипсъ обезьяна.
(Карикатура Буша).



Шекотливый кельнеръ.
(Карикатура Мегендорфера).

Digitized by Google

не топчутъ въ грязь высокіе благородные порывы, чувства и идеалы человѣчества и никогда не направляютъ своихъ карикатуръ на отдѣльныя личности, — они все обобщаютъ. Эти карикатуры являются настоящей сатирой на нравы и на всѣ соціальные классы въ общемъ, а не на какого-нибудь

Въ пылу усердія долга.
(Рис. Оберлэндера).

ихъ единичнаго представителя; онѣ главнымъ образомъ осмѣиваютъ условную общественную ложь, тщеславіе, чванство, грубость, невѣжество и обманъ. При этомъ какъ въ художественной, такъ и въ литературной части нѣтъ ничего однообразнаго, банальнаго, скучнаго,—до того жизненно, весело и разнообразно трактованы всѣ сюжеты и темы. По манерѣ и по техникѣ рисунковъ и гравюръ этотъ журналъ является самымъ разнообразнымъ изъ всѣхъ современныхъ ему изданій; въ немъ можно встрѣтить рядомъ съ рисункомъ перомъ, исполненнымъ всего нѣсколькими штрихами, и простымъ силуэтомъ прекрасную, тонко законченную гравюру, наброски и виньетки, полные поэзіи и настроенія.

Основателемъ журнала «Fliegende Blätter» былъ, какъ уже выше сказано, Каспаръ Браунъ, довольно посредственный живописецъ, но хорошій рисовальщикъ, получившій первоначальное художественное образованіе въ Мюнхенской академіи. Обладая практическимъ умомъ, онъ задумалъ издавать иллюстрированный юмористическій журналъ; но, желая вмѣстѣ съ тѣмъ поднять граверное искусство въ Баваріи, онъ отправился въ Парижъ съ цѣлью изучить главнымъ образомъ гравированіе на деревѣ. Пробывъ въ Парижѣ три года, онъ вернулся въ Мюнхенъ и въ компаніи съ граверомъ Шнейдеромъ открылъ ксилографическое заведеніе. Браунъ сумѣлъ привлечь къ своему дѣлу много молодыхъ и талантливыхъ силъ и уже въ 1844 году принялся за изданіе журнала «Fliegende Blätter», всѣ иллюстраціи котораго воспроизводились почти исключительно посредствомъ гравюры на деревѣ. Можно сказать, что всѣ лучшіе граверы Германіи работали или учились у Брауна и Шнейдера. Много лѣтъ издатели придерживались самой простой техники, образецъ которой далъ Альбрехтъ Дюреръ въ своихъ гравюрахъ, и только постепенно, уступая современнымъ требованіямъ и постояннымъ жалобамъ рисовальщиковъ-сотрудниковъ на то, что такая примитивная и грубая манера портитъ все изящество рисунка и уничтожаетъ тонкія детали, теперешніе собственники журнала ввели всѣ техническія улучшенія и пріемы англійскихъ и американскихъ граверовъ. Не только почти всѣ баварскіе художники работали болѣе или менѣе продолжительное время для «Fliegende Blätter», но и многіе извѣстные художники Сѣверной Германіи помѣщали тамъ свои рисунки. Еще одна изъ особенностей этого журнала заключается въ томъ, что литературный текстъ вполнѣ соотвѣтствуетъ художественному достоинству иллюстрацій; онъ какъ бы сливается

Digitized by Google

съ нимъ въ одно цѣлое и является вполнѣ вѣрнымъ отразителемъ жизни всѣхъ слоевъ и классовъ общества. Да оно и не удивительно, потому что, кромѣ постоянныхъ членовъ редакціи, сотрудникомъ «Fliegende Blätter» состоитъ почти весь германскій народъ. Отовсюду, можно сказать, со всѣхъ точекъ Земного Шара получаетъ редакція ежедневно массу матеріала; повсюду, гдѣ только раздается нѣмецкій говоръ, находится множество добровольныхъ кореспондентовъ, отмѣчающихъ каждое удачное выраженіе, остроумное слово, юмористическое замѣчаніе, комическое положеніе, и тотчасъ же отсылаютъ они свои отмѣтки въ редакцію ихъ излюбленнаго журнала. И такихъ замѣтокъ наберется тысячи, даже можно сказать безъ преувеличенія—десятки тысячъ. Правда, среди этого сырого матеріала найдется много совсѣмъ непригоднаго для журнала. Сколько плохихъ остротъ, плоскихъ шутокъ, невозможныхъ рисунковъ, скучныхъ повтореній, а подчасъ и просто списанныхъ изъ тѣхъ же «Fliegende Blätter» комическихъ разсказовъ приходится пересмотрѣть и прочесть членамъ редакціи! Можно себѣ представить, какая масса работы, и работы очень трудной, утомительной и непроизводительной, выпадаетъ на долю редакціи при разборкѣ этихъ безчисленныхъ посланій. Работа эта производится сообща всѣми членами редакціи, къ одобренному тексту подбирается или заказывается рисунокъ рисовальщику, талантъ котораго ближе всего подходитъ къ жанру текста. Одобренные рисунки раздаются граверамъ, причемъ также принимается во вниманіе, насколько жанръ рисунка подходитъ къ таланту и способностямъ гравера. Редакція взяла себѣ за правило оплачивать, и хорошо оплачивать, своихъ добровольныхъ сотрудниковъ, и благодаря этому всенародному сотрудничеству журналъ «Fliegende Blätter» является какъ бы средоточіемъ, даже школой нѣмецкаго юмора.

За послѣднее десятилѣтіе не одна Германія и не одна нѣмецкая нація снабжаетъ редакцію матеріаломъ; въ этомъ мало по-малу стали принимать участіе и другіе страны, такъ что теперь можно смѣло назвать юморъ этого журнала универсальнымъ. Очень часто литературный текстъ подписанъ такими выдающимися именами, какъ Викторъ Шеффель, Траутманъ, Э. Гейбель, Ф. Боденштедтъ, Ф. Кобель, Штейбъ, Мерцротъ, Шукингъ и другіе. Что же касается до художниковъ, помѣщавшихъ или помѣ-

Танцовщица и Антоній Падуанскій.
— А! Вотъ онъ!
Ку-ку!
(Карикатура Буша).

Туалетъ кельнеровъ передъ табль д'отомъ.
(Карикатура Оберлэндера).

Digitized by Google

— О чемъ вы, г. Пацеръ, такъ скучаете съ нѣкотораго времени?

— Ахъ, голубушка, дѣла мои плохи: я хотѣлъ жениться, а отецъ моей возлюбленной сказалъ, что никогда не выдастъ свою дочь за живописца.

— Развѣ этотъ отецъ видѣлъ какую-нибудь изъ вашихъ работъ?

(Рис. Шмиттгена).

щающихъ свои рисунки во «Fliegende Blätter», то пришлось бы насчитать не одну сотню именъ, такъ какъ почти каждый мало-мальски выдающійся баварскій художникъ работалъ для этого журнала. Кромѣ уже выше названныхъ первыхъ сотрудниковъ, какъ-то: Морицъ Швиндъ, Почи, Иллэ, и прежде чѣмъ перейти къ теперешнимъ сотрудникамъ, слѣдуетъ еще упомянуть такія имена, какъ Хейдеръ, Мутенталеръ, Фрелихъ, Лоссовъ, Дитцъ, Вагнеръ, Зейцъ, Бекманъ, Пилотти и Кнабъ.

Самый выдающійся среди современныхъ намъ рисовальщиковъ «Fliegende Blätter», безспорно, Оберлэндеръ, юморъ котораго можно поистинѣ назвать богатымъ, неисчерпаемымъ рудникомъ. Фантазіи его нѣтъ ни границъ, ни предѣловъ. Даръ наблюдательности и воспринимания развитъ въ немъ до такой степени, что онъ умѣетъ изъ самыхъ ничтожныхъ и, повидимому, уже затасканныхъ сюжетовъ извлекать новые смѣхотворные элементы, новыя и совсѣмъ неожиданныя комическія положенія. Онъ самъ придумываетъ и текстъ для своихъ карикатуръ, которыя, впрочемъ, очень часто не нуждаются ни въ какихъ поясненіяхъ, а говорятъ сами за себя. Онъ старается возможно большей простотой техники достигать возможно больше эффектовъ и исполняетъ свои рисунки исключительно перомъ и тушью. Но именно эта простая техника болѣе всего пригодна для гравюры на деревѣ, посредствомъ которой воспроизводятся всѣ работы Оберлэндера по собственному желанію художника, который строго придерживается этого традиціоннаго способа, введеннаго основателемъ «Fliegende Blätter». Рисунки Оберлэндера отличаются гармоничной законченностью даже въ мельчайшихъ деталяхъ; экспрессія лицъ, жестовъ, движеній доведена въ нихъ до художественности; глубина мысли, всестороннее пониманіе и изученіе изображаемаго сюжета увеличиваютъ еще достоинства его рисунковъ, и всѣ эти качества даютъ полное право Оберлэндеру считаться талантливѣйшимъ карикатуристомъ всей Германіи. Онъ родился въ 1845 году въ Регенсбургѣ (Баварія); отецъ его, музыкантъ, былъ приглашенъ въ Мюнхенъ занять мѣсто профессора въ консерваторіи. Онъ желалъ, чтобы сынъ сдѣлался коммерсантомъ, и съ этой цѣлью отдалъ его въ коммерческую школу; но молодой Оберлэндеръ очень скоро перешелъ въ академію художествъ. Получивъ тамъ награду за картину на библейскую тему, онъ былъ принятъ въ мастерскую Пилоти. Пробывъ у послѣдняго два года, онъ пришелъ къ заключенію, что изъ него никогда не выйдетъ хорошаго живописца — историка, оставилъ мастерскую и принялся рисовать карикатуры для «Fliegende Blätter», продолжая, впрочемъ, выставлять маленькіе жанры, или, вѣрнѣе, юмористичеткія картинки, очень цѣнимыя англичанами, но не имѣвшія успѣха въ Германіи. Онъ посвятилъ теперь почти исключительно свою художественную дѣятельность «Fliegende Blätter»; нѣтъ нумера, который бы не былъ украшенъ его рисункомъ. Большинство его карикатуръ изданы отдѣльно въ шести объемистыхъ томахъ. Описывать всѣ эти карикатуры или хотя бы попытаться указать на лучшія изъ нихъ почти невозможно и навѣрно потре-

Digitized by Google

бовалось бы не меньшее количество томовъ для этого. Притомъ трудно сказать, которыя изъ его карикатуръ слѣдуетъ считать лучшими,—онѣ почти всѣ одинаковаго достоинства и всѣ очень хороши, безразлично. Изображаетъ ли онъ сцены изъ крестьянской или солдатской жизни, комическія приключенія подгулявшихъ студентовъ, или трагическое положеніе туристовъ въ пустынѣ среди дикихъ звѣрей, передаетъ ли онъ неумѣлые наивные дѣтскіе рисунки изъ тетрадей маленькаго Морица, рисуетъ ли онъ пародію на олимпійскихъ боговъ, драки пьяныхъ, сцены изъ жизни разныхъ бродягъ или средневѣковыхъ рыцарей и ихъ дамъ,—онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ является настоящимъ художникомъ, съ большимъ талантомъ и большимъ умомъ. Онъ вкладываетъ столько же неподдѣльнаго юмора въ изображенія глубокомысленныхъ и важныхъ мюнхенскихъ профессоровъ, какъ и въ изображенія цивилизаціонныхъ попытокъ черныхъ повелителей какихъ-нибудь африканскихъ государствъ; ему знакомы до мельчайшихъ подробностей всѣ обычаи, привычки, движенія животныхъ, начиная отъ мыши и кончая слономъ и львомъ. Его карикатуры невольно врѣзываются въ память читателя, и врядъ ли кто, видѣвшій его «Новый патентованный вентиляторъ-монстръ», «Концертную пѣвицу», «Египетскую идиллію», «Художника въ пустынѣ», «Веселую тюрьму», «Крокодиловы слезы», можетъ ихъ позабыть или, увидавъ ихъ вторично, не разсмѣяться такъ же искренно и весело, какъ и въ первый разъ.

Гарбургеръ, талантливый живописецъ, жанристъ,—представитель чисто художественнаго элемента въ этомъ журналѣ. Его рисунки нельзя назвать карикатурами,—это скорѣе настоящіе этюды нравовъ, написанные съ большимъ юморомъ и большимъ реализмомъ. Такіе типы, какъ его студенты, профессора, хозяева гостиницъ и пивныхъ, крестьяне и пьяницы, встрѣчаются вездѣ въ Баваріи. Въ послѣднее время Гарбургеръ чаще и охотнѣе всего изображаетъ женщинъ и дѣтей. Лотаръ Мегендорферъ, спеціальность котораго—карикатуры, изображающія въ цѣломъ рядѣ рисунковъ и, главнымъ образомъ, посредствомъ измѣненія позъ и движеній постепенное развитіе сюжетовъ, почти пересталъ работать для «Fliegende Blätter». Онъ основалъ свой журналъ и, кромѣ того, постоянно занятъ иллюстраціей дѣтскихъ книгъ. Прекраснымъ образцомъ его манеры можетъ служить карикатура, озаглавленная «Дитя сержанта, семейная драма въ 15-ти картинкахъ».

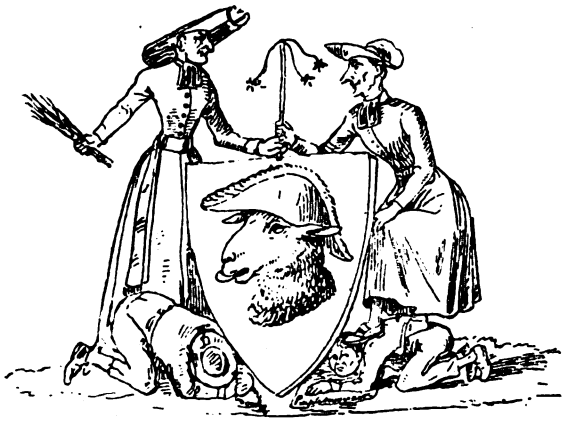
Другой рисовальщикъ, начавшій свою дѣятельность карикатуриста на страницахъ этого журнала, а теперь только изрѣдка помѣщающій тамъ свои рисунки, Вильгельмъ Бушъ. Его вліяніе на юмористическое искусство не только въ Германіи, но и во Франціи—огромное; это—художникъ-новаторъ съ совершенно своеобразной манерой и техникой. Въ малѣйшемъ его на-

Драгунъ: Итакъ, Луиза, идетъ—въ будущее воскресенье!

Луиза: Нѣтъ, черезъ недѣлю никакъ не могу. Это—воскресенье барынино.

(Набросокъ Шмиттгена).

Digitized by Google



Карикатура на гербъ Фрибурга.

сили ихъ публикѣ подъ другими названіями! Для простыхъ смертныхъ, лишенныхъ художественнаго чутья, наброски Буша кажутся только какими-то нацарапанными штрихами; но для того, кто умѣетъ смотрѣть и научился наблюдать, это сама жизнь, упрощенная и освобожденная отъ всѣхъ ненужныхъ деталей, сохранившая только дѣйствительно характерныя черты, и такому зрителю станетъ ясно, сколько въ этихъ упрощеніяхъ скрывается знанія формъ, сколько въ этой видимой небрежности вѣрнаго расчета, и какой надо обладать геніальностью, чтобы такимъ примитивнымъ и простымъ способомъ достигать такихъ поразительныхъ эффектовъ и возбуждать столько смѣха. Что бы ни рисовалъ Бушъ,— виньетки къ программамъ, приключенія маленькихъ шалуновъ, похожденія обезьяны или вороны, портреты великихъ людей,— онъ всегда оригиналенъ и въ высшей степени комиченъ. Изображаемыя имъ движенія такъ вѣрно переданы; онъ умѣетъ придать столько экспрессіи точкѣ, замѣняющей ротъ и тѣмъ четыремъ штрихамъ, которые превращаются подъ его карандашомъ въ живыхъ движущихся существъ, что его слѣдуетъ признать за одного изъ геніальнѣйшихъ карикатуристовъ нашего времени. Съ помощью только простого штриха набрасываетъ онъ портреты великихъ людей,— напримѣръ, Фридриха Великаго, Наполеона, и эти портреты даютъ зрителю болѣе характерное изображеніе этихъ лицъ, чѣмъ многіе офиціальные ихъ портреты. Бушъ — большой философъ, обладающій огромными познаніями; онъ — въ то же время и талантливый писатель, всѣ остроумные поэмы и разсказы въ сти-

броскѣ столька юмора, геніальной выдумки и наблюдательности, что онъ можетъ всегда послужить прекраснымъ образцомъ для многочисленныхъ подражаній. Можно даже сказать, что каждый набросокъ Буша —это концентрированный и прессованный юморъ въ родѣ тѣхъ маленькихъ плитокъ сгущеннаго молока или бульона, которыми при помощи воды можно накормить цѣлую семью. И какъ велико число такихъ подражателей-рисовальщиковъ, баварскихъ и иностранныхъ, которые всю жизнь пробавлялись тѣмъ, что разбавляли своею жалкою фантазіей такіе наброски и преподно-

Тайные рисунки маленькаго Морица изъ его классной тетрадки. На экзаменѣ.

(Рис. Оберлэндера).

Digitized by Google

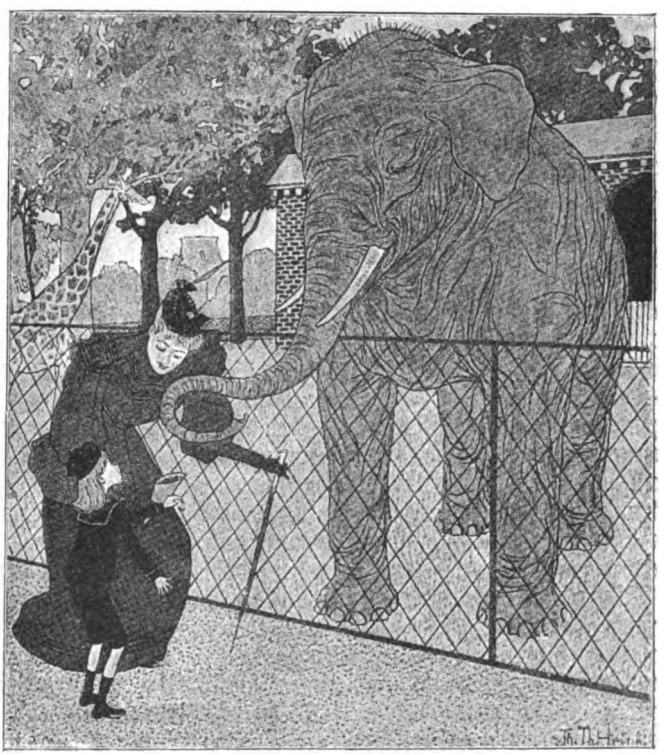
хахъ, сопровождающіе его карикатуры, написаны имъ самимъ. Онъ родился въ 1832 году и прожилъ до шестнадцати лѣтъ въ домѣ дяди, стараго пастора; Жизнь его проходила въ чтеніи Андерсеновскихъ сказокъ, Шекспировскихъ трагедій, поэтовъ-классиковъ и рисованіи. Такія занятія сильно способствовали развитію его воображенія и фантазіи. Затѣмъ онъ поступилъ въ политехническую школу, гдѣ изучалъ математику, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ, благодаря этой наукѣ, пріобрѣлъ ту точность и вѣрность въ рисункѣ, которая поражаетъ въ его работахъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Дюссельдорфской академіи художествъ, онъ отправился въ Антверпенъ и изучалъ тамъ великихъ фламандскихъ художниковъ. Тенирсъ, Францъ Хальсъ и Брауеръ (Brouwer) сильно повліяли на него. Пріѣхавъ въ Мюнхенъ, онъ въ 1859 г. помѣстилъ во «Fliegende Blätter» свои карикатуры: «Искушеніе св. Антонія Падуанскаго» и «Похожденіе обезьяны Финсъ». Онѣ имѣли огромный успѣхъ, и этотъ успѣхъ все увеличивался по мѣрѣ появленія въ печати его произведеній. Теперь ихъ можно считать сотнями, хотя сравнительно съ другими карикатуристами это немного, но зато всѣ его рисунки обдуманы, въ нихъ не чувствуется той поспѣшной и неряшливой работы, которую можно часто видѣть въ произведеніяхъ слишкомъ плодовитыхъ карикатуристовъ. Одна изъ

Самооцѣнка.

— Но это не идетъ, муженекъ, брилліантовыя кольца носить на лайковыхъ перчаткахъ. Неужели каждый долженъ видѣть, сколько у тебя брилліантовъ.

— Конечно!.. Безъ брилліантовъ меня могутъ принять за паяца.

(Рис. Франца Штука).



Въ Зоологическомъ саду.

Ваня (давши слону одну вишню): О, мама, слонъ и косточку проглотилъ.

(Рис. Т. Гейне).

Digitized by Google

Котъ и Чортъ.
(Карикатура Швинда).

особенностей Буша — та, что онъ никогда не превращаетъ животныхъ въ людей, не одѣваетъ ихъ въ одежды и не придаетъ имъ обычаевъ и нравовъ людей. Онъ изображаетъ ихъ всегда въ натуральномъ видѣ, нѣсколько утрируя ихъ естественные инстинкты и придавая имъ небольшую дозу юмора и лукавства. Желающему перечислить его лучшія произведенія пришлось бы назвать ихъ всѣ, а поэтому ограничимся только слѣдующимъ: нѣкоторыя его поэмы-карикатуры, изданныя отдѣльно, разошлись болѣе чѣмъ въ ста тысячахъ экземпляровъ,—напримѣръ, его знаменитыя похожденія двухъ шалуновъ «Макса и Морица». Выдающійся успѣхъ имѣла также его трилогія «Тобіасъ Кнопъ»: часть первая—«Приключенія стараго холостяка», вторая—«Господинъ и госпожа Кнопъ», третья—«Дочь ихъ Юльхенъ». Не меньшей популярностью пользуется его «Похожденіе художника Клекселя». Многія его произведенія печатались въ «Bilderbogen» издаваемыхъ также Брауномъ и Шнейдеромъ; другія же издаются отдѣльными книжками. У Буша, какъ у всѣхъ истинныхъ сатириковъ, много доброты. онъ съ большимъ равнодушіемъ относится ко многимъ людскимъ слабостямъ и только злобно осмѣиваетъ двуличность, ханжество, ложь и тщеславіе.

Вокругъ этихъ четырехъ столповъ «Fliegende Blätter» группируется много другихъ художниковъ-сотрудниковъ, имѣющихъ почти каждый свой опредѣленный жанръ и свою опредѣленную манеру,—напримѣръ, Фогель, спеціальный карикатуристъ фантастическихъ сказокъ, въ которыхъ животнымъ отведено большое мѣсто. Эмиль Рейнике мастерски изображаетъ животныхъ, въ особенности собакъ. Нагель — лошадей, маневры и солдатскую жизнь вообще. Шмиттгенъ, очень еще молодой художникъ, рисуетъ преимущественно типы элегантныхъ женщинъ и офицеровъ. Его прекрасно законченные рисунки производятъ скорѣе впечатлѣніе живописи, нежели рисунка. Его карикатуры сильно напоминаютъ французскія виньетки, даже типы его женщинъ болѣе похожи на француженокъ или вѣнокъ, чѣмъ на баварокъ. Онъ болѣе оригиналенъ въ своихъ типахъ нянекъ, студентовъ и военныхъ. Альбрехтъ—также карикатуристъ свѣтской жизни, даетъ, впрочемъ, болѣе національные типы, въ особенности типы богатыхъ рантье, или, какъ ихъ называютъ въ Мюнхенѣ, приватье и ихъ женъ. Спеціалистъ дамскихъ костюмовъ Бехштейнъ постоянно придумываетъ новые оригинальные костюмы, смѣсь фантастическаго и реальнаго, и талантливо осмѣиваетъ уродливыя подчасъ требованія капризной моды, изображаетъ неудобство одинаковыхъ костюмовъ для мужчинъ и женщинъ, безвкусіе и преувеличеніе модныхъ щеголей. Рене Рейнике посвятилъ себя почти исключительно изображенію подростковъ, денежныхъ и родовитыхъ аристократокъ, ихъ салоновъ и баловъ.

Есть еще одинъ жанръ, который часто встрѣчается на страницахъ «Fliegende Blätter»: юмористическія загадки и ребусы въ видѣ античныхъ барельефовъ и фресокъ. Многіе художники занимаются этой спеціальностью.

У «Fliegende Blätter» нѣтъ почти соперниковъ въ Баваріи. Всѣ юмористическія изданія не выдерживали съ нимъ конкуренціи и быстро прекращались; только

Digitized by Google

за послѣдніе три-четыре года стали появляться такія періодическія изданія, какъ «Jugend». Этотъ журналъ—представитель новаго направленія въ искусствѣ, карикатурѣ и литературѣ. Въ немъ помѣщается много рисунковъ, печатанныхъ красками, прекрасно исполненныхъ. Среди его сотрудниковъ встрѣчаются такія имена, какъ Бёклинъ, Либерманъ, Уде, Штукъ, Георги, Эхлеръ, и такіе талантливые рисовальщики, какъ Каспари, Янко, Вильке, Панкокъ, Христіансенъ, Гейденъ и др. Редакція объявляетъ конкурсы и раздаетъ преміи за удачные рисунки для заглавныхъ листовъ, которые большею частью очень интересны. Журналъ этотъ выходитъ еженедѣльно въ формѣ изящно изданныхъ тетрадокъ. Онъ не придерживается правилъ «Fliegende Blätter» и помѣщаетъ политическія карикатуры, иногда очень удачныя. Издается онъ и редактируется художниками, принадлежащими къ партіи сецессіонистовъ. Впрочемъ, не одни нѣмецкіе художники въ немъ сотрудничаютъ; тамъ встрѣчаются произведенія французскихъ и англійскихъ художниковъ. Символизмъ сильно преобладаетъ въ немъ, господствуетъ также сильное стремленіе ко всякимъ родамъ эффектовъ, и погоня за ними нерѣдко вредитъ рисунку.

Другой сатирическій журналъ «Simplicissimus» выходитъ также еженедѣльно съ раскрашенною литографіей на заглавномъ листѣ помѣщаетъ много ѣдкихъ политическихъ карикатуръ, направленныхъ противъ Пруссіи и клерикаловъ, почему нумера его подвергаются частымъ запрещеніямъ въ Пруссіи, а въ Берлинѣ совершенно воспрещена розничная его продажа.

(Окончаніе будетъ).

Котъ и Чортъ.
(Карикатура Швинда).

Digitized by Google

Андромеда.
(Съ рис. Фантенъ Латура).

Digitized by Google

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

На современныя темы.

Изъ прошлаго.

Литературныя новости.

Художественныя новости.

Научная хроника.

Изъ артистическаго міра.

Изъ иностранной журналистики.

Ex libris.

Между прочимъ

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ
ЗАГРАНИЧНОЙ ХРОНИКИ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

О призрѣніи эпилептиковъ.—Изъ частной жизни Крюгера.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Послѣдніе мѣсяцы жизни Шопена.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Польскіе разсказы изъ школьной жизни.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Новое современное искусство въ примѣненіи къ цвѣтамъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новости научной техники: Устройство панорамы движущейся Сибирской желѣзной дороги на Парижской выставкѣ 1900 г.—Движущаяся Стереорама.—Устройство Мареорамы.—Плугъ для измельченія земли.—Круглый переносный рельсъ для трамваевъ, изобрѣтенный Изаромъ.—Фуникулярный трамвай для подъема на Монмартръ въ Парижѣ.—Машина для штемпелеванія писемъ.

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Японская артистка Саддо Іакко.—Барнай о «любимицѣ публики».

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Солнце и температура (ст. Фламаріона).—Внушеніе и впечатлительность (проф. Бернгейма)

EX LIBRIS.

О «Посольствѣ фонъ-Кленка къ царямъ Алексѣю Михаиловичу и Ѳедору Алексѣевичу».—Книга г. Липовскаго «Хорваты».—Г. Полевой о Пушкинѣ.—Двѣ книги о г. Горькомъ.—Заграничные студенты и наши курсистки.

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ.

Новый способъ присвоенія литературной собственности.

Digitized by Google

Призрѣніе эпилептиковъ.

Шутельвортъ и нѣкоторые другіе врачи-спеціалисты утверждаютъ, что одинъ эпилептикъ приходится на 1000 здоровыхъ людей. Въ Россіи по этому расчету должно быть около 1200 тысячъ больныхъ этого рода. Эпилепсія—страшная болѣзнь, ведущая за собой полное нравственное и умственное отупѣніе и физическое разстройство. Врачи уже всѣ теперь согласились въ томъ, что успѣшная борьба съ этимъ зломъ можетъ быть только при наличности достаточнаго количества особыхъ пріютовъ для эпилептиковъ, жизнь въ которыхъ дѣлаетъ изъ эпилептиковъ, если не всегда, то часто, полезныхъ гражданъ, а не обузу государства. Между тѣмъ въ Россіи имѣется всего 6 пріютовъ для эпилептиковъ, сосредоточенныхъ притомъ исключительно въ Петербургѣ и въ подгородныхъ его мѣстностяхъ и съ числомъ мѣстъ всего 150—200. Это меньше, чѣмъ немного,—это почти ничего.

Поэтому надо дорожить каждымъ искреннимъ и горячимъ словомъ, призывающимъ общество наше обратить вниманіе на этихъ несчастныхъ эпилептиковъ и хотя бы въ видахъ самосохраненія сдѣлать ихъ жизнь болѣе сносной. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія брошюра профессора П. И. Ковалевскаго: «Призрѣніе эпилептиковъ въ Европѣ и Америкѣ». Брошюра главнымъ образомъ останавливается на описаніи пріютовъ для призрѣнія эпилептиковъ въ главнѣйшихъ государствахъ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Подробнѣе всего авторъ описываетъ Германію, гдѣ призрѣніе эпилептиковъ поставлено на твердой законодательной почвѣ и гдѣ имѣется наибольшее количество и наиболѣе благоустроенные пріюты. Еще въ прошломъ столѣтіи отдѣльныя лица заботились о пріютахъ для эпилептиковъ. Дѣло постепенно разросталось, и ко времени изданія закона объ эпилептикахъ въ 1890 году Германія была уже вполнѣ готова выполнить все, что отъ нея требовалось въ этомъ отношеніи. Законъ этотъ возлагаетъ обязанность заботиться объ эпилептикахъ на общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ. Каждая провинція собрала свѣдѣнія о числѣ имѣющихся эпилептиковъ и устраивала у себя домъ призрѣнія или посылала за извѣстную субсидію своихъ больныхъ въ заведеніе другой провинціи. Среди всѣхъ германскихъ пріютовъ особаго вниманія заслуживаютъ Вульгартенъ около Берлина, Ухтшпринге между Берлиномъ и Ганноверомъ и Бетель въ Биллефельдѣ. Въ первомъ призрѣвается до 1100 эпилептиковъ, во второмъ нѣсколько меньше и въ обоихъ призрѣніе поставлено на строго научную почву. Въ Ухтшпринге, кромѣ того, превосходно устроена медико-педагогическая часть. Школа, отдѣльная для мальчиковъ и дѣвочекъ, состоитъ изъ трехъ классовъ. Въ первомъ заботятся главнымъ образомъ объ исправленіи рѣчи и занимаются исключительно нагляднымъ способомъ обученія, съ цѣлью развить воспріимчивость органовъ чувствъ и пріучить сосредоточивать вниманіе, второй классъ равняется приготовительному обычныхъ училищъ и третій—среднему классу обычной школы. Между прочимъ, найдено, что лучшіе успѣхи достигаются въ низшихъ классахъ и меньшіе—въ высшихъ.

Изъ всѣхъ заведеній для эпилептиковъ рѣзко выдѣляется своей исторіей и устройствомъ Виѳлеемъ, близъ Билефельда; изъ маленькаго пріюта съ нѣсколькими гектарами земли заведеніе, благодаря энергіи двухъ пасторовъ и отзывчивости доб-

Digitized by Google

рыхъ людей, разрослось до колоссальныхъ размѣровъ, призрѣвая теперь болѣе 5000 эпилептиковъ, имѣетъ своихъ сестеръ милосердія изъ образовавшагося вблизи и слившагося съ пріютомъ учрежденія для подготовки діакониссъ — Сарепты и своихъ братьевъ милосердія изъ подобнаго же учрежденія—Назарета. Всѣ эти учрежденія образовали отдѣльный приходъ—Сіонъ. Эпилептики здѣсь имѣютъ цѣлый рядъ благоустроенныхъ мастерскихъ, школу, домъ для развлеченій, выстроенный на 1500 человѣкъ и т. д. Леченіе, впрочемъ, оставляетъ здѣсь желать много лучшаго, хотя все же спокойная и дѣятельная жизнь оказываетъ прекрасное вліяніе на больныхъ.

Въ Швейцаріи заведенія для эпилептиковъ являются дѣломъ частной благотворительности. Всѣхъ заведеній три: въ Цюрихскомъ, Бернскомъ и Женевскомъ кантонахъ. Порядокъ, тишина, правильный образъ жизни и красивая мѣстность—непремѣнныя и отличительныя условія швейцарскихъ заведеній, дающія довольно хорошіе результаты, а именно 12—13 процентовъ выздоровленія и 40—45 процентовъ значительнаго улучшенія.

Во Франціи отдѣленія для эпилептиковъ уже давно существуютъ при больницахъ и пріютахъ въ Бисетрѣ и Сальптріерѣ и, кромѣ того, нѣсколько частныхъ пріютовъ. Гигіеническая часть, а также уходъ и душевное отношеніе къ больнымъ здѣсь далеко уступаютъ тѣмъ же условіямъ въ Билефельдѣ, но научно-лечебная часть поставлена очень хорошо, особенно въ Бисетрѣ, благодаря трудамъ Бурневиля, который, между прочимъ, первый доказалъ, что отсталыя дѣти и даже идіоты при надлежащемъ умѣньи и любви со стороны окружающихъ могутъ развиваться и достигать способностей средняго человѣка. Въ медико-педагогическомъ отношеніи поэтому рѣзко выдѣляется заведеніе самого Бурневиля въ Витри, гдѣ призрѣваемые имѣютъ самое близкое общеніе съ природой; тутъ есть великолѣпный садъ, опытныя поля и огороды, гдѣ дѣти постоянно занимаются подъ неослабнымъ надзоромъ.

Въ Америкѣ призрѣніе эпилептиковъ устроено очень широко. Во многихъ мѣстахъ уже дѣйствуютъ прекрасныя заведенія, въ другихъ они строятся и скоро будутъ открыты. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе заведеніе Галлиполи въ штатѣ Огіо, съ патолого-анатомическимъ институтомъ и своей химической лабораторіей. Этому заведенію въ большой степени принадлежитъ честь выработки діэты для больныхъ и строгаго порядка въ распредѣленіи времени. Затѣмъ есть колонія близъ Нью-Іорка на 350 больныхъ, два заведенія въ Массачусетсѣ больше чѣмъ на 1000 человѣкъ, въ Нью-Джерсеѣ, Гехасѣ, Пенсильваніи, гдѣ имѣется одно заведеніе, представляющее полный снимокъ съ Виѳлеема. Въ остальныхъ штатахъ существуютъ заведенія болѣе мелкія.

Въ Англіи имѣется нѣсколько заведеній, изъ которыхъ наиболѣе обширное около Лондона «Chaulfont St. Peter» еще не вполнѣ отстроено и принимаетъ больныхъ по мѣрѣ возможности.

Приведя данныя о пріютахъ для эпилептиковъ за границей, П. И. Ковалевскій выставляетъ свой идеалъ устройства такихъ же пріютовъ въ Россіи: «Красота мѣстности и гигіеничность обстановки цюрихскаго заведенія, помѣщеніе и существованіе въ заведеніяхъ и научную обстановку Вульгартена и Ухтшпринге, согрѣваніе любовью и самопожертвованіемъ Билефельда, воспитаніе и медико-педагогическую обстановку генія Франціи, діэтетику и работоспособность Америки и Англіи.» Какъ, однако, осуществить этотъ требовательный идеалъ? По мнѣнію автора, лечебницы и пріюты для эпилептиковъ съ большимъ удобствомъ могутъ быть устроены въ монастыряхъ. Тамъ можно всего скорѣе найти задушевный уходъ; почти всѣ монастыри стоятъ въ красивой мѣстности и обладаютъ пахатной землей, почти всѣ они располагаютъ средствами для существованія и даровымъ уходомъ.

Мысль автора очень соблазнительна и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ монастырскаго самопожертвованія. Другое дѣло—насколько практически она можетъ быть успѣшно разрѣшена.

Небольшая брошюра читается съ интересомъ и по множеству фактическихъ данныхъ, несомнѣнно, имѣетъ значеніе. Общее впечатлѣніе кое-гдѣ портится развѣ только восклицаніями автора, настолько общеизвѣстными, что съ большимъ успѣхомъ они могли бы быть выкинуты изъ текста.

Изъ частной жизни Крюгера.

(Изъ очерка Стэда).

Президентъ Трансваальской республики Крюгеръ въ молодости до такой степени предавался изученію Священнаго Писанія, до того напрягалъ свой умъ, стремясь постичь тайны Откровенія, что нерѣдко былъ близокъ къ помѣшательству. Онъ уходилъ изъ дому, бродилъ между скалъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ питаясь корнями и призывая къ себѣ гласъ Божій.

Буры безусловно вѣрятъ, что всѣ бѣдствія, засухи, эпизоотіи, нашествіе саранчи, войны и. т. д. являются Божьими наказаніями за ихъ грѣхи. Какъ только случалось несчастіе такого рода, президентъ возвѣщалъ о днѣ покаянія и молитвъ. Всѣ присутственныя мѣста закрывались; въ церквахъ назначались службы, на которыхъ должны были присутствовать всѣ

Digitized by Google

чиновники, и Крюгеръ всегда являлся въ церкви во главѣ молящихся. Послѣ такихъ собраній угрожавшее бѣдствіе обыкновенно миновало: «Кто можетъ сказать, что наши молитвы не были услышаны?!»—восклицалъ тогда Крюгеръ. Разсказываютъ, что Крюгеръ, какъ старый сельскій хозяинъ, хорошо знакомъ съ примѣтами погоды и потому рѣдко ошибался въ выборѣ дня для подобныхъ собраній.

Все свободное время, не занятое дѣлами государственными или распоряженіями по его многочисленнымъ фермамъ, посвящается имъ чтенію Библіи, съ которой онъ не разстается, хотя иногда проситъ прочитать ему и газеты. Впрочемъ, онъ вообще не признаетъ повременной печати: «Враждебныя мнѣ газеты утверждаютъ, что я ничего хорошаго не дѣлаю,— говоритъ онъ. Газеты, поддерживающія меня, доказываютъ противное. Какая же мнѣ польза отъ чтенія ихъ?» Когда, однако, газеты касаются его участія во внѣшней политикѣ, онъ просматриваетъ относящееся до него лично. Крупные европейскіе вопросы также обращаютъ на себя его вниманіе.

Утверждали одно время, будто Крюгеръ не умѣетъ писать. Это очевидная неправда: у англійскаго консула Монтегю Уайта сохранилось письмо, собственноручно написанное Крюгеромъ на одной изъ его фермъ. Почеркъ президента не очень разборчивъ, правописаніе же оставляетъ желать многаго, такъ какъ Крюгеръ пишетъ слова такъ, какъ они произносятся. Въ этомъ письмѣ, надо полагать, не единственномъ написанномъ собственноручно Крюгеромъ, рѣчь идетъ о прорвавшейся плотинѣ на фермѣ; онъ проситъ прислать ему рабочихъ для исправленія поврежденій.

Въ денежныхъ дѣлахъ очень везетъ Крюгеру: такъ, напримѣръ, одна изъ купленныхъ имъ фермъ принесла ему за пятнадцать лѣтъ свыше ста тридцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода. Всякій разъ, какъ ему случалось продавать имѣніе какой-нибудь компаніи, онъ требовалъ уплаты наличными деньгами, отказываясь принимать процентныя бумаги. «Держите у себя ваши цѣнности, а мнѣ платите монетами; если я приму ваши бумаги, вы добьетесь ихъ пониженія и этимъ заставите меня поспѣшить съ ихъ продажей, тогда вы снова поднимете ихъ цѣну и я потеряю мои деньги», говорилъ онъ обыкновенно покупателямъ.

Одаренный прекрасными способностями, онъ никогда не старался развить ихъ чтеніемъ или воспитаніемъ. Всѣ его дѣйствія основаны на правилахъ Библіи, всѣ его рѣчи и проповѣди полны изреченіями изъ священныхъ книгъ. Съ какою простотою объясняетъ Крюгеръ догматы христіанской вѣры, показываетъ, напримѣръ, такой случай: сидѣлъ какъ-то Крюгеръ на порогѣ своего дома съ Библіей въ рукахъ; къ нему подошелъ фермеръ, и они заговорили о религіи; фермеръ не могъ себѣ уяснить идею тріединства Божія. Крюгеръ, сдѣлавъ ему предварительно строгое внушеніе за его недостаточно

Крюгеръ.

Digitized by Google

крѣпкую вѣру, разъяснилъ его сомнѣніе примѣромъ изъ обыденной жизни: «Что такое свѣча? Это воскъ, фитиль и пламя. Вообрази себѣ, что воскъ это Богъ Отецъ, фитиль—Богъ Сынъ, пламя—Духъ Святой; всѣ вмѣстѣ они составляютъ одну свѣчу, такъ и Отецъ, Сынъ и Духъ Святой составляютъ Тріединаго Бога.»

Крюгеръ — очень строгій послѣдователь религіозной секты допперовъ какъ въ отношеніи себя самого, такъ и по отношенію къ другимъ членамъ секты. Одинъ изъ обычаевъ этой секты, между прочимъ, требуетъ, чтобы женщины во время молитвы стояли съ покрытой головой. Случилось какъ-то, что на званомъ обѣдѣ у одного высокопоставленнаго лица нѣсколько дамъ, и въ числѣ ихъ сама хозяйка, не надѣли своихъ шляпъ. Крюгеръ не постѣснялся сдѣлать имъ строгое замѣчаніе, заставивъ ихъ покрыть головы салфетками, и тогда только сталъ читать предобѣденную молитву.

У себя дома Крюгеръ придерживается старой голландской кухни; ѣстъ онъ три раза въ день: легкій завтракъ утромъ, затѣмъ въ полдень сытный обѣдъ и вечеромъ легкій ужинъ. Въ 12 часовъ онъ обыкновенно обѣдаетъ одинъ, такъ какъ не принято, чтобы дамы обѣдали вмѣстѣ съ мужчинами; имъ потомъ подаютъ; исключеніе дѣлается только для званыхъ обѣдовъ. Вина Крюгеръ никогда не пьетъ и терпѣть не можетъ поклонниковъ Вакха. Какъ-то одинъ чиновникъ секретаріата явился къ нему съ легкимъ запахомъ вина. «Ступайте прочь,—вскричалъ президентъ,—отъ васъ скверно пахнетъ.» На офиціальныхъ банкетахъ Крюгеръ пьетъ кофе и тосты провозглашаетъ со стаканомъ молока въ рукахъ. Онъ—врагъ свѣтскихъ развлеченій, его внучки не смѣютъ показаться на балу. Говорятъ, что, когда слава о кутежахъ одного изъ внуковъ дошла до Крюгера, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отказывался признавать внука. Свою семью онъ держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ: замѣтивъ въ чемъ-нибудь неисправность, онъ, не стѣсняясь ни передъ кѣмъ, высказываетъ свое неудовольствіе провинившемуся. Онъ очень вспыльчивъ: разсердившись, онъ вскакиваетъ съ мѣста и въ возбужденіи ходитъ изъ угла въ уголъ, ударяя кулакомъ по столу и все время браня виноватаго, но, высказавшись, отведя душу, такъ же быстро отходитъ и снова принимаетъ свой обычный видъ молчаливаго фермера. Такія вспышки нѣсколько коробятъ постороннихъ, но близкіе люди умѣютъ къ нимъ примѣняться и вообще горячо любятъ своего стараго патріарха. И среди своихъ рабочихъ на фермахъ Крюгеръ пользуется уваженіемъ, какъ справедливый и строгій хозяинъ.

Что касается госпожи Крюгеръ, то она образцовая хозяйка и превосходная мать; мужу она предана безусловно. Она знаетъ невѣроятное количество средствъ отъ всевозможныхъ болѣзней, живо интересуясь новостями по части рецептовъ и медицинскихъ снадобій; вопросами же общественной жизни, а тѣмъ болѣе жизни политической она совершенно не задается. Но она отзывчива къ страданіямъ людей и за это очень любима народомъ; послѣ динамитнаго взрыва въ Іоганнесбургѣ, погубившаго много людей, она съ такимъ самоотверженіемъ отдалась дѣлу облегченія страданій несчастныхъ жертвъ катастрофы и помощи ихъ семьямъ, что сама слегла и проболѣла нѣсколько недѣль. Ненавидя всякія нововведенія, она отказалась присутствовать при открытіи первой въ Трансваалѣ желѣзнодорожной линіи. На всѣ предложенія совершить поѣздку по желѣзной дорогѣ, она неизмѣнно отвѣчала: «Я прожила свой вѣкъ и безъ желѣзныхъ дорогъ, проживу безъ нихъ и остатокъ дней.» Впрочемъ, въ прошломъ году ее таки уговорили проѣхать въ вагонѣ на воды, куда семья президента ежегодно ѣздитъ въ силу установившагося у буровъ обычая посѣщать горячіе ключи для избавленія отъ всякихъ болѣзней кожи.

Хотя старый президентъ привыкъ всѣмъ говорить правду въ лицо, но и онъ умѣетъ при случаѣ золотить пилюлю: такъ, когда одинъ чиновникъ, которому президентъ имѣлъ основаніе не вполнѣ довѣрять отвѣтственное дѣло, просилъ Крюгера о переводѣ его изъ отдаленнаго города, гдѣ онъ служилъ, поближе къ столицѣ, оправдывая свою просьбу желаніемъ приносить отечеству болѣе серіозную пользу на отвѣтственномъ мѣстѣ, Крюгеръ отвѣтилъ слѣдующее: «Я, знаете ли, не государственный мужъ, я смотрю на вещи моей фермы, какъ простой фермеръ, и знаю, что когда на моей фермѣ запрягаютъ въ телѣгу воловъ, то лѣнивыхъ или норовистыхъ воловъ запрягаютъ въ задней парѣ, чтобы ихъ было легче доставать кнутомъ, а въ переднюю пару впрягаются волы степенные, на которыхъ можно положиться и для которыхъ кнута не надо. То же самое я вижу и въ государствѣ: когда я имѣю дѣло съ нерадивыми служащими, я держу ихъ возлѣ себя, чтобы всегда быть въ состояніи слѣдить за ихъ работой и при случаѣ немедленно подвергнуть ихъ наказанію; людей честныхъ и достойныхъ моего довѣрія я назначаю въ отдаленныя провинціи, зная, что для нихъ не нуженъ мой постоянный надзоръ. Вотъ почему я васъ не перевожу въ сосѣдство съ Преторіей—я вамъ довѣряю.» Выслушавъ въ столь лестной формѣ порицаніе, чиновникъ могъ принять его и за награду. О проницательности и остроуміи Крюгера не мало ходитъ разсказовъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ разобралъ споръ двухъ братьевъ о раздѣлѣ наслѣдства; выслушавъ обоихъ, онъ постановилъ такой приговоръ: «Старшій братъ пусть совершитъ раздѣлъ наслѣдства, а младшій первымъ выберетъ себѣ часть.» Вѣдь это судъ царя Соломона!

Не менѣе замѣчательною памятью обла-

Digitized by Google

даетъ старый президентъ. Во время послѣднихъ президентскихъ выборовъ онъ нашелъ, что рѣчи его не вполнѣ точно передаются репортерами; онъ сталъ требовать предварительнаго представленія ему репортерскихъ отчетовъ на просмотръ и поражалъ репортеровъ своей памятью: онъ помнилъ дословно всѣ свои рѣчи и ни одного слова не позволялъ измѣнять въ нихъ или замѣнять другимъ, хотя бы однозначащимъ словомъ. Когда его желаютъ убѣдить въ чемъ-нибудь, онъ вступаетъ въ споръ и защищаетъ свою точку зрѣнія даже въ мелочахъ съ такимъ же упорствомъ, какъ и въ главныхъ положеніяхъ. Не легко заставить его усвоить себѣ новый взглядъ, но еще труднѣе доказать ему ошибочность его убѣжденія; перехитрить же, провести его просто немыслимо.

Крюгеръ свободно говоритъ по-голландски, хотя и не безъ грамматическихъ ошибокъ; родовыхъ окончаній словъ онъ, повидимому, знать не хочетъ и безнадежно смѣшиваетъ ихъ. Однако, голландскому языку онъ предпочитаетъ свой родной языкъ таалъ. Національный языкъ буровъ трансваальскій языкъ или тааль представляетъ собою смѣсь языковъ голландскаго, нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и кафрскаго. На этомъ языкѣ обыкновенно и говоритъ президентъ Крюгеръ. Англійскій языкъ онъ понимаетъ настолько, что можетъ схватывать общій смыслъ разговора, но въ офиціальныхъ случаяхъ говоритъ по-англійски не иначе, какъ черезъ переводчика.

Изъ дому Крюгеръ выходитъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда нужно навѣстить больного или утѣшить удрученнаго горемъ, или когда неотложное государственное дѣло требуетъ обсужденія его съ кѣмъ-нибудь изъ его совѣтниковъ; другихъ визитовъ онъ почти не дѣлаетъ.

Интересенъ отзывъ Крюгера о Чемберлэнѣ. Онъ его описываетъ, какъ человѣка коварнаго, на котораго нельзя положиться: «это не такой противникъ, который борется открыто; онъ притворяется другомъ для того, чтобы легче нанести ударъ, онъ двуличенъ и лукавъ, какъ кошка.»

У буровъ сложилась легенда, пріуроченная къ началу теперешней англо-трансваальской войны. Старому буру приснился однажды такой необыкновенный сонъ, что онъ поспѣшилъ пересказать его президенту. Осѣдлалъ онъ своего коня и поѣхалъ. Долго ѣхалъ онъ и пріѣхалъ къ ручью; только-что переправился онъ на другой берегъ ручья, какъ увидѣлъ среди деревьевъ человѣка въ бѣлой одеждѣ и подпоясаннаго бѣлымъ поясомъ. Незнакомецъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Иди къ президенту, скажи ему: «Вотъ время временъ» и отдай вотъ это письмо. Знаешь ли ты, кто я? Я — Даніилъ. Сказавъ это, духъ скрылся. Буръ поспѣшилъ къ президенту, передалъ ему письмо. Оно состояло изъ сорокъ второй главы книги Исаіи, третьей главы Даніила, третьяго стиха одиннадцатой главы и всей двѣнадцатой главы Луки. Президентъ, прочтя это письмо, сознался, что дрожь пробѣжала по его тѣлу и воскликнулъ: «Это—знаменіе Неба. Теперь я рѣшился. Да будетъ воля Твоя!» И сбылся сонъ стараго бура, но воля Господня еще не исполнилась.

Растерявъ въ войнѣ съ бурами почти всѣхъ своихъ солдатъ, въ ихъ числѣ кафровъ и готентотовъ, Джонъ Булль, безъ сомнѣнія, прибѣгнетъ къ помощи звѣрей изъ своихъ колоній для своихъ войнъ... будущаго.

(Карикатура «Lustige Blätter»).

Digitized by Google

Послѣдніе мѣсяцы жизни Шопена.

Болѣе пятидесяти лѣтъ прошло со дня смерти (17-го октября 1849 г.) этого творца звуковъ. Талантъ его сталъ всемірнымъ достояніемъ, но только на дняхъ воздвигнутъ ему памятникъ въ Парижѣ, въ паркѣ Монсо. Французы причисляютъ его къ своимъ соотечественникамъ, какъ сына французскаго выходца; поляки же считаютъ его отечествомъ Польшу, гдѣ онъ родился и воспитывался. Этимъ пререканіямъ теперь положенъ конецъ, и знаменитому композитору воздвигнутъ достойный памятникъ.

Обладая чуднымъ духовнымъ даромъ, Шопенъ искупалъ его физической слабостью, которая послѣдніе мѣсяцы его жизни превратила въ сплошное страданіе. Объ этихъ страданіяхъ г-жа Парадовская напечатала по-французски любопытныя подробности. Не мало, конечно, подрывали здоровье Шопена и нравственныя испытанія, какія, казалось, слѣдовали однѣ за другимъ въ жизни великаго артиста. Краеугольнымъ камнемъ ихъ, повидимому, является его страсть къ Жоржъ Зандъ. Чувство это захватило все его существо, поглотило всѣ силы его души и послѣ восьми лѣтъ, проведенныхъ среди страсти, бурныхъ столкновеній и затаенныхъ страданій, оставило его совершенно разбитымъ. Окончательный разрывъ съ Жоржъ Зандъ въ іюлѣ 1847 г. едва не стоилъ Шопену жизни. Два мѣсяца былъ онъ на волоскѣ отъ смерти и, наконецъ, благодаря усиліямъ д-ра Молена, оправился—только для того, чтобы вести жалкую, страдальческую жизнь. Іюльская революція заставила его покинуть Францію; онъ направился въ Лондонъ, и сырой, туманный климатъ тамъ въ конецъ разстроилъ его больную грудь. Со всѣми признаками зловѣщей болѣзни, слабый, сгорбленный, надрываясь кашлемъ, вернулся онъ въ мартѣ 1847 г. въ Парижъ, и тутъ его сразила вѣсть о смерти близкаго ему доктора Молена. Имъ овладѣлъ полный упадокъ духа. Доктора напрасно уговаривали его лечиться; онъ ихъ не слушалъ. «Съ тѣхъ поръ какъ я послалъ къ чорту всѣ ихъ снадобья,—писалъ онъ своему другу Гржимайлѣ,—я чувствую себя бодрѣе; только я все еще задыхаюсь». Къ счастію, около него собрались его друзья, которые всячески старались поднять въ немъ энергію. Тутъ были: его любимый ученикъ Гутманъ, віолончелистъ Франкомъ, художникъ Делакроа, скульпторъ Клезингеръ, зять Жоржъ Зандъ, поэтъ Норвидъ, князь Александръ Чарторижскій съ женою — тоже одной изъ любимыхъ ученицъ Шопена и, наконецъ, двѣ сестры Стерлингъ, которыя ради него пріѣхали изъ Шотландіи. Часто навѣщали его и другія его ученицы и поклонницы: княжны Чарторижскія, графиня Потоцкая съ сестрой, княгиней Бово, графиня Обрѣзкова, баронесса Ротшильдъ, г-жи Франкомъ и Клезингеръ, хорошая знакомая Жоржъ Зандъ—m-lle де-Розьеръ, m-lle Гавардъ и другія.

Для Шопена наставали тяжелые дни. Разбитый нравственно и физически, онъ, конечно, не могъ уже и думать о томъ, чтобы давать уроки, и съ удвоеннымъ рвеніемъ хотѣлъ приняться за твореніе, но и тутъ его постигло страшное разочарованіе. По собственному признанію, ему не хватало для того физическихъ силъ, и это вызывало въ немъ такія вспышки гнѣва, что рукописи то и дѣло летѣли въ огонь, и только двѣ мазурки

Digitized by Google

избѣжали этой участи. Первая мазурка, sol mineur, должна считаться самой законченной и совершенной изъ его сочиненій по формѣ и мелодіи; вторая, fa mineur, является его лебединой пѣсней, въ которой вылилась за сердце хватающая грусть души, покидающей землю. Въ это же время задумалъ онъ трудъ по теоріи музыки, который собирался назвать «методомъ методовъ», но дальше нѣсколькихъ главъ онъ не могъ его подвинуть... Изнемогая въ безсильной борьбѣ духа съ ослабѣвающей плотью, онъ не могъ найти себѣ опоры и въ чувствѣ вѣры — такомъ чистомъ и свѣтломъ въ дѣтскіе годы, когда мать еще владѣла его чуткой душой. Уже юноша, онъ тоже еще умѣлъ горячо молиться: очутившись девятнадцати лѣтъ одинокимъ въ Вѣнѣ, въ Рождественскую ночь онъ отправился въ церковь, чтобы отдаться охватившему его религіозному чувству и молитвой встрѣтить великій часъ, который въ первый разъ ему приходилось провести въ разлукѣ съ семьей. Два года спустя онъ не разъ, потрясенный событіями революціи, искалъ мира и успокоенія въ церкви Notre-Dame. Но понемногу чувство это въ немъ стушевывалось. Вѣянія времени, вліяніе друзей, и особенно Жоржъ Зандъ, отразились на его внутреннемъ мірѣ, вселивъ въ немъ сомнѣнія. И только гдѣ-то далеко въ душѣ по временамъ еще слабо звучалъ голосъ прежняго чувства, какъ, напримѣръ, когда Шопенъ начиналъ скорбѣть о томъ, что его любовь къ Жоржъ Зандъ не освящена церковнымъ обрядомъ, и когда, послѣ смерти его отца и его друга—д-ра Матушинскаго, онъ испытывалъ приступы мучительной тоски при мысли о невозможности для него, по католическому вѣрованію, соединиться съ ними въ селеніи блаженныхъ. Не разъ, по словамъ Жоржъ Зандъ, ей приходилось по ночамъ бросать свою работу, идти въ его комнату разгонять тяжелыя видѣнія, преслѣдовавшія его изъ-за этого и во снѣ и на яву... Но въ обыкновенное время онъ оставался нѣмъ къ голосу вѣры. Его товарищъ по школѣ, аббатъ Еловицкій, вернувшійся изъ Рима, сдѣлалъ попытку обратить на путь истины своего больного друга. Отдавшись воспоминаніямъ юности, они оба были растроганы разсказомъ о трагической смерти брата аббата, погибшаго въ польскомъ возстаніи. Еловицкій думалъ воспользоваться минутой и навелъ разговоръ на глубоко вѣрующую мать Шопена, когда она учила своихъ дѣтей молиться. Шопенъ понялъ, къ чему клонилась рѣчь, и, неспособный на неискренность, чистосердечно объявилъ:

— Мнѣ было бы отрадно умереть христіаниномъ ради памяти моей дорогой матери. Но какъ пріобщаться таинствамъ, которыхъ я не понимаю—во всякомъ случаѣ не такъ, какъ ты! Я допускаю исповѣдь, какъ сердечное изліяніе другу, но не какъ таинство... Если ты желаешь, я исповѣдуюсь, но только какъ другу, не иначе.

Аббатъ попробовалъ было настаивать, убѣждать, но встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны Шопена.

— Развѣ у насъ нѣтъ, — сказалъ послѣдній,—множества другихъ предметовъ для разговора, и притомъ я вовсе не при смерти... Жизнь моя такъ часто висѣла на волоскѣ, и все-таки волосокъ этотъ не порывался. Если у меня когда-нибудь явится желаніе исповѣдаться—будь увѣренъ, я обращусь только къ тебѣ...

Въ концѣ концовъ Шопену стала грозить и матеріальная нужда. Деньги, заработанныя имъ въ Лондонѣ, приходили къ концу, и великій артистъ, давшій міру драгоцѣнныя сокровища, не имѣлъ даже возможности спокойно умереть... Друзья поспѣшили къ нему на выручку, но щепетильный Шопенъ рѣшительно отказался отъ помощи и послѣ долгой борьбы согласился, наконецъ, взять у миссъ Стерлингъ, и то взаймы, 12 тысячъ франковъ, вмѣсто 25 тысячъ, которыя она ему предлагала. Тѣмъ временемъ наступилъ май, и въ Парижѣ разразилась холера. Шопенъ сталъ задыхаться въ своей квартирѣ. Его неудержимо тянуло на волю, на просторъ полей, къ которымъ онъ такъ привыкъ за послѣднія восемь лѣтъ въ Ноганѣ, у Жоржъ Зандъ. Друзья постарались облегчить страданія больного, уже слишкомъ слабаго, чтобы ѣхать далеко, и наняли ему помѣщеніе въ улицѣ Шальо, № 74. Въ то время этотъ уголокъ Парижа еще весь утопалъ въ зелени, и Шопенъ изъ своего окна могъ любоваться чуднымъ видомъ на Сену и на Медонскія высоты. Цѣну этой квартиры ему назвали только половинную, чтобы не вызвать въ немъ денежныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что здоровье его все ухудшалось и пришлось взять еще и сидѣлку. Остальную половину платы внесла его ученица, г-жа Обрѣзкова.

Кружокъ друзей около него за это время тоже порѣдѣлъ: большинство спасалось бѣгствомъ отъ холеры; нѣкоторые пали жертвой ея, какъ, напримѣръ, піанистъ Калькбреннеръ; многіе покинули Парижъ изъ-за смутъ революціи. Шопенъ началъ впадать въ уныніе. Правда, онъ старался не поддаваться ему, бралъ все, что давали ему хорошаго свѣтлыя минуты, выпадавшія на его долю, какъ въ то время, когда его посѣтили знаменитыя Дженни Линдъ и г-жа Каталани. Ихъ пѣніе хоть на время заставляло его забыть страданія и переносило его въ тотъ міръ, куда онъ самъ когда-то увлекалъ своихъ слушателей и заставлялъ ихъ забывать все на землѣ. Говорятъ, Каталани, слушая его десятилѣтнимъ мальчикомъ, лишилась чувствъ отъ сильнаго

Digitized by Google

впечатлѣнія, произведеннаго его игрой. Теперь она еще разъ хотѣла повидать умирающаго музыканта, и свиданіе ихъ было послѣднимъ: нѣсколько дней спустя холера унесла ее въ числѣ своихъ жертвъ... Казалось, у Шопена по временамъ появлялась надежда, и онъ даже старался пріободрять другихъ. Такъ онъ писалъ Гржимайлѣ: «Со вчерашняго дня я пересталъ откашливать мокроту съ кровью, опухоль въ ногахъ начинаетъ исчезать. Но только я еще слабъ, лѣнивъ, плохо двигаюсь и задыхаюсь... Береги себя и не поддавайся унынію; я тоже борюсь, какъ могу. Только вотъ силъ у меня не хватаетъ, я еще не началъ играть, не могу еще сочинять и лишь изрѣдка выхожу, чтобы прокатиться въ Булонскомъ лѣсу.»

Вскорѣ послѣ того онъ занялся своимъ завѣщаніемъ и написалъ сестрѣ, чтобы она пріѣхала къ нему. Очевидно, онъ все-таки сознавалъ свое опасное положеніе и не хотѣлъ умереть на чужихъ рукахъ, что всегда его страшило. Еще за девять лѣтъ до того онъ писалъ другу своему Войцеховскому: «Мнѣ было бы ужасно видѣть у моего одра смерти вмѣсто дорогихъ лицъ моихъ близкихъ равнодушное лицо врача или наемной сидѣлки.»

Съ Войцеховскимъ Шопена связывали самыя тѣсныя узы. Это были друзья юности, которые когда-то вмѣстѣ разучивали Гайдна и Моцарта, и полное различіе ихъ характеровъ, казалось, только еще усугубляло ихъ взаимную привязанность. Шопенъ страстно желалъ увидѣть еще разъ передъ смертью своего друга: «Я пью Пиринейскія воды», писалъ онъ ему, «но насколько твое присутствіе здѣсь было бы для меня полезнѣе всѣхъ лѣкарствъ въ мірѣ!» Желанію этому, однако, не суждено было осуществиться. Войцеховскій, скомпрометированный въ возстаніяхъ, жилъ изгнанникомъ и не могъ добиться разрѣшенія въѣхать въ Парижъ повидаться съ умирающимъ другомъ. Для Шопена это было жестокимъ разочарованіемъ. Онъ опять началъ метаться въ своей квартирѣ, жаловался на одиночество и, по свойственной этого рода больнымъ склонности къ передвиженію, стремился изъ нея вонъ, обратно въ центръ Парижа, гдѣ его чаще могли бы навѣщать друзья. Его въ то время окружали: Шарль Гавардъ (дипломатъ и писатель), часто читавшій ему выдержки изъ философскихъ сочиненій Вольтера, которыя плѣняли Шопена законченностью своей формы; затѣмъ его любимый ученикъ Гутманъ, утѣшавшій учителя своей игрой, и, наконецъ, сестра Шопена, г-жа Еджеевичъ (Jedrzejewicz) съ семьей.

Съ пріѣздомъ сестры мысль о смерти совсѣмъ овладѣла Шопеномъ, и онъ даже сталъ призывать ее съ нѣкотораго рода нетерпѣніемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не противился, когда близкіе звали все новыхъ и новыхъ докторовъ, и покорно отдавался ихъ желаніямъ, даже когда они, между прочимъ, обратились къ дѣтскому врачу—Блашу... «Можетъ быть,—немного горько усмѣхаясь, говорилъ онъ д-рамъ Крювелье и Луи,—онъ скорѣе кого-либо найдетъ средство меня вылѣчить, такъ какъ во мнѣ вѣдь есть что-то дѣтское.»

Но, увы, и этотъ докторъ оказался безсильнымъ передъ лицомъ надвигающейся смерти и могъ посовѣтовать только одно, чтобы больного перевели въ помѣщеніе, обращенное на югъ, гдѣ было бы какъ можно больше солнца. Шопенъ съ чисто дѣтской радостью принялъ извѣстіе о томъ, что ему не надо возвращаться въ квартиру на Орлеанской площади, съ которой у него было связано столько счастливыхъ, но въ то же время и горькихъ воспоминаній. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ новой квартиры, нанятой для него на Вандомской площади, № 12, и съ такимъ усердіемъ сталъ заново ее обставлять, какъ будто намѣрѣваясь жить тамъ долгіе годы. Однако, такая затрата силъ не обошлась ему даромъ: онъ опять слегъ и чувствовалъ себя настолько ослабѣвшимъ, что къ нему даже перестали допускать друзей...

Въ сентябрѣ Шопена перевезли на новую квартиру, и тутъ ухудшеніе дѣлалось все замѣтнѣе съ каждымъ днемъ. Съ нимъ стали дѣлаться припадки болей и удушья, грозившіе каждый разъ смертью. Послѣ одного изъ нихъ онъ обратился къ доктору, стоявшему у его постели, и сказалъ: «Теперь начинается агонія.» Его ласково стали разувѣрять, но онъ, обливаясь холоднымъ потомъ, покачалъ головой и убѣжденно произнесъ:

— Это рѣдкая милость, когда Господь открываетъ человѣку минуту его агоніи. Милость эту Онъ мнѣ оказалъ. Не смущайте меня...

Но, примирясь съ мыслью о смерти, онъ не могъ примириться со страданіями, какія ему приходилось выносить.

— Для чего нужно, чтобы я такъ страдалъ?—говорилъ онъ княгинѣ Марселинѣ Чарторижской. — Я бы понялъ, если бы это было на полѣ битвы: тогда бы я могъ послужить примѣромъ для другихъ. Но при такой жалкой смерти на постели къ чему могутъ послужить эти страданія!

Смерть являлась для него желанною, и какъ только онъ приходилъ въ себя отъ обмороковъ, удушья, кровохарканья, онъ со свѣтлой улыбкой говорилъ о ней со своими друзьями, поражая ихъ яснымъ, и спокойнымъ настроеніемъ. Вечеръ 12-го октября, казалось, долженъ былъ быть для него роковымъ. Состояніе его настолько ухудшилось, что съ минуты на минуту ждали конца. По желанію сестры явился аббатъ Еловицкій, но надежды ея присоединить брата къ вѣрующимъ не оправ-

Digitized by Google

дались. Шопенъ, увидя аббата, только протянулъ ему руку и сказалъ:

— Я тебя очень люблю, но не говори мнѣ ничего... Иди спать...

Аббатъ долженъ былъ удалиться. Противъ всякаго ожиданія, больной не только пережилъ ночь, но на слѣдующее утро даже почувствовалъ себя легче. Опять явился аббатъ Еловицкій и, принятый ласково, затѣялъ съ Шопеномъ дружескій разговоръ, въ которомъ упомянулъ, что сегодня день рожденія его покойнаго брата.

— Окажи мнѣ милость въ этотъ день,— прибавилъ онъ, замѣтивъ нѣкоторую растроганность на лицѣ Шопена.

Тотъ изъявилъ свое согласіе

— Отдай мнѣ твою душу,—сказалъ онъ, дрожа за отвѣтъ на свою просьбу.

Шопенъ глубоко заглянулъ ему въ глаза и медленно произнесъ:

— Я тебя понялъ. Ты можешь ее взять.

Еловицкій былъ потрясенъ этими такъ давно ожидавшимися словами. Онъ преклонилъ колѣни и молча протянулъ больному Распятіе. Тотъ крѣпко охватилъ его руками, и двѣ крупныя слезы скатились изъ его глазъ. Всѣ присутствовавшіе тихо удалились изъ комнаты.

— Вѣруешь ли ты? — спросилъ аббатъ у умирающаго.

— Вѣрую,—отвѣчалъ тотъ.

— По вѣрованію твоей матери?

— По вѣрованію моей матери.

Шопенъ исповѣдался, обливаясь слезами—слезами радости и облегченія. Все наносное, все навѣянное постороннимъ вліяніемъ исчезало въ эту великую минуту, когда онъ съ просвѣтленнымъ лицомъ пріобщался Св. Таинъ и соборовался. Въ его душѣ проснулись звуки молитвы, вложенные въ нее его матерью, и радость наполняла его сердце, что онъ опять научился ихъ повторять, что онъ опять можетъ молиться.

Въ то время какъ совершалось это трогательное возвращеніе заблудшаго сына къ вѣрѣ его отцовъ, въ сосѣдней комнатѣ столпился музыкальный и артистическій міръ Парижа и вся польская колонія, чтобы еще въ послѣдній разъ взглянуть на великаго артиста. Наконецъ, двери для нихъ раскрылись, и одинъ за другимъ съ невольнымъ благоговѣніемъ подходили они къ постели, на которой, поддерживаемый своимъ ученикомъ Гутманомъ, сидѣлъ умирающій виртуозъ. Для каждаго изъ нихъ Шопенъ находилъ ласковое слово и привѣтъ, но, какъ только ушелъ послѣдній посѣтитель, онъ въ изнеможеніи упалъ на подушки. Около него столпились его сестра, княгиня Чарторижская, Франкомъ, Гавардъ и художникъ Квятковскій. Они уже думали послать за докторомъ, какъ вдругъ Шопенъ раскрылъ глаза и, обратясь къ княгинѣ Чарторижской, попросилъ ее поиграть. Послушная его волѣ, она сѣла за рояль, а Франкомъ взялъ віолончель, чтобы вмѣстѣ сыграть сонату Шопена, sol mineur. Раздались первые звуки прелюдіи—и вдругъ оборвались: невыразимое волненіе охватило больного и вскорѣ смѣнилось приступомъ ужаснаго удушья. Врачи уже ничего больше не могли сдѣлать. Отнынѣ здѣсь было мѣсто священника. Аббатъ Еловицкій читалъ молитвы, утѣшая своего друга, который не выпускалъ его руки. «Не покидай меня въ этотъ великій часъ», говорилъ Шопенъ аббату ночью, не будучи въ состояніи сомкнуть глазъ, и съ благоговѣніемъ цѣловалъ Распятіе, которое тотъ ему подносилъ къ губамъ. Но и эта ночь прошла, и близкіе уже больше не въ состояніи были скрывать своихъ слезъ, глядя на эту долгую мучительную агонію. Тогда больной принимался ихъ утѣшать.

— Я люблю Бога и люблю людей, — говорилъ онъ. Такая смерть для меня счастіе! Моя дорогая сестра, не плачь. Не плачьте, мои друзья, я счастливъ... Я чувствую, что ухожу. Молитесь за меня... До свиданія—на небѣ!.

Онъ съ благодарностью принималъ заботы близкихъ о себѣ, но доктору онъ какъ-то разъ сказалъ:

— Дайте же мнѣ уйти! Дайте мнѣ умереть поскорѣе! Богъ меня простилъ, онъ меня призываетъ къ себѣ. Я хочу умереть... О, прекрасная наука годна лишь на то, чтобы продолжить страданія... Если бы они еще могли къ чему-нибудь послужить, для какой-нибудь жертвы, вмѣсто того, чтобы мучить меня и тѣхъ, кто меня любитъ!.. Прекрасная наука, дѣйствительно... Вы меня заставляете напрасно страдать... Можетъ быть, вы ошиблись! Онъ, по крайней мѣрѣ, меня очистилъ отъ грѣховъ. О, какъ Господь милостивъ, что наказалъ меня на этой землѣ!.. Какъ Господь милостивъ!..

Затѣмъ, обратясь къ аббату Еловицкому, онъ прибавилъ:

— Безъ тебя я кончилъ бы жизнь, какъ скотина.

Изнемогая отъ физическихъ страданій и уже стоя лицомъ къ лицу со смертью, Шопенъ, между прочимъ, постоянно обращался мыслью къ человѣку, который игралъ роковую роль въ его жизни. Онъ не видалъ Жоржъ Зандъ среди посѣтившихъ его лицъ, и его мучило, почему она не пришла проститься съ нимъ передъ вѣчной разлукой... Говорятъ, что писательница въ это время была слишкомъ занята постановкою на сценѣ Одеона своего «François le Champi», но зато по два раза въ день посылала узнавать о здоровьѣ Шопена своего друга, г-жу Марліани. Гутманъ же утверждаетъ, что она сама явилась навѣстить больного, но онъ ее уговорилъ не входить, чтобы не потревожить умирающаго. Безусловно вѣрно

Digitized by Google

то, что какъ разъ въ это время г-жа Клезингеръ, дочь Жоржъ Зандъ, разошлась со своей матерью, тогда какъ была постоянной гостьей у Шопена.

Настало воскресенье, 15-го октября, въ которое окружающимъ Шопена пришлось пережить трогательное зрѣлище. Больной чувствовалъ себя спокойнѣе и тихо лежалъ на постели, окруженный своими друзьями. Вдругъ дверь растворяется, и въ ней, подобно свѣтлому видѣнію, появляется женская фигура, вся въ бѣломъ. Это была графиня Дельфина Потоцкая, которая, всѣ думали, находится въ Ниццѣ. Пораженный Шопенъ нѣсколько мгновеній не могъ ни слова промолвить.

— Такъ вотъ зачѣмъ Господь такъ долго не призывалъ меня къ Себѣ,—прошепталъ онъ, наконецъ,—я долженъ былъ еще разъ увидѣть васъ!..

Съ нимъ опять сдѣлался припадокъ, который длился нѣсколько часовъ. Но какъ только Шопенъ пришелъ въ себя, онъ сказалъ Еловицкому, что желаетъ слышать пѣніе графини. Просьбы и уговоры близкихъ, напуганныхъ предыдущимъ примѣромъ, не могли заставить его отказаться отъ своей мысли, и желаніе его, наконецъ, было исполнено. Графиня Потоцкая, со слезами на глазахъ, подошла къ роялю, за который сѣлъ Гутманъ, и черезъ нѣсколько мгновеній мрачная комната, гдѣ умиралъ великій артистъ, огласилась чудными звуками гимна Пресвятой Богородицѣ, который нѣкогда, говорятъ, вернулъ къ жизни творца его, Страделлу. Шопенъ въ упоеніи слушалъ эту дивную музыку, забывъ всѣ свои страданія; губы его шептали: «Какъ хорошо!» и когда замерли послѣдніе звуки, онъ съ мольбой произнесъ: «Еще, еще!» Подавляя душившія ея рыданія, графиня Потоцкая опять подошла къ роялю, и на этотъ разъ, по словамъ однихъ, запѣла псаломъ Марчелло, по словамъ другихъ: «Беатриче ди-Шенда» Беллини. Но на этотъ разъ ей не удалось докончить своего пѣнія: слабыя силы Шопена не вынесли такого напряженія. Его устремленные на пѣвицу глаза вдругъ закрылись, руки, сложенныя какъ бы для молитвы, распались, и больной въ глубокомъ обморокѣ опрокинулся на подушки[1]).

Настала ночь, ужасная по тѣмъ страданіямъ, которыя пришлось вынести Шопену, но къ утру опять произошло улучшеніе, и это вызвало въ немъ взрывъ отчаянія: «Мнѣ хуже,—говорилъ онъ,—потому что это улучшеніе опять привязываетъ меня къ жизни, а я долженъ съ ней разстаться.»

Онъ принялся бесѣдовать съ друзьями, прощался съ ними и дѣлалъ свои послѣднія распоряженія. Всѣ неизданныя сочиненія или тѣ, которыя не представляли особаго значенія, онъ просилъ сестру сжечь. «Я публикѣ долженъ оставить такія сочиненія,—говорилъ онъ,—которыми я самъ остался доволенъ. Это всегда было моимъ правиломъ.» Завѣщалъ онъ также сжечь и всѣ другія бумаги и письма, какія у него найдутся, и тутъ, вѣроятно, погибли въ огнѣ письма Жоржъ Зандъ, а также и тотъ конвертъ, перевязанный черной лентой, съ надписью: «Moja bieda», въ которомъ хранилась засохшая роза. Поэзіей и тихой грустью вѣяло отъ этого цвѣтка, напоминая то свѣтлое время, когда Шопенъ въ первый разъ полюбилъ чистой, высокой любовью Марію В., сдѣлавшуюся для него недосягаемой изъ-за аристократическихъ предразсудковъ. Но, быть можетъ, судьба для того и лишила его этого тихаго счастія, чтобы онъ прошелъ черезъ всѣ страданія и муки своей страсти къ Жоржъ Зандъ и далъ чудную прелюдію si mineur, написанную имъ кровью сердца... Затѣмъ онъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ на кладбищѣ Père Lachaise, неподалеку отъ Беллини, которому онъ всегда поклонялся. Одѣть его должны были въ платье, въ какомъ онъ въ послѣдній разъ игралъ въ концертѣ. При заупокойной обѣднѣ онъ просилъ исполнить реквіемъ Моцарта и, наконецъ, въ могилу его высыпать тотъ мѣшочекъ родной польской земли, который 18-го октября 1830 г. его друзья дали ему съ собой, при отъѣздѣ изъ Варшавы. Еще раньше, когда сестра его въ августѣ пріѣхала къ нему, онъ завѣщалъ ей отвезти его сердце въ одну изъ церквей Варшавы.

— Я знаю,—говорилъ онъ ей,—что Паскевичъ (польскій генералъ-губернаторъ) не разрѣшитъ привезти мое тѣло въ Варшаву, чтобы похоронить его рядомъ съ моими родными. Но увези туда, по крайней мѣрѣ, мое сердце, которое всегда билось за Польшу...

Къ вечеру этого дня у Шопена сдѣлались сильнѣйшія судороги рукъ и ногъ. Не было сомнѣнія, что роковой часъ насталъ. Зажгли свѣчи, и аббатъ сталъ читать отходную. Гутманъ поддерживалъ полубезсознательнаго учителя. Когда отходная кончилась, умирающій сказалъ: «Аминь», поцѣловалъ крестъ и, прибавивъ: «Я уже у источника блаженства», погрузился въ глубокій сонъ, не отнимая головы отъ плеча Гутмана. Ровно въ полночь онъ проснулся и, спросивъ: «Кто возлѣ меня?» попросилъ пить, потомъ взялъ руку Гутмана и поцѣловалъ ее, прошептавъ: «Дорогой другъ!» Въ два часа ночи ничалась страшная предсмертная агонія съ почти нечеловѣческими страданіями. Когда изъ устъ умирающа-

[1]) Сцена эта была изображена на полотнѣ художникомъ Баріалемъ и поднесена имъ его ученицѣ г-жѣ Виннаретта. Въ настоящее время картина находится въ галлереѣ сквера послѣдней, герцога Кампофеличе.

Digitized by Google

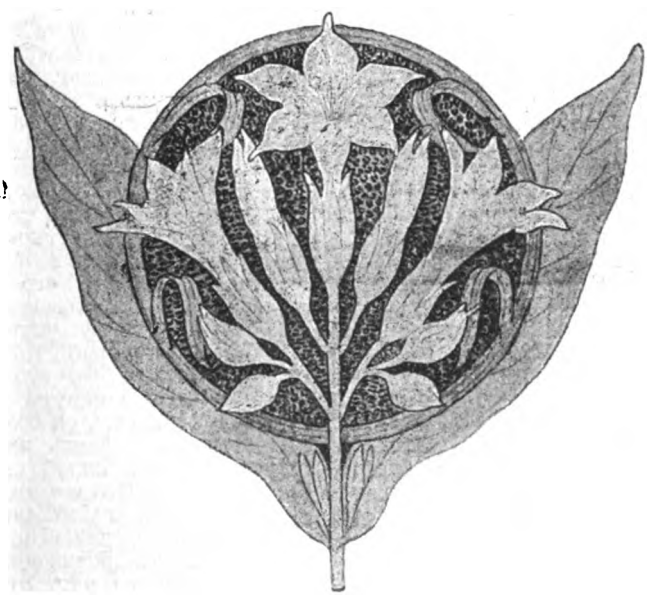
го перестали вырываться предсмертные хрипы, доктора приблизили къ его лицу огонь и объявили, что мозгъ уже пересталъ дѣйствовать. Но, къ ихъ удивленію, на вопросъ, очень ли онъ страдаетъ, больной еще коротко отвѣтилъ:«Больше нѣтъ.» Это были послѣднія слова, произнесенныя Шопеномъ: черезъ три четверти часа его не стало. Это было 17-го октября 1849 года.

Къ утру художникъ Квятковскій снялъ съ него маску; то же сдѣлалъ и Клезингеръ, снимокъ котораго находится въ музеѣ Чарторижскихъ.

Какъ ни подготовленъ былъ Парижъ къ смерти Шопена, вѣсть эта произвела потрясающее впечатлѣніе. На похоронахъ его 22-го октября церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ помолиться за любимаго артиста. Отпѣваніе его было торжественное. Когда гробъ съ останками его показался въ дверяхъ церкви, раздались могучіе, потрясающіе душу звуки его «Marche funèbre». Казалось, самые своды дрогнули и невольный благоговѣйный ужасъ оковалъ сердца слушателей... Затѣмъ послѣдовалъ реквіемъ Моцарта, гдѣ солистами явились: г-жи Кастеланъ и Віардо-Гарсіа и гг. Дюлонъ и и Лабламъ; консерваторскими хорами и оркестромъ дирижировалъ Жираръ... Наступилъ перерывъ въ заупокойной обѣднѣ, и вдругъ полились громовые звуки органа, исполнявшаго прелюдіи si mineur и mi mineur Шопена. Затѣмъ раздался Agnus Dei Моцарта и, наконецъ, Лабламъ своимъ чуднымъ голосомъ исполнилъ «Tuba mirum spargens sonum», которое не пѣлъ съ похоронъ Бетховена.

Въ то время какъ звуки волнами лились по собору и, смѣняясь одни другими, захватывали молящихся, заставляя недоумѣвать, несутся ли они подъ высокіе своды или съ неба льются на землю— въ это время золотой лучъ солнца пробился въ окно и упалъ на смертные останки Шопена. Потрясеннымъ всей церемоніей молящимся казалось, будто душа Моцарта привѣтнымъ поцѣлуемъ встрѣчала душу великаго собрата и унесла ее съ собой въ селенія блаженныхъ на волнахъ чудныхъ звуковъ, которые неслись къ небу...

Утопая въ фіалкахъ—любимыхъ цвѣтахъ артиста—и окруженная несмѣтной толпой народа, погребальная колесница двинулась къ кладбищу Père Lachaise, гдѣ Шопена ждала могила рядомъ съ могилами Беллини, Крейцера, Керубини. Французская земля и польская—изъ завѣтнаго мѣшочка — одновременно упали на крышку гроба, прикрывая останки великаго артиста... Сердце его нашло себѣ упокоеніе, какъ онъ хотѣлъ, на далекой родинѣ, въ Варшавѣ. И—горькая иронія судьбы!—оно только тайкомъ могло быть провезено туда черезъ границу, хотя и билось всегда такъ горячо за родину.



Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Польскіе разсказы изъ школьнаго міра [1]).

Безпристрастіе требуетъ сказать, что мы развернули этотъ томикъ беллетристическихъ опытовъ г. Данилевскаго (писателя, замѣтимъ, малоизвѣстнаго, — по всей вѣроятности, начинающаго) тотчасъ по прочтеніи полъ-дюжины воодушевленнѣйшихъ газетныхъ статей объ отмѣткахъ. Первый разсказъ въ книжкѣ—Nego: рѣчь идетъ о томъ, какъ гимназистъ срѣзался на переэкзаменовкѣ по латинскому языку и, какъ второкурсный, долженъ былъ покинуть гимназію. Сюжетъ — не Богъ вѣсть какой занимательный: мало ли гимназистовъ срѣзывается, мало ли коловъ и двоекъ сыплется, мало ли мальчиковъ исключается? Правда, разсказъ написанъ очень хорошо, въ мягкихъ и теплыхъ тонахъ, съ ноткой задушевности, съ неизбѣжными искорками юмора. Въ какомъ бы настроеніи ни прочесть его, впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ, получится выгодное для автора: виденъ наблюдательный умъ, чуткость, тонкая кисть, недурная техника. Если же разсказъ приходится кстати, подходя своимъ содержаніемъ къ злободневной темѣ, достоинства его тѣмъ больше бросаются въ глаза.

Маленькій школьный мірокъ, выхваченный прямо съ натуры, представленъ въ очень характерный для него моментъ. Каникулы кончились. День переэкзаменовокъ. Въ гимназію спѣшатъ три мальчика, товарищи по несчастію. Несмотря на ранній возрастъ, въ ихъ взглядахъ уже вкрадываются самобытныя черточки — зародыши будущаго характера. Антекъ Сикора, беззаботный весельчакъ, извѣстный своимъ драгоцѣннымъ талантомъ угадывать навѣрняка поставленный баллъ по движенію руки учителя, какъ бы оно ни было замысловатымъ, выражаетъ, между прочимъ, свое непоколебимое убѣжденіе, что ужъ лучше сразу срѣзаться, чѣмъ имѣть переэкзаменовку, которая отравляетъ всѣ вакаціи. «По крайней мѣрѣ,—говорилъ онъ,—зададутъ тебѣ разъ баню и ужъ оставятъ въ покоѣ, а съ этой проклятой переэкзаменовкой каждую минуту не только родители, но и всякая сестра и тетка зудитъ тебѣ надъ ухомъ: «Учись, учись, старайся, Стась!» Кржицкій, сынъ богатыхъ родителей, баловень, флегматикъ по натурѣ, соглашается съ нимъ, хотя по другимъ мотивамъ: онъ — непримиримый врагъ всякой неопредѣленности. Третій мальчуганъ, Ясь Скальскій, герой разсказа, натура нервная и тонкая, волнуется больше своихъ коллегъ. Ему хочется во что бы то ни стало выдержать переэкзаменовку, но тутъ не исключительную роль играетъ то соображеніе, что въ противномъ случаѣ его выгонятъ изъ гимназіи. Здѣсь сказывается еще унаслѣдованное отъ отца упорство, какое-то ожесточеніе въ борьбѣ съ препятствіями, злорадная мысль, что его побѣда доставитъ непріятную минуту учителю, въ которомъ онъ видитъ своего врага. Ясь ненавидитъ Орла (такъ зовутъ учителя-латиниста) всей силой своей впечатлительной души. Что же это за чудовище?

Орелъ не имѣетъ въ своей фигурѣ ничего орлинаго, даже просто птичьяго. Напротивъ, онъ производитъ впечатлѣніе плохо-отесаннаго пня, отдаленно напоминающаго человѣческую фигуру. Своими

[1]) Gustaw Danilowski. Nego. Nowele. Warszawa. 1900.

Digitized by Google

длинными руками, съ громадными, какъ сковорода, ладонями, своими необыкновенно толстыми колѣнями онъ напоминаетъ поднявшагося на заднія лапы медвѣдя. Только маленькіе, бѣгающіе глаза составляютъ контрастъ со всей его фигурой, которая, равно какъ широкое, плоское лицо, является вѣрнымъ отраженіемъ его души, не отличающейся ни живостью, ни особенной глубиной. Мальчики не любятъ Орла, онъ имъ платитъ тѣмъ же, не любитъ ихъ вполнѣ искренно. И та и другая стороны едва ли могутъ дать себѣ отчетъ въ причинѣ такого чувства, хотя знаютъ отлично о своей взаимной антипатіи. Отсюда даже вполнѣ справедливая двойка представляется ученикамъ неправдой, обидой, а, съ другой стороны, малѣйшее столкновеніе, наивный вопросъ либо не совсѣмъ простой отвѣтъ кажутся учителю подозрительными, наводятъ его на мысль объ издѣвательствѣ надъ нимъ. Между классомъ и его руководителемъ идетъ тихая, но неустанная борьба. На сторонѣ учителя то преимущество, что онъ можетъ сыпать двоекъ и единицъ, сколько вздумается; ученики съ своей стороны пускаютъ въ ходъ тысячи маленькихъ уколовъ, которыхъ нельзя подвести подъ тотъ или другой параграфъ дисциплинарной инструкціи, такъ какъ они неуловимы. Однимъ словомъ — родная, знакомая всѣмъ намъ картинка.

Начинается переэкзаменовка. Первымъ выходитъ Стась Кржицкій; онъ кажется наружно спокойнымъ, и только легкое подрагиваніе книжки, которую онъ держитъ въ рукахъ, обнаруживаетъ внутреннее волненіе. Положеніе вскорѣ выясняется съ роковою очевидностью, а plusquamperfectum отъ глагола sto окончательно добиваетъ Стася. «Довольно!» раздается голосъ учителя, и онъ беретъ въ руки перо, за движеніемъ котораго знакомый намъ Антекъ слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ, а черезъ минуту показываетъ несчастному другу два измазанные чернилами пальца. Двойка? «Да, навѣрняка», съ непоколебимой увѣренностью отвѣчаетъ Антекъ и выходитъ къ столу на смѣну сраженному незадачей коллегѣ.

Экзаменъ Антека такъ характеренъ для школьныхъ нравовъ, что его стоитъ описать. Мы видимъ уголокъ совсѣмъ особой дѣтской психологіи, выработавшейся подъ вліяніемъ школьныхъ аномалій, сотканной изъ лжи, хитрости, притворства и тому подобныхъ милыхъ качествъ. И удивительное дѣло: языкъ не поворачивается осуждать дитя за то, что оно прибѣгаетъ къ этимъ пріемамъ въ борьбѣ съ уродливостью школьныхъ порядковъ. Даже радуешься, что бойкій мальчуганъ не складываетъ оружія предъ мелькающей въ его глазахъ двойкой, а хочетъ выйти побѣдителемъ, пробуетъ противиться этому злу, если не насиліемъ, то хоть маленькими хитростями, которыя, говорятъ, на войнѣ въ укоръ не ставятся.

Антекъ чувствуетъ себя слабо подготовленнымъ и потому идетъ къ столу смѣло и увѣренно — такова его система, выработанная не только изъ ряда теоретическихъ посылокъ, но также на основаніи долгой практики. Вся дальнѣйшая тактика его отличается обдуманностью до мельчайшихъ подробностей. Латинскій текстъ онъ читаетъ быстро и громко, въ источный голосъ. Зато отвѣчаетъ медленно, пытливо смотритъ въ глаза Орлу и при малѣйшемъ признакѣ неудовольствія готовъ исправить lapsus linguae memoriaeque, ежеминутно повторяетъ: «то-есть, нѣтъ, я ошибся», кривя ротъ въ улыбку, долженствующую обозначать, что онъ самъ дивится, какъ съ его языка могла сорваться подобная несообразность. Благодаря такой манерѣ, «отвѣтъ» затягивается на долгое время, и учителю кажется, что онъ давалъ уже множество вопросовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ предложено было очень немного. При этомъ Антекъ заискивающей манерой обращенія съ учителемъ, почтительными просьбами о повтореніи вопроса, частыми паузами, вызванными путешествіями въ карманъ за носовымъ платкомъ и послѣдующими манипуляціями, выполняемыми съ добрымъ и похвальнымъ усердіемъ, такъ измучиваетъ Орла, что тотъ радъ уже отвязаться отъ него. Въ результатѣ вся эта система производитъ въ головѣ учителя такой хаосъ, что онъ не въ состояніи разобраться, оцѣнить по надлежащему познанія Антека и ставитъ ему послѣ маленькаго колебанія тройку, что и требовалось доказать.

Выходитъ, наконецъ, и Ясь Скальскій. Лицо его блѣдно, глаза полны того инстинктивнаго ужаса, какой приходится наблюдать у людей, моментально погруженныхъ въ холодную воду. Ясь подготовленъ хорошо, отвѣчаетъ какъ слѣдуетъ, счастливо преодолѣлъ supinum и gerundium, не далъ поймать себя на futurum отъ глагола eo. Роковымъ оказывается вопросъ Орла о значеніи слова nego; Ясь задумывается на минуту, нетерпѣливо копается въ своей памяти, но напрасно. Антекъ на его мѣстѣ успѣлъ бы уже десять значеній приписать этому слову и такъ или иначе вывернулся бы, но Яся дома воспитали въ томъ правилѣ, что лгать не хорошо, и онъ просто отвѣчаетъ: «Не знаю». Но тутъ въ его распаленномъ мозгу блеснула идея: ego значитъ я, поэтому nego значитъ «не-я»; онъ относитъ это слово къ разряду мѣстоименій и начинаетъ склонять «nego, nei, nihi, ne и ne...» Терпѣніе Орла истощается, и въ клѣткѣ вѣдомости противъ фамиліи Яся появляется колъ.

Итакъ, Ясь исключенъ изъ гимназіи.

Digitized by Google

Несчастная мать, тратившая на его образованіе послѣдніе гроши, добытые уроками музыки, летитъ въ гимназію, гдѣ засѣдаетъ педагогическій совѣтъ, чтобы упросить Орла поставить тройку. Напрасно—Орелъ непоколебимъ какъ пень, и мать на краю отчаянія. Но тутъ съ ней вступаетъ въ разговоръ другой педагогъ и начинаетъ доказывать, что, разсудивши хорошенько, можно даже порадоваться исключенію ея сына, котораго онъ считаетъ даровитѣйшимъ изъ своихъ учениковъ. Доводы, разсчеты и разсужденія этого педагога очень оригинальны. Мы передадимъ ихъ сущность.

Не велико счастіе, говоритъ онъ, учиться въ теперешней школѣ, которая приспособилась къ рыночнымъ вкусамъ публики и утратила видъ храма науки. Лучше взять для мальчика репетитора, который станетъ заниматься часъ въ день (а за это время ученикъ успѣетъ больше, чѣмъ въ классѣ за пять часовъ). Это обойдется дороже, допустимъ. Но нужно взять во вниманіе, что одинъ бѣднякъ получитъ средства къ жизни, а Ясь не будетъ принужденъ по пяти часовъ ежедневно дышать затхлымъ класснымъ воздухомъ, отравлять себѣ настроеніе двойками, обманывать учителей, лгать, изворачиваться, портить себѣ грудь, сердце и мозгъ! А это стоитъ дороже денегъ. Потомъ Ясь могъ бы заниматься и безъ репетитора, пользуясь только совѣтами доброжелательныхъ людей, которыхъ найти можно, а это пріучитъ его съ молодыхъ лѣтъ къ самодѣятельности. Далѣе, изъ платы репетитору нужно вычесть теперь ненужные расходы на обмундированіе, на покупку множества лишнихъ учебниковъ и на гонорары доктору, который теперь будетъ заглядывать навѣрное рѣже. Такимъ образомъ, Ясь можетъ приготовиться къ экзамену зрѣлости, не идя этапнымъ путемъ гимназической рутины. Конечно, эта маленькая бумажка—аттестатъ зрѣлости—необходима, равно какъ и другая, именуемая дипломомъ. Хотя, кто знаетъ, стоитъ ли игра свѣчъ? Конечно, не дипломированный Ясь можетъ будетъ имѣть нѣсколько меньше средствъ къ жизни, но зато, не изломанный ни духовно, ни физически, онъ — счастливецъ!—будетъ жить полной грудью своего существа и не позволитъ испортить или уничтожить ни одного элемента своей души. Яся же покоробившагося, зашибленнаго, препарированнаго по всѣмъ школьнымъ рецептамъ, жизнь будетъ точить и ѣсть, какъ ржавчина.

Такъ разсуждаетъ посѣдѣвшій на службѣ педагогъ. «Предупреждаю при этомъ,—продолжаетъ онъ,—что я не педагогъ,—хотя, быть можетъ, мнѣ и надлежало бы имъ быть. Но никогда я не старался объ этомъ и, мнѣ кажется, я правъ. Развѣ можетъ быть рѣчь о какомъ-нибудь воспитаніи съ нашей стороны, если я не имѣю ни малѣйшаго ручательства, что моя воспитательная система, которой я придерживаюсь въ теченіе отведеннаго мнѣ часа, не будетъ уничтожена, а, можетъ быть, и поругана тѣмъ, кто послѣ пятиминутнаго перерыва займетъ мое мѣсто на каѳедрѣ? Я поэтому и не ряжусь въ воспитатели, не читаю наставленій, надъ которыми—въ скобкахъ сказать—мальчуганы только посмѣиваются.»

Воспитываетъ мать и товарищеская скамья—и, къ счастію, вліяніе этой послѣдней всегда благотворно. «Въ теченіе десяти лѣтъ безъ очковъ, а другихъ десяти чрезъ очки смотрю я на жизнь,—говоритъ учитель,—и никогда еще не приходилось мнѣ встрѣчаться съ фактомъ, чтобы предводительствовалъ классомъ мальчикъ дурной и испорченный. И это вполнѣ понятно: даже въ обществѣ взрослыхъ людей зло невольно корчится въ присутствіи честности и благородства, безобразіе чувствуетъ себя обязаннымъ оправдываться передъ красотой, эгоизмъ не имѣетъ мужества выступить открыто и потому прячется подъ различными масками. Тѣмъ болѣе это должно наблюдаться въ дѣтскомъ мірѣ, который по природѣ своей имѣетъ больше насъ благородства.»

Много грустной правды въ рѣчахъ этого симпатичнаго учителя, и къ нимъ не мѣшаетъ прислушаться. Ободряющая нотка, которая звучитъ въ послѣдней тирадѣ, не закрываетъ всѣхъ ненормальностей въ школьномъ дѣлѣ. Если дѣтскій міръ такъ чистъ и благороденъ, то зачѣмъ человѣчество изобрѣло эти застѣночныя камеры, именуемыя школами, предназначенныя, повидимому, къ тому, чтобы вытравлять врожденныя добрыя качества и взамѣнъ ихъ ростить разную сорную траву?

Почаще бы беллетристика обращалась за сюжетами къ этой области, гдѣ столько назрѣвшихъ вопросовъ и кричащихъ коллизій: живой разсказъ рисуетъ намъ все это ярче, рельефнѣе, даже убѣдительнѣе, потому что здѣсь, какъ никакъ, мы слышимъ выстраданныя сердцемъ человѣческимъ мысли, а не искусственно-придуманные доводы, какъ въ публицистическомъ очеркѣ. А давно извѣстно, что verba docent, exempla trahunt.

Digitized by Google

Искусство въ примѣненіи къ цвѣтамъ.

«Цвѣты даритъ намъ природа, искусство же свиваетъ изъ нихъ вѣнки», сказалъ давно уже какой-то поэтъ. Но только въ наши дни вторая часть его фразы стала дѣйствительностью, только теперь плетеніе вѣнковъ, составленіе букетовъ, корзинъ и т. д. достигло такой художественности, что можетъ назваться искусствомъ. Въ прежнее время это занятіе было одной изъ отраслей садоводства и было неразрывно связано съ нимъ; теперь же оно — своего рода спеціальность, развивающаяся все самостоятельнѣе, часто не имѣющая ничего общаго съ садовыми заведеніями, а, напротивъ, породившая совершенно особую промышленность. Такъ, напримѣръ, теперь существуютъ садоводства, занимающіяся исключительно культурой и выгонкой цвѣтовъ для срѣзки; есть цвѣточные магазины, торгующіе исключительно и преимущественно зимой только срѣзанными цвѣтами, которые они выписываютъ изъ Голландіи, Франціи, Италіи и даже Америки; основались фабрики, изготовляющія весь необходимый вспомогательный матеріалъ для этого новаго современнаго искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что оно главнымъ образомъ обязано своимъ развитіемъ возврату всеобщаго вкуса ко всему естественному, натуральному. Съ тѣхъ поръ какъ проволока перестала быть вспомогательнымъ и, какъ прежде считалось, необходимымъ матеріаломъ при связкѣ цвѣтовъ, а стали употреблять преимущественно только цвѣты на длинныхъ природныхъ стебляхъ, съ тѣхъ поръ появились тѣ по истинѣ художественныя произведенія, которыми мы теперь любуемся въ витринахъ цвѣвочныхъ магазиновъ, украшаемъ въ торжественныхъ случаяхъ столы и комнаты и приносимъ какъ послѣдній знакъ любви или дружбы на могилы близкихъ и дорогихъ намъ людей. Чтобы понять, насколько современная манера составленія и связыванія букетовъ, вѣнковъ и т. д. отличается отъ прежняго, почти ремесленнаго отношенія и заслуживаетъ теперь вполнѣ названіе «искусства», нужно сказать нѣсколько словъ объ этомъ прежнемъ способѣ составленія, такъ называемыхъ, плоскихъ ручныхъ букетовъ и траурныхъ вѣнковъ, чѣмъ прежде обыкновенно и ограничивались садовники. Букеты обыкновенно составлялись такимъ образомъ: выбирался крупный, большею частью съ сильнымъ запахомъ, цвѣтокъ для центра букета и вокругъ этого центра располагались остальные цвѣты правильными кругами; каждый кругъ состоялъ изъ одного сорта цвѣтовъ, одинаковаго

Digitized by Google

цвѣта, плотно прижатыхъ другъ къ другу; и чѣмъ правильнѣе были эти круги, иные казались точно обведенными циркулемъ, тѣмъ красивѣе и изящнѣе считался букетъ; при этомъ еще слѣдуетъ упомянуть, что каждый цвѣтокъ, прежде чѣмъ его употребляли въ дѣло, прикрѣплялся къ деревянной палочкѣ. Можно себѣ представить, какая это была кропотливая работа и какую тяжесть представлялъ изъ себя такой букетъ. Съ замѣной деревянныхъ палочекъ проволокой открылась

Рис. 1. Букетъ для невѣсты.

какъ бы новая эра, и букеты, а также и вѣнки, стали болѣе легкими и изящными. Кромѣ того, легко сгибаемая, а потому и легко поддающаяся принятію разныхъ формъ проволока позволила придавать цвѣточнымъ произведеніямъ болѣе разнообразныя формы: появились лиры, подковы, корзины, подушки и даже гербы, составленные изъ цвѣтовъ на проволкѣ, но все еще плотно прижатыхъ другъ къ другу. И въ наше время продолжается еще такая манера связки цвѣтовъ; извѣстная часть публики любитъ такія произведенія и часто заказываетъ ихъ, но и въ нихъ теперь уже главную роль играетъ подборъ тоновъ и оттѣнковъ. Современные же художники-спеціалисты этого дѣла признаютъ только одно: цвѣты на длинныхъ природныхъ стебляхъ. Многія знаменитыя садовыя фирмы, какъ было выше сказано, занимаются исключительно культурой такихъ длинностебельныхъ цвѣтовъ и не только сортовъ растеній, цвѣтущихъ подъ открытымъ небомъ, но и всевозможныхъ тепличныхъ цвѣтовъ. Въ особенно приспособленныхъ оранжереяхъ культивируется и разсылается повсюду и во всякое время года масса рѣдкихъ орхидей на длинныхъ стебляхъ, а въ искусственныхъ бассейнахъ подъ стеклянными крышами выращиваются, подобно сказочнымъ цвѣтамъ, нимфеи (nymphaea—кувшинчикъ водяной) самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Когда на цвѣточномъ рынкѣ появляется новый сортъ какого-нибудь растенія чужеземнаго или мѣстное новаго развода, то лучшей рекомендаціей и лучшей гарантіей для вѣрнаго сбыта служитъ способность этого растенія производить цвѣты на длинныхъ стебляхъ и быть такимъ образомъ пригоднымъ матеріаломъ для современныхъ произведеній цвѣточнаго искусства. Благодаря этой все возрастающей модѣ на длинностебельные цвѣты, многія давно позабытыя кустарныя растенія, а также много скромныхъ однолѣтнихъ растеній, стали вновь культивироваться и пошли въ ходъ, такъ какъ не одни только дорогіе и рѣдкіе цвѣты употребляются современными спеціалистами этого дѣла. Хотя, безъ сомнѣнія, роскошныя орхидеи, причудливыя по формамъ лиліи, розы на почти аршинныхъ стебляхъ (особенно зимой), ландыши среди жаркаго лѣта или въ началѣ осени считаются очень цѣннымъ и желаемымъ матеріаломъ, но все же главное значеніе, главная, такъ сказать, художественная цѣнность такихъ произведеній заключается въ художественномъ расположеніи цвѣтовъ и листьевъ, въ красивомъ подборѣ и въ сочетаніи красокъ и тоновъ.

Умѣнье достигать художественныхъ эффектовъ самыми простыми средствами и есть то, что отличаетъ нынѣшнюю манеру отъ прежней и что заставляетъ признавать эти современные букеты, вѣнки и т. д. произведеніями совершенно новаго искусства. Это искусство все чаще и чаще употребляетъ для своихъ произведеній естественный матеріалъ, который ему въ такомъ изобиліи предлагаетъ природа; теперь съ успѣхомъ идутъ въ дѣло вѣтки лиственныхъ деревьевъ отъ самаго ярко-зеленаго оттѣнка до коричневыхъ листьевъ краснаго бука (Fagus silvatica) и темныхъ почти черныхъ вѣерообразныхъ вѣтвей горныхъ сосенъ. Особенно много такого пригоднаго матеріала

Digitized by Google

даетъ осень, когда подъ вліяніемъ лучей осенняго солнца листья вьющихся растеній, напримѣръ, ежевики, дикаго винограда и др., окрашиваются въ самые яркіе оттѣнки желтыхъ, коричневыхъ и кроваво-красныхъ цвѣтовъ, и эти листья по яркости, блеску и разнообразію колорита не менѣе эффектны въ букетахъ, вѣнкахъ и т. д., чѣмъ самые богатые по краскамъ цвѣты. Не менѣе пригоднымъ матеріаломъ въ особенности для вѣнковъ являются вѣтки всѣхъ породъ хвойныхъ деревъ, но надо много вкуса и умѣнья, чтобы составить изъ этихъ столь разнообразныхъ по оттѣнкамъ, формамъ и игламъ вѣтокъ съ прибавленіемъ шишекъ, жолудей, лѣсныхъ ягодъ тѣ красивые вѣнки, которые теперь такъ часто появляются въ продажѣ. Даже такіе, повидимому, мало красивые, почти уродливые сучки, покрытые серебристымъ мхомъ, часто попадающіеся въ нашихъ лѣсахъ, и тѣ, размѣщенные умѣлыми, искусными руками, занимаютъ въ этихъ вѣнкахъ почетное мѣсто и какъ бы дополняютъ общій эффектъ. Красиво составленный букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ всегда цѣнился любителями цвѣтовъ и особенно художниками, рисующими цвѣты. Современные спеціалисты цвѣточнаго искусства сумѣли придать и полевому букету болѣе художественности и какъ бы облагородили его тѣмъ, что употребляютъ при составленіи его огромные и колоритные цвѣты восточнаго мака, крупные васильки, культивируемые теперь въ садахъ, цвѣты репейника, чертополоха, дѣдовника, осоты и др.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ никто, даже садоводы не повѣрили бы, если бы имъ сказали, что можно довести культуру ландышей до такого прогресса, чтобы эти любимые многими за ихъ запахъ и особенно чистую бѣлизну цвѣты могли находиться въ продажѣ почти круглый годъ. Этого, однако, достигли посредствомъ примѣненія льда, задерживающаго на извѣстный и нужный срокъ цвѣтеніе или, вѣрнѣе, распусканіе ландышей. Гамбургъ главнымъ образомъ занимается выгонкой этихъ «ледяныхъ зародышей» (подъ этимъ именемъ извѣстны на цвѣточномъ рынкѣ ландыши, появляющіеся въ продажѣ лѣтомъ и осенью) и разсылаетъ милліоны ландышей по всѣмъ европейскимъ садоводствамъ. Всѣмъ почти извѣстно, до какого совершенства дошла за послѣдніе годы культура хризантемъ; ихъ цвѣты становятся все причудливѣе по формамъ, а оттѣнки все разнообразнѣе. Теперь же садоводы задались цѣлью достичь тѣхъ же результатовъ по отношенію къ георгинамъ, которыя до сихъ поръ считались исключительно осенними цвѣтами, красивыми по краскамъ, но не изящными по формѣ. Уже въ іюнѣ прошлаго года появились въ продажѣ георгины очень оригинальной формы, и въ недалекомъ будущемъ можно ожидать, что эти цвѣты перестанутъ быть рѣдкими явленіями, какими они до сихъ поръ были, во всѣ остальныя времена года.

Нѣтъ сомнѣнія, что развитію современнаго цвѣточнаго искусства также много содѣйствовала все возрастающая потребность общества украшать комнаты и обѣденные столы цвѣтами, дарить и подносить ихъ при каждомъ торжественномъ случаѣ,

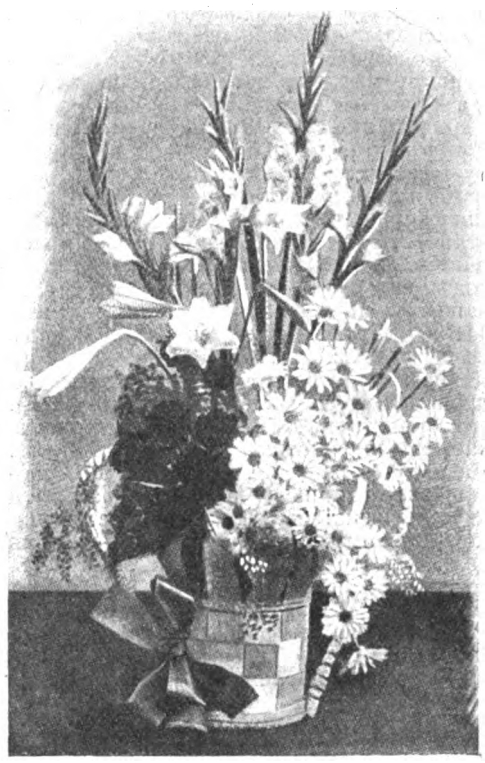


Рис. 2. Корзина съ цвѣтами новѣйшаго образца.

какъ-то: именины, помолвки, свадьбы, а въ особенности сильно распространившійся за послѣдніе годы обычай посылать вѣнки къ похоронамъ. Украшеніямъ столовъ для парадныхъ обѣдовъ или ужиновъ стараются теперь придавать возможно болѣе натуральный и изящный видъ. Для этого употребляютъ натуральныя вѣтки зелени, переплетая ихъ цвѣтами нѣжныхъ оттѣнковъ, но въ умѣренномъ количествѣ, избѣгая всего, что могло бы придать такимъ вѣткамъ тяжелый и неуклюжій видъ, и спускаютъ ихъ подобно натурально вьющимся растеніямъ съ люстры или лампы, висящихъ надъ столомъ, или же съ канделябръ и вазъ, стоящихъ посреди стола, протягиваютъ ихъ по столу,

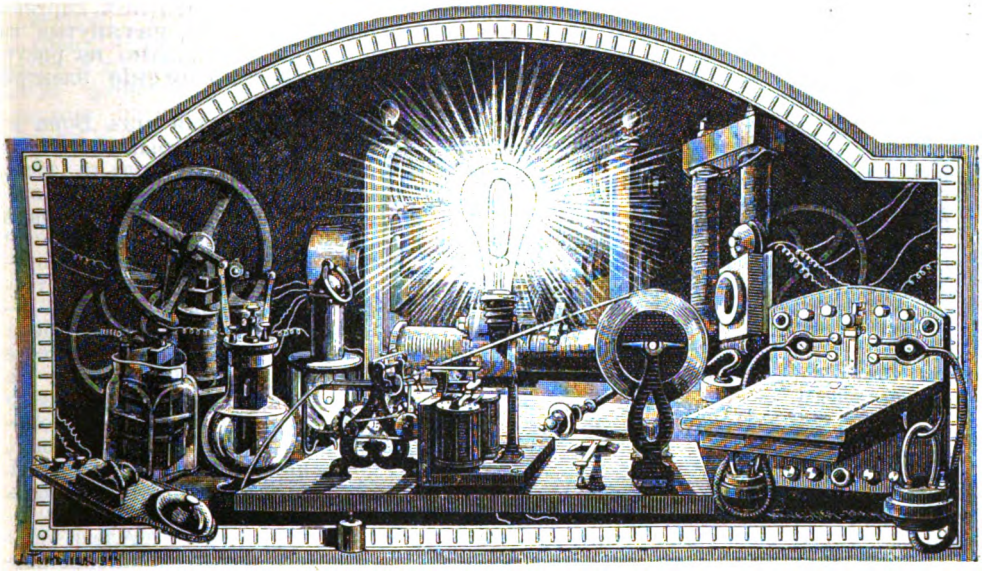
Digitized by Google

обвиваютъ углы и спускаютъ свободными причудливыми гирляндами по скатерти. Праздники цвѣтовъ на сушѣ или на водѣ требуютъ также массу цвѣтовъ и много вкуса для оригинальной отдѣлки лодокъ или экипажей. Владѣльцы самыхъ художественно и оригинально украшенныхъ экипажей и лодокъ получаютъ призы, да, кромѣ того, въ оригинальной рамкѣ цвѣтовъ лучше выдѣляются и женскіе туалеты и женскія лица. Эти праздники входятъ все больше и больше въ моду и сильно поощряютъ и поддерживаютъ цвѣточное искусство и цвѣточную торговлю.

Насколько современное цвѣточное искусство оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ доходнымъ промысломъ,—можно заключить изъ того, что за послѣдніе годы въ одномъ Берлинѣ число цвѣточныхъ магазиновъ дошло до 400. Большую часть всего требуемаго для Германіи количества срѣзанныхъ цвѣтовъ доставляютъ сами нѣмецкія садоводства, остальная же часть доставляется другими странами. Цифровыя данныя показываютъ, что за истекшій годъ въ Германію было ввезено срѣзанныхъ цвѣтовъ на почтенную сумму 4447000 марокъ, а растеній и луковицъ на 9353000 марокъ. Вывозъ же изъ Германіи въ другія государства также за прошлый годъ далъ слѣдующія цифры: срѣзанныхъ цвѣтовъ на 812000 марокъ, растеній и луковицъ на 3706000 марокъ. На ряду съ развитіемъ и усовершенствованіемъ цвѣточнаго искусства развился и усовершенствовался способъ перевозки и доставки живыхъ цвѣтовъ: изъ самыхъ дальнихъ странъ прибываютъ они теперь, не утрачивая ни свѣжести, ни запаха. Японцы переняли европейскую манеру и изготовляютъ теперь букеты, вѣнки, корзины и т. д. по образцамъ европейскихъ произведеній. Китайцы же вполнѣ еще сохранили свою оригинальную и своеобразную манеру, и нашимъ европейскимъ спеціалистамъ можно многому у нихъ поучиться въ этомъ дѣлѣ. Китаецъ умѣетъ эффектно пользоваться каждымъ цвѣткомъ въ отдѣльности и изъ одной вѣтки цвѣтовъ и нѣсколькихъ вѣтокъ разнообразныхъ папоротниковъ создаетъ художественный, изящный и легкій букетъ. Цвѣточныя выставки стараются поощрять и развивать вкусъ и умѣнье спеціалистовъ этого искусства, выдавая за болѣе художественные букеты, корзины, вѣнки и т. д. награды. Во Франціи даже вошло за послѣдніе годы въ обычай устраивать состязанія въ умѣньи связывать букеты. Принимающіе участіе въ такомъ состязаніи получаютъ одинаковое число цвѣтовъ, вѣтокъ папоротника и вереска, нѣсколько проволоки, нитки и ножницы. Снабженные такимъ матеріаломъ, они всѣ вмѣстѣ садятся за огромный столъ. Рядъ полотняныхъ щитовъ отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга и не позволяетъ видѣть, что дѣлаетъ сосѣдъ, и только судьи и публика могутъ наблюдать за ходомъ работы. Имъ дается десяти-минутный срокъ, и лучшія произведенія премируются выдачей преміи въ размѣрѣ 10 рублей.

Прилагаемые рисунки—фотографіи съ натуры — показываютъ намъ произведенія современнаго цвѣточнаго искусства. На рисункѣ № 1 изображенъ букетъ для невѣсты: онъ составленъ изъ бѣлыхъ розъ, ландышей, цвѣтовъ и вѣтокъ миртъ; красивое воздушное кружево окружаетъ цвѣты и спускается на бантъ изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ, какъ бы завершающій букетъ; вѣтка мирты вьется по лентѣ. № 2—корзина цвѣтовъ: темно-красныя розы и желтыя маргаритки красиво выдѣляются въ ней на фонѣ лилій и ярко-красныхъ гладіолей.

Digitized by Google



НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новости научной техники.

Устройство панорамы движущейся Сибирской желѣзной дороги на Парижской выставкѣ 1900 г.—Движущаяся стереорама.—Устройство мареорамы.—Плугъ для измельченія земли.—Круглый переносный рельсъ для трамваевъ, изобрѣтенный Изаромъ.—Фуникулярный трамвай для подъема на Монмартръ въ Парижѣ.—Машина для штемпелеванія писемъ.

1.

Парижская выставка текущаго года очень богата панорамами разнаго рода и сильно двинула впередъ искусство постановки этой отрасли общественныхъ развлеченій. Кромѣ движущейся панорамы Сибирской желѣзной дороги, въ Парижѣ выставлены еще: стереорама Франковича и Гадана, представляющая морское путешествіе по Алжирскому берегу, изъ Бона въ Оранъ; мареорама Гюго д'Алези, заставляющая зрителя испытывать всѣ прелести переѣзда изъ Виллафранки въ Константинополь, и, наконецъ, кинеорама Гримуэнъ-Сансона, дающая возможность, не сходя съ мѣста, совершить полетъ на воздушномъ шарѣ. Послѣдняя, впрочемъ, не удалась и закрыта.

Всѣ эти панорамы устроены различно и весьма остроумно. Сибирская дорога, напримѣръ, даетъ полную иллюзію настоящаго путешествія изъ Москвы въ Пекинъ, достигнутую слѣдующимъ образомъ (рис. 1). Въ огромномъ залѣ установленъ поѣздъ изъ трехъ вагоновъ интернаціональной компаніи, устроенныхъ со всею роскошью и удобствами, какихъ только можно требовать для вполнѣ комфортабельнаго путешествія. Поѣздъ этотъ неподвиженъ, но изъ его оконъ открывается видъ на четыре ряда декорацій, движущихся съ разной скоростью, что и обусловливаетъ иллюзію. На первомъ планѣ, около самыхъ вагоновъ, находится горизонтально лежащее подобіе второго пути, D, движущееся со скоростью трехсотъ метровъ въ минуту; за нимъ стоитъ низенькая декорація изгороди, C, движущаяся со скоростью ста двадцати метровъ въ минуту; потомъ идетъ немного болѣе высокая декорація B, представляющая деревья, кусты, дома, желѣзнодорожныя будки и проч.,—однимъ словомъ,

Digitized by Google

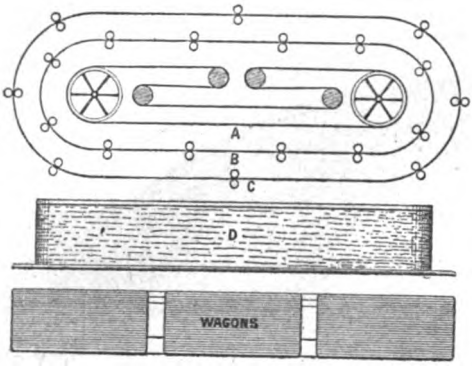


Рис. 1. Схема установки панорамы Сибирской желѣзной дороги на Парижской выставкѣ 1900 г.

первый планъ; она движется со скоростью сорока метровъ въ минуту; за нею, наконецъ, находится уже самая картина А, на которой написаны (схематически, разумѣется) мѣстности, по которымъ проходитъ желѣзная дорога. Скорость ея движенія всего только пять метровъ въ минуту; верхъ ея теряется подъ потолкомъ зданія и не виденъ. Такимъ образомъ, передъ зрителемъ, сидящимъ въ вагонѣ, проходятъ всѣ планы пейзажа, съ тѣми скоростями, какія имъ свойственны въ дѣйствительности, и иллюзія получалась бы совершенная, если бы устроители панорамы догадались придать еще и самому поѣзду тѣ дрожательныя и колебательныя движенія, которыя онъ испытываетъ въ пути, на самомъ дѣлѣ. Нечего и говорить, разумѣется, что всѣ картины суть безконечныя полосы, натянутыя на цилиндры (какъ это показано на рисункѣ) и приводимыя въ движеніе электричествомъ.

Стереорама путешествія изъ Бона въ Оранъ отличается отъ обыкновенныхъ панорамъ съ окошечками только тѣмъ, что въ ней картина написана на вращающемся цилиндрѣ (рис. 2), а первый планъ, на которомъ изображены морскія волны и суда, идущія въ разныхъ направленіяхъ,—на рядѣ расположенныхъ террасами пластинокъ, движущихся на колесикахъ по кругу. Будучи прекрасно исполненной, стереорама эта даетъ тоже полную иллюзію. Особенно хороша въ ней встрѣча съ эскадрой Средиземнаго моря (рис. 3), на которой дымъ пароходовъ производитъ впечатлѣніе настоящаго, такъ какъ написанъ на цѣломъ рядѣ стоящихъ другъ за другомъ стеклянныхъ пластинокъ.

Устройство мареорамы д'Алези еще сложнѣе. Въ ней, кромѣ движенія картинъ, и самъ зритель, помѣщенный на точной копіи съ палубы большого парохода, тоже движется. Палуба эта, подвѣшенная на двухъ, перпендикулярныхъ другъ къ другу осяхъ (какъ это дѣлается съ компасами на судахъ), качается въ бассейнѣ, наполненномъ настоящей водою, изъ которой и состоитъ первый планъ. А на второмъ планѣ, по обѣимъ сторонамъ палубы, развертываются двѣ громадныхъ (750 метровъ—болѣе полуверсты—длины и 10 метровъ высоты) картины, представляющія все то, что туристъ встрѣчаетъ на пути отъ Виллафранки до Константинополя. На переднемъ и заднемъ концахъ палубы картины, изъ коихъ каждая навернута на два громадныхъ цилиндра, сходятся. Вся трудность устройства состояла въ поддержаніи громаднаго вѣса картинъ. Каждая изъ нихъ снабжена для этого по верхнему своему краю крюками (рис. 4), идущими по рельсу, а при переходѣ на цилиндры, крюки эти автоматически цѣпляются за гвозди, размѣщенные винтообразно по коническому концу цилиндровъ. Для того, чтобы цѣпляніе это совершалось правильно, снизу вверхъ, цилиндры нижнимъ своимъ концомъ стоятъ на поплавкахъ F, погружающихся въ воду сосуда B, по мѣрѣ увеличенія сво-

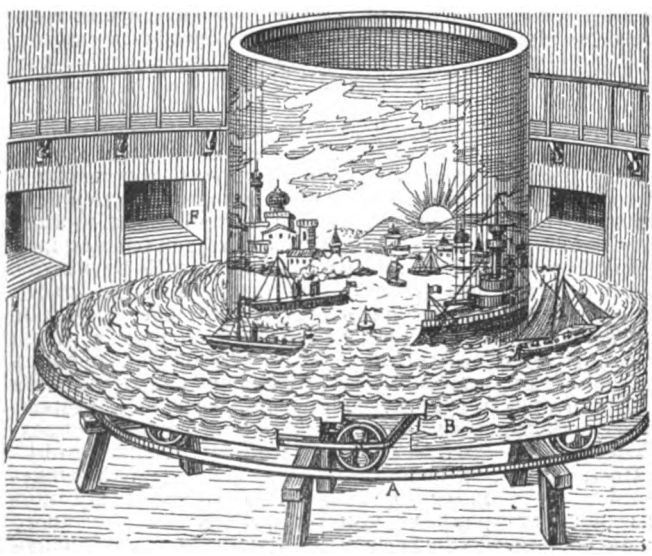


Рис. 2. Движущаяся стереорама на Парижской выставкѣ 1900 г.

Digitized by Google

его вѣса навертывающейся картиной. Вся махинація приводится въ движеніе электрическими двигателями М.

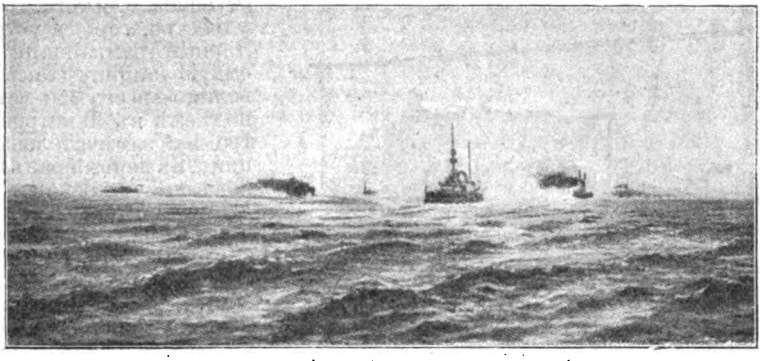


Рис. 3. Одинъ изъ видовъ стереорамы: встрѣча эскадры Средиземнаго моря.

2.

Обиліе различныхъ типовъ сельско-хозяйственныхъ машинъ не мѣшаетъ отъ времени до времени появляться новымъ. На Парижской выставкѣ въ турецкомъ отдѣлѣ выставленъ теперь особаго рода плугъ, изобрѣтенный Богосъ-Нубаръ-пашой съ цѣлью не только глубоко захватывать землю, но и довести до возможнаго совершенства ея измельченіе. Дѣло въ томъ, что извѣстный химикъ-агрономъ Дэгэренъ приписываетъ плохому измельченію почвы необходимость прибавлять къ ней неорганическія азотистыя соединенія — нитраты. Онъ говоритъ, что если бы почва была въ надлежащей степени провѣтриваема, то всегда заключающійся въ ней, въ видѣ инертныхъ соединеній, достаточный запасъ азота былъ бы, при дѣйствіи кислорода воздуха превращаемъ въ удобоусвояемую растеніями форму. Плугъ Нубаръ-паши (рис. 5) назначенъ для того, чтобы служить именно этой цѣли. Онъ состоитъ изъ повозки съ электрическимъ двигателемъ, передъ которою, на горизонтальныхъ осяхъ, помѣщены три большихъ колеса, вращающихся въ плоскости, перпендикулярной движенію повозки. Ободья этихъ колесъ снабжены большими ножами, при ходѣ машины погружающимися въ почву, выворачивающими и размельчающими ее елико возможно. Повозка можетъ быть передвигаема, конечно, и локомотивомъ, и аккумуляторами, и токомъ, передаваемымъ по проволокѣ. На рисункѣ изображенъ послѣдній способъ: при помощи бѣгуна Т, ходящаго по проволокѣ L, токъ передается двигателю повозки М, а также и круговымъ плугамъ S, S, S.

3.

Необходимость строить путь и класть рельсы для трамваевъ значительно увеличиваетъ ихъ стоимость, а, стало быть, и сужаетъ эксплоатацію. Поэтому давно уже дѣлались попытки устроить такой трамвай, который самъ бы прокладывалъ для себя рельсы, а послѣ прохода вновь снималъ ихъ, для того, чтобы проложить дальше. До сихъ поръ эти попытки не удавались вслѣдствіе большой тяжести такихъ съемныхъ рельсовъ, скорой ихъ изнашиваемости и неуклюжему виду. Въ настоящее время нѣкто Изаръ изобрѣлъ приспособленіе, которое, можетъ быть, имѣетъ будущность. Сущность этого приспособленія состоитъ въ томъ, что пере-

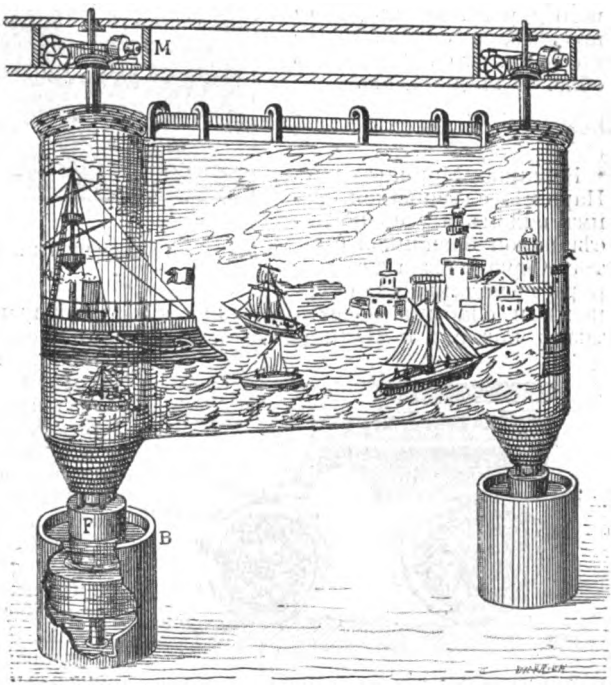


Рис. 4. Устройство мареорамы на Парижской выставкѣ 1900 г.

Digitized by Google

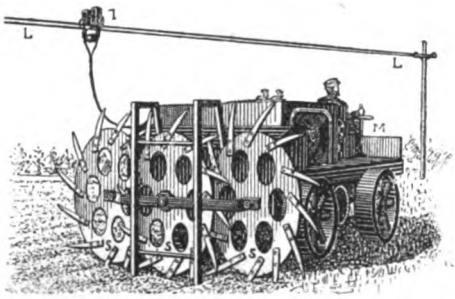


Рис. 5. Плугъ для измельченія земли. На Парижской выставкѣ 1900 г.

носные рельсы, вмѣсто того, чтобы быть прямыми и соединяться другъ съ другомъ шарниромъ, какъ дѣлалось до сихъ поръ, слиты въ одно колесо, гораздо большаго діаметра, чѣмъ колеса экипажа, и надѣтое на это послѣднее такимъ образомъ, что прикасается къ нему постоянно только одною своей нижней частью, какъ это видно на рис. 6. Значитъ, на ходу, внѣшнее колесо или, лучше сказать, круглый переносный рельсъ подстилается подъ колесо внутреннее, сглаживая для него дорогу, то-есть дѣлая подъемы и спуски менѣе крутыми, что значительно облегчаетъ движеніе.

4.

Вершина Монмартра въ Парижѣ, славящаяся своимъ видомъ и усердно посѣщаемой базиликой Святого Сердца, была до сихъ поръ недоступна для больныхъ и слабыхъ людей, благодаря крутизнѣ подъема и лѣстницамъ въ двѣсти ступеней. Для того, чтобы устранить это неудобство, городъ устроилъ туда фуникулярный трамвай или, лучше сказать, подъемную машину (такъ какъ разстояніе не велико—всего 150 метровъ въ длину, при подъемѣ въ 40 метровъ). Машина эта или трамвай замѣчательны, однако же, по принципу, въ первый разъ примѣненному. Вотъ какъ она устроена: по двумъ путямъ (рис. 7) движутся два вагончика, одинъ вверхъ, другой внизъ, поперемѣнно; но особаго двигателя у нихъ нѣтъ, такъ какъ они связаны другъ съ другомъ цѣпью, на верхнемъ концѣ пути переходящей черезъ блокъ. Для того, чтобы движеніе совершалось, спускающійся вагонъ долженъ быть тяжелѣе поднимающагося, а такъ какъ количество пассажировъ нельзя ограничивать такимъ образомъ, чтобы въ первомъ ихъ было больше, чѣмъ въ послѣднемъ, то каждый вагончикъ снабженъ

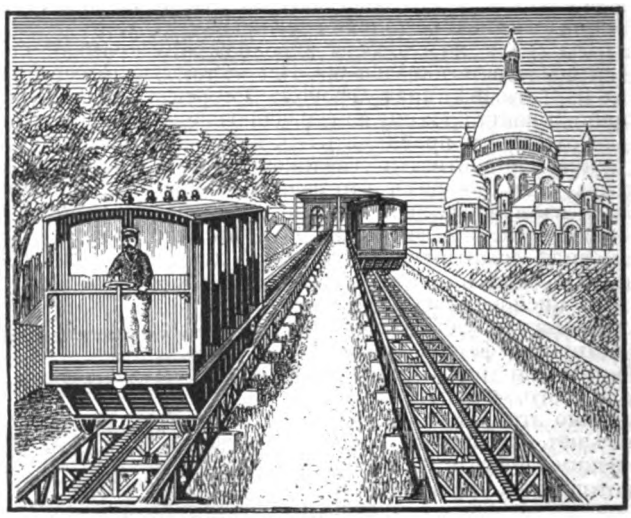


Рис. 7. Фуникулярный трамвай для подъема на Монмартръ.

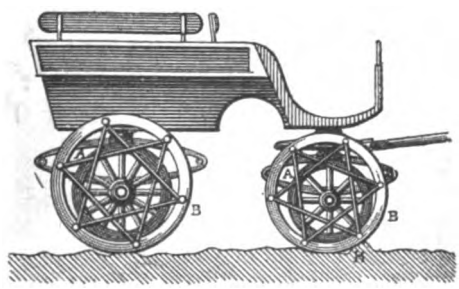


Рис. 6. Круглый переносный рельсъ Изара.

резервуаромъ, который при спускѣ наполняется водою, а при поднятіи опоражнивается. Въ каждомъ резервуарѣ помѣщается до 5000 литровъ или килограммовъ воды—количество, соотвѣтствующее вѣсу десяти человѣкъ, то-есть полному грузу вагона. Верхняя станція снабжается водою изъ городского водопровода, находящагося по близости. Передъ спускомъ вагона кондуктору даютъ знать сигналами, сколько пассажировъ сѣло въ вагонъ поднимающійся; зная количество сѣвшихъ въ вагонъ спускающійся, кондукторъ дополняетъ недостающій вѣсъ водою изъ крана, а спустившись внизъ (и поднявъ, слѣдовательно, другой вагонъ кверху), онъ выпускаетъ эту воду въ канализаціонныя трубы, предназначенныя для по-

Digitized by Google

ливки улицъ. Если въ поднимающемся вагонѣ гораздо меньше пассажировъ, чѣмъ въ спускающемся, то кондукторъ перваго не выпускаетъ всей воды изъ резервуара для того, чтобы движеніе не было слишкомъ стремительно, а также на случай разрыва кабеля вагончики снабжены автоматическими регуляторами движенія, дѣйствующими съ помощью центробѣжной силы. Просто, удобно и дешево.

5.

Извѣстно, что почты въ наше время завалены работою, постоянно прибавляющейся. Одну изъ важныхъ и кропотливыхъ частей этой работы составляетъ необходимость штемпелевать письма, то-есть уничтожать на нихъ марки, ставить даты отправленія и прибытія письма. До сихъ поръ это дѣлалось отъ руки и занимало много времени, между тѣмъ отказаться отъ штемпелеванія невозможно, такъ какъ почтовый штемпель въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ только служитъ доказательствомъ, фигурирующимъ на судѣ. Давно уже поэтому почтовымъ вѣдомствомъ дѣлались попытки замѣнить ручное штемпелеваніе писемъ машиннымъ. Теперь эти попытки удались, и въ парижскомъ почтамтѣ установлена уже машина, штемпелюющая автоматически, втрое скорѣе (200 писемъ въ минуту) и лучше, чѣмъ прежде это дѣлалось руками. Машина (рис. 8) состоитъ изъ стального цилиндра Т, быстро вращающагося на вертикальной оси, такого же маленькаго цилиндрика Е и безконечнаго ремня С. На бокахъ цилиндра Т находится выпуклый штемпель съ датой и надлежащей надписью, а кромѣ того изображеніе національнаго флага; цилиндрикъ Е снабженъ подушечкой для смазыванія штемпеля чернилами и запасомъ этихъ послѣднихъ; безконечный ремень имѣетъ гнѣзда, приспособленныя такимъ образомъ, что каждое письмо попадаетъ подъ штемпель въ опредѣленномъ мѣстѣ своей поверхности. Дѣло чиновника состоитъ только въ томъ, чтобы подкладывать письма въ машину извѣстной стороною, а затѣмъ уже они сами штемпелюются и укладываются въ порядкѣ, какъ это видно на рисункѣ. Такая машина не можетъ штемпелевать только тѣ письма, у которыхъ марка наложена на обратной сторонѣ письма (не на той, гдѣ пишется адресъ). На нихъ приходится накладывать штемпель отъ руки. Если машина войдетъ во всеобщее употребленіе, то публику должно обязать накладывать марки на заранѣе опредѣленное мѣсто. Притомъ и конверты должны быть приблизительно одинаковой величины. А такъ какъ пріучить публику ко всему этому довольно трудно, то явилось предположеніе обходиться совсѣмъ безъ марокъ: ящики могутъ быть устроены такъ, что щель ихъ открывается только по опусканіи монетки опредѣленной цѣнности, зависящей отъ вѣса самаго письма. Тогда марокъ класть не нужно, и письма будутъ штемпелеваться на любомъ мѣстѣ конверта, что очень ускоритъ работу.

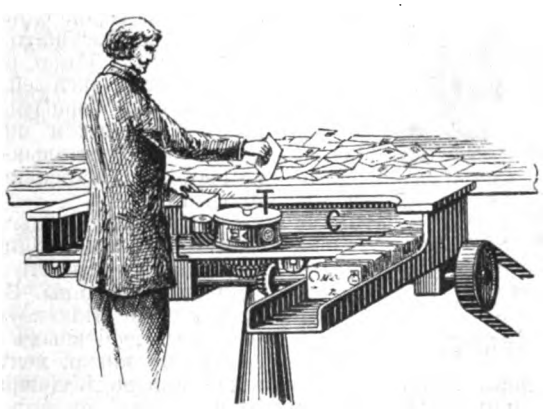


Рис. 8. Машина для штемпелеванія писемъ.

Digitized by Google

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Сада Іакко.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ кружкахъ парижскихъ художниковъ пробудился большой интересъ къ произведеніямъ японскаго искусства, которыя вызвали прямо цѣлый переворотъ въ манерѣ живописи. Безусловная простота японскихъ пейзажей и спокойствіе, проникнутое настроеніемъ, приковывали къ нимъ зрителя. Нѣжные тона красокъ, наложенныхъ одинъ около другого въ легкихъ постепенныхъ переходахъ, свидѣтельствовали о высокохудожественномъ чувствѣ. Французскіе художники шестидесятыхъ годовъ съ полнымъ основаніемъ усмотрѣли въ этихъ весеннихъ настроеніяхъ, залитыхъ солнцемъ,—гдѣ стройные стволы обвѣвались мягкимъ голубымъ воздухомъ, бѣлый свѣтъ искрился по розовымъ цвѣтамъ и шумящіе потоки струились по сочнымъ лугамъ, блиставшимъ яркой молодой травой,—откровенія изысканнаго вкуса, выраженія тончайшаго созерцанія природы. Въ настоящее время Парижъ снова заколдованъ чарами японскаго искусства. Въ изящномъ, художественно отдѣланномъ театрѣ Loie Fuller на Парижской выставкѣ каждый вечеръ играетъ японская труппа актеровъ, въ которой единственной представительницей женскаго пола является прелестная Сада Іакко, приводящая въ восторгъ всѣхъ зрителей нѣжной шаловливостью въ любовныхъ сценахъ, въ которыхъ проявляется очаровательная прелесть, обольстительное кокетство и яркая веселость маленькой впечатлительной японки.

Съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивается публика къ дикимъ выраженіямъ страданія и ревности покинутой возлюбленнымъ женщины. Въ послѣдней части драмы Сада Іакко неузнаваема. Во время нѣжныхъ любовныхъ сценъ черты лица ея дѣтски мягки, мечтательно кротки. И вотъ, при видѣ соперницы, на томъ же лицѣ горятъ демоническая ненависть и бѣшеная ярость. Самый сильный, глубоко потрясающій моментъ—это ея кончина, когда прелестная Сада Іакко,—маленькое нѣжное тѣло которой дрожитъ въ конвульсіяхъ отъ чрезмѣрнаго душевнаго волненія,—въ смертельномъ изнеможеніи падаетъ и испускаетъ послѣднее

Digitized by Google

дыханіе молодой, преисполненной горячей любви жизни на рукахъ страстно любимаго человѣка.

Едва ли это будетъ преувеличеніе, если ея представленія поставить на ряду съ игрой Дузе и Сары Бернаръ: настолько правдива ея игра, настолько она полна страсти и огня, что, судя по ней, можно было допустить высокій расцвѣтъ японскаго драматическаго искусства и богатую школу хорошихъ японскихъ артистокъ. На самомъ же дѣлѣ число дѣйствительно выдающихся японскихъ артистовъ крайне ограниченное, артистокъ же въ царствѣ Микадо до сихъ поръ совсѣмъ не было. Мальчики съ ранней юности воспитываются въ томъ направленіи, чтобы впослѣдствіи они могли исполнять женскія роли въ театральныхъ пьесахъ. Ихъ одѣваютъ дѣвочками, дѣлаютъ прически, причемъ женскій костюмъ они сохраняютъ и впослѣдствіи. Такимъ образомъ, Сада Іакко является первой японской артисткой. Высокое ея дарованіе и страстный темпераментъ одержали верхъ надъ предразсудками ея родины. Вскорѣ талантъ ея былъ признанъ также и за границей, и она сдѣлалась знаменитостью. Подобно тому какъ она очаровывала американцевъ, такъ теперь приводитъ въ восхищеніе всѣхъ посѣтителей Парижской выставки. Но и на родинѣ будетъ она играть, благодаря ходатайству англійской королевы. Очарованная ея игрой, королева Викторія спросила, какой милостью она можетъ наградить ее. И Сада Іакко попросила о ходатайствѣ королевы передъ Микадо о разрѣшеніи играть ей на сценѣ также и на родинѣ. И королева англійская выхлопотала артисткѣ такое разрѣшеніе.

Гастролирующая теперь въ Парижѣ японская труппа состоитъ изъ четырнадцати членовъ подъ управленіемъ прекраснаго артиста Otojiro Kawakami, — мужа Сада Іакко. Пьеса, въ которой артистка пользуется такимъ успѣхомъ, представляетъ два дѣйствія и называется «Гейша и рыцарь».

Сада Іакко.

Барнай о «любимцѣ публики».

Знаменитый артистъ Людвигъ Барнай напечаталъ въ октябрьской книжкѣ «Deutsche Revue» статью подъ заглавіемъ «Мѣстная знаменитость», или «Любимецъ публики». Мѣстная знаменитость это актеръ, который «никогда еще не совершалъ никакого турнэ», постоянно выступалъ передъ одной и той же публикой и у нея снискалъ себѣ успѣхъ. Въ большинствѣ случаевъ такая «мѣстная знаменитость», появившись за много-много лѣтъ на той сценѣ, которой ей суждено посвятить всю жизнь, приноситъ съ собой молодость, красивую наружность, выразительные глаза, граціозную фигуру, звучный голосъ, плюсъ многообѣщающій талантъ,— какъ въ высшей степени важныя условія,—и театральная дирекція, публика и печать радостно привѣтствовали молодого артиста, будущность котораго представляла «лучшія надежды». Угловатость, поверхностность и недостаточное усердіе не пугаютъ обыкновенно цѣнителей: «Подъ нашимъ тщательнымъ направленіемъ его», онъ-де избавится отъ всѣхъ своихъ недостатковъ,—полагаютъ они. А что касается трудолюбія, то—Боже мой!—вѣдь извѣстно, какъ это бываетъ съ молодежью, да еще въ провинціи! (Каждая сцена непремѣнно считаетъ меньшій театръ «провинціей»). Тамъ вѣдь у артиста не было никакого побужденія, никакого образца передъ глазами! У насъ же дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Вотъ увидите, какъ разовьется этотъ талантъ «подъ руководствомъ нашей художественной публики!» Его какъ разъ пригласятъ во дворецъ или въ Берлинъ, и когда онъ тамъ пріобрѣтетъ себѣ славу знаменитаго артиста,—тогда мы съ гордостью можемъ сказать: «Онъ былъ нашимъ». Тѣмъ временемъ молодежь сглаживаетъ всѣ промахи и недостатки талантливаго дебютанта, которому всѣ льстятъ, въ особенности дамы и барышни. Будущее величіе молодого артиста дисконтируется горячими одобреніями при каждомъ его вы-

Digitized by Google

ступленіи, которыя переходятъ въ шумныя оваціи при малѣйшей оппозиціи со стороны болѣе критически настроенныхъ умовъ. Молодыя дѣвушки преслѣдуютъ артиста влюбленными взорами при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ, ему пишутъ—въ большинствѣ анонимно — восторженныя или любовныя письма, покупаютъ его портреты во всевозможныхъ позахъ, его именемъ называютъ галстуки, блузы и шляпы, при торжественныхъ обѣдахъ интересный молодой человѣкъ фигурируетъ въ видѣ «художественнаго обѣденнаго украшенія». Сценическую его дѣятельность осыпаютъ цвѣтами и лаврами въ самыхъ причудливыхъ формахъ и размѣрахъ. «Цвѣты, и больше ничего, кромѣ цвѣтовъ»,—въ одинъ прекрасный день заявляетъ онъ директору, и послѣдній спѣшитъ значительно возвысить гонораръ étoile'я, чтобы поддержать доброе настроеніе въ «любимцѣ публики». Между тѣмъ со временемъ публика и даже критика даннаго города до такой степени свыкается съ недостатками своего любимца, что перестаетъ ихъ замѣчать и въ своемъ увлеченіи его достоинствами ихъ только и видитъ. Мало-по-малу любимецъ старѣетъ, но для данной сцены онъ все же остается «многообѣщающимъ талантомъ». Я самъ слышалъ, какъ сорока и пятидесятилѣтнихъ артистовъ подводили подъ рубрику «многообѣщающихъ талантовъ». Чортъ ихъ побери, если они не выполнятъ когда-нибудь, наконецъ, этихъ «великихъ обѣщаній»! Само собой разумѣется, что подобная «мѣстная знаменитость» не рѣшится на гастролированіе гдѣ-нибудь и претензію стяжать себѣ славу «виртуоза». Въ большинствѣ случаевъ, такой актеръ сознаетъ мощь пущенныхъ имъ корней и недостаточность собственныхъ силъ. Чего ради рисковать ему обезпеченнымъ расположеніемъ публики и успѣхомъ на родной сценѣ въ погонѣ за весьма сомнительными лаврами на чужбинѣ? Въ разгаръ своей славы на родинѣ онъ единый разокъ еще попробовалъ пошире развернуть крылья. Въ одномъ большомъ городѣ на придворную сцену потребовался артистъ на его амплуа, и вотъ онъ рѣшился испробовать свои силы. Но, къ удивленію, успѣха тамъ не имѣлъ, его нашли слабымъ, неуклюжимъ, провинціаломъ и манернымъ и въ виду всего этого не пригласили. «Почему?» спрашиваютъ. Ну, конечно, виноваты интриги и враждебная пресса, за которой онъ, видите ли, мало увивался, да и явно подкупленная и пристрастная клика помѣшала ему... А такъ какъ онъ не можетъ жить безъ своего любезнаго города Z., то онъ и отклонилъ ангажементъ въ «придворную лавочку» и съ радостью вернется туда, гдѣ его «понимаютъ».

Такимъ образомъ, мало-по-малу онъ старѣетъ и много лѣтъ спустя переходитъ на амплуа болѣе почтеннаго возраста, т.-е. изъ ролей юныхъ любовниковъ наиболѣе юныя мало-по-малу передаетъ другимъ, замѣняя ихъ благодарнымъ амплуа отцовъ. Никто и не задается вопросомъ, есть ли у него способности къ этой новой художественной сферѣ. Для молодыхъ ролей, видите ли, онъ устарѣлъ, а, между тѣмъ, надо же дать ему дѣло на этой сценѣ послѣ долгой «славной и заслуженной дѣятельности». Ибо горе той дирекціи, которая осмѣлилась бы отпустить или посадить на пенсію артиста, такъ долго пользовавшагося симпатіей публики, чтобы замѣнить его новой и талантливой артистической силой. Такую дирекцію назвали бы безбожной и жестокосердой. Къ тому же за многіе годы артистъ сдѣлался любимымъ членомъ въ обществѣ, всегда былъ, что называется, «милымъ человѣкомъ», всегда готовымъ продекламировать послѣ десерта въ салонѣ какой-нибудь графини или г-жи коммерціи-совѣтницы или же разсказать анекдотъ въ курительной комнатѣ. Такимъ образомъ, образовался кружокъ личныхъ его почитателей и друзей, всегда готовыхъ взамѣнъ сценическихъ его недочетовъ записать ему на кредитъ симпатіи свои къ его личности.

И вотъ, всякій посторонній посѣтитель этого театра, при видѣ успѣха подобнаго «мѣстнаго любимца» и оказываемыхъ ему шумныхъ овацій, будетъ удивленно оглядываться вокругъ или помирать со смѣху, когда услышитъ въ фойе восторженныя восклицанія по поводу «удивительной» игры, ибо для этого посѣтителя невѣдомы заслуги артиста за прошлые годы и мѣстныя отношенія съ нимъ въ настоящее время. Передъ его глазами стоитъ лишь слабая, шероховатая игра посѣдѣвшаго таланта, котораго онъ не можетъ признать, но который для мѣстныхъ жителей есть и останется «любимцемъ публики».

Digitized by Google

Солнце и температура.

(Статья Камилла Фламмаріона).

Мы давно уже выставили въ обсерваторіи въ Жювизи различно окрашенные термометры, укрѣпивъ ихъ подъ прямымъ угломъ къ направленію солнечныхъ лучей, чтобы опредѣлить, до какой наивысшей температуры нагрѣваются предметы на солнцепекѣ. Другіе термометры показываютъ въ то же время температуру почвы на различныхъ глубинахъ, температуру воздуха, водныхъ бассейновъ, деревьевъ и т. д. 25 іюля нынѣшняго года въ три часа дня мы наблюдали слѣдующую достойную вниманія серію: въ черномъ термометрѣ ртуть поднялась на 69,5° Цельсія, индиговый термометръ показывалъ 68,5°, голубой 67°,0, фіолетовый 65,8°, красный 63,5°, зеленый 63,0°, оранжевый 62,0°, желтый 61,°0, бѣлый 53°,1, песчаная почва на поверхности 44°,4, почва на глубинѣ 0,10 метра 43°,1, воздухъ въ тѣни 33°,5, почва на глубинѣ 0,50 метра 24°,6, колодезь на глубинѣ 13 метровъ 12°,0.

Температура подземныхъ водъ на глубинѣ 13 метровъ довольно постоянна для всѣхъ мѣсяцевъ года и разнится лѣтомъ и зимою всего на нѣсколько десятыхъ долей градуса. Она можетъ служить основой для сравненій, превышая приблизительно на одинъ градусъ среднюю температуру воздуха въ тѣни.

Указанная выше серія никогда раньше не наблюдалась, и, мнѣ кажется, ее и нельзя часто наблюдать. Іюль 1900 года можно считать однимъ изъ самыхъ жаркихъ мѣсяцевъ за все истекающее столѣтіе. Температура поднималась до 34°, 35°, 36°, 37° и 38°, при средней дневной температурѣ въ 28°.

Я всегда полагалъ, что существуетъ прямое и постоянное соотношеніе между климатологіей и состояніемъ дѣятельности Солнца; но я признаю, что это положеніе еще не обосновано и не разъ еще оно будетъ сталкиваться съ видимымъ противорѣчіемъ. То же самое было лѣтъ тридцать тому назадъ, когда во Франціи я одинъ утверждалъ существованіе взаимной связи между пятнами на Солнцѣ и земнымъ магнетизмомъ. Теперь это принято всѣми астрономами. Въ наукѣ уступаютъ только передъ очевидностью, и поступающіе такъ вполнѣ правы.

И вотъ, очевидность, доказанная теперь относительно безусловной параллельности колебаній земного магнетизма и колебаній въ дѣятельности Солнца, далеко еще не доказана относительно климатологіи, и, быть можетъ, на это доказательство уйдетъ полъ-столѣтія. Но время не мѣняетъ дѣла, какъ говоритъ Альцестъ.

Теперешнее состояніе Солнца, повидимому, противорѣчитъ этому принципу соотношенія между горниломъ Солнца и нашей маленькой планетой, такъ какъ мы находимся въ періодѣ не максимума, а, напротивъ, наименьшаго количества солнечныхъ пятенъ. Я напрасно искалъ крупнаго пятна на солнечномъ дискѣ; нашлось только одно довольно посредственной величины и въ общемъ незначительное пятнышко. Тѣмъ не менѣе, очень широкіе факелы (свѣтлыя, легко окрашенныя, блестящія пятна) на очень большомъ пространствѣ окружали это пятно и занимали обширную площадь, зернистость фотосферы была вездѣ сильно обозначена. Солнечный шаръ былъ далеко не спокоенъ. Онъ, вѣроятно, разбрасывалъ по сторонамъ исполинскіе, грозные столбы пламени.

Digitized by Google

Только-что пережитый нами періодъ жаровъ не обязанъ, повидимому, своимъ наступленіемъ какой-либо мѣстной, земной причинѣ, такъ какъ жары ощущались не только въ Англіи въ той же степени, какъ во Франціи, но перешли еще черезъ весь Атлантическій океанъ въ Соединенные Штаты. Тѣмъ не менѣе, это все только часть Земного Шара.

Метеорологія получитъ прочное основаніе и станетъ положительной наукой, достойной своей старшей сестры—астрономіи, только послѣ учрежденія центральной обсерваторіи, которая бы изо дня въ день объединяла наблюденія, дѣлаемыя на всемъ протяженіи Земного Шара. Этотъ грандіозный проектъ начинаетъ уже осуществляться моимъ неутомимымъ другомъ, L. Cruls, директоромъ обсерваторіи въ Ріо-де-Жанейро. Всѣ народы должны бы быть одушевлены желаніемъ содѣйствовать его полному осуществленію. Нужно знать, что́ происходитъ на всей поверхности Земного Шара. Кто знаетъ, не были ли наши тропическія жары уравновѣшены холодами или дождями въ Австраліи или въ Патагоніи? Наши метеорологическія оцѣнки, наши выводы, наши изысканія по необходимости отличаются неполнотой и недостаточностью и очень и очень относительны.

Но, опять повторяю, кажется, Солнцу принадлежитъ рѣшающій голосъ въ этомъ вопросѣ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ двадцати замѣтенъ довольно строгій параллелизмъ между состояніемъ Солнца и температурами, опредѣляемыми не только термометромъ, но и по различнымъ явленіямъ природы, какъ временемъ распусканія и цвѣтенія деревьевъ, возвращенія перелетныхъ птицъ, прилета ласточекъ, пѣнія соловья. Этотъ годъ составляетъ, повидимому, исключеніе. Однако настойчивый изслѣдователь, инженеръ Дюпоншель, проведя сравненія далѣе, нежели я посмѣлъ бы сдѣлать, такъ какъ я не считалъ возможнымъ признавать вліяніе планетъ, прислалъ мнѣ съ мѣсяцъ тому назадъ спеціальное изслѣдованіе, въ которомъ, онъ кромѣ Солнца (которымъ я считалъ необходимымъ ограничиться), остановилъ свое вниманіе на положеніяхъ Юпитера, Меркурія и Венеры. Какъ результатъ этого изслѣдованія явилась слѣдующая написанная имъ пророческая фраза: «Въ 1900 году слѣдуетъ ожидать жаровъ, превышающихъ общую среднюю на 0°,7; особенно замѣчателенъ будетъ очень жаркій іюль, когда температура превыситъ приблизительно на 2° нормальную среднюю.» Вотъ исполнившееся предсказаніе, и я спѣшу засвидѣтельствовать это передъ авторомъ.

Не обязано ли оно простой случайности? Это мало вѣроятно, если обратить вниманіе на совпаденіе всѣхъ частей картины. Во всякомъ случаѣ, оно интересно. Послѣднее солнечное затменіе, наблюдать которое отправились многіе астрономы вдоль громадной полосы его прохожденія отъ Соединенныхъ Штатовъ до Испаніи и Алжира, подвинуло на одинъ шагъ наше знакомство съ Солнцемъ, позволивъ провѣрить и дополнить нѣкоторыя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя во время предыдущихъ затменій. Дѣятельность Солнца, протяженіе и форма его огненной атмосферы безпрестанно мѣняются. Поэтому очевидно, что истеченіе тепловыхъ, свѣтовыхъ, электрическихъ, магнитныхъ лучей, посылаемыхъ Солнцемъ на землю, мѣняется со дня на день, съ часа на часъ, во всей своей совокупности, слѣдуя, однако, медленнымъ колебаніямъ одиннадцатилѣтняго періода,

Было бы всего болѣе желательно въ настоящее время получить, наконецъ, возможность основать земную метеорологію на знакомствѣ съ этими измѣненіями въ Солнцѣ. Грустно видѣть, какъ медленно подвигается метеорологія, въ то время какъ астрономія развивается такъ успѣшно. Астрономія можетъ предсказать солнечное затменіе за сто, за тысячу лѣтъ впередъ; метеорологъ не знаетъ, какая погода будетъ завтра. Будемъ изучать Солнце. Несмотря на мѣстныя измѣненія, не можетъ быть сомнѣнія, что именно къ этому очагу должны мы обращаться для объясненія хода температуръ на поверхности нашей маленькой планеты. И эта глава въ ученьи о Солнцѣ едва ли будетъ главой наименѣе интересной.

Во всякомъ случаѣ, самыми счастливыми людьми окажутся, вѣроятно, метеорологи. Тотъ, кто постоянно занимается наблюденіями природы, чувствуетъ себя выше физическихъ ощущеній, служащихъ для другихъ причиною страданій. Онъ постоянно находитъ въ ней совсѣмъ особый, умственный интересъ, въ особенности въ рѣдчайшихъ крайностяхъ температуры. Въ самые сильные жары въ такое лѣто, какъ нынѣшнее, метеорологу все еще не достаточно жарко; если термометръ показываетъ 70°, ему бы хотѣлось, чтобы онъ показывалъ 71° изъ стремленія къ исключеніямъ. При самыхъ низкихъ температурахъ ему всегда не достаточно холодно, ему бы еще интереснѣе было видѣть, что сама ртуть замерзла. И такъ всегда онъ счастливъ.

Внушеніе и впечатлительность [1]).

(Проф. Бернгейма).

Изъ числа вопросовъ о «невѣдомомъ», изучаемыхъ психологіею, одни относятся

[1]) Эта любопытная статья была прочитана проф. Бернгеймомъ въ Нанси, въ Психологическомъ Обществѣ.

Digitized by Google

къ гипнотизму и внушенію, другіе родственны этимъ двумъ первымъ и обнимаютъ психическую силу, телепатію, внушеніе на разстояніи и тому подобное.

Въ изучаемыхъ нами гипнотическихъ явленіяхъ нѣтъ ничего таинственнаго, ничего чудеснаго; существуя совмѣстно съ нормальными отправленіями нашего организма, они не противорѣчатъ его природѣ, не принадлежатъ и къ явленіямъ болѣзненнымъ. Наступленіе ихъ не требуетъ ни спеціальной жидкости, ни напусканія какой-либо истерической порчи. Мы ихъ обнаруживаемъ, мы на нихъ указываемъ, какъ на явленія физіологическія, но мы сами не создаемъ ихъ.

Прежній магнетизмъ съ его странными манипуляціями, съ банками Месмера, стеклянными палочками, магнетизированнымъ деревомъ Пюисегюра, пассами Делёза и прочимъ объяснялъ все «таинственное» вліяніемъ животной или астральной жидкости, сообщающей новыя свойства человѣческой природѣ. Явленія, объясняемыя теперь внушеніемъ, зависѣли будто бы отъ дѣйствія особой, такъ называемой, магнетической жидкости.

Магнетизму наслѣдовалъ въ 1841 году гипнотизмъ или браидизмъ. Ярко блестящій предметъ утомляетъ устремленный на него физическій и умственный взглядъ и производитъ сонъ или, вѣрнѣе, приводитъ субъекта въ особое состояніе, близкое къ сну, въ такъ называемое состояніе гипноза; и въ этомъ состояніи можно обнаружить тѣ же явленія, какія производилъ прежній магнетизмъ, за исключеніемъ развѣ истерическихъ судорогъ, до которыхъ доводили слабонервныхъ субъектовъ ужасные пріемы магнетизеровъ. Гипнотизмъ производитъ сонъ, каталепсію, анестезію, способность къ галюцинированію не потому, что отъ гипнотизера исходитъ какая-нибудь таинственная сила или истекаетъ магнетическая жидкость; все дѣло здѣсь въ томъ вліяніи, какое оказываютъ на нервную систему субъекта пораженная яркимъ свѣтомъ ретина и напряженно сосредоточенная на одномъ предметѣ мысль.

Новая эра открылась со времени Ліебо (Liébeault) въ 1866 году. Для полученія явленій гипноза онъ не считаетъ необходимымъ браидизмъ или фиксированіе блестящаго предмета. Онъ показалъ, что въ основѣ ихъ лежитъ вліяніе не психофизическое, а чисто психическое воздѣйствіе; достаточно только внушить субъекту мысль о снѣ, чтобы усыпить его. Все дѣло въ мысляхъ, во внушеніи. Гипнотическій сонъ, усиливающій воспріимчивость къ внушенію, и самъ представляется явленіемъ внушенія.

Явленія, считавшіяся прежде магнетическими, впослѣдствіи браидическими или гипнотическими, оказываются функціей сна, вызваннаго внушеніемъ.

Мои наблюденія заставили меня сдѣлать еще шагъ впередъ. Я окончательно установилъ, что нѣтъ необходимости вызывать состояніе сна для полученія, такъ называемыхъ, гипнотическихъ явленій, что всѣ эти явленія, анестезія, каталепсія, автоматическіе акты, пассивное повиновеніе, галюцинаціи, терапевтическіе эффекты могутъ быть вызваны у нѣкоторыхъ субъектовъ въ состояніи ихъ бодрствованія, безъ какихъ-либо предварительныхъ пріемовъ, по одному слову; что всѣ субъекты, очень воспріимчивые къ внушенію, легко галюцинирующіе послѣ предварительнаго усыпленія, сохраняютъ эту способность въ той же степени и въ состояніи бодрствованія; что то́, что приписывали магнетизму, гипнотизму, усыпленію, есть нормальное свойство человѣческаго мозга, качественно и количественно различающееся у разныхъ субъектовъ, и есть не что иное, какъ впечатлительность, то-есть способность мозга воспринять идею и претворить ее въ движеніе.

Открытіе этой впечатлительности могло бы быть сдѣлано и безъ обращенія къ магнетизму и гипнотизму. Психологи и врачи могли бы замѣтить и непосредственно изучать воспріимчивость каждаго къ внушенію въ видѣ нормальной впечатлительности, затѣмъ въ повышенной формѣ вслѣдствіе разныхъ вліяній, душевныхъ волненій, религіознаго чувства, сна и т. п., ознакомиться съ вліяніемъ на воспріимчивость различныхъ матеріальныхъ воздѣйствій, растираній, массажа, электризаціи и т. п. Вопросъ сразу сталъ бы достояніемъ чистой психологіи, и впечатлительность не стали бы разсматривать вмѣстѣ съ истеріей и даже съ гипнозомъ, ученіе о внушеніи не затемнялось бы дымкой таинственнаго и сверхъестественнаго, еще и теперь окружающею выраженія магнетизмъ и гипнотизмъ.

Разсматриваемое съ нашей точки зрѣнія ученіе о внушеніи необыкновенно разростается: оно охватываетъ все человѣчество; ибо внушеніе это—мысль, откуда бы она ни шла, со всѣми ея слѣдствіями, мысль, властно осѣдающая въ мозгу и превращающаяся въ дѣйствіе; это детерминизмъ, заставляющій насъ дѣйствовать. Внушеніе присуще не только лицу, производящему въ этомъ смыслѣ опыты и умышленно вліяющему на волю и разумъ другихъ; оно лежитъ въ основѣ овладѣвающихъ обществомъ идей, въ основѣ подражанія, врожденнаго побужденія къ предвзятымъ идеямъ, философскаго, религіознаго, политическаго, соціальнаго воспитанія, въ основѣ чтенія, рекламы, увлеченій печати; оно прежде всего заложено въ атавизмѣ и врожденныхъ свойствахъ психической природы субъекта, воспринимающаго и по своему

Digitized by Google

разумѣнію оплодотворяющаго пріобрѣтенныя имъ идеи.

Нужно быть до извѣстной степени пристрастнымъ или обладать нѣкоторой долей наивности, чтобы безусловно держаться ученія о свободной волѣ и моральной отвѣтственности. Человѣкъ подвластенъ своему мозгу, онъ—рабъ своего индивидуальнаго разума, подверженнаго вліянію внѣшняго міра. Все развитіе человѣчества является результатомъ ряда единичныхъ и коллективныхъ внушеній; крупныя общественныя событія, войны, революціи, возмущенія, фанатизмъ религіозный, соціальный, политическій, антирелигіозный, смѣняющіе другъ друга въ исторіи и сообщающіе этой исторіи характеръ эволюціи, безъ сомнѣнія, прогрессивной, но съ отливами назадъ и обратными теченіями: вся исторія выступаетъ въ новомъ освѣщеніи—она озарена свѣточемъ нашей науки, возженнымъ современной психологіей.

Но я уже слышу замѣчанія: выходитъ, значитъ, вездѣ внушеніе, детерминизмъ, сомнѣніе въ свободѣ воли, сомнѣніе въ моральной отвѣтственности. Если человѣкъ предопредѣленъ въ своей организаціи, если его развитіе предопредѣлено, это — отрицаніе воли, отрицаніе достоинства человѣческаго. Это возведеніе мусульманской инерціи въ догматъ. Детерминизмъ — вѣдь это фатализмъ.

На это замѣчаніе, показывающее неправильное пониманіе нашего ученія, легко дать отвѣтъ.

Безъ сомнѣнія, мы связаны нашимъ разумомъ, нашими инстинктами, врожденными наклонностями, атавистически унаслѣдованными внушеніями. Но эта врожденная намъ психическая основа, переданная предками каждому изъ насъ, обрабатывается, удобряется, засѣвается, развивается дальнѣйшимъ воспитаніемъ, то есть внушеніями, идущими отъ внѣшняго міра. Задатки великаго художника, геніальнаго изобрѣтателя, математика погибнутъ, не разовьются безъ толчка извнѣ, безъ психическаго воздѣйствія, безъ внушенія со стороны учителей и книгъ.

Если воспитаніемъ призываются къ жизни здоровые ростки, то имъ же уничтожаются по возможности ростки зловредные; оно противопоставляетъ врожденнымъ наклонностямъ внушеніе; оно развиваетъ высшія критическія способности, оно призываетъ къ вниманію, оно подчиняетъ инстинктъ разсудку; и, поступая такимъ образомъ, оно расширяетъ свободу духа, устраняя задерживающія его врожденныя или пришедшія извнѣ препоны.

Того же, что внушеніе можетъ сдѣлать въ дѣлѣ воспитанія юныхъ умовъ, оно можетъ достигнуть умственнымъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ человѣческихъ массъ. Ибо у толпы есть тоже своя психологія; толпа большое дитя, она великодушна, но руководима инстинктами, легко возбудима, до крайности впечатлительна, увлекается рекламой, модой, печатью, страстями, возгласами и криками.

Внушеніе должно останавливать заблужденія инстинктивно дѣйствующей толпы.

Существующія психопатологія, психопрофилактика, леченіе внушеніемъ душевныхъ болѣзней имѣютъ значеніе не только медицинское, но еще въ большей степени значеніе нравственное и общественное.

Этимъ обоюдоострымъ оружіемъ, внушеніемъ, инстинктивно пользуются тѣ лишенные нравственнаго чувства субъекты, которые совращаютъ и толпу и отдѣльныхъ личностей. Всѣмъ разумнымъ и честнымъ людямъ необходимо пользоваться имъ въ цѣляхъ нравственныхъ. И чѣмъ больше будутъ изучать и изслѣдовать механизмъ человѣческой впечатлительности, тѣмъ основательнѣе люди научатся познавать самихъ себя и другъ друга, тѣмъ лучше они сумѣютъ пользоваться внушеніемъ.

Изъ этого очерка я вывожу то заключеніе, что въ вопросѣ о душевной жизни человѣка не можетъ быть рѣчи о чистомъ и опасномъ фатализмѣ,—духъ человѣка можетъ быть воспитанъ, онъ живетъ, онъ дѣятеленъ. Внушеніе, это—задержаніе и развитіе духа. Внушеніе это—дѣйствіе, это борьба, это жизнь, это человѣкъ, это все человѣчество.

Digitized by Google

О «Посольствѣ фонъ-Кленка къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу».— Книга г. Липовскаго «Хорваты».— Г. Полевой о Пушкинѣ. —Двѣ книги о г. Горькомъ.—Заграничные студенты и наши курсистки.

По порученію Археографической комиссіи, А. М. Ловягинъ сдѣлалъ переводъ остававшагося почти неизвѣстнымъ историческаго разсказа о «Посольствѣ Купраада фонъ-Кленка къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу». Подлинникъ этого разсказа, написанный на голландскомъ языкѣ, до сихъ поръ былъ извѣстенъ очень мало, почему никто изъ нашихъ историковъ его почти не эксплоатировалъ. Неизвѣстенъ былъ также и авторъ его—Бальтазаръ Копэтъ. Между тѣмъ, сочиненіе это представляетъ собой большой интересъ, такъ какъ даетъ довольно цѣльную картину быта и внѣшнихъ отношеній Россіи непосредственно передъ эпохой преобразованій. Большая часть его—поденная записка о приключеніяхъ посольства, которое въ 1675 году было отправлено Нидерландскимъ правительствомъ въ Москву съ цѣлью привлечь Россію къ коалиціи противъ Людовика XIV. Въ обширномъ (150 стр). предисловіи г. Ловягинъ дополняетъ переведенное имъ сочиненіе цѣлымъ рядомъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ голландскихъ архивовъ во время его поѣздки въ Голландію. Переводъ этого сочиненія изданъ вмѣстѣ съ подлиннымъ голландскимъ текстомъ.

* * *

Братья-славяне намъ очень близки и по своему прошлому и по настоящему. Между ними и нами съ давнихъ поръ существовалъ, существуетъ и будетъ существовать цѣлый рядъ точекъ соприкосновенія. И, тѣмъ не менѣе, мы очень мало знакомы не только съ исторіей, но даже съ настоящимъ положеніемъ славянскихъ народностей. Это, безспорно, крупный пробѣлъ въ нашей литературѣ и потому нельзя не привѣтствовать вышедшую на дняхъ книжку А. Л. Липовскаго «Хорваты» [1]). Какъ видно изъ предисловія, это первый очеркъ изъ цѣлой серіи задуманныхъ авторомъ работъ о славянскихъ народахъ. Въ настоящемъ очеркѣ г. Липовскій даетъ подробное описаніе страны, занятой хорватами, знакомитъ съ ихъ бытомъ, исторіей, общественнымъ строемъ, наукой и литературой. На основаніи цѣлаго ряда фактовъ г. Липовскій приходитъ къ убѣжденію въ жизнеспособности хорватскаго племени, обладающаго тѣмъ добрымъ, дѣятельнымъ настроеніемъ, безъ котораго сознаніе не можетъ совершить историческаго процесса. Въ главѣ о литературѣ хорватовъ, впрочемъ, г. Липовскій отмѣчаетъ, при несомнѣнной даровитости хорватовъ въ области художественнаго творчества иногда чрезмѣрное подчиненіе чужимъ теченіямъ.

«Мы,—говоритъ г. Липовскій,—не же-

[1]) Славянскіе народы. Хорваты. Съ приложеніемъ карты Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Очеркъ А. Л. Липовскаго. Спб. 1900.

Digitized by Google

лаемъ, чтобы хорваты чуждались европейскаго образованія (это и невозможно), но побольше вниманія къ народной массѣ и обществу, для котораго, при общемъ состояніи его культуры, литература является главной «учительницей жизни».

* * *

Девятый выпускъ «Исторіи русской словесности» П. Н. Полевого посвященъ цѣликомъ А. С. Пушкину. Казалось бы, что послѣ двухъ Пушкинскихъ юбилеевъ, вызвавшихъ огромную литературу, можно было бы, даже г. Полевому, написать о Пушкинѣ что-нибудь цѣнное, что-нибудь такое, что являлось бы итогомъ изученія Пушкина цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ и неспеціалистовъ. Г. Полевой не пожелалъ этого сдѣлать. Онъ повторилъ всѣмъ извѣстные факты изъ жизни Пушкина и сдобрилъ ихъ въ достаточномъ количествѣ своей собственной риторикой. Всю первую страницу книги г. Полевой, напримѣръ, наполнилъ высокопарными разсужденіями о томъ, что онъ никакъ не можетъ себѣ представить Пушкина обыкновеннымъ человѣкомъ, не можетъ допустить мысли, что Пушкинъ былъ ребенкомъ, повѣсой-лицеистомъ и т. д. и т. д. Въ воображеніи г. Полевого Пушкинъ рисуется не иначе, какъ «добрымъ геніемъ русской поэзіи, облеченнымъ въ свѣтлую ризу славы и благоговѣйнаго преклоненія многихъ поколѣній...» Замѣчательно пылкая фантазія у г. Полевого! Ей, конечно, читатель обязанъ сотнями, даже тысячами заглавій и подзаголовковъ, которыми г. Полевой изукрасилъ свою книжку. Чтобы дать понятіе о высокомъ полетѣ этой фантазіи, приведемъ нѣсколько примѣровъ этихъ заглавій: «Возвращеніе къ суетѣ», «Исповѣдь души», «Приливъ вдохновенія», «Разочарованія», «Тяжкій разладъ», «Муза молчитъ», «Тяжкая опека» и т. д. и т. д. Все въ стилѣ заглавія «Кусокъ штопора или торжество сыщика Лекока». Дальше этого г. Полевой не пошелъ. А, между тѣмъ, посмотрите, какъ высокомѣрно отзывается онъ о тѣхъ, кто раньше его писалъ о Пушкинѣ: «Самое педантичное нанизываніе біографическихъ фактовъ нисколько не помогаетъ сближенію нашего идеальнаго представленія о Пушкинѣ съ реальнымъ образомъ нашего поэта. Попытки такого нанизыванія и подбора разнородныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ мемуаровъ, воспоминаній и переписки поэта—были уже сдѣланы неоднократно и представляютъ собой довольно грубую и аляповатую мозаику, въ которой не хватаетъ главнаго: живой, художественной связи между составными частями.» Что же послѣ этого слѣдуетъ сказать о книгѣ г. Полевого? Нельзя не пожалѣть во всякомъ случаѣ, что на дѣйствительно «аляповатую и грубую мозаику» г. Полевого потрачено столько издательскихъ средствъ.

* * *

В. Ѳ. Боцяновскій издалъ отдѣльной книжечкой критико-біографическій этюдъ о Максимѣ Горькомъ [1]). Собранныя авторомъ біографическія свѣдѣнія объ этомъ такъ быстро выдвинувшемся, молодомъ писателѣ довольно обстоятельны и заключаютъ въ себѣ кое-что новое. Интересно, напримѣръ, отмѣтить, что г. Горькій—не такой уже чистокровный босякъ, какъ это думали до сихъ поръ. Оказывается, что его дѣдъ по отцу былъ офицеромъ, котораго императоръ Николай I разжаловалъ въ солдаты за жестокое обращеніе съ нижними чинами. Къ книжкѣ приложенъ портретъ г. Горькаго съ его подписью.

* * *

Почти одновременно вышла еще одна книжечка о Горькомъ. Авторъ ея, г. Андреевичъ такъ и озаглавилъ ее: «Книга о Горькомъ». Новаго, однако, она ничего въ себѣ не заключаетъ. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ очень пространныя, состоящія почти исключительно изъ цитатъ, три статьи г. Андреевича, которыя онъ напечаталъ въ этомъ году въ журналѣ «Жизнь» подъ заглавіемъ «Вольница». Здѣсь говорится обо всемъ понемногу и, между прочимъ, о Горькомъ. Статьи эти г. Андреевичъ перепечаталъ (даже не переработалъ), присоединилъ къ нимъ такую же статью о Чеховѣ, приложилъ появившіяся года два тому назадъ въ журналѣ «Семья» выдержки изъ автобіографическаго письма Горькаго и все это покрылъ довольно претенціозной обложкой съ заглавіемъ: «Книга о Горькомъ и Чеховѣ».

* * *

Интересную подробность объ отношеніи французскихъ и нѣмецкихъ студентовъ къ нашимъ курсисткамъ отмѣчаетъ г. Изгоевъ въ вышедшемъ на дняхъ «Литературномъ сборникѣ въ память женщины-врача Е. П. Серебренниковой». По его словамъ, нѣмецкій буршъ смотритъ на женщину высокомѣрно презрительно и потому бываетъ сплошь и рядомъ грубъ и даже дерзокъ. Французы видятъ въ курсисткахъ прежде всего женщину. Каждую студентку при входѣ ея въ аудиторію они обыкновенно встрѣчаютъ гамомъ, шумомъ, сюсюканьемъ, воздушными поцѣлуями. Студенты дѣлятся на двѣ группы, которыя, перекликаясь, кричатъ: Embrassera.—Embrassera pas.—«Красива»,

[1]) Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Digitized by Google

заговариваютъ одни. — «Безобразна», отвѣчаютъ другіе. Нерѣдко дѣло доходитъ до произнесенія самыхъ неприличныхъ словъ. И это творится не только на лекціяхъ, гдѣ собирается до тысячи слушателей, но и во время практическихъ занятій. И тутъ французы почти всегда стараются наводить разговоры на игривыя темы и заставлять краснѣть своихъ невольныхъ сосѣдокъ. Французовъ оскорбляетъ то, что русскія женщины сторонятся ихъ. Имъ кажется, что это—притворство, что со своими соотечественниками студентки ведутъ себя иначе и предаются чуть ли не разврату. Простыхъ, чисто товарищескихъ отношеній, которыя съ давнихъ поръ установились у насъ между студентами и курсистками, французы понять совершенно не могутъ.

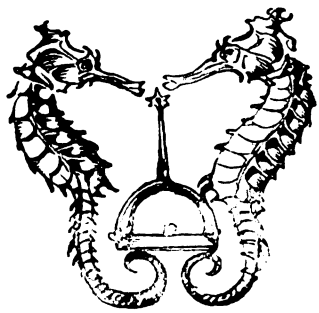
А, между тѣмъ, какъ далеки эти отношенія отъ той грязи, которую видятъ въ нихъ французы!..

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ.

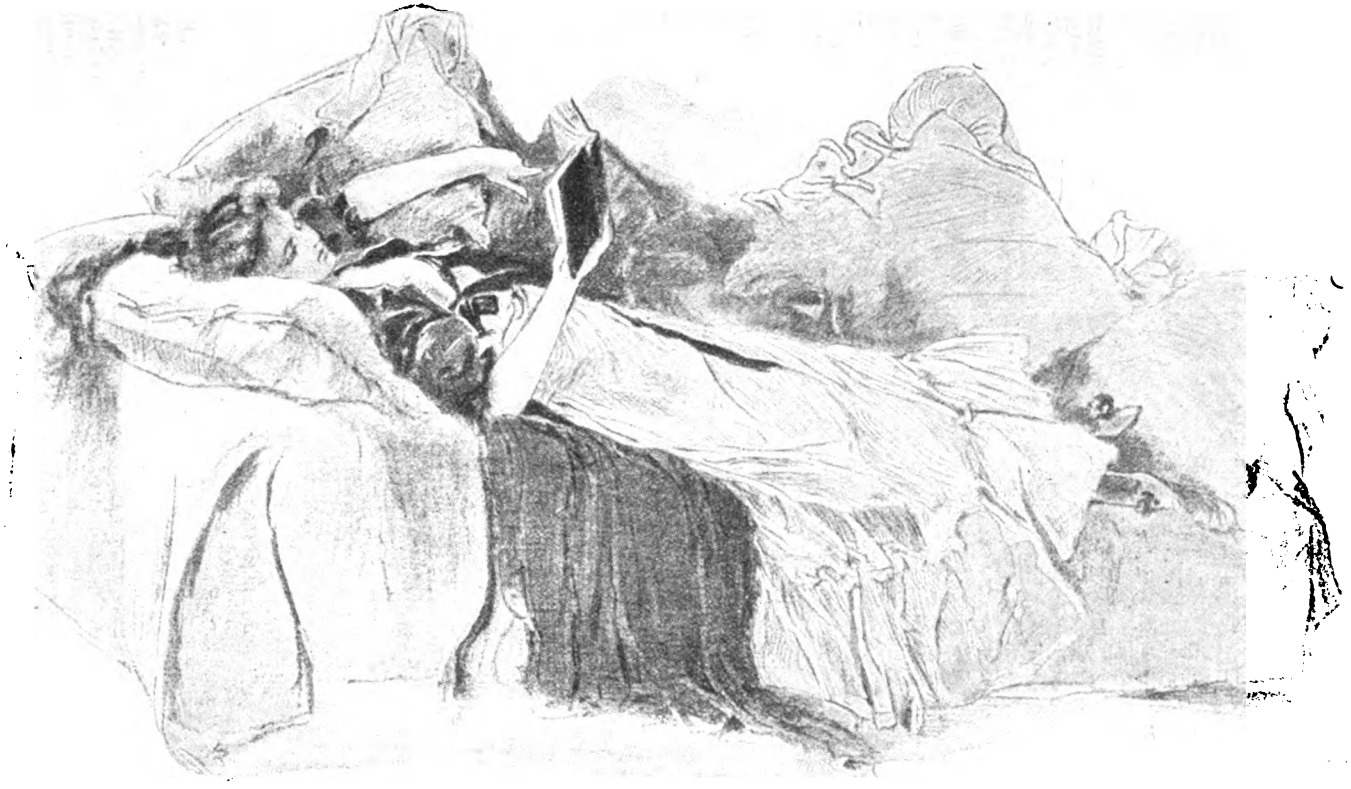
Новый способъ присвоенія литературной собственности.

Читатели изданія «Новый Вѣкъ»,—если только есть такіе храбрые читатели,—можетъ быть, обратили вниманіе на довольно безсмысленное стихотвореніе въ сентябрьской тетрадкѣ этого макулатурнаго «журнала», начинающееся словами: «Какъ хороши, какъ хороши разсказы». Дальше здѣсь говорится о томъ, что такъ хороши разсказы о «бѣломъ» и что тополь заостренный чернѣетъ легкою стрѣлой «на бронѣ голубомъ». Получается изрядная нелѣпица, которую мы считаемъ нужнымъ исправить въ интересахъ библіографіи. Стихотвореніе это, на самомъ дѣлѣ очень граціозное, принадлежитъ В. С. Лихачеву, фамилія котораго въ «Новомъ Вѣкѣ», впрочемъ, подъ стихами не подписана, такъ же какъ не обозначенъ и самый источникъ, откуда взято оно. А взято оно изъ декабрьской книжки «Нов. Журн. Ин. Литер,» за 1897 годъ, гдѣ помѣщено за подписью автора и съ обозначеніемъ, что стихи переведены изъ произведеній Альфреда де-Виньи. Судьба и корректоръ подшутили на этотъ разъ надъ явнымъ пристрастіемъ редактора-издателя «Новаго Вѣка» г. Николаева къ пользованію чужой литературной собственностью и превратили «разсказы о быломъ» въ «разсказы о бѣломъ» и «голубой фонъ»— въ «голубой бронь» (?!).

Впрочемъ, съ указанными ошибками стихотвореніе настолько измѣнилось, что можетъ сойти почти за новое. А, пожалуй, и то можетъ быть, что эти ошибки сдѣланы г. Николаевымъ не безъ умысла, лишь безнаказанности ради, чтобы не подлежать отвѣтственности по ст. 1683 Уложенія о наказаніяхъ, карающей за самовольное присвоеніе чужой литературной собственности не только требованіемъ вознаградить обокраденнаго сочинителя, но и «лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылкой на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ Сибирскихъ, или заключеніемъ въ тюрьмѣ». Но какъ бы то ни было, это во всякомъ случаѣ совершенно новаго фасона литературная кража, которая составляетъ единственную оригинальность въ изданіи г. Николаева.



Digitized by Google



Литературный кейфъ.
За чтеніемъ.
(Съ гравюры Чадвика).

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ IV

(ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1900 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

(Годъ четвертый.—Т. XIV-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

При 12-й [декабрьской] книгѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается объявленіе о подпискѣ на 1901 годъ журнала «Спутникъ здоровья».

Digitized by Google

1896

1897

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЯ ШВЕЦІИ И НОРВЕГІИ

и

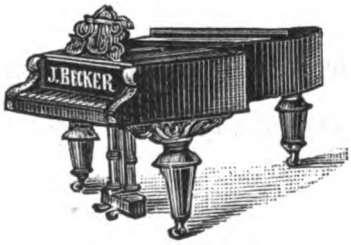
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЯ ДАТСКАГО

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ

Великаго Князя Владиміра Александровича, Великаго Князя Николая Николаевича, Великой Княгини Александры Іосифовны, Великаго Князя Константина Константиновича.

С.-Петербургъ, Казанская площ., уг. Невскаго пр., № 27—18.

РОЯЛИ И 

ПІАНИНО

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893	1894	1896
Чикаго	Антверпенъ	Н.-Новгородъ

1897
Стокгольмъ

Званіе поставщика его величества короля Швеціи и Норвегіи и высшая награда — «Золотая медаль».

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. IV. ДЕКАБРЬ 1900 г. № 12.

О ПОДПИСКѢ НА 1901 ГОДЪ.

Итоги 3½ лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ:

СТРАН.

I. Мадонна. Съ картины Р. Феруцци 595

II. Христосъ (Изъ «Канцоньеро»—Антоніо Пальмеро). Съ испанскаго. Стихотвореніе Е. М. Шершевской. (Ликъ Христа, съ картинъ: Ванъ-Дейка и Фра-Анджелико) 596

III. О Раблэ и его значеніи въ литературѣ. А. Э. (Съ виньет. Доре). 597

IV. О комментаріяхъ къ сочиненію Раблэ. А. Э. (Съ виньет. Доре). . 600

V. Портретъ Макъ-Кинлея. 603

VI. Людекъ Марольдъ—художникъ минуты. Нестора. (Окончаніе). (Съ 6 рисунками Марольда) 604

VII. Максъ-Мюллеръ. (Некрологъ). (Съ портретомъ) 611

VIII. Французскіе поэтессы. Критическій этюдъ Е. М. Шершевской (III и IV гл.). (Съ рис. Марольда) . . . 612

IX. Японія. (По книгѣ Леруа-Болье). (Съ виньетк.) 621

X. Живописное и красивое на Всемірной Парижской выставкѣ 1900 г. (X. На Марсовомъ Полѣ: Дворецъ Электричества.—Новинки техники и промышленности.—Залъ Празднествъ). (Съ 6 илюстр.) 627

XI. XIX-й вѣкъ въ карикатурахъ. (X. Австрійская карикатура.—XI. Швейцарская карикатура.—XII и XIII. Англійская карикатура. (Съ 19 рисунками). 637

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

7 статей съ 21 иллюстр. (Подробное оглавленіе см. на стр. 666). 665

Указатель статей и рисунковъ «Нов. Журн. Иностран. Лит.» во второй половинѣ 1900 г. (іюль—декабрь) . . . . . I—X

СЪ ОТДѢЛЬНОЙ НУМЕРАЦІЕЙ СТРАНИЦЪ.

Новое жизнеописаніе Оливера Кромвеля. Историческая монографія Джона Морлея. Съ многочисленными иллюстраціями. (Съ англійскаго). . . . . 177—230

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Атмосфера. Популярная метеорологія. Камилла Фламмаріона. Со множествомъ иллюстрацій. Въ переводѣ К. К. Толстого . . . . . 433—509

Франсуа Рабле. Пантагрюэль. Четвертая и пятая книга: О героическихъ дѣяніяхъ и реченіяхъ добраго Пантагрюэля. Съ французскаго текста XVI вѣка переводъ А. Н. Энгельгардтъ. Съ иллюстраціями Доре. . . . . 145—288

Живопись прерафаэлитовъ за все время ея существованія. (По Перье Бэтъ). Съ иллюстраціями . . . . . 49— 78

Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1901 г., по 31-е декабря 1901 г.) **4 р.**, съ доставкой и пересылкой **5 р.**, за границу **8 р.**; полугодовая **2 р. 50 к.**, съ доставкой и пересылкой **3 р.**, за границу **5 р.** За перемѣну адреса: иногороднаго на иногородный **28 к.**, иногороднаго на петербургскій и петербургскаго на иногородный **50 к.**

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9. (Пріемъ для личныхъ объясненій — по субботамъ отъ 1 до 2 ч. пополудни). **Телефонъ 2327**

За доставку книгъ въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности.

Дозволено цензурою 27 ноября 1900 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. И. Булгаковъ.**

Digitized by Google

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ

И

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

(60 лѣтъ художественной славы)

Рисунокъ крышки переплета.

Текстъ: Жизнь, дѣятельность и заслуги И. К. Айвазовскаго.
Иллюстраціи: Портреты и болѣе **ста** избранныхъ картинъ И. К. Айвазовскаго съ **1840** г. по **1900** годъ, въ автотипіяхъ и фототипіяхъ

(Большой томъ въ альбомномъ форматѣ in-4).

Цѣна 6 руб., съ пересылкой **6** руб. **50** коп.

Желающіе получить изданіе въ изящной папкѣ добавляютъ 50 к., а въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 50 к.

Для петербургскихъ подписчиковъ «Новаго Журнала Иностранной Литературы», адресующихся непосредственно въ редакцію его (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9), уступка 10% (съ 6 руб.), а для иногородныхъ—пересылка безплатно.

Адресоваться: С.-Петербургъ Малая Морская 9. Ѳ. И. Булгакову.

Съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА

ЗНАМЕНИТЫЕ ХУДОЖНИКИ XIX ВѢКА.

(Избранныя произведенія съ подробными біографіями и характеристиками художниковъ, оставившихъ неизгладимый слѣдъ въ искусствѣ яркой индивидуальностью творчества, идейнымъ содержаніемъ и образцовымъ исполненіемъ).

Въ продажѣ имѣются въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ

роскошно иллюстрированныя монографіи:

АЛЬМА ТАДЕМА и его произведенія.
Л. КНАУСЪ и его произведенія.
МЕНЦЕЛЬ (сто иллюстрацій).
МЕЙСОНЬЕ (картины и рисунки).

Цѣна каждаго тома 3 руб. 50 коп., пересылка 50 коп.

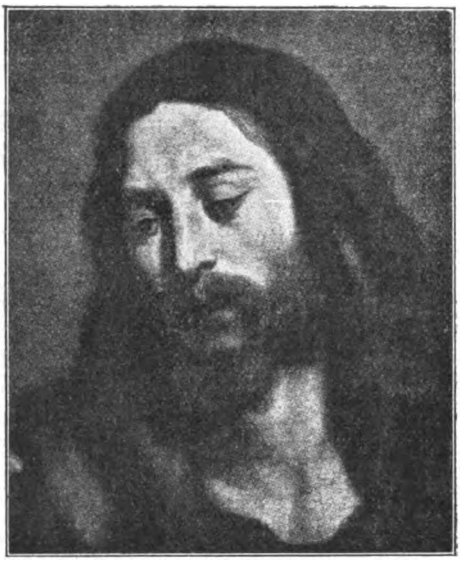
Адресующіеся въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9) за пересылку не платятъ.

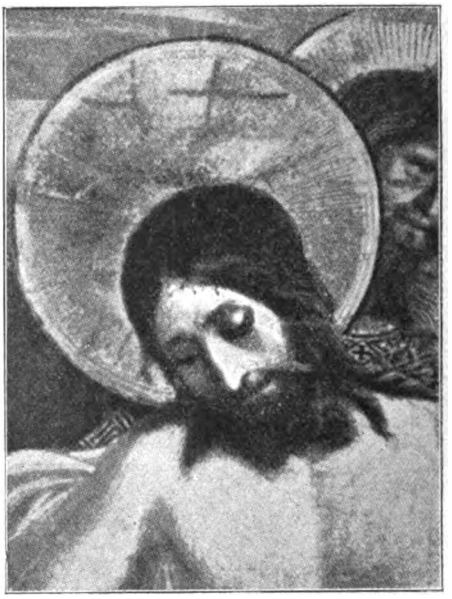
Digitized by Google

ДЕКАБРЬ.

Мадонна.
(Съ картины Р. Ферупцци).

Digitized by Google





Христосъ.

Съ картины Ванъ-Дейка.
(«Христосъ, исцѣляющій болящихъ»—въ Букингэмскомъ дворцѣ).

Съ картины Фра-Анджелико.
(Въ Мюнхенской Пинакотекѣ).

ХРИСТОСЪ.

(Изъ «Канцоньеро» **Антоніо Пальмеро**).

(съ испанскаго).

Да, храмъ стоитъ пустынный и нѣмой,
Молитвъ не слышно, вѣра исчезаетъ,
Въ сердца людей сомнѣнье заползаетъ,
Все одѣвая непроглядной тьмой.
Мы свергли все въ порывѣ героизма,
Едва стоятъ качаясь алтари,
И подъ плащомъ дешевымъ скептицизма
Скрываемъ мы сомнѣнія свои.
У нашихъ ногъ все бездна поглотила.
Христосъ, лишь Твой сіяетъ кроткій ликъ,
Одинъ лишь Ты—спасеніе и сила,
Одинъ лишь Ты безсмертенъ и великъ.

Ты всѣмъ сулишь любовь и всепрощенье,
А мы къ добру стремимся въ темнотѣ,
Христа за насъ пріявшаго мученья,
Кто спасъ людей, страдая на крестѣ.
Но тѣ, Господь, что тяжело страдаютъ,
Къ Твоимъ ногамъ склоняются во прахъ,
И всю тоску, все горе изливаютъ
Они въ безмолвныхъ искреннихъ слезахъ.
Проходитъ все—воззрѣнія и чувства,
Но вѣчно будутъ литься предъ тобой
Святыя слезы чистаго искусства...
И слезы жгучей горести людской!

Е. М. Шершевская.

Digitized by Google

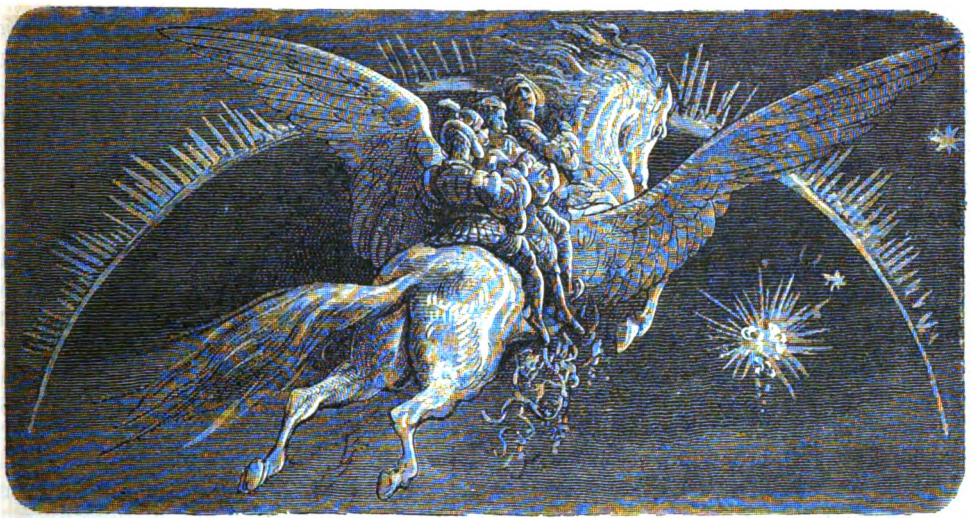


Рис. Густава Дорэ.

О РАБЛЭ И ЕГО ЗНАЧЕНІИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Раблэ, французскій писатель XVI вѣка, впервые переведенъ нами на русскій языкъ[1]), и это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что онъ писалъ на языкѣ, который еще нельзя назвать французскимъ, и который даже для французовъ непонятенъ безъ комментаріевъ. Несмотря на это, Раблэ имѣлъ громадное вліяніе не только на французскую, но и на общеевропейскую литературу. Свифтъ, напримѣръ, несомнѣнно вдохновился путешествіемъ Пантагрюэля для путешествія Гулливера.

Что касается французовъ, то они выросли на Раблэ и, такъ сказать, плоть отъ его плоти и кость отъ его костей. Жанъ-Жакъ Руссо, Бальзакъ, Флоберъ, Беранже, не говоря обо всѣхъ остальныхъ, насквозь проникнуты духомъ Раблэ.

Раблэ былъ ученѣйшій, гуманнѣйшій и просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени. Монахъ, врачъ и, подъ конецъ жизни, приходскій священникъ, онъ отличался самыми либеральными взглядами и едва-едва ушелъ отъ костра. Его спасло покровительство двухъ королей—Франциска I и Генриха II и двухъ папъ—Климента VII и Павла III.

При своемъ появленіи произведенія Раблэ сразу получили громадную извѣстность во Франціи, и эта извѣстность съ теченіемъ столѣтій не уменьшалась. Каждый образованный французъ знаетъ и цѣнитъ его, а литераторы французскіе, какъ уже замѣчено выше, пропитаны имъ насквозь. Въ комментаторахъ тоже не было недостатка и не безъ основанія: въ сочиненіяхъ Раблэ разсѣяно пропасть намековъ историческихъ и иныхъ, часто на такія событія, память о которыхъ затерялась, и, чтобы разгадать ихъ значеніе, потрачено не мало учености и труда. Ниже мы отмѣчаемъ нѣкоторые изъ этихъ комментаріевъ, наиболѣе вѣроятные, такъ какъ, вообще, комментаторы въ своемъ усердіи не щадили стараній и стремились истолковать всѣ рѣшительно темныя и загадочныя мѣста у Раблэ, забывая, что произведенія Раблэ, во-первыхъ,—плодъ фантазіи, такъ сказать,—романъ, въ которомъ Раблэ, какъ и

[1]) Въ этой, декабрьской, книгѣ нашего журнала оконченъ переводъ всѣхъ пяти книгъ эпопеи Раблэ, «Гаргантюа и Пантагрюэль», изъ нихъ 1-я книга (о Гаргантюа) напечатана въ 1898 г., 2-я (о Пантагрюэлѣ) — въ 1899 г., а 3-я, 4-я и 5-я (о Пантагрюэлѣ) — въ 1900 г.

Digitized by Google

всякій романистъ, даетъ волю своему творчеству, безъ всякихъ намѣреній или предвзятыхъ идей; во вторыхъ,—и это главное—у Раблэ были вѣскія причины такъ замаскировать намеки на историческія событія—если они у него были,—чтобы никто не добрался до ихъ смысла. Для него опасность «раздразнить гусей» была не шуточная.

Эпоха, въ которую жилъ Раблэ, была эпохою великаго переворота въ умахъ и понятіяхъ людей. Раблэ былъ неутомимымъ поборникомъ новыхъ идей и прогресса. Его оружіемъ была иронія и насмѣшка. Онъ неустанно бичуетъ ими грубость, невѣжество и предразсудки своихъ современниковъ. Какъ всякая сатира, съ теченіемъ времени, она утратила свое значеніе въ мелочахъ и стала непонятна въ тѣхъ подробностяхъ, которыя касались исключительно пороковъ и слабостей даннаго времени, но то общечеловѣческое, что въ ней есть, то дурное, что присуще людямъ всѣхъ временъ и національностей и что нашло такого остроумнаго и ѣдкаго сатирика, какъ Раблэ, то остается безсмертнымъ.

При этомъ надо сказать, что Раблэ—вполнѣ оригинальный писатель. Онъ—творецъ и образецъ новѣйшей сатиры, основы которой онъ почерпнулъ въ народномъ духѣ и творчествѣ.

Что касается его языка, то это языкъ еще вполнѣ свободный, не втиснутый въ опредѣленныя, тѣсныя рамки, какъ теперешній французскій. По конструкціи и гибкости онъ имѣетъ много общаго съ русскимъ, такъ что, за рѣдкими исключеніями, даетъ возможность для подстрочнаго почти перевода, безъ ущерба легкости слога. Трудность перевода обусловливается, главнымъ образомъ, громадной примѣсью провинціальныхъ, устарѣлыхъ, давно вышедшихъ изъ употребленія,—а, можетъ, никогда и не бывшихъ въ употребленіи, — словъ, которыя Раблэ, безъ всякаго стѣсненія, заимствуетъ направо и налѣво не только изъ діалектовъ различныхъ французскихъ провинцій, но и изъ иностранныхъ языковъ и нарѣчій. Онъ, какъ и Мольеръ, можетъ сказать: «Je prends mon bien où je le trouve.» Вторую трудность составляетъ зачастую темный, запутанный,—и, по всей вѣроятности, намѣренно,—смыслъ повѣствованія Раблэ.

Наконецъ, третьей—и не маловажной—трудностью является неприличіе и грубость сравненій, картинъ, анекдотовъ, которыми Раблэ уснащаетъ свое произведеніе, и тутъ мы касаемся его больного мѣста. Грязь, которою онъ поливаетъ свою сатиру, отнимаетъ у нея полъ-цѣны. И въ этомъ отношеніи она имѣла самое вредное вліяніе на французскую литературу. Имѣя такого праотца, да еще такого авторитетнаго, французскіе писатели не стѣснялись подражать ему и, величая грязь солью—sel gaulois,—даже утрировали ее. Мало того: грязь у Раблэ наивна и хотя очень противна, но не вредна въ смыслѣ ея вліянія на нравственность. Короче сказать: несмотря на все неприличіе Раблэ, его нельзя назвать писателемъ порнографическимъ. Не то съ его позднѣйшими послѣдователями: болѣе утонченная по формѣ, ихъ грязь вреднѣе по содержанію и развращаетъ читателя.

Нельзя сказать, чтобы Раблэ не понималъ этого двойственнаго характера своей сатиры. Въ предисловіи къ третьей книгѣ онъ сравниваетъ ее «съ двухцвѣтнымъ, полубѣлымъ, получернымъ невольникомъ, котораго нѣкогда Птоломей привезъ изъ похода и вздумалъ показать египтянамъ на театрѣ, надѣясь такой диковинкой возбудить ихъ любопытство и интересъ и усилить ихъ удивленіе и любовь къ его особѣ.» Но ему пришлось убѣдиться, что онъ не достигъ своей цѣли, и что «прекрасныя, возвышенныя и совершенныя вещи имъ доставляютъ больше радости и наслажденія, нежели противныя и некрасивыя».

Нельзя сказать также, чтобы и среди французскихъ писателей не высказывалось порицанія Раблэ за эту двойственность его творенія. Между прочимъ La-Bruyère такъ характеризуетъ его: «C'est un monstrueux assemblage d'une morale fine et ingénieuse et d'une sale corruption: où il est mauvais il passe bien loin au delà du pire, c'est le charme de la canaille; où il est bon, il va jusqu'à l'exquis et à l'excellent, il peut être le mets des plus délicats.»

Другимъ темнымъ пятномъ въ произведеніяхъ Раблэ является проповѣдь пьянства, проповѣдь, не оставшаяся, конечно, безъ послѣдователей и нашедшая широкій откликъ и въ литературѣ, и въ жизни.

«Le vin a le pouvoir d'emplir l'âme de toute vérité, tout savoir et philosophie...» утверждаетъ онъ. И послѣднимъ словомъ его знаменитаго романа, оракуломъ божественной Бутылки является: Пей!

Digitized by Google

Современнымъ читателямъ, вполнѣ просвѣщеннымъ насчетъ ужасовъ алкоголизма, нечего разъяснять вредъ отъ проповѣди пьянства и восхваленія зелена-вина.

Возвращаясь къ сатирѣ Раблэ, повторимъ вышесказанное, а именно, что она коснулась всѣхъ явленій жизни и учрежденій его времени: властолюбіе духовенства, тщеславная ограниченность ученыхъ схоластиковъ, безсовѣстность государственныхъ людей, продажность судей, вздорная судейская и адвокатская болтовня, безсодержательность школьнаго преподаванія — все это осмѣивается имъ безпощадно. Въ главѣ XIII книги V, гдѣ изображается якобы кошачье правосудіе, Раблэ говоритъ устами Кота-Мурлыки: «Наши законы все равно, что паутина: маленькія мушки и бабочки попадаются, большіе же и зловредные слѣпни и овода прорываютъ ее и улетаютъ.»

И далѣе то, что происходитъ въ судѣ, характеризуется такъ: «Здѣсь отвѣчаютъ категорически на то, чего не знаютъ, сознаются въ томъ, чего никогда не дѣлали, увѣряютъ, что знаютъ то, чему никогда не учились.»

И, въ концѣ концовъ, кошелекъ съ золотомъ является единственнымъ способомъ заслужить оправдательный приговоръ.

Раблэ не ограничивается одной критикой существующаго, но высказываетъ и свои общественные идеалы. Такъ онъ набрасываетъ программу воспитанія и образованія, которою, несомнѣнно, вдохновился Жанъ-Жакъ Руссо, когда писалъ своего «Эмиля», хотя, по свойству своего ума и темперамента, не могъ ея не исказить и не испортить. Программа же самого Раблэ такова, что подъ нею подписался бы любой современный педагогъ.

Жизнь Гаргантюа и Пантагрюэля не представляетъ собою цѣльнаго произведенія, написаннаго по строгому и выдержанному плану. Въ первыя двѣ книги Раблэ заноситъ излюбленныя въ тѣ времена темы народныхъ сказокъ и, такъ называемыхъ, fabliaux, утрируя ихъ въ насмѣшку, и тутъ же попутно осмѣиваетъ и обличаетъ грубость нравовъ, невѣжество и безсмысленные взгляды поколѣнія, еще не вполнѣ сошедшаго при немъ со сцены.

Старикъ Грангузье, представитель этой эпохи,—олицетвореніе «добраго, стараго времени». Съ сыномъ его, Гаргантюа, наступаютъ болѣе просвѣщенныя времена; но только при Пантагрюэлѣ, героѣ второй и послѣдующихъ книгъ, рельефнѣе обозначается прогрессъ въ умахъ и взглядахъ, благодаря возрожденію классической древности и просвѣтительнымъ усиліямъ гуманистовъ. Здѣсь Раблэ рядомъ съ критикой существующаго высказываетъ и желательные идеалы воспитанія и образованія юношества, равно какъ и свои—весьма замѣчательные и гуманные—взгляды на политику, управленіе государствомъ, международныя отношенія, колонизацію и пр.

Первыя двѣ книги посвящены исторіи царственныхъ великановъ, Гаргантюа и Пантагрюэля, въ которыхъ комментаторы видятъ Франциска I и Генриха II, но въ третьей книгѣ выступаетъ на сцену Панургъ, вокругъ котораго съ этихъ поръ сосредоточивается главный интересъ повѣствованія. Третья книга наполнена, почти исключительно, разными шутовскими выходками Панурга и его соображеніями насчетъ женитьбы, причемъ Раблэ пользуется случаемъ осмѣять различныя средневѣковыя суевѣрія.

Въ четвертой и пятой книгахъ сатира Раблэ изощряется надъ деморализаціей католической церкви, юстиціи и администраціи, равно какъ и надъ общественными пороками, причемъ Панургу опять отводится главная роль въ дѣйствіи. Очевидно, въ Панургѣ Раблэ хотѣлъ олицетворить типъ современнаго ему героя толпы.

Въ четвертой же книгѣ начинается фантастическое путешествіе Пантагрюэля съ Панургомъ и нѣсколькими другими лицами въ поискахъ оракула божественной Бутылки, и здѣсь Раблэ проявляетъ большую силу воображенія и юмора. Этимъ путешествіемъ наполнена и пятая книга, оканчивающаяся открытіемъ оракула Бутылки, преподающаго житейскую мудрость Панургу, выражающуюся въ одномъ словѣ: «Пей»,—мудрость, къ сожалѣнію, находившую во всѣ времена и у всѣхъ народовъ толпы поборниковъ и лишь въ самое послѣднее время потерявшую свой престижъ въ глазахъ просвѣщенныхъ людей...

А. Э.

Digitized by Google

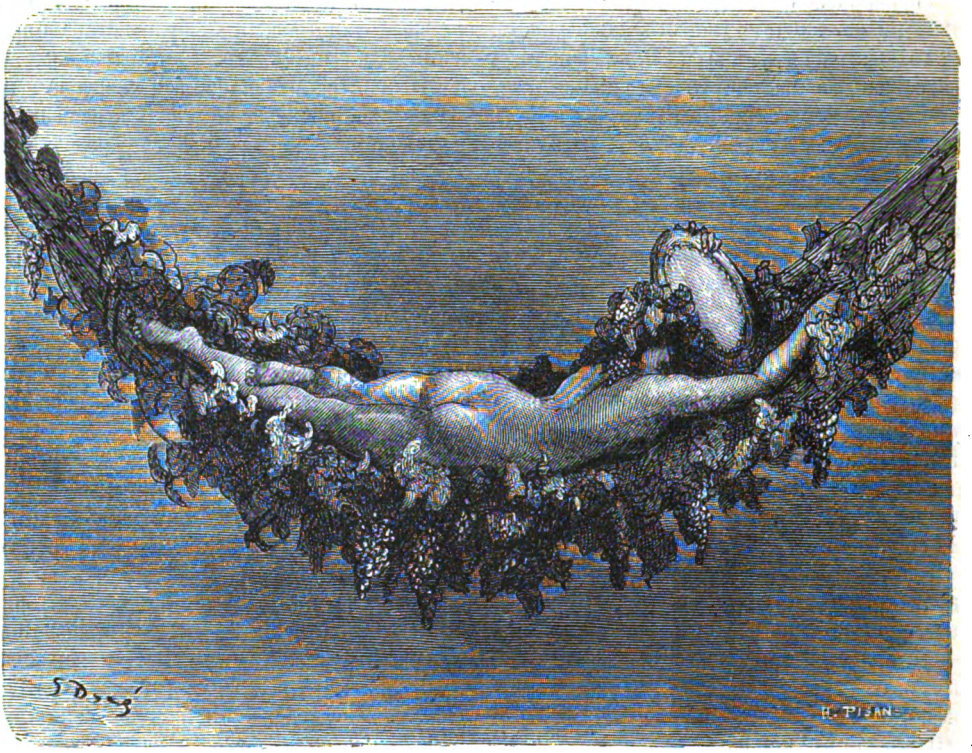


Рис. Густава Дорэ.

О КОММЕНТАРІЯХЪ КЪ ЭПОПЕѢ РАБЛЭ.

Дѣйствующихъ лицъ въ сатирическомъ романѣ Раблэ комментаторы отожествляютъ со слѣдующими историческими личностями:

Грангузье—Людовикъ XII.
Гаргамелла—Анна Бретанская.
Гаргантюа—Францискъ I.
Бадебекъ—Клавдія Французская.
Пантагрюэль—Генрихъ II.
Панургъ—Кардиналъ де-Лорренъ, любимецъ Генриха II.
Братъ Жанъ—Кардиналъ Жанъ дю-Беллэ.

«Съ ранней молодости,—говоритъ одинъ изъ комментаторовъ въ предисловіи къ своему труду,—я любилъ Раблэ, хорошенько не понимая смысла его произведеній..... Но вотъ однажды, внимательно перечитавъ исторію Франціи, въ особенности три царствованія, о которыхъ идетъ рѣчь у Раблэ, и сличивъ ихъ съ его повѣствованіемъ, я къ удивленію или, вѣрнѣе сказать, къ удовольствію своему увидѣлъ, что Грангузье, веселый балагуръ, великій бражникъ, славный человѣкъ, добрый мужъ и добрый отецъ, хозяинъ-скопидомъ,—это, конечно, добродушный, любившій выпить, славный человѣкъ, добрый мужъ и отецъ и скупой хозяинъ Людовикъ XII; что Гаргантюа, галантный человѣкъ, храбрецъ, добрый сынъ и отецъ, великанъ—это галантный, храбрый Францискъ I, добрый сынъ и отецъ, и, наконецъ, что любившій выпить, галантный, безстрашный, но слабохарактерный и легковѣрный Пантагрюэль есть сколокъ съ галантнаго, безстрашнаго, но слабохарактернаго и легковѣрнаго Генриха II...

... Признавъ дѣйствующихъ лицъ, мнѣ

Digitized by Google

не трудно уже было прослѣдить ихъ дѣйствія, которыя почти всѣ можно найти въ исторіи...»

То, что Гаргамелла произвела на свѣтъ Гаргантюа черезъ ухо, комментаторы считаютъ намекомъ, во-первыхъ, на то обстоятельство, что бракъ Людовика XII съ Анной Бретанской былъ не вполнѣ законный, такъ какъ онъ развелся съ своей первой женой Іоанной Французской, а во-вторыхъ, на то, что Францискъ I не былъ сыномъ Людовика XII и Анны, а ихъ пасынкомъ. Громадные запасы всякаго рода, растраченные по случаю этого событія, равно какъ и позднѣе, считаютъ намекомъ на большія потребности и расходы по содержанію французскихъ королей и ихъ двора, а громадное количество матеріи, какое пошло на костюмъ юнаго Гаргантюа,—намекомъ на роскошь и расточительность французскихъ королей.

Война пастуховъ съ пирожниками (главы 25 и 26) изображаетъ итальянскіе походы Людовика XII (1500 г.) и Франциска I (1515 г.) для отвоеванія Милана. Людовикъ Сфорца (Пикрошоль, характеръ котораго очень подходитъ къ характеру историческаго Людовика Сфорца) захватилъ Миланъ, но былъ взятъ въ плѣнъ Людовикомъ XII и до самой смерти (1516 г.) содержался въ желѣзной клѣткѣ въ замкѣ Лошъ, недалеко отъ Шинона. Его сынъ, Максимиліанъ Сфорца, снова завоевалъ Миланъ въ 1512 г., но былъ низложенъ Франциском I въ 1515 г. Медовые пирожки намекаютъ будто бы на итальянскіе мучныя кушанья и макароны.

«Старинная дружба» между Грангузье и Пикрошолемъ, о которой упоминается въ 31 главѣ, обозначаетъ союзъ и прежнія дружескія отношенія между французскими королями и герцогами Миланскими: преимущественно, между Карломъ VIII и Людовикомъ XII и Галеаццо и Людовикомъ Сфорца. Бѣгство Пикрошоля (глава 48) точь-въ-точь совпадаетъ съ судьбой Максимиліана Сфорца. Послѣ взятія Милана онъ бѣжалъ, но попался въ плѣнъ, былъ отвезенъ въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1530 г.

Въ главѣ 51 Грангузье награждаетъ своихъ военачальниковъ точь-въ-точь такъ, какъ Людовикъ XII своихъ генераловъ послѣ завоеванія Милана. Понократъ (маршалъ Тривульче) получаетъ Ларошъ Клермо (Миланъ), Гимнастъ (Луи де-ла-Тремуйль)—Кудрэ, Эвдемонъ (Бриссакъ)—Монпансье и т. д. Для брата Жана Гаргантюа строитъ въ награду Телемское аббатство. Братъ Жанъ, какъ выше сказано, долженъ изображать кардинала Жана дю-Беллэ. Помимо своихъ достоинствъ, какъ воинъ и государственный человѣкъ, онъ былъ просвѣщенный эпикуреецъ, любилъ вино, женщинъ и втайнѣ былъ женатъ. Телемское аббатство изображаетъ въ идеализированномъ видѣ великолѣпный замокъ Сенъ-Моръ-де-Фоссе, выстроенный кардиналомъ дю-Беллэ на берегахъ Марны, гдѣ онъ часто задавалъ пиры Франциску I. Телемское орденское правило: «Поступай такъ, какъ тебѣ угодно»,—было, дѣйствительно, девизомъ въ Сенъ-Морѣ.

Родословная Пантагрюэля насчитываетъ 59 великановъ,—число, соотвѣтствующее числу французскихъ королей отъ Фарамонда до Генриха II, такъ что комментаторы видятъ въ этомъ подтвержденіе догадки о тождествѣ Пантагрюэля съ Генрихомъ II.

Описаніе характера Панурга и его привычекъ (глава 16 книги II) соотвѣтствуетъ тому, что исторія повѣствуетъ о кардиналѣ де-Лорренѣ. Даже горбатый, орлиный носъ, а также разнообразные, предосудительные способы добывать деньги и ихъ проматывать, описываемые въ главѣ 17, равно какъ и склонность къ глумленію надъ всѣмъ на свѣтѣ,—черты, присущія обоимъ.

Подъ островами Tohu Bohu [1]) подразумѣваютъ Лотарингію и три епархіи, въ которыхъ герцогъ де-Гизъ, генералиссимусъ Генриха II, опустошилъ всѣ вѣтряныя мельницы и запасы, къ великому неудовольствію Карла V. Послѣдовавшее за этой катастрофой разстройство обозначаетъ дальнѣйшія невзгоды, причиненныя ему, которыя и побудили его, три года спустя, къ отреченію...

Касательно описанной въ главахъ 18—20 морской бури, одинъ изъ комментаторовъ говоритъ: «По всей вѣроятности, она должна изображать жестокое преслѣдованіе гугенотовъ, которое поднялось во Франціи при Генрихѣ II. Оно началось въ 1548 г. своего рода инквизиціей, учрежденной надъ реформатами. Въ главѣ 18 гроза разражается вслѣдъ за встрѣчею съ патерами, отправляющимися на соборъ; раздается громъ и молнія; въ главѣ 20 сверкаетъ особенно страшная молнія, сопровождаемая громомъ, о которой братъ Жанъ говоритъ: «Я полагаю,

[1]) Сумятица, безпорядокъ.

Digitized by Google

что всѣ черти держатъ здѣсь свой капитулъ.» Естественно предположить, что здѣсь рѣчь идетъ о ватиканскихъ и тому подобныхъ церковныхъ молніяхъ... Но другой комментаторъ несогласенъ съ этимъ толкованіемъ и находитъ болѣе вѣроятнымъ, что эта буря изображаетъ скорѣе грозное вторженіе Карла V въ Лотарингію и Фландрію въ 1552 г., когда онъ осадилъ Метцъ. Штурманъ—это коннетабль де-Монморанси, а братъ Жанъ, проявившій тоже большую дѣятельность и неустрашимость во время бури,—это кардиналъ дю-Беллэ; трусъ Панургъ, который то богохульствуетъ, то ханжитъ, — представляетъ собою кардинала де-Лоррена.

Подъ островами Макреоновъ[1]) слѣдуетъ разумѣть Англію и, преимущественно, англійскій островъ Гернсей, въ которомъ находится одна гавань, одинъ городъ, одинъ замокъ и десять деревень; цѣлью же Раблэ является здѣсь, будто бы, желаніе превознести царствованіе Франциска I передъ царствованіемъ Генриха II. Доказательство же того, что подъ островами Макреоновъ подразумѣется Англія, видятъ въ томъ, что все, что здѣсь разсказываетъ о нихъ Раблэ, все это повѣствуетъ Плутархъ (на котораго Раблэ даже ссылается въ концѣ 27 главы) о Британскихъ островахъ.

Въ королевствѣ Квинтъ-Эссенціи, по общему мнѣнію комментаторовъ, Раблэ имѣлъ въ виду изобразить алхимиковъ, астрологовъ и эмпириковъ. При этомъ онъ осмѣиваетъ взглядъ Аристотеля на «Энтелехію» (то-есть душу), а также многія другія пустыя и призрачныя науки, какъ, напримѣръ, схоластическія тонкости сорбонскаго богословія, которое онъ называлъ Матеотехникой.

Ковровая страна—страна лжи или, вѣрнѣе, ложныхъ представленій и служитъ критикой древнихъ и новѣйшихъ лживыхъ разсказовъ различныхъ путешественниковъ, всякихъ чудесныхъ розсказней и химеръ, равно какъ и чудовищъ и небылицъ, которыми полны средневѣковые романы, усердно еще читавшіеся въ эпоху Раблэ.

Фонарная страна изображаетъ міръ ученыхъ и просвѣщенныхъ людей, гдѣ собирается духовный капитулъ (Тріентскій соборъ).

* * *

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ читатели могутъ судить, какъ произвольны, чтобы не сказать фантастичны, толкованія комментаторовъ, и къ какимъ ухищреніямъ прибѣгаютъ они для разъясненія того, что часто не нуждается ни въ какихъ истолкованіяхъ. При этомъ усердіе ихъ заходитъ такъ далеко, что они находятъ нужнымъ толковать по-своему почти каждую строчку, каждую шутливую выходку писателя и этимъ скорѣе затемняютъ его, нежели разъясняютъ. Между тѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Раблэ намѣренно теменъ, сатира его довольно прозрачна и не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Насмѣшки его надъ монахами и вообще католическимъ духовенствомъ — насмѣшки очень ѣдкія, хотя и замаскированы, но очень ясны, и такую смѣлость обличенія можно объяснить только тѣмъ, что въ ту эпоху, когда жилъ Раблэ, «престолъ и алтарь» еще не объединились, какъ это случилось позднѣе, и даже, наоборотъ, еще боролись вообще за преобладаніе, и въ частности Генрихъ II враждовалъ съ римской куріей, такъ что выходки Раблэ противъ послѣдней были ему по нраву и недаромъ онъ такъ усиленно покровительствовалъ ему и охранялъ его отъ преслѣдованія духовенства, которое неоднократно порывалось его сжечь на кострѣ и непремѣнно сожгло бы безъ этого высокаго покровительства.

Какъ уже раньше сказано, комментаторы въ своемъ усердіи совершенно упускаютъ изъ виду, что произведеніе Раблэ есть прежде всего произведеніе поэтической фантазіи, а вовсе не тенденціозное, подстрочное, если можно такъ выразиться, обличеніе существующей дѣйствительности. Многіе французскіе критики называютъ Раблэ поэтомъ, а его сатирическій романъ—поэмой. Фердинандъ Брюнетьеръ проводитъ параллель между нимъ и Гомеромъ: первая и вторая книга произведенія Раблэ образуютъ своего рода «Иліаду», гдѣ такъ же, какъ и въ «Иліадѣ» Гомера, рѣчь идетъ только о генеалогіяхъ, сраженіяхъ и пирахъ; третья книга—центръ и узелъ всего сочиненія, гдѣ герои отдыхаютъ послѣ побѣды, занята ради ихъ развлеченія нескончаемыми разсужденіями о радостяхъ и опасностяхъ брака; двѣ послѣднихъ книги, гдѣ, какъ и въ «Одиссеѣ», тоже нѣтъ недостатка въ пирахъ, наполнены, вмѣсто сраженій, дорожными приключеніями, изслѣдованіями и открытіями.

«Естественно,—говоритъ Брюнетьеръ,—что у современниковъ поэта явилась мысль

[1]) Долголѣтніе.

Digitized by Google

объ аналогіи между этой «Иліадой» и войнами начала царствованія Франциска I и между этой «Одиссеей» и одиссеями Колумба, Васко де-Гама, Кортеца и Пизарро.»

Но отъ этой аналогіи до кропотливаго подкладыванія подъ каждое дѣйствіе героевъ романа Раблэ факта изъ современной ему дѣйствительной жизни, еще очень далеко. Комментаторы доходятъ въ своемъ усердіи до нелѣпаго. Такъ, напримѣръ, нумидійская кобыла, на которой Гаргантюа отправился въ Парижъ, должна, по мнѣнію однихъ, изображать герцогиню д'Этампъ, любовницу Франциска I, а по мнѣнію другихъ—Діану де-Пуатье, тогда какъ длинный хвостъ кобылы—гибельныя послѣдствія роскоши и расточительности, неизбѣжныхъ при содержаніи такой кобылы...

Такихъ фантастическихъ толкованій можно придумать цѣлые томы, но читать ихъ только утомительно и скучно, а для пониманія Раблэ нисколько не вразумительно. Сатира Раблэ гораздо шире тѣхъ рамокъ, въ какія ее хотятъ загнать комментаторы, и не зарывается въ мелочахъ, какія они ей навязываютъ.

А. Э.

Макъ-Кинлей.
Вновь избранный президентъ Соединенныхъ Штатовъ.

Digitized by Google

Съ акварели Марольда.

ЛЮДЕКЪ МАРОЛЬДЪ—ХУДОЖНИКЪ МИНУТЫ [1].

Sa voie était tracée dans l'indépendance...
A. Louvrier pe Lajolais,

Рис. Марольда.

Вопросъ объ изумительной правдивости произведеній Марольда, конечно, находится въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ вопроса о Марольдовомъ идеализмѣ. Необходимо точнѣе опредѣлить, къ какого рода идеализму Марольдъ, какъ мы уже сказали, не былъ способенъ. Перелистывая альбомы Марольда, мы необходимо приходимъ къ убѣжденію, что его работы распадаются на двѣ серіи, значительно отличающіяся по характеру композиціи. Одинъ рядъ работъ представляетъ собою безконечный рядъ образовъ, выхваченныхъ Марольдомъ изъ живой дѣйствительности, выхваченныхъ геніально, типично и всегда въ живописный моментъ. Живой, думающій и чувствующій фотографическій аппаратъ, геніально-наблюдательный, былъ бы дѣйствительно въ состояніи дать такую драгоцѣнную коллекцію, каждый нумеръ которой является бытовой картинкой историческаго значенія. Другой родъ работъ — самостоятельныя построенія, плодъ воображенія художника, цѣлый рядъ идеально красивыхъ, почти фантастическихъ женскихъ образовъ, полныхъ нѣги и ласки, и цѣлый рядъ феерической живописности набросковъ на тему шумныхъ историческихъ событій, или экзотическія сцены, полныя сказочныхъ чудесъ, красоты, богатства и нѣги. Этотъ рядъ работъ уже не есть передача дѣйствительности, это уже область фантазіи, и фотографія тутъ ни при чемъ. Итакъ Марольдъ—больше чѣмъ живой фотографическій аппаратъ.

Марольдъ записываетъ свои мечтанія,

[1]) См. «Нов. Журн. Иностр. Лит.» 1900 г., № 11.

Digitized by Google

сны и видѣнія изощренной души художника. Если хотите, это уже въ извѣстномъ смыслѣ идеализація дѣйствительности. Однако со словами: «идея, идеалъ, идеализація» въ приложеніи къ Марольду надо обращаться весьма осторожно: опредѣленныхъ, ясно оформившихся, устойчивыхъ идей и идеаловъ, которымъ Марольдъ былъ бы вѣренъ, которымъ онъ бы служилъ, у него нѣтъ. Для него всякій образъ, будь онъ реальный, будь фантастическій, имѣетъ цѣнность не въ зависимости отъ какого-либо воззрѣнія, отъ какихъ-либо этическихъ взглядовъ,—нѣтъ, онъ имѣетъ для него значеніе непосредственное, какъ отдѣльный красивый моментъ, безъ всякой связи съ прошедшимъ и будущимъ, безъ всякой связи съ остальнымъ міромъ.

Есть между древне-индусскими философскими системами одно любопытное направленіе, одна оригинальнѣйшая школа, которая въ кругу нашихъ европейскихъ ученій не нашла себѣ до сихъ поръ достойнаго отраженія. Міровоззрѣніе это можно было бы назвать школой моменталистовъ. Она не признаетъ связи причины и слѣдствія, не признаетъ реальности законовъ эволюціи, неумолимаго закона развитія во времени. Она не признаетъ времени вообще и утверждаетъ, что жизнь есть безконечная смѣна независимыхъ другъ отъ друга мгновеній, Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ни худого, ни хорошаго, нѣтъ и возмездія, потому что вообще нѣтъ послѣдствій, и потому что слѣдующій моментъ такъ же случаенъ и независимъ, какъ и настоящій или предшествовавшій. Зато моменты надо ловить, если они намъ нравятся...

Хотя у насъ эта мудрость и не возведена еще въ философскую систему, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, она отвѣчаетъ извѣстному психологическому настроенію и въ повседневной жизни проповѣдуется множествомъ людей. Собственно даже каждому изъ насъ свойственна склонность погрѣшить иной разъ подобнымъ культомъ момента, чтобы встряхнуться и ослабить затянувшіяся черезчуръ узы грозной цѣпи причинъ и слѣдствій. Есть, наконецъ, цѣлый классъ людей, которые безсознательно, а иногда и сознательно предаются этой удобной философіи. Имя этимъ счастливымъ людямъ — художники. Звуковой образъ для музыканта, сочетаніе красочныхъ пятенъ для живописца даютъ имъ моментъ, поглощающій все ихъ существованіе, съ тѣмъ, чтобы перенести ихъ затѣмъ и отдать всецѣло другому аккорду звуковъ или красокъ. Правда, это міровоззрѣніе свойственно всего болѣе настоящимъ художественнымъ натурамъ, которыя дѣйствительно живутъ и дышатъ созвучіями и сочетаніями пятенъ, или какъ иные актеры — сочетаніемъ психическихъ состояній, не имѣющихъ никакого отношенія къ ихъ реальному бытію. Есть, конечно, другого рода артисты, которые преслѣдуютъ разныя цѣли: одни проповѣдуютъ идею, которой они преданы, другіе угождаютъ вкусамъ толпы, преслѣдуютъ не менѣе отвлеченную, чуждую искусству, цѣль шумнаго эффекта. Не объ этихъ художникахъ мы говоримъ, и не къ ихъ числу принадлежалъ Людекъ Марольдъ. Онъ былъ художникъ чистѣйшей воды, типичнѣйшій артистическій характеръ и былъ въ наши дни образцомъ истиннаго философа-моменталиста въ древне-индусскомъ смыслѣ.

Этимъ, кажется, намъ объясняется очень многое, если не все, въ жизни и въ трудахъ Марольда. Понятно, прежде всего, почему онъ никогда не могъ учиться въ школѣ: тамъ все было — система, послѣдовательность, зависимость, его природѣ ненавистныя. Самъ онъ впечатлительный, какъ чувствительная пластинка, сразу овладѣвалъ всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ, въ удивительномъ совершенствѣ. Его техника поразительно могуча уже въ дѣтскомъ возрастѣ. Его пріемы композиціи и исполненія не похожи ни на какіе прежде видѣнные. Онъ идетъ всегда прямо къ цѣли, безъ всякой подготовки и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ — сразу схватываетъ моментъ.

Друзья-біографы въ альбомѣ «Едноты умѣльцевъ» разсказываютъ намъ его удивительный способъ воспроизведенія образовъ, его захватывавшихъ. Съ невѣроятной быстротой набрасываетъ онъ сначала нѣсколько шальныхъ пятенъ, затѣмъ углубляетъ ихъ тѣни— получается пластическій образъ. Моментъ схваченъ, художникъ чувствуетъ его уже во всѣхъ подробностяхъ на бумагѣ. Тогда Марольдъ смываетъ все губкой и на неясныхъ, едва замѣтныхъ слѣдахъ своихъ первоначальныхъ пятенъ возобновляетъ образъ въ поразительной реальности. Матеріалъ ему безразличенъ: онъ беретъ все въ перемежку, что попадается ему подъ руку: карандашъ, тушь, перо, акварельныя краски, цвѣтной

Digitized by Google

Послѣ попойки.
(Съ акварели Марольда).

Digitized by Google

Послѣ попойки.
(Съ акварели Марольда).

карандашъ, иногда пепелъ, упавшій съ его папироски. Вырисовываетъ онъ далеко не все, а только то, что необходимо для нужнаго впечатлѣнія. Это уже вѣскій доводъ въ пользу невозможности назвать его серіозно хорошимъ рисовальщикомъ, хотя, какъ мы видѣли, называли его такъ сплошь и рядомъ. И еще вѣскій доводъ: линію онъ не считалъ необходимымъ средствомъ, предпочитая ей краски. «Чернаго искусства» онъ не любилъ и часто работалъ красками свои иллюстраціи, которымъ суждено было появиться въ черной репродукціи. Онъ былъ типическій художникъ-колористъ.

Между прочимъ, Марольдъ отличается еще одной рѣдкой чертой: онъ никогда не повторяется, и не только въ темѣ или характерѣ изображаемыхъ имъ лицъ, но и въ мелочахъ, въ аксессуарахъ изъ сотенъ его набросковъ изъ одной и той же сферы парижской салонной и уличной жизни каждая вещь поражаетъ своей самобытностью, каждая—маленькій шедевръ, совершенно самостоятельный и не имѣющій ничего себѣ подобнаго ни у другихъ художниковъ, ни у самого Марольда. Это поразительно, но такъ оно и должно быть: пережитый однажды всей душой моментъ уже не представляетъ для него никакого интереса, водоворотъ

Digitized by Google

жизни влечетъ художника дальше, и жадный глазъ его ловитъ все новые и новые своеобразные моменты. А ихъ въ жизни такъ много для тѣхъ, кто ихъ любитъ, особенно въ Парижѣ! Вполнѣ понятно, кажется, почему для дарованія, подобнаго Марольдову, Парижъ былъ необходимымъ условіемъ столь пышнаго расцвѣта.

«Plus parisien qu'un parisien!»—отозвался Гонкуръ о скромномъ, застѣнчивомъ славянскомъ художникѣ, который сначала отъ робости не умѣлъ ступить шага въ парижскихъ салонахъ. Извѣстно, впрочемъ, что глазу чужеземца характерныя черты страны или народа обыкновенно доступнѣе, чѣмъ мѣстному наблюдателю. Извѣстно, что лучшіе художники, увѣковѣчившіе Парижъ и парижанку, были иностранцы: А. Стевенсъ—фламандецъ, а де-Ниттисъ и Больдини—италіанцы. Марольдъ едва ли не превзошелъ ихъ, несмотря на свою молодость и кратковременность своей художественной дѣятельности въ Парижѣ. Его парижскія картинки полны животрепещущей жизни и будутъ жить вѣчными памятниками не только внѣшности Парижа девяностыхъ годовъ, со всей его обстановкой утонченной роскоши, съ его модами и даже съ малѣйшими, едва замѣтными, мимолетными колебаніями моды, но также до нѣкоторой степени памятниками нравственной атмосферы. Многія картинки дѣйствительно схвачены въ удачный, характерный психологическій моментъ, и потому нельзя никакъ сказать, чтобы Марольдъ не былъ психологомъ. Напротивъ, онъ былъ удивительно зрячимъ психологомъ и философомъ минуты. Вы можете всегда сказать вполнѣ опредѣленно, что чувствуютъ въ эту минуту изображенные Марольдомъ люди, но, правда, никогда не отгадаете, что они думали вчера или будутъ думать завтра; связь времени для Марольда, какъ сказано, не существуетъ. Поэтому-то онъ и не изображаетъ никогда людей, носящихся годами съ великою думой, мятущихся великимъ чувствомъ. Эта область для него, какъ для моменталиста, закрыта. Поэтому-то онъ не можетъ быть и моралистомъ, что не мѣшаетъ ему быть нравственно чистымъ. У него нѣтъ ни добродѣтельныхъ, ни преступныхъ, а все только невинные и добрые малые.

Нравственная чистота Марольдовыхъ образовъ поистинѣ достойна удивленія и стоитъ того, чтобы надъ ней призадуматься. Неужели Марольдъ, изучавшій въ свое время съ такимъ увлеченіемъ подонки общества, знавшій въ такихъ подробностяхъ парижскую улицу и, несомнѣнно также, неблаговидную изнанку утонченнаго парижскаго свѣта, неужели онъ не видѣлъ грязи и гнусности жизни? Просмотрите сотни его работъ, гдѣ онъ перебралъ, кажется, не стѣсняясь, всѣ темы, гдѣ передъ вами промелькнутъ и бульварная кокотка на ловитвѣ, и опустившійся бонвиванъ, и сильно помятая, истрепанная безалаберной ночью, не особенно прекрасная дама въ очень неряшливомъ дезабилье... Просмотрите все это внимательно, и вы отвѣтите: Нѣтъ, онъ не видалъ грязи жизни! Дѣйствительно, его чистая, почти дѣтская славянская душа была чужда этой грязи. Эта нравственная чистота—весьма замѣтный признакъ западнаго славянина, не чуждый, думается, и восточнаго, если бы мы не видѣли совершенствованія въ огульномъ подражаніи иностранцу, и притомъ часто на первомъ мѣстѣ французскому культу нравственной грязи. Эта дѣтская неиспорченность и неспособность къ полному паденію—весьма обычное явленіе въ западномъ славянствѣ, несомнѣнно, впрочемъ и у насъ, въ славянствѣ восточномъ, тамъ, гдѣ оно сохранилось въ большей чистотѣ. Что Марольдъ былъ славянинъ по существу своего характера, признаютъ и французскіе его критики (W. Ritter); для насъ тоже, кажется, не можетъ быть въ томъ никакого сомнѣнія, послѣ того какъ мы ознакомились съ его совершенно по-славянски безалабернымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлымъ и жизненнымъ путемъ и его независимой манерой, не признающей никакихъ чужихъ авторитетовъ, установленныхъ нормъ, условій и школы. Въ извѣстномъ смыслѣ это былъ художникъ не отъ міра сего, т.-е. не отъ міра романо-германской западной культуры. Это былъ человѣкъ иной культуры, иного міра: духовно онъ всецѣло принадлежалъ славянству.

Возвратимся еще къ затронутому нами вопросу о декоративномъ элементѣ въ произведеніяхъ Марольда. Какъ мы замѣтили, онъ былъ у него лишь средствомъ къ цѣли и находился въ оригинальной связи съ его художественнымъ міровоззрѣніемъ: да, утверждаемъ мы, въ связи съ міровоззрѣніемъ моменталиста. Моментъ, какъ таковой, ради своей живописности и яркости долженъ

Digitized by Google

быть выдѣленъ, вырванъ изъ цѣпи зависимости, долженъ быть поставленъ въ красивую подходящую рамку. Разъ этой рамки нѣтъ, окружающее слишкомъ напоминаетъ намъ о многомъ такомъ въ жизни, что свя зано съ нашимъ моментомъ тайными неразрывными нитями, что бросаетъ на него особое освѣщеніе... А этого Марольдъ не хочетъ. Онъ ревниво бережетъ чистоту своего мимолетнаго впечатлѣнія и, чтобы спасти его отъ всякой критики, спѣшитъ обвить его кружевами и драгоцѣнными тканями, залить потокомъ жизнерадостныхъ солнечныхъ лучей.

Эта точка зрѣнія замѣтна у Марольда и въ его своеобразной манерѣ композиціи. Обыкновенно онъ набрасываетъ сначала головки, въ ихъ глазахъ выражаетъ смыслъ момента и затѣмъ уже придѣлываетъ къ головамъ туловища, придавая имъ необыкновенно ловко нужное для впечатлѣнія выразительное положеніе. Затѣмъ уже набрасываетъ безукоризненно изящную обстановку, иногда просто декоративный фонъ эффектныхъ пятенъ. Насколько цѣненъ для Марольда переживаемый моментъ, насколько дорога ему свобода вдохновенія,—видно, между прочимъ, уже изъ того, что онъ никогда не давалъ иллюстраціи на точно опредѣленныя темы или на текстъ. Если онъ иллюстрировалъ романъ, то образы его передавали его личныя настроенія подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, причемъ онъ никогда не старался о томъ, чтобы обстановка въ его рисункѣ рабски передавала текстъ описанія. Когда онъ работалъ для «Fliegende Blätter», то посылалъ редакціи только характерныя сценки, схваченныя имъ гдѣ-нибудь въ натурѣ, и уже редакція старалась подобрать къ нимъ текстъ, что было обыкновенно не трудно благодаря краснорѣчію Марольдовыхъ образовъ.

Семь лѣтъ, проведенныхъ въ Парижѣ въ непрестанномъ напряженномъ трудѣ, утомили подъ конецъ Марольда и расхолодили нѣсколько его страстное увлеченіе любимой работой. Повидимому, неосязательность, расплывчатость этого огромнаго труда, выражавшагося въ сотняхъ набросковъ, расходившихся по всему свѣту въ видѣ простыхъ

Съ этюда Марольда.

Digitized by Google

гравюръ на деревѣ, стали наводить Марольда на серіозныя размышленія. У него является потребность сосредоточиться и создать нѣчто большое, могучее. А, можетъ быть, ему только кажется, что у него есть эта потребность болѣе крупнаго подвига? Марольдъ берется за масляныя краски и творитъ чудеса своею сочной, всегда насыщенной краской, кистью, которою работаетъ съ невѣроятной скоростью и легкостью. Онъ пишетъ прекрасный

Рис. Марольда.

портретъ своего малютки-сына. Чтобы оторваться отъ поглощающаго его мелкаго труда, онъ покидаетъ, наконецъ, Парижъ, возвращается въ Прагу, гдѣ устраиваетъ себѣ мастерскую, готовясь заняться исторической живописью. Тутъ же онъ даетъ пробу своего искусства въ этомъ родѣ: въ баснословно краткій срокъ—въ нѣсколько недѣль онъ пишетъ гигантскую панораму «Битва у Липанъ», живописную, эффектную, блестящую, но... являющуюся, по его собственному признанію, «образчикомъ того, какъ не слѣдуетъ писать историческихъ панорамъ». Мы бы добавили: «какъ не слѣдуетъ писать ихъ Марольду», потому что Марольдъ тутъ былъ дѣйствительно не на мѣстѣ. Виртуозъ съ необычайной техникой, на все способный, на всѣ руки мастеръ, изящный и притомъ ловкій декораторъ, Марольдъ былъ въ состояніи выйти побѣдителемъ изъ какой угодно задачи по живописи, писалъ же онъ блестяще и портреты и пейзажи. Однако, для исторической живописи у него, несомнѣнно, не было достаточно вдумчивости въ духъ давно прошедшаго времени. Тѣломъ и душой Марольдъ жилъ въ настоящемъ, страстно его любилъ и полонъ былъ его образами. Отъ его средневѣковыхъ закованныхъ въ броню всадниковъ нѣтъ-нѣтъ да и пахнетъ современнымъ скаковымъ полемъ; его суровые гусситы порою смотрятъ на врага глазами тщедушнаго парижанина. Движеніе, несомнѣнно, есть, но какое-то не боевое. Могучее и грозное движеніе, свойственное рукопашной битвѣ тѣхъ временъ, отсутствуетъ. Его Марольдъ не видалъ въ дѣйствитель-

Digitized by Google

ности и не могъ себѣ представить. Нѣтъ, не въ исторической живописи было высшее призваніе Марольда. Гораздо скорѣе достигъ бы онъ, пожалуй, крупныхъ успѣховъ, какъ портретистъ: исполненный тушью портретъ Верди, упомянутый портретъ ребенка-сына и нѣсколько типичнѣйшихъ портретовъ-набросковъ даютъ о Марольдѣ, какъ о портретистѣ, весьма выгодное представленіе. Едва ли, впрочемъ, мы ошибемся предположивъ, что и въ этой области ему мѣшала бы его любовь къ моменту: едва ли былъ бы онъ способенъ вложить въ портретъ всю предшествующую духовную жизнь человѣка.

Нѣтъ, намъ кажется, Марольдъ свое призваніе успѣлъ выполнить въ значительной мѣрѣ, несмотря на то, что скончался всего 33 лѣтъ отъ роду въ расцвѣтѣ своей силы и славы. Его главный подвигъ, его моментная философія современнаго Парижа есть подвигъ безсмертный, несравненный. Если чехамъ слѣдуетъ оплакивать его раннюю утрату, то главнымъ образомъ потому, что онъ могъ бы со временемъ такъ же увѣковѣчить Прагу и очаровательную пражанку, какъ увѣковѣчилъ Парижъ и его прелестныхъ дочерей... Право, лишняя сотня хорошенькихъ женскихъ головокъ стоитъ иной разъ больше той или другой страницы изъ кровавой трагедіи исторіи!..

Несторъ.

МАКСЪ МЮЛЛЕРЪ.

Въ Оксфордѣ скончался профессоръ Максъ Мюллеръ, первостепенный знатокъ санскритской литературы, первоклассный языковѣдъ, филологъ-мыслитель, блестящій популяризаторъ науки о языкѣ и исторіи религій, сочиненія котораго всюду пользуются извѣстностью не только въ тѣсномъ кругу спеціалистовъ, но и вообще въ средѣ образованныхъ людей всего міра.

Максъ Мюллеръ.

Покойный былъ сынъ извѣстнаго нѣмецкаго поэта-филэллина Вильгельма Мюллера (род. 1823 г. въ Дессау), получилъ филологическое образованіе въ университетахъ Лейпцигскомъ (у Брокгауза учился санскриту, у Флейшера арабскому языку) и Берлинскомъ (былъ ученикомъ Франца Боппа, отца сравнительнаго изученія индо-европейскихъ языковъ), въ 1845 г. отправился въ Парижъ, гдѣ былъ ученикомъ знаменитаго оріенталиста Бюрнуфа, который и направилъ его любознательность и дарованія на изученіе Ригъ-Веды, важнѣйшаго религіознаго памятника древней Индіи. Ради этого Максъ Мюллеръ отправился въ Англію, гдѣ при содѣйствіи Остъ-Индской компаніи занялся изданіемъ Ригъ-Веды. Трудъ этотъ былъ выполненъ имъ съ 1849 г. по 1874 гг. Въ 1850 г. Максъ Мюллеръ получилъ въ Оксфордскомъ университетѣ каѳедру исторіи литературы и новѣйшихъ языковъ, а въ 1868 г. тотъ же университетъ учредилъ для него каѳедру сравнительнаго языкознанія, которую онъ занималъ до 1875 г. и затѣмъ вышелъ въ отставку, чтобъ всецѣло посвятить себя изданію въ научно точномъ англійскомъ переводѣ «Священныхъ книгъ Востока». Это колоссальное научное предпріятіе, обнимающее собою тексты религіозныхъ памятниковъ китайцевъ, индусовъ, персовъ, арабовъ и другихъ народовъ Востока, достигло уже 49 огромныхъ томовъ. Помимо трудовъ по языку, литературѣ и философіи древней Индіи, работы Макса Мюллера по изслѣдованію сущности и происхожденія языка, а также по изученію исторіи и философіи религій, проложили новые пути и безгранично расширили умственный горизонтъ новѣйшихъ филологовъ и лингвистовъ.

Digitized by Google

Маки.
(Съ акварели Марольда).

ФРАНЦУЗСКІЕ ПОЭТЕССЫ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ **Е. М. Шершевской.**

III [1]).

Послѣ трогательныхъ, но мало удачныхъ попытокъ нѣмецкихъ поэтессъ заняться философіей въ своихъ стихотвореніяхъ, проникаешься невольнымъ удивленіемъ и уваженіемъ, читая произведенія Луизы Аккерманнъ. Какъ уже сказано, она сложилась подъ нѣмецкимъ вліяніемъ (и составляетъ безусловное исключеніе среди другихъ французскихъ поэтессъ), но, благодаря своему сильному, мужественному уму, она была въ состояніи создать нѣчто цѣльное изъ всего, ею усвоеннаго. Ни одна изъ нѣмокъ не можетъ съ нею сравниться, даже трезвые взгляды Альмази кажутся дѣтскимъ лепетомъ. Мало того, она не только выдерживаетъ сравненіе, но оно оказывается все въ ея пользу, если сравнить ее съ философомъ и поэтомъ Гюйо [2]). Здѣсь встрѣчается обратное тому, что наблюдалось нами у другихъ поэтессъ: здѣсь мужская философія блѣднѣетъ и меркнетъ передъ сильнымъ и яснымъ міровоззрѣніемъ женщины.

Мы не станемъ излагать біографію Аккерманнъ; она скудна событіями, да и не въ ней ключъ къ философіи поэта, а во всемъ ея душевномъ и умственномъ складѣ. Единственно, что необходимо отмѣтить, это что Аккерманнъ нѣсколько лѣтъ провела въ Германіи, тамъ же вышла замужъ за эльзасца и вращалась въ самомъ центрѣ интеллигентной жизни; Гумбольдтъ, Варнгагенъ, Іоганнъ Мюллеръ, Бекъ—вотъ имена людей, въ кругу которыхъ она жила. Вѣроятно, близкое знакомство съ нѣмецкими философами выработало въ ней столь необычайную

---

[1]) См. «Новый Журналъ Иностр. Лит.» № 11.

[2]) Гюйо умеръ очень молодымъ, лѣтъ 30-ти съ небольшимъ, и сравнительно недавно, но оставилъ нѣсколько замѣчательныхъ по своей силѣ сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшее «Essai d'une religion sans obligation ni sanction»; затѣмъ «L'art au point de vue sociologique», «La religion de l'avenir» и друг.

Digitized by Google

для француженки глубину. Скажемъ теперь же, чтобы покончить съ подробностями ея личной жизни, что ея бракъ былъ по разсудку, а не по страсти, ибо по природѣ она не была склонна къ любовнымъ эмоціямъ. Но несмотря на отсутствіе увлеченія и поэтическаго элемента, ея бракъ оказался глубоко счастливымъ. Въ каждой строкѣ немногихъ стихотвореній, касающихся этой стороны ея жизни, сквозитъ искреннее чувство и глубокое горе о безвременно погибшемъ счастіи (ея мужъ умеръ черезъ два года послѣ свадьбы):

«Какъ буду по милымъ мѣстамъ я бродить, какъ бродила бывало,
Съ безмѣрною этой тоскою въ израненномъ сердцѣ моемъ?
Въ слезахъ—гдѣ смѣялася я; грустя—гдѣ я счастье узнала;
Одна—гдѣ мы были вдвоемъ?»
(In memoriam, I).

Ей даже тяжело наслажденіе природой:

«И часто себя я глубоко, о солнце, за то упрекаю,
Что такъ я любуюсь тобою, когда онъ не видитъ тебя!»
(In memoriam, III).

Эта истинно-женская чуткость заставляетъ съ невольной улыбкой вспомнить другое ея стихотвореніе, писанное до замужества, гдѣ встрѣчается такая дѣвически-наивная фраза:

«Нѣтъ, лучше никогда не вѣдать увлеченья.
Отречься... Что-жъ, во мнѣ на это хватитъ силъ.
Вѣдь если вся любовь лишь скорбь и заблужденье,
Гордиться въ правѣ тотъ, кто вовсе не любилъ.»
(Renoncement).

Но не смѣшна, а трогательна становится эта наивность, если вспомнить, какой сильный, ясный умъ уживался съ этимъ ребячески-неопытнымъ сердцемъ. А насколько оно неопытно,—доказываетъ уже одно то, что, смѣло возставая противъ самыхъ основныхъ взглядовъ человѣчества, Аккерманнъ не только не коснулась своей всеразлагающей мыслью вопроса о бракѣ, но даже прямо высказала, что только въ бракѣ любовь прекрасна (l'Hyménée et l'Amour). Но,—странное, повидимому, противорѣчіе,—несмотря на такое патріархальное отношеніе къ любви, она горячо и сердечно отзывается о Мюссе:

«Но этотъ крикъ, что въ душу проникаетъ,
Но этотъ стонъ, что отзвукъ пробуждаетъ
Во всѣхъ сердцахъ, — лишь ты сумѣлъ издать.»
(A. Musset).

И это понятно: оба они страдаютъ болѣзнью вѣка—раздвоеніемъ, сомнѣніемъ; только Мюссе переживаетъ все чувствомъ, а Аккерманнъ — умомъ, и когда Мюссе можетъ только страдать, Аккерманнъ — страдать и мыслить и потому выходитъ побѣдительницей изъ борьбы, объективируя ее. Она поняла, что какъ аскетъ, такъ и развратникъ ищутъ одного и того же—идеала, смысла, цѣли жизни:

«О, идеалъ, свою ты бездну передъ обоими раскрылъ,
Будь то небесное блаженство иль сладострастья жадный пылъ.»
(L'Idéal).

Этими немногими штрихами исчерпывается личная сторона творчества Аккерманнъ.

Глубоко интересно сопоставленіе міровоззрѣній Гюйо и Аккерманнъ, ибо, будучи сходными въ основныхъ взглядахъ, они тѣмъ ярче отражаютъ индивидуальное различіе обоихъ поэтовъ. Главное положеніе обоихъ таково: у природы нѣтъ никакой внѣ ея лежащей цѣли. И цѣлый рядъ стихотвореній, развивающихъ этотъ взглядъ, прямо просится на сравненія. Въ сильномъ, но многословномъ стихотвореніи «Прометей» Аккерманъ говоритъ устами Прометея, обращаясь къ Юпитеру:

«Какъ отъ дурного сна—освободясь отъ вѣры,
Тирановъ въ небесахъ отвергнетъ родъ людской;
Униженность раба и прежній страхъ безъ мѣры
Не склонитъ ихъ главы позорно предъ тобой.
Безъ отклика къ тебѣ взываютъ ихъ сердца,
И люди угомясь рѣшатъ, что нѣтъ Творца.
Блистательный покровъ природою нетлѣнной
Наброшенъ на тебя, отъ нихъ тебя онъ скрылъ,
И лишь двойной законъ имъ ясенъ во вселенной:
Законъ случайностей и силъ.»

Digitized by Google

Насколько проще и сильнѣе выразилъ эту же мысль Гюйо:

«Ужели съ Бога отрицаньемъ небесъ исчезнетъ красота?
Ужель размѣры мірозданья измѣнитъ эта пустота?
...И если я познать не въ силахъ, откуда я, куда иду,
Зачѣмъ страдаю одиноко и одиноко въ гробъ сойду,
Я говорю: никто не хочетъ мученій и тоски моей;
Хоть въ мірѣ много есть несчастныхъ, въ немъ нѣтъ суровыхъ палачей.
Лишь безсознательно, невинно природа убиваетъ насъ.
О, солнце, бездна, сводъ небесный, я навсегда прощаю васъ!..
Луна и звѣзды золотыя, что мирно на небѣ горятъ,
Всѣ эти вѣчныя созданья не знаютъ сами, что творятъ.»
(Question).

Но у Гюйо нѣтъ великой силы Аккерманнъ—цѣльности до малѣйшихъ деталей въ міровоззрѣніи. Разъ признавъ отсутствіе высшей цѣли въ природѣ, она имѣетъ мужество принять и всѣ послѣдствія такого взгляда, то-есть отрицаніе загробной жизни, отрицаніе всякихъ идеаловъ, фатальную необходимость всего, даже любви. Гюйо же, признавая тѣ же два основныхъ положенія, не можетъ согласовать ихъ со своимъ чувствомъ и въ угоду ему дѣлаетъ самыя противорѣчивыя надстройки къ своей главной философской теоріи. Отрицая цѣль въ природѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, признаетъ желательнымъ существованіе идеала, называя его плодотворной иллюзіей:

«Если всякое дѣло имѣетъ героя,
Если подвиговъ много еще на землѣ,
Если трудится каждый, не зная покоя,
Дорогую идею лелѣя въ умѣ,
Это лишь потому, что мы все украшаемъ,
Что мы силы въ своемъ заблужденьи черпаемъ.
...Идеалъ въ этомъ мірѣ ужель не прекраснѣй,
Не полнѣй и не глубже, чѣмъ самая жизнь?»

И далѣе:

«Вѣдь иллюзіи истину намъ создаютъ.»
(Illusion féconde).

Насколько трезвѣе пониманіе идеала у Аккерманнъ:

«Идеалъ! На стезяхъ твоихъ дивно-лучистыхъ
Много насъ заблудилось и сгибло въ борьбѣ!
Ты чаруешь средь насъ только лучшихъ и чистыхъ,
И они безъ протеста сдаются тебѣ,—
Не изъ трусости, нѣтъ, а лишь въ высь порываясь,
Съ отвращеніемъ видя все тлѣнность кругомъ,
Отъ реальности пошлой невольно спасаясь,
Что къ землѣ пригибаетъ ихъ тяжкимъ ярмомъ.»
(L'Idéal).

Можно вообще не сочувствовать такой пессимистической философіи, но нельзя не признать, что Аккерманнъ вполнѣ послѣдовательна въ своемъ пессимизмѣ. Ея формулировка всегда кратка и точна. Цѣль природы—въ ней самой, въ ея творчествѣ:

«Задержки нѣтъ ни часа, ни мгновенья,
Матерія не можетъ отдыхать,
Работницы-Природы назначенье
Все разлагать и снова создавать.»
(Le Nuage).

А вотъ та же мысль у Гюйо:

«Тщетно ищетъ нашъ взоръ въ глубинѣ сокровенной,
И куда-то влечетъ насъ безмолвная тьма;
Что увидимъ мы тамъ? Повторенье вселенной...
Какъ ея безконечность безплодно-бѣдна!»

И обращаясь къ Природѣ:

«Что за цѣль ты преслѣдовать можешь вѣками?
Какъ тебѣ ее все же достичь не дано?
И когда идеалъ твой возстанетъ предъ нами?
Иль какъ солнца твои онъ померкнулъ давно?
...Все такъ сходно, такъ тѣсно въ пространствѣ сомкнулось,
Все себя повторять будетъ такъ же всегда;
Что прошло—возвратится; пройдетъ,—что вернулось;
Нескончаемымъ кругомъ сплелися года.»
(L'analyse spectrale).

Сколько лишнихъ словъ, чтобы высказать ту же мысль! Какъ нелогично и самое исканіе идеала, и какъ сильна фраза! Разъ природа не имѣетъ цѣли, то единственная возможная религія на землѣ — Покорность (Аккерманнъ):

«Покорность! Высшій культъ, религія святая,
Что человѣкъ найдетъ въ законахъ міровыхъ,
Когда его мольбамъ послѣднимъ не внимая,

Digitized by Google

Всѣ боги изъ небесъ исчезнутъ голубыхъ,—
Внуши ему, что тщетны стоны и моленья,
Что святость на землѣ—въ молчаньи и терпѣньи.
...Когда увидитъ онъ всесильные законы
Тамъ, гдѣ капризъ боговъ онъ уважать привыкъ,
Пусть знаетъ, что смѣшно склоняться и молиться,
И что передъ лицомъ безжалостныхъ владыкъ
Онъ долженъ, проходя, лишь молча поклониться.»
(Pascal).

Несмотря на всѣ наши усилія, мы не можемъ вырвать отъ природы ничего, кромѣ какихъ-то жалкихъ проблесковъ мысли.

Гюйо:

«Мы въ игры играемъ, зовемъ ихъ «искусства, науки»
И думаемъ мы, что природа подвластна вполнѣ,
Коль капельку пѣны удержать безсильныя руки
Изъ бездны глубокой, что вѣчно рокочетъ во тьмѣ.
...И все жъ ты намъ дорогъ, и все жъ мы гордимся тобою,
Цвѣтокъ лучезарный, воздушная пѣна волны!
И самъ я сойду любоваться твоей бѣлизною,
Забывши въ тотъ мигъ, что ревущія волны грозны...»
(La pensée et la nature).

Аккерманнъ:

«Когда воскликнулъ Гёте: «Больше свѣта!»,
Во тьмѣ съ усильемъ напрягая взоръ,
Онъ зналъ, какимъ покровомъ все одѣто:
Со смертью жизнь доканчивала споръ.

Мы повторяемъ этотъ крикъ страданья,
Но нашъ далекъ еще послѣдній часъ,
Нашъ ясенъ взоръ, но — страшное страданье! —
Теперь нашъ умъ не видитъ и погасъ!»

Человѣкъ не можетъ, однако, примириться съ этимъ безсиліемъ, онъ вѣчно, тщетно ищетъ:

«Да, свѣту намъ! Хоть не надеждой ясной,
Звучитъ тоской отчаянный нашъ стонъ!
Чѣмъ чаще слышенъ дивный крикъ напрасный,
Тѣмъ тяжелѣй, тѣмъ безотраднѣй онъ.»
(De la lumière!)

Какая сила въ этомъ преклоненіи передъ роковой дѣйствительностью! И она съ изумительнымъ мужествомъ несетъ этотъ тяжкій гнетъ, не пытаясь тѣшить себя пустыми побрякушками. Тамъ, гдѣ Гюйо нерѣшительно спрашиваетъ:

«Что, коль смерть не раскроетъ всей истины намъ,
Не смиритъ рокового удѣла?
И за нею природа откроетъ глазамъ
Неизвѣстности новой предѣлы?»
(Le problème d'Hamlet).

Тамъ Аккерманнъ смѣло отвѣчаетъ:

«Какъ! Послѣ холоднаго, тѣснаго гроба
Откроется небо душѣ дорогой?
Въ двухъ разныхъ мірахъ мы очутимся оба?
Нѣтъ, лучше могильный покой!

...Минуты блаженства страшны и прекрасны,
Когда въ пустоту мы безумно глядимъ,
И ласки такъ чудны, такъ жгучи и страстны,
Когда мы надъ бездной бездонной стоимъ.

«...Я буду силенъ и въ минуту прощанья,
Всю страсть и всѣ силы влагая въ него,
Найду я въ душѣ своей, полной страданья,
Довольно любви, чтобъ не ждать ничего.»
(Paroles d'un amant).

И она это доказала: смерть любимаго мужа нигдѣ не вырвала у нея жалобъ или ужаса передъ вѣчной разлукой.

Любовь есть такая же слѣпая необходимость, какъ все, совершающееся въ природѣ. Это прямой выводъ изъ такой философіи, и Аккерманнъ такъ и смотритъ на любовь, тогда какъ Гюйо и тутъ пытается примирить непримиримое: говоря о первомъ столкновеніи любви съ матеріей, онъ заключаетъ:

«Все живетъ, все трепещетъ; въ атомѣ самомъ
Отозвались аккорды вселенной.
Все слилось гармонично въ біеньи одномъ,
Гимнъ любви воспѣвая священный.»
(L'Amour et l'Atome).

Какая разница между этой трескучей и пустой фразой и замѣчательнымъ по силѣ и сжатости стихотвореніемъ Аккерманнъ «L'Amour et la Mort»:

«И вы счастливы, душу природы вдыхая,
Что трепещетъ въ лугахъ, средь лѣсовъ и полей;
Но бездушна улыбка ея молодая—
Что до счастія вашего ей?
Да, одно лишь у мачихи этой желанье —
Безъ конца, безъ границъ, неустанно рожать.
Для себя она вѣчность взяла въ достоянье
И оставила васъ умирать.

Digitized by Google

...Весь священный вашъ пылъ, весь восторгъ, все томленье,
Что клокочутъ въ груди вашей жаркой струей,
Это все—поколѣній грядущихъ біенье,
Что ведете вы вслѣдъ за собой.

...Все живущее въ цѣпи одной безконечной
На бѣгу факелъ страсти другъ другу сдаетъ,
Каждый схватитъ на мигъ этотъ свѣточъ превѣчный
И тотчасъ же другимъ отдаетъ.»

И Аккерманнъ восклицаетъ, обращаясь къ влюбленнымъ:

«Что-жъ! Коль смерть и любовь здѣсь законъ неизмѣнный,
Ты, силенъ и прекрасенъ восторгомъ любви
И затерянъ среди безграничной вселенной,
Человѣкъ, умирай и люби!»

Какимъ жалкимъ лепетомъ кажется послѣ этого обращеніе къ природѣ Гюйо:

«Ты мать, но голосъ твой звучитъ безъ выраженья,
Твой веселъ звучный смѣхъ, но есть ли ласка въ немъ?
Мы смотримъ на тебя съ тревожнымъ уваженьемъ
И смутную печаль мы въ сердцѣ сознаемъ.
Ужель въ твоей груди нѣтъ сердца для отвѣта?
Ужели не любовь все плодородье это?»
(Genitrix hominumque Deumque).

Оба поэта цѣнятъ искусство, но Гюйо видитъ счастіе въ возможности «наслаждаться, не анализируя источниковъ своего удовольствія»; Аккерманнъ же — въ возможности обмануть этимъ культомъ искусства «вѣчную скорбь и безграничное желаніе», которыя томятъ сердце человѣка, послѣ того какъ онъ лишился вѣры.

Въ заключеніе приведемъ четверостишіе, которымъ Аккерманнъ заканчиваетъ свою книгу и которое можетъ служить девизомъ ко всей ея философіи:

«Не знаю! Лишь такимъ безпомощнымъ отвѣтомъ
Обманутый свой умъ должна я утѣшать;
И тяжелѣй всего казалось въ мірѣ этомъ
Мнѣ не страдать, о, нѣтъ,—а ничего не знать.»
(J'ignore).

IV.

Послѣ такого имени, какъ Аккерманнъ, не хочется приводить именъ болѣе ничтожныхъ; всѣ поэтессы-философы блѣднѣютъ передъ нею. Если мы все же остановимся на стихотвореніяхъ Жанны Луазо (Daniel Lesueur—ея псевдонимъ), то лишь потому, что она—единственная представительница въ наше время этого направленія въ женской поэзіи, да и вообще чуть ли не единственная теперь поэтесса съ именемъ. Въ трехъ ея сборникахъ (особенно въ двухъ послѣднихъ) преобладаетъ «философское направленіе» или то, что мы называли этимъ именемъ въ произведеніяхъ женщинъ-поэтовъ. Никакого сравненія съ Аккерманнъ она не выдержитъ; если ее и можно съ кѣмъ сравнить, такъ это съ Альмази («Нов. Журн. Иностр. Литер.» 1899 г. Кн. X), и то все сравненіе будетъ въ пользу послѣдней. У Луазо нѣтъ ни искренней любви, ни цѣльнаго міросозерцанія, ни прочувствованныхъ описаній. Вотъ почему мы и коснемся ея по возможности кратко. Основное ея положеніе—отрицаніе Божества, но дѣлается это только умомъ; сердце же не можетъ перестать вѣрить:

«Что философіей мы нынче называемъ?
Христа или Ничто мы просто выбираемъ.
Я выбрала Христа...»
(Michelet).

Весь первый сборникъ, «Fleurs d'avril», полонъ этого настроенія. Въ двухъ послѣднихъ Луазо еще менѣе логична: отрицая Бога, она все же восхваляетъ вѣру:

«Лучше ли вѣчно куда-то стремиться
Иль на колѣняхъ съ восторгомъ молиться
Передъ великой мечтой?»
(L'église de la Madeleine).

Это—истинно-женское отношеніе. Вообще ясно (особенно во второмъ сборникѣ—«Un mystérieux amour»), что весь позитивизмъ Луазо—съ чужого голоса. Она повторяетъ за кѣмъ-то (очевидно, за любимымъ человѣкомъ) какіе-то обрывки идей безъ внутренней связи и безъ пониманія, да и идей-то вдобавокъ, банальныхъ, изложенныхъ какимъ-то свѣтскимъ диллетантомъ. Она съ самой непонятной (чтобы не сказать: глупой) наивностью ревностно собираетъ и вкладываетъ въ стихотворную форму всѣ эти лоскутки, самый тщательный разборъ которыхъ не дастъ ни намека на какое-либо міросозерцаніе. Жалкое впечатлѣніе еще усиливается, если провести параллель между Луазо и Альмази. Не зачѣмъ вдаваться въ подробности: достаточно помѣстить en regard резюмэ взглядовъ каждой:

Digitized by Google

Луазо:

1) Мы отражаемъ природу; мы—ея рабы и терзаемся сознаніемъ этого.

2) Надо жить не философствуя; слова только вносятъ безполезную путаницу.

3) Все исходящее отъ природы—чисто и прекрасно; этимъ надо и наслаждаться.

4) Борются за существованіе всѣ—это цѣль жизни, и борются, чѣмъ могутъ (въ томъ числѣ духомъ, умомъ).

5) Золотой вѣкъ—въ будущемъ; но не разумомъ, а чувствомъ мы его достигнемъ.

6) Идеалъ будетъ вѣчно нашимъ стимуломъ, нашей плодотворной иллюзіей.

Альмази:

1) Все великое отразилось въ человѣческой душѣ, и она гордится сознаніемъ, что она—часть Всего.

2) Надо жизнь принимать просто; ея измѣнчивость—внѣшняя; въ глубинѣ она постоянна и вѣрна себѣ.

3) Природа всегда хороша; она одна даетъ людямъ удовлетвореніе.

4) Теперь явилась борьба за существованіе и въ области духа, за вѣчное «Warum?»

5) Борьба за существованіе въ области духа порождается нашимъ стремленіемъ къ свѣту, къ идеалу, который недостижимъ.

6) Хотя идеалъ недостижимъ, но въ самомъ стремленіи и есть весь смыслъ жизни, ибо жизнь безъ вѣры въ прогрессъ теряетъ всякій смыслъ.

Параллель болѣе чѣмъ убѣдительна: съ одной стороны—ясное, хоть и не глубокое идеалистическое міровоззрѣніе; съ другой—какія-то тщетныя потуги безъ связи, безъ искренняго убѣжденія. Вдобавокъ два—три примѣра покажутъ, какъ блѣдно и водянисто излагаетъ Луазо свои сбивчивыя понятія:

«Я свершаю судьбы безграничной вселенной
Такъ же слѣпо, фатально, какъ Богъ и атомъ.
Съ сердцемъ полнымъ любви я пощады не знаю:
Я равно безпощадна, страдаю ль сама,
Иль родныя сердца навсегда разбиваю,
И порой умереть горячо я желаю,—
Такъ страшна эта мысль неизбѣжнаго зла.»
(Lettre écrite en automne).

Или (говоря объ идеалѣ):

«Надежда твердая, иллюзія благая,
Видѣнье счастія далеко впереди,
Вась мудрость ложная свергаетъ презирая,
Но такъ же радостно цвѣтете вы въ груди.»
(L'Idéal).

Можно разнообразить примѣры—впечатлѣніе останется то же. Можно только пожалѣть, что благодаря чьему-то вліянію она истратила на пустыя умствованія тотъ небольшой, но истинный поэтическій даръ, которымъ надѣлила ее природа, и что это постоянное стремленіе быть не тѣмъ, что она есть, забило въ ней лучшія стороны женскаго творчества. Въ ней не видно ни любящей женщины, ни матери, за очень рѣдкими исключеніями, приводимыми ниже:

«То былъ одинъ лишь мигъ; вся группа уходила,
Спускаясь впереди. Онъ отъ другихъ отсталъ.
Свой дѣтскій поцѣлуй я всѣмъ имъ подарила,
Онъ руку взялъ мою: «А мнѣ?»—онъ прошепталъ.
...Онъ проситъ?.. Поцѣлуй... Бездѣлица пустая!
Но замолчала я, потупивши чело.
Такъ дорога была мнѣ дружба молодая!
Ее порвать? О нѣтъ! То было-бъ тяжело!
...Онъ былъ ужъ далеко... Послѣдній взглядъ привѣтный...
Воздушный поцѣлуй отвѣтилъ на него,
И я пошла домой съ надеждою завѣтной,
Что я не потеряла друга своего.»
(Le refus).

Это мелочь, но истинно по-женски продуманная и сказанная. Въ стихотвореніи «Le voyage» хорошо передано женское увлеченіе любовью. Вспоминая, какъ другъ ея невольно затосковалъ, когда берега Франціи скрылись въ туманѣ, она наивно признается:

«Могли ль меня смущать сомнѣнья и тревоги,
Меня, когда отъ всѣхъ вдвоемъ бѣжали мы,
Отъ свѣта, гдѣ любовь обидъ встрѣчаетъ много,
Гдѣ черствы всѣ сердца, гдѣ всѣ намеки злы?
...О, вами обладать съ минуты пробужденья,
И вечеромъ домой усталыми идти!
Быть съ вами цѣлый день и ночью въ упоеньи
До утра сладко спать на дорогой груди!
Вотъ сладкая мечта, что вдругъ осуществлялась
И дѣлалась на мигъ близка и дорога,
И что моимъ глазамъ такъ ясно представлялась,
Когда въ сіяньи дня тонули берега.»

Обыкновенно Луазо выражаетъ довольно банально, а подчасъ и пошло свою любовную самоотдачу (Femme et fleurs, Rêve et

Digitized by Google

réalité), но въ «Travaux communs» у нея вырвалась счастливая фраза:

«Ведите же меня все въ высь, безъ колебанья
И утомить меня не бойтесь никогда,—
Не потому, о, нѣтъ, что жажду я познанья,
Но вы-бъ тогда одни ушли въ ту область знанья...
Я жъ съ вами быть должна отнынѣ навсегда...»

Изъ трехъ довольно объемистыхъ сборниковъ Луазо это не богатая жатва и всего ярче показываетъ всю пустоту и незначительность поэтессы.

V.

Эту послѣднюю главу намъ хочется посвятить изложенію только одного произведенія, не безъ намѣренія оставленнаго pour la bonne bouche. Это до такой степени истинно-французская и своеобразная вещь, что параллели къ ней нечего и пытаться искать нигдѣ, особенно же у нѣмцевъ. Здѣсь отразился весь не особенно глубокій, но блестящій французскій умъ, съ его остроумными traits d'esprit, мѣткими характеристиками, на лету схваченными портретами. И въ этомъ жанрѣ пальма первенства принадлежитъ, безспорно, M-me Emile de Girardin. У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками другихъ ея произведеній, кромѣ поэмы «Napoline» (и немногихъ весьма слабыхъ стихотвореній), но и этого вполнѣ достаточно для ея оцѣнки и для пониманія ея своеобразнаго таланта. При жизни Жирарденъ пользовалась славой. Извѣстная красавица временъ Директоріи, обаятельно декламировавшая въ салонахъ свои стихи, она встрѣтила такой же, если не лучшій, пріемъ въ Италіи; въ Римѣ ее избрали членомъ Тибрской академіи и въ тотъ же день торжественнымъ кортежемъ провели до Капитолія! Но съ замужествомъ она попала въ другую, болѣе положительную среду, а такъ какъ талантъ ея былъ и раньше скорѣе хроникерный, напоминавшій блестящую свѣтскую болтовню, то она, вполнѣ естественно, и перешла на хронику, что не помѣшало ей написать еще нѣсколько романовъ, двѣ трагедіи, пару комедій; но все это не могло сравниться съ ея чисто-парижской болтовней въ ея «Lettres parisiennes»—еженедѣльной хроникѣ. Вотъ это-то свойство и отразилось вполнѣ на поэмѣ ея «Napoline». Весь разсказъ ведется отъ лица самой Жирарденъ. Прежде всего она знакомитъ читателя съ личностью своей пріятельницы Napoline—героини повѣсти. Обѣ дѣвушки съ дѣтства росли вмѣстѣ:

«Какъ съ нею мы дѣтьми задорно хохотали!
Тѣмъ смѣхомъ, что ничто не можетъ прекратить;
Причины же его и сами мы не знали,
Смѣясь для смѣху лишь, какъ любятъ, чтобъ любить.»

Но ихъ характеры далеко не сходны, какъ и воспитаніе. Веселая, задорная Дельфина совершенно чужда той мечтательности, которой съ дѣтства заражена Наполина:

«Она въ пятнадцать лѣтъ уже мечтала долго:
Кто хорошо мечталъ, тотъ прожилъ такъ же много.
...Мы къ празднику сердецъ готовимся всегда,
Но праздника, увы, не видимъ никогда!
...А время все бѣжитъ, уноситъ всѣ надежды,
И остаются намъ лишь бальныя одежды!»

Мечтательность Наполины имѣетъ и свое объясненіе. Она рано потеряла мать и лишилась нѣжной женской поддержки. Она смутно знаетъ, что ея настоящимъ отцомъ былъ... Наполеонъ (отсюда и ея имя Наполина). Этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы воспламенить горячую фантазію. Она разсказываетъ Дельфинѣ, что помнитъ, какъ однажды, когда она была ребенкомъ, она очутилась въ присутствіи императора; что онъ подошелъ къ ней и съ глубокой нѣжностью приласкалъ ее и, погладивъ по головкѣ, поцѣловалъ и отпустилъ. И такая-то чуткая натура имѣетъ вмѣсто всякаго руководителя—лишь своего единственнаго родственника, дядю, типичнаго свѣтскаго папильона:

«Салонный этотъ левъ, профессоръ пустяковъ,
Какъ всякій слабый умъ упорствовать готовъ
И до сихъ поръ еще упрямо повторяетъ,
Что Ламартина онъ «совсѣмъ не понимаетъ».
Сухой эгоистъ,—
«Чистѣйшую изъ жертвъ онъ въ мигъ преображалъ
Въ одинъ сухой расчетъ и тѣмъ уничтожалъ.
Ну, словомъ, для души неопытной и дѣтской
Всѣхъ меньше подходилъ такой наставникъ свѣтскій.
Блистательный гусаръ, лихой карабинеръ
Не такъ бы вреденъ былъ, какъ этотъ резонёръ!»

Онъ, со своимъ поверхностнымъ скептицизмомъ, отучилъ дѣвушку вѣрить и молиться и не далъ ничего взамѣнъ. Онъ разру-

Digitized by Google

шилъ ея чистую вѣру въ людей и не научилъ ее жизни, ибо и самъ ея не зналъ! Словомъ, одного такого ментора вполнѣ достаточно, чтобы изломать человѣка и заставить его возненавидѣть жизнь въ двадцать лѣтъ. Но его вредное вліяніе особенно отразилось на Наполинѣ, когда она стала увлекаться Альфредомъ, молодымъ морскимъ офицеромъ. Не успѣло стыдливое чувство запасть въ ея сердце, какъ уже грубыя руки дяди коснулись и его:

«Иллюзіи, увы, насъ болѣе не тѣшатъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ учитъ рядъ родительскихъ рѣчей
Благоразумью насъ и губитъ радость дней.
... Невѣдѣньемъ своимъ сильна, о, старцы, юность!
Не въ опытѣ, о, нѣтъ, въ надеждѣ наша мудрость!
... Ей сердце лишь дразнилъ совѣтовъ грубыхъ рой,
Исполненныхъ всегда безтактности такой,
Что искренней любви глубокую отраду
Способна обратить въ упрямую браваду.»

Положимъ, Альфредъ и самъ не ангелъ, и во многомъ дядюшка ужъ не такъ неправъ. Вмѣсто того, чтобы быть и оставаться тѣмъ, что онъ есть, онъ всѣми силами души старается обратиться въ свѣтскаго льва. А между тѣмъ именно его простота и непосредственность и привлекли къ нему Наполину, и его безхитростные разсказы о пережитыхъ впечатлѣніяхъ и опасностяхъ воспламенили ея романическое воображеніе. «Такъ много воспоминаній въ сочетаніи съ такой молодостью!» Быть же свѣтскимъ львомъ онъ не имѣетъ ни малѣйшихъ данныхъ, ибо:

«Въ Парижѣ проку нѣтъ въ достоинствахъ природныхъ,
Безъ кровныхъ рысаковъ и безъ туалетовъ модныхъ;
Успѣшнѣй же всего играть въ оригинала,
Къ фальшивому Парижъ довѣрчивъ небывало,
Правдивое жъ всегда сомнѣнье будитъ въ немъ».

Какъ это вѣрно! И какая вѣрная характеристика Парижа въ этахъ словахъ: «За деньги дѣлать все—не будучи скупымъ»!

Находясь съ Альфредомъ въ простой домашней обстановкѣ, Наполина не могла замѣтить его смѣшной слабости; ея чувство быстро росло, и она уже начала тяготиться его молчаніемъ. Она знаетъ, что онъ не имѣетъ средствъ, и что это дѣлаетъ его робкимъ, но, конечно, не останавливается долго на этой мысли. А, между тѣмъ, добродушный и милый Альфредъ очень не прочь отъ хорошаго приданаго (котораго нѣтъ у Наполины), ибо любовь безъ денегъ — fi donc! Это старо, это совсѣмъ не въ модѣ:

«Нѣтъ, дэнди въ этотъ вѣкъ уже не такъ комичны,
Поэты, даже тѣ теперь, увы, практичны!
... Глядѣть на прежнихъ скрягъ съ участьемъ мы должны:
Имъ дорогъ былъ металлъ; намъ деньги лишь нужны.
Да, жадность нашихъ дней научитъ снисхожденью;
Хоть скупость и порокъ, въ ней есть хоть увлеченье.»

Разумѣется, Наполина не думаетъ ни о чемъ подобномъ, она вся отдается счастію любви, не загадывая далеко. Въ одинъ прекрасный день она влетаетъ къ Дельфинѣ сіяющая и счастливая съ радостной вѣстью: она—богатая наслѣдница. Ея дядя только-что сообщилъ ей, что ея отецъ обезпечилъ ее очень крупнымъ приданымъ. Эту новость Наполина рѣшается сообщить Альфреду въ этотъ же день на балу, гдѣ они должны встрѣтиться. Она умоляетъ Дельфину ѣхать тоже, но та не можетъ, ибо ея семья уѣзжаетъ въ деревню. Подруги разстаются, и это было ихъ послѣднее свиданіе. На балу Наполина впервые увидала Альфреда въ полномъ блескѣ. Начать съ того, что онъ упорно дѣлаетъ видъ, что не узнаетъ ее, а самъ грубо и плоско ухаживаетъ за богатой, но уродливой наслѣдницей. Бѣдная Наполина все еще не вѣритъ своимъ глазамъ, хотя разговоры, раздающіеся вокругъ, не оставляютъ мѣста сомнѣніямъ. Но въ довершеніе всего Альфредъ на слѣдующій вальсъ приглашаетъ не ее, а какую-то молодящуюся, разрисованную герцогиню, чей титулъ льститъ его самолюбію. Слѣдуетъ остроумная и типично-женская характеристика:

«Да, красота ея ужъ не выноситъ свѣта,
Зато она всегда такъ хорошо одѣта,
... Глупа, но умъ чужой повсюду собираетъ
И, взявъ идею въ домъ, ея не возвращаетъ.
.. Она чаруетъ всѣхъ,—и я хоть признаюсь,
Что не терплю ея, однако, соглашусь,
Что нравится она и властно обольщаетъ.
... Изящество вѣдь есть поэзія сама!»

Какъ характерно для француженки послѣднее восклицаніе! Слѣдующее за нимъ шутливое восхваленіе собственнаго bon sens даетъ Жирарденъ поводъ къ такому остроумному отступленію:

Digitized by Google

«Правительства въ нашъ вѣкъ, не блещущій мечтами,
Не чувствами живутъ, а просто податями;
Не сердцемъ, а умомъ они взываютъ къ намъ,
Не къ струнамъ нашихъ душъ, а къ нашимъ кошелькамъ.
... Къ тому жъ у насъ король вѣдь конс-ти-ту-ці-он-ный!
И намъ къ нему пылать любовію законной?
Любить!.. Любить сенатъ, палату, короля,
Четыреста людей, сидящихъ съ ноября,
Чтобъ управлять страной!? И страстью идеальной
Должны мы освятить терцетъ оригинальный?..
... Я съ Франціей живу, какъ съ милою кокеткой,
Тщеславною, пустой, невѣрной, непосѣдкой,
Смѣняющей какъ флиртъ боговъ и королей,
И въ прихотяхъ ея я слѣдую за ней.
Съ ея же королемъ мирюся я безшумно;
Такъ мужа выносить любовнику разумно—
Чтобъ онъ въ сердитый часъ не указалъ дверей!»

Наполина глядитъ на Альфреда съ недоумѣніемъ и тоской, и пока въ душѣ ея бушуютъ обида и разочарованіе, въ ушахъ раздается такой типичный разговоръ сосѣдей:

«Онъ не влюбленъ, о, нѣтъ, но просто онъ польщенъ!
Лишь изъ тщеславныхъ чувствъ онъ ею увлеченъ!
... Онъ вальсируетъ съ ней... Смотрите, начинаютъ...»
— Нашли вы?
«Нѣтъ еще, мнѣ все ихъ заслоняютъ.
Ахъ, вотъ! Она страшна костлявостью своей!
Растрепанный морякъ—Альфредъ!»
— Ну да, онъ съ ней.
Онъ блѣденъ какъ мертвецъ и не блеститъ красою;
Утопленникъ совсѣмъ...
— Танцующій съ доскою.»

Какъ характеренъ контрастъ этой пустой болтовни и душевнаго разлада бѣдной дѣвушки! Въ довершеніе всего, когда, измученная необходимостью притворяться веселой, она скрылась на время въ оранжерею, она нечаянно слышитъ разговоръ Альфреда съ герцогиней. Онъ проситъ свиданія, и она послѣ долгаго ломанія соглашается и назначаетъ rendez-vous на другой день. Это окончательно убиваетъ въ Наполинѣ всякую надежду; ея натура не понимаетъ компромиссовъ:

«Несчастіе одно, внезапная бѣда
Могли ея покой встревожить навсегда.
Она была изъ тѣхъ непонятыхъ толпою,
Состаренныхъ умомъ, но съ дѣтской простотою;
Они живутъ средь насъ, но жизнію своей
Они идутъ въ толпѣ, но не идутъ за ней.
... И не понятно имъ, что все мы цѣнимъ въ мѣру:
Религію, любовь и дружбу и карьеру;
Что въ мѣру любимъ мы родныхъ, друзей, жену,
И что, любя жену, мы любимъ и любовницъ,
Что въ жизни мы своей находимъ часъ всему.»

Наполина не даетъ себѣ времени одуматься, поговорить съ Альфредомъ; мысль о томъ, что на завтра назначено его rendez-vous съ герцогиней, приводитъ ее въ отчаяніе, и она рѣшается умереть именно въ этотъ часъ и именно у Альфреда. Что могло ее удержать? Воспитаніе отняло у нея вѣру, а скептицизмъ дядюшки — всякое довѣріе къ людямъ. Все слѣдующее утро она занята:

«Вѣдь съ жизнію не такъ-то просто разставаться:
Въ самоубійства день хлопотъ не обобраться.
... Я чувствую, ее ужъ осудили вы:
Такой порывъ смѣшонъ для трезвой головы.
Какъ!—говорите вы. Вдругъ умирать не дома!
У юноши!.. Вѣдь съ нимъ она едва знакома!
Да это, наконецъ, не принято совсѣмъ!»

Она выполняетъ все, какъ предполагала, и, возвратившись съ rendez-vous, Альфредъ находитъ ее у себя мертвой:

«Лишь долгая печаль насъ можетъ притупить;
Нежданный же ударъ, что счастье разрушаетъ,
Сжимаетъ сердце вдругъ и разумъ оглушаетъ;
Нѣтъ мужества страдать, бороться до конца.
Такъ иногда въ поту усталаго борца
Вдругъ вѣтеръ ледяной предательски пронзаетъ».

Вотъ и вся несложная интрига. Расхолаживающее впечатлѣніе производитъ только окончаніе, гдѣ авторъ ни съ того ни съ сего объясняетъ, что все это—аллегорія; что Наполина это—геній, заглушаемый свѣтомъ; герцогиня — общество (свѣтское, конечно); богатая наслѣдница—деньги, а Альфредъ—человѣкъ, зараженный свѣтской мишурной жизнью. Но если сумѣть забыть это притянутое за волосы объясненіе, то вся поэма остается съ прежнимъ значеніемъ.

Digitized by Google

ЯПОНІЯ.

(по книгѣ Леруа-Болье).

Извѣстный французскій экономистъ и талантливый писатель Леруа-Болье четыре года назадъ совершилъ путешествіе по Востоку, объѣхалъ Сибирь, Японію и Китай и всѣ схваченныя на лету наблюденія, впечатлѣнія туриста, собранныя на мѣстахъ статистическія, экономическія и историческія свѣдѣнія сгруппировалъ въ недавно вышедшей книгѣ подъ нѣсколько эффектнымъ заглавіемъ: «Возрожденіе Азіи». Его описанія Сибири кажутся русскому читателю нѣсколько поверхностными и бѣдными, сравнительно съ тѣми свѣдѣніями, которыя можно найти въ трудахъ Н. А. Ядринцева и другихъ мѣстныхъ изслѣдователей. Живой интересъ представляютъ развѣ только анекдоты о постройкѣ Сибирской дороги, которыхъ не встрѣтишь въ текущей литературѣ.

Несравненно съ бо́льшимъ интересомъ читаются страницы, посвященныя нашимъ таинственнымъ сосѣдямъ—Китаю и Японіи.

Японія — одно изъ древнѣйшихъ государствъ міра.

По древнѣйшимъ японскимъ хроникамъ, относящимся къ VIII вѣку до Р. Х., предки нынѣшней японской династіи уже царствовали тогда на двухъ южныхъ островахъ, и, по преданію, царская династія въ то время имѣла въ прошедшемъ десятивѣковые корни.

Первый японскій императоръ Жиму-Тено считается внукомъ богини Солнца. Покоривъ родственные себѣ народы, Жиму-Тено, въ 660 г. до Р. Х., основалъ свою резиденцію въ провинціи Іомато. 200 лѣтъ послѣ Р. Х. было нашествіе на Японію корейцевъ подъ предводительствомъ императрицы Жинго. Сравнивъ всѣ японскія преданія съ китайскими записями, можно сказать, что, за нѣсколько вѣковъ до нашей эры, японскіе берега подвергались нападеніямъ изъ Кореи морскихъ разбойниковъ монгольскаго происхожденія, игравшихъ въ то время роль средневѣковыхъ норманновъ. Нѣкоторыя шайки съ дѣтьми и женами поселились на островѣ Кіу-Сіу, уничтоживъ мѣстныхъ немногочисленныхъ жителей. Герой легенды Жиму-Тено происходитъ съ этого острова. Онъ покорилъ сосѣдній островъ, населенный выходцами изъ Кореи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что японцы принадлежатъ къ семьѣ народовъ Урало-Алтайскихъ. Вѣтви этой семьи финны, венгры, тюрки, монголы, корейцы, повидимому, менѣе тѣсно связаны между собой, чѣмъ вѣтви бѣлой расы. Общій характеръ рѣчи этой группы народовъ—составныя слова. Китайцы не принадлежатъ къ ней: слова ихъ рѣчи односложныя.

Съ китайской письменностью, заимствованной японцами 10—12 вѣковъ назадъ, вошло въ японскій языкъ много китайскихъ словъ, обозначающихъ новыя понятія, но слова эти рѣзко выдѣляются на фонѣ старой японской рѣчи.

Въ концѣ VI и въ началѣ VII вѣка Японія буквально наводнилась китайскими обычаями, искусствами, наукой, религіозными, политическими и соціальными учрежденіями.

Digitized by Google

Буддизмъ въ VII вѣкѣ восторжествовалъ надъ древней японской религіей; тамъ въ это время насчитывалось 46 буддійскихъ храмовъ и 1,385 священниковъ. Принятъ былъ китайскій календарь и литература.

Замѣчательна въ этомъ первомъ превращеніи страны та легкость, съ какой оно совершается при полномъ почти отсутствіи внутренняго сопротивленія. Эти обстоятельства свидѣтельствуютъ о характерѣ подражательности и переимчивости японцевъ. Японцы добровольно приняли чужую цивилизацію и впитали ее въ себя быстрѣе, чѣмъ какой бы то ни было покоренный народъ. Здравый смыслъ практичнаго и удобнаго господствуетъ у нихъ надъ старыми обычаями, традиціями и предразсудками. Отсутствіе опасенія внѣшнихъ враговъ не дало развиться въ нихъ національному чувству, которое можетъ тормозить усвоеніе иноплеменной культуры.

Окитаяніе Японіи было, конечно, для Японіи большимъ шагомъ впередъ. Изъ варварской страны она превратилась въ цивилизованную, слѣдствіемъ чего было сильно увеличенное благосостояніе населенія. Вскорѣ, однако, Японія отбросила правительственныя и административныя учрежденія Китая, какъ невяжущіяся съ характеромъ и темпераментомъ народа.

Мандаринатъ не могъ ужиться съ обычаемъ наслѣдственной передачи власти и права. Въ Японіи даже постъ перваго министра «Кватваку» передавался наслѣдственно въ одной большой придворной семьѣ. Изъ этой семьи выбирается обыкновенно императрица.

Съ IX вѣка микадо почти всегда младенцемъ удаляется въ монастырь и не управляетъ страной; такъ продолжалось 1000 лѣтъ. Вскорѣ и наслѣдственный Гвамбаку пересталъ заниматься дѣлами правленія.

Китайскій обычай отдѣлять военныя должности отъ гражданскихъ государственныхъ, въ связи съ японской наслѣдственностью, повелъ къ образованію большихъ военныхъ семей, подъ предводительствомъ которыхъ находится цѣлое сословіе солдатъ, обособленное отъ всего остального населенія въ отдѣльные кланы.

Географическое положеніе Японіи, раздѣленной на множество разобщенныхъ долинъ, благопріятствовало развитію феодальнаго строя. На ряду съ изнѣженнымъ придворнымъ дворянствомъ, забавлявшимъ удаленнаго отъ дѣлъ правленія микадо, постепенно выросъ классъ дворянъ-воиновъ, начальниковъ клановъ. Ихъ первенствующая роль сложилась подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ, которыя страна вела съ корейцами и айнусами. Такимъ образомъ, японскій феодализмъ не завоевательнаго, а, такъ сказать, оборонительнаго происхожденія: онъ явился результатомъ сочетанія китайскаго раздѣленія властей съ японскимъ институтомъ наслѣдственности. Представители фактической силы въ странѣ не могли ограничиться второстепенною ролью. Истинными правителями Японіи стали главнокомандующіе ея арміей. Но они не добивались стать императорами, не пытались отнять престолъ отъ изнѣженнаго микадо, а создали рядомъ съ выродившеюся въ пустую церемонію почитанія наслѣдственною императорскою властью другую—фактическую и тоже наслѣдственную власть подъ именемъ шангуновъ. Но подъ вліяніемъ наслѣдственности шангуны тоже выродились въ фиктивныхъ правителей. Долгое время Японія раздиралась борьбою двухъ шангунскихъ династій, которыя ослабили центральную власть и сдѣлали феодаловъ почти-что самостоятельными. Въ XV вѣкѣ страна дошла до полнаго истощенія, но у нея явился свой герцогъ Ришелье, который сумѣлъ возродить распавшееся государственное единство, подчинивъ коронѣ буйныхъ феодаловъ.

Феодальное правленіе было для Японіи мужественнымъ увлеченіемъ, сохранившимъ странѣ военныя доблести, которыхъ такъ недостаетъ китайцамъ, хотя, съ другой стороны, могло повести къ гибели всю ея государственность. Къ счастію, въ XVI вѣкѣ феодализмъ Японіи кончается. Первое соприкосновеніе съ европейцами происходитъ въ XVI вѣкѣ.

Принцесса острова Кагоссимо заинтересовалась христіанскимъ ученіемъ. Для нея изложили по-японски катехизисъ и перевели «Символъ вѣры-» Въ 1551 году христіанство уже пустило прочные корни въ Японіи. Но, принимая европейцевъ и дружа съ іезуитами, японцы, главнымъ образомъ, преслѣдовали цѣли практическія, разсчитывая, что за миссіонерами послѣдуютъ иностранные купцы и что обмѣнъ товаровъ увеличится. Больше всего дорожили они ввозомъ огнестрѣльнаго оружія.

Digitized by Google

Одинъ изъ первыхъ посѣтителей Японіи Мендезъ Пинто разсказываетъ, что подарилъ аркебузъ одному японскому принцу. Черезъ пять мѣсяцевъ, при отъѣздѣ Мендеза Пинто, мѣстными городскими оружейниками было изготовлено уже шестьсотъ такихъ же ружей.

Каковы бы ни были мотивы благопріятнаго пріема миссіонеровъ, христіанство распространяется на ряду съ торговлей; крестились принцы, ученые, буддійскіе священники, богатые и бѣдняки. Многіе покровительствовали христіанству изъ ненависти къ буддизму. Въ 1582 году уже насчитывали въ Японіи 600,000 христіанъ и болѣе 200 церквей.

Спустя 50 лѣтъ послѣ перваго знакомства съ европейцами, въ началѣ XVII вѣка японцевъ-христіанъ было уже около милліона на 8—10 милліоновъ жителей.

Въ 1550 году св. Франсу Ксавіе, просвѣтитель Японіи, пишетъ: «Этотъ народъ— услада моего сердца.» Въ такомъ же родѣ отзывы и другихъ путешественниковъ относительно ума и гостепріимства японцевъ. Какъ же это горячее движеніе къ христіанству и цивилизаціи внезапно остановилось и смѣнилось реакціей въ обратную сторону? Это не была ни ненависть къ иностранцамъ, ни религіозный фанатизмъ. Мотивы реакціи оказались чисто политическими.

Японцы, стремясь къ установленію прочной системы правленія, почувствовали, что проповѣдь христіанства можетъ послужить къ внутренней смутѣ и вызвать религіозную распрю. И, съ другой стороны, убоялись, какъ бы за покореніемъ моральнымъ не послѣдовало военное, политическое. Одинъ португальскій капитанъ будто бы даже говорилъ японцамъ: «Мой король посылаетъ сначала священниковъ, чтобы покорить народъ, а затѣмъ остается легкая побѣда для солдатъ.» Примѣръ Индіи и Америки подтвердилъ это положеніе.

Въ 1587 году былъ изданъ японцами эдиктъ, приглашающій миссіонеровъ въ продолженіе двадцати дней покинуть страну. За неповиновеніе и проповѣдь 9 миссіонеровъ и 17 мѣстныхъ христіанъ были казнены, и вплоть до 1868 года христіанство считается «лживой и извращенной сектой».

По словамъ самихъ миссіонеровъ, европейцы употребляли безобразныя насилія, уводили японскихъ женъ и дѣтей и продавали ихъ въ рабство. Распутная жизнь европейцевъ въ портахъ заслужила имъ названіе «людей внѣ вѣры и закона», и все это въ извѣстной мѣрѣ объясняетъ вражду къ христіанству, которое называютъ доктриной распущенности, разрушающей уваженіе къ родителямъ, къ старшимъ чинамъ и къ авторитетамъ.

Въ 1637 году была разрѣшена торговля китайцамъ и голландцамъ въ единственномъ порту Нагасаки. За этимъ исключеніемъ Японія снова закрылась для міра на два столѣтія.

Такова въ краткомъ изложеніи исторія этой интересной страны. Свѣтъ прошлаго дѣлаетъ ясной внутреннюю логику позднѣйшихъ событій: новый поворотъ въ сторону общенія съ Европой, быструю переимчивость западно-европейской цивилизаціи, политическую революцію, переходъ къ парламентской системѣ правленія, усвоеніе европейской системы вооруженія и блистательный разгромъ Китая. Военные успѣхи высоко подняли авторитетъ прогресса въ глазахъ японскаго народа, но они же еще болѣе усилили въ немъ національное чувство. Подъ вліяніемъ послѣдняго японцы несравненно гостепріимнѣе относятся къ европейской цивилизаціи, чѣмъ къ самимъ европейцамъ, и, перенимая отъ иностранцевъ всю технику жизни, стараются сохранить съ помощью ея свою политическую, экономическую и духовную самостоятельность.

Въ настоящее время Японія на 382,000 квадр. километрахъ поверхности насчитываетъ свыше 43 милліоновъ жителей. Мѣстами ея населеніе доходитъ до 145 человѣкъ на кв. кил., т.-е. вдвое гуще населенія Франціи. Въ земледѣльческихъ провинціяхъ Шиба, Соитама и Кагово насчитывается по 236, 277 и даже по 391 жителю на километръ. Воздѣланныя земли занимаютъ только 15% поверхности страны. Крупныхъ имѣній почти нѣтъ. Средній размѣръ владѣній отъ $1^1/_2$ до 5-ти гектаровъ на семью. Надѣленіе крестьянъ совершено безъ выкупа. Изъ $5^1/_2$ милл. семей земледѣльцевъ 3,121,000 частные собственники, а 2,400,000 — фермеры. Земельный налогъ равняется 10—15 ленъ на семью (25—37 франковъ), причемъ мѣстности, пострадавшія отъ бѣдствій, отъ налога освобождаются. При очень ограниченномъ ввозѣ пищевыхъ продуктовъ 43 милл. жителей Японіи прокармливаются съ $5^1/_2$ милл. гектаровъ обра-

Digitized by Google

ботанной земли, тогда какъ Франція даже при 20 милл. гектаровъ пашни и виноградниковъ не можетъ обойтись безъ ввоза съѣстныхъ припасовъ. Это сравненіе свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ японскаго земледѣлія. Мѣстами поля даютъ тамъ по двѣ жатвы въ годъ. Домашнихъ животныхъ очень мало вслѣдствіе того, что буддизмъ запрещаетъ употреблять животную пищу, и удобряется земля горной травой, минеральными туками и рыбными отбросами. Громадное подспорье питанію страны даетъ рыбная ловля. Въ японскомъ архипелагѣ 30,000 километр. берегового пространства, занятаго множествомъ рыбацкихъ деревень. Внутреннія воды буквально кишатъ красивыми рыбацкими джонками, затрудняющими движеніе пароходовъ. Въ долинахъ и городахъ народъ питается рисомъ, рыбой съ соей, изрѣдка домашней птицей, прибрежные жители—преимущественно рыбой, а горные—ячменемъ и просомъ. Годовой бюджетъ крестьянской семьи съ расходами на образованіе дѣтей равняется 377 фр. Жизнь въ городахъ нѣсколько дороже, да и вообще въ послѣдніе годы сильно дорожаетъ.

Жилища крестьянъ рѣдко стоятъ въ одиночку; обыкновенно же группами въ 5—6 дворовъ или цѣлыми деревнями. Дома, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, только на ночь закрываются бумажными оконницами или ставнями, на день же раскрываются настежь. Эта жизнь, открытая на улицу, поражаетъ пріѣзжихъ изъ Китая, гдѣ непроницаемъ даже дворъ дома. Еще особенность японцевъ—ихъ удивительная чистоплотность.

У нихъ абсолютно нѣтъ ни мебели, ни способа отопленія, ни шапокъ, несмотря на двѣнадцати-вѣковую китайскую цивилизацію. Мебель отсутствуетъ даже въ императорскомъ дворцѣ въ Кіото и въ лучшихъ японскихъ отеляхъ, освѣщаемыхъ электричествомъ и снабженныхъ телефонами. Въ холодъ тамъ грѣются держа руки передъ горящими въ «шбатши» углями. Совершать туалетъ даже во время морозовъ приходится во дворѣ. Около этого города есть домъ, построенный по-европейски,—тамъ жилъ микадо во время китайской войны; въ его кабинетѣ стоитъ 1 кресло, нѣсколько стульевъ и простой деревянный столъ, вмѣсто печи стоитъ шбатши чудной азіатской работы, покрытый чернымъ съ золотомъ лакомъ.

Японцы одѣваются возможно легко лѣтомъ и достаточно тепло зимой всегда въ темно-синее, въ противоположность свѣтло-голубому костюму китайцевъ. Мужчины носятъ обтяжные штаны по щиколотокъ и широкія куртки съ широкими рукавами. Женщины носятъ одно или нѣсколько, одно на другомъ, платьевъ, спускающихся до половины ноги, и гетры или бумажные или нитяные темно-синіе пяголенки. На ноги надѣвается обувь—«тоби». Положеніе японскихъ женщинъ лучшее на Востокѣ; онѣ пользуются полной свободой, куда хотятъ идутъ, говорятъ съ кѣмъ хотятъ. Въ китайскихъ харчевняхъ женщинъ не увидишь, тогда въ Японіи тамъ не найдешь мужчинъ. Хозяйка дома съ дочерями принимаетъ гостей. Женщины, покончивъ съ хозяйствомъ, помогаютъ мужчинамъ въ полевыхъ работахъ. Леруа-Болье видѣлъ въ Кіото женщину, везущую съ мужемъ телѣжку и несущую въ то же время на спинѣ ребенка.

Нельзя не удивляться неистощимому благодушію сельскаго населенія такого малорослаго и въ то же время крѣпкаго и выносливаго въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ; напримѣръ, обработка рисоваго поля совершается зимою, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, причемъ всѣмъ приходится стоять цѣлые дни по щиколотокъ въ холодной водѣ, но все это, повидимому, нисколько не мѣшаетъ веселью и жизнерадостности японскихъ крестьянъ.

Ихъ довольству всего больше способствуетъ то, что они гораздо чувствительнѣе къ удовольствіямъ, чѣмъ соотвѣтствующіе классы другихъ народовъ. Обладая отъ природы артистическими наклонностями, они любятъ красивыя бездѣлушки изъ лака и бронзы и передаютъ ихъ отъ дѣда къ внукамъ какъ нѣчто дорогое. Они страстно любятъ природу. Каждое время года и каждая мѣстность отмѣчаются расцвѣтомъ какихъ-нибудь цвѣтовъ, полевыхъ или садовыхъ, и все населеніе окрестностей ходитъ толпами любоваться этими цвѣтами. Въ безработное время года подъ предлогомъ богомолья крестьяне уходятъ за десятки верстъ любоваться красивыми городами и храмами, расположенными обыкновенно подъ сѣнью деревьевъ.

Въ Японіи въ настоящее время семь городовъ съ населеніемъ болѣе 100000 душъ (въ 1895 г.).

Токіо.	1268930
Осака.	487184

Digitized by Google

Киото	340101
Нагуаіа	215083
Іокогама	170250
Кобэ	161130
Хирошима	100015

Двѣнадцать городовъ съ населеніемъ 50000—100000 и тридцать два съ населеніемъ не менѣе 20000 жителей. Въ нихъ сильно развиты фарфоровое, горшечное, лаковое и ткацкое кустарныя производства, которыя въ настоящее время быстро вытѣсняются крупными фабриками.

Во всѣхъ пригородахъ уже выростаютъ фабричныя трубы: арсеналъ (снабжающій всю Японію оружіемъ), бумажно-прядильныя и мануфактурныя фабрики. Пиво поставляется японцами даже въ Сингапуръ и Владивостокъ. Японскія спички можно встрѣтить отъ Амура до Индіи. Въ самой Японіи выдѣляются свои стеклянныя керосиновыя лампочки и стеклянные стаканы и рамы. Щетки вывозятся въ Соединенные Штаты, хотя обрабатываемый матеріалъ—щетина и кость — ввозится изъ-за границы. Въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ Японія обзавелась своими верфями, на которыхъ построено уже нѣсколько прекрасныхъ большихъ пароходовъ. Залогомъ будущаго успѣха японской промышленности служатъ удивительная предпріимчивость японцевъ и низкая заработная плата, дающая возможность производить продукты дешевле европейскихъ и американскихъ. Впрочемъ, покамѣстъ контингентъ фабричныхъ рабочихъ въ Японіи очень незначителенъ. Фабрики выѣзжаютъ преимущественно на дѣтскомъ и женскомъ трудѣ, причемъ работницы дома и на работу идутъ съ дѣтьми и обыкновенно нанимаются съ полнымъ содержаніемъ, т.-е. съ ѣдой и помѣщеніемъ. Рабочій день—11½ часовъ и 2 праздника въ мѣсяцъ. Отъ китайскихъ и индійскихъ фабрикъ, въ которыхъ и капиталъ и администрація иностранныя, японскія отличаются тѣмъ, что въ нихъ сверху донизу все японское и нѣтъ ни одного иностраннаго служащаго. Работаютъ фабрики японскимъ же углемъ.

Открывая новые порты для торговли, Японія упраздняетъ права экстериторіальности иностранцевъ. Предпринятый микадо по настоянію общественнаго мнѣнія пересмотръ договоровъ съ иностранцами привелъ къ лишенію послѣднихъ права пріобрѣтать земли въ собственность, замѣнивъ послѣднюю спеціально японскимъ юридическимъ установленіемъ — правомъ пользоваться поверхностью земли: строить зданія, рубить деревья и прочіе. Ростъ національной промышленности стремится сократить ввозъ иностранныхъ товаровъ и, вытѣсняя нѣкоторые изъ нихъ съ внутренняго рынка, успѣлъ поднять вывозъ японскихъ товаровъ въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ болѣе чѣмъ въ 10 разъ. Въ 1868 году изъ Японіи вывозилось товаровъ на 39 милл. франк., а въ 1898—уже на 414 милл. франковъ.

Крайне выгодное географическое положеніе, врожденная склонность къ мореплаванію и удивительная предпріимчивость гарантируютъ Японіи первенствующую роль въ торговлѣ Тихаго океана; ихъ торговымъ успѣхамъ отчасти мѣшаютъ отсутствіе честности у японскихъ купцовъ и недостатокъ свободныхъ капиталовъ въ странѣ. Не прибѣгая къ иностраннымъ займамъ изъ опасенія попасть въ кабалу, Японія къ 1895 г. успѣла выстроить уже 3660 километровъ дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, несмотря на очень низкій пассажирскій и товарный тарифъ, дали въ томъ году уже 48 милліоновъ чистаго дохода. Общая сумма государственныхъ налоговъ не превышаетъ 130 милл. франк., что на каждаго японца составитъ не болѣе 7½ франк., т.-е. значительно меньше, чѣмъ приходится платить любому изъ европейцевъ.

Темную сторону японской жизни составляютъ огромные государственные долги, заключенные послѣ войны на вооруженіе арміи, флота, на устройство портовъ, проведеніе телефоновъ и прочія государственныя нужды.

Японцы, очутившіеся вдругъ въ средѣ экономической и политической борьбы народовъ, задались цѣлью пріобрѣсти необходимыя орудія самоохраны, чтобы не пасть, а стать на одномъ ряду со всѣми европейскими государствами. Но что Японія должна для этого сдѣлать, и насколько должна она оевропеиться?

Рѣшено перенять почти все западное, сохранивъ установленія семьи и религіи. Серіозныя усилія обращены на народное образованіе. Первоначальное обученіе сдѣлано обязательнымъ. Въ Японіи 1500 лѣтъ назадъ буддизмъ открылъ путь китайской цивилизаціи. При первой встрѣчѣ

Digitized by Google

съ европейцами выступило впередъ христіанство, теперь же микадо религіознымъ вопросамъ не придаетъ никакого значенія. Господствуютъ въ Японіи буддизмъ и шинтоизмъ при полной свободѣ совѣсти.

Японское общество въ дѣлахъ семьи походило на античное римское. Новый кодексъ гражданскихъ уложеній принятъ только отчасти, сообразуясь съ условіями. Онъ расширяетъ право усыновленія, сокращаетъ власть главы семьи на женатыхъ дѣтей и младшихъ братьевъ, поднимаетъ значеніе женщины, и безъ того хорошо поставленной, сравнительно съ ея другими восточными сестрами, сохраняетъ, сообразно своимъ старымъ традиціямъ, почти равенство между законными и незаконными дѣтьми; но тутъ, какъ и въ вопросѣ о разводѣ, Японія слѣдуетъ современнымъ законоположеніямъ. Статутъ личныхъ правъ (Statut personnel) японцевъ сближается съ европейскимъ. Права собственности уже давно сходны съ европейскими. Что же касается японскаго уложенія о наказаніяхъ, то оно самое мягкое во всемъ Свѣтѣ. Смертная казнь примѣняется только въ единственномъ случаѣ—за преступленіе противъ величества. Японскій парламентъ за 8 лѣтъ сдѣлалъ большіе успѣхи. И хотя партіи непостоянны и программы смутны, сообщеніе съ кланами и провинціями играетъ большую роль, но онъ дѣйствуетъ не хуже многихъ европейскихъ парламентовъ, напримѣръ, италіанскаго.

Главныя усилія Японіи обращены на защиту политической и экономической самостоятельности страны. Армія мирнаго времени доведена въ Японіи до 145000 человѣкъ; въ военное время—до 520000 человѣкъ. Флотъ увеличенъ до 67 судовъ, вмѣстимостью по 258000 тоннъ, изъ нихъ 7 броненосцевъ 1-го ранга и, кромѣ того, 11 контръноминосцевъ и 115 миноносцевъ. Онъ сравнялся съ германскимъ и италіанскимъ, и, такъ какъ никакая европейская держава не можетъ снарядить всего своего флота въ Тихій океанъ, то японскія силы въ мѣстныхъ моряхъ можно сравнить только съ англійскими.

Центральный островъ Кіу-Сіу расположенъ такъ, что ни одно непріятельское судно не можетъ приблизиться къ нему безъ риска быть уничтоженнымъ со стороны ближе 200 километровъ, со стороны устья Янгъ-тзе-Кіанга ближе 800 километровъ и со стороны Печили ближе чѣмъ на 1000 километровъ. Японія спустя нѣсколько дней послѣ объявленія войны можетъ высадить свое войско, равное россійскому, на берегахъ Кореи или Китая, оставивъ резервъ и охраняя страну свою флотомъ. Храбрость японцевъ доказана продолжительными феодальными войнами. Патріотизмъ японцевъ граничитъ съ фанатизмомъ.

Чтобы судить о выносливости японскихъ войскъ, достаточно вспомнить, что въ Японіи почти нѣтъ домашняго скота для передвиженія. Они сами впрягаются въ телѣжки; цѣлую зиму странствуютъ они по святымъ мѣстамъ ближнимъ и дальнимъ; многіе изъ нихъ способны пробѣжать 100 километровъ въ 12 часовъ съ двухчасовымъ отдыхомъ, везя телѣжку «джинрикши» и на слѣдующій день опять продолжать путь. Японскій батальонъ можетъ пройдти въ одинъ маршъ 30 километровъ безъ отдыха и безъ отсталыхъ. О главномъ штабѣ японской арміи пока трудно говорить; кажется, ему недостаетъ находчивости и рѣшительности. Онъ придерживается школьныхъ теорій.

Что думаетъ Японія о больномъ человѣкѣ въ Пекинѣ и о докторахъ, собравшихся у его изголовья, готовыхъ ежеминутно превратиться въ наслѣдниковъ? Послѣ окончанія войны взаимныя отношенія Японіи и Китая незамѣтно сдѣлались самыми дружелюбными и искренними. Японія охотно произвела бы реформу Китая и такъ какъ Европа, предусмотрительная Европа, помѣшала ей въ этомъ, то Японія горячо желаетъ, чтобы Китай самъ осуществилъ реформу и тѣмъ пріобрѣлъ силы сохранить свою автономію отъ хищныхъ поползновеній европейскихъ державъ.

Японцы боятся остаться единственной независимой желтой расой на всемъ земномъ шарѣ. Какъ долго продолжилась бы такая независимость,—спрашиваютъ они себя,—по сосѣдству съ громадной Россіей? Японцы боятся не только за независимость, но и за утрату торговыхъ рынковъ—Китая и Кореи и, съ своей стороны, не прочь отъ колоніальныхъ расширеній на счетъ Китая, Кореи и сосѣднихъ странъ.

Digitized by Google

ЖИВОПИСНОЕ И КРАСИВОЕ НА ПАРИЖСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1900 Г.

X. [1])

На Марсовомъ Полѣ.

Дворецъ Электричества.—Новинки техники и промышленности.—Залъ Празднествъ.

Самыми интересными и красивыми на Марсовомъ Полѣ являются, съ одной стороны, Дворецъ Электричества съ Большимъ Водоемомъ (Château d'Eau) передъ нимъ, а съ другой—Залъ Празднествъ. Изъ нихъ Дворецъ Электричества расположенъ въ самой глубинѣ Марсова Поля противъ Эйфелевой башни и Дворца Трокадеро. Большой Водоемъ находится непосредственно передъ этимъ Дворцомъ и маскируетъ собою всю нижнюю часть его передняго фасада. Это прелестное сооруженіе представляетъ цѣлую волшебную картину игры свѣтовыхъ лучей въ струяхъ воды. Оно имѣетъ форму гигантскаго грота, въ которомъ расположенъ послѣдовательный рядъ бассейновъ, въ видѣ красивыхъ раковинъ, причемъ въ началѣ, сверху, эти раковины имѣютъ сравнительно небольшой размѣръ, а затѣмъ книзу все болѣе и болѣе увеличиваются въ объемѣ. Изъ нихъ-то и струится вода живописными каскадами, образуя какъ бы прозрачное покрывало, въ которомъ свѣтъ и отражается всевозможными цвѣтами радуги. Наконецъ, въ самомъ низу находится громадный бассейнъ, почти во всю ширину Марсова Поля, украшенный фигурами драконовъ, тритоновъ, морскихъ божествъ и разныхъ представителей водяной фауны. Въ срединѣ же этого нижняго бассейна помѣщается группа естественныхъ скалъ, на вершинѣ которыхъ возвышается аллегорическая группа, изображающая Человѣчество, влекомое къ Будущности Прогрессомъ, только-что одолѣвшимъ Рутину и Ненависть, изображенныя въ видѣ двухъ фурій, бьющихся въ предсмертной агоніи среди воды, заливающей ихъ со всѣхъ сторонъ. Высота, съ которой ниспадаетъ тутъ вода, равняется 30 метрамъ (почти 14 саж.), а ширина ея доходитъ до 10 метровъ (болѣе $4^1/_2$ саж.); такимъ образомъ, количество воды, изливающейся каждую минуту въ нижній бассейнъ, простирается до 1200 метровъ. Вечеромъ вся эта водяная масса освѣщается 1100 электрическихъ лампъ, и тогда кажется, что въ каскадахъ переливается не вода, а потоки раскаленнаго металла, поминутно измѣняющаго цвѣтъ. Эффектъ получается поразительный, передъ которымъ совершенно блѣднѣетъ всякое воспоминаніе о прежнихъ свѣтящихся фонтанахъ, фигурировавшихъ когда-то на предшествовавшихъ выставкахъ.

А позади грандіозной массы Большого Во-

[1]) См. «Нов. Журн. Иностр. Лит.» 1900 г. №№ 6—11.

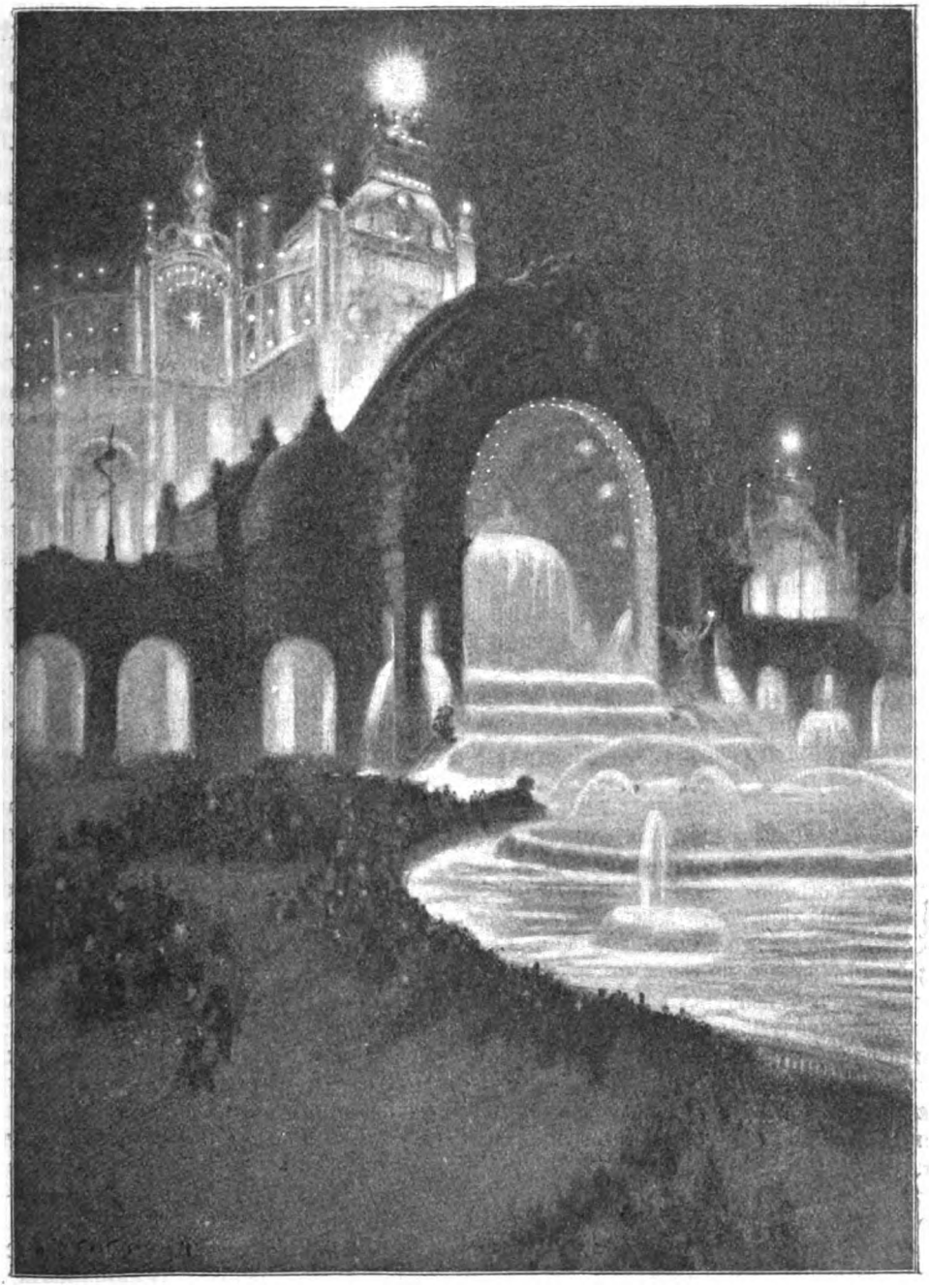
Digitized by Google

доема виднѣется верхняя часть Дворца Электричества, и арка портала послѣдняго составляетъ какъ бы прекрасную раму для водяныхъ каскадовъ его. Подобная комбинація двухъ зданій, изъ которыхъ одно возвышается надъ другимъ, производитъ огромное впечатлѣніе, особенно вечеромъ, когда гирлянды безчисленныхъ лампочекъ, расположенныхъ вдоль арки портала Дворца Электричества, образуютъ какъ бы огненное кружево надъ разноцвѣтными водами каскадовъ. Архитектура Дворца Электричества весьма оригинальна. Особенную красоту придаетъ ему то, что въ переднемъ фасадѣ его устроено, между прочимъ, девять широкихъ нишъ, прикрытыхъ снаружи частью разноцвѣтными стеклами, а частью весьма изящными и легкими транспарантами изъ обожженной глины, которые, особенно при вечернемъ освѣщеніи, имѣютъ положительно чарующій видъ. Все зданіе Дворца увѣнчано группой, представляющей Генія Электричества на колесницѣ, везомой гиппогрифами, причемъ изо всей этой группы льются цѣлые потоки свѣта, попеременно то краснаго, то золотисто-желтаго, то фіолетоваго, то ярко-зеленаго, то небесно-голубого. Точно такъ же и фризъ Дворца образуетъ цѣлое свѣтящееся кружево, составленное изъ массы разноцвѣтныхъ лампочекъ. Скажемъ кстати, что всѣхъ лампочекъ накаливанія расположено по фасаду Дворца Электричества не менѣе 5000, кромѣ восьми большихъ дуговыхъ фонарей значительной силы свѣта, находящихся тутъ же.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію Зала Празднествъ, находящагося, какъ уже упомянуто, позади Дворца Электричества, скажемъ нѣсколько словъ о наиболѣе интересныхъ новинкахъ, фигурирующихъ на настоящей выставкѣ въ вышеперечисленныхъ отдѣлахъ ея, тѣмъ болѣе, что такія новинки встрѣчаются рѣшительно почти въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ. Такъ, уже въ первомъ отдѣлѣ, который обнимаетъ собою, между прочимъ, и печатное дѣло, можно найти весьма интересную англійскую наборную машину, въ основу устройства которой положенъ принципъ пишущихъ машинъ, именно: въ ней при нажимѣ соотвѣтствующей клавиши выпадаетъ нужная буква и становится на надлежащее мѣсто. Такими машинами снабжены въ настоящее время типографіи почти всѣхъ большихъ англійскихъ газетъ, ихъ же начинаютъ употреблять и французскія типографіи, такъ какъ на практикѣ оказывается, что одна подобная наборная машина въ состояніи замѣнить работу, по крайней мѣрѣ, трехъ опытныхъ наборщиковъ. Кромѣ того, Германія выставила тутъ замѣчательную печатную машину, дающую оттиски рисунковъ въ 6 красокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта машина является въ настоящее время также и величайшей печатной машиной въ свѣтѣ. Дѣйствуетъ она электричествомъ; наибольшая величина даваемыхъ ею оттисковъ равняется 90×110 сантиметровъ, что въ русскихъ единицахъ мѣры составляетъ $1^1/_4$ арш. въ ширину и $1^1/_2$ арш. въ длину. Чтобы свѣжеотпечатанныя краски не могли смазаться или замараться, машина сама автоматически покрываетъ оттиснутые рисунки пропускной бумагой. Каждый изъ печатныхъ цилиндровъ ея имѣетъ въ окружности два метра, и при употребленіи двигателя въ 15 силъ машина эта даетъ въ часъ до 10000 оттисковъ. Такимъ образомъ, она представляетъ собою дѣйствительно послѣднее слово типографской техники въ настоящій моментъ. Она уже пріобрѣтена одной значительной парижской издательской фирмой, предназначающей ее для печатанія иллюстрированныхъ каталоговъ и журналовъ.

Въ томъ же первомъ отдѣлѣ, въ секціи, посвященной школьному дѣлу, обращаетъ на себя вниманіе великолѣпный гарнитуръ мебели для столовой въ современномъ стилѣ, являющійся результатомъ коллективной работы учениковъ Школы Прикладныхъ Искусствъ въ Женевѣ. Въ изготовленіи этой мебели принимали участіе ученики всѣхъ отдѣловъ этой школы: рѣзчики по дереву и по металламъ, керамисты, кузнецы, слесаря, столяры, живописцы, рисовальщики,—всѣ поработали тутъ, каждый по своей спеціальности: одни надъ изготовленіями разныхъ украшеній, другіе—эмалей и разныхъ инкрустацій, третьи — надъ расписываніемъ медальоновъ,—и своими совокупными усиліями они, дѣйствительно, создали нѣчто замѣчательное. Особенно оригинально, что здѣсь всѣмъ украшеніямъ придана форма тѣхъ или другихъ пищевыхъ продуктовъ, что, впрочемъ, является вполнѣ естественнымъ для мебели, предназначенной въ столовую. И какъ граціозно, какъ изящно

Digitized by Google



Дворецъ Электричества и свѣтящійся фонтанъ.

Digitized by Google

сгруппированы здѣсь кисти винограда, различные плоды, овощи, дичь, кролики, домашняя птица и даже коренья, такъ какъ у нѣкоторыхъ предметовъ ножки рѣшительно имѣютъ видъ корней сельдерея. Кромѣ того, нѣкоторыя панно превосходно раскрашены акварелью. Вообще, вся эта мебель имѣетъ очень эффектный видъ, но въ то же время она не лишена и единства стиля. Одно въ ней плохо: это то, что стоитъ она очень дорого, именно 70 тысячъ франковъ. Впрочемъ, можетъ быть, кто-нибудь изъ богатыхъ любителей и не пожалѣетъ заплатить за нее эту сумму, которой она къ тому же, пожалуй, и вполнѣ стоитъ.

Въ отдѣлѣ средствъ передвиженія особеннаго вниманія заслуживаетъ въ секціи, посвященной воздухоплаванію, летательный аппаратъ, устроенный нѣкіимъ Адеромъ и названный имъ Авіолемъ. Г. Адеръ уже давно работаетъ надъ разрѣшеніемъ задачи воздухоплаванія. Настоящій аппаратъ его представляетъ собою родъ аэроплана, имѣющаго видъ громадной летучей мыши и обладающаго очень эластичными крыльями, въ формѣ большихъ лопастей; приводится онъ въ движеніе особымъ двигателемъ, заключеннымъ въ отдѣльную коробку, которая помѣщается надъ самыми лопастями. Управлять аппаратомъ вполнѣ можетъ одинъ человѣкъ, который помѣщается для этого въ особой клѣткѣ, находящейся въ самомъ центрѣ машины. Длина всего аппарата отъ одного края до другого равняется 15 метрамъ. Построенъ онъ былъ первоначально нѣсколько лѣтъ тому назадъ и даже, въ 1897 году, подвергался испытанію въ Сеторійскомъ лагерѣ, но тогда съ нимъ произошли какія-то непредвидѣнныя случайности, которыя принудили изобрѣтателя отложить на время дальнѣйшіе опыты. Къ настоящей выставкѣ г. Адеръ значительно усовершенствовалъ свой аппаратъ, такъ что, повидимому, правильность его дѣйствій теперь болѣе обезпечена.

Въ этомъ же отдѣлѣ выставленъ прекрасный электрическій локомотивъ большой скорости, могущій, какъ это доказано опытами, пробѣгать въ часъ до 120 километровъ (километръ почти равенъ нашей верстѣ); даже тогда, когда ему приходится тянуть за собою грузъ въ 100 тоннъ (болѣе 6 тысячъ пудовъ), онъ развиваетъ скорость не менѣе 100 километровъ въ часъ. Подобный же паровой локомотивъ, принадлежащій Обществу Французскихъ Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ и дающій такую же быстроту передвиженія, выставленъ въ Венсенѣ, гдѣ расположены многіе дополнительные экспонаты, — особенно изъ числа машинъ,—не умѣстившіеся на Марсовомъ Полѣ. Вообще, повидимому, иностранцы нынѣ весьма серіозно занялись практическимъ разрѣшеніемъ вопроса объ ускореніи движенія по желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ, очевидно, пришли къ заключенію, что настоящая скорость желѣзнодорожныхъ поѣздовъ крайне неудовлетворительна. Для насъ, русскихъ, вопросъ этотъ, въ виду нашихъ безконечныхъ разстояній, имѣетъ еще большую важность, и потому было бы очень желательно, по возможности не откладывая, позаимствовать и затѣмъ немедленно примѣнить у насъ на практикѣ ближайшіе результаты заграничныхъ изысканій и открытій въ указанномъ направленіи. Вѣдь скорость пробѣговъ хотя бы и въ 100 верстъ въ часъ равносильна была бы для насъ возможности совершать путь изъ Петербурга въ Москву не болѣе, какъ въ 6 часовъ, а въ Варшаву—въ $10^1/_2$ часовъ, тогда какъ теперь на это приходится затрачивать не менѣе 15 часовъ въ первомъ случаѣ и цѣлыя сутки — во второмъ, — разница, очевидно, огромная и для многихъ имѣющая весьма существенное значеніе.

Въ отдѣлѣ химическихъ производствъ впервые фигурируютъ передъ большой публикой газы, превращенные въ капельно-жидкое состояніе, въ томъ числѣ жидкая углекислота и жидкій воздухъ, которымъ скоро предстоитъ, повидимому, такое обширное примѣненіе въ обыденной жизни. Интересна также машина, выдѣлывающая искусственный шелкъ, хотя и плохо до сихъ поръ вѣрится, чтобы послѣдній могъ когда-нибудь получить большое распространеніе въ публикѣ. Кромѣ того, заслуживаетъ еще нѣкотораго вниманія коллекція химическихъ аппаратовъ, принадлежавшихъ знаменитѣйшимъ французскимъ химикамъ, въ томъ числѣ отцу современной химіи—Лавуазье.

Въ секціи писчебумажнаго производства замѣчательна машина, служащая для выдѣлки писчей бумаги. Машина эта устроена такъ, что съ одной стороны въ нее поступаютъ сырые матеріалы, служащіе для изготовленія бумаги: тряпки, дерево, солома, а съ другой, посредствомъ очень точ-

Digitized by Google

наго и усовершенствованнаго механизма, она выбрасываетъ бумагу, вполнѣ готовую къ употребленію. И какой мизерной, рядомъ съ этой машиной, кажется находящаяся тутъ же, почти рядомъ съ нею, первая машина для выдѣлки бумаги, изобрѣтенная Роберомъ въ 1799 году, значитъ всего лишь сто лѣтъ назадъ. Надо сказать, что нѣкогда фабрикація бумаги являлась настоящимъ искусствомъ; это было тогда, когда знали лишь бумагу, изготовлявшуюся въ отдѣльныхъ листахъ и притомъ отъ руки. Нынѣ же бумага, служащая для печатанія газетъ, доставляется типографіямъ въ видѣ громадныхъ свертковъ, длина которыхъ доходитъ до 3600 метровъ, или почти до 5 тысячъ аршинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время и общее количество производимой бумаги возросло въ громадныхъ размѣрахъ: прежде во Франціи, напримѣръ, выдѣлывалось бумаги въ день не болѣе 500 килограммовъ, въ настоящее же время тамъ ея выдѣлывается въ день болѣе 1 милліона килограммовъ, а именно до 450 милліоновъ килограммовъ въ годъ. Нынѣ большія нѣмецкія машины, образцы которыхъ имѣются, между прочимъ, и на выставкѣ, приспособлены къ выдѣлкѣ бумаги въ 2,3 метра, т. е. болѣе сажени ширины; вмѣстѣ съ тѣмъ производительность ихъ равняется 150 метрамъ бумаги указаннаго размѣра въ минуту, причемъ бумага эта получается превосходнаго качества, вполнѣ годная какъ для печатнаго, такъ и для конторскаго дѣла. Слѣдовательно, годовая производительность каждой такой машины равняется не менѣе 25 милліонамъ метровъ бумаги. А чтобы судить, какъ велико это количество, достаточно указать, что его вполнѣ хватило бы для того, чтобы слишкомъ въ $2^1/_2$ раза покрыть, напримѣръ, весь путь отъ Петербурга и вплоть до Владивостока. Вотъ какіе успѣхи сдѣлало въ теченіе XIX столѣтія писчебумажное производство!

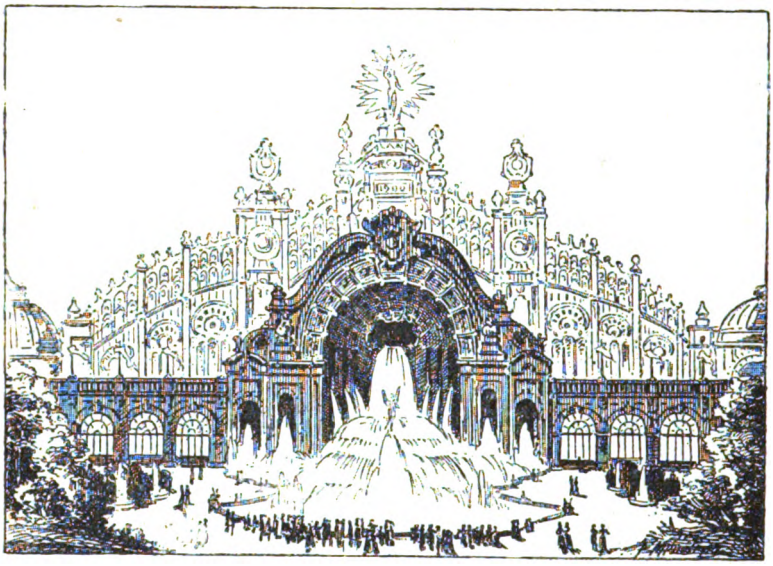
Въ отдѣлѣ производствъ изъ волокнистыхъ веществъ новинкой является бумажная пряжа, обработанная по способу Мерсера, вслѣдствіе чего она принимаетъ совершенный видъ шелка. Достигается подобный результатъ посредствомъ дѣйствія на растянутыя хлопчатобумажныя нити концентрированнымъ растворомъ ѣдкаго натра или каустической соды. Открытіе Мерсера относится еще къ 1843 году, но оно до настоящаго времени почти совершенно не эксплоатировалось, и примѣненіе его къ хлопчатобумажной промышленности послѣдовало лишь теперь, такъ что бумажныя ткани, вполнѣ имѣющія видъ шелковыхъ, впервые фигурируютъ нынѣ передъ публикой. Кромѣ того, въ этомъ же отдѣлѣ, именно въ секціи одежды, имѣется очень интересная и красивая группа, составленная изъ прелестно расположенныхъ манекеновъ, одѣтыхъ въ самые модные современные туалеты. Въ созданіи этой дѣйствительно артистической группы приняли участіе лучшіе изъ французскихъ скульпторовъ, и надо сознаться, что она составлена превосходно; въ ней естественна и живописна каждая поза; вмѣстѣ съ тѣмъ и самые выставленные здѣсь туалеты замѣчательно элегантны. Это — несомнѣнно лучшій способъ показать туалеты въ полномъ блескѣ и красотѣ.

Отдѣлъ прикладной механики замѣчателенъ уже тѣмъ, что въ немъ сосредоточены и изъ него исходятъ всѣ тѣ силы, которыми приводятся въ дѣйствіе всѣ машины на выставкѣ. А количество этихъ силъ не малое: оно равняется цѣлымъ сорока тысячамъ, изъ коихъ, по крайней мѣрѣ, 15 тысячъ употребляется на производство электрическаго освѣщенія, до 20 тысячъ предназначено для обслуживанія всѣхъ остальныхъ машинъ и 5 тысячъ силъ остается еще въ запасѣ, на случай экстренныхъ надобностей. Паровики, доставляющіе всю означенную массу силъ, расположены въ два ряда, причемъ въ составъ одного ряда входятъ исключительно однѣ французскія паровыя машины, а другой рядъ заключаетъ въ себѣ паровыя машины, выставленныя всѣми остальными націями. Замѣтимъ кстати, что самую большую паровую машину тройного расширенія, въ 5000 силъ, выставила здѣсь Германія, вообще сдѣлавшая за послѣднее время громадные успѣхи по части машиностроенія.

Такимъ образомъ, какъ по количеству, такъ и по размѣрамъ паровиковъ настоящая выставка далеко превосходитъ предыдущую выставку 1889 года, когда утилизировалось среднимъ числомъ никакъ не болѣе 2600 силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выставленныя нынѣ паровыя машины представляютъ шагъ впередъ и въ томъ отношеніи, что работа ихъ обходится много дешевле, чѣмъ прежде, хотя все еще нельзя сказать, чтобы въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи замѣчался большой прогрессъ, такъ какъ и въ настоящихъ паровикахъ утилизируется не болѣе 8 — 10% той энергіи, которая содержится въ потребляемомъ ими горючемъ матеріалѣ. Упомянемъ также, что трубы, отводящія дымъ отъ топокъ всѣхъ паровыхъ машинъ, дѣйствующихъ на выставкѣ, имѣютъ въ вышину по 80 метровъ (слишкомъ 37 саженъ) каждая, а въ окружности не менѣе 12 метровъ, при чемъ дымовыя отверстія у нихъ равняются почти 1 метру въ діаметрѣ. Для того же, чтобы придать имъ болѣе красивый видъ, онѣ сверху и до самаго низу обложены зелеными, желтыми и голубыми фаянсовыми плитками, совершенно на китайскій манеръ.



Дворецъ Электричества.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

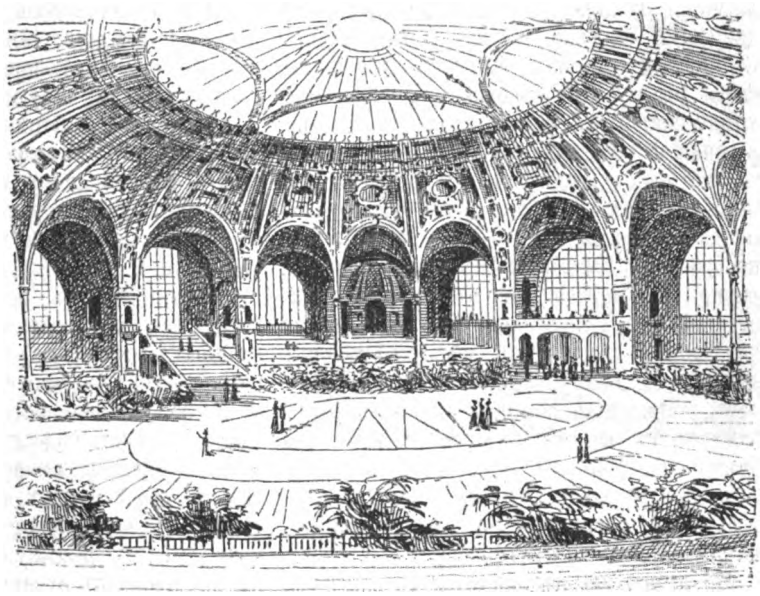
Въ отдѣлѣ электричества заслуживающими вниманія являются: аппаратъ для производства озона, предназначеннаго для обеззараживанія воды; аппаратъ для производства карбида кальція, дающаго въ прикосновеніи съ водою тотъ ацетиленовый газъ, который при горѣніи производитъ такой превосходный свѣтъ, что ацетиленовыя лампы являются, какъ извѣстно, опасными соперницами даже электрическому освѣщенію; затѣмъ, безпроволочный телеграфъ Маркони, которому предрекается въ скорости такая блестящая будущность, и, наконецъ, громогласный телефонъ, въ который можно разговаривать на разстояніи, не прикасаясь къ нему. Кромѣ того, тутъ же подъ руководствомъ извѣстнаго французскаго химика Муэссана ежедневно продѣлываются на глазахъ посѣтителей опыты фабрикаціи алмазовъ и добыванія рѣдчайшихъ металловъ.

Таковы наиболѣе замѣчательныя новинки въ тѣхъ изъ отдѣловъ настоящей выставки, которые расположены въ предѣлахъ Марсова Поля. Конечно, это вовсе не значитъ, что, кромѣ перечисленнаго, тамъ нѣтъ ничего достойнаго вниманія. Напротивъ, каждый изъ поименованныхъ отдѣловъ устроенъ настолько интересно и съ такимъ знаніемъ дѣла, что дѣйствительно даетъ самую полную картину современнаго состоянія той или другой отрасли промышленности, причемъ оцѣнка достигнутыхъ за послѣднее время успѣховъ много облегчается еще и тѣмъ, что во всякомъ отдѣлѣ имѣются прекрасно составленныя историческія коллекціи. Но подробное описаніе этихъ отдѣловъ выставки никоимъ образомъ не можетъ входить въ программу настоящихъ очерковъ, такъ какъ послѣдніе имѣютъ своею цѣлью отмѣтить только самое интересное, самое красивое и самое живописное на выставкѣ. Да и кромѣ того, вѣдь всякія подробности, касающіяся извѣстнаго отдѣла, являются въ громадномъ большинствѣ случаевъ интересными однимъ лишь спеціалистамъ. а тѣ, конечно, обратятся за ними въ свои спеціальныя изданія.

Переходимъ теперь къ Залу Празднествъ. Онъ расположенъ позади Дворца Электричества, въ самой срединѣ того зданія, гдѣ помѣщается отдѣлъ земледѣлія и пищевыхъ продуктовъ. Занимаетъ онъ огромное про-

Digitized by Google

странство въ 165 метровъ длины и 142 метра ширины, слѣдовательно болѣе, чѣмъ въ 5 тысячъ квадратныхъ саженъ. Центральная часть его покрыта круглымъ стеклянным куполомъ, черезъ который онъ получаетъ дневной свѣтъ. Чтобы судить о томъ, какова величина этого купола, достаточно сказать, что діаметръ его равенъ 90 метрамъ, причемъ онъ опирается на 8 большихъ желѣзныхъ двойныхъ пилоновъ и на такое же количество малыхъ, болѣе легкихъ одиночныхъ пилоновъ. Такимъ образомъ, самая средина Зала Празднествъ представляетъ собой громадный кругъ; въ четырехъ же углахъ его устроены, въ видѣ постепенно суживающихся террасъ, мѣста для посѣтителей, всего числомъ до 6 тысячъ. А такъ какъ круглая середина Зала можетъ вмѣстить въ себѣ до 12 тысячъ человѣкъ, да въ ложахъ и галлереяхъ имѣется до 2 тысячъ мѣстъ, то, значитъ, весь залъ, въ совокупности, въ состояніи дать пріютъ не менѣе, какъ 20 тысячамъ человѣкъ. Нечего и говорить, что Залъ этотъ, какъ предназначенный для торжествъ, роскошно украшенъ разнообразными статуями и фресками. Изъ числа послѣднихъ особенно замѣчательны четыре громадныхъ фрески, расположенныя подъ самымъ куполомъ. Онѣ написаны на одну общую тему: прославленіе промышленности, искусствъ и наукъ; каждая фреска занимаетъ въ длину 26 метровъ, въ вышину 6 метровъ и заключена въ рамку, составленную не изъ прямыхъ линій, а, чтобы избѣжать монотонности, изъ кривыхъ поломанныхъ. Для того же, чтобы самыя фрески не слишкомъ рѣзко выдѣлялись подъ свѣтлымъ стеклянным куполомъ Зала, линія горизонта въ нихъ взята сравнительно очень низко, а вся же верхняя часть ихъ изображаетъ блѣдно-голубое небо, кое-гдѣ слегка покрытое бѣлыми перистыми облаками. Первая изъ этихъ фресокъ принадлежитъ кисти Фламана, на долю котораго выпало представить шелковую, шерстяную и хлопчатобумажную промышленность, декоративныя искусства и химическія производства. Составить изъ всего этого матеріала живую гармоничную картину являлось задачей далеко не легкой, но Фламанъ блистательно разрѣшилъ ее. Онъ началъ свою фреску слѣва изображеніемъ красивой молодой женщины, сидящей за ткацкимъ станкомъ. Около нея расположена фигура мужчины, внимательно разсматривающаго роскошную матерію, повидимому, только-что вышедшую изъ мастерской; вдали, на протянутой ве-



Залъ Празднествъ.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

ревкѣ, виднѣется развѣшанное полотно, колеблемое вѣтромъ, а на первомъ планѣ картины одинъ полуобнаженный мужчина тащитъ тюкъ хлопчатой бумаги въ то время, какъ другой занятъ промываніемъ мотковъ шерсти. Вотъ какимъ образомъ художникъ охарактеризовалъ въ своемъ произведеніи всѣ производства изъ волокнистыхъ веществъ. Что же касается декоративныхъ искусствъ, то, конечно, въ виду ихъ многочисленности, изобразить ихъ сколько-нибудь

Digitized by Google

подробно не позволилъ ему уже самый недостатокъ мѣста. Поэтому Фламанъ принужденъ былъ, чтобы выйти изъ этого затрудненія, употребить такой пріемъ: онъ написалъ живую сцену, сюжетомъ которой выбралъ процессію представителей означенныхъ искусствъ, проходящую передъ главнымъ коммисаромъ выставки г. Пикаромъ и его ближайшими помощниками. Въ этой сценѣ художникъ на правомъ планѣ помѣстилъ худощавую фигуру самого Пикара, а передъ нимъ изобразилъ цѣлую толпу рабочихъ, занимающихся различными ремеслами: тутъ и гончаръ съ блестящей вазой въ рукахъ, и обойщикъ съ кускомъ обоевъ, и рѣзчикъ съ рѣзной моделью собора, и плотникъ съ громадной доской, и масса другихъ ремесленниковъ съ своими издѣліями. А сколько во всей этой композиціи движенія, сколько жизни и одушевленія! Съ правой стороны Фламанъ закончилъ свою фреску изображеніемъ внутренности химическаго завода, съ различными перегонными кубами, ретортами и колбами, въ которыхъ изготовляются многочисленные продукты современной химической промышленности на пользу самыхъ разнообразныхъ фабричныхъ производствъ, равно и на потребу современной медицины, стремящейся,—хотя, впрочемъ, не всегда успѣшно, — возвратить посредствомъ ихъ здоровье больному человѣку. Такимъ образомъ, описанная композиція Фламана не заключаетъ въ себѣ ни одной избитой или банальной формулы искусства, ни одной аллегоріи, ни одного символа, а передаетъ,— и притомъ очень удачно,—жизнь такою, какова она въ дѣйствительности.

Въ этомъ же направленіи исполнена и вторая фреска работы Меньяна. На его долю выпало изобразить земледѣліе, цвѣтоводство, садоводство и виноградарство, а также, по странной прихоти выставочной администраціи, рыбную ловлю. И онъ выполнилъ эту задачу слѣдующимъ образомъ: въ видѣ фона для своей картины онъ написалъ прекрасный пейзажъ, изображающій часть берега, выдающагося мысомъ въ море. На самой оконечности мыса онъ расположилъ прекрасное масличное дерево, въ вѣтвяхъ котораго виднѣется молодежь, занятая собираніемъ маслинъ; подъ деревомъ онъ помѣстилъ рыбака съ сѣтями, а у ногъ его—корзины, наполненныя всевозможными сортами рыбы. Немного далѣе мысъ на картинѣ расширяется въ равнину, покрытую только-что сжатой рожью, которую тутъ же молотятъ и ссыпаютъ въ мѣшки. Жатвенная машина, запряженная парой рослыхъ лошадей, еще не убрана и стоитъ вблизи, а среди нея расположилась молодая женщина около цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ овощей. Заканчивается фреска картиной великолѣпнаго сада, гдѣ, среди громадной клумбы изъ рододендроновъ, стоитъ женщина, производящая изъ трубы насоса поливку цвѣтовъ; при этомъ въ водѣ, выходящей изъ трубы, солнечные лучи играютъ всѣми цвѣтами радуги, что составляетъ весьма эффектный фонъ для слѣдующей группы женщинъ, сидящихъ тутъ же ниже передъ корзиной, наполненной самыми разнообразными фруктами: грушами и персиками, абрикосами и сливами. Контрастъ, образуемый ими съ нижнимъ колоритомъ цвѣтовъ, производитъ прямо чарующее впечатлѣніе.

Третья фреска написана Рошгроссомъ, и, надо сказать, написана очень оригинально. Исходя изъ мысли, что при томъ громадномъ разстояніи, на которомъ находятся фрески отъ зрителей, едва ли возможно имъ различить тѣни и полутѣни, а всякій сколько-нибудь рѣзкій мазокъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, покажется имъ просто пятномъ и притомъ въ иныхъ случаяхъ,—при извѣстной комбинаціи красокъ,—даже чернымъ пятномъ, что не могло бы не подѣйствовать губительно на самую гармонію красокъ,—Рошгроссъ задумалъ, по примѣру импрессіонистовъ, употребить въ своей фрескѣ только одни чистые тоны, отказавшись отъ всякаго смѣшенія красокъ. Онъ разсчиталъ, что въ такомъ случаѣ рисунокъ будетъ имѣть болѣе яркій колоритъ, и расчетъ его блистательно оправдался. Дѣйствительно, упрекъ, который обыкновенно дѣлается по адресу импрессіонистовъ, а именно, что въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ рисунка, а существуютъ однѣ лишь цвѣтныя пятна, является, въ сущности, справедливымъ лишь постольку, поскольку онъ касается картинъ, предназначенныхъ къ разсматриванію на близкомъ разстояніи. Но для декоративной живописи этотъ пріемъ оказывается совершенно подходящимъ, такъ какъ при большомъ разстояніи тамъ всѣ отдѣльныя краски сливаются, хотя бы онѣ и наложены были каждая порознь, безъ всякаго смѣшенія одна съ другой. Въ такихъ

Digitized by Google

случаяхъ всѣ кричащія пятна представляются зрителю смягченными, между тѣмъ эффектъ красокъ выигрываетъ въ интенсивности и прелести гармоническихъ сочетаній. Руководствуясь такимъ принципомъ, Рошгроссъ и написалъ свою картину манерой импрессіонистовъ, безъ малѣйшаго смѣшенія отдѣльныхъ тоновъ; даже въ тѣневыхъ мѣстахъ онъ клалъ однѣ чистыя краски, хотя приэтомъ онъ не вдавался въ тѣ преувеличенія, отъ которыхъ обыкновенно такъ сильно страдаютъ произведенія импрессіонистовъ. Сюжетомъ его фрески должно было служить изображеніе армій, флотовъ, колоній, изящныхъ искусствъ, гигіены и общественнаго призрѣнія. Создать изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ нѣчто цѣльное и единое по концепціи было уже само по себѣ очень трудно, а тутъ художникъ оказался стѣсненнымъ еще требованіемъ администраціи выставки непремѣнно включить въ картину моментъ раздачи знаменъ французскимъ войскамъ въ 1881 году на Лоншанскомъ полѣ, между тѣмъ вѣдь одно это событіе уже могло смѣло послужить темой для отдѣльнаго большого художественнаго произведенія. Чтобы удовлетворить указанному требованію, художникъ началъ свою фреску изображеніемъ въ отдаленной перспективѣ трибунъ Лоншанскаго поля, а у подножія ихъ сгруппировалъ представителей всѣхъ родовъ оружія, и эта часть программы оказалась имъ выполненной болѣе или менѣе удачно. Затѣмъ, въ самомъ центрѣ фрески онъ помѣстилъ изображеніе искусства, въ видѣ цѣлаго собранія молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ играетъ на скрипкѣ, другіе слушаютъ его; тутъ же молодой художникъ работаетъ надъ своей картиной, поставленной на мольбертѣ, а немного въ сторонѣ скульпторъ любуется прекраснымъ женскимъ торсомъ, между тѣмъ какъ архитекторъ разсматриваетъ развернутый передъ нимъ планъ. Правая сторона фрески вся посвящена изображенію гигіены и общественнаго призрѣнія. Въ этой части прежде всего представлено красивое зданіе, въ родѣ госпиталя, окруженное массой зелени, вдали передъ нимъ рядъ молодыхъ людей продѣлываетъ извѣстныя гимнастическія упражненія, а на переднемъ планѣ виднѣются группы дѣтей; изъ послѣднихъ одна дѣвочка тянется къ нянькѣ съ чашечкой, очевидно, въ надеждѣ получить свою порцію супу, такъ какъ та стоитъ съ котелкомъ въ рукахъ; другой дѣвочкѣ докторъ прививаетъ оспу; наконецъ, тутъ же, немного въ сторонѣ, два инвалида ожидаютъ повидимому своей очереди быть накормленными. Въ общемъ все это представляетъ очень граціозную картину, производящую весьма пріятное впечатлѣніе.

Наконецъ, четвертая фреска имѣетъ своимъ предметомъ изображеніе горнозаводской промышленности, электричества и различныхъ работъ по сооруженію путей сообщенія. Принадлежитъ она кисти Кормона.

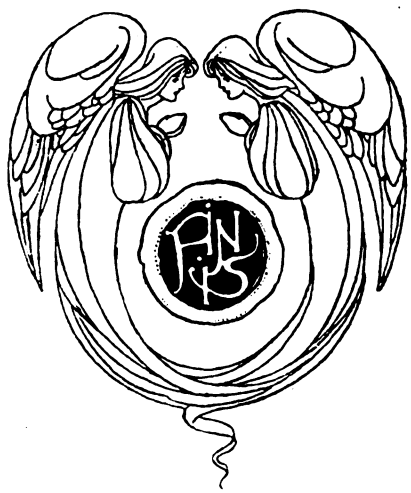
Звѣзда надъ центральной аркой.
Château d'Eau.
(Парижская Всемірная выставка 1900 г.).

Но этотъ художникъ, если бы даже и пожелалъ, все-таки не могъ бы такъ близко соблюсти дѣйствительность въ своей композиціи, какъ трое предыдущихъ товарищей его, потому что при поставленныхъ ему условіяхъ онъ прежде всего не въ состояніи былъ изобразить подземныхъ работъ въ рудникахъ. Поэтому онъ долженъ былъ для характеристики горнозаводской промышленности удовольствоваться лишь тѣмъ, что въ картинѣ его фигурируютъ произведенія, добытыя изъ нѣдръ земли, въ видѣ рудъ и каменнаго угля, погружаемаго въ тутъ же стоящія вагонетки. Вся лѣвая сторона его картины занята изображеніемъ электричества въ

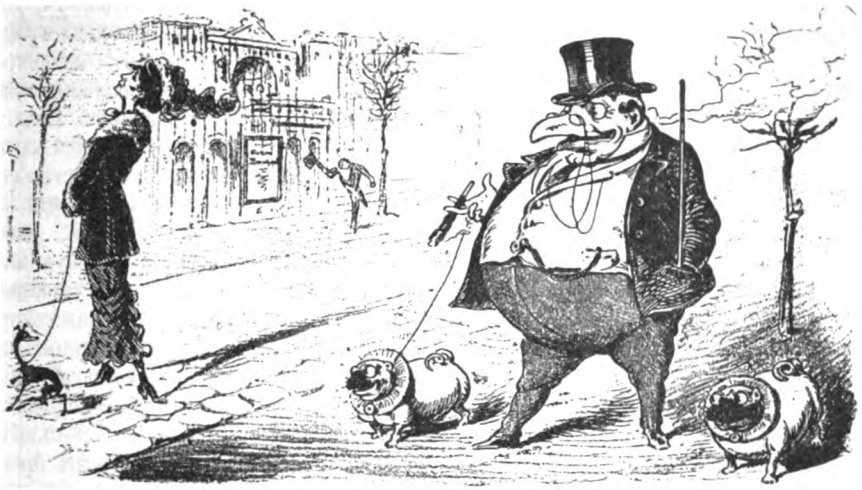
Digitized by Google

видѣ связанныхъ съ нимъ производствъ. Здѣсь Кормонъ прежде всего помѣстилъ быстро двигающійся автомобиль съ сидящей на немъ парочкой. Рядомъ сильный, мускулистый рабочій съ трудомъ приподнимаетъ рычагъ громадной динамо-машины; далѣе изображены нѣсколько молодыхъ красивыхъ женщинъ, изъ которыхъ двѣ заняты работой за телеграфнымъ аппаратомъ, а одна возится съ телефономъ, приложивъ его трубку къ своему уху. Затѣмъ, центръ картины имѣетъ цѣлью представить горнозаводскую промышленность. Тутъ на первомъ планѣ расположены разнообразныя руды и глыбы каменнаго угля; далѣе возвышаются громадныя плавильныя печи, а около нихъ группа рабочихъ занята ковкой металла. Картина заканчивается изображеніемъ работъ по устройству и оборудованію путей сообщенія, а именно—виднѣется цѣлый рядъ людей, занятыхъ постройкой желѣзнодорожнаго пути; на заднемъ же планѣ снуютъ пароходы, двигаются, испуская клубы пара и дыма, локомотивы; однимъ словомъ, все напоминаетъ здѣсь тѣ работы и сооруженія, которыя обыкновенно входятъ въ область спеціальныхъ занятій гражданскихъ инженеровъ.

Эти четыре наиболѣе замѣчательныя фрески, украшающія Залъ Празднествъ, отдѣлены одна отъ другой прекрасными медальонами изображающими въ барельефахъ, Промышленность—въ видѣ четырехъ нагихъ женскихъ фигуръ, символизирующихъ механику съ ея машинами, приводимыми въ дѣйствіе паромъ и водою; Словесность,—тоже въ образѣ четырехъ женскихъ фигуръ, символизирующихъ воспитаніе, образованіе, литературу и философію; Искусства — въ видѣ подобныхъ же фигуръ, долженствующихъ изображать собою живопись, скульптуру, архитектуру и гравированіе, и, наконецъ, Науки — представленныя тоже четырьмя женскими фигурами, означающими математику, физику, медицину и археологію. Въ этомъ же Залѣ есть много другихъ картинъ, фресокъ и скульптурныхъ произведеній. Такъ, надъ большими аркадами помѣщены изображенія четырехъ временъ года, а надъ малыми — двѣнадцати мѣсяцевъ, сгруппированныхъ по три, въ видѣ дѣтей, при которыхъ расположены атрибуты каждаго мѣсяца и его зодіакальный знакъ; надъ сѣверной трибуной написанъ пейзажъ, изображающій полярные льды, надъ южной имѣется картина съ видомъ Сахары; надъ восточной виднѣются лѣса и горныя цѣпи Центральной Азіи, а надъ западной изображено море и за нимъ американскія преріи. Наконецъ, всѣ 36 націй, принимающія нынѣ участіе въ выставкѣ, представлены въ этомъ залѣ въ видѣ такого же числа прекрасныхъ статуй, причемъ Россія изображена богатымъ крестьяниномъ, Германія — нѣмецкимъ студентомъ, Испанія—торреадоромъ, Англія — матросомъ, Норвегія—рыбакомъ, Бельгія — рудокопомъ и т. д. Каждая изъ этихъ статуй имѣетъ $2^1/_3$ метра (почти $3^1/_2$ аршина) вышины, и въ общемъ онѣ представляютъ эффектное зрѣлище, не мало способствующее возвышенію красоты прелестнаго Зала Празднествъ.



Digitized by Google



— Мы оба могли бы ей удѣлить частицу нашего жира. (Kikiriki).

XIX ВѢКЪ ВЪ КАРИКАТУРАХЪ.

X. [1])

Австрійская карикатура.

Вѣнская карикатура политическая и общественная.—Карикатуры до 1848 г.—Вѣнскіе юмористическіе журналы «Фигаро», «Tritsche-Tratsch», «Кикирики», «Пёнчъ», «Floh» и др.—Эрнестъ Іюхъ и Леопольдъ Мюллеръ.—Шлисманъ.—Вѣнское художественное общество.

Послѣ Берлина и Мюнхена Вѣна является третьимъ большимъ центромъ художественной дѣятельности нѣмцевъ. По своимъ нравамъ, обычаямъ, по веселой разнообразной уличной жизни Вѣна болѣе подходитъ къ Парижу, нежели къ нѣмецкимъ городамъ. Безпечный, легкомысленный и остроумный характеръ австрійцевъ напоминаетъ скорѣе характеръ французовъ, нежели нѣмцевъ. Благодаря политическимъ условіямъ этого государства, составленнаго изъ всевозможныхъ народностей, плохо связанныхъ между собой и живущихъ преимущественно интересами мѣстной текущей жизни, австрійская карикатура раздѣляется рѣзко на двѣ категоріи: карикатура политическая и карикатура общественная или свѣтская. Этотъ послѣдній родъ карикатуры нельзя назвать карикатурой нравовъ, такъ какъ она не обобщаетъ явленій, не изучаетъ общихъ смѣшныхъ и комическихъ сторонъ, а большею частью изображаетъ только событія дня и текущія новости. Австрійскія политическія карикатуры нѣсколько иного рода, чѣмъ политическія карикатуры Сѣверной Германіи, въ нихъ нѣтъ партійности и узкости карикатуръ «Кладерадача», онѣ никогда не осмѣиваютъ и не преслѣдуютъ побѣжденныхъ, и въ нихъ больше добродушнаго остроумія, нежели злобной сатиры. Нравы австрійцевъ, а въ особенности вѣнцевъ не такъ строги, какъ германскіе; тутъ полусвѣтъ, какъ и во Фран-

[1]) См. «Нов. Журн. Иностр. Лит.», №№ 6—11.

Digitized by Google

ціи, имѣетъ своего рода права гражданства, и юмористическіе сборники и журналы изображаютъ очень красивые и элегантные типы вѣнскихъ кокотокъ. Австрійская публика,— очень увлекающаяся, артистки, пѣвицы, актрисы пользуются тамъ большимъ успѣхомъ и любовью; художники-карикатуристы, поддѣлываясь подъ вкусы публики, очень часто изображаютъ ея любимицъ въ разныхъ видахъ и позахъ. Такъ, напримѣръ, во время гастролей Сары Бернаръ всѣ юмористическіе журналы были наполнены ея портретами-шаржами и рисунками, изображающими знаменитую актрису въ комическомъ видѣ. Но такъ какъ австрійская карикатура, главнымъ образомъ, рисуетъ событія текущаго дня, то Сара Бернаръ очень скоро уступаетъ свое мѣсто изображеніямъ банковыхъ краховъ, евреевъ-спекуляторовъ, пожара знаменитаго Рингтеатра, скандальной исторіи какой-нибудь дамы полусвѣта, новѣйшей художественной выставки и т. д., однимъ словомъ, безчисленнымъ мелочнымъ явленіямъ, интересующимъ праздную и привыкшую къ роскоши публику. Нѣмецкое вліяніе на австрійскихъ карикатуристовъ проявляется въ изданіи различныхъ комическихъ разсказовъ и приключеній, иллюстрированныхъ юмористическими виньетками, и въ большомъ количествѣ карикатуръ на военныхъ.

Австрійская карикатура очень недавняго происхожденія; можно сказать, что она почти отсутствовала въ XVIII вѣкѣ. Тогда лишь изрѣдка появлялись такъ называемые характерные типы и плохонькія виньетки къ политическимъ памфлетамъ. Вліяніе іезуитовъ и цензурныя строгости, казалось, заглушали всѣ стремленія къ сатирѣ и къ критикѣ. Послѣ 1815 года появляется серія карикатуръ мало извѣстнаго художника Лодера подъ заглавіемъ: «Людскія слабости и сумасбродства». Карикатуры эти лишены всякой оригинальности, такъ какъ онѣ — почти копіи съ карикатуръ Гогарта. Наконецъ, въ 1848 году либеральная партія одерживаетъ верхъ; начинаютъ издавать газеты и нѣсколько юмористическихъ журналовъ: «Вѣнскій Студентъ», «Вѣнскій Шаривари» и другіе. Впрочемъ, такая свобода прессы продолжается недолго; уже въ 1849 году всѣ періодическія изданія прекращаются вплоть до 1857 года, когда сталъ издаваться иллюстрированный юмористическій журналъ: «Вѣнскій Фигаро», основанный Вальдгеймомъ, директоромъ самаго значительнаго ксилографнаго заведенія въ Вѣнѣ. Почти всѣ иллюстраціи исполнялись въ немъ рисовальщиками Сѣверной Германіи—Рейнхардомъ, Кёнигомъ, Кюномъ и др., и журналъ являлся какъ бы сколкомъ съ нѣмецкихъ юмористическихъ изданій, только чешскій художникъ Лауфбергеръ, историкъ и жанристъ, вносилъ въ него своими карикатурами новую манеру и національный духъ. При существовавшихъ тогда условіяхъ и цензурныхъ строгостяхъ издавать журналъ считалось огромнымъ подвигомъ, чѣмъ-то въ родѣ геркулесовскихъ дѣяній. Тогда все подвергалось предварительной цензурѣ, и безжалостный красный карандашъ цензора такъ прогуливался по карикатурамъ и статьямъ, что сами авторы не могли узнать своихъ произведеній; прессѣ не только не дозволялось затрагивать политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, но даже запрещалось критиковать искусство и театръ. Не удивительно, что карикатуры «Фигаро» были скучны, вялы и однообразны въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ его существованія. Наступилъ 1859 годъ, опять повѣяло свободой, пресса ожила, молодой талантливый драматургъ Бергъ сталъ издавать журналъ «Tritsche-Tratsch» (на вѣнскомъ діалектѣ значитъ «Сплетни»), а затѣмъ появились «Кикирики», «Пёнчъ» и «Злые Языки». Эти журналы являются какъ бы представителями нѣмецкаго вліянія, и иллюстраціи ихъ воспроизводились такъ же, какъ въ баварскихъ журналахъ, посредствомъ гравюры на деревѣ. Совершенно въ другомъ родѣ сталъ издаваться журналъ большого формата «Блоха» (Floh) съ раскрашенными литографіями на заглавныхъ листахъ. Попытка издавать такой журналъ увѣнчалась успѣхомъ и вызвала много подражаній, какъ-то: «Вѣнская Оса», «Вѣнская карикатура», «Бомба» и др. «Вѣнскій Фигаро» также измѣнился къ лучшему, получивъ относительную свободу, и въ то же время въ немъ появились рисунки двухъ талантливыхъ художниковъ Эрнеста Іюха и Леопольда Мюллера.

Первый — выдающійся талантъ, онъ одинаково хорошо владѣетъ карандашомъ, кистью, рѣзцомъ и грабштихомъ; въ одно и то же время ювелиръ-чеканщикъ, онъ стремится придать своимъ карикатурамъ своеобразную манеру и форму,

Digitized by Google

стараясь главнымъ образомъ отрѣшиться отъ подражанія французскимъ и германскимъ карикатуристамъ, и это ему вполнѣ удается. Виньетки и рисунки Леопольда Мюллера очень интересны; онъ создалъ типъ прусскаго короля, который сталъ такимъ же популярнымъ, какъ типъ Наполеона III, созданный «Кладерадачемъ».

«Вѣнскій Фигаро»—прежде всего органъ анти-прусскій; хотя въ немъ такъ же, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ журналахъ, въ продолженіе десяти лѣтъ постоянно появляются карикатуры на Наполеона III, но онъ не щадитъ Пруссіи и главнымъ образомъ прусскаго короля. Очень интересна карикатура, изображающая генеральную репетицію торжественнаго вступленія Вильгельма I въ Парижъ: вмѣсто всѣмъ ненавистной тогда прусской каски у него на головѣ прусская казарма съ надписью: «Вся Германія должна въ ней помѣститься.» Бисмаркъ идетъ подлѣ съ суфлерской будкой на плечахъ, готовый подсказывать королю его вступительную рѣчь, а всѣ владѣтельные германскіе принцы сопровождаютъ его, предводительствуемые Шульцемъ изъ «Кладерадача». «Вѣнскій Фигаро»—также ярый противникъ клерикаловъ; онъ помѣщалъ множество карикатуръ на іезуитовъ, затрагивалъ постоянно внутреннюю политику Австріи, за что его нумера подвергались очень часто запрещеніямъ. Мало-по-малу карикатуристы «Фигаро» перестали принимать участіе въ политикѣ и посвятили свою дѣятельность почти исключительно карикатурѣ нравовъ. Этотъ журналъ выходитъ теперь съ прибавленіемъ, озаглавленнымъ «Wiener Luft» (Вѣнскій духъ), въ которомъ участвуетъ одинъ изъ лучшихъ австрійскихъ карикатуристовъ и иллюстраторовъ—Шлисманъ. Просмотрѣвъ карикатуры этого художника, можно себѣ отдать ясный отчетъ, какую роль играетъ офицеръ въ австрійскомъ обществѣ, и о вліяніи военнаго элемента на австрійскіе нравы. Офицеръ тамъ повсюду главное лицо, онъ покоряетъ всѣ сердца, о немъ мечтаютъ всѣ подростки, онъ для модистокъ и швеекъ Аполлонъ Пратера (Пратеръ—паркъ, мѣсто гулянья всего вѣнскаго общества).

Другой большой юмористическій журналъ «Кикирики» — представитель демократическаго духа; онъ появляется два раза въ недѣлю, частью съ раскрашенными карикатурами. Типъ, созданный этимъ журналомъ,—одѣтый въ разные костюмы пѣтухъ, пользуется такой же популярностью среди вѣнцевъ, какъ Шульце и Мюллеръ въ Берлинѣ. Разнымъ знаменитымъ артистамъ и музыкантамъ, какъ Вагнеръ, Штраусъ, Гальмейръ, отводитъ онъ на своихъ страницахъ такое же видное мѣсто, какъ и политическимъ вопросамъ и внутреннимъ дѣламъ Германіи, Россіи и Франціи. Интересно сравнить карикатурный типъ Бисмарка въ «Кикирики» и «Вѣнскомъ Фигаро»: этотъ послѣдній изображалъ его то старымъ отставнымъ дипломатомъ, то богатымъ помѣщикомъ, мирно доживающимъ свой вѣкъ среди своихъ собакъ и лошадей; въ «Кикирики» же Бисмаркъ являет-

Вахтмистръ въ мирное время.
(Рис. Дица).

Digitized by Google

ся весельчакомъ, добрымъ малымъ, настоящимъ типомъ прежняго нѣмецкаго рейтара.

«Осы», «Бомба» и «Юмористическіе Листки» издаются также съ раскрашенными карикатурами, и портреты-шаржи занимаютъ въ нихъ главное мѣсто. Первые портреты-шаржи, помѣщенные въ этихъ журналахъ, принадлежали карандашу художника Карла Клика, пользующагося большой популярностью въ Вѣнѣ. Онъ же первый сталъ изображать женщинъ въ своихъ карикатурахъ. Во всѣхъ этихъ журналахъ главными темами для карикатуръ являются текущія театральныя событія и евреи, биржевыя спекуляціи и женщины. «Юмористическіе Листки» стали недавно выпускать приложеніе небольшого формата подъ названіемъ «Новые Флигенде», исключительно посвященные карикатурамъ мѣстныхъ нравовъ. Главные сотрудники этого изданія— Шлисманъ, талантливый-художникъ самоучка, и Георгъ Зибенъ, блестяще окончившій Академію Художествъ; его можно только съ натяжкой причислить къ карикатуристамъ, такъ какъ всѣ его рисунки слишкомъ серіозны, сложны и всегда съ философскимъ оттѣнкомъ. Многіе австрійскіе карикатуристы изображали женщинъ и ихъ комическія стороны, но одинъ только Шлисманъ даетъ настоящій типъ представительницы вѣнскаго полусвѣта, типъ все чаще и чаще встрѣчающійся въ карикатурахъ французскихъ художниковъ. Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что съ каждымъ годомъ возрастаетъ число вѣнокъ, эмигрирующихъ въ Парижъ и вступающихъ въ ряды, и безъ того тѣсные, парижскаго полусвѣта.

Въ Вѣнѣ въ большомъ ходу иллюстрированныя изданія, такъ называемой, легкой литературы; кромѣ того, печатаются цѣлыя серіи рисунковъ - карикатуръ подъ заглавіемъ «Иллюстраціи для мужчинъ», но всѣ онѣ не представляютъ никакого художественнаго интереса; плохо исполненныя, онѣ — только слабыя подражанія французскимъ карикатурамъ того же жанра, и если о нихъ стоитъ упоминать, то только какъ о явленіи, характеризующемъ легкость австрійскихъ нравовъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что національной австрійской карикатуры почти не существуетъ; все, что производится множествомъ сатирическихъ журналовъ,— большею частью подражаніе нѣмецкимъ и, главнымъ образомъ, французскимъ карикатуристамъ; всѣ рисунки бьютъ только на эффектъ и не признаютъ никакихъ правилъ эстетики. Являясь какъ бы репортерскими замѣтками о текущихъ событіяхъ и злобахъ дня, они не претендуютъ на долговѣчность, а потому исполняются большею частью поспѣшно и неряшливо. Но въ Вѣнѣ, гдѣ за послѣдніе годы сильно развилось и пошло впередъ искусство, существуетъ также чисто художественная карикатура и художественная иллюстрація. Тамъ, подобно Мюнхену и Берлину, образовалось художественное общество, устраивающее выставки, балы, праздники и издающее періодическіе спеціальные журналы и юмористическіе сборники. Ихъ появленіе совпадаетъ, главнымъ образомъ, съ карнаваломъ, когда многочисленные костюмированные балы и праздники даютъ обильную пищу фантазіи и юмору художниковъ. Программы, пригласительные билеты, иллюстрированные путеводители и объяснители этихъ празднествъ иллюстрируются выдающимися и талантливыми художниками, каковы Іюхъ, Брейвизеръ, Петровичъ, Тишлеръ и другіе. Во время художественныхъ выставокъ издаются комическіе каталоги, наполненные картинами-шаржами, въ нихъ чаще всего помѣщаетъ свои виньетки неутомимый рисовальщикъ Іюхъ, изобразившій себя въ одной изъ нихъ: онъ нарисовалъ себя обладателемъ шести рукъ, и всѣ онѣ заняты какой-нибудь работой: въ одной кисть, въ другой карандашъ, въ третьей рѣзецъ скульптора и т. д. Но этими изданіями не исчерпывается издательская дѣятельность вѣнскаго художественнаго общества, оно ежегодно выпускаетъ въ свѣтъ сборникъ, озаглавленный «Галлерея фантастической красоты», гдѣ помѣщаетъ портреты-шаржи всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ членовъ общества и представителей искусства; юмористическій текстъ въ стихахъ, сопровождающій эти портреты, принадлежитъ перу извѣстнаго историческаго живописца Нольтчъ. Изъ другихъ иллюстрированныхъ журналовъ, помѣщающихъ интересные этюды нравовъ и характерные типы, слѣдуетъ упомянуть «Illustrirte Zeitung», гдѣ сотрудничали такія выдающіяся художественныя силы, какъ Лауфбергеръ, Леопольдъ Мюллеръ, Карлъ Свобода, и существующій теперь журналъ «Новая Иллюстрированная Газета», редактиру-

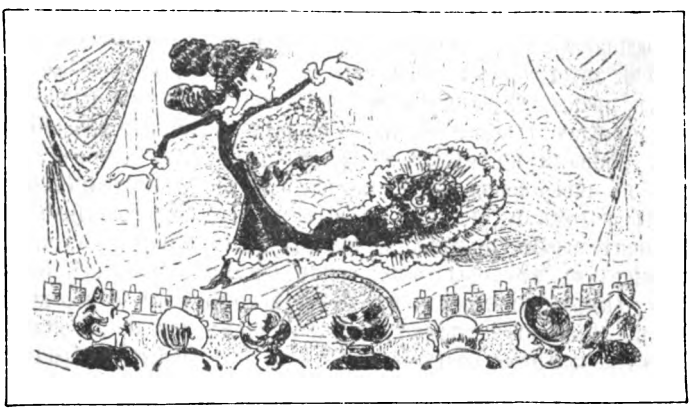
Digitized by Google

емая извѣстнымъ писателемъ Карломъ Французомъ. Иллюстрированныя виньетки, наброски, типы и силуэты, помѣщаемые тамъ, исполняются очень талантливыми рисовальщиками, среди которыхъ особенно выдѣляются Имлауеръ, Бахъ, Ванжуръ, Греглеръ, фонъ-Рошфоръ и Пушкинъ.

XI.

Швейцарская карикатура.

Чтобы дать болѣе или менѣе полный обзоръ нѣмецкой карикатуры и нѣмецкаго юмора, слѣдуетъ еще упомянуть о швейцарскихъ карикатуристахъ. Несмотря на различныя національности, вошедшія въ составъ Швейцарской республики, нѣмецкій элементъ всегда въ ней преобладалъ и преобладаетъ, а нѣмецкое вліяніе отразилось больше всего на швейцарскомъ искусствѣ и карикатурѣ. Уже въ концѣ XVIII вѣка швейцарскіе художники-карикатуристы принимаютъ дѣятельное участіе въ политической борьбѣ за національную самостоятельность и независимость странъ. Одинъ изъ нихъ—Мартинъ Устери, поэтъ и рисовальщикъ, обладавшій ѣдкимъ юморомъ, исполнилъ цѣлую серію карикатуръ, направленныхъ противъ новыхъ революціонныхъ идей, господствовавшихъ тогда во Франціи, и противъ Наполеона I. Эти карикатуры, исполненныя частью перомъ и тушью и частью акварелью, послужили образцами для цѣлой школы швейцарскихъ художниковъ, которые почти до 1850 года придерживались этой манеры исполненія карикатуръ. Еще болѣе ярымъ противникомъ демократическаго духа и новыхъ идей является Давидъ Гессъ; всѣ его гравюры и карикатуры—очень злобныя и ѣдкія, напримѣръ, его знаменитая гравюра «Духъ нашего времени», гдѣ изображенъ дьяволъ, попирающій ногами религіозныя книги и расклеивающій по стѣнамъ афиши съ радикальными воззваніями. Но карикатура не долго оставалась консервативной. Отстоявъ свою самостоятельность противъ попытокъ Наполеона, Швейцарія должна была выдержать въ теченіе 6 лѣтъ внутренніе раздоры, поглотившіе всѣ силы и интересы націи. Ожесточенная борьба либераловъ съ реакціонерами, усиливающееся вліяніе іезуитовъ въ католическихъ кантонахъ и методистская пропаганда въ протестантскихъ вызывали постоянныя возстанія. Всѣ эти внутреннія безурядицы способствовали развитію народной либеральной карикатуры: издается много гравюръ, авторы которыхъ являются не просто художниками-рисовальщиками, отмѣчающими текущія явленія жизни, но также и гражданами, принимающими дѣятельное участіе въ борьбѣ и желающими наглядно и понятно выразить это участіе. Вотъ чѣмъ можно объяснить обиліе пояснительныхъ надписей, сопровождающихъ эти карикатуры, которыми художники какъ бы поясняютъ свои рисунки и свое направленіе. Никакія цензурныя строгости не могли уничтожить самостоятельный духъ, проявляющійся въ этихъ народныхъ карикатурахъ, или прекратить ихъ появленіе. Болѣе чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ главной темой для карикатуръ служатъ именно всѣ эти политическіе вопросы и эта постоянная борьба за независимость швейцарской республики. Если такой карикатуристъ, какъ Тепферъ, предпочитаетъ черпать свои сюжеты изъ міра фантазіи, а Дистелли изъ литературныхъ произведеній, то, тѣмъ не менѣе, политическая карикатура будетъ почти всегда занимать первое мѣсто въ этой странѣ.



Сара Бернаръ на сценѣ. (Kikiriki).

Digitized by Google

Всѣ эти народныя карикатуры, въ которыхъ выражаются желанія, жалобы, насмѣшки и стремленія народа, являются прекрасными документами, по которымъ можно шагъ за шагомъ прослѣдить политическое и соціальное развитіе Швейцаріи въ это смутное, тревожное время. Дважды въ періодъ 1836—1838 г. художники направляютъ свои карикатуры противъ Франціи; въ первый разъ—послѣ исторіи шпіона Конселъ, когда по приказанію Тьера была объявлена строгая и полная блокада французско-швейцарской границы, и во второй разъ,—когда совѣтъ швейцарскихъ кантоновъ отказался изгнать изъ страны принца Луи Наполеона, основываясь на своемъ территоріальномъ правѣ убѣжища и на неприкосновенности правъ своихъ гражданъ. Тогда появилось много карикатуръ, изображающихъ царство грушъ (Францію) и страну сыровъ (Швейцарію). Всѣ эти карикатуры воспроизведены литографскимъ способомъ, многія изъ нихъ прекрасно нарисованы, другія же не представляютъ почти никакой художественной цѣнности; но онѣ всѣ интересны тѣмъ, что въ нихъ появляются два элемента, которые потомъ будутъ почти всегда служить отличительнымъ признакомъ швейцарскихъ карикатуръ: это горы съ ихъ причудливыми контурами и животныя въ ихъ натуральномъ видѣ,—большею частью коровы съ пастухомъ въ національномъ костюмѣ.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ карикатуристовъ Швейцаріи—Дистелли. Онъ выдѣляется среди всѣхъ рисовальщиковъ разнообразіемъ своего таланта и мастерствомъ своей техники. Онъ очень рано началъ рисовать карикатуры, проявляя въ нихъ много своеобразнаго юмора. Восемнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Іенскій университетъ; благодаря какой-то шалости попалъ въ карцеръ и желая чѣмъ-нибудь наполнить часы своего невольнаго досуга, онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ расписать съ помощью чернилъ и щепки всѣ стѣны карцера карикатурными фресками. На одной изъ стѣнъ онъ написалъ «Похищеніе сабинянокъ», гдѣ подъ видомъ римскихъ воиновъ изобразилъ университетскихъ профессоровъ, а убѣгающимъ и похищаемымъ сабинянкамъ придалъ черты своихъ товарищей-студентовъ. Въ другой карикатурѣ, названной имъ: «Марій на развалинахъ Карѳагена», онъ нарисовалъ студента самой обыкновенной наружности, мирно сидящаго съ трубкой въ зубахъ на грудѣ разбитыхъ кружекъ и бутылокъ. Всѣ эти карикатуры отличались такой оригинальностью и остроуміемъ, что герцогъ Саксонскій Карлъ Августъ, большой любитель искусства, пріѣхавъ поглядѣть на нихъ, приказалъ запереть карцеръ, чтобы такимъ образомъ сохранить неприкосновенными эти фрески, которыя существуютъ до сихъ поръ. Юнаго карикатуриста выпустили изъ карцера, но попросили удалиться изъ университета. Пробывъ нѣкоторое время въ Мюнхенѣ, Дистелли вернулся на родину въ Швейцарію и въ продолженіе многихъ лѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ сатирическихъ журналахъ, рисуя сцены-карикатуры изъ жизни животныхъ, народныя сцены, историческіе шаржи и политическія карикатуры. Его манера и техника оказали огромное вліяніе на швейцарскихъ художниковъ, которые всѣ старались подражать легкости и изяществу его рисунка. Онъ иллюстрировалъ «Похожденія барона Мюнхаузена» и поэму «Рейнеке Фуксъ». Въ его иллюстраціяхъ къ этой поэмѣ чувствуется больше ѣдкой сатиры, нежели въ рисункахъ Каульбаха; онъ сумѣлъ выразить въ своихъ животныхъ болѣе ироніи, нежели это сдѣлалъ баварскій художникъ. Дистелли прекрасно изучилъ животныхъ, и хотя онъ ихъ всѣхъ изображалъ съ одинаковымъ мастерствомъ, но лисица, заяцъ, лягушка и саранча пользуются его особенной любовью и встрѣчаются во всѣхъ его рисункахъ изъ міра животныхъ. Одна изъ его интересныхъ карикатуръ озаглавлена «Сумасшедшій охотникъ»: зайцы въ несмѣтномъ количествѣ нападаютъ на охотника, рвутъ его одежду, взбираются по немъ, отнимаютъ у него трубку и охотничій рогъ. Дистелли принималъ также дѣятельное участіе въ политической и клерикальной борьбѣ той эпохи и внесъ въ свои политическія карикатуры много индивидуальности. Онъ издавалъ календарь подъ названіемъ «Швейцарскій иллюстрированный календарь», который имѣлъ огромный успѣхъ и пользовался такой популярностью, что его стали называть просто «Календарь Дистелли». Въ то время въ Швейцаріи, гдѣ, вслѣдствіе природныхъ трудностей, существовало очень мало путей сообщенія, календарь являлся въ деревняхъ почти единственной книжкой для чте-

Digitized by Google

нія, приносимой разносчикомъ, но зато его можно было встрѣтить въ каждомъ домѣ, такъ какъ большинство крестьянъ умѣло уже читать и почти въ каждомъ кантонѣ издавался свой календарь. Но Дистелли своими интересными историческими шаржами, политическими карикатурами и карикатурами нравовъ сумѣлъ такъ заинтересовать своихъ читателей, что его календарь сталъ расходиться въ 25000 экземплярахъ, несмотря на то, что онъ былъ запрещенъ въ католическихъ кантонахъ за слишкомъ демократическій духъ, который, по мнѣнію клерикаловъ, дурно вліялъ на нравы и вѣрованія. И, дѣйствительно, всѣ злоупотребленія, всѣ смѣшныя стороны правительства и разныхъ политическихъ партій подвергались жестокому осмѣянію въ маленькихъ виньеткахъ даровитаго карикатуриста, которыя, такимъ образомъ, представляютъ большой документальный интересъ. Одна изъ главныхъ заслугъ Дистелли та, что онъ сумѣлъ развить интересъ и любовь въ публикѣ къ гравюрамъ и карикатурамъ и этимъ какъ бы открылъ путь другимъ художникамъ, которые послѣ его смерти продолжали только начатое имъ.

Въ то время уже въ Швейцаріи появилось много профессіональныхъ рисовальщиковъ и стали издаваться иллюстрированные сатирическіе журналы: Бернъ положилъ начало маленькимъ юмористическимъ журналомъ «Волшебный Фонарь», въ Цюрихѣ сталъ издаваться журналъ большого формата «Еженедѣльная Газета» и, наконецъ, самый популярный изъ швейцарскихъ журналовъ въ Золотурнѣ—«Почтальонъ Генри». Сильно обострившіеся религіозные вопросы вызвали междоусобную войну, продолжавшуюся всего двадцать пять дней, но породившую много карикатуръ и народныхъ гравюръ, изображавшихъ въ сатирическомъ духѣ ненависть, царящую между католическими и протестантскими кантонами, дурное вліяніе іезуитовъ и ретроградство клерикальныхъ партій. Къ тому же времени относится особенный родъ карикатуръ, очень характерный для Швейцаріи, гдѣ каждый кантонъ имѣетъ свой гербъ и свои цвѣта. Швейцарскіе художники изощряли свою фантазію, передѣлывая и изображая эти гербы въ комическомъ видѣ, былъ даже изданъ сборникъ подъ названіемъ: «Проектъ улучшенія гербовъ швейцарскихъ кантоновъ». Сатирическіе журналы «Волшебный Фонарь» и «Почтальонъ Генри» были органами радикальной партіи, тогда какъ «Еженедѣльная Газета» является органомъ консервативныхъ либераловъ, которые боролись противъ все возрастающаго вліянія Берна, этого центра радикализма. Вотъ почему на страницахъ этого журнала встрѣчаются такъ часто карикатуры Ульриха, изображающія медвѣдя (гербъ Берна) во всѣхъ видахъ. Одна изъ самыхъ удачныхъ карикатуръ представляетъ медвѣдя, отправляющагося на войну; онъ во фригійскомъ колпакѣ, съ огромнымъ мечомъ, ведетъ за собой цюрихскаго льва на цѣпи, котораго погоняетъ заяцъ въ костюмѣ почтальона (намекъ на журналъ «Postheiri»); дьяволъ изъ окна глядитъ, насмѣшливо улыбаясь, на это торжественное шествіе. Непрекращающіеся внутренніе раздоры Швейцаріи вызываютъ вмѣшательство иностранныхъ державъ, и во всѣхъ журналахъ, а также въ отдѣльныхъ гравюрахъ появляются карикатуры на эти державы, особенно на Францію и Пруссію. Очень интересна карикатура, озаглавленная: «Федеральный флотъ»: на ней изображена парусная лодка, медвѣдь управляетъ рулемъ, одна часть экипажа гребетъ впередъ, другая—назадъ, а Россія и Австрія съ одной стороны, Франція и Пруссія—съ другой дуютъ изо всѣхъ силъ на паруса. Послѣ окончанія междоусобной войны и принятія Швейцаріей новой федеральной конституціи для страны наступаетъ періодъ покоя и мира, и карикатура принимаетъ также болѣе мирный оттѣнокъ. «Волшебный Фонарь» и «Еженедѣльная Газета» прекращаютъ свое существованіе, остается только одинъ «Почтальонъ Генри», пріобрѣтающій все бо̀льшую и бо̀льшую популярность и извѣстность, благодаря такимъ талантливымъ рисовальщикамъ, какъ Жанни, фонъ-Аркъ, Гондонъ, Ру, Давера и др., карикатуры которыхъ очень цѣнились публикой, такъ какъ въ нихъ мѣтко и остроумно осмѣивались всѣ смѣшныя стороны мѣстныхъ нравовъ и мѣстныхъ политическихъ кружковъ. Читателямъ также очень нравился текстъ журнала, въ особенности юмористическія объявленія; въ нихъ осмѣивался плохой и неправильный французскій языкъ, на которомъ объяснились въ нѣмецкой Швейцаріи и который былъ извѣстенъ подъ названіемъ «федеральнаго французскаго языко». Частная жизнь и обще-

Digitized by Google

ственная, мѣстный и національный духъ, всѣ нравы, обычаи и привычки, даже самыя мелкія явленія, могущія послужить темой для карикатуры,—все это въ продолженіе тридцати лѣтъ изображается и осмѣивается карикатуристами «Postheiri». Развитіе коммерческаго духа въ ущербъ искусствамъ и литературѣ, хвастовство и бездѣльничаніе студентовъ, прорытіе тунелей, неудовлетворительность школьнаго дѣла, склонность къ вину жителей тѣхъ кантоновъ, гдѣ воздѣлывается виноградъ, недостатокъ присмотра въ тюрьмахъ за пре-

Виньетка Дистелли.

ступниками, медленность поѣздовъ, вошедшая въ поговорку, на нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ—вотъ надъ чѣмъ главнымъ образомъ изощряли свой юморъ сотрудники этого журнала.

Послѣ революціи 1848 года германскіе демократы, радикалы и соціалисты, спасаясь отъ преслѣдованій, переселяются въ Швейцарію, эту свободную страну, не выдающую политическихъ эмигрантовъ, и въ «Почтальонѣ Генри» появляются карикатуры, мастерски воспроизводившія въ комическомъ видѣ типы этихъ эмигрантовъ, имѣвшихъ большое вліяніе на общественную жизнь страны. Встрѣчаются также очень часто карикатуры на «Сезонъ иностранцевъ», въ которыхъ жестоко осмѣиваются стремленія мѣстныхъ жителей поживиться на счетъ иностранцевъ, эксплоатируя ихъ на всѣ лады: изображались хозяева гостиницъ, подающіе иностранцамъ счета ужасающихъ размѣровъ, проводники, обирающіе путешественниковъ, промышленники-аферисты, взимающіе большія деньги за право любоваться восходомъ или закатомъ солнца и т. д. Не менѣе рѣзко осмѣивалось пристрастіе «этихъ мелочныхъ торговцевъ» ко всему военному и главнымъ образомъ къ военной формѣ. Въ цѣломъ рядѣ карикатуръ изображены всевозможныя новыя комбинаціи обмундировки для національной милиціи Одна изъ карикатуръ, озаглавленная: «Модель новаго практическаго головного убора для инфантеріи», очень удачна и остроумна. Одинъ изъ швейцарскихъ карикатуристовъ, пользовавшійся большимъ успѣхомъ и популярностью и посвятившій себя исключительно изображенію медвѣдей въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, былъ талантливый художникъ Фишеръ-Хиненъ, карикатуры котораго, проникнутыя неподдѣльнымъ юморомъ, продолжаютъ возбуждать смѣхъ въ зрителяхъ и до нашихъ дней.

Почти до 1850 года во французскихъ кантонахъ нѣтъ ни выдающихся карикатуристовъ, ни порядочныхъ юмористическихъ журналовъ. Съ этого же года въ Женевѣ начинаетъ издаваться журналъ «Трезвонъ Св. Жерве», въ Лозаннѣ «Оса» и въ Нефшателѣ «Швейцарскій Фигаро». Оба послѣдніе журнала очень скоро прекращаются, и только въ Женевѣ продолжаетъ развиваться искусство карикатуры. Тамъ создается даже типъ женевскаго консерватора, названный авторомъ «Раба» (французское слово «rabat» означаетъ бѣлый воротникъ съ концами, который носятъ протестантскіе пасторы); это своего рода нѣмецкій «Цопфентрэгеръ». Женевскій журналъ, подобно своимъ собратьямъ въ нѣмецкихъ кантонахъ, относится очень враждебно къ Наполеону III, но въ этихъ карикатурахъ нѣтъ ни ѣдкости, ни таланта. Во время франко-прусской войны въ Швейцаріи появилось много карикатуръ на Вильгельма I, на Бисмарка, на Наполеона III и его генераловъ. Когда войска Бурбаки, отступая передъ пруссаками, вступили на швейцарскую нейтральную территорію, въ журналахъ стали помѣщаться юмористическія виньетки, изображающія похожденія и ухаживанія французскихъ солдатъ за швейцарскими Гретхенъ или осмѣивающія фанфаронство французскихъ офицеровъ. Очень хороша карикатура, изобра-

Digitized by Google

жающая французскій увеселительный поѣздъ большой скорости въ Берлинъ: вмѣсто локомотива везетъ его улитка, Наполеонъ III сидитъ на крышѣ вагона и погоняетъ улитку кнутомъ, а внизу слѣдующая подпись: «Французскій офицеръ, обращаясь къ швейцарскому кондуктору, говоритъ: «Чортъ бы побралъ швейцарскіе поѣзда, до чего они медленно ходятъ, какая разница съ французскими!» Кондукторъ отвѣчаетъ: «Успокойтесь, милостивый государь, я знаю французскій поѣздъ, который по своей медленности заткнетъ за поясъ всѣ швейцарскіе: это увеселительный поѣздъ большой скорости въ Берлинъ». Вліяніе клерикаловъ, все усиливавшееся во французскихъ кантонахъ, и возгорѣвшаяся вновь борьба двухъ партій занимаютъ умы населенія до такой степени, что всѣ внѣшніе политическіе интересы отступаютъ на задній планъ; юмористическіе журналы въ Женевѣ «Трезвонъ Св. Жерве» и «Народная Трибуна» наполнены только карикатурами, затрагивающими внутреннія дѣла Швейцаріи, хотя дѣла Франціи продолжаютъ давать новую пищу карикатуристамъ, въ особенности послѣ того какъ коммунары толпами переселяются туда, внося новый элементъ въ общественную жизнь. Когда единственный юмористическій органъ нѣмецкой Швейцаріи, «Почтальонъ Генри», прекратился, то въ Цюрихѣ возникъ новый журналъ «Разсѣиватель тумановъ», въ которомъ стали часто появляться карикатуры и насмѣшки надъ Франціей и Тонкинскимъ вопросомъ, надъ Бисмаркомъ и французскими президентами. Съ нѣкоторыхъ поръ карикатура какъ бы покинула нѣмецкіе кантоны и продолжаетъ только развиваться въ Женевѣ.

Прежніе рисовальщики были большею частью литографы, граверы, живописцы по эмали, и рисунки ихъ отличались большой сухостью и отсутствіемъ всякой мягкости; новѣйшіе же карикатуристы—все молодые, окончившіе художественныя школы профессіональные художники. Манія милитаризма подвергалась въ Женевѣ, гдѣ военные не пользуются особеннымъ почетомъ, жестокому осмѣянію во всевозможныхъ карикатурахъ; лучшія изъ нихъ принадлежатъ карандашу извѣстнаго рисовальщика Шомеля. Несмотря на многія попытки художественныхъ кружковъ въ Женевѣ издавать сборники и художественные журналы съ карикатурами и шаржами, онѣ всегда кончались неудачей, хотя слѣдуетъ отмѣтить художественный альбомъ: «Женевскіе Наброски» художника Віольэ и «Альбомъ эксцентричныхъ типовъ» Альфреда Шлеха. Одинъ изъ отличительныхъ признаковъ швейцарскихъ карикатуръ—почти полное отсутствіе изображеній женскихъ типовъ; если они иногда и появляются, то въ очень непривлекательномъ и вульгарномъ видѣ. Это отсутствіе женщинъ, а въ особенности элегантнаго изящнаго женскаго типа слѣдуетъ приписать опять-таки общественнымъ условіямъ и, главнымъ образомъ, наружному ригоризму протестантовъ и кальвинистовъ.

XII.

Англійская карикатура.

«Ретроспективное общество» Сэндби.—Бэнбюри, Вудвортъ и Джонъ Кэй.—Пристрастіе англичанъ къ графическому искусству.—Жильрэй и его карикатуры на Наполеона I.—Бытовыя карикатуры Ровлэндсона.—Георгъ Крюкшанкъ, его «Жизнь Наполеона I» и карикатуры на англійское высшее общество.

Послѣ смерти знаменитаго англійскаго карикатуриста Гогарта въ 1764 г. и почти до первыхъ годовъ XIX вѣка большинство англійскихъ карикатуристовъ—послѣдователи, подражатели и даже часто копиисты этого великаго художника. Большею частью это—довольно посредственные рисовальщики какъ по техникѣ, такъ и по компоновкѣ; изъ нихъ болѣе извѣстенъ Сэндби, который, впрочемъ, прославился не столько своими карикатурами, сколько тѣмъ, что онъ положилъ начало школѣ англійскихъ акварелистовъ. Онъ также писалъ масляными красками и гравировалъ на стали. Хотя вліяніе Гогарта сильно чувствуется въ произведеніяхъ Сэндби, но онъ, задѣтый за живое его нападками и карикатурами, направленными противъ современныхъ ему посредственныхъ художниковъ, нарисовалъ нѣсколько очень ѣдкихъ карикатуръ, въ которыхъ осмѣивалъ талантъ Гогарта и, главнымъ образомъ, принципы и теоріи, высказанные имъ въ его «Анализѣ красоты». Всѣ карикатуры Сэндби были собраны послѣ его смерти и изданы въ 1809 году подъ заглавіемъ «Ретроспективное искусство».

Гарри Бэнбюри началъ очень молодымъ свою карьеру карикатуриста; первые его шаржи появились, когда ему еще

Digitized by Google

не было двадцати лѣтъ. Аристократъ по рожденію, онъ очень любилъ изображать комическія сцены нравовъ своего общества; главной его спеціальностью, впрочемъ, были карикатуры на неумѣлыхъ и трусливыхъ всадниковъ, упрямыхъ лошадей и всевозможныя комическія приключенія злополучныхъ ѣздоковъ. Большой популярностью пользовались также его рисунки, изображающіе чопорно-сантиментальную и утрированную вѣжливость его современниковъ, узнаются, тогда какъ большинство карикатуръ его современниковъ, въ особенности въ началѣ ихъ дѣятельности, анонимныя, и, только достигнувъ извѣстности, авторы ихъ начинаютъ подписываться подъ ними. Такимъ образомъ, было издано много карикатуръ Вудворта, сильно напоминающаго по своей манерѣ и даже по выбору сюжетовъ Бэнбюри. Большой извѣстностью пользуется его серія карикатуръ, озаглавленная «Весь свѣтъ въ городѣ и весь свѣтъ въ деревнѣ». Это

Смерть корсиканской лисы. (Послѣдній эпизодъ королевской охоты). (Рис. Джемса Жильрэя).

напримѣръ, карикатура «Стрэфонъ и Хлоя». Среди его довольно многочисленныхъ произведеній нѣтъ ни одной политической карикатуры, кромѣ наброска, изображающаго Наполеона I во время его переѣзда на островъ св. Елены. Бэнбюри былъ искусный рисовальщикъ, но очень плохой граверъ, такъ что бо́льшая часть его рисунковъ гравирована другими художниками, благодаря чему не только часто измѣнялась манера, но и утрачивалась индивидуальность автора; это особенно замѣтно въ его карикатурахъ, гравированныхъ Ровлэндсономъ. Почти всѣ его произведенія подписаны имъ и легко былъ очень плодовитый художникъ, оставившій послѣ себя множество набросковъ, эскизовъ, рисунковъ, не представляющихъ, впрочемъ, особенной художественной цѣнности. Къ этой же эпохѣ относится художникъ Джонъ Кэй, плохой граверъ, но остроумный и искусный рисовальщикъ. Число его произведеній доходитъ до 400; это—большею частью сатирическіе портреты-шаржи, интересные по сходству съ изображаемыми лицами, игравшими тогда важную роль въ общественной жизни страны. Но пока, благодаря посредственности художниковъ, англійская карикатура продолжала питаться

Digitized by Google

подражаніями Гогарту, появились почти одновременно три величайшихъ карикатуриста Англіи, поднявшихъ сразу это искусство на такую высокую степень, до которой оно еще никогда не достигало. Эти три художника— Жильрэй, Ровлэндсонъ и Крюкшанкъ.

Прежде чѣмъ разбирать ихъ произведенія, слѣдуетъ упомянуть о томъ, насколько карикатура была популярнымъ искусствомъ въ Англіи, насколько она срослась тамъ съ націей и воплощала собой духъ всего народа. Англія съ давнихъ поръ обладаетъ двумя страшными силами: способностью расширяться или распространяться и искусствомъ карикатуры, доведеннымъ до высшей степени совершенства. Первая способствуетъ распространенію ея владычества надъ обширными заатлантическими владѣніями и сосредоточиваетъ въ ея рукахъ европейскую промышленность и торговлю; второе дало ей возможность направлять противъ враговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, язвительныя, какъ бы пропитанныя какой-то ѣдкой кислотой, карикатуры, то похожія на ракеты, разсыпающіяся цѣлымъ дождемъ блестящихъ, полныхъ юмора искръ, то напоминающія разрывную гранату, начиненную такимъ сарказмомъ, что каждый ея осколокъ наноситъ неизгладимыя раны. Если французскую карикатуру можно назвать самой остроумной на свѣтѣ, то про англійскую можно сказать, что она самая экспрессивная, самая сильная и самая разнообразная изъ всѣхъ рисованныхъ сатиръ; она была не только орудіемъ въ рукахъ политическихъ партій, но, воплощая вполнѣ духъ всей расы, она стала національнымъ оружіемъ, съ которымъ приходится считаться и котораго надо опасаться. Есть націи, питающія особенную симпатію, даже пристрастіе къ графическому искусству, и англичане—именно такая нація. Если въ другихъ странахъ живопись, скульптура, архитектура стоятъ болѣе высоко, нежели въ Англіи, то въ этой странѣ гравюра и самые разнообразные способы воспроизведенія и передачи рисунковъ достигли высшей степени совершенства, быть можетъ, даже въ ущербъ другимъ искусствамъ. Причину этого явленія надо искать въ томъ, что въ Англіи всегда, во всѣ эпохи, гравюра дѣйствовала на толпу, умѣла затрагивать всѣ ея интересы, и вся нація понимала, интересовалась и любила ее.

Демократическая невинность.
Молодой Бонапартъ и его родственники въ крайней бѣдности.
(Рис. Джемса Жильрэя).

Джемсъ Жильрэй родился въ 1757 году въ Чэльси, гдѣ отецъ его, безрукій инвалидъ, занималъ мѣсто смотрителя кладбища; онъ потерялъ руку на войнѣ съ французами, и вотъ чему, быть можетъ, слѣдуетъ приписать ненависть сына къ французамъ и огромное число его карикатуръ, направленныхъ противъ нихъ. Будущій знаменитый карикатуристъ съ дѣтства выказывалъ большія способности къ рисованію и былъ отданъ отцомъ въ ученіе къ граверу по металлу. Но та-

Digitized by Google

кое занятіе не удовлетворяло художественныхъ наклонностей Жильрэя, онъ бѣжалъ отъ своего учителя и поступилъ въ труппу странствующихъ актеровъ, съ которыми провелъ нѣсколько лѣтъ, скитаясь и претерпѣвая всевозможныя лишенія. Затѣмъ ему удалось вернуться въ Лондонъ; нѣсколько привезенныхъ имъ рисунковъ и этюдовъ обратили на него вниманіе художниковъ и знатоковъ; онъ былъ принятъ въ Королевскую Академію Художествъ. Но ему скоро надоѣло упорнымъ трудомъ добиваться извѣстности живописца-историка, онъ оставилъ Академію, принялся за рисованіе карикатуръ и гравированіе и сразу завоевалъ себѣ огромную популярность, славу и большія средства. Первыя его карикатуры, впрочемъ, довольно безцвѣтны и мало понятны, но затѣмъ, разсматривая его послѣдующія произведенія, можно только удивляться, въ какое короткое время онъ достигъ совершенства въ своемъ искусствѣ. Отличительная черта таланта Жильрэя—необычайная способность схватывать въ данномъ сюжетѣ именно самыя комическія стороны и оттѣнять ихъ. По тонкости рисунка и ловкости группировки дѣйствующихъ лицъ онъ превосходитъ почти всѣхъ англійскихъ карикатуристовъ, въ особенности если принять во вниманіе тотъ фактъ, что онъ рисовалъ свои композиціи прямо на мѣдной доскѣ безъ предварительныхъ эскизовъ. Лишь изрѣдка набрасывалъ онъ на клочкахъ бумаги или на обрывкахъ картъ легкіе контуры лицъ, портреты которыхъ онъ хотѣлъ изобразить въ своихъ карикатурахъ. Хотя у него встрѣчается довольно много карикатуръ нравовъ, осмѣивающихъ разныя явленія общественной жизни, современныя моды съ ихъ преувеличеніями, разные концерты любителей, собранія кумушекъ, разсказывающихъ другъ другу за чашкой чая о привидѣніяхъ и другихъ ужасахъ до тѣхъ поръ, пока всѣ слушательницы отъ страха какъ бы приростаютъ къ своимъ стульямъ, напримѣръ, въ его карикатурѣ «Разсказы о чудесахъ»; но все же бо́льшая часть его карикатуръ политическія, однѣ направленныя противъ внутренней политики страны, другія противъ внѣшней, въ особенности противъ французовъ. Добродушный Георгъ III, болѣе похожій по характеру, взгляду и образу жизни на простого фермера, нежели на короля, подвергался частымъ и жестокимъ нападкамъ Жильрэя, который питалъ къ королю личную ненависть за рѣзкій отзывъ объ его карикатурахъ и за презрительное отношеніе къ художникамъ вообще, а къ нему въ частности. Принцъ Уэльскій, наслѣдникъ престола, появлялся также очень часто въ карикатурахъ Жильрэя, нападавшаго на него за его расточительность и многочисленные долги, уплата которыхъ тяжело ложилась на общественную казну страны. Лучшими произведеніями Жильрэя считаются его карикатуры противъ Франціи и, главнымъ образомъ, противъ Наполеона I.

Первая революція, разсылавшая повсюду свои войска разносить и пропагандировать новыя идеи, разрушившая остатки феодализма и возстановившая народы противъ существующихъ формъ правленія, вселила въ Англіи страхъ и опасенія за самостоятельность ея острова и за возможность устоять противъ этого наплыва нежелательныхъ для нея эмансипаціонныхъ принциповъ. И Жильрэй мастерски воспользовался этой ненавистью и этимъ страхомъ; ярый патріотъ, онъ самъ вѣрилъ во всѣ распространенные въ Англіи разсказы о жестокости, чуть ли не каннибальствѣ, французскихъ революціонеровъ, о глупости и ограниченности этого Jean Crapeaud, питающагося только жидкими похлебками да лягушками, какъ тогда твердо вѣрили англичане. Его карикатуры на французовъ пользовались такой популярностью, что одинъ современникъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «Въ то время какъ на континентѣ дерутся, защищая свое имущество и личность отъ корсиканскаго узурпатора, здѣсь, въ Лондонѣ, дерутся передъ магазиномъ издателя Акермана за право первому взглянуть на новую карикатуру Жильрэя. Неописуемый энтузіазмъ, граничащій почти съ безуміемъ, овладѣваетъ толпой при появленіи каждаго новаго рисунка; только при помощи бокса возможно проложить себѣ дорогу къ дверямъ магазина, осаждаемаго несмѣтной толпой. Это ли не тріумфъ для художника?» Знаменитый карикатуристъ прекрасно выразилъ чувства и мысли своего народа въ ту эпоху въ слѣдующей объяснительной надписи, вложенной имъ въ уста дѣйствующаго лица одной изъ его карикатуръ—члена палаты

Digitized by Google

общинъ Тирель Джонса: «Я—самостоятельный гражданинъ старой Англіи, я не люблю ни сабо[1]), ни лягушекъ, ни французовъ. Самостоятельность Англіи—вотъ самое главное, а за все остальное я не дамъ и понюшки табаку.» Самыми интересными карикатурами на французскую революцію и ея представителей считаются: «Маленькій ужинъ по парижской модѣ», гдѣ цѣлая семья патріотовъ угощается жаренымъ на вертелѣ дофиномъ, сердцами и головами аристократовъ; «Французская свобода и британское рабство»,—англійскій рабъ, полный и краснощекій, спокойно наслаждается своимъ патріархальнымъ ростбифомъ, а свободный французъ, блѣдный, истощенный, набрасывается съ жадностью на традиціонное блюдо лягушекъ и довольствуется вмѣсто десерта куплетомъ республиканской пѣсенки; «Парадный обѣдъ республиканскаго генерала Дюмурье въ Тронномъ залѣ Сентъ-Джемскаго дворца»,—французскій генералъ приготовляется ѣсть пуддингъ въ формѣ короны и жареную голову Людовика XVI. Но главнымъ и неисчерпаемымъ сюжетомъ для карикатуры Жильрэя является Наполеонъ I въ разныхъ его видахъ: полководцемъ, первымъ консуломъ, императоромъ и плѣнникомъ. Осмѣивать его на всевозможные лады, изливать на него всю ѣдкость своего сатирическаго таланта — вотъ главное занятіе, главная цѣль этого художника въ теченіе десяти лѣтъ, пока болѣзнь не лишила его способности творить. Въ теченіе десяти лѣтъ Наполеонъ—для него насущный хлѣбъ, главная и вѣрная статья дохода, вѣрный путь къ популярности среди англійскаго народа, съ восторгомъ привѣтствующаго всякое явленіе, унижающее славу маленькаго корсиканца, эту славу, не дающую покоя самостоятельной и гордой Англіи. Жильрэй не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы унизить, оскорбить, осмѣять Наполеона; онъ дѣлалъ видъ, что вѣритъ всѣмъ клеветамъ, распространеннымъ про него, усиливая и преувеличивая ихъ въ своихъ изображеніяхъ. Въ Англіи ходило много сплетенъ о низкомъ происхожденіи Бонапарта, о бѣдности его семьи, о тѣхъ лишеніяхъ и недостаткахъ, которые ему пришлось перенести въ дѣтствѣ. Злые языки увѣряли, что дѣдъ Наполеона I былъ мясникомъ, прадѣдъ—воромъ, приговореннымъ къ галерамъ за убійство, а прабабушка — куртизанка самаго низшаго разбора, умершая въ исправительномъ домѣ. Про его мать разсказывали, что она была въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ господиномъ де-Марбёфъ, чѣмъ и объяснялось участіе, принимаемое этимъ вельможей въ судьбѣ молодого Бонапарта. Художникъ извлекъ изъ всѣхъ этихъ сплетенъ матеріалъ для двухъ карикатуръ: въ одной изъ нихъ, подъ названіемъ «Демократическая невинность», онъ изобразилъ Наполеона ребенкомъ, покрытымъ рубищемъ, въ избушкѣ, среди такихъ же рваныхъ ребятишекъ, съ наслажденіемъ обглодывающимъ огромную кость (см. рис. на стр. 647); въ другой—«Демократическое смиреніе» онъ представилъ его блѣднымъ, босымъ и растрепаннымъ; господинъ де-Марбёфъ вводитъ его за руку въ Королевскую военную школу.

Дюмурье торжественно обѣдаетъ въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ 15-го мая 1713 г.
(Справа: Пристлей, затѣмъ Фоксъ, Шериданъ и Дюмурье).
(Рис. Джемса Жильрэя).

[1]) Деревянные башмаки, носимые рабочими и крестьянами во Франціи.

Digitized by Google

Затѣмъ, несмотря на быструю и блестящую карьеру 26-лѣтняго полководца, Жильрэй продолжаетъ его осмѣивать; война съ Египтомъ, угрожавшая интересамъ Англіи, дала поводъ къ новымъ клеветамъ, которыя теперь въ наше время кажутся просто безсмысленными, а тогда въ нихъ вѣрили, и художникъ поспѣшилъ изобразить ихъ въ карикатурахъ. Наполеона обвиняли, во-первыхъ, за сношенія съ турками, въ перемѣнѣ религіи, и появилась карикатура, изображающая его съ чалмой на головѣ, сидящимъ по-турецки на диванѣ и слушающимъ чтеніе Корана; во-вторыхъ, его награждали эпитетомъ палача и убійцы за разстрѣляніе нѣсколькихъ арабовъ,— мѣра, вызванная труднымъ положеніемъ молодого генерала среди враждебныхъ ему арабскихъ племенъ, и Жильрэй рисуетъ карикатуру «Уничтоженіе революціонныхъ крокодиловъ»; въ-третьихъ, его обвиняли въ отравленіи чумныхъ больныхъ въ Яффѣ; слухи эти были вызваны тѣмъ, что Наполеонъ принужденъ былъ покинуть завоеванный городъ и въ немъ нѣсколькихъ солдатъ, больныхъ чумой; опасаясь, какъ бы турки не предали ихъ мученіямъ, посовѣтовавшись съ докторами, онъ приказалъ имъ дать сильную дозу опіума,—и тотчасъ же нѣсколько карикатуръ изобразили его въ роли отравителя. Жильрэй усвоилъ себѣ совсѣмъ особый типъ для изображенія Наполеона: это какой-то карликъ необычайной худобы, забіяка и задорный, въ огромной треуголкѣ и съ большой саблей. Самой удачной политической карикатурой этого художника можно считать ту, которая озаглавлена «Король Бробдиньякъ и Гуливеръ»: королю приданы черты Георга III, онъ разсматриваетъ въ микроскопъ Гуливера-Бонапарта, котораго держитъ на ладони. Другая карикатура «Смерть корсиканской лисицы»—одна изъ самыхъ оскорбительныхъ сатиръ на Наполеона: Георгъ III въ костюмѣ охотника сошелъ съ лошади и держитъ за шиворотъ лисицу съ головой Бонапарта, а цѣлая свора собакъ, на ошейникахъ которыхъ написаны имена разныхъ побѣдителей Франціи, кидается съ остервенѣніемъ на лисицу. Но всѣ эти злобныя сатиры не помѣшали великому полководцу пройти побѣдоносно почти по всей Европѣ, и, пока англичане съ восторгомъ привѣтствовали всѣ карикатуры и пасквили, направленные противъ героя, ставшаго уже народнымъ героемъ, Наполеонъ въ церкви Нотръ-Дамъ получилъ изъ рукъ архіепископа императорскую корону и, въ свою очередь, короновалъ императрицей Жозефину. Жильрэй пользуется и этимъ фактомъ и рисуетъ очень сложную по компоновкѣ и множеству дѣйствующихъ лицъ карикатуру «Торжественное шествіе во время коронаціи Наполеона I». Большой популярностью пользовалась также карикатура, озаглавленная «Тиди-Доль — великій французскій фабрикантъ пряниковъ—вынимаетъ изъ печи новоиспеченныхъ королей», появившаяся именно въ то время, когда Наполеонъ лишалъ престоловъ королей, потомковъ старинныхъ династій, и сажалъ на ихъ мѣсто своихъ родственниковъ и маршаловъ.

Жильрэй, талантливый и плодовитый художникъ, велъ, къ несчастію, очень неправильный образъ жизни; постоянныя оргіи, пьянство и всякаго рода излишества подточили не только его здоровье, но и умственныя силы. Уже въ 1807 году его умственныя способности сильно ослабѣваютъ, но онъ продолжаетъ еще творить, хотя въ произведеніяхъ этого періода нѣтъ прежней талантливости. Вскорѣ онъ уже не могъ компоновать и довольствовался тѣмъ, что гравировалъ чужія произведенія; затѣмъ наступилъ упадокъ всѣхъ интеллектуальныхъ способностей, и онъ умеръ въ 1815 году въ состояніи полнаго идіотизма.

Въ противоположность Жильрэю, Ровлэндсонъ мало интересуется политикой; онъ, преимущественно, карикатуристъ нравовъ и только въ началѣ своей дѣятельности рисуетъ политическія карикатуры и опять-таки Наполеона I. Изъ нихъ очень интересны: «Корсиканскій тигръ, аттакованный гончими»: Наполеонъ-тигръ удерживаетъ лапами четырехъ гончихъ, тогда какъ цѣлая свора нападаетъ на него сзади, вдали Россія подъ видомъ медвѣдя соединена цѣпями съ австрійскими орлами, которые говорятъ: «Не пора ли намъ сбросить эти цѣпи?»; «Смерть и Бонапартъ или два ужаса войны»: Наполеонъ, сидя на барабанѣ, бесѣдуетъ со смертью, сидящею на пушкѣ; «Бѣгство Бонапарте изъ Адской бухты»: Сатана на тронѣ, окруженный своими прислужниками, пускаетъ мыльные пузыри; на одномъ изъ нихъ поднимается къ небу Наполеонъ. Въ своихъ произведеніяхъ Ровлэндсонъ болѣе художникъ, болѣе тонкій наблюдатель, не-

Digitized by Google

жели Жильрэй. Вотъ почему онъ предпочитаетъ изученіе нравовъ политикѣ, и ему интереснѣе изображать сцену въ тавернѣ или игорномъ домѣ, нежели засѣданіе парламента или эпизодъ французской революціи.

Чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась у него склонность къ сатирическимъ изображеніямъ: школьникомъ рисуетъ онъ на поляхъ своихъ тетрадей карикатуры на учителей и товарищей, 16-ти лѣтъ поступаетъ въ Королевскую Академію, затѣмъ проводитъ два года въ Парижѣ, гдѣ занимается живописью подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ, благодаря щедрой поддержкѣ тетки, которая ничего не жалѣетъ для его художественнаго образованія. Она оставила ему въ наслѣдство большія деньги, и это чуть не погубило его и, во всякомъ случаѣ, много способствовало его преобразованію изъ живописца въ карикатуриста. Получивъ неожиданно такое состояніе, онъ предался удовольствіямъ и, главнымъ образомъ, игрѣ, принялся посѣщать игорные дома, модные кабаки, рестораны и балы. Спустивъ очень быстро все наслѣдство, онъ вновь вернулся въ Лондонъ и опять поступилъ въ Академію, но привычка къ роскошной жизни заставила его искать хорошо оплачиваемыхъ работъ; онъ принялся рисовать карикатуры, работая только тогда, когда наступало безденежье. Первыя карикатуры этого художника отличаются довольно рѣзко по манерѣ отъ послѣдующихъ: въ нихъ болѣе элегантности и мягкости, женскіе типы изящны и красивы, вліяніе французскихъ художниковъ, въ особенности Вато и Бушэ, сильно чувствуется. Но такъ какъ Ровлэндсонъ, по своей природѣ, не отличался особенной нравственной чистотой и утонченнымъ вкусомъ, то карикатуры его стали постепенно болѣе грубыми и вульгарными. Прекраснымъ образцомъ такихъ произведеній второго періода его дѣятельности можетъ служить карикатура, озаглавленная: «Труба и Фаготъ»; въ ней много грубаго реализма, но и много истиннаго комизма. Глядя на нее, зритель какъ бы слышитъ храпъ этихъ нѣжныхъ супруговъ, обладателей такихъ феноменальныхъ носовъ. Какія ужасныя, почти звѣрскія лица по выраженію въ его карикатурѣ «Ссора игроковъ», но зато сколько правдивой наблюдательности выказалъ тутъ художникъ! Что можетъ быть комичнѣе этого мясника среди окровавленныхъ тушъ, читающаго Гетевскаго «Вертера» и проливающаго слезы надъ его несчастіями, не выпуская въ то же время изъ рукъ огромнаго ножа, забрызганнаго кровью, и Ровлэндсонъ озаглавливаетъ эту карикатуру: «Тріумфъ чувствительности». Онъ въ теченіе почти всей своей дѣятельности работалъ для издателя Акермана, которому приходилось не разъ выручать изъ бѣды легкомысленнаго и расточительнаго художника. Часто нуждаясь въ деньгахъ, Ровлэндсонъ гравировалъ чужія произведенія, иллюстрировалъ книги, писалъ патріотическіе транспаранты для илюминацій и т. д. Подъ конецъ своей карьеры онъ исполнилъ много рисунковъ, которые такъ и остались негравированными и были пріобрѣтены извѣстнѣйшими англійскими коллекціонерами. Эти рисунки отличаются большей законченностью, нежели его гравюры, и полны юмора. Несмотря на свою плодовитость, этотъ талантливый карикатуристъ умеръ въ нищетѣ.

Изъ трехъ художниковъ, носившихъ фамилію Крюкшанкъ, большей извѣстностью пользовался Георгъ, сынъ Исаака Крюкшанка, довольно популярнаго политическаго карикатуриста, гравюры котораго представляютъ нѣкоторый интересъ, потому что въ нихъ затрагивается отношеніе Англіи къ Ирландіи. Георгъ въ молодости, подобно отцу, рисовалъ политическія карикатуры; онъ былъ такимъ же ярымъ патріотомъ, какъ и Жильрэй, а потому и неумолимымъ врагомъ Наполеона I, личность и дѣятельность котораго послужила благодарной темой для многочисленныхъ карикатуръ. И Крюкшанкъ послѣ смерти императора написалъ въ издаваемой имъ газетѣ родъ некролога, въ которомъ даже высказалъ свою благодарность памяти того, кто доставилъ такой богатый матеріалъ для самыхъ ѣдкихъ его сатиръ. Онъ говоритъ слѣдующее: «Я постепенно анатомировалъ всего героя, я произвелъ анализъ не только его самого, но даже его шляпы и сапоговъ, и это еще тогда, когда я едва умѣлъ держать карандашъ въ рукахъ; я преслѣдовалъ его среди снѣговъ и пламени, на морѣ и на сушѣ, оскорблялъ и унижалъ его, постоянно насмѣхался надъ нимъ, заставлялъ его переносить тысячи самыхъ оскорбительныхъ униженій, а въ это время онъ побѣдоносно дошелъ до пирамидъ, прошелъ черезъ Альпы, свергнулъ съ престола многихъ королей,

Digitized by Google

роздалъ много коронъ, и мое чувство признательности къ этому великому агитатору очень сильно и глубоко.» Такую благодарность могло бы выразить большинство англійскихъ карикатуристовъ, для которыхъ Наполеонъ и его изображенія служили доходной статьей. Крюкшанкъ нарисовалъ цѣлую серію карикатуръ, озаглавленныхъ «Жизнь Наполеона I» съ текстомъ въ стихахъ поэта Вильяма Комба. Изъ другихъ же политическихъ его карикатуръ интересны слѣдующія: «Большой генералъ и маленькій императоръ», —Блюхеръ разглядываетъ крошечную фигурку Наполеона, сидящаго у него на пальцѣ, точно птица на насѣсти; «Бонапартъ диктуетъ бюллетень»,—императоръ и его штабъ погружены по уши въ снѣгъ, одинъ изъ генераловъ спрашиваетъ его, какія вѣсти надо послать во Францію, а Наполеонъ отвѣчаетъ: «Напишите, что у насъ прекрасныя и удобныя зимнія квартиры, что насъ повсюду восторженно принимаютъ,—однимъ словомъ, говорите все, кромѣ правды»; «Смотръ войскамъ, возвратившимся изъ-подъ Смоленска», «Союзные булочники или корсиканская жаба въ печи», «Наполеонъ отравляетъ чумныхъ въ Яффѣ», «Корсиканскій воланъ или игрушка союзниковъ» и много другихъ. Большой популярностью пользовались его карикатуры на внутреннюю политику страны: напримѣръ, «Правосудіе теряетъ равновѣсіе», «Политическій домъ, построенный Джекомъ», «Политическіе акробаты дома» и т. д. Но если эти политическія карикатуры нравились публикѣ и имѣли большой успѣхъ, онѣ совсѣмъ не удовлетворяли ихъ автора. Тонкій наблюдатель, умѣющій прекрасно схватывать экспрессію лицъ, обладающій большой фантазіей, неподдѣльнымъ юморомъ, онъ предпочитаетъ рисовать карикатуры нравовъ, въ которыхъ главнымъ образомъ и выразилась вся сила его таланта. Онъ любилъ изображать высшее общество въ модныхъ салонахъ, аристократическія прогулки въ Гайдъ-Паркѣ, экстравагантные туалеты и эксцентричные костюмы, вечера съ танцами въ маленькихъ квартирахъ и т. д. Неистощимая, богатая фантазія этого художника внушила ему такую архикомическую карикатуру, какъ его «Затруднительный выборъ»: король Тимбукту предлагаетъ англійскому капитану одну изъ своихъ дочерей на выборъ въ видѣ особеннаго отличія. Нельзя себѣ представить ничего комичнѣе этихъ трехъ черныхъ грацій, жеманно кокетничающихъ передъ капитаномъ, и его ужаса и смятенія при видѣ этихъ безобразныхъ самокъ. Крюкшанкъ является послѣднимъ представителемъ великой школы англійскихъ карикатуристовъ, сформировавшейся въ царствованіе Георга III, и, хотя теперь нѣтъ въ Англіи такихъ сильныхъ юмористовъ и сатириковъ, все же нужно признать, что всѣ современные англійскіе карикатуристы болѣе или менѣе воспитались подъ его вліяніемъ.

XIII.

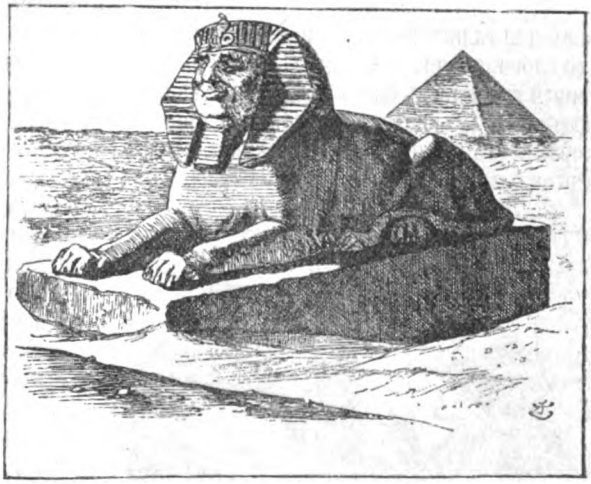
Журналъ «Punch» и его рисовальщики.—Рисунки Джона Лича.—Альманахъ «Punch'a».—Карикатуры Ричарда Дойля. — Сотрудничество Теккерея.—Джонъ Тенніэль.—Чарльзъ Кинъ.—Филь Мэй.—Жоржъ дю-Морье.—Бернаръ Пэтриджъ. — Ридъ. — Сэмбурнъ. — Гарри Фурнисъ.—Артуръ Гопкинсъ.—Юмористическіе журналы «Judy» и «Aly Sloper».—Горди.—Вальтеръ Кранъ и Кэльдекотъ.

Послѣ такихъ сатириковъ и юмористовъ, какъ Гогартъ, Жильрэй, Ровлэндсонъ и Крюкшанкъ, англійскіе карикатуристы какъ будто утратили способность заставлять громко и здорово смѣяться; они теперь умѣютъ только вызывать улыбки, комизмъ ихъ сталъ сдержаннѣе, онъ какъ бы вошелъ въ узкія рамки приличія, сталъ болѣе походить на комизмъ другихъ націй и такимъ образомъ почти утратилъ свою оригинальность. Послѣ Крюкшанка довольно большимъ успѣхомъ пользовался художникъ Бровнъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Фитцъ,—онъ создалъ типы мистера Пиквика и его товарищей,—и Личъ—изящный и ловкій рисовальщикъ; но въ нихъ нѣтъ ни юмора, ни силы ихъ предшественниковъ.

Главнымъ виновникомъ такого измѣненія характера англійской карикатуры является самый распространенный англійскій сатирическій журналъ «Пёнчъ» (Punch). При восшествіи на престолъ королевы Викторіи «Пёнчъ» не существовалъ еще, планъ его изданія былъ выработанъ въ глубокой тайнѣ, такая же тайна окружала его появленіе, никому не было извѣстно именъ его основателей, впослѣдствіи многіе претендовали на этотъ титулъ, но, какъ теперь извѣстно, дѣйствительными основателями «Пёнча» были Генри Мэхью и Лэндильсъ. Въ началѣ 1841 года появилось первое объявленіе — программа, составленная Маркомъ Лемёнъ. Предполагае-

Digitized by Google

мое сначала названіе «Шутъ» было замѣнено словомъ «Пёнчъ». Разсказъ о происхожденіи этого названія имѣетъ нѣсколько версій: однѣ объясняютъ его тѣмъ, что на его заглавномъ листѣ былъ нарисованъ паяцъ, по-англійски Punch; другія—что на одномъ изъ засѣданій членовъ редакціи кто-то сравнилъ нарождающійся сатирическій журналъ съ хорошей порціей пунша, немыслимаго безъ лимона (намекъ на Марка Лемёнъ—Lemon); Мэхью тотчасъ же восторженно воскликнулъ: «Какая великолѣпная идея, мы назовемъ нашъ журналъ пуншемъ» (по-англійски Punch). Первый номеръ журнала появился 17 іюня 1841 года. Спросъ на него оказался очень большимъ: въ теченіе двухъ дней было распродано два изданія по пяти тысячъ экземпляровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой спросъ былъ вызванъ всевозможными объявленіями, заключавшими въ себѣ программу-проспектъ Марка Лемёнъ и разосланными по всей Англіи въ количествѣ ста тысячъ экземпляровъ. Первый рисунокъ «Пёнча»—силуэтъ, изображавшій измученнаго рабочаго, приводящаго въ движеніе колесо ногами съ надписью: «Дѣла должны принять другой оборотъ.» Этотъ рисунокъ былъ сдѣланъ Вилльямомъ Ньюменъ, получавшимъ за дюжину такихъ силуэтовъ восемнадцать шиллинговъ (шесть рублей). Большіе рисунки или, вѣрнѣе, эскизы печатались тогда въ томъ же масштабѣ, въ которомъ были нарисованы. Въ тѣ времена еще не существовало возможности посредствомъ фотографіи воспроизводить рисунокъ въ какую угодно величину, то уменьшая, то увеличивая, смотря по необходимости. Рисунки художниковъ переводились на деревянныя доски и гравировались въ ту же величину. При еженедѣльномъ изданіи такого журнала, какъ «Пёнчъ», который всегда стремился дать своимъ читателямъ рисунки, отвѣчающіе потребностямъ дня и затрагивающіе самые животрепещущіе вопросы, часто не хватало времени на тщательное гравированіе на деревѣ, и поэтому въ первые годы изданія много рисунковъ появлялось въ далеко незаконченномъ видѣ. Каждую недѣлю по вторникамъ устраивались редакціонные обѣды, на которыхъ присутствовали всѣ члены редакціи, и на нихъ обсуждались не только готовые эскизы, наброски, рисунки, но предлагались новыя карикатуры, существующія еще только въ мозгу автора, придумывались комическіе разсказы и надписи. Тогда же измышлялись разныя карикатуры, появляющіяся безъ подписей авторовъ, только со слѣдующими надписями: «Насмѣшка мистера Пёнча» или «Мистеръ Пёнчъ пошутилъ» и т. д. До чего чутко слѣдили всѣ члены редакціи за общественными явленіями, — можно заключить изъ того, что въ 1845 году въ видѣ насмѣшки мистера Пёнча была помѣщена карта желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, тогда еще бѣдной путями сообщенія: карта же эта была покрыта цѣлой сѣтью желѣзнодорожныхъ линій. Эта насмѣшка вызвала, дѣйствительно, постройку многихъ линій и именно въ указанныхъ мистеромъ Пёнчемъ направленіяхъ, и такимъ образомъ то, что казалось тогда сатирой, стало дѣйствительностью. Точно такъ же въ 1846 г. появилась другая шутка мистера Пёнча «Подземная желѣзная дорога», а въ 1860 г. такая дорога начала, дѣйствительно, функціонировать.

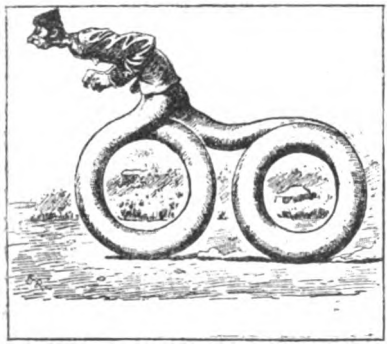


Закрѣпленіе.
(Рис. Теннієля).
(См. стр. 657).

Число художниковъ, привлеченныхъ къ сотрудничеству въ этомъ журналѣ, было очень велико.

Однимъ изъ главныхъ столповъ «Пёнча»

Digitized by Google



Циклистъ—центавръ будущаго.
(Рис. Рида).

является талантливый карикатуристъ Личъ; это слово значитъ піявка (Leech), и остроумный художникъ вмѣсто подписи помѣщалъ подъ своими рисунками банку съ піявкой. Первый его рисунокъ, появившійся въ четвертомъ нумерѣ «Пёнча», озаглавленъ «Иностранныя дѣла»: на немъ изображены разные типы эмигрантовъ, наводнявшихъ тогда Англію. Всѣ рисунки Джона Личъ отличаются большой законченностью и изяществомъ; онъ провелъ много времени во Франціи и часто изображалъ въ своихъ карикатурахъ разныя французскія уличныя сцены и рисовалъ политическія карикатуры, имѣющія почти всегда какое-нибудь отношеніе къ Франціи. Онъ также принималъ дѣятельное участіе въ Альманахахъ «Пёнча», появляющихся ежегодно къ Рождеству за все время существованія журнала.

«Фашода».
Qui pro quo.
(Рис. Джона Тенніэля).
(См. стр. 656—657).

О появленіи перваго Альманаха «Пёнча» сынъ основателя журнала А. Мэхью разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: первый Альманахъ былъ составленъ и цѣликомъ написанъ его отцомъ Генри Мэхью и писателемъ Грэтэнъ во Флитской тюрьмѣ, гдѣ этотъ послѣдній сидѣлъ за долги. Мэхью посѣтилъ Грэтэна въ тюрьмѣ и предложилъ ему энергичнымъ и смѣлымъ дѣйствіемъ «извлечь Пёнчъ изъ бездны унынія, въ которую погрузился журналъ, вынесшій въ теченіе года упорную борьбу, выпадающую обыкновенно на долю всякаго новаго изданія.» Идея Мэхью заключалась въ томъ, чтобы издать комическій Альманахъ съ юмористическими гравюрами и шутками на каждый день въ году, и онъ хотѣлъ, чтобы Грэтэнъ работалъ вмѣстѣ съ нимъ надъ составленіемъ такого Альманаха. Но Грэтенъ не могъ выходить изъ тюрьмы, а Мэхью, по правиламъ тюрьмы, какъ посторонній, не могъ тамъ сидѣть дольше указаннаго часа, между тѣмъ обоимъ сотрудникамъ было необходимо постоянно быть вмѣстѣ для совмѣстной работы, и вотъ Мэхью сдѣлался добровольнымъ узникомъ въ продолженіе семи дней. И въ эту недѣлю была написана вся литературная часть перваго Альманаха, и выбраны всѣ рисунки. Такимъ образомъ, каждому изъ нихъ пришлось придумывать и писать по пятидесяти шутокъ и надписей въ сутки, и вся эта масса юмора появилась на свѣтъ въ мрачной, мало имѣющей общаго съ весельемъ и смѣхомъ, долговой тюрьмѣ. Если можетъ явиться нѣкоторое сомнѣніе въ фактической точности этого разсказа о появленіи перваго Альманаха, то, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что

Digitized by Google

этотъ Альманахъ не только имѣлъ громадный успѣхъ, но также упрочилъ матеріальное благосостояніе журнала. До появленія этого перваго Альманаха, разошедшагося въ 152000 экземпляровъ, «Пёнчъ» печатался въ 7000 экземплярахъ, а послѣ появленія онъ сталъ расходиться въ количествѣ 19000.

Вторымъ выдающимся художникомъ-сотрудникомъ «Пёнча» былъ Ричардъ Дойль. Онъ началъ свою дѣятельность въ 1842 году комическими рамками-виньетками для рождественскаго нумера, а впослѣдствіи сталъ «однимъ изъ главныхъ и дальнобойныхъ орудій мистера Пёнча», какъ о немъ выражались его сотоварищи. Почти всѣ его рисунки были подписаны такимъ образомъ: на большой буквѣ D, какъ на насѣсти, посажена птица, и читатели «Пёнча» всегда съ удовольствіемъ искали на страницахъ журнала эту своеобразную подпись. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Дойль неутомимо работалъ для журнала; бо̀льшая часть его карикатуръ направлена противъ внутренней политики страны и главныхъ ея дѣятелей. Одна изъ лучшихъ его вещей озаглавлена «Современный Сизифъ»: премьеръ Англіи лордъ Робертъ Пиль въ роли Сизифа старается вкатить на холмъ скалу, которой приданы черты лица знаменитаго ирландскаго оратора Даніэля О'Коннель. Не менѣе интересны его карикатуры: «Джонъ Булль послѣ требованія съ него новыхъ подоходныхъ налоговъ» и «Желѣзнодорожная паника». Онъ участвовалъ также въ Альманахахъ «Пёнча»; въ одномъ изъ нихъ былъ помѣщенъ его оригинальный рисунокъ «Большой морской змѣй». Изъ его политическихъ, или, вѣрнѣе, военныхъ карикатуръ имѣла значительный успѣхъ озаглавленная «Давидъ и Голіаѳъ»: Голіаѳъ-Наполеонъ III полу-презрительно, полу-насмѣшливо смотритъ на Давида-Виктора Эммануила, короля Сардиніи и будущаго короля Италіи.

Къ первымъ же годамъ существованія «Пёнча» относится и сотрудничество знаменитаго романиста-юмориста Теккерея, который помѣщалъ тамъ не только разсказы, но и рисунки-карикатуры; одинъ изъ нихъ, озаглавленный «Два автора» изображаетъ самого Теккерея и Дугласа Джерольда сидящими въ вагонѣ и слушающими, какъ другіе путешественники критикуютъ «Пёнчъ» и его сотрудниковъ. Врядъ ли редакція какого-нибудь другого юмористическаго журнала, кромѣ «Пёнча», можетъ похвастаться тѣмъ, что имѣетъ сотрудника, который въ продолженіе пятидесяти лѣтъ почти еженедѣльно даетъ все новые и новые рисунки, одинаково талантливые по замыслу, компоновкѣ и техникѣ. Такимъ неутомимымъ и высокодаровитымъ сотрудникомъ является Джонъ Тенніэль. Его первый рисунокъ былъ помѣщенъ въ

Онъ. Желали бы вы имѣть собственнаго гм... маленькаго щенка?
Она (конфузясь). О, мистеръ Софтли, какая неожиданность!
(Рис. Бернарда Пэтриджа).

1850 году, и успѣхъ его возрасталъ съ каждымъ произведеніемъ, хотя, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Всѣ говорятъ, что я какъ бы внесъ какое-то слишкомъ строгое достоинство въ мои рисованные эскизы, но это произошло непреднамѣренно съ моей стороны, а единственно въ силу того важнаго значенія, которое я придаю искусству. Я не карикатуристъ въ полномъ смыслѣ этого слова; многіе даже не признаютъ меня юмористомъ, они обвиняютъ меня въ «строгости, классичности и

Digitized by Google

излишнемъ достоинствѣ.» Но произведенія Тенніэля поражаютъ сильнѣе и глубже затрагиваютъ, нежели обыкновенныя юмористическія карикатуры. Можно даже сказать, что то, что называется обыкновеннымъ юморомъ, являлось бы непріятнымъ диссонансомъ въ такомъ произведеніи, какъ его знаменитый рисунокъ: «Лоцманъ покидаетъ корабль» или «Уволенный лоцманъ». Этотъ рисунокъ появился въ «Пёнчѣ» въ 1890 году, когда Бисмаркъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, и его можно считать шедевромъ Тенніэля: столько въ немъ тонкой и, если можно такъ выразиться, патетической сатиры. Бисмаркъ-лоцманъ покидаетъ корабль - Германію, медленно, въ глубокомъ раздумьѣ, спускается онъ съ трапа; одной рукой придерживается онъ за перила, другой прикасается къ обшивкѣ корабля, какъ бы прощаясь съ нимъ; Вильгельмъ II, облокотясь о бортъ корабля, самодовольно и насмѣшливо смотритъ ему вслѣдъ. Многіе прекрасные рисунки этого талантливаго художника были бы, пожалуй, искажены и не производили бы такого сильнаго впечатлѣнія, допусти онъ, чтобы юмористическая нота звучала въ нихъ рѣзче и яснѣе. Строгій, полный достоинства и чувства эскизъ Тенніэля достигаетъ гораздо большаго эффекта, и сатира, заключенная въ немъ, наноситъ болѣе глубокіе и неизгладимые уколы, нежели стрѣлы легкаго юмора. Оригиналъ рисунка «Уволенный лоцманъ» былъ пріобрѣтенъ лордомъ Росбери, подарившимъ его Бисмарку, которому онъ очень понравился. Такими же прекрасными качествами отличается его военная карикатура, помѣченная 30-го іюля 1870 года и озаглавленная «Франко-прусская война»: по дорогѣ въ Берлинъ ѣдетъ Наполеонъ III, объявившій войну Германіи 19-го іюля и принцъ Лулу; тѣнь великаго Наполеона верхомъ на лошади загораживаетъ имъ дорогу и указываетъ рукой на обратный путь. Семидесятилѣтнимъ старикомъ рисуетъ онъ Гладстона, этого великаго восьмидесятилѣтняго старца, и ставитъ подъ рисункомъ лаконическую надпись: «Не удалиться ли. Какъ вы полагаете?» Почти каждая война европейскихъ державъ вызываетъ изъ-подъ его карандаша нѣсколько прекрасныхъ карикатуръ: междоусобная война Американскихъ Штатовъ, австро-прусская война, абиссинскій вопросъ, Египетъ, Японія, франко-прусская война и русско-турецкая,—всѣ онѣ проходятъ передъ глазами зрителя въ цѣломъ рядѣ остроумныхъ рисунковъ этого карикатуриста. Кажется, какъ будто годы проносятся надъ нимъ незамѣтно, и восьмидесятилѣтній художникъ рисуетъ сцены изъ войны Англіи съ бурами съ такой же силой и талантомъ, какъ и первые свои военные эскизы. Его тонкій сатирическій карандашъ не упустилъ и франко-русскаго союза; онъ рисуетъ карикатуру: французъ-вожакъ въ сабо и фригійскомъ колпакѣ ведетъ медвѣдя, ударяющаго въ бубенъ, на которомъ написано «Alliance». Нельзя также не упомянуть о двухъ прекрасныхъ карикатурахъ; одна называется «Фашода», она имѣла огромный успѣхъ: Джонъ Булль прогоняетъ отъ порога своего дома шарманщика-француза, у котораго на крышкѣ шарманки написано «Фашода», на ней же сидитъ обезьяна въ костюмѣ французскаго солдата; Джонъ Булль говоритъ грозно: «Уходите, уходите!» Французъ спрашиваетъ: «Что вы мнѣ дадите, если я уйду?»

Совершенно ясно.

Молодая новобрачная: «О, я такъ счастлива! Почему это вы не вышли замужъ, миссъ Примъ?

Миссъ Примъ. Моя милая, я никогда не принимала и не приму какого бы то ни было предложенія.

Молодая начинаетъ быстро играть старинную арію: «Никто меня бѣдную не беретъ.»

(Рис. Бернарда Пэтриджа).

Digitized by Google

На это Джонъ Буль отвѣчаетъ: «Увидите, что я вамъ дамъ, если вы не уйдете.» (См. рис. на стр. 654). Другая карикатура озаглавлена: «The Fixture» (Закрѣпленіе) Джонъ Булль въ видѣ сфинкса властно расположился на камнѣ на берегу Нила; такъ и чувствуется, что онъ удержитъ и закрѣпитъ за собой эту землю, что онъ готовъ разсчитаться по-своему съ каждымъ, кто дотронется до нея, и что онъ твердо рѣшилъ не подпускать никого къ тому, что уже считаетъ своей собственностью. (См. рис. на стр. 653). Тенніэль участвуетъ также въ альманахѣ «Пёнча»; тамъ встрѣчаются двѣ карикатуры, сильно отличающіяся отъ его обычной манеры, такъ что, не будь въ лѣвомъ углу его подписи, едва ли кто призналъ бы ихъ за его произведенія; онъ какъ бы хотѣлъ доказать тѣмъ, кто не признаетъ въ немъ юмориста, что онъ можетъ, если захочетъ, нарисовать въ высшей степени комическую, даже шутовскую карикатуру. И, дѣйствительно, нельзя безъ смѣха смотрѣть на это любительское представленіе Отелло или на толстаго гусарскаго сержанта, обучающаго взводъ солдатъ.

Точно такимъ же долголѣтнимъ сотрудникомъ «Пенча» былъ Чарльзъ Кинъ, карикатуры котораго появлялись въ этомъ журналѣ постоянно съ 1850 до 1890 гг. Этотъ талантливый художникъ по какой-то странной игрѣ судьбы не пользовался ни популярностью, ни любовью публики, объ его работахъ почти никто не упоминалъ; критика, какъ и публика, относилась къ нему съ полнымъ равнодушіемъ. Если говорили о даровитыхъ сотрудникахъ «Пёнча», то подъ ними обыкновенно подразумѣвались Личъ, Дойль или дю-Морье и Тенніэль; только весьма немногіе находили, что Кинъ съ честью можетъ занимать мѣсто наряду съ ними. Еще болѣе замѣчателенъ тотъ фактъ, что всѣ какъ бы поставили себѣ за правило встрѣчать его рисунки молчаніемъ или глупой насмѣшкой, и такимъ образомъ Кинъ, одинъ изъ лучшихъ рисовальщиковъ Англіи, не былъ при жизни вполнѣ оцѣненъ и понятъ. Критика какъ бы задалась цѣлью игнорировать его работы,—о немъ говорили въ печати, какъ о пріятномъ и умномъ собесѣдникѣ, повторяли его остроумныя замѣчанія, восхваляли его пониманіе и любовь къ музыкѣ, описывали его эксцентричные костюмы, его кулинарныя способности, упоминали о его собакахъ и лошадяхъ, но не говорили почти ни слова объ его карикатурахъ. Странное и непонятное отношеніе къ художнику, котораго теперь послѣ его смерти признали за одного изъ самыхъ талантливыхъ офортистовъ и рисовальщиковъ перомъ и углемъ! Большинство его произведеній отличается тонкостью рисунка, правильностью линій, во всѣхъ его фигурахъ много движенія, много экспрессіи, всегда прекрасно выдержанъ характеръ дѣйствующихъ лицъ, и въ нихъ много жизни. Кинъ охотнѣе всего рисовалъ перомъ, употребляя при этомъ самыя обыкновенныя черныя или слегка коричневыя чернила. Онъ одинаково хорошо рисовалъ карикатуры нравовъ и политическія, у него не было ни спеціальнаго пріема, ни спеціальныхъ сюжетовъ, онъ всегда придерживался того принципа, который проповѣдовалъ своимъ друзьямъ: «Если вы умѣете хоть что-нибудь рисовать, то вы можете рисовать все», и онъ дѣйствительно рисовалъ все. Быть можетъ, главная причина его непопулярности заключалась въ томъ, что онъ не добивался въ своихъ рисункахъ ни элегантности, ни за-

Наша прислуга.

Патронесса благотворительнаго общества. Почему же вы оставили ваше послѣднее мѣсто?

Служанка. Съ вашего позволенія, сударыня, барыня сказала, что она можетъ управиться и съ менѣе опытной служанкой, чѣмъ я.

(Рис. Чарльза Кина).

Digitized by Google

конченности, онъ прежде всего старался быть правдивымъ въ выраженіи жизни, движенія и характера, а не искалъ благодарныхъ, привлекательныхъ сюжетовъ, не поддѣлывался подъ вкусъ и требованія публики. Въ немъ даже отрицали юморъ, потому что онъ никогда не придумывалъ надписей подъ своими карикатурами, но онѣ почти и не нуждались въ письменныхъ разъясненіяхъ: въ нихъ было столько юмора, его фигуры, лица, его группы сами говорили за себя. Кромѣ того, во всѣхъ его рисункахъ нѣтъ и тѣни вульгарности, которой такъ много у Ровлэндсона и даже у Жильрэя, нѣтъ и гривуазности французскихъ карикатуристовъ, съ которыми его иногда сравнивали. Изъ его многочисленныхъ карикатуръ нравовъ очень интересны по выраженію «Наши слуги», «Физическая географія», «Непріятель», «Деревенскій зватокъ». Его послѣдняя карикатура «На бульварѣ» была помѣщена въ 1890 г. въ «Пёнчѣ» незадолго до его смерти. Кинъ участвовалъ въ иллюстрированіи разныхъ дешевыхъ народныхъ изданій, онъ умѣлъ прекрасно передавать уличную жизнь, народныя сцены и народные типы.

Нервный юноша (обращаясь къ красивой дебютанткѣ). Гм... я долженъ васъ поздравить съ такой внѣшностью.

Красивая дебютантка (польщенная). О, благодарю васъ.

Нервный юноша (поспѣшно). Само собой разумѣется, гм... я говорю только о первомъ впечатлѣніи.

(Рис. Бернарда Пэтриджа).

Его преемникомъ въ «Пёнчѣ» считается очень молодой и своеобразный художникъ Филь Мэй. Онъ—великій юмористъ отъ природы, поразительный рисовальщикъ, правдивый и вѣрный наблюдатель. Всѣ эти качества способствуютъ тому, что онъ въ своихъ композиціяхъ достигъ высокой степени совершенства; кромѣ того, онъ такъ же трудолюбивъ и скроменъ, какъ Кинъ. Филь Мэй—еще совсѣмъ молодой художникъ; пять лѣтъ тому назадъ этотъ теперь прославляемый повсюду карикатуристъ былъ странствующимъ актеромъ, зарабатывавшимъ съ трудомъ жалкіе шиллинги. Онъ былъ обязанъ, кромѣ того, набрасывать эскизы-портреты своихъ товарищей, чтобы ихъ выставлять потомъ въ окнахъ какого-нибудь магазина того города, гдѣ ихъ труппа давала представленіе. Но эти наброски принесли большую пользу юному художнику: его рука пріобрѣла такой навыкъ, что онъ теперь можетъ нѣсколькими простыми штрихами набросать живую фигуру, передавъ все, что въ ней есть характернаго и оригинальнаго; его глазъ такъ привыкъ сразу схватывать всѣ самыя интересныя черты, что ему вполнѣ достаточно нѣсколькихъ минутъ, чтобы передать на бумагѣ подмѣченныя имъ сценки. Первые наброски, исполненные имъ въ Лондонѣ, обратили на него вниманіе издателя иллюстрированнаго журнала «St. Stephen's Review», который предложилъ ему сотрудничать въ его изданіи. Но художникъ, увлеченный своей страстью къ путешествіямъ, отправился въ Австралію, откуда посылалъ прекрасные наброски и замѣтки, которые возбудили удивленіе и восхищеніе читателей газетъ, печатавшихъ эти остроумные рисунки. Возвратясь въ Европу, онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ, изучая тамъ безсмертныя творенія великихъ художниковъ. Въ Лондонѣ его ожидалъ

Digitized by Google

успѣхъ и слава, все возрастающая, иллюстрированные журналы стали наполнять свои страницы описаніями его произведеній и громкими похвалами его таланту, и имя его, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ не было никому извѣстно, упоминается повсюду. Его произведенія производятъ впечатлѣніе очень легкой и быстрой работы, но въ дѣйствительности онъ достигъ этой техники, этой манеры упорнымъ и постояннымъ трудомъ, постояннымъ изученіемъ натуры; его многочисленные альбомы свидѣтельствуютъ объ этомъ. По словамъ одного извѣстнаго критика, Филь Мэй не только наблюдаетъ за своей жертвой (натурой), но анатомируетъ ее и самымъ добросовѣстнымъ и точнымъ образомъ изучаетъ всѣ отдѣльныя части; ему случается возвращаться домой съ альбомомъ, наполненнымъ набросками глазъ, носа, рта, мускуловъ и т. д., и изъ всего этого дома онъ составляетъ одно цѣлое, полное движенія, жизни и юмора. Первая его карикатура появилась въ «Пёнчѣ» въ 1893 году; его спеціальность—уличныя сцены и сцены изъ жизни уличныхъ дѣтей, которыхъ онъ мастерски изображаетъ. Сколько, напримѣръ, комизма въ этой маленькой фигуркѣ, озаглавленной «Папина жилетка» или въ карикатурѣ «Ботаника или день въ деревнѣ»! Сколько юмора, хотя и нѣсколько грустнаго, въ уличной сценѣ, озаглавленной «Уличная пѣвица»: старая уродливая пѣвица, едва покрытая рубищемъ, поетъ о томъ, какъ «она и ея милый любили другъ друга много, охъ, много лѣтъ тому назадъ.»

Жоржъ дю-Морьэ, пользовавшійся въ послѣдніе годы своей художественной дѣятельности такимъ выдающимся успѣхомъ, долго и упорно боролся съ разными житейскими невзгодами и равнодушіемъ публики, пока, наконецъ, этотъ поздній успѣхъ выпалъ на его долю. Онъ самъ, измученный болѣзнью, непосильной работой, съ грустью повторялъ своимъ друзьямъ: «Поздно, слишкомъ поздно для меня!» Этотъ талантливый художникъ и писатель былъ по происхожденію французъ и по странной игрѣ случая отецъ его родился въ Англіи, а онъ самъ въ Парижѣ въ 1834 году. Съ дѣтства зналъ онъ уже, что такое нужда; отецъ его, большой фантазеръ, былъ вѣчно занятъ какимъ-нибудь изобрѣтеніемъ, никогда не осуществимымъ, но уносившимъ всѣ средства къ жизни. Желая сдѣлать изъ сына ученаго, онъ его заставилъ изучать химію. Разсказывая объ этомъ періодѣ его жизни, дю-Морьэ прибавлялъ: «Правда, я не отличался своими успѣхами въ наукахъ, я проводилъ почти все время въ рисованіи карикатуръ, и мой профессоръ химіи, когда я задалъ ему впослѣдствіи вопросъ: Помнитъ ли онъ меня? отвѣтилъ, что помнитъ только одно, что я обѣщалъ сдѣлаться очень плохимъ химикомъ.» Смерть отца положила конецъ этимъ непріятнымъ занятіямъ въ лабораторіяхъ; дю-Морьэ отправился съ матерью въ Парижъ и поступилъ въ мастерскую къ художнику Глеиру.

Тайна литературнаго творчества.
(Рис. дю-Морье).

Авторша романа «Страстная Полина», пристально разглядывая себя въ зеркало, пишетъ слѣдующее: «Я гляжу въ зеркало, читатель. Что же я вижу? Я вижу пару веселыхъ и лукавыхъ глазъ цвѣта незабудки, смѣлыхъ и вызывающихъ, подобный маленькому бутону ротикъ съ насмѣшливой улыбкой, крошечное похожее на раковину ухо, какъ бы играющее въ цѣломъ лабиринтѣ спутанныхъ и непослушныхъ золотистыхъ нитей волосъ; ниже—атласныя складки наряднаго пеньюара ниспадаютъ на нѣжную ножку, скромно высовывающуюся въ изящной остроконечной туфелькѣ изъ золотистой кожи.»

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ тамъ, такъ запечатлѣлись въ его памяти, что они спустя много времени послужили главной темой для его романа «Трильби», имѣвшаго такой всемірный успѣхъ. Затѣмъ онъ отправился въ Антверпенъ. Тутъ его постигло большое несчастіе, заставившее его отказаться отъ живописи: работая однажды съ модели, онъ вдругъ ослѣпъ на одинъ глазъ. Долго жилъ онъ подъ страхомъ окончательно потерять зрѣніе. Къ счастію, эти опасенія не оправдались, и онъ въ продолженіе сорока лѣтъ былъ неутомимымъ рисоваль-

Digitized by Google

щикомъ, создавшимъ столько прекрасныхъ, полныхъ юмора карикатуръ и рисунковъ. Въ 1860 году дю-Морьэ поселился въ Лондонѣ, и въ томъ же году была помѣщена его первая карикатура въ «Пёнчѣ». Онъ неразъ вспоминалъ въ кругу своихъ друзей о той сценѣ, которая послужила сюжетомъ для этой карикатуры и такимъ образомъ положила начало его долголѣтнему сотрудничеству въ этомъ журналѣ. Вмѣстѣ съ нимъ тогда пріѣхалъ Уистлеръ, такой же бѣдный и мало извѣстный художникъ, какимъ былъ тогда и самъ дю-Морьэ. Они зашли къ одному фотографу; Уистлеръ преспокойно продолжалъ курить, засунувъ руки въ карманы, нисколько не смущаясь присутствіемъ величественнаго фотографа, котораго такія безцеремонныя манеры сильно раздражили, и онъ прочелъ имъ слѣдующую нотацію: «Милостивые государи, я долженъ вамъ замѣтить, что тутъ не какая-нибудь простая мастерская художника, гдѣ вы можете, если хотите, курить и вести себя такъ неприлично, а мастерская фотографа, посѣщаемая только приличными людьми.» Эта сцена показалась до того комичной дю-Морьэ, что онъ, придя домой, нарисовалъ себя и Уистлера, сконфуженно выслушивающихъ нотацію величественнаго фотографа, считающаго себя неизмѣримо выше какого-нибудь художника. Карикатура была принята и «съ этого дня, говоритъ талантливый художникъ, у меня не было недостатка въ хлѣбѣ и сырѣ, скажу больше: мой хлѣбъ былъ не разъ намазанъ масломъ съ обѣихъ сторонъ.» Къ нему за три года до его смерти вернулись опять опасенія потерять зрѣніе. Онъ пересталъ рисовать и по совѣту друзей рѣшился написать въ формѣ романа тѣ интересные эпизоды изъ его жизни, которые онъ такъ мастерски разсказывалъ за стаканомъ вина послѣ пріятельскаго обѣда, и спустя нѣкоторое время появился въ печати его романъ «Трильби». Огромный успѣхъ, встрѣтившій этотъ романъ, нисколько не измѣнилъ этого скромнаго и высокодаровитаго художника; онъ только сожалѣлъ, что болѣзнь и годы, наложившіе на него свою печать, не позволятъ ему воспользоваться тѣмъ богатымъ матеріаломъ, котораго у него накопилось такъ много. Самой большой популярностью пользовались его, такъ называемыя, салонныя и бальныя сцены. Его женскія фигуры всѣ очень изящны и элегантны. Всѣ его рисунки отличаются законченностью, жизненностью и полны юмора, часто превращающагося въ ѣдкую сатиру, какъ, напримѣръ, въ его карикатурѣ «Тайна литературнаго творчества», гдѣ старая и некрасивая дѣва-писательница, смотря на себя въ зеркало, такъ описываетъ свою героиню: «Я гляжу на себя въ зеркало, и что же я вижу, читатель? Я вижу живые, прекрасные глаза цвѣта незабудки, изящный ротикъ, похожій на розовый бутонъ, и т. д.» (рис. см. на 659 стр.). А сколько комизма въ этой сценѣ между важнымъ пасторомъ и молодымъ викаріемъ, которую художникъ назвалъ «Настоящее смиреніе»! Очень интересна также его карикатура, озаглавленная «Успѣхи месмеризма», «Вотъ такъ влопался» (Cultchah) и «Ясно само собой». Послѣдняя его карикатура «Двѣ стороны вопроса» помѣщена въ «Пёнчѣ» въ 1896 г.

Несмотря на успѣхъ и на выдающійся талантъ, дю-Морьэ никогда не былъ самоувѣреннымъ и не цѣнилъ себя слишкомъ высоко; лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить его письмо, гдѣ, разбирая талантъ такого художника, какъ Личъ, и, сравнивая себя съ нимъ, онъ въ концѣ письма нарисовалъ мертваго льва съ надписью: «Умершій Личъ» и осла, подъ которымъ подписалъ: «А это—я.»

Замѣстителемъ дю-Морье въ «Пёнчѣ» считается Бернаръ Пэтриджъ, очень изящный рисовальщикъ и прекрасно изучившій нравы лондонскаго общества. Его первая карикатура была помѣщена въ «Пёнчѣ» въ 1894 году и имѣла огромный успѣхъ, она была перепечатана во многихъ иллюстрированныхъ журналахъ и даже воспроизведена въ краскахъ. Еще нѣсколько художниковъ-сотрудниковъ «Пёнча» пользуются большимъ успѣхомъ и популярностью, между ними особенно выдѣляются: Ридъ, Сэмбурнъ, Гарри Фурнисъ, Артуръ Гопкинсъ.

Первый изъ нихъ, очень еще молодой художникъ, избралъ своей спеціальностью, такъ называемыя, «парламентскія карикатуры». Его родители вначалѣ предназначали его къ профессіи адвоката; онъ получилъ блестящее образованіе, много путешествовалъ, появлялся даже въ залѣ суда въ качествѣ защитника, но внезапно все бросилъ, чтобы вполнѣ предаться своей любви къ искусству. Двадцатидвухлѣтній Ридъ поступилъ въ ученики къ художнику Кальдерону, а затѣмъ и къ Бёрнъ Джонсу. Съ 1889 года онъ началъ сотрудничать въ

Digitized by Google

«Пёнчѣ». Первыя его карикатуры были нарисованы въ залѣ суда: напыщенные адвокаты въ парикахъ и мантіяхъ, а также всѣ самодовольныя свѣтила судебнаго міра служили ему моделями для нихъ. Карикатуры на общественные нравы и общественныя явленія, впрочемъ, не въ его духѣ. Онъ любитъ, по преимуществу, рисовать, такъ называемые, эксцентричные сюжеты. Одна изъ его удачныхъ карикатуръ въ этомъ родѣ представляетъ скелетъ велосипедиста: ужасная фигура съ согнутымъ спиннымъ хребтомъ, худыми руками, съ сильно развитыми ногами, она сидитъ на велосипедѣ и надъ ней надпись: «Предостереженіе велосипедистамъ». Не менѣе комична и другая карикатура, озаглавленная: «Страшная судьба циклистовъ.» Большимъ успѣхомъ пользуются его доисторическія карикатуры. Онъ совершенно случайно и скорѣе ради шутки нарисовалъ лондонскій кэбъ, который будто бы былъ найденъ вмѣстѣ съ возницей при какихъ-то раскопкахъ въ окрестностяхъ Лондона. Шутка эта такъ понравилась всѣмъ и имѣла такой успѣхъ, что Ридъ принялся изображать всевозможныя (конечно, предполагаемыя) до-историческія происшествія, напримѣръ: «Засѣданіе доисторическаго парламента», причемъ онъ, нарядивъ членовъ парламента въ звѣриныя шкуры, придалъ имъ почти портретное сходство съ выдающимися парламентскими дѣятелями. На другой карикатурѣ, озаглавленной: «Первобытный билліардъ», пещерные обитатели въ звѣриныхъ шкурахъ, вооруженные огромными палицами вмѣсто кіевъ, катаютъ шары-черепа по гладкой поверхности огромнаго камня. Не менѣе интересны его: «Доисторическій обѣдъ членовъ редакціи «Пёнча», «Доисторическая пантомима», «Доисторическій велосипедистъ-центавръ» и «Сегодня нельзя купаться», такъ какъ со дна моря поднялись на его поверхность всѣ допотопныя морскія чудовища. Ридъ, одаренный богатой фантазіей и юморомъ, отличается также большой наблюдательностью и замѣчательной способностью схватывать сходство, что особенно замѣтно въ его парламентскихъ типахъ. Разные вопросы иностранной политики его также интересуютъ, хотя онъ къ нимъ относится очень своеобразно. Изъ числа такихъ политическихъ или военныхъ карикатуръ лучшими считаются: «Утро передъ сраженіемъ при Ватерлоо или pendant къ нему въ Южной Африкѣ»—карикатура на войну буровъ съ англичанами, «Послѣдній образчикъ французскаго ума»,—предполагаемый эпизодъ англо-бурской войны, основанный на сообщеніяхъ французской прессы и «Доисторическая мирная конференція».

Успѣхи месмеризма.

Роковая месмерическая дуэль въ Булонскомъ лѣсу между шевалье Ленуаръ изъ Парижа и профессоромъ Шварцемъ изъ Берлина.

(Рис. дю-Морье).

Двѣ стороны вопроса.

Онъ.—О, Флора, согласитесь, чтобы мы стали мужемъ и женой; вы, наконецъ понимаете меня; вы—единственная женщина, способная понимать меня.

Она.—О, да, я достаточно хорошо понимаю васъ, сэръ Альджернонъ, но вотъ вопросъ: способны ли вы понимать меня?

(Рис. дю-Морье).

Линлей Сэмбурнъ — также одинъ изъ многолѣтнихъ сотрудниковъ «Пёнча»; въ продолженіе тридцати лѣтъ его карикатуры появляются на страницахъ этого

Digitized by Google

журнала. Главная отличительная черта его произведеній — строгій, законченный рисунокъ, даже нѣсколько холодный, но правдивый и изящный. Одна изъ лучшихъ его карикатуръ: «Мистеръ Пёнчъ благодаритъ всѣхъ, въ особенности публику и прессу, въ день своего 50-ти-лѣтняго юбилея». Его военныя карикатуры также интересны, напримѣръ: «Кошка-Крюгеръ» и много другихъ.

Гарри Фурнисъ — прежде всего реалистъ и прекрасный рисовальщикъ. Его можно назвать врожденнымъ карикатуристомъ, онъ еще въ школѣ находилъ время издавать, писать и иллюстрировать цѣлый сатирическій журналъ «Школьный Пёнчъ». Окончивъ школу, онъ принялся рисовать карикатуры, но, узнавъ, что большинство художниковъ-рисовальщиковъ сами гравируютъ свои произведенія, онъ рѣшилъ поступить въ ученики къ граверу за возможно дешевую плату, такъ какъ онъ въ то время былъ совсѣмъ безъ средствъ. Граверъ предложилъ его учить даромъ, если онъ согласится присматривать за его мастерской; такимъ образомъ, юный художникъ (ему едва минуло двадцать лѣтъ) исполнялъ днемъ роль приказчика, а вечеромъ въ свободные часы прилежно и неутомимо занимался гравированіемъ. Изучивъ эту отрасль искусства, онъ опять принялся за карикатуры. Одинъ изъ издателей «Пёнча» Томъ Тайлоръ, увидавъ его интересные наброски изъ Дублина, предложилъ ему отправиться на западъ Ирландіи и зарисовать тамъ характерные типы. Но въ это время отецъ художника внезапно ослѣпъ, и ему пришлось заботиться не только о себѣ, но и объ отцѣ. Пріѣхавъ совсѣмъ безъ денегъ въ Лондонъ, онъ сталъ искать работы, и ему посчастливилось найти ее очень скоро. Журналъ «Illustrated London News» заказалъ ему изобразить въ юмористическомъ духѣ состязанія двухъ университетовъ въ крокетѣ. Между тѣмъ во многихъ мѣстностяхъ, населенныхъ рудокопами, начался голодъ, и Фурнисъ былъ посланъ въ «Черную Страну» изображать эти бѣдствія. Но рисунки, сдѣланные имъ тамъ, никогда не появились въ печати: всѣ ужасы голода были имъ изображены съ такой реальностью, что вселяли ужасъ въ тѣхъ, кто только видѣлъ эти наброски, а самъ художникъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Люди умирали десятками въ жилищахъ, лишенныхъ даже самой необходимой утвари и мебели; дѣти съ плачемъ рылись въ пустыхъ шкафахъ, обращались затѣмъ ко мнѣ съ мольбой о коркѣ хлѣба, и мой карандашъ отказывался изображать что-либо другое.» Издатели «Пёнча» предложили ему рисовать парламентскіе типы, и онъ достигъ въ этомъ большого совершенства. Его типы полны жизни, малѣйшія характерныя черты подмѣчаются имъ, оттѣняются и даже слегка утрируются, но при этомъ не утрачиваютъ портретнаго сходства. У этого художника есть совершенно особенная спеціальность: онъ мастерски подражаетъ манерѣ художниковъ-современниковъ, прибавляя въ своихъ подражаніяхъ извѣстную дозу юмора. Онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ былъ почти исключительно занятъ этимъ и нарисовалъ 87 отдѣльныхъ подражаній-карикатуръ. Онъ работалъ съ такимъ жаромъ и рвеніемъ въ постоянныхъ поискахъ за новыми подражаніями, причемъ, часто недовольный своими результатами, передѣлывалъ все вновь, что дошелъ до того, что принужденъ былъ оставить эту работу изъ опасеній разстроить окончательно свои, и безъ того расшатанные, нервы. Главная цѣль его труда была доказать Академіи ея пристрастное отношеніе къ начинающимъ художникамъ и снисхожденіе къ рутиннымъ, плохимъ и ничтожнымъ произведеніямъ ея членовъ. Затѣмъ онъ принялся изучать и изображать выраженія, мимику, жесты и движенія ораторовъ въ парламентѣ, и онъ не только зарисовывалъ это, но мастерски изображалъ самъ въ лицахъ всевозможные ораторскіе пріемы, такъ что всѣ друзья его говорили, что, не будь онъ талантливымъ художникомъ, онъ бы могъ быть великимъ актеромъ. Бирмингамскій институтъ предложилъ ему за вознагражденіе прочесть рядъ лекцій о мимикѣ. Въ продолженіе двухъ сезоновъ онъ во многихъ мѣстностяхъ Англіи читалъ свои лекціи, но, убѣдившись, что институтъ выручаетъ громадныя деньги за его чтенія, платя ему ничтожную сумму, рѣшилъ продолжать свои турнэ самостоятельно, не называя больше своихъ чтеній лекціями, а «развлеченіями или разсказами о парламентскомъ юморѣ». Успѣхъ былъ огромный, и первое же турнэ принесло ему 2000 фунтовъ стерлинговъ (около 20000 р.) чистой прибыли.

Артуръ Гопкинсъ извѣстенъ публикѣ главнымъ образомъ какъ сотрудникъ «Пёнча». Но онъ, кромѣ того, исполнилъ множество иллюстрацій для «Graphic» и «Illustrated London News». Родился онъ въ 1848 году,

Digitized by Google

Двусмысленно.

Онъ.—Пріобрѣли ли вы что-нибудь сегодня ночью, лэди Годива?

Лэди.—Немного, должна сознаться.

(Рис. дю-Морьэ).

получилъ общее образованіе въ Lancing College и въ продолженіе пяти лѣтъ служилъ въ одной изъ конторъ Сити. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день онъ бросилъ это занятіе для художественной карьеры. Онъ—одинъ изъ немногихъ художниковъ, спеціализировавшихся какъ художники-иллюстраторы, пишетъ также и масляными красками и акварелью. Онъ ежегодно выставляетъ свои картины въ Королевской Академіи и въ Обществѣ Акварелистовъ. Гопкинсъ въ началѣ своей художественной карьеры очень много иллюстрировалъ также и книгъ, но главнымъ образомъ первые его годы были посвящены иллюстраціямъ для прессы, т. е. изображеніямъ событій текущей жизни, можно даже сказать, текущихъ часовъ. Но теперь онъ почти совсѣмъ отказался отъ такой, по его словамъ, страшно утомительной и напряженной работы. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Я твердо рѣшился не тратить больше моихъ силъ и жизненной энергіи на эту особую отрасль искусства «blanc et noir», которая отняла у меня столько времени въ теченіе почти двадцати лѣтъ и которую можно только сравнить съ работой несчастныхъ репортеровъ. Просто нельзя себѣ представить, до чего это утомительная работа. Присылаютъ вамъ замѣтку или депешу съ инструкціями: отправиться въ такой-то городъ или деревню и зарисовать какое-нибудь торжество или происшествіе, напримѣръ, королевскую свадьбу, торжественный пріемъ гостей, городской балъ, пожаръ или несчастіе на фабрикѣ и т. п. Надо все это воспринять, обдумать, какимъ образомъ трактовать данный случай, затѣмъ надо запечатлѣть въ своей памяти множество деталей и затѣмъ нарисовать рисунокъ въ страницу или двойную страницу въ день, много два, и при этомъ постоянно имѣть въ виду, что, какъ бы ни была трудна и сложна задача, рисунокъ долженъ непремѣнно быть сданъ къ извѣстному сроку, и сколько разъ послѣ трудового дня приходится сидѣть половину ночи, часто и всю ночь за рисункомъ. Теперь же я рисую только для «Пёнча» и исключительно тогда, когда чувствую желаніе рисовать и когда я нахожу интересный и подходящій сюжетъ.» Гопкинсъ вначалѣ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Дю-Морьэ, который руководилъ имъ и давалъ ему совѣты въ первые годы его художественной дѣятельности.

Въ наши дни, когда всѣ художники, а въ особенности всѣ рисовальщики очень спеціализируются, рѣдко можно встрѣтить такого разнообразнаго и многосторонняго рисо-

Мистеръ Пёнчъ благодаритъ всѣхъ въ день своего 50-лѣтняго юбилея.

(Рис. Сэмбурна).

Digitized by Google

вальщика, какъ Гопкинсъ. Несмотря на его выдающійся талантъ и успѣхи, онъ—въ высшей степени скромный художникъ, обладающій большой дозой остроумія и очень тонкой наблюдательностью, чѣмъ особенно отличаются его рисунки въ «Пёнчѣ».

Выше было замѣчено, что «Пёнчъ» обвиняется многими въ томъ, что англійскіе карикатуристы какъ бы утратили свой прежній, хотя подчасъ и не совсѣмъ приличный, но здоровый и неподдѣльный, юморъ. Ихотя на страницахъ этого журнала встрѣчаются карикатуры полныя остроумія, шутливости и веселости, но онѣ какъ бы утратили свою чисто-англійскую оригинальность. Одинъ изъ извѣстныхъ критиковъ, разбирая причины такого явленія, довольно мѣтко выразился, что оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ журналъ «Пёнчъ» есть прежде всего журналъ для джентельмэновъ, его читаютъ джентельмэны, издаютъ и печатаютъ джентельмэны, а потому «Пёнчъ» и требуетъ отъ своихъ сотрудниковъ только такихъ карикатуръ, которыя можно показывать въ любомъ салонѣ, дать въ руки любой лэди, не опасаясь оскорбить ея щепетильность слишкомъ рѣзкимъ и тривіальнымъ смѣхомъ.

Кромѣ «Пёнча» въ Англіи издаются еще юмористическіе журналы, но они не имѣютъ ни такого значенія, какъ этотъ послѣдній, ни такихъ талантливыхъ сотрудниковъ: это «Judy» и «Ally Sloper». Изъ числа художниковъ-карикатуристовъ, работающихъ въ другихъ юмористическихъ журналахъ, выдѣляются Дедлей-Гэрди и Лисли Уардъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Spy (Соглядатай). Гэрди — карикатуристъ нравовъ и по преимуществу уличныхъ типовъ и сценъ. Это—очень серіозный художникъ, изучавшій живопись въ Дюссельдорфѣ и Антверпенѣ. Поселившись затѣмъ въ Лондонѣ, онъ, едва достигши 20 лѣтъ, написалъ картину ночныхъ уличныхъ нравовъ «Sans asile» (безпріютные). Это произведеніе имѣло огромный успѣхъ на выставкѣ въ Лондонской Королевской Академіи. Юный художникъ, обрадованный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, рѣшилъ избрать своей спеціальностью изображеніе уличной жизни. Онъ обладаетъ сильнымъ воображеніемъ и замѣчательной способностью воспринимать видѣнное и запечатлѣвать его въ своемъ мозгу. Ходя по улицамъ, онъ наблюдаетъ, а дома работаетъ безъ натуры, прямо изъ головы, нуждаясь въ модели только для провѣрки движеній и костюмовъ. Онъ самъ разсказываетъ про себя, что рисовалъ эскизы изъ Судана для журнала «Живописный Свѣтъ», не выѣзжая за предѣлы своего родного города, а вдохновляясь только описаніями путешествій по этой странѣ. Всѣ его карикатуры отличаются выразительностью, его сравниваютъ съ французскимъ карикатуристомъ Вилетъ.

Къ числу юмористовъ-иллюстраторовъ слѣдуетъ причислить такихъ выдающихся художниковъ, какъ Кельдэкотъ и Вальтеръ Кранъ, издавшихъ много альбомовъ, иллюстрированныхъ изданій и особенно дѣтскихъ книгъ. Въ произведеніяхъ этихъ двухъ художниковъ можно найти въ болѣе смягченномъ видѣ родственныя черты талантовъ Ровлэндсона и Жильрэя. Самъ Вальтэръ Кранъ дѣлитъ свою дѣятельность иллюстратора и свои произведенія на три категоріи: дѣтскія книги, декоративные мотивы и альбомы. Рисунки и виньетки дѣтскихъ книгъ нарисованы въ британскомъ духѣ, въ альбомахъ же сильно чувствуется вліяніе италіанскихъ художниковъ, въ особенности Ботичелли, хотя колоритъ чисто англійскій. Лучшіе изъ этихъ альбомовъ озаглавлены: «Праздникъ Флоры» и «Королева лѣта»; они замѣчательны по изяществу и какой-то особенно нѣжной прелести, навѣянной италіанскими мастерами. Рисунки Кельдэкота болѣе жизненны и реальны. Несмотря на его любовь къ изображенію своихъ героевъ въ костюмахъ прошлаго вѣка или настоящаго, онъ, тѣмъ не менѣе, изображаетъ въ своихъ рисункахъ современную жизнь, подсмѣивается надъ современными явленіями, даетъ правдивыя изображенія англійской деревенской жизни, сценъ и мѣстностей. Кельдэкотъ — безподобный рисовальщикъ, онъ въ простыхъ карандашныхъ рисункахъ передаетъ мастерски переходъ отъ свѣта къ тѣнямъ, его горизонты удаляются и расширяются, и среди безконечныхъ перспективъ полей и дорогъ люди и животныя какъ бы движутся и живутъ, окруженные воздухомъ. Сколько тонкаго юмора, беззаботнаго веселья въ сценахъ изъ его альбома «Три веселыхъ охотника» или въ другомъ, озаглавленномъ: «Лягушка, желающая выйти замужъ»! Какое комическое добродушіе въ типахъ, изображенныхъ въ «Домѣ, построенномъ Джекомъ», «Работникъ на фермѣ» и т. д. Слѣдуетъ еще упомянуть о Кэтъ Грэневэй: ея иллюстраціи къ дѣтскимъ книжкамъ и альбомы для дѣтей имѣютъ большой успѣхъ не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ.

Digitized by Google

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

На современныя темы.

Изъ прошлаго.

Литературныя новости.

Художественныя новости.

Научная хроника.

Изъ иностранной журналистики.

Между прочимъ

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ЗАГРАНИЧНОЙ ХРОНИКИ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

О государственномъ бюджетѣ Франціи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Герцогиня де-Берри.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Къ юбилейному чествованію Сенкевича.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Національная архитектура Соединенныхъ Штатовъ.—Изъ записной книжки служителя при Мюнхенской выставкѣ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Послѣднее усовершенствованіе въ телеграфномъ дѣлѣ.

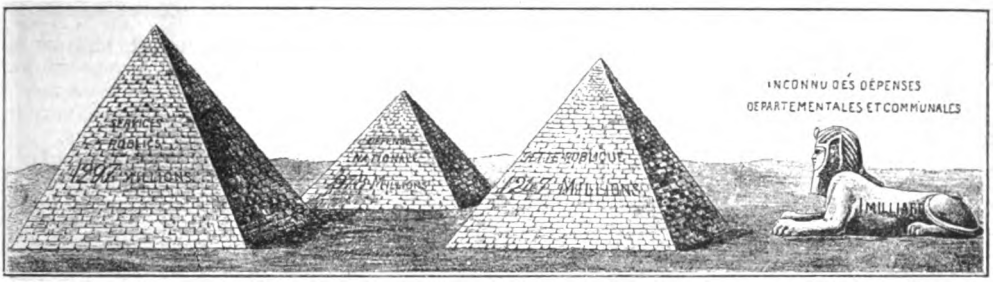
ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Леониды.

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ.

«Впервые на русскомъ языкѣ».

Digitized by Google



Три пирамиды бюджета.

Государственные расходы подраздѣляются на три приблизительно равныя громады: расходы по государственнымъ долгамъ и займамъ, по національной оборонѣ и по управленію. Внѣ бюджета виднѣется таинственное чудовище, сфинксъ департаментскихъ и общественныхъ расходовъ, которые можно опредѣлить въ одинъ милліардъ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

О государственномъ бюджетѣ Франціи.

Еще Кольберъ, знаменитый министръ Людовика IV, указалъ на «необходимость упрощенія финансоваго дѣла настолько, чтобы оно было доступно пониманію всѣхъ, ибо чѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ легче его постигнуть.» Вопросы государственнаго бюджета представляютъ громадный интересъ не только для спеціалистовъ финансовой науки и практики, не только для государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и капиталистовъ, но и для всякаго гражданина, какимъ бы маленькимъ человѣкомъ по своему матеріальному и общественному положенію онъ ни былъ. Государственная смѣта составляется изъ поступленій въ казну и сборовъ, которыми облагается весь народъ; она оперируетъ деньгами, въ которыхъ участвуетъ лепта каждаго изъ насъ; она всѣхъ насъ, что называется, бьетъ по карману и, во всякомъ случаѣ, отражается на нашемъ карманѣ,—а потому представленіе о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, ихъ источникѣ, ростѣ, измѣненіяхъ, распредѣленіи и назначеніи—не только предметъ досужаго любопытства и любознательности мыслящаго человѣка, но и насущная для него практическая потребность, особенно ощущаемая въ государствахъ съ представительной формой правленія, гдѣ каждый гражданинъ своимъ участіемъ въ выборахъ законодателей оказываетъ извѣстное вліяніе на политику своей страны.

Государственный бюджетъ по природѣ своей существенно отличается отъ бюджета частнаго лица, съ которымъ его часто ошибочно сравниваютъ, примѣняя къ обоимъ одну и ту же мѣрку, одни и тѣ же начала. Частное лицо обязано относительно своего бюджета руководствоваться правиломъ: «По одежкѣ протягивай ножки!» и въ своихъ расходахъ должно сообразоваться со своими платежными средствами. Не то — государство, выполняющее историческія и національныя задачи сплачиваемаго имъ народа или общежитія: оно прежде всего должно имѣть въ виду предназначенныя ему цѣли и задачи, для осуществленія которыхъ оно и производитъ расходы; размѣромъ этихъ необходимыхъ расходовъ и опредѣляются государственные доходы; источникомъ же послѣднихъ служитъ, главнымъ образомъ, не собственный карманъ государства, а карманъ его подданныхъ, обязанныхъ доставлять ему средства на покрытіе расходовъ, производимыхъ правительственною властью на всеобщую пользу. Такимъ образомъ, главнымъ вопросомъ въ государственномъ бюджетѣ является смѣта расходовъ: чѣмъ она больше, тѣмъ больше должна быть смѣта доходовъ, и, наоборотъ, гдѣ нѣтъ необходимости въ расходѣ, тамъ и доходъ долженъ быть соотвѣтственно уменьшенъ.

Чтобы получить представленіе о доходахъ и расходахъ современнаго государства, взглянемъ на картину государственнаго бюджета одной изъ богатѣйшихъ европейскихъ странъ—Франціи.

Государственные расходы этой страны

Digitized by Google

подраздѣляются на три приблизительно равныя массы. Эти массы представляютъ собою настоящія громады. Ихъ можно было бы назвать пирамидами бюджета. Первая изъ нихъ—расходы по т. н. государственному долгу, равняющемуся 1247 милліонамъ франковъ. Эту сумму Франціи приходится ежегодно уплачивать въ видѣ процентовъ по сдѣланнымъ ею займамъ, а также въ видѣ содержанія лицамъ, выслужившимъ себѣ пенсію на государственной службѣ. Вторая пирамида—расходы по національной оборонѣ: военное и морское министерство, поглощающія въ годъ 978 милліоновъ. Къ этой суммѣ расходовъ на національную оборону слѣдуетъ, собственно говоря, прибавить изъ пирамиды государственнаго долга 155 милліоновъ, уплачиваемыхъ въ видѣ пенсій отставнымъ военно-служащимъ, такъ что расходы по защитѣ страны должны опредѣлиться въ одинъ милліардъ сто тридцать три милліона. Наконецъ, третья пирамида—расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ государственнаго управленія, составляющихъ: 204 милліона министерству народнаго просвѣщенія, 35 милліоновъ—юстиціи, 192 милліона — общественныхъ работъ, 45—земледѣлія, 89—колоній, 194—почтъ и телеграфовъ, 81—по министерству внутреннихъ дѣлъ, 43—исповѣданій, 15—изящныхъ искусствъ и т. д. и т. д., всего-навсего эта пирамида расходовъ составляетъ 1297 милліоновъ, всѣ же три пирамиды—3 милліарда 522 милліона.

* * *

Откуда же государство беретъ средства на покрытіе этихъ гигантскихъ расходовъ?—Изъ кармановъ гражданъ, облегчать которые законодательная власть ему разрѣшаетъ множествомъ различныхъ путей. Государственный организмъ снабженъ громаднымъ количествомъ рукъ, которые на каждомъ шагу ежеминутно протягиваются къ обывателямъ за деньгами. Всѣ поступленія изъ кармановъ въ государственный сундукъ могутъ быть сгруппированы въ пять главныхъ разрядовъ государственныхъ доходовъ.

Во-первыхъ, прямые налоги, числомъ четыре, являющіеся самыми старыми и называемые во Франціи четырьмя стариками: это тѣ налоги, которые сборщики податей взыскиваютъ лично, не посредственно съ каждаго изъ гражданъ. Въ громадномъ государственномъ бюджетѣ въ 3 милліарда 522 милліона они даютъ лишь 478 милліоновъ.

За ними слѣдуютъ косвенные налоги (у насъ т. н. неокладные сборы), которые извлекаются на каждомъ шагу изъ кармановъ обывателей и притомъ почти-что незамѣтнымъ для послѣднихъ образомъ. Каждый глотокъ вина или спиртныхъ напитковъ, каждая сыгранная въ карты партія, каждая подписанная квитанція даютъ государству доходъ, входящій въ составъ денегъ, уплачиваемыхъ за вино, карты и гербовую марку и составляющій въ общемъ итогѣ 647 милліоновъ.

Далѣе пошлины, взыскиваемыя при переходѣ имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія (куплѣ-продажѣ, наслѣдствѣ, дареніи и т. д.), даютъ государству доходъ въ 533 милліона.

Затѣмъ таможенные сборы, которые жителямъ Франціи приходится уплачивать при потребленіи привозныхъ продуктовъ (каковы, напр., зерновой хлѣбъ или сахаръ), въ видѣ довольно значительной дополнительной платы къ цѣнѣ этихъ товаровъ; эти пошлины составляютъ въ теченіе года сумму въ 631 милліонъ.

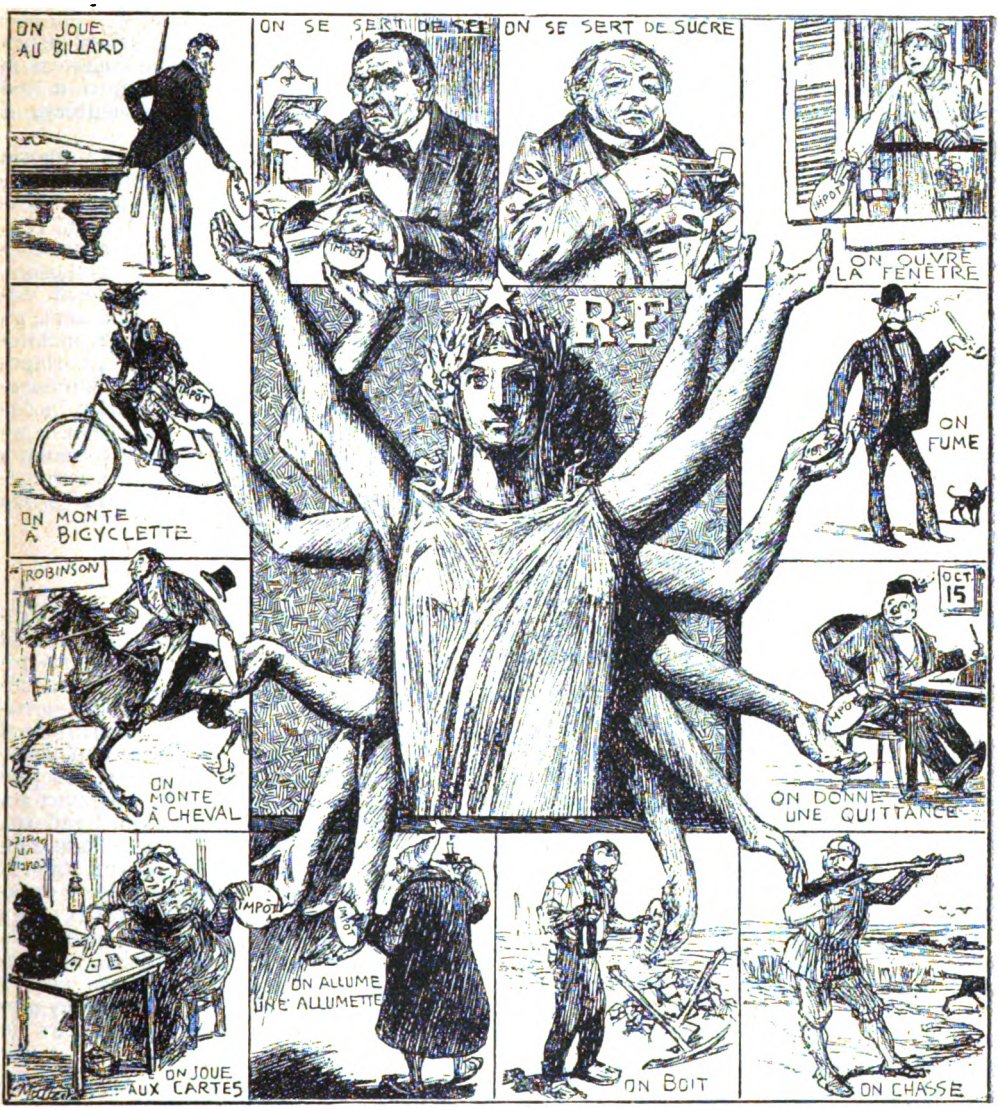
Наконецъ, табачный дымъ, который населеніе Франціи выпускаетъ изъ трубокъ, сигаръ и папиросъ, даетъ государству годового дохода 405 милліоновъ, извлекаемыхъ изъ табачной монополіи, тогда какъ другія монополіи, почта и телеграфъ (232 милліона), телефоны, спички, порохъ прибавляютъ къ государственнымъ сборамъ еще 300 милліоновъ. Если къ этимъ сборамъ прибавить второстепенные, каковы, напр., лѣсной (31 милліонъ) и др., то получается общая сумма доходовъ въ 3 милліарда 522 милліона, поглощаемые государственными расходами

* * *

Таковы въ общихъ чертахъ рубрики расходовъ и доходовъ въ государственномъ бюджетѣ. Но нѣсколько поодаль отъ него, за этими тремя пирамидами бюджета, обрисовывается другая громада, полусокрытая въ туманѣ спеціальныхъ смѣтъ, не показаныхъ въ государственномъ бюджетѣ. Эта громада — расходы департаментовъ и общинъ; размѣръ ея съ перваго раза невозможно въ точности опредѣлить: это таинственное чудовище, финансовый сфинксъ опредѣляемый Эдипами, которымъ удается къ нему подойти, приблизительно въ одинъ милліардъ. Такимъ образомъ, сверхъ трехъ съ половиною милліардовъ государственнаго бюджета, на общественныя нужды изъ кармановъ плательщиковъ податей во Франціи уходитъ еще одинъ милліардъ, взысканіе котораго постановляется не законодательными собраніями (палатой депутатовъ и сенатомъ), а мѣстными, департаментскими и общинными, совѣтами. Взысканіе его производится двумя способами: т. н. добавочными сантимами и сборомъ—октруа.

Добавочнымъ сантимомъ называется сборъ, которымъ генеральные совѣты департаментовъ или общинные совѣты, для полученія средствъ на покрытіе своихъ расходовъ (содержаніе и устройство дорогъ, больницъ, общественнаго призрѣнія и т. д.), облагаютъ плательщиковъ госу-

Digitized by Google



Сторукое государство и плательщикъ податей.

Каждое мгновеніе нашей жизни государство протягиваетъ къ намъ руку, и мы ничего не можемъ начать, не уплативъ ему извѣстной дани: открываемъ, напримѣръ, во Франціи окно, изволь платить сборъ съ дверей и оконъ; закуриваемъ трубку, табачная монополія; выдаемъ квитанцію, гербовая марка; стрѣляемъ изъ ружья, пороховой сборъ; выпиваемъ стаканъ вина, винный акцизъ; зажигаемъ свѣчу, спичечная монополія; играемъ въ карты, такса на игорныя карты; садимся верхомъ на лошадь или на велосипедъ, налогъ на лошадей и велосипеды; играемъ въ билліардъ, такса на билліарды; беремъ щепотку соли или кусокъ сахару, налогъ на соль и таможенная пошлина на сахаръ.

дарственныхъ налоговъ, взыскивая съ каждаго франка платимаго ими налога по одному сантиму въ доходъ департамента или общины. Посантимный сборъ даетъ въ каждомъ административномъ округѣ тѣмъ большій доходъ, чѣмъ больше въ немъ вносится франковъ въ доходъ государственной казны. Относительная доходность посантимнаго сбора, представляющая въ разныхъ общинахъ весьма большія варіаціи, обусловливаемыя различной величиной государственныхъ

Digitized by Google

сборовъ, есть то, что технически называется доходность сантима (la valeur du centime).

Добавочный сантимъ можно уподобить соусу, въ которомъ подается рыба—главные налоги: если этихъ сантимовъ одинъ или два, блюдо еще, куда ни шло, не очень дорогое; но если добавочныхъ сантимовъ, какъ въ нѣкоторыхъ общинахъ, цѣлая сотня, то цѣна рыбы удваивается, такъ какъ на франкъ государственныхъ приходится платить добавочный франкъ департаментскихъ или коммунальныхъ налоговъ.

Доходъ, получаемый отъ добавочныхъ сантимовъ, составляетъ приблизительно 390 милліоновъ въ пользу общинъ и 183 милліона въ пользу департаментовъ, а всего около 600 милліоновъ.

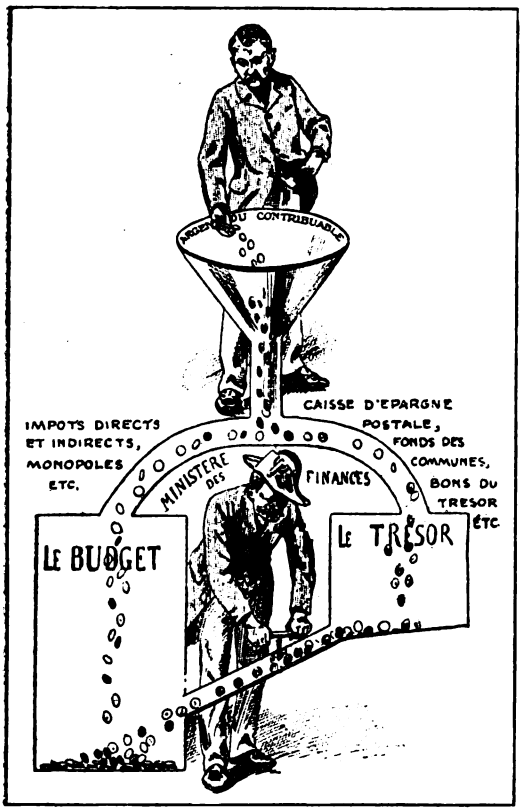
Но, не довольствуясь этимъ, многіе города взимаютъ пошлины за пропускъ въ нихъ извѣстнаго рода съѣстныхъ припасовъ, винъ и т. д., т. н. октруа. Населеніе Франціи уплачиваетъ этихъ пошлинъ 160 милліоновъ, кромѣ Парижа, муниципальный совѣтъ котораго въ годъ взимаетъ, въ видѣ налоговъ и октруа, 328 милліоновъ. Всѣ эти сборы (октруа Парижа—328 милліоновъ и провинціальныхъ городовъ—160 милліоновъ, добавочные сантимы общинъ—(390 м.) и департаментовъ—(183 милл.) составятъ кругленькую цифру департаментскаго и коммунальнаго бюджета свыше одного милліарда.

* * *

Такимъ образомъ, въ доходъ государства французамъ приходится вносить 3½ милліарда, да, сверхъ того, въ доходъ департаментовъ и общинъ свыше милліарда, всего четыре съ половиною милліарда. Изъ этой громадной суммы слѣдуетъ, впрочемъ, вычесть 500 милліоновъ, въ которые оцѣнивается стоимость продуктовъ государственной монополіи (табакъ, спички, порохъ), а также оказываемыхъ государствомъ услугъ (почта и телеграфъ), которыя населеніе страны получаетъ взамѣнъ вносимыхъ имъ въ государственную казну денегъ. Въ конечномъ итогѣ, стало быть, населеніе Франціи уплачиваетъ изъ своего кармана на покрытіе обще-государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ до 4 милліардовъ.

* * *

Такихъ грандіозныхъ размѣровъ бюджетъ Франціи раньше, конечно, не достигалъ. Въ 1789 году онъ составлялъ 531 милліонъ франковъ; къ концу Первой имперіи, въ 1815 году онъ достигъ 931 милліона, почти одного милліарда. При экономномъ королѣ Луи-Филиппѣ онъ уже перевалилъ черезъ первый милліардъ. Въ 1847 г., напр., населенію приходилось уплачивать окладной листъ въ 1629 милліоновъ, и надо было уже напяливать очки, чтобы разобраться въ несмѣтной арміи его цифръ. Но это еще были цвѣточки: ягодки были впереди. Во время Второй имперіи страна была охвачена водоворотомъ тратъ и расходовъ: это было время строительной



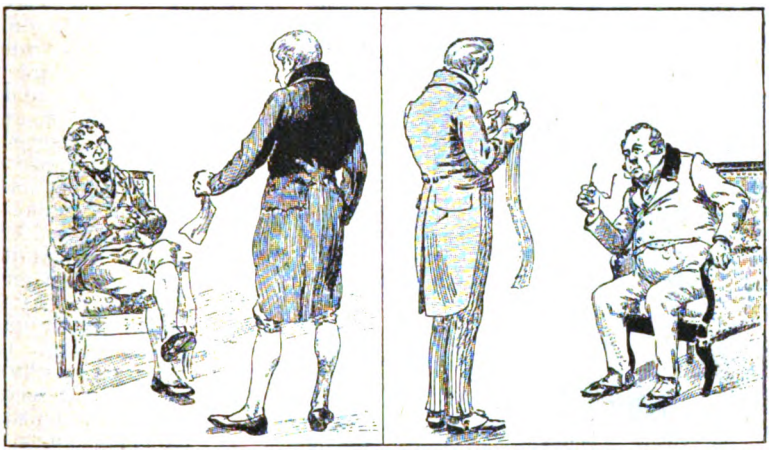
Бюджетъ и казначейство.

Копѣйки и рубли (сантимы и франки) французскихъ гражданъ питаютъ какъ фондъ казначейства, такъ и бюджетъ Франціи. Въ то время какъ часть обывательскихъ денегъ поступаетъ въ бюджетъ черезъ каналъ налоговъ, монополіи и т. д., другая часть ихъ поступаетъ въ казначейство каналомъ фондовъ общинъ и общественныхъ установленій, сберегательныхъ кассъ, текущихъ счетовъ кассы вкладовъ и сбереженій, билетовъ казначейства м т. д. Стало быть, когда казначейство выдаетъ авансомъ какую-либо сумму на основаніи государственнаго бюджета, это все равно, что плательщикъ податей авансируетъ эту сумму самому себѣ.

Digitized by Google

горячки и увлеченія общественными работами. Весь Парижъ перестраивался, сносились цѣлые кварталы и старинныя, тѣсныя улицы, на мѣстѣ которыхъ прокладывались роскошные бульвары и avenues. Все это поглощало массу милліоновъ и всѣ въ недоумѣніи спрашивали себя: «Можно ли идти дальше въ этихъ сооруженіяхъ и тратахъ? Что же останется дѣлать нашимъ дѣтямъ?»—Расплачиваться за таковыя, какъ оказалось впослѣдствіи. Подъ конецъ имперіи, въ 1869 г. бюджетъ доходилъ до 2 милліардовъ 209 милліоновъ. Когда, послѣ франко-прусской войны, населенію въ 1874 году предъявили бюджетъ въ 2 милліарда 877 милліоновъ, оставалось лишь ахнуть и вскочить въ изумленіи. Но дѣлать было нечего: надо было платить, чтобы покрыть военные расходы, контрибуцію и т. д. Съ ихъ погашеніемъ надѣялись было на постепенное сокращеніе государственнаго бюджета. Но ничуть не бывало! Послѣ окончательнаго торжества республики, онъ

1815 г. 1847 г.



1874 г. 1900 г.

Листъ государственнаго бюджета: въ 1815, 1847, 1874 и 1900 гг.

Въ 1815 году бюджетъ, предъявленный плательщику податей, равнялся 931 миліону. Въ 1847 году длина его листа увеличилась до 1629 милліоновъ. Въ 1874 году онъ достигъ чудовищной длины: 2 милліарда 877 милліоновъ. Въ 1900 длина его безконечна: 3 милліарда 522 милліона.

Digitized by Google

Лѣстница бюджета. Доходъ отъ различныхъ налоговъ.

Плательщикъ податей каждаго разряда и типа съ трудомъ подымается по лѣстницѣ бюджета, принося государству тяжелый грузъ податей, которыми онъ обложенъ. Мы видимъ въ постепенномъ слѣдованіи наслѣдниковъ или покупщиковъ имѣній, приносящихъ въ доходъ гербоваго, явочнаго и крѣпостныхъ пошлинъ казначейства 533 милліона, гражданъ всѣхъ разрядовъ, вносящихъ вверхъ 478 милліоновъ прямыми налогами, потребителей, вносящихъ таможенной пошлины 450 милліоновъ, курильщиковъ—405 милліоновъ, виноторговцевъ—647 милліоновъ, косвенныхъ налоговъ, бакалейщиковъ—181 милліонъ, сахарнаго акциза, почты и телеграфовъ—232 милліона почтовой регаліи.

побѣды республиканской партіи 16 мая, началась полоса чисто демократическихъ реформъ, пошли снова крупныя общественныя работы, сооруженіе школъ, реорганизація арміи и т. д. Все это потребовало чудовищныхъ затратъ, и вотъ въ 1883 году нормальный бюджетъ Франціи вмѣстѣ съ экстраординарной смѣтой достигъ небывалой цифры 3 милліардовъ 842 милліоновъ. Это былъ кульминаціонный пунктъ государственныхъ расходовъ. Въ настоящее время расточительная горячка въ бюджетѣ нѣсколько улеглась, и государственные расходы понизились, какъ выше было указано, до $3^1/_2$ милліардовъ. А все-таки какая чудовищная сумма! Да къ ней еще изволь прибавить милліардъ департаментскихъ и коммунальныхъ налоговъ! Есть надъ чѣмъ серіозно призадуматься: долго ли выдержатъ платежныя силы страны такое гигантское бремя расходовъ, и не поведетъ ли оно къ ея окончательному разоренію?

* * *

На вопросъ этотъ пессимисты, которыхъ во Франціи обширный лагерь, отвѣчаютъ утвердительно: Мы разорены, кричатъ они, мы на краю банкротства. Финансовые оптимисты отвѣчаютъ имъ: Никогда финансы Франціи не находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь, и долги ея съ каждымъ днемъ все больше погашаются. Чтобы разобраться, кто въ этомъ вопросѣ ближе къ истинѣ, пессимисты или оптимисты, недостаточно однѣхъ цифровыхъ выкладокъ и безконечнаго ряда таблицъ, которыми тѣ и другіе васъ закидываютъ,—необходимо оглянуться кругомъ да около и здравымъ смысломъ взвѣсить простые, реальные факты. Если взглянуть на народное хозяйство Франціи, то взору представляется картина, весьма далекая отъ національнаго разоренія. Ни одна страна не уплачиваетъ такъ легко и своевременно

Digitized by Google

налоги, какъ Франція. Въ 1888 году смѣта прямыхъ налоговъ составляла 817 милліоновъ, а къ 1-му января 1889 года недоимокъ въ этой суммѣ оставалось всего какихъ-нибудь 17 милліоновъ, т.-е. одна сорокъ восьмая часть, которая въ значительной степени была не своевременно внесена не по неимѣнію у населенія платежныхъ средствъ, а по привычкѣ его уплачивать хотя бы позже, но зато сразу весь налогъ. Гдѣ населеніе такъ скоро и легко уплачиваетъ налоги, тамъ о разореніи его и изнемоганіи подъ ихъ тяжестью, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Если бы народъ дѣйствительно изнемогалъ подъ бременемъ налоговъ и повинностей, то откуда бы брались у него деньги на громадное потребленіе предметовъ не первой необходимости, а скорѣе роскоши (громадные доходы государства отъ акциза, табачной монополіи и т. д.); если бы у него не оставалось сбереженій, то на что бы покупалъ онъ такую массу процентныхъ бумагъ и многократно покрывалъ выпускаемые государствомъ и даже отдѣльными городами займы? Повидимому, французскому народу еще очень далеко до финансоваго истощенія.

Лѣстница бюджета. Расходы по содержанію разныхъ вѣдомствъ.

Вотъ представители различныхъ вѣдомствъ государственнаго управленія или кредиторы государства, весело спускающіеся по лѣстницѣ бюджета, получивъ то, что каждому изъ нихъ положено. Министерство финансовъ, которому выдается и сумма временныхъ платежей по государственному долгу, получило 1/2 милліарда, военное министерство 663 милліона, министерство юстиціи—35 м. морское—3 5, м. колоній—89, м. почтъ и телеграфовъ—194, м. земледѣлія—45, м. народнаго просвѣщенія—204, м. исповѣданій—43, м. изящныхъ искусствъ—15, м. иностранныхъ дѣлъ—16, м. внутреннихъ дѣлъ—81.

* * *

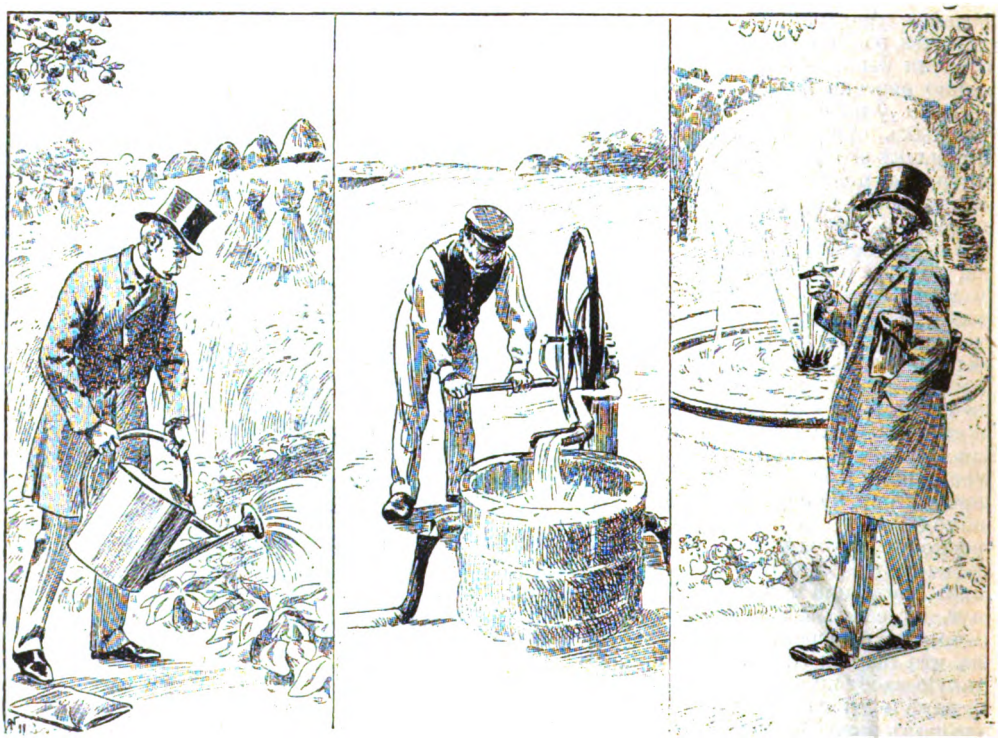
Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что платежныя силы его неистощимы. Населеніе Франціи обложено болѣе тяжелыми налогами, чѣмъ населеніе другихъ странъ. По вычисленію французскаго министра финансовъ Кайо, въ то время какъ англичанинъ платитъ 88, а нѣмецъ — 58, французъ уплачиваетъ своему правительству 95 франковъ налоговъ. Такимъ образомъ, французскому народу приходится удѣлять изъ своихъ средствъ на налоги значительно большую часть, чѣмъ англичанамъ или нѣмцамъ, вмѣсто того чтобы, какъ послѣдніе, помѣщать этотъ излишекъ въ торговлю, промышленность или сельское хозяйство.

На этотъ аргументъ бюджетные оптимисты возражаютъ указаніемъ на то, что дѣло не въ громадной цифрѣ налоговъ, уплачиваемыхъ народомъ, а въ мощномъ

Digitized by Google

ростѣ народнаго богатства. Налоги во Франціи, правда, увеличились вдвое, но зато какъ увеличилось и народное богатство. О ростѣ послѣдняго можно судить по цѣнности состояній, переходящихъ ежегодно по наслѣдству, насколько она отражается на взимаемой казною на слѣдственной пошлинѣ. Оказывается, что цѣнность наслѣдственныхъ имуществъ настолько быстро возрастаетъ, что тяжесть взимаемыхъ за ихъ переходъ наслѣдственныхъ пошлинъ значительно уменьшается. Отсюда ясно, восклицаютъ оптимисты, что, въ виду гигантскаго роста народнаго богатства, платежныя силы населенія значительно прогрессируютъ.

Торжество оптимистовъ, однако, призрачное и достигается лишь благодаря миражу сухихъ цыфръ, въ смыслъ которыхъ они не хотятъ заглянуть. Ростъ наслѣдственныхъ имуществъ выражается лишь въ одной ихъ капитальной цифрѣ, но отнюдь не въ ихъ доходности. Что изъ того, что абсолютная цифра наслѣдственныхъ капиталовъ возросла, когда они теперь даютъ меньше дохода, чѣмъ прежде, когда капиталъ не находитъ себѣ выгоднаго помѣщенія, а процентныя бумаги, его составляющія, конвертированы и приносятъ низшій процентъ, чѣмъ раньше. Богатство какъ частнаго лица, такъ и цѣлой страны, обусловливается не столько размѣромъ капитала, какъ его производительностью и доходностью. Ссылаться на ростъ капитала, какъ на доказательство экономическаго прогресса и возрастающей платежной силы населенія, все равно, что нарядить тщедушнаго рахитика въ костюмъ балаганнаго силача и полагать, что онъ благодаря этому костюму въ состояніи жонглировать сорокапудовыми гирями.



Хорошій министръ финансовъ, плательщикъ податей и плохой министръ финансовъ.

Хорошій министръ финансовъ расходуетъ потребованныя имъ отъ плательщика податей деньги на производительную цѣль, подобно доброму сельскому хозяину, который водою, извлеченною изъ колодца, взращиваетъ новыя жатвы. Плохой министръ тратитъ деньги на непроизводительное употребленіе, подобно помѣщику, пользующемуся водою колодца для устройства бассейновъ и фонтановъ, служащихъ лишь для одного удовольствія.

* * *

Но необходимо еще принять во вниманіе государственные долги. Избавиться отъ нихъ совсѣмъ государства еще не

Digitized by Google

такъ скоро будутъ въ силахъ; большинство даже не въ состояніи ихъ постепенно погашать и рады, когда сводятъ концы съ концами по уплатѣ процентовъ по этимъ долгамъ. Количество государственнаго долга Франціи исчисляется обыкновенно въ 35 милліардовъ, изъ которыхъ 5 милліардовъ относятся къ обязательствамъ, принятымъ на себя государствомъ по выдачѣ пенсій отставнымъ чиновникамъ, остальные же 30 милліардовъ составляютъ сумму государственныхъ займовъ. Объ ужасающемъ размѣрѣ этого долга можно судить по тому, что на уплату процентовъ по нему Франціи приходится ежегодно отчислять одинъ милліардъ т.-е. почти одну треть своего бюджета. Въ виду столь громадной цифры однихъ процентовъ по долгамъ, остается удивляться тому, какъ эта страна до сихъ поръ выдерживаетъ ихъ тяжесть и еще не обанкротилась. Но это только на поверхностный взглядъ непонятно. Если частное лицо должно третью часть своего ежегоднаго дохода отчислять на уплату процентовъ по своимъ долгамъ, его финансовое положеніе крайне печально, такъ какъ значительная часть его дохода непроизводительно уходитъ изъ его кассы въ чужія руки.

Три стадіи прохожденія бюджета: изготовленіе, голосованіе и исполненіе.

1-й періодъ: изысканіе равновѣсія между доходами и расходами.—2-й періодъ: обсужденіе бюджета. Трудно довести корабль съ проектомъ бюджета до гавани (см. стр. 676).—3-й періодъ: исполненіе бюджета (плательщикъ отдаетъ финансовому управленію, которое передаетъ полученное чиновнику).

Не то — государство: уплачивая хотя бы милліоны, въ видѣ ежегодныхъ процентовъ по своимъ долгамъ, Франція ихъ большею частью отдаетъ ихъ не чужому, а своимъ же сынамъ, французамъ, являющимся ея кредиторами, которые возвращаютъ государству часть этихъ платежей, въ видѣ налоговъ и пошлинъ, и милліардъ, ассигнуемый на уплату процентовъ по долгамъ, остается, такимъ образомъ, въ странѣ, а потому банкротства ей еще нечего особенно опасаться.

* * *

Во всякомъ случаѣ, долженъ быть найденъ и положенъ предѣлъ какъ государственнымъ расходамъ, такъ и податному бремени, ложащемуся на страну. Платеж-

Digitized by Google

ныя силы націй не безграничны, и не слѣдуетъ доводить ихъ до полнаго истощенія, чтобы въ чрезвычайныхъ случаяхъ, каковы, напр., война, необходимость предпринятія крупныхъ общественныхъ работъ, государство могло умножить нужныя на то средства повышеніемъ и безъ того тяжелаго податного бремени.

Многіе полагаютъ, что въ упомянутыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ государство всегда найдетъ источникъ средствъ въ томъ, что называется государственнымъ фондомъ или фондомъ государственнаго казначейства. Послѣдній представляютъ себѣ какимъ-то резервуаромъ капиталовъ, изъ котораго государство можетъ черпать, сколько хочетъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Фондъ государственнаго казначейства Франціи не что иное, какъ счетоводственное понятіе. Правда, государство дѣлаетъ заимствованія изъ казначейства, но послѣднее, въ свою очередь, занимаетъ свои фонды у плательщиковъ податей.

Въ концѣ концовъ все, что находится въ казнѣ, поступило изъ обывательскаго кармана. Весь фондъ французскаго казначейства составляетъ то, что оно должно такъ называемый подвижной долгъ, (Dette flottante). Оно должно 302 милліона общинамъ и общественнымъ установленіямъ, 54 милліона генеральнымъ казначеямъ-плательщикамъ (trésoriers-payeurs généraux), 213 сберегательнымъ кассамъ, 97—почтово-сберегательнымъ кассамъ, 77—держателямъ билетовъ казначейства и т. д. и т. д. Въ общемъ казначейство, выдающее государству авансомъ 979 милліоновъ, само состоитъ должнымъ одинъ милліардъ пятнадцать милліоновъ. Такимъ образомъ, выраженіе: «государственная казна Франціи» означаетъ лишь родъ банка, созданнаго государствомъ для своихъ, главнымъ образомъ, цѣлей, изъ котораго оно производитъ заимствованія и подчасъ весьма крупныя.

* * *

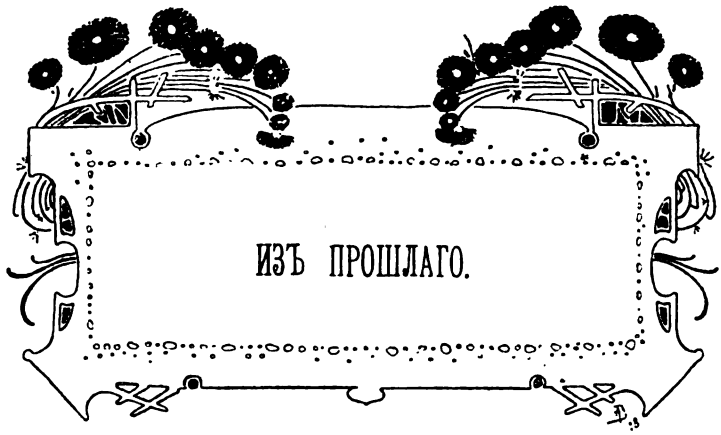
Выводъ, къ которому приводитъ предшествующее изложеніе, тотъ, что на фонды своего казначейства Франціи нечего полагаться, а чтобы не довести платежныхъ силъ страны до предѣльнаго напряженія, государству необходимо остановиться на пути возрастающихъ расходовъ и серіозно взяться за экономію.

По мнѣнію значительнаго большинства французовъ, сокращеніе государственныхъ расходовъ должно быть произведено, главнымъ образомъ, въ той области, которая въ нашей статьѣ обозначена пирамидой расходовъ по различнымъ вѣдомствамъ государственнаго управленія. Отъ мысли о громадной пользѣ для финансовъ и производительныхъ силъ страны въ сокращеніи бюджета національной обороны большинство націи еще очень далеко. Въ бюджетѣ расходовъ по управленію есть множество статей производительныхъ тратъ, но есть также и непроизводительныя, которыя необходимо довести до минимума. Много разъ уже дѣлались во Франціи попытки въ этомъ направленіи, но онѣ постоянно встрѣчали глухое и упорное сопротивленіе со стороны администраціи и чиновничества, прочно водворившагося на положенныхъ государственною рутиною штатахъ и должностныхъ окладахъ, такъ что почти всѣ намѣченныя въ этой сферѣ финансоваго управленія реформы такъ и остаются одними pia desideria. Трудность реформированія и усовершенствованія государственнаго бюджета во Франціи усугубляется обычно-трудною, весьма сложною и медленною процедурой его ежегоднаго утвержденія въ законодательномъ порядкѣ. Насилу составленный, отягченный и еле уравновѣшенный финансовымъ вѣдомствомъ, бюджетъ вносится въ палату депутатовъ. Здѣсь только начинается для него прохожденіе черезъ настоящее чистилище. Французскій министръ финансовъ, домогающійся утвержденія народными представителями предложеннаго имъ бюджета, чрезвычайно напоминаетъ собою лоцмана, которому приходится провести корабль черезъ узкій каналъ, усѣянный утесами, на которыхъ стоятъ субъекты, умудряющіеся швырять въ несчастное судно цѣлыми глыбами скалъ. Онѣ сыплются на него со всѣхъ сторонъ: со стороны правительственнаго большинства, какъ и со стороны оппозиціи, со стороны лѣвой, какъ и со стороны правой. Одинъ требуетъ увеличенія жалованья почтальонамъ, другой—артистамъ, третій настаиваетъ на отпускѣ болѣе значительныхъ суммъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій, пятый требуетъ денегъ для того-то, шестой для этого и т. д. А интересы и воля самого плательщика податей совершенно забываются, съ нею народные представители какъ бы не считаются, и оттого растетъ опасность разоряющихъ страну бюджетовъ.

* * *

Единственнымъ средствомъ огражденія Франціи отъ грозящаго ей постепеннаго истощенія непомѣрными и разорительными бюджетами является всеобщее сознаніе солидарности интересовъ всѣхъ членовъ націи въ томъ, чтобы бюджетъ былъ составленъ соотвѣтственно ея платежнымъ силамъ и всѣ его благодѣянія, равно какъ и тягости, равномѣрно и справедливо ложились на всѣ слои населенія и общественные классы; чтобы одинъ классъ или сословіе не старался слагать съ себя на другія сословія бремя бюджета и монополизировать въ свою пользу лишь его прибыльныя статьи (должностные оклады, содержаніе, синекуры, пенсіи и т. д.), и, наконецъ, чтобы всѣ статьи расходовъ въ бюджетѣ не поглощали непроизводительно національнаго богатства, а, напротивъ, направлены были на возможно продуктивныя цѣли.

Digitized by Google



Герцогиня де-Берри.

Въ 1870 году на семьдесятъ второмъ году своей жизни скончалась Марія Каролина-Луиза Бурбонская, внучка австрійскаго императора Леопольда, внучатная племянница королевы Маріи-Антуанетты, двоюродная сестра и свояченица императора Франца и тетка императора Франца-Іосифа. Она скончалась въ Штиріи, въ своемъ небольшомъ помѣстьи Брунзее, мирно и счастливо проживши вдали отъ свѣта большую часть своей жизни; но не такъ безмятежны были ея молодые годы. Недавно изданные въ Парижѣ документы [1]), относящіеся до ея жизни, ея обширная переписка значительно пополняютъ скудныя свѣдѣнія объ этой красной дичи орлеанистскихъ ищеекъ, этой жертвѣ политической идеи, этой матери-героинѣ, но, въ концѣ концовъ, этой все же только слабой женщинѣ. Родилась она въ жаркой Италіи; отецъ ея, Францъ I, былъ королемъ обѣихъ Сицилій, мать была эрцгерцогиней изъ австрійской фамиліи Габсбурговъ, и въ ней страннымъ образомъ сочетались романская живость, южная горячая кровь съ германской настойчивостью и твердостью духа.

Ей не было еще восемнадцати лѣтъ, когда она вышла замужъ за герцога де-Берри, сына и наслѣдника престола французскаго короля Карла X. Живая, взбалмошная, она перевернула вверхъ дномъ чопорный, скованный строгимъ этикетомъ дворъ стараго короля. Въ мрачныхъ залахъ Тюильрійскаго дворца давно не раздавалось веселаго смѣха, скука царила среди придворныхъ, юноши казались стариками. Но вотъ распахнулась дверь, и въ сонную залу впорхнула молодая принцесса, полная жизни, веселья, со своими шалостями и ракетами смѣха, — словно струя весенняго воздуха пронеслась по заламъ древняго дворца, и разглаживались морщины на лицахъ придворныхъ, только старыя статсъ-дамы приходили въ ужасъ. Омнибусъ былъ въ то время новостью въ Парижѣ. «Хотите, папа, держать пари на десять тысячъ франковъ, что завтра я поѣду въ омнибусѣ?» «Остерегись,—отвѣчалъ со смѣхомъ Карлъ X,— ты была бы способна на это.» Съ такимъ же безразсудствомъ, съ какимъ она вскочила бы въ омнибусъ, она бросилась впослѣдствіи въ ряды вандейскихъ легитимистовъ. Шатобріанъ въ своихъ «Mémoires touchant la vie et la mort du duc de Berry» говоритъ о Каролинѣ де-Берри въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ достаточно полной характеристики герцогини. Книга Тирріа не имѣетъ перваго изъ этихъ недостатковъ и показываетъ героиню въ образѣ женщины, супруги, матери, хотя все еще въ отрывочной формѣ сборника матеріаловъ. Чертами лица она была не то, что хороша, а скорѣе миловидна; нѣжное личико ея свѣтилось невинностью гетевской Гретхенъ, но задорные завитки золотистыхъ волосъ и маленькая граціозная фигурка придавали ей особую тайную прелесть. Не долго длилась для нея беззаботная жизнь возлѣ любимаго супруга; четыре года безмятежнаго счастія промелькнули незамѣтно, и такъ же незамѣтно подкралась пора испытаній. «Политичес-

[1]) «La duchesse de Berry» par H. Thirria, 1798—1870. Nombreux documents inédits. Paris, T. J. Plange. 1900.

Digitized by Google

скій фанатикъ Лувель, воодушевленный желаніемъ искоренить родъ Бурбоновъ, какъ враговъ Франціи, рѣшилъ убить герцога Беррійскаго и 13-го февраля 1820 г. привелъ свое намѣреніе въ исполненіе.» Молодая чета возвращалась въ тотъ вечеръ изъ Оперы. Убійца, воспользовавшись минутой, когда герцогиня садилась въ экипажъ, нанесъ ея мужу ударъ кинжаломъ. На другой день герцогъ скончался. Иная жизнь началась для молодой герцоги; все, что было въ ней веселаго, шумнаго, беззаботнаго, унесла съ собою смерть мужа. Но среди безпросвѣтнаго горя ей стала мерцать слабая искра новой надежды. Не суждено ей было стать королевой Франціи, такъ не дастъ ли ей судьба быть матерью будущаго короля. Когда вѣсть о возможности этой надежды распространилась, взоры всей Франціи, всей Европы обратились къ молодой вдовѣ. Родись у нея дочь,—померкнетъ свѣтъ въ очахъ старшей линіи, корона перейдетъ къ принцамъ Орлеанскимъ, роялистская партія должна будетъ терпѣть ненавистный режимъ. Легитимисты были полны тревожнаго ожиданія, разрѣшить которое могла одна только женщина, носившая въ себѣ торжество или смерть всей партіи. Родился мальчикъ, и радостью исполнилось сердце короля, и народъ привѣтствовалъ его рожденіе словно чудо. Молодая герцогиня вся ушла въ материнскія заботы о новорожденномъ наслѣдникѣ престола. Но еще разъ корона ускользнула изъ ея рукъ. Іюльская революція 1830 года изгнала Бурбоновъ изъ Франціи, возведя на ихъ престолъ герцога Орлеанскаго. Герцогиня де-Берри послѣдовала за Карломъ X въ Англію. «Но во Франціи, въ особенности на югѣ, въ Вандеѣ, въ пользу ея сына, маленькаго Генриха, герцога Бордосскаго, болѣе извѣстнаго подъ именемъ графа Шамбора, начала дѣйствовать сильная партія легитимистовъ.» Завѣтной мечтой герцогини де-Берри стало теперь вернуть престолъ своему сыну, и она, не задумываясь, покидаетъ Англію, переселяется въ Италію и становится душою вандейскихъ заговорщиковъ, забывая о себѣ, не страшась никакихъ лишеній, не боясь никакихъ опасностей, желая одного — отнять престолъ отъ похитителя его, Луи-Филиппа, имѣя одно въ виду — изгнаніе ненавистныхъ Орлеановъ, стремясь къ одной цѣли — доставить французскую корону своему сыну, «послѣднему представителю рода». Въ отчаянную борьбу съ орлеанистами она кинулась, не разсуждая; въ ней кипѣла молодая, южная кровь; одиннадцать лѣтъ вынужденнаго бездѣйствія, сначала въ погруженныхъ въ трауръ мрачныхъ покояхъ Тюилерійскаго дворца, потомъ въ изгнаніи, не оставили слѣда въ характерѣ подвижной, увлекающейся женщины, но высокая, святая для нея цѣль вызвала въ ней новыя силы, развила въ ней геройское упорство, геройскую выносливость. Въ Италіи вокругъ нея сгруппировалась сочувствующая ей партія, и тамъ, въ Масса-Каррарѣ, былъ составленъ планъ высадки во Францію. Въ апрѣлѣ 1832 года, въ полночь герцогиня въ мужскомъ костюмѣ переправилась въ лодкѣ на корабль, который долженъ былъ ее отвезти въ Марсель, гдѣ было подготовлено возстаніе легитимистовъ. Но утромъ 30-го апрѣля, пока солнце восходило надъ мирно спящимъ городомъ, марсельскія власти успѣли подавить вспыхнувшее возстаніе и захватить корабль герцогини Беррійской. Задержана была женщина, но она оказалась только горничной герцогини; сама же герцогиня успѣла бѣжать. Героическая попытка грозила окончиться комически. Но смѣлая женщина не отчаялась послѣ этой первой неудачи; ее приписывала она не своему легкомыслію, а святому Поликарпу, праздновавшему въ тотъ день свои именины: онъ всегда приноситъ несчастіе. Она пробралась въ Вандею и здѣсь открыто объявила своего сына королемъ. «Настежь двери и окна,—счастіе Франціи близко!» писала она въ прокламаціяхъ, разсылаемыхъ ею, какъ матерью-регентшей при малолѣтнемъ королѣ. Вандея издавна стояла за Бурбоновъ и какъ одинъ человѣкъ поднялась въ защиту юнаго короля. Но правительство было сильнѣе и легко усмирило возмущеніе. Де-Берри опять удалось бѣжать. Укрываясь то въ городахъ, то въ захолустныхъ селахъ, терпя лишенія, подвергаясь ежеминутной опасности быть пойманной, она исходила Францію, возбуждая своихъ единомышленниковъ, все еще готовая къ борьбѣ, все еще пламенѣя къ дѣлу спасенія Франціи отъ притязаній орлеанской династіи. Изъ своихъ тайныхъ убѣжищъ она взывала къ французамъ, разсылала манифестъ за манифестомъ, появляясь то одѣтою крестьянскимъ мальчикомъ, то въ костюмѣ торговки, отказывая себѣ во всемъ, сама приготовляя свой скудный обѣдъ, сама заштопывая чулки своими тонкими пальцами, въ былое время не знавшими грубой работы. Гдѣ веселый смѣхъ, звонко перебѣгавшій по заламъ роскошнаго дворца? Гдѣ чудные золотистые волосы, роскошными прядями сбивавшіеся на лобъ? Веселый смѣхъ похитила могила мужа; роскошные волосы принесены ею въ жертву политикѣ: она остригла ихъ и прикрыла крестьянской шапкой.

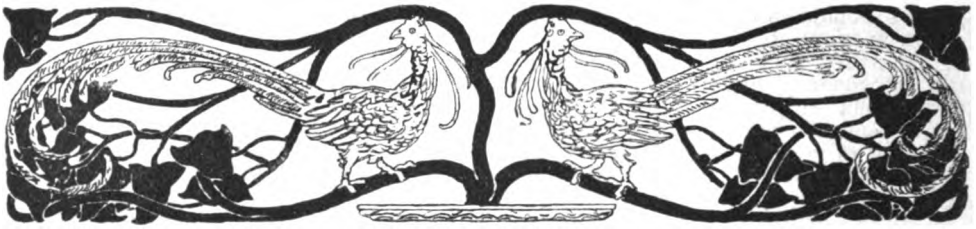
Воодушевленная идеей спасенія Франціи, герцогиня не ограничивалась агитаціей внутри страны,—она хотѣла привлечь къ своему дѣлу и иностранныхъ государей; поддержку юнаго короля она считала ихъ священною обязанностью. Почти при всѣхъ иностранныхъ дворахъ у нея были свои приверженцы, повѣренные, по-

Digitized by Google

сланники, которымъ ею поручено было склонить монарховъ къ согласнымъ дѣйствіямъ противъ парижскаго «узурпатора». Но этотъ дипломатическій походъ былъ неудаченъ; только нѣкоторое сочувствіе она встрѣтила у голландскаго короля, бывшаго въ нѣсколько сходномъ положеніи съ герцогинею де-Берри: у него отобрали Бельгію. Получить ее обратно у него не было надежды, и потому онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Бельгія перешла къ французамъ, лишь бы обезпечить за собою люксембургскія земли. Таковъ былъ и планъ заговора, составленный герцогиней. Бельгія должна была явиться коронаціоннымъ подаркомъ: герцогиня могла предстать передъ французами не съ пустыми руками, и установленіе «естественныхъ границъ» должно было обезпечить успѣхъ третьей реставраціи. Этотъ замыселъ обнаружилъ дипломатическія способности герцогини, но выполненіе его требовало большей осторожности, большаго запаса спокойной разсудительности, нежели могла имѣть увлекающаяся. порывистая натура герцогини. Ее выдали. Во время ея пребыванія въ Нантѣ измѣнникъ указалъ властямъ домъ, гдѣ она укрывалась, и 7-го ноября того же 1832 года домъ былъ занятъ отрядомъ жандармеріи. Герцогиня съ тремя друзьями, одной женщиной и двумя мужчинами, заперлась въ потайномъ углу за желѣзной стѣнкой камина. Въ этомъ тайникѣ, устроенномъ еще во времена террора, товарищи выдерживали осаду въ теченіе шестнадцати часовъ. На ночь жандармы развели огонь въ комнатѣ, чтобы погрѣться, и положеніе несчастныхъ осажденныхъ стало невыносимо. Они задыхались отъ горячаго воздуха, отъ дыма. «Доска въ каминѣ накалилась, наконецъ, докрасна,—разсказываетъ герцогиня,—мое платье прогорѣло въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и мы были счастливы, что намъ удавалось тушить наши загоравшіяся платья носовыми платками, намоченными мочею (imbibés de pipi); положеніе было поистинѣ ужасно, нужно было забыть всякія условныя приличія, «à la guerre comme à la guerre». Этотъ грубый реализмъ, выступающій въ трагическія минуты жизни, эти случаи, гдѣ геройское, возвышенное такъ близко соприкасается съ куріознымъ, съ комическимъ, должна была выносить маленькая изящная женщина, не сумѣвшая соразмѣрить своихъ слабыхъ силъ съ выдуманною ея взбалмошной головкой политическою ролью. Подъ утро укрывавшіеся были арестованы, и для герцогини послѣдовало долгомѣсячное заточеніе въ крѣпости Блайе. Цѣлью правительства было сдѣлать герцогиню политически безвредною, но вскорѣ оказалось, что герцогиня сама помогла правительству въ его борьбѣ противъ нея: она была беременна. Молодая кровь не выдержала, страсть превозмогла политику: въ Италіи герцогиня тайно обвѣнчалась съ графомъ Луккези Палли, скрывая отъ всѣхъ свое вторичное замужество. Съ точки зрѣнія политической роли герцогини ея вторичный бракъ былъ крупной ошибкой, не замедлившей сказаться, какъ только стало извѣстно интересное положеніе главы легитимистовъ. Политическаго агитатора не стало, въ рукахъ правительства оставалась женщина, супруга, мать,—она была не опасна и вслѣдъ за рожденіемъ дочери герцогиня была освобождена изъ заключенія. Ея политическая роль была сыграна, ея прежніе сторонники отвернулись отъ нея за то, что она не нашла въ себѣ достаточно силы воли, чтобы оставаться матерью одного только короля Франціи. Не по силамъ ей былъ политическій аскетизмъ; зато, ставъ графинею Палли, она снова познала тихую, счастливую супружескую жизнь. Она посѣтила Сицилію, потомъ прожила нѣсколько лѣтъ въ Венеціи, пріобрѣтя тамъ палаццо, гдѣ полъ-вѣка спустя скончался Рихардъ Вагнеръ. Отъ графа Луккези у нея было много дѣтей, у которыхъ, въ свою очередь, со временемъ народились дѣти, и къ концу своей жизни она была окружена толпой почти въ сорокъ внуковъ; «кроличья порода», говорила она.

Презрительный отзывъ орлеанскаго милліонера о представителяхъ бурбонской династіи: «Чего же можно ждать отъ фамиліи, пятнадцать лѣтъ царствовавшей и не смогшей набрать достаточно денегъ, чтобы было на что безпечно жить въ изгнаніи?»—можетъ быть признанъ справедливымъ и относительно Каролины де-Берри, она нерѣдко испытывала стѣсненность въ деньгахъ; впрочемъ, графъ Шамборъ заплатилъ шесть милліоновъ должникамъ своей матери, что, во всякомъ случаѣ, доказывало, что онъ располагалъ такими суммами... Живой образъ Каролины де-Берри можетъ менѣе всего дать матеріала политическому историку; вся ея жизнь напоминаетъ романъ, разыгравшійся на исторической основѣ, и какъ ни близко героиня этого романа соприкасалась съ событіями политической исторіи, она въ самыя героическія минуты своей роли оставалась все же только женщиной, съ женскими силами, съ женскимъ умомъ, но зато и съ женскимъ сердцемъ; жизнь ея—достояніе романиста.

Digitized by Google



ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Къ юбилейному чествованію Сенкевича.

Хронологически юбилей Сенкевича приходился на 1897 годъ (первая повѣсть его «Na marne» относится къ 1872 году). Но въ то время вниманіе польской интеллигенціи всецѣло было поглощено приближавшимся столѣтіемъ со дня рожденія Мицкевича, подготовлялось открытіе памятника великому поэту въ Варшавѣ, и къ юбилею здравствующаго беллетриста отнеслись съ мыслью: «успѣется». Не подумайте, что въ этой мысли былъ оттѣнокъ какой-нибудь пренебрежительности. Совсѣмъ даже наоборотъ: польское общество боялось, чтобы, отдавъ самый горячій пылъ восторга творцу «Пана Тадеуша», оно не обидѣло своего другого любимца слишкомъ равнодушнымъ чествованіемъ. Нужно было подготовиться къ торжеству «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», накопить въ душѣ новый запасъ энтузіазма, израсходованнаго въ теченіе «Мицкевичевской годовщины.» Да приэтомъ и самъ юбиляръ, когда подняли было рѣчь о чествованіи его двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности, прямо заявилъ, что въ годъ исполнившагося столѣтія со дня рожденія великаго польскаго поэта никакое другое имя не должно быть даже упоминаемо, кромѣ имени Мицкевича. Когда, наконецъ, Мицкевичу воздано было всякое чествованіе, поляки перешли къ Сенкевичу. Объявлена была подписка на поднесеніе національнаго подарка беллетристу. Теперь этотъ подарокъ готовъ: куплено имѣніе въ чудной живописной мѣстности (Осовице), которое и подносится юбиляру отъ имени народа. Таковъ центральный пунктъ юбилейнаго чествованія.

Какой бы широкой волной ни разлилась радость польской интеллигенціи въ день чествованія Сенкевича, какими бы восторженными похвалами ни вѣнчали его, эта радость вполнѣ законна, эти похвалы— вполнѣ заслуженная дань юбиляру, неотъемлемая награда за то художественное наслажденіе, которое доставлялъ онъ польскому обществу своими произведеніями. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на плоды двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности Сенкевича, чтобы убѣдиться, что чествованіе воздается по заслугамъ.

Изъ болѣе раннихъ произведеній юбиляра остановимся на «Эскизахъ углемъ». Въ польской литературѣ не существовало того народническаго теченія, которое съ такою мощью проявилось одно время въ русской литературѣ. «Эскизы углемъ» можно назвать рѣдкимъ исключеніемъ. Сенкевичъ переноситъ насъ въ глухую деревню, въ среду забитаго, темнаго, безпомощнаго польскаго хлопства. Писарю гмины, пану Золзикевичу, приглянулась жена одного крестьянина Рѣпы. Въ весьма понятныхъ цѣляхъ, панъ Золзикевичъ приводитъ въ исполненіе весьма крючкотворный планъ, который заставилъ бы сельскую красавицу думать, что судьба ея мужа — въ рукахъ пана-писаря. Несчастная женщина металась всюду, гдѣ могла, но нигдѣ не нашла помощи, никто даже толкомъ не хотѣлъ выслушать ея. Осталось одно—пойти навстрѣчу сластолюбивымъ желаніямъ всемогущаго пана-писаря. Это она и сдѣлала, но мужъ не въ силахъ снести позора и убиваетъ ее топоромъ тутъ же, по возвращеніи отъ

Digitized by Google

Золзикевича. Фабула, какъ видитъ читатель, страдаетъ придуманностью, обличаетъ неопытное перо; но въ обработкѣ сюжета, въ обрисовкѣ типовъ уже сказывается ѣдкій, смѣлый, свободный талантъ. Выдающуюся струю въ этомъ произведеніи составляетъ юморъ въ истинномъ смыслѣ слова—не тотъ беззаботный смѣхъ, который такъ чаруетъ насъ въ позднѣйшемъ очеркѣ «Та третья», а именно, «смѣхъ сквозь слезы», который долго звучитъ въ ушахъ надорваннымъ аккордомъ горя и страданія. Напомнимъ читателямъ главу пятую разсказа, гдѣ мы «знакомимся съ законодательнымъ корпусомъ Бараньей Головы и главными его вожаками»: тутъ предъ нами развертывается цѣлая картина, полная смѣлой, безпощадной правды, звучащая рѣзкимъ негодованіемъ по адресу польской интеллигенціи, отдавшей деревню живьемъ на растерзаніе пану Золзикевичу и ему подобнымъ. Въ разсказѣ, несомнѣнно, звучитъ публицистическая нота, но она такъ искусно спрятана, что нисколько не нарушаетъ цѣльности впечатлѣнія. Впрочемъ, польская критика выдобывала ее и разматывала, но результатъ получился нѣсколько странный: не замѣчая кривой рожи, критики стали пенять на зеркало, обвиняя Сенкевича и въ томъ, что онъ въ невыгодномъ свѣтѣ представилъ интеллигенцію, да, кромѣ того, о, ужасъ! —осмѣлился скептически отнестись къ хваленымъ слугамъ католической церкви, представивши бездушіе и формализмъ ксендза, къ которому обратилась за совѣтомъ и наставленіемъ несчастная жена Рѣпы (ксендзъ рекомендовалъ ей безропотно склониться предъ Перстомъ Божіимъ, наказующимъ ее за пьянство мужа).

Въ «Эскизахъ углемъ» Сенкевичъ въ первый и послѣдній разъ заглянулъ въ польскую деревню. По его выраженію, ему не понравилось возиться надъ героями-лилипутами, тосковать надъ слишкомъ слабо звучавшей струной. Кровавая эпоха польскихъ войнъ XVII вѣка давно уже привлекала вниманіе беллетриста. «Тамъ все такъ поражаетъ мощью и величіемъ, по сравненію съ ничтожествомъ современной жизни»,—писалъ онъ въ письмѣ къ одному изъ пріятелей. Результатомъ этого увлеченія явились три большихъ историческихъ повѣсти: «Огнемъ и Мечомъ», «Потопъ» и «Панъ Володыевскій».

Сенкевичъ.

Трудно описать восторгъ, съ которымъ были приняты польскимъ обществомъ эти повѣсти, особенно первая изъ нихъ. Когда печаталась «Огнемъ и Мечомъ», всѣ другіе интересы—политическіе, экономическіе и проч.,—отступили для польскаго общества на второй планъ, не велось бесѣды, которая бы не начиналась или не закан-

Digitized by Google

чивалась дебатами по поводу повѣсти; о герояхъ ея говорили, какъ о живыхъ людяхъ, школьная молодежь въ письмахъ своихъ къ родителямъ, покончивши съ дѣловою частью, непремѣнно сообщала о томъ, что сдѣлалъ панъ Скржетускій или изрекъ панъ Заглоба. Сенкевичъ заваленъ былъ письмами женщинъ, умолявшихъ его спасти Скржетускаго; какой-то богомольный шляхтичъ, прочитавши описаніе геройской смерти пана Подбипьенты, вознесъ даже молитву за упокой его души и т. д. Критика вторила обществу: повѣсть была причислена къ разряду самыхъ геніальныхъ произведеній польской литературы и поставлена одесную «Пана Тадеуша», а когда одинъ изъ критиковъ выразилъ осторожное сомнѣніе, такъ ли ужъ высоко стоитъ эта историческая повѣсть, на него дружно напали всѣ, обвиняя въ томъ, что у него нѣтъ сердца, а въ жилахъ течетъ только желчь и чернила.

Въ настоящей небольшой замѣткѣ мы не станемъ останавливаться надъ перечисленіемъ тѣхъ пробѣловъ, которые допустилъ Сенкевичъ въ своей повѣсти; интереснѣе поговорить о томъ, что онъ далъ, чѣмъ пускаться въ безплодныя и запоздалыя разсужденія о томъ, чего онъ не далъ. Въ повѣсти этой Сенкевичъ развернулъ предъ читателями громадную картину, поражающую яркостью красокъ и широкимъ размахомъ кисти. Сюжетъ повѣсти взятъ изъ эпохи казацкихъ войнъ. Сцены, полныя жизни и движенія, мѣняются быстро одна за другою; въ нѣкоторыхъ случаяхъ Сенкевичъ прибѣгнулъ къ фальшивымъ эффектамъ съ цѣлью усилить внѣшнюю интересность фабулы — и совершенно напрасно, потому что интересъ читателя къ повѣсти и безъ того не понизился бы. Слабѣйшими страницами являются тѣ, гдѣ Сенкевичъ изображаетъ побѣды поляковъ. Кстати сказать: изъ сраженій и стычекъ этой эпохи описаны только тѣ, въ которыхъ поляки остались побѣдители, а менѣе счастливыя для польскаго оружія битвы только упомянуты. Кто является героемъ повѣсти? Въ намѣренія автора, повидимому, входило вознести на этотъ педьесталъ Скржетускаго. Но, можетъ быть и противъ воли беллетриста, Скржетускій вышелъ слишкомъ безжизненнымъ. Князь Іеремія Вишневецкій—тоже очень великій и достойный человѣкъ, но онъ стоитъ слишкомъ высоко, его роль только повелѣвать, казнить и миловать, онъ далекъ отъ того моря жизни, которое кишитъ у его ногъ. Самой яркой и типичной фигурой—не только въ «Огнемъ и Мечомъ», но и въ остальныхъ двухъ повѣстяхъ—является панъ Заглоба, который имѣетъ всѣ права на то, чтобы мы признали его центральнымъ лицомъ трилогіи [1]).

[1]) О Заглобѣ читатели найдутъ статью въ январской книжкѣ нашего журнала.

«Потопъ» меньше понравился польской критикѣ, хотя въ чисто художественномъ отношеніи онъ не только не уступаетъ первой исторической повѣсти, но даже превосходитъ ее. Здѣсь больше правды; Сенкевичъ какъ-то ближе подошелъ къ жизни, проще взглянулъ на людей, и Кмицицъ, напримѣръ, неизмѣримо выше Скржетускаго въ смыслѣ типичности. Это—не мертвая кукла, какою въ «Огнемъ и Мечомъ» представляется читателю Скржетускій, а живой, даже слишкомъ живой человѣкъ. Страстная, порывистая натура Кмицица представлена съ немалой долей психологической правды, которой авторъ почти не далъ въ обрисовкѣ Скржетускаго. Значительно выигрываетъ «Потопъ» еще и потому, что Сенкевичъ, которому, быть можетъ, надоѣло все только потрясать читателя лязгомъ оружія и громомъ выстрѣловъ, далъ нѣсколько чудныхъ картинъ иного содержанія, открывающихъ любопытный уголокъ тогдашней не-военной жизни.

Слабѣе другихъ третья повѣсть цикла «Панъ Володыевскій». Лишь первыя главы написаны интересно, вся середина повѣсти какъ-то монотонна и вяла. Въ цѣломъ трилогія оставляетъ все-таки сильное и яркое впечатлѣніе. Нѣтъ нужды говорить, что среди громадной груды однородныхъ произведеній, которыми такъ богата польская литература, историческія повѣсти Сенкевича стоятъ совершенно особнякомъ. Повѣсти, напримѣръ, Крашевскаго не могутъ идти въ сравненіе съ этими произведеніями Сенкевича.

Какъ ни увлекался Сенкевичъ величественными картинами XVII вѣка, онъ не переставалъ въ то же время чутко слѣдить за вѣяніями и теченіями современности, изображенію которыхъ посвящены два слѣдующихъ (въ хронологическомъ порядкѣ) произведенія—«Безъ догмата» и «Семья Поланецкихъ.»

Судя по историческимъ повѣстямъ, трудно было думать, что въ Сенкевичѣ скрывается такой глубокій знатокъ сердца человѣческаго, какимъ онъ показалъ себя въ романѣ «Безъ догмата». Леонъ Плошовскій, герой романа, совершенно законченный въ смыслѣ отдѣлки типъ; отъ автора не ускользнула ни одна черточка этой капризной натуры, не укрылось ни одно душевное настроеніе, не прошла неотмѣченною ни одна мысль этого «генія безъ портфеля». Дно его души, несмотря на глубину свою, совершенно ясно для читателя. Трогательная фигура Анельки вся соткана изъ поэзіи, красоты и изящества. Предъ нею останавливаешься въ нѣмомъ восторгѣ: она кажется какимъ-то неземнымъ созданіемъ. Эпизодическія фигуры старика Плошовскаго, его матушки, пана Хвастовскаго обрисованы немногими, но выразительными штрихами; нѣсколько блѣднѣе Снятынскій, а въ обрисовкѣ Кромицкаго авторъ, кажется,

Digitized by Google

нѣсколько сгустилъ краски. Съ величайшимъ интересомъ читается «Семья Поланецкихъ», гдѣ въ широкой перспективѣ представлена современная общественная жизнь поляковъ. Тутъ множество типовъ, много жизни и движенія. Романъ даетъ обильнѣйшій матеріалъ для публицистической критики.

«Безъ догмата» и «Семья Поланецкихъ» —наиболѣе зрѣлыя произведенія Сенкевича, но ими далеко еще не указывается та грань, до которой простирается эластичность таланта этого беллетриста. Въ полномъ блескѣ проявляется дарованіе Сенкевича въ «Quo vadis?», которое слѣдуетъ признать самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ. «Quo vadis» можетъ служить настоящей мѣрой этого мощнаго таланта. Польскіе писатели—вообще недурные художники, когда имъ приходится изображать родное, свое, будь то старина, будь современность; у нихъ много чувства, много настроенія, но замѣчательно, что эти весьма цѣнныя для беллетриста качества проявляются у польскихъ писателей лишь тогда, когда имъ приходится имѣть дѣло съ родной стихіей. Но достаточно имъ перешагнуть границу своей земли, и крылья у нихъ опускаются, разсказъ становится сухимъ, протокольнымъ, исчезаетъ всякій колоритъ, а съ нимъ и красота.

Сенкевичъ и въ изображеніи эпохи Нерона не утратилъ ни одной частицы своего таланта. Даже, напротивъ, кисть его какъ будто стала еще болѣе гибкою, когда беллетристу пришлось переносить на полотно сцены и картины совершенно чужого міра. И пусть бы еще картины: тутъ беллетристъ имѣлъ хорошую опору въ повѣствованіяхъ современниковъ, и его задача значительно облегчалась. Но какъ разгадать живую душу въ людяхъ той отдаленной эпохи, имѣющихъ такъ мало общаго съ нами? Какъ проникнуть въ ихъ мысли, желанія? Какъ возсоздать ихъ языкъ? Сенкевичъ вышелъ съ честью изъ этихъ трудностей, и въ этомъ — тріумфъ его творчества. Напомнимъ читателю Петронія и Хилона, особенно послѣдняго. Возсоздать совершенно своеобразную рѣчь этого софиста и ни разу не сбиться съ тона ея могъ только талантъ перворазрядной силы.

«Крестоносцы», тянувшіеся такъ утомительно долго, не прибавили новыхъ лавровъ Сенкевичу. По общему голосу, это—довольно скучный романъ. Публика терпѣливо ожидала окончанія этого произведенія, заинтересованная не столько этимъ романомъ, сколько тѣмъ, что Сенкевичъ начнетъ писать послѣ «Крестоносцевъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, за что примется теперь Сенкевичъ?» Объ этомъ уже ходили кой-какіе газетные слухи: сообщали о задуманномъ большомъ романѣ изъ современной жизни и еще о драматическомъ произведеніи. Какъ бы тамъ ни было, талантъ Сенкевича не перестаетъ рости, крѣпнуть, пріобрѣтать все болѣе и болѣе силы и яркости. Возрастъ юбиляра (род. 1846 г.) далекъ еще отъ того предѣла, за которымъ начинается «трудъ и болѣзнь». Все это даетъ пріятную надежду, что талантливый беллетристъ доставитъ намъ еще много духовнаго наслажденія работою своего пера.

Сенкевичъ близокъ и дорогъ русской публикѣ немногимъ лишь меньше, чѣмъ полякамъ, особенно послѣ «Безъ догмата» и «Quo vadis?». Плошовскій страдаетъ тѣмъ же недугомъ, которымъ перестрадала лучшая часть русской интеллигенціи; Анелька, отъ которой вѣетъ чистымъ, нѣжнымъ ароматомъ женственности, близко напоминаетъ русскому читателю чудные женскіе типы Тургенева. Что же касается «Quo vadis?», то не требуется пояснять, почему это произведеніе заставитъ русскаго читателя передумать и перечувствовать не меньше, чѣмъ и поляка.

Digitized by Google

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Національная архитектура въ Соединенныхъ Штатахъ.

Статья **Б. Г. Госсерона.**

Мы, европейцы, серіозно спрашиваемъ: имѣютъ ли американцы, и особенно американцы Соединенныхъ Штатовъ, свою собственную литературу и свое искусство? Въ силу привычки и укоренившагося предразсудка, мы охотно отвѣтили бы, что эти потомки старой Европы все еще живутъ полученнымъ наслѣдствомъ и что они имѣютъ только то, что получаютъ отъ насъ, благодаря наслѣдію предковъ или же прямому и непрерывному заимствованію. Что касается литературы, то въ Европѣ уже не закрываютъ глазъ передъ очевидностью, и въ ней начинаетъ распространяться убѣжденіе, что родина Уальта, Уитмана, Уильтіэ, Эдгара Поэ, Гаутгорна, Торсана, Лонгфелло и Эмерсона, слава которыхъ уже упрочена временемъ, есть страна, которая имѣетъ своихъ писателей и оригинальныхъ мыслителей.

Въ области чистаго искусства наши художники и скульпторы константируютъ въ ущербъ себѣ, что ихъ американскіе ученики стали мастерами и что окончательно и прочно основалась американская школа, соединяющая съ себѣ традиціи и манеру французскаго искусства съвдохновеніемъ и деталями экспрессіи, присущими цивилизаціи, нравамъ и вкусамъ Новаго Свѣта. Эта школа настолько даже цвѣтуща и сильна, что можетъ вполнѣ удовлетворять общественнымъ и частнымъ спросамъ Соединенныхъ Штатовъ и тѣмъ сократить столь обширный и выгодный сбытъ, который наши артисты открыли себѣ по ту сторону океана.

Промышленное искусство сдѣлало еще болѣе крупные успѣхи. Всѣ, кто былъ на выставкѣ въ Чикаго или изучалъ въ послѣдніе годы американца. живущаго и вращающагося въ той средѣ, которую онъ самъ себѣ устроилъ, т.-е. въ общественныхъ зданіяхъ, храмахъ, гостиницахъ, клубахъ, правительственныхъ зданіяхъ или же въ его собственномъ home, были поражены оригинальностью и богатствомъ меблировки и внутренняго украшенія домовъ.

Архитектура, служащая внѣшнимъ выраженіемъ, наружной формой, такъ сказать, тѣхъ же самыхъ чувствъ и требованій, которыя болѣе интимнымъ образомъ сказываются въ меблировкѣ и внутреннемъ украшеніи квартиръ, не могла ограничиться копировкой европейскихъ построекъ или тѣмъ, чтобы воспроизводить подражанія эпохѣ Возрожденія и готическаго искусства, которыми наши современные художники застроили громад-

Digitized by Google

ныя пространства. Американцы доказали, что чудовищные дома въ пятнадцать, двадцать, тридцать этажей требуютъ новаго архитектурнаго искусства, которое и выразилось въ этихъ постройкахъ не столько высотою стѣнъ и громадностью всей массы, сколько соотвѣтствіемъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій, выдающихся и входящихъ частей, просвѣтовъ, карнизовъ, стоекъ и т. д. при помощи которыхъ можно избѣжать однообразія въ постройкѣ и надѣлить ее гармоніею и изяществомъ. Въ виду того, что къ такимъ зданіямъ непримѣнимы извѣстныя уже условія, архитекторъ долженъ былъ изобрѣсти систему наружной орнаментаціи и найти новыя комбинаціи для того, чтобы получилось впечатлѣніе связности, соотвѣтственности и равновѣсія между отдѣльными частями и по возможности, красоты.

Но высокіе дома отвѣчаютъ, въ сущности, ограниченнымъ нуждамъ торговли, промышленности и крупной администраціи. На ряду съ ними всегда будутъ существовать, и притомъ въ значительно большемъ числѣ, и не столь громадныя зданія, напр., храмы, дворцы, музеи и частные дома, начиная отъ самыхъ скромныхъ до самыхъ роскошныхъ. Вотъ тутъ-то и нужно узнать, имѣютъ ли американцы Соединенныхъ Штатовъ національную архитектуру. Въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, когда проѣзжаешь по богатымъ кварталамъ Нью-Іорка, Филадельфіи, Вашингтона и по окрестностямъ этихъ городовъ, усѣяннымъ всевозможными домами, замками, дачами, резиденціями и котеджами, въ которыхъ ясно выдѣляется новое искусство, тѣмъ болѣе выдающееся, что рядомъ съ ними возвышаются зданія съ претензіею на классическій стиль, — италіанскія виллы и постройки въ стилѣ Возрожденія или въ готическомъ стилѣ. Но, подобно тому, какъ Европа долго не хотѣла признавать въ истинныхъ литературныхъ и художественныхъ произведеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ что-либо иное, кромѣ какъ отраженіе своего собственнаго очага, точно такъ же Новая Англія, въ тѣсномъ смыслѣ этого названія, охотно допускаетъ, что она одна обладаетъ сокровищницею искусства и вкуса, выключая такимъ образомъ западные Штаты, гдѣ борьба за существованіе противъ преградъ, налагаемыхъ природою, слишкомъ еще упорна и гдѣ громадный и сильный натискъ утилитарныхъ ремеслъ не можетъ, повидимому, оставить мѣста для утонченной культуры. Такимъ образомъ, тотъ же вопросъ, который Европа ставила прежде по поводу всей великой сѣверной республіки, ставятъ теперь восточные штаты по поводу западныхъ; и они отвѣтили бы на этотъ вопросъ отрицательно, если бы западные штаты не производили въ послѣднюю четверть вѣка писателей, художниковъ и архитекторовъ, которые не только даютъ характерныя и оригинальныя произведенія, но громогласно признаютъ ихъ таковыми и умѣютъ удачно сопоставить ихъ съ произведеніями своихъ восточныхъ соотечественниковъ.

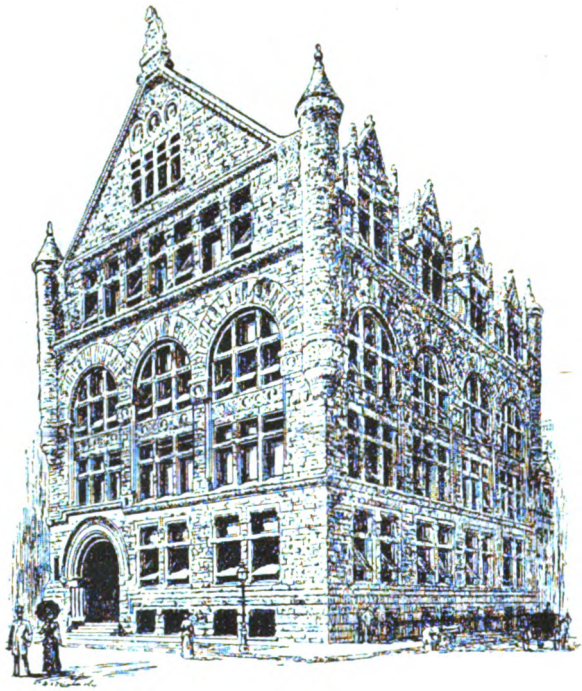
Такъ Монгомери Шуйлеръ требовалъ въ своей статьѣ, помѣщенной недавно въ «Harper's Magazine» признанія того, что архитектура западныхъ городовъ—Чикаго, Сенъ-Поля и Миннеполиса имѣетъ свои оригинальныя черты и свой національный стиль, Онъ выразилъ это со сдержанностью и здравымъ смысломъ, доказывающими его правоту, а потому не безъинтересно взять его какъ руководителя при нашемъ бѣгломъ обзорѣ архитектурнаго искусства въ Западной Америкѣ.

Чикаго, запертый въ треугольникѣ, образуемомъ двумя рукавами рѣки того же имени и озеромъ Мичиганъ, можетъ легко посредствомъ мостовъ, трамваевъ и мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ разростись во всѣ стороны; но коммерческій центръ, настоящій городъ, не можетъ ни перемѣститься, ни расшириться. Надо еще къ этому прибавить, что онъ построенъ на болотистой почвѣ, которая чѣмъ глубже ее рыть, тѣмъ становится мягче и неустойчивѣе. Напрасно было бы докапываться въ этой почвѣ до крѣпкаго грунта, на которомъ можно было бы возводить фундаменты, и напрасно было бы даже пробовать вбивать сваи: онѣ бы пошли вкось, не находя для себя твердой опоры. Въ эту трясину нужно бросать нѣчто въ родѣ плотовъ, составленныхъ изъ бетона и желѣзныхъ брусьевъ; для этого утилизируютъ обыкновенно старые желѣзнодорожные рельсы, и на такомъ-то фундаментѣ воздвигаются самыя высокія и самыя тяжелыя зданія. Отсутствіе погребовъ и подваловъ неизбѣжно вліяетъ на размѣщеніе и распредѣленіе домовъ, потому что приходится находить въ другомъ мѣстѣ помѣщеніе для тѣхъ службъ, для которыхъ обыкновенно предназначается подвальный этажъ.

Извѣстно, что въ 1871 году былъ истребленъ пожаромъ почти весь городъ. Перестройка его совершилась чрезвычайно быстро, и коммерсанты, спѣшившіе снова открыть свои магазины и фабрики, не дали архитекторамъ времени обдумать и отдѣлать планы, а тѣмъ болѣе возможности на досугѣ привести ихъ въ исполненіе.

Съ тѣхъ поръ необходимость увеличивать помѣщенія для безпрерывно растущей торговли и найти эти помѣщенія на поверхности, которую нельзя расширить, естественно привела къ возведенію высокихъ домовъ, число которыхъ увеличивается съ каждымъ днемъ, причемъ число этажей также постоянно растетъ.

Digitized by Google



Институтъ Искусствъ въ Чикаго.

значенія того зданія, которое она покрываетъ.

Къ той же категоріи принадлежитъ и Studesbaker building, хотя въ немъ нѣтъ выше указаннаго недостатка и украшенія его составляютъ дѣйствительно одно цѣлое съ корпусомъ. Эта постройка скорѣе имѣетъ видъ дворца, чѣмъ коммерческаго зданія. Фасадъ его, обращенный къ Lake Park, одному изъ восьми большихъ парковъ Чикаго, на берегу озера Мичиганъ, величественъ и роскошенъ. Нижняя часть зданія состоитъ изъ двухъ этажей, надъ которыми тянутся три этажа, отдѣленные отъ верхней части зданія аркадами, опирающимися на два ряда колоннъ, поставленныхъ одна надъ другой и обрамляющихъ окна, что производитъ замѣчательный эффектъ. Но эффекту этому нанесенъ сильный ущербъ тѣмъ, что верхняя часть зданія не имѣетъ никакого архитектурнаго характера. Кажется, какъ будто художникъ истощилъ всю свою силу на первые пять этажей, на которые потрачены въ слишкомъ большомъ изобиліи разноцвѣтный мраморъ и колонны изъ полированнаго гранита, между тѣмъ какъ наверху возвышается совершенно обнаженная прямая стѣна съ правильно продѣланными просвѣтами, плоская и геометрическая сухость которыхъ ничѣмъ не нарушена и не скрашена.

Такіе дома, въ Чикаго, по крайней мѣрѣ, дѣлятся на двѣ категоріи: дома, заимствовавшіе у старой архитектуры роскошь орнаментовъ,—колонны съ капителями, балконы на каріатидахъ, украшенія изъ высѣченнаго камня, мраморныя инкрустаціи, фризы и карнизы скульптурной работы, и дома, которыми добиваются и чаще всего достигаютъ впечатлѣнія величія и силы отъ простоты линій и ясности естественныхъ раздѣленій, какъ поперечныхъ, такъ и вертикальныхъ. Изъ первыхъ домовъ надо упомянуть о City and country building, нѣчто въ родѣ городской думы и префектуры, соединенныхъ въ одномъ зданіи. Онъ совершенно изолировано и занимаетъ площадь въ 340 англійскихъ футовъ въ длину и 280 въ ширину; въ вышину же оно подымается выше 100 футовъ. Снаружи оно раздѣлено на пять только этажей, между тѣмъ какъ внутри ихъ вдвое больше, и представляетъ собою массивную каменную постройку съ выдающимися портиками, украшенными обширными фронтонами, надъ которыми возведены сложныя колоннады съ верхнимъ ярусомъ, ничтожные размѣры которыхъ очень не идутъ къ остальному и тѣмъ непріятно дѣйствуютъ на глазъ. Впрочемъ, чувствуется, что все это архитектурное великолѣпіе только чисто искусственная оболочка, которую можно было бы снять безъ всякаго ущерба для истиннаго на-

Во второй категоріи зданій, архитекторъ подчинилъ все требованіямъ, которымъ должно отвѣчать зданіе, и старался найти въ той самой цѣли, для которой предназначена постройка, мотивы для деталей ея орнаментовъ, правила для ея раздѣленія и, наконецъ, ея общій эффектъ. Въ этой категоріи первое мѣсто занимаетъ Auditorium, который одновременно и театръ, и мѣсто для митинговъ, и собраніе громаднаго числа offices или конторъ и который дѣлаетъ честь его архитекторамъ гг. Адлеру и Сюлливану.

Еще болѣе просто Fieldbuilding, что весьма естественно, потому что это зданіе чисто коммерческое. Этотъ громадный четыреугольникъ въ семь этажей возведенъ съ такимъ чувствомъ мѣры, что его фасады кажутся еще болѣе длинными, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Этотъ block, какъ тамъ выражаются, построенъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ричардсономъ, однимъ изъ тѣхъ архитекторовъ, которые болѣе всего работали надъ тѣмъ, чтобы создать національную архитектуру изъ путаницы ввезенныхъ изъ Европы стилей, обезобра-

Digitized by Google

женныхъ и смѣшанныхъ чисто случайно въ силу каприза или невѣжества.

Какихъ результатовъ, въ смыслѣ изящества и гармоніи, достигаетъ эта новая архитектура, можно видѣть по Art Institut, зданію сравнительно небольшому и потому дающему бо́льшую возможность охватить его общій видъ, чѣмъ вышеупомянутыя гигантскія массы. Оно находится такъ же, какъ и Studesbaker building на дорогѣ идущей вдоль Lake Park. Рядомъ съ нимъ стоитъ elevator, громаднѣйшій амбаръ для зернового хлѣба, въ двѣнадцать или пятнадцать этажей. Такое сосѣдство могло бы давить зданіе Art Institute, но послѣднее до того цѣльно, между всѣми его частями царитъ такое равновѣсіе, что даже въ тѣни сосѣда-гиганта оно сохраняетъ свою силу и грацію. Его архитектура крайне проста: зданіе состоитъ изъ нижней части и четырехъ этажей, верхній изъ которыхъ — мансарды. Никогда не было выполнено такъ хорошо, какъ въ этой постройкѣ, правило Аристотеля, сказавшаго, что всякое произведеніе искусства должно имѣть начало, середину и окончаніе. Строгость нижней части, съ ея прямоугольными просвѣтами безъ всякихъ орнаментовъ, должнымъ образомъ подготовляетъ глазъ къ группировкѣ двухъ среднихъ этажей съ большимъ числомъ просвѣтовъ, дѣлающихъ массу болѣе легкою, тамъ именно, гдѣ это нужно, между тѣмъ какъ острый щипецъ съ двумя полубашенками по обѣимъ сторонамъ и линія оконъ съ острыми фронтонами, освѣщающими мансарды на длинныхъ фасадахъ, оживляютъ силуэтъ зданія и живописно выдѣляютъ его на небесномъ сводѣ.

Рядомъ съ Ричардсономъ слѣдуетъ упомянуть Бернгама и Рута, какъ архитекторовъ, которые болѣе всего способствовали созданію того, что можно назвать коммерческою архитектурою Чикаго. Послѣднимъ двумъ городъ обязанъ зданіями Insurance Exchange, т.-е. биржи страхованій и Phoenix building, Ихъ вліяніе не ограничилось, впрочемъ, только большими утилитарными зданіями и однимъ Чикаго; оно сказывается на многихъ частныхъ домахъ и распространилось на всемъ Западѣ, такъ что молодые архитекторы графствъ и даже смежныхъ штатовъ—ихъ послѣдователи и составляютъ сознательно или безсознательно школу, которой вышеназванные художники являются учителями.

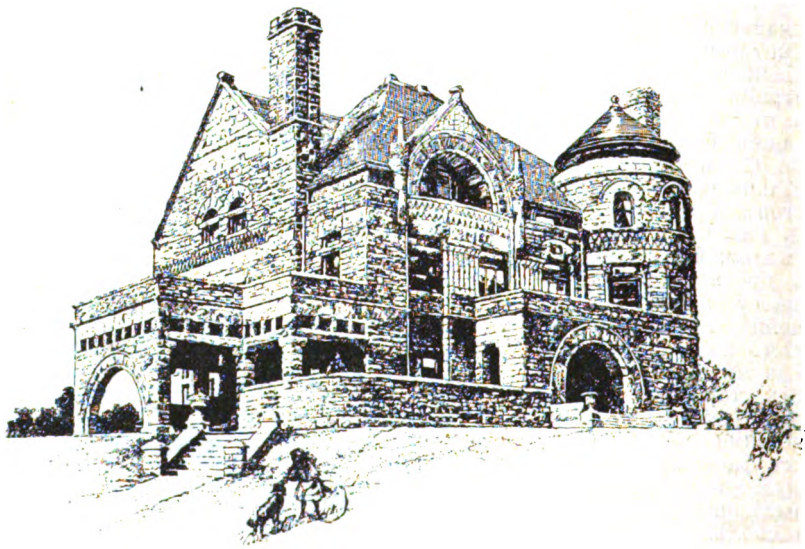
Въ общемъ, отличительною чертою этой архитектуры, какъ въ общественныхъ зданіяхъ, такъ и въ частныхъ жилищахъ, являются: соотвѣтствіе между внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ ихъ назначеніемъ, отсутствіе классическихъ пріемовъ, отступленіе отъ принятыхъ стилей (которые подходятъ къ современнымъ потребностямъ, какъ маска къ лицу), сила и точность въ различныхъ формахъ, гармонирующихъ между собою безъ помощи тщетной и холодной симметріи, и крайняя простота исполненія.

Люди, привыкшіе видѣть архитектурную роскошь домовъ милліонеровъ въ восточныхъ городахъ, съ Филадельфіей включительно, болѣе отличающихся кричащимъ великолѣпіемъ, чѣмъ вкусомъ, поражены удивленіемъ, когда видятъ, что въ тѣхъ кварталахъ Чикаго, въ которыхъ живутъ князья торговли и промышленности, такъ мало домовъ съ претензіями на великолѣпіе дворцовъ. Вѣрится съ трудомъ, чтобы самые значительные дѣятели такой громадной торговли и такихъ обширныхъ и быстрыхъ спекуляцій, какія не виданы ни въ какомъ другомъ городѣ съ милліономъ жителей, могли довольствоваться такими жилищами,—большими, конечно, то изящными, то массивными, всегда удобными,

Входъ въ Публичную библіотеку въ Миннеполисѣ.

Digitized by Google

но, въ сущности, демократическими. Иногда, даже, какъ, напримѣръ въ одномъ изъ домовъ, построенныхъ Ричардсономъ, простота граничитъ съ суровстью, и этотъ домъ кажется скорѣе тюрьмою, чѣмъ жилищемъ человѣка. Въ домахъ постройки Ричардсона виденъ тотъ же характеръ суровой силы и убѣжденной умѣренности, желающій получить эффектъ исключительно только распредѣленія просвѣтовъ въ стѣнѣ, но результаты, достигнутые такимъ направленіемъ въ постройкѣ этого дома, болѣе пріятны для глаза. Въ главномъ фасадѣ разработанъ тотъ же сюжетъ, который виденъ во всѣхъ произведеніяхъ этого архитектора: центральныя loggia въ каждомъ изъ трехъ этажей, расположенныя съ правильнымъ и удачнымъ пониманіемъ соразмѣрности, но при этомъ



Домъ для жилья въ Сенъ-Полѣ.

ни малѣйшей рѣзной работы, ничего, кромѣ величественной простоты постройки съ великолѣпной крышей, которая естественно заканчиваетъ это могучее и строгое произведеніе.

Хотя Чикаго и главный городъ на Западѣ, однако же, тамъ есть и другіе значительные города. Не говоря о Сенъ-Луи, находящемся южнѣе, Сенъ-Поль и Миннеполисъ стоятъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Лѣтъ тридцать тому назадъ Сенъ-Поль имѣлъ 14,000 жителей, въ Миннеполисѣ же, расположенномъ какъ разъ противъ него по ту сторону Миссисипи, едва насчитывалось небольшое число домовъ, помимо почты, гостиницъ и лѣсопильныхъ заводовъ, которые были ядромъ поселенія. Нынѣ же въ Миннеполисѣ сотни тысячъ жителей.

Въ Сенъ-Полѣ, коммерческій кварталъ котораго запертъ на узкой полосѣ вдоль рѣки, поневолѣ должны были прибѣгнуть къ высокимъ постройкамъ. Миннеполисъ же стоитъ на просторѣ и можетъ свободно рости во всѣ стороны до безконечности; слѣдовательно, онъ не имѣетъ надобности искать въ высотѣ то мѣсто, котораго у него достаточно на поверхности земли. Но такъ какъ у сосѣдняго города дома высокіе, то и Миннеполисъ захотѣлъ имѣть такіе же, потому что эти два «города-близнеца», какъ ихъ называютъ, такъ соперничаютъ другъ съ другомъ, что ихъ тщеславное чувство соревнованія заглушаетъ утилитарныя стремленія, столь властныя у американцевъ.

Крупныя зданія Миннеполиса и Сенъ-Поля занимаютъ средину между слишкомъ декоративными архитектурными произведеніями и слишкомъ простыми и голыми постройками Чикаго. Однако же въ нихъ несомнѣнно чувствуется вліяніе чикагскихъ архитекторовъ. Такъ, напримѣръ, публичная библіотека въ Миннеполисѣ, своимъ главнымъ фасадомъ, состоящимъ изъ аркады, съ двумя круглыми башнями по обѣимъ сторонамъ, надъ которой выстроенъ этажъ съ совершенно гладкою стѣною, поразительно напоминаетъ планы Ричардсона. Самые же красивые образчики коммерческой архитектуры въ томъ же городѣ, каковы, напримѣръ, коммерческій банкъ и Timber Exchange (биржа строевого лѣса), свидѣтельствуютъ о томъ, что ихъ планъ былъ вдохновленъ работами Джона Уельбринъ Рута. Архитекторы заботятся прежде всего объ утилитарности: они хотятъ, чтобы зданіе не только отвѣчало своему назначенію, но чтобы и своею наружностью оно говорило объ этомъ назначеніи. Поэтому они

Digitized by Google

приберегаютъ всю орнаментацію для главнаго входа; изящество цѣлаго зависитъ отъ соразмѣрности, которая выигрываетъ отъ выступающихъ оконъ и отъ тоненькихъ башенокъ, съ маленькими остроконечными крышами, возвышающимися по обѣимъ сторонамъ большого центральнаго просвѣта.

Храмы не особенно интересны ни здѣсь, ни въ Чикаго. Они или слѣдуютъ болѣе или менѣе удачно освѣщенной вѣками традиціи, какъ пресвитеріанская церковь Св. Павла, или же, какъ зданіе, называемое народною церковью—the People's Church, представляютъ собою не что иное, какъ памятникъ новаго направленія, не носящіе и слѣдовъ религіознаго характера и могущіе съ такимъ же успѣхомъ служить для политическихъ собраній и для торговыхъ складовъ, какъ и для соединенія людей на общую молитву. Можно развѣ сдѣлать исключеніе только для унитаріанской церкви въ Миннеполисѣ, массивное и величественное зданіе которой, не имѣя ничего условнаго, не даетъ, однако же, ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ его назначеніи.

Если на сторонѣ Миннеполиса преимущество въ общественныхъ зданіяхъ то въ Сенъ-Полѣ можно найти наибольшее число самыхъ замѣчательныхъ архитектурныхъ образчиковъ частныхъ жилищъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ ни одного города, у котораго былъ бы такой кварталъ, какъ Summit Avenue; тамъ прохожій, смотря на жилые дома, чувствуетъ, что тутъ богатство тратится безъ чванства и что капризы сдерживаются здравымъ смысломъ и вкусомъ. Помѣщенные здѣсь два рисунка,—одинъ въ цѣломъ, другой какъ одна изъ деталей,—достаточны для того, чтобы дать понятіе, какіе хорошіе результаты могутъ быть достигнуты при сочетаніи фантазіи съ духомъ практичности, если такое сочетаніе совершается въ умахъ хорошихъ художниковъ.

Въ заключеніе этой статьи кстати резюмировать тѣ мысли, которыя, съ глубокимъ знаніемъ архитектурнаго дѣла, на Западѣ высказываетъ Монгомери Шуйлеръ. Общее впечатлѣніе, говоритъ онъ, которое получаетъ при посѣщеніи западныхъ городовъ наблюдатель, пріѣхавшій изъ восточныхъ штатовъ, почти такое же, какое производятъ на европейца всѣ американскіе города, а именно, что ихъ архитектура чрезвычайно эмансипирована. И, дѣйствительно, архитекторы Соединенныхъ Штатовъ менѣе, чѣмъ архитекторы всѣхъ остальныхъ странъ, связаны традиціею, а западные архитекторы еще менѣе, чѣмъ восточные. Какъ гигантскія постройки, такъ и зданія болѣе скромныхъ размѣровъ и жилые дома часто не могутъ быть причислены ни къ какому классу, ни быть подведены подъ какой-нибудь извѣстный уже стиль. Эмансипація, сама по себѣ, не есть, конечно, достоинство; все заключается

Крыльцо въ частномъ домѣ въ Сенъ-Полѣ.

Digitized by Google

въ томъ, чтобы знать, какъ выражается эта эмансипація. Надо признаться, что она не всегда проявляется съ хорошей стороны и что слишкомъ многочисленны неловкія, нелѣпыя и экстравагантныя попытки, непріятно поражающія своею странностью и уродливостью. Многіе архитекторы осуждаютъ тѣ цѣпи, которыя налагаются вѣковыми архитектурными традиціями на учениковъ школы художествъ и даже на артистовъ, которые образовались помимо школы. Они забываютъ, что именно этимъ традиціямъ, этой дисциплинѣ они обязаны основными качествами своего искусства. Стѣсненія, налагаемыя признанной школой или принятымъ стилемъ, хороши для архитектора пропорціонально его собственной неспособности чѣмъ-либо самому себя стѣснять. Для того, чтобы вводить съ успѣхомъ новую идею въ какое бы то ни было искусство, надо, чтобы художникъ предварительно, благодаря своему профессіональному образованію, былъ ознакомленъ съ прекрасными твореніями своихъ предшественниковъ, съ тѣми правилами, которыя установлены теоретиками его искусства и достоинство которыхъ освящено долгимъ опытомъ. И съ такими даже знаніями новаторъ не разъ ошибется, часто будетъ творить неуравновѣшенныя, грубыя произведенія, не отвѣчающія его мечтамъ и стремленіямъ. Но такія неудачи не должны приводить въ уныніе художниковъ и служить отговорками для тѣхъ, которые подъ предлогомъ слѣдованія традиціи и правиламъ, переданнымъ исторіею искусства и примѣненнымъ древними мастерами, продолжаютъ топтаться на мѣстѣ, указанномъ рутиной и подражательностью, не заботясь о разности эпохъ, странъ и требованій.

Вотъ это-то и понимаютъ молодые архитекторы Западной Америки, и можно уже среди тяжелыхъ, неловкихъ и несовершенныхъ попытокъ найти такія ихъ произведенія, которыя выражаютъ прекрасное и полезное въ новыхъ условіяхъ и при новыхъ комбинаціяхъ. Они оставятъ послѣ себя архитектурный стиль, который будетъ выраженіемъ ихъ собственнаго и ихъ національнаго генія. Но если бы даже имъ ни разу не удались ихъ попытки, если бы они были виновны въ составленіи самыхъ неудобоваримыхъ плановъ и въ возведеніи самыхъ экстравагантныхъ построекъ, то и тогда все-таки слѣдуетъ ихъ хвалить и поощрять ихъ попытки и стремленія, потому что, какъ энергично выражается М. Шуйлеръ, можно соскоблить наросты, но нельзя создать душу въ тѣлѣ мертвеца.

Изъ записной книжки служителя при Мюнхенской выставкѣ.

Пишетъ художникъ небо сѣрой краской, а траву коричневой,—онъ, значитъ, послѣдователь школы добраго стараго времени; пишетъ онъ небо голубое, а траву зеленую,—значитъ это реалистъ; изображаетъ онъ зеленое небо и голубую траву,—это, значитъ, импрессіонистъ; если небо желтое, а трава лиловая—это колористъ; если же онъ пишетъ черное небо и красную траву, то это, безъ сомнѣнія, декоративный талантъ.

* * *

Съ тѣхъ поръ какъ ѣзда на велосипедахъ въ ходу, дамы стали меньше выставлять.

* * *

Даже въ почетномъ залѣ видывалъ я иногда хорошія картины.

* * *

О начинающихъ талантахъ судятъ строже всего кончающіе.

* * *

Длинные волосы и бархатный жакетъ, а также цилиндръ и фракъ еще ничего не значатъ; кто хочетъ, чтобы его произведенія замѣтили,—долженъ хорошо умѣть говорить о нихъ самъ.

* * *

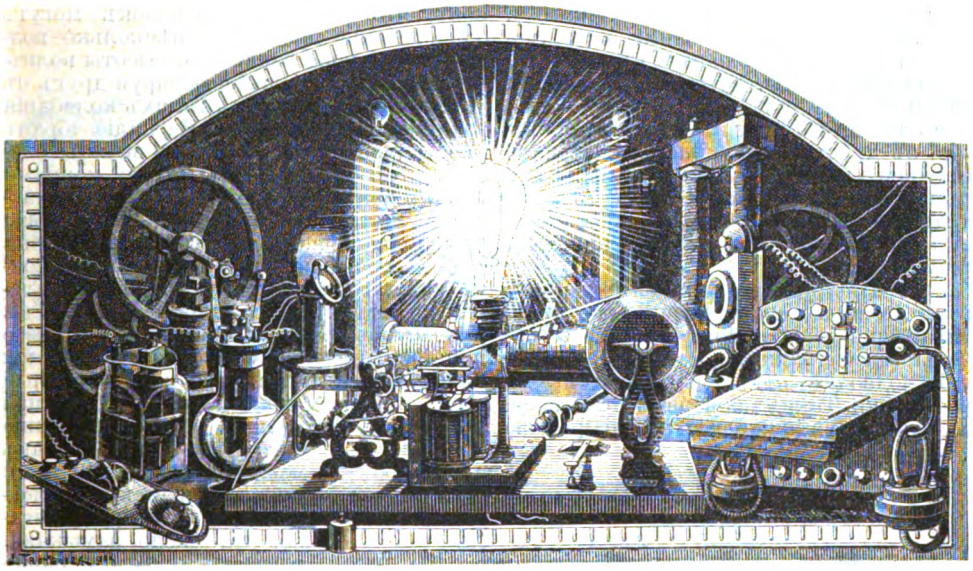
Желалъ бы я знать, почему любящія пары такъ охотно посѣщаютъ залы для архитектуры?

(NB. Потому что никто другой изъ публики туда не заглядываетъ).

* * *

«Кто ругаетъ, тотъ покупаетъ», гласитъ поговорка, но для посѣтителей выставокъ она не подходящая.

Digitized by Google



НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Послѣднія усовершенствованія телеграфа.

Въ Австраліи сдѣлано новое замѣчательное открытіе въ области телеграфіи, которое въ связи съ другимъ, французскимъ, изобрѣтеніемъ, тоже имѣющимъ цѣлью увеличеніе передаточной способности телеграфа, способно произвести переворотъ въ журналистикѣ. Первое изъ этихъ открытій, основанное на соединеніи телеграфа съ пишущей машиной, даетъ возможность передавать по телеграфу до ста семидесяти словъ въ минуту и упрощаетъ, кромѣ того, работу типографій; другое открытіе позволяетъ пересылать по одной телеграфной проволокѣ одновременно двадцать четыре телеграммы и притомъ безразлично—по одному ли направленію или же навстрѣчу другъ другу. На обыкновенномъ аппаратѣ Морзе опытный телеграфистъ можетъ передать всего только пятьдесятъ словъ въ минуту.

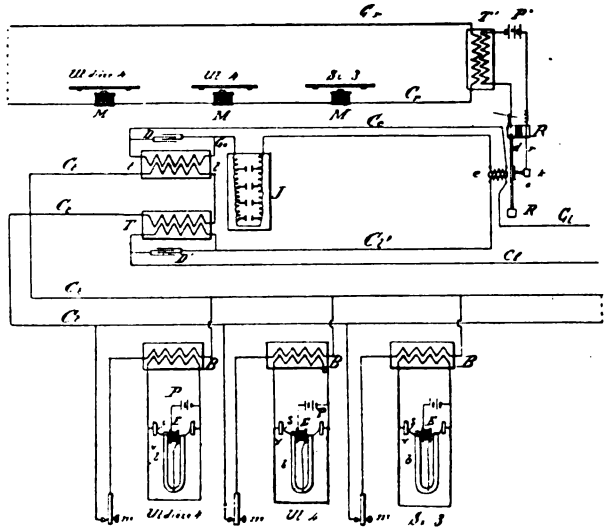
Австраліецъ Дональдъ Муррей (Murray) открылъ способъ съ невѣроятной быстротой работать на телеграфномъ станкѣ. Система Дональда Муррея состоитъ въ слѣдующемъ. Депеша заносится на станціи отправленія на узкую бумажную ленту (12 миллиметровъ ширины). Эта длинная лента продыравлена маленькими круглыми дырочками, проходящими по серединѣ ленты по всей ея длинѣ; онѣ служатъ для точной установки ленты. Пробойникъ, приводимый въ движеніе клавишами, подобно буквамъ на пишущей машинѣ, движется по лентѣ и пробиваетъ въ ней рядъ отверстій, соотвѣтствующій словамъ депеши; эти отверстія означаютъ буквы азбуки Муррея, подобно точкамъ и черточкамъ азбуки Морзе. Такимъ образомъ подготовленная депеша автоматически телеграфируется на пріемную станцію при посредствѣ аппарата Витстона, механизмъ котораго подчиненъ маленькому электромотору, приводимому въ движеніе вибраторомъ. Извѣстное число штифтиковъ въ этомъ передаточномъ аппаратѣ Витстона проходитъ въ отверстія ленты и соединяетъ ударами электрическаго тока станцію отправленія съ пріемнымъ аппаратомъ на конечной станціи, приводимымъ въ движеніе часовымъ механизмомъ. Всѣ отверстія, составляющія посланную телеграмму, автоматически воспроизводятся на лентѣ пріемнаго аппарата, послѣ чего эта послѣдняя автоматически же вводится въ пишущую машину, механизмъ которой представляется наиболѣе интереснымъ въ системѣ Муррея. Дѣйствіе этого механизма состоитъ въ томъ, что пріем-

Digitized by Google

ная лента съ пробитыми въ ней отверстіями проходитъ по маленькому колесу, снабженному металлическими остріями, изъ которыхъ одни входятъ въ отверстія на серединѣ ленты, другія—въ отверстія азбуки Муррея, острія же, не попадающія ни въ тѣ, ни въ другія отверстія, приводятъ въ дѣйствіе клавиши обыкновенной пишущей машины. Остается вложить въ машину листъ бумаги и получить переписанную телеграмму подобно обыкновенной копіи, отпечатываемой пишущими машинами.

Система Муррея позволяетъ сокращать время на подготовку депеши на станціи отправленія, распредѣляя ее между нѣсколькими служащими, которые одновременно подводятъ отдѣльныя части ея подъ пробойники. Такимъ образомъ отправленная телеграмма приходитъ въ четыре раза скорѣе, нежели посланныя аппаратомъ Морзе. Кромѣ того, телеграфная пишущая машина допускаетъ одновременную отправку двухъ телеграммъ по одной проволокѣ при помощи двухъ приборовъ-отправителей. Дональдъ Муррей надѣется достичь возможности одновременной отправки четырехъ телеграммъ по одной проволокѣ, по ста двадцати пяти словъ въ каждой, что составитъ пятьсотъ словъ въ одну минуту! Замѣтимъ кстати, что въ такихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, наши газеты крупнаго формата, приблизительно 50,000 словъ; слѣдовательно весь газетный листъ можетъ быть переданъ по телеграфу въ какіе-нибудь полтора часа,—время, едва достаточное для добросовѣстнаго прочтенія газеты.

Что касается второго, упомянутаго нами изобрѣтенія, то оно сдѣлано французскимъ инженеромъ Меркадіе и основано на томъ положеніи, выставленномъ Бернулли и возведенномъ имъ въ механическій законъ, что по одной проволокѣ могутъ одновременно проходить нѣсколько волнистыхъ токовъ различной высоты волнъ, не сливаясь и не интерферируя другъ съ другомъ. Для полученія такихъ колебаній различной амплитуды Меркадіе бралъ рядъ камертоновъ различной высоты звука отъ си до ля-діезъ; между концами камертоновъ онъ помѣщалъ электромагниты, заставлявшіе дрожать камертоны при прохожденіи электрическаго тока отъ телеграфной батареи. На одномъ концѣ каждаго камертона помѣщался стальной штифтикъ S, то прикасающійся къ винтику v, то отскакивающій отъ него при дрожаніи діапазона, отчего получался прерывистый или, вѣрнѣе, волнообразный токъ, — волнообразный потому, что при дрожаніи камертона токъ собственно не прерывается, такъ какъ между штифтиками S и v проскакиваетъ рядъ электрическихъ искръ. Понятно, что число замыканій тока между S и v равно числу колебаній камертона въ секунду и высота возбужденныхъ волнъ соотвѣтствуетъ высотѣ звука взятаго камертона. При замыканіи тока телеграфной линіи обыкновеннымъ ключомъ M камертонъ приходитъ въ постоянное колебаніе. Если теперь вмѣсто одного камертона включить въ цѣпь двѣнадцать различныхъ камертоновъ, то всѣ они пошлютъ по наружной проволокѣ C двѣнадцать различныхъ по частотѣ и высотѣ волнъ волнообразныхъ токовъ. По телеграфу Меркадіе можно, слѣдовательно, послать одновременно столько телеграммъ, сколько взято камертоновъ разной высоты звука. Каждому камертону на станціи отправленія соотвѣтствуетъ на пріемной станціи монотелефонъ M; колебанія его пластинки, приводимой въ движеніе электромагнитомъ, соотвѣтствуютъ одному опредѣленному звуку, чѣмъ онъ отличается отъ обыкновеннаго телефона, воспроизводящаго всѣ звуки, и именно звуку, издаваемому соотвѣтственнымъ камертономъ станціи отправленія. Звуковая телеграмма, воспроизведенная монотелефономъ, читается по слуху по азбукѣ Морзе. Между аппаратами отправленія и пріема депешъ на одной и той же станціи включена свернутая проволока J, сильнаго сопротивленія, для устраненія вліянія этихъ аппаратовъ другъ на друга, что могло бы имѣть мѣсто, въ виду того, что аппараты эти соединены общей наружной проволокой.



Digitized by Google

Леониды.

Д-ръ I. Пализа,—статья котораго «Ноябрьскія падучія звѣзды» была напечатана въ одиннадцатой (ноябрьской) книгѣ нашего журнала за 1899 годъ,—въ новомъ этюдѣ трактуетъ объ этомъ интересномъ вопросѣ астрономіи.

Какъ извѣстно, большіе рои звѣздныхъ потоковъ ведутъ свое происхожденіе отъ маленькихъ частицъ матеріи, отбрасываемыхъ кометами, вслѣдствіе развивающейся электрической силы, при приближеніи послѣднихъ къ Солнцу. Эти частички, — ихъ можно бы назвать кометною пылью, — движутся обыкновенно по пути, по которому пробѣгаетъ произведшая ихъ комета. Чѣмъ ближе къ головѣ кометы онѣ находятся, тѣмъ меньше онѣ разсѣялись, тѣмъ плотнѣе стоятъ онѣ другъ къ другу. Если Земля придетъ въ такое мѣсто, гдѣ какъ разъ проходитъ такая кометная пыль, то эти частицы попадаютъ, съ ихъ космической скоростью многихъ миль въ секунду, въ нашу атмосферу; громадное треніе о пройденные воздушные слои приводитъ ихъ къ накаливанію, къ свѣченію и къ полному сгоранію.

Д-ръ Вильгельмъ Мейеръ предложилъ гипотезу происхожденія обильныхъ дождей вслѣдствіе охлажденія нашей атмосферы отъ космическихъ причинъ: онъ полагаетъ, что вещество падучихъ звѣздъ, обладающее температурой мірового пространства, по крайней мѣрѣ, очень низкой температурой, состоитъ изъ плотно смерзшихся ледяныхъ зеренъ. Это было бы весьма вѣроятно, но онъ полагаетъ далѣе, что, когда огромное количество такихъ ледяныхъ зеренъ проникаетъ въ атмосферу изъ внѣпланетнаго пространства, это должно повлечь за собою охлажденіе температуры, и, какъ слѣдствіе этого, такую бурю, какую пережила Западная Европа въ 1899 году.

Съ перваго взгляда видно, насколько несостоятельна эта гипотеза: тѣло, которое свѣтится такъ сильно, какъ падучая звѣзда, должно вносить въ атмосферу не охлажденіе, а нагрѣваніе. Пожалуй, можетъ остаться открытымъ еще одинъ вопросъ: всѣ ли падучія звѣзды доходятъ до состоянія свѣченія, и нѣтъ ли еще большаго числа, которыя не настолько сильно нагрѣваются, чтобы свѣтиться, или однимъ словомъ, такихъ падучихъ звѣздъ, которые, тѣмъ не менѣе, остаются холодными? Но эта возможность, поскольку она касается членовъ метеорнаго потока, совершенно исключена, потому что всѣ они вступаютъ въ нашу атмосферу съ одинаковой скоростью и поэтому всегда вызываютъ то же явленіе.

Астрономовъ интересуетъ въ падучей звѣздѣ прежде всего видимый путь, потомъ яркость, цвѣтъ, свѣтящійся слѣдъ, скорость и прочія особенности. Видимый путь представляетъ, по общему правилу, прямую,—и только рѣдко кривую,—линію и, слѣдовательно, вполнѣ опредѣляется начальной и конечной точками. До недавняго времени было только два способа опредѣлять эти двѣ точки. Первый состоитъ въ томъ, что наблюдатель хорошо запоминалъ пройденный путь и зарисовывалъ его на звѣздной картѣ. Но этотъ способъ требуетъ хорошаго знакомства съ звѣзднымъ небомъ, которое можно пріобрѣсти только послѣ долгаго упраж-

Digitized by Google

ненія. Другой способъ основанъ на примѣненіи прибора, такъ называемаго, метеороскопа. Въ главныхъ своихъ частяхъ онъ состоитъ изъ линейки, или діоптра, вращающагося вокругъ вертикальной и вокругъ горизонтальной оси. Линейку сначала направляютъ на исходную точку падучей звѣзды и тогда же отсчитываютъ находящіеся на оси круги. Вслѣдъ за этимъ проходятъ линейкой на память тотъ путь, который падучая звѣзда прошла на небѣ, до той точки, гдѣ она погасла, и опять отсчитываютъ круги. Этотъ способъ совершенно не зависитъ отъ знакомства съ созвѣздіями, но зато очень многаго требуетъ отъ памяти, такъ какъ между установками на начальную и на конечную точку должны быть сосчитаны одинъ разъ круги, и наблюдатель долженъ поэтому въ теченіе нѣкотораго времени удерживать въ памяти положеніе конечной точки. Если наблюдатель, а это имѣетъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ, долженъ самъ заботиться объ отсчитываніи круговъ, то становится очевиднымъ, что это наблюденіе должно давать менѣе точные результаты, нежели первое.

Если одна и та же падучая звѣзда наблюдается изъ двухъ, находящихся въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга пунктовъ, то ея путь по небесному своду представляется каждому наблюдателю иначе, и тогда можно изъ обоюдныхъ данныхъ опредѣлить высоту надъ земной поверхностью и мѣстность, черезъ зенитъ которой она промелькнула, и если бы метеоръ упалъ, то мы были бы даже въ состояніи опредѣлить то мѣсто, куда онъ упалъ, если бы только въ подобномъ случаѣ данныя зачастую не были слишкомъ недостаточны.

Въ звѣздномъ роѣ интересуетъ еще астронома точное положеніе, такъ называемаго, радіанта. А именно, всѣ падучія звѣзды описываютъ въ подобномъ случаѣ параллельные пути. Если среди этихъ многихъ параллельныхъ путей одинъ проложенъ такъ, что на его продолженіи стоитъ наблюдатель, то наблюдатель увидитъ, что падучая звѣзда вспыхнула и исчезла въ одной и той же точкѣ неба. Онъ наблюдалъ неподвижный метеоръ. Всѣ же другія падучія звѣзды оказываются такъ проектированными на небѣ, что ихъ видимые пути, — такъ обозначается путь на тверди небесной, — будучи мысленно продолжены назадъ, перекрещиваются взаимно въ той точкѣ, гдѣ мелькнулъ неподвижный метеоръ. Это и есть радіантъ, или точка лучистаго расхожденія потока, такъ какъ изъ этой точки кажутся выходящими всѣ падучія звѣзды.

Радіантъ, слѣдовательно, имѣетъ основное значеніе, такъ какъ онъ показываетъ намъ абсолютное направленіе, по которому слѣдуетъ въ этой точкѣ своего движенія рой падучихъ звѣздъ. Что это направленіе вполнѣ тождественно съ направленіемъ, по которому незадолго до того пошла, проходящая черезъ то же мѣсто солнечной системы, комета, служитъ рѣшающимъ доводомъ въ пользу упомянутой вначалѣ связи между кометою и роемъ падучихъ звѣздъ. Главная задача наблюдателя — съ точностью опредѣлить положеніе радіанта, чтобы впослѣдствіи быть въ состояніи констатировать перемѣны. Но точность, присущая для этой цѣли обоимъ упомянутымъ способамъ наблюденія, весьма мала, и поэтому найдутъ понятнымъ, что положительно жаждали лучшаго способа наблюденія. Успѣхи фотографіи сдѣлали возможнымъ и здѣсь посадить на мѣсто наблюдателя фотографическую пластинку, и если раньше довольствовались точностью до одного градуса, теперь достигаютъ точности до одной минуты. Этотъ способъ имѣетъ только два недостатка: во-первыхъ, на фотографической пластинкѣ зарисовываются только болѣе яркія падучія звѣзды, до звѣздъ второй величины включительно, и, во-вторыхъ, наблюдатель не въ состояніи направлять свой аппаратъ туда, гдѣ вспыхнула падучая звѣзда, такъ какъ это оказывается всегда слишкомъ поздно. Если даже поле зрѣнія фотографической пластинки относительно велико, то для даннаго случая надо считать его все-таки относительно малымъ. Наблюдатель вынужденъ направлять свой аппаратъ на ту часть неба, относительно которой онъ предполагаетъ, что въ ней будутъ проходить падучія звѣзды. Онъ долженъ, слѣдовательно, положиться на случай или на свое счастіе, развѣ только, что онъ въ состояніи наставить, и пользоваться ихъ услугами, большее число аппаратовъ, изъ которыхъ каждый направленъ на отдѣльную часть неба такимъ образомъ, чтобы всѣ вмѣстѣ охватили большее поле. Иначе обстоитъ дѣло въ случаѣ появленія обильнаго звѣзднаго потока, какой, напримѣръ, ожидался въ ноябрѣ 1899 года. Въ этомъ случаѣ наблюдатель найдетъ нѣсколько падучихъ звѣздъ въ теченіе короткаго времени зарисованными на его пластинкѣ, если онъ будетъ имѣть осторожность направить свой аппаратъ на площадь радіаціи. Ясно, что изъ двухъ, одинаково яркихъ, падучихъ звѣздъ та оставитъ на фотографической пластинкѣ болѣе сильный отпечатокъ, которая медленнѣе пробѣгаетъ по своему видимому пути. Но именно тѣ падучія звѣзды, которыя появляются вблизи радіанта, описываютъ свой видимый путь медленнѣе, нежели болѣе далеко вспыхивающія, хотя въ пространствѣ движутся онѣ съ одинаковой скоростью. Изъ падучихъ звѣздъ далеко въ сторону отъ радіанта можно, значитъ, сфотографировать только самыя яркія,—

Digitized by Google

такія, которыя свѣтятся такъ сильно, какъ развѣ планета Венера.

Въ ноябрѣ замѣчательны два большихъ потока падучихъ звѣздъ: потокъ леонидъ и потокъ біэлидъ. Первый получилъ свое названіе отъ того, что его радіантъ лежитъ въ созвѣздіи Льва (Leo); второй — отъ того, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ кометѣ Біэла. О потокѣ леонидъ имѣются вѣрныя свѣдѣнія отъ 1799, 1833 и 1866 годовъ; далѣе имѣются свѣдѣнія о большихъ звѣздныхъ паденіяхъ изъ прежнихъ временъ, очевидно относящіяся къ этому потоку. Число мѣсяца съ теченіемъ времени измѣнилось въ смыслѣ запозданія. Составляющіе потокъ метеоры очень ярки, бѣлаго цвѣта и во много разъ превосходятъ по яркости Венеру. Далѣе проф. І. Пализа описываетъ свою «маленькую предварительную экспедицію въ Земмерингъ» въ ноябрѣ 1898 г., о желательности которой онъ говорилъ въ предыдущей статьѣ. [1])

Несмотря на то, что въ 1898 году ждали наибольшаго напряженія потока только къ 14 ноября, я уже къ 13 ноября отправился въ сопровожденіи г. Редена на Земмерингъ и расположилъ на обращенномъ къ востоку балконѣ «Hotel Panhans» свою наблюдательную станцію. Ночь была очень ясная, только на югѣ въ Земмерингской сѣдловинѣ лежалъ туманъ, который, поднимаясь изъ Штиріи въ Фрешнитцталь, непрерывно перекатывался къ сѣверу, но намъ нисколько не мѣшалъ. Въ эту ночь мы видѣли лишь очень немного падучихъ звѣздъ, едва десятокъ въ часъ, и такія слабыя, что мы совсѣмъ оставили въ бездѣйствіи принесенные съ собою фотографическіе аппараты. Слѣдующій день былъ чудный и теплый, такъ что мы рѣшили предпринять маленькую развѣдочную прогулку на близъ лежащій Зоннвендштейнъ. Эта прогулка была тѣмъ полезна, что мы бросили взглядъ на пелену тумана, тянущуюся въ долинахъ въ то время, какъ равнина на сѣверѣ вся была окутана густымъ туманомъ. Поздно вечеромъ прибылъ ночнымъ скорымъ поѣздомъ директоръ обсерваторіи проф. Вейссъ и ландсекретарь д-ръ Костерицъ. Послѣдній привезъ еще свой собственный фотографическій аппаратъ. Погода у «Гостиницы Пангансъ» стояла очень перемѣнчивая: то ясно, то туманъ. Поэтому уже въ поздній часъ было рѣшено установить наблюдательную станцію выше и перебраться посему со всѣмъ скарбомъ на Зоннвендштейнъ, для каковой цѣли г. Пангансъ любезно предоставилъ намъ двухъ носильщиковъ.

Уже было за полночь, когда мы начали наше выступленіе. У гостиницы «Эрцгерцогъ Іоганнъ» былъ густой туманъ, но когда мы поднялись едва на пятьдесятъ метровъ, мы увидѣли уже небо въ полной ясности. Это окрылило наши шаги и еще сильнѣе побуждало насъ идти впередъ, какъ лѣсъ освѣтился и мы увидѣли большое число падучихъ звѣздъ, мчавшихся по небесному своду. Въ 3 часа утра на площадкѣ передъ страннопріимнымъ домомъ была разбита станція и поставлены наши приборы. Стоящій на дворѣ столъ избавилъ насъ отъ необходимости будить хозяина и выпрашивать себѣ эту, необходимую для насъ, мебель. Мы были въ большомъ, радостномъ возбужденіи; мы чувствовали какъ бы удовлетвореніе, что потокъ дѣйствительно явился, такъ какъ если астрономія въ состояніи заранѣе опредѣлять самымъ точнымъ образомъ солнечныя или лунныя затменія, въ данномъ случаѣ царитъ всегда извѣстная неувѣренность, которая должна быть сводима къ недостаточнымъ основаніямъ, на которыхъ эти предсказанія покоятся. Каждое мгновеніе раздавалось восклицаніе: «Падучая звѣзда (метеоръ), хвостъ, огненный шаръ», которымъ мы обозначали тѣ, которыя были ярче звѣзды первой величины. Къ тому же и температура была самая пріятная, такъ что мы нисколько не устали, когда надвинулось утро. Мы даже рѣшили позволить себѣ посмотрѣть восходъ солнца. Намъ удалось въ теченіе едва двухъ часовъ видѣть до 250 падучихъ звѣздъ, изъ которыхъ большая часть была очень яркая. Ихъ цвѣтъ былъ вообще бѣлый, нѣкоторые огненные шары показывали зеленоватую окраску.

Опять-таки мы имѣли случай наблюдать падучія звѣзды съ хвостомъ. Это — свѣченіе пути, пройденнаго звѣздою, въ единичныхъ случаяхъ продолжающееся до четверти минуты и происходящее отъ свѣченія частицъ, отдѣляющихся отъ падучей звѣзды. Когда наступили утреннія сумерки, мы могли замѣчать уже только самые свѣтлые метеоры, но нѣкоторые были еще видны вплоть до восхода солнца, а хозяинъ страннопріимнаго дома, г. Валльнеръ, который въ 6 часовъ утра покинулъ свое ложе и присоединился къ намъ, былъ увѣренъ, что видѣлъ метеоръ даже послѣ восхода солнца. Какъ разъ эти послѣдніе позволяли заключить, что максимумъ количества еще не прошелъ и

[1]) **Приводимъ соотвѣтствующее мѣсто изъ этой статьи: «Явленіе приходится, къ сожалѣнію, на время года, отличающееся болѣе туманами, нежели яснымъ небомъ, такъ что шансы увидать что-нибудь въ Вѣнѣ не особенно благопріятны. Справка показываетъ, однако, что около этого времени въ нашихъ Альпахъ, въ особенности въ Земмерингской области, часто царитъ самая ясная погода, въ то время какъ Вѣна окутана туманами, и слѣдуетъ поэтому тѣмъ, у кого есть возможность, предпринять туда маленькое путешествіе, чтобы увеличить шансы.» (Ноябрьскія падучія звѣзды. «Нов. Жур. Иностр. Лит.» 1899 г. ноябрь, стр. 154).**

Digitized by Google

падалъ на дневное время 15-го. Среднимъ числомъ мы считали двѣ падучія звѣзды въ минуту. Это было не слишкомъ много, но все же вполнѣ достаточно, чтобы вызвать наше полное удовлетвореніе. Мы были еще болѣе довольны впослѣдствіи, узнавъ, что мы были почти одни во всей Европѣ, которые что-нибудь видѣли; вездѣ господствовала дурная погода, и въ Вѣнѣ равнымъ образомъ было очень плохо въ этомъ отношеніи. Какія, впрочемъ, усилія были сдѣланы другими астрономами, чтобы удостовѣриться, по крайней мѣрѣ, во множествѣ падучихъ звѣздъ, показываетъ тотъ интересный фактъ,—его можно было бы назвать гусарской штукой,—что извѣстный французскій астрономъ Жанссенъ въ критическую ночь поднялся за облака въ воздушномъ шарѣ!

Знаменитымъ астрономомъ Пикерингомъ было разставлено въ разныхъ мѣстахъ, въ окрестностяхъ Кэмбриджа, въ Америкѣ, большое число наблюдателей съ фотографическими аппаратами. Погода имъ благопріятствовала, и въ среднемъ тамъ было видно еще больше падучихъ звѣздъ, нежели нами, такъ что, дѣйствительно, наше предположеніе, что maximum падалъ на дневное время 15-го числа нашло свое потвержденіе.

На слѣдующій день г. Реденъ и я остались еще на Зоннвендштейнѣ, чтобы наблюдать, что покажетъ эта ночь. Но было видно уже очень немного падучихъ звѣздъ,—едва одна въ каждыя десять минутъ; въ 1 ч. 30 мин. протянулась по небесному своду полоса тумана, который въ 3 часа такъ сильно сгустился, что мы болѣе ничего не могли различать. Но среди немногихъ, которыя мы видѣли, были семь рѣдкой яркости, ни въ чемъ не уступавшихъ падавшимъ наканунѣ.

Наша экспедиція въ Земмерингъ имѣла еще и другую цѣль,—воочію испытать, какія громадныя выгоды произошли бы для науки астрономіи, если бы въ этой мѣстности основать, какъ это было предложено д-ромъ Костерзицемъ въ «Neue Freie Presse» отъ 29 августа 1898 года, постоянную обсерваторію. Во-первыхъ, такая горная обсерваторія, какихъ въ Америкѣ уже много существуетъ, располагаетъ гораздо болѣе яснымъ небомъ: такъ какъ очевидно, что если пасмурно въ горахъ, то пасмурно и на равнинѣ; съ другой стороны, равнина можетъ быть покрыта густыми облаками въ то время, какъ гора какъ разъ въ то же самое время наслаждается самымъ подходящимъ для наблюденія небомъ. Во-вторыхъ, и условія наблюденія лучше. Всякій можетъ замѣтить, что на высокихъ горахъ небесный сводъ показываетъ больше звѣздъ, нежели на равнинѣ. Свѣту не нужно проникать такъ глубоко въ атмосферу, вслѣдствіе этого онъ не такъ сильно поглощается, и поэтому, при одинаковыхъ вспомогательныхъ средствахъ, на горахъ видно гораздо больше. Особенную важность это обстоятельство имѣетъ для фотографическихъ наблюденій, потому что синіе и фіолетовые, такъ называемые химическіе, лучи сильнѣе всего абсорбируются, или поглощаются, атмосферой. Поэтому нужно настоятельно желать, чтобы сдѣланное въ Нижнеавстрійскомъ ландтагѣ предложеніе устроить въ снѣговыхъ горахъ обсерваторію было осуществлено или чтобы богатый частный человѣкъ пожертвовалъ при жизни или въ завѣщаніи необходимыя для такого предпріятія средства.

Величайшею важностью и главнѣйшею цѣлью этой предварительной экспедиціи было узнать, будутъ ли видны на нашихъ пластинкахъ пути тѣхъ падучихъ звѣздъ, которыя проходили по очерченному обоими нашими аппаратами полю зрѣнія. На самомъ дѣлѣ оказались отпечатанными три, изъ которыхъ одна, появившаяся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ радіантомъ и оставшаяся вслѣдствіе этого почти неподвижною, оставила на пластинкѣ очень сильную черту, тогда какъ двѣ другія, начавшія свой путь дальше въ сторону отъ радіанта, оставили гораздо болѣе слабые отпечатки и не такъ легко были узнаваемы. Такъ какъ изъ 250 падучихъ звѣздъ только немногія прошли въ полѣ зрѣнія нашихъ приборовъ, то мы были вполнѣ довольны достигнутыми результатами.

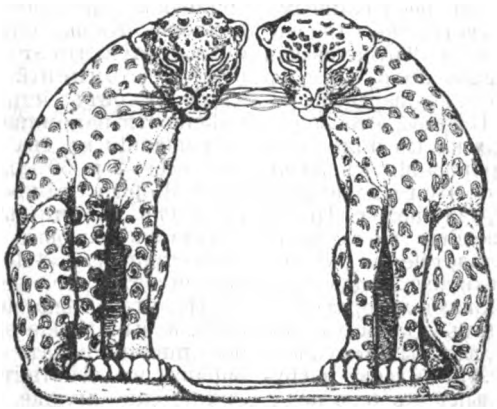
Въ Америкѣ получили въ ту же ночь 34 пути падучихъ звѣздъ, которые относились къ 11 различнымъ метеорамъ. Самое большое число полученныхъ однимъ инструментомъ путей составляло 5. Всѣ они были получены вблизи радіанта въ окружности въ 25 градусовъ и только два внѣ этого предѣла, хотя пространство, занятое разставленными аппаратами внѣ этихъ 25 градусовъ, было въ четыре раза больше вышеназваннаго. Мы пользовались двумя совсѣмъ обыкновенными аппаратами, какіе имѣетъ всякій фотографъ или любитель; но только мы позаботились о томъ, чтобы ихъ можно было направлять на небо, чего обыкновенная установка не дозволяетъ. Отношеніе фокуснаго разстоянія къ отверстію объектива здѣсь имѣетъ большое значеніе. Отношеніе 1 5 мало даетъ, тогда какъ съ отношеніемъ 1:4 можно достигнуть уже очень многаго. Очевидно, что мы пользовались лишь самыми свѣточувствительными пластинками. Нашъ способъ наблюденія состоялъ въ томъ, что мы направили аппараты на радіантъ. Тогда снималась крышечка и точно отмѣчалось время, когда это имѣло мѣсто. Задача наблюдателя состояла теперь въ томъ, чтобы не сводить глазъ съ соотвѣтственной мѣстности и, какъ только онъ видѣлъ яркую падучую звѣзду, которая

Digitized by Google

проходила черезъ поле зрѣнія, сообщать объ этомъ протоколисту, который со всей возможной точностью отмѣчалъ время. Равнымъ образомъ, отмѣчалось время, когда крышечка закрывалась. Что же показывала фотографическая пластинка послѣ раскрытія ея? Прежде всего было видно очень большое число слегка изогнутыхъ, но вообще параллельныхъ линій, которыя, въ виду того, что аппаратъ стоялъ неподвижно, были проведены неподвижными звѣздами. По толщинѣ линіи можно было тотчасъ заключать о яркости звѣзды, которой принадлежитъ линія; также начальныя или конечныя точки давали вѣрное изображеніе созвѣздія, такъ что, слѣдовательно, значеніе чертъ было вполнѣ ясно. Но пути падучихъ звѣздъ были прямыя линіи, проходящія въ другомъ направленіи.

Однако, чтобы опредѣлить положеніе пути падучей звѣзды среди звѣздъ, нужно было знать, какія точки линій, проведенныхъ неподвижными звѣздами, относятся къ моменту вспышки падучей звѣзды. Если бы наблюдатель вслѣдъ за появленіемъ падучей звѣзды тотчасъ закрывалъ объективъ, то, очевидно, конецъ линіи отъ неподвижной звѣзды соотвѣтствовалъ бы искомому мѣсту; если же объективная крышка только впослѣдствіи накладывалась, то упомянутыя раньше указанія времени служатъ для того, чтобы найти искомое. Чтобы еще болѣе облегчить опредѣленіе, наблюдатель долженъ былъ зарисовать на предлежащей звѣздной картѣ путь видѣнной имъ падучей звѣзды и отмѣтить его тамъ нумеромъ, отмѣчаемымъ также протоколистомъ. Для этой цѣли весьма пригодны особо изданные д-ромъ Карломъ Рорбахомъ въ Берлинѣ (изданія Фердинанда Дюммлера) листки.

Какъ видно, воспринятіе падучихъ звѣздъ не требуетъ никакихъ особенныхъ инструментовъ; но въ единичныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, падучая звѣзда пробѣгаетъ путь, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которымъ передъ тѣмъ прошла другая падучая звѣзда, можетъ всегда возникнуть сомнѣніе, который изъ обоихъ, имѣющихся на пластинкѣ, путей принадлежитъ первой или второй падучей звѣздѣ, такъ что въ такихъ случаяхъ, можетъ быть, окажется необходимымъ выпустить обѣ падучія звѣзды при опредѣленіи площади радіаціи. Это зло устраняется параллактической установкой камеры, снабженной часовымъ механизмомъ. При такой, дорого уже стоящей, установкѣ фотографическія камеры автоматически вращаются вслѣдъ за звѣздами, такъ что неподвижныя звѣзды не проводятъ уже на пластинкахъ линій, а являются, смотря по яркости ихъ, въ видѣ бо́льшихъ или меньшихъ точекъ...



Digitized by Google

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ.

«Впервые на русскомъ языкѣ».

И небываемое бываетъ.
Петръ Великій.

Такъ называется печатный товаръ самаго послѣдняго фасона, изготовляемый предпріимчивостью гостинодворскаго издательства. Честь этого примѣчательнаго изобрѣтенія принадлежитъ купцу Гр. Пантелееву, судя по его объявленіямъ, знатоку «всѣхъ выдающихся иностранныхъ изящныхъ литературъ», который, благодаря своимъ столь исключительнымъ познаніямъ, можетъ «неуклонно преслѣдовать поставленныя задачи и безъ промедленія знакомить читателей со всѣми выдающимися новинками, принадлежащими перу талантливѣйшихъ представителей иностранныхъ литературъ». Это «неуклонное преслѣдованіе поставленныхъ задачъ» и ознакомленіе «безъ промедленія» облегчается въ данномъ случаѣ тѣмъ особенно, что г. Пантелеевъ имѣетъ при себѣ достойнаго партнера и ближайшаго исполнителя его хозяйской воли въ лицѣ редактора г. С. Трубачева, который, насколько извѣстна его причастность къ журналистикѣ, такой же феноменальный спеціалистъ по части «всѣхъ выдающихся иностранныхъ изящныхъ литературъ», какъ и самъ гостинодворецъ - издатель. Нечего удивляться, что для сихъ двухъ спеціалистовъ своего дѣла оказывается вполнѣ возможнымъ даже то, что людямъ, не свободнымъ отъ предразсудковъ образованія, представляется совершенно непостижимымъ.

Такимъ именно поистинѣ неслыханнымъ показалось намъ торжественно заявленное гг. Пантелеевымъ и Трубачевымъ обѣщаніе ихъ «впервые на русскомъ языкѣ иллюстрировать» переводъ романа Лесажа «Жиль Блазъ». Это новое примѣненіе родного языка къ иллюстрированію либо иллюстрированія къ языку тѣмъ болѣе любопытно, что въ изданіяхъ г. Пантелеева подъ редакціей г. Трубачева русскій языкъ вообще не въ авантажѣ обрѣтается. Вслѣдствіе ли ихъ исключительнаго знанія «всѣхъ выдающихся иностранныхъ изящныхъ литературъ», или же это не входитъ въ число «поставленныхъ задачъ», которыя «неуклонно» «преслѣдуютъ» гг. Пантелеевъ и Трубачевъ, но русскій языкъ въ ихъ изданіяхъ дѣйствительно порядкомъ - таки страдаетъ. Иногда напоминаетъ онъ жестокій стиль тѣхъ библіотечныхъ сторожей, которые вмѣсто того, чтобы сметать пыль съ ввѣренныхъ ихъ охранѣ книгъ, развязно судятъ о нихъ, перемѣшивая свойственный имъ лакейскій жаргонъ съ коверканьемъ высокопарныхъ фразъ, выхваченныхъ изъ книгъ, какъ свидѣтельствуютъ и приведенныя выше цитаты изъ печатныхъ произведеній гг. Пантелеева и Трубачева.

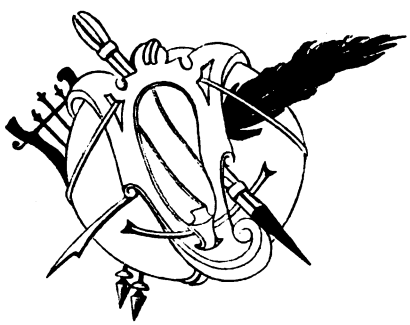
Однако, что же означаетъ «впервые на русскомъ языкѣ иллюстрировать»? Да не подумаетъ читатель, что подобная комбинація несовмѣстимыхъ вещей—иллюстрировать на языкѣ—есть просто случайная обмолвка. Предполагать, что тутъ надо разумѣть «первый русскій переводъ», тоже немыслимо. Даже самое наглое рыночное торгашество, которое неуклонно держится того правила, что «не обманешь—не продашь», даже такое торгашество не дерзнуло бы посулить читателямъ «впервые на русскомъ языкѣ» переводъ «Жиль Блаза», ибо русскіе переводы этого романа дѣлались не разъ. Да и неоднократное повтореніе необычайнаго обѣщанія — «впервые на русскомъ языкѣ иллюстрировать»—должно убѣдить всѣхъ и каждаго, что столь загадочная для другихъ комбинація вполнѣ ясна и разрѣшима для купца Пантелеева вкупѣ съ его редакторомъ г. Трубачевымъ, что они пресеріозно рѣшили выполнить эту небываемость. А какъ они задумали сдѣлать «Жиль Блазъ» «впервые на русскомъ языкѣ иллюстрированнымъ», это видно изъ слѣдующаго ихъ заявленія: «Портретъ Лесажа и иллюстраціи будутъ заимствованы изъ роскошнаго изданія его сочиненій, украшеннаго гравюрами художника Жоржа Сталя.» Но на повѣрку оказывается, что это «роскошное изданіе» всѣхъ сочиненій Лесажа на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ одного тома, по внѣшности напоминающаго наши дешевыя изданія въ два столбца (да и цѣна его—всего 2 р. 50 к.), а «гравюръ художника Жоржа Сталя» вклеено тамъ только пять штучекъ! Не это ли именно означаетъ «впервые на русскомъ языкѣ иллюстрировать»? Не въ томъ ли и заключается здѣсь вся неслыханная небываемость, что обѣщаніе остается само по себѣ, а выполненіе его — дѣло иное, что, посуливши читателямъ чистопробную оправу, въ дѣйствительности дашь имъ лишь одно аплике, вмѣсто настоящаго цѣннаго металла — какой-то сплавъ сомнительнаго сурогата? Правда, въ практикѣ рыночниковъ этотъ пріемъ давно испытанъ и никого не удивилъ бы, но въ журналистикѣ такое беззастѣнчивое... иллюстрированіе издательской предпріимчивости дѣлается, дѣйствительно, «впервые на русскомъ языкѣ».

Digitized by Google

О КИТАѢ

СТАРОЕ И НОВОЕ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

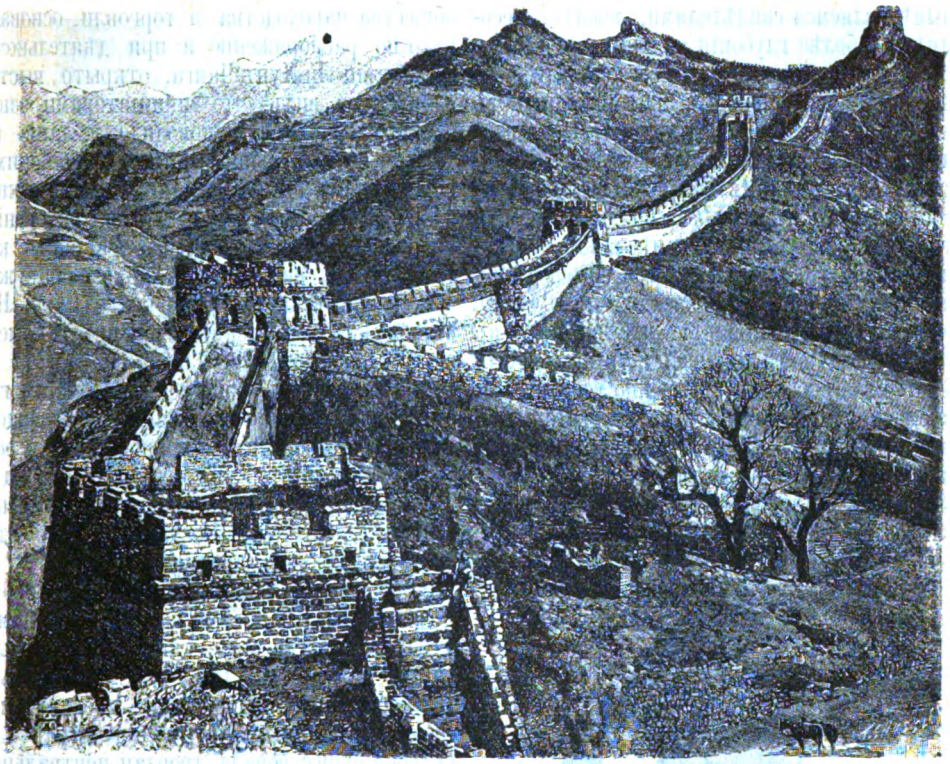


Изданіе Редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

Digitized by Google

Digitized by Google



Часть великой китайской стѣны.

О КИТАѢ.

I.

Китайскія смуты и причины ихъ.

Китайскій вопросъ опять выступилъ на первый планъ; опять на Срединную имперію обращены тревожные взгляды всей Европы. Что такое въ дѣйствительности происходитъ въ Китаѣ,—этого точно мы, въ ту минуту, когда пишутся настоящія строки, пока еще не знаемъ, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что тамъ происходитъ что-то крайне неладное. Достовѣрно извѣстно лишь то, что германскій посланникъ Кетеллеръ убитъ бунтовщиками на пути въ Цзунъ-ли-Ямынь, что европейскія миссіи въ Пекинѣ находятся въ осадѣ, причемъ большая часть изъ нихъ совершенно разрушена, и что революціонное движеніе, вызванное Большими Кулаками, разростается все болѣе и болѣе. Въ томъ, что это движеніе направлено главнымъ, если только не исключительнымъ, образомъ противъ европейцевъ, — къ сожалѣнію, не можетъ быть болѣе уже никакого сомнѣнія. Но какія же причины вызвали означенное движеніе? Обыкновенно, какъ на одну изъ такихъ причинъ,—и притомъ причинъ ближайшихъ, указывается на занятіе нѣмцами Кіао-Шау, но это событіе было скорѣе лишь поводомъ къ началу движенія, послѣднею каплею, переполнившею сосудъ. Въ основаніи же всѣхъ тѣхъ событій, которыхъ мы

Digitized by Google

нынѣ являемся свидѣтелями, лежатъ, несомнѣнно, болѣе глубокія причины и, между прочимъ, конечно, прежде всего, та глубокая непримиримая ненависть, которую питаетъ къ европейцамъ каждый китаецъ, безъ различія своего званія и образованія. Китайскіе ученые въ этомъ отношеніи не только не составляютъ исключенія, но даже, напротивъ, нерѣдко гораздо сильнѣе всѣхъ остальныхъ ненавидятъ «заморскихъ чертей», пришедшихъ смущать ихъ страну, такъ какъ очень хорошо понимаютъ, что введеніе въ Китаѣ западной цивилизаціи, въ сущности, было бы равносильно крушенію всей его современной правительственной системы, а между тѣмъ вѣдь на послѣдней-то и основано все ихъ личное благосостояніе; вслѣдствіе этого, тѣ изъ нихъ, которые познакомились ближе съ нашей современной культурой, ко-

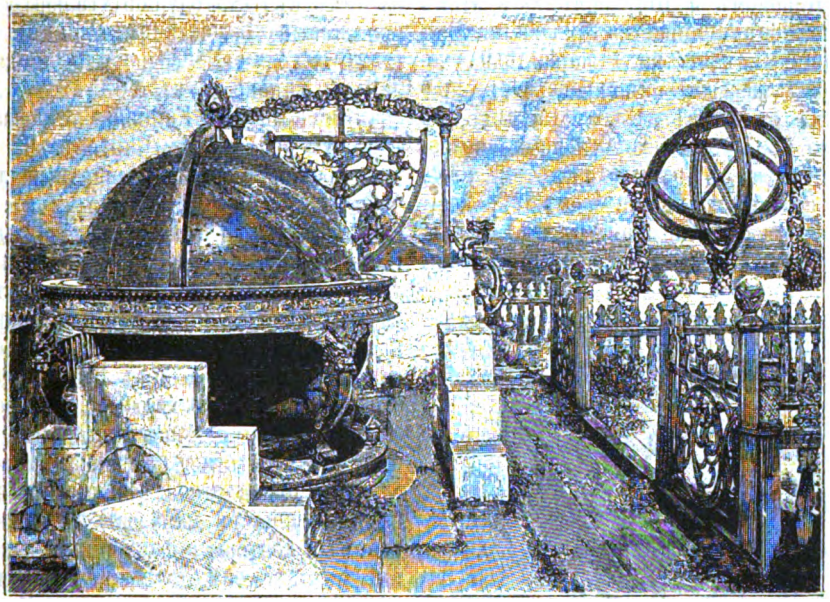
Ли-Хунъ-Чангъ.

торые дополнили свое образованіе въ европейскихъ университетахъ и военныхъ школахъ,—а есть и такіе,—часто оказываются самыми заклятыми нашими врагами. Въ настоящее время, несомнѣнно, наиболѣе выдающимися среди китайскихъ сановниковъ, какъ по своему уму, такъ и по своему развитію, являются Ли-Хунъ-Чангъ, вице-король провинціи Куангъ и Чангъ-Че-Тонгъ, вице-король провинціи Ху; но и они относительно европейцевъ вполнѣ раздѣляютъ враждебныя чувства своихъ соотечественниковъ. Такъ, въ одномъ изъ конфиденціальныхъ донесеній, представленныхъ директоромъ Китайскаго общества пароходства и торговли, основаннаго по распоряженію и при дѣятельномъ содѣйствіи Ли-Хунъ-Чанга, открыто выставляется на видъ, что иниціаторами означеннаго общества руководило желаніе не только создать конкуренцію европейскимъ пароходнымъ компаніямъ, но, если возможно, добиться такимъ путемъ ихъ разоренія. Вообще, надо сознаться, что ненависть китайцевъ къ европейцамъ ярко обнаруживается при всякомъ удобномъ случаѣ. Невольно поэтому возникаетъ вопросъ: отчего же это происходитъ?

Чтобы уяснить, какимъ образомъ могло создаться такое грустное положеніе вещей, лучше всего обратиться къ прошлому и особенно разсмотрѣть, какъ съ самаго начала возникли и затѣмъ установились сношенія Европы съ Китаемъ. Постараемся это сдѣлать въ возможно краткомъ очеркѣ.

Современныя синологическія данныя съ полною убѣдительностью показываютъ намъ, что Небесная имперія,—какъ называютъ китайцы свое государство,—уже за нѣсколько тысячелѣтій до нашей эры представляла собой довольно благоустроенную страну, въ которой существовала твердая центральная власть, и которая, въ общемъ, отличалась сравнительно довольно высокой степенью культуры. Тамъ издавна было уже извѣстно искусство письма; многія ремесла и искусства также существовали у китайцевъ съ незапамятныхъ временъ; не чужды были древнимъ китайскимъ ученымъ и нѣкоторыя астрономическія познанія. Была у нихъ и своя особая своеобразная картографія. Такъ, еще императоръ Ю, царствовавшій около 2800 года до Р. Хр., повелѣлъ отлить девять большихъ мѣдныхъ шаровъ, на которыхъ выгравированы были рельефныя изображенія девяти тогдашнихъ китайскихъ провинцій, вмѣстѣ со списками государственныхъ доходовъ, доставляемыхъ каждой изъ этихъ провинцій. Означенныя вазы почитаются священными и носятъ названіе кіею-тинговъ; онѣ описаны до мельчайшихъ подробностей еще въ книгѣ Се-ки, составленной въ 104 году до Р. Хр. философомъ Се-Мачиномъ. По нимъ можно заключить, что при императорѣ Ю въ составъ Китайскаго государства входили лишь области, орошаемыя рѣками Гоанго и Янъ-Тце-Кіангомъ. Впослѣдствіи границы Китая расширились, причемъ ранѣе всего онѣ стали распространяться на югъ и

Digitized by Google



Обсерваторія въ Пекинѣ.

на юго-западъ въ направленіи Тонкина и Туркестана. Во второмъ вѣкѣ до Р. Хр. китайцы занесли въ Туркестанъ свой шелкъ, который затѣмъ проникъ оттуда и въ Европу; по крайней мѣрѣ, римляне познакомились съ нимъ еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр., и ихъ писатели означеннаго періода уже упоминаютъ о textilia serica, шелковыхъ матеріяхъ, привозившихся при посредствѣ каравановъ, черезъ Персію и Малую Азію, изъ Serica regio, страны шелка, которая, какъ можно догадываться, находилась тамъ, гдѣ нынѣ расположенъ Тсе-Чуанъ. Затѣмъ, въ началѣ христіанской эры, именно уже въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр., римляне имѣли, черезъ посредство египтянъ, уже болѣе точныя свѣдѣнія о существованіи на крайнемъ Востокѣ обширной Китайской имперіи, которую они означали словомъ Sinae. Китайцы, съ своей стороны, около того же времени также получаютъ, повидимому, черезъ посредство пареянъ, съ которыми они имѣли сношенія и царство которыхъ граничило съ Римской имперіей, первыя свѣдѣнія о римлянахъ, которыхъ они называютъ Та-Тзинами. Въ китайскихъ лѣтописяхъ упоминается даже о какомъ-то посольствѣ, будто бы отправленномъ къ китайскому правительству въ 166 году по Р. Хр. императоровъ Та-Тзиновъ Анъ-Тауномъ. Время это соотвѣтствуетъ царствованію Марка-Аврелія. Изъ римскихъ источниковъ намъ ничего неизвѣстно о такомъ посольствѣ; но весьма возможно, что какой-нибудь предпріимчивый римскій купецъ и проникъ тогда въ Китай съ торговыми цѣлями, дошелъ до Пекина и тамъ нашелъ возможнымъ представиться высшему китайскому правительству въ качествѣ римскаго гражданина. Затѣмъ, въ VI вѣкѣ одинъ египетскій торговецъ шелкомъ, по имени Космасъ, имѣвшій нѣсколько торговыхъ кораблей, ходившихъ въ восточныя моря, завязалъ непосредственныя торговыя сношенія съ Китаемъ, какъ это видно изъ дошедшаго до насъ собственнаго его сообщенія объ означенныхъ сношеніяхъ. Вскорѣ послѣ паденія Западной Римской имперіи затѣяли вступить въ коммерцію съ Китаемъ арабы, и, повидимому, не безъ успѣха, какъ это доказывается, между прочимъ, такимъ неоспоримымъ документомъ, какъ сохранившійся до нашего времени разсказъ о томъ двухъ путешественниковъ-мусульманъ, которые, какъ оказывается, ежегодно посѣщали китайскій портъ Гампонъ, существующій и понынѣ на сѣверномъ берегу широкаго залива, въ который впадаетъ рѣка Янъ-Тце-Кіангъ, приблизительно въ 50 верстахъ отъ Гангъ-Чеу,

Digitized by Google

между Нипономъ и Шанхаемъ. Объ этомъ портѣ Гампонѣ упоминается также и въ «Воспоминаніяхъ» извѣстнаго Марко-Поло, который былъ первымъ изъ европейцевъ, прожившимъ въ Китаѣ цѣлыхъ 17 лѣтъ, съ 1277 по 1295 годъ. Онъ же первый и познакомилъ Европу съ Китаемъ, и въ этомъ отношеніи его «Воспоминанія» имѣютъ, несомнѣнно, первостепенный интересъ до настоящаго времени. Послѣ этого, сношенія Европы

Военный мандаринъ.

съ Китаемъ становятся все чаще и чаще, а въ 1581 году туда проникаютъ даже христіанскіе миссіонеры изъ іезуитовъ. При императорахъ манджурской династіи Дайдиновъ, царствующей въ Китаѣ и понынѣ, іезуиты успѣли уже довольно прочно водвориться тамъ, особенно благодаря покровительству императоровъ Квангъ-Хи и Хіенъ-Лунга, которые даровали имъ большія привилегіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и торговыя сношенія Европы съ Китаемъ продолжали постепенно развиваться. Такъ, въ 1583 году португальцы основали постоянныя торговыя факторіи въ Макао; въ 1604 году тамъ водворились также голландцы; наконецъ, въ 1635 году, Англійская Остъ-Индская Компанія устроила свою торговую контору въ Кантонѣ. Но вскорѣ дѣло приняло иной, менѣе пріятный для европейцевъ, оборотъ, и виновными въ этомъ, ближайшимъ образомъ, были, повидимому, іезуитскіе миссіонеры, которые стали позволять себѣ слишкомъ безцеремонно вмѣшиваться во внутреннія дѣла Китая; впрочемъ, надо полагать, что иностранцы вообще не сумѣли обставить себя въ Китаѣ такъ, чтобы внушить къ себѣ уваженіе со стороны туземцевъ и своими дѣйствіями не раздражать безъ пользы мѣстное населеніе. И вотъ послѣднее, руководимое нѣкоторыми фанатиками, начинаетъ нападать на европейскія торговыя конторы и факторіи и разрушать ихъ, такъ что онѣ едва могутъ влачить тамъ кое-какое жалкое существованіе. Наконецъ, терпѣніе китайскаго народа, повидимому, совершенно истощилось, особенно когда англичане систематически принялись отравлять его своимъ опіумомъ; происходитъ народное возмущеніе противъ иностранцевъ, и затѣмъ китайское правительство въ 1834 году лишаетъ Остъ-Индскую Компанію всѣхъ дарованныхъ ей ранѣе привилегій. Конечно, англичане не могли съ этимъ равнодушно примириться и объявили Китаю войну, причемъ ближайшимъ поводомъ къ ней выставлено было то обстоятельство, что Кантонскій вице-король распорядился своею властью, чтобы весь только-что привезенный англичанами въ Кантонъ грузъ опіума былъ немедленно выкинутъ въ море. Эта война «изъ-за опіума» закончилась несчастливо для китайцевъ подъ стѣнами Нанкина, и китайскому правительству не только не удалось, какъ оно намѣревалось, закрыть совершенно европейцамъ доступъ въ Китай, но оно, наоборотъ, принуждено было открыть для иностранной торговли цѣлыхъ пять своихъ портовъ, а именно: Кантонъ, Амой, Фу-Чеу, Нингъ-По и Шанхай.

Жестокое возстаніе Тайпинговъ, разразившееся противъ манджурской династіи Дайциновъ въ 1858 — 60 годахъ и поставившее эту династію на самый край гибели, принудило Пекинскій Дворъ обратиться за военною помощью къ европейцамъ. Такъ какъ дѣло могло тутъ кончиться, между про-

Digitized by Google

чимъ, совершеннымъ прекращеніемъ торговли съ Европой, то англичане съ французами не отказались помочь китайскому правительству, и при ихъ энергичномъ содѣйствіи возстаніе Тайпинговъ скоро было подавлено; но за это китайское правительство принуждено было даровать иностранцамъ еще дальнѣйшія новыя привилегіи. Такимъ образомъ послѣдніе болѣе и болѣе завладѣвали Китаемъ. Однако, къ сожалѣнію, самый способъ, которымъ это совершалось, не только все сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ противъ нихъ китайцевъ, но и заставлялъ послѣднихъ относиться къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ, какъ къ варварамъ. Въ самомъ дѣлѣ, строго говоря, чѣмъ, въ сущности, зарекомендовали себя хотя бы англо-французскія войска во время подавленія возстанія Тайпинговъ? Исключительно лишь хищничествомъ да пожарами. Одного уже разрушенія союзными войсками Лѣтняго Дворца китайцы никогда не позабудутъ и не простятъ совершившимъ его европейцамъ. Да и дѣйствительно нельзя не признать, что это было совершенно безцѣльнымъ и въ то же время крайне жестокимъ дѣломъ, ни въ какомъ случаѣ недостойнымъ ни французовъ, ни англичанъ; а, между тѣмъ, это въ высшей степени возмутило китайцевъ и ожесточило ихъ противъ виновниковъ этого варварства, такъ какъ китайцы увидѣли въ указанномъ фактѣ новое доказательство того, на какой еще низкой степени развитія стоятъ европейцы. Вообще, надо совсѣмъ не знать характера китайцевъ, не имѣть никакого понятія ни объ ихъ міровоззрѣніи, ни объ ихъ обычаяхъ, чтобы полагать, что народъ этотъ можно усмирить или покорить силой оружія, а тѣмъ болѣе убѣдить ихъ такимъ способомъ въ превосходствѣ нашей европейской культуры. Напротивъ, они ничего такъ не презираютъ, какъ войну и солдатъ. Ихъ собственныя войска представляютъ собой положительно скопище всякихъ общественныхъ подонковъ, всякихъ никуда негодныхъ людей, неспособныхъ ни къ какому производительному труду; офицерами обыкновенно назначаются самые неспособные къ образованію субъекты, если только они обладаютъ физической силой и ловкостью, и поэтому къ военному мандарину самый незначительный гражданскій чиновникъ относится съ пренебреженіемъ. Въ этомъ отношеніи у китайцевъ сложилась даже своеобразная пословица: «Изъ хорошаго желѣза не куютъ гвоздей, изъ хорошихъ людей не дѣлаютъ солдатъ.» Таково ихъ воззрѣніе на армію; они видятъ въ ней лишь представительницу грубой некультурной силы, и вотъ почему военные успѣхи, одерживаемые европейцами надъ ними, только раздражаютъ ихъ, и, какъ это ни странно съ нашей точки зрѣнія, роняютъ въ ихъ глазахъ всю европейскую культуру,—настолько превосходство, обнаруживаемое черезъ посредство грубой силы оружія, оказывается, по ихъ понятіямъ, несовмѣстнымъ съ истинной цивилизаціей.

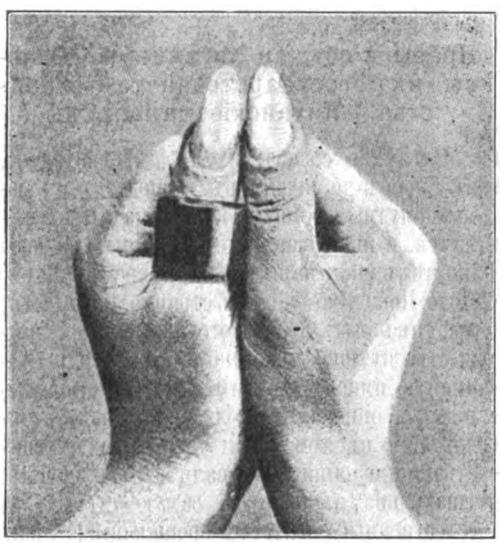
II.

Нравы и обычаи китайцевъ.—Основы ихъ государственнаго устройства.—Китайскіе мандарины.

Слѣдуетъ сознаться, что, дѣйствительно, въ Европѣ до сихъ поръ господствуютъ самыя смутныя понятія о китайцахъ. Мы, кажется, и нынѣ знаемъ о послѣднихъ не больше, чѣмъ знали наши предки во времена Марко Поло. Повидимому, очень странно, какъ могло это такъ быть послѣ того, какъ такое множество путешественниковъ исколесили Срединную имперію почти во всѣхъ направленіяхъ и, описали чуть ли не каждый ея уголокъ. Но въ томъ-то и дѣло, что путешественники наши описывали болѣе или менѣе тщательно и подробно самую страну, ея естественныя богатства, орошающія ее рѣки, ея города, памятники, костюмы и, къ сожалѣнію, почти совершенно упускали изъ виду въ своихъ описаніяхъ и изслѣдованіяхъ ея населеніе, характеръ послѣдняго, его нравы и обычаи. А, между тѣмъ, характеръ этого населенія отличается крайней оригинальностью; его понятія, его нравы и обычаи чрезвычайно своеобразны и притомъ почти во всемъ противоположны европейскимъ. Китайцы и думаютъ, и поступаютъ во всемъ совершенно иначе, чѣмъ мы; въ ихъ своеобразной странѣ почти все дѣлается не такъ, какъ въ Европѣ, даже до мелочей. Такъ, у насъ почетной стороной считается правая,—а у нихъ лѣвая; у насъ въ знакъ уваженія голова открывается и съ нея снимается шляпа, а у нихъ, наоборотъ, голова въ подобныхъ случаяхъ накрывается; за обѣдомъ у нихъ фрукты подаются въ самомъ началѣ, а супъ—въ концѣ; читаютъ они справа и притомъ внизъ по вертикальнымъ столбцамъ,

Digitized by Google

а не слѣва и въ горизонтальномъ направленіи, какъ мы; чиновникъ за усердную службу награждается у нихъ титулами и почетными званіями не съ нисходящимъ своимъ потомствомъ, какъ у насъ, а съ потомствомъ восходящимъ, такъ что если бы онъ получилъ, скажемъ, титулъ графа, то всѣ его предки дѣлаются графами, но никакъ не сыновья; въ китайскихъ школахъ молчаливость считается признакомъ лѣни. И много бы еще возможно было привести подобныхъ противоположностей между понятіями и обычаями у насъ и у китайцевъ. Со всѣмъ



Руки въ знакъ привѣтствія (на лѣвомъ большомъ пальцѣ кольцо).

этимъ, конечно, надо считаться серіозно, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, ничего не понять изъ того, что тамъ происходитъ и какъ тамъ люди живутъ. А этого-то и не хотятъ рѣшительно знать западные европейцы, и особенно англичане. Потому только, что китайцы думаютъ и поступаютъ иначе, чѣмъ принято у насъ, въ Европѣ, они относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ къ людямъ низшей расы, не желая признавать, что, можетъ быть, многіе изъ китайскихъ обычаевъ, въ сущности, пожалуй, ничѣмъ не хуже нашихъ. Въ свою очередь, и обитатели Срединной имперіи мало понимаютъ въ нашихъ обычаяхъ и въ нашей культурѣ, а потому и третируютъ насъ, какъ варваровъ.

Вотъ въ доказательство нѣсколько отрывковъ изъ доклада одного изъ высшихъ китайскихъ сановниковъ китайскому императору Тунгъ-Чи, изъ которыхъ ясно видно, какъ смотрятъ на насъ даже самые образованные между китайцами. «Варвары (те-есть европейцы), — пишетъ, между прочимъ, означенный сановникъ,—не могутъ ни уразумѣть нашихъ нравовъ, ни понять нашихъ обычаевъ. Впрочемъ, стоитъ ли обращать вниманіе на этихъ малокультурныхъ людей, которые еще такъ не развиты, что одѣваются въ черное платье по смерти своихъ родственниковъ, такъ глупы, что величаютъ мандарина съ золотой пуговицей титулами, присвоенными лишь мандаринамъ съ коралловой пуговицей, что въ офиціальной перепискѣ помѣщаютъ сначала подписи старшихъ, а потомъ младшихъ. О подобныхъ варварахъ и говорить-то не хочется... Каждый изъ европейскихъ народовъ, — продолжаетъ далѣе тотъ же сановникъ въ своемъ докладѣ, именуетъ—какъ будто бы по-своему своего государя, но, въ сущности, они лишь крадутъ при этомъ наши же, китайскія, названія; они высокомѣрно употребляютъ для своихъ государей такіе титулы, на которые тѣ не имѣютъ ни малѣйшихъ правъ, и притомъ стараются казаться великими державами. Пусть бы они еще тутъ ограничивались лишь тѣмъ, что оказывали неподобающія почести своимъ вождямъ: это ихъ личное дѣло; но если заставить ихъ подчиниться правиламъ, установленнымъ для народовъ, подвластныхъ Китаю, то они, конечно, откажутся исполнить это, такъ какъ не хотятъ даже понять того, что вѣдь мы имъ только мирволимъ, не желаютъ признавать, что Ваше Величество опредѣлило считать ихъ въ томъ же рангѣ, что и Сіамъ... У этихъ варваровъ,—читаемъ далѣе въ томъ же докладѣ,—есть очень странный обычай гордиться своими женами. Если кто-либо изъ нашихъ высшихъ сановниковъ удостоиваетъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, то жены ихъ всегда выходятъ къ посѣтителю. Такъ, когда я, нижайшій рабъ Вашего Величества, недавно посѣтилъ французскаго варвара, состоящаго представителемъ мизернаго вице-короля Франціи, то жена этого варвара вышла ко мнѣ и стала меня привѣтствовать. Рабъ вашъ, государь, былъ такъ

Digitized by Google

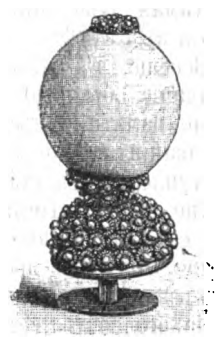
пораженъ этимъ, что почувствовалъ себя въ крайне неловкомъ положеніи, а та женщина, напротивъ, казалась гордой отъ оказанной ей мною чести.»

Приведенные отрывки, кажется, съ достаточною ясностью свидѣтельствуютъ, съ какимъ пренебреженіемъ трактуетъ высокій китайскій сановникъ этихъ западныхъ варваровъ, которые даже не понимаютъ высокой чести принадлежать къ числу вассаловъ Сына Неба, а также рельефно показываютъ, насколько китайскія обычныя понятія расходятся съ нашими. Но это различіе идетъ и дальше.

Самыя основы государственнаго устройства Китая совершенно своеобразны. Начать хотя бы съ того, что Китай является, по существу своему, государствомъ патріархальнымъ, хотя съ теченіемъ времени эта патріархальность въ дѣйствительности и стала сильно походить на самый суровый деспотизмъ. Двадцать вѣковъ тому назадъ Ли-Квей установилъ тамъ законы, и нынѣ, если китайскій императоръ и считается источникомъ всякаго права, то при этомъ предполагается, что онъ дѣйствуетъ не иначе, какъ исходя изъ правилъ, установленныхъ еще въ глубокой древности; а если бы онъ вздумалъ нарушить эти правила, будь это даже въ какой-либо мелочи, то непремѣнно встрѣтилъ бы сильнѣйшій отпоръ со стороны населенія и особенно ученыхъ мандариновъ, потому что, какъ ни высоко ставятъ китайцы, въ числѣ добродѣтелей, сыновнюю покорность, но даже сами ихъ великіе учители оправдываютъ возмущеніе въ томъ случаѣ, когда императоръ позволяетъ себѣ отступать отъ старыхъ прадѣдовскихъ законовъ и особенно отъ воззрѣнія на подданныхъ, какъ на своихъ дѣтей.

Описывать здѣсь существующіе государственные органы въ Китаѣ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ о нихъ уже ранѣе говорилось въ нашемъ журналѣ [1]); теперь же мы скажемъ лишь, что императоръ въ Китаѣ считается намѣстникомъ Неба и высшимъ властелиномъ всего свѣта. Теоретически, въ его рукахъ сосредоточена вся законодательная и исполнительная власть. Самыми обычными титулами его являются «Сынъ Неба», «Небесный правитель», «Августѣйшій Монархъ», «Совершенство Добродѣтелей». Особа его священна, ибо предполагается, что онъ «дѣйствуетъ на основаніи небесныхъ началъ». Онъ — единственный, возсѣдающій на «тронѣ дракона». Но хотя по теоріи власть императора и является неограниченной, на практикѣ онъ принужденъ считаться и съ принцами крови, и съ арміей, и особенно съ обширнымъ классомъ мандариновъ.

Послѣдніе являются истинной язвой страны, парализующей въ ней всякія благія начинанія высшаго правительства, мѣшающей какому бы то ни было прогрессу въ государствѣ. Всѣ мандарины, почти поголовно, не только закоренѣлые рутинеры, но и въ высшей степени испорченные люди; а между тѣмъ они составляютъ всю администрацію страны. Они являются куріознымъ продуктомъ нелѣпѣйшихъ экзаменовъ, на которыхъ рѣчь идетъ исключительно о филологическихъ тонкостяхъ, о схоластикѣ и о философскихъ трактатахъ, за которыми считается, по меньшей мѣрѣ, двухтысячелѣтняя давность. Поэтому трудно представить себѣ людей болѣе невѣжественныхъ и въ то же время съ болѣе значительными претензіями. О географіи, о математикѣ или объ естественныхъ наукахъ, физикѣ, химіи, механикѣ, они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія до такой степени, что имъ нерѣдко даже совершенно незнакомы самыя названія означенныхъ наукъ. На экзаменахъ ихъ обыкновенно занимаютъ разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ: «Почему письменный знакъ, означающій луну, снизу сомкнутъ, тогда какъ знакъ, изображающій солнце, снизу открытъ?» Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ результатѣ подобныхъ школьныхъ занятій являются проекты, въ родѣ изложеннаго въ докладѣ, поданномъ императору въ 1896 году однимъ изъ членовъ Цзунъ-ли-Ямыня, по поводу концессій, дарованныхъ



Пуговка на шапкѣ мандарина.

[1]) См. «Новый Журналъ Иностранной Литературы» за май 1898 года, стр. 187 и слѣд.

Digitized by Google

европейцамъ на сооруженіе желѣзнодорожныхъ путей. «Вмѣсто того, чтобы строить желѣзныя дороги,—писалъ въ своемъ докладѣ ученый мандаринъ,—и прикрѣплять къ землѣ перекладины, рискуя ранить гвоздями священныхъ драконовъ, оберегающихъ нашу страну, не лучше ли назначить извѣстную награду за разысканіе древняго секрета касательно устройства старинныхъ летучихъ колесницъ, влекомыхъ фениксами». Да и про самого теперешняго китайскаго императора, тоже воспитаннаго всецѣло на изученіи «Девяти классиковъ», разсказываютъ, что однажды, при пріемѣ дипломатическаго корпуса, онъ пресеріозно обратился къ одному изъ посланниковъ съ вопросомъ: та же ли самая луна свѣтитъ въ его отечествѣ, что и въ Китаѣ?

Вообще, въ китайскихъ школахъ все вниманіе обращено исключительно на развитіе памяти; вмѣстѣ съ тѣмъ при преподаваніи не допускается ни малѣйшаго отступленія отъ старинныхъ методовъ. Понятно, какъ угнетающе дѣйствуетъ такой способъ обученія на учениковъ, и, конечно, отъ лицъ, прошедшихъ курсъ подобныхъ школъ, нельзя ожидать рѣшительно никакого сочувствія къ попыткамъ, имѣющимъ цѣлью улучшеніе современнаго положенія Китая. А, между тѣмъ, въ настоящее время мандарины являются полными хозяевами въ государствѣ и, занимая всѣ административныя должности, безнаказанно обогащаются взятками, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ. Наиболѣе честные изъ нихъ получаютъ доходовъ отъ взятокъ, по крайней мѣрѣ, вдесятеро болѣе своего жалованья, и противъ этого въ Китаѣ рѣшительно никто не протестуетъ, очевидно, находя, что подобные доходы совершенно въ порядкѣ вещей. Европейцы, занимавшіе тамъ нѣкоторыя должности, пробовали было бороться съ означеннымъ зломъ и отказывались принимать взятки, но такой образъ дѣйствій ихъ повелъ лишь къ тому, что китайцы попросту сочли ихъ за умалишенныхъ.

Впрочемъ, надо сказать, что самая система управленія, нынѣ существующая въ Китаѣ, заставляетъ тамъ чиновниковъ непремѣнно прибѣгать къ подкупамъ и казнокрадству. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нормально, что тамъ мандаринъ, состоящій въ министерскомъ рангѣ, получаетъ въ годъ жалованья не болѣе 500 рублей, а со всѣми прибавками, причитающимися ему изъ государственной казны въ томъ или другомъ видѣ,—никакъ не болѣе 2000 рублей. И на эти-то средства онъ не только долженъ прилично жить самъ, но еще содержать цѣлый громадный штатъ служащихъ, безъ которыхъ ему рѣшительно было бы невозможно исполнять свои обязанности по должности. Въ дѣйствительности, онъ обыкновенно получаетъ отъ взятокъ еще, по крайней мѣрѣ, 20—30 тысячъ рублей въ годъ. Размѣръ жалованья чиновника низшаго разряда нерѣдко меньше даже того, что зарабатываетъ послѣдній кули въ Гонконгѣ. При такихъ условіяхъ что же удивительнаго, если казнокрадство между мандаринами сильно развито, если наибольшая часть государственныхъ доходовъ, поступающихъ съ населенія, остается въ рукахъ чиновниковъ, а въ государственную казну доходитъ не болѣе одной трети налоговъ, уплачиваемыхъ населеніемъ! Для того, чтобы устранить это зло, необходимы коренныя реформы, и прежде всего нужно поставить чиновниковъ въ такое матеріальное положеніе, чтобы они могли жить, не прибѣгая къ взяточничеству. Но въ такомъ случаѣ нельзя было бы обойтись безъ возвышенія взимаемыхъ съ населенія налоговъ, а это, внѣ всякаго сомнѣнія, не только породило бы большія недовольства среди народа, но и усилило бы его ненависть къ иностранцамъ, такъ какъ китайцы всѣ подобныя мѣры неизмѣнно приписываютъ вліянію послѣднихъ.

Впрочемъ, въ настоящее время въ Китаѣ уже можно встрѣтить небольшое число такихъ ученыхъ, которые, благодаря своимъ сношеніямъ съ европейцами, наконецъ, поняли, что Китай, вслѣдствіе своей инертности, не имѣетъ уже болѣе значенія одной изъ первенствующихъ державъ. Эти ученые пришли къ убѣжденію, что если Небесная имперія будетъ продолжать оставаться попрежнему изолированной, то прямо рискуетъ стать легкой добычей иностранцевъ. Особенно суровый урокъ въ этомъ отношеніи получили китайцы во время послѣдней войны своей съ японцами. Означенная война совершенно ясно показала имъ всю слабость ихъ государства, которую китайское правительство такъ долго умѣло маскировать, показывая призракъ силы. Но оказалось, что восточный колоссъ стоитъ на глиняныхъ но-

Digitized by Google

гахъ и что поэтому справиться съ нимъ ровно ничего не стоитъ. Сознаніе того, что была минута, когда Китай стоялъ положительно на краю гибели, дало тамъ сильный толчекъ прогрессивнымъ стремленіямъ, выдвинуло впередъ идеи о томъ, что крайне необходимо упростить китайскій государственный организмъ, что надо требовать большей честности отъ чиновниковъ, тщательнѣе выбирать ихъ, не руководствуясь исключительно лишь результатами сдаваемыхъ ими экзаменовъ, наконецъ, что самыя требованія на означенныхъ экзаменахъ необходимо значительно расширить, не ограничивая ихъ исключительно древними китайскими классиками, и что съ этою цѣлью не мѣшаетъ позаимствовать у «западныхъ варваровъ» все, что только ихъ наука и искусства представляютъ полезнаго для Небесной имперіи. Во главѣ прогрессивной партіи, проповѣдовавшей указанныя идеи, находились ученый Сунъ-Ятъ-Сенъ и извѣстный Кангъ-Ю-Вей. Особенно видную роль въ этомъ движеніи игралъ послѣдній. Заручившись содѣйствіемъ нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ, раздѣлявшихъ его взгляды, онъ добился того, что его выслушалъ самъ молодой императоръ Куангъ-Сю. И Кангъ-Ю-Вей сумѣлъ открыть послѣднему глаза на опасности, угрожающія какъ всему государству, такъ и въ частности царствующей въ немъ династіи, если правительство не послѣдуетъ примѣру Японіи и не вступитъ немедленно, и притомъ какъ можно энергичнѣе, на путь необходимыхъ реформъ. Онъ убѣдилъ императора, что въ этомъ заключается единственное вѣрное средство спасти Китай отъ поглощенія его иноземцами и въ то же время достигнуть, подобно Японіи, процвѣтанія. Куангъ-Сю внялъ его горячимъ убѣжденіямъ, и вотъ китайское правительство выступаетъ на путь реформъ.

III.

Императоръ Куангъ-Сю и его реформаторская дѣятельность.

Молодой императоръ Куангъ-Сю, несомнѣнно, обладаетъ недюжиннымъ умомъ, который и помогъ ему отречься отъ старинныхъ предразсудковъ, внушенныхъ ему воспитаніемъ, но, къ сожалѣнію, въ то же время онъ почти лишенъ всякой энергіи, которая у него замѣняется лишь извѣстною горячностью и впечатлительностью. Печальный исходъ войны съ японцами сильно потрясъ его нравственно. Онъ хорошо понялъ, какую громадную опасность переживалъ Китай, когда его войска несли одно пораженіе за другимъ на поляхъ битвъ. Средство для поправленія дѣла, указанное Кангъ-Ю-Веемъ, пришлось ему по душѣ; онъ совершенно искренно примкнулъ къ смѣлымъ идеямъ послѣдняго; но осуществить ихъ въ дѣйствительности, провести ихъ въ жизнь у него, повидимому, не хватило ни настойчивости, ни умѣнья. Въ настоящее время, благодаря появивше-

Китайскій императоръ Куангъ-Сю.

муся переводу съ китайскаго языка на французскій всѣхъ указовъ, изданныхъ Куангъ-Сю въ теченіе его кратковременнаго царствованія,—переводъ этотъ сдѣланъ іезуитомъ о. Іеронимомъ Тобаръ и недавно изданъ въ Шанхаѣ,—мы можемъ возстановить весь постепенный ходъ его реформаторской дѣятельности.

Эта дѣятельность началась, собственно, въ іюнѣ 1898 года. И уже въ одномъ изъ первыхъ своихъ указовъ, относящихся къ этому времени, императоръ проводитъ такія мысли, которыя возмутили положительно весь Дворъ и почти всѣхъ мандариновъ. «Оставимъ,—говорилось въ означенномъ указѣ,—пустыя, непрактичныя и обманчивыя идеи, которыя только стѣсняютъ нашу дѣятельность, и примемся энергично за работу.

Digitized by Google

Пробудимся отъ нашего глубокаго оцѣпенѣнія и попытаемся разорвать цѣпи, опутывающія насъ. Замѣнимъ учрежденія, которыя намъ ни къ чему не служатъ, другими, болѣе практичными и полезными. Это дастъ намъ возможность сравняться съ другими державами, тогда какъ въ настоящее время между ними и нами существуетъ слишкомъ поразительная разница.» Указъ этотъ, какъ есть основаніе предполагать, составленъ былъ, по порученію императора, Кангъ-Ю-Веемъ и опубликованъ, кажется, 10 іюня 1898 г., — по китайскому счисленію, въ 22 день 4-ой луны. Затѣмъ, на слѣдующій день, 11 іюня, послѣдовалъ новый указъ, заключавшій въ себѣ нѣкоторыя указанія, какимъ образомъ императоръ предполагалъ приступить къ осуществленію намѣченныхъ преобразованій. «Въ настоящее время,—гласитъ новый указъ,—когда всѣ государства міра находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, привлеченіе на государственную службу талантливыхъ людей, которымъ возможно было бы поручить различныя общественныя должности, представляется дѣломъ первостепенной важности. Поэтому Мы повелѣваемъ вице-королямъ и губернаторамъ провинцій немедленно доставить въ Цзунъ-Ли-Ямынь свѣдѣнія о тѣхъ изъ нашихъ чиновниковъ, которыхъ они при обычныхъ обстоятельствахъ признавали бы одаренными знаніями и честностью, понимающими толкъ въ обыденныхъ дѣлахъ и свободными отъ низкихъ пороковъ, причемъ нѣтъ никакой надобности обращать вниманіе на то, какой рангъ, высокій или низкій, занимаютъ нынѣ эти чиновники. Указанныя вице-королями и губернаторами лица будутъ подвергнуты испытанію, и тѣ изъ нихъ, которые окажутся способными, будутъ удостоены Нашей аудіенціи и назначены къ занятію разныхъ должностей.»

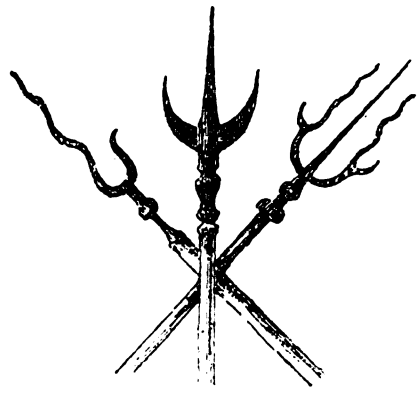
Спустя три дня, 14 іюня, послѣдовалъ опять императорскій указъ, интересный въ томъ отношеніи, что онъ содержалъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, кто стоялъ въ означенное время во главѣ партіи реформъ, и, конечно, тутъ на первомъ мѣстѣ былъ поставленъ Кангъ-Ю-Вей. «Сю-Че-Тзунгъ, помощникъ ректора Академіи,—говорится въ указѣ,—представилъ намъ докладную записку, въ которой указываетъ на людей талантливыхъ и опытныхъ въ веденіи текущихъ дѣлъ. Поэтому мы повелѣваемъ, чтобы Кангъ-Ю-Вей, помощникъ секретаря въ министерствѣ работъ, и Чангъ-Ю-Тзи, занимающій ту же должность въ военномъ министерствѣ, готовились къ Нашей аудіенціи, имѣющей быть въ 28 день настоящей луны. Что же касается до Гоангъ-Тзинъ-Хоя, управляющаго казенными соляными складами въ округѣ Чангъ-Пао, въ Гайнанѣ, и до Танъ-Си-Тунга, кандидата на должность начальника въ Кіангъ-Су, то предписывается, чтобы тѣ вице-короли и губернаторы, въ вѣдѣніи коихъ они состоятъ, немедленно откомандировали ихъ въ подлежащее министерство, которое исходатайствуетъ имъ у Насъ аудіенцію. Наконецъ, лиценціату Ліангъ-Ки-Чао предлагается подвергнуться испытанію въ Цзунъ-Ли-Ямынѣ, который затѣмъ и имѣетъ о послѣдующемъ доложить намъ своевременно.»

Съ лихорадочною поспѣшностью молодой императоръ, подъ вліяніемъ своихъ новыхъ совѣтниковъ, издаетъ указъ за указомъ; безъ этого не проходитъ почти ни одного дня въ теченіе всего іюня и іюля мѣсяцевъ 1898 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается надзоръ за тѣми изъ сановниковъ, которые кажутся правительству подозрительными, какъ не сочувствующіе новому направленію его дѣятельности,—между прочимъ, надъ предсѣдателемъ палаты церемоній Ю-Инъ-Куэй, на котораго поступилъ доносъ отъ цензоровъ Сунгъ-Пе-Лу и Янъ-Ченъ-Сіу. Торговля и земледѣліе тоже обращаютъ на себя вниманіе императора. На ряду съ этимъ принимаются и другія многочисленныя мѣры. Такъ, 20 іюня цензоръ Тзенъ-Тзонгъ-Іенъ ходатайствуетъ объ учрежденіи школъ по минералогіи въ Сѣверномъ и Южномъ Китаѣ, а 9 сентября Суэнъ-Кіа-Най, предсѣдатель въ министерствѣ чиновъ, хлопочетъ объ открытіи медицинскаго факультета при пекинскомъ университетѣ, который только-что передъ тѣмъ былъ организованъ на манеръ европейскихъ университетовъ и ректоромъ котораго онъ былъ назначенъ 3-го іюля. При томъ же университетѣ учреждается одновременно съ этимъ публичная библіотека и бюро по завѣдыванію переводомъ различныхъ книгъ на китайскій языкъ. А попутно императоръ налагаетъ свою руку и на порядокъ экзаменовъ на военныя должности, а также—что гораздо важнѣе съ китайской точки зрѣнія—на тѣ экзамены, посредствомъ которыхъ пріобрѣтаются тамъ права на ученыя степени, открывающія доступъ къ

Digitized by Google

занятію административныхъ должностей, причемъ отмѣняется самая существенная часть этихъ экзаменовъ, такъ называемый — венъ-чангъ. По объясненію преподобнаго о. Зи, венъ-чангъ есть родъ торжественной рѣчи, произносимой экзаменующимся въ присутствіи экзаменаторовъ и заключающей въ себѣ обстоятельное изложеніе «Четырехъ классическихъ книгъ», въ которыхъ содержится ученіе Конфуція. Затѣмъ, издаются подробные наказы различнымъ министерствамъ, уничтожаются многія ненужныя должности, служившія не болѣе какъ синекурой для занимавшихъ ихъ чиновниковъ. Наконецъ, затрогивается и вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, и Ченгъ-Хіуэнь-Куэю дается повелѣніе озаботиться ускореніемъ работъ по сооруженію желѣзнодорожнаго пути изъ Пекина въ Ханькоу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самомъ Пекинѣ учреждается центральное управленіе для завѣдыванія горною промышленностью и желѣзнодорожными дѣлами. Что же касается до отношеній правительства къ иностранцамъ, то по этому предмету издается указъ, предписывающій Цзунъ-Ли-Ямыню заняться составленіемъ сборника всѣхъ трактатовъ и торговыхъ договоровъ, заключенныхъ Китаемъ съ иностранными державами, и затѣмъ по отпечатаніи разослать этотъ сборникъ во всѣ учрежденія имперіи для руководства въ подлежащихъ случаяхъ, «дабы,— какъ сказано въ указѣ,—облегчить означеннымъ учрежденіямъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этихъ договоровъ.» Императоръ обратилъ также вниманіе и на китайскую періодическую прессу. Такъ, на основаніи доклада цензора Сунгъ-Пе-Лу и донесенія Суэнъ-Кіа-Ная, за издававшимся въ то время въ Шанхаѣ журналомъ Че-у-Пао признанъ былъ характеръ офиціальнаго органа и его отвѣтственнымъ редакторомъ назначенъ Кангъ-Ю-Вей.

Даже пекинскія улицы, и тѣ явились предметомъ заботливости Куангъ-Сю. Надо сказать, что Пекинъ вообще очень грязенъ, несмотря на то, что представляетъ собою важнѣйшій городъ имперіи и столицу китайскаго императора. Занимаетъ онъ очень большое пространство, образуя два громадныхъ соединенныхъ прямоугольника, имѣющихъ въ общемъ до 13 верстъ въ длину и до 10 верстъ въ ширину. Собственно говоря, это даже не одинъ городъ, а цѣлыхъ два, раздѣленныхъ между собою высокою стѣною. Сѣверная часть составляетъ манджурскій или татарскій городъ, южную же часть занимаютъ китайцы. Весь Пекинъ окруженъ кирпичною стѣною въ 7 саженъ вышины, причемъ наверху эта стѣна заканчивается площадкой, вымощенной каменными плитами и имѣющей такую ширину, что на ней свободно могутъ разъѣхаться двѣ колесницы. Черезъ каждыя 300 саженъ устроены высокія башни, а по всѣмъ четыремъ угламъ возвышаются четырехъ-этажные бастіоны, прорѣзанные бойницами. Кромѣ того, надъ каждыми воротами, открывающими доступъ въ городъ, находится по высокой надстройкѣ, увѣнчанной тремя крышами и облицованной изразцами. Пекинская стѣна имѣетъ



Парадное вооруженіе мандарина.

очень мрачный видъ и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи противостоять огню нашей современной артиллеріи. Вдоль этой стѣны идетъ еще ровъ, наполненный стоячей водой, который тоже не можетъ служить прочной защитой городу. Въ Пекинъ ведутъ 16 воротъ, запирающихся каждую ночь; точно также ежедневно, по закатѣ солнца, прекращается всякое сообщеніе между китайской и татарской частями города. Китайская часть Пекина болѣе населена, чѣмъ татарская; въ ней же сосредоточена почти вся мѣстная торговля и промышленность. Улицы тамъ очень узки и кривы; въ дождливую погоду онѣ непроходимо грязны, а въ сухое время изобилуютъ страшною пылью. Что же касается до манджурской части города, то внутреннее расположеніе ея нѣсколько болѣе правильно, хотя она такъ же грязна, какъ и китайская часть. Въ са-

Digitized by Google

момъ центрѣ татарскаго города расположенъ еще третій городъ, который, въ свою очередь, тоже окруженъ стѣнами, имѣющими четверо воротъ, обращенныхъ на четыре страны свѣта: это собственно императорскій желтый городъ, гдѣ находится единственное во всемъ Китаѣ зданіе, стѣны котораго сплошь покрыты желтымъ фарфоромъ; зданіе это—императорскій дворецъ; въ немъ-то и имѣетъ обыкновенно свое пребываніе Сынъ Неба. Дворецъ этотъ тоже окруженъ со всѣхъ сторонъ стѣнами и образуетъ вмѣстѣ съ относящимися къ нему службами какъ бы четвертый городъ въ Пекинѣ, и притомъ городъ абсолютно недоступный для обыкновенныхъ подданныхъ императора. Иностранныя посольства помѣщаются около самыхъ стѣнъ императорскаго желтаго города, нѣсколько на юго-востокъ отъ послѣдняго, среди обширной площади, огороженной кирпичною стѣною. Ближе всѣхъ къ императорскому городу расположено англійское посольство, а почти рядомъ съ нимъ находится русское императорское посольство. Каждое изъ посольствъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько зданій, въ которыхъ и размѣщается какъ его персоналъ, такъ и канцеляріи. По большей части посольства отдѣлены другъ отъ друга частными домами, принадлежащими то европейцамъ, то китайцамъ. Таковъ, въ существенныхъ чертахъ, городъ Пекинъ. Нужно ли говорить, что при означенныхъ условіяхъ санитарное состояніе его оставляетъ желать очень многого?

На это-то и обратилъ свое вниманіе императоръ, и 5 сентября того же 1898 г. издалъ ука[illegible] содержанія: «Столица имперіи должна, между прочимъ, быть мѣстомъ, откуда надлежитъ исходить всякимъ благимъ начинаніямъ. А между тѣмъ въ настоящее время улицы ея грязны и наполнены всякими нечистотами. Мало того, даже каналы, находящіеся внутри ея стѣнъ, загорожены и сообщеніе по нимъ прекращено. Поэтому крайне необходимо очистить и исправить улицы, а равно открыть вновь каналы. Тогда, помимо общественной пользы, и самый видъ города значительно улучшится. Въ виду этого мы повелѣваемъ, чтобы министерство работъ при содѣйствіи жандармскаго управленія, корпуса цензоровъ и отряда уличныхъ комиссаровъ, немедленно приняло мѣры къ очищенію всѣхъ стоковъ, существующихъ какъ внутри города, такъ и за стѣнами его, къ возстановленію сообщенія между этими стоками и одновременно съ тѣмъ къ приведенію въ порядокъ всѣхъ улицъ и переулковъ. И да никто не осмѣливается смотрѣть на означенное дѣло какъ на маловажное или небрежно исполнить его.»

Но уже приближался конецъ реформаторской дѣятельности молодого императора. Куангъ-Сю вообще слишкомъ поторопился со своими реформами; понятно, что онѣ вызвали ропотъ какъ въ населеніи, такъ и особенно между мандаринами. А онъ, вмѣсто того, чтобы ограничиться настойчивымъ проведеніемъ ихъ, сталъ налагать различныя наказанія на тѣхъ, кто заявлялъ себя ихъ противникомъ. Выше уже упоминалось, что императоръ не щадилъ сановниковъ, недовольныхъ его преобразовательною дѣятельностью. Но теперь, къ своему несчастію, онъ вздумалъ занести руку гораздо повыше. Убѣдившись, что противная партія находитъ поддержку главнымъ образомъ во вдовствующей императрицѣ Тзу-Хи и въ ея приближенныхъ, онъ издалъ два указа, изъ которыхъ однимъ осуждался на смерть извѣстный любимецъ императрицы и ея ближайшій другъ Юнгъ-Лу, а другимъ — она сама изгонялась изъ Пекина въ одинъ изъ лѣтнихъ дворцовъ, съ воспрещеніемъ отлучаться оттуда. Исполненіе перваго указа поручено имъ было нѣкоему генералу Юану; повидимому, подъ этимъ именемъ надлежитъ разумѣть Юэнь-Че-Кая, верховнаго судью провинціи Чи-ли, который впослѣдствіи, когда вдовствующая императрица вновь взяла въ свои руки бразды правленія, назначенъ былъ кандидатомъ въ министерскіе вице-президенты, получилъ порученіе организовать армію (15 сентября 1898 г.) и, наконецъ, награжденъ былъ 4,000 унцій серебра. Юанъ не очень-то сталъ торопиться съ выполненіемъ порученнаго ему указа. Правда, онъ отправился къ Юнгъ-Лу и предъявилъ ему тотъ указъ; но когда Юнгъ-Лу, прочитавши спокойно послѣдній, возвратилъ его со словами: «На вашей обязанности лежитъ исполнить волю вашего императора»,—то Юанъ намекнулъ, что, можетъ быть, Юнгъ-Лу имѣетъ необходимость привести передъ смертью въ порядокъ свои частныя дѣла и что поэтому онъ, Юанъ, вернется къ нему на слѣдующій день. Понятно, что Юнгъ-Лу не сталъ ожидать вторичнаго визита его,

Digitized by Google

а тотчасъ же отправился въ Пекинъ предупредить обо всемъ происшедшемъ вдовствующую императрицу и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ей о другомъ указѣ, касавшемся лично ея и осуждавшемъ ее на изгнаніе. Узнавъ объ этомъ, императрица Тзу-Хи не стала терять времени, а тотчасъ же постаралась захватить императора Куангъ-Сю на небольшомъ островкѣ, расположенномъ среди одного изъ озеръ, лежащихъ въ паркѣ, окружающемъ дворецъ, изолировала его тамъ и силою заставила его отречься отъ власти. Такимъ образомъ положенъ былъ конецъ непродолжительной реформаторской дѣятельности молодого Куангъ-Сю. Мечты его вызвать возрожденіе Китая окончательно потерпѣли крушеніе, можетъ быть, потому, что слишкомъ шли въ разрѣзъ съ дѣйствительною жизнью. Онъ позволилъ себѣ увлечься соблазнительно-смѣлыми проектами Канъ-Ю-Вея и его друзей, попробовалъ вступить въ борьбу съ древними традиціями Китая, съ его устарѣлой административной организаціей; но, не сумѣвши посадить на всѣ нужныя мѣста своихъ приверженцевъ,—на что такая мастерица вдовствующая императрица,—онъ вслѣдствіе этого въ той борьбѣ потерялъ свой престолъ, а въ будущемъ рискуетъ, можетъ быть, поплатиться и самою своею жизнью.

IV.

Дворцовая революція 20 сентября 1898 года и ея послѣдствія.

Изъ вышеприведеннаго описанія города Пекина можно убѣдиться, что вдовствующей императрицѣ вовсе не трудно было осуществить свой замыселъ о захватѣ Куангъ-Сю, какъ скоро она имѣла на своей сторонѣ,—что и было въ дѣйствительности,—многихъ изъ высшихъ сановниковъ, а равно часть расположенныхъ въ Пекинѣ войскъ. Говорятъ, что при этомъ не маловажное содѣйствіе оказали ей также и дворцовые евнухи. Но какъ бы то ни было, а Куангъ-Сю оказался у нея въ плѣну. Вслѣдъ затѣмъ обнародованъ былъ слѣдующій императорскій указъ: «Въ настоящій моментъ управленіе имперіей исполнено очень большихъ затрудненій и накопилось множество дѣлъ, которыя необходимо привести въ порядокъ. Денно и нощно предавались Мы, не щадя себя, разрѣшенію этихъ безчисленныхъ дѣлъ; но, не взирая на то, количество ихъ все болѣе и болѣе возрастало. Истощивъ нынѣ всѣ свои силы на отправленіе обязанностей, сопряженныхъ съ Нашимъ саномъ, Мы, тѣмъ не менѣе, все-таки постоянно находимся подъ опасеніемъ, что цѣлая масса дѣлъ не будетъ своевременно разсмотрѣна и разрѣшена. Возстановляя въ своей памяти событія, происшедшія со времени царствованія императора Тунгъ-Чи, Мы не забыли, что императрица, Наша пріемная мать, уже дважды управляла имперіей въ качествѣ регентши. Средства, употреблявшіяся ею въ годы своего управленія для того, чтобы самымъ дѣйствительнымъ образомъ улаживать тѣ сильныя затрудненія, которыя тогда переживались имперіей, были всегда превосходны и вполнѣ практичны. Принимая во вниманіе величайшую важность обязанностей, переданныхъ Намъ предками, Мы уже не разъ настоятельно просили ее, чтобы она удостоила насъ своими совѣтами по дѣламъ управленія. И нынѣ Мы почтительнѣйше узнали, что она согласилась исполнить Нашу просьбу, на пользу Нашего синклита и на благо всего Нашего народа. Отнынѣ всѣ государственныя дѣла будутъ разбираться въ залѣ Пьэнъ-Тьэнъ-Тьэнъ. Кромѣ того, въ 8-й день настоящей луны Мы, во главѣ всѣхъ принцевъ крови и высшихъ сановниковъ, явимся во дворецъ Кингъ-Ченъ-Тьэнъ воздать императрицѣ-регентшѣ, Нашей пріемной матери, подобающія ей почести. А потому повелѣвается разнымъ министрамъ и тѣмъ вѣдомствамъ, до коихъ это дѣло относится, чтобы они почтительно и со тщаніемъ нынѣ же опредѣлили церемоніалъ, который при семъ долженъ быть выполненъ.» Указъ этотъ, въ сущности, свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ былъ уже тогда совершенно устраненъ отъ власти, которая всецѣло перешла въ руки вдовствующей императрицы. Послѣ этого наступила пора полнѣйшей реакціи. Уже на слѣдующій день, 21 сентября, цензоръ Сунгъ-Пе-Лу былъ устраненъ отъ должности; вмѣстѣ съ тѣмъ были уволены отъ службы и всѣ тѣ чиновники, которые выступали съ какими-либо докладами въ пользу реформъ. Стража у дворцовыхъ воротъ была значительно усилена. Затѣмъ послѣдовала отмѣна почти всѣхъ указовъ, изданныхъ императоромъ Куангъ-Сю въ эпоху своей реформаторской дѣятельности. Что же касается до его либеральныхъ совѣтниковъ, то они почти всѣ были арестованы и немедленно отданы подъ

Digitized by Google

судъ. Вотъ императорскій указъ, который послѣдовалъ по этому поводу. «Министерство уголовныхъ дѣлъ представило Намъ докладную записку, въ которой проситъ Насъ, въ виду исключительной важности предстоящаго ему уголовнаго разбирательства, командировать высшихъ сановниковъ и членовъ Большого Совѣта для совмѣстнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Поэтому Мы повелѣваемъ высокимъ сановникамъ, членамъ Большого Совѣта, присоединиться къ членамъ министерства уголовныхъ дѣлъ и къ цензорамъ, для строжайшаго обсужденія преступленій, содѣянныхъ нашими чиновниками Сю-Че-Тзингомъ и его товарищами, за исключеніемъ лишь Чангъ-Инъ-Гоана. Что же касается до послѣдняго, то такъ какъ Намъ подано нашими сановниками много докладныхъ записокъ, въ которыхъ доказывается, что хотя поведеніе его и было явно неодобрительно, однако онъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ, организованномъ Кангъ-Ю-Веемъ, Мы повелѣваемъ, чтобы его лишь не теряли изъ вида до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ отъ насъ особый указъ, которымъ и будетъ рѣшена судьба его. Дѣло Кангъ-Ю-Вея, составившаго заговоръ въ своихъ личныхъ интересахъ, чрезвычайно важно. Мы уже ранѣе сего поручали министерству уголовныхъ дѣлъ допросить Сю-Че-Тзинга и остальныхъ соучастниковъ заговора; но при этомъ судъ, желая оказать снисхожденіе тѣмъ чиновникамъ и лицамъ изъ простонародья, которые были обманнымъ образомъ увлечены главными заговорщиками, не позволилъ себѣ ни входить въ строгое разслѣдованіе по поводу ихъ участія въ заговорѣ, ни налагать на нихъ кару наравнѣ съ главными виновниками. Этимъ судъ хотѣлъ выказать свое благое намѣреніе прибѣгнуть къ наказаніямъ лишь съ большою осторожностью.» 28-го сентября несчастные, поименованные въ приведенномъ указѣ, подверглись осужденію и вслѣдъ затѣмъ, уже 29-го сентября, были казнены; въ числѣ ихъ подвергся обезглавленію и младшій братъ Кангъ-Ю-Вея. Всѣ они мужественно встрѣтили смерть; трупы ихъ, а равно и головы, за исключеніемъ одного только трупа брата Кангъ-Ю-Вея, котораго никто не осмѣлился коснуться изъ опасенія подвергнуться за это наказанію, — тогда же унесены были ихъ родными съ мѣста казни и положены въ могилы. Все это происходило въ желтомъ городѣ, вблизи императорскаго дворца и, слѣдовательно, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ иностранными посольствами; а потому крайне странно, что наши дипломаты, какъ оказывается, ровно ничего не знали о драмѣ, разыгрывавшейся буквально въ двухъ шагахъ отъ ихъ резиденцій. Что же касается до Сю-Че-Тзунга, оказавшагося виновнымъ въ томъ, что онъ отрекомендовалъ Кангъ-Ю-Вея вниманію императора, то жизнь ему была пощажена, но зато онъ присужденъ былъ къ вѣчному тюремному заключенію. Наконецъ, самъ Кангъ-Ю-Вей успѣлъ довольно счастливо спастись бѣгствомъ. Онъ въ моментъ дворцовой революціи находился въ дорогѣ, на пути изъ Тянь-Тзиня въ Шанхай. Правда, шанхайскій даотай, на основаніи приказа, полученнаго изъ Пекина, обратился было къ мѣстному англійскому консулу съ просьбой объ оказаніи содѣйствія къ арестованію этого главнаго совѣтника императора Куангъ-Сю, причемъ не преминулъ выставить его ужаснымъ преступникомъ и даже объявить, что онъ только-что далъ яду молодому императору; кромѣ того, даотай назначилъ денежную награду за голову Кангъ-Ю-Вея, но тотъ во-время получилъ свѣдѣніе объ угрожавшей ему опасности и тотчасъ же по прибытіи въ Шанхайскій портъ, не выходя ни на минуту на берегъ, перебрался на англійскій почтовый пароходъ и подъ охраной британскаго крейсера «Bonaventure» достигъ невредимымъ Гонконга; оттуда онъ вскорѣ перебрался въ Тонкинъ и, наконецъ, окончательно поселился въ Сингапурѣ. Но и тамъ, какъ извѣстно, китайскіе сыщики не разъ пытались захватить его, такъ что только благодаря энергическому вмѣшательству англійскаго правительства ему удалось избѣжать опасности и сохранить свою свободу и жизнь. Но зато домъ его въ Кантонѣ подвергнутъ былъ самому тщательному обыску, такъ какъ китайское правительство разсчитывало непремѣнно найти тамъ доказательства относительно его виновности въ организаціи мятежа. Но, повидимому, результаты обыска оказались очень незначительными, какъ это свидѣтельствуется слѣдующимъ, крайне характернымъ императорскимъ указомъ:

«Тангъ-Чонъ-Линъ, вице-король Куанга, представилъ Намъ докладъ, который и полученъ Нами вчера. Въ этомъ докладѣ онъ доводитъ до Нашего свѣдѣнія, что ему уда-

Digitized by Google

лось захватить въ домѣ Кангъ-Ю-Вея нѣсколько писемъ заговорщиковъ. Онъ распорядился ихъ отлитографировать и представилъ Намъ, дабы Мы могли ознакомиться съ ними. Оказывается, что въ означенныхъ письмахъ разсужденія о возмущеніи занимаютъ очень много мѣста, а иногда такимъ разсужденіямъ посвящены даже цѣлыя письма. Въ нихъ, между прочимъ, Тангъ-Се-Тонгу нерѣдко придается титулъ президента, а про императорскій Дворъ утверждается, что его состояніе вполнѣ безнадежно. Самыя письма помѣчены не годами царствованія Куангъ-Сю, а на нихъ крупными знаками означено: отъ Конфуція въ такомъ-то году. Эти нелѣпыя и безумныя выходки, каждая въ отдѣльности и всѣ въ совокупности, самымъ яснымъ образомъ показываютъ, что Кангъ-Ю-Вей и тѣ, кто велъ съ нимъ означенную переписку,—мятежные подданные и непокорные сыны. Въ ихъ письмахъ упоминается о многихъ лицахъ; но чтобы показать, сколь Мы великодушны, Мы не пожелали, чтобы производилось дальнѣйшее разслѣдованіе о людяхъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, и повелѣваемъ, чтобы всѣ вышеуказанныя подлинныя письма были сожжены. Такъ какъ Кангъ-Ю-Вей первый выступилъ съ возмутительными рѣчами, то Мы сочли необходимымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе обо всѣхъ его злыхъ дѣлахъ, дабы тѣмъ самымъ подорвать возмущеніе въ корнѣ.»

Но месть вдовствующей императрицы этимъ все-таки не ограничилась. Регентша захотѣла, чтобы императоръ публично сознался въ своихъ заблужденіяхъ и отрекся отъ своего прежняго совѣтника Кангъ-Ю-Вея. Съ этою цѣлью она заставила его издать такой указъ: «При Нашихъ поискахъ талантливыхъ и способныхъ людей Мы особенно полагались на мнѣніе и на содѣйствіе Нашего опекуна Венгъ-Тунгъ-Хо. Однажды послѣдній выступилъ передъ Нами съ горячей рекомендаціей Кангъ-Ю-Вея, который, по его словамъ, обладалъ во сто разъ большими талантами, чѣмъ самъ онъ, Венгъ-Тунгъ-Хо. Конечно, Мы ему повѣрили. Но каково было наше негодованіе, когда впослѣдствіи оказалось, что означенный Кангъ-Ю-Вей старался тайнымъ образомъ вызвать революцію, что съ этою цѣлью онъ собралъ вокругъ себя шайку негодныхъ эгоистовъ и даже едва не привлекъ и Насъ къ этой революціи, въ которую онъ задумалъ ввергнуть имперію. Онъ едва не принудилъ Насъ преступно нарушить долгъ сыновней почтительности относительно вдовствующей императрицы и тѣмъ покушался причинить явный вредъ Нашему доброму имени и опозорить Насъ въ глазахъ всего потомства. Кангъ-Ю-Вей образовалъ цѣлую партію, девизомъ которой было служить Китаю и защищать его, а не то, чтобы служить Нашей династіи и защищать ее. Кромѣ того, онъ намѣревался имперію замѣнить республикой съ президентомъ во главѣ, вмѣсто императора. Но какъ только Мы уразумѣли, въ чемъ именно заключаются его

Вдовствующая китайская императрица-регентша.

планы, то тотчасъ поспѣшили отдаться подъ покровительство вдовствующей императрицы и стали умолять Ея Величество придти къ Намъ на помощь и взять на себя, вмѣсто Насъ, бремя управленія государствомъ. Только такимъ путемъ и удалось Намъ случайно спасти себя отъ угрожавшей Намъ опасности.»

Впрочемъ, и это еще не удовлетворило мстительность императрицы. Вѣдь Куангъ-Сю осмѣлился дѣйствовать противъ нея; поэтому впредь онъ не долженъ былъ болѣе царствовать. И вотъ 23-го января 1899 года въ Пекинской офиціальной газетѣ появляется приказъ принцамъ крови, а также всѣмъ го-

Digitized by Google

сударственнымъ секретарямъ, всѣмъ высшимъ чинамъ Двора, членамъ императорской комиссіи надписей и академіи Ханъ-Линъ, равно президентамъ шести китайскихъ министерствъ приготовиться къ спеціальной аудіенціи, которая назначена была на слѣдующій день. Единственный, кто изъ всѣхъ высшихъ сановниковъ уклонился отъ участія въ означенной аудіенціи, это былъ Ли-Хунъ-Чангъ; ему какъ разъ въ это время оказалась, будто бы, настоятельная надобность быть по дѣламъ службы въ Кантонѣ, куда онъ тотчасъ же и удалился изъ Пекина. Оказалось, что церемоніалъ упомянутой аудіенціи, опубликованный въ той же пекинской газетѣ 24-го января, совершенно совпадалъ съ церемоніаломъ, употребительнымъ при вступленіи на престолъ новыхъ императоровъ, а именно принцы крови и высшіе сановники, одѣтые въ свои парадныя платья, обязаны были каждый представить къ престолу по два особыхъ скипетра, называемыхъ по-китайски ю-и; этотъ обрядъ замѣняетъ у китайцевъ присягу на подданство. Такимъ образомъ, что бы ни говорили приверженцы вдовствующей императрицы, какъ бы они ни оспаривали обвиненія въ томъ, что она намѣревалась низложить императора Куангъ-Сю, объясняя все дѣло лишь желаніемъ ея назначить послѣднему законнаго наслѣдника, приведенное выше распоряженіе совершенно опровергаетъ всѣ ихъ толки, потому что, по китайскимъ законамъ, представленіе къ престолу скипетровъ ю-и означаетъ исключительно только присягу въ вѣрности новому императору.

Конечно, нечего и говорить, что съ самаго 20-го сентября 1898 года Куангъ-Сю фактически уже не царствовалъ, и что всѣ безъ исключенія правительственные указы издавались вдовствующей императрицей лишь отъ его имени. Этимъ только и возможно объяснить, что затѣмъ былъ обнародованъ такой императорскій указъ: «Когда, еще во время Нашего младенчества, Мы, милостью императора Тунгъ-Чи, выбраны были въ преемники его тяжелыхъ обязанностей въ качествѣ главы имперіи, и когда Его Величество умеръ, Мы денно и нощно старались оправдать оказанное намъ благоволеніе неустанною дѣятельностью и вѣрностью принятому Нами на себя долгу. Мы также много обязаны вдовствующей императрицѣ за то, что она постоянно руководила Нами и любила Насъ, а нынѣ ей же Мы обязаны и своимъ спасеніемъ. Теперь да будетъ всѣмъ извѣстно, что когда Мы были выбраны императоромъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было, что если у Насъ родится сынъ, то онъ и будетъ провозглашенъ наслѣдникомъ престола. Но до самаго послѣдняго времени Мы постоянно хворали, и вотъ почему въ 8-ю луну этого года [1]) вдовствующая императрица соблаговолила склониться на Наши неотступныя просьбы и взяла въ свои руки бразды правленія, съ тѣмъ, чтобы наставлять Насъ въ Нашихъ обязанностяхъ. Съ тѣхъ поръ прошелъ уже цѣлый годъ, а Мы все еще чувствуемъ себя физически слабымъ. Но признавая всегда, что законный наслѣдникъ престола долженъ быть избранъ уже ради блага имперіи Нашихъ предковъ, Мы снова стали просить императрицу, чтобы она со всею тщательностью избрала изъ среды членовъ императорскаго клана одного изъ принцевъ, добродѣтельнаго и скромнаго, который и наслѣдовалъ бы Намъ на престолѣ; это она и сдѣлала, избравъ для означенной цѣли Пу-Чуна, сына Тзай-Ы, второклассного принца Туана. Поэтому мы повелѣваемъ, чтобы означенный Пу-Чунъ провозглашенъ былъ наслѣдникомъ покойнаго императора Тунгъ-Чи.»

Особенно замѣчательны въ приведенномъ указѣ послѣднія его слова: Пу-Чунъ назначается наслѣдникомъ не царствующаго императора Куангъ-Сю, а покойнаго императора Тунгъ-Чи, и этимъ какъ бы признается офиціально, что Куангъ-Сю не имѣетъ правъ на престолъ, что самое избраніе его наслѣдникомъ трона было незаконно, и что поэтому онъ является лишь узурпаторомъ императорской власти. Развѣ изданіе подобнаго указа, если бы онъ дѣйствительно исходилъ отъ самого Куангъ-Сю, не было бы простонапросто равносильно моральному самоубійству? Но, во всякомъ случаѣ, на этотъ указъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на прелюдію къ совершенному устраненію императора, можетъ быть, даже путемъ лишенія его жизни. А чтобы не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинномъ характерѣ означеннаго правительственнаго распоряженія, вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ еще новый императорскій указъ, составленный въ такихъ выраженіяхъ: «Повелѣвается, чтобы въ первый день новаго года (31-го января 1899

[1]) Значитъ, въ сентябрѣ 1898 года.

Digitized by Google

года) лежащая на Насъ обязанность обычнаго жертвоприношенія у алтарей Всевышняго, въ залѣ императорскихъ предковъ и въ храмѣ императорскаго долгоденствія исполнена была вновь назначеннымъ наслѣдникомъ престола Пу-Чуномъ.» Можетъ ли послѣ этого существовать еще хотя какое-нибудь сомнѣніе, что въ началѣ прошлаго года императоръ Куангъ-Сю былъ совершенно низложенъ вдовствующей императрицей? Китайцы, очевидно, такъ это и поняли, и, кажется, одни только иностранные дипломаты въ Пекинѣ ничего не видѣли изъ того, что происходило почти у нихъ на глазахъ. Между тѣмъ заволновались китайскія провинціи. Дѣло дошло даже до того, что одинъ шанхайскій житель, нѣкто Кинъ-Ліэнъ-Шанъ, осмѣлился переслать императрицѣ петицію, подписанную именами 1230 человѣкъ и заключающую въ себѣ категорическое требованіе о возстановленіи императора Куангъ-Сю на престолѣ. А вмѣстѣ съ тѣмъ и вице-короли южныхъ провинцій довольно недвусмысленно даютъ понять императрицѣ-регентшѣ, что въ завѣдываемыхъ ими областяхъ весьма легко можетъ вспыхнуть общее народное возстаніе противъ нея. Не надо забывать, что государственное устройство Китайской имперіи довольно близко подходитъ къ федератизму: вице-короли въ провинціяхъ, которыми они управляютъ, почти самостоятельны и вообще пользуются тамъ властью, весьма близкой къ абсолютизму, являясь одновременно и высшими гражданскими сановниками, и главнокомандующими всѣхъ военныхъ силъ, расположенныхъ въ тѣхъ провинціяхъ; поэтому ихъ мнѣніемъ центральное правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ пренебрегать. Тревожныя вѣсти, сообщавшіяся ими въ Пекинъ, сильно встревожили императрицу и были крайне непріятны ей. Къ тому же и войска заняли довольно двусмысленное положеніе относительно нея, не взирая на то, что общее начальствованіе надъ ними поручено было ею генералу Тонгъ-Фу-Сіангу, завѣдомо извѣстному столько же своею приверженностью къ царствующей династіи, сколько и своею непримиримою ненавистью къ иностранцамъ. А такъ какъ Дворъ и въ отношеніи послѣднихъ вдругъ круто измѣнилъ свое положеніе, не только отвѣчая категорическимъ отказомъ на всѣ дальнѣйшія претензіи европейскихъ державъ, но даже постепенно сводя въ дѣйствительности почти на нѣтъ и тѣ уступки, которыя сдѣланы были имъ раньше, въ періодъ реформъ, — въ родѣ допущенія къ участію въ контролѣ надъ поступленіемъ податей и налоговъ или разрѣшенія устроить пароходное сообщеніе по главнымъ китайскимъ рѣкамъ, — то, наконецъ, встревожились и иностранные посланники, аккредитованные при пекинскомъ Дворѣ. Тревога ихъ особенно усилилась послѣ того, какъ до ихъ свѣдѣнія дошло, что двое изъ цензоровъ позволили себѣ даже выступить съ проектомъ объ уничтоженіи Цзунъ-Ли-Ямыня и о замѣнѣ его Ли-фанъ-Юэнемъ, который собственно завѣдуетъ дѣлами, касающимися Монголіи и разныхъ государствъ, находящихся къ Китаю въ вассальныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, въ сущности, обнаружилось стремленіе приравнять и европейскія державы къ подобнымъ вассальнымъ государствамъ. Это показалось посланникамъ настолько подозрительнымъ, что они на сей разъ сочли необходимымъ потребовать отъ китайскаго правительства разрѣшенія ввести въ Пекинъ для охраны посольствъ небольшіе отряды своихъ войскъ. Генералъ Юэнь, исправлявшій тогда временно обязанности Чи-лійскаго вице-короля, воспротивился было такому ихъ требованію; но высшее китайское правительство признало для себя гораздо болѣе выгоднымъ удовлетворить его, и Цзунъ-Ли-Ямынь, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ извѣстилъ посланниковъ, что имъ это разрѣшается. Тогда въ Пекинъ было введено до 120-ти человѣкъ русскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ, которые, прошедши черезъ весь городъ, такъ что ихъ видѣло все китайское населеніе, заняли затѣмъ военные караулы у своихъ посольствъ. Однако нельзя сказать, чтобы такая мѣра со стороны посланниковъ была особенно удачной; они тутъ сыграли скорѣе въ руку китайскому правительству: военные отряды, вызванные ими для охраны посольствъ, были слишкомъ ничтожны и каждый въ отдѣльности, и всѣ вмѣстѣ, чтобы имѣть какое-нибудь серіозное значеніе; а между тѣмъ означеннымъ обстоятельствомъ, — какъ это ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, — чрезвычайно ловко воспользовалась вдовствующая императрица для того, чтобы, выставивъ его въ видѣ агрессивнаго дѣйствія иностранцевъ и подогрѣвъ этимъ самымъ ненависть китайцевъ къ послѣднимъ, овладѣть главнымъ

Digitized by Google

движеніемъ китайскихъ тайныхъ обществъ, которое особенно усилилось около того времени. Движеніе это первоначально направлено было почти исключительно противъ самого же китайскаго правительства; но императрица очень искусно сумѣла обратить его противъ иностранцевъ. Чтобы яснѣе понять, какимъ образомъ это могло случиться, надо нѣсколько поближе разсмотрѣть, что такое представляютъ собой тайныя политическія общества въ Китаѣ и какія, собственно, цѣли преслѣдуютъ они.

V.

Тайныя общества въ Китаѣ.

Тайныхъ обществъ въ Китаѣ очень много; между ними немало есть и такихъ, которыя имѣютъ политическій характеръ. Послѣднія, несмотря на то, что возникли сравнительно недавно, играютъ тамъ очень немаловажную роль и нерѣдко причиняютъ правительству серіозныя затрудненія. Самое старинное изъ нихъ носитъ названіе Пэй-Ліенъ-Кіао, что въ переводѣ значитъ «Бѣлыя Кувшинки». О немъ извѣстно, что еще въ 1813 году членамъ его удалось овладѣть императорскимъ дворцомъ въ Пекинѣ. Затѣмъ около 1850 года они же сдѣлали попытку низвергнуть нынѣ царствующую династію Дайциновъ, въ лицѣ императора Хіэнъ-Фенга. Глава этого общества, Тьэнъ-Вангъ, выдавалъ себя за потомка старинной династіи Минговъ, низложенной Дайцинами, и потому его особенно сильно поддерживали ученые мандарины, въ надеждѣ, что онъ возстановитъ на китайскомъ престолѣ прежнюю національную династію, которая была имъ такъ симпатична. Попытка Тьэнъ-Ванга окончилась неудачно; но это не обезкуражило его послѣдователей, и они впослѣдствіи не разъ возобновляли борьбу противъ нынѣ царствующей династіи. Въ числѣ членовъ этого общества состоитъ, между прочимъ, очень много женщинъ, такъ какъ, по уставу его, жена, поступившая въ составъ общества ранѣе своего мужа, дѣлается главою своей семьи, а это имѣетъ большое значеніе въ Китаѣ, гдѣ положеніе женщины вообще крайне незавидно. Общество «Бѣлыхъ Кувшинокъ» имѣетъ очень стройную организацію, съ точно установленной гражданской и военной іерархіей, такъ что если бы обстоятельства потребовали, то оно немедленно можетъ приступить къ дѣйствіямъ. У него даже есть въ каждой провинціи особый правитель, такъ какъ оно держится стариннаго дѣленія Китая и не признаетъ суверенитета Пекина. Означенные правители совершенно независимы другъ отъ друга и избираются посредствомъ всеобщаго голосованія. Въ день рожденія такого провинціальнаго правителя, особые делегаты являются къ нему съ поздравленіями отъ лица всѣхъ подвластныхъ ему членовъ общества и обыкновенно подносятъ при этомъ въ подарокъ значительную сумму денегъ; но это посѣщеніе ихъ хранится всегда въ глубокой тайнѣ и происходитъ не иначе, какъ самымъ раннимъ утромъ, когда все мѣстное населеніе еще погружено въ глубокій сонъ. Часть поднесенныхъ денегъ правитель употребляетъ на свои личныя нужды, а остальныя хранитъ до той поры, когда ему потребовалось бы произвести какіе-либо экстренные расходы по дѣламъ общества, особенно на тотъ случай, когда вдругъ получено было бы предписаніе общества организовать вновь возстаніе противъ китайскаго правительства, и члены общества, вслѣдствіе этого, принуждены были бы взяться за оружіе.

Но самымъ значительнымъ и распространеннымъ изъ всѣхъ тайныхъ политическихъ обществъ въ Китаѣ является общество Тріады, носящее по китайски названіе Санъ-Хо-Вуэй. Оно нерѣдко именуется также Тьэнъ-Ту-Хуэй, что въ переводѣ означаетъ «Общество Неба и Земли». Общество это пользуется неограниченною властью надъ жизнью своихъ членовъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые осмѣливаются измѣнить ему, наказываетъ смертью. Члены его узнаютъ другъ друга по особымъ знакамъ и словамъ, а также по тому, какъ они садятся, какъ подаются у нихъ за столомъ блюда и т. п. Всѣ они обязаны всячески содѣйствовать одинъ другому въ достиженіи цѣлей общества и оказывать взаимно нужную для того помощь. Главною своею цѣлью общество имѣетъ такъ же, какъ и общество «Бѣлыхъ Кувшинокъ», низверженіе нынѣ царствующей въ Китаѣ манджурской династіи. Однажды было даже очень близко къ осуществленію означенной цѣли; именно, это случилось въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, во время знаменитаго возстанія Тай-

Digitized by Google

пинговъ, которое, собственно говоря, имъ и было организовано. Насколько обширные размѣры имѣло это возстаніе, можно судить уже по тому, что оно стоило Китаю до десяти милліоновъ человѣческихъ жизней. Извѣстно, съ какою быстротою Тайпинги въ то время дошли до р. Янъ-Тце-Кіанга, овладѣли Нанкиномъ и даже проникли въ провинцію Чи-Ли, гдѣ расположенъ Пекинъ. Лишь помощь, оказанная китайскому правительству французскими и англійскими войсками, дала ему возможность справиться съ мятежниками. Послѣ этого часть ихъ оттѣснена была въ предѣлы Тонкина, гдѣ и продолжала дѣйствовать подъ наименованіемъ «Черныхъ Флаговъ»; но большинство Тайпинговъ, когда возстаніе было подавлено, поступило на военную службу къ разнымъ вице-королямъ и особенно къ нанкинскому вице-королю. Однако, вскорѣ они оказались тамъ настолько неудобными, особенно по своему своеволію и своей распущенности, что рѣшено было по возможности избавиться отъ нихъ. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что наиболѣе выдающіеся изъ нихъ по своей отвагѣ соединились вмѣстѣ и составили тайное политическое общество, принявшее названіе Ку-Лао-Хой. Нынѣ общество это имѣетъ свои отдѣлы почти во всѣхъ провинціяхъ и городахъ Китайской имперіи и члены его считаются милліонами. Главнымъ девизомъ своимъ оно избрало лозунгъ: Китай—для китайцевъ. Измѣну со стороны своихъ членовъ оно караетъ также смертью, и для приведенія въ исполненіе подобныхъ приговоровъ оно при каждомъ своемъ отдѣлѣ имѣетъ особаго палача, хотя, впрочемъ, это нисколько не избавляетъ ни одного изъ его членовъ отъ обязанности принять на себя безъ всякихъ отговорокъ приведеніе въ исполненіе смертнаго приговора, постановленнаго обществомъ надъ кѣмъ бы то ни было. Каждый новый членъ при своемъ вступленіи въ общество выпиваетъ чашу горячаго вина, смѣшаннаго съ дымящейся кровью пѣтуха, нарочно при этомъ убиваемаго, и затѣмъ ему вручается узкая полотняная тесемка съ нѣсколькими начерченными на ней письменными знаками, изъ которыхъ одинъ означаетъ слово «Китай». По означенной тесемкѣ китайская полиція отыскиваетъ и безошибочно узнаетъ членовъ этого общества и затѣмъ безъ всякаго снисхожденія арестуетъ ихъ, послѣ чего ихъ подвергаютъ тяжелымъ наказаніямъ; но это нисколько не мѣшаетъ числу членовъ общества возрастать все болѣе и болѣе. Нынѣ между послѣдними есть много высшихъ офицеровъ, и даже одно время самъ могущественный нанкинскій вице-король принималъ въ немъ очень дѣятельное участіе. Когда же онъ, незадолго до своей смерти, позволилъ было себѣ оставить безъ исполненія одно изъ предписаній общества, то недѣлю спустя скончался, повидимому, отъ даннаго ему яда. Едва его преемникъ вступилъ въ исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей, какъ общество предъявило къ нему требованіе, чтобы онъ немедленно уплатилъ жалованье солдатамъ, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ избіенію иностранцевъ и тѣмъ самымъ создать ему массу серіозныхъ затрудненій. Вице-король вначалѣ было отказался исполнить такое требованіе общества, и вотъ тогда вскорѣ появилась среди простого народа одна книжка съ картинками, въ которой на европейцевъ взводились самыя чудовищныя обвиненія. Такъ, въ ней говорилось, что будто бы они убиваютъ китайскихъ младенцевъ, завлекаютъ въ свои дома обманнымъ образомъ молоденькихъ китайскихъ дѣвушекъ и отрѣзаютъ имъ груди, чтобы затѣмъ изъ этихъ грудей готовить нѣкоторыя свои лѣкарства; наконецъ, что они вырываютъ у китайцевъ глаза съ цѣлью приготовленія изъ нихъ своихъ фотографическихъ препаратовъ. Милліоны экземпляровъ этой нелѣпой книжки были въ самое короткое время распространены по всему Китаю; простонародье, конечно, смѣло повѣрило въ эти глупыя розсказни и начало все болѣе и болѣе волноваться. Наконецъ, опасность народнаго бунта противъ иностранцевъ

Принцъ Туанъ, китайскій демагогъ, глава движенія враждебнаго иностранцамъ въ Китаѣ.

Digitized by Google

Китайская народная картинка, проповѣдующая истребленіе иностранцевъ въ Китаѣ.

стала настолько серіозной, что нанкинскій вице-король принужденъ былъ покориться и выплатить жалованье своимъ солдатамъ, послѣ чего народное волненіе начало постепенно утихать. Такимъ образомъ, вполнѣ очевидно, что все это являлось дѣломъ рукъ членовъ общества Ку-Лао-Хой, тѣмъ болѣе, что послѣднее уже не разъ организовало съ успѣхомъ народныя возмущенія. Одинъ изъ наиболѣе важныхъ отдѣловъ находится въ Манджуріи и затѣмъ другой—въ сѣверномъ Китаѣ, гдѣ у него все давно уже подготовлено къ тому, чтобы при первомъ же извѣстіи о паденіи Пекина тамъ послѣдовалъ почти во всѣхъ провинціяхъ одновременный взрывъ народнаго мятежа, направленный противъ центральнаго правительства имперіи и царствующей въ ней династіи.

Наконецъ, о четвертомъ изъ значительнѣйшихъ тайныхъ политическихъ обществъ въ Китаѣ—о такъ называемыхъ «Большихъ Кулакахъ» уже говорилось въ послѣдней книжкѣ нашего журнала [1]). Но вотъ еще нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей объ этомъ обществѣ. Въ числѣ его догматовъ есть одинъ, который гласитъ, что члены его должны быть нравственно такъ же чисты, какъ чиста утренняя роса, блистающая при восходѣ солнца на свѣжихъ листьяхъ деревьевъ, растущихъ въ горахъ. Эта аллегорія дала, повидимому, основаніе къ установленію слѣдующаго, довольно страннаго на нашъ европейскій взглядъ, обряда. Ежегодно, въ 27-й день 7-й луны, извѣстное число членовъ общества, избранныхъ между самыми достойными, отправляется пѣшкомъ въ путь по направленію къ горамъ Нгсу-Лангъ-Шанъ, расположеннымъ на сѣверо-востокъ отъ Пекина. За плечами каждаго изъ нихъ—котомка съ провизіей, одинъ или два куска бѣлаго полотна и пустой сосудъ въ формѣ бутылки; послѣдній предназначенъ для собиранія въ него росы, которую странники должны собрать съ деревьевъ, растущихъ въ упомянутыхъ горахъ. Это работа трудная и долгая, ибо ночи въ горахъ холодны и сыры. Но что до этого нашимъ путникамъ! Они вернутся домой, во всякомъ случаѣ, не ранѣе, чѣмъ они исполнятъ свою задачу, хотя бы для того имъ пришлось провести въ горахъ и двѣ-три недѣли. Но вотъ, нако-

[1]) «Новый Журналъ Иностранной Литературы», іюль, стр. 77.

Digitized by Google

нецъ, сосуды, принесенные ими съ собою, полны собранной росы; тогда странники поспѣшаютъ скорѣе въ обратный путь, такъ какъ дома ихъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ сами начальники общества. Немедленно по прибытіи послѣднимъ передаются съ рукъ на руки сосуды съ драгоцѣнной влагой. Они ихъ торжественно открываютъ и затѣмъ содержимое ихъ выливаютъ въ небольшой котелъ, спеціально предназначенный для этой цѣли. Туда же бросаются и связки листьевъ, сорванныхъ съ тѣхъ же деревьевъ, съ которыхъ собрана и роса, и принесенныхъ съ горъ завернутыми въ тѣ куски бѣлаго полотна, которые брали съ собою странники. Послѣ этого подъ котломъ разводится огонь, и онъ начинаетъ закипать. Всѣ съ сосредоточеннымъ видомъ и въ глубокомъ молчаніи слѣдятъ за происходящимъ въ немъ процессовъ. Но вотъ, наконецъ, брошенныя туда листья ююбы и клещевины совершенно разварились въ росѣ, смѣшались вмѣстѣ и образовали что-то въ родѣ однородной студенистой массы, похожей своимъ внѣшнимъ видомъ на наши мармелады. Массѣ этой дается таинственное названіе Ми-као. Когда кончилось ея образованіе, все содержимое котла выливается изъ него, сушится на солнцѣ и затѣмъ дѣлится на тысячи маленькихъ кусочковъ, которые и продаются по дорогой цѣнѣ членамъ общества. Кусочки эти, по китайскимъ повѣрьямъ, имѣютъ свойство предохранять будто бы своихъ счастливыхъ обладателей отъ всевозможныхъ грядущихъ болѣзней и дѣлаютъ ихъ постоянно здоровыми людьми. Несмотря на то, что главными руководителями «Большихъ Кулаковъ» состояли до послѣдняго времени лишь лица, занимавшія довольно незначительное общественное положеніе, изъ разряда мелкихъ чиновниковъ, искателей незначительныхъ административныхъ должностей, отставныхъ офицеровъ и тому подобныхъ, оно забрало такую силу, что китайское правительство сочло выгоднымъ для себя обратить на него вниманіе, тѣмъ болѣе, что «Большіе Кулаки» являются однимъ изъ немногихъ тайныхъ обществъ, которыя имѣютъ своимъ де-

Китайская народная картинка, проповѣдующая истребленіе иностранцевъ.

«Долой иностранцевъ! Сжечь ихъ книги!» Налѣво изображенъ костеръ. Китайскіе патріоты созерцаютъ его, затыкая себѣ носы, такъ какъ иностранныя книги отравляютъ воздухъ. На первомъ планѣ виденъ посильщикъ съ книгами, которые онъ несетъ на костеръ. Выше—патріоты избиваютъ иностранцевъ.

Digitized by Google

визомъ, на ряду съ истребленіемъ иностранцевъ, поддержку царствующей династіи, а не наложеніе ея. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовалась вдовствующая императрица для того, чтобы, овладѣвъ сначала движеніемъ общества «Большихъ Кулаковъ»,—движеніемъ, которое, въ сущности, никогда вполнѣ не прекращалось, а постоянно поддерживало въ провинціяхъ народное волненіе, имѣвшее въ своей основѣ ненависть, питаемую каждымъ истиннымъ китайцемъ къ иностранцамъ,—заставить затѣмъ примкнуть къ нему и другія тайныя общества, хотя бы тѣ руководили народнымъ движеніемъ анти-династическаго характера, и въ конечномъ результатѣ объединить ихъ на почвѣ общей имъ всѣмъ ненависти къ «западнымъ чертямъ». А такъ какъ для этого прежде всего надо было, чтобы главное руководство дѣйствіями «Большихъ Кулаковъ» перешло къ такимъ лицамъ, на которыхъ правительство могло бы съ увѣренностью положиться, то императрица на аудіенціи, которую она дала одному изъ цензоровъ, нѣкоему Вангу, родомъ изъ провинціи Чи-Ли, сочла нужнымъ коснуться также и вопроса о «Большихъ Кулакахъ». При этомъ она спросила Ванга: «Что вы, какъ уроженецъ Чи-Ли, думаете о «Большихъ Кулакахъ», дѣйствующихъ въ этой провинціи? И можете ли вы съ полной увѣренностью сказать, что если начнутся дѣйствія противъ иностранныхъ дьяволовъ, то члены означеннаго общества дѣйствительно примкнутъ къ намъ?» На это Вангъ отвѣчалъ: «Смѣю высказать вашему величеству, что вполнѣ увѣренъ въ этомъ, тѣмъ болѣе, что девизъ «Большихъ Кулаковъ» такой: защита до конца жизни небесной вашей династіи и смерть иностраннымъ дьяволамъ (по китайски: Янгъ-кхэуй-це). Затѣмъ, что касается лично до меня, то я твердо вѣрю, что этому обществу суждено раздавить дьяволовъ; все мое семейство очаровано «Большими Кулаками» и каждый изъ насъ принадлежитъ къ ихъ составу. Если бы мнѣ дано было достаточно власти, то я охотно повелъ бы «Большихъ Кулаковъ» впереди вашихъ побѣдоносныхъ войскъ, когда наступитъ надлежащее время, а до того момента я все сдѣлалъ бы, чтобы придать имъ хорошую, прочную организацію и какъ слѣдуетъ вооружить ихъ.» Императрица кивкомъ головы одобрила его слова и послѣ нѣкотораго раздумья сказала: «О, это великое общество! Но я боюсь, какъ бы члены его, не имѣя во главѣ своей достаточно опытныхъ людей, не увлеклись слишкомъ сильно лозунгомъ: смерть Янгъ-кхэуй-це (иностраннымъ чертямъ), не начали своихъ дѣйствій слишкомъ рано и тѣмъ самымъ не причинили бы правительству излишнихъ затрудненій, вызвавъ недоразумѣнія между нимъ и этими дьяволами тогда, когда мы еще не вполнѣ будемъ готовы.» Затѣмъ, послѣ небольшой паузы, она прибавила: «Да, это такъ Большіе «Кулаки» должны имѣть въ Чи-Ли и въ Шантунгѣ какое-нибудь отвѣтственное лицо, которое могло бы руководить ихъ дѣйствіями.» На этомъ аудіенція и закончилась, а на слѣдующее утро появился императорскій указъ, которымъ упомянутый цензоръ Вангъ назначался пекинскимъ губернаторомъ, что сразу, вопреки всѣмъ обычнымъ правиламъ, повышало его по службѣ изъ шестого класса въ четвертый. Такимъ образомъ означенному Вангу предоставлена была полная возможность осуществить всѣ свои предположенія объ улучшеніи организаціи и о вооруженіи своихъ друзей—«Большихъ Кулаковъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ заслуживаетъ вниманія еще и слѣдующее обстоятельство: съ самаго 1870 года употребленіе словъ Янгъ-кхэуй-це (иностранные дьяволы) было совершенно изгнано изъ употребленія, и даже тѣ, кто произносилъ ихъ, подвергались ударамъ бамбуковыхъ палокъ по пяткамъ; нынѣ же оно не только является военнымъ кличемъ «Большихъ Кулаковъ», но даже получило какъ бы офиціальную санкцію изъ устъ самой императрицы-регентши. Съ тѣхъ поръ движеніе, вызванное въ имперіи «Большими Кулаками» противъ иностранцевъ, стало пользоваться полной поддержкой правительства. Если бы это было не такъ, то оно давно могло бы быть подавлено. Одно время ходили даже слухи, что верховнымъ главою «Большихъ Кулаковъ» сдѣлался принцъ Туанъ, отецъ теперешняго наслѣдника престола, или даже, пожалуй, вѣрнѣе сказать, императора. Но это совершенно невѣрно, потому что, по китайскимъ понятіямъ, для такого лица, какъ принцъ Туанъ, было бы прямо безчестіемъ принять на себя руководительство подобнымъ обществомъ, и императрица, конечно, не замедлила бы въ такомъ случаѣ тотчасъ же удалить его отъ Двора. Да и вообще Туанъ вовсе не такой человѣкъ, который рѣшился бы на подобное дѣло; онъ для этого

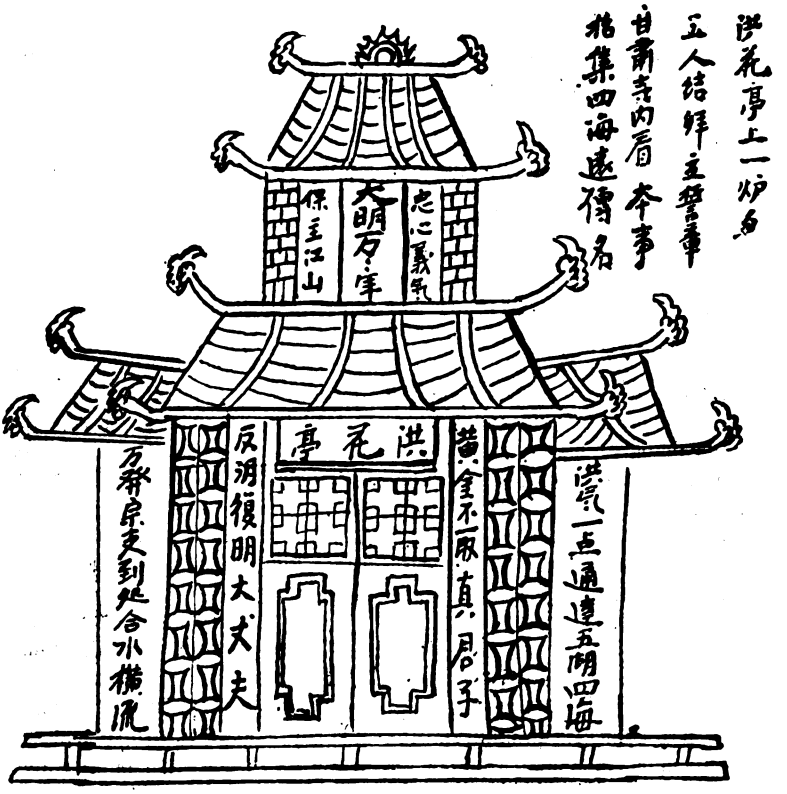
Digitized by Google

не только слишкомъ уменъ, но и слишкомъ большой интриганъ, презирающій всякій открытый способъ дѣйствія.

VI.

Религіозныя воззрѣнія китайцевъ.

Кровавая драма, разыгравшаяся въ Китаѣ, повидимому, подходитъ нынѣ къ концу; но едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что окончаніе ея еще нищаго захвата ея иностранцами; они, какъ и ранѣе, будутъ настойчиво стремиться охранить отъ пагубнаго, съ ихъ точки зрѣнія, вліянія европейцевъ свои вѣковыя семейныя традиціи и особенно свою нравственную личность, которая въ нихъ развита очень сильно и при этомъ имѣетъ крайне оригинальный характеръ. Дѣйствительно, можно съ полной увѣренностью сказать, что Китай, во всей своей совокупности, представляетъ самую обширную моральную агломерацію



Листъ изъ протокола китайскаго общества «Черныхъ Флаговъ».

сколько не означаетъ разрѣшенія вопроса о положеніи европейцевъ въ Срединной имперіи, что вмѣстѣ съ нею не только не прекратится, но даже ни на іоту и не ослабнетъ та ужасная ненависть, то глубокое презрѣніе, которое всякій истый китаецъ, каково бы ни было его общественное положеніе, питаетъ къ западнымъ варварамъ. Попрежнему самымъ завѣтнымъ желаніемъ китайцевъ будетъ добиться освобожденія земли своихъ предковъ отъ все болѣе и болѣе возрастающаго людей, какая только существуетъ на свѣтѣ. Несмотря на то, что сѣверная часть Манджуріи отстоитъ отъ Тибета или Юннана на цѣлыя тысячи верстъ, несмотря даже на разницу въ языкѣ, вслѣдствіе которой житель Пекина лишь съ трудомъ понимаетъ кантонца или шанхайца, несмотря, наконецъ, на то, что милліоны китайцевъ никогда не видывали своего императора, и онъ для нихъ является не болѣе, какъ миѳомъ,—всѣ жители Поднебесной имперіи очень тѣсно объеди-

Digitized by Google

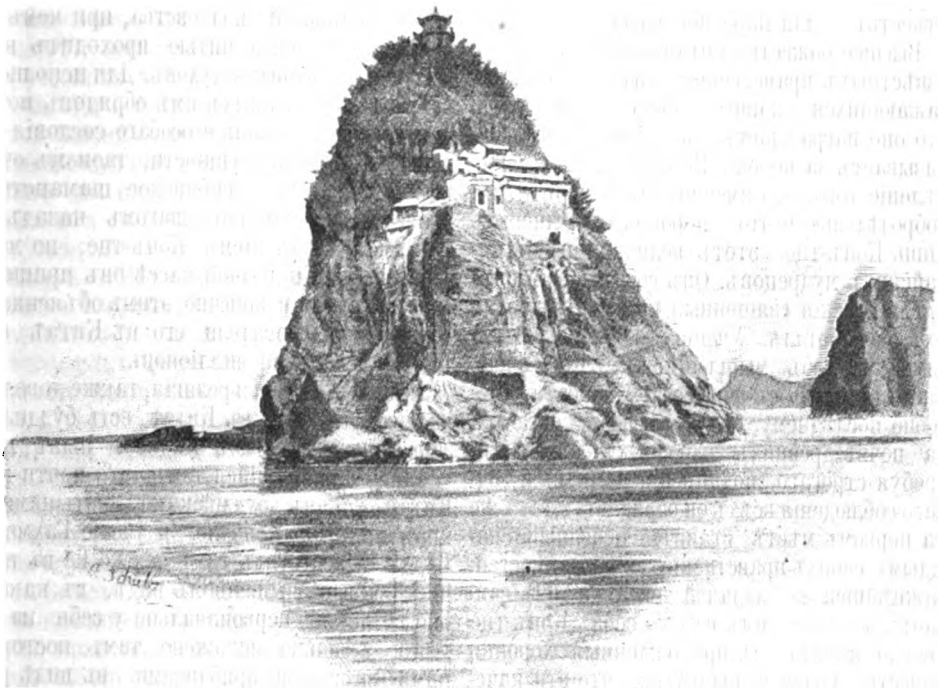
нены между собою общностью своихъ религіозныхъ вѣрованій и своихъ моральныхъ принциповъ. Посмотримъ же поближе, каковы ихъ религіозныя вѣрованія и моральные принципы.

Древнѣйшее китайское міросозерцаніе, извѣстное подъ названіемъ синизма, является, по существу своему, полнѣйшей теократіей, и при томъ даже въ большей степени, чѣмъ то теократическое государственное устройство, на основаніи отличительныхъ признаковъ котораго Іосифъ Флавій установилъ самый терминъ теократіи. Впрочемъ, даже нисколько и не удивительно, что въ такомъ, почти безпредѣльно раскинувшемся государствѣ, какъ Китай, все принимаетъ также безпредѣльныя формы, и всякій принципъ доводится до крайнихъ своихъ предѣловъ. Старинная китайская мудрость не признаетъ никакого различія между естественными законами природы и законами политико-соціальными, между космосомъ и государствомъ. Это одно изъ ея основныхъ положеній, на основаніи котораго китайцы считаютъ, что какъ тѣ, такъ и другіе законы имѣютъ одинаково божественное происхожденіе и потому не могутъ быть нарушаемы, что всѣ они въ равной степени должны быть почитаемы за религіозные догматы. По основнымъ понятіямъ синизма, служба государству есть въ то же время и служба Богу; вотъ почему величайшій китайскій мудрецъ Конъ-тце, имя котораго передѣлано было іезуитами въ Конфуція, въ теченіе всей своей жизни стремился къ общественной и государственной дѣятельности. Правда, что во всѣхъ древнихъ государствахъ религія составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ государственной жизни,—въ древности, какъ извѣстно, вообще государство немыслимо было безъ опредѣленнаго, ему одному свойственнаго цикла боговъ, такъ же какъ совершенно немыслима была и религія внѣ государства,—но до конечнаго вывода изъ этого принципа, до отожествленія законовъ природы съ законами государственной жизни дошелъ только одинъ синизмъ. А отсюда прежде всего слѣдуетъ, что общественное и государственное устройство, въ глазахъ правовѣрнаго китайца, столь же непреложно и столь же мало можетъ поддаться насильственнымъ измѣненіямъ, какъ и сама природа. Въ государствѣ, какъ и въ природѣ, проявляетъ себя одно и то же божество, но лишь различнымъ образомъ; такъ, въ природѣ присутствіе его обнаруживается въ чередованіи и въ разнообразіи ея явленій, а въ государствѣ выраженіемъ его служитъ гласъ всего народа. Если страна подвергается какимъ-либо бѣдствіямъ, наводненіямъ, засухамъ, или если какимъ-либо инымъ образомъ нарушается естественный обычный ходъ явленій природы, то это значитъ, что и въ управленіи государствомъ произошло что-то неладное, и потому первая обязанность государя заключается въ томъ, чтобы наблюдать за знаменіями неба и принимать тотчасъ же всѣ мѣры къ устраненію тѣхъ закононарушеній, на которыя эти знаменія указываютъ. Но, на ряду съ этимъ, и народный гласъ въ Китаѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо считается гласомъ Божіимъ. Если народъ относится съ осужденіемъ къ своему государю, то это значитъ, что и божество отступилось отъ послѣдняго. Такое воззрѣніе вноситъ много смягчающаго въ суровый теократическій режимъ, господствующій въ Китаѣ; безъ него, пожалуй, гнетъ этого режима былъ бы совершенно невыносимъ. Теперь же признаніе за народнымъ гласомъ божественной силы узаконяетъ даже право революціонныхъ движеній противъ богдыхана, хотя и признаваемаго Сыномъ Неба, но отвергнутаго, по свидѣтельству того же народнаго гласа, божествомъ и потому переставшаго быть представителемъ означеннаго божества на землѣ.

Подобно тому, какъ служба государственная есть служба божественная, такъ и, обратно, служеніе божеству представляетъ особой въ то же время служеніе и государству. Поэтому отправленіе богослуженія является одной изъ обязательныхъ функцій каждаго чиновника и даже каждаго гражданина. И въ Китаѣ, въ сущности, совершенно нѣтъ особаго духовнаго сословія; но чѣмъ выше человѣкъ занимаетъ положеніе въ государствѣ, тѣмъ высшему роду божества имѣетъ онъ право приносить надлежащія жертвы. Такъ, небу можетъ приносить великую жертву только одинъ императоръ; простой же гражданинъ въ правѣ обращаться съ мольбами лишь къ своимъ предкамъ. Отсюда—культъ предковъ, составляющій родъ какъ бы домашней семейной религіи каждаго китайца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и та мысль, что каждый членъ рода является представителемъ всѣхъ предше

Digitized by Google

ствующихъ поколѣній, а потому обязанъ строго беречь доброе имя своего рода, нигдѣ не нашла себѣ такого крайняго выраженія, какъ въ Китаѣ; тамъ человѣкъ рѣшительно ничего не можетъ предпринять безъ того, чтобы къ этому не оказались таинственнымъ образомъ пріобщены всѣ его предки; поэтому и пріобрѣтеніе тамъ дворянства или достиженіе какого-нибудь отличія, хотя бы даже въ видѣ титула, всегда имѣетъ обратную силу и сообщается всѣмъ предкамъ человѣка, удостоившагося этого отличія. Однимъ



Буддійскій монастырь на скалѣ на островѣ рѣки Янъ-Цзы.

словомъ, въ Китаѣ каждый постоянно вращается невидимымъ образомъ среди своихъ предковъ и въ нихъ находитъ себѣ помощь и утѣшеніе.

Собственно миѳологія въ китайской религіи совершенно отсутствуетъ. Божество, по понятіямъ китайцевъ, есть великое Нѣчто, находящее свое конечное выраженіе въ совокупности всего мірового порядка, всюду въ немъ обнаруживающее свои дѣйствія и всюду проявляющее себя въ немъ. Это нерѣдко давало поводъ считать синизмъ за очень чистую монотеистическую и возвышенную религію. Христіанскіе миссіонеры предположили было даже въ своихъ переводахъ библіи и при своихъ проповѣдяхъ наше слово «Богъ» передавать посредствомъ китайскаго выраженія Шанъ-Ти, такъ какъ въ древнихъ произведеніяхъ китайскихъ классиковъ подъ этимъ именемъ разумѣется Великій властелинъ или Императоръ-Владыка неба. Но не слѣдуетъ забывать, что, съ одной стороны, китайскіе писатели не дѣлаютъ точно опредѣленнаго различія между означеннымъ Великимъ властелиномъ и своими земными императорами, какъ представителями божества на землѣ, а съ другой, — что на ряду съ этимъ высшимъ божествомъ китайцы поклоняются множеству небесныхъ духовъ, сношенія съ которыми только и возможны при посредствѣ колдовства и различныхъ гаданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайскія понятія объ императорѣ Срединнаго государства и объ Императорѣ-Владыкѣ неба нерѣдко почти совпадаютъ и во всякомъ случаѣ соотвѣтствуютъ одно другому, такъ что

Digitized by Google

въ этомъ отношеніи синизмъ является одной изъ формъ древней вѣры въ одухотвореніе; при чемъ предполагается, что небесный духъ какъ бы сливается съ земнымъ императоромъ и одухотворяетъ его; только въ то же время этому духу отводится тутъ очень высокое мѣсто. Съ означенной стороны синизмъ представляетъ извѣстное сходство съ древнеегипетской религіей, которая также многими учеными признается за двойственную, а именно за монотеистическую для лицъ, посвященныхъ во всѣ ея тайны, и за языческую, съ цѣлымъ культомъ второстепенныхъ божествъ,—для народной массы.

Высшее божество китайцевъ не лишено и извѣстныхъ нравственныхъ атрибутовъ, выражающихся главнымъ образомъ въ томъ, что оно награждаетъ за добрыя дѣла и наказываетъ за пороки. Но болѣе точное опредѣленіе того, что именно должно почитаться добродѣтелью и что—порокомъ, установилъ лишь Конъ-тце, этотъ величайшій изъ китайскихъ мудрецовъ. Онъ собралъ всѣ древнія китайскія священныя книги и подробно ихъ разработалъ. Ученіе его, равно какъ и самой способъ мышленія, имѣютъ очень много схожаго съ философіей Сократа. Подобно послѣднему, онъ тоже всегда остается на почвѣ древнихъ народныхъ вѣрованій, требуя строгаго подчиненія религіи и точнаго соблюденія всѣхъ ея обрядовъ, и такъ же на первомъ мѣстѣ ставитъ исполненіе каждымъ своихъ нравственныхъ обязанностей; важнѣйшей же задачей человѣка онъ считаетъ познаніе имъ самого себя. Конъ-тце твердо вѣритъ въ прирожденныя хорошія качества людей и полагаетъ, что эти качества являются естественнымъ результатомъ простой, безыскусственной жизни. Поэтому онъ очень высоко ставитъ патріархальную, а особенно благочестивую сельскую жизнь; въ то же время онъ высшую цѣль добродѣтели полагаетъ въ способствованіи благосостоянію государства путемъ точнаго и добросовѣстнаго исполненія каждымъ своихъ гражданскихъ обязанностей. Идеаломъ его является человѣкъ, посвятившій себя всецѣло наукѣ, и потому онъ придаетъ очень большое общественное и политическое значеніе образованію, которое въ Китаѣ понынѣ пользуется высокимъ уваженіемъ. Послѣдняя черта придаетъ ученію Конъ-тце нѣсколько аристократическій характеръ, что, конечно, должно было вызвать противъ него извѣстную реакцію. Послѣдняя и не замедлила явиться въ видѣ таоизма, представляющаго собою совокупность приведенныхъ въ нѣкоторую систему низшихъ элементовъ китайскихъ народныхъ вѣрованій. Основателемъ таоизма считается Лао-тце; это былъ очень глубокій, хотя иногда и мало понятный мистикъ. Основнымъ пунктомъ своего ученія онъ признаетъ многозначительное Тао—міровой порядокъ; отсюда ученіе его и было названо европейцами таоизмомъ. Ученіе это состоитъ изъ смѣси всякаго рода языческихъ сказаній, волшебныхъ заклинаній, колдовства, при чемъ черезъ него красною нитью проходитъ вѣра въ многочисленныхъ духовъ. Для исполненія всѣхъ установленныхъ имъ обрядовъ потребовалось даже созданіе особаго сословія духовныхъ лицъ. Въ сущности, таоизмъ очень напоминаетъ наше сибирское шаманство и является, несомнѣнно, шагомъ назадъ въ сравненіи съ ученіемъ Конъ-тце; но малообразованной народной массѣ онъ пришелся очень по вкусу, и, конечно, этимъ объясняется то, что послѣдователи его въ Китаѣ считаются десятками милліоновъ.

Наконецъ, третья религія, также довольно распространенная въ Китаѣ, есть буддизмъ, занесенный туда изъ Индіи и нынѣ такъ успѣшно привившійся тамъ, что почти весь Китай усѣянъ буддійскими святынями и храмами. Но, конечно, и ученіе Гауматы-Будды существуетъ тамъ далеко не въ томъ чистомъ и возвышенномъ видѣ, въ какомъ оно возникло первоначально у себя на родинѣ, а сильно искажено тамъ посторонними внѣшними прибавками, въ видѣ различныхъ позднѣйшихъ сказаній и обрядовъ. Замѣчательно, что всѣ три названныя религіи прекрасно уживаются въ Китаѣ вмѣстѣ и признаются правительствомъ за совершенно равноправныя. Что же касается до народа, то онъ, повидимому, не очень ясно различаетъ ихъ между собою; это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что китаецъ въ большинствѣ случаевъ является одновременно послѣдователемъ всѣхъ этихъ трехъ вѣроисповѣданій, съ одинаковымъ уваженіемъ и безъ малѣйшаго различія посѣщаетъ ихъ храмы и охотно присутствуетъ въ нихъ при совершеніи богослуженій. Возможно даже сказать, что конфуціонизмъ, таоизмъ и буддизмъ представляютъ собой одну общую китайскую религію, какъ три боже-

Digitized by Google

ственныя ученія, какъ санъ-кіао, хотя изъ нихъ собственно одинъ конфуціонизмъ является наилучшимъ выразителемъ китайской культуры и тѣсно связанной съ нею китайской морали.

VII.

Китайская мораль въ связи съ китайскимъ ученіемъ о государствѣ.

Всѣ главныя основы китайской морали всецѣло и непосредственно вытекаютъ изъ философіи Конъ-тце, при чемъ исходнымъ своимъ пунктомъ онѣ имѣютъ ученіе о государствѣ и его благѣ. Поэтому онѣ представляютъ весьма оригинальную смѣсь категорическихъ императивовъ съ отдѣльными сентенціями о томъ, какъ достигнуть блаженной жизни. Наилучшее по своей послѣдовательности и ясности изложеніе ихъ было сдѣлано два вѣка, спустя послѣ Конъ-тце, однимъ изъ его учениковъ, по имени Менгъ-тце, что іезуитами было передѣлано въ «Менціусъ». Изложеніе это составляетъ содержаніе извѣстныхъ «четырехъ священныхъ книгъ», которыя,—въ особенности послѣ того, какъ Чу-хи снабдилъ ихъ соотвѣтственными комментаріями,—являются основаніемъ для всей государственной жизни Китая; ими же почти исчерпываются и программы всѣхъ государственныхъ экзаменовъ. Дѣти заучиваютъ ихъ наизусть, и даже совершенно безграмотные люди въ Китаѣ обыкновенно имѣютъ о нихъ достаточное понятіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ позднѣйшія китайскія сочиненія по государственному праву и по нравственнымъ вопросамъ имѣютъ точкой своего отправленія сочиненія означеннаго выше Менгъ-тце, или, проще, Менга, и послѣдній считается у китайцевъ безспорнымъ классическимъ авторитетомъ по всѣмъ государственнымъ вопросамъ, какъ это подтверждаютъ всѣ тѣ, кто только изучалъ Китай и знаетъ его.

Древнѣйшая исторія Китая, какъ и почти всякаго безъ исключенія государства, является не болѣе какъ рядомъ миѳическихъ преданій; но съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ закончился миѳическій періодъ ея, у китайцевъ существуетъ только одинъ идеалъ императора и при томъ, какъ это ни странно, въ лицѣ чужеземца Шуна, «восточнаго варвара.» Шунъ былъ министромъ, а затѣмъ зятемъ и наслѣдникомъ перваго китайскаго императора, о которомъ въ исторіи имѣются достовѣрныя свѣдѣнія и имя котораго было Йао. Шуну приписываются всѣ тѣ прекрасныя качества, которыя изъ человѣка создаютъ героя и дѣлаютъ его представителемъ цѣлой націи, не лишая его, однако, при томъ пріятныхъ свойствъ, плѣняющихъ насъ въ каждомъ простомъ человѣкѣ и гражданинѣ. Въ жизни Шуна, между прочимъ, наблюдается одна трагическая черта: онъ не въ состояніи былъ соблюсти величайшую изъ добродѣтелей, украшающихъ китайца въ его частной жизни, а именно онъ не могъ сохранить уваженія къ своему отцу, какъ это предписываютъ китайскіе законы,

Конфуцій (статуэтка).

потому что тотъ былъ первостатейнымъ плутомъ. Безъ его дозволенія Шунъ женился и на дочери императора. Весьма характеристично, что Менгъ оправдываетъ такой поступокъ Шуна тѣмъ, что онъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не во вредъ, а на пользу своихъ предковъ, слѣдовательно, въ частности, и своего родного отца, вслѣдствіе чего Менгъ мудрость сына ставитъ тутъ выше глупости его родителя; а такъ какъ на семейномъ патріархатѣ въ Китаѣ основанъ и государственный патріархатъ, то подобная этика Менга имѣетъ немаловажное значеніе и для самой государственной морали. «Что сдѣлалъ бы Шунъ,—спрашивалъ у Менга одинъ изъ учениковъ,—если бы его отецъ

Digitized by Google

совершилъ убійство?» И Менгъ на это отвѣчалъ: «Тогда онъ отказался бы отъ власти, откинувъ ее отъ себя, какъ старую негодную обувь, и, посадивъ отца къ себѣ на плечи, бѣжалъ бы съ нимъ какъ можно дальше туда, гдѣ могъ бы прожить долго и счастливо и забыть о томъ, какъ онъ властвовалъ.» Насколько симпатично, хотя въ то же время, съ философской точки, и наивно звучатъ оба эти разсужденія Менга, представляя собой весьма счастливое сочетаніе разсудка съ чувствомъ! Шунъ олицетворяетъ въ себѣ одновременно и китайскаго Карла Великаго, и китайскаго Геркулеса. Онъ установилъ на прочныхъ началахъ порядокъ управленія государствомъ и въ то же время устроилъ въ Китаѣ многочисленные водяные пути сообщенія; онъ заботился о распространеніи народнаго образованія, при чемъ учредилъ даже особое вѣдомство для завѣдыванія имъ; въ то же время онъ освободилъ страну отъ разбойниковъ и многочисленныхъ дикихъ животныхъ,—однимъ словомъ, привелъ ее въ болѣе культурное состояніе. Только объ его военныхъ подвигахъ Менгъ ничего не упоминаетъ, такъ какъ войну считаетъ дозволенной лишь для защиты государства или въ цѣляхъ поддержанія единства его, да и то только въ томъ случаѣ, если успѣхъ ея заранѣе обезпеченъ. Вообще надо сказать, что всѣ китайскіе писатели относятся къ войнѣ крайне враждебно, особенно если при ней преслѣдуются завоевательныя цѣли, хотя междоусобныя схватки внутри государства ими вполнѣ допускаются.

Шунъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ Ю, которому принадлежитъ слава окончательнаго урегулированія рѣкъ въ Китаѣ. И про него Менгъ, съ цѣлью его возвеличенія, разсказываетъ, что когда онъ узнавалъ о томъ, что кто-нибудь изъ его подданныхъ утонулъ, то считалъ самого себя виновнымъ въ постигшей его смерти.

Первый, кто достигъ въ Китаѣ императорскаго престола путемъ узурпаціи, былъ Танъ, низложившій въ 1766 году до Р. Хр. жестокаго деспота Кіэ. Менгъ даетъ такое объясненіе этому событію: «Кіэ и Чао потеряли тронъ потому, что потеряли народную любовь, говоритъ онъ. Существуетъ лишь одинъ путь къ достиженію престола,—это пріобрѣсти расположеніе всего народа... Народъ склоняется всегда на сторону гуманности, такъ же, какъ вода течетъ внизъ, по склону, какъ дичь убѣгаетъ въ лѣсныя дебри. Ехидна сгоняетъ рыбъ въ глубину русла рѣки; такъ и Кіэ согналъ весь народъ къ Тану. Если бы между теперешними отдѣльными князьями (Китай въ то время былъ раздробленъ на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга владѣній) былъ хотя одинъ поклонникъ гуманности, то онъ и сталъ бы нашимъ императоромъ (значитъ, объединилъ бы подъ своею властью весь Китай).» Вообще, по мнѣнію Менга, гуманность и снисходительность являются наилучшими добродѣтелями государей. А какъ быть, если государь не обладаетъ этими добродѣтелями, если онъ жестокъ? Менгъ на это отвѣчаетъ, что такого государя надлежитъ смѣстить, прогнать и что даже его можно убить. Конечно, государь есть ставленникъ неба, но лишь постольку, поскольку небо надѣлило его надлежащими качествами для наилучшаго исполненія лежащихъ на немъ обязанностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по разсужденію Менга, вѣдь небо всегда исполняетъ справедливыя желанія народа, а потому если государь не сумѣлъ пріобрѣсти народной любви, то онъ и не можетъ оставаться на престолѣ. Впрочемъ, движеніе противъ него должно все-таки исходить никакъ не изъ народа; народныхъ возстаній или революцій Менгъ совершенно не знаетъ; онъ даже, напримѣръ, считаетъ, что людямъ низкаго состоянія разсуждать о высокихъ предметахъ грѣшно и что вообще толпѣ не пристало заниматься важными дѣлами, такъ какъ она лишена способности правильно и логично мыслить. И въ данномъ случаѣ небо, по словамъ Менга, дѣйствуетъ не черезъ посредство толпы, а черезъ посредство аристократіи ума и мудрости. Государь, между прочимъ, обязанъ заботиться о томъ, чтобы при помощи установленныхъ жертвоприношеній поддерживать благоволеніе духовъ къ странѣ. Если всѣ такія жертвоприношенія совершены правильно, а страну тѣмъ не менѣе постигаетъ какое-нибудь народное бѣдствіе, то государю надлежитъ обратиться съ мольбами и молитвами къ инымъ духамъ; но если и тѣ не помогутъ странѣ, то государь, какъ утверждаетъ Менгъ, долженъ быть низложенъ, и въ такомъ случаѣ надъ нимъ только исполняется приговоръ божества. Точно такъ же низложеніе государя является законнымъ, если онъ отличается

Digitized by Google

жестокостью и не слѣдуетъ въ своемъ управленіи принципамъ гуманности, ибо цѣль государства есть преуспѣяніе народа. Менгъ сильно осуждаетъ знатныхъ и богатыхъ, если они ведутъ роскошный образъ жизни въ то время, когда народъ терпитъ нужду. По его мнѣнію, императоръ обязанъ заботиться о томъ, чтобы народъ пользовался благосостояніемъ и чтобы онъ обладалъ матеріальнымъ достаткомъ, а также о томъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ этимъ былъ образованъ, ибо «обильная пища, теплая одежда, удобное жилище при отсутствіи надлежащаго образованія дѣлаютъ его лишь подобнымъ скотинѣ.» «Императоръ Ванъ смотрѣлъ на народъ, какъ на свою собственную рану»,—говоритъ Менгъ, желая охарактеризовать, какъ заботливо и внимательно относился этотъ императоръ къ своимъ подданнымъ. «Когда народъ не имѣетъ достаточной пищи,—продолжаетъ философъ,—то онъ не можетъ быть спокоенъ. Три древнія династіи пріобрѣли престолъ тѣмъ, что отличались гуманностью, и потеряли его, когда стали относиться къ народу съ жестокостью.» «Ни войска, ни крѣпости не могутъ служить надежной защитой для государства, а одна лишь гуманность.» И Менгъ восхваляетъ Ву, убившаго жестокаго тирана Чао, ибо «всякій жестокій человѣкъ есть разбойникъ и нарушитель закона; онъ, проще говоря,—извергъ; а разбойникомъ и извергомъ можетъ быть лишь обыкновенный человѣкъ. Поэтому хотя я,—заключаетъ Менгъ,—и не разъ слыхалъ о томъ, что Ву казнилъ какого-то субъекта, по имени Чао, но чтобы Ву убилъ императора Чао—объ этомъ я ничего не знаю.»

Таково въ главныхъ чертахъ государственное ученіе Менга. Нужно ли говорить, что оно далеко не всегда соотвѣтствовало дѣйствительности и что въ самомъ Китаѣ бывали государи, нисколько не подходившіе подъ идеалъ, созданный означеннымъ философомъ. Такъ, стоитъ хотя бы припомнить императора Шинъ-Че-Ванга; это былъ крайне жестокій и воинственный государь, котораго сильно боялись не только сосѣдніе народы, но и его собственные подданные; правда, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ положительно единственнымъ императоромъ, радикально расходившимся по своему характеру со всѣми основами китайской культуры. Когда ученые возстали противъ его жестокости и деспотизма, то побѣда въ этой борьбѣ осталась не за ними, а за Шинъ-Че-Вангомъ, и, въ результатѣ ея, означенный грубый тиранъ приказалъ сжечь не только всѣ книги въ государствѣ, но вмѣстѣ съ ними и цѣлыя сотни ученыхъ; онъ серіозно полагалъ, что такимъ путемъ въ состояніи достигнуть уничтоженія всей китайской литературы и науки; но, конечно, цѣли своей онъ не достигъ, и хотя книги-то сжегъ, однако китайской культуры и китайской образованности этимъ не истребилъ, такъ какъ почти всѣ важнѣйшія произведенія китайской письменности были впослѣдствіи возстановлены съ большею или меньшею, но, во всякомъ случаѣ, достаточною полнотою и точностью. Исторія свидѣтельствуетъ, что варварскій образъ дѣйствій Шинъ-Че-Ванга нисколько не помѣшалъ тому, что впослѣдствіи появилось въ китайской литературѣ много превосходныхъ произведеній и что было даже время, когда Китай находился, по вопросамъ науки, въ оживленныхъ сношеніяхъ съ арабами, а, можетъ быть, даже и съ римлянами, какъ, по крайней мѣрѣ, упоминается въ китайскихъ книгахъ. Но затѣмъ обстоятельства измѣнились. Литературная дѣятельность въ Китаѣ получила характеръ археологическихъ изысканій и глоссы; творческій же духъ старинныхъ китайскихъ писателей замеръ въ народѣ, и послѣдній какъ бы оцѣпенѣлъ въ отношеніи своихъ литературныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическихъ и соціальныхъ формъ. И ни одна изъ многочисленныхъ революцій, пережитыхъ имъ впослѣдствіи, не внесла новыхъ живыхъ элементовъ въ его жизнь. Это имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ чисто формальное отношеніе къ наукѣ и образованію, а рядомъ съ тѣмъ и ко всему ученію древнихъ философовъ. Неоспоримо, что этика, выработанная послѣдними, равно какъ и ихъ ученіе о государствѣ имѣютъ очень возвышенный характеръ; но вслѣдствіе чисто формальнаго отношенія къ нимъ они нынѣ слишкомъ разошлись съ дѣйствительною жизнью. Такъ, возьмемъ хотя бы служилое сословіе, мандариновъ. Менгъ требуетъ, чтобы чиновникъ болѣе дорожилъ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, своими гуманными отношеніями къ подчиненной ему народной массѣ, чѣмъ благоволеніемъ и дарами сильныхъ; онъ говоритъ, что государственный совѣтникъ дол-

Digitized by Google

женъ удалиться въ отставку, если правительство не внимаетъ его совѣтамъ; онъ трактуетъ о томъ, какъ вообще высоко достоинство мандарина и какъ послѣдній обязанъ всѣми зависящими отъ него средствами охранять свое достоинство отъ какихъ бы то ни было покушеній на униженіе его, хотя бы даже со стороны самого государя. А въ дѣйствительности что теперь представляютъ собой китайскіе чиновники и насколько они въ настоящее время соотвѣтствуютъ идеалу, начертанному Менгомъ? Ихъ безразличное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, ихъ продажность и взяточничество общеизвѣстны. Подобное же формальное отношеніе къ древнимъ классическимъ ученіямъ наблюдается и во многихъ другихъ сторонахъ современной китайской жизни. Такъ, выше было уже указано, что въ системѣ Конъ-тце видную роль играютъ, между прочимъ, богослужебные обряды. Этотъ философъ даже надѣялся, что тщательное соблюденіе древнихъ формъ и обрядовъ богослуженія поддержитъ вѣру въ идеалы, положенные имъ въ основу своего ученія. Но уже Менгъ, который въ своихъ сочиненіяхъ вообще мало занимается подобными вопросами, говоритъ: «Какъ бы человѣкъ ни былъ дуренъ, но если онъ постится, если онъ ведетъ воздержную жизнь, если онъ купается и моется, то вполнѣ можетъ приносить жертвы богамъ». Менгъ уже различаетъ три категоріи существъ: во-первыхъ, добрыхъ геніевъ, которые занимаютъ извѣстное положеніе въ Тао,—міровомъ порядкѣ; во-вторыхъ, добродѣтельныхъ людей, которые путемъ труда и усилій могутъ сравняться съ геніями, и, наконецъ, въ-третьихъ, эгоистовъ, отъ которыхъ возможно требовать лишь того, чтобы они не употребляли какихъ-либо дурныхъ средствъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Затѣмъ, что касается до лицъ, занимающихъ въ государствѣ извѣстныя должности, то о такихъ лицахъ Менгъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Осуждать ихъ, какъ эгоистовъ, нѣтъ никакихъ основаній; они плывутъ по теченію, и дѣйствія ихъ по существу ничѣмъ не отличаются отъ дѣйствій всего свѣта. Своимъ поведеніемъ они симулируютъ вѣрность законамъ и набожность, а своими поступками—воздержанность и чистоту души; нерѣдко люди относятся къ нимъ хорошо; равно и сами они обыкновенно считаютъ себя правыми въ своихъ дѣйствіяхъ; однако жъ, они идутъ не путемъ Тао и Шуна.» Нельзя лучше этого охарактеризовать разладъ, существующій въ Китаѣ между идеаломъ и жизнью. Но замѣчательно то, что китайцы давно уже потеряли всякое сознаніе этого разлада и нынѣ ихъ возмущаетъ, обыкновенно, только одно лишь нарушеніе установленныхъ формъ, такъ что въ настоящее время однѣ только эти внѣшнія формы и остались въ Китаѣ отъ древняго Тао; внутренній же смыслъ ихъ давно уже утраченъ. Къ вопросамъ нравственности современные китайцы относятся совершенно безстрастно и, можно сказать, даже безучастно; такое же равнодушіе наблюдается у нихъ и въ отношеніи религіи. «Отецъ, какъ прекрасна твоя вѣра»,—такими словами нерѣдко привѣтствуетъ буддистъ конфуціанца, заставъ его за исполненіемъ какого-нибудь домашняго богослужебнаго обряда. «О, дѣдушка,—вѣжливо отвѣчаетъ ему тотъ,—она, по крайней мѣрѣ, вдвое хуже твоей!» А изъ этого, между прочимъ, можно сдѣлать и такой выводъ, что, очевидно, не противъ христіанства такъ возстановлены китайцы, а противъ христіанскихъ миссіонеровъ, противъ ихъ способовъ пропаганды и особенно противъ допускаемаго ими при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ смѣшенія религіи и ея области со свѣтскими, и притомъ, главнымъ образомъ, политическими дѣлами, на что такіе мастера нѣмцы и, пожалуй, еще болѣе англичане.

VIII.

Административное устройство Китая.

Вышеперечисленные религіозные и этико-политическіе принципы положены, между прочимъ, и въ основу всего административнаго устройства Китайской имперіи. Это обстоятельство тѣмъ болѣе имѣетъ тамъ значеніе, что мѣстнымъ административнымъ органамъ законъ въ Китаѣ предоставляетъ широкое поле самодѣятельности и что вся задача центральнаго управленія тамъ сводится почти исключительно къ наблюденію за тѣмъ, чтобы мѣстные органы правильно функціонировали. Впрочемъ, это вовсе не значитъ, чтобы центральное управленіе не обладало достаточными силами для непосред-

Digitized by Google

ственнаго завѣдыванія провинціями. Противное можно доказать хотя бы уже тѣмъ, что вѣдь центральное правительство смѣняетъ же вице-королей и даже лишаетъ ихъ чиновъ за сравнительно маловажные проступки; слѣдовательно, власть, которую оно держитъ въ своихъ рукахъ, очевидно достаточно сильна. Но въ основѣ предоставленія провинціальной администраціи полной свободы въ дѣйствіяхъ лежитъ тотъ старинный принципъ, что вмѣшательство центральной власти въ мѣстныя дѣла можетъ быть умѣстно лишь въ такихъ случаяхъ, когда произошло нарушеніе какихъ-нибудь существенныхъ постановленій и важныхъ законовъ или же когда въ провинціяхъ возникаютъ серіозныя смуты. Примѣненіе этого принципа представляетъ для правительства въ Китаѣ тѣмъ большія выгоды, что въ случаѣ народныхъ неудовольствій всегда при такомъ порядкѣ вещей есть полная возможность выставить ближайшей причиной означенныхъ неудовольствій дѣйствія какого-нибудь отдѣльнаго административнаго лица и не допустить, чтобы вина была отнесена ко всей системѣ управленія, вслѣдствіе чего центральное управленіе смѣло въ такихъ случаяхъ можетъ выступить въ роли благого Провидѣнія и удовлетворить жалобамъ населенія путемъ удаленія отъ должности и даже наказанія того чиновника, который вызвалъ своими дѣйствіями народныя жалобы. Указанный принципъ послужилъ, между прочимъ, ближайшимъ поводомъ къ тому, что китайское правительство такъ долго противилось проведенію въ Китаѣ электрическаго телеграфа, такъ какъ оно не безъ основанія боялось, что однимъ изъ слѣдствій подобнаго облегченнаго способа сношеній съ провинціями будетъ болѣе частое обращеніе ихъ въ Пекинъ за разъясненіемъ тѣхъ или другихъ недоразумѣній, нерѣдко возникающихъ на практикѣ, а, слѣдовательно, и увеличеніе отвѣтственности центральнаго управленія за то, что происходитъ въ провинціяхъ. На этомъ основаніи Цзунъ-Ли-Ямынь вплоть до 1883 года противился посылкѣ провинціальнымъ чиновникамъ приказовъ по телеграфу, такъ что только возникшій въ то время конфликтъ съ Франціей могъ побудить китайское правительство разрѣшить перенесеніе телеграфной станціи, находившейся ранѣе въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пекина,—сначала въ китайскую часть этого города, а затѣмъ въ татарскую. Извѣстный же усмиритель Кашгаріи, Тзо-Чунъ-Тангъ, приводитъ противъ телеграфа еще и такія соображенія: «Теперь,—говоритъ онъ,—правительство получаетъ интересующія его извѣстія черезъ особыхъ курьеровъ, ѣдущихъ со скоростью до 300 верстъ въ сутки; поэтому ему одному только и извѣстно, какія новости привезъ съ собой такой курьеръ. Но какъ только будетъ устроенъ телеграфъ, то вѣдь каждый будетъ знать все то, что знаетъ нынѣ только одно правительство. Какая же отъ этого можетъ быть польза?» Впрочемъ, съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить, что самостоятельность провинціальныхъ чиновниковъ въ Китаѣ является, въ сущности, лишь фикціей, тѣмъ болѣе удобной для пекинскаго правительства, что оно постоянно можетъ ссылаться на нее въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами, чтобы затѣмъ уклоняться отъ всякой отвѣтственности за поступки своихъ провинціальныхъ чиновниковъ. Въ дѣйствительности же всѣ дѣйствія провинціальныхъ административныхъ органовъ строго, до мельчайшихъ подробностей, опредѣлены различными наказами и инструкціями, такъ что, пока не случится какихъ-нибудь необычайныхъ событій, вмѣшательство центральной власти въ дѣла мѣстныхъ управленій представляется дѣйствительно совершенно излишнимъ. Въ такихъ случаяхъ роль центральныхъ правительственныхъ органовъ всецѣло ограничивается лишь наблюденіемъ и контролемъ, что, конечно, нельзя не признать совершенно раціональнымъ. Такимъ образомъ, при означенныхъ условіяхъ главнѣйшія задачи центральныхъ органовъ сводятся лишь къ тому, чтобы поддержать существующій порядокъ, по возможности избѣгать всякихъ новшествъ, а тамъ, гдѣ эти новшества являются крайне необходимыми, какъ въ военномъ дѣлѣ,—переносить отвѣтственность за нихъ на провинціальныхъ чиновниковъ и въ то же время строго и неукоснительно наблюдать за тѣмъ, чтобы послѣдніе отнюдь не переходили за предѣлы предоставленной имъ компетенціи и власти.

Конечно, не всегда это было такъ, и наиболѣе энергичные императоры даже настоящей династіи, каковы Конъ-ги, Кіэнъ-Лунъ, Кіа-Кингъ, охотно принимали личное участіе въ направленіи хода правительственной машины. При ихъ болѣе слабыхъ преемникахъ

Digitized by Google

нерѣдко въ государственныя дѣла вмѣшивались различные фавориты; но все это составляло скорѣе исключеніе изъ нормальнаго порядка вещей, чѣмъ правило. Въ принципѣ же всегда признавалось, что для центральнаго управленія лишь тогда приходитъ чередъ дѣйствовать, когда наступаютъ событія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ.

Самымъ важнымъ и наиболѣе вліятельнымъ среди центральныхъ органовъ управленія является Большой Совѣтъ, называемый также Государственнымъ Совѣтомъ (Чунъ-чи-чу). Онъ возникъ изъ тѣхъ военныхъ совѣтовъ, которые обыкновенно созывались первыми императорами нынѣ царствующей династіи въ наиболѣе важныхъ случаяхъ. Первоначально онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго круга вѣдомства; но, получивъ съ 1730 года свое настоящее названіе, онъ сталъ все болѣе и болѣе захватывать въ свои руки различныя отрасли государственнаго управленія и теперь является главнѣйшимъ руководителемъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики Китая. Число членовъ его неограниченно, но обыкновенно бываетъ очень невелико; долгое время оно не превышало пяти. Во главѣ Большого Совѣта почти всегда стоитъ принцъ императорской крови и при томъ перваго класса,—значитъ, изъ числа тѣхъ восьми принцевъ, которые въ просторѣчіи именуются обыкновенно принцами «желѣзнаго шишака». Принцы эти являются прямыми потомками манджурскихъ князей Тай-тсу и Тай-Тсунга, родоначальниковъ настоящей династіи; они сохраняютъ свой титулъ потомственно и при томъ на вѣчныя времена, тогда какъ остальные принцы черезъ извѣстное опредѣленное число поколѣній, иногда большее, иногда меньшее, смотря по классу, къ которому они причислены, теряютъ постепенно свое званіе, переходя съ каждымъ поколѣніемъ все въ болѣе и болѣе низшій классъ. Обязанности Большого Совѣта сводятся нынѣ главнымъ образомъ къ слѣдующему: онъ объявляетъ всѣ императорскіе указы и повелѣнія и даетъ въ сомнительныхъ случаяхъ надлежащія разъясненія какъ по гражданскимъ, такъ и по военнымъ дѣламъ. Члены Совѣта каждое утро, между 4 и 6 часами, имѣютъ у императора аудіенцію, во время которой происходитъ разсмотрѣніе и разрѣшеніе всѣхъ текущихъ государственныхъ дѣлъ, при чемъ подготовленіе этихъ дѣлъ къ докладу императору лежитъ на Совѣтѣ же, и для этой цѣли при немъ состоятъ 60 секретарей. Кромѣ того, въ вѣдѣніи Большого Совѣта находится еще военный архивъ (Фангъ-Ліо-Квангъ),—учрежденіе въ родѣ историческихъ отдѣловъ европейскихъ генеральныхъ штабовъ, и сословіе манджурско-китайскихъ переводчиковъ, на которыхъ возлагается переводъ государственныхъ грамотъ и бумагъ съ китайскаго на манджурскій языкъ.

Второе мѣсто въ системѣ центральныхъ правительственныхъ органовъ Китая занимаетъ статсъ-секретаріатъ (Нуихъ-Ко), состоящій изъ четырехъ членовъ: двухъ—китайскаго и двухъ—манджурскаго происхожденія, и двухъ ассистентовъ къ нимъ, по одному отъ каждой національности. Быть членомъ статсъ-секретаріата составляетъ величайшую честь, какой только можетъ достичь въ Китаѣ чиновникъ, хотя въ настоящее время эта должность и не сопряжена ни съ какими реальными правами. Въ прежнее время къ числу обязанностей статсъ-секретаріата принадлежало обсужденіе нѣкоторыхъ перемѣнъ въ составѣ администраціи, обнародованіе императорскихъ распоряженій, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ и вообще содѣйствіе императору въ управленіи государствомъ. Нынѣ же это учрежденіе снизошло на степень какой-то императорской канцеляріи, которая занимается почти единственно лишь составленіемъ, обнародованіемъ и храненіемъ императорскихъ манифестовъ. При династіи Минговъ члены статсъ-секретаріата назывались обыкновенно по-китайски Ко-лао, что значитъ «старцы», а вовсе не управляющіе министерствами, какъ нерѣдко ошибочно переводилось. Членами этого учрежденія, между прочимъ, часто бываютъ вице-короли; такъ, извѣстный Ли-Хунъ-Чангъ состоитъ статсъ-секретаремъ съ 1875 года. Въ виду такого состава статсъ-секретаріата, онъ никогда не находится въ Пекинѣ въ полномъ комплектѣ; въ этомъ, вѣроятно, и лежитъ первоначальная причина упадка его административнаго значенія. Число служащихъ въ немъ чиновниковъ простирается до двухсотъ. Такое сравнительно большое число ихъ объясняется тѣмъ, что статсъ-секретаріатъ обязанъ сообщать въ офиціальную «Пекинскую Газету» всѣ придворныя новости, а также время отъ времени передавать туда

Digitized by Google

для напечатанія различныя статьи, имѣющія вслѣдствіе этого вполнѣ характеръ оффиціальныхъ правительственныхъ сообщеній.

Напомнимъ здѣсь, что газета, появляющаяся ежедневно подъ наименованіемъ «Пекинской Газеты», являясь органомъ китайскаго правительства, содержитъ въ себѣ почти не только вышеупомянутыя придворныя извѣстія, но и всѣ приказы о назначеніяхъ на должности и увольненіи въ отставку, а также разныя правительственныя распоряженія, отчеты, донесенія и докладныя записки, представляемыя императору различными чиновниками. Изданіе этой газеты лежитъ на обязанности почтоваго вѣдомства, которое должно печатать въ ней безъ малѣйшихъ измѣненій всѣ передаваемыя ему правительственныя сообщенія для ознакомленія съ ними провинцій. «Пекинская Газета» состоитъ подъ надзоромъ извѣстныхъ цензоровъ, которые и являются отвѣтственными за все, что въ ней помѣщается. Выходитъ она ежедневно въ нѣсколькихъ изданіяхъ, отличающихся одно отъ другого различной полнотой содержанія. Самое дешевое изъ этихъ изданій печатается на довольно плохой бумагѣ и стоитъ не дороже 6 рублей въ годъ; лучшія же и болѣе полныя изданія— рукописныя и стоятъ гораздо дороже, а именно, смотря по обилію своего содержанія, отъ 12 до 25 рублей въ мѣсяцъ; они предназначены исключительно для правительственныхъ лицъ и мѣстъ, особенно провинціальныхъ. Иностранныя посольства также обыкновенно состоятъ въ числѣ ихъ подписчиковъ.

Наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ созывается въ Китаѣ, по спеціальному приказанію императора, особый имперскій совѣтъ. Смотря по степени важности того дѣла, которое предназначается къ его обсужденію, онъ состоитъ изъ большаго или меньшаго числа членовъ. Въ качествѣ послѣднихъ въ немъ обыкновенно принимаютъ участіе принцы императорской фамиліи и высшіе сановники, по личному распоряженію и указанію императора. Такъ, въ царствованіе императора Кіэнъ-Луна, такой совѣтъ былъ однажды созванъ для разрѣшенія вопроса о томъ, должна ли очередная жертва Небу быть принесена въ храмѣ или на чистомъ воздухѣ. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ совѣтъ этотъ созывался очень часто и при томъ по большей части для разрѣшенія вопросовъ, носившихъ не такой отвлеченный характеръ, какъ вышеприведенный. Между прочимъ, имъ были разсмотрѣны вопросы о перевооруженіи арміи, о сношеніяхъ съ иностранцами, о санкціонированіи договора, заключеннаго съ Россіей въ Ливадіи, о назначеніи наслѣдника императору, объ улаженіи недоразумѣній съ Франціей. Въ подобныхъ случаяхъ каждый членъ имѣетъ право представить письменное изложеніе своего мнѣнія, и этимъ правомъ многіе пользуются весьма охотно.

На ряду съ тремя означенными высшими государственными учрежденіями въ Китаѣ функціонируютъ еще спеціальныя министерства, называемыя обыкновенно или «Шестью министерствами» (Ліу-пу), или «Девятью вѣдомствами» (Та-кіу-кингъ), или, наконецъ, «Всѣми вѣдомствами» (Сіао-кіу-кингъ). Шесть китайскихъ министерствъ суть слѣдующія: 1) гражданскихъ дѣлъ (Ли-пу), 2) финансовъ (Ху-пу), 3) вѣроисповѣданій и церемоній (Хи-пу), 4) военное (Пингъ-пу), 5) юстиціи или наказаній (Хунгъ-пу) и 6) общественныхъ работъ (Кунгъ-пу). Вмѣстѣ съ цензурнымъ вѣдомствомъ (Ту-ча-юэнь), государственной канцеляріей (Тунъ-шенгъ-це) и ревизіоннымъ судомъ (Та-ли-це) эти министерства образуютъ «Девять вѣдомствъ». Когда же къ нимъ еще присоединяются: 1) вѣдомство императорскихъ празднествъ (Квангъ-Лю-це), 2) вѣдомство жертвоприношеній (Тай-Чунгъ-це), 3) вѣдомство государственнаго коннозаводства (Тай-пу-це), 4) вѣдомство церемоній (Хунгъ-Лю-це), 5) столичное пекинское градоначальство (Шуатьэнъ-фу), 7) академія наукъ (Кво-тце-кіэнъ) и 7) вѣдомство императорскаго дома (Тзунъ-Йенъ-фу), то всѣ эти правительственныя мѣста и учрежденія, въ своей совокупности, носятъ названіе Сіао-Кіу-Кингъ. Кромѣ того, сюда же нужно отнести еще: вѣдомство иностранныхъ дѣлъ (Цзунъ-Ли-Ямынь), литературную коллегію Ханлинъ (Ханлинъ-юэнь), колоніальное вѣдомство (Ли-фанъ-юэнь), вѣдомство народнаго просвѣщенія (Чанъ-ши-фу), академію надписей (Нау-шу-фангъ), обсерваторію (Кинъ-тьэнъ-кьэнъ), врачебную коллегію (Тай-и-юэнь) и, наконецъ, адмиралтейство (Хай-пу). Всѣ указанныя учрежденія функціонируютъ то порознь другъ отъ друга, то вмѣстѣ, въ той или иной комбинаціи. Такъ, смертные приговоры, прежде поднесенія ихъ императору на утвержденіе, разсматриваются и обсуждаются въ совмѣст-

Digitized by Google

ныхъ засѣданіяхъ министерства юстиціи, цензурнаго вѣдомства и ревизіоннаго суда, которые въ такихъ случаяхъ называются «Тремя вѣдомствами наказаній». Во главѣ министерствъ гражданскихъ дѣлъ и финансовъ, а также колоніальнаго вѣдомства стоятъ оберъ-президенты, которымъ далѣе подчинены президенты, вице-президенты, директора и секретари; въ другихъ же учрежденіяхъ не существуетъ должности оберъ-президента, и они управляются прямо президентами. Предѣлы компетенціи каждаго учрежденія довольно близко подходятъ къ соотвѣтственнымъ нашимъ вѣдомствамъ; но есть въ Китаѣ кое-что и оригинальное. Такъ, министерство гражданскихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго по преимуществу находится вся провинціальная администрація, имѣетъ, кромѣ того, своею обязанностью наблюдать ближайшимъ образомъ за точнымъ исполненіемъ законовъ о почитаніи дѣтьми своихъ родителей. Министерство финансовъ завѣдуетъ почти всѣми налогами и податями и состоитъ изъ 14-ти отдѣловъ; но въ его вѣдѣніи находятся также императорскія ткацкія фабрики въ Нанкинѣ, Су-Чау и Хангъ-Чау, а равно всѣ склады драгоцѣнныхъ металловъ, шелковыхъ товаровъ, красильныхъ веществъ и принадлежностей для письма; вмѣстѣ съ тѣмъ оно же распоряжается чеканкой серебряной монеты и мѣдныхъ кашей. Далѣе, министерство вѣроисповѣданій имѣетъ, въ числѣ своихъ функцій, наблюденіе за придворнымъ этикетомъ; оно же завѣдуетъ императорскими мавзолеями; кромѣ того, на его обязанности лежитъ также заботиться о спасеніи солнца и луны отъ поглощенія ихъ дракономъ во время затменій; наконецъ оно завѣдуетъ пиршествами, даваемыми императорами въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ, а равно сношеніями съ иностранцами, «какъ съ гостями императора», для чего при немъ состоитъ особое бюро и нѣкоторое число переводчиковъ. Замѣчательно, что бюро это, учрежденное первымъ императоромъ нынѣ царствующей династіи, прежде имѣло, между прочимъ, одною изъ своихъ цѣлей изученіе иностранныхъ государствъ въ отношеніи ихъ языка, нравовъ и обычаевъ; въ настоящее же время оно обязано лишь заботиться о размѣщеніи прибывающихъ въ Пекинъ посольствъ отъ подвластныхъ китайскому императору племенъ и народовъ, а также подготовлять переводчиковъ для этихъ надобностей. Наконецъ, въ его же вѣдѣніи состоятъ императорскіе музыканты и танцовщики или, вѣрнѣе, мимы, такъ какъ обязанность ихъ заключается въ томъ, что при совершеніи нѣкоторыхъ жертвоприношеній они медленно двигаются въ тактъ музыки и при этомъ принимаютъ опредѣленныя позы, предписываемыя ритуаломъ. Затѣмъ, къ числу оригинальныхъ особенностей китайскаго военнаго министерства принадлежитъ производство особыхъ испытаній военнымъ мандаринамъ; интересно, что испытанія эти состоятъ до сихъ поръ изъ состязаній въ стрѣльбѣ изъ лука, въ верховой ѣздѣ и въ извѣстныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, имѣющихъ цѣлью показать, насколько испытуемый обладаетъ физической силой. Кромѣ того, отъ экзаменующихся требуется также нѣкоторое, впрочемъ, весьма ограниченное, знакомство со старинными военными писателями, у которыхъ, хотя, правда, и встрѣчаются иногда очень дѣльныя замѣчанія, особенно по предмету военной философіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ находится масса невозможной безсмыслицы о военныхъ гаданіяхъ, примѣтахъ и т. п.

Что касается до министерства общественныхъ работъ, то оно, кромѣ обычныхъ своихъ функцій, имѣетъ еще обязанность заботиться о снабженіи императорскаго двора всевозможной фарфоровой и глиняной посудой. А посуды этой требуется туда ежегодно великое множество, въ видѣ нѣсколькихъ тысячъ чашекъ, тарелокъ съ изображеніями драконовъ и безъ такихъ изображеній, различныхъ вазъ и т. п. На означенномъ же министерствѣ лежитъ закупка военныхъ припасовъ для арміи, а также наблюденіе за арсеналами и цейхгаузами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно вѣдаетъ всѣ торговыя дѣла, слѣдитъ за правильностью мѣръ и вѣсовъ и расцѣниваетъ жемчугъ, добываемый въ китайскихъ водахъ. Наконецъ, въ его завѣдываніи находятся всѣ пути сообщенія, всѣ водяныя сооруженія и каналы, а также взиманіе всевозможныхъ водяныхъ и дорожныхъ сборовъ; подъ его же наблюденіемъ состоятъ пороховые заводы и монетные дворы.

Чрезвычайно своеобразнымъ правительственнымъ органомъ является въ Китаѣ цензурное вѣдомство. Это учрежденіе, подобнаго которому въ Европѣ нигдѣ не существуетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи нѣсколь-

Digitized by Google

ко напоминаетъ собою нашу прокуратуру, какой она, по крайней мѣрѣ, должна бы быть по теоріи. Но прокуратура у насъ имѣетъ дѣло лишь съ судебными правонарушеніями, а китайское цензурное вѣдомство охватываетъ гораздо большій кругъ и при томъ всевозможныхъ дѣлъ. Вѣдомство это находится въ завѣдываніи первоприсутствующаго, такъ какъ президентомъ его состоитъ самъ императоръ; состоитъ оно изъ четырехъ вице-президентовъ и 90 цензоровъ; кромѣ того, всѣ вице-короли считаются титулярными президентами его, а губернаторы провинцій—такими же его вице-президентами. Изъ числа цензоровъ—24 человѣка состоятъ наблюдателями надъ 6-ю министерствами, а между 56-ю остальными цензорами распредѣленъ надзоръ за провинціями, для чего эти цензора дѣлятся на 15 комиссій, въ составѣ отъ 4 до 8 членовъ каждая. Цензора, на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за министерствами, являются по отношенію къ послѣднимъ ревизующей и контролирующей инстанціей. О замѣченныхъ безпорядкахъ въ дѣлахъ или неправильностяхъ въ счетоводствѣ, равно о тѣхъ улучшеніяхъ или измѣненіяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, являются необходимыми, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цензора представляютъ императору особыя докладныя записки, которыя затѣмъ нерѣдко публикуются въ «Пекинской Газетѣ», хотя бы онѣ даже и содержали въ себѣ безпощадную критику дѣйствій соотвѣтствующихъ вѣдомствъ или начальствующихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи пекинское правительство держится, повидимому, того воззрѣнія, что открытыя жалобы и громко заявленныя претензіи могутъ принести менѣе вреда государству, чѣмъ скрытое или насильственно подавленное народное неудовольствіе. Правда, иногда случается, что заявленія и указанія цензоровъ остаются безъ ближайшихъ послѣдствій, но, въ общемъ, цензурное вѣдомство въ Китаѣ имѣетъ большое и весьма благодѣтельное вліяніе на весь ходъ административныхъ дѣлъ. Цензора выступаютъ тамъ смѣло со своими обвиненіями даже противъ высочайшихъ особъ, и по этому поводу разсказывается много разнообразныхъ исторій. Такъ, одинъ цензоръ обратился къ императору Кіа-Кингу съ упрекомъ, что его пристрастіе къ театру и къ хмѣльнымъ напиткамъ унижаетъ его въ глазахъ подданныхъ. Раздраженный монархъ велѣлъ призвать къ себѣ этого дерзкаго цензора и спросилъ его, какого онъ заслуживаетъ наказанія за оскорбленіе величества. «Быть изрубленнымъ въ куски»—невозмутимо отвѣчалъ цензоръ. Императоръ въ гнѣвѣ прогналъ его отъ себя, но на слѣдующій день вновь потребовалъ его къ себѣ и повторилъ тотъ же вопросъ. «Быть обезглавленнымъ»—гласилъ отвѣтъ смѣлаго цензора. Наконецъ, на тотъ же самый вопросъ, предложенный ему императоромъ въ третій разъ, онъ объявилъ, что заслуживаетъ быть повѣшеннымъ. Однако, императоръ не подвергъ его ни одной изъ этихъ казней, а велѣлъ назначить его губернаторомъ провинціи Или. Въ другихъ случаяхъ цензора указывали императорамъ на недостаточную ихъ внимательность къ государственнымъ дѣламъ, на ихъ расточительность, наконецъ, на нарушеніе ими установленныхъ правилъ этикета. Иногда они за это платились не только отставкою, но даже жизнью; однако вообще должно сказать, что ихъ мужественное поведеніе, съ одной стороны, и внимательное отношеніе императоровъ къ ихъ указаніямъ, съ другой, таковы, что заслуживаютъ одинаково уваженія и симпатіи. Во многихъ императорскихъ наказахъ даже прямо ставится цензорамъ въ обязанность докладывать императору обо всѣхъ циркулирующихъ въ обществѣ слухахъ, доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ поступкахъ придворныхъ и чиновниковъ, а особенно о всякомъ допущенномъ ими нарушеніи законовъ, равно безстрашно указывать на всѣ слабости и пороки, въ комъ бы они ни обнаруживались, хотя бы даже въ самомъ императорѣ, но при этомъ ни въ какомъ случаѣ не наполнять своихъ докладовъ пустыми сплетнями и не пускаться въ нихъ ни въ какія неосновательныя предположенія, а строго ограничиваться исключительно областью фактовъ, по возможности тщательно провѣренныхъ.

Что касается, далѣе, государственной канцеляріи, то главная обязанность ея заключается въ томъ, чтобы разсматривать докладныя записки провинціальныхъ чиновниковъ и разбирать апелляціонныя жалобы частныхъ лицъ на рѣшенія и постановленія этихъ чиновниковъ, послѣ чего, означенныя жалобы съ надлежащимъ заключеніемъ передаются ею въ статсъ-секретаріатъ, который уже и докладываетъ ихъ императору.

Digitized by Google

Нельзя не сказать также нѣсколькихъ словъ о китайской академіи наукъ, хотя она и не имѣетъ въ Китаѣ особенно практическаго значенія. Засѣданія ея происходятъ всегда въ особомъ «залѣ классиковъ», находящемся близъ храма, посвященнаго памяти Конъ-тце (Конфуція), и каждый императоръ обязанъ хотя одинъ разъ въ своей жизни предсѣдательствовать на ея засѣданіи, гдѣ непремѣнно читается докладъ, составленный имъ самимъ, все равно, въ дѣйствительности или фиктивно.

Затѣмъ литературная коллегія Ханлинъ составляется обыкновенно изъ лицъ, сдавшихъ третій экзаменъ и, кромѣ того, съ успѣхомъ выдержавшихъ окончательное испытаніе во дворцѣ въ присутствіи самого императора. По уставу члены обязаны заниматься разработкой научныхъ и литературныхъ вопросовъ, а также наблюдать за воспитаніемъ юношества. При этой коллегіи состоитъ бюро государственныхъ исторіографовъ, обязанныхъ вести лѣтопись всѣхъ замѣчательныхъ текущихъ событій и затѣмъ составлять подробныя хронологическія описанія жизни императоровъ и біографіи наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятелей. Черезъ каждыя десять лѣтъ съ составленныхъ этими исторіографами лѣтописей снимаются особыя копіи, которыя затѣмъ торжественно переносятся въ Мукденъ и тамъ полагаются на храненіе въ храмѣ императорскихъ предковъ.

Учрежденіе, носящее названіе Тзунъ-Ли Ямыня, основано было въ 1861 году спеціально для завѣдыванія сношеніями съ иностранцами, такъ какъ сношенія эти по усмиреніи возстанія Тайпинговъ стали все чаще и все настоятельнѣе. Состоитъ Тзунъ-Ли-Ямынь изъ 10 — 13 президентовъ различныхъ министерствъ и вѣдомствъ. Правда, такое устройство его не очень-то способствуетъ быстрому въ немъ теченію и разрѣшенію дѣлъ, но зато оно устраняетъ массу недоразумѣній, которыя могли бы нерѣдко происходить при сношеніяхъ иностранныхъ державъ непосредственно съ различными отдѣльными министерствами, руководимыми дѣятелями весьма разнообразнаго направленія, которые къ тому же далеко не всегда бываютъ согласны между собою во взглядахъ на тотъ или другой вопросъ даже внутренней, а тѣмъ болѣе иностранной политики, особенно при господствующемъ въ Китаѣ отчужденіи отъ западнаго міра. Цзунъ-Ли-Ямыню подчинено особое морское таможенное управленіе, завѣдующее взысканіями пошлинъ съ товаровъ, какъ привозимыхъ въ Китай, такъ и вывозимыхъ оттуда на иностранныхъ судахъ, въ томъ числѣ и опіума. Во главѣ означеннаго таможеннаго учрежденія, состоящаго исключительно изъ однихъ иностранцевъ, стоитъ съ давнихъ поръ англичанинъ сэръ Робертъ Гартъ. Кромѣ того въ вѣдѣніи Цзунъ-Ли-Ямыня находится еще пекинскій университетъ (Тунгъ-венъ-квангъ), въ которомъ профессора изъ иностранцевъ преподаютъ китайскимъ студентамъ языки русскій, французскій, англійскій и нѣмецкій, а также химію, физику и математику.

Въ колоніальномъ вѣдомствѣ, которое, впрочемъ, правильнѣе было бы назвать учрежденіемъ по дѣламъ Монголіи, сосредоточенъ надзоръ за монгольскими племенами, за Тибетомъ и за всей ламайской іерархіей. Что же касается, далѣе, до пекинской обсерваторіи, то она занимается не столько астрономическими наблюденіями, сколько различными астрологическими выкладками и вычисленіями счастливыхъ и несчастливыхъ дней въ году, когда можно или нѣтъ совершать погребенія умершихъ, разыгрывать свадьбы, устраивать празднества и начинать постройки или какія-либо другія предпріятія. На основаніи законовъ, дѣйствующихъ со времени воцаренія настоящей династіи, вице-директорскій постъ въ пекинской обсерваторіи долженъ быть непремѣнно занятъ иностранцемъ, и на это мѣсто долгое время назначался кто-нибудь изъ католическихъ миссіонеровъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто патеръ Шалль, исполнялъ даже обязанности президента этой обсерваторіи, что и подало когда-то поводъ къ толкамъ, будто и іезуиты въ старину бывали въ Китаѣ министрами. Къ числу обязанностей обсерваторіи относится также составленіе китайскаго государственнаго календаря.

Таковы наиболѣе характерныя особенности центральныхъ правительственныхъ органовъ въ Китаѣ. Посмотримъ теперь, каково административное устройство китайскихъ провинцій. Но прежде слѣдуетъ сказать, что всѣхъ провинцій въ Небесной Имперіи считается 18, хотя въ дѣйствительности число ихъ и больше, такъ какъ, кромѣ старинныхъ провинцій, которыхъ тамъ на самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ было 18,—имѣется еще три манджурскихъ провинціи, затѣмъ Монголія, Тибетъ и, сверхъ того, до послѣдняго времени числилось еще двѣ новыхъ провинціи, изъ которыхъ одну составляла Формоза, а другая образована была изъ Китайскаго Туркестана. Тѣмъ не менѣе, донынѣ подъ «18-ю провинціями» принято разумѣть всю совокупность Небесной Имперіи. Административная организація этихъ провинцій установлена была еще въ царствованіе императора Канъ-Хи и съ тѣхъ поръ не подвергалась никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Каждая провинція, за исключеніемъ лишь Манджуріи, Монголіи и Тибета, подраздѣляется на области (Фу), которыя, въ свою очередь, дѣлятся на округа (Чи-ли-чау); затѣмъ округа распадаются на уѣзды (Чау), а послѣдніе—на дистрикты (Хіенъ). Во главѣ провинцій: Чи-ли, гдѣ расположенъ Пекинъ, Се-Чау и Фо-Кіенъ находятся вице-короли. Затѣмъ и всѣ остальныя провинціи тоже соединены по двѣ и по три въ вице-королевства, которыя управляются особыми вице-королями. Рядомъ съ послѣдними, въ качествѣ ихъ ближайшихъ помощниковъ стоятъ губернаторы или даотаи, по одному въ каждой провинціи. Что же касается до областей, то завѣдываніе ими лежитъ на обязанности особыхъ областныхъ правителей, носящихъ по-китайски названіе Чи-фу; начальниками же округовъ являются чиновники съ титуломъ Чи-Шау; наконецъ, во главѣ дистриктовъ находятся чиновники, называемые Чи-йэнъ. Каждый изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ при себѣ еще нѣсколькихъ подчиненныхъ ему мандариновъ низшаго разряда. Впрочемъ, надлежитъ замѣтить, что число чиновниковъ, получающихъ жалованье изъ государственной казны въ Китаѣ, крайне ограничено, и это, между прочимъ, потому, что на низшихъ ступеняхъ обязанности ихъ почти совсѣмъ не спеціализированы. Такъ, даже правитель области (Чи-фу) сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ почти всѣ отрасли мѣстнаго управленія, начиная съ распредѣленія между плательщиками и собиранія слѣдуемыхъ съ нихъ податей и налоговъ и кончая охраненіемъ полицейскаго порядка, завѣдываніемъ почтой и даже отправленіемъ правосудія, такъ какъ Чи-фу является въ своей области, между прочимъ, и судьею въ первой инстанціи. Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ расположены манджурскія войска, ими обыкновенно командуетъ татарскій генералъ; но онъ при этомъ всегда и почти во всемъ подчиненъ мѣстному вице-королю, такъ что пользуется правомъ самостоятельныхъ распоряженій лишь по отношенію къ мѣстнымъ манджурскимъ гарнизонамъ, которые обыкновенно весьма малочисленны. Затѣмъ, при каждомъ губернаторѣ состоитъ обыкновенно провинціальный комитетъ, въ составъ котораго входятъ: провинціальный казначей, провинціальный судья, управляющій соляными магазинами и управляющій хлѣбозапасными магазинами; на обязанности послѣдняго лежитъ, между прочимъ, и завѣдываніе поземельною податью. Кромѣ того, въ составъ провинціальнаго комитета входятъ еще, такъ называемый, канцлеръ по литературѣ,—онъ завѣдуетъ экзаменами низшей степени,—и управляющій таможнями, — каждый по вопросамъ, касающимся его спеціальности. Существуютъ также еще нѣкоторыя категоріи провинціальныхъ чиновниковъ, каковы: завѣдующій Желтою рѣкой (Гоанго), который надзираетъ за плотинами на этой рѣкѣ, далѣе завѣдующій подвозкою риса къ столицѣ; но, строго говоря, ихъ едва ли правильно причислить къ провинціальнымъ административнымъ органамъ, въ виду чисто спеціальнаго характера ихъ обязанностей.

Затѣмъ манджурскихъ провинцій считается три: Хей-Лунгъ-Кіангъ (провинція рѣки Чернаго Дракона, то-есть Амура), Киринъ и Фенгъ-Тьэнъ; въ послѣдней находится манджурская столица Мукденъ. Управленіе этими провинціями поручается обыкновенно военнымъ губернаторамъ; изъ нихъ губернаторъ провинціи Фенгъ-Тьэнъ состоитъ даже въ рангѣ вице-короля и имѣетъ при себѣ помощника, въ лицѣ особаго гражданскаго губернатора. Что же касается до города Мукдена, то онъ, подобно Пекину, образуетъ особое градоначальство. Относительно же Монголіи должно сказать, что всѣ населяющія ее монгольскія племена дѣлятся въ административномъ отношеніи на внутреннія и пограничныя племена. Первыя занимаютъ восточную область Монголіи, граничащую съ собственно Китаемъ и Манджуріей, вплоть до самой русской границы; они распадаются на 24 рода, составляющіе 49 знаменъ и находящіеся подъ управленіемъ своихъ собственныхъ князей. Къ пограничнымъ же монголамъ принадлежатъ главнымъ образомъ различныя кочевыя монгольскія и кал-

Digitized by Google

мыцкія племена, раздѣляющіяся, въ общемъ, на 154 знамени; при чемъ хотя управленіе ими поручено особымъ китайскимъ чиновникамъ, но послѣдніе, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, дѣйствуютъ не иначе, какъ съ согласія и при содѣйствіи родоначальниковъ и старшинъ самихъ этихъ племенъ, а въ иныхъ случаяхъ даже и живущаго въ Ургѣ Далай-Ламы. Наконецъ, въ Тибетѣ представителями власти китайскаго императора являются два резидента изъ китайцевъ, имѣющіе при себѣ около полуторы тысячи войска; собственно же управленіе Тибетомъ съ 1750 года въ дѣйствительности всецѣло перешло въ руки Далай-Ламы, которому въ этомъ отношеніи помогаютъ четверо свѣтскихъ министровъ, обыкновенно называемыхъ калонами; а затѣмъ вліяніе китайскихъ резидентовъ тамъ весьма ограничено, и главная цѣль ихъ заключается, повидимому, лишь въ томъ, чтобы по возможности оберегать интересы Китая въ этой отдаленной области.

IX.

Китайскій языкъ и его особенности.

Насколько своеобразны у китайцевъ всѣ ихъ воззрѣнія и понятія, настолько же своеобразенъ и тотъ языкъ, на которомъ они ихъ выражаютъ. Начать съ того, что китайскій языкъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ еще сохранившихся на Земномъ Шарѣ языковъ, которые въ наукѣ носятъ названіе корневыхъ. Напомнимъ, что наука языковѣдѣнія дѣлитъ всѣ существующіе языки на три главныя категоріи. Изъ нихъ первую составляютъ тѣ языки, въ которыхъ всѣ слова являются исключительно одними неизмѣняемыми корнями, при чемъ тамъ не существуетъ ни склоненій, ни спряженій, и вообще не допускается рѣшительно никакихъ флексическихъ приставокъ къ корнямъ, изъ которыхъ состоятъ слова. Это, по всей вѣроятности, древнѣйшіе языки первобытныхъ народовъ или, по крайней мѣрѣ, такіе, которые застыли очень рано въ этой первоначальной стадіи развитія человѣческой рѣчи. Въ подобныхъ языкахъ одно и то же слово можетъ имѣть совершенно различное значеніе, смотря по тому мѣсту, какое оно занимаетъ въ предложеніи. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ органическомъ развитіи человѣческой рѣчи одно корневое слово стало приставляться къ другому и при томъ такимъ образомъ, что за первымъ корнемъ сохранялся главный смыслъ, а второй корень являлся по своему значенію второстепеннымъ, лишь ближе и точнѣе опредѣляющимъ смыслъ перваго корня; но оба корня всякаго такого сложнаго слова все еще возможно совершенно ясно различить. Такіе языки называются агглютинированными; сюда, между прочимъ, принадлежатъ языки нѣкоторыхъ туркестанскихъ народовъ. Наконецъ, въ третьей, послѣдней, стадіи развитія человѣческой рѣчи второстепенные корни, приставляемые къ главнымъ, настолько уже сливаются съ ними, что утрачивается всякое сознаніе объ ихъ первоначальномъ значеніи, и они превращаются въ простые суффиксы и флексіи, не имѣющіе, повидимому, никакого смысла. Такъ, мы совершенно утратили всякое сознаніе о томъ, что личныя окончанія въ нашихъ глаголахъ по существу своему суть наши старинныя личныя мѣстоименія и что, напр., въ словѣ «ѣмъ» двѣ послѣднія буквы (мъ=мь), приставленныя къ корню (ѣд) для обозначенія, что дѣйствіе, показываемое этимъ корнемъ, совершается первымъ лицомъ (мною), имѣли нѣкогда самостоятельно тотъ же самый смыслъ, что и славянское мя, или, точнѣе говоря, финское mi=я. Китайскій языкъ принадлежитъ къ первой изъ перечисленныхъ категорій языковъ, и ему неизвѣстны никакіе ни суффиксы, ни флексіи, а потому не знаетъ онъ ни спряженій, ни склоненій, ни, тѣмъ болѣе, нашего словообразованія, посредствомъ котораго мы производимъ различныя формы отъ одного и того же корня, какъ, напр., отъ корня люб—слова: любить, любовь, любо и т. д. Китайцы всѣ понятія свои выражаютъ исключительно посредствомъ однихъ корней, которые никогда не измѣняются въ своей внѣшней формѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайскій языкъ является также языкомъ, состоящимъ по преимуществу лишь изъ односложныхъ словъ, а это значитъ, что всѣ корни имѣютъ въ немъ не болѣе одного слога. Поэтому, если мы извѣстное названіе китайской рѣки произносимъ Гоангъ, то въ сущности дѣлаемъ фонетическую ошибку, а правильнѣе было бы выговорить это слово Хвангъ (голубой). Кромѣ того, надлежитъ отмѣтить, что и самыя звуковыя сочетанія, допускаемыя китайскимъ языкомъ, подвержены сильнымъ

Digitized by Google

ограниченіямъ. Такъ, онъ вообще избѣгаетъ, чтобы слово, или, что то же самое, корень начинался съ гласной буквы; число такихъ словъ въ немъ крайне ограничено, да и тѣ, которыя тамъ встрѣчаются, по большей части выговариваются такъ, какъ будто передъ ними стоитъ какой-то носовой согласный звукъ. Такъ слово ай (любить) многими китайцами произносится какъ нхай; слово ау (городъ)—какъ нхау. А затѣмъ, громадное большинство словъ въ китайскомъ языкѣ начинается съ согласныхъ буквъ, что, повидимому, составляетъ основное правило этого языка. Впрочемъ, даже и число согласныхъ буквъ у китайцевъ не полное. Правда, у нихъ есть наши русскіе звуки ч и ц (ча = чай, це — воръ), которыхъ, между прочимъ нѣтъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ сосѣдей, но зато въ весьма многихъ китайскихъ нарѣчіяхъ совершенно отсутствуютъ буквы б, д и ж, которыя замѣняются у нихъ: первая—черезъ п, совершенно какъ у нѣмцевъ, обыкновенно выговаривающихъ слово букетъ—какъ пукетъ, а заборъ—какъ сапёръ, а двѣ остальныхъ — черезъ т и к. Затѣмъ, очень часто согласная отдѣляется тамъ отъ своей гласной нѣкоторымъ родомъ сильнаго придыханія, звучащаго отчасти, какъ наше х или мягкое г; при этомъ и самый корень, произнесенный такимъ образомъ, получаетъ обыкновенно совершенно иное значеніе. Такъ па—по-китайски значитъ восемь, а пха—бояться, ку (съ длиннымъ у) соотвѣтствуетъ нашему прилагательному старый, а кху — имѣетъ значеніе глагола плакать. Въ окончаніяхъ китайскихъ словъ ограниченія въ употребленіи согласныхъ звуковъ еще значительнѣе. Въ сѣверныхъ нарѣчіяхъ Китая — допускается тутъ только звукъ н простой и носовой,—послѣдній-то и изображается обыкновенно въ западно-европейской литературѣ черезъ ng = нг, вслѣдствіе чего тамъ въ тѣхъ языкахъ, которые лишены носовыхъ звуковъ, принято писать Пекингъ, а не Пекинъ, Кіангъ, а не Кіанъ,—и еще одинъ родъ рокочущаго придыханія, которое ближе всего пожалуй возможно бы было изобразить звуками рх; оно отчасти напоминаетъ то картавое произношеніе буквы р, которое такъ часто можно наблюдать у жителей французскихъ кантоновъ Швейцаріи. На югѣ Китая, кромѣ того, допускаются въ окончаніяхъ корней еще звуки м, т, п и к; впрочемъ, послѣднія три буквы звучатъ тамъ обыкновенно такъ слабо, что наше европейское ухо едва въ состояніи уловить ихъ, — такъ что пекинское пу (нѣтъ) выговаривается въ Кантонѣ какъ патъ, а пекинское занъ (три)—какъ замъ.

Понятно, что при такихъ ограничительныхъ условіяхъ число корней, изъ которыхъ состоитъ китайскій языкъ, не можетъ быть велико. И, дѣйствительно, въ сѣверномъ, пекинскомъ нарѣчіи количество различныхъ звуковыхъ сочетаній, въ формѣ слоговъ, не превышаетъ 420; а такъ какъ китайскій языкъ, какъ уже указано выше, принадлежитъ къ языкамъ односложнымъ, то, значитъ, это число совпадаетъ и съ числомъ самыхъ словъ, входящихъ въ составъ этого нарѣчія. На югѣ Китая, въ кантонскомъ нарѣчіи число различныхъ слоговъ, а, стало быть, и словъ, нѣсколько больше; но все-таки оно и тамъ доходитъ лишь до 722. Казалось бы, что при подобныхъ условіяхъ научиться говорить по-китайски очень легко. Но уже самая необходимость выразить посредствомъ такого незначительнаго количества неизмѣняемыхъ корней гораздо болѣе многочисленныя понятія, входящія въ составъ даже обыденнаго кругозора китайскаго народа, значительно усложняетъ задачу, такъ какъ это заставляетъ китайцевъ прибѣгать къ различнымъ модификаціямъ своихъ корневыхъ словъ. На первомъ планѣ тутъ стоятъ извѣстныя модификаціи въ тонѣ при произнесеніи послѣднихъ. Такихъ главныхъ модификацій существуетъ въ китайскомъ языкѣ четыре, и всѣ онѣ относятся, конечно,—какъ по самому существу дѣла и надлежитъ быть,—къ гласнымъ, такъ какъ только послѣднія и допускаютъ измѣненія въ интенсивности тона при своемъ произношеніи. Первая изъ означенныхъ модификацій заключается въ томъ, что корневая гласная произносится коротко и сухо, нисколько не поднимая и не опуская тона голоса; затѣмъ, при второй модификаціи тонъ гласной быстро повышается; третья заключается въ томъ, что подобное повышеніе гласной въ тонѣ производится медленно и при томъ черезъ сравнительно отдаленные интервалы звука; наконецъ, четвертая требуетъ, чтобы гласная начата была съ высокой ноты, и чтобы затѣмъ послѣдовало довольно значительное пониженіе тона.

Digitized by Google

Соотвѣтственно каждой изъ означенныхъ четырехъ модификацій измѣняется и смыслъ самаго корня. Такъ, корень ма, произнесенный коротко и сухо, по первому способу, означаетъ мать; если же выговорить его по второму способу, съ быстрымъ повышеніемъ въ тонѣ, то онъ уже будетъ значить конопля; затѣмъ, будучи произнесенъ по третьему способу, съ медленнымъ подъемомъ гласной въ тонѣ, онъ означаетъ лошадь, тогда какъ при выговорѣ его четвертымъ способомъ, съ пониженіемъ тона гласной, онъ получаетъ смыслъ глагола ругаться. Въ кантонскомъ нарѣчіи, кромѣ приведенныхъ четырехъ главныхъ тональныхъ модификацій, существуетъ еще пять второстепенныхъ; но описать ихъ словами крайне трудно, и чтобы получить о нихъ сколько-нибудь ясное представленіе, ихъ нужно услышать; да и въ такомъ даже случаѣ онѣ не вдругъ могутъ быть уловлены нашимъ европейскимъ ухомъ. Впрочемъ, далеко не каждый корень допускаетъ примѣненія къ нему всѣхъ тональныхъ модификацій, а въ Кантонѣ, гдѣ существуетъ цѣлыхъ девять такихъ модификацій, никогда не употребляется болѣе четырехъ изъ нихъ въ примѣненіи къ одному и тому же слогу. Поэтому число всѣхъ подобныхъ измѣненій въ слогахъ не превосходитъ: въ пекинскомъ діалектѣ—1380, а въ кантонскомъ—1868.

Но предположимъ, что вытекающія отсюда затрудненія преодолены, и что наше ухо пріучилось точно различать всѣ означенные корни, со всевозможными тоновыми измѣненіями, допускаемыми на практикѣ. Однако, и затѣмъ все-таки нельзя еще сказать, чтобы китайскій разговорный языкъ былъ уже совершенно усвоенъ. Дальнѣйшія трудности изученія его возникаютъ изъ того, что ему доступны такіе оттѣнки рѣчи, особенно при обозначеніи дѣйствій, какіе нашимъ языкамъ почти совсѣмъ неизвѣстны или для выраженія которыхъ мы принуждены обыкновенно употреблять описательную форму. Такъ, возьмемъ для примѣра хотя бы глаголъ нести. Для означенія этого дѣйствія у китайцевъ существуетъ не менѣе десятка отдѣльныхъ словъ, показывающихъ различныя условія, при которыхъ это дѣйствіе совершается. И вотъ у нихъ нести что-либо на голомъ плечѣ значитъ кхангъ; когда же многіе несутъ какой-нибудь предметъ совмѣстно, какъ это бываетъ съ носильщиками портшезовъ, то слѣдуетъ употреблять слово тхай; затѣмъ, если человѣкъ несетъ что-либо на коромыслѣ, перекинутомъ черезъ плечо, то, говоря про него, пользуются словомъ танъ, и такъ далѣе. А такъ какъ для выраженія всѣхъ подобныхъ оттѣнковъ рѣчи въ китайскомъ языкѣ имѣется лишь то сравнительно незначительное количество корней-словъ, о которомъ уже упомянуто выше, то, вслѣдствіе этого, китайцы принуждены были допустить, чтобы одинъ и тотъ же корень, къ тому же произнесенный на одинъ и тотъ же ладъ, обозначалъ нѣсколько совершенно различныхъ понятій. Правда, такъ называемые омонимы существуютъ почти въ каждомъ языкѣ, но обыкновенно лишь въ незначительномъ количествѣ. Укажемъ хотя бы въ нашемъ языкѣ на различныя значенія такихъ словъ, какъ собачка—животное и собачка у ружья, губа на лицѣ и губа, какъ извѣстный географическій терминъ, шляпка у гвоздя и шляпка, составляющая головной дамскій уборъ, и тому подобное. Китайскій же языкъ отличается особымъ изобиліемъ подобныхъ омонимовъ, при чемъ тамъ одинъ и тотъ же корень имѣетъ иногда не два, а цѣлыхъ пять-шесть самыхъ разнообразныхъ значеній. Такъ, слово ли, произнесенное въ третьей тональной модификаціи, съ медленнымъ повышеніемъ звука, означаетъ извѣстную мѣру длины, равную почти нашей полуверстѣ; но рядомъ съ тѣмъ оно имѣетъ еще слѣдующія значенія: разумъ, вѣжливость, слива, поклажа или багажъ, и, наконецъ, оно же имѣетъ смыслъ глагола печалиться. Далѣе, тотъ же слогъ ли въ четвертой модификаціи, слѣдовательно, произнесенный съ пониженіемъ тона гласной, выражаетъ слѣдующія понятія: стоять, сила, выгода, корзинка. А насколько въ китайскомъ языкѣ преобладаетъ это свойство его, видно уже изъ того, что тамъ число корней, имѣющихъ не болѣе одного значенія, крайне ограничено; между ними къ числу чаще употребительныхъ принадлежатъ, между прочимъ, корень ке въ третьей тональной модификаціи, имѣющій одно лишь значеніе давать, и корень це во второй тональной модификаціи, означающій воръ. Отсюда вполнѣ естественно вытекаетъ вопросъ: какъ же, при такомъ складѣ языка, при такомъ разнообразіи въ значеніяхъ каждаго слова, китайцы ухищ-

Digitized by Google

ряются понимать другъ друга? Почему, если одинъ изъ нихъ употребилъ слово ли въ значеніи слива, другой не принимаетъ означеннаго слова въ смыслѣ полуверста или разумъ? Мы еще исключаемъ при этомъ глагольное значеніе приведеннаго корня, потому что означеніе дѣйствія въ строѣ китайской рѣчи занимаетъ всегда вполнѣ опредѣленное мѣсто въ предложеніи. Но какимъ образомъ распознать различныя предметныя значенія даннаго корня? Конечно, схватить истинный или, вѣрнѣе, нужный смыслъ послѣдняго китайцу отчасти помогаетъ характеръ самаго разговора,—тѣмъ болѣе, что тамъ существуетъ обычай пользоваться при бесѣдахъ множествомъ общеизвѣстныхъ, твердо установленныхъ и всѣмъ понятныхъ сентенцій,—а также, и при томъ существеннѣйшимъ образомъ, какой-то врожденный инстинктъ, въ значительной степени присущій каждому китайцу. Но, кромѣ того, имъ въ указанномъ отношеніи оказываетъ не малыя услуги еще другого рода модификація, свойственная ихъ языку, а именно весьма частое и обычное употребленіе синонимовъ, въ родѣ нашихъ старинныхъ русскихъ «путь - дорога», «океанъ - море». Тамъ тоже подобные синонимы составляются изъ словъ, имѣющихъ почти одинаковое значеніе. Чтобы лучше пояснить это, возьмемъ хотя бы китайское слово тау, произносимое съ пониженіемъ тона голоса; оно, на ряду съ другими своими, довольно многочисленными значеніями,—наливать, возвращаться, приходить,—означаетъ также дорогу; вмѣстѣ съ тѣмъ у китайцевъ есть другое слово лю, которое, между прочимъ, имѣетъ слѣдующія значенія: шесть, зеленый, жалованье и, наконецъ, большая дорога. И вотъ путемъ сопоставленія этихъ двухъ корней китайцы составили сложное слово тау-лю, которое, несомнѣнно, можетъ имѣть лишь одно значеніе: дорога. Подобнымъ способомъ въ китайскомъ языкѣ образовано множество двухъ-и даже трехъсложныхъ словъ, значительно облегчающихъ веденіе живого разговора, хотя частое употребленіе ихъ и требуетъ извѣстнаго напряженія, обусловливаемаго необходимостью быстро подыскивать въ умѣ такія однозначащія слова. Конечно, на письмѣ ничего подобнаго не бываетъ, такъ какъ китайцы, не имѣя алфавита въ нашемъ смыслѣ слова, изображаютъ почти каждое отдѣльное понятіе посредствомъ особаго письменнаго знака. Правда, это, въ свою очередь, представляетъ также довольно значительныя неудобства въ томъ отношеніи, что число такихъ письменныхъ знаковъ простирается въ Китаѣ до нѣсколькихъ тысячъ, вслѣдствіе чего изученіе ихъ всѣхъ является очень обременительнымъ. Но зато китайское письмо не допускаетъ почти никакихъ недоразумѣній и понятно всякому грамотному китайцу, гдѣ бы онъ ни жилъ, въ отдаленной ли, пустынной Манджуріи, у береговъ рѣки Амура, или же на самомъ югѣ Китая, въ суровомъ Тибетѣ, въ Юннанѣ; говоримъ «почти» потому, что и тутъ эволюція понятій заставила въ нѣкоторыхъ случаяхъ принять одинъ и тотъ же знакъ для изображенія различныхъ предметовъ или дѣйствій, хотя число подобныхъ двусмысленныхъ знаковъ въ китайскомъ языкѣ сравнительно незначительно.

Выше уже было замѣчено, что китайскій языкъ не терпитъ никакихъ флексическихъ измѣненій корней и что поэтому въ немъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій. Это дѣлаетъ тамъ крайне необходимымъ строгое соблюденіе того правила, чтобы подлежащее въ предложеніи всегда стояло на первомъ мѣстѣ, сказуемое—на второмъ и, наконецъ, всякія дополнительныя слова—на послѣднемъ, такъ какъ отъ разстановки словъ зависитъ ихъ значеніе, а, стало быть, и самый смыслъ всей фразы. Вслѣдствіе этого, тамъ такая фраза: тха тâ во, буквально означающая: онъ бить я,—значитъ: онъ меня прибилъ, а та же фраза съ такою разстановкой тѣхъ же словъ: во тâ тха,—то-есть я бить онъ, — получаетъ смыслъ: я его прибилъ. Впрочемъ, для обозначенія прошедшаго времени въ китайскомъ языкѣ употребляется иногда слово ля въ первой тональной модификаціи; по буквальному своему смыслу оно значитъ: готовый, но, будучи помѣщено посреди фразы, оно придаетъ ея сказуемому, особенно при двукратномъ повтореніи, оттѣнокъ прошедшаго времени. Такъ слова: во чи-ля (произносятся слитно) фанъ-ля, — буквально: я ѣсть-готовый рисъ готовый,—имѣютъ такой смыслъ: я поѣлъ рису. Только, къ сожалѣнію, китайцы не всегда употребляютъ означенное слово однообразно, но иногда повторяютъ его въ фразѣ два раза, иногда лишь одинъ разъ, а то часто и вовсе опу-

Digitized by Google

скаютъ его, и тогда опредѣлить время совершенія дѣйствія, происходитъ ли оно въ настоящемъ, прошедшемъ или будущемъ, является крайне затруднительнымъ. Вслѣдствіе такого и иныхъ подобныхъ ему опущеній и сокращеній, нерѣдко встрѣчающихся въ рѣчи китайца, понять послѣднюю вполнѣ правильно для иностранцевъ очень не легко. Для нихъ весьма часто серіознымъ камнемъ преткновенія служитъ такое выраженіе: на-чу; буквально оно значитъ: взять идти; но вѣдь это можетъ имѣть и такой смыслъ: взять что-нибудь и потомъ удалиться, то-есть, другими словами, унести что-нибудь съ собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и можетъ означать: пойти за чѣмъ-нибудь. И подобныхъ двусмысленностей въ китайскомъ языкѣ не мало.

Однако, при всемъ томъ, для ежедневнаго обихода европейцу вовсе не такъ трудно запомнить извѣстное число китайскихъ словъ, а затѣмъ объясняться съ помощью ихъ для него уже совсѣмъ не мудрено, особенно вслѣдствіе полной неизмѣняемости ихъ грамматической формы. Но когда тому же европейцу приходится бесѣдовать на китайскомъ языкѣ о болѣе или менѣе важныхъ матеріяхъ, то отсутствіе грамматическихъ формъ даетъ ему себя сильно чувствовать, при чемъ представляются особенно большія затрудненія при выраженіи различныхъ оттѣнковъ серіозныхъ идей. Въ подобныхъ случаяхъ эти затрудненія обыкновенно такъ велики, что только путемъ продолжительнаго изученія и долголѣтней практики можно научиться китайскому языку настолько, насколько оно потребно хотя бы для самой скромной миссіонерской дѣятельности, если только не наталкиваться въ ней на массу недоразумѣній, вызываемыхъ самыми свойствами китайскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ этими же свойствами обусловливается и полная невозможность введенія въ Китаѣ чего-либо похожаго на нашъ алфавитъ, къ чему одно время довольно сильно стремились особенно іезуиты, имѣя въ виду затѣмъ организовать тамъ печатаніе китайскихъ литературныхъ произведеній, а, главнымъ образомъ, журналовъ и газетъ, латинскимъ шрифтомъ съ примѣненіемъ пріемовъ нашего набора. На основаніи всего вышеизложеннаго не трудно, кажется, придти къ убѣжденію, что это представляется такою задачей, которую удовлетворительно рѣшить почти невозможно.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ китайцы справляются съ пріисканіемъ и образованіемъ въ своемъ языкѣ выраженій для новыхъ понятій, могущественно вторгнувшихся къ нимъ вмѣстѣ съ европейцами и ихъ культурой. Такъ, термометръ китайцы называютъ Ханъ-Шу-Пьяу, что значитъ часы холода и тепла; подобнымъ же образомъ барометру они даютъ названіе часовъ вѣтра и дождя. Для парохода они придумали выраженіе: колесно-огневой корабль; электричеству они даютъ названіе дыханія молніи; телеграфъ носитъ у нихъ имя молніеносной проволоки, а телеграмма—молніеноснаго письма. И примѣровъ подобныхъ приспособленій китайскаго языка къ новымъ понятіямъ, внесеннымъ въ Китай европейцами, можно было бы привести множество. Иногда китайцы рѣшаются даже на заимствованіе цѣлыхъ словъ изъ иностранныхъ языковъ, хотя подобное заимствованіе рѣдко бываетъ у нихъ удачнымъ. Такъ, нашу тонну они превратили въ тунъ, а миллиметръ—въ ми-ли-мот-танъ. Но кто бы узналъ въ ихъ словѣ ай-ти-мей-тунъ наше слово ультиматумъ, а въ ихъ по-ли-си-тьенъ-те наше слово президентъ?..

X.

Европейцы въ Китаѣ.

Трудности, съ которыми сопряжено для иностранцевъ изученіе китайскаго языка, столь несроднаго намъ какъ по своему духу, такъ и по своему складу, всегда служили немаловажнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы мы могли основательнѣе ознакомиться съ китайскою культурой, тѣмъ болѣе, что послѣдняя имѣетъ, какъ мы не разъ указывали выше, крайне своеобразный характеръ. Культура эта является результатомъ тысячелѣтняго обособленія китайцевъ отъ всего остального міра и развилась исключительно изъ элементовъ, которые съ самаго начала легли въ ея основаніе, безъ всякаго дѣйствія на нихъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній. Это имѣло, между прочимъ, своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ то, что въ китайцахъ развилось и сильно укоренилось чувство полнѣйшаго не-

Digitized by Google

довѣрія ко всему иностранному. Да и дѣйствительно, вѣдь, если мы обратимся къ прошлому Китая, то прежде всего встрѣчаемся съ тѣмъ обстоятельствомъ, что китайцы вплоть до послѣдняго времени были окружены со всѣхъ сторонъ почти исключительно однѣми только дикими народностями, стоящими на самой низкой степени цивилизаціи. Такъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Китаемъ находятся лишь такія мѣстности, какъ пустыня Гоби съ бродящими по ней номадами, затѣмъ суровое и малодоступное Тибетское плоскогорье, наконецъ, сибирская тайга, посѣщавшаяся долгое время одними только тунгусами да гольдами, которые изрѣдка заходили туда для охоты за дикими звѣрями. Если же китайцы и приходили въ соприкосновеніе съ нѣсколько болѣе культурными народностями, каковы японцы, корейцы или обитатели сосѣднихъ областей Тонкина, Аннама, Сіама, Бирмы, то вѣдь и эти народности долго находились въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Китайской имперіи, платили китайцамъ дань и, что, пожалуй, важнѣе, заимствовали отъ нихъ почти всю свою культуру. Вотъ почему китайцы издавна привыкли смотрѣть на себя какъ на единственную въ свѣтѣ независимую большую націю, занимающую исключительное положеніе въ самомъ центрѣ вселенной. И, конечно, такое воззрѣніе ихъ на самихъ себя могло бы поколебаться только послѣ болѣе продолжительнаго знакомства и болѣе тѣсныхъ сношеній съ Европой. Однако, хотя эти сношенія, какъ уже упоминалось ранѣе, на страницахъ настоящихъ очерковъ, и начались сравнительно давно, но они никогда не отличались постоянствомъ и прерывались нерѣдко въ теченіе очень продолжительныхъ періодовъ. Когда Китай, оградивъ себя Великою стѣною отъ возможности вторженія въ свою территорію сосѣднихъ номадовъ монгольскаго происхожденія, —что окончательно произошло около 220 года до Р. Х., въ царствованіе великаго императора Си-Хвангъ-Ти,—затѣмъ окончательно организовался въ сильное, стройное и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно устроенное государство, то онъ попытался было расширить свои тогдашніе предѣлы. Это, конечно, могло произойти лишь по направленію къ западу; и вотъ, около 94 года по Р. Х., маститый китайскій полководецъ Пан-Чау съ большимъ войскомъ двинулся черезъ Памиръ. Въ своемъ побѣдоносномъ шествіи онъ достигъ на слѣдующій годъ береговъ Каспійскаго моря и это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ моментовъ во всемірной исторіи, когда два величайшихъ тогдашнихъ государства, Римъ и Китай, очутились такимъ образомъ почти въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, раздѣленныя лишь Каспіемъ. Казалось, пройдетъ еще мгновеніе—и они войдутъ между собою въ непосредственныя сношенія. И неизвѣстно еще, какое тогда приняла бы направленіе всемірная исторія, а вмѣстѣ съ нею и вся наша культура. Но совершиться этому міровому событію воспрепятствовали изъ своекорыстныхъ расчетовъ пареяне, которымъ вовсе не улыбалась перспектива лишиться вслѣдствіе этого многочисленныхъ выгодъ, выпадавшихъ на ихъ долю отъ торговаго посредничества между обоими великими народами, и которые поэтому употребили всѣ свои усилія для того, чтобы воспрепятствовать посылкѣ китайцами, какъ тѣ уже было намѣревались, большого торжественнаго посольства въ Римъ. Они указывали имъ, между прочимъ, на громадныя, будто бы трудности предстоявшаго имъ въ такомъ случаѣ пути, продолжительность котораго, по ихъ словамъ, не могла быть менѣе двухъ-трехъ лѣтъ. Это заставило китайцевъ призадуматься, а вскорѣ потомъ, именно въ 120 году по Р. Х., послѣдніе покинули совсѣмъ области, прилегавшія къ Каспійскому морю и расположенныя по Оксусу и Яксартѣ, и возвратились обратно въ Центральную Азію.

Не касаясь здѣсь болѣе ни римскихъ посольствъ, которыя, по китайскимъ источникамъ, будто бы посѣтили Китай около II—III вѣка нашей эры, ни пребыванія въ Китаѣ Марка Поло, такъ какъ объ этомъ упоминалось уже ранѣе, перейдемъ прямо къ позднѣйшимъ сношеніямъ европейцевъ съ китайцами, о чемъ выше мы говорили лишь вскользь.

Изъ всѣхъ народовъ Европы португальцамъ прежде всѣхъ удалось завязать непосредственныя сношенія съ Небесною Имперіей. Когда они подчинили своей власти Гоа въ Индіи и полуостровъ Малакку, корабли ихъ направились дальше на востокъ и въ 1514 году впервые очутились вблизи китайскихъ береговъ; однако, пристать къ нимъ на сей разъ они не смогли или, вѣр-

Digitized by Google

рѣе, не рѣшились. Но затѣмъ, въ 1514 году португальцы снарядили въ Китай цѣлую эскадру, состоявшую изъ четырехъ кораблей, подъ командою Переца де-Андраде, къ которымъ было присоединено еще четыре же малайскихъ судна. Эскадра эта достигла устья Чу-Кіанга—Жемчужной рѣки, и Андраде лично провелъ два судна изъ ея состава вверхъ по теченію, вплоть до самаго Кантона; затѣмъ оттуда онъ долженъ былъ поспѣшно возвратиться, такъ какъ получилъ извѣстіе, что на остальные шесть кораблей напали морскіе разбойники и взяли ихъ въ плѣнъ. Однако, уже въ слѣдующемъ году братъ Переца де-Андраде, Симонъ, снова возвратился къ берегамъ Китая. Ему даже посчастливилось тамъ занять островъ Санъ-Сьянъ и построить на немъ фортъ. Послѣдній и былъ первымъ европейскимъ поселеніемъ на китайской территоріи. Впрочемъ, просуществовалъ этотъ фортъ недолго, и уже въ 1521 г. Андраде принужденъ былъ оттуда удалиться, такъ какъ не сумѣлъ поладить съ китайцами. Однако, все-таки означенная экспедиція не осталась совершенно безъ результатовъ. Пока время шло, португальцы успѣли произвести нѣсколько изслѣдованій китайскихъ береговъ и даже основать нѣсколько сѣвернѣе упомянутаго форта, въ большомъ китайскомъ городѣ Нингъ-По другое свое поселеніе, которое, благодаря крайне выгодной торговлѣ съ туземнымъ населеніемъ, скоро такъ разрослось, что двадцать лѣтъ спустя состояло уже изъ нѣсколькихъ сотенъ домовъ, имѣло нѣсколько церквей, двѣ больницы и даже собственную ратушу, такъ какъ пользовалось правомъ самоуправленія. Но процвѣтаніе и этого поселенія португальцевъ продолжалось очень недолго. Не прошло и двухъ десятковъ лѣтъ, какъ жители его, состоявшіе по большей части изъ различныхъ искателей приключеній, обладавшихъ весьма смутными понятіями о нравственности, оказались въ сильныхъ неладахъ съ китайцами. Наконецъ, раздоры эти настолько обострились, что въ 1545 году, по приказанію мѣстнаго дзюнъ-дзяна, всѣ португальскіе склады съ товарами были истреблены китайцами, при чемъ убито также до 12000 христіанъ, въ томъ числѣ около 800 португальцевъ, и сожжено 23 корабля ихъ. Однако, португальцы находили торговыя сношенія съ китайцами настолько для себя выгодными, что даже подобная катастрофа не устрашила ихъ, не заставила примириться съ неудачами и отказаться отъ дальнѣйшей коммерціи въ Китаѣ. Почти тотчасъ же послѣ этого происшествія они устроили новую колонію въ Чин-шу, въ провинціи Фо-Кіенъ; но и она въ 1549 году была раззорена до-тла китайцами, и почти все ея населеніе истреблено, такъ что изъ 500 португальцевъ, проживавшихъ тамъ, спаслось отъ страшной смерти не болѣе 30 человѣкъ. Тогда португальцы вновь перенесли свое поселеніе къ устью Жемчужной рѣки, гдѣ они первоначально было основались, и, будучи дружелюбно приняты жителями Кантона, которые тоже находили для себя большую выгоду вести съ ними торговлю, водворились тамъ въ г. Макао. Вскорѣ послѣ того они пріобрѣли въ послѣднемъ участокъ земли, съ правомъ строить на немъ дома, а также заложить гавань, и съ тѣхъ поръ Макао сталъ португальской колоніей, которую они удерживаютъ за собою до настоящаго времени.

Португальцы не разъ отправляли свои посольства и въ самый Пекинъ. Во главѣ перваго изъ такихъ посольствъ стоялъ Томасъ Пиресъ. Три года употребило оно на то, чтобы изъ Кантона добраться до Пекина. Но пріемъ, оказанный ему тамъ, былъ очень суровый. Пекинскому двору тонъ вѣрительныхъ писемъ, привезенныхъ Пиресомъ, показался до того дерзкимъ, что отдано было распоряженіе схватить самого посланника и отослать его подъ стражею обратно въ Кантонъ для примѣрнаго наказанія; тамъ онъ и былъ казненъ въ 1523 году. Второе посольство снаряжено было португальцами въ половинѣ XVI вѣка; но оно не доѣхало до Китая, такъ какъ корабль, на которомъ оно отправилось въ путь, потерпѣло крушеніе у береговъ Малакки. Затѣмъ извѣстно еще о трехъ португальскихъ посольствахъ къ пекинскому двору, посѣтившихъ его въ 1667, 1726 и 1753 годахъ. Правда, всѣ они приняты были пекинскимъ дворомъ гораздо благосклоннѣе, чѣмъ первое, и даже одарены богатыми подарками, но никакихъ выгодъ ни въ политическомъ, ни въ коммерческомъ отношеніи имъ отъ китайскаго правительства добиться не удалось, а между тѣмъ при своемъ представленіи императорамъ имъ пришлось подвергнуться

Digitized by Google

крайне унизительному церемоніалу. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ англичане устроили свою факторію на другомъ берегу Чу-Кіанга, въ Гонконгѣ, португальскій Макао сталъ постепенно терять почти всякое торговое значеніе и нынѣ только одними своими дворцами, церквами да башнями напоминаетъ о своемъ прежнемъ величіи. Въ настоящее время улицы его, когда-то кипѣвшія столь оживленною дѣятельность, тихи и безмолвны, и только одна еще приманка осталась въ немъ—это азартная игра. Послѣдняя процвѣтаетъ тамъ во всевозможныхъ формахъ,—и въ видѣ различныхъ лотерей, и въ видѣ баккара, называемаго также макао, по имени самаго города, и особенно въ видѣ фан-таны, этой излюбленной игры китайцевъ, нерѣдко проигрывающихъ въ нее цѣлыя состоянія. Въ сущности, можно сказать, что Макао, этотъ нѣкогда знаменитый торговый пунктъ въ Китаѣ, представляетъ собою нынѣ не болѣе, какъ собраніе многочисленныхъ игорныхъ домовъ, доставляющихъ въ совокупности немалые доходы португальскому правительству. Такъ все измѣняется во времени!

Пытались завести сношенія съ китайцами и испанцы. Филиппъ II, король испанскій, по завоеваніи Филиппинскихъ острововъ въ 1577 году снарядилъ въ Китай экспедицію какъ съ торговыми, такъ и съ миссіонерскими цѣлями; но она не имѣла ни малѣйшаго успѣха и не доставила испанцамъ никакихъ выгодъ, такъ что единственнымъ результатомъ ея дѣятельности можно считать лишь сдѣланное ею довольно цѣнное описаніе Небесной Имперіи. Голландцы, которые въ былое время всюду по пятамъ слѣдовали за испанцами и португальцами, также не преминули попробовать завязать съ Китаемъ торговыя сношенія, но были энергично вытѣснены оттуда португальцами. Тогда они въ 1624 году устроили свои склады на островѣ Формозѣ, но въ 1662 году принуждены были удалиться съ громадными потерями и оттуда. Чтобы вознаградить себя за такія неудачи, они бросились послѣ этого на сосѣднюю Японію, торговлю съ которою и монополизировали на долгое время въ своихъ рукахъ

Что же касается англичанъ,—этого по преимуществу торгашескаго народа,—то они появились въ Китаѣ сравнительно довольно поздно. Лишь въ 1637 году прибыла въ Кантонъ первая англійская эскадра изъ четырехъ хорошо вооруженныхъ кораблей, подъ начальствомъ капитана Ведделя, имѣя цѣлью завязать торговыя сношенія съ китайцами. Но, вѣроятно, вслѣдствіе интригъ португальцевъ англичане были очень плохо приняты въ Кантонѣ и даже подверглись со стороны китайцевъ нападенію, которое принуждены были отразить силою оружія. Затѣмъ, болѣе или менѣе регулярная торговля англичанъ съ Кантономъ,—въ Макао португальцы ихъ такъ и не пустили,—началась съ 1664 года. Вначалѣ она имѣла незначительные обороты и стала развиваться лишь съ 1736 года, а къ концу XVIII столѣтія уже заняла преобладающее положеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Англія начала ввозить въ Китай свой опіумъ изъ Индіи. Произошло это такимъ образомъ: около середины XVIII вѣка очень усилилось въ Европѣ потребленіе китайскаго чаю; вмѣстѣ съ тѣмъ значительно возросъ и вывозъ изъ Китая шелка, какъ сырца, такъ и въ издѣліяхъ. Вслѣдствіе этого европейскіе купцы, чтобы избѣгнуть постояннаго пассивнаго баланса, должны были по неволѣ обратить вниманіе на то, чтобы подыскать для ввоза въ Китай какой-нибудь такой товаръ, который имѣлъ бы тамъ обширное потребленіе и потому могъ бы ввозиться туда въ значительныхъ количествахъ. Вотъ англичане и нашли такой товаръ въ опіумѣ, который тогда былъ въ очень дорогой цѣнѣ у китайцевъ. Въ 1773 году Остъ-Индская компанія, имѣвшая монополію торговли въ Индіи, гдѣ выдѣлывался опіумъ, привезла въ Китай первые ящики означеннаго продукта, а затѣмъ вскорѣ привозъ его возросъ до многихъ тысячъ ящиковъ, по 140 фунтовъ каждый. Вслѣдствіе этого прошло немного времени, какъ Кантонъ, въ качествѣ единственнаго пункта, открытаго для ввоза европейскихъ товаровъ, уже пересталъ удовлетворять англичанъ, и они въ 1788 году отправили къ китайскому императору посольство съ цѣлью добиться открытія для европейской торговли еще нѣсколькихъ китайскихъ гаваней. Но посланникъ ихъ, полковникъ Кэткартъ, умеръ въ дорогѣ, и потому въ 1792 году та же миссія была возложена на лорда Макертнея. Хотя это послѣднее посольство,—чтобы увеличить его престижъ въ глазахъ китайцевъ,—и было обставлено большою помпой, однако оно не добилось никакихъ

Digitized by Google

удовлетворительныхъ результатовъ. Не лучшая участь постигла и слѣдующее англійское посольство, отправленное въ Пекинъ въ 1816 году; оно даже не было принято китайскимъ императоромъ, такъ какъ отказалось подчиниться китайскому церемоніалу на аудіенціи.

Пока англійская торговля опіумомъ находилась въ рукахъ Остъ-Индской компаніи, она развивалась довольно мирнымъ образомъ; но когда монополія этой компаніи была въ 1834 году уничтожена, то ввозъ опіума въ Китай принялъ такіе невѣроятные размѣры, что пекинское правительство сочло необходимымъ принять нѣкоторыя серіозныя мѣры противъ отравленія своихъ подданныхъ этимъ ядомъ. Это очень не понравилось Англіи и вызвало дипломатическое вмѣшательство ея въ пользу англійскихъ торговыхъ фирмъ. Когда же и такимъ образомъ ей не удалось добиться свободы отравлять по своему произволу китайцевъ, то она не задумалась объявить Китаю знаменитую войну «изъ-за опіума», цѣль которой была, несомнѣнно, совершеннымъ позоромъ для европейской культуры. Война эта надолго унизила насъ въ глазахъ всей Восточной Азіи. Кончилась она несчастливо для Китая договоромъ, въ силу котораго Англія не только взыскала съ китайцевъ 21 милліонъ долларовъ военной контрибуціи, но и добилась открытія для европейской торговли, кромѣ Кантона, еще четырехъ портовъ: Амоя, Фу-Чеу, Нингъ-По и Шанхая.

Успѣхи Англіи тотчасъ же возбудили соревнованіе во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Оба эти государства, съ своей стороны, тоже принудили китайское правительство, путемъ угрозъ, заключить съ ними торговые договоры, которые и были подписаны: съ первой державой—25-го августа 1845 года, а со вторыми—3 іюля 1844 года. Означенными договорами имъ предоставлялись тѣ же самыя права, что и Англіи, и съ тѣхъ поръ Франція постоянно выступаетъ въ Китаѣ рядомъ съ послѣдней, подозрительно сторожа тамъ каждый шагъ ея и, гдѣ только возможно, дѣйствуя съ нею заодно. Скоро оба эти государства получили возможность сдѣлать еще одинъ шагъ на пути вмѣшательства въ дѣла Китая. Въ іюнѣ 1856 года былъ тамъ убитъ одинъ католическій миссіонеръ, и около того же времени получилъ неизвѣстно по чьей винѣ поврежденіе какой-то англійскій корабль. Тотчасъ же въ первое дѣло вмѣшалась Франція, въ качествѣ защитницы и покровительницы католицизма въ Китаѣ, а по поводу поврежденія корабля заявила свои претензіи Англія, какъ обязанная вступаться тамъ за интересы своихъ подданныхъ. Предложенное пекинскимъ правительствомъ удовлетвореніе показалось и той и другой изъ нихъ недостаточнымъ, и въ результатѣ разразилась новая война, которую Англія и Франція вели противъ Китая уже совмѣстно. Началась эта война тѣмъ, что обѣ воюющія державы заняли Кантонъ, а окончилась штурмомъ фортовъ въ Таку и оккупаціей Тянь-Цзина. Китайцы опять были разбиты и принуждены заключить невыгодный для себя мирный договоръ. А затѣмъ наступили несчастные для Китая 1862—64 годы, когда съ такою силою разразилось тамъ возстаніе Тайпинговъ. Оба союзника, конечно, не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы укрѣпиться еще болѣе въ Небесной Имперіи, и вотъ мы видимъ, что посланникамъ ихъ уже разрѣшено постоянное пребываніе въ Пекинѣ. Затѣмъ Франціи еще разъ пришлось воевать съ Китаемъ въ началѣ 80-хъ годовъ изъ-за Тонкина. Что же касается до Англіи, то она послѣ успѣховъ, достигнутыхъ въ 60-хъ годахъ, устремила всѣ свои усилія на то, чтобы подчинить себѣ въ экономическомъ отношеніи богатую и густо населенную область рѣки Янъ-Тзы-Кіанга, стараясь забрать исключительно въ свои цѣпкія руки этотъ наиболѣе цѣнный кусокъ Небесной Имперіи. Вообще англичане, какъ извѣстно, великіе мастера выбирать для своихъ поселеній и колоній самыя удобныя и цѣнныя мѣста. Такъ, въ Европѣ они захватили Гибралтаръ и Мальту, въ Азіи у Краснаго моря—Аденъ, у Зондскаго пролива—Сингапуръ,—все пункты, имѣющіе первостепенное значеніе въ морскомъ отношеніи. Совершенно въ томъ же родѣ и Гонконгъ, которымъ англичане владѣютъ въ Китаѣ. Городъ этотъ лежитъ нѣсколько восточнѣе устья Чу-Кіанга. Гавань его представляетъ собой закрытую со всѣхъ сторонъ бухту, въ родѣ фіорда, и принадлежитъ къ числу лучшихъ въ мірѣ. Когда-то, еще до появленія здѣсь англичанъ, то мѣсто, на которомъ расположенъ Гонконгъ, было почти голою скалой; въ настоящее время тутъ построенъ громадный, цвѣтущій городъ, съ

Digitized by Google

прекрасными, широкими улицами, роскошными дворцами и тѣнистыми садами, являющійся вообще образцомъ благоустройства. Прежде постоянные міазмы порождали здѣсь сильнѣйшія лихорадки, вслѣдствіе чего Гонконгъ считался очень нездоровою мѣстностью; нынѣ же, благодаря заботамъ британскаго правительства, санитарное состояніе города настолько улучшилось, что онъ сдѣлался какъ бы санаторіей для англичанъ, принужденныхъ подолгу проживать въ Китаѣ. Климатъ въ Гонконгѣ чисто тропическій, и температура колеблется между 35 и 2 градусами по Цельзію; впрочемъ, означенныхъ крайнихъ предѣловъ достигаетъ она тамъ крайне рѣдко. Снѣгъ никогда не идетъ въ Гонконгѣ, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ Кантонѣ ни одна зима не обходится безъ него. Но зато Гонконгъ подверженъ страшнымъ ураганамъ, причиняемымъ свирѣпымъ тифономъ. Въ 1874 году тифономъ было разрушено здѣсь болѣе тысячи домовъ и потоплено 33 большихъ корабля, кромѣ множества болѣе мелкихъ судовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же во время урагана погибло нѣсколько тысячъ людей. Вотъ почему всѣ зданія въ Гонконгѣ построены не иначе, какъ изъ камня, и притомъ очень солидно, чтобы они вполнѣ могли противостоять силѣ тифона.

Изъ остальныхъ европейскихъ государствъ,—кромѣ Россіи, почти всегда жившей въ полномъ мирѣ съ Китаемъ и никогда не стремившейся къ насильственному захвату какой-либо части его территоріи,—вторгнулась въ Китай недавно еще Германія. Хотя нѣмецкіе купцы и посѣщали съ торговыми цѣлями Небесную Имперію еще во времена Ганзы, но формальный торговый договоръ былъ заключенъ между китайскимъ и прусскимъ правительствомъ лишь въ 1861 году, но при этомъ послѣднее не получило никакихъ территоріальныхъ уступокъ. Когда же Германія послѣ франко-прусской войны объединилась окончательно, то она, желая играть роль великой колоніальной державы, не сочла уже возможнымъ мириться съ такимъ положеніемъ своимъ въ Китаѣ. И вотъ въ 1897 году, воспользовавшись, какъ предлогомъ, убійствомъ двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, она послала къ китайскимъ берегамъ эскадру изъ нѣсколькихъ военныхъ судовъ и принудила пекинское правительство уступить себѣ бухту Кіао-Шау на юго-восточномъ берегу Шантунгскаго полуострова съ цѣлью устроить здѣсь нѣмецкое поселеніе. Извѣстно, что насилія, учиненныя при этомъ нѣмцами, и послужили ближайшимъ поводомъ къ тѣмъ прискорбнымъ событіямъ, которыя нынѣ происходятъ въ Китаѣ.

До настоящаго времени для иностранцевъ открытъ былъ доступъ въ 26 китайскихъ городовъ и портовъ. Нужно ли говорить, что въ это число входитъ и столица Небесной Имперіи—Пекинъ? Впрочемъ, тамъ проживаютъ исключительно почти одни только посланники, аккредитованные при пекинскомъ дворѣ, съ ихъ штатомъ, да еще кое-кто изъ миссіонеровъ. О самомъ Пекинѣ мы говорили уже ранѣе; и теперь можемъ дополнить только, что, несмотря на крайнюю непривлекательность этого города съ внѣшней стороны, въ немъ все-таки есть нѣсколько зданій очень замѣчательныхъ по своей красотѣ или по своему историческому значенію. Конечно, на первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить императорскій дворецъ, находящійся въ самомъ центрѣ Пекина. Дворецъ этотъ расположенъ среди великолѣпнаго парка со множествомъ храмовъ, павильоновъ, рощъ, большихъ прудовъ; послѣдніе находятся по преимуществу въ западной части священнаго города, заключающаго въ себѣ дворецъ. Черезъ пруды эти мѣстами перекинуты прекрасные мраморные мостики, а на поверхности ихъ водъ цвѣтутъ красные лотосы и другія роскошныя водяныя растенія. Тутъ же находится и искусственный холмъ Чингъ-Шанъ, иначе называемый Мей-Шанъ (угольный холмъ), замѣчательный, между прочимъ, тѣмъ, что въ одномъ изъ сооруженныхъ на немъ павильоновъ покончилъ съ собою послѣдній императоръ изъ династіи Минговъ, когда получилъ извѣстіе о занятіи манчжурами китайской части Пекина и даже самаго императорскаго дворца. Изъ другихъ зданій въ Пекинѣ слѣдуетъ отмѣтить: Цзунъ-Ли-Ямынь, большіе экзаменаціонные залы, въ которыхъ производятся государственные экзамены, обсерваторію, ламайскій монастырь, храмъ въ честь Конфуція, залу классиковъ, русскую миссію, старѣйшую въ Пекинѣ церковь римско-католической миссіи и два католическихъ собора. Замѣчательно, что послѣдніе расположены внутри священной императорской части Пекина.

Но главная масса иностранцевъ,—по свѣ-

Digitized by Google

дѣніямъ за 1898 годъ, въ Китаѣ числилось 13421, изъ нихъ 5148 англичанъ,—проживаетъ, конечно, не въ Пекинѣ, а въ различныхъ китайскихъ портовыхъ городахъ и притомъ по преимуществу на участкахъ, или купленныхъ въ собственность, или арендованныхъ на очень продолжительные сроки; такіе участки носятъ тамъ обыкновенно названіе «концессій». Самой большой изъ подобныхъ иностранныхъ концессій въ Небесной Имперіи является, безспорно, европейская часть Шанхая. Она состоитъ, собственно, изъ трехъ концессій: англійской, американской и французской, хотя это вовсе не значитъ, что представители различныхъ національностей размѣщаются тамъ на совершенно отграниченныхъ другъ отъ друга участкахъ. Нѣтъ, тамъ каждый живетъ, гдѣ ему вздумается; такъ, американское консульство расположено въ предѣлахъ англійской концессіи, а нѣмецкое — среди американской. Но, вообще говоря, главнымъ центромъ всей колоніи является англійская «концессія», гдѣ, между прочимъ, сосредоточивается почти вся Шанхайская внѣшняя торговля. Первоначально, когда основывалось европейское поселеніе въ Шанхаѣ, имѣлось въ виду лишь устройство тамъ товарныхъ складовъ въ родѣ тѣхъ, какіе существуютъ во многихъ портахъ Китая. Поэтому китайское правительство и не усомнилось уступить здѣсь англичанамъ небольшой участокъ земли, очевидно, никакъ не предполагая, что изъ этого зерна вырастетъ впослѣдствіи цѣлый большой, вполнѣ европейскій городъ, который отодвинетъ на задній планъ самый Гонконгъ, подобно тому, какъ послѣдній отодвинулъ Макао. Повидимому, и сами иностранцы никакъ этого не ожидали. Поэтому англійская концессія въ Шанхаѣ донынѣ имѣетъ видъ заурядного провинціальнаго города съ узкими, немощеными улицами, на которыхъ при самомъ незначительномъ вѣтрѣ подымаются цѣлые столбы пыли, и съ низенькими домиками, стѣны которыхъ обросли дикимъ виноградомъ. Только за послѣднее время тамъ появилось нѣсколько большихъ пяти и шестиэтажныхъ домовъ, да и то больше вслѣдствіе значительнаго поднятія цѣнъ на землю, почему строителямъ по неволѣ пришлось болѣе подниматься вверхъ, чѣмъ прежде.

Порядокъ и общественная безопасность въ англійской части Шанхая вполнѣ образцовые. Полиція организована тамъ совершенно по-европейски, хотя она и состоитъ не изъ однихъ только европейцевъ, а также изъ китайцевъ и даже индусовъ, нерѣдко занимающихъ въ ней мѣста констеблей. Что же касается до городского управленія, то оно организовано тамъ на началахъ полнаго самоуправленія. Общимъ голосованіемъ всѣхъ гражданъ, платящихъ налоги, избирается на одинъ годъ особый муниципальной совѣтъ, члены котораго затѣмъ уже изъ своей среды выбираютъ бургомистра. По окончаніи года муниципальный совѣтъ даетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ избирателямъ; если послѣдніе почему-либо недовольны дѣйствіями совѣта въ теченіе года, то никто не можетъ помѣшать имъ смѣнить членовъ совѣта и ранѣе окончанія срока, на который тѣ выбраны. Подобный случай и былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда кули вздумали было поднять бунтъ въ виду предполагавшагося возвышенія нѣкоторыхъ налоговъ. Случилось такъ, что совѣтъ, испугавшись ихъ угрозы напасть на европейскіе кварталы, отложилъ свое намѣреніе возвысить налоги; тогда граждане, недовольные такою уступчивостью, составили собраніе, смѣстили его и вмѣсто него выбрали новый совѣтъ, обязавъ его принять строгія мѣры къ подавленію бунта, затѣяннаго кули. Въ вѣдѣніи муниципальнаго совѣта состоитъ также и американская концессія, образующая изъ себя, въ сущности, часть города Шанхая, прилегающую къ гавани, гдѣ расположены по преимуществу лавки съ различными товарами, относящимися къ снаряженію судовъ, да разныя увеселительныя мѣста для матросовъ. Что же касается до французской «концессіи», то она управляется самостоятельно, хотя и расположена въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ англійской частью Шанхая; тамъ существуетъ свой отдѣльный муниципальный совѣтъ, а главнымъ начальникомъ города является французскій консулъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ французы постарались устроить этотъ уголокъ свой по возможности на парижскій ладъ. Главныя улицы тамъ обсажены платанами, вездѣ электрическое освѣщеніе, повсюду проведена вода, есть нѣсколько дѣйствительно прекрасныхъ зданій; между ними особенно выдѣляется домъ, гдѣ помѣщается консульство и живетъ самъ консулъ. Къ сожалѣнію, французская часть Шанхая сравнительно

Digitized by Google

еще мало населена европейцами, и большинство ея улицъ до сихъ поръ застроено низенькими деревянными домиками, принадлежащими китайцамъ, которые охотно селятся здѣсь, благо французская концессія непосредственно примыкаетъ къ китайской части Шанхая.

Все европейское населеніе Шанхая равняется приблизительно тремъ тысячамъ человѣкъ. Но такъ какъ большинство его состоитъ изъ дѣловыхъ людей, занятыхъ съ утра и до поздняго вечера, то общественная жизнь развита здѣсь сравнительно очень мало. Театра не существуетъ, хотя и имѣется особое зданіе для театральныхъ представленій; концерты бываютъ также очень рѣдко; очевидно, для нихъ, какъ и для театра, нѣтъ достаточно многочисленной публики; клубныя собранія какъ-то совсѣмъ не прививаются, такъ что вообще европейцы живутъ тамъ, какъ въ ссылкѣ, и единственно чѣмъ они иногда еще развлекаются — это спортъ, который получилъ въ Шанхаѣ довольно широкое развитіе. При этомъ особенною любовью пользуется тамъ лаунъ-теннисъ, любители котораго образуютъ многочисленные кружки. Но особенно оригинально слагается въ Шанхаѣ домашняя жизнь. Прислуга тамъ состоитъ почти исключительно изъ китайцевъ, которые очень исполнительны, аккуратны, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень не любятъ хозяйскаго вмѣшательства. Поэтому въ Шанхаѣ хозяйка чѣмъ меньше станетъ заниматься хозяйствомъ, тѣмъ дѣло идетъ лучше. Китайскіе слуги очень привыкаютъ къ своимъ господамъ; но при покупкѣ провизіи и вообще всего того, что нужно для домашняго обихода, они никогда не обходятся безъ того, чтобы не увеличить нѣсколько въ свою пользу цѣны купленныхъ продуктовъ. Съ этимъ по неволѣ приходится мириться, тѣмъ болѣе, что китайцы считаютъ себя совершено въ правѣ дѣлать это, нисколько не признавая такихъ надбавокъ за воровство. Разъ какъ-то одна хозяйка вздумала было упрекнуть своего слугу—китайца, что онъ нажилъ немного при покупкѣ бутылки вина. Онъ съ полнымъ хладнокровіемъ и сознаніемъ своей невиновности отвѣтилъ ей: «Я могу приписывать вамъ, сколько мнѣ угодно; вѣдь ваше дѣло знать, что стоитъ бутылка вина, а вовсе не мое.» Но зато китайскій слуга, въ случаѣ необходимости, можетъ сдѣлать просто чудеса, и никакое порученіе или приказаніе не кажется ему неисполнимымъ. Такъ, былъ случай, что китайцу-повару въ 10 часовъ вечера былъ данъ внезапно приказъ приготовить немедленно ужинъ на пять человѣкъ гостей. Тотчасъ же обратился онъ къ своимъ товарищамъ—поварамъ, служившимъ по сосѣдству, добылъ у одного—жаркое, у другого—блюдо овощей, у третьяго—сыру и еще кое-какихъ закусокъ и приготовилъ такимъ образомъ вполнѣ приличный ужинъ. Даже посудой китайскіе слуги обыкновенно заимствуются другъ у друга, и нерѣдко можетъ случиться такъ, что увидишь свои собственныя тарелки за обѣдомъ въ томъ домѣ, куда явился самъ въ качествѣ приглашеннаго гостя.

Мы нѣсколько подробнѣе остановились на Шанхаѣ, ибо по тому, какъ живутъ тамъ европейцы, вполнѣ возможно судить и о жизни ихъ въ другихъ китайскихъ городахъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не придти къ заключенію, что они влачатъ тамъ скучную, однообразную жизнь изгнанниковъ, въ которой весьма мало привлекательнаго.

XI.

Какъ пала династія Минговъ.

Смуты, переживаемыя Китаемъ въ настоящее время, грозятъ серіозною опасностью не однимъ только проживающимъ тамъ иностранцамъ, а, пожалуй, еще въ большей степени самой манчжурской династіи Дайцинговъ, возсѣдающихъ нынѣ на тронѣ Дракона, такъ какъ въ результатѣ своемъ онѣ легко могутъ повести къ низложенію этой династіи. И опасность эта для Дайцинговъ тѣмъ значительнѣе, что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ дѣло уже вмѣшались многія китайскія тайныя общества изъ числа имѣющихъ своимъ основнымъ девизомъ возстановленіе на китайскомъ престолѣ прежней національной династіи Минговъ. А исторія Китая показываетъ, что насильственная перемѣна династій тамъ вовсе не представляется чѣмъ-либо необычайнымъ и что подобные факты бывали уже въ Китаѣ неоднократно въ теченіе вѣковъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, вѣдь самъ основатель настоящей манчжурской династіи Дайцинговъ достигъ китайскаго престола

Digitized by Google

послѣ низложенія той самой династіи Минговъ, о возстановленіи которой нынѣ хлопочутъ многіе въ Китаѣ. Случилось это событіе въ 1644 году нашей эры. Въ то время китайскимъ императоромъ былъ Хоай-Тзунгъ, вступившій на престолъ въ 1621 г. За нѣсколько поколѣній до этого императорская резиденція была перенесена изъ мирнаго Нанкина въ Пекинъ, лежащій гораздо сѣвернѣе, почти у самой Великой Стѣны, которая ограждаетъ Китайскую имперію отъ степей, занятыхъ кочевками сѣверныхъ варваровъ. И такая мѣра имѣла глубокое политическое значеніе. Тамъ, за Великой Стѣной, находились только-что прогнанные монголы, а также все болѣе и болѣе усиливавшіеся манчжуры; поэтому сосредоточить въ наиболѣе угрожаемой ими провинціи Чили главныя военныя силы имперіи, и притомъ подъ непосредственнымъ надзоромъ самого императора, было, безъ сомнѣнія, очень важно. Но, съ другой стороны, если бы государство почему-либо ослабѣло, то положеніе столицы на самой окраинѣ могло имѣть для него роковое значеніе. Пока Чили оставалась просто одной изъ провинцій имперіи, утрата ея еще не въ состояніи была повлечь за собою гибели государства; но взятіе непріятелемъ императорской столицы, несомнѣнно, должно было имѣть рѣшающее значеніе для судьбы всего Китая. И династія Минговъ скоро испытала это на самой себѣ.

Внутреннее состояніе Китая въ началѣ XVII вѣка было уже весьма печально. Нападенія манчжурскихъ племенъ на сѣверѣ, постоянныя народныя волненія и мятежи во внутреннихъ провинціяхъ существенно подрывали его государственныя силы. Народъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ, а при дворѣ всѣмъ управляли евнухи да наложницы. Не принесло большой пользы государству и то обстоятельство, что главный совѣтчикъ предшествующаго императора, навѣты котораго приносили не мало вреда странѣ, отравился тотчасъ же послѣ кончины послѣдняго, не дожидаясь должнаго возмездія за свои темныя дѣла, или что новый императоръ издалъ нѣсколько указовъ противъ роскошной жизни, распутства и взяточничества чиновниковъ. Хоай-Тзунгъ былъ личностью съ слишкомъ слабымъ характеромъ, чтобы быть въ силахъ энергически приняться за приведеніе въ порядокъ расшатаннаго государственнаго строя. Онъ былъ слишкомъ большимъ оптимистомъ, чтобы не довѣрять тѣмъ фальшивымъ донесеніямъ о всеобщемъ благополучіи его подданныхъ, которыя постоянно преподносились ему любимцами, въ сущности управлявшими государствомъ вмѣсто него. Самъ же онъ, подобно почти всѣмъ своимъ предшественникамъ, проводилъ жизнь въ розовыхъ мечтахъ, изъ которыхъ былъ пробужденъ суровою дѣйствительностью лишь тогда, когда ему оставался одинъ только исходъ, — добровольною смертью искупить всѣ свои предъидущія ошибки и заблужденія.

Изъ всѣхъ невзгодъ, висѣвшихъ въ то время надъ Китаемъ, наибольшую опасность представляло для него вторженіе манчжуръ. Будучи вначалѣ едва замѣтною, опасность эта росла все болѣе и болѣе и, наконецъ, скоро разразилась такой грозой, отъ которой поколебались стѣны самого Пекина. Уже въ началѣ царствованія Хоай-Тзунга представлялось мало вѣроятнымъ, чтобы Китай могъ избѣжать печальной участи, которая готовилась ему со стороны манчжуръ. Народъ этотъ, родственный по своему происхожденію тунгузамъ, издавна жилъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Китайской имперіей. Онъ распадался на множество мелкихъ племенъ, постоянно враждовавшихъ между собою и ведшихъ другъ съ другомъ нескончаемыя войны. Даже тогда, когда всѣ эти племена, наконецъ, слились другъ съ другомъ, они образовали изъ себя не одинъ государственный союзъ, а цѣлыхъ четыре небольшихъ удѣла, продолжавшіе находиться между собою попрежнему во враждебныхъ отношеніяхъ, почему силы ихъ были вполнѣ парализованы, и они не казались для Китая опасными. Все время, свободное отъ военныхъ стычекъ, манчжуры посвящали охотѣ за дикими звѣрями въ своихъ лѣсистыхъ горахъ; земледѣліе же, которому они научились отъ китайцевъ, было у нихъ мало развито. Добытыя звѣриныя шкуры, равно какъ и найденные въ лѣсахъ коренья, — между которыми особенную цѣнность представлялъ собой жень-шень, — а также выловленный въ рѣкахъ жемчугъ они обыкновенно сбывали въ Китай, и императоры Мингской династіи относились довольно покровительственно къ подобной торговлѣ манчжуръ со своимъ государствомъ, тѣмъ болѣе, что это нерѣдко давало имъ поводъ вмѣшиваться во

Digitized by Google

внутреннія дѣла манчжуръ и поддерживать искуснымъ образомъ тѣ непріязненныя отношенія, которыя постоянно, въ большей или меньшей степени, существовали между отдѣльными манчжурскими племенами и особенно между ихъ князьками. И вотъ разъ случилось такъ, что одинъ изъ такихъ мелкихъ манчжурскихъ князьковъ былъ при содѣйствіи китайскихъ войскъ коварнымъ образомъ побѣжденъ своими противниками и затѣмъ преданъ смерти. Тогда 16-лѣтній сынъ его Нуръ-Хази послалъ китайскому пограничному начальнику удивительное письмо, которое тотъ прочиталъ съ большимъ изумленіемъ и счелъ затѣмъ необходимымъ тотчасъ же препроводить въ Пекинъ. Въ письмѣ тотъ молодой князекъ клялся въ своей вѣчной непримиримой ненависти къ вѣроломному Китаю и смѣло объявлялъ войну китайскому императору, хотя у него было тогда никакъ не болѣе тридцати вооруженныхъ конныхъ воиновъ. Но еще изумительнѣе было то, что это дерзкое письмо произвело, повидимому, устрашающее дѣйствіе на Пекинскій дворъ и вызвало льстивый отвѣтъ, въ которомъ китайское правительство пыталось оправдаться въ своихъ поступкахъ и какъ бы извинялось передъ своимъ врагомъ. Однако, какъ показали дальнѣйшія послѣдствія, послѣдній высказалъ свою угрозу не на вѣтеръ. Сначала онъ направилъ всѣ свои усилія на то, чтобы стать твердою ногой въ самой Манчжуріи. Въ 1583 году онъ со своими тридцатью воинами выступилъ въ походъ и послѣ цѣлаго ряда геройскихъ подвиговъ и побѣдоносныхъ битвъ подчинилъ своей власти большую часть манчжурскихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ цѣлесообразныхъ браковъ между членами различныхъ мѣстныхъ родовъ онъ добился того, что всѣ эти роды стали ясно сознавать себя однимъ народомъ, что національное чувство у нихъ развилось и стало гораздо интенсивнѣе. Это, между прочимъ, выразилось въ томъ, что монгольскій языкъ, бывшій до того времени въ обычномъ употребленіи у всѣхъ образованныхъ манчжуръ, которые исключительно только имъ пользовались на письмѣ, былъ оставленъ и введены манчжурскіе письменные знаки. На ряду съ этимъ Нуръ-Хази, или, какъ онъ сталъ теперь называться, Тай-Зу ввелъ многія важныя реформы въ своихъ войскахъ и, между прочимъ, уничтожилъ въ нихъ дѣленіе по родамъ, подъ командою родовыхъ старшинъ, а распредѣлилъ ихъ на тактическія единицы, численностью въ 300 человѣкъ каждая.

Въ 1616 году Тай-Зу, по общему желанію всего манчжурскаго народа, принялъ титулъ верховнаго повелителя манчжуръ и тѣмъ какъ бы закрѣпилъ свою власть надъ послѣднимъ. Но что же, между тѣмъ, дѣлалось въ Китаѣ, какія мѣры принимались тамъ, чтобы обезпечить государство отъ все болѣе и болѣе усиливавшагося врага? Да долгое время ровно никакихъ. Вначалѣ дерзость Тай-Зу, осмѣлившагося принять титулъ, на который имѣлъ право одинъ лишь китайскій императоръ, взволновала было Пекинскій дворъ и заставила его послать вооруженную помощь одному изъ манчжурскихъ племенъ, на которое напалъ Тай-Зу, а также отправить къ послѣднему посла съ нѣкоторыми грозными требованіями. Но Тай-Зу хорошо понималъ, что время его мести Китаю уже наступило. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ тянулъ съ Пекинскимъ дворомъ совершенно безполезные переговоры, а самъ, между тѣмъ, собиралъ войска и провіантъ, готовясь къ вторженію въ самую сѣверную изъ тогдашнихъ китайскихъ провинцій — Ліау-Тунгъ. Весною 1618 года онъ созвалъ всѣхъ своихъ военачальниковъ и, преклонивъ въ ихъ присутствіи колѣни въ храмѣ своихъ предковъ, принесъ тамъ Небу торжественную жалобу на несправедливость и вѣроломство китайцевъ; затѣмъ со своими войсками, вполнѣ раздѣлявшими какъ его негодованіе противъ Китая, такъ и его энтузіазмъ, онъ перешелъ китайскую границу, и такимъ образомъ началась та знаменательная война, которая привела династію Минговъ къ потерѣ китайскаго престола.

Провинція Ліау-Тунгъ, куда вторгнулся Тай-Зу, лежитъ между Кореей, Желтымъ моремъ и Манчжуріей. Главною составною частью ея является плодородная долина рѣки Ліау-хо и его притоковъ; на востокъ же и на западъ отъ этой долины тянутся рѣдко населенныя гористыя пространства. Манчжуры встрѣтили здѣсь весьма слабое сопротивленіе. Они быстро разбили нѣсколько китайскихъ военныхъ отрядовъ, выступившихъ противъ нихъ, заняли нѣкоторые изъ пограничныхъ городовъ, но пока этимъ только и ограничили свои непріязненныя дѣйствія и удалились тотчасъ послѣ означенныхъ побѣдъ обратно къ себѣ

Digitized by Google

на родину. Однако, китайское правительство вовсе не было расположено спокойно примириться съ подобнымъ оскорбленіемъ. Тотчасъ же собрало оно двухсотъ-тысячное войско съ цѣлью однимъ ударомъ покончить съ дерзкимъ манчжурскимъ князькомъ. Между тѣмъ созывъ этого войска, а равно и дальнѣйшихъ военныхъ отрядовъ, которые направлялись затѣмъ тоже противъ манчжуръ, имѣлъ роковыя послѣдствія для династіи Минговъ. Чтобы ясно понять это, намъ слѣдуетъ бросить хотя бы бѣглый взглядъ на тогдашнюю военную организацію Китая.

При императорахъ изъ династіи Минговъ Китай относительно пограничныхъ съ нимъ племенъ и народовъ держался почти исключительно оборонительнаго образа дѣйствій, и въ основаніе всего военнаго устройства его была положена лишь оборона собственныхъ границъ. Съ этою цѣлью во всѣхъ пограничныхъ провинціяхъ было тамъ устроено нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній, на жителяхъ которыхъ и лежала обязанность защищать государство отъ вторженія внѣшнихъ враговъ. При этомъ каждый изъ поселенцевъ получалъ въ свое владѣніе участокъ земли, который онъ и воздѣлывалъ, кормясь получаемыми съ него произведеніями. Вслѣдствіе этого въ мирное время содержаніе войска обходилось въ Китаѣ очень дешево правительству. Но какъ только это войско покидало мѣста своего постояннаго пребыванія, казна по необходимости должна была нести полностью всѣ издержки по его продовольствію, да еще, сверхъ того, выплачивать солдатамъ жалованье. Но это еще не все. Въ обычное время на солдатахъ лежало также исполненіе обязанностей полицейской службы, вслѣдствіе чего съ ихъ выступленіемъ въ походъ непремѣнно усиливались внутри страны грабежи и разбои. Разбойничьи шайки, въ которыхъ никогда не бывало недостатка въ Китаѣ, начинали дѣйствовать гораздо смѣлѣе, и мирное населеніе принуждено было много терпѣть отъ ихъ дерзости. Понятно, оно сильно возмущалось тѣмъ, что правительство оставляетъ его беззащитнымъ въ подобныхъ случаяхъ, и, въ свою очередь, начинало волноваться, вслѣдствіе чего то здѣсь, то тамъ возникали въ Китаѣ народные мятежи. А отъ этого поступленіе податей, слѣдуемыхъ съ населенія, несомнѣнно, ослабѣвало, и потому государственная казна, истощаемая къ тому же издержками, вызываемыми веденіемъ войны, быстро пустѣла, до того, что скоро оказывалась не въ состояніи уплачивать жалованье солдатамъ, а иногда даже и прокармливать ихъ. Тогда тѣ, съ своей стороны, тоже легко обращались въ грабителей, не дававшихъ никому пощады, а это, конечно, только усиливало народныя волненія и смуты.

То же самое произошло и теперь, когда правительство собрало и двинуло на сѣверъ противъ манчжуръ громадную армію въ 200 тысячъ человѣкъ. Однако, въ Пекинѣ убаюкивали себя самыми розовыми надеждами, особенно когда узнали, что народъ съ большою радостью принялъ извѣстіе о порученіи начальства надъ частью войска посланнаго противъ мятежныхъ манджуръ, храброму Ду-Зюну. Этотъ Ду-Зюнъ былъ замѣчательный полководецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень честный и благородный человѣкъ. Народъ питалъ къ нему большое довѣріе и любовь, что, между прочимъ, выразилось и въ тѣхъ восторженныхъ чествованіяхъ, которыя устраивались ему повсюду во время пути его съ юга на сѣверъ, гдѣ должны были происходить военныя дѣйствія. Другіе полководцы также считались опытными воинами, и войско, раздѣленное на четыре самостоятельныхъ отряда,—такъ какъ предполагалось вторгнуться въ Манчжурію одновременно съ четырехъ сторонъ,—съ полнымъ довѣріемъ шло за ними на бой съ непріятелемъ.

Но скоро Пекинскій дворъ былъ потрясенъ ужасными извѣстіями. Сначала онъ узналъ, что Ду-Зюнъ при переправѣ, на виду у манчжуръ, черезъ одну рѣку былъ внезапно застигнутъ сильнѣйшимъ разливомъ послѣдней, вслѣдствіе чего очутился передъ непріятелемъ лишь съ частью своего отряда, тогда какъ другая часть его войска осталась на другомъ берегу отрѣзанною отъ него. Это послужило причиной сильнаго смущенія китайцевъ, тѣмъ болѣе, что наступила темнота. Чтобы ободриться, китайцы зажгли у себя множество фонарей и такимъ образомъ оказались прекрасною цѣлью для скрывавшихся во мракѣ манчжуръ, которые и перебили ихъ всѣхъ почти поголовно; при этомъ также палъ и самъ Ду-Зюнъ, а затѣмъ остальная часть его отряда уже легко была разсѣяна манчжурами. Далѣе, пришло извѣстіе, что другой изъ китайскихъ военачальниковъ былъ хитростью завлеченъ непріятелемъ въ

Digitized by Google

засаду, гдѣ и погибло почти все его войско. Наконецъ, оказалось, что та же судьба постигла и третьяго изъ китайскихъ полководцевъ. А, между тѣмъ, манчжуры перешли въ наступленіе и быстро завоевали главный опорный пунктъ всей Ліау-Тунгской провинціи — крѣпость Кай-Юанъ. При вѣсти обо всѣхъ этихъ неудачахъ императоръ страшно разгнѣвался и приказалъ тотчасъ же казнить обоихъ неудачливыхъ военачальниковъ. Вскорѣ послѣ того управленіе Ліау-Тунгской провинціей было поручено Сюнъ-Тинъ-Би, человѣку очень знающему и опытному. Тотъ прежде всего занялся приведеніемъ въ возможно лучшее положеніе мѣстныхъ крѣпостей и устроилъ нѣсколько новыхъ военныхъ поселеній; но такъ какъ онъ не увѣнчалъ себя ни одной болѣе или менѣе блистательной побѣдой, то его скоро отозвали съ занимаемаго имъ поста. Однако, когда при его преемникѣ китайскія крѣпости быстро стали одна за другою переходить во власть Тай-Зу и послѣдній, наконецъ, завладѣлъ всею восточною частью провинціи, Пекинскій дворъ понялъ сдѣланную ошибку и вновь послалъ туда Сюнъ-Тинъ-Би, но при этомъ все-таки снабдилъ его недостаточными полномочіями. Вслѣдствіе этого скоро между нимъ и мѣстнымъ губернаторомъ возникли довольно серіозныя недоразумѣнія. Дворъ, не разобравши, какъ слѣдуетъ, дѣла, принялъ въ нихъ сторону губернатора, тѣмъ болѣе, что тотъ былъ любимцемъ дворцовыхъ евнуховъ, и въ результатѣ вышло то, что Сюнъ-Тинъ-Би оказался въ подчиненіи у губернатора. Послѣдствія этого не замедлили скоро сказаться. Войско, предводимое неспособнымъ губернаторомъ, устранившимъ Сюна отъ командованія имъ, было жестоко разбито и почти совершенно истреблено манчжурами, послѣ чего въ ихъ рукахъ очутилась вся Ліау-Тунгская провинція, за исключеніемъ лишь немногихъ крѣпостей, защищавшихъ проходъ между моремъ и горами, который велъ въ Чили и составлялъ единственный путь, соединявшій обѣ провинціи. Тамъ, на самой границѣ, гдѣ Великая Стѣна упиралась въ море, лежалъ хорошо укрѣпленный фортъ Шанъ-Хай-Кванъ, котораго манчжуры не могли взять, несмотря на всѣ свои усилія. И пока Китай въ состояніи былъ удержать этотъ фортъ въ своихъ рукахъ, для манчжуръ почти совершенно невозможно было проникнуть далѣе внутрь Небесной Имперіи. Но какъ иногда горько насмѣхается судьба надъ людьми! Эту почти неприступную крѣпость впослѣдствіи сдалъ манчжурамъ одинъ китайскій же военачальникъ, разсчитывая такимъ поступкомъ спасти отъ окончательной гибели династію Минговъ!

Манчжуры, съ своей стороны, также отлично понимали, какое значеніе для защиты Китая имѣетъ крѣпость Шанъ-Хай-Кванъ, и потому въ 1626 году сдѣлали серіозную попытку овладѣть ею. Но всѣ усилія ихъ въ означенномъ отношеніи оказались безуспѣшными. Это до нѣкоторой степени подняло духъ Пекинскаго двора. А тутъ вдругъ распространилась крайне пріятная для него вѣсть, что самъ Тай-Зу умеръ. И вновь китайскимъ правительствомъ овладѣла надежда, что все дѣло разрѣшится для него благополучно.

Извѣстіе о смерти грознаго Тай-Зу вслѣдъ затѣмъ дѣйствительно подтвердилось. Но воинственный духъ, который ему удалось пробудить въ манчжурахъ, не умеръ въ нихъ вмѣстѣ съ нимъ. Преемникъ его, принявшій даже имя Тай-Зу,—вѣроятно, съ цѣлью какъ можно болѣе походить на своего предшественника,—не только сталъ продолжать его политику относительно Китая, но придалъ ей еще болѣе агрессивный характеръ. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, онъ прежде всего вознамѣрился лишить Китай его ближайшихъ помощниковъ и союзниковъ на сѣверѣ и съ этой цѣлью направилъ свои первые удары, съ одной стороны, на Монголію, а съ другой — на Корею и въ короткое время подчинилъ ихъ своей власти. Затѣмъ онъ возымѣлъ смѣлую мысль свергнуть съ китайскаго престола династію Минговъ и самому занять ихъ мѣсто на священномъ тронѣ Дракона. Но на первый разъ онъ потерпѣлъ тутъ неудачу, встрѣтивъ въ китайскомъ полководцѣ Юанъ-Хунъ-Куанѣ достойнаго себѣ противника. Едва ли не впервые китайскія войска, предводимыя послѣднимъ, осмѣлились выступить противъ манчжуръ въ открытомъ полѣ и — о, чудо! — нанесли имъ такое пораженіе, что тѣ принуждены были отступить. Неудача эта такъ удручающе подѣйствовала на Тай-Зу, что онъ сталъ уже подумывать о заключеніи съ Китаемъ мира и обратился къ Пекинскому двору съ предложеніемъ прекратить войну на довольно умѣренныхъ условіяхъ. Но одержанная побѣда совершенно вскружила пекинскимъ

Digitized by Google

мандаринамъ голову, и они, съ своей стороны, предложили Тай-Зу такія унизительныя мирныя условія, что тотъ немедленно прервалъ всякіе переговоры о мирѣ и сталъ готовиться къ дальнѣйшему продолженію войны. Понимая очень хорошо, какія трудности представляло овладѣть крѣпостью Шанъ-Хай-Кванъ, онъ вознамѣрился проникнуть въ Китай какимъ-нибудь другимъ путемъ. Съ этою цѣлью онъ повелъ свои войска на западъ, черезъ пустыни и горы Восточной Монголіи, гдѣ не было никакихъ дорогъ и откуда китайцы, конечно, всего менѣе могли ожидать его вторженія. Нашедши тутъ одно слабо защищенное мѣсто въ Великой Стѣнѣ, онъ смѣло перебрался черезъ нее, и вотъ въ октябрѣ 1629 года манчжуры широкимъ потокомъ разлились по зеленымъ равнинамъ Чили, среди которыхъ возвышался, окруженный крѣпкими стѣнами, столичный городъ Китая, Пекинъ. Особыми прокламаціями, изданными Тай-Зу, китайскій народъ извѣщался, что онъ, Тай-Зу, пришелъ не убивать и не разорять мѣстныхъ жителей, но царствовать надъ ними. Пекинскому двору вновь пришлось затрепетать отъ страха, тѣмъ болѣе, что манчжуры быстро приближались къ столицѣ, нигдѣ не встрѣчая сколько-нибудь серіознаго сопротивленія. Но въ это время храбрый Юанъ-Чунъ-Хуанъ уже успѣлъ форсированнымъ маршемъ двинуться на защиту императора, и скоро оба войска, китайское и манчжурское, столкнулись другъ съ другомъ на широкой равнинѣ недалеко отъ Пекина. Произошло жестокое, кровавое сраженіе; исходъ его былъ крайне нерѣшителенъ; тѣмъ не менѣе, оно имѣло очень важныя послѣдствія, и прежде всего для самого Юанъ-Чунъ-Хуана.

Вечеромъ, послѣ того какъ закончилось упомянутое сраженіе, одинъ попавшійся въ плѣнъ къ манчжурамъ дворцовый евнухъ сидѣлъ въ лагерѣ манчжуровъ у разведеннаго костра, съ горестью раздумывая надъ своей печальной участью. Вдругъ слухъ его былъ пораженъ тихимъ разговоромъ на китайскомъ языкѣ. Онъ сталъ вслушиваться, и оказалось, что невдалекѣ отъ него двое бесѣдуютъ между собою о событіяхъ истекшаго дня и о послѣдствіяхъ только-что перенесенной битвы, причемъ одинъ, на опасенія своего собесѣдника касательно благополучнаго исхода затѣянной войны, подъ большимъ секретомъ сообщилъ ему, что не далѣе какъ на этихъ дняхъ китайскій военачальникъ Юанъ-Чунъ-Хуанъ долженъ сдать манчжурамъ Пекинъ, такъ какъ имъ уже удалось подкупить этого храбраго воина, одолѣть котораго они оказались не въ силахъ. Холодный потъ выступилъ на лицѣ у бѣднаго евнуха, когда онъ услышалъ о такомъ предательствѣ лучшаго китайскаго полководца. Осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что вблизи нѣтъ стражи, которая слѣдила бы за нимъ, несчастный, полный смертельной тоски о предстоящей императору горькой участи, рѣшился набраться храбрости и попытаться бѣжать. А когда ему удалось счастливо выбраться изъ манчжурскаго лагеря, не будучи при этомъ никѣмъ замѣченнымъ, онъ быстро пустился бѣжать по направленію къ Пекину, котораго и достигъ позднею ночью. Тогда немедленно, не теряя ни минуты времени, отправляется онъ въ императорскій дворецъ, поднимаетъ тамъ тревогу и сообщаетъ кому слѣдуетъ услышанную имъ въ манчжурскомъ лагерѣ вѣсть объ измѣнѣ Юанъ-Чунъ-Хуана. Къ удивленію, ему сразу повѣрили и на слѣдующій же день Юанъ-Чунъ-Хуанъ былъ подвергнутъ допросу, осужденъ на основаніи свидѣтельства того же евнуха и тотчасъ же казненъ. А затѣмъ не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ китайскія войска, возмущенныя тѣмъ, какъ пекинское правительство обошлось съ ихъ любимымъ вождемъ, разбѣжались, и Пекинъ остался совершенно беззащитнымъ. Хитрость манчжуръ удалась имъ вполнѣ.

Императоръ при такихъ обстоятельствахъ совершенно потерялъ голову. Въ это время вдругъ передъ его лицомъ появляется одинъ изъ сановниковъ съ радостною вѣстью, что въ городѣ появился одинъ монахъ - отшельникъ, который обнаруживаетъ удивительныя тактическія способности. Тотчасъ же этого монаха призываютъ во дворецъ, поручаютъ ему главное начальство надъ войсками и приказываютъ немедленно отразить врага. Онъ смѣло нападаетъ на манчжуръ, но терпитъ отъ нихъ жесточайшее пораженіе и самъ падаетъ мертвымъ на полѣ битвы. Такимъ образомъ судьба Пекина, казалось, уже совсѣмъ рѣшена. Но на этотъ разъ какія-то соображенія помѣшали Тай-Зу довести дѣло до конца. Побоялся ли онъ, что, въ случаѣ неудачи, ки-

Digitized by Google

тайцы могутъ его совсѣмъ не допустить вернуться въ Манчжурію, отъ которой его отдѣляли, съ одной стороны, малопроходимыя пустыни и горы, а, съ другой, китайская крѣпость Шанъ-Хай-Кванъ, или, можетъ быть, въ немъ возникли опасенія, все ли обстоитъ благополучно въ его родной странѣ и не произошло ли тамъ въ теченіе его долгаго отсутствія чего-нибудь непріятнаго для него, или, наконецъ, онъ чувствовалъ, что войско его слишкомъ утомлено и ослаблено потерями,—только онъ внезапно снялъ свой лагерь передъ Пекиномъ и со своей добычей удалился оттуда. Китайское правительство вновь воспрянуло духомъ. Вскорѣ всѣ гарнизоны, оставленные манчжурами въ нѣкоторыхъ городахъ провинціи Чили, были истреблены китайцами, и снова между ними и манчжурами началась борьба за проходъ, защищаемый крѣпостью Шанъ-Хай-Кванъ. Впрочемъ, китайцы въ этой борьбѣ и не были особенно счастливы. Между тѣмъ послѣдствія только-что перенесенной войны давали все болѣе и болѣе себя чувствовать. Государственная казна была совершенно пуста, и самое энергичное взысканіе налоговъ, почти утроившихся за время борьбы съ манчжурами, не въ состояніи было устранить рѣзко ощущавшійся правительствомъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ. Жалованье войскамъ уплачивалось крайне неаккуратно, и солдаты, чтобы прокормиться, нерѣдко стали прибѣгать къ грабежу мирныхъ гражданъ. Въ виду этого, между послѣдними начали обнаруживаться довольно опасныя волненія, принимавшія рѣшительно угрожающій для правительства характера. Повсюду замѣчалось народное недовольство, которое, наконецъ, и привело династію Минговъ къ паденію.

Въ 1634 году Тай-Зу вновь появился со своими воинами въ Чили и опять страшно опустошилъ ее. Но особенно знаменательно то, что около этого же времени ему подчинились потомки низложенной Мингами монгольской династіи и передали ему старую государственную печать Китая. Тай-Зу торжественно принялъ отъ нихъ печать и имѣя, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ этотъ символъ императорской власти, тотчасъ же, по народному настоянію, принялъ титулъ китайскаго императора. Это случилось 5-го мая 1636 года. Вскорѣ затѣмъ Тай-Зу снова появился со своимъ войскомъ въ Чили и на этотъ разъ дошелъ до Шантунга, причемъ взялъ много укрѣпленныхъ городовъ и совершенно опустошилъ всю страну, какъ бы въ наказаніе за то, что китайцы упорствовали въ признаніи его своимъ императоромъ. Пекинскій дворъ, для того, чтобы избавиться отъ его постоянныхъ нападеній на Китай, затѣялъ было вступить съ нимъ въ переговоры о мирѣ; но эти переговоры не привели ровно ни къ чему, и манчжуры попрежнему продолжали опустошать Чили. Однако, не взирая на все это, не взирая на то, что манчжуры не разъ подходили почти къ самымъ стѣнамъ Пекина, Тай-Зу все-таки не удалось довести дѣло до конца и завладѣть китайскимъ императорскимъ престоломъ. Онъ умеръ 10 сентября 1643 года, и только его наслѣднику суждено было достигнуть цѣли, изъ-за которой вели борьбу въ теченіе всей своей жизни оба предыдущіе манчжурскіе государя.

Между тѣмъ внутреннее состояніе Китайской имперіи становилось все хуже и хуже. Народъ стоналъ подъ бременемъ налоговъ, и волненія въ средѣ его усиливались. Подати поступали въ казну очень плохо и неаккуратно, такъ какъ онѣ по большей части взимались съ земли, а смутныя времена дѣлали занятіе земледѣліемъ почти совершенно невозможнымъ. Много полей оказывалось заброшенными, и населеніе разбѣгалось, куда глаза глядятъ. Разбойничество и грабежи приняли значительные размѣры, а правительство чувствовало себя не въ силахъ подавить ихъ. Поэтому недовольство противъ него въ народныхъ массахъ росло все сильнѣе, и для того, чтобы вспыхнулъ всеобщій мятежъ, нужно было только появиться какому-нибудь энергичному человѣку, который взялъ бы на себя руководство этимъ мятежомъ. Скоро такой человѣкъ нашелся въ лицѣ одного изъ предводителей многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, опустошавшихъ въ то время китайскія провинціи, нѣкоего Ли-Зуй-Чена, или, короче, просто Ли. Этотъ Ли вообразилъ себя призваннымъ избавить Китай отъ династіи Минговъ и надѣялся вмѣсто нея основать тамъ свою собственную династію. Первое-то ему вполнѣ удалось; но второй своей цѣли онъ такъ и не достигъ. Быстрые успѣхи, одержанные вначалѣ Ли-Зуй-Ченомъ, вполнѣ объяснимы тѣмъ крайне печальнымъ состояніемъ, въ которомъ тогда находилась Китайская имперія. Ли только

Digitized by Google

умѣло воспользовался въ своихъ интересахъ всеобщимъ народнымъ недовольствомъ противъ существовавшаго правительства,—недовольствомъ, которое въ дѣйствительности было такъ велико, что сначала онъ даже почти нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія себѣ. Правительственныя войска состояли въ то время почти исключительно изъ оборванныхъ и полуголодныхъ солдатъ, уже давно не получавшихъ слѣдуемаго имъ жалованья, а народъ сразу слѣпо повѣрилъ обѣщанію Ли немедленно отмѣнить всѣ налоги и подати. Но наиболѣе преданными и усердными помощниками Ли въ дѣлѣ возстанія противъ Минговъ были тѣ многочисленные обладатели ученыхъ степеней, которымъ не удалось сдѣлать себѣ карьеры на правительственной службѣ и которые теперь надѣялись поправить свои дѣла, такъ какъ Ли объявилъ, что онъ ихъ предпочитаетъ всякимъ другимъ кандидатамъ при замѣщеніи различныхъ административныхъ должностей, причемъ дѣйствительно сразу надѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и хрустальными шариками для ношенія на шапкѣ, и павлиньими перьями, этими высшими знаками правительственной власти въ Китаѣ. Впрочемъ, недолго пришлось этимъ счастливцамъ покрасоваться въ своемъ новомъ санѣ; тотчасъ же послѣ завоеванія Пекина Ли ихъ снова разжаловалъ и разослалъ по деревнямъ, откуда они были родомъ.

Въ 1642 году Ли съ громадной военной силой появился подъ стѣнами Кай-Фунга, главнаго города провинціи Хо-Нанъ, рѣшившись во что бы то ни стало взять его, такъ какъ обладаніе этимъ городомъ дало бы ему возможность захватить въ свои руки самый важный путь, связывавшій Пекинъ съ южными провинціями, и притомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ тотъ путь пересѣкаетъ рѣку Хвангъ-Хо. Правительство, сознавая всю важность и все значеніе означеннаго пункта, тотчасъ же выслало противъ мятежниковъ большое войско. Но полководецъ, подъ начальствомъ котораго состояло это войско, когда перешелъ съ нимъ черезъ Хванъ-Хо и увидѣлъ ближе несмѣтныя полчища враговъ, до того растерялся, что не задумался немедленно принять безумное рѣшеніе разрушить дамбы, которыми защищалась вся та мѣстность отъ разливовъ Хвангъ-Хо. А такъ какъ вода въ Хвангъ-Хо въ это время стояла очень высоко, то она быстро разлилась по окрестностямъ и затопила ихъ. Правда, мятежники при этомъ едва спаслись, бросивъ все и убѣжавъ въ близъ лежащія горы, но зато и Кай-Фунгъ, ради спасенія котораго принята была означенная мѣра, такъ основательно былъ разрушенъ желтыми водами Хвангъ-Хо, что превратился въ сплошныя развалины, причемъ погибло свыше 300000 человѣкъ.

Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Ли двинулся на сѣверо-западъ и подчинилъ своей власти весь южный Шанси, а главный городъ этой провинціи разрушилъ до основанія. Затѣмъ, весною 1644 года во главѣ цѣлаго полумилліона воиновъ онъ двинулся на самый Пекинъ. Правительство, сознавая всю опасность этого движенія, особенно въ такое время, когда ему приходилось съ сѣвера отражать нападенія манчжуръ на столицу, еще разъ организовало большой отрядъ войска, и начальство надъ нимъ поручило Ли-Зенъ-Таю, у котораго была въ Шанси большая поземельная собственность и который выразилъ желаніе содержать ввѣренныхъ ему солдатъ на свой личный счетъ, не зная еще тогда, что провинція Шанзи уже занята мятежниками. Но едва онъ отошелъ отъ Пекина лишь на нѣсколько переходовъ, какъ получилъ вполнѣ достовѣрныя извѣстія о своемъ полномъ разореніи. Это разрушало всѣ его расчеты до такой степени, что онъ въ бездѣйствіи остановился въ 125 верстахъ южнѣе Пекина и не тронулся съ мѣста даже тогда, когда узналъ, что мятежники другою, болѣе сѣверною, дорогою двинулись на Пекинъ. Дѣйствительно, Ли, изъ опасенія весенняго разлива рѣкъ, рѣшилъ добраться до Пекина не прямымъ путемъ, который ведетъ туда изъ Тай-Юана и нѣсколько сѣвернѣе выходитъ на большую государственную дорогу, а избралъ дорогу, пролегающую черезъ горы, вверхъ по теченію рѣки Венъ-Хо, которая достигаетъ равнины лишь недалеко отъ Пекина, гдѣ она и впадаетъ въ рѣку Пей-Хо. Однако при этомъ онъ, повидимому, совершенно упустилъ изъ виду, что на означенномъ пути ему придется не только два раза перебираться черезъ Великую Стѣну, но и проходить вблизи большихъ военныхъ поселеній, устроенныхъ здѣсь ради защиты границъ отъ монголовъ, что могло поставить его въ крайне неудобное положеніе. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ, потому что здѣсь онъ наткнулся на отчаянное сопротивленіе

Digitized by Google

со стороны помянутыхъ поселеній и понесъ такія потери, которыя заставили его даже подумать объ отступленіи. Но въ это время онъ вдругъ получилъ извѣстіе, что военныя поселенія Та-Тунгъ и Сьюанъ-Гоа готовы ему сдаться. Подобный оборотъ дѣла побудилъ его измѣнить свои намѣренія; вмѣсто того, чтобы отступать, онъ вновь рѣшился продолжать идти впередъ, на оба военныя поселенія, а по занятіи ихъ ему оставалось пройти лишь одинъ узкій горный проходъ, чтобы очутиться на той равнинѣ, гдѣ стоитъ Пекинъ. Правда, въ этомъ горномъ проходѣ все его огромное войско могло бы быть задержано буквально горстью храбрецовъ, но этого, однако, не случилось, И вотъ скоро мятежники безпрепятственно достигли пекинскихъ стѣнъ, сожигая и грабя по пути всѣ встрѣчавшіеся имъ города и деревни.

Окруживъ со всѣхъ сторонъ императорскую столицу, они принялись громить ея стѣны своими пушками. И на этотъ разъ участь династіи Минговъ оказалась рѣшенной окончательно. Напрасно императоръ выступилъ съ торжественнымъ манифестомъ къ народу и, обвиняя себя въ этомъ манифестѣ во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ, давалъ самыя лучшія обѣщанія относительно будущаго,—его уже болѣе не слушали. Скоро бой завязался уже на самыхъ городскихъ стѣнахъ, а затѣмъ одинъ предатель изъ числа императорскихъ евнуховъ открылъ мятежникамъ ворота и въ самый городъ. Такимъ образомъ, Пекинъ оказался совершенно въ рукахъ Ли и его сообщниковъ. Получивъ вѣсть объ этомъ, императоръ тотчасъ же послалъ сказать своей матери и своимъ женамъ, что все кончено. Онѣ вполнѣ поняли его и, чтобы не попасться въ руки враговъ, немедленно прибѣгли къ самоубійству. Свою любимую жену, которая тщетно пыталась удавиться, императоръ собственноручно закололъ своимъ мечомъ. Самъ онъ попробовалъ было спастись бѣгствомъ; но когда такая попытка ему не удалась, онъ при наступленіи утренней зари повѣсился на одномъ изъ деревьевъ въ дворцовомъ саду. Такъ безславно окончилъ свою жизнь послѣдній государь изъ династіи Минговъ.

Ли на другой же день утромъ торжественно вступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ въ завоеванную столицу Китая и направился прямо въ императорскій дворецъ. Подъѣхавъ къ воротамъ его, онъ громогласно объявилъ собравшемуся народу, что принимаетъ титулъ китайскаго императора. Но едва возсѣлъ онъ на тронъ Дракона, какъ предался вмѣстѣ со своими сообщниками страшнѣйшимъ неистовствамъ. Начались безчисленные пытки, грабежи, поджоги; женщины и дѣвушки безъ разбора стали подвергаться изнасилованіямъ. Это и было причиной, что Ли не могъ удержаться на престолѣ, что ему не удалось основать свою династію. Прежде всего противъ него поднялся старый полководецъ У-Занъ-Хой, служившій еще императорамъ изъ династіи Минговъ; онъ сурово подавилъ вспыхнувшее было на сѣверѣ возстаніе противъ Минговъ, занялъ Шанъ-Хай-Кванъ и намѣревался затѣмъ идти на Пекинъ, чтобы отомстить мятежникамъ за смерть императора Хоай-Тзунга. Но сообразивъ, что ему можетъ не хватить собственныхъ военныхъ силъ, чтобы довести до благополучнаго конца это предпріятіе, онъ рѣшился обратиться за содѣйствіемъ и помощью къ манчжурамъ. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ посольство къ только-что избранному въ Мукденѣ, по смерти Шай-Зу, новому манчжурскому императору, съ предложеніемъ сдать ему неприступный Танъ-Хай-Кванъ и пропустить въ Китай, если только тотъ согласится идти затѣмъ на Пекинъ, чтобы свергнуть съ престола жестокаго узурпатора Ли. Манчжуры сначала недовѣрчиво отнеслись было къ такому изумительному, на ихъ взглядъ, предложенію стараго У-Занъ-Хоя, но затѣмъ рѣшились соединиться съ послѣднимъ. Принявъ нѣкоторыя предосторожности, они двинулись въ Китай и скоро въ рѣшительномъ сраженіи разбили на голову Ли и его войска, послѣ чего не замедлили занять и самый Пекинъ. Ли погибъ при этомъ во время уличной свалки, а всѣ приверженцы его были поголовно истреблены освирѣпѣвшимъ народомъ. Такъ закончилась въ Китаѣ та страшная драма, въ результатѣ которой погибла національная китайская династія Минговъ и на китайскій престолъ вступила манчжурская династія Дайцинговъ, царствующая тамъ до настоящаго времени.

Digitized by Google

XII.

Изъ наблюденій европейца о Китаѣ.

Китай—не только древній, но уже и одряхлѣвшій колоссъ. Создавъ нѣколько десятковъ вѣковъ назадъ высокую цивилизацію, онъ надолго застылъ въ любованіи самимъ собою, поклонился своему собственному прошлому и этимъ преклоненіемъ передъ авторитетомъ старины умерщвлялъ духовную жизнь народа. Мысль его обратилась въ мертвую механическую рутину и утратила всякую способность къ живой дѣятельности. Государственныя учрежденія его, служащія непосредственнымъ выраженіемъ психики народа, носятъ на себѣ слѣды той же амортизаціи. Безнадежно-мрачная картина распада рисуется и въ наблюденіяхъ европейцевъ, изучавшихъ Китай во-очію. Въ изданной недавно книгѣ извѣстнаго французскаго экономиста Леруа-Болье, подъ заглавіемъ «Возрожденіе Азіи», собраны по этой части характерныя фактическія показанія изъ бытовой и экономической жизни китайцевъ, которыя небезынтересно привести въ заключеніе нашихъ очерковъ о Китаѣ.

Государственный бюджетъ Китая не превышаетъ 375 милл. франковъ. При этомъ до Пекина доходитъ только одна треть сборовъ, а $^2/_3$ поглощаются мѣстными нуждами. Около 100 милл. даетъ земельный налогъ. На сѣверѣ онъ равняется 10 фр. за гектаръ, на югѣ доходитъ до 40 фр., что при интенсивной культурѣ и двойной жатвѣ очень немного. Вообще крестьянскому населенію Китая живется не тяжело, такъ какъ подати сельскаго населенія очень невелики, притомъ же правительство почти не вмѣшивается во внутреннюю жизнь деревенской общины. Зато торговля обложена крайне тяжелыми пошлинами (напримѣръ, за право провоза товаровъ, за право прибытія на мѣсто и пр.), да, сверхъ того, еще и незаконными поборами, крайне тормозящими всякія промышленныя новшества.

Бѣдный китаецъ, работающій не покладая рукъ, не имѣетъ времени задуматься надъ своимъ положеніемъ, и ему въ несеніи тяжелой доли еще много помогаетъ природное добродушіе и веселость. Но является наводненіе, эпидемія, неурожай,—и тогда неудержимо слѣдуетъ разореніе, голодъ и нищета, такъ какъ китаецъ не въ силахъ дѣлать запасовъ. И не проходитъ года въ Небесной Имперіи, чтобы народное бѣдствіе не похитило какую-нибудь часть громаднаго Китая. Смерть въ такихъ случаяхъ коситъ людей сотнями тысячъ, и такимъ образомъ, несмотря на сильную рождаемость, говоритъ Леруа-Болье, населеніе Китая не увеличивается.

Уже 2000 лѣтъ въ Китаѣ почти не было перемѣнъ. Даже введеніе новой религіи—буддизма не наложило новой печати на китайцевъ; скорѣе, наоборотъ, китайцы передѣлали буддизмъ сообразно своему характеру и попрежнему въ индивидуальности своей остались вѣрными національному мудрецу Конфуцію. Воцареніе иноплеменной Манчжурской династіи въ XIII вѣкѣ не измѣнило системы правленія, только ввело нѣкоторый контроль мандарината то, что теперь представляютъ татарскіе маршалы при вице-короляхъ.

Китай можно сравнить съ геометрическимъ кубомъ: какъ бы его ни бросали, онъ не мѣняетъ вида. Китай всегда управлялся по китайскимъ принципамъ. Китай не тревожится своимъ будущимъ, своей силой или слабостью, независимостью или подчиненіемъ; онъ стремится сохранить только свои обычаи, нравы, свой характеръ, отличающій его въ продолженіе столькихъ вѣковъ отъ другихъ расъ.

Несмотря на первое впечатлѣніе одноплеменности Китая, при болѣе внимательномъ взглядѣ начинаешь замѣчать большое разнообразіе типовъ. Существуетъ даже враждебность между племенами Китая. Разница характера и темперамента особенно замѣтна въ жителяхъ сѣвера и юга: южане энергичнѣе, предпріимчивѣе и враждебнѣе къ иностранцамъ. Центральная власть почти неизвѣстна множеству населенія, что, говорятъ, даетъ возможность даже поднять одну половину Китая противъ другой половины. Леруа-Болье слышалъ разсказъ о двухъ китайцахъ изъ разныхъ провинцій, встрѣтившихся однажды и понявшихъ другъ друга только на англійскомъ языкѣ.

Французскаго наблюдателя поражаетъ слѣдующая непостижимая странность: европейцы и особенно самые цивилизованные изъ нихъ больше всего жалуются на невзгоды и тяжесть жизни и въ то же время дрожатъ за нее, тогда какъ люди Востока и особенно китайцы, сохраняя жизнерадостность, покидаютъ жизнь съ необыкновенной легкостью. Обратная сторона медали—та

Digitized by Google

что они и къ страданіямъ другихъ людей остаются безучастными, не выказывая ни симпатіи, ни желанія помочь. Этимъ объясняется и жестокость наказаній, налагаемыхъ судомъ, и всѣ суровые обычаи. Они не лишены героизма, но ихъ героизмъ глубоко пассивенъ и пробуждается по совершенно непонятнымъ съ точки зрѣнія европейской психологіи мотивамъ. Образчикомъ его можетъ служить хотя бы слѣдующій случай: множество плѣнныхъ китайцевъ было обезглавлено японцами на островѣ Формозѣ за упорный отказъ отъ выполненія унизительныхъ работъ; тѣ же самые люди, которые совершенно спокойно шли на плаху, позорно бѣжали съ поля битвы.

Китайцы неспособны защитить свое отечество, но, быть можетъ, со временемъ въ рукахъ какой-нибудь другой державы окажутся превосходнѣйшими солдатами. Ихъ семейные идеалы тоже абсолютно противоположны европейскимъ. У насъ главная черта—чадолюбіе; у китайцевъ же важнѣйшая добродѣтель—почитаніе родителей и старшихъ. Одинъ китаецъ при династіи Хановъ рѣшился зарыть живою въ землю свою трехъ-лѣтнюю дочь, такъ какъ у него не хватало средствъ содержать престарѣлую мать. Жизнь ребенка была спасена только случайно найденнымъ кладомъ.

Семейное положеніе женщинъ Китая—не завидное, главнымъ образомъ вслѣдствіе невыдѣленія женатыхъ сыновей. Жена сына находится въ полной зависимости отъ своей свекрови. При всемъ томъ женщинъ въ Китаѣ не прячутъ и не запираютъ, и, по словамъ американскаго миссіонера, свобода нравовъ такова, что въ его округѣ почти нѣтъ женщины вѣрной своему мужу; другой миссіонеръ подтверждаетъ этотъ фактъ, хотя теоретически невѣрность — большой проступокъ.

Но самый большой порокъ китайцевъ это—страсть къ игрѣ, страсть присущая всѣмъ классамъ. Китайцы проигрываютъ не только женъ и дѣтей, но даже суставы пальцевъ.

Потребленіе опіума занимаетъ въ большихъ городахъ Китая одну пятую часть населенія, въ деревняхъ же не болѣе 5 человѣкъ на 100. Но зато рабочій человѣкъ, проводящій время краткаго отдыха въ опьяненіи опіумомъ, если началъ курить въ 20 лѣтъ, умираетъ на 22-мъ году жизни. По тому, что Англія является главной поставщицей опіума и подъ угрозами военныхъ и дипломатическихъ репрессалій не позволяетъ китайскому правительству воспретить ввозъ этой губительной отравы, можно судить объ искренности цивилизаторскихъ мотивовъ ея политики на Востокѣ.

На Европу они смотрятъ какъ на грабителя-бродягу, съ оружіемъ въ рукахъ требующаго: «Кошелекъ или жизнь». Должно сознаться, что весьма вѣскія основанія для такого взгляда даетъ имъ вся исторія европейской политики на Востокѣ съ такими мрачными эпизодами, какъ знаменитая «опійная война», и, пожалуй, могли бы дать нѣкоторыя разсужденія самого Леруа-Болье. Китайцы, говоритъ онъ, считаютъ своимъ правомъ быть у себя дома хозяевами, современная Европа думаетъ иначе: по ея мнѣнію, право разработки богатствъ страны принадлежитъ человѣчеству. Отсюда же вытекаетъ, что если мѣстные жители не эксплоатируютъ ихъ, то тѣмъ самымъ они какъ бы даютъ право пришельцамъ придти и захватить все, что «плохо лежитъ».

Самые большіе враги прогресса не народъ со своими предразсудками, а классъ ученыхъ, наиболѣе вліятельный, чѣмъ какой-либо иной классъ въ Европѣ. Ученые, не получившіе государственныхъ должностей, разсѣяны по всему государству во всѣхъ округахъ, префектурахъ и мѣстечкахъ. Они живутъ скромнымъ ремесломъ, сливаясь съ народомъ и пользуясь въ то же время его глубокимъ уваженіемъ; они-то и вызываютъ волненіе противъ всего европейскаго.

Китай это—разслабленное государственное тѣло, слабыя связки котораго намъ мало извѣстны. Главная сила сцѣпленія лежитъ въ традиціяхъ и ученомъ классѣ, набираемомъ изъ народа. Съ другой стороны, намъ извѣстны корни распада Китая: царствующая династія—иностранная, она едва не была свергнута возстаніемъ Тайпинговъ, а наслѣдники Минговъ еще существуютъ. Кромѣ того, воцареніе нынѣшняго императора, по мнѣнію народа, совершено неправильно. Страна изъѣдена тайными обществами, цѣль которыхъ—измѣнить существующій порядокъ.

Пекинское правительство слишкомъ слабо, чтобы открыто сопротивляться Европѣ, и въ то же время слишкомъ робко, чтобы пойти противъ традицій народа и желаній вліятельныхъ ученыхъ. По мѣрѣ усиливаю-

Digitized by Google

щагося натиска европейцевъ, внутреннее сопротивленіе населенія пекинскому правительству стало быстро возрастать. Еще въ 1897 году центральныя и южныя провинціи Китая были уже охвачены какимъ-то революціоннымъ движеніемъ, заставившимъ правительство почувствовать свою слабость и безпочвенность. Народныя волненія—почти хроническое явленіе въ этомъ мало управляемомъ государствѣ.

Попытка реформы въ Китаѣ привела къ сознанію хрупкости правительственной власти. Для переворотовъ нужна твердая организація власти. Въ Пекинѣ нѣтъ даже военной силы, достаточной для захвата и удержанія власти. Мы видимъ въ Китаѣ вице-королей, чуждыхъ данной мѣстности, назначаемыхъ правительствомъ и правящихъ почти автономно. Кто знаетъ, быть можетъ, именно въ «малой управляемости» Китая и лежитъ отчасти тайна его многовѣковой живучести сравнительно съ другими тираническими монархіями Азіи? Правительственное вмѣшательство въ жизнь народа здѣсь сведено почти къ нулю или, по крайней мѣрѣ, къ возможному минимуму. Законъ Конфуція и старые обычаи стоятъ въ Китаѣ гораздо выше повиновенія императору. И коренныя перемѣны во внутреннихъ порядкахъ Китая неминуемо вызовутъ алчное вмѣшательство всѣхъ европейскихъ державъ. Распадъ или расчлененіе Китая, по мнѣнію Леруа-Болье, въ высшей степени опасно для мира и спокойствія Европы.

Digitized by Google

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ

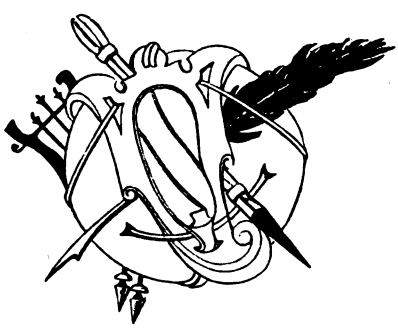
ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

ДЖОНА МОРЛЕЯ

СЪ АНГЛІЙСКАГО

СЪ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

(Рисунки извѣстныхъ англійскихъ рисовальщиковъ и снимки съ рѣдчайшихъ портретовъ и картинъ, изображающихъ эпизоды жизни и дѣятельности Кромвеля)



Изданіе редакціи «Новаго Журнала Иностранной Литературы»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1900

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРОЛОГЪ.

Фигура Кромвеля возникаетъ изъ тумана исторіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ забрызганнаго кровью лицемѣрнаго узурпатора до какого-то трансцендентальнаго героя, освободителя человѣчества. Разныя стороны его противорѣчивой дѣятельности попеременно выдвигаются на первый планъ.

Онъ казнилъ короля, но онъ же распускалъ и парламенты, одинъ за другимъ. Онъ преслѣдовалъ епископатъ, но онъ же давилъ и шотландское пресвитеріанство, оставшись, при всемъ этомъ, идоломъ свободныхъ церквей и конгрегацій разнаго рода. Онъ почти не имѣлъ понятія о парламентаризмѣ, который теперь считается залогомъ свободы; никто менѣе Кромвеля не былъ годенъ для того, чтобы вырабатывать хартіи, гарантирующія права гражданина. Онъ управлялъ посредствомъ меча. А имя его, тѣмъ не менѣе, какъ имя полу-воина, полу-святого, стоитъ первымъ въ календарѣ англійской демократіи.

Справедливо говорятъ, что внушеніе, производимое историческими сочиненіями, ни въ чемъ такъ ярко не выказалось, какъ въ Клар ндоновской «Исторіи Англійской революціи». Несмотря на отсутствіе объективности и на неточность въ деталяхъ, взглядъ на революцію и главное дѣйствовавшее въ ней лицо, высказанный въ этомъ сочиненіи, надолго укрѣпился въ обществѣ, благодаря силѣ и красотѣ изложенія. Для Кларендона Кромвель былъ бунтовщикъ и тиранъ, человѣкъ, жившій безмѣрнымъ личнымъ самолюбіемъ и употреблявшій религію какъ маску для прикрытія коварныхъ и себялюбивыхъ замысловъ. Такой взглядъ на Кромвеля надолго запечатлѣлся въ умахъ европейскаго общества, тѣмъ болѣе, что былъ впослѣдствіи поддержанъ Бёркомъ, умершимъ какъ разъ два столѣтія спустя по рожденіи Кромвеля. Бёркъ видѣлъ въ этотъ послѣднемъ одного изъ великихъ злодѣевъ на древній образецъ, что-то въ родѣ Медичи или Петруччи, овладѣвшихъ Флоренціей и Сіеной при помощи силы характера и злой воли, не стѣснявшейся средствами. Но Бёркъ признаетъ уже въ Кромвелѣ и нѣкоторыя добродѣтели, въ извѣстной степени уравновѣшивающія порокъ. Онъ управлялъ страною деспотически, но водворилъ въ ней порядокъ; онъ былъ жестокъ, но не по капризу. Безмѣрное его самолюбіе сдерживалось религіознымъ чувствомъ и заботою о репутаціи.

Бёркъ, стало быть, очистилъ нѣсколько образъ Кромвеля отъ мрачныхъ тѣней, брошенныхъ на него Кларендономъ. Впослѣдствіи тѣни эти все болѣе и болѣе разсѣивались. Въ концѣ первой четверти XIX-го столѣтія появились историки, которые, подобно Годуину, хотя и не могли простить Кромвелю его жестокости и отступничества отъ старыхъ принциповъ и старыхъ друзей, хотя и не питали симпатій къ библейской формѣ религіи, имъ исповѣдуемой, но все же смотрятъ на него гораздо снисходительнѣе и почти присоединяются къ панегирикамъ Мильтона.

Геній Карлейля и мужественная прямота Маколея окончательно очистили образъ Кром-

Digitized by Google

веля отъ тѣней, набросанныхъ на него Кларендономъ. Наступила реакція, которая, въ свою очередь, зашла очень далеко. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ современныхъ историковъ (Гольдуинъ Смитъ) представляетъ намъ Кромвеля величайшимъ изъ историческихъ людей, наиболѣе могучей политической силой, направленной къ нравственнымъ цѣлямъ. Другой писатель (Ф. Гаррисонъ), принадлежащій къ иной школѣ, говоритъ о Кромвелѣ какъ объ единственномъ великомъ разрушителѣ, который сумѣлъ сдѣлаться и великимъ строителемъ. Третій писатель, наконецъ, вполнѣ почтенный историкъ Гардинеръ, посвятившій всю жизнь освѣщенію смутнаго періода англійской исторіи, говоритъ, что разрушительная работа Кромвеля оказалась стойкой, а созидательная была не прочна, такъ какъ всѣ попытки его замѣнить военное управленіе чѣмъ-нибудь лучшимъ кончились трагически. Вообще исторія смутнаго времени вошла, наконецъ, въ спокойное русло. Обожествленіе личной воли, личной силы, наглости, всего того, что считалось когда-то героизмомъ, уступило свое мѣсто болѣе спокойнымъ и уравновѣшеннымъ взглядамъ. Искать во всемъ мѣры справедливости, благоразумія, не считается теперь привилегіей черстваго сердца и узкаго разума. Страсть къ преувеличеніямъ, къ неумѣстной ненависти или столь же неумѣстному восторгу передъ простыми историческими фактами замѣнилась спокойнымъ и нелицепріятнымъ ихъ изслѣдованіемъ, какъ урока для будущаго.

Подчиненіе историческихъ взглядовъ законамъ здраваго смысла произвело въ исторіи такую же революцію, какую произвели открытія позднѣйшаго времени въ наукахъ физическихъ. Намъ, живущимъ въ эпоху господства разума очень трудно, напримѣръ, понять мистическія идеи людей семнадцатаго столѣтія, но мы все же стараемся войти въ душу этихъ людей и взглянуть на ихъ дѣянія съ тогдашней точки зрѣнія, а потому и можемъ отдать полную справедливость генію Кромвеля, высокому строю его души и самостоятельности мышленія.

То же самое и въ политикѣ. Легко можетъ быть, что «родиться прежде времени есть благороднѣйшая ошибка человѣка», но здравый смыслъ не дозволяетъ намъ прославлять его за эту ошибку. Мы не имѣемъ права судить результаты дѣянія по его мотивамъ. Настоящая революція произошла, собственно говоря, спустя тридцать лѣтъ послѣ Кромвеля и совсѣмъ не въ его духѣ. Эта революція была аристократическою, а не демократическою, такъ какъ поставила на мѣстѣ старой монархіи олигархію лордовъ и общинъ. Несправедливо было бы думать также, что господствующая церковь потеряла свое значеніе послѣ Реставраціи. Помимо громаднаго вліянія на страну, оказываемаго съ помощью внѣшней организаціи, она господствовала въ университетахъ и высшихъ школахъ—этихъ могучихъ органахъ англійской національной жизни. Правящіе классы общества всѣ сплошь принадлежали къ ней, а страна была въ ихъ рукахъ. Диссидентовъ терпѣли, правда, не преслѣдовали, но они никакой роли въ правительствѣ никогда не играли: Кромвель ничего имъ не далъ. Убѣдившись, что онъ не успѣлъ направить жизнь родной страны по новому руслу, проведенному концомъ его меча, мы все-таки не можемъ закрыть глазъ передъ даровитостью, чтобы не сказать болѣе, этого твердаго и мужественнаго человѣка, передъ величіемъ его идеаловъ и концепцій государственнаго устройства.

Трудно было бы отрицать, что Кромвель былъ силенъ только однимъ мечомъ; что онъ во многомъ ошибался, съ нашей теперешней точки зрѣнія; что глубочайшаго, полнѣйшаго и точнѣйшаго выраженія пуританизма нужно искать скорѣе въ Мильтонѣ и Беніанѣ, чѣмъ въ Кромвелѣ,—въ проповѣдникахъ, чѣмъ въ воинѣ. Но широта замысловъ Оливера, свобода его духа и зависящая отъ этой свободы энергія, присутствіе искры Божіей въ его душѣ, хотя и затемненной, для насъ, туманомъ времени, его горячая вѣра, его мужество, его твердость отмѣтили его имя въ памяти и воображеніи цивилизованныхъ людей всего міра. Оправдывать, на этомъ основаніи, многіе изъ его поступковъ было бы, однако же, въ высшей степени несправедливо.

Величайшими именами въ исторіи являются имена тѣхъ людей, которые среди водоворота текущей жизни въ наибольшемъ количествѣ точекъ соприкасались съ вѣчными проблемами, никогда не перестававшими интересовать человѣчество. И къ числу такихъ именъ, несомнѣнно, принадлежитъ имя Кромвеля.

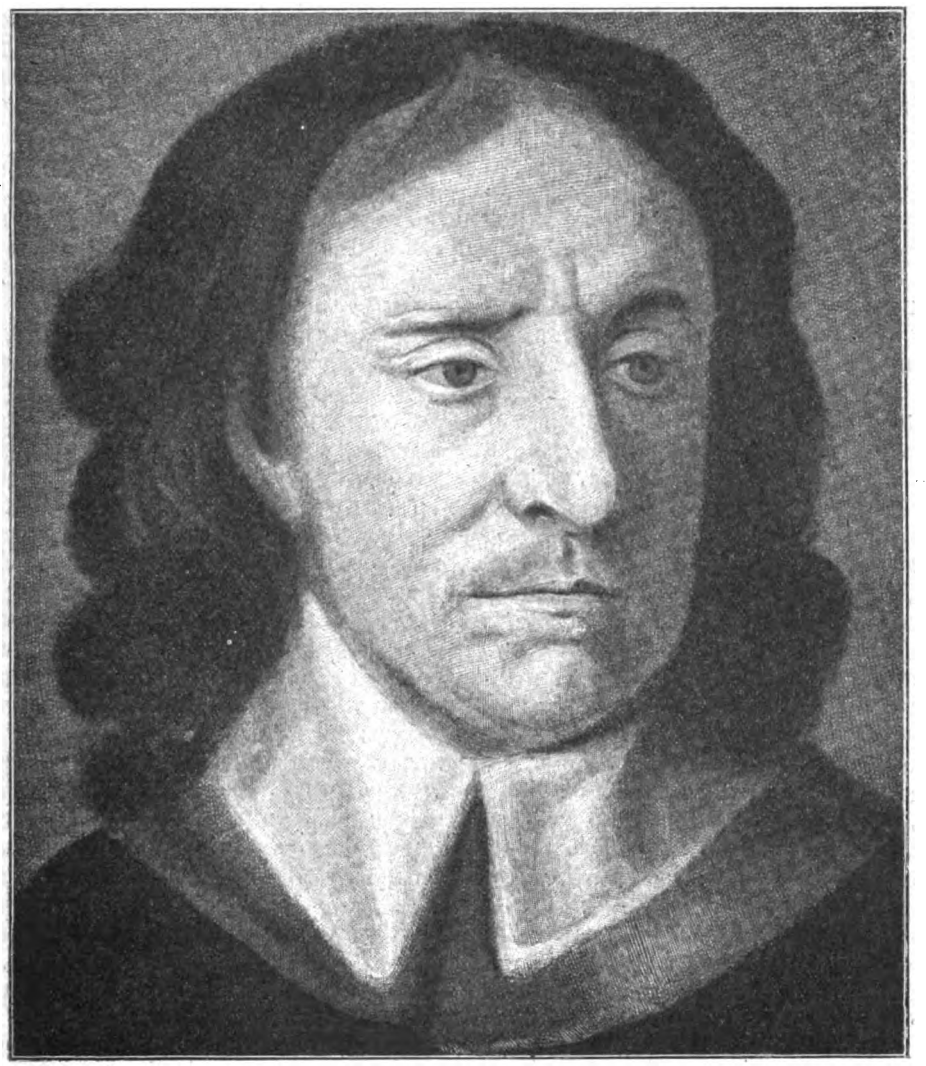
Digitized by Google

I.

Юные годы Оливера Кромвеля.

«По рожденію, я—джентльменъ средняго уровня, стоящій не очень высоко, но и не очень низко»,—говоритъ о себѣ Кромвель. Онъ былъ правнукомъ Ричарда Кромвеля, иначе — Вильямса, валлійца, изъ Кламорганшейра. Въ брачномъ актѣ будущій протекторъ даже названъ Оливеромъ Кромвелемъ, Вильямсомъ тожъ.

Этотъ Ричардъ былъ другомъ и агентомъ, а, можетъ быть, родственникомъ, Томаса Кромвеля — Желѣзной руки, служившаго Генриху VIII, основателю Англиканской церкви. Были ли они въ родствѣ между собою — неизвѣстно, но Ричардъ пользовался большимъ довѣріемъ, сначала—Томаса, а потомъ и самого короля, который пожаловалъ ему, изъ остатковъ конфискованнаго у Церкви имущества, всѣ доходы съ Хинчинбрукскаго пріората и съ Рамзейскаго аббатства въ Хёнтингдоншейрѣ. Сэръ Ричардъ оставилъ боль-



Оливеръ Кромвель.

(Съ портрета, писаннаго С. Куперомъ, въ Sidney Sussex College въ Кембриджѣ).

Digitized by Google

шое состояніе своему старшему сыну Генриху, котораго Елизавета сдѣлала баронетомъ. Этотъ «Золотой Рыцарь», какъ его прозвали за щедрость, былъ отцомъ сэра Оливера, тоже прославившагося щедростью. Кромѣ Оливера, у сэра Генри былъ еще сынъ Робертъ, ставшій отцомъ протектора.

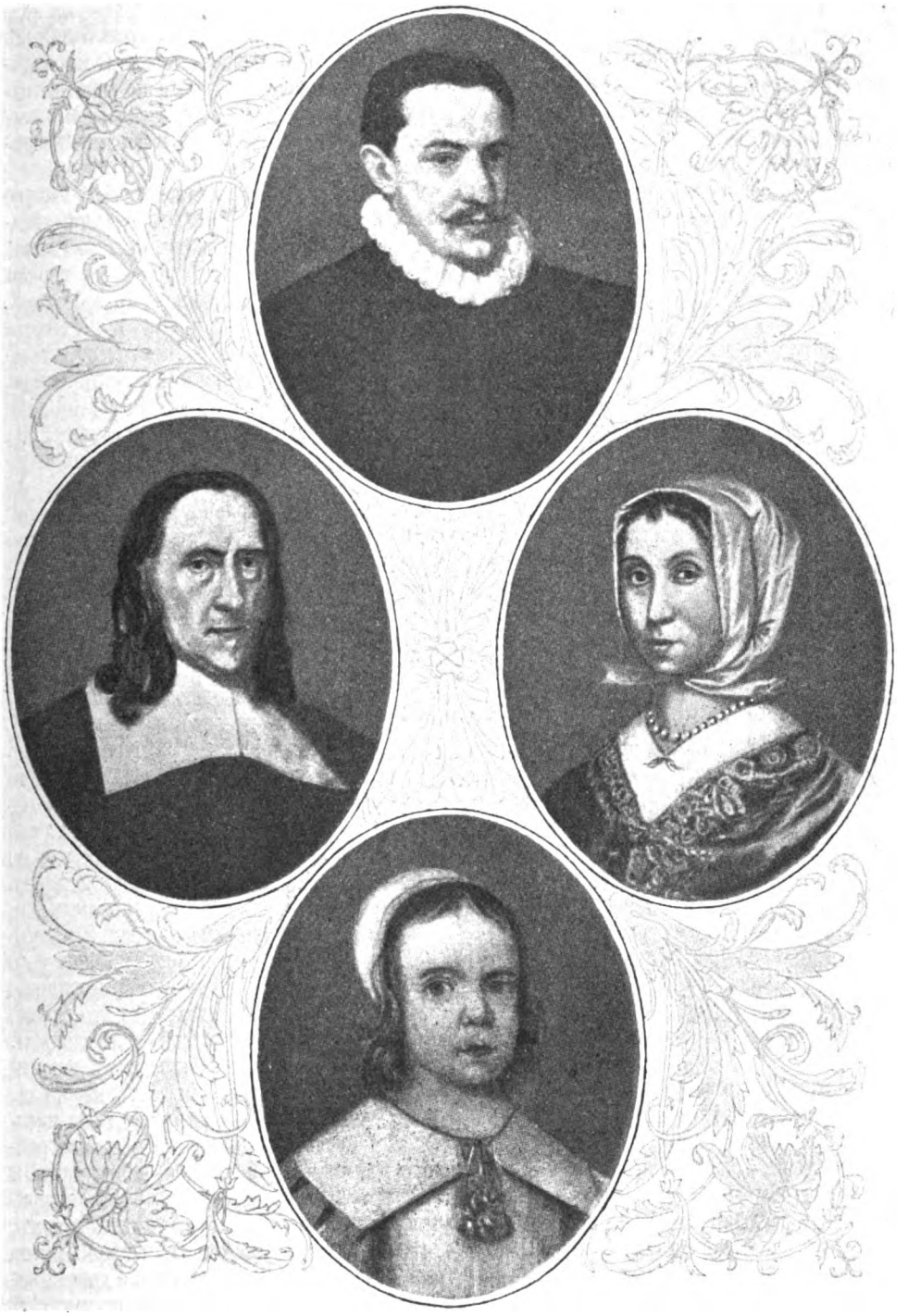
Робертъ Кромвель въ 1591 году женился на молодой вдовѣ, Елизаветѣ Ляйонсъ. Дѣвичья фамилія ея—Стюардъ—давала нѣкоторымъ изъ ея родственниковъ поводъ хвастаться, что они происходятъ отъ одного родоначальника съ шотландскимъ королевскимъ домомъ Стюартовъ. Если бы это была правда, то убійца короля оказался бы самъ королевской крови, но судьба рѣдко выкидываетъ такія штуки, и норфолькскіе Стюарды едва ли были родственниками шотландскимъ Стюартамъ, тѣмъ болѣе, что имя ихъ пишется не Steward, а Styward.

Оливеръ родился въ Хёнтингдонѣ 25-го апрѣля 1599 года. Онъ былъ единственнымъ сыномъ своихъ родителей, но дочерей у нихъ было десять, изъ коихъ три умерли во младенчествѣ. У Гомера есть строфа, въ которой говорится, что мальчику не хорошо рости среди большого количества дѣвочекъ, что характеръ его, при этомъ, ненормально развивается, но, если судить по Оливеру, то едва ли это правда, такъ какъ ни въ мужествѣ, ни въ твердости у него недостатка не было. По достиженіи извѣстнаго возраста Оливеръ былъ отданъ въ мѣстную школу. Учителемъ въ ней состоялъ докторъ Бёрдъ, весьма почтенный и ученый проповѣдникъ въ Хёнтингдонѣ. Онъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ комедій, двухъ трактатовъ о томъ, что папа есть не кто иной какъ Антихристъ, и маленькой брошюрки: «Театръ Божьяго Суда», въ которой онъ собралъ отовсюду примѣры бѣдствій, обрушившихся на головы грѣшниковъ, великихъ и малыхъ, но преимущественно — недоступныхъ, по своему положенію, для правосудія земного. Хёнтингдонское юношество, такимъ образомъ, изъ самаго источника черпало суровую пуританскую философію, по которой великіе міра сего, уже ipso facto, нуждались въ обузданіи.

Долго ли пробылъ Оливеръ въ школѣ доктора Бёрда, какія познанія оттуда вынесъ, успѣшно ли занимался и на что тратилъ свободное время,—мы не знаемъ и не находимъ нужнымъ догадываться. Въ 1616 году (апрѣля 23-го), будучи семнадцати лѣтъ отъ роду, онъ вступилъ въ Кембриджскій университетъ, въ Sidney Sussex College. Директоромъ этой коллегіи былъ тогда докторъ Самуилъ Уардъ, прекрасный и весьма образованный человѣкъ, принимавшій участіе въ переводѣ Библіи, который почему-то связанъ съ именемъ короля Іакова I. Онъ принималъ участіе также въ знаменитомъ Дортскомъ соборѣ (1619 г.), на которомъ кальвинизмъ восторжествовалъ надъ арминіанизмомъ. Коллегія, имъ управляемая, была, по словамъ архіепископа Laud'а, разсадникомъ чистаго пуританизма, такъ что относительно нравственной атмосферы, въ которой развивался Оливеръ и которая образовала его характеръ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Не больше какъ черезъ годъ по поступленіи въ университетъ (іюнь 1617 г.) Оливеръ потерялъ отца. Воротился ли онъ назадъ въ коллегію, мы не знаемъ. Равнымъ образомъ, остается неизвѣстнымъ и то, насколько справедливо преданіе, что онъ будто бы послѣ Кембриджа изучалъ юриспруденцію въ Линкольнсъ-Иннѣ. Это было тогда въ обычаѣ, и легко можетъ быть, что Оливеръ не избѣгъ общей участи. Трудно думать, однако же, чтобы онъ много вынесъ изъ своихъ ученыхъ занятій, къ которымъ, повидимому, не имѣлъ большой склонности. Есть нѣкоторыя указанія на то, что онъ порядочно зналъ математику, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ греческой и римской исторіи, могъ поддерживать поверхностные споры о правѣ. Голландскій посланникъ разсказываетъ, что говорилъ съ протекторомъ на латинскомъ языкѣ, но, по словамъ Бёрнета, латынь Кромвеля была очень плоха, а изъ новыхъ языковъ онъ не владѣлъ ни однимъ, кромѣ родного. Существуетъ преданіе, что протекторъ самымъ ученымъ образомъ обсуждалъ вопросъ о правѣ на казнь короля, но едва ли эта ученость была имъ почерпнута изъ книгъ, а скорѣе изъ разговоровъ и собственнаго разума. Кромвель былъ положительно лишенъ изящнаго вкуса, который такъ ярко высказывается въ нѣкоторыхъ его современникахъ, напримѣръ, въ Карлѣ I, любителѣ, знатокѣ и коллекціонерѣ произведеній живописи. Онъ не былъ похожъ ни на сэра Джона Эліота, проводившаго время своего заключенія въ Тоуэрѣ съ Платономъ и Сенекой; ни на Мильтона, переходившаго изъ тихой атмосферы

Digitized by Google



Вверху: Сэръ Оливеръ Кромвель, дядя протектора.—Въ срединѣ справа: Робертъ Кромвель, отецъ протектора; слѣва: Елизавета Кромвель, мать протектора. — Внизу: Оливеръ Кромвель, протекторъ, двухъ лѣтъ отъ роду.

Digitized by Google

кабинетныхъ занятій къ дѣятельной роли въ смутной гражданской жизни того времени; ни на Фоклэнда, въ которомъ, по словамъ Кларендона, оксфордскіе его сверстники находили «такое неподражаемое остроуміе и такую глубину мысли, такую блестящую фантазію и такой строгій разумъ, такую широкую эрудицію при рѣдкой, даже излишней, скромности, что они смотрѣли на него какъ на цѣлый университетъ и, вмѣсто лекцій, пользовались его бесѣдами на чистомъ воздухѣ». Кромвель принадлежалъ къ совершенно другому типу. Бэконъ сказалъ про сэра Эдуарда Кука, что, вмѣсто людей, онъ предпочитаетъ бесѣдовать съ книгами; о Кромвелѣ можно сказать совершенно обратное,—единственной книгой для него была Библія.

Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы догадываться о размѣрахъ эрудиціи Оливера, посмотримъ лучше, какія мысли онъ самъ высказывалъ по поводу образованія своего старшаго сына. «Я бы хотѣлъ сдѣлать его дѣловымъ, практичнымъ человѣкомъ», сказалъ Кромвель; «познакомьтесь немножко съ исторіей, изучите математику и космографію. Это необходимо для того, чтобы знать порядокъ, устроенный Богомъ... А, кромѣ того, это нужно знать и для дѣлъ общественныхъ, въ которыхъ каждый долженъ участвовать. Боритесь съ лѣнью, тщеславіемъ и не гоняйтесь за удовольствіями. Въ свободное время читайте «Исторію» сэра Вальтера Ралея. Это—капитальное сочиненіе и дастъ вамъ больше, чѣмъ разные отрывки». «Древо познанія», говорилъ Оливеръ сыну, «растетъ не внѣ, а внутри человѣка, преобразуя его умъ и подготовляя послѣдній къ пріобрѣтенію знаній, которыя не должны быть ни черезчуръ теоретическими, ни исключительно практическими».

Эти краткія замѣчанія, сдѣланныя Кромвелемъ уже въ зрѣлые годы, заключаютъ въ себѣ цѣлую программу. Человѣкъ рожденъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, а не для того, чтобы быть простымъ зрителемъ; онъ долженъ быть практиченъ и больше всего остерегаться лѣни да тщеславія; онъ долженъ работать, а не наслаждаться; исторія человѣчества должна быть изучаема въ цѣломъ, а не отрывками; истинное знаніе состоитъ не въ обиліи практическихъ свѣдѣній, но и не въ абстрактныхъ теоріяхъ, а въ выработкѣ ума до такой степени, чтобы онъ могъ воспринять и то и другое въ надлежащихъ размѣрахъ, въ соотвѣтствіи съ характеромъ человѣка и съ волею Провидѣнія. Замѣчанія эти кратки и не систематичны, но въ нихъ есть общая связь, они выражаютъ, вѣроятно, общій тонъ того воспитанія, которое получилъ самъ Оливеръ.

Какъ жилъ Оливеръ до женитьбы,—мы не знаемъ. Въ августѣ 1620 г., будучи двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, онъ сочетался бракомъ съ Елизаветой Бурше, въ церкви St. Giles (Лондонъ, Криппльгэтъ), той самой, въ которой пятьдесятъ четыре года спустя былъ похороненъ Джонъ Мильтонъ. Елизавета была дочерью купца изъ Тоуэръ-Хилля, эссекскаго землевладѣльца и рыцаря (knight), родственника Хемпденовъ. Повидимому, она обладала мягкимъ и привязчивымъ характеромъ, скромностью, любовью къ тихой, семейной жизни и довольно широкимъ развитіемъ, но въ бурной общественной жизни мужа участія не принимала. Замужество ставитъ иногда дѣвушекъ въ неожиданныя положенія: плавала лодочка въ тихомъ заливѣ, и вдругъ, однимъ порывомъ вѣтра, ее выноситъ въ океанъ, къ борьбѣ съ сѣдыми волнами котораго она отнюдь не была подготовлена. Когда смутное время кончилось и Карлъ II водворился въ Уайтголлѣ, то въ канцелярію государственнаго совѣта пришла бумага, отмѣченная секретаремъ такъ: «Отъ старой мистрессъ Кромвель, вдовы Оливера». Бѣдная старушка клянется, что никогда не принимала участія ни въ какихъ дѣяніяхъ своего мужа, направленныхъ противъ его величества или покойнаго короля, а въ особенности въ томъ, что ничего не знаетъ о судьбѣ коронныхъ бриллiантовъ, похищеніе которыхъ ей приписывается. Но это случилось уже сорокъ лѣтъ спустя послѣ свадьбы.

Разсказы о кутежахъ Оливера въ юности не заслуживаютъ вниманія. Ихъ изобрѣла, вѣроятно, партійная ненависть, такъ какъ никакими очевидными доказательствами разсказы эти не подкрѣпляются, равно какъ и тѣ показанія, что Кромвель будто бы примѣривалъ себѣ корону, видѣлъ сонъ о томъ, что будетъ королемъ Англіи, и проч. Точно такъ же несправедлива выдумка о коврѣ, завѣшивающемъ дверь комнаты, въ которой Оливеръ родился, о томъ, что на этомъ коврѣ находилось изображеніе діавола. Есть, впрочемъ, одно письмо Кромвеля, на нѣсколькихъ строчкахъ котораго желающіе могутъ

Digitized by Google

строить какія угодно предположенія о порочной жизни. Вотъ эти строчки: «Вы знаете, какую жизнь я велъ», пишетъ Оливеръ своей родственницѣ, женѣ Оливера Сентъ-Джона, въ 1638 г. «О, я жилъ во мракѣ и ненавидѣлъ свѣтъ; я былъ величайшимъ грѣшникомъ. Это вѣрно; я ненавидѣлъ благочестіе, но Господь смиловался надо мною.»

Серіозно выводить изъ этихъ строкъ, что жизнь Кромвеля въ молодости была, въ самомъ дѣлѣ, порочна, значило бы то же самое, что признать Бёніана негодяемъ, на основаніи его покаянныхъ самообвиненій въ «Grace Abonding». Изъ другихъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ только, что Кромвель, на ряду съ прочими людьми, искренно стремящимися къ истинѣ, не избѣжалъ глубокихъ религіозныхъ сомнѣній, постигающихъ почти всякаго, кто смотритъ на религію не съ чисто формальной точки зрѣнія. Иные изъ этихъ людей, разъ впавъ въ соблазнъ, остаются навсегда оторванными отъ Церкви, а другіе, обладающіе натурой болѣе сильной, выходятъ изъ борьбы побѣдителями, укрѣпленными, просвѣщенными, очищенными своей внутренней работою. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Оливеръ. Обладая меланхолическимъ темпераментомъ, онъ долженъ былъ сильно страдать въ минуты сомнѣній, но когда пришло время дѣйствовать, то онъ, благодаря активности своей натуры, разомъ стряхнулъ съ себя всякія заблужденія и явился къ дѣлу съ твердой, непоколебимой вѣрой и ясной душою.

Король Карлъ I въ разныхъ видахъ.
(Съ картины Ванъ-Дейка, въ Виндзорскомъ замкѣ).

Послѣ женитьбы Кромвель вернулся домой, въ Хёнтингдонъ и провелъ тамъ одиннадцать лѣтъ, хозяйничая на маленькой земелькѣ, оставленной ему въ наслѣдство отцомъ. Вѣрить въ весьма распространенное преданіе, будто бы онъ былъ сыномъ пиво-

Digitized by Google

вара, нѣтъ никакихъ основаній. Робертъ Кромвель, несомнѣнно, жилъ сельскимъ хозяиномъ, и если ему случалось когда-нибудь варить пиво, для себя или даже для сосѣдей, не имѣвшихъ проточной воды, то это еще не дѣлаетъ его пивоваромъ. Впрочемъ, такое преданіе рѣшительно ничего не измѣняетъ, и мы можемъ принять или отвергнуть его безъ всякихъ особыхъ послѣдствій.

Старшая линія Кромвелей, тѣмъ временемъ, падала все ниже и ниже, такъ что въ 1627 г. Хинчинбрукъ былъ проданъ нѣкоему Монтэгю, отцу адмирала, содѣйствовавшаго возвращенію Карла II, и дядѣ того графа Манчестера, которымъ Оливеръ былъ впослѣдствіи вовлеченъ въ гражданскую распрю. Упадокъ фамиліи не повліялъ, должно быть, на личное положеніе Оливера, такъ какъ въ 1628 году мы видимъ его представителемъ Хёнтингдона въ парламентѣ.

Это былъ знаменитый третій парламентъ, выработавшій и проведшій петицію о правахъ—актъ, узаконивающій противодѣйствіе всякому насилію надъ личностью: аресту и тюремному заключенію безъ суда; расквартированію солдатъ и матросовъ въ домахъ частныхъ лицъ, противъ воли владѣльцевъ; публикаціи и выполненію деспотическихъ декретовъ, опирающихся на военное положеніе, и проч.

Здѣсь новый членъ парламента, едва достигшій двадцатидевятилѣтняго возраста, познакомился съ первымъ поколѣніемъ борцовъ за гражданскія права и свободу сыновъ Англіи, увидалъ ихъ при выполненіи трудной и благородной задачи. Здѣсь онъ сошелся съ трудолюбивымъ и дальновиднымъ сэромъ Джономъ Эліотомъ, съ мудрымъ и энергичнымъ Пимомъ, краснорѣчивыми ораторами и опытными тактиками парламентаризма. Здѣсь онъ увидалъ первыхъ юристовъ времени—Кука, восьмидесятилѣтняго старика, столь же дѣятельнаго и ловкаго теперь, когда онъ стоялъ на сторонѣ народа, какъ и тогда, когда онъ держался стороны правительства; Гленвиля, Сельдена и другихъ выдающихся людей, всѣми мѣрами отстаивающихъ старые законы и старыя вольности, съ эрудиціей, жаромъ и благоразуміемъ, достойными палаты общинъ. Рядомъ съ нимъ, въ этой палатѣ, сидѣлъ родственникъ его Гемпденъ, имя котораго скоро сдѣлалось символомъ гражданской доблести и любви къ родинѣ; на той же скамьѣ сидѣлъ Уэнтвёртъ, во многихъ отношеніяхъ мужественнѣйшій и могущественнѣйшій изъ политическихъ геніевъ Англіи, въ послѣдній разъ употреблявшій свой рѣдкій даръ слова на пользу народа.

Вся двѣнадцатимѣсячная безпощадная борьба съ деспотическими новшествами въ гражданской жизни и суровой реакціей въ дѣлахъ Церкви, вплоть до приснопамятной въ англійской исторіи сцены, когда Холльсъ и Валентайнъ силой удержали спикера въ креслѣ, для того, чтобы доказать право палаты не расходиться и поддержать резолюцію Эліота о противодѣйствіи королю,—вся эта достославная борьба прошла передъ глазами Кромвеля. Первая и единственная его рѣчь въ этомъ парламентѣ касалась случая, въ которомъ одинъ епископъ-реакціонеръ поддержалъ какого-то священника, проповѣдывавшаго папство въ церкви Св. Павла и запретилъ пуританамъ отвѣчать. Третій парламентъ былъ вдругъ распущенъ (мартъ 1629 г.), и затѣмъ одиннадцать лѣтъ правительство обходилось безъ созыва представителей народа.

Мы не имѣемъ никакихъ основаній вѣрить баснѣ, что будто бы въ 1636 г. Кромвель, вмѣстѣ съ Гемпденомъ, отчаявшись въ судьбахъ своей родины, бѣжали въ Америку, но что корабль ихъ былъ остановленъ и возвращенъ по приказанію совѣта. Достоинъ довѣрія, однако же, разсказъ Кларендона, изъ котораго видно, что пять лѣтъ спустя, въ тотъ день, когда прошла Великая Ремонстранція, Кромвель шепнулъ Фоклэнду, что если бы ее отвергли, то онъ на другой же день продалъ бы все свое имущество и бѣжалъ бы изъ Англіи, вмѣстѣ со многими другими честными людьми. Роялистскій историкъ по этому поводу горюетъ о томъ, что освобожденіе Англіи отъ злодѣя было такъ близко и, тѣмъ не менѣе, не состоялось.

Земельная собственность Кромвеля тѣмъ временемъ возросла благодаря наслѣдству дяди, Ричарда. Спустя два года по возвращеніи изъ Лондона (1631) Оливеръ продалъ все свое Хёнтингдонское помѣстье за восемнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. На эти деньги онъ арендовалъ и эксплоатировалъ луга, къ востоку отъ St-Ives'а, на пять миль ниже его по рѣкѣ, гдѣ и оставался, занимаясь личными дѣлами и издали наблюдая за тучей, надвигавшейся на Англію. Въ то же время, своимъ чередомъ, шла его семейная жизнь. Родилось девять человѣкъ дѣтей. Крестилъ онъ ихъ по общему обычаю

Digitized by Google

и даже одинъ разъ позвалъ въ воспріемники викарія, члена коллегіи св. Іоанна въ Кембриджѣ. Помимо личныхъ дѣлъ, Оливеръ занимался и мѣстными общественными. Одинъ разъ въ Хёнтингдонѣ его горячность и грубая рѣчь навлекли на него большія непріятности. Дѣло было въ томъ, что новое устройство муниципальныхъ учрежденій превратило ихъ изъ весьма популярной открытой корпораціи въ закрытую. Кромвель, бывшій мировымъ судьей, сильно ратовалъ противъ нововведенія, и при томъ такъ невѣжливо, что мэръ и ольдермены пожаловались на него Тайному совѣту королевства, и въ одинъ прекрасный день, по приказу послѣдняго, Оливеръ былъ арестованъ и отвезенъ въ Лондонъ (ноябрь 1630 г.). Тамъ, послѣ продолжительной судебной волокиты, признавшись, что говорилъ во гнѣвѣ и раздраженіи, прося простить ему это увлеченіе и взявъ свои слова назадъ, Кромвель былъ освобожденъ.

Королева Генріетта-Марія.
(Съ портрета Ванъ-Дейка, въ Виндзорскомъ замкѣ).

Въ 1636 году онъ переѣхалъ изъ St-Ives'а въ Ely, гдѣ сталъ жить вмѣстѣ со старухой-матерью и незамужними сестрами. Въ этомъ же году умеръ его дядя съ материнской стороны, оставивъ ему, по наслѣдству, откупъ

Digitized by Google

церковной десятины, въ свою очередь, унаслѣдованный имъ отъ своего отца. Въ Ely Кромвель прожилъ до 1647 года.

Не избѣжалъ онъ и тяжкаго горя, выпадающаго на долю почти каждаго изъ смертныхъ: въ 1639 г. умеръ его старшій сынъ, многообѣщавшій юноша. Много лѣтъ спустя, Оливеръ, лежа больной въ Гемптонъ-Кортѣ, попросилъ прочесть себѣ слѣдующій параграфъ изъ Библіи: «Я не говорю о нуждѣ и лишеніяхъ, потому что выучился быть довольнымъ тѣмъ, что имѣю. Я знаю, что значитъ быть превознесеннымъ; всегда и вездѣ я сумѣю и насытиться и быть голоднымъ, терпѣть нужду и быть вполнѣ удовлетвореннымъ. Я на все готовъ и все могу, съ помощію Іисуса Христа, меня укрѣпляющею.» По прочтеніи этого отрывка Кромвель, самъ тогда умиравшій, сказалъ: «Эти строки спасли мнѣ жизнь, когда умеръ мой старшій сынъ, что, для меня, равнялось удару ножа въ сердце.»

Твердость духа, основанная на религіи, пронесла Кромвеля цѣлымъ и невредимымъ черезъ всѣ испытанія, которыя ему пришлось перенести. Такая твердость гораздо выше стоической покорности неизбѣжному, потому что влагаетъ въ это послѣднее разумную цѣль.

Первое изъ сохранившихся писемъ Кромвеля уже свидѣтельствуетъ о господствующемъ его настроеніи и мысляхъ, постоянно его занимающихъ. Письмо это касалось найма проповѣдника для St-Ives'ской церкви. Надо замѣтить, что проповѣдники тогда нанимались приходами, помимо оффиціальнаго священника, обязанность котораго состояла только въ томъ, чтобы совершать богослуженіе. Кромвель пишетъ своему пріятелю въ Лондонъ (1635), прося его найти подходящее для этого лицо. Величайшимъ изъ добрыхъ дѣлъ, говоритъ онъ, являются заботы о снабженіи людей духовною пищею. «Постройка больницъ снабжаетъ удобствами тѣло; постройка матеріальныхъ храмовъ считается дѣломъ благотворительности; но настоящимъ благотворителемъ, даже благодѣтелемъ является тотъ, кто заботится о снабженіи пищею души—строитъ храмы духовные.» Между тѣмъ, почти въ то же время (1635 г.), родственникъ Кромвеля, совѣтуется съ другимъ родственникомъ, Оливеромъ St-John, насчетъ противодѣйствія декрету о корабельной таксѣ; Лодъ, архіепископъ Кентерберійскій, занятъ составленіемъ новаго молитвенника, долженствующаго переродить Шотландію, а Уэнтвёртъ борится за лучшій порядокъ въ Ирландіи.

II.

Законы, король и королева.

На долю историковъ, работавшихъ надъ разъясненіемъ борьбы, которая происходила въ семнадцатомъ вѣкѣ между монархіей и парламентомъ, выпала трудная задача. Имъ приходилось рыться во множествѣ хартій и старыхъ законовъ, справляться съ господствовавшими тогда обычаями и традиціями, повѣрять прецеденты и проч., на основаніи которыхъ общины защищали свои привилегіи, а король—свои прерогативы. Которая изъ этихъ двухъ враждовавшихъ сторонъ была права и насколько, дѣйствительно ли «педантизмъ» тогдашнихъ юристовъ служилъ лишь маской для твердаго рѣшенія, сложившагося въ нихъ подъ вліяніемъ мотивовъ совершенно не книжнаго свойства,—судить не намъ. Въ какой степени было развито выборное начало въ старой монархіи и до какихъ предѣловъ было оно демократичнымъ; какая разница существовала между прерогативами королей изъ дома Плантагенетовъ и Тюдоровъ; какъ далеко простирался контроль парламента надъ законодательствомъ и фискомъ при первыхъ трехъ Эдуардахъ и при послѣднихъ трехъ Генрихахъ; дѣйствительно ли борцы за народную свободу въ семнадцатомъ столѣтіи отступили отъ теоріи и практики, присущихъ работѣ всѣхъ парламентовъ, отъ Эдуарда I до Елизаветы; дѣйствительно ли король Карль I не былъ консерваторомъ, стоявшимъ на почвѣ старой конституціи, — все это вопросы очень интересные, но къ исторіи Кромвеля они никакого отношенія не имѣютъ. Онъ появляется на сценѣ лишь въ ту минуту, когда законники и конституціоналисты сходятъ съ нея, когда «тѣсный путь законовъ, статутовъ, обычаевъ» былъ окончательно брошенъ.

Во времена Вашингтона вопросы о правѣ англійскаго парламента облагать налогами колонистовъ Виргиніи или Массачузетса были сразу отодвинуты на задній планъ. Законъ могъ быть на сторонѣ короля Георга, но свобода была на сторонѣ колонистовъ, и они рѣшились побѣдить или умереть. Во-

Digitized by Google

просы о конституціи въ семнадцатомъ столѣтіи были, конечно, болѣе сложны и глубоки, но рѣшать ихъ приходилось почти тѣмъ же путемъ. «Палатѣ общинъ», говоритъ историкъ, «пришлось тогда сыграть ту же роль, какую играли бароны, боровшіеся съ королемъ Джономъ, и графы, боровшіеся съ Эдуардомъ. Подробности ихъ требованій могли быть не совсѣмъ правильны, но общій духъ старой конституціи стоялъ за нихъ.» (Гардинеръ). Въ конституціяхъ неписаныхъ, какова была англійская при вступленіи на престолъ Карла I, все дѣло въ духѣ. Большинство основныхъ принциповъ, на которыхъ она теперь покоится, какъ на каменномъ фундаментѣ, не были еще тогда окончательно выработаны и подвергались безпрестанному оспариванію.

Для человѣка, подобнаго Кромвелю, всѣ эти вопросы казались до такой степени простыми, что онъ рѣшилъ ихъ, не заглядывая въ исторію. Если коронныя учрежденія оказываются неудовлетворительными, то съ какой же стати дозволять королю облагать своихъ подданныхъ налогами? Почему вообще налоги назначаются исключительно короною? Не лучше ли поручить это дѣло учрежденіямъ общественнымъ? Почему бы послѣднимъ не имѣть также голоса при назначеніи агентовъ исполнительной власти, съ надлежащею за это отвѣтственностью? Неужели свобода гражданъ должна всецѣло зависѣть отъ судей, назначаемыхъ и смѣняемыхъ по произволу короля? Что можетъ быть сдѣлано—этотъ пунктъ самый главный—для того, чтобы предотвратить захватъ власти епископами, пробудить отъ лѣни духовенство вообще, снабдить населеніе добрыми пастырями душъ и проповѣдниками, наконецъ—сурово оттолкнуть надвигающіяся волны католицизма или арминіанства? Вотъ въ какомъ простомъ видѣ представлялись всѣ запутанные вопросы уму искренняго и не книжнаго человѣка. Фискъ и религія всегда были главными двигателями революцій, а въ Англіи семнадцатаго столѣтія то и другое сразу выдвинулось на первый планъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что писанный законъ во многихъ случаяхъ былъ на сторонѣ короля и что общины, еще до открытой революціи, нарушали и формальный смыслъ и духъ этого закона. Карлъ не былъ англичаниномъ ни по происхожденію, ни по воспитанію, ни по темпераменту, но по методу своей защиты онъ оказался такимъ же завзятымъ законникомъ, какъ Кукъ, Сельденъ, Сентъ-Джонъ или любой англичанинъ. Онъ былъ формалистъ въ худшемъ смыслѣ этого слова, и если настаивать на приложеніи мертвой, сухой и узкой теоріи къ живому, текущему дѣлу значитъ быть педантомъ, то никто больше короля Карла не заслужилъ этого имени. Какъ король, такъ и общины, впрочемъ, прекрасно понимали, что жизненные вопросы будущаго не могутъ быть рѣшены ссылками на прошедшее. Главный изъ этихъ вопросовъ состоялъ въ томъ, должны ли прерогативы королевской власти лежать въ основѣ управленія Англіей. Король говорилъ, что это всегда такъ было и такъ должно оставаться. Онъ живалъ за границей, видѣлъ дворы Парижа и Мадрида, а потому не могъ понять, почему французскій или испанскій абсолютизмъ не можетъ быть насажденъ въ Уайтхоллѣ. Не могла этого понять и Высокая Церковь, въ свою очередь поддерживавшая абсолютизмъ.

Но если такъ думалъ Карлъ и его сателлиты, епископы, то Пимъ, Хемпденъ и ихъ друзья рѣшили, что въ основѣ управленія Англіей должны лежать парламентъ и палата общинъ, какъ его часть. Они требовали для парламента правъ издавать законы, чеканить монету, распредѣлять налоги, надзирать за приложеніемъ своихъ постановленій и контролировать исполнительную власть, долженствующую сдѣлаться отвѣтственною за свои поступки. А, помимо того, они еще вмѣшивались въ дѣла короля какъ главы Церкви. Въ результатѣ этого столкновенія, Англія попала въ водоворотъ религіозныхъ волненій, охватившихъ весь христіанскій міръ и болѣе столѣтія обагрявшихъ Европу кровью, опрокидывавшихъ троны, перемѣщавшихъ власть изъ однѣхъ рукъ въ другія и вообще измѣнившихъ какъ внѣшній видъ, такъ и внутренній строй большинства европейскихъ государствъ.

Справедливо говорится, что всеобщая исторія составляетъ большую часть всякой національной. Фонарь, освѣщающій дорогу отдѣльной націи, получаетъ свой свѣтъ отъ центральнаго огня, освѣщающаго путь всей расы. Англичане никогда не были менѣе островитянами, по ходу мысли и интересовъ, чѣмъ въ семнадцатомъ столѣтіи. Ко дню смерти Кальвина (1564 г.) господство католицизма казалось сохранившимся только на

Digitized by Google

двухъ полуостровахъ — Апеннинскомъ и Пиринейскомъ. Къ сѣверу отъ Альпъ и Пиринеевъ Реформація все захватила въ свои руки. Но за первымъ ея приливомъ послѣдовалъ отливъ. Власть папы ожила; моральное господство ея возстановилось; контръреформація, или католическая реакція, ко времени появленія на сценѣ исторіи Карла I и Кромвеля, оказалась побѣдительницей во многихъ мѣстахъ. Подпольная дѣятельность іезуитовъ, поддерживаемая свѣтской властью, много содѣйствовала обратному завоеванію папою христіанскаго міра. А какъ сильна была поддержка, оказываемая великому дѣлу свѣтской властью, въ этомъ англичане могли убѣдиться воочію. Едва ли они когда-либо забудутъ Марію Тюдоръ и протестантскихъ мучениковъ. Въ 1567 году Альба установилъ свое кровавое управленіе въ Нидерландахъ. Въ 1572 году обратное завоеваніе папою Франціи началось съ Варѳоломеевской ночи. Въ 1588 году, въ Британскомъ Каналѣ появилась Армада, предназначенная для подчиненія Англіи папской власти. Въ 1605 году Гью Фауксъ заложилъ свои боченки съ порохомъ подъ палату лордовъ. Таковы были факты, вполнѣ объясняющіе враждебное настроеніе англичанъ противъ папы и католичества,—настроеніе, проявлявшееся, между прочимъ, тѣми монотонными причитаніями, надъ которыми мы теперь смѣемся.

Британія и Голландія явились тогда крѣпостями протестантизма. Надо замѣтить, однако же, что въ Голландіи католичество съ каждымъ днемъ усиливалось, а въ Британіи число католиковъ хотя и пало со временъ Елизаветы (при которой цѣлая треть населенія исповѣдывала католическую религію), но при Іаковѣ и Карлѣ Первомъ стало вновь возрастать. Народъ съ ужасомъ насчитывалъ до девяноста католиковъ, занимавшихъ высшія должности или состоявшихъ при дворѣ, а кромѣ того и въ числѣ богатыхъ землевладѣльцевъ можно было насчитать до двухсотъ католическихъ фамилій.

То, что такъ пугало Англію, не могло не дѣйствовать ободряющимъ образомъ на предпріимчиваго папу Урбана VIII, желавшаго возвратить въ лоно единой истинной вѣры ту страну, которую другой папа тысячу лѣтъ тому назадъ, первый пріобщилъ къ этой вѣрѣ. Урбанъ поэтому слалъ въ Англію посла за посломъ: сначала — Панцани, потомъ—Кунео, потомъ—Россетти. Но присутствіе папскихъ нунціевъ въ Уайтхоллѣ только раздражало англійскихъ протестантовъ тѣмъ болѣе, что на континентѣ шла въ это время кровавая борьба, имѣвшая нѣкоторое касательство къ религіозной распрѣ. Тридцатилѣтняя война (1618—1648 г.г.), въ самомъ дѣлѣ, не чужда была и религіозныхъ мотивовъ, такъ что сама по себѣ могла привлекать вниманіе англичанъ, не говоря уже о томъ, что электоръ-палатинъ былъ женатъ на дочери Іакова I.

Двойная, отчасти политическая, отчасти религіозная, распря въ Англіи была вызвана, конечно, не Карломъ I. Онъ получилъ ее въ наслѣдство вмѣстѣ съ короною. Во всѣхъ почти странахъ Европы шла тогда борьба между монархами и коллегіями избранниковъ народа, причемъ обладаніе концентрированной властью и военной силой почти всегда давало первымъ перевѣсъ надъ послѣдними, то къ ущербу дворянства, то къ ущербу буржуазіи. «Незабвенная» королева Елизавета,—«намъ нестыдно называть ее такъ», говорилъ Кромвель,—довела прерогативы короны до высшей точки. Въ сорокъ пять лѣтъ ея царствованія парламентъ собирался только тринадцать разъ, и жалобы на это послышались лишь при концѣ ея жизни. Исторія англійской конституціи, за время царствованія Елизаветы, исключая одинъ моментъ — провозглашеніе самостоятельности Англиканской церкви—представляетъ собою пустыя страницы. Несмотря, однако же, на привычное въ то время и довольно понятное низкопоклонство передъ такой могущественной и властолюбивой государыней, какова была Елизавета, даже и въ ея царствованіе начинаютъ уже появляться кое-какіе признаки недовольства правительственнымъ произволомъ. Царствованіе Іакова представляетъ собою уже одно сплошное недовольство, которое росло въ теченіе двадцати лѣтъ. Борьба за это время постоянно развивалась. Самыя стѣснительныя и невѣроятныя претензіи, заявленныя впослѣдствіи Карломъ, были впервые выдвинуты его отцомъ.

Ни темпераментъ Карла, ни воспитаніе, имъ полученное, ни политическая атмосфера, въ которой онъ вращался, не могли помочь ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Изъ зала королевскаго совѣта, изъ церкви, съ судейской скамьи,—изъ всѣхъ трехъ центровъ организованнаго правительства, — къ

Digitized by Google

нему неслись ободряющіе крики, повсюду онъ встрѣчалъ одобреніе абсолютизму, повсюду находилъ практическіе уроки примѣненія сильной власти. Съ религіозной стороны онъ тоже внушалъ своимъ подданнымъ нѣкоторыя подозрѣнія. Мать его, Анна, принцесса датская, ведя жизнь полную удовольствій, въ душѣ была, вѣроятно, католичкой; что же касается бабки, Маріи, королевы Шотландской, то она считалась признанной защитницей и представительницей католицизма въ обоихъ королевствахъ. Отъ нея и отъ ея матери, Маріи Гизъ, Карлъ наслѣдовалъ кровь могучаго Лотарингскаго дома, издавна служившаго знаменоносцемъ католической церкви во Франціи. Черезъ нѣсколько недѣль по восшествіи на престолъ (май 1625 г.), Карлъ женился на сестрѣ короля Франціи, дочери Генриха Наваррскаго. Жена его, пятнадцатилѣтній полуребенокъ, принадлежавшій, съ одной стороны, къ семьѣ Бурбоновъ, а съ другой—къ семьѣ Медичи, была ревностной католичкой, покорной служительницей папы. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Карлъ былъ близокъ къ перемѣнѣ религіи, но, въ спорахъ съ папскими эмиссарами, окружавшими королеву, ему очень трудно было защищать пуританскіе идеи, принципы и чаянія, къ которымъ онъ чувствовалъ такое же враждебное отвращеніе, какое Марія Стюартъ чувствовала къ проповѣдямъ и ученію Джона Нокса.

Принято думать, что антагонизмъ между Карломъ и его парламентомъ возникъ роковымъ образомъ, какъ историческая необходимость. Но тутъ является вопросъ: насколько эта необходимость была обусловлена характеромъ и стремленіями дѣйствующихъ лицъ? Что бы было, если бы Карлъ обладалъ качествами Кромвеля—сильной волей, активной энергіей, могучимъ здравымъ смысломъ, непреклонной рѣшимостью,—какъ бы тогда пошли дѣла? Или предположимъ, что Оливеръ родился на тронѣ и унаслѣдовалъ положеніе Карла? И въ томъ и въ другомъ случаѣ, англійская конституція, служащая теперь образцомъ всему міру, могла бы вылиться совсѣмъ въ другую форму. Впрочемъ, какъ ни интересны эти вопросы, они все же являются праздными. Карлъ не былъ тѣмъ, чѣмъ не могъ быть. Онъ не обладалъ ни дальновидностью, ни энергіей, ни «взглядомъ», ни «натискомъ». Его погубило не одно только двуличіе. Къ сожалѣнію, двуличные люди очень часто играли въ исторіи выдающуюся роль. Карлъ былъ двуличенъ, какъ не особенно умный человѣкъ, начитавшійся Бэконовскаго очерка о симуляціи и диссимуляціи, но неуспѣвшій переварить прочитаннаго, пожалуй, даже не замѣтившій самой первой фразы, въ которой говорится, что притворство есть орудіе слабыхъ душъ, такъ какъ сильный умъ и твердое сердце умѣютъ обходиться и безъ него. Великіе обманщики всегда являются, стало быть, весьма плохими политиками.

Главнымъ недостаткомъ Карла—и очень важнымъ въ государственномъ человѣкѣ—была его неспособность видѣть вещи, какъ онѣ есть. Онъ обладалъ логикой, воображеніемъ, изящнымъ вкусомъ, но былъ, въ сущности, идеалистъ, мечтатель, вообще—болѣе хорошій, чѣмъ дурной человѣкъ, только мечты, идеалы и теоріи его не имѣли никакой реальной связи съ дѣйствительностью и тяжелымъ долгомъ, выпадающимъ на долю правителя въ бурныя времена. Карлъ очень любилъ хорошія картины и обладалъ недюжиннымъ литературнымъ вкусомъ. Находясь въ заключеніи, онъ посвящалъ свое время не одному только чтенію «Церковнаго Устройства» Гукера или бесѣдамъ съ епископомъ Эндрьюсомъ, но читалъ и Тасса, и Аріоста, и, главнымъ образомъ, Шекспира.

Карлъ обладалъ даже качествами хорошаго правителя: внимательно относился къ государственнымъ дѣламъ, былъ методиченъ, полонъ достоинства, насколько это доступно для человѣка, лишеннаго внутренняго нравственнаго величія, очень экономенъ и вообще уважаемъ народомъ. Только манеры его, хотя и не рѣзкія, были лишены снисходительности и благодушія. «Онъ отъ природы былъ такъ устроенъ», говоритъ венеціанскій посланникъ, «что никогда ни къ кому ласково не относился, никогда никого не ободрилъ, ни словомъ, ни дѣломъ.» Никогда онъ не выказалъ ни малѣйшей благодарности за службу, ни симпатіи, ни дружбы. Одно только горячее чувство владѣло имъ всецѣло: это—привязанность къ королевѣ. Какая иронія судьбы, бросившей бразды правленія взволнованной страною въ руки двадцатипятилѣтняго педанта и дѣвочки, иностранки! Сто лѣтъ спустя Франція испытала нѣчто подобное: какъ Людовику XVI, такъ и Маріи-Антуанеттѣ, австрійской принцессѣ, не было еще двадцати лѣтъ, когда судьба заставила ихъ

Digitized by Google

регулировать потоки лавы во время изверженія вулкана.

Всемірная литература можетъ, по справедливости, гордиться проповѣдью знаменитѣйшаго изъ членовъ французскаго духовенства, въ которой онъ вспоминаетъ и описываетъ странную судьбу — экзальтацію, несчастія, смѣлость, твердость и непоколебимую вѣру—жены Карла I.

Проповѣдь эта, въ сущности, полна преувеличеній и риторична, но какъ глубока и великолѣпна ея риторика! Боссюэтъ былъ не только духовный, но и моралистъ, государственный человѣкъ, философъ, внимательно изслѣдовавшій ту нить, которая связуетъ исторію рода человѣческаго въ одно цѣлое, и употребившій всѣ свои знанія, все свое краснорѣчіе, на то, чтобы слѣпить изъ отдѣльныхъ человѣческихъ стремленій одну всеобщую волю. Его защита существующихъ порядковъ была, несомнѣнно, однимъ изъ величайшихъ актовъ семнадцатаго столѣтія, и всѣ современники спѣшили, конечно, узнать, какимъ образомъ взглянетъ выдающійся геній Боссюэта на происшествія случившіяся въ Англіи.

Взявъ своимъ текстомъ слова Св. Писанія: «Будьте мудры, поэтому, о вы, цари земные! Будьте благоразумны, вы, судьи на землѣ!».— Боссюэтъ ограничился очеркомъ участія Генріэтты-Маріи въ судьбахъ Англіи. «Я не историкъ», говоритъ онъ, «для того, чтобы разоблачать передъ вами государственныя тайны, обсуждать военныя дѣла или интересы партій; мое дѣло—подняться выше человѣческаго сужденія и заставить людей трепетать передъ судомъ Всемогущаго Бога!» Не довольствуясь громкими общими фразами о ничтожествѣ земного величія, вполнѣ справедливыми, на всякомъ шагу подтверждаемыми дѣйствительностью, но не вызывающими ничьего довѣрія, Боссюэтъ останавливается, только какъ на частномъ примѣрѣ, на судьбѣ одной изъ дочерей Св. Людовика, послужившей темою его проповѣди. Что навлекло несчастія на королевскій домъ Англіи? Не врожденный ли либертинизмъ англійскаго характера вызвалъ революцію? Нѣтъ!—восклицаетъ онъ. Если мы посмотримъ, съ какою легкостью истинная религія была отвергнута въ этой странѣ, потомъ возстановлена, потомъ вновь отвергнута—при Генрихѣ VIII, Эдуардѣ VI, при Маріи и при Елизаветѣ,— то вмѣсто упрека англійской націи и парламенту въ наклонности къ буйству, въ гордости или упрямствѣ, упрекнемъ ихъ скорѣе въ излишней покладливости, въ безотвѣтномъ послушаніи. Развѣ не отдали они свою вѣру, свою совѣсть, свои души въ руки своихъ королей? Короли, стало быть, сами были во всемъ виноваты. Они сами научили своихъ подданныхъ сбросить съ себя древнюю вѣру, какъ негодное платье. Кто, затѣмъ, могъ бы остановить надвигающуюся катастрофу, какъ не князья Церкви, епископы? Обрушившись на этихъ послѣднихъ, Боссюэтъ доказываетъ, что сами они опрокинули свои троны, открыто порицая всѣхъ своихъ предшественниковъ, вплоть до источника ихъ благодати—Св. Григорія папы и Св. Августина.

Въ видѣ контраста съ поступками королей и прелатовъ, отступившихъ отъ истинной вѣры, Боссюэтъ превозноситъ религіозное рвеніе Генріэтты-Маріи, указываетъ на обиліе лицъ, возвращенныхъ ея духовниками въ лоно этой вѣры, на то, что опечаленные пастыри католическаго стада съ радостью могутъ видѣть теперь священные символы своей религіи красующимися въ капеллѣ королевы Англійской, что преслѣдуемая Церковь, такъ недавно еще едва смѣвшая втихомолку стонать и оплакивать свои несчастія, теперь громко и радостно воспѣваетъ хвалы Господу въ самомъ центрѣ той страны, которая ее преслѣдовала.

Весь этотъ потокъ хотя бы и красивыхъ словъ не можетъ измѣнить того факта, что королева Генріэтта-Марія была злымъ геніемъ своего мужа и той страны, которую судьба отдала въ ихъ руки. Гласъ народа недаромъ говоритъ, что королева-француженка никогда не приносила счастія Англіи. Вмѣшательство иностранокъ и иновѣрокъ въ государственныя дѣла любой націи всегда будетъ гибельно для послѣдней. А вдобавокъ еще Карлъ предпочиталъ звать свою жену Маріей, а это имя, возбуждая тяжелыя воспоминанія, даже для пуританъ казалось худымъ предзнаменованіемъ.

Изъ всѣхъ женщинъ, добрыхъ или злыхъ, когда-либо принимавшихъ участіе въ управленіи страною, начиная съ Клеопатры и царицы Савской, ни одна не была, по характеру и воспитанію, меньше къ этому подготовлена, чѣмъ жена Карла I. Отецъ ея Генрихъ IV думалъ, что «Парижъ стоитъ мессы», а мать вышла изъ того флорентинскаго

Digitized by Google

дома, который далъ Европѣ Лаврентія и Козьму Медичи, Льва X, Климента VII и Екатерину, задумавшую Варѳоломеевскую ночь. Но въ Генріэттѣ-Маріи не было ни глубины, ни силы этихъ знаменитыхъ личностей. Она, какъ католичка, сидящая на потрясенномъ тронѣ, не видѣла никакой разницы между епископальной и пресвитеріанской церквами, относясь къ обѣимъ съ презрительнымъ безразличіемъ. Мотивы борьбы, происходившей между ея мужемъ и его противниками, были ей, поэтому, непонятны. Святость старыхъ законовъ и обычаевъ, право таксаціи, привилегіи парламента Великая Хартія, Habeas corpus act и всѣ прочіе символы гражданской свободы были пустыми звуками для неразвитой и легкомысленной королевы. Въ Парижѣ, среди дамъ, жизнь которыхъ проходила въ интригахъ противъ Ришелье или Мазарини, Марія была бы на своемъ мѣстѣ. Она плавала бы какъ рыба въ водѣ въ сложныхъ и тонкихъ махинаціяхъ, на которыя ея мать—Медичи, ея золовка—Анна Австрійская или мадамъ де-Шеврезъ, ея ближайшій другъ, потратили свое безпокойное существованіе. Тѣ ея качества, способности и привычки, которыя даже въ галлереяхъ Лувра надѣлали бы много вреда, въ атмосферѣ Вестминстера и Уайтхолла являлись прямо опасными. По стремительности дѣйствія и быстротѣ соображенія Марія была достойной дочерью Генриха IV. Энергія и смѣлость ея были достойны лучшаго приложенія. Девять разъ она выдерживала бури на морѣ, и когда ея горничныя плакали и тряслись отъ страха, Марія бодро и весело успокоивала ихъ тѣмъ, что ни одна королева никогда еще не тонула.

Во второмъ году междоусобной войны, провозя изъ Голландіи оружіе для королевской партіи и выдержавъ на морѣ сильную бурю, Марія едва могла высадиться въ маленькомъ портѣ Бридлингтонъ-Ки. Четыре парламентскихъ судна, слѣдившія за ней, начали такую канонаду по дому, въ которомъ остановилась Марія, что «прежде чѣмъ я успѣла встать съ постели», говорила она, «пули градомъ стали сыпаться на домъ, производя музыку, не особенно пріятную для ушей. Всѣ начали уговаривать меня уйти изъ городка, потому что въ немъ всѣ дома подвергались такому же разстрѣливанію. Кое-какъ одѣвшись, я пошла пѣшкомъ за городъ, для того чтобы поискать пристанища въ хибаркѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя стоятъ въ Ньюмаркетѣ. Но пока мы туда шли, пули свистали вокругъ насъ, и одинъ сержантъ былъ убитъ въ двадцати шагахъ отъ меня. Просидѣли мы въ этой хибаркѣ часа два, и все это время надъ нашими головами летали пули, осыпая насъ иногда пылью».

Д'Ивъ такъ описываетъ королеву, которую онъ видѣлъ за обѣдомъ въ Уайтхоллѣ долго спустя послѣ ея замужества: «Я нашелъ ее весьма прекрасной и деликатной дамой, лицо которой освѣщалось блестящими черными глазами. Кромѣ того, отношеніе ея къ окружавшимъ дамамъ было такъ мягко и ласково, а рѣчи такъ пріятны и милостивы, что я не могъ не пожалѣть въ глубинѣ души, что она лишена благодати истинной вѣры».

«Королева»,—говоритъ Бёрнетъ,—«была женщина очень живая, говорливая и любила проводить жизнь въ интригахъ разнаго рода, хотя не могла хранить тайну какъ слѣдуетъ. Она была довольно безразсудна, не любила противорѣчій, плохая совѣтчица и еще худшая исполнительница, но, благодаря бойкости и блеску рѣчи, имѣла большое вліяніе на короля.»

Въ 1644 году, послѣ окончательной разлуки съ королемъ, лежа больная въ Экзетерѣ, осажденномъ парламентской арміей, она говорила, съ благочестивой покорностью волѣ Провидѣнія, общей тогда обѣимъ враждующимъ партіямъ: «Да будетъ воля Божія! Онъ такъ много для насъ сдѣлалъ и такъ видимо помогаетъ намъ въ нашихъ дѣлахъ, что, какъ бы Ему ни было угодно устроить мою судьбу, я вполнѣ увѣрена, что это будетъ для моего и вашего блага.»

III.

Уэнтвортъ, Лодъ, Пимъ.

Не сходясь во взглядахъ съ историками, считавшими Оливера Кромвеля лицемѣромъ и узурпаторомъ, мы не сходимся также и съ тѣми, которые считаютъ Карла—тираномъ, Лода — святошей, а Уэнтворта — отступникомъ. Что Уэнтвортъ перешелъ со стороны народа на сторону короля и тѣмъ поправилъ свое состояніе и усилилъ вліяніе, —это совершенно справедливо. Нѣтъ никакого основанія, однако же, упрекать его въ измѣнѣ своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Онъ никогда не былъ пуританистомъ и сторонни-

Digitized by Google

комъ преобладанія парламента. По темпераменту и убѣжденіямъ онъ былъ поклонникомъ твердой власти. Начавъ свою карьеру въ оппозиціи, Уэнтвортъ постоянно стремился попасть въ составъ правительства, и если пришелъ къ убѣжденію, что одна личность короля, а не коллегія палаты общинъ должна служить представительницей государственной власти, то къ тому же убѣжденію пришелъ впослѣдствіи и самъ Кромвель, воплотившій эту власть въ самомъ себѣ. Идеаломъ Уэнтворта была сильная центральная власть, употребляющая свою силу на водвореніе и поддержаніе общаго блага. Представителемъ же такой власти, по тогдашнимъ понятіямъ, можетъ быть только монархъ, а не парламентъ. Духъ времени требовалъ, чтобы правительственная иниціатива шла отъ трона, при сочувствіи народа или даже безъ онаго. Къ счастію для насъ, люди болѣе дальновидные, чѣмъ Уэнтвортъ, и тогда видѣли, что въ этотъ рѣшительный моментъ англійской исторіи было гораздо важнѣе позаботиться объ увеличеніи роли общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ государственныхъ, чѣмъ объ усиленіи исполнительной власти въ рукахъ короля. Послѣдняя и безъ того была сильна. Но Уэнтвортъ, человѣкъ, во всякомъ случаѣ, не дюжинный, могъ думать иначе. Стремленіе его возвыситься самому, благодаря побѣдѣ идей, которыя онъ считалъ правыми, есть лишь слабость (если только можно назвать это слабостью), общая Уэнтворту съ весьма многими выдающимися реформаторами». Добиваться власти, съ цѣлью дѣлать добро, есть честолюбіе вполнѣ чистое и законное»,—говорилъ Уэнтвортъ на судѣ.

Онъ обладалъ остроуміемъ, здравымъ разсудкомъ и богатымъ воображеніемъ; былъ энергиченъ, мужественъ, дѣятеленъ, преданъ своимъ друзьямъ, для которыхъ не щадилъ ни силъ, ни трудовъ, и обладалъ административными способностями не меньше Пима или самого Кромвеля. Благодаря своему холерическому темпераменту, онъ былъ очень раздражителенъ, но не мелочно и умѣлъ владѣть собою.

Человѣкъ такого типа точно нарочно былъ созданъ для борьбы съ духовенствомъ и аристократіей. Онъ обращался съ епископами такъ же безцеремонно, какъ и съ простыми причетниками. Общее впечатлѣніе, производимое Уэнтвортомъ на его противниковъ, характеризуется слѣдующимъ анекдотомъ, касающимся Вильямса, который впослѣдствіи былъ архіепископомъ Іоркскимъ. Когда дворъ, желая успокоить Вильямса, предложилъ ему богатую каѳедру въ Ирландіи, то онъ отвѣтилъ, что, семь лѣтъ успѣшно борясь со своими врагами въ Англіи, опасается ѣхать въ Ирландію, такъ какъ тамъ попадетъ въ руки человѣка, который черезъ семь мѣсяцевъ, на основаніи какихъ-нибудь старыхъ статутовъ, найдетъ предлогъ снять съ него голову.

Историки приводятъ иногда параллель между Уэнтвортомъ и Ришелье, но сходство между этими двумя дѣятелями только поверхностное. Можно ли сравнить, въ самомъ дѣлѣ, широту задачи, предстоявшей рѣшенію великаго кардинала, и ту несокрушимую твердость, тотъ вѣрный расчетъ, тѣ глубокіе замыслы, съ которыми онъ приступилъ къ этому рѣшенію, тотъ неслыханный успѣхъ, наконецъ, которымъ увѣнчалось въ его рукахъ дѣло созданія могучей королевской власти во Франціи, дѣло побѣды надъ всѣми реакціонными силами въ Европѣ,—можно ли сравнить все это съ мизернымъ дѣломъ восьмилѣтняго управленія Ирландіей, которое одно только и совершилъ Уэнтвортъ? Перепугать до обморока какого-нибудь декана Эндрьюса или лорда Маунтнорриса далеко не такъ трудно, какъ взвести на эшафотъ Монморанси, Шалэ, Марильяка или Сенъ-Марса. Правда, что главная цѣль у обоихъ дѣятелей была одинакова. Ришелье говорилъ королю: «Я обѣщаю вашему величеству употребить все свое искусство и всю власть, которою вамъ угодно будетъ снабдить меня, на то, чтобы разрушить партію гугенотовъ, сбить спѣсь съ высшаго дворянства, заставить всѣхъ вашихъ подданныхъ исполнять свои обязанности и тѣмъ поднять значеніе Франціи среди другихъ народовъ до той высоты, на которой она должна стоять.» Страффордъ могъ бы сказать то же самое. Онъ тоже мечталъ сдѣлать свою родину рѣшительницей судебъ Европы, какою она была при Елизаветѣ, и при томъ руководствуясь въ политикѣ, примѣромъ этой государыни, то-есть слѣдуя путемъ твердости и спокойствія. Непохожій на своего слишкомъ впечатлительнаго и разбрасывавшагося короля, онъ видѣлъ необходимость системы и послѣдовательности.

При началѣ возстанія въ Шотландіи, напримѣръ, Карлъ, не обращая вниманія на домашнія смуты, заботился о реставраціи

Digitized by Google

своего зятя, электора-палатина, потерявшаго Богемскій престолъ. «Меня очень огорчилъ слухъ», пишетъ по этому поводу Уэнтвортъ, «что ваше величество намѣрены активно вмѣшаться во внѣшнюю политику, не дождавшись того времени, когда внутренній миръ будетъ возстановленъ, страна освободится отъ долговъ, казна наполнится и какъ власть, такъ и интересы вашего величества будутъ прочно установлены во всѣхъ трехъ вашихъ королевствахъ.» Хорошій совѣтъ, конечно, для короля, желающаго быть хозяиномъ у себя дома. Возстановленіемъ власти, по Страффорду, называлось переустройство государственнаго управленія не по плану реставраціи 1660 года или революціи 1688 г., а по плану абсолютизма въ современной Пруссіи.

Съ теченіемъ времени, когда борьба разгорѣлась, высокомѣріе и упрямство Уэнтворта вовлекли его въ болѣе рѣзкій антагонизмъ съ народной партіей и ея вождями. Въ его смѣлой, импонирующей личности они встрѣтили убѣжденнаго и непоколебимаго защитника тѣхъ идей и вѣрованій, побѣда надъ которыми сдѣлалась цѣлью ихъ жизни.

Трудно съ точностью обозначить то время, когда Уэнтвортъ занялъ выдающееся положеніе среди совѣтниковъ короля. Въ 1632 году онъ былъ назначенъ лордомъ-депутатомъ въ Ирландію и посвятилъ семь лѣтъ почти исключительно управленію этой страною. О дѣлахъ болѣе общихъ съ нимъ, повидимому, не совѣтовались до 1637 года. Но мало-по-малу король начинаетъ все чаще и чаще къ нему обращаться, такъ что въ 1640 году онъ уже становится лордомъ-намѣстникомъ (lord lieutenant) и графомъ Страффордомъ.

ЕслиСтраффордъ былъ плохимъ, по данному времени, совѣтникомъ короля, а королева—еще худшимъ, то самымъ худшимъ изъ всѣхъ трехъ, безъ сомнѣнія, былъ Лодъ, занимавшій тогда важный постъ архіепископа Кентерберійскаго. Но мы попробуемъ воздержаться отъ преувеличеній, свойственныхъ нѣкоторымъ современнымъ историкамъ и не повторимъ слѣдующихъ о немъ сужденій: «Его память до сихъ поръ проклинаютъ, какъ память наиболѣе низкаго, жестокаго и тупого человѣка, который когда-либо занималъ епископскій престолъ» (Бокль); «мы относимся къ нему съ бо́льшимъ презрѣніемъ, чѣмъ къ кому-либо другому во всей нашей исторіи» (Маколей). Всѣ эти страшныя слова совершенно неумѣстны и несправедливы. Лодъ никогда не былъ ни такимъ тупицей и ханжой, какимъ представляетъ его Маколей, ни святымъ, къ лику которыхъ чуть ли не причисляетъ его современная англиканская церковь, малюя его изображенія на цвѣтныхъ стеклахъ или говоря, что онъ: «былъ созданъ въ размѣрахъ, далеко превышающихъ наши, и былъ скорѣе подъ стать древнимъ отцамъ Церкви» (Ньюменъ). Бернетъ, не принадлежавшій къ числу его поклонниковъ, говоритъ, что Лодъ былъ «ученый, искренній и преданный своему дѣлу человѣкъ, скромный по своимъ привычкамъ и деликатный въ частной жизни; но онъ былъ очень горячъ, несдержанъ и настойчивъ въ вопросахъ, касающихся Церкви, особенно такихъ маловажныхъ, каковы, напримѣръ, постановка стола для св. причастія непремѣнно у восточной стороны церкви, преклоненіе передъ нимъ, названіе его алтаремъ, покровительство развитію спорта по воскресеньямъ и проч... Но эти вопросы всѣхъ тогда тревожили одинаково.» Одинъ изъ агентовъ Ватикана говоритъ, что онъ былъ самолюбивъ, застѣнчивъ, непостояненъ и потому не годился для выполненія крупныхъ задачъ. Уайтлокъ разсказываетъ, что отецъ его былъ старымъ другомъ Лода и говорилъ, что онъ «черезчуръ горячъ, хотя честный и добрый человѣкъ; его неопытность въ государственныхъ дѣлахъ, вмѣстѣ съ рвеніемъ ко благу Церкви и непомѣрной горячностью, могутъ зажечь всю страну».

Лодъ и дѣйствительно подлилъ масла въ разгорающійся костеръ. Онъ былъ самымъ жестокимъ и неуступчивымъ членомъ какъ Звѣздной палаты, такъ и Высокой комиссіи. Онъ послалъ бы Фельтона (убійцу Беккингэма) на колесо, если бы король не пожелалъ прежде справиться, насколько это согласно съ законами. Онъ былъ горячій, неутомимый и остроумный говорунъ, обладавшій злымъ языкомъ. Онъ не убѣждалъ, а требовалъ, опираясь на церковные законы и необходимость подчиняться имъ. Онъ былъ рѣзокъ, какъ всякій человѣкъ, обладающій непоколебимыми убѣжденіями, но не достаточно сильный умомъ, для того, чтобы мочь защищать ихъ. Но по душѣ онъ нисколько не былъ черствѣе своихъ жертвъ или своихъ судей. Принцъ гораздо суше, злонамѣреннѣе и властолюбивѣе Лода; этотъ шотланд-

Digitized by Google

скій пресвитеръ часто являлся требовательнымъ, навязчивымъ и упрямымъ не менѣе англійскаго архіепископа.

Большую часть своихъ трудовъ и энергіи Лодъ потратилъ на мелочи церковнаго хозяйства. Читатель, можетъ быть, улыбнется надъ требованіемъ Лода, чтобы священники говорили проповѣди въ ризахъ, а не въ рясѣ, но онъ долженъ будетъ аплодировать, когда узнаетъ, что въ томъже самомъ циркулярѣ архіепископъ требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ бережливаго отношенія къ церковнымъ имуществамъ, нестяжательности и добросовѣстнаго исполненія обязанностей. Вотъ эта любовь Лода ко внѣшнему порядку, единообразію, къ буквѣ, къ декоруму, во всемъ, что касается церковнаго ритуала, и приводила англійскихъ пуританъ въ бѣшенство. Лодъ недаромъ жалуется, что «теперь считаютъ предразсудкомъ входить въ церковь съ бо́льшимъ благоговѣніемъ, чѣмъ въ кабакъ».

Видѣть въ Лодѣ тайнаго паписта положительно невозможно. Судя по его стремленію образовать отдѣленія англиканской церкви при всѣхъ христіанскихъ дворахъ Европы и даже въ Турціи, скорѣе можно думать, что онъ мечталъ о распространеніи этой церкви по всему міру, наподобіе римской. Онъ же, кстати, намѣревался учредить въ Кентербёри патріаршую каѳедру для трехъ соединенныхъ королевствъ. И пуританъ и католиковъ онъ одинаково считалъ слишкомъ узкими.

Среди духовенства всѣхъ религій и во всѣ времена исторіи, мы можемъ отличить, во-первыхъ, людей занятыхъ преимущественно формой и учрежденіями, а во-вторыхъ, людей, интересующихся, главнымъ образомъ, догматической стороной религіи, духомъ, которымъ пропитаны всѣ эти формы и учрежденія. Лодъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ первому изъ этихъ типовъ, а настоящаго духовнаго рвенія, религіознаго фанатизма, такъ сказать, въ немъ было очень мало. Снисходительность къ Шиллингворту и Джону Хельсу служитъ доказательствомъ его терпимости и даже въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ проглядываетъ теологическій либерализмъ. Эта либеральная теологія быстро бы развилась въ церкви, управляемой Лодомъ, при условіи, однако же, сохраненія внѣшнихъ формъ и обрядностей, что чрезвычайно важно для пониманія эпохи. Но по отношенію къ этимъ обрядностямъ, равно какъ и по отношенію ко всѣмъ извнѣ пришедшимъ новшествамъ, къ инославнымъ исповѣданіямъ, Лодъ былъ столь же фанатически нетерпимъ, какъ и враги его, пуритане. Онъ любилъ просвѣщеніе и щедро его поддерживалъ; онъ всегда старался найти основу для своихъ взглядовъ и поступковъ въ разумѣ, но, въ концѣ концовъ, по условіямъ своего положенія, опирался на авторитетъ. Его идеаломъ была единая національная церковь, управляемая олигархіей епископовъ, облеченная божественнымъ правомъ вязать и разрѣшать, тѣсно связанная съ монархіей. Было ли его первоначальной цѣлью уничтоженіе кальвинистскаго духа или только возстановленіе стараго церковнаго ритуала — рѣшить трудно. Можно быть увѣреннымъ, однако же, что онъ ненавидѣлъ ереси скорѣе за то, что онѣ нарушаютъ порядокъ, чѣмъ за то, что представляютъ собою ошибки ума или совращеніе души съ пути истиннаго. «Онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ», — говоритъ одинъ современникъ, — «а былъ только не годенъ, какъ государственный человѣкъ Англіи.»

Онъ не годился въ государственные дѣятели, потому что, вмѣсто духовнаго отпора духовному движенію, онъ далъ отпоръ матеріальный, основанный на запретительныхъ статьяхъ закона и на карахъ всякаго рода. Легко можетъ быть, что вся страна когда-то сочувствовала деспотизму Тюдоровъ, изъ котораго выросли и запретительные статуты и кары. Жестокія преслѣдованія часто повторялись въ исторіи народовъ, и насиліе нерѣдко старалось затушить свѣтильникъ правды, но едва ли ему когда-нибудь это вполнѣ удавалось. Въ данномъ случаѣ исходъ пуританъ въ Новую Англію, послужилъ признакомъ, по которому всякій государственный человѣкъ долженъ былъ бы видѣть, что наступило новое теченіе, родились новыя силы, неподсудныя старымъ статутамъ, неостановимыя никакими преслѣдованіями.

Въ раннихъ стадіяхъ борьбы между королемъ и парламентомъ единственнымъ вождемъ народной партіи, достойнымъ такихъ противниковъ, какъ Лодъ и Страффордъ, былъ Джонъ Пимъ, во многихъ отношеніяхъ первый изъ парламентскихъ дѣятелей. Джентльменъ изъ хорошей семьи, воспитанный въ Оксфордѣ, онъ вступилъ въ парламентъ за одиннадцать лѣтъ до воцаренія

Digitized by Google

Карла I. Пимъ сразу обратилъ на себя вниманіе глубокими свѣдѣніями въ финансовыхъ вопросахъ и, что еще важнѣе, какъ убѣжденный противникъ папства. По словамъ Кларендона, онъ на первыхъ же порахъ оказался «весьма страстно относящимся къ вопросамъ религіи и былъ очень возбужденъ положеніемъ, занятымъ арминіанами». Пимъ былъ пуританинъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, то-есть, по словамъ одного позднѣйшаго историка, «хорошее управленіе страною онъ считалъ частью религіи», а подъ хорошимъ управленіемъ онъ подразумѣвалъ справедливость въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ. Онъ желалъ сохранить и монархію и англиканскую церковь; никто лучше его не понималъ важности этихъ учрежденій и не зналъ тѣхъ историческихъ основъ, изъ которыхъ они выросли.

Помимо широты и глубины сужденія, Пимъ обладалъ искусствомъ выбирать наиболѣе удобныя арены для борьбы и находить выходы. Онъ раньше всѣхъ замѣтилъ и понялъ причины импульса, вооружившаго тронъ и алтарь противъ старыхъ правъ народа и новыхъ общественныхъ нуждъ. Онъ не былъ революціонеромъ ни по темпераменту, ни по принципамъ. Одно мѣсто изъ его рѣчи вполнѣ характеризуетъ Пима, какъ государственнаго человѣка, и мѣсто это стоитъ привести цѣликомъ:

«Лучшей формой правленія», говоритъ онъ, «я считаю такую, которая направляетъ каждую часть и каждаго члена государства къ общему благу, такъ чтобы части эти, содѣйствуя силѣ и украшенію страны, въ свою очередь, получали отъ нея покровительство во всѣхъ случаяхъ своей жизни. Если же, вмѣсто сочувствія и взаимности услугъ, въ одной части общества явится желаніе поддерживать какія-нибудь старыя формы общественнаго строя, а у другой — ввести новыя, то эти части взаимно уничтожатъ другъ друга. Исторія полна разсказами о результатахъ такихъ конфликтовъ, гибельныхъ для цѣлыхъ странъ и націй. Тѣмъ не менѣе, однако же, справедливо и то, что время иногда требуетъ реформъ... Поэтому тѣ только общества оказываются прочными и расцвѣтаютъ, въ конституціи которыхъ лежитъ постоянная возможность производить нужныя реформы безъ особыхъ потрясеній. Такія общества могутъ безпрестанно перестраиваться, согласно требованіямъ времени.»

Нельзя не признаться, что это и есть самая настоящая англійская точка зрѣнія. Окруженный людьми узкими, Пимъ имѣлъ широкіе государственные взгляды, а назначеніе вождя партіи и состоитъ именно въ томъ, чтобы вносить такіе взгляды въ среду, довольствующуюся узкимъ міровоззрѣніемъ. Пимъ былъ одновременно и практиченъ, и трансцендентенъ, что весьма рѣдко встрѣчается даже въ вождяхъ партій; съ крайней тактичностью и организаторскимъ талантомъ онъ соединялъ способность внушать окружающимъ здравые и возвышенные принципы. Какъ одѣнить слѣпоту короля и его совѣтниковъ, заставившихъ уйти въ оппозицію такого лояльнаго, искренняго, искуснаго и дальновиднаго государственнаго человѣка, такую великую силу, какъ Пимъ?

IV.

Пуританизмъ и двойной исходъ.

«Самая дорогая часть свободы, которою пользуется королевство, есть свобода совѣсти», сказалъ Пимъ, и мѣсто, занимаемое Оливеромъ Кромвелемъ въ исторіи, зависитъ отъ широты, съ которою онъ понималъ эту свободу, отъ силы, съ которой онъ ее поддерживалъ. Въ великой борьбѣ, тогда разгоравшейся, религія играла главную роль. Подобно всѣмъ прочимъ общественнымъ движеніямъ, Реформація различно проявлялась въ людяхъ разныхъ темпераментовъ и, съ теченіемъ времени, довела общество до распаденія на секты. Страсти и разумъ,—два главныхъ двигателя всякой реформы, изъ коихъ первый способенъ чрезмѣрно разгораться, а послѣдній — впадать въ узкую софистику, увлекали людей, согласно врожденному ихъ характеру, по разнымъ путямъ и останавливали ихъ на разныхъ ступеняхъ пониманія религіи. Большинство доходило до крайностей; немногіе останавливались на «золотой серединѣ». Въ разгарѣ борьбы послѣдніе не находили себѣ подходящаго мѣста и оказывались стоящими между двухъ огней. Лѣвымъ крыломъ Реформаціи въ Англіи былъ пуританизмъ, но и онъ, въ свою очередь, имѣлъ лѣвое крыло, распадавшееся на сотни мелкихъ вѣтвей. Все это распаденіе произошло подъ эгидой Кромвеля, выступившаго на сцену исторіи при господствѣ чи-

Digitized by Google

стаго, доктринерскаго пуританизма и оставившаго за собою сто семьдесятъ фанатическихъ сектъ, молившихся и проповѣдовавшихъ каждая по своему и боровшихся между собою.

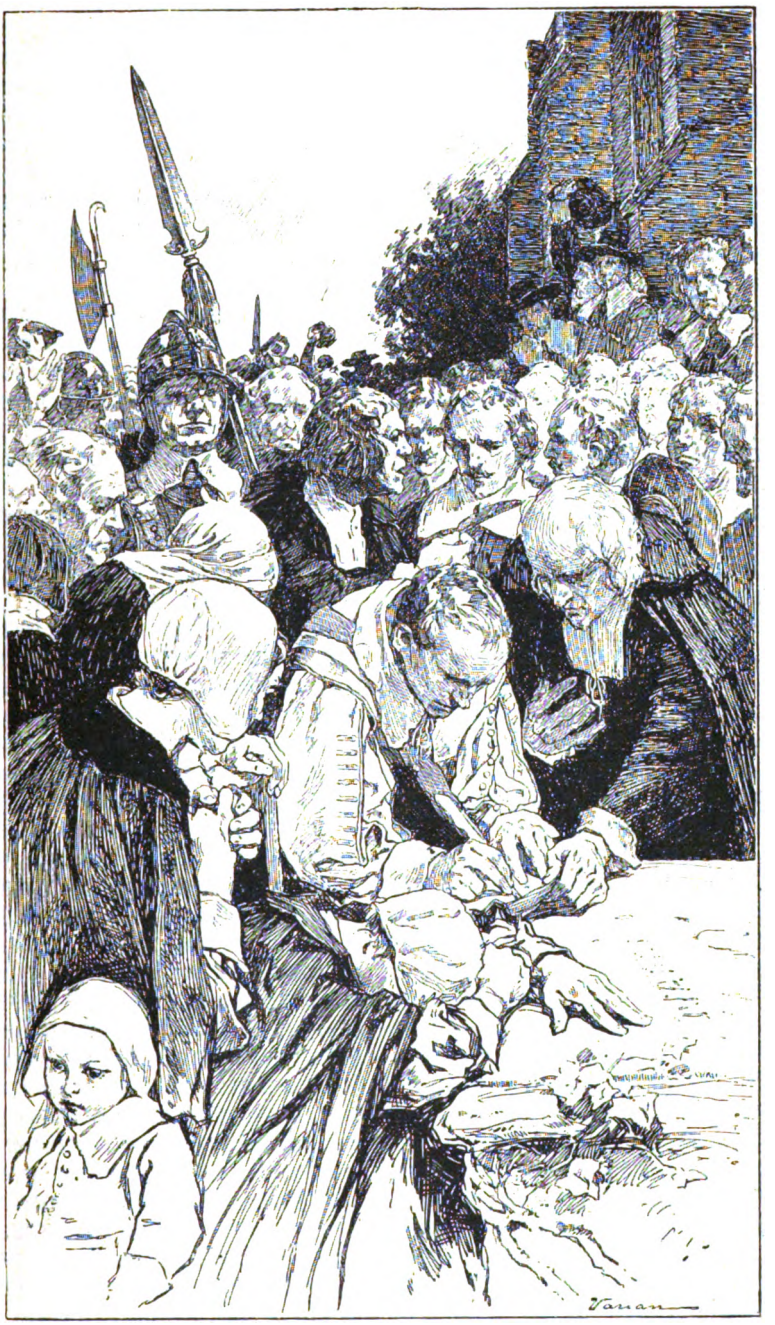
Трудно найдти ключъ къ этой сложной борьбѣ различныхъ доктринъ, дисциплинъ, ритуаловъ, изъ коихъ каждый вносилъ соотвѣтствующія измѣненія во внутреннюю политику и гражданскую жизнь. Трудно развязать сложный узелъ, завязавшійся такимъ образомъ между государствомъ и церковью; трудно выразить въ одной формулѣ тотъ путь, которымъ общество временъ Кромвеля и самъ Кромвель шли къ осуществленію своихъ идеаловъ чистой жизни и справедливыхъ гражданскихъ отношеній. Достаточно будетъ замѣтить, что изъ всѣхъ тогдашнихъ коллизій и треволненій, помимо чьего бы то ни было сознательнаго содѣйствія, на англійской почвѣ выросли и развились два главныхъ принципа—принципъ терпимости и принципъ свободнаго возникновенія самостоятельныхъ церквей. Казалось бы, что оба они составляютъ самую суть Реформаціи вообще, но ни для кого не можетъ быть тайной, что свобода изслѣдованія и свобода совѣсти—два главныхъ столпа протестантизма—на практикѣ повсюду отступили на задній планъ, и даже самъ Кромвель со своими индепендентами, какъ мы увидимъ ниже, отступали отъ практическаго примѣненія своей собственной доктрины. Переходъ отъ ранней фазы развитія пуританизма къ позднѣйшимъ былъ не очень быстрый. Новые принципы лишь постепенно, шагъ за шагомъ, овладѣвали даже такими выдающимися умами, каковы были теоретическій умъ Мильтона и практическій—Кромвеля.

Развивающійся пуританизмъ, тѣмъ временемъ, пользовался общею людямъ всѣхъ временъ наклонностью привязываться къ разнымъ недостаткамъ государственнаго устройства и нападать на нихъ, какъ на корень зла. Благоразумные наблюдатели, въ родѣ Гукера, тщетно убѣждаютъ насъ, что «эти недостатки, зависящіе отъ несовершенства природы человѣческой, будутъ существовать вѣчно, при всякой формѣ правленія». Человѣкъ, по натурѣ своей, есть существо безпокойное, способное быстро раздражаться, легковѣрное и оптимистическое. Но англійская революція семнадцатаго столѣтія значительно отличалась отъ обыкновенныхъ чисто политическихъ движеній въ этомъ родѣ. Нападая на недостатки въ государственномъ управленіи, пуритане временъ Кромвеля именно, что называется, били въ корень всякаго зла, то-есть старались измѣнить самую природу человѣка, отъ несовершенства которой зависитъ это зло. Пуританизмъ идетъ изъ самыхъ сокровенныхъ тайниковъ души человѣческой. Подобно стоицизму, аскетизму, янсенизму, даже магометанству, онъ служитъ проявленіемъ неразрушимыхъ и вѣчныхъ элементовъ этой души. Онъ гнѣздится въ естественныхъ стремленіяхъ и наклонностяхъ людей всякой вѣры, всякой націи, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ; онъ инстинктивенъ, а потому и никогда не можетъ быть заглушенъ. Аскетическій взглядъ на жизнь, строгая нравственность, подчиненіе матеріальныхъ инстинктовъ вѣрѣ и разуму, чисто духовный культъ, не признающій никакихъ внѣшнихъ проявленій, твердый какъ скала догматизмъ—все это лежитъ въ натурѣ каждаго человѣка и если дремлетъ иногда, въ силу реакціи, то тѣмъ съ большей силой пробуждается при случаѣ [1]).

Исторія, говоритъ Деллингеръ, не есть простая игра абстракцій, — человѣкъ представляетъ собою нѣчто болѣе, чѣмъ воплощеніе доктрины. Не гипотеза о происхожденіи благодати породила Реформацію, а Лютеръ и Кальвинъ. Именно послѣдній вылѣпилъ ту форму, въ которую отлилась бронза пуританизма. Величественная фигура Кальвина, столь могучая и въ то же время столь простая, лишенная внѣшняго блеска, благодаря его непреклонной волѣ, его гордости, его строгости, его систематичности, его административному и законодательному таланту, его краснорѣчію и настойчивости, заняла болѣе чѣмъ первосвященническое мѣсто въ протестантскомъ мірѣ. Съ его вліяніемъ мы встрѣчаемся и въ Англіи, и въ Шотландіи, и въ Голландіи, и во Франціи, и въ Швейцаріи, и даже въ новыхъ обществахъ, возникавшихъ по ту сторону Атлантическаго океана. Кальвинъ умеръ (1564 г.) цѣлымъ поколѣніемъ раньше, чѣмъ родился

[1]) Авторъ, будучи англо-саксомъ, судитъ здѣсь по себѣ; но разсужденія его едва ли окажутся приложимыми къ людямъ другихъ расъ, болѣе живыхъ и впечатлительныхъ. (Прим. пер.).

Digitized by Google



Собираніе подписей подъ Національнымъ Ковенантомъ на Грейфріаръ-Чёрчьярдѣ въ Эдинбургѣ.

Digitized by Google

Кромвель, но его вліяніе только еще возрастало. Онъ задумалъ, ни мало ни много, передѣлать натуру человѣческую, упростить и консолидировать вѣру, основываясь на широкой доктринѣ, связывавшей судьбу человѣка съ судьбами вселенной. Онъ создалъ Церковь, столь же компактную, какъ римская; онъ создалъ этику, столь же опредѣленную и прямолинейную, какъ кодексъ Наполеона. Онъ сплотилъ всѣ отдѣльныя свои идеи въ одну стройную систему мірового порядка, и система эта, благодаря его собственному увлеченію, увлекла большинство его современниковъ. Она была прямолинейна и неумолима до жестокости, да и дѣйствительно много жестокаго было совершено во имя ея. Но она, во всякомъ случаѣ, являлась прекрасной почвой для развитія героизма.

Основнымъ ея положеніемъ, почерпнутымъ у ап. Павла и блаженнаго Августина, было слѣдующее: раньше созданія вселенной Божественное Провидѣніе присудило однихъ людей—къ вѣчному блаженству, а другихъ — къ вѣчному проклятію; какъ, по словамъ Посланія къ Римлянамъ, горшечникъ имѣетъ власть надъ глиной, такъ и Предвѣчная Воля имѣетъ власть надъ людьми, — однихъ она превращаетъ въ сосуды честные, предназначенные для почета, а другихъ — въ сосуды низкіе, предназначенные для безчестія; надъ кѣмъ хочетъ Предвѣчный Горшечникъ, надъ тѣмъ онъ смилуется, а кого хочетъ, того и погубитъ. На этомъ мрачномъ гранитѣ Судьбы Предопредѣленія, абсолютнаго Предвидѣнія были построены протестантскія крѣпости, разсѣянныя по всему міру. Сколько бы ни говорили, что такой прямолинейный и неуступчивый фатализмъ можетъ довести людей до отчаянія и повергнуть ихъ въ пучину грѣховности, всѣ эти рѣчи такъ же мало дѣйствовали на кальвинистовъ, какъ на стоиковъ или магометанъ. Даже напротивъ, онѣ возбуждали въ кальвинистахъ такіе порывы нравственной энергіи, какихъ свѣтъ не видывалъ. Люди, считавшіе себя связанными и насильно влекомыми по пути, заранѣе Предвѣчной Волей опредѣленному, проявляли столько мужества, столько активной энергіи, самообузданія и восторженнаго самопожертвованія, что могли служить примѣромъ нравственной свободы и самостоятельности.

Въ высшей степени интересно было бы рѣшить, въ чемъ состоитъ секретъ такого страннаго вліянія фатализма на душу человѣческую. Не зависитъ ли это вліяніе, какъ многіе думаютъ, отъ того, что фаталистами становятся преимущественно люди, по натурѣ суровые, строгіе, рѣшительные, склонные скорѣе къ справедливости, чѣмъ къ милосердію, — другими словами—не характеръ ли опредѣляетъ вѣру? Или, наоборотъ, не суровая ли вѣра въ абсолютный, ничѣмъ не вознагражденный, самъ себѣ довлѣющій долгъ закаляетъ характеры и создаетъ людей, подобно Кальвину или Канту, стремящихся къ чистой добродѣтели? Наконецъ, нѣтъ ли чего-нибудь возвышающаго и ободряющаго въ самой идеѣ сознательнаго содѣйствія вѣчнымъ законамъ, какъ бы они ни были суровы, въ признаніи себя не игрушкой въ рукахъ случая, а избраннымъ инструментомъ, исполнителемъ велѣній безконечнаго разума и безграничнаго могущества?

Но какой бы отвѣтъ ни получился на эти вопросы, одинаково касающіеся какъ кальвинистовъ семнадцатаго столѣтія, такъ и современныхъ детерминистовъ, пуританскій фатализмъ, во всякомъ случаѣ, былъ тѣми очками, сквозь которыя Кромвель смотрѣлъ на міръ. Не поднимаясь въ заоблачныя высоты теоретическаго обсужденія религіозныхъ вопросовъ, никогда о нихъ не споря, онъ все же опирался на основныя положенія кальвинизма, какъ на каменную гору.

Несмотря на множество разногласій по разнымъ частнымъ вопросамъ, на этихъ основныхъ положеніяхъ всѣ пуритане сходились. Для всѣхъ ихъ Библія была единственнымъ авторитетомъ, единственнымъ хранилищемъ подлинныхъ текстовъ, единственнымъ источникомъ доктринъ, дисциплины и ритуала. Ни традицій, ни отцовъ Церкви, никакихъ офиціальныхъ посредниковъ между собой и Богомъ, никакого человѣческаго вмѣшательства въ дѣла вѣры они не признавали. Эта постановка книги на мѣсто Церкви составляетъ самую сущность протестантизма, а равнымъ образомъ и сущность интеллектуальнаго строя самого Кромвеля. Вмѣстѣ съ «Христіанскимъ Цицерономъ», жившимъ на тысячу двѣсти лѣтъ раньше, онъ могъ бы сказать: «Мы, изучившіе истину по Священному Писанію, знаемъ начало міра и его конецъ.»

Упрощеніе есть основная мысль Реформаціи, какъ и всякой другой революціи, имѣющей нравственную подкладку. Грандіозное зданіе вѣры, съ такими трудами, въ теченіе

Digitized by Google

такого множества столѣтій построенное руками столь многихъ папъ, священниковъ, монаховъ, ученыхъ, святыхъ и мудрецовъ разнаго рода, потратившихъ на это дѣло всю силу своихъ умовъ, все пламя своихъ сердецъ, все свое знаніе, всю свою жизнь, было сразу объявлено подлежащимъ упрощенію, приведенію къ первоначальному идеалу, по которому между Богомъ и индивидуальной совѣстью человѣческой можетъ стоять только Слово Божіе, то-есть Библія.

Но Библія Кромвеля была не тѣмъ, что она есть теперь. Критика, хронологія, филологія, исторія не оспаривали въ ней мѣста у прямого Слова Божія. Это была книга цѣльная, въ которой всѣ страницы одинаково казались вдохновенными, всякій текстъ одинаково связывалъ. Вѣра въ каждую букву ея была сильна и незыблема до степени суевѣрія, въ которомъ протестанты такъ упрекали католиковъ. Наука не смѣла тогда вносить никакихъ сомнѣній въ библейское міровоззрѣніе. Никакія научныя гипотезы не нарушали наивнаго пониманія природы. Что бы ни случилось, все было приписываемо гнѣву или милости Провидѣнія. Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Іегова Ветхаго Завѣта считаемъ былъ прямымъ участникомъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, какъ бы они мелки ни были. Святые и пуритане считались его избранниками. Всѣ обличенія, направленныя древними Пророками противъ гонителей Израиля, были прямо относимы къ принцамъ и епископамъ. Моисей и Іисусъ Навинъ, Гедеонъ и Барухъ, Самсонъ и Давидъ были прототипами тѣхъ, которые въ современной жизни считали себя призванными разрывать пасти львовъ, останавливать солнце и обращать въ бѣгство арміи невѣрныхъ, во славу Божію.

Кромвель никогда ни переставалъ провозглашать, что все происходившее тогда въ Англіи свидѣтельствуетъ о чудесномъ вмѣшательствѣ Господа Бога въ дѣла человѣческія. Власть и высокое положеніе въ обществѣ не стоютъ того, чтобы гнаться за ними, говорилъ Кромвель; онъ за ними и не гонится и никогда не гнался, но самъ Богъ призываетъ его къ нимъ и Богъ же, навѣрное, дастъ своему слабому творенію силу исполнить свои повелѣнія. Главная обязанность всякаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы бояться невѣрія, самонадѣянности, не полагаться на свой разумъ и свои силы, памятуя, что все это суть лишь орудія въ рукахъ Божіихъ. О догмахъ онъ никогда не говорилъ. Религія для него не была сухой догмой, а живымъ общеніемъ съ самимъ Богомъ. «Не переставайте смотрѣть въ лицо Божіе», пишетъ онъ своему сыну, Ричарду, «пусть это будетъ главнымъ дѣломъ вашей жизни и источникомъ вашей силы; пусть все прочее согласуется съ этимъ.» Ричарду Мэйору, отцу жены своего сына, онъ говоритъ: «Истинно, дѣла наши не отъ нашего разума, силы или мужества зависятъ; мы только слѣдуемъ за Богомъ, Который идетъ впереди и собираетъ то, что посѣялъ; все, что мы имѣемъ,—получили отъ него». «Скажите вашей женѣ», говоритъ онъ Флитвуду, второму мужу своей дочери, Бриджетъ, «чтобы она избѣгала самонадѣянности. Самонадѣянность порождаетъ страхъ; лѣкарство отъ него есть любовь. Страхъ говоритъ: какъ бы хорошо было, если бы я сдѣлалъ то-то или избѣжалъ того-то! А любовь полагается на Бога: у меня есть Отецъ на небесахъ, говоритъ она; Его воля да будетъ; что Онъ для меня сдѣлаетъ, то, стало-быть, и нужно; въ Немъ моя сила и моя надежда, а самъ я только слабъ.» Кромвель не устаетъ повторять это и членамъ своей семьи, и парламенту, и во дни общественныхъ бѣдствій, и на полѣ сраженія, и во дни побѣды; такимъ духомъ весь онъ пропитанъ. Онъ сердится на шотландскихъ министровъ за то, что они осмѣлились назвать «случаемъ» побѣду при Денбарѣ—это чудесное проявленіе воли и могущества Божіихъ. Онъ предупреждаетъ ирландцевъ, что если они будутъ противиться, то испытаютъ на себѣ гнѣвъ Божій, «ложно именуемый случайностью войны».

Для того, чтобы поколебать кальвинизмъ, архіепископу Лоду и людямъ болѣе умнымъ, чѣмъ онъ, потребовалось новое духовное теченіе, которое и было найдено въ ученіи голландца Арминія. Оно возникло въ Голландіи въ началѣ столѣтія, какъ либеральная и раціоналистическая реакція противъ крайностей кальвинизма, и было съ радостью принято сторонниками Лода, въ качествѣ поддержки для колеблющихся алтаря и трона. Арминіанизмъ былъ уже осужденъ Дордрехтскимъ синодомъ (1618—1619), но, какъ нѣчто среднее между католичествомъ и кальвинизмомъ, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ духу новаго поколѣнія въ Англіи, одинаково

Digitized by Google

ненавидѣвшаго и Римъ и Женеву во имя стремленія создать свою собственную, англо-католическую церковь. Лодъ былъ болѣе склоненъ къ арминіанской политикѣ, чѣмъ къ арминіанскому богословію, и всегда отрицалъ свою принадлежность къ этой сектѣ. Какъ и многіе другіе, онъ говоритъ, что не понимаетъ богословскихъ тонкостей и поддерживаетъ арминіанизмъ скорѣе какъ государственный человѣкъ, чѣмъ какъ глава англійской церкви, которая, однако же, надолго прониклась духомъ голландской ереси. Въ арминіанизмѣ предопредѣленію противопоставлялась свободная воля, неумолимой необходимости—милосердіе Божіе; человѣкъ-

Сэръ Эдуардъ Кукъ.

(Съ портрета Янсена въ Національной галлереѣ).

машина, человѣкъ-орудіе замѣнялся въ немъ самоопредѣляющимся, дѣятельнымъ и разумнымъ агентомъ Бога.

Какимъ образомъ эти два противоположныхъ богословскихъ теченія ужились въ одной странѣ и какъ они распредѣлились по различнымъ политическимъ лагерямъ, намъ нѣтъ надобности изслѣдовать. Между мнѣніями разныхъ категорій существуетъ тонкая, невидимая и неуловимая связь, дѣйствующая подобно химическому сродству или симпатіямъ, признаваемымъ средневѣковой наукой. Исторія показываетъ намъ, какъ богословіе сплетается съ политикой, и арминіанизмъ, вошедшій въ моду въ Голландіи, благодаря политической распрѣ между Барнсвельдомъ и принцемъ Морицомъ, быстро сдѣлался въ Англіи краеугольнымъ камнемъ высокоцерковной іерархіи и монархіи. Между прочимъ и часть пресвитеріанъ съ теченіемъ времени отклонилась отъ кальвинизма далѣе, чѣмъ этого можно было ожидать по началу, когда арминіанизмъ ставился на ряду съ католичествомъ, атеизмомъ, социніанизмомъ и другими «мутными источниками» вѣры. Для безпристрастнаго изслѣдователя, изучающаго религіозную распрю временъ Кромвеля, становится яснымъ, что если кальвинизмъ возбуждалъ въ своихъ послѣдователяхъ несокрушимую энергію и рѣшительность, то противоположное ему теченіе болѣе согласовалось съ натурой человѣка, шире и глубже охватывало его жизнь, большему количеству людей подходило и къ большему кругу условій существованія было приложимо. «Истина», сказалъ Арминій, «даже теологическая истина, хранится въ глубокомъ колодцѣ, изъ котораго не можетъ быть добыта безъ большого труда.» Но когда мечъ вынутъ изъ ноженъ, то добывать истину нѣтъ времени. Обыкновенно каждая изъ враждующихъ сторонъ считаетъ себя обладательницей истины въ такой степени, что готова даже умереть за нее.

Оригинально, однако же, что въ англійской революціи семнадцатаго столѣтія всѣ партіи и фракціи партій имѣли свои идеалы Церкви, неразрывно связанные съ идеалами наилучшаго государственнаго устройства.

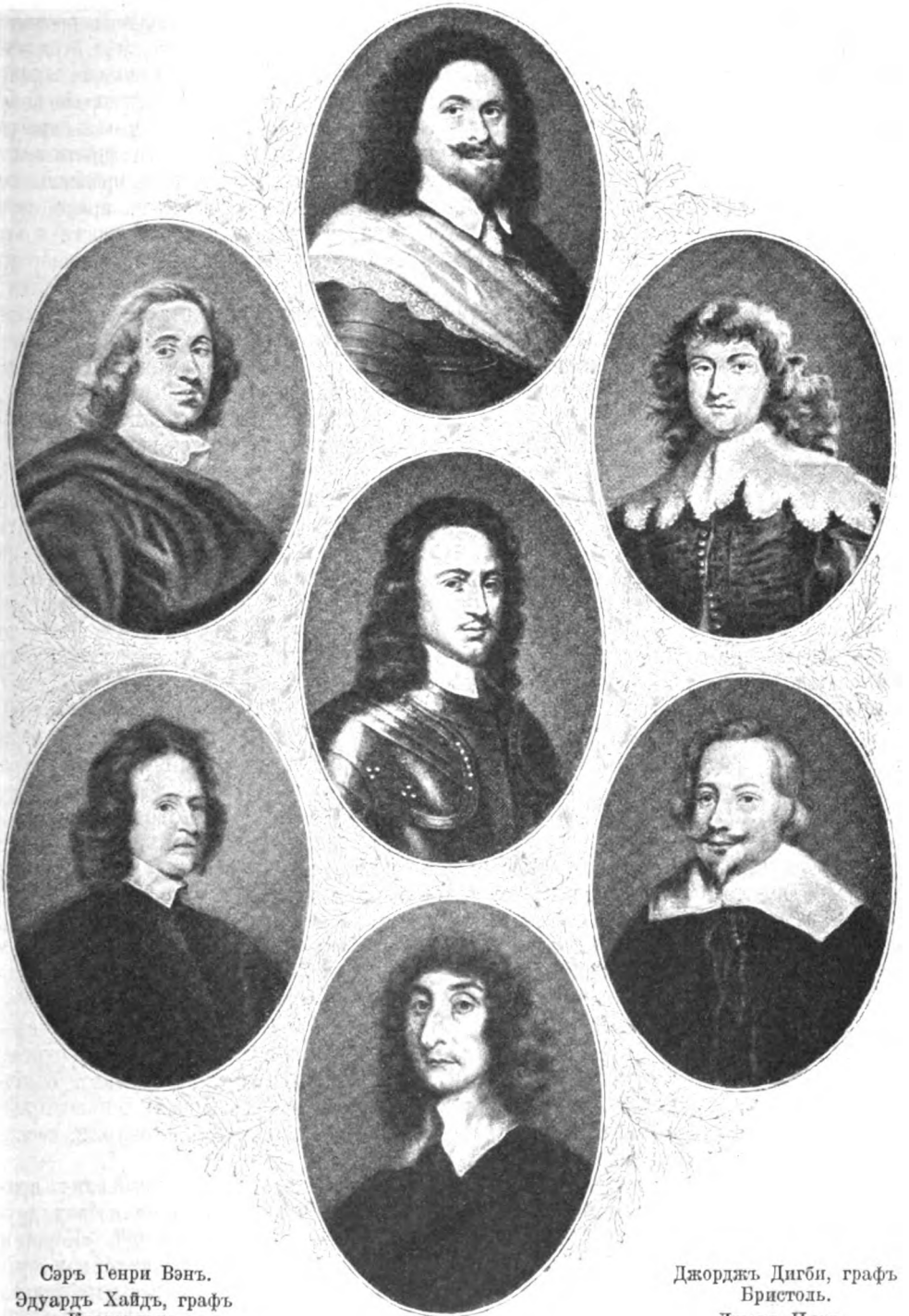
V.

Interim.

Уэнтвортъ сказалъ когда-то, что не слѣдуетъ ссориться съ королемъ иначе какъ черезъ посредство парламента. Слѣдуя этому правилу, вожди народа, за исключеніемъ Гемпдена, одиннадцать лѣтъ молча слѣдили за деспотическими распоряженіями короля.

Всякія общественныя должности раздавались исключительно правительствомъ; всѣ предметы потребленія составляли казенную монополію; повѣрка правъ на титулы производилась въ Англіи съ такой же безпощадной придирчивостью, съ какой Уэнтвортъ производилъ ее въ Ирландіи, такъ что, по словамъ Кларендона, титулованные люди, на которыхъ это главнымъ образомъ отзывалось, не могли забыть нанесенныхъ имъ обидъ.

Digitized by Google



Сэръ Генри Вэнъ.
Эдуардъ Хайдъ, графъ Кларендонъ.

Джорджъ Дигби, графъ Бристоль.
Джонъ Пимъ.

Лордъ Фокленъдъ.
Джонъ Гемпденъ.
Джонъ Сельденъ.

Digitized by Google

Звѣздная Палата, Совѣтъ и Судъ Верховной Комиссіи (Court of High Commission), вѣдавшіе дѣлами Церкви, въ ущербъ дѣятельности законныхъ судовъ, съ каждымъ годомъ расширяли районы своей юрисдикціи и отличались жестокостью налагаемыхъ ими наказаній. Всѣмъ извѣстны, напримѣръ, процессы Лейтона, Лильборна, Принна, Бертона и Баствика, людей весьма образованныхъ и даже ученыхъ, которые, за статьи противъ епископата, театральныхъ представленій или католическихъ новшествъ, вводимыхъ въ Англійской церкви, были наказаны отрѣзаніемъ ушей и носа, клейменіемъ, тяжелыми штрафами и содержаніемъ въ тюрьмахъ на время, какое королю было угодно назначить.

Но эти насилія надъ личностями не такъ возбуждали общее негодованіе, какъ налогъ на суда (ship-money), даже не самый этотъ налогъ, а тѣ принципы, на основаніи которыхъ онъ былъ взимаемъ, тѣ доктрины, которыя были выставлены лакействующими судьями въ его пользу, доктрины, отрицавшія право собственности. Знаменитый италіанецъ, завоевавшій себѣ печальную славу пониженіемъ общественной нравственности и человѣческаго самоуваженія, говоритъ, что люди легче прощаютъ убійство отца, чѣмъ отнятіе собственности. Но король Карлъ не изучалъ Маккіавелли, да и не думалъ о томъ, какое впечатлѣніе произведутъ его декреты на общество, а просто радовался, что нашелъ въ корабельномъ налогѣ не только источникъ доходовъ, достаточныхъ на покрытіе издержекъ по флоту, о которомъ очень заботился, но и вообще, какъ говоритъ Кларендонъ, «неисчерпаемый источникъ денежныхъ средствъ на всякія надобности». Это навсегда избавляло его отъ зависимости и отчетности передъ парламентомъ.

Всеобщее недовольство повело къ пассивному сопротивленію въ Эссексѣ, Девонширѣ и Оксфордширѣ. Одинъ мужественный купецъ лондонскаго Сити пожаловался на незаконное заключеніе свое въ тюрьму Суду королевской скамьи. Этотъ судъ отказалъ ему въ удовлетвореніи, сылаясь на то, что кромѣ закона есть еще администрація, и что послѣдняя можетъ дѣлать многое, закономъ недопускаемое, то-есть, другими словами, что правительство стоитъ выше закона. Съ гораздо большей полнотой и торжественностью тотъ же принципъ былъ провозглашенъ двѣнадцатью судьями Камеры казначейства (Exchequer Chamber) въ знаменитомъ процессѣ Джона Гемпдена (1637). Эти судьи, отказавъ Гемпдену, постановили, что никакіе законы и статуты не могутъ помѣшать королю пользоваться его прерогативами; что законы, лишающіе короля возможности заботиться о защитѣ страны, должны быть признаны ничтожными; что король имѣетъ право отмѣнять законы въ случаѣ необходимости, и онъ только одинъ является вполнѣ компетентнымъ судьею этой необходимости. Такимъ образомъ право парламента контролировать налоги, формально утвержденное подписью короля подъ Петиціей о правахъ, было столь же формально уничтожено, и рѣшеніе суда по дѣлу Гемпдена является однимъ изъ выдающихся фактовъ англійской исторіи.

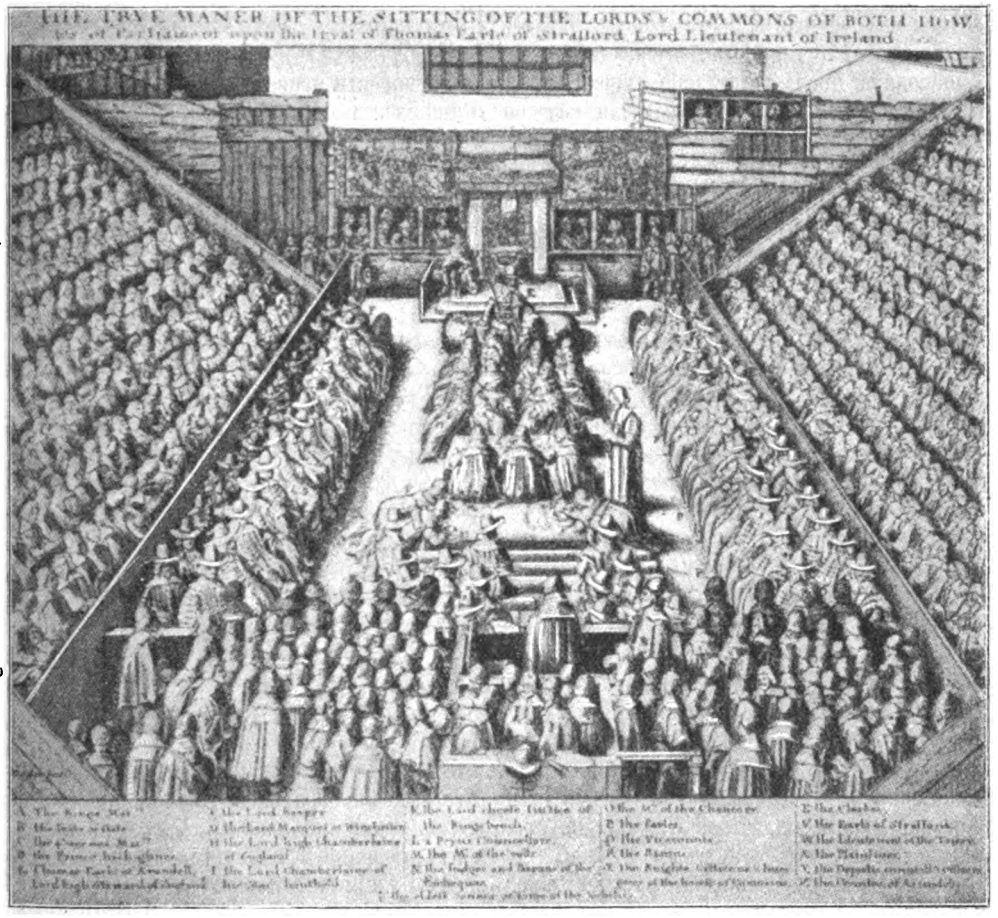
Все это, конечно, уже пахло революціей, идущей сверху. Такія рѣшенія, поддерживаемыя Страффордомъ, должны были дать королю абсолютную власть внутри государства и страшную силу во внѣшнихъ сношеніяхъ. Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ право учреждать налоги въ пользу флота, то почему бы ему не учредить таковыхъ же въ пользу арміи? А если онъ можетъ содержать армію для защиты страны, то кто же ему помѣшаетъ воспользоваться этой арміею для нападенія? Эта абсолютистическая схема была, очевидно, вполнѣ разработана, если не самимъ королемъ, то его болѣе твердыми и послѣдовательными совѣтниками. Страффордъ и Лодъ, обдумавъ новую систему управленія страною и даже методъ ея проведенія въ жизнь, настойчиво шли къ своей цѣли, къ тому, что они называли «совершенствомъ» (Thorough). Абсолютная власть короля внутри государства, главенство его надъ Церковью, свобода дѣйствій во внѣшнихъ сношеніяхъ, все это проведенное твердою рукою, безъ колебаній и полумѣръ, умѣло, безпощадно и безустанно,—вотъ въ чемъ состояла система, имѣвшая своимъ лозунгомъ «совершенство».

Но если таковъ былъ военный кличъ придворной партіи, то противники ея избрали другой, ни въ чемъ не уступающій. «Корни и вѣтви»—вотъ лозунгъ реформистовъ, и борьба этихъ двухъ лозунговъ нечувствительно привела къ революціи. Но событія подвигались впередъ очень медленно.

Замѣчательно, что страна, несмотря на внутреннее кипѣніе, снаружи долго казалась живущею въ мирѣ. Активнаго противодѣй-

Digitized by Google

ствія правительству никто не оказывалъ, никто о немъ даже не говорилъ. Нимъ упорно хранилъ молчаніе. О Кромвелѣ не было ни слуху ни духу; онъ, повидимому, провелъ все время передъ началомъ борьбы такъ же тихо, какъ и всѣ его сосѣди. «Послѣ нѣсколькихъ легкихъ замѣшательствъ среди народа и затрудненій въ торговлѣ», говорить Кларендонъ, «наступило такое спокойствіе, которымъ никакая страна никогда не не пользовалась. Въ теченіе десяти лѣтъ, когда были принимаемы новыя, стѣнительныя, противныя какъ закону, такъ и обычаю мѣры, страна жила среди такого благополучія, которому весь свѣтъ могъ только завидовать.» Всѣ извѣстные намъ факты доказываютъ справедливость такого показанія. Должно быть, англичане въ дѣйствительности вовсе не склонны къ перемѣнамъ, хотя такое о нихъ мнѣніе и поддерживается какъ консерваторами, такъ и либералами, которые любятъ вызывать, отъ времени до времени, мелкія тревоги, нужныя для поднятія ихъ собственнаго духа. Какъ мы увидимъ ниже, первый парламентъ, собравшійся послѣ одиннадцатилѣтняго промежутка, работалъ весьма лѣниво.



Засѣданіе обѣихъ палатъ парламента для суда надъ графомъ Страффордомъ.
(Съ современной гравюры).

Первое столкновеніе Карла съ религіознымъ движеніемъ, въ концѣ концовъ его погубившимъ, имѣло мѣсто на родинѣ короля. Костру горючихъ веществъ, собранному стараніями Карла и его совѣтниковъ, не хвата-

Digitized by Google

ло только искры, чтобы загорѣться. Искра эта проскочила изъ Шотландіи, гдѣ король и Лодъ легкомысленно играли съ огнемъ.

Еще въ предыдущемъ столѣтіи, Джонъ Ноксъ, убѣжденный послѣдователь Кальвина, образовалъ въ Шотландіи реформатскую церковь по образу и подобію Женевской. Сѣмя, имъ посѣянное, быстро возросло на почвѣ глубокаго религіознаго чувства, среди людей, по натурѣ склонныхъ серіозно относиться къ религіи и нести передъ Богомъ личную отвѣтственность за свои поступки. Епископатъ продолжалъ еще существовать въ Шотландіи, но власть его была сведена къ нулю. По нелѣпѣйшему упрямству, Карлъ задумалъ (1637 г.) превратить этотъ нуль въ крупную цифру и ввести въ Шотландіи богослужебныя книги, сочиненныя Лодомъ и его друзьями для Англіи. На помощь упрямству пришла политика. Король, Страффордъ и Лодъ ясно сознавали, что связь между тремя соединенными королевствами весьма слаба, и рѣшили попытаться укрѣпить ее введеніемъ повсюду одинаковаго церковнаго режима. Нѣкоторые шотландскіе историки думаютъ, что попытка эта удалась бы, если бы не было употреблено насилія. «То, что не могло быть достигнуто путемъ черезчуръ прямолинейныхъ и рѣзкихъ требованій, совершилось бы само собою путемъ терпѣливаго выжиданія.» (D. Laingh). Терпѣніе вообще есть добродѣтель, которой недостаетъ весьма многимъ правителямъ и государственнымъ людямъ. Суровые шотландцы тотчасъ же возстали, и возстаніе мгновенно разлилось по всему королевству. Почти весь народъ поспѣшилъ подписать знаменитый Національный Ковенантъ (27 февраля 1638 г.), который и теперь, столько лѣтъ спустя, нельзя читать безъ душевнаго волненія: до такой степени онъ дышитъ страстной вѣрой и гнѣвомъ, одушевлявшими суровыхъ фанатиковъ, которые приложили къ нему свои руки. Самый Римъ не могъ бы съ такимъ жаромъ, презрѣніемъ, отвращеніемъ и проклятіями отнестись къ кальвинизму, съ какимъ послѣдній, въ Ковенантѣ, относится къ Риму. Этотъ актъ представляетъ собою самое выдающееся произведеніе воинствующаго пуританизма XVII столѣтія.

Странно, что въ Англіи и Ирландіи никто не обращалъ никакого вниманія на Шотландію, до тѣхъ поръ пока въ ней не разразилась буря народнаго возстанія. Вся работа, подготовившая послѣднее, прошла незамѣченной по эту сторону границы, гдѣ люди больше интересовались дѣлами Германіи или Польши, чѣмъ дѣлами сосѣдняго королевства. Король, вмѣстѣ съ нѣсколькими шотландскими лордами, самъ занимался дѣлами Шотландіи и успѣлъ вызвать возстаніе прежде, чѣмъ что-либо стало извѣстно публикѣ. Между тѣмъ появленіе Ковенанта успѣло уже вызвать посылку войска на границы Шотландіи.

Король уѣхалъ въ Іоркъ и тамъ узналъ такія новости относительно упрямства возставшихъ, неохоты своего войска драться съ ними и опасностей, могущихъ произойти отъ сближенія шотландцевъ съ англичанами, что поспѣшилъ, очертя голову, что называется, подписать Бервикскій миръ (іюнь 1639). Относительно подробностей этого мира возникли, однако же, споры. Съ одной стороны, шотландцы упрямо поддерживали свои требованія, а съ другой—Ришелье обѣщалъ помочь королю. Карлъ выписалъ Страффорда изъ Ирландіи, а этотъ надменный государственный человѣкъ, посовѣтовавъ ему проучить хорошенько шотландцевъ, уѣхалъ опять въ Ирландію (мартъ 1640 г.) за деньгами и войскомъ. Война стала неизбѣжной, и необходимость заручиться согласіемъ парламента на веденіе этой войны, послужила первымъ шагомъ на пути спасенія англійской свободы.

VI.

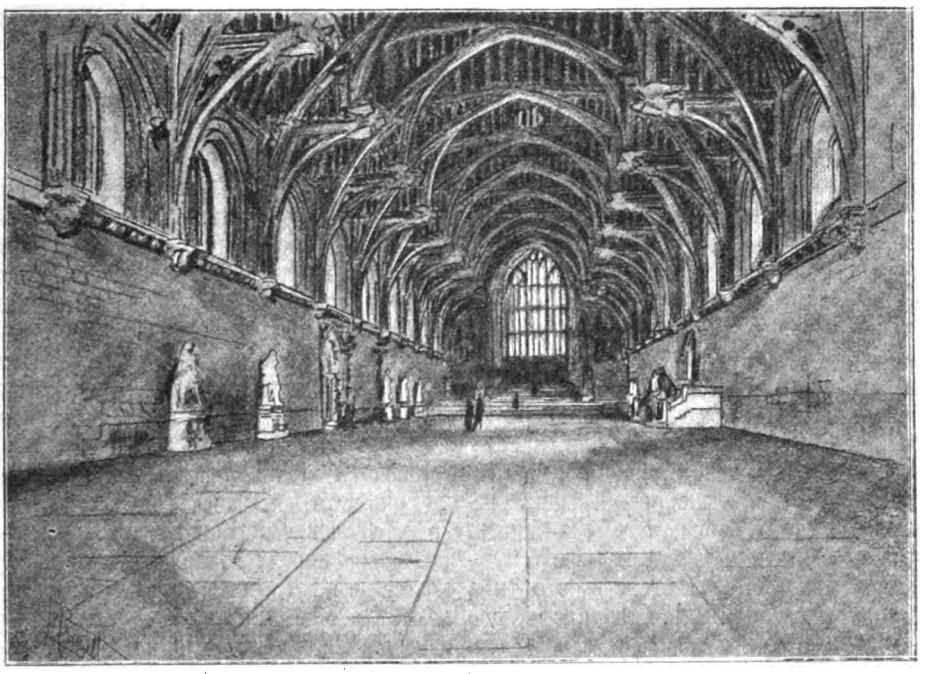
Короткій парламентъ.

Въ 1640 году король, за неимѣніемъ другого выхода, обратился къ помощи парламента. Такъ называемый Короткій парламентъ, собранный имъ тогда, началъ собою первую главу англійской революціи, законченной двадцать лѣтъ спустя Реставраціей. Изъ этихъ двадцати лѣтъ, Кромвель игралъ выдающуюся роль въ теченіе восемнадцати. Правда—движеніе, начавшееся въ 1640 году подготовлялось еще со временъ королевы Елизаветы и окончательно улеглось лишь тридцать лѣтъ спустя послѣ Реставраціи (1688 г.) но тѣмъ не менѣе двадцатилѣтіе 1640—1660 представляетъ собою его рѣзко ограниченный апогей. Всякое общественное движеніе распадается обыкновенно на отдѣльные акты, и первый изъ нихъ становится вполнѣ понятнымъ только тогда, когда

Digitized by Google

анавѣсъ опустится за послѣднимъ. Во Франціи сто слишкомъ лѣтъ спустя, разыгралась такая же кровавая драма, тоже занявшая около двадцати лѣтъ, съ 1789, черезъ Консулатъ и Имперію, до Москвы и Лейпцига. Только одно время можетъ освѣтить происшествія надлежащимъ образомъ.

Величайшій изъ римскихъ поэтовъ (Лукрецій), рисуя картину сраженія, сопровождаемаго криками, стонами, блескомъ оружія, стремительными атаками конницы, прибавляетъ, что съ отдаленныхъ высотъ вся эта



Видъ той залы въ Вестминстерѣ, гдѣ собирался парламентъ во времена Кромвеля.

картина, должна казаться совсѣмъ иною, чѣмъ она кажется участникамъ битвы. Стоны, крики и топотъ копытъ не долетаютъ до этихъ высотъ; блескъ оружія едва коегдѣ виденъ; стремительныя атаки превращаются въ едва замѣтное передвиженіе, и грозные легіоны кажутся мирно пасущимися стадами овецъ. Но зато общій результатъ сраженія, общій его ходъ, издали можетъ быть гораздо вѣрнѣе оцѣненъ, чѣмъ вблизи, гдѣ подробности заслоняютъ собою цѣлое.

То же самое и въ исторіи. Чѣмъ дальше отходятъ событія въ прошлое, тѣмъ яснѣе они въ глазахъ потомства. Но современники событія и ужъ особенно лица, играющія въ немъ роль, находятся совсѣмъ въ другомъ положеніи. Имъ приходится идти ощупью, опредѣляя и направляя общій ходъ дѣла по частностямъ, съ перваго взгляда кажущимся незначительными.

Въ такомъ положеніи былъ и Кромвель. Хорошо намъ теперь, изъ нашего историческаго далека, указывать на ошибки и промахи, имъ совершенные, но каково было ему бороться съ революціонной бурей и направлять ее, среди тумана лжи и другъ другу противоположныхъ страстей, вызывавшихъ временныя, но сильныя теченія то въ ту, то въ другую сторону?

Кромвель былъ выбранъ въ Парламентѣ огромнымъ большинствомъ голосовъ, въ качествѣ одного изъ двухъ депутатовъ отъ Кембриджа. Короткій парламентъ засѣдалъ только три недѣли (апрѣль 13—май 5), и на его засѣданіяхъ выяснилось, что вражда между партіями за одиннадцать лѣтъ кажущагося покоя только возросла. Засѣданія эти были, однако же, вполнѣ мирными и лой-

Digitized by Google

яльными, что доказываетъ, какъ мало все-таки, были возбуждены страсти, хотя разладъ глубоко засѣлъ въ умахъ.

Ветеранъ Кукъ къ тому времени умеръ. Уэнтворгъ изъ друга народной партіи превратился въ злѣйшаго ея врага. Сэръ Джонъ Элліотъ сидѣлъ въ Тоуэрѣ, гдѣ заключеніе, не сломившее его духа, вскорѣ сломило тѣло. Король при этомъ мстилъ ему даже за предѣлами гроба: когда сынъ Элліота попросилъ позволенія перевезти останки своего отца въ Корнваль, въ семейный склепъ, то король написалъ на просьбѣ: «Похоронить тѣло сэра Джона Элліота на кладбищѣ того прихода, въ которомъ онъ жилъ.» Такъ и лежитъ съ тѣхъ поръ его прахъ, не отмѣченный памятникомъ, въ часовнѣ Тоуэра.

Главою партіи Элліота сталъ Пимъ, и эта партія вскорѣ дала понять королю, что кровь ея бывшаго вождя требуетъ отмщенія. Народное дѣло вообще перешло теперь изъ рукъ легистовъ, подобныхъ Сельдену, и антикваріевъ, въ родѣ Коттона, въ руки помѣстнаго дворянства (Country gentlemen). Бёркъ, говоря объ американской революціи, указываетъ на тотъ фактъ, что большинство депутатовъ перваго революціоннаго конгресса были легисты и вліяніе ихъ чувствовалось во все время борьбы за гражданскую свободу. Но какъ легисты въ свое время отбили власть у духовенства, такъ теперь они, въ свою очередь, были отодвинуты на задній планъ членами помѣстнаго дворянства, одаренными государственнымъ смысломъ. Изъ среды государственныхъ дѣятелей этаго новаго типа особенно выдавался Пимъ. Отличаясь такою же преданностью дѣлу, какъ сэръ Джонъ Элліотъ, онъ былъ гораздо выдержаннѣе и тактичнѣе послѣдняго,—обладалъ гораздо большимъ чутьемъ. Прежде чѣмъ выдать средства на войну съ шотландцами или на что-либо иное, онъ выдвинулъ старые счеты народа съ правительствомъ. Требованіе прерогативъ раздалось въ парламентѣ громче, чѣмъ когда-либо. На это король не разсчитывалъ. Указывая на попытку шотландцевъ обезпечить себѣ помощь Франціи, онъ думалъ раздуть этимъ старую національную вражду между Шотландіей и Англіей. Англичане вообще не любили ни шотландцевъ, ни французовъ. Но въ данномъ случаѣ вожди народной партіи тотчасъ же поняли въ чемъ дѣло: они поняли, что интересы шотландцевъ вполнѣ сходятся съ ихъ собственными, и, пожалуй, сами не прочь были бы просить помощи у Франціи, точно такъ же, какъ ихъ потомки, однимъ поколѣніемъ позже, искали ее у голландцевъ.[1])

Убѣдившись въ томъ, что интересы Шотландіи и Англіи въ данномъ случаѣ совпадаютъ, вожди народной партіи рѣшили подать королю петицію противъ войны съ его шотландскими подданными. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до короля Карла, то послѣдній страшно разсердился, созвалъ въ шесть часовъ утра Совѣтъ и, вѣроятно, съ рѣшительнаго одобренія Страффорда, распустилъ парламентъ. Поступокъ этотъ, какъ обыкновенно у Карла, былъ вызванъ скорѣе вспыльчивостью, чѣмъ расчетомъ. Къ вечеру того же дня король уже понялъ свою ошибку и безпокойно освѣдомлялся о томъ, нельзя ли ее какъ-нибудь поправить и опять собрать только-что распущенный парламентъ.

Между тѣмъ духъ оппозиціи въ его противникахъ возрасталъ. О распущеніи парламента они не горевали, справедливо разсчитывая, что вскорѣ долженъ быть созванъ другой, который окажется настроеннымъ еще болѣе рѣшительно. Тогда наступитъ ихъ чередъ; тогда они будутъ уже диктовать свои условія королю и его министрамъ, которые успѣютъ къ тому времени усилить недовольство націи.

Расчетъ этотъ оказался вѣрнымъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, послѣдовавшихъ за распущеніемъ Короткаго парламента, положеніе короля стало отчаяннымъ. Всѣ колеса его прерогативъ были пущены въ ходъ, для того, чтобы добыть откуда-нибудь денегъ. Шерифы и сборщики податей едва могли набрать немного корабельной подати. Карлъ попробовалъ занять денегъ въ Сити и даже посадилъ ольдерменовъ въ тюрьму за отказъ, но Сити было пуританской крѣпостью и запугать его оказалось невозможнымъ. Карлъ обратился къ Франціи, къ Испаніи, къ генуэзскимъ купцамъ, даже къ самому папѣ. Но ни папа, ни короли, ни банкиры не рѣшились снабдить деньгами человѣка, который не могъ представить ни финансоваго, ни политическаго, ни даже военнаго обезпеченія. Дойдя до полнаго отчаянія, Карлъ рѣшился даже понизить про-

[1]) Пимъ заявлялъ французскому послу въ Лондонѣ свою преданность интересамъ Франціи совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ Сидней нѣсколько позднѣе.

Digitized by Google

Томасъ Уэнтвортъ, графъ Страффордъ.
(Съ портрета Ванъ-Дейка). (Въ Національномъ музеѣ).

Digitized by Google

бу звонкой монеты, но народъ отказывался принимать мѣдь за серебро и пенсы за шиллинги.

Тщетно Страффордъ указывалъ и членамъ Сити и членамъ Тайнаго Совѣта на тѣ средства, при помощи которыхъ король Франціи наполнялъ свое казначейство. Ни для него, ни для короля эти средства были недоступны. Трудно сказать, что было бы, если бы самъ король обладалъ желѣзной волей и политическими способностями кардинала Ришелье или если бы онъ вполнѣ подчинился Страффорду, обладавшему нѣкоторыми качествами послѣдняго, но, будучи самими собою и находясь каждый на своемъ мѣстѣ, они могли лишь погубить то дѣло, за которое взялись.

Всѣ ихъ ухищренія обращались противъ нихъ же самихъ. Конвокація духовенства только усилила всеобщее недовольство не однимъ лишь тѣмъ, что вопреки конституціи продолжала засѣдать по распущеніи парламента, но и новыми постановленіями относительно различныхъ подробностей ритуала богослуженія, и провозглашеніемъ божественнаго права королей, и, главнымъ образомъ, учрежденіемъ присяги, въ силу которой присягавшіе обязывались никогда не соглашаться на измѣненіе іерархіи Церкви, управляемой «архіепископами, епископами, деканами и проч.». Вся работа конвокаціи только обострила вопросъ о правѣ Церкви подъ покровомъ монархической власти постановлять какіе-нибудь законы независимо отъ парламента. Самъ Лодъ никогда не поступалъ до такой степени неполитично. Взбунтовавшееся народонаселеніе напало на Ламбетскій дворецъ, и архіепископъ, вовсе не будучи трусомъ, принужденъ былъ бѣжать въ Уайтхолль.

Тѣмъ временемъ королевскія войска, плохо дисциплинированныя, плохо оплачиваемыя и еще хуже одѣтыя, не въ силахъ были сопротивляться непріятелю. Шотландцы переправились черезъ Тайнъ, побили англичанъ при Ньюборнѣ, взяли Ньюкэстль и дошли до Дорхэма. Ничто не могло помѣшать имъ идти прямо на Лондонъ, въ которомъ, по словамъ одного современника, народъ былъ такъ настроенъ, какъ будто бы съ минуты на минуту ожидалъ свѣтопреставленія.

Карлъ опять вызвалъ Страффорда изъ Ирландіи, и этотъ смѣлый, талантливый человѣкъ вполнѣ завладѣлъ его волею. Никогда никто не бралъ въ свои руки такого безнадежнаго дѣла,—говоритъ онъ: всеобщее безправіе, непроходимая путаница, армія—недисциплинированная и лишенная всего необходимаго; всѣ перепуганы, никто не хочетъ служить королю и не заботится о своей чести, Картина неприглядная. «Я имѣю честь быть членомъ Тайнаго Совѣта его величества», со свойственнымъ ему сарказмомъ говоритъ Страффордъ, «но не состою членомъ совѣта Бога Всемогущаго, для того чтобы заранѣе предсказывать ходъ войны».

Парламентъ нельзя было не созвать, какъ предвидѣли Пимъ и его друзья, производившіе на короля сильное давленіе какъ посредствомъ народныхъ петицій, такъ и черезъ своихъ союзниковъ—пэровъ. Карлъ самъ уже начиналъ догадываться, что то, что случилось въ Шотландіи, легко можетъ повториться въ Англіи, и что если онъ самъ не созоветъ парламента, то послѣдній соберется и безъ него.

Созваніе парламента явилось поэтому первымъ чувствительнымъ униженіемъ для короля. Это униженіе, само собою разумѣется, только ожесточило борьбу. Всякій понималъ, что Карлъ, даже безъ злого умысла, а единственно вслѣдствіе легкомыслія, силы монархическихъ традицій и необходимости реабилитироваться, еще попробуетъ побороться. Такимъ образомъ, то, что имѣло видъ перваго шага къ сближенію между королемъ и народомъ, попытки столковаться, было на самомъ дѣлѣ открытіемъ военныхъ дѣйствій, первымъ комомъ снѣга, долженствующимъ превратиться въ лавину. Обѣ стороны, какъ и вообще въ исторіи, не разсчитывали на это, конечно, и начали войну не предугадывая, чѣмъ она кончится.

VII.

Долгій парламентъ.—Кромвель на 42-мъ году жизни.

Выборы доказали, насколько Карлъ упалъ во мнѣніи своего народа: изъ четырехсотъ девяноста членовъ, засѣдавшихъ въ Короткомъ парламентѣ, триста были выбраны вновь. Ни одинъ изъ состоявшихъ въ оппозиціи не былъ забаллотированъ, а изъ новыхъ членовъ почти всѣ принадлежали къ народной партіи. Изъ четырехсотъ девяноста шести членовъ, состоявшихъ въ спискѣ палаты общинъ къ открытію Долгаго парламента,

Digitized by Google

только девяносто одинъ былъ посланъ графствомъ, а четыреста пять—провинціальными общинами (boroughs), между тѣмъ именно въ нихъ-то вражда къ политикѣ двора и проявлялась съ особой силою. Кромѣ того, очень немногіе изъ этихъ членовъ принадлежали къ торговому сословію, да иначе и быть не могло, такъ какъ тогда четыре пятыхъ народонаселенія Англіи занималось земледѣліемъ, торговыхъ же городовъ, кромѣ Лондона, было всего четыре.

Ундрингтоны, Фенвики, Аштоны, Шюттльворты, Сегили, Инсгрэмы, Фэрфаксы, Гренвили, Гадольфины и множество другихъ историческихъ фамилій, внесенныхъ въ списокъ революціоннаго парламента, доказываютъ, что онъ содержалъ въ себѣ цвѣтъ англійской націи въ гораздо большей степени, чѣмъ, напримѣръ, современная намъ палата лордовъ. Это было скорѣе аристократическое, чѣмъ демократическое собраніе, какъ это выяснилось пятью или шестью годами позже, когда на политическую арену выступили разночинцы и солдаты. Не надо забывать, что при вступленіи на престолъ Іакова I число баронствъ удвоилось, такъ какъ онъ раздавалъ ихъ отчасти за деньги, а отчасти для того, чтобы усилить партію двора противъ общинъ. Впрочемъ, между древними и новыми баронами не оказалось никакой разницы по отношенію къ антагонизму ихъ съ королемъ и его совѣтниками.

Долгій парламентъ составился изъ лучшихъ представителей помѣстнаго дворянства и интеллигенціи. Удивительно, что университетъ, вскорѣ ставшій главной опорой трона и алтаря, далъ этому парламенту наибольшее количество выдающихся вождей народной партіи. Сельденъ былъ членомъ за Оксфордъ, а Пимъ, Финнесъ, Мартенъ, Вэнъ, такъ же какъ Хайдъ, Фоклендъ, Дигби и многіе другіе получили свое образованіе въ этомъ университетѣ. Одинъ ученый нашего времени замѣтилъ, что всѣ эти имена, вмѣстѣ взятыя, представляютъ собою относительно бо́льшую часть интеллектуальной жизни страны, ея энергіи и талантовъ, чѣмъ какая теперь входитъ въ палату общинъ. И, дѣйствительно, Долгому парламенту не хватало только двухъ знаменитыхъ именъ—Мильтона и Гоббса—для того, чтобы вмѣстить въ себѣ всю тогдашнюю умственную силу націи, такъ какъ Драйденъ былъ тогда еще ученикомъ Вестминстерской школы, будущій авторъ «Pilgrim's Progress'a» — двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, чинившимъ котлы въ Бедфордширѣ, а Локкъ, будущій борецъ за тѣ принципы, которые вырабатывались тогда на практикѣ,—восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Что касается Ньютона, то онъ родился лишь въ 1642 году,—два мѣсяца спустя послѣ первой битвы при Эджхиллѣ.

Въ первое время революціи пэрамъ предстояла работа не менѣе важная, чѣмъ общинамъ, и хотя они не отличались особымъ рвеніемъ, но выполняли свое дѣло не отставая отъ Нижней палаты. Свѣтскихъ пэровъ было 123, а духовныхъ—26; къ началу настоящей парламентской работы, послѣднихъ, однако же, осталось только восемнадцать. Какъ по отношенію къ духу общественности, такъ и по отношенію къ упорству въ требованіяхъ средній уровень палаты лордовъ былъ, несомнѣнно, очень высокъ. Подобно всѣмъ другимъ аристократамъ семнадцатаго столѣтія, англійскіе лорды не были расположены потворствовать претензіямъ духовенства и ревниво относились къ прерогативамъ короны. Да и вообще слѣдуетъ замѣтить, что люди очень высокаго происхожденія весьма нерѣдко принимаютъ сторону демократіи, не переставая быть въ душѣ аристократами. Роялистскій историкъ совершенно справедливо думаетъ, что лорды Сэй и Сили (Sele) не уступали въ аристократизмѣ никому другому.

Кромвель вернулся въ парламентъ опять делегатомъ отъ Кембриджа. Интересно замѣтить, что Кромвель и Гемпденъ при открытіи Долгаго парламента имѣли между его членами до семнадцати родственниковъ и близкихъ друзей; къ 1647 году число это возросло до двадцати трехъ. А когда, восемь лѣтъ спустя, наступилъ рѣшительный день, то изъ пятидесяти девяти подписей подъ смертнымъ приговоромъ королю десять принадлежали родственникамъ Оливера и изъ ста сорока судей шестнадцать были такъ или иначе близкими ему людьми. Кромвелю наступилъ въ это время сорокъ второй годъ, и тихая семейная жизнь его кончилась навсегда. Всякому извѣстенъ портретъ его, начертанный тогда однимъ молодымъ роялистомъ: «Джентльменъ, произносившій рѣчь», говоритъ онъ, «былъ немалаго роста и одѣтъ очень просто, въ платье, сшитое домашнимъ портнымъ, въ грубое и не особенно чистое бѣлье, мѣстами запачкан-

Digitized by Google

ное кровью; шпага его плотно прилегала къ тѣлу; голосъ—рѣзкій, но глухой. Джентльменъ этотъ такъ энергично оралъ и бранился, что его поведеніе значительно понизило мое уваженіе къ собранію, позволявшему такъ съ собой обращаться.»

Другой лѣтописецъ того времени такъ описываетъ Оливера: «Ростъ его—средній, тѣлосложеніе — крѣпкое, а голова такихъ размѣровъ, что въ ней могъ помѣститься большой запасъ всевозможныхъ даровъ природы. Темпераментъ у него чрезвычайно горячій, но умѣряемый, въ большей части случаевъ, благоразуміемъ. По натурѣ онъ до женственности склоненъ къ милосердію при видѣ всякаго несчастія. Хотя Богъ лишилъ его сердце страха передъ чѣмъ-либо, кромѣ Своего гнѣва, но вложилъ въ его душу нѣжность къ страдающимъ.»

«Когда Кромвель говорилъ въ палатѣ», пишетъ третій свидѣтель, «то слова его всегда были проникнуты силой и мужествомъ, доказывавшими, что онъ скорѣе могъ убѣдить другихъ, чѣмъ самъ переубѣдиться. Выраженія его были рѣзки, мнѣнія—опредѣленны, доказательства—глубоки, серіозны, перемѣшаны съ текстами Св. Писанія, такъ что имѣли большой вѣсъ и сильно дѣйствовали на слушателей. Онъ обладалъ свойствомъ говорить страстно, но сдержанно, и благодаря этому овладѣвалъ вниманіемъ палаты, велъ ее за собою. Кто не находитъ въ его рѣчахъ ничего особеннаго, тотъ пусть судитъ по впечатлѣнію, производимому ими на слушателей.»

Помимо этихъ отзывовъ, мы имѣемъ еще оцѣнку внутреннихъ качествъ Кромвеля, сдѣланную Кларендономъ. Въ самомъ началѣ засѣданій Долгаго парламента Кромвель избранъ былъ въ члены комитета для разсмотрѣнія аграрныхъ недоразумѣній на его родинѣ. Дѣло состояло въ томъ, что лордъ Манчестеръ огородилъ свои поля, а сосѣднимъ фермерамъ это не понравилось, и они, явившись большою толпою, съ барабаннымъ боемъ, сломали загороди, какъ это и теперь дѣлается, пожалуй, даже чаще, чѣмъ прежде. Обѣ стороны, какъ это тоже обыкновенно дѣлается, подали петиціи въ парламентъ, а послѣдній назначилъ для разсмотрѣнія дѣла комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Хайда, со словъ котораго Кларендонъ сообщаетъ о Кромвелѣ слѣдующее: «Кромвель представилъ комитету петиціонеровъ и очень горячо поддерживалъ ихъ жалобы. Эти петиціонеры, весьма грубый народъ, ругались и прерывали какъ докладчика, такъ и свидѣтелей, когда послѣдніе говорили что-нибудь такое, что петиціонерамъ не нравилось. Предсѣдатель долженъ былъ, наконецъ, остановить ихъ и пригрозить штрафами и удаленіемъ изъ зала, если они будутъ мѣшать слушанію дѣла. Кромвель вступился за земляковъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ попрекнулъ предсѣдателя въ пристрастіи, въ застращиваніи истцовъ и свидѣтелей. Мистеръ Хайдъ обратился къ комитету, который призналъ его вполнѣ правымъ, что еще болѣе раздражило и безъ того озлобленнаго Кромвеля. Когда потомъ лордъ Мандивиль сталъ весьма скромно излагать обстоятельства дѣла, которыхъ былъ свидѣтелемъ, то Кромвель прерывалъ его и отвѣчалъ въ высшей степени грубо, нахально, въ выраженіяхъ, недоступныхъ между джентльменами. Въ концѣ концовъ предсѣдатель долженъ былъ призвать его къ порядку и заявить, что если Кромвель будетъ продолжать вести себя такъ бурно и нагло, то онъ, мистеръ Хайдъ, долженъ будетъ закрыть засѣданіе комитета и на другой день жаловаться палатѣ.» Вотъ каковъ былъ Кромвель.

А вотъ собственное его изложеніе тайныхъ пружинъ, которыя имъ руководили: «Изъ двухъ величайшихъ обязанностей, возложенныхъ Богомъ на человѣка, первою является охрана религіи и ея проповѣдниковъ, которымъ должны быть даны полная свобода и подобающее уваженіе, дабы они хранили правду Божію; второю обязанностью является охрана гражданской свободы и національныхъ интересовъ. Хотя эти послѣдніе и стоятъ на второмъ мѣстѣ, но они послѣ религіи суть величайшія блага, данныя намъ Господомъ Богомъ, такъ какъ лучше всякихъ скалъ ограждаютъ наше земное существованіе. Если кто-нибудь признаетъ интересы религіи и національности не важными, то я желалъ бы, чтобы душа моя навсегда отвернулась отъ такого человѣка.»

Твердо вѣруя въ прямое свое общеніе съ Богомъ, въ то, что Высшая Воля руководитъ его поступками и говоритъ его голосомъ, Кромвель вполнѣ увѣренно шелъ по пути жизни, несмотря на то, что былъ съ нею почти незнакомъ. Изъ книгъ, какъ мы видѣли, онъ почерпнулъ очень мало. Изъ житейскаго опыта, изъ столкновеній съ люд-

Digitized by Google

ми, изъ широкаго участія въ общественной жизни — еще меньше, такъ какъ у него, скромнаго и небогатаго деревенскаго жителя, ничего этого не было, да и быть не могло. Предназначенный къ тому, чтобы быть однимъ изъ знаменитѣйшихъ военачальниковъ своего времени, онъ въ теченіе первыхъ четвертей своей жизни не командовалъ ни однимъ солдатомъ, даже издали не видалъ битвы и вообще не имѣлъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Но онъ былъ одновременно смѣлъ и остороженъ, покоенъ и рѣшителенъ, мягокъ и твердъ, благоразуменъ и наклоненъ къ риску,—однимъ словомъ, имѣлъ холодную голову и горячее сердце. Со своей грубой, неотесанной наружностью, съ наклонностью къ пошлымъ шуткамъ Кромвель соединялъ удивительную проницательность. Природа одарила его такой непоколебимой самостоятельностью сужденія, которая была принимаема за упрямство; такой быстротой соображенія въ дѣлѣ согласованія средствъ съ цѣлью, что ее принимали за коварство; наконецъ,—такой настойчивостью въ достиженіи разъ задуманнаго, что людямъ, склоннымъ видѣть во всемъ дурное, она казалась преступнымъ самопоклоненіемъ. А въ основѣ всего его характера лежалъ бодрый, энергическій, рѣшительный темпераментъ. Кромвель принадлежалъ къ числу людей, рожденныхъ для того, чтобы совершать великіе перевороты.

VIII.

Паденіе Страффорда.

Почти въ началѣ сессіи Долгаго парламента наступилъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ моментовъ въ англійской исторіи. Страффордъ стоялъ во главѣ арміи, находившейся въ Іоркѣ, когда парламентомъ было вотировано образованіе особаго комитета для разбора ирландскихъ дѣлъ. Понимая, что голосованіе это направлено прямо противъ Страффорда, лондонскіе друзья послѣдняго тотчасъ же его объ этомъ увѣдомили. Возникъ вопросъ о томъ, чтобы ѣхать въ Лондонъ, и между тѣмъ, какъ іоркскіе друзья уговаривали его отложить эту поѣздку и оставаться въ арміи, король и королева, напротивъ того, настаивали на пріѣздѣ, увѣряя, что ни личность, ни честь, ни состояніе его нисколько не пострадаютъ. Относясь къ этимъ увѣреніямъ съ недовѣріемъ, ясно видя опасность, которая ему угрожаетъ, Страффордъ, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же собрался и выѣхалъ, съ надеждой уличить своихъ враговъ въ измѣнѣ—въ сношеніяхъ съ шотландцами. Историки могутъ вѣчно спорить о томъ, кто, въ сущности, былъ правъ, но два главныхъ дѣятеля въ драмѣ едва ли думали о правдѣ; для нихъ вопросъ состоялъ въ томъ, кто первый успѣетъ свалить противника. Твоя голова или моя голова— вотъ въ чемъ заключалась ставка въ игрѣ, начавшейся между Пимомъ и Страффордомъ.

Король принялъ своего любимца очень ласково и вновь клялся, что не дастъ его въ обиду; но едва ли когда-нибудь королевское обѣщаніе было такъ скоро нарушено. На другой день Страффордъ отправился въ палату лордовъ, тоже принявшую его съ подобающей честью, но, къ несчастію, онъ не успѣлъ тутъ же предъявить обвиненіе противъ Пима и его друзей, такъ какъ не всѣ улики были собраны, а, между тѣмъ, черезъ нѣсколько часовъ предъявлять ихъ оказалось уже поздно: противники предупредили Страффорда и въ тотъ же день нанесли ему ударъ.

Немного спустя послѣ полудня Пимъ всталъ въ палатѣ общинъ и потребовалъ закрытаго засѣданія по неотложному и важному дѣлу. Галлереи были тотчасъ же очищены отъ публики, дверь заперта и ключъ положенъ на столъ. Дебаты о поведеніи Страффорда въ Ирландіи и во время президентства въ Совѣтѣ продолжались до пяти часовъ вечера, послѣ чего Пимъ, во главѣ трехсотъ членовъ палаты общинъ, пройдя сквозь толпу, собравшуюся при вѣсти о томъ, что происходитъ нѣчто необычное, появился передъ рѣшеткой палаты лордовъ. По порученію Нижней палаты и отъ имени общинъ Англіи, онъ обвинилъ Томаса графа Страффорда въ измѣнѣ и потребовалъ предварительнаго заключенія его въ тюрьму на время, необходимое для собранія и приведенія въ порядокъ уликъ, доказывающихъ его вину. Страффордъ находился тогда въ Уайтхоллѣ. Извѣстіе о томъ, что происходило въ палатѣ лордовъ, подѣйствовало на его друзей какъ ударъ грома, но самъ онъ остался совершенно покоенъ. «Я пойду взглянуть въ лицо моимъ обвинителямъ», сказалъ онъ и тотчасъ же отправился въ парламентъ. «Прибывъ къ дверямъ палаты лордовъ, онъ громко въ нихъ постучался;

Digitized by Google

хранитель Чернаго жезла (приставъ) отворилъ ему; гордо и весело пошелъ Страффордъ къ своему обычному мѣсту, но общій крикъ заставилъ его удалиться.» Когда лорды, посовѣтовавшись между собою, порѣшили, что дѣлать, то вновь позвали его, заставили преклонить колѣно у рѣшетки и объявили, въ чемъ онъ обвиняется. Обратно изъ палаты онъ ушелъ уже подъ стражей. «Итакъ, тотъ, который утромъ распоряжался судьбою двухъ королевствъ, къ вечеру сидѣлъ уже между четырьмя стѣнами.»

Изъ Тоуэра, куда онъ скоро былъ помѣщенъ, Страффордъ пишетъ своей женѣ слѣдующее: «Хотя противъ меня съ возможною строгостью были приняты всѣ мѣры, какія только злоба и коварство могутъ придумать, но я покоенъ въ душѣ и твердо вѣрую, что Богъ избавитъ меня отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ свое положеніе, тѣмъ болѣе надѣюсь и вѣрю, что если только на землѣ есть еще честь и справедливость, то жизнь моя не можетъ быть въ опасности; а что касается другихъ какихъ-нибудь непріятностей, то время загладитъ оставленный ими слѣдъ. Поэтому не отчаивайтесь, заботьтесь о домѣ и дѣтяхъ, молитесь за меня и вѣрьте, что избавленіе придетъ къ намъ такъ же неожиданно, какъ неожиданно разразился этотъ ударъ, который, надѣюсь, только сдѣлаетъ насъ лучше и возвеличитъ передъ Богомъ и людьми.»

Дѣло тянулось мѣсяцевъ пять. Настоящій судъ начался 22 марта (1641) и продолжался четырнадцать дней. Онъ важенъ тѣмъ, что на такомъ крупномъ примѣрѣ подтвердилъ принципъ отвѣтственности министровъ, а, кромѣ того, послужилъ началомъ послѣдней и величайшей гражданской войны въ королевствѣ.

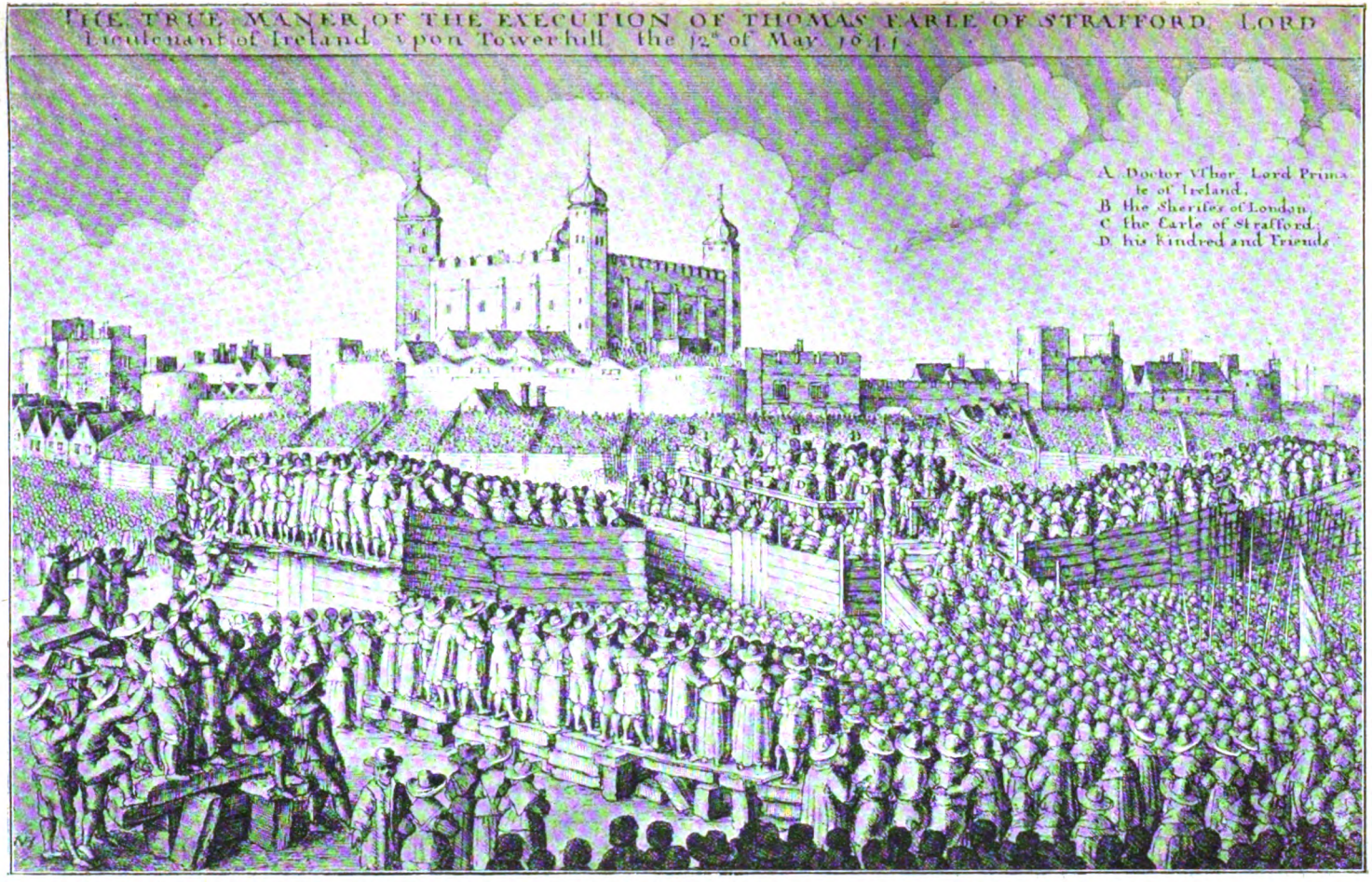
Одинъ очевидецъ разсказываетъ, какъ народъ началъ собираться къ парламенту уже въ пять часовъ утра; какъ обвиняемый прибылъ изъ Тоуэра, на лодкѣ, съ конвоемъ изъ мушкетеровъ и алебардщиковъ, только къ восьми часамъ, оправдывая свое опозданіе противнымъ вѣтромъ; какъ король и королева, прибывъ за полъ-часа до Страффорда, помѣстились въ боковыхъ, не оффиціальныхъ, ложахъ. «Ежедневно», говоритъ этотъ очевидецъ, Ковенантеръ, «собирался, такимъ образомъ, цвѣтъ общества со всего нашего острова. Но общество это вело себя далеко не такъ серіозно, какъ я ожидалъ. У дверей постоянно слышенъ былъ шумъ; въ промежуткахъ между судоговореніемъ лорды вставали съ мѣстъ, ходили и громко разговаривали; члены Нижней палаты также постоянно болтали другъ съ другомъ; послѣ десяти часовъ многіе начинали закусывать, и не то, чтобы конфектами, а хлѣбомъ и мясомъ; появились даже бутылки съ пивомъ и виномъ, переходившія изъ рукъ въ руки и опустошаемыя безъ помощи стакановъ. И все это—на глазахъ короля.»

Съ обвиненіемъ Страффорда положеніе партій вполнѣ обозначилось. Всесильный министръ успѣлъ заслужить всеобщую ненависть, вмѣстѣ со своимъ союзникомъ архіепископомъ Лодомъ, который былъ осужденъ нѣсколькими днями позже. Онъ былъ символомъ и воплощеніемъ того гнета, отъ котораго все государство страдало много лѣтъ сряду. Въ Англіи имя Страффорда обозначало собою беззаконіе, судебный и административный произволъ, постоянную угрозу папистскаго нападенія съ той стороны канала св. Георгія. Шотландцы ненавидѣли его какъ иниціатора религіозныхъ преслѣдованій и только-что начавшейся войны. Даже Ирландія, лишь недавно въ лицѣ мѣстнаго парламента благословлявшая Страффорда, какъ своего благодѣтеля, теперь вдругъ съ страннымъ легкомысліемъ стала проклинать его, какъ тирана. Совокупность всеобщей ненависти должна была рано или поздно погубить человѣка, сумѣвшаго ее вызвать. «Всѣ три королевства», говоритъ современный историкъ, «были его обвинителями и добивались возможности искупить свои страданія его смертью.»

Какъ юридическая процедура, судъ надъ Страффордомъ является столь же неправильнымъ, какъ и тотъ еще болѣе достопамятный судъ, который былъ совершенъ въ той же исторической залѣ восемь лѣтъ спустя. Поводы къ обвиненію, удовлетворившіе нашихъ лордовъ и депутатовъ, были не лучше тѣхъ, которые казались достаточными якобинскому трибуналу, засѣдавшему въ Парижѣ сто лѣтъ тому назадъ. Улики противъ обвиняемаго были смутны, голословны, недоказательны. Свидѣтельства при хладнокровномъ разсмотрѣніи дѣла оказались бы въ высшей степени сомнительными.

Виновность Страффорда въ какой бы то ни было измѣнѣ не только теперь никѣмъ уже

Digitized by Google



Казнь Страффорда 12 мая 1641 г.

(Съ современной гравюры. Въ Британскомъ музеѣ).

А. Докторъ Ушеръ, примасъ Ирландіи.— В. Лондонскіе шерифы.— С. Графъ Стаффордъ.— D. Его друзья и родственники.

Digitized by Google

не признается, но едва ли многими признавалась и тогда.

Оливеръ Ст.-Джонъ, поддерживая обвиненіе передъ палатою лордовъ, случайно указалъ на самый главный его пунктъ: «Зачѣмъ мы будемъ стѣсняться законами при судѣ надъ человѣкомъ, который самъ никогда закономъ не стѣснялся? У насъ выработались извѣстныя правила относительно охоты за зайцами и оленями, потому что они суть животныя мирныя; но существуютъ ли какія-либо правила для охоты на волковъ и лисицъ, вообще на животныхъ хищныхъ? Мы просто бьемъ ихъ—гдѣ встрѣтимъ.» Вотъ въ этой тирадѣ заключается весь смыслъ суда надъ Страффордомъ, — не законъ, а твоя голова или моя голова. Во всѣхъ революціяхъ всегда такъ бывало; такъ было и здѣсь. Но революціонный топоръ отточенъ на обѣ стороны, и революціонеры убѣждаются въ этомъ обыкновенно при наступленіи реставрацій.

Какъ бы то ни было, Пиму нужна была только одна сторона этого топора, и онъ постарался направить ее противъ своего врага. Въ томъ, что Страффордъ стремился уничтожить самыя дорогія для всякаго англичанина права личной и гражданской свободы; въ томъ, что онъ вполнѣ заслужилъ титулъ врага общества; въ томъ, что пребываніе его въ числѣ совѣтниковъ короля было бы опасно для государства, а избавленіе отъ заслуженной кары могло бы считаться общественнымъ бѣдствіемъ; наконецъ, въ томъ, что онъ, оставшись въ живыхъ, не преминулъ бы тотчасъ же погубить всѣхъ своихъ враговъ, защитниковъ народной свободы противъ абсолютическихъ поползновеній короля,—во всемъ этомъ нельзя было сомнѣваться, хотя и очевидныхъ доказательствъ всего этого представить было невозможно.

Понятно поэтому, что когда общины послѣ четырнадцати судебныхъ засѣданій убѣдились, что жертва можетъ отъ нихъ ускользнуть, то онѣ прибѣгли къ крайнему средству — къ биллю о государственномъ преступленіи (bill of attainder). Слѣдуетъ помнить, что народная партія была тогда со всѣхъ сторонъ окружена опасностями. Она знала о заговорѣ, по которому королевскія войска должны были напасть на парламентъ. Она слышала о намѣреніи короля Франціи прислать вооруженную силу на помощь своей сестрѣ и о присылкѣ денегъ Карлу принцемъ Оранскимъ, его зятемъ. Ходили слухи о подготовляющемся бѣгствѣ Страффорда изъ тюрьмы. Но наибольшая опасность угрожала народной партіи со стороны самого короля, который, будучи доведенъ до отчаянія, могъ неожиданно распустить парламентъ.

Подъ вліяніемъ страха передъ всѣми этими опасностями, обѣ палаты весьма быстро пропустили билль, несмотря на то, что Пимъ и Гемпденъ сначала колебались, Хайдъ и Фоклендъ воздержались отъ подачи голосовъ, а Сельденъ вотировалъ противъ билля. Боязнь за свою голову всегда стоитъ у людей на первомъ планѣ; поэтому понятно, что графъ Эссексъ, отвергая предложеніе Хайда объ изгнаніи Страффорда, сказалъ: «Смерть есть лучшее изгнаніе.»

Одинъ только человѣкъ могъ бы провалить билль, и этотъ человѣкъ былъ король Карлъ. Королевское согласіе необходимо для каждаго билля, и если отъ кого-нибудь можно было ожидать отказа въ согласіи съ даннымъ биллемъ, то это, ужъ конечно, отъ короля Карла. Билль прошелъ черезъ парламентъ въ четвергъ (8 мая), и король попросилъ одинъ день на размышленіе. Въ этотъ день онъ совѣтовался со многими лицами, какъ свѣтскими, такъ и духовными. Архіепископы Ушеръ и Джюксонъ, какъ честные люди, посовѣтовали ему не соглашаться, если совѣсть этого не дозволяетъ и если въ невинности Страффорда онъ увѣренъ. А король, надо замѣтить, всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, просилъ лордовъ не насиловать его совѣсти, заявляя, что по внутреннему убѣжденію не можетъ обвинить своего министра въ измѣнѣ. Архіепископъ Вилльямсъ, между тѣмъ, болѣе остроумный, чѣмъ его собратья, успѣлъ внушить королю, что совѣсть бываетъ разная, частная и общественная,—для себя, такъ сказать, и для публики, — и что если частная его совѣсть оправдываетъ Страффорда, то ничто не мѣшаетъ общественной совѣсти обвинить послѣдняго, тѣмъ болѣе, что и судьи его обвиняютъ. Кстати, самъ Страффордъ за недѣлю передъ тѣмъ писалъ къ королю, прося его пропустить билль. «Мое согласіе, государь», писалъ онъ, «скорѣе, чѣмъ что-либо другое можетъ успокоить вашу совѣсть и помирить васъ съ Богомъ. Нельзя быть несправедливымъ къ человѣку, который самъ

Digitized by Google

ищетъ своей судьбы. Ужъ если я, по Божьей милости, вполнѣ покойно иду на смерть, отъ души прощая всѣмъ ея виновникамъ, то для васъ-то, государь, осыпавшаго меня своими щедротами, я пойду на нее съ радостью.» Надо признаться недостоинъ былъ Карлъ такого великодушнаго слуги!

Сдѣланы были и другія попытки облегчить совѣсть короля. Его увѣрили, что въ случаѣ оправданія Страффорда народная ненависть можетъ обрушиться на королеву. «Пусть тотъ», прибавляетъ лѣтописецъ, «кто видѣлъ свою жену, своихъ дѣтей и все, чѣмъ дорожишь на свѣтѣ, въ страшной опасности и отказался спасти ихъ при помощи низкаго поступка, пусть тотъ броситъ первый камень въ короля Карла.» Но историческая справедливость едва ли можетъ принимать во вниманіе интимныя привязанности, и предательство, совершенное Карломъ, не умаляется его любовью къ женѣ. Это, впрочемъ, единственный поступокъ, въ которомъ самъ Карлъ неоднократно раскаивался.

«Не надѣйтеся на князи земные!» воскликнулъ Страффордъ, когда узналъ объ утвержденіи билля королемъ. «Я сумѣю смотрѣть въ лицо смерти», сказалъ онъ, выходя изъ воротъ Тоуэра, когда шелъ на казнь. «Благодаря Бога я ея не боюсь и сниму теперь свой колетъ такъ же спокойно, какъ снимаю его вечеромъ, ложась спать.» Одна пуританка, свидѣтельница казни, писала, что онъ умеръ подобно Сенекѣ, но не какъ человѣкъ, вкусившій благодати Божіей. Страффордъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ типъ древне-римскій. «Его несчастія», говоритъ Лодъ, «зависѣли отъ того, что онъ возбудилъ зависть аристократіи и служилъ черезчуръ мягкому королю, не умѣвшему ни сдѣлаться великимъ, ни удержать величіе, когда оно было ему дано.»

IX.

Канунъ войны.

Когда Марія Стюартъ, въ 1567 году, выѣзжала въ качествѣ плѣнницы изъ Карбёри-Хилля, то, схвативъ руку своего врага, лорда Линдсея, поклялась ею: «Вы мнѣ заплатите за это своею головою, можете быть увѣрены!» сказала она. Та же Гизо-Тюдоровская кровь, требовавшая мести, говорила и въ ея внукѣ, хотя не такъ громко, но столь же настойчиво. Гибель Страффорда и униженіе, которое перенесъ при этомъ король, положили непроходимую пропасть между нимъ и парламентомъ. Никакое примиреніе съ этихъ поръ стало невозможнымъ. Карлъ принадлежалъ къ числу людей, мстительныхъ пропорціонально ихъ безсилію; безнаказанно задѣть его было нельзя. Вожди народной партіи прекрасно это знали, такъ же какъ знали и то, что ихъ собственные ряды слабѣютъ.

Не имѣя другого выхода, король пропустилъ цѣлую серію биллей, уничтожившихъ Звѣздную палату, судъ Верховной Комиссіи, корабельный налогъ и множество другихъ непріятныхъ народной партіи учрежденій. Всѣ эти реформы клонились, однако же, только къ возстановленію старой конституціи, давно уже нарушаемой. Но Карлъ пошелъ дальше, согласившись на изданіе закона, по которому парламентъ долженъ былъ созываться каждые три года, хотя бы противъ желанія короля. Еще дальше онъ пошелъ давъ свое согласіе на продленіе засѣдающаго парламента до тѣхъ поръ, пока онъ самъ себя не распуститъ (1 мая 1641 г.).

Здѣсь уже кончились реформы и началась революція. Лишить монарха права обращаться къ народу за совѣтомъ по собственному почину и навязать ему этотъ совѣтъ во что бы то ни стало—значило перейти на такую почву, на какую государственная жизнь Англіи до тѣхъ поръ никогда не вступала. Королъ теперь долженъ былъ почувствовать, что для спасенія короны ему остается только обнажить мечъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что онъ самъ довелъ борьбу до такого обостренія. Пимъ, Кромвель и другіе его противники не могли же въ самомъ дѣлѣ забыть беззаконнаго преслѣдованія королемъ сэра Джона Эліота, его нежеланія собирать парламентъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ, всѣхъ нарушеній конституціи, произведенныхъ за это время, и, наконецъ, внезапнаго распущенія Короткаго парламента спустя всего три недѣли послѣ того, какъ онъ собрался. Не могли они также не видѣть того, что происходило передъ ихъ глазами, а передъ этими глазами вырастали все новые и новые заговоры. Только-что Пимъ, въ апрѣлѣ, обнаружилъ проектъ нѣкоторыхъ придворныхъ обратить сѣверную армію противъ парламента, какъ самъ король составилъ проектъ подчиненія послѣдняго своей волѣ при помощи... шотландцевъ! Проектъ этотъ былъ,

Digitized by Google

конечно, восьма нелѣпъ даже по мысли, такъ какъ шотландцы гораздо болѣе дорожили свободою своей Церкви, чѣмъ короной Карла, и ни въ какомъ случаѣ не пошли бы противъ англійскаго парламента,—единственной власти въ странѣ, которая могла поддержать ихъ въ случаѣ надобности. Но Карлъ, тѣмъ не менѣе, увлекся этимъ проектомъ и въ августѣ мѣсяцѣ уѣхалъ изъ Лондона «для осмотра сѣверныхъ провинцій». Парламентскіе вожди, однако же, не были обмануты этимъ предлогомъ, тѣмъ болѣе что Карлъ упорно настаивалъ на своемъ отъѣздѣ, несмотря на всѣ представленія о неудобствѣ парламенту продолжать свои засѣданія въ отсутствіи короля.

Но кромѣ внѣшнихъ опасностей парламентскіе вожди не могли не видѣть и внутреннихъ. Послѣ усиленной и напряженной дѣятельности, въ виду достигнутыхъ успѣховъ, массою членовъ парламента овладѣла усталость, какъ это всегда бываетъ при революціяхъ. Въ началѣ борьбы всѣ бодро стремились впередъ, но затѣмъ кровь охладѣла и пульсъ забилъ медленнѣе. Большинство націи состояло все-таки изъ роялистовъ, и разъ король уступилъ требованіямъ народной партіи, устранивъ всѣ стѣсняющія свободу новшества, то чего же болѣе оставалось желать? Почему не отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ? Такъ думали всѣ безпечные, недальновидные, боязливые члены парламента.

Но еще страшнѣе усталости была рознь между партіями. Философы до сихъ поръ еще не объяснили, почему человѣкъ такъ стремится къ партійности, несмотря иногда на полное отсутствіе какихъ-либо къ тому поводовъ. «Ничтожные оттѣнки политическихъ или религіозныхъ мнѣній; личное обаяніе вождей, стремящихся къ власти или вліянію; наконецъ, привязанность къ людямъ, отъ которыхъ зависитъ удовлетвореніе нашихъ интересовъ или страстей,—вотъ что всегда дѣлило людей на группы, расположенныя скорѣе мѣшать другъ другу, чѣмъ вмѣстѣ работать для общаго блага.» Такъ говоритъ Мэдисонъ о странномъ и печальномъ законѣ человѣческаго существованія, въ силу котораго партійность является причиною столь многихъ несчастій въ общественной жизни.

Тѣсно сплоченные ряды защитниковъ конституціональной свободы начали распадаться на партіи уже по поводу вопроса о реформѣ Церкви. Вопросъ этотъ, самый жгучій въ то время, выступилъ на первый планъ почти при самомъ началѣ сессіи Долгаго парламента и повелъ къ образованію множества группъ въ средѣ парламентскихъ дѣятелей, а стало быть, къ разногласію и отсутствію единства дѣйствія. При жизни Пима Кромвель не игралъ первой роли въ парламентѣ. Кларендонъ говоритъ, что способности его какъ бы развивались по мѣрѣ предъявленія требованій на нихъ: «онъ скрывалъ свои способности до того времени, когда въ нихъ оказывалась нужда». Другими словами—онъ довольствовался тѣмъ, что дѣлалъ подручное дѣло, не заглядывая далеко впередъ. Въ людяхъ практическихъ, въ дѣятеляхъ, именно эта черта указываетъ не только на полную ихъ пригодность къ дѣлу, но еще и на пригодность къ какой бы то ни было дѣятельности, потому что къ каждой они приложатъ всѣ свои силы, всю энергію. Кромвель, однако же, съ первыхъ шаговъ своей парламентской жизни обратилъ на себя, должно быть, всеобщее вниманіе, такъ какъ участвовалъ въ восемнадцати комитетахъ, назначенныхъ парламентомъ для разбора и разслѣдованія всевозможныхъ жалобъ, стекавшихся со всѣхъ концовъ королевства. Онъ, между прочимъ, проводилъ билли о періодическомъ собраніи парламентовъ, при чемъ сначала періодъ предполагался однолѣтній, а затѣмъ былъ принятъ трехлѣтній.

Въ закулисной парламентской работѣ Кромвель являлся горячимъ сторонникомъ пресвитеріанства и былъ тайной пружиной, направлявшей борьбу съ епископатомъ, которая именно и послужила поводомъ къ распаденію депутатовъ на партіи. Всѣ соглашались съ тѣмъ, что реформа Церкви необходима, но едва ли кто-нибудь, не исключая Кромвеля, имѣлъ ясное понятіе о томъ, какова должна быть эта реформа. Сохраняя полное уваженіе къ твердымъ сердцамъ людей, входившихъ въ составъ членовъ Долгаго парламента, мы не можемъ все-таки не признаться, что они были лишены творческихъ идей и не способны къ политическому строительству. Между тѣмъ именно такой работы отъ нихъ и требовали обстоятельства. Ни пресвитеріанство, ни умѣренный епископатъ не имѣли въ парламентѣ достаточнаго количества убѣжденныхъ сторонниковъ, но, тѣмъ не менѣе, обусловили распаденіе его на двѣ

Digitized by Google

главныхъ партіи. Такъ было наканунѣ гражданской войны. Затѣмъ мало-по-малу къ религіозной распрѣ стала примѣшиваться политическая, и религіозныя партіи начали распадаться на группы вслѣдствіе разногласія въ политикѣ. Въ общемъ, однако же, сторонники существующаго церковнаго порядка превратились въ сторонниковъ абсолютизма и короля, приверженцы умѣреннаго епископата—въ приверженцевъ монархизма вообще, а пресвитеріане—въ борцовъ за расширеніе власти парламента. Золотая середина —всепримиряющіе идеалы, предложенные Ушеромъ, Бакстеромъ и Лейтономъ, не могли найти для себя подходящей почвы среди всеобщаго раздраженія и разгара страстей. Мѣропріятія поэтому, продиктованныя духомъ партійности, отличались рѣзко раздражающимъ ту или другую сторону характеромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительной мелочностью. Въ сентябрѣ, напримѣръ, общины постановили отодвинуть алтари отъ восточной стѣны церквей и уничтожить живописныя изображенія какъ лицъ Св. Троицы, такъ и Божіей Матери. Въ результатѣ всѣ церкви Англіи оказались обезображенными: стѣны—голыя, старинныя цвѣтныя окна—перебиты, художественныя статуи — выброшены и пережжены на известку, образа — изорваны или изломаны. Такое варварство, оскорбляющее какъ религіозныя чувства, такъ и англійскую любовь къ благообразію, еще болѣе обострило, конечно, рознь между партіями, такъ что къ концу осени Хайдъ и Фоклэндъ перешли на сторону короля.

Хайдъ, болѣе извѣстный подъ доставшимся ему впослѣдствіи титуломъ лорда Кларендона, принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся личностей того времени, хотя, въ силу позднѣйшей реакціи противъ взглядовъ на революцію, высказанныхъ имъ на страницахъ знаменитой его «Исторіи» и такъ долго раздѣлявшихся всей Англіей, теперь онъ отступилъ уже на задній планъ. Нельзя, однако же, не признать за нимъ независимости характера, самостоятельности идей и строгой логичности сужденія. Обладая широкимъ умственнымъ горизонтомъ, онъ былъ прекрасный психологъ, понимавшій скрытые мотивы отдѣльныхъ личностей и причины массовыхъ движеній. Если онъ не всегда убѣждаетъ читателя, то все же чувствуется, что мнѣнія его въ высшей степени вѣски. Мы можемъ даже сказать, что консерваторы его типа во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были бы людьми выдающимися, но только не во время революціи. Онъ и Фоклэндъ были, вѣроятно, слишкомъ мало нервны или имѣли слишкомъ чуткую совѣсть и слишкомъ брезгливые вкусы для того, чтобы свободно плавать въ мутной и бушующей водѣ. Оба они, должно быть, неохотно присоединились къ партіи короля, но разъ присоединившись, разъ начавъ, что называется, жить съ волками, должны были и выть по волчьи,—непредусмотрительность, доставлявшая всегда много горя благороднымъ натурамъ.

Хайдъ и Фоклэндъ не одни измѣнили парламентскому большинству. Съ ними ушло много народа. Кажется, именно въ это время началось обычное съ тѣхъ поръ дѣленіе парламента на большинство, преслѣдующее одну политику, и оппозицію, которая распадается на нѣсколько фракцій, уступающихъ, конечно, большинству по численности, но все же замѣтныхъ въ парламентской жизни.

Помимо церковныхъ дѣлъ и государственной политики, обусловившихъ распаденіе парламента на партіи, скоро возникли еще личные счеты между Верхней и Нижней палатами, изъ коихъ въ первой у Карла было много друзей. Самъ король виноватъ въ томъ, что не сумѣлъ воспользоваться какъ слѣдуетъ распрями своихъ враговъ, хотя семь лѣтъ всѣ усилія его были къ этому направлены. Рѣдко можно встрѣтить менѣе искуснаго политика.

Парламентскія вакаціи наступили въ первыхъ числахъ сентября, пока король находился еще въ Шотландіи. Надзоръ за государственными дѣлами былъ порученъ временному правительству—комитету, во главѣ котораго стоялъ Пимъ. Гемпденъ отправился въ Эдинбургъ, въ качествѣ парламентскаго коммиссара, для наблюденія за королемъ. Обѣ палаты сошлись опять только въ концѣ октября, среди сильнаго ропота и волненія. Постоянно возраставшее напряженное состояніе поддерживало энергію вождей народной партіи. Надо замѣтить, что незадолго до парламентскихъ вакацій Кромвель поднялъ жгучій вопросъ о молитвенникѣ, а епископы своимъ вмѣшательствомъ въ политику подлили въ него масла. По возобновленіи засѣданій половина духовенства Англіи подверглась обвиненію въ принятіи каноновъ, провозглашенныхъ конвокаціей предыдущаго

Digitized by Google

года. Недоставало только обвинить ихъ въ государственномъ преступленіи, но взамѣнъ этого парламентъ двумя биллями лишилъ ихъ сначала права засѣдать въ палатѣ лордовъ, а потомъ и вообще въ парламентѣ. Кромвель, поддерживая Пима, предложившаго эти билли, особенно указывалъ на то, что нельзя же позволять епископамъ тормозить своими двадцатью шестью голосами всѣ законодательныя предположенія большинства обѣихъ палатъ. Предложеніе это было противно конституціи, но на такія мелочи никто тогда не обращалъ вниманія, — старое зло повсюду усердно замѣнялось новымъ и о конституціи даже не думали.

Исключеніе на этотъ разъ представлялъ одинъ король. Не предвидя трагическаго значенія, которое впослѣдствіи будутъ имѣть его слова, онъ въ октябрѣ пишетъ изъ Шотландіи своему государственному секретарю: «Повелѣваю вамъ увѣрить моихъ подданныхъ, что я остаюсь вѣренъ ученію Англиканской Церкви въ томъ видѣ, какъ оно было установлено королевой Елизаветой и моимъ отцомъ, и что я, по милости Божіей, рѣшился умереть за него.» Для иллюстраціи этого своего рѣшенія онъ тотчасъ же замѣтилъ пять свободныхъ епископскихъ каѳедръ прелатами, подписавшими, въ качествѣ членовъ конвокаціи, тѣ самые каноны, которые теперь парламентъ провозгласилъ преступными. Былъ ли это разсчитанный вызовъ парламенту или просто одинъ изъ тѣхъ неблагоразумныхъ поступковъ, которые король часто совершалъ, но онъ далъ Кромвелю поводъ съ ожесточеніемъ напасть на Карла, за его попытку поддержать епископатъ въ прежнемъ положеніи. Неизвѣстно, что бы изъ этого вышло, если бы внезапное землетрясеніе не поколебало почву подъ ногами борящихся партій и не поставило ихъ въ неожиданныя отношенія.

Случилось нѣчто такое, что подѣйствовало на общественное мнѣніе въ Англіи такъ же, какъ Сицилійская вечерня, Варѳоломеевская ночь или избіеніе протестантовъ испанцами въ Вальтеллинѣ подѣйствовали на общественное мнѣніе Европы. Въ ноябрѣ до Лондона дошли слухи о кровавомъ возстаніи въ Ирландіи. Исторія этого возстанія и до сихъ поръ служитъ предметомъ горячихъ споровъ между учеными, хотя въ ней, собственно говоря, нѣтъ ничего неяснаго для человѣка, способнаго отвлечься отъ религіозныхъ или расовыхъ предразсудковъ. Оно, во всякомъ случаѣ, имѣло большое значеніе для хода англійской революціи вообще и для карьеры Кромвеля въ частности.

Причины ирландскаго возстанія лежали весьма глубоко. Личныя преслѣдованія и конфискаціи имуществъ въ Ирландіи никогда не прекращались и со времени безпощадной репрессіи бунта Ульстерскихъ главарей (chieftains), въ эпоху королевы Елизаветы, тамъ медленно зрѣли сѣмена новаго бунта, еще болѣе ужаснаго. Дѣло въ томъ, что собственность ирландскихъ подданныхъ короля являлась совсѣмъ необезпеченной. Помимо правительственныхъ штрафовъ и конфискацій, накладываемыхъ по всякому ничтожному поводу, множество жадныхъ искателей добычи подстерегали малѣйшіе пробѣлы въ правахъ собственниковъ на ихъ имущества и завладѣвали послѣдними или заставляли первыхъ откупаться. Масса народа была, такимъ образомъ, обезземелена и оставлена безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Всѣ эти люди, которымъ нечего было больше терять, скитались по странѣ, готовые примкнуть къ любому возстанію, лишь бы найти предлогъ и вождя.

Страффордъ (1632—1640), несмотря на введеніе внѣшняго благоустройства въ странѣ, только ухудшилъ ея положеніе. Онъ, правда, привелъ въ порядокъ финансы Ирландіи, ввелъ въ арміи дисциплину, уничтожилъ пиратство въ каналѣ Св. Георгія, установилъ правильный ввозъ льняного сѣмени изъ Голландіи и завелъ льно-прядильныя и ткацкія мануфактуры по образцу Франціи, но онъ былъ черезчуръ крутъ и напугалъ ирландцевъ, а страхъ всегда предшествуетъ возстаніямъ и вызываетъ ихъ, потому что онъ есть лишь синонимъ ненависти. Никто, въ самомъ дѣлѣ, не любилъ Страффорда, а всѣ его только боялись. Королевская власть въ Ирландіи покоилась, значитъ, на шаткомъ основаніи. Повѣрка титуловъ и правъ на имѣнія еще болѣе его пошатнула. Пресвитеріане сѣверныхъ провинцій негодовали на попытки Страффорда ввести единообразіе въ религіи. Католики тоже не могли оставаться покойными, такъ какъ знали, что если Страффордъ, въ качествѣ тонкаго политика, и не нападетъ на нихъ съ фронта, то все же завѣтная его мысль состоитъ въ томъ, чтобы и ихъ понемногу подвести къ тому же религіозному единообразію, котораго король

Digitized by Google

такъ повсюду добивался. Страффордъ, впрочемъ, шелъ къ этой цѣли медленно, потворствуя католикамъ и возбуждая въ нихъ надежды на полную терпимость къ ихъ религіи. То же дѣлалъ и король. Но когда Страффордъ былъ казненъ, то пуританскія идеи восторжествовали въ Ирландіи, и тамошніе католики должны были убѣдиться, что ни религіозной терпимости, ни прекращенія повѣрки правъ на титулы они не дождутся. Ни одинъ заговорщикъ не сумѣлъ бы такъ искусно подготовить возстаніе, какъ это сдѣлало само правительство.

А пока сверху шла эта подготовка, снизу костеръ все болѣе и болѣе раздувался,— въ средѣ обезземеленныхъ и недовольныхъ ирландцевъ шныряли священники и монахи изъ Испаніи, сѣя религіозный фанатизмъ. Впрочемъ, послѣдній былъ, пожалуй, даже лишнимъ, такъ какъ возстаніе и безъ него стало неизбѣжнымъ. Когда одна какая-нибудь причина народнаго недовольства заходитъ за извѣстные предѣлы, то терпѣніе народа лопается, и всѣ остальныя только примыкаютъ къ главной, лишь слегка, можетъ быть, усиливая ея дѣйствіе. Выведенные изъ себя повсемѣстнымъ открытымъ грабежомъ, изгнанные изъ своихъ домовъ, лишенные собственности, оскорбляемые въ лучшихъ своихъ чувствахъ, стоя на развалинахъ старой своей общественной организаціи, ирландцы и ихъ вожди, принадлежавшіе къ старымъ, всей страною уважаемымъ фамиліямъ, не нуждались въ религіозномъ фанатизмѣ для того чтобы возстать, хотя, конечно, преслѣдованіе религіи ихъ отцовъ должно было подлить масла въ огонь.

То, что дальновидные люди давно уже предсказывали, наконецъ, случилось. Послѣ нѣсколькихъ недѣль подозрительной тишины, вдругъ разразилась буря. Въ Ульстерѣ ирландцы внезапно (23 октября 1641 г.) напали на англійскихъ колонистовъ, завладѣвшихъ ихъ землею. Огонь, поддерживаемый старыми обидами и питавшійся долго сдавливаемой страстью, сразу охватилъ всю страну. Аграрныя насилія, религіозныя насилія, расовое нахальство англичанъ сразу приняли свои ядовитые плоды. Тысячи кровавыхъ жестокостей совершенныхъ одной стороною, вызвали такія же жестокости съ другой. На каждый варварскій поступокъ инсургентовъ приходится по такому же поступку со стороны королевскихъ солдатъ. 1641 годъ въ Ирландіи вполнѣ напоминаетъ собою 1789 годъ во Франціи,—всѣ столкновенія между ненавистью угнетенныхъ и презрительной злобой угнетателей всегда кончаются одинаково. Нечего спрашивать о томъ, кто въ такихъ случаяхъ началъ рѣзню; нечего доискиваться какихъ-нибудь заговоровъ, предварительныхъ организацій, глубоко обдуманныхъ плановъ и проч.,— все прорывается обыкновенно вдругъ, потому что чаша переполнилась. Не стоитъ и прибавлять затѣмъ, что возстаніе, начавшееся изъ-за аграрной вражды, поддерживалось религіозными спорами двухъ вѣроисповѣданій; что оно преднамѣренно раздувалось парсонами и имъ подобными, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы пользоваться потомъ, во время репрессалій; что варварства съ обѣихъ сторонъ преднамѣренно преувеличивались, отчасти по естественной склонности человѣка все преувеличивать, а отчасти съ расчетомъ на сочувствіе. Однако же, и безъ всякихъ преувеличеній ирландское возстаніе навсегда останется самой варварской и безчеловѣчной главою въ исторіи Англіи. Общее число протестантовъ, зарѣзанныхъ въ первые дни его, разными авторами показывается различно—отъ четырехъ до сорока тысячъ; но позднѣйшія, весьма точныя изслѣдованія доказываютъ, что за три или четыре года протестантовъ погибло всего не болѣе двадцати пяти тысячъ. Что же касается католиковъ, то они пострадали гораздо болѣе: сэръ Вильямъ Петти думаетъ, что въ теченіе десяти лѣтъ (1641 -- 1652) было убито около полумилліона ирландцевъ.

Роковая національная антипатія между англо-саксами и кельтами, подобно вулкану— по временамъ вспыхивающая, а по временамъ угасающая, на этотъ разъ вспыхнула съ особенной силою. Извѣстіе о возстаніи довело Англію до бѣшенства, похожаго на то, съ которымъ американскіе колонисты отнеслись къ натравливанію на нихъ королемъ Георгомъ краснокожихъ индѣйцевъ. Мнѣ нѣтъ надобности описывать его людямъ, помнящимъ, что было при полученіи извѣстія о возстаніи индусовъ, о Каунпорѣ. Въ такія минуты люди не разсуждаютъ; всякая аналогія является для нихъ тождествомъ, всякое подозрѣніе—увѣренностью. Ирландцы—католики; значитъ, ирландское возстаніе есть возстаніе католиковъ. Королева тоже папистка и ее въ Соммерсетъ-Хаузѣ окружаютъ такіе же попы, жрецы Ваала, какъ

Digitized by Google

и тѣ, которые по ту сторону канала Св. Георгія возбуждаютъ свою дикую паству къ рѣзнѣ, къ безчеловѣчнымъ убійствамъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, къ варварскому издѣвательству надъ невинными и чистыми какъ голуби послѣдователями евангельскаго ученія. Значитъ, возстаніе есть дѣло королевы, а король, конечно, долженъ быть ея соучастникомъ. Прошелъ слухъ, что сэръ Филимъ О'Нейль, одинъ изъ главарей Ульстерскаго возстанія, признался, будто бы, что поднялъ его по приказанію самого короля, и сплетня эта живо укоренилась въ народѣ. Мы знаемъ теперь, что это неправда, что король былъ такъ же возмущенъ ирландской рѣзнею, какъ и любой изъ его подданныхъ, но онъ до конца дней своихъ не могъ смыть съ себя подозрѣнія въ соучастіи съ ирландцами.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что католическая Ирландія всегда предпочла бы короля парламенту. Пуританизмъ, съ Библіей въ рукахъ, едва ли можетъ быть годенъ для управленія католической общиной, а ужъ особенно въ тѣ времена, когда онъ и въ Англіи боролся за свое существованіе. Наиболѣе энергичные представители его въ Вестминстерѣ не уступали Филиппу II въ религіозномъ фанатизмѣ и, по всей вѣроятности, съ такой же рѣшимостью приступили бы къ искорененію папизма въ Ирландіи, съ какой онъ искоренялъ лютеранство и кальвинизмъ въ Соединенныхъ провинціяхъ.

Тѣмъ временемъ въ Ирландіи царствовала безъисходная путаница. Протестанты парламентской партіи и протестанты партіи королевской, англиканцы и пресвитеріане, шотландскіе кальвинисты, переходившіе изъ одной партіи въ другую, католики-конфедераты, католическое дворянство—все это боролось другъ съ другомъ, затягиваясь въ неразрѣшимый узелъ. Такимъ образомъ, въ теченіе девяти тяжелыхъ лѣтъ въ Ирландіи засѣвалась та нива, которую впослѣдствіи пришлось сжать Кромвелю. Въ Англію ирландское возстаніе внесло еще большія смуты. Парламентъ боялся, чтобы армія, предназначенная для усмиренія возставшихъ, не была употреблена противъ него самого, и страхъ этотъ оказался вполнѣ основательнымъ, такъ какъ король пробовалъ даже купить содѣйствіе ирландцевъ, обѣщая имъ полную самостоятельность и свободу религіи.

X.

Пять членовъ.—Призывъ къ оружію.

Король вернулся изъ Шотландіи въ концѣ ноября (1641), разочаровавшись въ надеждѣ получить помощь отъ шотландцевъ, но разсчитывая ловить рыбу въ мутной водѣ раздора между парламентскими партіями и воспользоваться реакціей, неминуемо долженствующей возникнуть вслѣдъ за крайними биллями, проведенными въ его отсутствіе. Сити устроило большое празднество въ честь его возвращенія, громадная толпа народа кричала: «Да здравствуетъ король Карлъ и королева Марія!», колокола звонили, вино лилось рѣкою,—однимъ словомъ, повсюду пахло контръ-революціей. Пользуясь такимъ настроеніемъ, король тотчасъ же перешелъ въ наступленіе и началъ съ того, что уничтожилъ особую парламентскую гвардію, состоявшую подъ начальствомъ Эссекса. Между тѣмъ, вожди народной партіи, давно уже предвидя опасность, заранѣе подготовили нѣчто въ родѣ манифеста къ странѣ—актъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ Великой Ремонстранціи—и теперь съ замѣчательнымъ мужествомъ опубликовали его.

Въ этой Ремонстранціи излагалась вся исторія парламента—его прошлое, его надежды и требованія, наконецъ, тѣ опасности, которыя окружали его въ данное время. Наиболѣе важнымъ изъ отдѣльныхъ ея пунктовъ было требованіе единообразія въ Церкви. Въ общемъ Ремонстранція является рѣшительнымъ шагомъ, прямымъ вызовомъ не только королю, но и всѣмъ партіямъ, не раздѣляющимъ мнѣній большинства. Эти партіи не замедлили принять вызовъ, и борьба завязалась отчаянная. Сама Ремонстранція прошла въ парламентѣ лишь послѣ бурныхъ сценъ и большинствомъ всего одиннадцати голосовъ (ноября 22). Когда ее читали королю, въ Гемптонъ-Кортѣ, то онъ слушалъ съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица и затѣмъ спросилъ: «Неужели ее хотятъ обнародовать?» Депутація заявила, что не уполномочена отвѣчать на этотъ вопросъ. Тогда король прибавилъ: «Ну, хорошо, вы вѣдь не ожидали и отъ меня, вѣроятно, немедленнаго отвѣта, такъ я подумаю и пришлю за вами такъ скоро, какъ того требуетъ важность дѣла.»

Тѣмъ временемъ въ парламентѣ проходили одинъ билль за другимъ и одинъ революціон-

Digitized by Google

нѣе другого. Въ октябрѣ, напримѣръ, прошелъ билль о Насиліи (Impressement bill), ограничивавшій право короля принуждать людей къ несенію военной службы за предѣлами родного графства.

Въ ноябрѣ Кромвель сдѣлалъ первое предложеніе о передачѣ начальства надъ арміей парламенту, потому что въ данное время все зависѣло отъ того, кто держитъ въ своихъ рукахъ мечъ. Спустя мѣсяцъ это предложеніе, скоро послужившее поводомъ къ междоусобной войнѣ, было окончательно принято. Биллемъ о Милиціи было отнято у короля право распоряженія послѣднею, переданное генералу, назначаемому парламентомъ. Палата лордовъ задерживала всѣ эти билли, а палата общинъ отвѣчала на задержку заявленіемъ, что она только одна есть законная представительница народа, лорды же суть частныя лица, собирающіяся въ частное совѣщаніе, и если они не сочувствуютъ желаніямъ народа, то можно обойтись и безъ ихъ сочувствія. Вслѣдъ затѣмъ обѣ палаты единогласно постановили, что во всѣхъ трехъ королевствахъ не можетъ быть терпима никакая религія кромѣ господствующей, закономъ установленной.

Какъ бы ни были необычны и революціонны всѣ эти билли, они, однако же, почти никакого особеннаго впечатлѣнія не произвели, потому что дѣло зашло слишкомъ уже далеко,—въ воздухѣ запахло порохомъ и простыя слова никого не удовлетворяли, никого не возбуждали. Буйная чернь ежедневно оскорбляла епископовъ въ Вестминстерѣ; сторонники короля стали собираться къ Уайтхоллу и запасаться оружіемъ; стража у воротъ дворца была усилена. Начались безпрестанныя драки между этой стражей и чернью, вооруженной палками и камнями. Епископовъ толкали при входѣ въ палату лордовъ, срывали съ нихъ платье, чуть не били. Взбѣшенные такимъ обращеніемъ, они издали нелѣпую прокламацію, въ которой заявлялось, что всѣ постановленія палаты лордовъ, принятыя въ ихъ отсутствіи, не должны имѣть значенія. Эта прокламація взбѣсила, въ свою очередь, обѣ палаты; несчастные епископы были обвинены въ государственномъ преступленіи и посажены въ тюрьму. Атмосфера все болѣе и болѣе пропитывалась электричествомъ. Король попытался, было, смѣнить коменданта Тоуэра и поставить на его мѣсто своего приверженца, но это произвело такой взрывъ всеобщаго негодованія, что новый комендантъ черезъ нѣсколько часовъ былъ удаленъ. Тогда король почему-то вдругъ перемѣнилъ тактику и сталъ заигрывать сна-

Архіепископъ Вильямъ Джюксонъ.
(Съ портрета въ Національной галлереѣ).

Архіепископъ Джемсъ Ушеръ (74 лѣтъ).
(Съ портрета Леви въ Національной галлереѣ).

Digitized by Google

чала съ Пимомъ, а потомъ съ вождями умѣренной партіи — Хайдомъ, Фоклэндомъ и Кульпереромъ. Переговоры съ Пимомъ носили такой же таинственный характеръ, какъ переговоры Маріи-Антуанетты съ Мирабо. Да изъ нихъ и ничего не могло выйти, разумѣется; во первыхъ — рознь между партіями короля и народа слишкомъ уже далеко зашла, а во вторыхъ—съ королемъ никакая добросовѣстная сдѣлка стала невозможной, какъ это вскорѣ обстоятельства доказали. Не успѣлъ онъ посадить Фоклэнда и Кульперера въ свой Совѣтъ, какъ вдругъ, никому ни слова не говоря, рѣшился на такой шагъ, который оттолкнулъ отъ него всѣхъ друзей, окончательно лишилъ сочувствія страны, перенесъ законность на сторону его враговъ и сдѣлалъ междоусобіе неизбѣжнымъ.

Годъ тому назадъ Пимъ успѣлъ предупредить Страффорда, первый нанеся ему ударъ, а на этотъ разъ Карлъ захотѣлъ предупредить своихъ враговъ и тоже нанести имъ ударъ, отъ котораго они не могли бы поправиться. Но враги его оказались предусмотрительнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль они подозрѣвали, что король подготовляетъ какое-то насиліе по отношенію къ вождямъ народной партіи. Король же, съ своей стороны, имѣлъ основанія подозрѣвать, что Пимъ и его друзья намѣрены обвинить въ измѣнѣ королеву. Для такого обвиненія легко было найти и поводы въ сношеніяхъ послѣдней съ ирландскими бунтовщиками и съ иностранными державами, — сношеніяхъ, о которыхъ король не могъ не знать. Одинъ роялистскій писатель намекалъ позднѣе, что слухъ о такомъ намѣреніи Пима былъ сначала нарочно доведенъ до свѣдѣнія королевы, «людьми, прекрасно знавшими ея страстный характеръ, въ надеждѣ, что она вызоветъ какой-нибудь неблагоразумный поступокъ со стороны короля и что этимъ поступкомъ можно будетъ воспользоваться противъ него же.»

Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ ли разсерженной королевы и глупыхъ придворныхъ или по своему личному почину, но король дѣйствительно совершилъ при этомъ самую непростительную изъ своихъ ошибокъ. За день или за два передъ тѣмъ онъ торжественно обѣщалъ палатѣ общинъ, что будетъ заботиться о безопасности каждаго изъ ея членовъ, какъ о цѣлости и сохранности своихъ собственныхъ дѣтей. Онъ обѣщалъ также своимъ новымъ совѣтникамъ, что не предприметъ ничего безъ ихъ вѣдома. Какъ вдругъ, 3 января 1642 года, не сказавъ никому ни слова, онъ посылаетъ генералъ-прокурора (Attorney-General) въ засѣданіе палаты лордовъ, для того, чтобы обвинить одного изъ ея членовъ и пятерыхъ депутатовъ палаты общинъ въ государственной измѣнѣ. Обвиненіе это было юридически столь же основательно, какъ и то, которое годъ тому назадъ тѣ же самые пять членовъ предъявили противъ Страффорда; но на этотъ разъ парламентъ встрѣтилъ его единодушнымъ отпоромъ. Узнавъ, что офицеры короля производятъ обыскъ въ квартирахъ пяти обвиняемыхъ депутатовъ и опечатываютъ ихъ бумаги, парламентъ тотчасъ же распорядился арестовать этихъ офицеровъ, а когда король прислалъ повелѣніе арестовать самихъ обвиняемыхъ, то парламентская депутація заявила ему, что палаты не позволятъ этого сдѣлать и сами позаботятся о томъ, чтобы обвиняемые не ушли отъ законнаго суда.

На слѣдующій день король устроилъ еще болѣе безразсудную выходку. Когда, послѣ полуденнаго перерыва, засѣданіе палаты общинъ возобновилось и пять обвиняемыхъ членовъ находились на своихъ мѣстахъ, вдругъ разнесся слухъ, что король во главѣ нѣсколькихъ сотъ вооруженныхъ людей идетъ къ Вестминстеру. Пять обвиняемыхъ членовъ поспѣшили тотчасъ же скрыться, сбѣжавъ внизъ, къ рѣкѣ, и сѣвъ на лодку. Не успѣли они отъѣхать, какъ король со своимъ конвоемъ вошелъ въ залъ засѣданій.

Пройдя съ покрытой головою черезъ священную рѣшетку парламента, онъ въ сопровожденіи племянника своего, электора-палатина, поднялся на трибуну и спросилъ у спикера, тутъ ли пять обвиняемыхъ членовъ. Спикеръ отвѣчалъ ему въ выраженіяхъ, заслуживающихъ быть увѣковѣченными. Онъ сказалъ, что не можетъ дать отвѣта, потому что и уши, и глаза, и языкъ его, въ этой залѣ, принадлежатъ парламенту. «Ну все равно», возразилъ король, «мои глаза не хуже вашихъ.» Осмотрѣвшись вокругъ, онъ убѣдился, что птицы уже улетѣли, пробормоталъ нѣсколько извиненій и, взбѣшенный, пристыженный, пошелъ обратно къ двери, черезъ ряды враждебно настроенныхъ и роптавшихъ на нарушеніе привилегій парламента депутатовъ. Головорѣзы, его сопро-

Digitized by Google

Карлъ I требуетъ выдачи пяти членовъ въ Гильдголлѣ.
(Съ панно, писаннаго Соломономъ).

Digitized by Google

вождавшіе, удалились вслѣдъ за нимъ, бранясь и проклиная свою неудачу.

Въ слѣдующій разъ Карлъ вошелъ въ Вестминстеръ уже преступникомъ, приговореннымъ къ смерти. Кромвель присутствовалъ, вѣроятно, на этомъ достопамятномъ засѣданіи, не предвидя, что черезъ одиннадцать лѣтъ самъ будетъ участвовать въ такомъ же грубомъ и беззаконномъ дѣяніи.

Пять членовъ, между тѣмъ, нашли себѣ пріютъ въ Сити, куда и король за ними на другой день отправился. Удивительную перемѣну нашелъ онъ тамъ, по сравненію съ тѣмъ, что было мѣсяцъ назадъ, когда Сити устроило ему торжественную встрѣчу. Друзья превратились во враговъ; привѣтственные клики замѣнились суровымъ молчаніемъ. Король увидалъ, что и тутъ ему бѣглецовъ не выдадутъ. Возвращаясь униженнымъ въ Уайтхоллъ, онъ понялъ, вѣроятно, что задуманный имъ ударъ не достигъ цѣли и что самъ онъ теперь отдалъ въ руки Пима страшное противъ себя оружіе и снабдилъ его поводомъ къ безпощадной борьбѣ.

Какъ электрическая искра проскочила по всей Англіи вѣсть о беззаконномъ поступкѣ Карла. Ближайшіе его друзья пришли въ отчаяніе. Пуритане доведены были до бѣшенства. Одинъ изъ нихъ долго спустя послѣ того писалъ слѣдующее: «Я помню, какъ король Карлъ I являлся въ парламентъ требовать выдачи пятерыхъ его членовъ. Вся ночь прошла у насъ въ молитвахъ, слезахъ и ропотѣ. Такого возбужденія я никогда не видывалъ; происшествіе выходило изъ ряда вонъ и требовало мѣръ чрезвычайныхъ.» То же самое происходило, вѣроятно, и въ частныхъ жилищахъ пуританъ, по всей странѣ. Нѣсколько дней спустя пять членовъ были съ тріумфомъ привезены по рѣкѣ опять въ Вестминстеръ, сопровождаемые цѣлой флотиліей разукрашенныхъ лодокъ, привѣтственными криками и выстрѣлами многочисленной толпы, собравшейся по берегамъ. Король ничего этого не видалъ и не слыхалъ, потому что недѣлю спустя послѣ предъявленія обвиненія къ пяти членамъ выѣхалъ изъ Уайтхолла (10 января) съ тѣмъ, чтобы вернуться въ него только семь лѣтъ спустя, когда борьба уже кончилась.

Безумное нарушеніе закона, довѣрія и честнаго слова послужило сигналомъ къ начатію гражданской войны. Послѣ такого поступка со стороны короля вожди парламентской партіи были бы виновны въ преступномъ бездѣйствіи, если бы не подняли перчатки, такъ грубо брошенной имъ въ лицо. Пимъ тотчасъ же (14 января) внесъ предложеніе о превращеніи парламента въ комитетъ по управленію государствомъ; Кромвель представилъ проектъ мѣръ для охраны порядка; Гемпденъ потребовалъ передачи Тоуэра и милиціи въ руки парламента. Такимъ образомъ, мало-по-малу возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли оставлять командованіе арміей въ рукахъ короля. Пренія объ этомъ вопросѣ тянулись нѣсколько недѣль. Королю было предложено добровольно отказаться отъ главенства надъ войскомъ, хотя бы на время. «Клянусь Богомъ—ни на одну минуту!» воскликнулъ Карлъ. «Вы отъ меня требуете того, чего никто, никогда, ни отъ одного короля не требовалъ и чего я не довѣрю даже женѣ и дѣтямъ!»

Призывъ къ оружію становился неизбѣжнымъ, но не удивительно, что передъ такой крайней мѣрой отступали весьма многіе члены народной партіи. Послѣдствія междоусобной войны могли быть ужасными, и потому даже хорошіе патріоты спрашивали себя, нельзя ли какъ-нибудь избѣжать его при помощи умѣренности, компромисса, вообще соглашенія между партіями. Пимъ, какъ и всегда, выказалъ себя въ этомъ случаѣ искуснымъ и опытнымъ вождемъ народа. Трудно сказать, когда именно онъ пришелъ къ убѣжденію, что никакія сдѣлки съ королемъ невозможны, но теперь онъ твердо высказалъ это убѣжденіе. По мѣрѣ приближенія къ катастрофѣ энергія его росла, повидимому. Бодрый и твердый, онъ постоянно былъ готовъ работать и словомъ и дѣломъ; съ геніальной прозорливостью онъ постоянно видѣлъ требованія минуты, не упуская изъ вида ни прошлаго, ни будущаго; въ мелочахъ онъ охотно становился умѣреннымъ, а къ сущности дѣла относился съ неуклонной настойчивостью. Такимъ же былъ и Кромвель—плохой ораторъ, но энергичный дѣятель.

Борьба быстро разгоралась. Въ апрѣлѣ король во главѣ арміи потребовалъ сдачи Гулля. Комендантъ этой крѣпости поднялъ мосты и заперъ ворота. Король объявилъ его измѣнникомъ. Такъ началась война. Въ іюлѣ парламентъ форменно предписалъ сборъ арміи «на защиту особы короля, обѣихъ палатъ парламента и всѣхъ тѣхъ, кто подчинится ихъ повелѣніямъ, а также для охране-

Digitized by Google

нія истинной вѣры, законовъ, гражданской свободы и мира въ соединенныхъ королевствахъ». Въ концѣ августа (22 числа) 1642 г. —одна изъ важнѣйшихъ датъ въ англійской исторіи—вечеромъ, послѣ сильной грозы, Карлъ поднялъ королевскій штандартъ на крышѣ замка въ Ноттингемѣ. Это должно было обозначать, что король призываетъ своихъ вассаловъ къ исполненію ихъ обязанности. Загремѣли барабаны, зазвучали трубы, и небольшая толпа зрителей, бросая кверху шапки, воскликнула: «Да здравствуетъ король Карлъ! На висѣлицу Круглоголовыхъ!»

Но въ городѣ царствовало уныніе,—говоритъ Кларендонъ. Благоразумные люди предвидѣли бѣду, да и самъ король находился въ меланхолическомъ настроеніи. Спустя недѣлю штандартъ былъ сорванъ вѣтромъ, что было принято за плохое предзнаменованіе. Въ царствованіе Карла оно уже не было первымъ. Еще во время коронаціи, когда

Возвращеніе пяти членовъ.
(Рис. Сулливана).

Digitized by Google

онъ надѣлъ бѣлый костюмъ вмѣсто пурпуроваго, то многіе «смотрѣли на это какъ на дурное предзнаменованіе; они говорили, что король, сложивъ съ себя пурпуръ—одежду величія и надѣвъ бѣлое—одежду невинности, какъ бы предвозвѣщаетъ, что для защиты себя отъ всякихъ бѣдствій полагается больше на свою добродѣтельную жизнь, чѣмъ на прерогативы сана, но что расчетъ этотъ съ его стороны невѣренъ, такъ какъ невинность всегда подвергается клеветѣ и гибели». Но еще неудачнѣе былъ выборъ текста для проповѣди во время той же церемоніи коронованія. Проповѣдникъ остановился почему-то на слѣдующихъ словахъ Св. Писанія: «Будь вѣренъ до смерти, и Я дамъ тебѣ вѣнецъ жизни». Точно будто бы по немъ, по живомъ, служили панихиду, предвидя, что по мертвомъ таковой служить не будутъ, прибавляетъ Кларендонъ.

День или два спустя по поднятіи штандарта король назначилъ начальникомъ кавалеріи принца Руперта, третьяго сына своей сестры, королевы Чешской. Этому двадцатичетырехлѣтнему молодому человѣку, благодаря его энергіи, храбрости и другимъ военнымъ качествамъ, суждено было стать главной опорой королевской арміи въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ. Такъ что, если бы этотъ герой обладалъ еще терпѣніемъ, осторожностью и вдумчивостью своего противника, Кромвеля, то междоусобица въ Англіи могла бы кончиться иначе.

Графъ Эссексъ, сынъ любимца королевы Елизаветы, былъ назначенъ главнокомандующимъ парламентской арміей, скорѣе благодаря его соціальному положенію, чѣмъ какимъ-нибудь военнымъ доблестямъ. «Это былъ человѣкъ», говорилъ проповѣдникъ на его похоронахъ (1646), «способный первымъ ступить на волны Чермнаго Моря. Никакое обвиненіе въ измѣнѣ, никакой штандартъ не могли его испугать, и одно его имя, одно его появленіе разсѣяли тотъ туманъ, среди котораго люди не узнавали другъ друга, принимая друзей за враговъ. Это имя привело тысячи народа подъ ваши знамена.»

Общественное мнѣніе страны довольно твердо стало на сторону той или другой партіи, но оно еще не было разогрѣто до такой степени, чтобы вооружить людей другъ противъ друга. Дѣло начиналось слишкомъ серіозное для того, чтобы бросаться въ него, очертя голову. Большинство раздумывало и колебалось. На всякой фермѣ, во всякой коллегіи, во всѣхъ лавкахъ, кабачкахъ, на торжищахъ и большихъ дорогахъ люди толковали о дѣлахъ, забрасывая другъ друга библейскими текстами, юридическими соображеніями, прецедентами и аналогіями, выказывая въ эту рѣшительную минуту всю силу и всю слабость человѣческаго разума, все величіе и всю низость человѣческихъ страстей. Весьма многіе, вѣроятно, раздѣляли мнѣніе Гётчинсона, который, принадлежа къ парламентской партіи, желалъ, чтобы ссора кончилась какимъ-нибудь компромиссомъ, а не гражданской войной. Сэвиль говоритъ: «Я слишкомъ почитаю религію, для того чтобы ставить ее въ зависимость отъ исхода войны. Я также люблю свободу настолько, что не рѣшусь отдать ее въ руки побѣдителя. Какъ бы я ни любилъ короля, я все-таки не пожелаю ему побѣды надъ парламентомъ, если даже послѣдній не правъ. Я желалъ бы, чтобы никто никого не побѣждалъ.» Сэвиль не обладалъ выдающимся характеромъ, но именно поэтому онъ можетъ служить типичнымъ представителемъ большинства. Но, съ другой стороны, неуступчивость тоже лежитъ въ натурѣ человѣка, и потому едва ли можно сомнѣваться, что въ обоихъ лагеряхъ было много людей, желавшихъ покончить споръ битвою, и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше.

Энтузіасты съ обѣихъ сторонъ не могли повѣрить, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ, чтобы святое дѣло не превозмогло тотчасъ же. Вокругъ короны, какъ своего естественнаго центра, собрались всѣ, привязанные къ ней интересами или глубоко укоренившимся чувствомъ. Вокругъ епископальной церкви также сгруппировались люди, идеализировавшіе ее или находившіеся въ матеріальной отъ нея зависимости. Всѣ эти люди, стоявшіе за короля и за Церковь, были твердо увѣрены, что Провидѣніе скоро покоритъ имъ всѣхъ враговъ и супостатовъ. Семьи распались — близкіе родственники стали врагами и братъ возсталъ на брата. Нѣкоторыя графства цѣликомъ возстали за короля, а другія—за парламентъ. Меньшинство, слишкомъ боязливое или нерѣшительное, спѣшило укрыться за границею. Въ нѣкоторыхъ графствахъ обѣ партіи имѣли поровну своихъ представителей, и потому эти графства старались быть нейтральными.

Границы партій по сословіямъ опредѣлить

Digitized by Google

трудно; надо думать, однако же, что все дворянство стояло за короля, а средній классъ людей—независимые коммонеры—за парламентъ.

Говоря вообще, Лондонъ и восточная часть королевства тяготѣли къ парламенту, а западъ и сѣверъ—къ королю. Гдѣ преобладалъ элементъ кельтическій, земледѣльческій, какъ въ Уэльсѣ и Корнвалѣ, тамъ король имѣлъ больше друзей, чѣмъ парламентъ, между тѣмъ богатое и промышленное населеніе тяготѣло къ послѣднему. Іоркширъ раздѣлился: города стояли за парламентъ, а села—за короля. Ланкаширъ тоже раздѣлился: востокъ—за парламентъ, а западъ—за короля. Историки проводятъ линію отъ Флэмборо-Хэда до Плимута, и эта линія, нѣсколько изогнутая и зазубренная, отдѣлила королевскую Англію отъ парламентской. На востокѣ мнѣнія оказались устойчивыми и были неизмѣнны во все продолженіе войны, а во всѣхъ другихъ мѣстахъ они колебались вмѣстѣ съ перемѣной военнаго счастія, съ настроеніемъ высшихъ классовъ общества и проч.

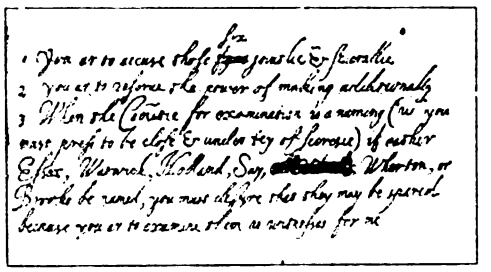
Времена тогда были суровыя; люди всегда готовы были доказывать истину ударами, и жизнь человѣческая, какъ въ средніе вѣка, цѣнилась очень дешево.

Кавалеръ былъ тогда горячъ, презрителенъ, необузданъ и всегда готовъ проливать кровь, какъ свою, такъ и чужую. Круглоголовый, напротивъ того, былъ хитеръ, упрямъ, суровъ и подбадривалъ себя примѣрами героевъ Ветхаго Завѣта, мстившихъ амалекитянамъ и хананеянамъ за оскорбленіе Іеговы.

Здѣсь, какъ почти всегда, мы видимъ, что христіане руководствуются Ветхимъ Завѣтомъ, а не Евангеліемъ. Лучшіе люди, впрочемъ, относились къ дѣлу съ меньшей жестокостью и съ болѣе возвышенными цѣлями. Отголоскомъ такого отношенія могутъ служить слова, сказанныя сэромъ Вильямомъ Уаллеромъ храброму Гонтону: «Богъ, властитель моего сердца, знаетъ, съ какой грустью пошелъ я на эту службу и съ какой ненавистью отношусь къ этой войнѣ безъ непріятеля. Но я думаю, что такъ угодно Богу, и эта мысль заставляетъ молчать мои страсти. Оба мы теперь на сценѣ и должны сыграть тѣ роли въ трагедіи, которыя намъ свыше предназначены. Будемъ же играть ихъ честно и безъ личнаго раздраженія.»

Для людей непрактичныхъ и философски настроенныхъ, вродѣ Шиллингворта, выборъ между партіями былъ столь же легокъ, какъ выборъ между книжниками и фарисеями, съ одной стороны, и мытарями—съ другой.

Въ общемъ междоусобная война въ Англіи ознаменовалась весьма немногими варварскими поступками, обычными въ такихъ войнахъ, особенно если причиной ихъ служитъ религіозная рознь. Но варварство и жестокость неизбѣжны во всякой войнѣ. Парламентъ, между прочимъ, весьма дурно обращался съ плѣнными, посылая ихъ работать подъ жгучимъ солнцемъ Индіи, Венеціи или американскихъ колоній. Нерѣдко людей убивали, обѣщавъ имъ помилованіе, какъ это случилось при осадѣ Кольчестера въ 1648



Факсимиле инструкціи Карла I генералъ-прокурору относительно обвиненія въ измѣнѣ лорда Мандевиля и пяти членовъ.

(Въ Британскомъ музеѣ).

году, при чемъ отвѣтственность за такое варварство падаетъ на Ферфакса.

Когда король бралъ штурмомъ Лейстеръ, то его собственный партизанъ предполагаетъ, что по взятіи города «солдаты грабили, по обыкновенію, не щадя ни церквей, ни госпиталей и не дѣлая различія между лицами».

Все это, конечно, есть варварство, обычное во всѣхъ войнахъ и совершавшееся при томъ безъ дьявольскихъ ухищреній и вычурной жестокости, которыя были въ ходу у испанцевъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, у нѣмцевъ—въ семнадцатомъ и у французскихъ санкюлотовъ—въ восемнадцатомъ.

XI.

Начало войны.

Подробное описаніе военныхъ дѣйствій не входитъ въ мои намѣренія, тѣмъ болѣе что въ первые мѣсяцы междоусобной войны дѣй-

Digitized by Google

ствія эти были совершенно безсистемны и состояли изъ ряда маленькихъ, случайныхъ стычекъ, осадъ и маршей. О какой-либо стратегіи, тактикѣ, общемъ планѣ не было и помину, такъ какъ ни искусныхъ военачальниковъ, ни боевой опытности ни та, ни другая стороны не имѣли. Только уже впослѣдствіи, по мѣрѣ накопленія въ войскахъ офицеровъ, служившихъ за границею, господствовавшая тогда на континентѣ тактика Густава-Адольфа стала прилагаться и въ Англіи. Великій полководецъ этотъ совершенно измѣнилъ старинные способы веденія войны, при которыхъ разные роды оружія двигались компактными и неповоротливыми массами, совершая эволюціи какъ на парадѣ. Кавалерія, бросавшаяся прежде въ аттаку сплошными корпусами, въ пять и восемь рядовъ, теперь строилась лишь въ три ряда, а въ промежуткахъ между ея эшелонами ставилась пѣхота и легкія полевыя орудія. Шведская тактика, однимъ словомъ, впервые введенная въ Тридцатилѣтней войнѣ, дала войскамъ громадную подвижность и, по словамъ тогдашнихъ военныхъ, имѣла большое вліяніе на ходъ войны. Но въ Англіи, къ мужикамъ, впервые взявшимся за оружіе и дерущимся среди родныхъ холмовъ и долинъ, она прививалась туго. Современные стратеги и тактики удивляются, до какой степени тогда обѣ стороны мало слѣдили за дѣйствіями и намѣреніями непріятеля, натыкаясь на него лишь случайно. Такъ, Эссексъ случайно наткнулся на короля, Гонтонъ — на Уаллера, король — на сэра Томаса Фэрфакса. Наткнувшись, обѣ стороны поворачивались другъ къ другу фронтомъ, устанавливали пѣхоту въ центрѣ, а кавалерію по бокамъ, бросались другъ на друга и колотили до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь первый не бросался бѣжать.

Металлическіе доспѣхи къ тому времени вышли изъ употребленія, отчасти благодаря введенію огнестрѣльнаго оружія, а отчасти потому, что они, по остроумному замѣчанію короля Іакова I, не только защищали рыцаря отъ ударовъ, но и мѣшали ему наносить таковые. Въ междоусобной войнѣ принято было надѣвать только латы и шлемъ, да и то многіе предпочитали драться просто въ рубашкѣ. Луки и стрѣлы употреблялись еще англичанами въ 1627 году. При началѣ войны Эссексъ издалъ приказъ образовать отрядъ, вооруженный луками, а въ шотландской кампаніи Монтроза о такихъ отрядахъ упоминается весьма часто.

Для современнаго человѣка странно слышать, что правила стрѣльбы изъ лука составлялись еще и послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія, но послѣднее было, вѣроятно, очень еще несовершенно, и многіе предпочитали стрѣлу пулѣ, такъ какъ первая пугала лошадей, а ранивъ одну изъ нихъ могла внести смятеніе въ цѣлый кавалерійскій отрядъ. Полетъ стрѣлъ, кромѣ того, деморализировалъ людей сильнѣе, чѣмъ полетъ пули, потому что за нимъ можно было слѣдить глазами и, стараясь избѣжать удара, солдаты разстраивали ряды. Упорные консерваторы долго еще стремились соединить старое оружіе съ новымъ, заряжая мушкеты стрѣлами. Къ тому же тогдашній порохъ былъ такъ слабъ, что стрѣлкамъ рекомендовали разряжать свое оружіе только приставивъ его вплотную къ тѣлу врага, да еще подъ кирасу, если возможно. Старинный прикладъ мушкета измѣнился уже во времена Протектората. Главная работа въ сраженіи выпадала на долю пикъ и мечей. Люди, вооруженные мушкетами и аркебузами, составляли, обыкновенно, лишь двѣ трети армій. Пика представляла собою прямую, крѣпкую и упругую ясеневую палку, въ семнадцать или восемнадцать футовъ длиною, съ обоюдоострымъ стальнымъ наконечникомъ. Какъ въ Англіи, такъ и во Франціи пики замѣнены были штыками только въ концѣ столѣтія. Кремневый курокъ появился лишь въ концѣ войны, ружья были фитильныя и снабженіе арміи медленно горящими фитилями было однимъ изъ главныхъ затрудненій въ ея снаряженіи. Кларендонъ упоминаетъ объ одной осадѣ, при которой осажденнымъ пришлось собрать всѣ веревки въ городѣ, вынимая ихъ даже изъ постелей, для того, чтобы надѣлать фитилей для солдатъ. Патроны хотя и были уже извѣстны, но не употреблялись въ междоусобной войнѣ. Каждый мушкетеръ выходилъ на битву съ мѣшечкомъ пороха, запасомъ пуль во рту и съ горящимъ фитилемъ въ рукахъ. Артиллерія, отчасти благодаря слабости пороха, а отчасти по несовершенству тогдашнихъ мортиръ и пушекъ, не приносила почти никакой пользы въ битвахъ на открытомъ полѣ, хотя много содѣйствовала осадѣ крѣпостей, въ которыхъ съ того времени каменныя укрѣпленія стали постепенно

Digitized by Google

замѣняться земляными. При Нэзеби у короля было только двѣ полу-кулеврины, столько же пушекъ и восемь фальконетовъ. Первыя вѣсили около четырехъ тысячъ фунтовъ и стрѣляли двадцатичетырехъ-фунтовыми ядрами, при зарядѣ въ двѣнадцать фунтовъ пороха. Фальконеты были мѣдные, вѣсили полторы тысячи фунтовъ и заряжались ядрами въ шесть-семь фунтовъ.

Не на пушки, однако же, и не на мушкеты полагались тогдашніе англійскіе военачальники, какъ при нападеніи, такъ и при защитѣ. Они полагались, главнымъ образомъ, на кавалерію, то есть, на кирасиръ и на вновь введенный родъ войска — драгунъ, которыхъ военные писатели того времени не знаютъ куда причислить, къ пѣхотѣ или къ конницѣ. Густавъ-Адольфъ первый создалъ настоящую кавалерійскую атаку и въ междоусобной войнѣ ею, обыкновенно, опредѣлялась судьба сраженій. Кромвель, руководствуясь своимъ здравымъ смысломъ, понялъ это раньше, чѣмъ военныя дѣйствія доказали силу кавалеріи на опытѣ. Выучившись военному искусству у одного голландскаго офицера, онъ первымъ дѣломъ сформировалъ кавалерійскій отрядъ изъ своихъ земляковъ и самъ обучалъ его строю. Какъ бы для того, чтобы доказать старую истину, что нѣтъ ничего новаго подъ луною, нѣкоторые писатели проводятъ параллель между развитіемъ каваллерійскаго дѣла въ древнихъ греческихъ республикахъ, до Александра Великаго и въ Европѣ отъ Густава-Адольфа до Фридриха Великаго, при чемъ находятъ полное сходство въ постепенномъ ходѣ тактики этихъ двухъ періодовъ.

Мы можемъ представить себѣ Оливера, только-что изучившаго военное искусство, въ свою очередь обучающимъ толпу неповоротливыхъ мужиковъ и взятыхъ отъ сохи лошадей—равненію, поворотамъ, различнымъ аллюрамъ, пріемамъ заряжанія и стрѣльбы, условнымъ сигналамъ и проч. «Великое искусство требуется», говоритъ одинъ энтузіастъ того времени, «отъ человѣка, командующаго конницей и обучающаго ее. Трудно заставить дикихъ людей и еще болѣе дикихъ лошадей повиноваться строго опредѣленнымъ правиламъ и совершать въ порядкѣ самыя сложныя движенія—hic labor, hic opus est.»

Отрядъ Кромвеля скоро выросъ до размѣровъ цѣлаго полка въ тысячу всадниковъ, вполнѣ обученныхъ, дѣятельныхъ, подвижныхъ. Оливеръ тратилъ свои деньги на общее дѣло. Онъ снабжалъ оружіемъ весь Кембриджширъ, захватилъ кембриджскій арсеналъ, не допустилъ университетъ послать королю двадцать тысячъ фунтовъ серебра и золота. Во главѣ своего отряда онъ участвовалъ въ первой серіозной битвѣ между парламентскими войсками подъ начальствомъ Эссекса и королемъ.

Эджхилль, видъ по направленію къ Банбёри.
(Рис. Пенелля).

Сраженіе при Эджхиллѣ (23 октября 1642 г.) принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ и неопредѣленныхъ битвъ въ исторіи. Королевское войско, состоявшее изъ четырнадцати тысячъ человѣкъ, встрѣтилось на поляхъ Эджхилля, съ десятью тысячами парламентаристовъ и, полагаясь болѣе на свое качество, чѣмъ на численность, надѣялось живо справиться съ бунтующими мужиками, но ошиблось въ расчетѣ: битва продолжалась цѣлый день, а результатъ

Digitized by Google

ся оказался нерѣшеннымъ. Искусства съ обѣихъ сторонъ было выказано очень мало. Друзья часто принимались за враговъ, а враги за друзей. Парламентскія войска въ нѣкоторыхъ частяхъ поля сраженія бѣжали, а королевскія больше занимались грабежомъ, чѣмъ битвою. Къ ночи, когда сраженіе должно было прекратиться, роялисты подозрѣвали, что оно было ими проиграно, а Эссексъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Достовѣрно лишь то, что кавалерія Эссекса не была разстроена. «Нижеозначенныя лица», пишетъ одинъ очевидецъ, «ни на минуту не отставали отъ своихъ отрядовъ и отряды ихъ дрались до послѣдней крайности.» А въ числѣ этихъ нижеозначенныхъ лицъ однимъ изъ самыхъ храбрыхъ и стойкихъ оказался Кромвель.

Прежде ли Эджхилльскаго сраженія или вскорѣ послѣ него, но, во всякомъ случаѣ, около этого времени, произошелъ знаменитый разговоръ Кромвеля съ Гемпденомъ, въ которомъ Оливеръ высказалъ идеи, ставшія впослѣдствіи классическимъ общимъ мѣстомъ для демократіи всего міра, или, по крайней мѣрѣ, для демократовъ, говорящихъ по-англійски. «Я—тотъ самый рабъ, который былъ вѣренъ въ маломъ и которому господинъ поручилъ многое», говоритъ Кромвель въ парламентѣ за годъ до своей смерти. «Съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался капитаномъ коннаго отряда въ арміи, я старался исполнять свои обязанности какъ можно лучше, и Богъ благословилъ мои старанія, такъ какъ они были Ему угодны. Вмѣстѣ съ тѣмъ я искренно и въ простотѣ душевной, какъ это признано умными и хорошими людьми, хотѣлъ сдѣлать и всѣхъ моихъ помощниковъ такими же вѣрными рабами правды Божіей. У меня тогда былъ весьма почтенный и благородный другъ, память котораго всѣмъ намъ дорога одинаково—Джонъ Гемпденъ. Вступивъ въ армію и замѣтивъ, что насъ на всякомъ шагу бьютъ, я предложилъ ему увеличить силы лорда Эссекса нѣсколькими полками и обѣщалъ набрать подходящихъ къ тому людей. Ваши войска», сказалъ я, «состоятъ изъ ремесленниковъ разнаго рода и прислуги, а войска короля—изъ джентльменовъ и знати. Неужели вы думаете, что всякій сбродъ, лишенный настоящаго духа, въ состояніи будетъ бороться съ джентльменами, которые обладаютъ твердостью и храбростью, которыхъ вдохновляетъ честь? Вы должны набрать себѣ людей, которые ни въ чемъ не уступали бы джентльменамъ, а иначе васъ будутъ бить постоянно.» Гемпденъ былъ человѣкъ разумный и понялъ, что я говорю правду, но только онъ считалъ мое предложеніе невыполнимымъ. А я его выполнилъ. Приписывайте это чему хотите, но только я успѣлъ поднять такихъ людей, которые помнили страхъ Божій и шли на дѣло вполнѣ сознательно. Я вамъ долженъ сказать, что съ тѣхъ поръ люди эти никогда не были побиты, а, напротивъ, сами побѣждали непріятеля всюду, гдѣ съ нимъ встрѣчались. За это, конечно, слѣдуетъ благодарить Господа, но и пользоваться этимъ какъ урокомъ на будущее: только религіозные и благочестивые люди годятся для защиты праваго дѣла. Въ мирное время люди эти будутъ такъ же покорно подчиняться государственнымъ законамъ, какъ подчиняются законамъ евангельскимъ. По моему, безъ такого подчиненія нельзя быть хорошимъ человѣкомъ!»

Слова эти кажутся теперь вполнѣ покойными и даже банальными; но въ 1642 году въ нихъ лежалъ зародышъ безпощадной религіозной борьбы, о чемъ, можетъ быть, и самъ Кромвель не догадывался. Во всякомъ случаѣ, за ними лежитъ проблема отношеній между государствомъ и Церковью, до сихъ поръ еще не рѣшенная.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Кромвель убѣждался, повидимому, въ той истинѣ, что настоящее благочестіе зависитъ отъ силы вѣры, а не отъ формы религіи и что только люди дѣйствительно благочестивые способны быть хорошими гражданами какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Такой взглядъ его особенно рѣзко выразился въ протестѣ противъ одного поступка Лоренса Крауфорда, начальника штаба графа Манчестерскаго. Когда Крауфордъ разжаловалъ и выгналъ изъ службы одного капитана за его религіозныя мнѣнія, то Кромвель писалъ слѣдующее: «Вы поступили неправильно, прогнавъ такого вѣрнаго дѣлу и способнаго къ службѣ человѣка. Позвольте сказать вамъ, что я съ вами совершенно несогласенъ. Я не могу себѣ представить, какимъ образомъ вы рѣшаетесь предпочесть пьяницъ, ругателей и порочныхъ людей такому человѣку, который боится клятвы, боится грѣха. Развѣ потому только, что онъ—анабаптистъ. Но увѣрены ли вы въ этомъ? Да, наконецъ, если это и такъ, то

Digitized by Google

Засада при Эджхиллѣ. Пѣхотный отрядъ встрѣчается съ непріятелемъ въ пшеничномъ полѣ. Старый генералъ сдерживаетъ молодого офицера въ доспѣхахъ.

(Съ картины Сеймура Лукаса).

Digitized by Google

развѣ это лишаетъ его способности служить обществу? Я думаю, сэръ, что государство, выбирая людей къ себѣ на службу, не должно обращать вниманія на ихъ религіозныя воззрѣнія; если они охотно и вѣрно служатъ ему, то этого достаточно. Я уже и прежде совѣтовалъ вамъ быть терпимѣе къ мнѣніямъ и думаю, что вы избѣжали бы многихъ ошибокъ, если бы послушались моего совѣта. Берегитесь дурно обращаться съ людьми, которые провинились только въ томъ, что не раздѣляютъ вашихъ религіозныхъ убѣжденій.»

Излагая, такимъ образомъ, основныя положенія либерально-демократическаго режима, Кромвель, вѣроятно, не предвидѣлъ раскола, который его правила внесутъ въ ряды революціонеровъ, изъ коихъ всѣ стремились къ торжеству своего дѣла, но не всѣ одинаково его понимали.

Какіе бы девизы, однако же, ни были написаны на знаменахъ парламентской арміи, военный успѣхъ былъ главною ея задачей. Пимъ и Гемпденъ всегда это понимали и употребили всю свою энергію на то, чтобы вдохновить какъ парламентъ, такъ и военачальниковъ. Кромвель не нуждался въ такомъ вдохновленіи. Онъ не только былъ убѣжденъ въ необходимости добиться успѣха на полѣ битвы, но и зналъ, что успѣхъ этотъ зависитъ отъ искренняго отношенія къ дѣлу, сознательности и дисциплины въ арміи, а потому всѣми силами старался пополнить ея ряды подходящими людьми. Онъ неустанно подготовлялъ ту силу, которая проявилась въ день Марстонъ-Мурскаго сраженія. «Прошу васъ, будьте внимательны при выборѣ капитановъ въ кавалерію», писалъ онъ, «гонитесь не за количествомъ, а за качествомъ. Если вы выберете въ начальники честныхъ и благочестивыхъ людей, то за ними и пойдутъ честные люди. Не бѣда, если они будутъ изъ низкаго сословія, хотя бы это и возбудило толки. Хорошо бы, конечно, поручать начальствованіе лицамъ благороднаго происхожденія, но откуда же ихъ взять, если они не являются? Кто имъ мѣшаетъ пристать къ нашему дѣлу? Главный вопросъ въ томъ, чтобы дѣло это шло впередъ, а потому назначайте людей любого званія, лишь бы они были непритязательны, искренно преданы дѣлу и стоили довѣрія.» Затѣмъ Кромвель прибавляетъ горячую фразу, въ которой высказывается истина, требующая частаго повторенія даже и въ наше время: «Капитана, одѣтаго въ сермягу, но знающаго, за что онъ сражается, и преданнаго своему дѣлу, я предпочитаю всякому джентльмену, если въ послѣднемъ нѣтъ ничего, кромѣ внѣшняго джентльменства. Я уважаю только настоящихъ джентльменовъ.»

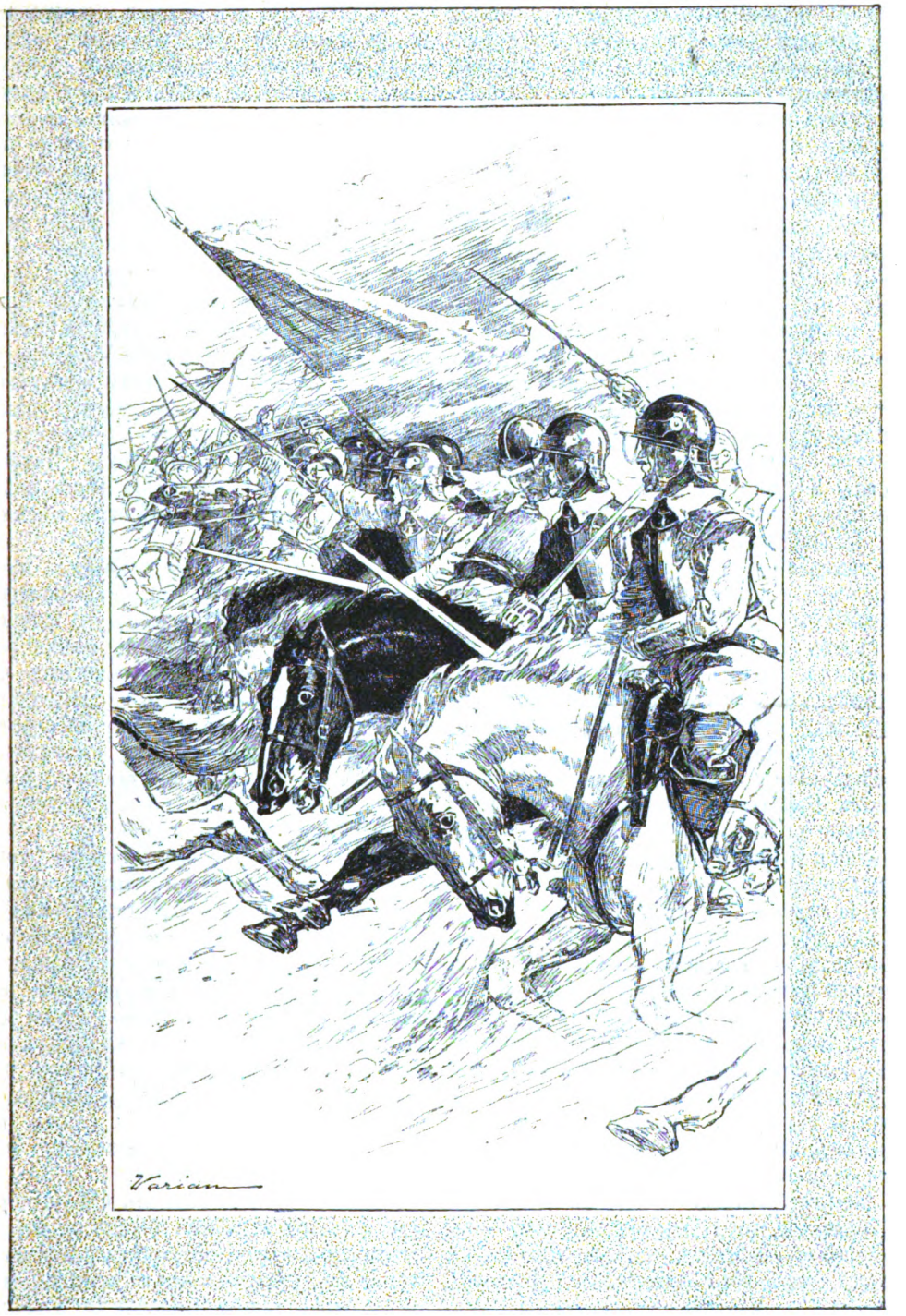
Когда войска Манчестера присоединились къ его отряду, то Кромвель нашелъ ихъ буйными, недисциплинированными и развратными, хотя жалованье имъ платилось исправно, тогда какъ собственный его отрядъ давно уже пробавлялся реквизиціями съ собственности роялистовъ Хёнтингдоншира. Несмотря на бѣдственное положеніе, отрядъ этотъ постоянно возрасталъ. «Милые люди», называетъ Кромвель своихъ солдатъ, «анабаптисты или нѣтъ, они—честные и трезвые христіане; съ ними надо обращаться по-человѣчески.»

Кромвель имѣлъ полное право сказать, что не жалѣетъ ни себя, ни своихъ людей для общаго дѣла. Уже въ началѣ войны онъ пожертвовалъ на это дѣло изъ своего маленькаго состоянія до тысячи двухсотъ фунтовъ стерлинговъ. «Я слишкомъ бѣденъ, чтобы помогать деньгами, и уже отдалъ, что могъ», пишетъ онъ, «теперь, съ помощью Божіей, отдамъ только свою шкуру; то же сдѣлаютъ и мои люди».

Съ неустанной энергіей вводилъ Кромвель порядокъ въ своемъ графствѣ и сдерживалъ непокорное духовенство. «Прекратите ваши проповѣди, столь непоучительныя и нелѣпыя», пишетъ онъ нѣкоему мистеру Хитчу, «пока солдаты, возмущенные ими, не заставили васъ сдѣлать это силою.» А когда Хитчъ, къ чести своей, не послушался, то Кромвель, войдя въ церковь и не снимая шапки, грубо крикнулъ ему: «Бросьте эти глупости и сходите внизъ, сэръ!» По всей вѣроятности, Лодъ поступилъ бы точно такъ же съ какимъ-нибудь пуританскимъ проповѣдникомъ. Вообще и въ пуританизмѣ и въ англиканствѣ много было тогда гораздо болѣе «непоучительнаго и нелѣпаго», чѣмъ могъ замѣтить Кромвель.

Пришло время, наконецъ, испытать пригодность оружія, столь тщательно имъ выкованнаго и наточеннаго. Самой важной роялистской крѣпостью въ Линкольнширѣ былъ стойко державшійся Ньюаркъ. Въ одной изъ безпрестанныхъ стычекъ вокругъ Ньюарка

Digitized by Google



Атака Кромвеля при Уинсеби.
(Рис. Георга Варіана).

Digitized by Google

мы въ первый разъ встрѣчаемъ Кромвеля съ его кавалеріей. Время — поздній вечеръ 13 мая 1643 года; мѣсто — поле, въ двухъ миляхъ отъ Грентама. Непріятельскій отрядъ состоялъ изъ двадцати одного штандарта (color — эскадронъ?) конницы и трехъ или четырехъ ротъ драгунъ. «Какъ только мы услышали тревогу», пишетъ Кромвель, «то вывели нашъ отрядъ, состоящій изъ двѣнадцати ротъ (troops?), изъ коихъ нѣкоторыя находились въ такомъ жалкомъ состояніи, что трудно представить. Остановившись на выстрѣлъ отъ непріятеля, мы начали перестрѣлку, но черезъ полчаса съ небольшимъ, видя, что непріятель не намѣренъ атаковать насъ, мы сами устремились на него довольно крупной рысью и, съ Божіей помощью, весьма быстро опрокинули. Непріятель бѣжалъ, а мы его преслѣдовали двѣ или три мили.»

Десять недѣль спустя при Гейнсборо произошла болѣе серіозная стычка, которую Кромвель описываетъ съ такой послѣдовательностью и силой, какихъ трудно было ожидать отъ его неумѣнья выражаться. Въ полутора миляхъ отъ города Кромвель встрѣтился съ сотней непріятельской конницы. Драгуны его намѣревались прогнать ее, но не успѣли они спѣшиться, какъ были отбиты. «Тогда мы бросились въ атаку», пишетъ Кромвель. «Непріятельскій отрядъ стоялъ на вершинѣ крутого холма, надъ нашими головами, но, несмотря на это и на сильное сопротивленіе, мы успѣли взобраться на холмъ.» Взобравшись, однако же, они увидали, что имѣли дѣло только съ авангардомъ и что за нимъ стоитъ, въ резервѣ, цѣлый конный полкъ. «Мы поспѣшили привести нашъ отрядъ въ порядокъ и обратились на непріятеля, съ своей стороны насъ атаковавшаго. Я былъ на правомъ крылѣ. Сойдясь вплотную, мы долго дрались мечами, до тѣхъ поръ пока непріятель не поколебался нѣсколько; тогда мы на него наперли посильнѣе и быстро разсѣяли.»

Резервъ, однако же, стоялъ незыблемо. Собравъ наскоро три своихъ роты, остававшіяся въ запасѣ, и присоединивъ къ нимъ четыре роты линкольнцевъ, Кромвель выступилъ противъ этого резерва. Роялистскій генералъ Кэвендишъ аттаковалъ линкольнцевъ и разсѣялъ ихъ. «Я немедленно бросился на него съ моими тремя ротами», пишетъ Кромвель, «чѣмъ такъ его удивилъ, что онъ оставилъ преслѣдованіе разбитыхъ и едва спасся отъ моихъ рукъ. Но я сильнымъ натискомъ согналъ его, съ нѣсколькими солдатами, съ холма въ трясину, гдѣ одинъ изъ моихъ капитановъ его и прикончилъ.» Согласуется ли такое приканчиваніе съ рыцарскими правилами — сказать трудно (объ этомъ много спорили), но сраженіе тѣмъ не кончилось. Спустя немного времени парламентское войско неожиданно увидало въ четверти мили отъ себя всю армію лорда Ньюкестля. Приходилось отступить. Лордъ Виллоуби приказалъ Кромвелю собрать разсѣянные отряды пѣхоты и конницы. «Я сталъ исполнять приказаніе, но не успѣлъ его окончить, какъ началась уже перестрѣлка, — непріятель быстро насѣдалъ на отставшихъ. Пѣхота наша отступала въ безпорядкѣ, равно какъ и кавалерія, лошади которой были совсѣмъ измучены.»

«Но такова была милость Божія», прибавляетъ другой разсказчикъ, «ободрявшая нашихъ солдатъ и офицеровъ, что майоръ Уалли и капитанъ Эйско, съ четырьмя ротами, хотя и на измученныхъ лошадяхъ, во славу Бога и свою собственную, такъ удачно сдерживали непріятеля, отступая передъ нимъ и отстрѣливаясь, что полковникъ Кромвель успѣлъ собрать главныя силы, отступавшія уже въ полномъ порядкѣ, не потерявъ ни одного человѣка.»

Военные критики нашего времени отмѣчаютъ большую разницу въ тактикѣ парламентскихъ войскъ при Грантамѣ и Гейнсборо. Въ послѣднемъ изъ этихъ сраженій всѣ движенія и перестройка фронта совершались гораздо скорѣе и въ лучшемъ порядкѣ, несмотря на неудобную мѣстность; атаки были рѣшительныя; резервъ оказался подъ руками и въ самую критическую минуту довершилъ пораженіе непріятеля; наконецъ, ничтожная горстка кавалеріи весьма искусно сумѣла задержать наступленіе цѣлой арміи и прикрыла пѣхоту.

При Уинсеби и Хорнкэстлѣ (11 октября 1643 г.) дѣла шли еще лучше. Узнавъ о приближеніи непріятеля, войска радостно и рѣшительно двинулись ему на встрѣчу, распѣвая свои псалмы и благодаря Бога за возможность сразиться. Кромвель шелъ впереди. Роялистскіе драгуны встрѣтили его залпомъ, а потомъ, на разстояніи половины пистолетнаго выстрѣла, другимъ. Подъ

Digitized by Google

Кромвелемъ была убита лошадь; онъ тотчасъ же вскочилъ на другую и самъ повелъ атаку, «которая была выполнена съ такимъ искусствомъ и рѣшимостью, что непріятель былъ опрокинутъ».

Елизавета Кромвель, дочь сэра Томаса Стюарда изъ Эли, жена Роберта и мать Оливера Кромвеля.

Ясно, что въ парламентскомъ войскѣ явился вождь, столь же смѣлый и импонирующій какъ принцъ Рупертъ у роялистовъ, но съ хладнокровіемъ въ пылу битвы, упорствомъ и дальновидностью внѣ ея, до которыхъ черезчуръ пылкому принцу было далеко. Неизвѣстно—кто изъ нихъ первый измѣнилъ кавалерійскую тактику, состоящую въ томъ, чтобы передъ атакой давать цѣлый рядъ залповъ. Сначала стрѣляла первая шеренга, затѣмъ она раздвигалась и стрѣляла вторая и такъ далѣе, до пятой, послѣ чего начиналась уже атака съ холоднымъ оружіемъ. По новому плану все должно происходить наоборотъ кавалерія, выдерживая залпы непріятеля, бросалась въ атаку безъ выстрѣла и начинала стрѣлять только прорвавъ непріятельскіе ряды.

Спустя полтора года отъ начала войны, для парламентской партіи наступила самая критическая минута. Линкольнъ держался

Digitized by Google

крѣпко, равно какъ и восточныя графства. Но король владѣлъ какъ сердцами, такъ и главнѣйшими стратегическими пунктами на сѣверѣ, включая Іоркъ,—на западѣ, включая Экзетеръ,—и въ срединѣ страны, включая Бедфордъ и Нортэмптонъ. Кромѣ того, онъ могъ привести войска изъ Ирландіи и надѣялся на помощь французскаго короля. Дальновидный Пимъ, еще въ началѣ войны понявшій необходимость союза съ шотландцами, въ эту критическую для парламента минуту къ нимъ и обратился. Онъ помогъ шотландцамъ деньгами, облегчилъ переходъ ихъ черезъ границу и тѣмъ открылъ новый періодъ въ междоусобной войнѣ.

Съ 1639 года по 1651-й, то-есть до окончательной побѣды Кромвеля при Уорстерѣ, между англичанами и шотландцами состоялось множество разнообразныхъ соглашеній, но ни одно изъ нихъ не было основано на единствѣ цѣли, чувства или политики, а потому союзники постоянно косились другъ на друга и едва сдерживались отъ открытой вражды. Обѣ націи слишкомъ отличались другъ отъ друга и по темпераменту, и по наклонностямъ, и по строю политическому, для того, чтобы чувствовать себя ловко при взаимномъ общеніи. Въ Кромвелѣ эта неловкость, съ самаго начала доходила до отвращенія. Понималъ ли Пимъ всю искусственность устроеннаго имъ союза, предвидѣлъ ли затрудненія, которыя возникнутъ изъ различія въ стремленіяхъ союзниковъ,—сказать трудно. Но, во всякомъ случаѣ, военныя обстоятельства не давали ему выбора; онъ волей-неволей долженъ былъ принять союзъ, чего бы это ни стоило, также какъ Карлъ II семь лѣтъ спустя. Цѣною союза была торжественная Лига и Ковенантъ (сентябрь 1643). Участіе въ этихъ договорахъ было навязано англичанамъ насильно. Они желали только союза политическаго, а шотландцы, убѣжденные что пресвитеріанство представляетъ собою единственный надежный оплотъ противъ папизма, настояли на союзѣ религіозномъ, при чемъ Англія, Шотландія и Ирландія обязывались имѣть церковь единую, какъ по догматамъ, такъ по устройству и обстановкѣ культа. Понятіе о Богѣ и служеніи Ему должно было сдѣлаться одинаковымъ во всѣхъ трехъ королевствахъ. Три года послѣ того оставались шотландцы на англійской территоріи. Они сражались, главнымъ образомъ, если не единственно, за пресвитеріанское однообразіе, а англійскіе вожди, задававшіеся другими цѣлями, должны были подлаживаться подъ своихъ союзниковъ, съ сомнительной искренностью и безъ всякаго энтузіазма. Много затрудненій изъ этого возникло, но государственнымъ людямъ приходится постоянно имѣть дѣло съ затрудненіями, а Пимъ вполнѣ заслуживалъ названія государственнаго человѣка — мастера въ дѣлѣ политики и администраціи.

XII.

Марстонъ-Муръ.

Къ 1643 году съ политической арены сошли многіе выдающіеся дѣятели. Такъ, въ концѣ 1642 года умеръ кардиналъ Ришелье, котораго можно было считать диктаторомъ Европы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ него умеръ Людовикъ XIII, братъ англійской королевы. На французскій престолъ вступилъ пятилѣтній ребенокъ — Людовикъ XIV, а мѣсто Ришелье было занято его ученикомъ, кардиналомъ Мазарини.

Англія тоже лишилась многихъ передовыхъ людей. Лордъ Брукъ, напримѣръ, авторъ первыхъ и самыхъ сильныхъ нападковъ на епископатъ, чуть ли не одинъ изъ главныхъ вождей своей партіи, былъ застрѣленъ въ своей комнатѣ, сквозь открытое окно, солдатами. Съ другой стороны, добродѣтельный Фокланд, грубо пробужденный отъ своей мечты о мирѣ всего міра и всеобщемъ счастіи взрывами междоусобной войны, добровольно нашелъ себѣ смерть въ первыхъ рядахъ королевской арміи, въ битвѣ при Ньюбёри (сентябрь 1642 г.). «Такъ погибъ этотъ благородный молодой человѣкъ», пишетъ Кларендонъ, «на тридцать четвертомъ году жизни, сдѣлавшій въ этой жизни болѣе чѣмъ многіе старики и вышедшій изъ нея такимъ же невиннымъ, какимъ вошелъ». Фокландъ, дѣйствительно, одинъ, своею незапятнанной личностью, лучше всякихъ доказательствъ могъ привлечь большинство на сторону короля. Онъ принадлежалъ къ числу людей, способныхъ отдать свою жизнь за правое, хотя бы и гибнущее дѣло. Сцена исторіи была слишкомъ груба и порочна для него, но зато память о немъ не умретъ вѣчно. Исчезли съ этой сцены и еще два дѣятеля, гораздо болѣе крупныхъ. Джонъ Гемпденъ

Digitized by Google

При осадѣ Глостера Карлъ I принимаетъ пословъ, отказывающихъ ему въ сдачѣ города.
(Съ картины Сеймура Лукаса).

Digitized by Google

былъ смертельно раненъ въ стычкѣ подъ Чальгровъ-Фильдомъ. За нѣсколько часовъ до смерти онъ пріобщился Св. Тайнъ, «заявляя, что хотя онъ и боролся съ епископальной церковью, но думаетъ все же, что основы ея вполнѣ согласны со Словомъ Божіимъ, изложеннымъ въ Св. Писаніи». При его кончинѣ присутствовали мѣстный приходскій священникъ, принадлежавшій къ епископальной церкви, и священникъ полковой, индепендентъ. За нѣсколько минутъ до смерти Гемиденъ молился о томъ, чтобы люди, стремящіеся лишить народъ свободы и законныхъ прерогативъ, были посрамлены; чтобы король увидалъ свои ошибки, а сердца его порочныхъ совѣтниковъ очистились и обратились къ истинѣ.

Въ декабрѣ того же года многолѣтнія тяжелыя заботы привели къ концу драгоцѣнную жизнь Джона Пима, верховнаго вождя народной партіи. Съ нимъ и Гемиденомъ сошло со сцены первое поколѣніе борцовъ за свободу. Тяжелыя тучи нависли надъ политическимъ горизонтомъ, буря усилилась, и корабль англійской революціи оказался въ болѣе критическомъ положеніи, чѣмъ когда-либо.

«Со смертью Пима», говоритъ Бейли, «въ народной партіи не осталось ни одного государственнаго человѣка. Твердыхъ и способныхъ людей было много, но ни одинъ изъ нихъ не обладалъ умомъ, охватывавшимъ дѣло во всей его совокупности.» Въ переднихъ рядахъ борцовъ за свободу оказались теперь люди честные, умные и благонамѣренные, но плохіе политики и посредственные военачальники. Да и ихъ часъ скоро пробилъ. Эссексъ, Манчестеръ, Варвикъ были колеблющіеся и мало подвижные люди; искренніе, горячо преданные дѣлу, но несообразительные; вдумчивые, но не чуткіе — въ своемъ родѣ Фабіи. Благодушная исторія можетъ лишь оплакивать то обстоятельство, что такіе хорошіе люди оказались стоящими не на высотѣ своей задачи. Заботы о будущемъ закрывали отъ нихъ настоящія нужды.

Кромвель былъ человѣкомъ, болѣе чуткимъ къ этимъ нуждамъ и болѣе рѣшительнымъ. Онъ понималъ, что въ данное время главная задача состоитъ въ томъ, чтобы не дать Карлу выйти изъ междоусобной войны побѣдителемъ. Онъ видѣлъ, что нельзя обезпечить свободы парламента, не выбивъ окончательно оружіе изъ рукъ короля. Помимо Кромвеля одинъ только человѣкъ такъ же ясно понималъ это; такимъ человѣкомъ былъ самъ Карлъ. Ошибочно было бы думать, что въ концѣ этого перваго періода борьбы за Кромвелемъ и его сторонниками стояла вся нація, возбужденная до крайней степени. Возбужденіе, вызванное тиранніей Звѣздной Камеры, епископами или арестомъ пяти членовъ, напротивъ того, улеглось къ этому времени. Люди, принадлежавшіе къ одной и той же партіи, настолько перессорились, что ненавидѣли иногда другъ друга больше, чѣмъ людей, принадлежавшихъ къ партіи противной. Перемѣна обстоятельствъ вызвала перемѣну мотивовъ. Лица, сильно возстававшія противъ короля въ началѣ революціи, теперь заискивали передъ нимъ. Одни относились совершенно индифферентно къ обѣимъ партіямъ и искали только покоя; другіе, обогатившіеся на службѣ парламенту, искали теперь возможности закрѣпить за собою нажитое, путемъ службы королю; не успѣвшіе ничего нажить старались отмстить той сторонѣ, которая помѣшала имъ обогатиться. Кромвель даже предупреждалъ палату о всеобщемъ охлажденіи къ дѣлу парламента. «Если мы не успѣемъ», говорилъ онъ, «быстро окончить войну, то надоѣдимъ всему королевству и оно проклянетъ самое имя парламента.» Въ публикѣ даже сторонники послѣдняго начали поговаривать, что онъ затягиваетъ войну нарочно, для того, чтобы дать своимъ членамъ возможность наживаться, въ качествѣ военачальниковъ, поставщиковъ на армію и проч., такъ же какъ дѣлаютъ это различные авантюристы за границею. Однимъ словомъ, Кромвель думалъ, что если война затянется безъ рѣшительныхъ успѣховъ, то народъ запроситъ мира, хотя бы постыднаго.

Почти то же самое происходило и въ королевской партіи. Кларендонъ говоритъ, что къ этому времени весь запасъ лойяльности, мужества и преданности дѣлу изсякъ въ друзьяхъ короля и замѣнился лѣнью, равнодушіемъ и упадкомъ энергіи, совершенно несвойственными природному характеру англичанъ. Небрежность причинила роялизму столько же ущерба, сколько могла бы причинить измѣна или злая воля. Совѣтники Карла, говоритъ Кларендонъ, сдѣлались такими же нерѣшительными и колеблющимися, какъ ихъ противники. Всѣ какъ будто ослѣпли по отношенію къ дѣйствительности и насущнымъ нуждамъ, а заботились только о

Digitized by Google

мелочахъ, да о такихъ случайностяхъ, которыхъ ни предвидѣть, ни устранить было невозможно. То они тратили время на обсужденіе, не приводившее ни къ какому рѣшенію, а то рѣшали, совсѣмъ не обсуждая. Хуже же всего было то, что ни одно изъ рѣшеній не было выполнено съ надлежащей энергіей.

Къ концу 1642 года король считалъ себя стоящимъ въ Іоркширѣ твердой ногою. Графъ Ньюкестль, благодаря своему богатству, уму и популярности, успѣлъ собрать для него въ Іоркѣ, Нортумберлендѣ, Дёрхемѣ и Вестморлендѣ, шесть или семь тысячъ человѣкъ. Несмотря на то, что католикамъ вообще запрещено было вооружаться, Ньюкестль не брезговалъ и ими, говоря, что они такіе же подданные короля и обязаны служить ему, тѣмъ болѣе, что въ парламентской арміи служатъ же диссиденты разныхъ полковъ

Вильямъ Кэвендишъ, герцогъ Ньюкестль.
(Съ портрета Ванъ-Дейка).

Это разсужденіе не спасло, однако же, его отрядъ отъ прозвища «папской арміи», не увеличило популярности всего дѣла и даже оттолкнуло отъ него населеніе сѣверныхъ провинцій. Тѣмъ не менѣе Ньюкестль успѣлъ занять городъ того же имени, стоящій на Тайнѣ и служившій единственнымъ портомъ, черезъ который Карлъ могъ бы получать

Digitized by Google

оружіе и аммуницію съ континента. Въ Іоркширѣ противниками Ньюкестля были два Ферфакса, вокругъ которыхъ сгруппировалось небольшое количество мѣстной джентри. Именно въ борьбѣ съ Ньюкестлемъ и выдвинулся младшій изъ нихъ—будущій главнокомандующій парламентской арміи, человѣкъ, отличавшійся военными талантами и упрямой настойчивостью, такъ же какъ любезностью и умѣньемъ хорошо пожить.

Численный перевѣсъ арміи Ньюкестля давалъ ему большія преимущества передъ Ферфаксомъ. Въ маѣ (1643 г.) у него было около шести тысячъ пѣхоты да больше шестидесяти ротъ (troops) кавалеріи, тогда какъ отрядъ Ферафакса состоялъ только изъ трехъ тысячъ пѣхотинцевъ и девяти кавалерійскихъ ротъ. Еще до конца 1642 года роялистскій генералъ выигралъ сраженіе при Тадкастерѣ, а затѣмъ цѣлый рядъ побѣдъ при Брадфордѣ, Вэкфильдѣ, Лидсѣ уже къ срединѣ лѣта 1643 г. отдалъ въ его руки всѣ города графства. Іюня 30-го Феркфаксы были на голову разбиты при Адуолтонѣ и, въ виду слишкомъ малаго количества войска, упадка духа въ его средѣ, а также случайнаго недостатка пуль, пороха и фитилей, принуждены были проложить себѣ путь, черезъ холмы и болота, въ Гулль—единственный значительный городъ въ Іоркширѣ, оставшійся въ рукахъ парламента.

Счастье везло королю въ теченіе всего лѣта 1643 г. Къ побѣдамъ Ньюкестля въ Іоркширѣ прибавились побѣды Хоптона на западѣ. Лордъ Стамфордъ, съ семью тысячами человѣкъ, былъ разбитъ при Страттонѣ (май 1643 г.), оставивъ въ рукахъ короля весь юго-западъ, за исключеніемъ Плимута. Въ іюлѣ при Ланздаунѣ и Раундвей-Даунѣ была уничтожена армія Уаллера. Въ томъ же мѣсяцѣ палъ Бристоль. Движеніе Эссекса къ Оксфорду, подобно прочимъ предпріятіямъ этого неудачливаго генерала, окончилось печально, такъ что онъ сталъ просить у парламента людей и денегъ. Казалось, ничто болѣе не помѣшаетъ тріумфальному шествію короля съ главной арміей внизъ по долинѣ Темзы, въ то время какъ Ньюкестль, съ своей стороны, подойдетъ къ Лондону съ сѣвера. Но роялисты потеряли моментъ, и счастіе имъ измѣнило. Король остановился зачѣмъ-то осаждать Глостеръ и далъ Эссексу время оправиться, а въ результатѣ король принужденъ былъ снять осаду, и дальнѣйшее его движеніе къ Лондону было остановлено сраженіемъ при Ньюбёри (сентября 20). Что же касается Ньюкестля, то онъ даже не тронулся съ мѣста.

Дѣятельность Ньюкестля въ Іоркширѣ и ея послѣдствія подготовили ту достопамятную битву, которая случилась годомъ позже и выдвинула Кромвеля въ первые ряды полководцевъ. Покоривъ Іоркширъ, Ньюкестль неминуемо долженъ былъ двинуться къ югу, а потому все вниманіе парламентской партіи было устремлено на Линкольнширъ, лежащій на границѣ между Іоркскимъ графствомъ и наиболѣе упорными въ своей преданности парламенту юго-восточными провинціями. Судьба Лондона и всего дѣла парламентской партіи зависѣла отъ того, выдержатъ ли ланкширскія войска натискъ роялистовъ или нѣтъ. Кромвель горячо настаивалъ, передъ восточной ассоціаціей, на скорѣйшемъ усиленіи этихъ войскъ. Если бы я могъ пронзить словами ваши сердца, я бы это сдѣлалъ», говорилъ онъ; «если, мы что-нибудь упустимъ, то армія Ньюкестля сядетъ вамъ на голову». «Не о чемъ больше разсуждать! Вооружайтесь и выходите всѣ, кто можетъ! Образуйте отряды, собирайте волонтеровъ, запасайте лошадей. Спишитесь тотчасъ съ Норфолкомъ Суффолкомъ и Эссексомъ! Умоляю васъ не тратьте времени, будьте энергичнѣе, прилежнѣе. Непріятеля можно остановить только кавалеріей. Дѣйствуйте живѣе, работайте не отвлекаясь, не щадите силъ, пользуйтесь всѣми средствами!»

Говорятъ, что арміи, встрѣтившіяся при Марстонѣ (2 іюля 1644 года), были самыми крупными на англійской почвѣ, со временъ войны Алой и Бѣлой Розъ. Въ рядахъ роялистовъ считалось отъ семнадцати до восемнадцати тысячъ человѣкъ, а парламентская армія вмѣстѣ съ шотландскими союзниками была въ полтора раза больше. Въ общемъ, при Марстонѣ дралось около сорока пяти тысячъ съ обѣихъ сторонъ, то-есть вдвое больше, чѣмъ при Эджхиллѣ. Въ наши времена, когда арміи выросли до милліоновъ, принято слишкомъ легко относиться къ сраженіямъ, въ которыхъ участвуютъ только десятки тысячъ. Но слѣдуетъ помнить, что даже Наполеонъ вошелъ въ Италію въ 1796 году всего съ тридцатью тысячами. При Арколѣ и Риволи у него было не больше пятнадцати тысячъ, а при Маренго лишь вдвое больше. Въ 1631—32 году, во время

Digitized by Google

Тридцатилѣтней войны, императорская армія состояла изъ двадцати четырехъ тысячъ пѣхоты и тринадцати тысячъ кавалеріи, а

Принцъ Рупертъ.
(Съ портрета Ванъ-Дейка въ Хиннинбрукъ-Хаузѣ).

у шведовъ было пѣхоты двадцать восемь тысячъ, кавалеріи же всего девять тысячъ.

Благодаря большой численности армій, сраженіе при Марстонѣ было самымъ кровопролитнымъ во всей междоусобной войнѣ. Оно было въ то же время и самымъ страннымъ, потому что во время битвы обѣ стороны по нѣскольку разъ обращались въ бѣгство, вмѣстѣ со своими генералами, изъ коихъ трое, въ концѣ концовъ, все же оказались побѣдителями. Выдающіеся моменты сраженія до сихъ поръ служатъ предметомъ споровъ, партійной и національной ревно-

Digitized by Google

сти, такъ что даже современному историку трудно рѣшить, кто больше способствовалъ побѣдѣ парламента—Кромвель или его шотландскіе союзники. Надо думать, что этотъ вопросъ такъ и останется нерѣшеннымъ или будетъ рѣшаться только въ силу симпатій къ той или другой сторонѣ, потому что сами мы тамъ не были, а очевидцы видимо путаютъ. Младшій Ферфаксъ, напримѣръ, утверждаетъ, что онъ былъ на лѣвомъ крылѣ своей арміи, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно, что онъ былъ на правомъ. Несмотря на разногласіе въ подробностяхъ, общій ходъ сраженія, однако же, очерчивается довольно точно.

Обѣ арміи, какъ это обыкновенно бываетъ, стояли другъ противъ друга въ двухъ параллельныхъ линіяхъ, пѣхота въ центрѣ, а кавалерія по бокамъ. Широкій ровъ, съ валомъ на южной сторонѣ, отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга. Нарламентская армія была растянута по склону холма; шотландская пѣхота, подъ начальствомъ Ливена и Бейли, стояла въ центрѣ, имѣя справа іоркширскій отрядъ двухъ Ферфаксовъ, а слѣва отрядъ манчестерскій, снаряженный восточной ассоціаціей. Младшій Ферфаксъ командовалъ четырьмя тысячами конницы, находившейся на правомъ крылѣ и состоявшей на одну треть изъ шотланцевъ. На лѣвомъ крылѣ Кромвель командовалъ двумя съ половиной тысячами регулярной кавалеріи восточнаго отряда, поддерживаемой резервомъ изъ восьмисотъ шотландскихъ всадниковъ, на плохихъ лошадяхъ. Этими всадниками командовалъ Давидъ Лесли, подъ главнымъ начальствомъ Кромвеля. Парламентская армія растянулась мили на полторы, а роялистская нѣсколько больше. Въ этой послѣдней принцъ Рупертъ стоялъ противъ Кромвеля, Ньюкестль и Эйтинъ—противъ Ливена и Бейли, а Горингъ—противъ Ферфаксовъ. Враждебныя арміи стояли такъ близко другъ къ другу, что, по выраженію одного изъ соратниковъ Кромвеля, «могли бы наступить другъ другу на носъ».

Цѣлыхъ пять часовъ простояли онѣ такимъ образомъ въ дождливый лѣтній день, съ развернутыми знаменами и зажженными фитилями, смотря другъ другу въ лицо. У большинства солдатъ не было ни крохи во рту съ самаго утра; пить можно было только изъ лужъ, находившихся подъ ногами. Голодные и промокшіе до костей воины обѣихъ армій старались скрасить свое положеніе пѣніемъ псалмовъ. «Вы не можете себѣ представить», говоритъ одинъ очевидецъ, «тотъ подъемъ духа и ту рѣшимость, которыя были одинаковы съ обѣихъ сторонъ. Всѣ чувствовали, что отъ исхода предстоящаго сраженія зависитъ исходъ и самой борьбы. Но подумайте, какая громадная разница лежала въ настроеніяхъ и вѣрованіяхъ враждебныхъ армій! У нихъ собрались сливки папистовъ со всей Англіи, а у насъ былъ сборъ враговъ папизма, враговъ тиранніи какъ изъ Англіи, такъ и изъ Шотландіи. Та и другая стороны рѣшились не давать пощады другъ другу. Мечъ долженъ былъ разрубить тотъ узелъ, который никакіе переговоры въ теченіе ста лѣтъ распутать не могли».

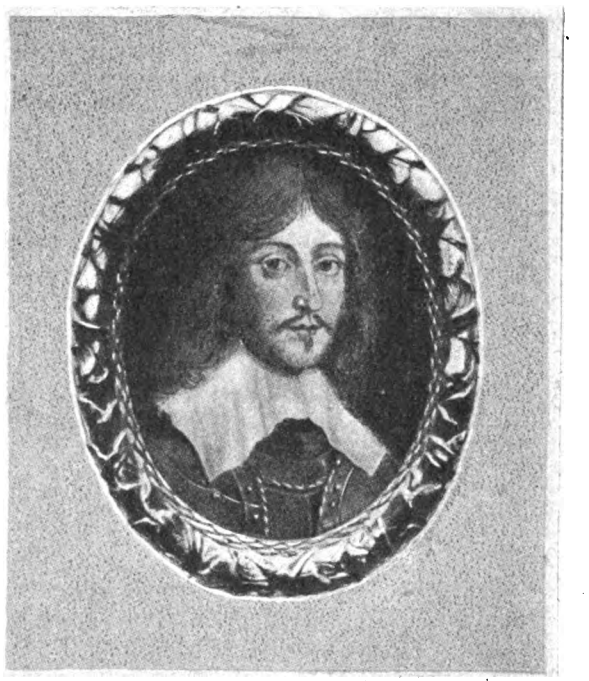
Въ пять часовъ пополудни наступила вдругъ полная тишина. Принцъ Рупертъ сказалъ Ньюкестлю, что сегодня сраженія, вѣроятно, не будетъ, и Ньюкестль, подъѣхавъ къ своей каретѣ, стоявшей неподалеку, спросилъ себѣ трубку и приготовился отдыхать. Но отдыхъ его скоро былъ нарушенъ. Въ семь часовъ вечера вдругъ вспыхнула битва, сдержанный говоръ армій превратился въ воинственный ревъ и черезъ нѣсколько минутъ склоны холмовъ были облиты кровью. Кто далъ знакъ начать сраженіе—до сихъ поръ неизвѣстно, да едва ли кто-нибудь и позаботился объ этомъ, такъ же какъ о составленіи какого-нибудь общаго плана. «Если бы враждебныя арміи», говоритъ тотъ же соратникъ Кромвеля, «простоявъ такъ долго на мушкетный выстрѣлъ другъ отъ друга, разошлись не подравшись, то это былъ бы невиданный въ Англіи случай». Потокъ долженъ былъ прорвать плотину; борзыя, увидавшія зайца, рано или поздно сорвутся со своры.

Пѣхота и конница парламентской арміи одновременно ринулись внизъ по склону холма «какъ густыя тучи». Кромвель на лѣвомъ флангѣ стремительно атаковалъ Руперта. Здѣсь въ первый разъ встрѣтились на полѣ битвы два лучшихъ военачальника того времени, и здѣсь Кромвель получилъ отъ своего противника лестное прозвище «Желѣзнобокаго» (Ironside). Здѣсь же, кстати сказать, кавалерія Кромвеля получила чувствительный ударъ, впослѣдствіи не часто повторявшійся. Самъ онъ былъ ра-

Digitized by Google

ненъ въ шею и очень ослабѣлъ отъ этой раны. Плохо бы пришлось отряду Кромвеля, если бы не подоспѣли шотландцы, ударившіе въ правый флангъ Руперта. Эта диверсія позволила Кромвелю собрать своихъ бѣгущихъ ратниковъ и вновь выстроить ихъ лицомъ къ непріятелю. Солдаты говорили, что въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ перестройка разстроенныхъ рядовъ во время битвы, выказалось все присутствіе духа Кромвеля и вліяніе его на подчиненныхъ. Собравъ свой отрядъ, онъ помогъ Лесли разсѣять кавалерію Руперта. «Отрядъ этотъ», говоритъ очевидецъ, «перенесъ тяжелое испытаніе, такъ какъ имѣлъ дѣло съ отборнымъ войскомъ Руперта, нападавшаго съ фронта и фланговъ. Люди обоихъ отрядовъ перемѣшались, но, наконецъ, Кромвель прорвался черезъ ряды непріятелей и разсѣялъ ихъ въ прахъ.» По слѣдамъ Кромвеля, пѣхота лѣваго фланга парламентской арміи тоже разсѣяла роялистскую пѣхоту, имѣвшую съ нею дѣло, такъ что на этомъ флангѣ всѣ считали дѣло уже конченнымъ и думали, что имъ «остается только забирать плѣнныхъ и преслѣдовать бѣгущихъ».

Къ сожалѣнію, на другомъ флангѣ дѣло шло совсѣмъ не такъ гладко. Сэръ Томасъ Ферфаксъ напалъ на Горинга такъ же стремительно, какъ Кромвель на Руперта, и такъ же прорвалъ его ряды, но, увлекшись преслѣдованіемъ небольшой кучки непріятелей, былъ раненъ и чуть не попалъ въ ихъ руки, а тѣмъ временемъ Горингъ, съ главными своими силами, успѣлъ опрокинуть не только всѣ остальную кавалерію праваго фланга парламентской арміи, но и шотландскую пѣхоту. Этотъ критическій моментъ битвы описанъ очевидцемъ - роялистомъ. Разсказчикъ говоритъ, что бѣглецы съ обѣихъ сторонъ были такъ многочисленны и въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ихъ трудно было признать за людей. Арміи положительно перемѣшались другъ съ другомъ. Въ одномъ мѣстѣ группа шотланцевъ, не зная куда дѣваться, со слезами молилась Богу объ избавленіи отъ гибели; въ другомъ—остатки роты, состоявшія изъ четырехъ человѣкъ съ офицеромъ, свирѣпо дрались чуть ли не со своими же; тамъ—дрожащій и плачущій солдатъ старается уйти отъ опасности, здѣсь—пѣхотный офицеръ, едва выговаривая слова, спрашиваетъ дорогу въ ближайшую деревню. Вообще, если бы Горингъ сумѣлъ держать своихъ солдатъ въ рукахъ такъ, какъ дѣлалъ это Кромвель, то сраженіе при Марстонъ-Мурѣ могло бы окончиться иначе, чѣмъ кончилось въ дѣйствительности, такъ же какъ и битва при Нэзеби, случившаяся годомъ позднѣе, могла бы кончиться иначе, если бы Руперть обладалъ секретомъ Кромвеля. А секретъ этотъ былъ очень простъ и состоялъ въ неизмѣнномъ хладнокровіи и въ твердомъ поддержаніи дисциплины какъ между людьми, такъ и между лошадьми, которыхъ онъ пріучалъ не разскакиваться по сторонамъ, а держаться въ рядахъ.



Лордъ Горингъ.

(Съ миніатюры въ Виндзорскомъ дворцѣ).

Въ центрѣ пѣхота парламентской арміи была опрокинута роялистами, и только шот-

Digitized by Google

ландцы праваго фланга, тоже полуразбитые Горингомъ, упрямо продолжали держаться. Въ эту критическую минуту сраженіе казалось окончательно проиграннымъ парламентской арміей; ее спасли только стойкость шотландцевъ, энергія Кромвеля и мужество его соратниковъ. Часть шотландской пѣхоты и большинство англійской бѣжало, увлекая съ собою Ливена и старшаго Ферфакса. Болѣе храбрые ихъ товарищи продолжали еще отражать атаки Ньюкестля. А Кромвель, тѣмъ временемъ покончивъ съ Рупертомъ, заѣхалъ въ тылъ непріятельской арміи, до самаго ея лѣваго крыла, до того мѣста, гдѣ стоялъ Горингъ въ началѣ сраженія. «Здѣсь-то и рѣшилась судьба сраженія или, лучше сказать, королевства», говоритъ очевидецъ. Замѣтивъ маневръ Кромвеля, отрядъ Горинга бросилъ преслѣдованіе полуразбитаго праваго крыла парламентской арміи и устремился внизъ по склону холма отбивать свою позицію обратно.

На этотъ разъ, однако же, отряду Горинга пришлось имѣть дѣло съ Кромвелемъ, и атака его была столь же неудачна, какъ и атака Ферфакса, которою началось сраженіе на правомъ флонтѣ. Разсѣявъ отрядъ Горинга, Кромвель тотчасъ же, со всѣми своими силами, опрокинулся на центръ арміи Ньюкестля, атакуя его съ фронта и съ фланга. Занятый добиваніемъ центра парламентской арміи и увѣренный въ полной побѣдѣ роялистовъ. Ньюкестль долженъ былъ подумать о спасеніи своего собственнаго отряда. Этотъ геніальный маневръ Кромвеля, весьмо тщательно обсуждавшійся военными писателями, сравниваютъ обыкновенно съ атакой Зейдлица, который во главѣ пятитысячнаго отряда конницы доставилъ Фридриху Великому побѣду при Цорндорфѣ. «Наши три пѣхотныхъ бригады», говоритъ очевидецъ, «подъ начальствомъ графа Манчестера, поддерживаемыя конницей, бросились на ихъ пѣхоту и конницу такъ стремительно, съ такой храбростью, что онѣ быстро уступили и побѣжали, будучи не въ состояніи вынести самаго вида нашихъ войскъ. Трудно сказать, кто дрался лучше, пѣхота или конница. Генералъ-майоръ Лесли, видя, какъ мы вырвали побѣду изъ рукъ врага, не могъ нахвалиться нами и говорилъ, что во всей Европѣ нѣтъ лучшихъ солдатъ.» Къ десяти часамъ вечера все было кончено, и роялистская армія бѣжала въ полномъ безпорядкѣ.

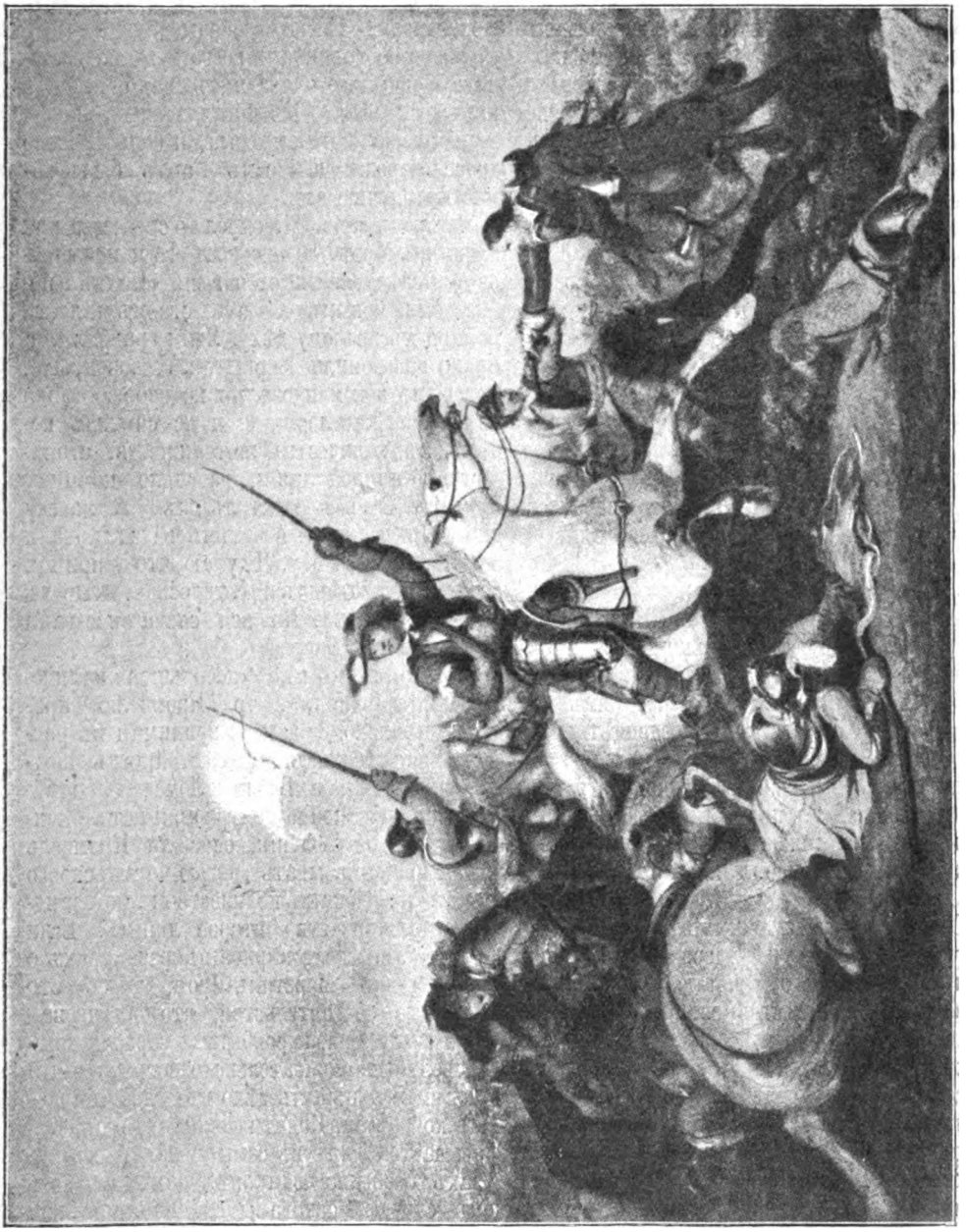
Ручей на Марстонъ-Мурѣ, около котораго была самая кровопролитная стычка.
(Рис. Пеннелля).

Между тѣмъ преждевременный слухъ о пораженіи парламентской арміи, возникшій въ первыя минуты сраженія, разнесся уже по странѣ, и три или четыре дня сряду, во всѣхъ роялистскихъ городахъ, побѣда праздновалась фейерверками и колокольнымъ звономъ. Эссексъ, стоявшій передъ Экзетеромъ, былъ такъ возмущенъ этимъ слухомъ, что тотчасъ же, по англійской привычкѣ, предложилъ непріятелю пари, при чемъ честнымъ словомъ обязывался сдать ему Веймаутъ и Мелькумбъ-Режисъ, если слухъ оправдается, но въ противномъ слу-

Digitized by Google

чаѣ требовалъ сдачи Экзетера. Пари, должно быть, не состоялось.

Въ битвѣ при Марстонъ-Мурѣ обѣ арміи выказали достаточно обыкновенной храбрости, но одинъ только Кромвель выдался настоящимъ талантомъ военачальника, энергіей и быстротой соображенія. Лордъ Манчестеръ часовъ въ одиннадцать ночи бросилъ по группамъ утомленныхъ воиновъ и извинялся передъ ними въ томъ, что не можетъ снабдить ихъ достаточнымъ количествомъ провіанта, обѣщая позаботиться объ этомъ на завтра. «Солдаты же единодушно славили Бога за побѣду и весело отвѣчали лорду, что готовы хоть и еще три дня поголодать, но дѣла своего не бросятъ.»



Сраженіе при Марстонъ-Мурѣ.
(Съ картины Купера).

Digitized by Google

Болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ пало въ этотъ день съ обѣихъ сторонъ. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ три тысячи изъ нихъ бодро шли въ битву, восклицая: «За Бога и короля!»; остальная тысяча столь же бодро восклицала: «Съ нами Богъ!» Обѣ стороны были увѣрены въ исключительномъ обладаніи благодатью Божіей, такъ же какъ за годъ передъ этимъ, въ битвѣ при Рокруа, передавшей побѣдные лавры изъ рукъ Испаніи въ руки Франціи, когда изъ сорока пяти тысячъ сражавшихся пало 8000 испанцевъ и 2000 французовъ. Разсказываютъ, что при Марстонъ-Мурѣ былъ убитъ одинъ ланкширскій сквайръ хорошей фамиліи. Жена его на другой день пришла на поле сраженія искать трупъ своего мужа. Какой-то офицеръ спросилъ, что ей нужно, и когда она разсказала ему въ чемъ дѣло, то онъ весьма нѣжно и сочувственно сталъ убѣждать ее отказаться отъ розысковъ, а затѣмъ самъ посадилъ ее на лошадь и послалъ солдата проводить ее домой. Прощаясь, она спросила имя офицера, при чемъ оказалось, что это былъ генералъ-лейтенантъ Оливеръ Кромвель.

Старикъ Ливенъ, главнокомандующій парламентской арміей, увлеченный бѣгущими людьми изъ ея центра, только вечеромъ, ложась спать, къ своей радости или, скорѣе, досадѣ, узналъ, что сраженіе было имъ выиграно. Если бы онъ могъ предвидѣть, что Фридрихъ Великій, сто лѣтъ спустя, тоже узнаетъ о своей первой побѣдѣ при Мольвицѣ на отдаленной мельницѣ, въ которую убѣжалъ съ поля сраженія, то это бы его, можетъ быть, утѣшило. Таковы превратности военнаго счастія.

Одинъ изъ побѣжденныхъ при Марстонъ-Мурѣ генераловъ не удержался отъ поступка, усилившаго угнетающее впечатлѣніе неудачи. Ньюкестль, сильно огорченный при видѣ разсѣянія войска, которое онъ съ такимъ трудомъ собиралъ, и боясь, вѣроятно, насмѣшекъ при дворѣ, поспѣшилъ бѣжать вмѣстѣ съ кучкой своихъ приближенныхъ. Сѣвъ въ Скорборо на судно, онъ уѣхалъ на континентъ, гдѣ и пробылъ до Реставраціи. Ньюкестль былъ очень образованный человѣкъ, покровитель поэтовъ, какъ хорошихъ, въ родѣ Драйдена, такъ и плохихъ, въ родѣ Чадуэлля. Онъ даже самъ писалъ комедіи, пропитанныя, по словамъ его жены, сатирическимъ духомъ. Въ Парижѣ онъ водилъ знакомство съ такими людьми, какъ Гоббсъ и Декартъ.

Одинъ мудрый италіанецъ, извѣстный Гвиччіардини, умершій за сто лѣтъ передъ тѣмъ, говорилъ что, самый худшій недостатокъ въ государственномъ человѣкѣ есть легкомысліе. «Легкомысленные люди всегда служатъ проводниками всего дурного, опаснаго и вреднаго; отъ нихъ надо бѣжать какъ отъ огня.» Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Ньюкестль, и большинство друзей короля, да и самъ Карлъ былъ немногимъ лучше ихъ.

Разсказъ самого Кромвеля о сраженіи при Марстонъ-Мурѣ весьма кратокъ и исчерпывается слѣдующими строками: «Полная побѣда была новымъ доказательствомъ милости Божіей къ правому дѣлу. Мы не разбили, а прямо разгромили непріятеля. Лѣвое крыло, которымъ я командовалъ и которое состояло изъ нашей кавалеріи, если не считать небольшого количества шотландцевъ, стоявшихъ во второй линіи, разсѣяло конницу Руперта; Богъ превратилъ ихъ въ жатву для нашихъ мечей. А затѣмъ мы атаковали и смяли ихъ пѣхоту. Я думаю, что у принца изъ двадцати тысячъ не осталось и четырехъ тысячъ человѣкъ. Но вся слава все-таки принадлежитъ Богу.»

Однако, если бы не «небольшое количество шотландцевъ», то Кромвелю пришлось бы плохо. Даже и не принимая въ расчетъ, насколько упрямая стойкость шотландскихъ полковъ Бейли и Ломсдена содѣйствовала сохраненію центра арміи отъ окончательнаго истребленія, едва ли Кромвель имѣлъ право называть третью часть своего отряда «небольшимъ количествомъ шотландцевъ, стоявшихъ во второй линіи». Если есть что-либо достовѣрное въ разсказахъ о сраженіи при Марстонъ-Мурѣ, такъ это именно то обстоятельство, что фланговая атака Лесли спасла разбитыхъ соратниковъ Кромвеля отъ окончательнаго истребленія и помогла имъ рѣшить дѣло въ пользу парламентской арміи. Политическій антагонизмъ сказывается даже въ самыхъ крупныхъ натурахъ, особенно если онѣ, какъ въ данномъ случаѣ, основаны на національной антипатіи. Кромвеля извиняетъ лишь то, что вышеприведенныя строки онъ писалъ не въ оффиціальной реляціи, а въ частномъ письмѣ, отъ котораго нельзя и ожидать особой точности. Если бы онъ отдалъ пол-

Digitized by Google

ную справедливость заслугамъ шотландцевъ, то и тогда на его долю осталась бы еще много славы. Такъ именно и высказалось общественное мнѣніе, когда борьба партій улеглась.

XIII.

Вестминстерское собраніе.

Изучая перипетіи междоусобной войны, не будемъ забывать, что рядомъ съ нею шло развитіе религіозныхъ идей, въ высшей степени важныхъ для исторіи человѣчества. Торжественная Лига, Ковенантъ 1643 г. и выступленіе шотландцевъ на арену политической борьбы оживили интересъ къ религіи и замѣчательнымъ образомъ видоизмѣнили положеніе политическихъ партій. Мы уже видѣли, какъ за годъ до поднятія королевскаго штандарта парламентъ распался на роялистовъ съ одной стороны и противниковъ епископата съ другой. Теперь совершилось дальнѣйшее его распаденіе. Во время каждой войны, какъ извѣстно, неминуемо образуется партія мира, хотя бы потому только, что люди вообще склонны распадаться на партіи. Такая партія образовалась и въ парламентѣ, а къ концу того года, въ которомъ происходило Марстонъ-Мурское сраженіе, она раздѣлилась на сторонниковъ мира во что бы то ни стало и сторонниковъ мира почетнаго, заключеннаго тогда, когда военныя дѣйствія приведутъ къ намѣченнымъ цѣлямъ. Это политическое дѣленіе совпало и съ религіознымъ; пресвитеріане образовали первую фракцію, а индепенденты—послѣднюю. Среди индепендентовъ Кромвель, благодаря своей энергіи и военнымъ успѣхамъ, тотчасъ же сдѣлался самой выдающейся фигурой. Когда именно Кромвель сталъ раздѣлять мнѣнія индепендентовъ относительно устройства церкви—сказать трудно. Онъ долго (до февраля 1644 г.) не подписывался подъ пресвитеріанскимъ Ковенантомъ, да и въ позднѣйшіе годы относился къ вопросу объ устройствѣ церкви такъ же равнодушно, какъ къ различнымъ предложеніямъ о перестройкѣ конституціи или къ условіямъ мира, которые король безпрестанно видоизмѣнялъ. Все это казалось ему и скучнымъ и безплоднымъ. Кромвель стоялъ противъ проскрипціи, но по причинамъ политическимъ, а не изъ привязанности къ идеѣ свободной церкви. Онъ снисходительно относился къ фанатикамъ всякаго сорта, такъ какъ энтузіазмъ, даже фанатизмъ въ лучшей ихъ формѣ служили основою его собственнаго характера и даже въ худшей формѣ могли только содѣйствовать его политикѣ. Короче, Кромвель былъ практикъ, въ томъ смыслѣ, что оцѣнивалъ всякую мѣру прежде всего съ точки зрѣнія приложимости ея къ какому-нибудь практическому дѣлу. Между тѣмъ люди, даже не любившіе индепендентовъ, не могли не видѣть, что ихъ программа—самая практичная, а въ то же время и самая энергичная, тогда какъ пре-

Джонъ Мильтонъ.
(Съ миніатюры, находящейся въ Монтегю-Хаузѣ).

свитеріане стояли за всякіе компромиссы во имя мира. Одного этого было достаточно, чтобы Кромвель сталъ на сторону индепендентовъ, тѣмъ болѣе что именно они-то его и выдвинули. Еще за три мѣсяца до Марстонъ-Мура Кромвель считался уже «великимъ индепендентомъ».

Одновременно съ Кромвелемъ вступилъ на тотъ же путь, но только въ сферѣ идеаловъ, интиллектъ гораздо высшій. Въ концѣ 1644 г. вышли въ свѣтъ «Areopagitica», въ которыхъ Мильтонъ, рядомъ съ благородными мыслями относительно свободы и другихъ высокихъ предметовъ, высказываетъ свое полное равно-

Digitized by Google

душіе какъ къ пресвитерамъ, такъ и къ епископамъ, полагая, что они не далеко ушли другъ отъ друга и совершенно одинаково относятся къ искреннему исканію правды.

Да и не въ однихъ только высшихъ умахъ совершился такой переворотъ, уничтожившій границы прежнихъ религіозныхъ и политическихъ партій. Большинство народонаселенія какъ въ котлѣ кипѣло, вырабатывая новыя понятія, новый строй жизни. Пламя фанатизма, столь несвойственное англійскому характеру и никогда, ни прежде ни послѣ, до такой степени имъ не овладѣвавшее, охватило всю Англію. Религіозные и политическіе споры велись съ такой грубостью и рѣзкостью, которыя не уступали средневѣковой манерѣ спорить. Изъ устъ пуританскихъ проповѣдниковъ текли рѣчи, напоминавшія іезуитскихъ полемистовъ добраго стараго времени. Бертонъ, въ своей знаменитой проповѣди, за которую онъ потерпѣлъ такое варварское наказаніе, называетъ епископовъ іезуитскими полипрагматиками, антихристовыми мухоморами, нѣмыми собаками, бѣшеными волками, грабителями душъ, негодяями. Даже величественный геній Мильтона не устоялъ противъ духа времени. По мѣрѣ возрастанія затрудненій грубость становилась жестокостью. Пуританскій фанатизмъ ни въ чемъ не уступалъ фанатизму средневѣковыхъ испанскихъ монаховъ или поклонниковъ Ислама. Самыя молитвы стали напоминать скорѣе брань или какія-то нахальныя требованія, чѣмъ просьбу. Когда казнили Монтроза, онъ отказался отъ предложенія пресвитеріанскихъ священниковъ помолиться за него, потому что зналъ, какова будетъ эта молитва, зналъ, что они прочтутъ надъ нимъ слѣдующее: «Боже! Соблаговоли тронуть огрубѣлое сердце этого гордаго, неисправимаго грѣшника, этого порочнаго, низкаго, подлаго человѣка, который отказывается подчиниться голосу твоей Церкви!» Наступилъ день гнѣва, и завѣты милосердія были позабыты.

Вся страна волновалась. Мильтонъ краснорѣчиво описываетъ намъ Лондонъ тогдашняго времени (1644), стоявшій въ сторонѣ отъ вооруженной борьбы, какъ какую-то лабораторію, въ которой одни выковывали оружіе, а другіе—идеи, тогда какъ третьи готовились прилагать къ дѣлу то и другое. Споры, разговоры, безпрестанная смѣна идеаловъ, зависящая отъ усиленной ихъ разработки,—все это отвлекало людей отъ обычныхъ занятій и превращало торговый городъ въ какой-то не то монастырь, не то академію. «Едва ли проходитъ хоть одинъ день», говоритъ намъ наблюдатель противоположнаго Мильтону направленія, «безъ того, чтобы не появилось какое-нибудь новое мнѣніе, привлекавшее къ себѣ всеобщій интересъ на одинъ, много на два дня. Кто потерялъ религію—пусть пріѣдетъ въ Лондонъ, и я ручаюсь, что онъ найдетъ себѣ подходящую, а человѣкъ религіозный, несомнѣнно, потеряетъ и то, что имѣлъ.» Сторонники однообразія въ религіи трепетали, говоритъ Бакстеръ; проповѣдь свободы совѣсти, свободы самому составлять себѣ религіозныя мнѣнія и набирать прозелитовъ, раздавалась громче, чѣмъ споры о баптизмѣ и антиноміанизмѣ. Всѣ эти споры, всѣ религіозныя разногласія какъ въ фокусѣ отразились въ Вестминстерскомъ собраніи духовенства.

Этотъ единственный протестантскій соборъ, имѣвшій мѣсто на англійской почвѣ, по многимъ причинамъ стоитъ на заднемъ планѣ въ главной исторіи, но онъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою немаловажное явленіе въ нашей борьбѣ между духовной и свѣтской властями и немаловажную главу въ исторіи Реформаціи вообще. Вопросы, его занимавшіе, потеряли теперь всякій интересъ или, лучше сказать, значительно измѣнили свой видъ, благодаря постоянному движенію человѣческой мысли впередъ; но при встрѣчѣ съ ними, при ближайшемъ разсмотрѣніи тѣхъ отжившихъ формъ, въ которыхъ когда-то проявлялась живая вѣра, мы гораздо глубже вникаемъ въ душу, гораздо лучше понимаемъ мотивы тогдашнихъ людей, чѣмъ при разсмотрѣніи однихъ только политическихъ ихъ убѣжденій или преній парламента. При пуританскомъ строѣ души и жизни земное гражданство играетъ роль второстепенную по сравненію съ мистическимъ гражданствомъ во градѣ Божіемъ—civitas Dei. Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ разгадка страстнаго отношенія пуританъ къ вопросамъ, которые насъ совсѣмъ не интересуютъ. Не нужно также забывать коренного свойства нетерпимости—вопреки пословицѣ, всякую ошибку считать грѣхомъ, да еще смертнымъ.

Въ первый годъ сессіи Долгаго Парламента всѣ мечтали о собраніи синода изъ благочестивыхъ, ученыхъ и справедливыхъ пред-

Digitized by Google

ставителей духовенства, какъ мѣстнаго, такъ и иностраннаго, для обсужденія всего строя англійской церкви. Такой синодъ собранъ былъ, однако же, по распоряженію парламента, не ранѣе лѣта 1643 года. Номинально онъ долженъ былъ состоять изъ ста пятидесяти членовъ, включая епископовъ, десять свѣтскихъ пэровъ и двадцать представителей палаты общинъ. На дѣлѣ же епископамъ къ тому времени былъ уничтоженъ, англиканскіе священники не явились или быстро отказались отъ участія, изъ свѣтскихъ членовъ остался только одинъ Сельденъ, и синодъ оставался изъ семидесяти духовныхъ лицъ, преимущественно пресвитеріанъ и, во во всякомъ случаѣ, кальвинистовъ. За уничтоженіемъ епископата, главный вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію духовнаго собранія состоялъ въ томъ, какое устройство дать англійской церкви.

Духовное собраніе 1643 г. было учрежденіемъ, чисто консультативнымъ, потому что парламентъ, не менѣе Генриха VIII или Елизаветы, боялся выпустить духовенство изъ-подъ своего контроля. Создавъ такой совѣщательный органъ, палата общинъ оставила за собою право слѣдить за его дѣятельностью и санкціонировать его рѣшенія, безъ этой санкціи недѣйствительныя.

Первое засѣданіе духовнаго собранія (1 іюля 1643 г.) состоялось въ капеллѣ Генриха VII, но послѣ, когда погода стала холоднѣе, засѣданія были перенесены, въ, такъ называемую, Іерусалимскую комнату—старинный уголокъ Вестминстера, въ которомъ всякій, склонный къ мечтамъ о временахъ прошедшихъ, можетъ найти многое, вызывающее на воспоминанія, изъ коихъ соборъ 1643 г. долженъ занимать не послѣднее мѣсто. Въ теченіе пяти съ половиною лѣтъ собраніе имѣло въ этой комнатѣ болѣе тысячи засѣданій, происходившихъ пять разъ въ недѣлю и продолжавшихся съ девяти часовъ утра до двухъ пополудни. Каждый членъ получалъ по четыре шиллинга въ день и штрафовался шестью пенсами, если опаздывалъ къ общей молитвѣ въ половинѣ девятаго. Нерѣдко, въ постные дни, все засѣданіе, продолжавшееся тогда отъ девяти до пяти часовъ, проходило въ молитвахъ. «Послѣ того, какъ докторъ Туиссъ прочелъ краткую молитву, мистеръ Маршалль въ высшей степени благочестиво читалъ длинную молитву въ теченіе двухъ часовъ. Потомъ мистеръ Арроусмитъ говорилъ проповѣдь, продолжавшуюся около часа, вслѣдъ за которою былъ пропѣтъ псаломъ. Затѣмъ мистеръ Войнсъ два часа читалъ молитвы, мистеръ Пальмеръ говорилъ проповѣдь въ теченіе часа, мистеръ Сименъ читалъ молитвы два часа, и былъ спѣтъ еще одинъ псаломъ. Подъ конецъ мистеръ Хендерсонъ занялъ собраніе краткой, но прекрасной рѣчью о публичномъ покаяніи и другихъ видимыхъ заблужденіяхъ, а также о необходимости проповѣдывать противъ

Вильямъ Лодъ, архіепископъ Кентерберійскій.
(Съ портрета Ванъ-Дейка).

еретическихъ сектъ, въ особенности противъ баптистовъ и антиноміанцевъ.»

Пренія въ собраніи происходили по обычнымъ парламентскимъ правиламъ. Ораторы произносили очень длинныя и ученыя рѣчи,— говоритъ Бейли,— приготовляясь къ нимъ заранѣе подробнымъ изученіемъ вопросовъ; «но иногда рѣчи говорились весьма многими экспромптомъ, и такъ хорошо, что я удивлялся». Но все же, онъ говоритъ, духовное собраніе перещеголяло многоглаголаніемъ даже Трентскій соборъ—и это въ такое время, когда все королевство было потрясено междоусобной войною. Духовенство знало, прибавляетъ Бейли, что на немъ лежитъ обязанность выработать схему культа на предбудущія времена, а потому занималось своимъ

Digitized by Google

дѣломъ, не спѣша и серіозно вдумываясь въ малѣйшія подробности.

Много было на собраніи ученыхъ богослововъ, но не нашлось между ними ни одного выдающагося государственнаго человѣка, такого, который бы понималъ основы вѣры и государственности, зналъ человѣка и его душу. Между членами почтенной коллегіи не встрѣтилось ни Кальвина, ни Нокса, ни Уэсли, ни Чомерса. Самый замѣтный изъ нихъ—Александръ Хендерсонъ, обладавшій даромъ убѣжденія и прекрасный полемистъ, былъ лишенъ, однако же, дѣятельной энергіи и неспособенъ руководить людьми. Современные правовѣрные пресвитеріане съ неудовольствіемъ отвертываются отъ многоглаголанія отцовъ Вестминстерскаго собранія. Эта безплодная словесная гимнастика не выдвинула ни одного атлета. Она ничего не прибавила къ твердымъ и яснымъ доктринамъ кальвинизма и ни въ какомъ отношеніи ихъ не развила. Перелистывая протоколы засѣданій собранія, изданные Лайтфутомъ, начинаешь понимать, почему семнадцатое столѣтіе называется средними вѣками протестантизма. Какъ средневѣковые схоластики разсуждали о безсмертіи души и началѣ всѣхъ началъ, такъ отцы Вестминстерскаго собранія разсуждаютъ о предопредѣленіи, оправданіи, благодати, репробаціи и прочихъ богословскихъ тонкостяхъ, безъ всякаго отношенія къ жизни и при помощи однихъ только риторическихъ ухищреній.

Самыми важными вопросами, подлежавшими рѣшенію Вестминстерскаго собранія были вопросы о единствѣ церкви и терпимости, и они были подробно разсмотрѣны, но не съ принципіальной точки зрѣнія, а съ чисто-практической. Должно ли государство принять какую-нибудь одну форму культа и церковнаго устройства? Можетъ ли оно терпѣть другія формы, и при томъ всѣ или лишь нѣкоторыя? Вотъ каковы были эти вопросы. Пресвитеріанское большинство собранія отвѣтило на нихъ такъ же, какъ могъ бы отвѣтить архіепископъ Лодъ или самъ папа: одна церковь, одинъ культъ и никакого другого. Ковенантерское однообразіе было идеаломъ собранія, относившагося съ одинаковымъ отвращеніемъ и къ папизму и къ чистому протестантизму.

Но вотъ тутъ-то Кромвель возсталъ противъ рѣшенія большинства Собранія. Пользуясь авторитетомъ, завоеваннымъ при Марстонъ-Мурѣ, онъ успѣлъ провести въ парламентѣ (въ сентябрѣ 1644 г.) переходъ къ очереднымъ дѣламъ, рекомендующій собранію компромиссъ между партіями, благодаря которому единство церкви не устраняло бы терпимости. Рекомендація эта, однако же, осталась мертвой буквой.

Помимо пресвитеріанской и индепендентской партіи, въ числѣ членовъ собранія были также эрастіанцы, то-есть послѣдователи швейцарца Томаса Эрастуса, врача и духовнаго одновременно, внесшіе тоже не малую смуту въ обсужденіе вопросовъ о строѣ церкви. Эти люди стояли за подчиненіе церкви государству, за право гражданскихъ властей вмѣшиваться въ церковные интересы и за ограниченіе дѣятельности духовенства однимъ только духовнымъ воздѣйствіемъ на паству—проповѣдями. Никакая другая доктрина не могла быть до такой степени противна пресвитеріанамъ, наравнѣ съ католиками стремившимся подчинить государство церкви.

Съ эрастіанцами, присоединившимися къ индепендентскому меньшинству, пришлось, однако же, считаться. Меньшинство это настаивало на томъ, что не только преобладаніе единой церкви, но даже и полная ея самостоятельность окажется вредною для государства, такъ что церковь, въ концѣ концовъ, можетъ стать врагомъ гражданской свободы. Сельденъ употребилъ всю свою энергію и все искусство на поддержаніе этого взгляда, со справедливостью котораго не могли не согласиться благоразумнѣйшіе изъ религіозныхъ фанатиковъ, понимавшіе все-таки, что нельзя же свѣтскую власть совсѣмъ свести къ нулю. Рознь между членами собранія, такимъ образомъ, еще усилилась и къ 1645 году стала совершенно несогласимой,—никакіе компромиссы оказались невозможными.

Вообще дебаты въ различныхъ собраніяхъ всегда только обостряютъ партійную рознь. «Чего не дѣлаетъ тщеславіе», восклицаетъ Бакстеръ, «и до какихъ крайностей не доводитъ споръ!» Благоразумныхъ примирителей, провозглашавшихъ единство въ общемъ строѣ церкви, свободу—въ его подробностяхъ и снисходительность—повсюду, никто не хотѣлъ слушать. А въ результатѣ, вмѣсто примиренія на золотой серединѣ, основанной на терпимости, вышла открытая

Digitized by Google

борьба рѣзко очерченныхъ фанатизмовъ, перенесенная потомъ изъ собранія въ армію и погубившая какъ пресвитеріанъ, такъ и индепендентовъ.

Намъ нѣтъ нужды слѣдить за всѣми перипетіями идейной борьбы, происходившей на почвѣ религіи и политики, указывая на всѣ ея непослѣдовательности. Достаточно будетъ указать на одну изъ нихъ. Въ то время, когда пресвитеріанство, сражавшееся противъ фанатическаго деспотизма католичества или епископовъ, праздновало свою побѣду въ Іерусалимской комнатѣ, нѣкто, погубившій свою церковь фанатическимъ за нее ратованіемъ, былъ взведенъ на эшафотъ во имя фанатизма церкви, которую преслѣдовалъ. Казнь архіепископа Лода (10 января 1645 г.) служитъ лучшей иллюстраціей жестокихъ нравовъ того времени. Лоду было уже болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду. Пять лѣтъ онъ содержался подъ замкомъ въ Тоуэрѣ. Когти у него были, значитъ, обрѣзаны, и если бы онъ когда-нибудь попалъ опять во власть, что могло бы случиться только при возвращеніи стараго режима, то большого зла надѣлать бы не успѣлъ. Его казнь, стало быть, не оправдывалась ни политической необходимостью, какъ казнь Карла I; ни заботою о предупрежденіи злоупотребленія властью съ его стороны, какъ казнь Страффорда; ни даже простымъ порывомъ мести, такъ какъ послѣднему изъ совершенныхъ имъ преступныхъ дѣеній, наступила уже семилѣтняя давность. Это была простая жестокость фанатически настроенныхъ пресвитеріанъ. Намъ нѣтъ надобности повторять словъ д-ра Джонсона о копытѣ революціи, лягающей лежачаго, и о геніи, который плачетъ на гробницѣ послѣдняго; срывая романтическую маску съ Кавалеровъ, мы не должны щадить и ореола святости Круглоголовыхъ.

Въ январѣ 1645 года парламентъ окончательно принялъ пресвитеріанское устройство церкви въ замѣну епископальнаго, но въ дѣйствительности это устройство было введено только въ мартѣ 1646 года.

Въ январѣ 1645 года было принято Вестминстерское Исповѣданіе Вѣры, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя употребленіе прежняго молитвенника, даже въ частныхъ домахъ, сдѣлалось преступнымъ и наказуемымъ по закону.

Осенью 1646 года епископатъ былъ окончательно уничтоженъ и церковныя земли проданы въ пользу государства. Единообразіе церкви, зародившееся въ Шотландіи и послужившее основаніемъ Торжественной Лигѣ и Ковенанту, номинально введено было на всемъ островѣ. Но только номинально. Скоро оказалось, что оторвать Англію отъ ея исторія, какъ политической, такъ и церковной, можно лишь на словахъ, а не на дѣлѣ.

Лордъ Томасъ Ферфаксъ.

(Съ миніатюры, находящейся въ Виндзорскомъ дворцѣ).

Конецъ 1646 года отцы Вестминстерскаго собранія провели въ разработкѣ подробностей своего Исповѣданія Вѣры. Не соглашаясь съ мнѣніемъ епископа Холля о томъ, что самой полезной изъ богословскихъ книгъ была бы та, которая носитъ заглавіе: «De paucitate credendorum» (О незначительности количества положеній, которыя могутъ быть приняты на вѣру), они хотя и потратили много времени на дебаты относительно Провидѣнія, искупленія, Ковенанта, оправда-

Digitized by Google

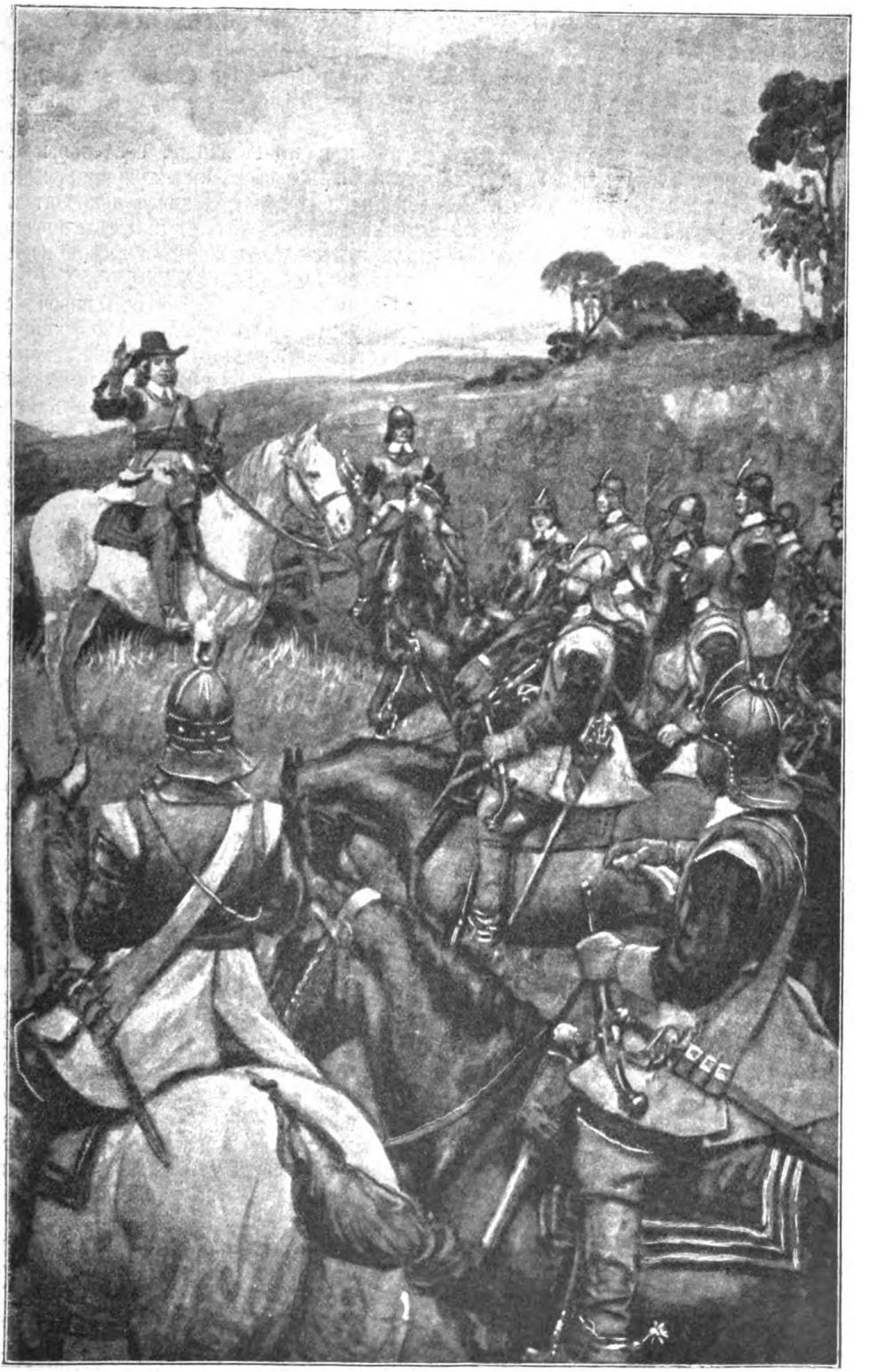
нія, свободы воли, настойчивости въ добрѣ, и проч., но въ концѣ концовъ все-таки сошлись по поводу этихъ тонкостей. Одинъ только жгучій вопросъ о терпимости оставался нерѣшеннымъ и попрежнему дѣлилъ членовъ собранія на два враждебныхъ лагеря. Еще въ ноябрѣ 1645 года инденденденты потребовали терпимости не только къ самимъ себѣ, но и ко всякимъ другимъ сектамъ, которыя размножались съ каждымъ годомъ. Пресвитеріане ужасались при видѣ этого размноженія. По ихъ словамъ, никогда въ исторіи христіанской церкви не бывало такого соблазна. А между тѣмъ соблазнъ росъ, и въ союзѣ съ эрастіанцами сектанты разныхъ толковъ старались склонить парламентъ къ отмѣнѣ того единства, которое, по мнѣнію пресвитеріанъ, одно только могло устранить скандальный раздоръ въ средѣ церкви.

Но пресвитеріанство къ тому времени перестало находить себѣ поддержку въ странѣ. Странное дѣло—Вестминстерское собраніе, созванное англійскимъ парламентомъ на англійской почвѣ и состоявшее изъ представителей англійскаго духовенства, оказалось работавшимъ исключительно для Шотландіи. Почему пресвитеріанство, одно время покорившее себѣ много выдающихся умовъ въ Англіи, такъ быстро потеряло свой престижъ и оказалось не имѣющимъ корней въ этой странѣ,—вопросъ, нерѣшенный и заслуживающій большого вниманія; но, тѣмъ не менѣе, какъ Исповѣданіе Вѣры, такъ и всѣ доктрины, всѣ формы культа и церковнаго устройства, выработанные въ Вестминстерѣ и ратификованные англійскимъ парламентомъ, оказались приложимыми только къ Шотландіи и къ тѣмъ группамъ пресвитеріанскихъ церквей, которыя разбросаны по всему міру, а отнюдь не къ Англіи. Шотландское крестьянство, равно какъ и вышеозначенныя группы церквей, до сихъ поръ держатся и краткаго катехизиса и церковнаго устройства, выработанныхъ въ Вестминстерѣ, вѣроятно, благодаря строго демократическому своему строю, вполнѣ гармонирующему съ пресвитеріанскими принципами. Вообще эти принципы, окончательно выработанные Вестминстерскимъ собраніемъ, являются самымъ прочнымъ изъ дѣлъ Долгаго Парламента, по иниціативѣ котораго они были разработаны и провозглашены.

Терпимость, между тѣмъ, послужила яблокомъ раздора между партіями, а Кромвель раздулъ этотъ раздоръ насколько могъ. За длиннымъ рядомъ пререканій относительно догматовъ, въ которые человѣкъ долженъ вѣрить, въ Англіи, какъ и повсюду, послѣдовалъ такой же рядъ пререканій относительно того, какъ быть съ людьми, которые вѣруютъ иначе. Какова должна быть форма устройства церкви—епископатъ, пресвитеріанство, индепендентство? Какова должна быть юрисдикція епископа или синода по отношенію къ диссидентамъ, къ ихъ имуществу, свободѣ, жизни? Должно ли государство признать одну какую-нибудь форму культа обязательной для всѣхъ гражданъ, или покровительствовать одному культу, не стѣсняя остальныхъ, или, наконецъ, совсѣмъ не вмѣшиваться въ дѣла вѣры, предоставляя всякому свободный выборъ между культами? Должно ли государство наказывать за отступленіе отъ господствующей церкви или за насильственное принужденіе къ участію въ ней?

Всѣ эти вопросы возникли уже при самомъ началѣ Реформаціи. Изъ перемѣнъ въ направленіи человѣческой мысли отказъ отъ религіознаго единообразія является самой замѣчательной. Дѣленіе церкви на секты теперь считается такимъ же естественнымъ дѣломъ, какимъ прежде считалось стремленіе къ ея единству, хотя бы насильственному. Терпимость стала общимъ мѣстомъ, провозглашаемымъ иногда изъ равнодушія къ религіи, иногда изъ признанія безплодности борьбы, но основаннымъ все же на твердой увѣренности въ томъ, что совѣсть должна быть свободна. Во время Реформаціи дѣло обстояло иначе. Одинаковость вѣрованій въ религіозныя истины казалась тогда столь же естественной, какъ въ наши времена кажется одинаковость понятія о законѣ тяготѣнія. Реформаторы отказались отъ папы и разорвали традиціи только для того, чтобы на ихъ мѣстѣ поставить открытую Библію, оспаривать которую было такимъ же бунтомъ противъ Неба, какъ прежде — оспаривать папу. И это было вполнѣ естественно,—вся истина считалась заключенной въ одной книгѣ. Всѣ основы вѣры, всѣ ея формы, вся исторія отношеній Творца къ творенію, весь Его Промыселъ, всѣ правила, устраивающія Его церковь—все это можно было найти въ Библіи. Реформаторы гнались не за тѣмъ, чтобы пробудить индивидуальную совѣсть

Digitized by Google



Кромвель обучаетъ свой отрядъ.
(Рис Педжета).

Digitized by Google

къ самостоятельной дѣятельности, а только за тѣмъ, чтобы очистить отъ всякаго хлама единственный, для всѣхъ обязательный источникъ истины, неизсякаемый родникъ духовной жизни.

Но для государственныхъ людей при этомъ возникало непобѣдимое, практическое затрудненіе. Какимъ образомъ примирить систему, основанную на правахъ индивидуальной совѣсти и индивидуальнаго разума, съ обязательнымъ единствомъ, обязательнымъ подчиненіемъ признанному авторитету? Кальвинъ на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности, въ Женевѣ, встрѣтился съ этимъ затрудненіемъ. Въ 1544 году онъ принужденъ былъ отказать въ санѣ пастора Кастельону, не признававшему каноническаго значенія за Пѣснью Пѣсней Соломона. Но это было лишь начало. Дѣло Кастельона обсуждалось весьма сдержанно, и отказъ ему былъ сдѣланъ, скрѣпя сердце. А черезъ девять лѣтъ Кальвинъ уже требовалъ содѣйствія свѣтской власти при искорененіи ересей, и такое содѣйствіе было возведено въ принципъ. Угрюмая толпа женевцевъ безучастно смотрѣла на муки несчастнаго Сервэ и слушала его стоны, сквозь пламя и дымъ костра возносившіеся къ престолу Всевышняго. Мрачный духъ кальвинизма былъ перенесенъ Ноксомъ въ Шотландію, а потомъ, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, заразилъ отцовъ, собиравшихся въ Іерусалимской комнатѣ.

Религіозная терпимость не была новостью даже и тогда. Свободомыслящіе люди, въ родѣ Мора въ Англіи и Лопиталя во Франціи, прожили не даромъ. Теоретически вопросъ этотъ давно уже разсматривался, и хотя Бэконъ никогда не возводилъ его на степень политической догмы, но любовь великаго ученаго къ истинѣ, къ знанію не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно пути, который бы онъ избралъ, будучи поставленъ въ необходимость рѣшать вопросъ практически. Не слѣдуетъ забывать, между прочимъ, что вѣкъ Кромвеля былъ вѣкомъ Декарта и Гроція,—людей, глубокія и всеобъемлющія идеи которыхъ, прямо и косвенно, содѣйствовали образованію атмосферы свободы и мира, благопріятствующей развитію вѣротерпимости. Не говоря уже о прочихъ великихъ умахъ эпохи, одной ироніи Монтэня было достаточно для того, чтобы оцѣнить по достоинству горькій урокъ, преподанный человѣчеству продолжительными религіозными смутами и кровопролитной борьбой католиковъ съ гугенотами. Помимо книжныхъ теорій, Вестминстерскіе пресвитеріане и на практикѣ могли видѣть, во Франціи и въ Голландіи, оба соперничествующія вѣроисповѣданія стоящими рядомъ и одинаково пользующимися покровительствомъ государства. Какъ разъ въ это время пять протестантовъ занимали высокіе посты маршаловъ Франціи.

Нантскій эдиктъ (1598—1685), впрочемъ, играющій такую важную роль во французской исторіи, былъ, въ сущности, скорѣе практически неизбѣжнымъ соглашеніемъ между враждующими партіями, чѣмъ проявленіемъ отвлеченной доктрины вѣротерпимости. Ни духовенство, ни народъ, въ душѣ, не могли съ нимъ примириться. Въ самый разгаръ его господства ни католическій епископъ, ни протестанскій пасторъ, подъ страхомъ потери своего вліянія на паству, не осмѣлились бы публично проводить идеи вѣротерпимости по отношенію къ враждебному вѣроисповѣданію и въ своихъ проповѣдяхъ взаимно величали другъ друга не иначе, какъ «разрушителями душъ», «вавилонскими блудницами», «тенетами діавола» и проч. Писатели тщетно настаивали на томъ, что только государство можетъ опираться на силу, а церковь должна дѣйствовать убѣжденіемъ,—послѣдняя долго не рѣшалась отказаться отъ насильственныхъ дѣйствій. Да и надо признаться, что, какъ ни просто кажется, съ перваго взгляда, понятіе о вѣротерпимости, но на самомъ дѣлѣ оно принадлежитъ къ числу сложнѣйшихъ и неразрѣшимѣйшихъ задачъ, какъ для мыслителя, такъ и для дѣятеля. До тѣхъ поръ, пока народы внутренно, душевно, не подготовлены къ его воспріятію, государственный человѣкъ, отвѣтственный за поддержаніе порядка, поневолѣ задумается передъ введеніемъ системы, при которой члены враждующихъ вѣроисповѣданій, того гляди, бросятся душить другъ друга, какъ католики и гугеноты во Франціи или испанцы и бегарды въ Голландіи.

Какъ бы то ни было, религіозная свобода господствовала во Франціи уже тогда, когда въ Англіи о ней только спорили. Но не примѣръ Франціи заставилъ Англію задуматься о терпимости, а свои домашнія дѣла. Еще въ началѣ столѣтія религіозныя секты Хельвисса, Бюшера, Броуна, теперь совер-

Digitized by Google

шенно позабытыя, добивались признанія свободы совѣсти, а затѣмъ раздалась, по тому же поводу, могучая рѣчь Роджера Вильямса. Наконецъ, идеи и практика вѣротерпимости въ Амстердамѣ и Лейденѣ, подкрѣпивъ примѣромъ доказательства домашнихъ сторонниковъ свободы совѣсти, значительно содѣйствовали развитію политической школы, проникнутой этимъ принципомъ.

Католическая идея единства церкви и однообразія церковнаго устройства съ большимъ трудомъ, однако же, и весьма медленно распадалась. Ереси были черезчуръ рѣзки, чтобы не бросаться въ глаза, но протестанты не могли съ ними примириться, оплакивали ихъ и сваливали на Римъ отвѣтственность за ихъ образованіе. Одно время явилась даже мысль о соединеніи всѣхъ протестантскихъ сектъ въ одну общую, допускающую мелкія различія церковь.

Границы терпимости были непоколебимо и окончательно установлены Долгимъ Парламентомъ еще въ медовый мѣсяцъ его существованія. Что касается католиковъ, то Карлъ стоялъ за терпимость къ нимъ, а пуритане — за усиленіе репрессіи. Но впослѣдствіи, когда протестантскія секты размножились, то вопросъ о терпимости сталъ значительно сложнѣе, и одна школа пуританъ начала относиться къ другой совершенно такъ же, какъ обѣ прежде относились къ папизму. Даже въ Великой Ремонстранціи— въ этомъ протестѣ во имя свободы совѣсти— авторы заявляютъ, что не намѣрены ослаблять дисциплину въ церкви, дозволяя частнымъ людямъ или отдѣльнымъ конгрегаціямъ совершать богослуженіе, какъ имъ вздумается,—«такъ какъ мы признаемъ», продолжаютъ они, «что вся страна должна подчиняться тому порядку, который установленъ законами, согласующимися со Словомъ Божіимъ». Вступленіе индепендентовъ во власть сдѣлало вѣротерпимость партійнымъ вопросомъ и даже дало ему преимущество передъ прочими.

Геній Мильтона успѣлъ выполнить благородную задачу приведенія великихъ универсальныхъ идей въ соотвѣтствіе съ полубезсознательными стремленіями вѣка. Были, правда, и другіе, освѣщавшіе идею терпимости съ разныхъ сторонъ, но Мильтонъ, въ своихъ статьяхъ о церковномъ управленіи, больше чѣмъ кто-либо содѣйствовалъ превращенію этой идеи «въ моральную, политическую и теологическую догму». Въ его изложеніи терпимость не является плодомъ скептицизма, индифферентизма, умственнаго безсилія, или политическаго компромисса, предназначеннаго къ тому, чтобы помирить свободу совѣсти съ общественнымъ порядкомъ; не является она также и чисто-логическимъ выводомъ холоднаго разсудка, какъ у Бэйля, пятьдесятъ лѣтъ спустя. Нетерпимость есть безчестіе какъ для преслѣ-

Сэръ Іаковъ Астлей, впослѣдствіи лордъ Астлей.
(Съ гравюры въ Британскомъ музеѣ).

Digitized by Google

дователя, такъ и для преслѣдуемаго. Главный источникъ всякаго благороднаго поступка есть самоуваженіе—святость и свобода души человѣческой. Презрительное отличеніе духовныхъ отъ свѣтскихъ оскорбляетъ эту свободу. Принудительное право духовенства въ вопросахъ религіи есть нечестивое вторженіе въ святыню души, въ которую можетъ проникнуть стыдъ, или раскаяніе, или уваженіе къ добру, или страхъ отрѣшиться отъ общенія съ правыми и святыми людьми, но въ которую нахальная тираннія незаконной юрисдикціи проникать не должна.

Все это составляло главные пункты обвиненія, предъявляемаго Мильтономъ къ епископату, но, въ сущности принципъ невмѣшательства во внутреннюю жизнь души человѣка есть или долженъ бы быть основнымъ, краеугольнымъ камнемъ протестантизма вообще. Въ немъ лежитъ ключъ къ возмущенію противъ формализма, противъ авторитетовъ, даже вообще противъ какого бы то ни было строго опредѣленнаго церковнаго устройства. Онъ, въ сущности, есть основа вѣротерпимости. Казалось бы, отъ кого же ея и ждать, если не отъ Мильтона! Но, увы, даже и онъ начинаетъ путаться и повторять общія мѣста, когда доходитъ до вопроса, почему бы, во имя этого принципа, не отнестись съ терпимостью къ самому католичеству. Папство—не религія, говоритъ онъ; это только вопросъ о первенствѣ римскаго епископа, и преслѣдованія католиковъ не суть религіозныя, а только политическія. Справедливо говоритъ Кларендонъ, что въ тѣ времена малѣйшее упоминаніе о папизмѣ «отравляло людей и лишало ихъ способности изслѣдовать и разсуждать».

Идеи Мильтона, въ болѣе расплывчатомъ видѣ раздѣляемыя и Кромвелемъ, находились въ прямомъ антагонизмѣ, по крайней мѣрѣ, съ тремя господствовавшими въ то время принципами. Эти идеи разрушали или стремились разрушить, во-первыхъ, принципъ единства вѣрованій. Во-вторыхъ, онѣ колебали авторитетъ и при томъ всякій, а, между прочимъ, и власть короля Божіей милостію надъ парламентомъ и народомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, эти идеи снабжали людей главнымъ нравственнымъ рычагомъ для революціонныхъ движеній, такъ какъ аппелляція къ личному разуму, къ личной совѣсти, есть главный врагъ традицій, обычаевъ наслѣдственныхъ прерогативъ, вообще всѣхъ древнихъ учрежденій. Разсматриваемая съ его точки зрѣнія, исторія, по словамъ самого Мильтона, становится всего только шестнадцативѣковой возмутительной несправедливостью. Однообразіе, авторитетъ, исторія,— пошатнуть эти понятія значило пошатнуть самыя основы англійскаго, да и всякаго другаго общественнаго строя, въ тѣ времена. Исторія, однако же, не пошатнулась; шестнадцать вѣковъ возмутительной несправедливости, по выраженію Мильтона, внесли въ организмъ англійской націи такія стороны, уничтожить которыя оказалось не подъ силу ни Кромвелю, ни пуританизму вообще.

XIV.

Новая система.

Послѣ побѣды при Марстонѣ, за которою послѣдовала сдача Іорка, всѣ ожидали другихъ рѣшительныхъ дѣйствій отъ лорда Манчестера и его побѣдоносной арміи. Ему приказано было слѣдить за упрямымъ Рупертомъ, въ которомъ неудача подъ стѣнами Іорка возбудила, повидимому, новую энергію. Но Манчестеръ вдругъ сталъ слишкомъ остороженъ, чтобы не сказать—боязливъ. Армія нуждается въ отдыхѣ, говорилъ онъ. Въ то же время Восточная Ассоціація, собиравшая свое войско, можетъ распустить его или отказаться платить жалованье солдатамъ, если двинуться противъ Руперта. Наконецъ, если армія направится къ Честеру и вообще на западъ, то коммуникаціонная ея линія должна пройти подъ стѣнами полъ-дюжины королевскихъ крѣпостей, которыхъ ни взять ни обложить невозможно. Таковы были не лишенныя смысла отговорки, представленныя Манчестеромъ, но въ критическую минуту страна ищетъ полководца, готоваго совершить невозможное.

Тѣмъ временемъ Эссексъ потерпѣлъ пораженіе на юго-западѣ. Онъ бѣжалъ моремъ изъ Плимута, предоставивъ своей арміи пробивать себѣ путь или сдаваться. Популярность и вліяніе его были, однако же, такъ велики, что, несмотря на этотъ поступокъ, онъ опять тотчасъ же получилъ назначеніе. Манчестеръ долженъ былъ содѣйствовать ему въ задержаніи арміи короля на пути изъ Корнваллиса въ Оксфордъ. На совѣтѣ Манчестеръ противился этому плану, говоря,

Digitized by Google

что встрѣча съ королемъ при настоящемъ положеніи арміи повела бы только къ стыду и потерѣ сраженія. Принужденный подчиниться рѣшенію совѣта, онъ медлитъ, увертывается, отговаривается, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, къ нему не посылаютъ двухъ членовъ военнаго комитета, для того чтобы подбавить ему энергіи, совершенно такъ же, какъ сто лѣтъ спустя Конвентъ посылалъ своихъ коммиссаровъ, для того чтобы подбавлять энергіи революціоннымъ генераламъ. «Разбейте королевскую армію», кричалъ Уоллеръ, «и дѣло съ концомъ!» Но Манчестеръ, вѣроятно, по причинамъ ему извѣстнымъ, не раздѣлялъ мнѣнія Уоллера.

Въ концѣ концовъ, однако же, Манчестеръ, Уоллеръ и Эссексъ, соединившись вмѣстѣ, напали на короля при Ньюбёри (27-го октября 1644). Эта вторая битва при Ньюбёри, несмотря на превосходство силъ парламентской арміи, которая почти вдвое превосходила королевскую, кончилась нерѣшительно, такъ что король ушелъ съ поля сраженія никѣмъ не преслѣдуемый. Онъ даже вернулся назадъ черезъ двѣ нѣдѣли, на то же самое мѣсто, но такъ какъ этотъ вызовъ не былъ принятъ, то король съ миромъ ушелъ въ Оксфордъ.

Медленность, бездѣятельность и вялость полководцевъ вывели, наконецъ, изъ терпѣнія Кромвеля, который, улучивъ удобный случай (25-го ноября), удивилъ палату предъявленіемъ обвиненія къ своему начальнику. Манчестеръ, по его словамъ, со времени побѣды подъ Марстонъ-Муромъ отказывается отъ всякаго дѣла, отклоняетъ всѣ случаи нанести вредъ противнику и теряетъ моменты для нападенія, точно будто бы дѣло уже кончено и король слишкомъ слабъ, чтобы на него обращали вниманіе. Не военная, но нравственная и политическая вялость Манчестера возмущала Кромвеля. «Ошибки командующихъ лицъ», говоритъ онъ, «неизбѣжны въ военномъ дѣлѣ, и я самъ признаю себя виновнымъ во многихъ ошибкахъ». Въ этихъ словахъ онъ предвосхитилъ современную поговорку, въ которой добавляется только, что величайшимъ полководцемъ слѣдуетъ считать того, кто сдѣлалъ меньше ошибокъ, чѣмъ другіе.

Кромвель менѣе чѣмъ кто-либо другой обладалъ чертами будирующаго подчиненнаго. Передъ Марстонъ-Муромъ Уоллеръ выражался о немъ такъ: «Онъ никогда не бывалъ выскочкой, да и не думаю, чтобы могъ быть имъ. Несмотря на грубость, онъ не былъ ни гордъ, ни презрителенъ. Въ качествѣ моего подчиненнаго онъ всегда безпрекословно исполнялъ мои приказанія и не оспаривалъ ихъ.» Его позднѣйшія письма къ Фэрфаксу пропитаны лояльностью подчиненнаго къ командиру, которому онъ безусловно довѣряетъ. Его возмущала, собственно говоря, не медлительность Манчестера, не его лѣнь, не небрежность по отношенію къ случаямъ напасть на врага, но постоянно возраставшая увѣренность въ томъ, что за всѣми этими недостатками или слабостями стоитъ равнодушіе къ дѣлу, неохота доводить его до конца, сознательное рѣше-

Вильямъ Уоллеръ.

(Съ оригинала, находящагося въ Національной портретной галлереѣ въ Лондонѣ).

Digitized by Google

ніе не допустить короля до полнаго униженія.

Мы не знаемъ, что думалъ въ это время Кромвель о возможности или необходимости сойтись какъ-нибудь съ королемъ, да и думалъ ли онъ объ этомъ вообще, такъ какъ попытка его завести переговоры съ послѣднимъ имѣла мѣсто два года спустя. Одно лишь достовѣрно—Кромвель никогда не сомнѣвался въ томъ, что раньше всякихъ переговоровъ король долженъ быть обезоруженъ. Если Манчестеръ думалъ иначе, то въ глазахъ Кромвеля его намѣренія были преступны, такъ какъ равнялись униженію праваго дѣла передъ неправымъ—сдачѣ безъ боя. Въ своемъ обвиненіи Кромвель приводилъ нѣкоторыя выраженія Манчестера, доказывающія его желаніе кончить распрю не оружіемъ, а миромъ, на болѣе или менѣе унизительныхъ для парламента условіяхъ. При одномъ случаѣ, когда сторонники войны настаивали на томъ, чтобы напасть на короля и разбить его, такъ какъ иначе престижъ королевской власти поднимется и дома и за границей, Манчестеръ горячо возставалъ противъ этого, взвѣшивая рискъ, которому придется подвергнуться. «Если мы девяносто девять разъ побьемъ короля», кричалъ онъ, «то послѣдній все-таки останется королемъ, такъ же какъ и его потомство, а мы все-таки останемся подданными. Если же онъ насъ побьетъ хоть однажды, то мы будемъ повѣшены и все наше потомство раззорено».— «Но если это такъ», возражаетъ Кромвель», то зачѣмъ же было поднимать оружіе? Если нельзя возставать противъ тиранніи, такъ надо теперь же заключить миръ, хотя бы на самыхъ позорныхъ условіяхъ.» Въ теченіе слѣдующихъ восемнадцати мѣсяцевъ ему пришлось убѣдиться, что Манчестеръ во многихъ отношеніяхъ былъ правъ и что нѣкоторые изъ его сподвижниковъ самого его упрекнутъ въ томъ, въ чемъ онъ теперь упрекаетъ Манчестера.

Взаимные упреки, впрочемъ, сыпались со всѣхъ сторонъ. Военное дѣло стало партійнымъ вопросомъ. Открыто порицали Кромвеля за то, что онъ самъ часто стоялъ противъ битвъ. Говорили, что при Ньюбери, когда Манчестеръ приказалъ его кавалеріи идти въ атаку, Кромвель спросилъ будто бы, не хочетъ ли онъ содрать съ лошадей кожу, такъ какъ послѣ новой атаки онѣ ни на что больше не будутъ годны. Однажды онъ даже говорилъ рѣчь, для него достаточно длинную (она продолжалась четверть часа), о необходимости избѣгать риска. Упрекая теперь Манчестера въ томъ, что тотъ не слушается рѣшеній военныхъ совѣтовъ, онъ былъ уличенъ въ энергичномъ отрицаніи этого упрека въ свое время. Его уличали также въ присвоеніи себѣ всей славы, добытой другими, а также въ открытой проповѣди идей, слишкомъ уже превратныхъ. Говорили, напримѣръ, что онъ заявлялъ разъ Манчестеру о своей ненависти ко всѣмъ пэрамъ вообще, о желаніи, чтобы таковыхъ въ Англіи не было, и о томъ, что онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока лордъ Манчестеръ не станетъ опять простымъ мистеромъ Монтэгю. Помимо, этого онъ непочтительно отзывался объ отцахъ Вестминстерскаго собранія, называя ихъ преслѣдователями людей, болѣе честныхъ, чѣмъ они сами; онъ не желалъ принимать въ армію никого кромѣ индепендентовъ, потому что они примутъ миръ только на тѣхъ условіяхъ, которыя ему понравятся; онъ хвастался, что встрѣтивъ въ битвѣ короля—выстрѣлитъ въ него такъ же какъ и во всякаго другого. О союзникахъ парламента, шотландцахъ, онъ отзывался съ ненавистью и говорилъ, что станетъ драться съ ними столь же охотно, какъ и съ королевской арміей.

Распря, къ которой обстоятельства привели энергичныхъ людей, въ родѣ Кромвеля, и благоразумныхъ, въ родѣ Эссекса, достигла критическаго момента. Во французской революціи такія положенія тотчасъ же разрѣшались посылкой членовъ болѣе слабой или менѣе догадливой партіи на гильотину. Наша революція была мягче и не въ такой степени «пожирала своихъ дѣтей».

Однажды поздно вечеромъ два извѣстныхъ юриста, Уайтлокъ и Мейнардъ, получили приглашеніе пожаловать къ лорду Эссексу. Они нашли его окруженнымъ шотландскими уполномоченными и нѣкоторыми друзьями изъ пресвитеріанской партіи, въ родѣ Холльса и Стэпльтона. Вопросъ, имъ предложенный, состоялъ въ томъ, можно ли, по англійскимъ законамъ, предать Кромвеля суду, какъ поджигателя, сѣющаго смуту въ умахъ государственныхъ людей, къ вящшему для отечества вреду. Иниціаторами этого дѣла были шотландцы. «Кромвель, нашъ врагъ»,—говорили они;—«съ минуты вступленія нашего на англійскую почву онъ употребляетъ всѣ

Digitized by Google

средства, чтобы повредить намъ и лишить насъ общественнаго довѣрія». Не былъ онъ другомъ и для шотландской церкви, а кромѣ того онъ былъ открытый врагъ главнокомандующаго, котораго шотландцы имѣли всѣ причины любить и уважать. Не найдется ли въ англійскихъ законахъ какихъ-нибудь средствъ подрѣзать ему крылья?»

Юристы дали весьма мудрый отвѣтъ. «Англійскій законъ, сказали они выражается очень неясно относительно людей, сѣющихъ смуту. Но есть ли какія-нибудь доказательства тому, что Кромвель дѣйствительно сѣетъ таковую? Такимъ почтеннымъ и высокопоставленнымъ особамъ, какъ лордъ Эссексъ и господа шотландскіе уполномоченные, не пристало обвинять человѣка, не имѣя на то достаточно вѣскихъ основаній. Наконецъ, подумали ли они о политической сторонѣ вопроса?»

«Я считаю генералъ-лейтенанта Кромвеля», сказалъ Уайтлокъ, «джентльменомъ, весьма энергичнымъ и способнымъ, имѣющимъ большое вліяніе на палату общинъ. Въ палатѣ пэровъ у него также много друзей, да и самъ онъ постоитъ за себя, если дѣло дойдетъ до суда».—«Что касается доказательствъ его вины», добавилъ Мейнардъ, «то я таковыхъ не знаю и не думаю, чтобы ихъ легко было найти.»

Холльсъ и его пресвитеріанскіе друзья держались другого мнѣнія. Они не вѣрили, чтобы Кромвель такъ твердо стоялъ въ палатѣ общинъ, а доказательствъ его вины можно найти сколько угодно. Шотландцы оказались благоразумнѣе своихъ союзниковъ. Послѣ отповѣди юристовъ они не рѣшились настаивать на начатіи дѣла, и собраніе въ два часа утра мирно разошлось по домамъ. Уайтлокъ или другой кто-нибудь сообщилъ объ этомъ Кромвелю, но, въ результатѣ, послѣдній сталъ еще грубѣе и настойчивѣе, чѣмъ прежде.

Сто тридцать лѣтъ спустя гражданская война вновь вспыхнула между подданными англійскаго короля, но только уже въ другой формѣ. Кромвель дрался за верховенство парламента внутри страны, а Вашингтонъ—противъ этого верховенства надъ англичанами, живущими за океаномъ. Если бы короли изъ династіи Стюартовъ обладали хитростью королей изъ династіи Ганноверской, то легко можетъ быть, что война на англійской почвѣ кончилась бы нѣсколько иначе. Какъ бы то ни было, обѣ войны по началу были похожи одна на другую и, какъ Марстонъ-Муръ, такъ и Бенкеръ-Хилль имѣютъ большее значеніе въ исторіи гражданской, чѣмъ въ военной. Военныя ихъ послѣдствія уступали послѣдствіямъ эффекта нравственнаго.

Эти битвы на первыхъ же шагахъ борьбы, доказали, что сторонники народнаго

Сэръ Мармадюкъ Лангдель, первый лордъ.
(Съ гравюры въ Британскомъ музеѣ).

дѣла могли рѣшиться на вооруженное сопротивленіе монархіи и могли начать его. Въ обоихъ случаяхъ всѣ ожидали, что война кончится скоро. Въ обоихъ случаяхъ она была ведена съ плохими, плохо оплачиваемыми и непривыкшими къ дисциплинѣ солдатами, посаженными на клячъ, вооруженными кое-какъ и послѣ всякаго сраженія стремящимися поскорѣе уйти домой. Число этихъ солдатъ безпрестанно колебалось, въ зависимости отъ колеблющагося настроенія и денежныхъ средствъ различныхъ графствъ Англіи или штатовъ Америки. «Недостаточ-

Digitized by Google

ная вербовка и ошибочные расчеты на милицію были причинами всѣхъ нашихъ неудачъ», говорилъ Вашингтонъ; «зло отъ постоянныхъ армій слишкомъ отдаленно и гадательно, а отсутствіе ихъ влечетъ къ неминуемой гибели. Систематически пріучая людей къ военному дѣлу, можно выработать сильную и вполнѣ національную армію.» То, что Вашингтонъ говорилъ въ 1776 году, Кромвель сказалъ уже въ 1644 г.

Несправедливо было бы по отношенію къ Эссексу и Манчестеру сваливать отвѣтственность за всѣ неудачи на отсутствіе въ нихъ настоящей преданности къ дѣлу. Вся система трещала по швамъ. Начальники ничего не могли подѣлать, потому что солдаты переходили на службу отъ одного графства къ другому, отыскивая гдѣ лучше. Генералы тоже завидовали другъ другу, такъ какъ и имъ въ отрядахъ разныхъ графствъ жилось разно. Коменданты крѣпостей были на ножахъ съ городскими управленіями. Задержка жалованья возбуждала въ войскахъ ропотъ и смуты, которыми ловкіе люди умѣли пользоваться. Между военными комитетами графствъ и военачальниками происходили бурныя сцены.

Помимо безпорядка и жестокости, присущихъ всякой войнѣ, государственныхъ людей долженъ былъ безпокоить и общій упадокъ благосостоянія. «Промышленность окончательно остановилась за ненадобностью», восклицаетъ одинъ пессимистъ. «Землевладѣльцевъ грабятъ и разоряютъ обѣ стороны. Торговля—главное занятіе большинства—падаетъ, заѣдается налогами. Бѣдняки должны умирать съ голоду или, возставъ, отнять имущество у богатыхъ. Истощаемая налогами, разоряемая войною, Англія превратилась въ наковальню, по которой ежеминутно ударяетъ молотъ Немезиды. О несчастная нація! Когда-то свободный и лучшій изъ всѣхъ народъ превратился теперь въ несчастныхъ рабовъ и въ рабовъ не одного хозяина, а многихъ.»

Завистливыя очи давно уже устремлялись на церковное имущество. Еще въ 1641 году Бэйли писалъ: «Остановка торговли совершенно разорила народъ; едва ли онъ будетъ въ состояніи выдержать кризисъ, если только церковь съ нимъ не подѣлится.» Вообще Реформація повсюду съ первыхъ своихъ шаговъ протягивала руку къ церковнымъ имуществамъ; такъ же она поступила и въ Англіи.

Видя передъ собою постоянно такую картину, зная, что недовольство гнѣздится въ душѣ всѣхъ поголовно, Кромвель, съ его любовью къ порядку, съ его страстною преданностью правому дѣлу, не могъ не понимать, что одна только новая система веденія послѣдняго можетъ предотвратить гибель. Предполагать въ немъ какіе-либо личные мотивы для введенія этой системы нѣтъ никакой надобности.

«Никогда вы ничего не добьетесь, — сказалъ Уоллеръ,—до тѣхъ поръ пока вся армія не будетъ въ полномъ вашемъ распоряженіи.» Эти слова были положены въ основу новой системы. Постановка арміи въ зависимость одного только главнокомандующаго, назначаемаго парламентомъ, взамѣнъ нѣсколькихъ армій, содержимыхъ и управляемыхъ отдѣльными графствами, сдѣлалась главной задачей Кромвелля. Второй задачей было освожденіе арміи отъ неподходящихъ къ ней элементовъ,—процессъ, который взбѣшенные пресвитеріане считали низкимъ средствомъ составить себѣ преторіанцевъ изъ смѣси различныхъ сектантовъ, жидовъ, христіанъ и турокъ. Третья задача состояла въ перемѣнѣ главнокомандующаго. Таковымъ былъ назначенъ сэръ Томасъ Фэрфаксъ, получившій право самому выбирать себѣ помощниковъ, утверждаемыхъ въ должности парламентомъ. Честный солдатъ Скиппонъ, вѣрный и храбрый человѣкъ былъ назначенъ генералъ-майоромъ, а важный постъ генералъ-лейтенанта остовался вакантнымъ. Надо замѣтить, что новая армія стала меньше старой по численности. При Эссексѣ, у парламета было двадцать пять тысячъ пѣхоты и пять тысячъ ковалеріи, а новая армія состояла всего только изъ двадцати двухъ тысячъ, изъ коихъ четырнадцать тысячъ четыреста человѣкъ были пѣхотинцы, а остальные—конница и драгуны. Солдатъ получалъ почти столько же сколько онъ могъ бы заработать земледѣліемъ или извозомъ.

Приказы Гутчинсона по Ноттингамскому гарнизону даютъ намъ понятіе о дисциплинѣ, господствовавшей въ новый арміи: каждый, безъ цѣли шляющійся по улицамъ или играющій въ какую-нибудь игру, особенно по постнымъ днямъ и субботамъ, наказывался штрафомъ въ полъ-кроны. Каждый пьющій въ эти дни вино, по тавернамъ, равно какъ и

Digitized by Google

содержатель послѣдней, должны были уплатить штрафъ въ одинъ шиллингъ; въ случаѣ рецидива, содержатель таверны лишался права торговать виномъ. За каждое бранное слово виновный уплачивалъ три пенса.

Бёрнетъ говоритъ, что три англійскихъ полка, пришедшихъ въ Абердинъ, въ то время какъ Монкъ былъ занятъ усмиреніемъ Шотландіи, были такъ хорошо дисциплинированы и насили отпечатокъ такой серіозности и благочестія, что всѣхъ удивляли. Въ составъ этихъ полковъ входили, по большинству, инденденты и анабаптисты; всѣ они были даровитые люди и на походѣ занимались проповѣдями. Но въ богослуженіе они не вмѣшивались, за исключеніемъ только одного раза, когда стали упрекать проповѣдника во лжи. Бёрнетъ присутствовалъ при этомъ; споръ понемногу разгорался, и наконецъ солдаты взялись за сабли, но вреда никому не сдѣлали. Кромвель, однако же, смѣнилъ абердинскаго губернатора за то, что тотъ не наказалъ грубіяновъ.

Въ общемъ, содержаніе арміи было плохо. Роялисты смѣялись надъ плохими харчами своихъ противниковъ и дразнили ихъ тѣмъ, что все парламентское войско, начиная съ главнокомандующаго до послѣдняго денщика, стоитъ не болѣе тысячи фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Но въ новой арміи Фэрфакса тридцать высшихъ офицеровъ, изъ тридцати семи, принадлежали къ богатымъ семьямъ. Ломовой извозчикъ Прайдъ, сапожникъ Хьюсонъ и свѣчникъ Оки составляли цвѣтъ армейской аристократіи. Кромвель не даромъ говорилъ съ Гемпденомъ о неудобствѣ войскъ, состоящихъ, по большинству, изъ заболтавшейся прислуги; въ его собственномъ отрядѣ никогда не было слугъ, отрядъ этотъ состоялъ изъ собственниковъ и ихъ дѣтей, которые вмѣшались въ борьбу по убѣжденію и, хорошо вооруженные, какъ внутри—сознаніемъ своего долга, такъ и снаружи—доброй сталью, возстали какъ одинъ человѣкъ и будутъ драться отчаянно.»

Такой составъ арміи былъ идеаломъ для новой системы. Едва ли, однако же легко было набрать двадцать тысячъ человѣкъ, проникнутыхъ сознаніемъ долга и добровольно рѣшившихся бросить свою ферму или лавку, бросить жену и дѣтей, подчиниться желѣзной дисциплинѣ и идти въ сраженіе, на убійство или смерть. Если даже такихъ людей было въ арміи большинство, то все-таки и жалованье могло служить приманкой для волонтеровъ, особенно въ то время, когда, благодаря смутамъ, никакихъ заработковъ достать было невозможно, да еще слѣдуетъ помнить, что весьма значительная часть новой арміи состояла не изъ волонтеровъ, а изъ рекрутовъ, насильно завербованныхъ отовсюду, тогда какъ пуританское усердіе едва ли было повсемѣстнымъ.

Преобразованіе арміи шло постепенно. Въ декабрѣ палатъ общинъ, основываясь на показаніи Кромвеля, что народъ подозрительно смотритъ на членовъ парламента, занимающихъ важныя мѣста въ арміи, издала билль, въ силу котораго ни одинъ изъ этихъ членовъ не долженъ быть назначаемъ на гражданскія или военныя должности. Въ январѣ палата лордовъ, состоявшая изъ небольшой группы, отвергла этотъ билль. Въ февралѣ онъ вновь ей былъ представленъ и принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ срединѣ февраля онъ окончательно прошелъ. Шесть недѣль спустя этотъ билль вновь былъ внесенъ, съ новыми измѣненіями, состоящимъ въ томъ, что не только впредь члены парламента не могутъ быть назначаемы на должности, но что и прежде назначеннымъ дается только сорокъ дней на отказъ отъ этихъ должностей. Эссексъ, Манчестеръ, Денби, Варвикъ и Уоллеръ отказались, не дожидаясь срока.

Шагъ былъ довольно рискованнымъ, такъ какъ Эссексъ пользовался такой популярностью, что если бы онъ вздумалъ не подчиниться распоряженію парламента, то нашелъ бы поддержку не только въ общественномъ мнѣніи, но и въ вооруженной силѣ. «Но онъ былъ не изъ такихъ», ядовито замѣчаетъ Кларендонъ. Честные и несебялюбивые люди, однако же, далеко не такъ часто встрѣчаются въ исторіи, чтобы надъ ними можно было смѣяться. Кларендонъ лучше бы сдѣлалъ, если бы погоревалъ надъ жалкой неспособностью своего государя, который даже въ такую рѣшительную минуту не нашелъ средствъ превратить Эссекса и Манчестера въ своихъ друзей.

Положеніе Кромвеля, благодаря биллю объ отреченіи отъ должностей, оказалось исключительнымъ, но такую исключительность можно было предугадать. Одинъ историкъ нашихъ дней полагаетъ, что Кромвель, будучи главнымъ иниціаторомъ этого

Digitized by Google

билля, самъ готовился подчиниться ему и пожертвовать своимъ положеніемъ, выйдя въ отставку. Говорили будто бы, что онъ собирается перейти на службу въ Германію. Но всему этому трудно вѣрить. Правда, что подерживая билль въ палатѣ, онъ рисковалъ своей военной карьерой, но нельзя не признаться, что рискъ этотъ былъ не очень великъ. Вѣдь не даромъ же важный постъ генералъ-лейтенанта былъ оставленъ вакантнымъ. Даже тѣ, которые желали спихнуть Кромвеля, не могли не понимать, что въ военное время способнѣйшій и популярнѣйшій изъ полководцевъ не могъ быть отставленъ. Правда, что самъ Кромвель твердо вѣрилъ въ храбрость и военные таланты Фэрфакса и что вѣра эта была вполнѣ основательна, какъ впослѣдствіи оказалось, но глупо же было бы съ его стороны до такой степени не знать себѣ цѣны, чтобы счесть свою энергію, свое вліяніе, свою рѣшительность и свои способности ненужными для страны, какъ разъ въ такую минуту, когда борьба находилась въ самомъ разгарѣ.

На самомъ дѣлѣ случилось слѣдующее. Третьяго апрѣля окончательно прошелъ билль объ отреченіи отъ должностей, и Кромвель обязанъ былъ подчиниться ему черезъ сорокъ дней. Конецъ сорокадневнаго срока засталъ его въ Оксфордскомъ графствѣ. Тогда парламентъ, не безъ препятствій со стороны лордовъ, отсрочилъ отреченіе еще на сорокъ дней, то-есть до 22 іюня. До истеченія этого новаго срока Фэрфаксъ и всѣ старшіе офицеры, согласно постановленію общаго совѣта, подали въ парламентъ петицію о назначеніи Кромвеля на постъ генералъ-лейтенанта, оставивъ за нимъ командованіе кавалеріей. Палата согласилась на это (іюня 10) и Фэрфаксъ форменно назначилъ его. Въ эту минуту Кромвель былъ посланъ изъ Оксфорда въ восточныя графства, для того чтобы защищать островъ Эли. Строго говоря, онъ все-таки долженъ бы былъ отказаться, такъ какъ назначеніе его одною только палатою общинъ было незаконно, для этого требовалось согласіе обѣихъ палатъ, но время было слишкомъ горячее для того, чтобы соблюдать церемоніи. Началась новая кампанія, которая скоро должна была привести къ присно-памятному сраженію при Нэзеби.

XV.

Сраженіе при Нэзеби.

Вооруженный пуританизмъ впервые показалъ теперь свою силу. Вѣра въ то, что Богъ Браней на ихъ сторонѣ, воодушевляла «избранныхъ» и дѣлала ряды ихъ непоколебимыми. Жестокій духъ Ветхаго Завѣта горѣлъ въ ихъ сердцахъ. Но ни этотъ духъ, ни дисциплина, ни техническое совершенство строя, ни желѣзная выносливость не могли бы привести къ побѣдѣ при Нэзеби безъ геніальной находчивости и военнаго таланта Оливера. Въ этотъ день великій воинъ впервые выступилъ въ качествѣ «человѣка, отмѣченнаго судьбою».

Первыя движенія кампаніи, которая привела къ полной побѣдѣ надъ королемъ, были ничтожны и нерѣшительны. Военный комитетъ обоихъ королевствъ, видимо, не зналъ что ему дѣлать съ новымъ оружіемъ, находящимся въ его рукахъ, и нѣсколько недѣль какъ Фэрфаксъ, такъ и Кромвель занимались исполненіемъ какихъ-то ничтожныхъ его порученій на западѣ. Въ маѣ Карлъ выступилъ изъ Оксфорда, намѣреваясь двинуться къ сѣверу. Въ послѣдній день этого мѣсяца онъ взялъ штурмомъ Лейстеръ. Вестминстерскій комитетъ окончательно струсилъ при этомъ. Неужели король намѣревается вторгнуться въ восточныя графства—главную твердыню пуританизма? Фэрфаксъ, находившійся подъ стѣнами Оксфорда, получилъ приказаніе слѣдить за королемъ.

Во всей этой войнѣ, съ обѣихъ сторонъ, проявляется поразительное незнаніе плановъ, движеній и положенія противника, что очень удивляетъ современныхъ военныхъ. Іюня 13-го обѣ арміи случайно оказались въ Нортэмѣ-Тонширѣ, всего въ семи миляхъ другъ отъ друга: Фэрфаксъ—въ Гильсборо, а Карлъ—въ Дэвентри, и все-таки роялистскій лагерь узналъ о приближеніи парламентской арміи только тогда, когда замѣтилъ непріятельскіе разъѣзды. Роялисты, несомнѣнно, сдѣлали большую ошибку, ставъ на пути Фэрфакса послѣ того, какъ пропустили Горинга, а причиною этой ошибки служило искреннѣйшее презрѣніе, питаемое всѣми, отъ короля до послѣдняго барабанщика, къ той «сволочи», изъ которой состояла новая парламентская армія. Кавалеры, говорятъ, будто бы забавлялись, вырѣзывая изъ

Digitized by Google

дерева человѣчка, «котораго богохульно называли богомъ Круголовыхъ и котораго, для вящшаго оскорбленія нашей арміи, публично таскали передъ своими рядами, незадолго до битвы». Они очевидно, были вполнѣ убѣждены, что дадутъ хорошій урокъ «парламентской сволочи». Да и можно было на это разсчитывать: у короля находилось множество офицеровъ, обладавшихъ большой военной опытностью, а у Парламента не было и десяти человѣкъ, которые занимались бы военнымъ дѣломъ раньше междоусобной войны», Карлъ отзывался и Фэрфаксѣ, человѣкѣ далеко превосходившимъ его и по чувству чести, и по лояльности, и по военнымъ талантамъ, какъ о «новомъ, дикомъ (brutish) генералѣ». Нѣкоторые изъ друзей отзывались о новой системы почти такъ же, какъ врачи. «Ихъ армія, устроенная по новому образцу», говоритъ Бэйли, который, какъ и всѣ пресвитеріане въ этомъ моментъ, не зналъ, что онъ долженъ дѣлать, «состоитъ, по большой части, изъ грубыхъ, неопытныхъ и наскоро набранныхъ солдатъ. Немногіе изъ офицеровъ способны выполнять возложенныя на нихъ обязанности, притомъ большинство изъ нихъ—сектанты. Сомнительно, чтобы изъ такой арміи вышелъ какой нибудь толкъ.»

Толкъ, однако же, вышелъ, и никакой бѣды не приключилось. Кромвель, какъ мы видѣли, былъ посланъ на востокъ для того, чтобы принять мѣры къ укрѣпленію острова Эли. «Это порученіе», говоритъ одинъ современникъ, «онъ безпрекословно исполнилъ, конечно, не ради своей славы, а единственно ради пользы общественному дѣлу». Укрѣпивъ Эли, онъ занялся наборомъ рекрутовъ въ Кэмбриджширѣ, съ тѣмъ необыкновеннымъ успѣхомъ, которымъ всегда вознаграждалась его непреклонная энергія. Но какъ только походъ, затѣянный королемъ, началъ вызывать опасенія, такъ Фэрфаксъ, зная способности Кромвеля къ командованію кавалеріей, наскоро обратился къ парламенту съ просьбой принять его въ строй. Военный комитетъ немедленно согласился на эту просьбу (іюня 2). Фэрфаксъ завелъ съ Кромвелемъ постоянныя сношенія, увѣдомляя его о мѣстѣ нахожденія арміи, для того, чтобы въ случаѣ надобности онъ могъ къ ней присоединиться. Надобность эта скоро настала, и Кромвель, въ виду приближенія битвы, поспѣшилъ къ арміи, вмѣстѣ съ шестьюстами всадниковъ, его сопровождавшихъ. Они явились въ лагерь Фэрфакса въ 6 часовъ утра, 13 іюня, и были приняты съ восторгомъ всею арміей, «потому что», говоритъ очевидецъ, «благодать Божія видимо споспѣшествовала Кромвелю, и всѣ дѣла, имъ начатыя, удавались». Оливеръ тотчасъ же принялъ начальство надъ конницей. Нельзя было терять ни минуты, такъ какъ королевская армія уже наступала въ образцовомъ порядкѣ, а парламентская совсѣмъ не приготовилась къ битвѣ. Самъ Кромвель описываетъ свое положеніе въ эту минуту слѣдующимъ образомъ: «О Нэзеби я могу сказать только то, что когда я увидѣлъ, въ какомъ порядкѣ идетъ на насъ непріятель, между тѣмъ какъ мы — кучка несчастныхъ, несвѣдущихъ лю-

1. 2. 3.

1. Городокъ Нэзеби.—2. Обелискъ близъ Нэзеби.—3. Поле сраженія при Нэзеби. (Рис. Пеннелля).

Digitized by Google

дей—не успѣли еще построиться, то я, объѣзжая свой отрядъ (генералъ поручилъ мнѣ конницу), не могъ не улыбнуться и не воздать хвалы Господу, потому что Богъ всегда

Вооруженіе Карла I.
(Рис. Гарри Пенна).

даетъ побѣду слабымъ надъ сильными. Въ побѣдѣ я былъ увѣренъ.»

Численность войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи, не поддается точному опредѣленію. Одинъ современный авторитетъ полагаетъ, что какъ въ парламентской, такъ и въ королевской арміи было по одиннадцати тысячъ. Мистеръ Гарденеръ, съ другой стороны, опредѣляетъ численность парламентской арміи въ 13,600 человѣкъ, а королевской—въ 7,500, то-есть почти по два пуританина на одного роялиста, но эта цифра не вяжется съ двумя слѣдующими, вполнѣ достовѣрными фактами. Во-первыхъ, всѣ говорятъ, что число взятыхъ въ плѣнъ роялистовъ было не менѣе четырехъ тысячъ (одинъ современникъ показываетъ даже шесть тысячъ), убитыхъ же—около тысячи. Не можетъ же быть, чтобы у короля погибло три четверти всего войска; никто изъ современниковъ не считаетъ сраженія такимъ кровопролитнымъ. Во-вторыхъ, по показанію очевидцевъ, кавалерія короля осталась почти нетронутой, а ея было около четырехъ тысячъ. Расчетъ Гарденера, слѣдовательно, не можетъ быть вѣрнымъ. Весьма возможно, что у Фэрфакса было больше войска, чѣмъ у короля, но разница не могла достигать такихъ размѣровъ.

Мѣстность поля сраженія была совершенно открытая; по ней проходили только загороди, отдѣлявшія Нэзеби отъ Сёльби—съ запада, и отъ Клистона—съ востока. На правомъ крылѣ Фэрфакса, гдѣ стоялъ Кромвель, дѣйствія кавалеріи сильно затруднялись кроличьими норами, а затѣмъ тянулось болото, неудобное и для дѣйствій роялистской конницы. Парламентская армія стояла на высотѣ пятидесяти футовъ, а королевская—на высотѣ тридцати; между ними лежалъ оврагъ, но склоны его были весьма покаты, не болѣе трехъ-четырехъ градусовъ, такъ что нисколько не затрудняли движенія войскъ.

Если предварительныя, передъ сраженіемъ, маневры не могутъ быть описаны съ достаточной точностью, то о самой битвѣ можно себѣ составить понятіе довольно ясное, хотя бы на основаніи скудныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній. Пѣхота, какъ обыкновенно, въ обѣихъ арміяхъ стояла въ центрѣ, а кавалерія—по бокамъ. Фэрфаксъ расположилъ свое войско на вершинѣ холма, склоняющагося отъ востока къ западу, но затѣмъ, можетъ быть, по совѣту Кромвеля, передвинулъ его шаговъ на сто назадъ, на противоположный склонъ холма, чтобы скрыть свои силы отъ непріятеля. Роялисты приняли этотъ маневръ за отступленіе и поспѣшили атаковать, но, по мѣрѣ ихъ приближенія, парламентская пѣхота вновь поднялась на вершину. Такъ началась битва

Digitized by Google

После Нэзеби.

Digitized by Google

при Нэзеби, насколько можно судить по запутаннымъ разсказамъ.

Кромвель стоялъ на правомъ крылѣ, а Айртонъ — на лѣвомъ. Старикъ Скиппонъ командовалъ пѣхотой центра. На противоположномъ склонѣ, противъ Айртона, стоялъ Руппертъ, а противъ Кромвеля — сэръ Мармадюкъ Лангдэль, со своей сѣверной конницей, состоявшей изъ людей, которымъ больше всего хотѣлось бы поскорѣе разойтись по домамъ. Лордъ Астлей командовалъ центромъ королевской арміи. Фэрфаксъ во все время сраженія, продолжавшагося три часа, поражалъ своей подвижностью и храбростью. Неподвижный и медленный по природѣ, онъ какъ бы перерождался въ минуты кипучей дѣятельности, — по отзывамъ приближенныхъ, совсѣмъ другая душа смотрѣла тогда изъ его оживленныхъ глазъ. Король Карлъ, хотя и уступавшій Фэрфаксу въ военномъ талантѣ, не отставалъ отъ него въ храбрости и дѣятельности.

Лозунгомъ роялистовъ служило имя королевы, «Мэри», а лозунгомъ пресвитеріанъ — «Съ нами Богъ». Сраженіе началось, какъ мы уже сказали, тѣмъ, что роялисты бросились къ вершинѣ холма, за которымъ скрывался центръ парламентской арміи, тотчасъ же вышедшій къ нимъ навстрѣчу. Въ нѣсколько минутъ весь холмъ покрылся сражающимися. Разрядивъ свои мушкеты, противники схватились въ рукопашную. Роялистская пѣхота успѣла опрокинуть Скиппона на стоявшіе сзади резервы. Видя это, Айртонъ послалъ часть своей кавалеріи на помощь центру, но ничего не успѣлъ сдѣлать, а самъ сильно пострадалъ, такъ какъ Руппертъ, несмотря на сильный огонь драгунъ Оки, стоявшихъ справа отъ него, за загородками, бросился на Айртона, смялъ его и преслѣдовалъ до самаго Нэзеби.

На правомъ флангѣ, между тѣмъ, дѣла шли лучше, потому что тамъ былъ Кромвель. Онъ отдѣлилъ часть своего отряда, подъ начальствомъ Уолли, для того, чтобы напасть на Лангдэля съ фронта, а самъ обошелъ его лѣвый флангъ. Уолли, стремительно бросившись внизъ по склону холма, ударилъ на Лангдэля, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ подготовиться къ атакѣ, а нападеніе Кромвеля на флангъ непріятельской кавалеріи довершило ея пораженіе. Только доскакавъ до резервовъ, отрядъ Лангдэля успѣлъ собраться и вновь построиться. Онъ состоялъ изъ іоркширцовъ и сѣверянъ, какъ выше сказано, не охотно отправлявшихся на войну. Таковъ былъ первый ударъ, нанесенный врагу Кромвелемъ.

На главномъ полѣ битвы, въ центрѣ, дѣла шли хуже. Правый флангъ парламентской пѣхоты стоялъ крѣпко, но остальные корпуса были сбиты и отступали въ безпорядкѣ. Офицеры, предпочитая смерть позору, тщетно старались удержать неопытныхъ и непривыкшихъ къ военному дѣлу солдатъ; вся первая линія пѣхоты остановилась только у резервовъ. Въ эту-то критическую минуту Кромвель выручилъ всю армію. Съ замѣчательной точностью онъ повторилъ тотъ же маневръ, который такъ удался ему при Марстонъ-Мурѣ. Здѣсь, какъ и тамъ, Кромвелевскій флангъ торжествовалъ надъ непріятелемъ, а вся остальная армія была почти разбита. Руппертъ при Нэзеби, подобно Горингу при Марстонѣ, слишкомъ увлекся преслѣдованіемъ разбитой парламентской конницы, оставивъ свой центръ безъ поддержки. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Кромвель поручилъ Уолли преслѣдовать Лангдэля, а самъ, перестроившись на новый фронтъ, бросился на лѣвый фнангъ непріятельской пѣхоты, почти уже торжествовавшей побѣду надъ Фэрфаксомъ и Скиппономъ. Одна изъ роялистскихъ бригадъ оказала ему упорное сопротивленіе. «Парламентская кавалерія ударила на нихъ всей своей тяжестью, но даже желѣзнобокіе не могли сбить ихъ. Несмотря на то, что мы напали на нихъ со всѣхъ сторонъ, они съ невѣроятнымъ упорствомъ и рѣшимостью отбивали наши атаки.» Ничто не помогало до тѣхъ поръ, пока Фэрфаксъ не двинулъ своего собственнаго пѣхотнаго полка; тогда упрямая бригада подалась, и скоро на полѣ битвы остались только разрозненные остатки королевской конницы.

«Хотя многіе думаютъ, что при Марстонъ-Мурѣ было гораздо болѣе разнообразныхъ картинъ и трагическихъ минутъ», говоритъ одинъ военный историкъ (Hoenig, I, 203), «но едва ли въ какой-либо битвѣ кавалерія дѣйствовала лучше, чѣмъ при Нэзеби.» Особенно памятнымъ въ исторіи останется второй молодецкій, ударъ, нанесенный Кромвелемъ непріятельской пѣхотѣ парламентской арміи. Предстояло, однако же, сдѣлать еще одно движеніе, для того чтобы обезпечить за собою побѣду.

Digitized by Google

Зная уже о несчастіи, его постигшемъ, король постарался все-таки удержаться и сталъ собирать разбитую кавалерію своего лѣваго крыла. Руппертъ, вернувшійся, наконецъ, почти изъ-подъ самаго Нэзеби, на измученныхъ и выбившихся изъ силъ лошадяхъ, присоединился къ нему. Но все было тщетно. Парламентскіе генералы не успѣли подготовить атаки, какъ остатокъ королевской арміи бѣжалъ.

Атака, между тѣмъ, подготовлена была прекрасно. Айртонъ, тяжко раненный еще въ началѣ сраженія, успѣлъ собрать свой отрядъ и тоже долженъ былъ принять въ ней участіе. Парламентская пѣхота, разстроенная первымъ натискомъ непріятеля, теперь быстро стала въ ряды и спѣшила поддержать свою кавалерію. Что касается Кромвеля, то онъ давно уже былъ готовъ нанести врагу третій и на этотъ разъ окончательный ударъ. Парламентская армія выстроилась попрежнему, съ той только разницей, что кавалерійскіе фланги отодвинулись подальше, чтобы дать больше мѣста пѣхотѣ. «Такимъ образомъ», говоритъ очевидецъ, «къ концу дня была подготовлена вторая стычка. Непріятель, замѣтивъ это и понявъ, что ему, на такомъ неудобномъ мѣстѣ, безъ пѣхоты и артиллеріи (онъ еще раньше потерялъ то и другое), не устоять передъ натискомъ всей нашей арміи, не сталъ его дожидаться, а при первыхъ же выстрѣлахъ драгунъ, бросился бѣжать не останавливаясь.»

Съ королемъ, находившимся впереди своихъ войскъ, случилось при этомъ слѣдующее: Лордъ Карнватъ, ѣхавшій съ нимъ рядомъ. вдругъ схватилъ его лошадь подъ уздцы и выругавшись по-шотландски, воскликнулъ: «Да что вы, на смерть, что ли, идти хотите?» — «Тогда», говоритъ Кларендонъ, «король безотчетно повернулъ свою лошадь назадъ и бросился бѣжать, а за нимъ, не щадя шпоръ, понеслась и вся армія; каждый заботился только о себѣ.»

Вся битва, несмотря на обоюдное упорство сражающихся, продолжалась только три часа. Убитыхъ и раненыхъ, съ обѣихъ сторонъ, было до пяти тысячъ. Ирландская лагерная прислуга была, на свободѣ, хладнокровно перебита пресвитеріанами. Всѣ пушки короля, всѣ знамена и штандарты, весь обозъ и даже—самое главное—его кабинетъ съ секретной корреспонденціей и важными бумагами были захвачены Фэрфаксомъ. Это было для него тяжелѣе потери сраженія, потому что въ захваченной перепискѣ нашлись доказательства его лицемѣрія, непостоянства и недостойнаго поведенія, изъ которыхъ выяснилось, что вѣрить ему невозможно.

Въ концѣ мая Дигби пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Раньше, чѣмъ кончится мѣсяцъ, мы будемъ имѣть рѣшительную битву». Предсказаніе это исполнилось въ точности. Если бы сраженіе при Нэзеби кончилось иначе, то король и Горингъ пошли бы на Лондонъ, подбадривая свое войско надеждою на грабежъ въ самомъ богатомъ городѣ королевства. А присутствіе короля съ его арміей въ столицѣ создало бы положеніе, уже непоправимое и трудно поддающееся опредѣленію. Въ настоящемъ же положеніи хотя король не потерялъ еще своей короны и могъ бы даже придать ей новый блескъ, воспользовавшись нѣкоторыми, впослѣдствіи представившимися ему случаями мирнаго соглашенія съ парламентомъ, но все же битва при Нэзеби окончательно рѣшила дальнѣйшую судьбу Англіи. Она разсѣяла послѣднюю организованную армію, находившуюся въ распоряженіи короля; она доказала, что новая система способна создать непобѣдимое войско; она измѣнила методъ веденія войны и условія, въ которыхъ находились враждующія стороны; она возбудила новые интересы и новыя стремленія; она измѣнила, такъ сказать, удѣльный вѣсъ партій; она, наконецъ, выдвинула Кромвеля на первый планъ въ общественномъ мнѣніи.

XVI.

Послѣ Нэзеби.

Разсказъ самого Кромвеля о битвѣ при Нэзеби есть изящнѣйшій изъ военныхъ бюллетеней, но въ немъ заключается, кромѣ того, и моральный выводъ, предназначенный къ тому, чтобы быть принятымъ во вниманіе при борьбѣ партій въ Вестминстерѣ. «Честные люди», пишетъ Кромвель спикеру палаты, «сослужили вамъ вѣрную службу въ этомъ дѣлѣ. На нихъ, сэръ, можно положиться; и я умоляю васъ именемъ Бога— не обезкураживайте ихъ. Ихъ поведеніе должно вызвать сочувствіе и благодарность всѣхъ, кому дорого дѣло. Люди, жертвующіе жизнью за свободу родины, должны вѣрить,

Digitized by Google

что свобода эта находится въ хорошихъ рукахъ и что собственная ихъ совѣсть обязана отчетомъ только одному Богу.» Короче— Кромвелю хотѣлось, чтобы парламентъ не забывалъ, насколько онъ обязанъ своею побѣдою индепендентамъ, которые дрались, главнымъ образомъ, за свободу совѣсти.

Мракъ, окутавшій короля, былъ разсѣянъ обманчивымъ лучомъ надежды, который блеснулъ изъ Шотландіи. Дѣло въ томъ, что шотландцы, принесшіе такую пользу парламентской партіи въ 1643 и 1644 годахъ, при Марстонъ-Мурѣ и при взятіи Ньюкэстля, съ тѣхъ поръ почти не играли никакой роли. Въ битвѣ при Нэзеби они не участвовали и даже не особенно остались ею довольны, такъ какъ разгромъ служителей Ваала, въ данномъ случаѣ, содѣйствовалъ возвышенію индепендентовъ. Отряды шотландцевъ оставались еще на англійской почвѣ, но ихъ уже отзывали домой, такъ какъ въ это время въ Шотландіи разыгрался одинъ изъ маленькихъ, но надѣлавшихъ большого шума эпизодовъ войнѣ.

Дѣло въ томъ, что въ сѣверныхъ горцахъ, да и вообще среди начальниковъ клановъ, вдругъ ожилъ духъ исконной привязанности къ національной династіи, вмѣстѣ съ романтизмомъ мѣстнаго колорита и любовью къ рискованнымъ предпріятіямъ дожившій до возстанія 1745 года. Въ августѣ 1644 года Монтрозъ, переодѣтый конюхомъ и сопровождаемый двумя друзьями, проѣхалъ по всей южной границѣ Шотландіи, изъ Карлейля въ Атоль. Тамъ къ нему присоединились хайлендеры и 1200 ирландцевъ, перевезенныхъ въ Арджильширъ подъ начальствомъ одного шотландца. Такъ возникъ очагъ роялистскаго движенія, которое продолжалось около года, было ознаменовано различными жестокостями, внесло на страницы исторіи нѣсколько новыхъ кровавыхъ схватокъ между Кэмпбелями, Форбсами, Фрэзерами, Маклинами, Макдональдами, Гордонами, Ожильви, Грээмами и пр., а затѣмъ окончательно потухло въ битвѣ при Филиппо. Черезъ два мѣсяца послѣ Нэзеби Монтерозъ достигъ вершины успѣха въ сраженіи при Кильситѣ. Этотъ успѣхъ подчинилъ ему Шотландію и далъ королю мысль бросить Англію и стать во главѣ шотландцевъ. Онъ не принялъ въ расчетъ, что какъ оба парламента, такъ и генеральное собраніе относились къ Монтрозу враждебно, считая его измѣнникомъ Ковенанту. Король забылъ, кромѣ того, что и въ Шотландіи онъ встрѣтитъ такія же затрудненія, какъ въ Англіи. Вообще этотъ проектъ доказываетъ только легкомысліе короля. Не прошло мѣсяца, какъ мыльный пузырь лопнулъ. Давидъ Лесли, дравшійся вмѣстѣ съ Кромвелемъ подъ Марстонъ-Муромъ и находившійся въ Англіи, привелъ свое войско къ границѣ, перешелъ Твидъ, встрѣтилъ Монтроза съ его малочисленной и недисциплированной толпой при Филиппо, близъ Селькирка, напалъ на него врасплохъ (13 сентября 1645 г.) и разсѣялъ какъ эту толпу, такъ и неосновательныя надежды короля-мечтателя.

Но рѣшимость короля не поколебалась. Онъ говорилъ Дигби, что желалъ бы умереть джентльменомъ, если ужъ не можетъ жить по-королевски. Шесть недѣль спустя послѣ роковой для него битвы онъ пишетъ Руперту: «Я долженъ признаться, что, какъ съ военной, такъ и съ государственной точки зрѣнія, гибель моя неизбѣжна. Но, будучи христіаниномъ, я увѣренъ, что Богъ не попуститъ торжества измѣнниковъ и бунтовщиковъ, не погубитъ праваго дѣла. И какое бы наказаніе ни было Ему угодно наложить лично на меня, я не отступлю и не перестану бороться. Если я не могу льстить себя надеждою на успѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, умру съ честью и чистой совѣстью, которыя обязываютъ меня продолжать борьбу не отчаиваясь въ томъ, что Богъ, рано или поздно, отмститъ за поруганную правду. Я долженъ заявить всѣмъ моимъ друзьямъ, что тотъ, кто хочетъ оставаться со мною, тотъ долженъ рѣшиться или умереть за правое дѣло или (что еще тяжелѣе) жить въ несчастіи, отстаивая это дѣло отъ всевозможныхъ насилій и оскорбленій, какія только могутъ придумать бунтовщики.»

Этотъ покойный стоицизмъ, приводящій въ восторгъ современныхъ намъ студентовъ, прочитавшихъ письмо короля, мало, должно быть, соотвѣтствовалъ духу храбраго и лукаваго солдата, къ которому оно было написано. За Нэзеби вскорѣ послѣдовало другое непредвидѣнное несчастіе. Фэрфаксъ и Кромвель обложили Бристоль и послѣ отчаяннаго штурма (сентября 14) Рупертъ, обѣщавшій королю продержаться, по крайней мѣрѣ, четыре мѣсяца, вдругъ, ни съ того ни съ сего, сдался на капитуляцію и былъ отвезенъ подъ конвоемъ въ Оксфордъ. Паденіе силь-

Digitized by Google

нѣйшей изъ западныхъ крѣпостей явилось жестокимъ ударомъ для короля, а внезапный отливъ препрославленной храбрости Руперта до сихъ поръ служитъ однимъ изъ куріозовъ въ военномъ дѣлѣ.

Надо думать, что Рупертъ былъ слишкомъ дальновиденъ, для того чтобы не понимать того отчаяннаго положенія, въ которомъ находилось дѣло короля, а невыносимость черезчуръ продолжительной осады оправдывала сдачу Бристоля даже въ глазахъ людей, не имѣвшихъ причинъ слишкомъ заботиться о своей славѣ. Но король не слушалъ никакихъ оправданій и написалъ Руперту сердитое письмо, въ рѣзкихъ выраженіяхъ заявляя свое неудовольствіе по поводу низости, совершенной человѣкомъ, на котораго онъ такъ надѣялся, отрѣшая Руперта отъ всѣхъ должностей и рекомендуя ему удалиться на континентъ. Рупертъ, однако же, настойчиво желалъ слѣдовать за королемъ въ Ньюаркъ и послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ былъ освобожденъ отъ обвиненія въ измѣнѣ, а обвиненъ лишь въ безразсудствѣ.

Вскорѣ новая ссора возникла между королемъ и его племянникомъ. Послѣдній, вмѣстѣ со своими сторонниками, насильно ворвался къ первому въ то время, какъ тотъ обѣдалъ, и наговорилъ ему такихъ дерзостей, что король долженъ былъ удалиться въ свою спальню. Но это сдѣлало кавалеровъ еще болѣе нахальными, что принудило короля, разсердившагося какъ никогда прежде, выгнать ихъ вонъ съ приказаніемъ не являться болѣе. Вообще, борьба партій въ парламентѣ, какъ бы она ни была безобразна, не можетъ сравниться съ борьбою партій при дворѣ, такъ какъ въ основаніи послѣдней лежатъ всегда низкія, эгоистичныя вожделѣнія. Въ данномъ случаѣ возникло подозрѣніе, что Рупертъ и Морицъ составили заговоръ для передачи англійской короны старшему ихъ брату, электору-палатину. Подозрѣніе это могло быть даже не совсѣмъ безосновательно, такъ какъ электоръ еще и раньше разсчитывалъ воспользоваться обстоятельствами для захвата англійской короны.

Паденіемъ Бристоля, также какъ и битвой при Нэзеби, Кромвель не преминулъ воспользоваться для нравственно-политическихъ выводовъ. «Вѣра и молитва», пишетъ онъ спикеру, «доставили вамъ этотъ городъ, воздадимъ же хвалу Господеви. Пресвитеріане, индепенденты—всѣ одинаково вѣруютъ и молятся, всѣ одинаковы и въ дѣлѣ и въ отвѣтѣ. Здѣсь всѣ вѣрующіе слились другъ съ другомъ и позабыли свои различія. Очень жаль, если не вездѣ это такъ.» А въ концѣ своего посланія онъ выражается еще опредѣленнѣе. Вѣротерпимость, по его мнѣнію, есть ключъ ко всеобщему успокоенію. «Всѣ вѣрующіе, въ сущности, представляютъ собою одно цѣлое, и это единство тѣмъ прочнѣе и дѣйствительнѣе, что оно внутренное, духовное. Что касается единства формъ, такъ называемаго единообразія, то его можно ожидать только отъ добровольнаго сліянія христіанъ. Въ дѣлахъ духовныхъ не должно быть насилія; они рѣшаются разумомъ и знаніемъ. Богъ вложилъ мечъ въ руки парламента лишь на страхъ злонамѣреннымъ и для защиты добродѣтели.»

Эти выводы были, однако же, не по вкусу пресвитеріанскому большинству, а потому и не могли разчитывать на всеобщее признаніе.

Послѣ Бристоля палъ Винчестеръ, а затѣмъ Кромвель занялся Базингъ-Хаузомъ, который парламентскія войска безуспѣшно осаждали уже много мѣсяцевъ съ 1643 года. Достойный защитникъ его лордъ Винчестеръ, католикъ, храбрый, благочестивый и вѣрный слуга короля, извѣстенъ всякому, изучавшему англійскую поэзію, какъ мужъ молодой женщины, преждевременная кончина которой, за четырнадцать лѣтъ раньше, была воспѣта въ печальныхъ элегіяхъ Мильтона и Бернъ-Джонсона.

«Кромвель провелъ въ молитвѣ почти всю ночь передъ штурмомъ Базинга. Онъ рѣдко вступалъ въ битву, не выбравъ изъ Св. Писанія какого-нибудь текста, который бы вдохновилъ его.» На этотъ разъ онъ остановился на восьмомъ стихѣ сто пятнадцатаго псалма: «Тѣ, которые создаютъ себѣ кумировъ, на нихъ и похожи; а также и тѣ, которые въ нихъ вѣруютъ», съ приложеніемъ этого стиха къ паписту лорду Винчестеру. «Мы начали штурмъ сегодня, послѣ шести часовъ утра», пишетъ въ своемъ донесеніи Кромвель (14 октября 1645 г.); сигналъ былъ поданъ залпомъ изъ четырехъ пушекъ, послѣ чего наши люди бросились на приступъ весело и рѣшительно». Много непріятелей было убито; цѣнныя вещи, переполнявшія гордый замокъ, были разграблены; папистскія книги, облаченія и церковные сосуды подверглись дѣйствію всеочища-

Digitized by Google

ющаго пламени, послѣ чего отъ нихъ остался одинъ пепелъ. Среди плѣнниковъ находился самъ Винчестеръ. Въ тѣ дни считалось обязательнымъ проповѣдывать при всякихъ возможныхъ и невозможныхъ обстоятельствахъ. Поэтому Хью Петерсъ воспользовался случаемъ доказать плѣннику ошибочность его идолопоклоннической вѣры, точно такъ же какъ Чинель ускорилъ смерть Чилингворта затѣявъ съ нимъ религіозный споръ въ послѣднія минуты его жизни, или какъ Клотворти добивался отъ несчастнаго Лода, положившаго уже голову на плаху, отвѣта на вопросъ: «На чемъ основана его увѣренность въ спасеніи?» Твердый и выносливый Винчестеръ послѣ продолжительной словесной пытки не выдержалъ, наконецъ, и сказалъ, что «если бы у короля оставался только одинъ Базингъ-Хаузъ во всей Англіи, то и тогда бы онъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать то, что сдѣлалъ, то-есть держался бы до послѣдней возможности». Но послѣ потери Базинга у короля, и въ самомъ дѣлѣ, оставалось очень немногое. Двадцать крѣпостей сдалось въ это лѣто. Фэрфаксъ, послѣ Бристоля на время отдѣлившійся отъ Кромвеля, пошелъ на Дэвонъ и Корнваллисъ, при чемъ, послѣ цѣлаго ряда удачныхъ операцій, очистилъ отъ роялистовъ весь западъ. Онъ разбилъ, сначала при Торрингтонѣ а потомъ при Труро, честнаго человѣка и хорошаго полководца Хоптона, а впослѣдствіи взялъ въ плѣнъ Экзетера (апрѣль 1646 г.). Кромвелль, присоединившійся къ нему по взятіи Базингъ-Хауза, участвовалъ во всѣхъ этихъ операціяхъ, издали наблюдая за ходомъ дѣлъ въ Вестминстерѣ, сохраняя то настроеніе, которое проглядываетъ въ его письмахъ и, по всегдашнему своему обычаю, заботясь болѣе объ удовлетвореніи «злобы дня», чѣмъ о будущемъ, для котораго настанетъ чередъ въ свое время.

XVII.

Король среди шотландцевъ.

Однажды, въ воскресенье (26-го апрѣля 1646 г.), въ полночь, король, находившійся въ Оксфордѣ, секретно отправился въ одну изъ коллегій, обстригъ себѣ тамъ волосы и бороду, переодѣлся слугою, перешелъ, въ сопровожденіи двоихъ приближенныхъ, мостъ Св. Магдалины и вышелъ изъ воротъ, навсегда оставляя за собою сѣрыя стѣны, старинныя башни, колокольни, монастыри, сады и библіотеки вѣчно-вѣрнаго своего города. Онъ даже не рѣшилъ еще куда направиться—въ Лондонъ или въ Шотландію. Только миновавъ Майденхэдъ и Хиллингдонъ, послѣ продолжитетьныхъ споровъ и обсужденій, онъ рѣшилъ повернуть къ сѣверу, хотя все-таки безъ ясно опредѣленной программы. Въ теченіе восьми дней никто не зналъ, куда дѣвался король,—спрятался ли онъ въ Лондонъ или бѣжалъ въ Ирландію. Но король боялся Лондона и надѣялся, что французскій посланникъ уговоритъ шотландцевъ гарантировать ему хорошій пріемъ въ ихъ странѣ. Надо думать, что онъ сдѣлалъ при этомъ плохой выборъ. Появись король въ Лондонѣ, у него было бы болѣе чѣмъ когда-либо шансовъ перессорить партіи, на которыя дѣлился парламентъ, а, кромѣ того, онъ выказалъ бы довѣріе къ лояльности англичанъ, изъ коихъ большинство въ эту минуту, какъ и во всякую другую, такого довѣрія не обмануло бы.

Въ концѣ концовъ, однако же, дѣло гораздо болѣе зависѣло отъ характера Карла, чѣмъ отъ мѣста, въ которомъ этотъ характеръ проявлялся. Если бы, по выраженію того времени, Господь укрѣпилъ короля настолько, чтобы онъ могъ «выкинуть изъ своей головы епископовъ, прерогативы и другія дѣтскія игрушки», то ему повсюду одинаково удалось бы удержаться. Игрушки эти были неумѣстны при суровой обстановкѣ и въ средѣ хмурыхъ людей того времени.

Какъ бы то ни было, переодѣтый король отправился въ Харроу, оттуда въ Ст. Альбансъ и, наконецъ, въ Даунгамъ, гдѣ и жилъ въ тавернѣ до тѣхъ поръ, пока Монтрейль не увѣдомилъ его, что шотландцы готовы дать требуемыя гарантіи, что впослѣдствіи оказалось не вполнѣ основательнымъ. Черезъ десять дней по отбытіи изъ Оксфорда король вступилъ въ шотландскій лагерь при Саутвеллѣ. Съ этой минуты онъ потерялъ свою свободу.

Съ окончаніемъ войны и сдачей особы короля начался новый кризисъ, не менѣе рѣшительный, чѣмъ тотъ, который кончился поднятіемъ королевскаго штандарта четыре года тому назадъ. Этотъ кризисъ расширилъ поле борьбы и пробудилъ новыя, до тѣхъ поръ дремавшія идеи. Сравнивая ходъ англійской революціи съ ходомъ француз-

Digitized by Google

Лордъ Карневартъ поворачиваетъ лошадь Карла I при Нэзеби.
(Рисунокъ Соломона).

Digitized by Google

ской, Европа могла бы вывести то заключеніе, что революціи вообще происходятъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Но, тѣмъ не менѣе, ошибочно было бы думать, что Англія 1647 года вполнѣ уподоблялась Франціи по возвращеніи Бонапарта изъ побѣдоносной италіанской кампаніи. Во-первыхъ, Кромвель вовсе не былъ бандитомъ, а армія, устроенная по новой системѣ, состояла не изъ пушечнаго мяса, посвятившаго себя исключительно военному дѣлу, да и къ тому относившагося полубезсознательно. А, во-вторыхъ, и задачи были разныя. Исторія не повторяется. Во Франціи революція изломала въ куски всю правительственную систему, съ вершины до фундамента. Даже тѣ идеи, на которыхъ эта система была основана, которыя ее оживляли, замѣнились другими, почти діаметрально противоположными. Французская нація потеряла всякое уваженіе къ трону и не чувствовала никакой привязанности ни къ королю, пока онъ былъ живъ, ни къ его памяти послѣ казни. Ни одно учрежденіе не уцѣлѣло. Англія 1647 года избѣжала такой универсальной катастрофы. Въ ней волны революціи перекатывались черезъ палубу правительственнаго корабля, унося за бортъ много храбрыхъ и честныхъ людей; самъ корабль, при этомъ, былъ сбитъ съ курса, но вышелъ изъ бури цѣлымъ, хотя и пострадавшимъ нѣсколько. Король потерпѣлъ крушеніе, но тронъ остался незыблемымъ: нація не стремилась ни къ чему, кромѣ монархіи. Епископы исчезли, но національная церковь уцѣлѣла. Лорды отступили на задній планъ, но уваженіе къ парламенту не поколебалось.

Между тѣмъ этотъ послѣдній, по численности своихъ членовъ, едва дышалъ, что называется. Даже въ первые мѣсяцы Долгаго Парламента изъ пятисотъ слишкомъ членовъ палаты общинъ на засѣданіяхъ присутствовало не болѣе трехсотъ восьмидесяти, а когда началась война, то число это значительно уменьшилось. Около ста членовъ были заняты исполненіемъ разныхъ обязанностей въ провинціи; болѣе сотни, отрясши прахъ Вестминстера со своихъ ногъ, присоединились къ королю. Первое постановленіе о несовмѣстимости военныхъ должностей со званіемъ члена парламента прошло при ста девяноста вотирующихъ. Назначеніе Фэрфакса главнокомандующимъ сдѣлано сто однимъ голосомъ противъ шестидесяти девяти. Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ присутствовало не больше сотни членовъ. Слабость нравственнаго авторитета палаты, работающей при такихъ условіяхъ, была очевидна, но столь же очевидна была и невозможность помочь чѣмъ либо этому горю. Распущеніе, въ то время, когда страна корчилась въ судорогахъ междоусобной войны, было немыслимо. Не говоря уже про техническія затрудненія для созыва новаго парламента, въ отсутствіи короля и его большой печати, рискъ возложить самыя жизненныя функціи страны на людей, полномочія которыхъ оказались бы сомнительными, былъ слишкомъ великъ для того, чтобы кто-либо изъ государственныхъ людей рѣшился принять его на себя.

Тѣмъ не менѣе, палата обновлялась понемножку, особенно послѣ Нэзеби. Къ концѣ 1646 года въ нее вошли двѣсти тридцать пять новыхъ членовъ, по большинству принадлежащихъ къ интепендентской партіи, или близкихъ къ ней, или, наконецъ, питавшихъ отвращеніе къ пресвитеріанской исключительности. Много было офицеровъ изъ арміи. Во всѣхъ революціяхъ, по мѣрѣ ихъ развитія, одни слои дѣятелей смѣняются другими. Кукъ, Сельденъ, Элліотъ, Гемпденъ, Пимъ—первое поколѣніе реформаторовъ замѣнилось новымъ, состоявшимъ изъ лицъ, которыя принадлежали къ разнымъ революціоннымъ оттѣнкамъ: Айртонъ, Людлоу, Гетчинсонъ, Ольджернонъ Сидней, Флитвудъ, Блэкъ стали во главѣ движенія. Кромвель, благодаря своимъ военнымъ заслугамъ, доказанной опытности и преданности интепендентскимъ доктринамъ, явился естественнымъ вождемъ этой могучей группы. Много лѣтъ спустя стоическая смерть Сиднея на Тоуэръ-Хиллѣ и побѣда Блэка надъ испанцами при Санта-Круцѣ—самое блестящее морское дѣло въ эту эпоху—отмѣтили ихъ имена въ исторіи глубокими чертами; но въ данное время наиболѣе важная роль выпала на долю Айртона. Имѣя тогда тридцать пять лѣтъ отъ роду, онъ былъ сыномъ небогатаго землевладѣльца въ Нотингамширѣ, воспитывался въ Оксфордѣ и читалъ лекціи законовѣдѣнія въ Темплѣ. Онъ сражался при Эджхиллѣ, былъ вмѣстѣ съ Кромвелемъ при Гейнсборо и Марстонъ-Мурѣ, наконецъ, какъ мы видѣли, командовалъ кавалеріей лѣваго крыла при Нэзеби, гдѣ его постигла неудача. Ни въ одной пар-

Digitized by Google

тіи не было человѣка, который бы могъ сравняться съ Айртономъ по разуму и характеру. Многіе находили въ немъ «темпераментъ и убѣжденія Кассія», потому что онъ былъ рѣшителенъ, не боялся послѣдовательно проводить свои принципы, дѣятеленъ, скроменъ и обладалъ даромъ руководить другими, включая самого Кромвеля. Онъ обладалъ также прямолинейностью, настойчивостью и опредѣленностью, которымъ мягкія натуры придаютъ названіе фанатизма. Онъ подчинялъ интересы частныхъ людей, а вмѣстѣ и свой собственный, интересу общественному. Онъ былъ ловокъ и изобрѣтателенъ, храбръ въ битвѣ и мудръ въ совѣтѣ, весь цѣликомъ отдаваясь общему дѣлу. «Кромвель былъ о немъ очень высокаго мнѣнія и никому не подчинялся до такой степени, какъ Айртону». Изъ-за дѣлъ общественныхъ послѣдній совершенно забывалъ о себѣ — ему было все равно, что ѣсть, въ какое платье одѣваться, на какой лошади ѣздить и въ которомъ часу лечь спать. Кромвель добродушно приписываетъ Айртону большую охоту писать; самъ онъ не пишетъ къ послѣднему потому, что «одна моя строчка повлечетъ за собою цѣлое письмо съ его стороны». Проектированіе конституцій есть занятіе, въ наши дни, по справедливости, признаваемое довольно безплоднымъ, но сила умственнаго сосредоточенія и зиждительныхъ способностей, проявленная Айртономъ въ его планахъ пересмотра конституціи, заслуживаетъ быть отмѣченною. Онъ обладалъ достаточными юридическими познаніями для того, чтобы понимать основы и формы государственнаго устройства, но не былъ юристомъ-теоретикомъ, неспособнымъ на сдѣлки съ жизнью. Если слѣдовало создать новую конституцію, то Айртонъ какъ разъ годился для этого дѣла. Отсутствіе корыстолюбія равнялось въ немъ высотѣ разума и широтѣ пониманія. Когда онъ служилъ въ Ирландіи, то парламентъ ассигновалъ ему двѣ тысячи фунтовъ въ годъ. Узнавъ объ этомъ, Айртонъ сказалъ, что не нуждается въ такой большой суммѣ и что парламентъ лучше бы сдѣлалъ, заплативъ изъ этихъ денегъ свои долги. За такого-то человѣка, своего товарища по оружію, Кромвель, годъ спустя послѣ Нэзеби (1646), отдалъ свою дочь, Бриджетъ, дѣвушку двадцати двухъ лѣтъ.

Сдача короля шотландцамъ создала новыя усложненія. Эпизодъ этотъ, длившійся съ мая 1646 года по январь 1647-го, обострилъ отношенія между Англіей и Шотландіей.

Давидъ Лесли, первый лордъ Ньюоркъ.
(Съ гравированнаго портрета Леви въ Британскомъ музеѣ).

Отношенія эти давно уже не были дружескими. Ссоры изъ-за пресвитеріанскаго однообразія въ устройствѣ Церкви, изъ-за военнаго соперничества, изъ-за денегъ, изъ-за пограничныхъ крѣпостей, вмѣстѣ съ исконной національной враждою, содѣйствовали развитію такого опаснаго напряженія страстей, которое, благодаря борьбѣ политическихъ партій въ самой Шотландіи, стало еще опаснѣе.

Условія взаимнаго соглашенія, называемыя Девятнадцатью Предложеніями, были

Digitized by Google

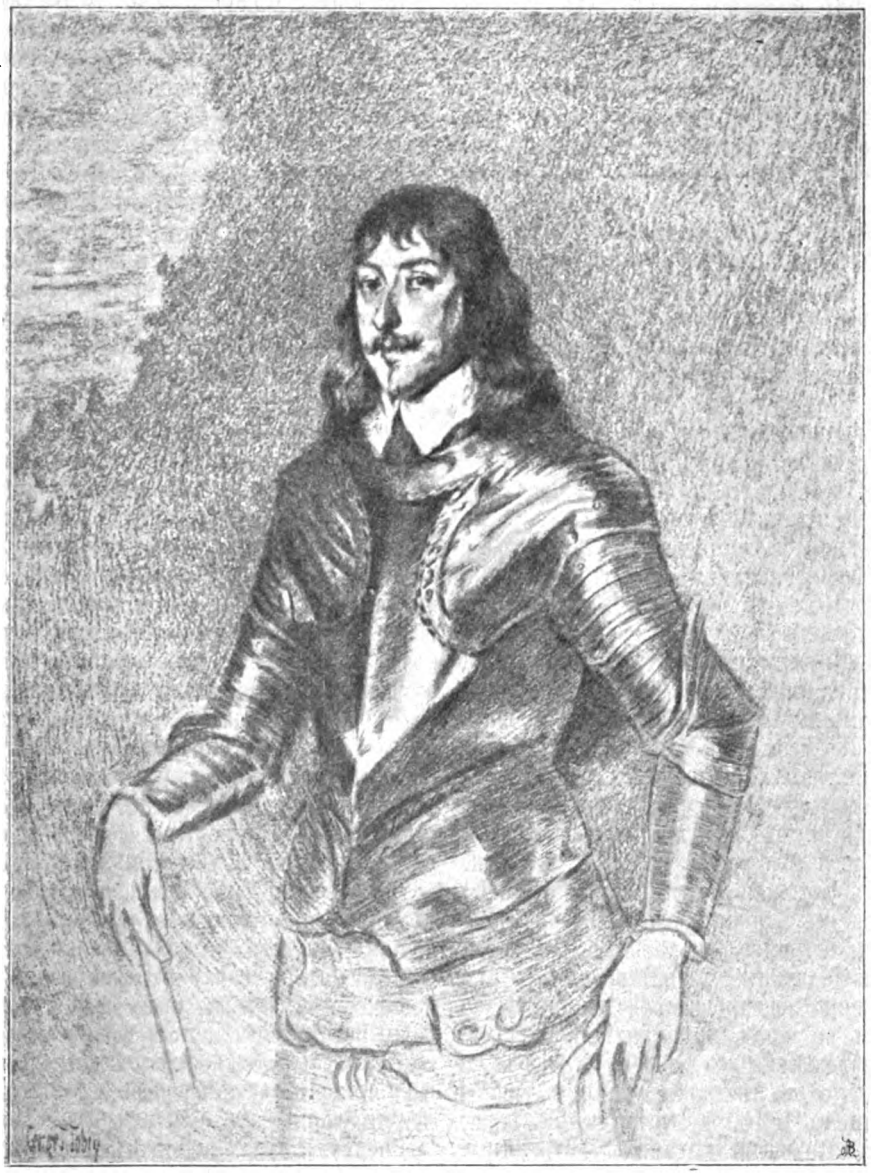
подносимы королю въ 1642 году въ Іоркѣ, затѣмъ въ 1643 году въ Оксфордѣ и, наконецъ, въ 1644—1645 году въ Уксбриджѣ. Отказъ его на эти предложенія повелъ ко введенію новой системы и къ Нэзеби. Тѣ же предложенія сдѣланы были ему и теперь въ Ньюкэстлѣ. Согласно имъ, онъ долженъ былъ: подписать Ковенантъ и заставить всѣхъ своихъ подданныхъ сдѣлать то же самое; уничтожить навсегда епископатъ и удалить епископовъ; предписать папистамъ воспитывать своихъ дѣтей въ протестантскихъ школахъ и въ протестантской религіи; воспретить служеніе мессъ гдѣ бы то ни было, не исключая Двора; передать въ руки парламента на двадцать лѣтъ контроль надъ военными силами государства, а равно и бюджетъ арміи; изгнать изъ предѣловъ королевства огромное количество храбрѣйшихъ и преданнѣйшихъ своихъ сторонниковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эти предложенія, даже и теперь кажущіяся столь тяжелыми по своей нетерпимости, возмутили короля до глубины души и показались ему прямымъ посягательствомъ на права короны.

Ральфъ, лордъ Гонтонъ изъ Страттона.
(Съ портрета въ Лондонской Національной галлереѣ).

Въ первое время по пріѣздѣ Карла въ лагерь шотландцевъ между нимъ и послѣдними состоялось кажущееся соглашеніе, обрадовавшее пресвитеріанъ и опечалившее индепендентовъ. Но когда начались настоящіе переговоры и король гордо отказался принять Предложенія, то картина мгновенно измѣнилась. Да и, дѣйствительно, самъ Карлъ никогда не лелѣялъ такой глупой мечты, какъ его неудавшіеся союзники, шотландцы, которые надѣялись сдѣлать изъ него ковенантора. Въ данномъ случаѣ коса нашла на камень: шотландскіе ковенанторы и англійскіе пуритане встрѣтились съ волею, столь же неуступчивой, какъ ихъ собственная. Къ концу лѣта безумное упорство короля, какъ они называли, раздражило всѣхъ его пресвитеріанскихъ сторонниковъ. Они никакъ не могли понять, что съ точки зрѣнія Карла преемственность благодати, лежавшей на епископахъ, представляла собою основу англійской Церкви и связь ея съ Церковью вселенской, хотя сами столь же упорно держались этой преемственности между пресвитерами. Индепенденты смотрѣли на все это съ какимъ-то суровымъ удовольствіемъ, которое скоро начало принимать еще болѣе мрачный и жестокій характеръ.

Несмотря на всѣ увѣренія короля, что онъ настаиваетъ на епископатѣ не изъ пустого каприза, а по убѣжденію, никто ему не вѣрилъ. Время показало всю несправедливость такого недовѣрія. Король, впрочемъ, не скрывалъ отъ королевы и другихъ своихъ друзей, уговаривавшихъ его проглотить какъ-нибудь пресвитеріанство, что онъ возстаетъ противъ послѣдняго не по однѣмъ только религіознымъ, но и по политическимъ причинамъ. «Въ натурѣ пресвитеріанскаго устройства лежитъ», говорилъ онъ, «стремленіе украсть или сбить корону съ головы короля, потому что основной ихъ принципъ (я знаю, что это такъ) состоитъ въ томъ, что король долженъ подчиняться Христовой Церкви, которой они считаютъ себя единственными представителями и правителями, такъ какъ даютъ королю только одинъ голосъ на своихъ соборахъ, да и то безъ права утверждать что-либо». Говоря, что онъ «знаетъ, что это такъ», король вспомнилъ о тѣхъ тяжелыхъ часахъ, которые отецъ его пережилъ во-

Digitized by Google



Джемсъ Грээмъ, пятый графъ и первый маркизъ Монтрозъ.
(Съ портрета Ванъ-Дейка).

время своихъ столкновеній съ духовенствомъ. Ему приходилось, вѣроятно, слышать о бурной сценѣ, происшедшей между Іаковомъ VI и Эндрью Мельвилемъ въ 1596 году. Проповѣдникъ раскричался на короля, называя его непокорнымъ, безумнымъ рабомъ Божіимъ, схватилъ его за рукавъ и доказывалъ, что въ Шотландіи есть два королевства и два короля; что главнѣйшими изъ нихъ являются царство Божіе, то-есть Церковь, и царь ея—Господь Іисусъ Христосъ, а что король Іаковъ VI въ этомъ царствѣ является не королемъ, не господиномъ, не главою, а простымъ рядовымъ подданнымъ. «Тѣ же, которымъ Господь поручилъ блюсти свою Церковь и управлять своимъ духовнымъ

Digitized by Google

царствомъ, обладаютъ достаточной властью и авторитетомъ, неподсудными никакому христіанину, будь онъ принцъ или король. Всѣ христіане равно обязаны подчиняться этой власти и поддерживать ее.»

Искренность подчиненія авторитету Церкви не сдѣлала, однако же, Карла прямодушнымъ. Онъ согласился на всѣ предложенія, касающіяся Ирландіи, надѣясь, какъ самъ говорилъ французскому посланнику Бельевру, что двусмысленныя выраженія, въ нихъ вкравшіяся, дадутъ ему впослѣдствіи возможность объяснить ихъ въ свою пользу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ королевѣ Карлъ даетъ понять, что онъ называетъ двусмысленными выраженіями. «Я имъ даю, правда, возможность», пишетъ онъ, «надѣяться на большее, чѣмъ они получатъ впослѣдствіи, но я же вѣдь только обѣщаюсь постараться удовлетворить ихъ, да и само это обѣщаніе дается мною лишь подъ условіемъ, чтобы они выказали готовность заключить миръ».

«Мнѣ весьма не легко», пишетъ французскій посланникъ изъ Ньюкэстля, «справляться съ дѣлами короля, который скрываетъ отъ меня многое и не слушается моихъ совѣтовъ, хотя публично старается выказать мнѣ свое довѣріе. Подчиняясь вліянію приближенныхъ, онъ подъ рукою устраиваетъ свои дѣла на основаніи всетѣхъ же нелѣпыхъ фантазій, которыя его погубили. Я сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы поддержать его и предохранить его отъ гибели, но только даромъ потерялъ время. Его критическое положеніе, его поведеніе и неудачливость во всѣхъ предпріятіяхъ лишаютъ меня надежды на успѣхъ.» Какъ король поступилъ со своими преданными и умными друзьями въ 1646 году, точно такъ же поступалъ и съ умными врагами въ 1647-омъ.

XVIII.

Король-плѣнникъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что причина гибели короля лежала столь же въ его положеніи, сколь въ характерѣ. Правящіе слои населенія рѣшили измѣнить отношенія короны къ парламенту, при чемъ трудно было надѣяться, чтобы Карлъ, оставаясь такимъ, какимъ онъ былъ, согласился пассивно стать въ положеніе, приготовленное для него торжествующими врагами. За послѣднее столѣтіе въ Европѣ было основано много конституціонныхъ монархій, а во сколькихъ случаяхъ новый режимъ былъ введенъ безъ потрясеній и безъ сверженія старой династіи? О Карлѣ I мы можемъ сказать то же, что говорилось о Людовикѣ XVI. Отъ него ежедневно требовали невозможнаго -- отказа отъ своихъ исконныхъ правъ и отъ связи съ предками; уваженія къ конституціи, связывавшей его по рукамъ и ногамъ; любви къ революціи, которая разрушила его власть. Могъ ли онъ удовлетворить эти требованія?

Несправедливо также сваливать вину на взаимное непониманіе враждовавшихъ сторонъ и зависящую отъ того неспособность столковаться, дойти до компромисса. Катастрофа стала обязательной не потому, чтобы чьи либо принципы были плохи или непоняты противной стороною, а просто благодаря антагонизму волей, столкновенію интересовъ, взрыву партійныхъ страстей, стремленію къ индивидуализаціи. Король рѣшился не отдавать того, что реформаторы рѣшили у него отнять. Онъ чувствовалъ, что уступка будетъ измѣною предкамъ, жившимъ раньше его, и потомкамъ, которые будутъ жить позже. А противники его чувствовали, что отступленіе съ ихъ стороны закуетъ ихъ душу и тѣло въ цѣпи. Такимъ же образомъ пресвитеріане съ индепендентами боялись и ненавидѣли другъ друга не потому, чтобы взаимно не понимали принциповъ своего противника или не могли сойтись съ нимъ, а потому что были возбуждены, потому что всякую уступку въ своихъ убѣжденіяхъ, всякій компромиссъ считали нравственнымъ позоромъ, потому что въ дѣлѣ были замѣшаны партійные интересы, столь для всѣхъ дорогіе и въ то же время заключающіе въ себѣ почти столько же зла, сколько добра.

Неудачи Карла зависѣли не отъ одной только его наклонности къ интригамъ и двоедушію. Онѣ обусловливались, главнымъ образомъ, его недальновидностью, отсутствіемъ политическаго чутья, преувеличеніемъ своихъ силъ, безтолковымъ смѣшеніемъ средствъ съ цѣлями. Къ несчастію, простое легкомысліе лицъ, стоящихъ во главѣ большого государства, можетъ надѣлать столько же бѣдъ, сколько и злодѣянія тирановъ. Съ непонятной самоувѣренностью Карлъ работалъ надъ проектами и комбинаціями, не только крайне трудными по выполненію, но и не вяжущимися другъ съ другомъ.

Digitized by Google

Онъ одновременно велъ переговоры съ индепендентами, ирландскими католиками и шотландскими пресвитеріанами. Надѣясь на поддержку ковенанторовъ, онъ въ то же самое время полагался и на Монтроза, на котораго послѣдніе смотрѣли какъ на кровнаго своего врага. Высказывая желаніе сойтись какъ нибудь со своимъ народомъ и парламентомъ, онъ разрабатывалъ химерическій планъ созданія новой арміи, съ которою можно подчинить ихъ своей волѣ, и ждалъ каждую минуту высадки французовъ или лотарингцевъ, датчанъ или голландцевъ, долженствовавшихъ пройти черезъ Кентъ и Суффолкъ прямо на Лондонъ. Ведя переговоры съ людьми, для которыхъ папа былъ чѣмъ-то въ родѣ антихриста, онъ уполномочивалъ свою жену выпрашивать у этого антихриста то сто тысячъ кронъ, то двѣсти тысячъ. При всемъ томъ онъ долженъ былъ знать, что каждый его ходъ въ этой сложной игрѣ становится извѣстнымъ всѣмъ остальнымъ игрокамъ.

Надо признаться, что всѣ эти безтолковые проекты и противорѣчивыя мѣропріятія были дѣломъ самого короля. Въ совѣтникахъ, говорившихъ правду, онъ не имѣлъ недостатка. Посланникъ кардинала Мазарини неоднократно, «безъ всякихъ обиняковъ и нисколько не стѣсняясь», говорилъ ему о глубокомъ негодованіи шотландцевъ, вызываемомъ его двуличной политикой, а равно и о томъ, что они такъ же, какъ умѣреннѣйшіе изъ англичанъ, потеряли всякую надежду сойтись съ нимъ въ чемъ-либо. Оксфордскіе друзья Карла давно уже видѣли, что только одно чудо можетъ спасти его. При какихъ-нибудь особыхъ условіяхъ онъ могъ, конечно, получить помощь съ континента, но такія условія не создавались. Онъ могъ также набрать хорошую армію въ Ирландіи, но и на это не было никакого намека. Могло случиться, пожалуй, и то, что, соединивъ шотландцевъ съ англійскими роялистами, онъ покорилъ бы при ихъ помощи Англію. Но обо всѣхъ такихъ комбинаціяхъ, до тѣхъ поръ, пока вопросъ о религіи и устройствѣ Церкви остается открытымъ, могутъ мечтать только завзятые реакціонеры, эмигранты да короли, находящіеся въ изгнаніи. Одинъ изъ умѣренныхъ роялистовъ, графъ Дорсетъ, убѣждалъ Карла сойтись съ парламентомъ на такихъ условіяхъ, которыя не были бы унизительны для короны и не лишали бы народъ свободы. Онъ говорилъ, что со стороны короля неблагоразумно было бы настаивать на введеніи абсолютизма въ странѣ свободныхъ людей, а со стороны націи было бы низко подчиниться такому стѣсненію своей воли. Карлъ холодно отвѣчалъ ему на это, что говоритъ онъ голосомъ Іакова, а руки у него—руки Исава.

Джонъ Поулеттъ, маркизъ Винчестеръ.
(Съ портрета Петера Оливера).

Digitized by Google

Въ другомъ случаѣ, когда тотъ же Дорсетъ, вмѣстѣ со многими лордами, убѣждалъ короля сойтись съ парламентомъ, разсерженный Карлъ отвѣчалъ имъ, что будетъ защищаться одинъ, если друзья ему измѣнятъ. Пэры, озадаченные ненормальной раздражительностью короля, задумали было даже выдать Карла парламенту, предполагая, что честь его при этомъ менѣе пострадаетъ, чѣмъ при неминуемомъ захватѣ его особы врагами.

Письма королевы, написанныя въ теченіе этого долгаго періода переговоровъ, бросаютъ яркій свѣтъ какъ на характеръ короля,

Бриджетъ Кромвель (впослѣдствіи мистриссъ Айртонъ, а еще позднѣе—мистриссъ Флитвудъ).

(Съ миніатюры Кросса въ Виндзорскомъ дворцѣ).

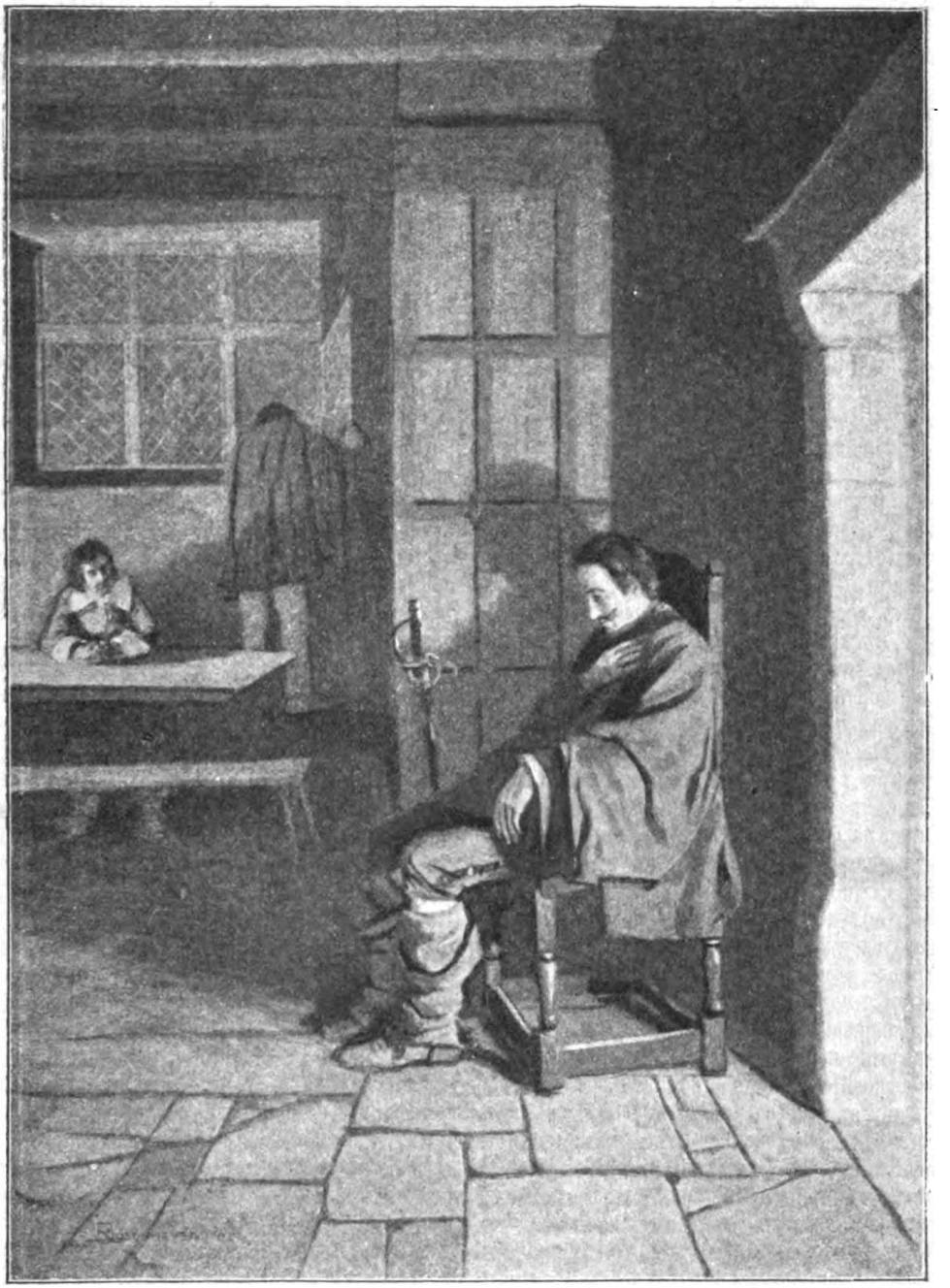
такъ и на ея собственный. Жалобы на недостатокъ постоянства и рѣшимости въ Карлѣ составляютъ ихъ вѣчный припѣвъ. Въ отсутствіи настойчивости съ его стороны королева видитъ причину неминуемой и общей для нихъ обоихъ гибели. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда король заговариваетъ о мирѣ съ парламентомъ, то королева собирается уйти въ монастырь, говоря, что не рѣшится отдать свою судьбу въ руки палаты общинъ, которая тогда станетъ въ Англіи абсолютнымъ властелиномъ. «Если вы опять перемѣните ваши намѣренія, то прощайте навсегда. Коли у васъ не хватитъ рѣшимости, то мнѣ остается только умереть. До тѣхъ поръ, пока парламентъ еще существуетъ, я не могу васъ считать королемъ и ноги моей не будетъ въ Англіи». За каждую уступку она его горько упрекаетъ: «Въ послѣдній разъ говорю вамъ, что если вы еще сдѣлаете уступку, то вы погибли, я же никогда не вернусь въ Англію, а уйду молиться за васъ Богу» (Декабрь 1646 г.). Нечего искать другихъ доказательствъ слабости характера Карла помимо такого обращенія съ нимъ жены, съ которою онъ прожилъ двадцать лѣтъ.

Подчиненіе его королевѣ было полнымъ. Онъ не смѣетъ назначить дядьки для своего сына или взять къ себѣ Монтроза, въ качествѣ спальничаго, безъ ея согласія. Онъ не можетъ опредѣлить своихъ отношеній къ Ирландіи, Франціи или Даніи, не спросивъ совѣта жены. Онъ говоритъ ей, что изъ всѣхъ непріятностей и затрудненій, неразрывно связанныхъ съ настоящимъ его положеніемъ (въ Ньюкэстлѣ), ему труднѣе всего переносить упрямство и непониманіе со стороны друзей, но что пока она его понимала, ему это было ни по чемъ, а вотъ теперь, когда онъ ошибся и въ ней, когда послѣдняя отрада ему измѣнила, теперь онъ чувствуетъ, что дѣйствительно погибъ. «Если бы я поступалъ противъ совѣсти», пишетъ онъ, «то былъ бы недостоинъ твоей любви!» Но рядомъ съ этой избитой отговоркой, свойственной всѣмъ сантиментальнымъ людямъ, привыкшимъ и думать и поступать двоедушно, онъ тщательно старается сдержать когда-то данное слово и не говорить съ женой о религіи. Только тогда уже, когда и между ними возникли недоразумѣнія, король, стараясь оправдаться, излагаетъ свои взгляды на передачу апостольской благодати, на божественное право епископовъ и на беззаконія пресвитеріанства, постояннаго спутника и возбудителя возстаній.

Двоедушіе Карла достигло своего апогея въ знаменитыхъ инструкціяхъ его лорду Гляморгану. Этотъ эпизодъ былъ предметомъ большихъ разногласій и заслуживаетъ подробной передачи, какъ иллюстрація характера Карла I, съ которымъ приходилось имѣть дѣло Кромвелю и сторонникамъ порядка вообще.

Гляморганъ, католикъ по религіи, въ политикѣ былъ одинъ изъ тѣхъ опасныхъ по своей беззастѣнчивости простаковъ, къ которымъ король вообще питалъ пристрастіе.

Digitized by Google



Карлъ, ожидающій возвращенія французскаго посланника.
(Рисунокъ Розенмейера).

Digitized by Google

Король отправилъ его въ Ирландію съ порученіемъ, во-первыхъ, завязать сношенія съ папой и католическими державами континента, а, во-вторыхъ, заключить договоръ съ католической конфедераціей Ирландіи. Въ обоихъ случаяхъ цѣлью переговоровъ было полученіе армій или денегъ взамѣнъ различныхъ маленькихъ льготъ католическому вѣроисповѣданію въ странѣ.

Гляморганъ, убѣжденный въ абсолютной необходимости какъ можно скорѣе доставить своему господину помощь ирландской арміи, вопреки всякимъ инструкціямъ, не обращаясь къ Ормонду и вообще къ мѣстной администраціи, заключилъ секретный договоръ прямо съ католической конфедераціей, при чемъ обѣщалъ ей: отмѣнить всѣ законы, направленные противъ публичныхъ проявленій католическаго культа; оставить въ рукахъ католиковъ всѣ церкви, которыми они владѣли, и даже возвратить отнятыя; снабдить католическое духовенство независимою духовной юрисдикціей надъ дѣлами паствы. Этотъ договоръ, заключенный въ августѣ, два мѣсяца спустя послѣ Нэзеби, былъ открытъ въ октябрѣ и попалъ къ Ормонду еще до Рождества. Взбѣшенный тайный совѣтъ Ирландіи тотчасъ же заключилъ Гляморгана въ тюрьму, а договоръ къ срединѣ января прислалъ въ Вестминстеръ. Здѣсь, какъ и въ Дублинѣ, на него посмотрѣли какъ на отказъ короля отъ главенства надъ англиканской Церковью, на введеніе католичества и на полное разореніе протестантскаго духовенства, вплоть до лишенія его церквей и вообще недвижимой собственности. Король немедленно и окончательно отрекся отъ Гляморгана, но потомъ совѣсть въ немъ заговорила, и онъ, признавъ справедливымъ преданіе послѣдняго суду, для возстановленія своей собственной непричастности къ договору съ конфедераціей, просилъ все-таки Ормонда воздержаться отъ приведенія въ исполненіе судебнаго приговора надъ обвиняемымъ, а вскорѣ несчастный эмиссаръ оказался на свободѣ и опять попалъ въ милость къ королю. Послѣдній, между прочимъ, писалъ Гляморгану слѣдующее: «Не сомнѣваясь въ томъ, что у васъ хватитъ смѣлости для того, чтобы не смущаться всѣмъ происшедшимъ, могу васъ увѣрить, что мое уваженіе къ вамъ не только не уменьшилось, а, напротивъ, порождаетъ во мнѣ желаніе отмстить за васъ и реабилитировать насъ обоихъ (потому что дѣло это касается меня столько же, сколько васъ). Поэтому, зная вашу мнѣ преданность, спѣшу васъ увѣрить въ постоянномъ моемъ къ вамъ расположеніи, каковое и постараюсь доказать болѣе на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ. С. К. (Carolus Rex.)».

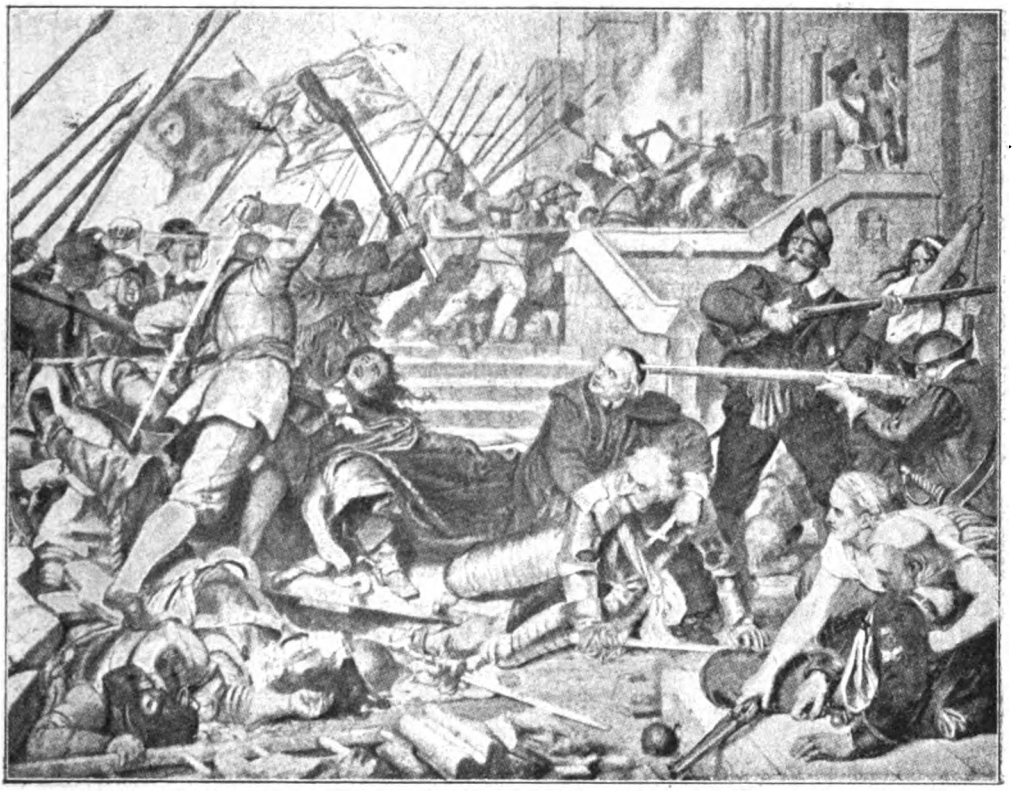
Послѣднее слово обо всемъ этомъ дѣлѣ мы беремъ у Кларендона. «Я долженъ признаться», пишетъ онъ своему секретарю, «что мнѣ не хотѣлось бы и говорить объ ирландскомъ дѣлѣ, разъ вашему фавориту, Гляморгану, дѣйствительно были даны инструкціи, нарушающія и право, и благочестіе, и здравый смыслъ. Боюсь, что въ этомъ дѣлѣ было много такого, чего мы бы съ вами не посовѣтовали. Вообще этотъ ирландскій договоръ доставилъ мнѣ болѣе тяжелыхъ минутъ, чѣмъ всѣ военныя неудачи короля; на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на проявленіе Божьяго гнѣва надъ нами.» Въ своей «Исторіи возстанія» Кларендонъ, дѣйствительно, ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ печальномъ эпизодѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ поступковъ короля не выставляетъ такъ ярко двуличности, неискренности, даже низости его отношеній къ друзьямъ и сподвижникамъ, хотя низость эта уже выказалась въ мрачномъ и трагическомъ дѣлѣ Страффорда.

Въ Вестминстерѣ Гляморгановскій договоръ произвелъ ужасное впечатлѣніе. Пресвитеріане открыто говорили, что король теперь навсегда погибъ въ ихъ глазахъ. Самъ Карлъ въ паническомъ страхѣ предложилъ передать парламенту управленіе Ирландіей, легкомысленно выпуская изъ своихъ рукъ всю ирландскую политику, которою такъ долго занимался, бросая на вѣтеръ всѣ свои обязательства и обѣщанія, данныя ирландскимъ католикамъ, и безусловно предавая послѣднихъ злѣйшимъ ихъ врагамъ, жаждавшимъ кровавой расправы.

Никакія усилія съ его стороны не могли смягчить всеобщаго гнѣва и устранить подозрѣній, возбужденныхъ Гляморгановскимъ договоромъ и секретными бумагами, захваченными въ лагерѣ при Нэзеби. Его обращеніе къ иностраннымъ государствамъ стало всѣмъ извѣстно. Отсылка принца Уэльскаго къ матери, во Францію, была принята какъ открытый призывъ къ иностранному вмѣшательству, не говоря уже про то, что королева, заполучивъ въ свои руки сына, могла

Digitized by Google

заставить его слушать мессу и женить на дочери принца Орлеанскаго. Помимо этого, изъ бумагъ было видно, что король, съ помощью десятитысячной ирландской арміи, собирался покорить своей власти южную Шотландію и затѣмъ вновь поднять возстаніе противъ парламента въ сѣверной Англіи. Сынъ датскаго короля съ тремя или четырьмя тысячами голландскихъ ветерановъ долженъ былъ вторгнуться въ сѣверную



Защита Базингъ-Хауза кавалерами.
(Съ фрески Копа въ корридорахъ палаты лордовъ).

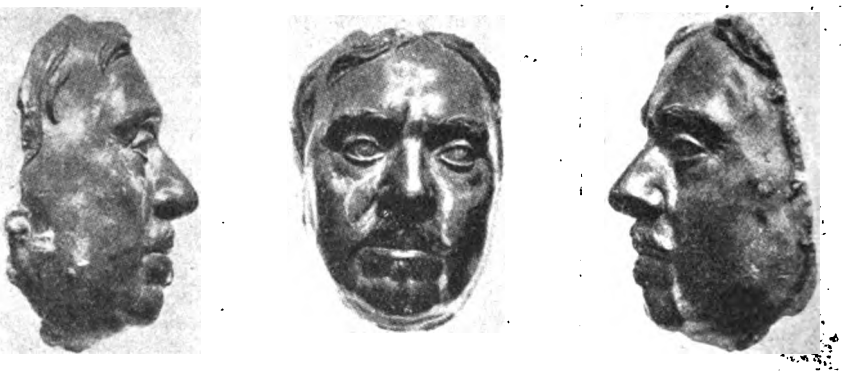
Шотландію. Въ то же время восемь или десять тысячъ французовъ присоединятся къ остаткамъ королевской арміи въ Корнваллѣ.

Даже переговоры, давно уже начатые въ Мюнстерѣ и долженствовавшіе окончить Тридцатилѣтнюю войну Вестфальскимъ миромъ, увѣнчавъ политику Ришелье, и тѣ казались англійскимъ протестантамъ подозрительными, такъ какъ миръ могъ развязать руки Франціи и Испаніи, для совмѣстнаго ихъ дѣйствія противъ Англіи, на которую, очевидно, обрушился Божій гнѣвъ. Постъ и молитва поэтому никогда не были такъ усердно практикуемы, какъ именно въ это время.

Борьба между двумя главными религіозно-политическими партіями продолжалась, однако же, съ тою же силою, какъ и прежде. Успѣхъ политики индепендентовъ, такъ ярко выразившійся при Нэзеби, сдѣлалъ эту партію господствующей въ Вестминстерѣ, несмотря на сопротивленіе большинства. Съ каждымъ новымъ промахомъ короля престижъ индепендентовъ возрасталъ. Въ особенности сильно подѣйствовало на общественное мнѣніе то обстоятельство, что индепенденты послѣ долгихъ и запутанныхъ переговоровъ съ королемъ и шотландцами въ Ньюкэстлѣ достигли намѣченныхъ ими себѣ цѣлей. Оставшіеся за флагомъ пресвитеріане озлобились поэтому еще болѣе. Къ концу января 1647 года новое положеніе

Digitized by Google

вещей окончательно выяснилось. Шотландцы, не сумѣвшіе склонить Карла на такія уступки по религіознымъ вопросамъ, безъ которыхъ ни одинъ ковенанторъ не могъ поднять за него оружіе, получивъ свое жалованье, перешли обратно границу и отправились по домамъ, а ихъ мѣсто, въ качествѣ тюремной стражи при особѣ короля, заняли коммиссіонеры англійскаго парламента. По распоряженію обѣихъ палатъ, мѣстомъ жительства для него былъ назначенъ городъ Хольмби въ Нортэмптонскомъ графствѣ. Тамъ король и оставался до іюня мѣсяца, когда сцена еще разъ внезапно перемѣнилась.



Маска Оливера Кромвеля, будто бы снятая при его жизни.
(Изъ коллекціи Астлей).

XIX.

Кризисъ 1647 года.

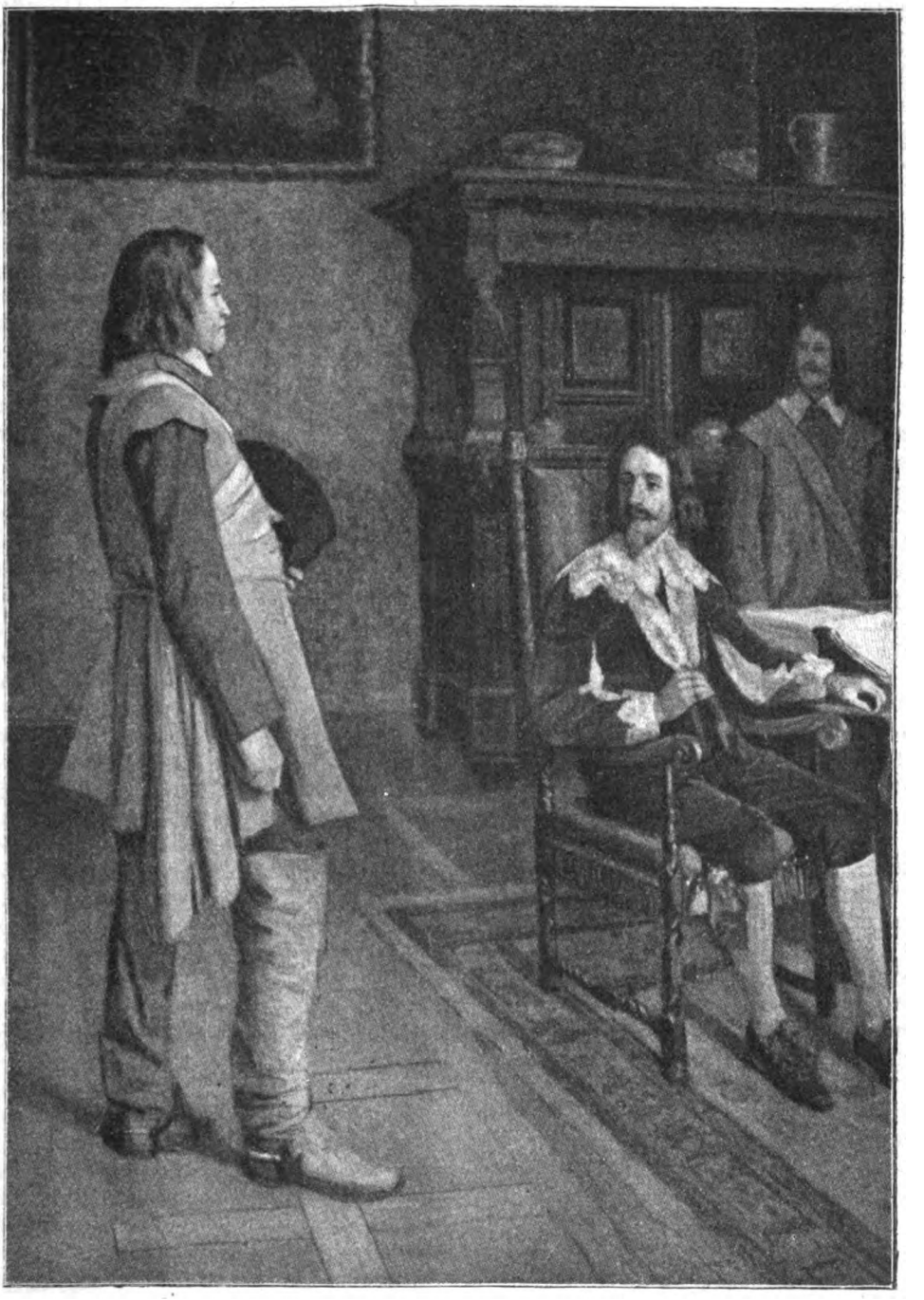
Если была когда-либо революція, не только матеріалистическая, но и идейная, не только возгорѣвшаяся изъ-за чьихъ-либо выгодъ, но и изъ-за принциповъ, то это была революція англійская. Одновременно съ нею во Франціи тоже происходили гражданскія смуты, но Фронда представляетъ собою лишь столкновеніе узкихъ аристократическихъ интересовъ съ абсолютной властью монарха. Фронда не можетъ считаться предвѣстникомъ великой французской революціи, съ ея стремленіями къ полному перерожденію государства, она была лишь послѣдней судорогой умиравшаго феодализма.

Совсѣмъ другое видимъ мы въ англійской революціи. Съ обѣихъ сторонъ въ ней почти не было людей, по счастливому выраженію Данта, «хлопочущихъ только о себѣ», всѣ заботились больше объ идеяхъ.

Какъ бы ни были, однако же, рѣзки и фанатичны пуританскія идеи, при столкновеніи съ жизнью онѣ оказались смутными и расплывчатыми, въ чемъ Кромвель—самый практичный изъ руководителей движенія—не преминулъ въ скорости убѣдиться.

Руководителемъ движенія, въ глазахъ друзей и враговъ, Кромвель сдѣлался не ранѣе 1645 года. Къ этому времени онъ сталъ кумиромъ для солдатъ—проповѣдывалъ имъ и молился вмѣстѣ съ ними, шутилъ и игралъ въ снѣжки. Будучи бравымъ, энергичнымъ, веселымъ солдатомъ, во время битвы онъ превращался въ непобѣдимаго полководца. Въ парламентѣ его знали какъ горячаго, толковаго и настойчиваго, хотя весьма лаконичнаго оратора. Парламентская партія вполнѣ ему довѣряла, зная, что онъ не выдастъ ни при какомъ испытаніи. Однимъ словомъ, будучи прекраснымъ полководцемъ, Кромвель являлся въ то же время идеальнымъ вождемъ партіи. Храбрый, но сдержанный; медлительный, но твердый; запальчивый въ битвѣ, какъ и въ политикѣ, но умѣющій во-время затянуть мундштукъ, онъ какъ разъ былъ созданъ для того, чтобы стать во главѣ революціи, тѣмъ болѣе, что обладалъ

Digitized by Google



Первое свиданіе Кромвеля съ Карломъ I.
(Рис. Розенмейера).

Digitized by Google

горячимъ сердцемъ и высоко развитой совѣстью.

Пока шотландцы старались превратить короля въ ковенантора, парламентъ изыскивалъ средства выгнать ихъ самихъ изъ Англіи, а индепенденты подкапывались подъ пресвитеріанъ, Кромвель сносился съ роялистами, заступаясь за нѣкоторыхъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, подвергавшихся религіознымъ преслѣдованіямъ. «Воистину ничто такъ не заставляетъ меня искать ихъ (роялистовъ) благорасположенія», пишетъ онъ въ іюлѣ 1646 года, «какъ жалость къ этимъ честнымъ бѣднякамъ, страдающимъ за свои религіозныя убѣжденія. Какъ бы на это ни смотрѣли, я не стыжусь просить за всякаго угнетеннаго по такимъ причинамъ, желая, чтобы и со мной такъ поступали. Мы живемъ, сэръ, въ смутныя времена, при всеобщемъ озлобленіи, тѣмъ болѣе ужасномъ, что оно основано на разницѣ въ убѣжденіяхъ, и жестокость матеріальная, обращенная на личность и имущество лицъ, держащихся противнаго мнѣнія, едва ли поможетъ намъ сойтись когда-либо». Къ тому же времени относится знаменитое изреченіе, сказанное Кромвелемъ одной изъ своихъ дочерей, по поводу ея сестры, оплакивающей свое тщеславіе и обратившейся къ исканію нравственнаго удовлетворенія: «Быть ищущимъ,— почти то же что стать нашедшимъ; кто разъ началъ искать, тотъ не успокоится до конца. Счастливы нашедшіе, но счастливы и ищущіе!».

Никогда въ нашей исторіи расположеніе шашекъ на политической шахматной доскѣ не было болѣе запутаннымъ. Парламентъ, находящійся въ рукахъ пресвитеріанъ, сталъ лицомъ къ лицу со своей арміей, предводимой индепендентами, и обѣ стороны относились другъ къ другу съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ. Проповѣди становились все горячѣе и горячѣе; злоба со всѣхъ сторонъ разгоралась. «Съ Божіимъ дѣломъ нельзя медлить; и такъ мы много времени потеряли, слишкомъ много»,—пишетъ Кромвель въ 1646 году. «Господь гнѣвается и какъ будто бы въ послѣдній разъ говоритъ намъ: «Нанесете ли вы окончательный ударъ или нѣтъ? Исполните ли Мое велѣніе? Если нѣтъ, то скажите Мнѣ это, и Я тогда пролью вашу кровь вмѣстѣ съ кровью виновныхъ. День суда и мести наступилъ; время появленія Искупителя настало! Не щадите самыхъ высокопоставленныхъ; дѣти Саула не были пощажены; Зимри и Козби (Zimri and Cozbi) должны быть преслѣдуемы до ихъ шатровъ, хотя они и цари въ своемъ народѣ. Вотъ какъ слѣдуетъ служить Богу».

Кромвель видѣлъ, что городъ Лондонъ— главная крѣпость парламента—усталъ и готовъ склониться къ миру. Онъ видѣлъ, что въ арміи, гдѣ его собственный авторитетъ стоитъ очень высоко, существуютъ всеже подземныя теченія и дѣйствуютъ темныя силы. Наконецъ, онъ видѣлъ, что король, хотя и разбитый, твердо держится за свою религію, свою корону и своихъ друзей, вѣруя, что ничто не помѣшаетъ ему одержать побѣду надъ врагами, хотя и торжествующими, но разъѣдаемыми внутренними несогласіями. «Мы полны всяческой мерзости»,—пишетъ Кромвель Фэрфаксу (10-го августа 1646 г.) въ порывѣ дурного предчувствія.

Такъ стояли дѣла въ Англіи. Извнѣ Кромвель видѣлъ суровыхъ и обозленныхъ шотландцевъ, хотя и вернувшихся въ свою страну, но зорко смотрящихъ черезъ границу и готовыхъ броситься на помощь королю или парламенту, какъ имъ окажется выгоднѣе. Съ другой стороны онъ видѣлъ Ирландію, опасную по своему индифферентному отношенію къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ и потому служащую оружіемъ для каждой изъ нихъ—какъ для парламента противъ арміи, такъ и для короля противъ его враговъ. Дѣло, однимъ словомъ, остановилось передъ двумя одинаково нежелательными исходами—лицемѣрной и непрочной реставраціей или безконечной и отчаянной борьбой.

Едва ли въ исторіи гражданскихъ войнъ есть еще такой примѣръ, въ которомъ побѣдители были бы лишены возможности предписать условія мира, а побѣжденные оставались бы господами положенія. Разбитый король не сдавался духовно и долженъ былъ еще въ послѣдній разъ попытать счастія. Даже теперь, если бы мы могли читать исторію революціи, какъ недоконченный еще разсказъ, то происшествія 1647 года вызвали бы въ насъ эмоцію отъ нетерпѣнія узнать, на чьей сторонѣ окажется окончательная побѣда—на сторонѣ ли короля, въ судьбѣ котораго можетъ заинтересовать насъ чувство, или на сторонѣ парламента, дѣло котораго оправдывается разумомъ.

Кларендонъ говоритъ, что хотя пресвитеріане были столь же лицемѣрны и порочны,

Digitized by Google

Члены парламента, изгоняющіе чернь изъ палаты общинъ.
(Рис. Сулливана).

Digitized by Google

какъ индепенденты, но между этими двумя партіями есть одно великое различіе, состоявшее въ томъ, что индепенденты всегда шли прямо къ цѣли и дѣлали какъ разъ то, что для этого было нужно, а пресвитеріане поступали какъ разъ наоборотъ и сами себѣ вредили. Для такого курьезнаго различія онъ даетъ двѣ причины. Во-первыхъ, во главѣ пресвитеріанъ стояла цѣлая группа людей, непохожихъ другъ на друга ни по характеру, ни по наклонностямъ, и эти люди, естественнымъ образомъ, тянули партію въ разныя стороны; индепенденты, напротивъ того, безпрекословно подчинялись двумъ или тремъ личностямъ, такъ хорошо спѣвшимся, что разногласія между ними быть не могло. Во-вторыхъ, пресвитеріанскіе вожди всегда очень заботились о томъ, будутъ ли ихъ дѣйствія послѣдовательны и что о нихъ скажутъ, тогда какъ Кромвель и его друзья, разъ рѣшивъ, что нужно дѣлать, ни съ чьимъ мнѣніемъ не справлялись, а шли впередъ или назадъ или вовсе останавливались и окончательно измѣняли планъ дѣйствій, заботясь не о послѣдовательности, а объ успѣхѣ. Короче,—говоритъ Кларендонъ,—одни рѣшались дѣлать только то, что могло понравиться народу, а другіе были увѣрены, что народу понравится все ими сдѣланное. Такое опредѣленіе мы должны признать не только остроумнымъ, но и вѣрнымъ. Кларендонъ въ этихъ краткихъ словахъ характеризовалъ различіе, всегда существовавшее между слабыми и сильными партіями, между могучими вождями, исполняющими свою волю, и вождями безвольными, ожидающими, чтобы обстоятельства заставили ихъ дѣйствовать.

Въ данномъ случаѣ обстоятельства настойчиво требовали дѣйствія и партійный духъ въ парламентѣ воспрялъ. Въ самомъ дѣлѣ, за окончательной побѣдой надъ королемъ война была кончена, и передъ палатами возникъ трудный и опасный вопросъ о распущеніи побѣдоноснаго войска, ясно сознающаго величіе совершенныхъ имъ подвиговъ. Но распустить его было необходимо—Англія стонала подъ бременемъ налоговъ; Сити требовало мира съ королемъ, такъ какъ война мѣшала торговлѣ; въ Ирландію требовались вооруженныя силы. Даже собственный интересъ пресвитеріанской партіи требовалъ распущенія героевъ, давшихъ ей власть надъ страною, потому что тѣ же герои могли и передать эту власть въ руки индепендентовъ.

Признать Кромвеля человѣкомъ скорымъ на рѣшенія, не колеблющимся, не сомнѣвающимся и даже не взвѣшивающимъ обстоятельствъ, какъ это дѣлаютъ многіе писатели, нѣтъ никакихъ основаній. Въ теченіе критическаго 1647 года онъ скорѣе подчиняется различнымъ теченіямъ, чѣмъ руководитъ ими. Переходя отъ роли военачальника къ роли государственнаго человѣка, Кромвель долженъ былъ, вѣроятно, изучить сначала методы, пригодные для послѣдняго и совершенно непохожіе на тѣ, которыми онъ пользовался ранѣе. Когда битвы и осады прекратились, то о Кромвелѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не было, что называется, ни слуха, ни духа. Парламентъ подарилъ ему двѣ тысячи пятьсотъ фунтовъ годового дохода съ конфискованныхъ земель. Переѣхавъ изъ Эли, онъ жилъ съ тѣхъ поръ въ Лондонѣ, недалеко отъ палаты общинъ.

Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Кромвель участвовалъ въ вотахъ о распущеніи арміи, проходившихъ въ палатѣ въ 1647 году, такъ какъ Оливеръ, повидимому, даже не посѣщалъ въ это время парламента. Воты эти были въ высшей степени неблагоразумны. Солдаты жалуются, главнымъ образомъ, на два обстоятельства: во-первыхъ, на то, что имъ не была дана амнистія за проступки, совершенные во время войны, за которые они могли подвергнуться судебнымъ преслѣдованіямъ, а, во-вторыхъ, на то, что имъ не сполна выплатили жалованье. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить эти жалобы сполна, парламентъ спорилъ изъ-за нихъ, горячился, урѣзывалъ. Амнистія была дана неполная, жалованье выдали только за восемь недѣль, вмѣсто пятидесяти или шестидесяти; просьбы солдатъ рвали или жгли рукою палача, провозглашая просителей врагами родины. Въ парламентъ представлена даже была петиція объ арестѣ Кромвеля, какъ подстрекателя солдатъ къ ропоту, а въ то же время сами солдаты обвиняли его въ несочувствіи къ ихъ нуждамъ и въ стараніи помѣшать удовлетворенію послѣднихъ.

Армія, стоявшая въ Саффронъ-Вальденѣ, становилась все упрямѣе. Солдаты входили въ стачки, завели корреспонденцію, выбирали себѣ ходатаевъ и не переставали подавать петиціи. Три такихъ ходатая, привезшіе письмо къ Кромвелю и другимъ гене-

Digitized by Google

раламъ, были вызваны къ рѣшеткѣ палаты общинъ, и ихъ стойкость до такой степени обезпокоила парламентъ, что онъ тотчасъ же распорядился послать къ арміи Кромвеля, Айртона, Флитвуда и Скиппона, для производства разслѣдованія. Слѣдователи собрали митингъ въ церкви Саффронъ-Вальдена, гдѣ и выслушали жалобы отъ представителей разныхъ полковъ. О религіи и политикѣ на этомъ митингѣ не было рѣчи; всѣ жалобы касались только задержки жалованья. Солдаты просили уплаты или оставленія ихъ подъ знаменами. Вся сцена напоминала, должно быть, наши теперешніе митинги рабочихъ союзовъ во время стачки. По темпераменту, здравому смыслу, даже по манерѣ выражаться, англійскій солдатъ семнадцатаго столѣтія похожъ былъ, вѣроятно, на теперешняго трезваго и здравомыслящаго рудокопа или фабричнаго. Война, впрочемъ, должна была ожесточить его нѣсколько и сдѣлать нетерпящимъ противорѣчій, рѣшительнымъ на словахъ и на дѣлѣ.

Между тѣмъ случилась нѣкая весьма темная исторія. Еще въ началѣ мая, когда Кромвель былъ въ Саффронъ-Вальденъ, ходили слухи, что какіе-то пѣхотные солдаты изъ Кембриджшира намѣреваются увезти короля изъ Хольмби. Слухи эти возбудили большое негодованіе, но вскорѣ оказались вѣрными. Однажды вечеромъ, около Хольмби, показалась группа всадниковъ. Комендантъ гарнизона испугался и, заподозрѣвъ нападеніе, ночью бѣжалъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго

Джорджъ Джойсъ.
(Съ портрета изъ коллекціи Астрей).

Digitized by Google

дня нѣкто корнетъ Джойсъ, во главѣ пятисотъ человѣкъ, вошелъ въ ворота крѣпости. Люди его живо побратались со своими товарищами въ гарнизонѣ и заняли караулы. По городу разнесся слухъ, что бѣглый офицеръ парламентской арміи собралъ большое войско и хочетъ вести короля въ Лондонъ. Въ десять часовъ вечера Джойсъ, дѣйствительно, приступилъ къ выполненію этого предпріятія; разбудивъ короля, онъ почтительно увѣдомилъ его о необходимости на другой же день выѣхать изъ Хольмби. Король колебался и спорилъ до шести часовъ утра. Подъ конецъ разговора онъ спросилъ у Джойса, по чьему приказанію онъ дѣйствуетъ и какое онъ имѣетъ право настаивать на отъѣздѣ. Джойсъ отвѣчалъ, что приказаній онъ ни отъ кого не получилъ, а право его опирается на пятьсотъ человѣкъ всадниковъ, выстроенныхъ на дворѣ. «Хорошая опора и ничѣмъ не хуже писаныхъ хартій»,—весело сказалъ король, имѣвшій основаніе ожидать для себя хорошихъ послѣдствій отъ этого приключенія. Карлъ былъ увѣренъ, какъ самъ послѣ признавался, что простой корнетъ не осмѣлился бы увезти его, не имѣя на то приказанія старшихъ, а если онъ имѣлъ такія приказанія, то, значитъ, вожди арміи рѣшили порвать свою связь съ парламентомъ, что для короля могло оказаться очень выгоднымъ.

Два дня спустя на пути въ Ньюмаркетъ, куда король просилъ отвезти себя, весь поѣздъ въ сопровожденіи двухъ делегатовъ отъ парламента остановился ночевать въ домѣ одного джентльмена, около Кембриджа. Тамъ король весьма любезно принялъ Фэрфакса, Кромвеля, Айртона и нѣкоторыхъ другихъ генераловъ. Два человѣка, связанные другъ съ другомъ драмой, такъ тяжело отразившейся на судьбѣ обоихъ, здѣсь въ первый разъ встрѣтились лицомъ къ лицу. Фэрфаксъ желалъ, чтобы король вернулся въ Хольмби, и когда впервые узналъ о его увозѣ, то собирался было послать значительный отрядъ для того, чтобы остановить Джойса и вернуть его назадъ. Это обстоятельство и увѣренія всѣхъ другихъ генераловъ убѣдили короля въ томъ, что высшія власти арміи дѣйствительно ничего не знали о предпріятіи Джойса. «Вы вполнѣ оправдались», — сказалъ король, послѣ чего онъ былъ отвезенъ въ Ньюмаркетъ, гдѣ и оставался подъ стражей арміи.

Былъ ли замѣшанъ Кромвель, прямо или косвенно, въ этой темной исторіи — до сихъ поръ не разъяснено [1]). Возможно, что Кромвель велѣлъ Джойсу только беречь короля отъ подозрѣваемыхъ имъ намѣреній парламента, а увозъ состоялся лишь по недоразумѣнію, но легко можетъ быть и такъ, что вся исторія была затѣяна парламентскими пресвитеріанами, а Кромвель не игралъ въ ней никакой роли. Позднѣе было отмѣчено весьма многозначительное совпаденіе: въ тотъ самый вечеръ, когда Джойсъ входилъ въ спальню короля, Кромвель, заподозрѣвъ пресвитеріанъ въ намѣреніи арестовать послѣдняго, выѣхалъ къ арміи. Вообще степень участія его въ увозѣ короля не такъ важна, какъ то одобреніе, которое онъ впослѣдствіи высказалъ этой мѣрѣ, долженствовавшей дать хорошій урокъ парламентскому большинству. Замѣчательно, что Кромвель отнесся къ выходкѣ Джойса почти такъ же, какъ къ еще болѣе странной выходкѣ Прайда нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Въ обоихъ случаяхъ онъ опровергалъ свое участіе, но оба приключенія одинаково одобрялъ.

Такимъ образомъ революція вступила въ новый фазисъ. Съ выходки Джойса при Хольмби начинается движеніе по наклонной плоскости, отъ одного насилія къ другому, при чемъ каждое предыдущее обусловливаетъ собою всѣ послѣдующія и каждое послѣдующее оказывается болѣе жестокимъ, чѣмъ предыдущее. Полевой судъ, изгнанія, проскрипціи, казни, диктатура, реставрація—вотъ тотъ страдный путь, по которому, несмотря на всякія хорошія слова и блестящія надежды, поневолѣ должны были идти обѣ стороны.

XX.

Кромвель и армія.

Парламентъ почувствовалъ, наконецъ, всю силу арміи и ея рѣшимость пользоваться этой силой, — почувствовалъ и испугался.

[1]) Д-ръ Гардинеръ положительно удостовѣряетъ, что Кромвель поручилъ Джойсу только стеречь короля, а не увозить его. Фиртъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія данныхъ, приходитъ къ тому же, хотя, мнѣ кажется, не отказываясь и отъ сомнѣній, высказанныхъ имъ года за три раньше. (Dict. Nat. Biogr. XIII. p. 164).

Digitized by Google

Сити не столь слабонервно, но все же съ живымъ безпокойствомъ слѣдило за тѣмъ, какъ главная квартира переходила въ Сентъ-Альбансъ, въ Беркхамстэдъ, въ Уксбриджъ, въ Уайкомбъ — то ближе къ Лондону, то дальше отъ него, сегодня выпуская декларацію, завтра—предостереженіе, послѣ завтра—обвиненіе, подобно отдаленной тучѣ, бросающей отъ времени до времени молніи.

Слово «чистка» (purge) въ первый разъ явилось тогда въ политическомъ словарѣ. Совершенно такъ же, какъ король когда-то преслѣдовалъ пятерыхъ членовъ парламента, армія стала преслѣдовать одиннадцать такихъ членовъ, требуя удаленія всей группы вожаковъ пресвитеріанской партіи, съ Дензилль Холльсомъ во главѣ (іюня 16—26). Въ этой партіи, къ ея несчастію, не было такихъ людей, какъ Оливеръ, но все же среди одиннадцати находились люди столь же чистые, честные и любящіе свою родину, какъ и незабвенные пять. И когда подумаешь, что двадцать лѣтъ геройскихъ усилій кончились реставраціей, то по неволѣ приходитъ въ голову, что нѣтъ основаній упрекать въ педантизмѣ парламентъ, идеи котораго, худо ли, хорошо ли, въ концѣ концовъ восторжествовали, и прославлять армію, совсѣмъ не имѣвшую такихъ идей, которыя могли бы быть воплощены и одобрены націей. Въ теченіе нѣкотораго времени парламентъ держался твердо, требуя доказательствъ виновности своихъ членовъ, на удаленіи которыхъ настаивала армія. Въ отвѣтъ на это требованіе офицеры ссылались на прецедентъ 1640 года, когда самъ парламентъ подвергъ секвестраціи Страффорда, Лода и Финча, тоже не представляя никакихъ доказательствъ ихъ вины. Такимъ образомъ эта секвестрація, а затѣмъ удаленіе одиннадцати были первыми шагами на пути, который привелъ къ выселенію Кромвеля изъ Бобля въ 1653 году.

Сити, раздраженное требованіями арміи и слабостью пресвитеріанской партіи въ парламентѣ, представляло ему петицію за петиціей, одна рѣзче другой, а за петиціями вскорѣ послѣдовало и форменное возстаніе. Матросы и побережные рыбаки, рабочая молодежь и приказчики изъ Ольдерсгэта и Чипсайда составили между собою одинъ изъ тѣхъ торжественныхъ договоровъ, которые такъ часто составлялись въ эти смутныя времена, и когда этотъ договоръ былъ растерявшимися палатами провозглашенъ наглымъ, вреднымъ, измѣнническимъ, то раздраженная чернь двинулась на Вестминстеръ. Быстро покончивъ съ девятью джентльменами, присутствовавшими въ этотъ день въ палатѣ лордовъ, заставивъ ихъ изъять изъ протоколовъ ненавистное провозглашеніе, возставшіе съ шумомъ осадили палату общинъ. Нѣкоторые изъ нихъ, такъ же, какъ король Карлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нарушили неприкосновенность зала засѣданій, сломали двери и ворвались бы въ нихъ, если бы члены палаты съ оружіемъ въ рукахъ не выгнали незваныхъ гостей. Но когда спикеръ хотѣлъ удалиться изъ палаты, то чернь возобновила свое нападеніе, насильно посадила спикера на мѣсто и принудила его поставить вопросъ о немедленномъ возвращеніи короля, со всѣмъ почетомъ, присвоеннымъ его особѣ. Вотъ какъ быстро реакція перенимала замашки революціи.

Нарушеніе неприкосновенности парламента не было уже новостью. Чернь изъ Сити еще и прежде приходила въ Вестминстеръ требовать суда надъ Страффордомъ. На второй годъ междоусобной войны громадная толпа женщинъ съ бѣлыми лентами на шляпахъ ввалилась сначала на дворъ Вестминстера, а потомъ и въ залъ, громко ругая Пима, жалуясь на прекращеніе заработковъ, требуя мира и головы сэра Генри Вэна. Немного раньше, лѣтомъ того же 1647 года, солдаты распущенныхъ отрядовъ арміи написали ругательные стихи на дверяхъ парламента и произвели демонстрацію на дворѣ церкви Св. Маргариты. Вообще всѣ двадцать лѣтъ революціи были рядомъ переходовъ изъ огня въ полымя.

Переполненные негодованіемъ на такое нарушеніе неприкосновенности парламента, спикеры обѣихъ палатъ съ большинствомъ членовъ и со всѣми инсигніями парламентской власти (хартіями, жезлами, печатями и проч.) перенесли свои засѣданія въ армію, гдѣ были приняты со всѣмъ почетомъ, подобающимъ представителямъ англійскаго народа. На смотру, который устроилъ для нихъ Фэрфаксъ въ Хёнслоу-Хисѣ, войско привѣтствовало ихъ крикомъ: «Да здравствуютъ лорды и общины свободнаго парламента!». Такимъ образомъ реакціонное возстаніе Сити поставило армію въ то положеніе, которое она давно старалась занять, — въ поло-

Digitized by Google

женіе покровительницы англійскаго парламента, а, кромѣ того, обязало ее двинуться на Лондонъ, что усиливало политическое вліяніе Кромвеля и его партіи, то-есть индепендентовъ.

Изъ трехъ вторженій военной силы въ парламентскую жизнь за вышеизложенными обстоятельствами послѣдовало первое (августъ 1647 г.). Двери палаты, правда, не были при этомъ такъ грубо закрыты, какъ это сдѣлалъ Кромвель въ 1653 году; генеральной «чистки», какъ въ декабрѣ 1648 года, тоже не послѣдовало. Фэрфаксъ потомъ хвалился тѣмъ, что не допустилъ военнаго насилія надъ палатой, но все же Кромвель, съ его согласія, совершилъ нѣчто похожее. Онъ занялъ Хайдъ-Паркъ кавалеріей и потомъ, сопровождаемый солдатами, прошелъ къ своему мѣсту въ палатѣ. Когда онъ занялъ свое мѣсто, то у всѣхъ выходовъ были многозначительно поставлены часовые. Вообще, съ этой минуты, солдаты окончательно стали политическими дѣятелями, и о томъ, какова будетъ ихъ политика, можно было догадаться и не переживая того опыта, который Европа пережила съ тѣхъ поръ.

Вообще во время революціи Англія была наименѣе революціонной страною изъ всѣхъ трехъ. Въ ней не было ни угрюмаго, грубаго, неуступчиваго ковенанторства сѣверной Шотландіи, ни дикой, первобытной, полубезсознательной свирѣпости ирландцевъ. Въ сущности, не она, а двѣ послѣднія страны дѣлали революцію.

Кромвель былъ англичаниномъ съ ногъ до головы и потому съ понятнымъ неудовольствіемъ убѣждался въ существованіи наклонности къ бунту въ арміи. Въ гражданскихъ войнахъ,—говоритъ современникъ Кромвеля, де-Ретцъ,—ужаснѣе всего то, что многимъ приходится отвѣчать за поступки, которыхъ они не совершали. «Всѣ становятся бѣшеными и даже самые сдержанные не могутъ ни говорить, ни поступать благоразумно». Что бы ни говорили о герояхъ и какъ бы ни восхваляли силу ихъ воли, государственный человѣкъ, находящійся въ положеніи Кромвеля, въ смутныя времена, скоро начинаетъ понимать, что обстоятельства ему не подчиняются. Роль его сводится только на то, чтобы лавировать между ними, выбирая изъ золъ меньшее, да и то не всегда: бываютъ случаи, въ которыхъ и онъ плыветъ по теченію. Назвать ли это судьбою, или силою вещей, или, какъ называли и Кромвель, и Карлъ, и пресвитеріане, и индепенденты, и католики—волей Божіей, но, во всякомъ случаѣ, роль государственнаго человѣка въ смутныя времена требуетъ хладнокровія и рѣшительности, энергіи и предусмотрительности.

Никогда нравственныя качества Кромвеля не проявлялись такъ ярко, какъ въ то время, когда онъ подъ давленіемъ необходимости пытался создать союзъ арміи съ королемъ. Всѣ неудачи и несчастія, постигавшія его вплоть до смерти, возникли изъ неудачи переговоровъ, начатыхъ имъ съ этой цѣлью. Реставрація Карла I, устроенная Кромвелемъ, имѣла бы совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ реставрація Карла II Монкомъ.

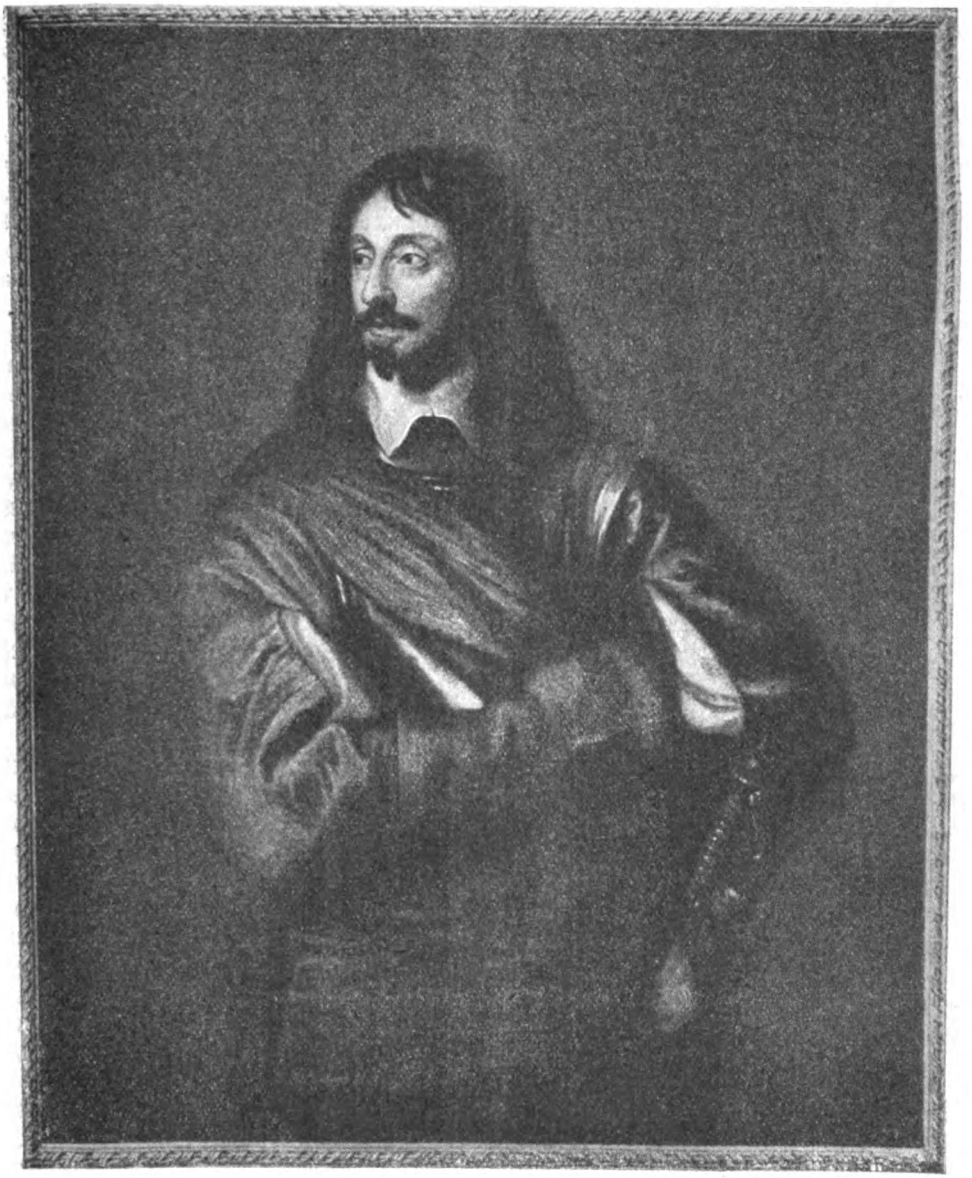
Въ срединѣ лѣта 1647 года Кромвель заявилъ, что онъ не желаетъ никакихъ перемѣнъ въ гражданскомъ управленіи, ни введенія въ него пресвитеріанской прямолинейности, ни, наоборотъ, «господства распущенности подъ именемъ свободы совѣсти». «Все, чего мы желаемъ,—говоритъ онъ,—это — чтобы каждый добрый гражданинъ, никому не мѣшающій и полезный родинѣ, пользовался свободой и покровительствомъ, согласно справедливости и настоящей государственной политикѣ.»

Къ несчастію, Кромвель столкнулся съ убѣжденіями столь же твердыми, какъ и его собственныя. Какъ ни легкомысленно велъ себя Карлъ, но онъ такъ же, какъ и Кромвель, твердо вѣрилъ, что исполняетъ волю Бога, поддерживая учрежденія, Имъ Самимъ установленныя. Онъ такъ же вѣрно служилъ тому, что считалъ своимъ долгомъ и благомъ общественнымъ. Онъ столь же покойно и съ такой же чистой совѣстью встрѣчалъ неудачи и несчастія, долженствовавшія довести его до печальнаго конца.

Карлъ имѣлъ основанія предполагать, что можетъ воспользоваться рознью парламента съ арміей и пресвитеріанъ съ индепендентами для торжества своего дѣла. Рознь эта дошла тогда до своего апогея, и трудно было ожидать, чтобы она скоро кончилась. Обѣ стороны искали случая воспользоваться королемъ, и послѣдній имѣлъ полное право выбрать ту, которая предоставляла ему больше выгодъ.

Къ несчастію, онъ былъ слишкомъ нерѣшителенъ для того, чтобы остановиться на одной изъ сторонъ, и пропустилъ надлежа-

Digitized by Google



Генералъ Генри Айртонъ.
(Съ картины Добсона).

щій моментъ. Всѣ усилія Кромвеля повели только къ упадку его собственнаго вліянія на армію; не сойдясь ни съ королемъ, ни съ парламентомъ, онъ долженъ былъ, наперекоръ своимъ желаніямъ и природнымъ наклонностямъ, передать дѣло въ руки самой арміи. Благодаря этому, Кромвель, примиритель по натурѣ и сторонникъ порядка въ широкомъ смыслѣ слова, попалъ въ водоворотъ военной и гражданской анархіи, унесшій его туда, гдѣ онъ никогда не желалъ очутиться. Армейскіе политики стали господами положенія и направили революцію въ сторону, нежелательную для Кромвеля. При открытіи Долгаго Парламента едва ли кто-либо могъ это предвидѣть.

Digitized by Google

Карлейль жестоко ошибается, когда, проводя параллель между якобинцами и англійскими сектантами, говоритъ, что разница между ними зависѣла не только отъ различія въ положеніи, но еще болѣе отъ различія вѣры, такъ какъ послѣдніе вѣровали въ Іисуса Христа, а первые—въ Жанъ-Жака Руссо. Вѣрнѣе было бы сказать, что англійскіе сектанты предвосхитили идеи Жанъ-Жака и что отъ этихъ идей зависѣла вся неурядица, съ которой пришлось бороться Кромвелю и его сторонникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе сектанты за сто сорокъ лѣтъ до французской революціи говорили уже языкомъ Руссо. «Ни одинъ благоразумный человѣкъ, — пишетъ Мильтонъ, — не станетъ отрицать, что люди отъ природы родятся свободными».

Въ знаменитомъ актѣ, составленномъ арміей осенью 1647 года и получившемъ названіе Народнаго Соглашенія—Agreement of the People (вмѣстѣ съ двумя другими актами, носящими то же названіе и провозглашенными въ 1648 — 49 годахъ), включены уже всѣ параграфы Декларацiи о правахъ человѣка, изложенные столь же ясно, какъ у Робеспьера или Джефферсона. Тамъ есть и верховная власть народа, управляющаго черезъ своихъ представителей, и политическая свобода, и равноправность, и свобода совѣсти, какъ главныя основы общенія. Въ сущности, какъ бы ни были различны редакція фразъ и опорные пункты доказательствъ, но блаженный сонъ измученнаго трудомъ и угнетеннаго человѣка всегда былъ и будетъ одинаковъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Свобода, равенство, братство, прирожденныя права—для того, чтобы мечтать о нихъ, не нужно читать философскія книги.

Наблюдая солдатъ въ лагерѣ послѣ Нэзеби, Бакстеръ нашелъ, что всѣ они смотрятъ побѣдителями. Духъ арміи сразу перемѣнился. На короля стали смотрѣть, какъ на тирана, и удивлялись, почему нельзя его убить, если можно съ нимъ сражаться. Бакстеръ самъ слышалъ, какъ солдаты говорили: «Что такое англійскій лордъ, какъ не полковникъ Вильгельма Завоевателя! А бароны—майоры, простые дворяне (knights)—капитаны». Отсюда выводились чреватыя послѣдствіями заключенія, пошла въ ходъ логика, а политическая логика въ людяхъ извѣстнаго темперамента превращается въ нѣчто ядовитое. Такіе люди не остановятся до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до голыхъ, абстрактныхъ принциповъ и не начнутъ примѣнять послѣдніе къ жизни, не обращая вниманія ни на какія побочныя обстоятельства, иногда измѣняющія самый смыслъ принципа.

Съ этого времени въ арміи устанавливается два рода совѣтовъ—военный и политическій, которые нужно строго отличать другъ отъ друга. Постоянный, чисто-военный совѣтъ, состоящій изъ однихъ только генераловъ, учрежденъ былъ съ самаго начала войны и политикой не занимался; политическіе же совѣты, учрежденные въ 1647 году, состояли изъ смѣси офицеровъ съ делегатами отъ солдатъ. Помимо нѣкоторыхъ генераловъ, въ составъ ихъ входили по четыре представителя отъ каждаго полка—два офицера и два солдата. Въ такомъ составѣ совѣты эти пробыли, впрочемъ, не долго. Послѣ казни короля они состояли уже изъ однихъ только офицеровъ, а самый безпокойный, солдатскій элементъ изъ нихъ вышелъ. Съ такими-то совѣтами, удержавшимися до конца революціи, Кромвель долженъ былъ имѣть дѣло, при чемъ офицеры ли имъ командовали или онъ ими—это зависѣло отъ партійныхъ перетасовокъ.

По счастливой случайности сохранилось и, благодаря стараніямъ замѣчательно усерднаго и талантливаго ученаго, до насъ дошло весьма живое изображеніе тогдашнихъ полухаотическихъ порядковъ. Въ маѣ 1647 года въ Саффронъ-Вальденѣ Кромвель старался поднять въ арміи уваженіе къ парламенту, какъ къ единственному авторитету, поддерживающему порядокъ. Въ іюлѣ въ Рединґѣ положеніе уже измѣнилось: страсти начали разгораться, парламентъ, войдя въ соглашеніе съ Сити, сдѣлался врагомъ арміи, хотя въ его средѣ и существовала еще сильная военная партія. Кромвель поэтому также измѣнилъ свое отношеніе къ палатамъ, въ виду невозможности на нихъ положиться. Но онъ мѣнялъ свою политику весьма медленно и осторожно, заботясь, главнымъ образомъ, о сохраненіи единства въ странѣ, о постоянствѣ и твердости стремленій въ арміи и о достиженіи мира безъ новой войны. Митинги армейскихъ совѣтовъ лучше чѣмъ что-либо опредѣляютъ теченіе идей, господствовавшихъ въ это критическое время, и даже болѣе: въ нихъ уже намѣчаются основныя черты современной демократіи, съ ея честными порывами, неправильнымъ мышленіемъ

Digitized by Google

и слѣпой борьбой противъ желѣзныхъ законовъ природы.

Тутъ въ первый разъ выступаютъ во всемъ своемъ блескѣ способности Кромвеля какъ государственнаго человѣка, одновременно борющагося съ пресвитеріанами въ парламентѣ, радикалами—въ арміи и королемъ—въ его кабинетѣ. Задача достойная гиганта! По словамъ Кларендона, онъ со всѣми былъ одинаково грубъ и рѣзокъ. «Я не думаю, чтобы васъ стоило слушать», говоритъ Кромвель одному оратору; другому напоминаетъ, что онъ забылъ, вѣроятно, что имѣетъ дѣло съ разумными людьми, такъ какъ иначе приводилъ бы какіе-нибудь доводы, а не твердилъ все одно и то же, безъ всякаго смысла. «Пускай себѣ думаютъ на здоровье, что мы ищемъ какихъ-либо личныхъ выгодъ; меня это не сдвинетъ съ моего пути». «Меня упрекаютъ въ томъ, что я слишкомъ скоръ и настойчивъ, но это особенность такихъ людей, какъ я: мы всегда думаемъ, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, и идемъ вскачь, прямо передъ собою». Вотъ фразы, характеризующія подлиннаго Оливера. Медленный въ обсужденіи, онъ всегда былъ скоръ на дѣйствія. Объединеніе было его главной задачей. «Не давайте людямъ сѣять недовольство и тормозить дѣло, запутывая его длинными спорами и ненужными противорѣчіями. Онъ ли правъ, или я правъ, но если мы раздѣлимся, то оба будемъ неправы.» Безполезно было говорить Кромвелю, что сторонникамъ его было бы пріятно, чтобы онъ поступилъ такъ или иначе въ какомъ-нибудь частномъ вопросѣ. «Мы должны соображаться только съ благомъ страны, — отвѣчалъ онъ на это,—важно не то, что имъ нравится, а то, что нужно.»

Вотъ какъ близко подходилъ Кромвель къ основной проблемѣ всяческой демократіи. Но онъ еще не зналъ, какъ трудно убѣдить людей въ томъ, что не все имъ пріятное въ дѣйствительности нужно. Только горькій опытъ познакомилъ его съ этой истиной. Но если бы онъ даже зналъ заранѣе всѣ недостатки правленія, основаннаго на общественномъ мнѣніи и дающаго перевѣсъ невѣжеству надъ знаніемъ, нахальству — надъ благоразуміемъ, крикуну—надъ скромнымъ мыслителемъ, то и тогда бы не могъ не отдать ему преимущества передъ правленіемъ Стюартовъ и Лодовъ, приводящимъ къ еще худшему результату.

Несмотря на разладъ свой съ парламентомъ, Кромвель все-таки старался поддержать уваженіе къ нему въ арміи. Намъ придется, можетъ быть, идти на Лондонъ, говорилъ онъ, но лучше бы сговориться мирно, и если мы все-таки пойдемъ, то только въ силу крайней необходимости. Только то прочно, что добыто мирными переговорами. «Пріобрѣтенное силою никогда не бываетъ хорошо само по себѣ, да еще и непрочно и приноситъ безчестіе. Положительно говорю вамъ: гонитесь за тѣмъ, что вамъ нужно, а силою вы получите только ненужное.»

Правда, парламентъ вотировалъ вызывающую декларацію противъ арміи, но стоитъ ли ссориться со всякой собакой, которая залаетъ на тебя на улицѣ? Стоитъ ли подвергать страну опасности изъ-за такихъ пустяковъ? Пусть армія не увлекается ни гнѣвомъ, ни самоувѣренностью и ничѣмъ другимъ въ такомъ родѣ, «а слушается только разума и серіозныхъ, живыхъ доказательствъ.» «Я желалъ бы, — говорилъ Кромвель ранѣе,—чтобы мы всегда помнили, что все пріобрѣтенное по свободному соглашенію вдвое лучше добытаго силой и прочнѣе будетъ принадлежать намъ и нашему потомству.» Признавать знаменитаго человѣка, въ самую трудную минуту своей общественной дѣятельности выступившаго съ такими широкими и гуманными принципами, за воплощеніе вѣры въ силу какъ единственное средство — было бы жесточайшей ироніей въ исторіи.

Осенью 1647 года въ Путни политическій совѣтъ арміи превратился во что-то въ родѣ учредительнаго собранія. Еще въ іюнѣ Айртонъ составилъ для него декларацію желаній относительно «окончательнаго установленія нашихъ и королевскихъ правъ, свободы, мира и безопасности». Въ первый разъ, такимъ образомъ, чисто военное собраніе начинаетъ играть политическую роль. «Мы не наемная армія,—говорится далѣе въ декларацiи,—но созваны для защиты свободы, нашихъ собственныхъ и народныхъ правъ, мы подняли оружіе сознательно и обдуманно для того, чтобы бороться противъ произвола, насилія и угнетенія, противъ всякихъ партій и частныхъ интересовъ». Такія идеи проводятся Айртономъ въ достопамятныхъ «Главахъ Предложеній Арміи» — актѣ, оказавшемъ впослѣдствіи значитель-

Digitized by Google

ное вліяніе на строй республики и протектората.

Въ октябрѣ 1647 года радикальная часть арміи представила Совѣту два документа: «Постановленіе арміи» (Case of the Army Stated) и вышеупомянутое «Народное Соглашеніе»—титулъ, даваемый, какъ я уже сказалъ, документу, представленному Лильбёрномъ въ 1648 году и Айртономъ въ 1649. Во всѣхъ этихъ актахъ излагаются, во-первыхъ, жалобы арміи на различныя несправедливости, касающіяся ее лично, а, во-вторыхъ, подробный планъ государственнаго устройства, основаннаго на высшей власти палаты общинъ, избираемой всеобщей подачей голосовъ—планъ чисто республиканскій. Передъ людьми, начавшими революцію съ Пимомъ и Гемпденомъ, возстало, такимъ образомъ, привидѣніе, ими не вызванное.

Вообще съ осени 1647 года послѣдовалъ цѣлый рядъ неожиданностей. Кто бы могъ ожидать, напримѣръ, что не болѣе, какъ черезъ годъ послѣ категорическаго заявленія Айртона о твердомъ его намѣреніи стоять за права короля и парламента, въ Уайтхоллѣ будетъ воздвигнутъ эшафотъ? Впрочемъ, Кромвель, присоединившійся къ заявленію Айртона, выражался болѣе обдуманно и осторожно. «Претензіи и желанія, выраженныя въ вашемъ планѣ конституціи,—говоритъ онъ,—весьма разумны и если бы мы прямо могли перескочить отъ одного рода правленія къ другому, то никто съ вами и спорить бы не сталъ. Но легко ли будетъ сдѣлать этотъ скачекъ? Почему вы знаете, что другіе не предложатъ плана конституціи столь же разумнаго? Этому конца не будетъ. А что же выйдетъ, какъ вы думаете, изъ безконечныхъ споровъ о конституціи? Опять война, опять смуты! Не превратится ли тогда Англія въ какую-то Швейцарію, въ которой кантоны постоянно дерутся другъ съ другомъ? Не станутъ ли такъ же драться и наши графства? Если такъ, то это поведетъ къ полному раззоренію страны. Да, если бы даже противъ вашей конституціи никто не спорилъ, то и тогда мы прежде должны обдумать не только ея послѣдствія, но и средства къ проведенію въ жизнь. Подумайте хорошенько, своевременно ли это, въ такомъ ли настроеніи находится страна, чтобы принять то, что вы предлагаете?» Надо думать, что если бы Кромвель считалъ вѣроятнымъ сочувствіе большинства къ предложенію арміи, онъ былъ бы имъ вполнѣ удовлетворенъ, потому что у него при этомъ вырвалась сентенція, достойная самого Бёрка: «Въ народномъ правленіи прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду то, что пріятно всему народу».

Вспомнивъ, что вдумчивый человѣкъ, видящій затрудненія тамъ, гдѣ другіе ихъ не видятъ, всегда подвергается упреку въ томъ, что на нашемъ современномъ языкѣ называется пессимизмомъ, прибавляетъ: «Я знаю, что при твердой вѣрѣ человѣкъ можетъ побѣдить всякія затрудненія, такъ какъ она двигаетъ горами, но всѣ мы склонны считать вѣрою то, что, въ сущности, есть лишь плодъ воображенія или разсудка, притомъ чисто плотскаго.» Затѣмъ онъ позволяетъ себѣ напомнить слушателямъ, что на пути къ осуществленію предложеннаго плана стоятъ высокія горы и что недостаточно предложить вещь саму по себѣ, можетъ быть, и очень хорошую, а надо еще посмотрѣть, какими путями она можетъ быть осуществлена. Потомъ, подобно ловкому члену современнаго парламента, руководящему какимъ-нибудь комитетомъ или проводящему сомнительный билль, онъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что почтенные петиціонеры не будутъ стоять за каждую букву ихъ петиціи. Они, вѣроятно, согласятся внести въ нее нѣкоторыя измѣненія, согласно главной цѣли, которая имѣется въ виду. Онъ увѣренъ, что имъ, какъ и всей странѣ, прежде всего должно быть дорого единеніе. Такіе ораторскіе пріемы употреблялись во всѣ времена, начиная съ Клеона и Демосѳена, а, можетъ быть, съ Моисея и Аарона.

Между прочимъ, Оливеръ упомянулъ и о необходимости соблюдать нѣкоторыя обязательства, изложенныя въ предыдущихъ декларацiяхъ и связавшія свободу дѣйствій арміи. На это одинъ изъ самыхъ крайнихъ членовъ совѣта, нѣкто Вильдманъ, отвѣчаетъ: «Легко можетъ быть, что Богу угодно, чтобы люди держали свои обѣщанія, но опредѣлить, насколько эти послѣднія честны, справедливы и необходимы, можно лишь тогда, когда приходится ихъ сдерживать. Если при этомъ какое-нибудь изъ нихъ окажется нелѣпымъ или безчестнымъ, то прямою обязанностью является отказъ отъ него». Эта скользкая софистика, свойственная болѣе всего королю Карлу, возмутила Айртона, который тотчасъ же и возразилъ: «Вы говорили,—сказалъ онъ,—что обѣщанія связы-

Digitized by Google

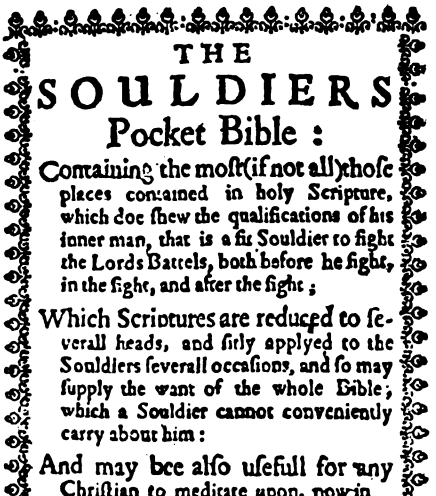
ваютъ лишь постольку, поскольку они кажутся разумными и честными тому, кто далъ ихъ, но сущность вашихъ жалобъ на парламентъ и состоитъ именно въ томъ, что онъ многократно нарушалъ свои обѣщанія». Затѣмъ Айртонъ съ силою защищаетъ святость обязательствъ и упрекаетъ Вильдмана въ провозглашеніи принциповъ, способныхъ разрушить общество, такъ какъ въ нихъ скрывается анархическое ученіе о томъ, что всякій человѣкъ имѣетъ право нарушить законъ, который ему не нравится.

При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса Рейнборо, также одинъ изъ крайнихъ, запальчиво замѣтилъ: «Вы говорите объ опасности разъединиться, но если предложенія вполнѣ честны, то почему же они должны разъединить насъ? Вы говорите о затрудненіяхъ, но если все дѣло въ нихъ, то зачѣмъ было начинать войну, зачѣмъ было употреблять силу, драться?»

Запальчивость Рейнборо подогрѣла Кромвеля. Краснорѣчіе его во многомъ уступало краснорѣчію Айртона, но въ словахъ его было нѣчто, дѣйствовавшее гораздо сильнѣе самой остроумной діалектики. «Что касается затрудненій,—сказалъ онъ,—то они, конечно, не могутъ заставить совсѣмъ опускать руки, но все же должны быть приняты во вниманіе, и человѣкъ, который говоритъ о дѣлѣ серіозно, не можетъ относиться къ нимъ съ такимъ легкомысліемъ. А что касается обязательствъ и обѣщаній, то никто и не говоритъ, чтобы явно нелѣпое или безчестное обѣщаніе должно быть выполнено, такъ какъ это значило бы совершить двойной грѣхъ. Но должны же мы, однако, на что-нибудь полагаться и имѣть какую-нибудь точку опоры.»

Высказавшись такимъ образомъ, въ качествѣ оппортуниста, Кромвель кончаетъ, однако, на подобіе Дантона, страстной декларацiей въ пользу единенія. «Я скорѣе завтра же сложу свои полномочія и уйду изъ арміи, чѣмъ соглашусь видѣть, что мы не сошлись и наша родина должна распасться на куски. Я погибну прежде, чѣмъ помѣшаю соглашенію.»

Какой-то «бердфордширецъ», имя котораго не сохранилось въ исторіи, замѣтилъ при этомъ, что, по его мнѣнію, весьма дурно нарушать обѣщанія, данныя частнымъ лицамъ, но что касается короля, то ему не слѣдовало бы уступать правъ, принадлежа-


THE
SOULDIERS
Pocket Bible:
Containing the most (if not all) those pieces contained in holy Scripture, which doe shew the qualifications of his inner man, that is a fit Souldier to fight the Lords Battels, both before he fight, in the fight, and after the fight;
Which Scriptures are reduced to severall heads, and fitly applyed to the Souldiers severall occasions, and so may supply the want of the whole Bible; which a Souldier cannot conveniently carry about him:
And may bee also usefull for any Christian to meditate upon, now in this miserable time of Warre.
Imprimatur, Edm. Calamy:
Jos. 18. This Book of the Law shall not depart out of thy mouth, but thou shale meditate therein day and night, that thou maist observe to doe according to all that is written therein, for then thou shalt make thy way prosperous, and have good successe.
Printed at London by G.B. and R.W. for Aug: 3d G.C. 1643.

Титулъ солдатской Библіи, обязательно находившейся у каждаго солдата въ арміи Кромвеля[1]).

[1]) Вотъ переводъ англійскаго текста:

Солдатская Карманная Библія, содержащая въ себѣ большинство (если не всѣ) тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, въ которыхъ указываются внутреннія качества, нужныя солдату для того, чтобы участвовать въ Божьихъ битвахъ, какъ передъ сраженіемъ, такъ послѣ и во время него.

Эти мѣста распредѣлены по главамъ, примѣнительно къ разнымъ потребностямъ солдатской жизни и могутъ замѣнить цѣлую Библію, которую солдату неудобно было бы имѣть всегда подъ руками.

Въ теперешнее бѣдственное военное время и всякому христіанину не безполезно будетъ подумать надъ избранными мѣстами.

Печатать. Едм. Калями.

Іоз. 18. Сія книга закона не должна быть тобою читаема вслухъ, а ты долженъ думать надъ нею день и ночь, дабы поступать согласно написанному въ ней, потому что тогда только ты будешь счастливъ и получишь успѣхъ.

Печатано въ Лондонѣ, черезъ G. B. и R. W. для G. C. (вѣроятно—генерала Кромвеля). Авг. 3. 1643.

Digitized by Google

щихъ народу. Затѣмъ полковникъ Гоффъ предложилъ устроить молитвенное собраніе, которое и назначено на утро слѣдующаго дня, съ тѣмъ, чтобы вечеромъ опять заняться дѣлами. Успокоеніе, вызванное благочестивымъ предложеніемъ, было, однако же, непродолжительно. Самыя сильныя бури всегда вызываются спорами объ отвлеченныхъ вопросахъ. Вильдманъ опять выступилъ съ указаніями на законы природы и на преимущество, которымъ должны пользоваться народная свобода и народное право, передъ всякими обязательствами и авторитетами. Айртона это опять взбѣсило. «Въ вашихъ словахъ я вижу ядъ!—воскликнулъ онъ, какъ могъ бы воскликнуть Бёркъ. Я не знаю другихъ основаній для права и справедливости, какъ взаимный договоръ, то-есть обязательство, насъ связывающее. Добровольно подписанныя обязательства должны быть строго соблюдаемы!»

Заключеніе, сдѣланное Кромвелемъ, содержало въ себѣ обычное его стремленіе къ единенію, но здѣсь онъ высказалъ его съ особенной широтою и ясностью. По его словамъ, онъ прежде всего желалъ бы, чтобы никто не заподозрѣлъ его въ односторонней преданности какой-нибудь одной, строго опредѣленной формѣ правленія. Онъ только требуетъ, чтобы законодательная власть принадлежала палатѣ общинъ, опирающейся на волю всего народа. Пусть армія не дѣлится на партіи, а сольется воедино, ко всеобщему удовлетворенію. «Быть можетъ, самъ Господь насъ соединитъ и поведетъ по одному пути раньше чѣмъ мы, разойдясь въ разныя стороны, всѣ погибнемъ. Пожалуй, теперь слишкомъ рано еще говорить объ этомъ, но меня это очень безпокоитъ. Я готовъ скорѣе уступить вамъ, считая себя правымъ, чѣмъ подвергнуть страну опасности изъ-за нашихъ распрей.» Въ этой послѣдней фразѣ отразился весь Кромвель, и мы должны ее хорошенько замѣтить. Только единеніе, въ виду всяческихъ опасностей, можетъ спасти страну; рознь ее погубитъ. Кромвель скорѣе согласится перейти на сторону крайнихъ, не раздѣляя ихъ взглядовъ, чѣмъ нарушитъ единеніе. Церковь колеблется, парламентъ парализованъ, только одна армія представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное и способное дѣйствовать. Единодушіемъ ея слѣдуетъ дорожить. Что касается короля, то въ сердцѣ Кромвеля былъ уже произнесенъ ему приговоръ, тотъ же самый, который во дни оны былъ прочитанъ Валтасаромъ на стѣнѣ зала. Значитъ, если армія распадется, то и все дѣло пропало.

На слѣдующій день молитвенный митингъ немножко очистилъ воздухъ. Послѣ нѣсколькихъ любезностей, которыми обмѣнялись Кромвель и Рейнборо, Айртонъ произнесъ краснорѣчивый спичъ, въ которомъ, между прочимъ, изложилъ духовныя основы практической политики такихъ возвышенныхъ и могучихъ натуръ, каковъ Кромвель.

Въ наше время многихъ, должно быть, непріятно поразитъ, какъ и тогда поражала, претензія вмѣшивать Божественное Провидѣніе въ обыденныя дѣла. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Высшее Могущество, которое, по словамъ Лукреція: «Nec bene promeritis capitur, nec tanqitur ira», стоитъ слишкомъ высоко надъ нашими дѣлами, для того чтобы радоваться или сердиться, глядя на насъ. Но понимать историческіе факты можно, только становясь на точку зрѣнія дѣятелей, участвовавшихъ въ ихъ созданіи.

«Мнѣ нѣтъ дѣла,—говоритъ Айртонъ,—до обязательствъ, принятыхъ на себя арміей, какъ таковыхъ. Я смотрю на армію, какъ на носительницу имени Божія, собравшуюся для защиты интересовъ народа Божія, то-есть интересовъ самого Бога, Его чести, — свободы, благополучія и счастія Его созданій. И я думаю, что Богъ только поэтому находится среди насъ, ведетъ насъ, посылаетъ намъ успѣхъ и радуется возможности проявлять въ насъ свою мощь.»

Затѣмъ, совершенно отступая съ той позиціи, которую занялъ наканунѣ, Айртонъ, какъ бы подученный за ночь Кромвелемъ, продолжаетъ:

«Вопросъ о томъ, будетъ ли въ Англіи король, будутъ ли лорды, я считаю пустымъ и празднымъ. Мнѣ это все равно. Что Богу угодно будетъ сдѣлать, тому я и подчинюсь. Если Богъ пожелаетъ уничтожить не только королей и лордовъ, но и всякія общественныя различія — нѣтъ, больше — всякую собственность, то и тогда я, если увижу въ этомъ руку Божію, не стану противодѣйствовать, а смиренно склонюсь передъ нею.» Другими словами, увѣрьте его, что Богъ—пресвитеріанинъ, и онъ самъ станетъ сейчасъ же пресвитеріаниномъ.

Вообще Айртонъ былъ живой и способный человѣкъ, на дѣлѣ обладавшій чувствомъ

Digitized by Google

долга и отвѣтственности, но доктрины, имъ проповѣдуемыя, отзывались лицемѣріемъ, и притомъ лицемѣріемъ религіознымъ.

Полковникъ Гоффъ сообщилъ тогда почтенному собранію, что онъ долго не могъ заснуть въ эту ночь, мучимый тяжелыми мыслями, и не успокоится, пока не выскажетъ ихъ. Мысли эти, какъ оказалось, вращались все вокругъ Антихриста и тѣхъ мѣстъ Апокалипсиса, въ которыхъ говорится о передачѣ царями земными своей власти звѣрю, какъ это и на самомъ дѣлѣ случилось: цари земные передали свою власть папѣ.

Затѣмъ полковникъ перешелъ отъ Апокалипсиса къ Книгѣ Чиселъ, именно къ тому ея мѣсту, гдѣ описывается, какъ евреи, ропщущіе противъ Моисея, Калеба и Іисуса Навина, вошли, вопреки ихъ приказанію, на вершину горы, гдѣ и были разсѣяны амалекитянами и ханаанитами. На этомъ ораторъ остановился. Въ Моисеѣ и Іисусѣ Навинѣ можно еще было увидать нѣкоторый намекъ на Кромвеля и Айртона, но зачѣмъ почтенный полковникъ говорилъ все остальное—такъ и не было выяснено. Никто, впрочемъ, и выяснять не старался. Большинство тотчасъ же перешло къ обсужденію вопросовъ столь для насъ теперь обычныхъ — о цензѣ избирателей и распредѣленіи должностей. Но и въ этихъ вопросахъ скрывается, какъ извѣстно, не мало яда.

«Могу ли я заключить изъ вашихъ словъ,— спрашиваетъ Айртонъ,— что всѣ должны имѣть равные голоса при выборѣ представителей?» — «Безусловно всѣ!», — отвѣчалъ Рейнборо, бѣднѣйшій и ничтожнѣйшій человѣкъ въ Англіи долженъ обладать тѣми же правами, какъ и самый высокопоставленный; вообще никто не обязанъ подчиняться правительству, въ выборѣ котораго не участвуетъ своимъ голосомъ.» Тогда въ Айртонѣ заговорилъ старый юристъ. «Вы не на почвѣ гражданскаго права,— сказалъ онъ,—а на почвѣ права естественнаго стоите, котораго я совсѣмъ не признаю. По-моему, никто не имѣетъ права распоряжаться государственными дѣлами, кромѣ тѣхъ, у которыхъ есть постоянные и прочные интересы, связанные съ существованіемъ государства.»

«Между тѣмъ,—парируетъ Рейнборо,—въ законѣ Божіемъ нигдѣ не сказано, что лордъ имѣетъ право выбирать двадцать депутатовъ, джентльменъ—двухъ, а бѣдный человѣкъ — ни одного. Зачѣмъ же Всемогущій Богъ далъ человѣку разумъ, какъ не для того, чтобы употреблять его на обсужденіе государственныхъ дѣлъ и на вотуу, даже при отсутствіи недвижимой собственности, приносящей сорокъ шиллинговъ дохода въ годъ?» «Но если вы стоите на почвѣ естественнаго права,—возражаетъ Айртонъ,— такъ скажите же мнѣ, какую разницу вы видите между правомъ вотировать и правомъ получать отъ государства содержаніе?» «Никакой!—кричитъ кто-то,—всѣ люди рождаются свободными!» «Почему это,—кричитъ другой,—одинъ, рожденный свободнымъ, англичанинъ имѣетъ недвижимую собственность, а сосѣдъ его не имѣетъ никакой? Почему младшій сынъ не наслѣдуетъ наравнѣ со старшимъ?» Современный читатель здѣсь уже встрѣчается, такимъ образомъ, съ тѣми «проклятыми вопросами», которые до сихъ поръ волнуютъ человѣчество.

Изъ такого кризиса, какой переживала Англія во время революціи, нельзя выйти путемъ разумныхъ рѣшеній; рѣшаютъ дѣло, обыкновенно, страсти, столкновеніе личныхъ интересовъ, внѣшнія обстоятельства и, кромѣ того, нѣчто смутное, почти мистическое, что гнѣздится во всѣхъ людяхъ и называется политическимъ инстинктомъ. Все это вмѣстѣ взятое сбило Кромвеля и Айртона съ позиціи. Сторонники общественной нивеллировки одержали верхъ, что́ Кромвель, конечно, могъ бы предвидѣть, если бы обладалъ нашимъ опытомъ по части общественныхъ бурь. Поголовная подача голосовъ была принята, несмотря на то, что Кромвель былъ противъ нея, какъ «ведущей къ анархіи», а Айртонъ изъ всѣхъ силъ настаивалъ на предоставленіи избирательнаго права только владѣльцамъ недвижимой собственности.

Итакъ, Кромвель на совѣтѣ заявилъ, что не имѣетъ односторонней привязанности къ какой-нибудь опредѣленной формѣ правленія, а не далѣе какъ недѣли за двѣ онъ убѣждалъ палату общинъ въ необходимости возстановить монархію. Айртонъ тоже одинъ разъ заявлялъ въ совѣтѣ, что ни за что не согласится на такой проектъ конституціи, въ которомъ король и лорды не будутъ сохранены, а въ другой разъ, какъ мы видѣли, столь же торжественно заявилъ о своей покорности волѣ Божіей. Въ іюлѣ

Digitized by Google

Кромвель говорилъ, что дѣло не въ томъ, что нравится народу, а въ томъ, что для него нужно; въ октябрѣ же заявляетъ, что правительство, не опирающееся на сочувствіе народа, не можетъ быть прочнымъ. «Если бы я могъ убѣдиться, по цифрамъ или по подписямъ въ согласіи народа, то это бы меня удовлетворило». Значитъ, правительство должно дѣлать то, что нравится народу, а не то, что для него нужно.

Въ ноябрѣ Кромвель говоритъ, что народъ никогда бы не пожертвовалъ королемъ и лордами, если бы дѣло отъ него зависѣло, а немного позже заявляетъ, что народъ не станетъ настаивать на сохраненіи короля и лордовъ, если увидитъ въ этомъ опасность для общаго блага. Но дѣйствительно ли такая опасность существуетъ? Одни думаютъ, что да, другіе—что нѣтъ. Самъ Кромвель присоединяется теперь къ тѣмъ, которые полагаютъ, что съ королемъ и лордами ужиться будетъ трудно; онъ даже думаетъ, что самъ Господь позаботится объ ихъ уничтоженіи. «Но Господь можетъ это устроить не заставляя насъ прибѣгать къ скандальнымъ мѣрамъ, а потому положимся на милость Божію—и дѣло устроится безъ грѣха, къ общему удовольствію.»

Замѣчательная, должно быть, перемѣна произошла къ этому времени въ умѣ и настроеніи Оливера, тѣмъ болѣе, что нерѣшительныя и тщательно взвѣшенныя фразы доказываютъ, что онъ ихъ обдумывалъ, а не говорилъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Но человѣкъ, который въ медоточивыхъ фразахъ высказываетъ, хотя бы совершенно искренно, увертливыя мнѣнія, долженъ нести на себѣ и всѣ послѣдствія такого поведенія, то-есть рискуетъ быть заподозрѣннымъ въ двуличности.

Вообще осень 1647 года была, вѣроятно, для Кромвеля самымъ тяжелымъ временемъ. Въ эту осень болѣе чѣмъ когда-нибудь ему приходилось чувствовать на себѣ давленіе часто высказываемаго имъ принципа: «мудрость заключается въ уступчивости». Поддержаніе дисциплины и единства въ арміи съ каждымъ часомъ становилось необходимѣе и затруднительнѣе, а рознь между военными и гражданскими властями росла. Не мудрено, что Кромвель съ сочувствіемъ прислушивался къ голосамъ крайнихъ, повторяющихъ: «Вы не знаете, гдѣ находитесь и куда ведете. Вы въ невозможномъ положеніи. Вы собрались «чернаго кобеля отмыть до бѣла», а онъ не отмывается. Вы хотите излѣчить вавилонскую блудницу, а она не хочетъ быть излѣченною.»

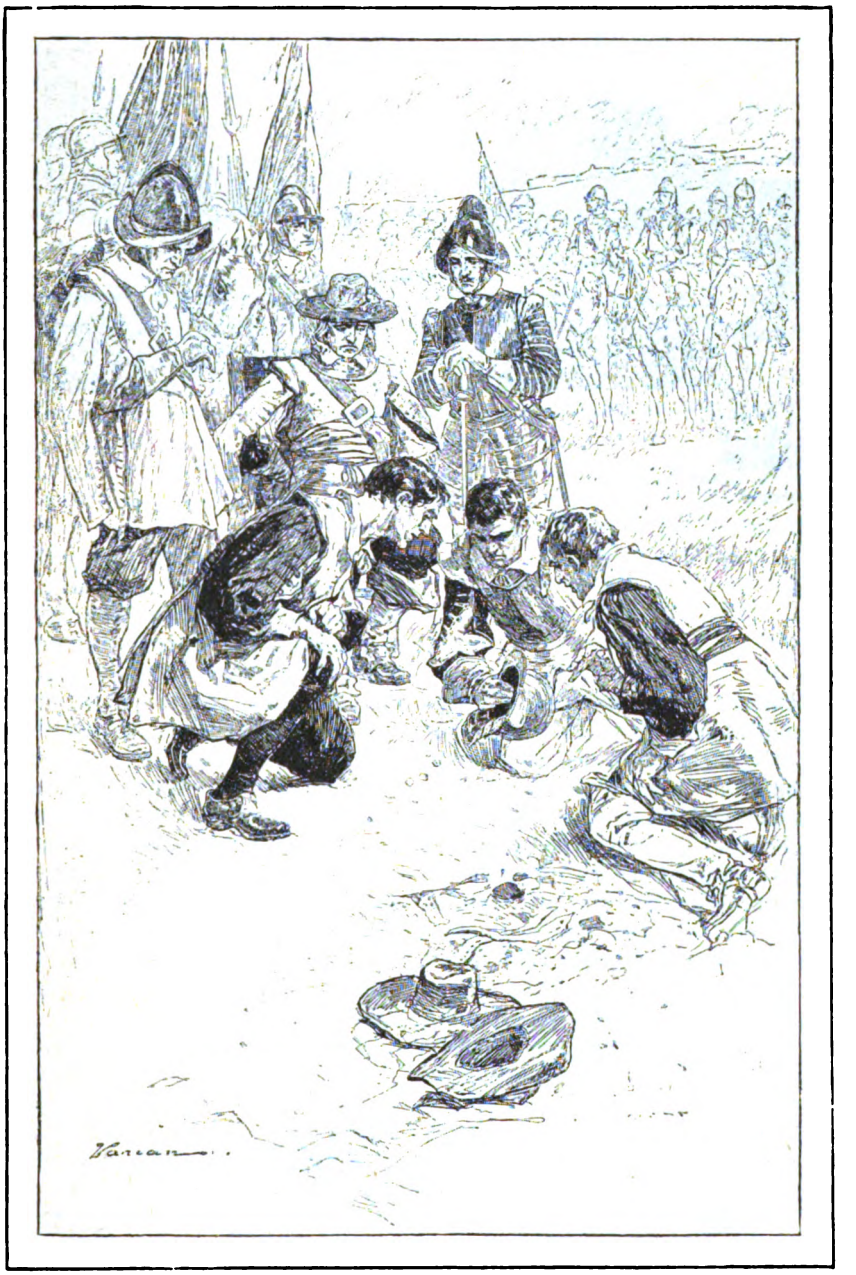
Но отчаяніе не находило мѣста въ душѣ Кромвеля. «Я не думаю, —говоритъ онъ,— чтобы у кого-нибудь здѣсь не хватило смѣлости сдѣлать то, что долженъ дѣлать всякій честный англичанинъ... Я надѣюсь, что сердца наши не смутятся никакими затрудненіями и соображеніями, такъ какъ въ нихъ живетъ вѣра въ Бога, и если намъ предстоитъ трудное дѣло, то дѣло это угодно Богу, а, стало быть, не только хорошо, но и своевременно и должно быть сдѣлано.»

XXI.

Бѣгство короля.

Напряженіе достигло крайней степени и должно было чѣмъ-нибудь разрѣшиться. Вечеромъ 11-го ноября король исчезъ изъ Гамптонъ-Корта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что жизни его дѣйствительно угрожала опасность со стороны фанатично-настроенныхъ солдатъ лагеря въ Путни, миль за шесть отъ Гамптонъ-Корта, но на существованіе среди нихъ опредѣленнаго заговора нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній. Кромвель писалъ Уэлли, сторожившему короля, что за границей ходятъ слухи о покушеніи на жизнь послѣдняго и что было бы ужасно, если бы эти слухи оправдались. Мнѣніе о томъ, что Кромвель нарочно пугалъ короля, чтобы оправдать свое собственное поведеніе, долгое время было весьма распространено, но, по всей вѣроятности, совершенно несправедливо. Даже въ эти послѣднія минуты, за нѣсколько дней до бѣгства короля, Кромвель, какъ видно изъ его словъ, не вѣрилъ, чтобы безъ короля могло состояться какое-нибудь соглашеніе, хотя и не могъ надѣяться на то, чтобы Карлъ пошелъ на таковое. Да и куда бы король могъ бѣжать, чтобы Кромвелю его бѣгство было выгодно? Ужъ никакъ не въ Лондонъ, гдѣ роялистская партія рѣшительно выросла, и еще менѣе въ Шотландію, откуда король могъ бы начать новую войну, при обстоятельствахъ для него весьма благопріятныхъ. Одно только бѣгство короля во Францію могло бы соотвѣтствовать интересамъ Кромвеля. Тамъ Карлъ оказался бы въ такой же степени безвреднымъ, какъ и жена его, а между тѣмъ

Digitized by Google



Бунтъ близъ Вэра. Три солдата бросаютъ жребій на жизнь или смерть.

бѣгство его могло бы быть разсматриваемо какъ отреченіе, ведущее къ такимъ же благопріятнымъ результатамъ, къ какимъ привело бѣгство Іакова II сорокъ одинъ годъ спустя.

Теперь мы знаемъ, что король убѣжалъ изъ Гамптонъ-Корта потому, что и шотландскіе делегаты и многія другія изъ окружавшихъ лицъ увѣрили его, что жизнь его находится въ опасности. Бѣжалъ онъ безъ

Digitized by Google

Гэмптонъ-Кортскій дворецъ.
(Рис. Пеннелля).

всякихъ опредѣленныхъ намѣреній, также какъ въ апрѣлѣ изъ Оксфорда. Онъ, повидимому, собирался сѣсть на корабль въ Саутэмптонѣ, но корабль не пришелъ, и королю пришлось искать убѣжища въ Карисбрукъ-Кэстлѣ, на островѣ Уайтѣ (14-го ноября 1647 года). Даже въ это время онъ ясно сознавалъ, что всѣ козыри у него въ рукахъ. «Сэръ»,—за полтора года передъ тѣмъ, послѣ своего перемѣщенія изъ Хольмби, сказалъ онъ Фэрфаксу,—армія интересуетъ меня настолько же, насколько и васъ.» Съ тѣхъ поръ не случилось ничего такого, что могло бы измѣнить это положеніе вещей, и въ арміи, такъ же какъ въ парламентѣ, въ Сити и во всѣхъ другихъ значительныхъ группахъ населенія, жила надежда на возстановленіе авторитета королевской власти. А помимо всего этого Карлъ могъ еще разсчитывать на военную поддержку со стороны контръ-революціи въ Шотландіи.

Кромвель, не хуже самого короля, имѣлъ въ виду всѣ эти благопріятные для него шансы и лучше чѣмъ Карлъ понималъ опасность разномыслія въ средѣ арміи—единственной силы, на которую опиралось все дѣло. «Нѣсколько мѣсяцевъ сряду,—говоритъ Фэрфаксъ,—всѣ общественныя собранія разбивались на частныя юнты, на группы, завидующія другъ другу и борющіяся между собою.» Кромвель служилъ цѣлью нападокъ со многихъ сторонъ. Его обвиняли въ открытомъ признаніи слѣдующихъ вредныхъ принциповъ: каждый частный человѣкъ есть самъ для себя судья добра и зла, вреда и пользы общественной; общественные интересы суть интересы честныхъ людей, а только тѣ честны, которые раздѣляютъ убѣжденія Кромвеля; формы правленія не важны въ сравненіи съ его цѣлями, а потому первыя могутъ быть нарушаемы ради послѣднихъ; къ мошеннику позволительно относиться по-мошеннически. Это послѣднее правило есть лишь не совсѣмъ вѣрный пересказъ Кромвелемъ библейскаго приглашенія быть «мудрыми яко зміи», или словъ Бэкона о томъ, что мудрый человѣкъ долженъ умѣть справляться съ порочными.

Кромвель жилъ среди опасностей, угрожавшихъ со всѣхъ сторонъ. Онъ зналъ, что находится подъ постоянной угрозой обвиненія, и въ это время въ первый разъ услыхалъ о заговорахъ на его жизнь, о которыхъ такъ часто приходилось ему слышать впослѣдствіи. Онъ въ теченіе пяти лѣтъ былъ такъ близокъ къ смерти въ разныхъ видахъ, что не могъ бояться ее болѣе, чѣмъ король Карлъ.

Впослѣдствіи Кромвель писалъ, что 1648 годъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ въ англійской исторіи. «Возстанія, нашествія, заговоры, открытыя покушенія сыпались одно за другимъ—и все это

Digitized by Google

къ лучшему, по видимой милости Божіей.» Первымъ результатомъ смутъ, по его словамъ, было уличеніе и наказаніе вредныхъ людей, а также перемѣна образа правленія, но самымъ главнымъ—«устраненіе договора съ королемъ, такъ какъ безъ этого мы бы отдали въ его руки все, что намъ дорого, и безопасность общественная превратилась бы въ клочекъ бумаги.»

Опасности, видимыя и невидимыя, съ каждымъ часомъ росли. Король, систематически отказываясь отъ ряда предложеній, дѣлаемыхъ ему парламентомъ, секретно вступилъ въ договоръ съ уполномоченными отъ шотландцевъ (26-го декабря 1647 г.). Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ главныхъ инциндентовъ междоусобной борьбы, подобно случаю съ пятью членами или прекращенію переговоровъ съ Кромвелемъ. По этому договору, шотландцы, высказываясь противъ неправильныхъ дѣйствій англійскаго парламента, обязались выставить армію для защиты религіи и возстановленія короны во всѣхъ ея правахъ. Король, съ своей стороны, обязывался, во-первыхъ, въ теченіе трехъ лѣтъ покровительствовать пресвитеріанству въ Англіи, сохраняя лично за собою право исповѣдывать такую религію, какую пожелаетъ, а, во-вторыхъ,— всячески преслѣдовать индепендентовъ. Такимъ образомъ, въ силу этого договора, шотландскіе пресвитеріане и англійскіе роялисты соединялись для борьбы съ парламентомъ, во имя прерогативъ короны, преслѣдованія религіозныхъ сектъ и признанія пресвитеріанства господствующей религіей, по крайней мѣрѣ, на три года, если король не согласится на продленіе этого срока. Оригиналъ договора, долженствовавшій поднять новую гражданскую войну, былъ положенъ въ свинцовый ящикъ и зарытъ въ Карисбрукскомъ саду.

Нѣтъ, однако же, ничего тайнаго, что бы не сдѣлалось явнымъ. Слухи о договорѣ, заключенномъ королемъ, распространились весьма быстро. Немного болѣе, чѣмъ черезъ недѣлю послѣ того, какъ договоръ былъ подписанъ, въ палаты была внесена петиція о преданіи короля суду за то что, онъ, «торжественно заявляя покорность парламенту, въ то же самое время заключилъ съ шотландцами договоръ для того, чтобы вовлечь страну въ новыя смуты и уничтожить парламентъ». Петиція, поддерживаемая, между прочимъ, и Кромвелемъ, не прошла, но парламентъ зато вотировалъ предложеніе о томъ, чтобы прекратить съ королемъ всякія сношенія, что, въ сущности, равнялось уничтоженію монархіи. Съ конца 1647 и во все продолженіе 1648 года мысль о преданіи короля суду, явившаяся у крайнихъ радикаловъ, популяризировалась понемногу. Исполнительный комитетъ, состоявшій изъ англичанъ и шотландцевъ, былъ распущенъ, а вмѣсто него составленъ новый, изъ однихъ только англичанъ, и этотъ новый комитетъ оказался со всѣхъ сторонъ окруженнымъ врагами, такъ какъ и Шотландія, и Ирландія, и Уэльсъ, и многія изъ домашнихъ политическихъ партій относи-

Карисбрукскій замокъ на островѣ Уайтѣ.
(Рис. Пеннелля).

Digitized by Google

лись къ нему враждебно. Вся сила была въ рукахъ арміи, а для пресвитеріанъ побѣдоносная армія оказалась бы враждебно настроеннымъ повелителемъ.

Передъ битвой при Карлсбрукѣ Кромвель рѣшительными, даже жестокими мѣрами потушилъ начинавшееся возстаніе. Во время дневки при Вэрѣ два полка вышли въ поле безъ дозволенія, нося на шапкахъ эмблемы бунта. Кромвель выѣхалъ къ нимъ, убѣдилъ снять эмблемы и вернуться въ лагерь, а затѣмъ арестовалъ тѣхъ, которые отказались подчиниться. Наскоро собранный военный судъ приговорилъ къ смертной казни трехъ изъ такихъ зачинщиковъ, а Кромвель приказалъ имъ бросить жребій и двухъ выигравшихъ помиловалъ, а проигравшаго немедленно разстрѣлялъ (15-го ноября 1647 г.).

Труднѣе было справиться съ политическими затрудненіями, хотя они и не до такой степени опасны, какъ упадокъ дисциплины въ арміи. Кромвель окончательно лишился надежды придти къ какому-нибудь соглашенію съ королемъ, но, не будучи убѣжденнымъ республиканцемъ, не могъ себѣ представить и правленія, основаннаго на республиканскихъ началахъ. Реакція росла ежечасно. Начиная съ Рождества (1644 г.) и въ продолженіе всей весны недовольство публики проявлялось все ярче и ярче. Пуританскія преслѣдованія привычнаго для старой Англіи веселья становились невыносимыми, такъ какъ натуру человѣка нельзя измѣнить ни гражданскими, ни церковными законами. Ни одна изъ партій не вѣрила больше парламенту. Слухи о преданіи короля суду и учрежденіи военной республики волновали и приводили въ негодованіе весьма многихъ людей изъ всѣхъ классовъ народа. Въ Сити то и дѣло возникали бунты. Въ провинціи нестройныя толпы расхаживали по улицамъ съ криками въ честь короля. Роялистскія возстанія задумывались во всѣхъ графствахъ, на сѣверѣ, западѣ, югѣ, даже востокѣ. Роялистская пресса дѣятельно и смѣло распространяла свои взгляды. Въ южномъ Уэльсѣ былъ поднятъ королевскій штандартъ и населеніе охотно собиралось къ нему; всѣ мѣстныя крѣпости были въ рукахъ роялистовъ. Въ Шотландіи Гамильтонъ успѣлъ взять верхъ надъ Арджилемъ и ковенантерскими крайностями, несмотря на упорное противодѣйствіе духовенства всему, что касалось поддержанія авторитета короля, естественнаго защитника епископата. Въ апрѣлѣ Эдинбургскій парламентъ вотировалъ сборъ арміи на защиту короля и ковенанта. Передъ такими непреодолимыми затрудненіями стоялъ теперь Кромвель, авторитетъ котораго въ арміи былъ, къ тому же, подорванъ предшествующими попытками сойтись съ королемъ. Начало 1648 года было, по всей вѣроятности, наиболѣе тяжелымъ временемъ въ его жизни.

Попробовалъ онъ устроить конференцію изъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей двухъ главныхъ партій, но они разошлись въ такомъ же враждебномъ, по отношенію другъ къ другу, настроеніи, какъ и раньше. Попробовалъ онъ затѣмъ собрать конференцію изъ представителей арміи и крайнихъ партій въ обществѣ, но она предалась безплоднымъ и нескончаемымъ спорамъ объ относительныхъ достоинствахъ аристократическаго, демократическаго и монархическаго правленія. Кромвель благоразумно уклонился отъ этихъ споровъ, настаивая на томъ, что всякая форма правленія хороша сама по себѣ, а для Англіи будетъ хороша та, «которую укажетъ Провидѣніе»—мистическая формула, въ наши времена замѣненная оппортунизмомъ. Впрочемъ, и самые неукротимые спорщики, вмѣсто всякихъ доказательствъ и разсужденій, ссылались на книгу пророка Самуила или на книгу Судей—вообще на Священное Писаніе. Не удивительно, стало быть, что Кромвель, выведенный изъ терпѣнія безконечными теоретическими спорами, тогда какъ надъ страною готова была разразиться гроза, прекратилъ пустую болтовню тѣмъ, что бросилъ подушкой въ Людлоу и убѣжалъ изъ конференціи.

Вторая междоусобная война оказалась неизбѣжною. Занавѣсъ поднимался надъ послѣднимъ, самымъ трагическимъ и достопамятнымъ актомъ той драмы, въ которой Карлъ игралъ главную роль. Даже въ арміи чувствовались угнетеніе, нерѣшительность, слабость, отсутствіе единства. Нѣкоторые были до того огорчены отказомъ націи слѣдовать ихъ совѣтамъ, для ея же блага, что намѣревались сложить оружіе и разойтись по домамъ. Угнетенное настроеніе проявлялось частыми молитвенными собраніями, изъ коихъ Виндзорское, состоявшееся въ апрѣлѣ, отличалось особой торжественностью. Глубоко вѣрующіе мистики того времени старались разгадать, за что Господь Богъ про-

Digitized by Google

гнѣвался на Англію, сдѣлавъ ее ареною всякихъ бѣдствій. Кромвель былъ въ числѣ самыхъ горячихъ молельщиковъ и вмѣстѣ съ другими пѣлъ псалмы и проливалъ горькія слезы о грѣхахъ, своихъ личныхъ и общественныхъ.

Виндзорскій митингъ продолжался цѣлыхъ три дня. Молитвы, проповѣди, стоны и слезы привели, наконецъ, молящихся къ убѣжденію, что величайшій ихъ грѣхъ состоитъ въ потерѣ простоты сердечной и въ увлеченіи политикой. Корнемъ всего зла признаны были проклятые, плотскіе переговоры съ королемъ и его партіей, къ которымъ годъ тому назадъ привелъ ихъ недостатокъ вѣры. А потому всѣми присутствовавшими было единогласно принято рѣшеніе—сражаться со врагами до послѣдней капли крови, и если Господь приведетъ одержать побѣду, то призвать къ суду Карла Стюарта, кровожаднаго человѣка, изъ-за котораго пролито такъ много крови и благодаря которому на страну обрушились всѣ бѣдствія. Когда прошелъ первый пылъ возбужденія, то весьма многіе изъ воинствующихъ святыхъ, включая самого Оливера, опять обратились, надо думать, къ политикѣ, отъ которой такъ торжественно отреклись. Но для большинства это отреченіе казалось совершившимся подъ наитіемъ Духа Свята, что и придало имъ такую прямолинейную энергію въ предстоящей кампаніи, а когда она, наконецъ, увѣнчалась успѣхомъ и главный виновникъ всѣхъ бѣдствій попалъ въ ихъ руки, то заставило ихъ настойчиво требовать его головы.

XXII.

Вторая гражданская война. Кромвель въ Престонѣ.

Хотя часъ возмездія приближался, но Карисбрукскій плѣнникъ все еще могъ думать, что измѣнники и бунтовщики стремятся къ своей погибели. Положеніе становилось все болѣе и болѣе парадоксальнымъ, такъ что Карлъ могъ надѣяться на спасеніе именно при помощи парадокса. Это очень интересно и стоитъ подробнаго разсмотрѣнія.

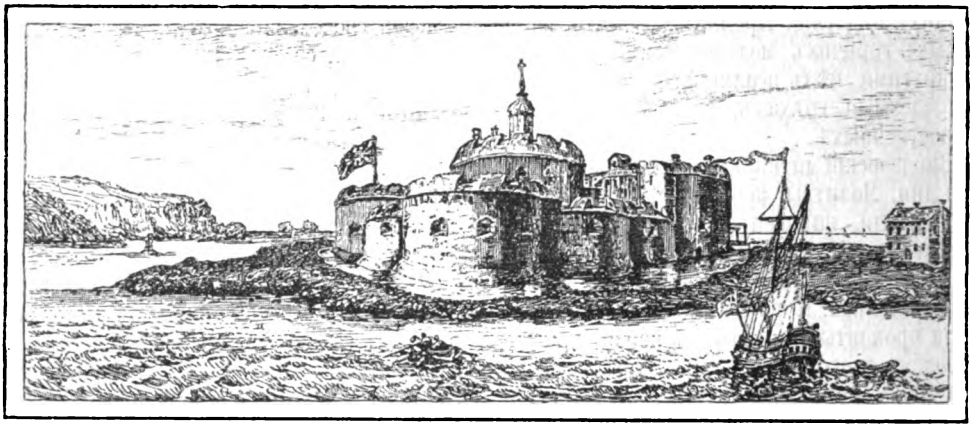
Парламентское большинство, равно какъ и вторгнувшіяся въ Англію шотландскія войска разсчитывали на реставрацію короля и утвержденіе пресвитеріанства. Но англійскіе пресвитеріане, будучи тоже ковенантерами, смотрѣли на шотландцевъ все-таки враждебно, потому что въ ихъ побѣдѣ видѣли гибель своего парламента. Шотландскіе пресвитеріане, со своей стороны, были недовольны тѣмъ, что ихъ армія якшается съ чуть ли не папистскими кавалерами. Шотландцы, подъ начальствомъ Гамильтона, должны были драться за ковенантъ, а ихъ англійскіе союзники, подъ начальствомъ Лангдэля, открыто стояли за короля съ его епископатомъ и чурались ковенанта. Если бы шотландцы побѣдили, то они побѣдили бы съ помощью роялистской арміи и роялистскихъ симпатій въ народѣ. День ихъ вступленія въ Лондонъ былъ бы днемъ полнаго торжества для короля, полнаго униженія для англійскаго парламента и полной гибели того дѣла, изъ-за котораго столько храбрыхъ людей проливали свою кровь около двадцати лѣтъ сряду. За кого же, въ такомъ случаѣ, долженъ былъ молиться роялистъ-пресвитеріанинъ? Положеніе его нельзя не признать затруднительнымъ...

Наступилъ кризисъ для революціи и критическій моментъ для Кромвеля. 1-го мая 1648 года, по приказанію Фэрфакса и военнаго совѣта, онъ отправился въ Южный Уэльсъ, для того чтобы принять начальство надъ тамошней парламентской арміей. Въ душѣ онъ былъ увѣренъ, что, подобно Моисею, выступаетъ въ качествѣ орудія Всевышняго Бога. Но не въ его характерѣ было забыть о томъ, что при неудачѣ возложеннаго на него труднаго порученія какъ ему лично, такъ и всему дѣлу угрожаетъ неминуемая гибель.

Пока, такимъ образомъ, Кромвель ѣхалъ на западъ, самъ Фэрфаксъ началъ рѣшительную борьбу въ Кентѣ и Эссексѣ, при чемъ (іюня 13) осадилъ Кольчестеръ, въ которомъ находился сильный отрядъ роялистовъ, рѣшившихся упорно защищаться. Ламбертъ, съ небольшимъ отрядомъ, посланъ былъ на сѣверъ, на встрѣчу шотландцамъ и Лангдэлю съ кавалерами.

Іюля 11-го Гамильтонъ перешелъ границу съ десятью тысячами плохо одѣтыхъ и плохо дисциплинированныхъ людей, но съ надеждой на имѣющія прибыть подкрѣпленія и на помощь Лангдэля съ его тремя тысячами. Какъ разъ въ тотъ же день Кромвель кончилъ свою кампанію взятіемъ Пемброкъ-Кэстля. Узнавъ о ходѣ дѣлъ на сѣверѣ, онъ тотчасъ же направился туда и въ концѣ мѣсяца достигъ Лейстера. Походъ былъ долгъ и труденъ.

Digitized by Google



Восточный фасадъ Херстскаго замка.

Обувь ветерановъ Кромвеля износилась; жалованье имъ за нѣсколько мѣсяцевъ было не заплачено; грабежъ строго воспрещался. Поэтому армія Кромвеля пришла изъ Уэльса въ Іоркширъ почти босикомъ. Но босые ветераны несли въ своей груди горячее сердце, въ доблестяхъ котораго лежала судьба кампаніи и все будущее трехъ соединенныхъ королевствъ. Король, парламентъ, конституція, законы, церковь — все это зависѣло отъ того отпора, который дадутъ шотландцамъ нѣсколько тысячъ босыхъ и голодныхъ, но смѣлыхъ и убѣжденныхъ людей! Если бы парламентъ потерялъ битву при Нэзеби, то война могла бы еще продолжаться; но если бы Гамильтонъ успѣлъ дойти до Лондона, то она кончилась бы въ пользу короля.

Августа 12-го Кромвель соединился съ Ламбертомъ на холмахъ, между Лидсомъ и Іоркомъ. Соединенныя силы ихъ составляли не болѣе восьми тысячъ человѣкъ. Не зная, по какой дорогѣ пойдетъ непріятель—черезъ Іоркширъ или Ланкаширъ и Уэльсъ—Кромвель рѣшилъ подождать его у Лидса, командовавшаго надъ обѣими дорогами. Скоро шпіоны увѣдомили его, что соединенная непріятельская армія, числомъ до двадцати одной тысячи, какъ послѣ оцѣнивалъ Кромвель, двинулась черезъ Ланкаширъ на Лондонъ. Кромвель понималъ, что долженъ, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому движенію и рѣшился дать битву, несмотря на громадное неравенство силъ. Тронувшись черезъ Кровенъ къ долинѣ Риббля, онъ столкнулся съ лѣвымъ флангомъ непріятеля при Престонѣ.

Гамильтонъ былъ человѣкъ не военный, а совѣтники его завидовали другъ другу и ссорились изъ-за мнѣній, политическихъ или религіозныхъ. Развѣдочная служба въ его арміи поставлена была такъ плохо, что онъ не зналъ даже о близости значительнаго непріятельскаго отряда, и армія его растянулась, отъ сѣвера къ югу, на разстояніи семи лигъ. Центръ ея находился въ Престонѣ, а между авангардомъ и арьергардомъ лежалъ Риббль. Битва при Престонѣ продолжалась цѣлыхъ три дня. Трудно вѣрить, чтобы она была результатомъ строго обдуманной фланговой атаки. Военные критики говорятъ, что такая обдуманность встрѣчается въ битвахъ весьма рѣдко. Въ войнѣ, какъ и въ политикѣ, Оливеръ держался оппортунизма, быстро пользуясь случайностями и стараясь наносить удары въ самыя чувствительныя мѣста.

Первая стычка при Престонѣ (17 августа) была и самой ужасной. Англичане дрались съ англичанами. Четыре часа Лангдэль и его кавалеры выдерживали натискъ лучшихъ частей отряда Кромвеля, уступая имъ въ численности. Роялисты, наконецъ, уступили и разсѣялись безъ слѣда. На другой день ихъ мѣсто занялъ Гамильтонъ со своими шотландцами. Съ большимъ трудомъ перешли они ночью черезъ рѣку и, мокрые, голодные, вступили въ битву съ не менѣе голодными и измученными войсками Оливера. Къ заходу солнца они побѣжали, преслѣдуемые, уби-

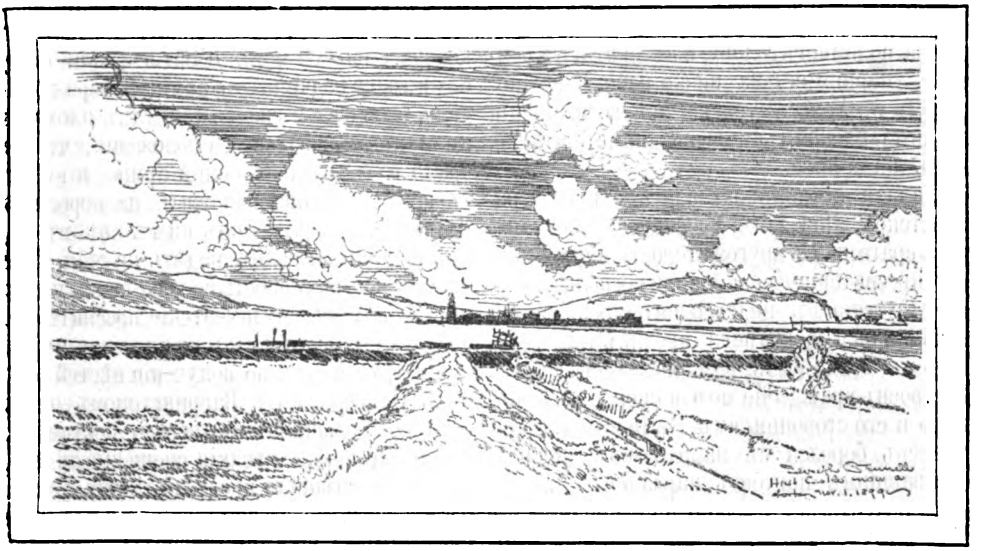
Digitized by Google

ваемые и забираемые въ плѣнъ доблестными ветеранами Кромвеля, хотя таковыхъ было вдвое меньше. «Къ ночи,—говоритъ Оливеръ,—пройдя двѣнадцать миль по такой дорогѣ, по какой я отъ роду не хаживалъ, да еще въ дождливую погоду, мы были грязны и измучены какъ никогда.» На третій день (19 августа) сраженіе еще продолжалось. Остановившись у Винвика, шотландцы дали такой отпоръ, что Оливеру на этотъ разъ пришлось отступить, но затѣмъ онъ поправился и прогналъ ихъ за три мили далѣе, къ Варрингтону. Гамильтонъ растерялся и послалъ къ Оливеру Бейли съ предложеніемъ сдать всю пѣхоту, а самъ съ кавалеріей, состоящей изъ трехъ тысячъ лошадей, двинулся по границѣ Чешира въ Деламерскій лѣсъ. «Если бы у меня была хоть одна тысяча лошадей, способныхъ пройти рысью тридцать миль,—пишетъ Кромвель, — то я не сомнѣваюсь, что покончилъ бы съ нимъ. Но мы до такой степени выбились изъ силъ, что не могли идти вслѣдъ за ними иначе, какъ шагомъ. Это—ничтожнѣйшее войско, какое я только видѣлъ; съ пятью стами свѣжихъ лошадей и пятью сотнями неизмученной пѣхоты я взялся бы совершенно его уничтожить. Мы выбились изъ силъ и все же взяли десять тысячъ плѣнныхъ.»

Гамильтонъ скоро былъ взятъ (25 августа), и первая кампанія, самостоятельно веденная Кромвелемъ, закончилась со славою. Когда, въ слѣдующемъ году, Гамильтонъ былъ приговоренъ къ смертной казни, то отзывался о Кромвелѣ какъ о человѣкѣ, исполнившемъ больше, чѣмъ обѣщалъ. Великодушіе его было такъ велико, что онъ позаботился даже о непріятеляхъ, брошенныхъ на полѣ сраженія раненными.

Военные писатели считаютъ Престонскую битву образцовой, указывающей на геніальность полководца, который ее выигралъ. А мы, по крайней мѣрѣ, можемъ сказать, что по энергіи главнокомандующаго, по храбрости, выносливости и дисциплинѣ солдатъ, наконецъ, по непосредственнымъ политическимъ результатамъ, Престонъ достоенъ занять мѣсто среди самыхъ славныхъ военныхъ дѣяній того времени. По свойственной Кромвелю практичности, не дозволявшей бросить дѣло неоконченнымъ, онъ тотчасъ же повернулъ къ сѣверу, чтобы очистить границу отъ остатковъ арміи Гамильтона и овладѣть двумя пограничными крѣпостями, Бервакомъ и Корлейлемъ. Такимъ образомъ столкновеніе съ шотландцами было прочно закончено.

Мѣстныя возстанія въ Англіи были быстро прекращаемы или мѣстными же властями, назначенными парламентомъ, или благодаря неутомимой бдительности Дербійскаго комитета, состоявшаго главнымъ образомъ изъ индепендентовъ. Фэрфаксъ не игралъ при



Херстскій замокъ, нынѣ—портъ. Вдали виденъ островъ Уайтъ.

Digitized by Google

этомъ почти никакой роли, да и вообще уступалъ комитету въ дѣятельности. Сити—учрежденіе почти столь же важное, какъ и парламентъ—условно склоняясь на сторону короля, отъ времени до времени тоже угрожало возстаніями, но благодаря партійности, развившейся среди его членовъ, на дѣлѣ этихъ угрозъ не осуществляло.

Отсутствіе политическаго единомыслія среди различныхъ борющихся другъ съ другомъ группъ отразилось и на отсутствіи единодушія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Возстаніе въ Англіи началось слишкомъ рано, или, лучше сказать, шотландцы присоединились къ нему слишкомъ поздно. Когда Кромвель шелъ въ Іоркширъ на соединеніе съ Ламбертомъ, то большинство населенія, обыкновенно заботящееся болѣе о своемъ покоѣ, чѣмъ о королѣ или парламентѣ, на этотъ разъ съ замираніемъ сердца слѣдило за всѣмъ происходившимъ—старая національная антипатія ожила, и даже закоренѣлые роялисты въ глубинѣ души были довольны неудачею шотландцевъ, хоть они и шли на защиту короля.

Тѣмъ временемъ парламентскіе пресвитеріане, не знавшіе сначала, чего имъ желать, не знали теперь—радоваться ли имъ или горевать. Врагъ, вторгшійся въ предѣлы государства, былъ разбитъ; но этотъ врагъ принадлежалъ къ ихъ церкви, тогда какъ побѣдителями оказались хотя и друзья, но ненавистные сектанты, на знамени которыхъ была написана вѣротерпимость. Солдатчина теперь подниметъ голову, и авторитетъ Кромвеля, упавшій весьма низко передъ его походомъ въ Уэльсъ, теперь, при возвращеніи съ шотландской границы, поднимется выше, чѣмъ когда-либо.

Палата лордовъ сдѣлалась открыто роялистской. Она даже не считала шотландцевъ врагами. Съ другой стороны, парламентскіе пресвитеріане поспѣшили воспользоваться отсутствіемъ индепендентскихъ вождей и принялись за интриги противъ нихъ. Въ общемъ, стало быть, весь парламентъ былъ настроенъ враждебно по отношенію къ Кромвелю и его сторонникамъ. Въ то время, когда Оливеръ боролся съ нашествіемъ, долженствовавшимъ погубить парламентъ, лорды съ удовольствіемъ смаковали нападки на Кромвеля, дѣлаемыя однимъ майоромъ его арміи, а пресвитеріане выбрали своимъ вождемъ жесточайшаго его врага — Холльса. Партійная ненависть подготовляла гибель единственному человѣку, который спасалъ всѣ партіи отъ короля.

Пресвитеріане съ прежней ненавистью относились къ идеѣ вѣротерпимости. День спустя по отъѣздѣ Кромвеля къ войску въ парламентѣ пришло постановленіе, назначавшее смертную казнь за публичное исповѣданіе атеизма, аріанизма или социніанизма и даже принадлежность къ арминіанской, баптистской и квакерской сектамъ обставлявшее весьма строгими карами. Смертью наказывался всякій, отвергавшій тайну Троичности или какую-нибудь книгу въ Старомъ и Новомъ Завѣтѣ. Тюрьма была назначена за сомнѣніе въ законности крещенія младенцевъ или въ томъ, что человѣкъ обязанъ вѣрить вопреки разуму. На нашемъ геройскомъ пуританизмѣ не мало кровавыхъ пятенъ.

Парламентскіе инквизиторы понимали, однако же, что никакое ихъ распоряженіе не можетъ имѣть реальнаго значенія, если не будетъ поддержано реальной силой, которую они, при настоящемъ положеніи дѣлъ и для даннаго случая, могли почерпнуть только изъ союза съ королемъ. Если бы послѣдняго можно было водворить въ Лондонѣ до прибытія Кромвеля съ сѣвера, то дѣло было бы, что называется, въ шляпѣ. Имъ казалось, что и самъ Карлъ найдетъ для себя въ этомъ выгоду. Но они упустили изъ вида, что передъ ними стоитъ альтернатива—или безусловно подчиниться королю, безъ авторитета котораго они не могли обойтись, или безусловно же подчиниться арміи, которая обладала физической силою. Они такъ плохо понимали сущность своего положенія, что выбрали путь, раздражающій армію, и вмѣстѣ съ тѣмъ старались наложить на короля такія путы, которыхъ онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ позволить надѣть на себя. Политическая неспособность не можетъ идти дальше, а потому парламентскіе пресвитеріане должны были потерпѣть полную неудачу.

На другой день по полученіи вѣстей о побѣдѣ Оливера подъ Варрингтономъ парламентское большинство отвергло постановленіе, воспрещавшее всякія сношенія съ королемъ, и поспѣшило предложить ему условія реставраціи. Переговоры объ этомъ открылись въ Ньюпортѣ, на островѣ Уайтѣ, и тянулись съ конца сентября по конецъ ноября.

«Кто не видалъ короля въ теченіе по-

Digitized by Google

слѣднихъ двухъ недѣль,—говоритъ Кларендонъ,—тотъ нашелъ бы его значительно измѣнившимся. Съ тѣхъ поръ, какъ у него отняли старыхъ слугъ, онъ не стригъ волосъ и не желалъ имѣть новаго платья, такъ что наружность его оказалась совсѣмъ не такою, какъ прежде. Но онъ былъ здоровъ и даже, пожалуй, веселѣе прежняго разговаривалъ со всѣми, что не вполнѣ соотвѣтствовало его положенію. Никакой угнетенности въ немъ не замѣчалось и держался онъ попрежнему очень величественно. Только волосы его совсѣмъ посѣдѣли, и въ этомъ выражалось скрытое горе, что очень печалило предстоящихъ.» Въ такомъ видѣ садился онъ обыкновенно во главѣ стола, на нижнемъ концѣ котораго сидѣли представители парламента. Среди нихъ было только два индепендента—Вэнъ и Финнсъ.

Карлъ, съ обычной для него остроумной діалектикой, велъ засѣданія живо, весело, свободно, но въ то же время и съ достоинствомъ, какъ актеръ, играющій короля въ высокой комедіи. Всѣ старыя предложенія, сдѣланныя ему въ Уксбриджѣ, Ньюкэстлѣ, Оксфордѣ и Гэмптонъ-Кортѣ, были вновь обсуждаемы, съ добавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ. Карлъ, даже отступая, оспаривалъ каждый пунктъ такъ настойчиво, что приводилъ въ отчаяніе людей, боявшихся каждую минуту узнать о вступленіи Кромвеля въ Лондонъ.

Устройство церкви оказалось попрежнему той скалой, о которую разбивалась всякая возможность сойтись съ королемъ. День за днемъ онъ настаивалъ на раздѣленіи апостольскаго служенія между епископами и пресвитерами, ссылаясь на Посланія Апостоловъ и указывая на то, что Тимоѳей и Титъ были episcopi pastorum—пастыри пастырей, а не episcopi gregis—пастыри стада. Здѣсь Карлъ былъ въ своей сферѣ, потому что защищалъ священнѣйшія свои убѣжденія. Въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ, переговоры кончились (27-го ноября). Король согласился на предложенную отсрочку епископата и его ограниченіе, но на полную его отмѣну и на отчужденіе дохода съ церковныхъ земель онъ ни за что не соглашался.

Современный историкъ, читая Ньюпортскій договоръ, законнымъ образомъ скрѣпленный на бумагѣ, можетъ подумать, что имъ и должны были кончиться всякія смуты въ Англіи. И если бы всѣ партіи отнеслись къ нему (или къ другому какому договору) вполнѣ искренно, то такъ бы и было. Но Ньюпортскій договоръ, будучи символомъ коалиціи между королемъ и пресвитеріанами, долженъ былъ сдѣлаться объявленіемъ войны индепендентамъ и арміи. Принять его—значило обратить въ ничто всю двадцатилѣтнюю междоусобную борьбу, стоившую такъ много крови, или вызвать ее вновь, заставить Кромвеля съ товарищами вновь вступить на скользкій и опасный путь военныхъ операцій, съ котораго они только-что сошли.

Близорукость парламента опять же виновата и въ томъ, что делегаты его, забывъ про легкомысленный характеръ Карла, не замѣтили, что онъ съ начала и до конца переговоровъ былъ занятъ планами бѣгства съ острова Уайта. Въ его головѣ зрѣла дикая идея бѣжать въ Ирландію и, во главѣ ирландскихъ войскъ, при помощи голландскаго флота подъ командой принца Рупперта, сдѣлать новое вторженіе въ Англію съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ тотъ, который былъ достигнутъ вторженіемъ шотландцевъ. «Всѣ уступки, которыя я сегодня сдѣлалъ,—пишетъ онъ одному тайному корреспонденту,—ведутъ только къ облегченію моего бѣгства.» Открыто воспрещая Ормонду идти въ Ирландію, онъ тайно рекомендуетъ ему не обращать вниманія на королевскія повелѣнія (до тѣхъ поръ, пока король не будетъ свободенъ), а съ возможной поспѣшностью продолжать свое движеніе и не удивляться никакимъ уступкамъ и трактатамъ, такъ какъ они «ничего не значатъ».

Армія, смотрѣвшая на эту процедуру съ сердитымъ безпокойствомъ, не выдержала, наконецъ, и вызвала рѣшительный кризисъ. За недѣлю до окончанія переговоровъ въ Ньюпортѣ въ парламентъ явилась депутація отъ Фэрфакса и военаго совѣта съ такъ называемой великой ремонстранціей. Этотъ актъ, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Айртона, отличается обиліемъ сильныхъ выраженій и крайней длиннотою. Онъ занимаетъ цѣлыхъ пятьдесятъ страницъ въ протоколахъ парламента, и чтеніе его заняло, вѣроятно, часа три. Между тѣмъ смыслъ его довольно простъ. Въ этомъ актѣ указывается, во-первыхъ, что глупо было бы предполагать, что уступки, дѣлаемыя королемъ, основываются на его убѣжденіяхъ или рас-

Digitized by Google

каяніи, а потому опасно и даже преступно вести съ нимъ переговоры; во-вторыхъ— что король виновенъ въ такихъ поступкахъ, которые всегда считались недозволенными лицамъ, носившимъ этотъ санъ прежде, а потому и подлежитъ суду; въ-третьихъ— что всѣ соучастники короля должны быть наказаны, а солдатамъ слѣдуетъ выдать жалованье. Вотъ и все содержаніе документа, который былъ почтительнѣйше поданъ парламенту группой офицеровъ, изъ коихъ многіе впослѣдствіи сами были казнены.

Джемсъ, первый герцогъ Гамильтонъ.
(Съ оригинала въ Hamilton Palace).

Парламентское большинство съ высокомѣріемъ, не соотвѣтствовавшимъ власти, настояло на отсрочкѣ обсужденія просьбы «армейскихъ сектантовъ». На дѣлѣ гигантская ремонстранція арміи никогда и не была обсуждена, а прямо сдана въ архивъ, вмѣстѣ съ другими документами подобнаго же рода, которые такъ и сыпались въ это куріозное время. Какъ изложеніе существующихъ затрудненій, она была вполнѣ справедлива и убѣдительна, но легче было видѣть ихъ, чѣмъ устранить.

На днѣ политическаго фанатизма лежитъ иногда много практическаго разума. Гариссонъ и его союзники прекрасно разочли, что союзъ короля съ парламентомъ поведетъ къ распущенію арміи и что тогда вожди послѣдней, оказавшись обезоруженными, могутъ быть или казнены, или, по крайней мѣрѣ, объявлены измѣнниками и вредными для общественнаго спокойствія людьми.

XXIII.

Роль Кромвеля въ окончательномъ кризисѣ.

Недостатокъ всякой исторіи Кромвеля состоитъ въ невозможности точно прослѣдить его роль за время, непосредственно предшествовавшее суду надъ королемъ, а, между тѣмъ, это самый критическій моментъ его дѣятельности. Непроницаемый мракъ, окружающій послѣднюю за данный періодъ, служитъ причиною того, что Кромвель пользуется репутаціей интригана и лицемѣра. Если общественный дѣятель не живетъ, что называется, въ стеклянномъ домѣ, то мы охотно заподозрѣваемъ его искренность и честность.

Когда начались переговоры въ Ньюпортѣ, Кромвель находился на пути къ границѣ Шотландіи. Вернулся онъ только въ послѣднихъ числахъ октября, когда армія и ея вожди уже вышли изъ терпѣнія при видѣ медленности и запутанности этихъ переговоровъ. Прошло, такимъ образомъ, около шести мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Кромвель уѣхалъ изъ Вестминстера въ Уэльсъ. Военные труды только усилили то нетерпѣніе, съ которымъ армія относилась къ парадоксальному ходу политики и которое ярко выразилось въ Виндзорскомъ молитвенномъ митингѣ. Взглядъ Кромвеля на союзъ съ королемъ выраженъ имъ въ письмѣ къ спикеру. Описавъ военныя дѣйствія и указавъ на окончательную побѣду надъ шотландцами, онъ пере-

Digitized by Google

Оборванные ветераны Кромвеля въ походѣ.

(Рис. Морица Грейфенгагена).

Digitized by Google

ходитъ (октября 9-го) къ другой темѣ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ указываетъ на «измѣнническое поведеніе тѣхъ, которые навлекаютъ опасность на всю страну, такъ что за нихъ приходится краснѣть», несмотря на религіозныя претензіи, которыми они прикрываютъ свои цѣли. Это могло относиться только къ пресвитеріанамъ. «Но Богъ, Котораго обмануть нельзя, гнѣвается на людей, прикрывающихъ Его именемъ свои нечестивыя дѣянія, и, несомнѣнно, отмститъ имъ за такую профанацію, отмститъ жестоко до удивленія. И я отъ души желаю, чтобы это заставило трепетать и раскаяться всѣхъ, творящихъ подобное кощунственное передъ Господомъ и вредное для страны дѣло, такъ чтобы они никогда впередъ этого не дѣлали; и я думаю, что съ моей стороны вполнѣ умѣстно, со всей скромностью, сказать это во всеуслышаніе.»

Въ письмѣ къ полковнику Гаммонду, стражу короля (отъ 6 ноября), Кромвель пишетъ изъ-подъ стѣнъ Понтефриктъ-Кэстля, что добраго мира никакъ нельзя ожидать, будетъ ли онъ основанъ на умѣренномъ епископатѣ или на пресвитеріанствѣ. Въ то же самое время онъ высказываетъ свои руководящіе принципы въ краткихъ и точныхъ словахъ: «Я признаюсь тебѣ, что желаю отъ всего сердца, молюсь объ этомъ и съ нетерпѣніемъ жду того дня, когда всѣ народы Божьи — шотландцы, англичане, язычники, пресвитеріане, индепенденты, анабаптисты — поймутъ, наконецъ, другъ друга и сойдутся.» И все-таки, если бы король прочелъ это письмо, то не могъ бы замѣтить ни малѣйшаго намека, указывающаго на ужасную судьбу, которая въ скоромъ времени ему угрожала. Самымъ рѣзкимъ мѣстомъ въ этомъ письмѣ является предположеніе, что слѣдовало бы распустить парламентъ и созвать новый. Карла это бы не испугало, потому что онъ не могъ себѣ представить, чтобы какой-нибудь парламентъ приговорилъ его къ смерти.

Нѣсколько дней спустя Кромвель начинаетъ уже сердиться, какъ это видно по письмамъ его къ двумъ членамъ парламента, наклоннымъ къ излишней мягкости. «Развѣ палаты,—спрашиваетъ онъ,—не называли измѣнникомъ всякаго, кто становился на сторону шотландцевъ при ихъ послѣднемъ вторженіи? И это было совершенно справедливо, такъ какъ въ междоусобной войнѣ дрались англичане съ англичанами за преобладаніе англійскихъ же партій, а тутъ дѣло идетъ о подчиненіи всѣхъ насъ иностранцамъ.» Затѣмъ идутъ зловѣщіе намеки, хотя Кромвель скорѣе передаетъ въ нихъ чужія мнѣнія, чѣмъ свои собственныя. «Позвольте вамъ сказать, что наши офицеры смотрятъ съ негодованіемъ на такое благосклонное отношеніе къ этимъ людямъ. Неужели наша кровь такъ ужъ дешева, и видимая благодать Божія, увѣнчавшая наши труды, до такой степени не стоитъ вниманія?»

Въ тотъ же день онъ пишетъ къ Фэрфаксу въ томъ же тонѣ. Офицеры горюютъ о судьбѣ родины и желали бы видѣть враговъ ея наказанными. «И я долженъ признаться,— добавляетъ онъ, въ первый разъ высказывая свое собственное мнѣніе,— что вполнѣ имъ сочувствую и увѣренъ, что такія чувства вложены въ насъ Богомъ.—Во всякомъ случаѣ, онъ скорѣе идетъ за другими, чѣмъ самъ ведетъ страну къ террору.

Въ концѣ концовъ, 25 ноября Кромвель пишетъ къ Гаммонду самое замѣчательное письмо изъ всѣхъ, когда-либо имъ написанныхъ. Вѣроятно, Гаммондъ жаловался ему на тяжесть и неудобства своего положенія. «Такія слова, какъ «тяжело», «неудобно», «пріятно», «легко»,—пишетъ ему Кромвель,—суть лишь проявленія немощности плоти. Не называя вашихъ обязанностей тяжелыми или непріятными—онѣ наложены на васъ Тѣмъ, отъ Котораго идетъ всякое благо, для вашего же упражненія въ вѣрѣ и терпѣніи, для вашего совершенствованія. Поищите лучше, нѣтъ ли какого-нибудь великаго значенія въ той цѣпи происшествій, которая привела извѣстную персону (короля) въ ваши руки, и будьте увѣрены, что Провидѣніе ничего не дѣлаетъ безъ благихъ намѣреній.» Отъ этого взрыва благочестиваго стоицизма онъ переходитъ къ политическимъ вопросамъ дня.

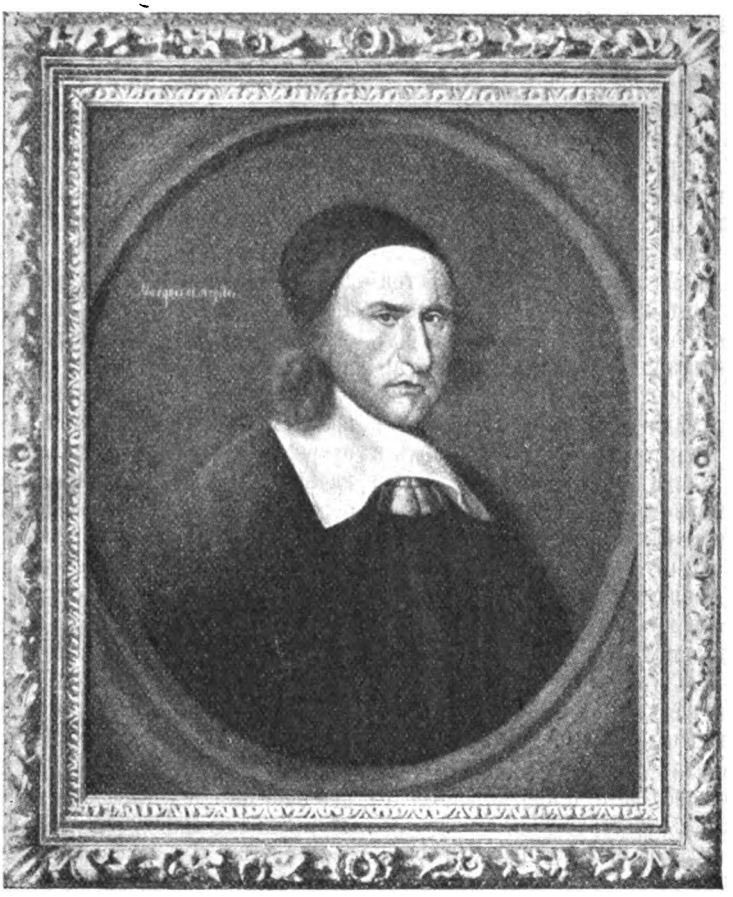
Гаммондъ не одобрилъ крайнихъ мнѣній по отношенію къ королю и парламенту. «Совершенно справедливо вы говорите, — пишетъ ему Кромвель,—что власть и вліяніе идутъ отъ Бога и что въ Англіи то и другое сосредоточено въ парламентѣ и королѣ. Но эти власти не могутъ же поступать, какъ имъ вздумается, и все-таки требовать отъ насъ повиновенія. Нельзя не признать, что есть случаи, въ которыхъ противодѣйствіе

Digitized by Google

имъ становится обязательнымъ. Не таковъ ли и нашъ случай? Въ этомъ, собственно говоря, и весь вопросъ.»

Затѣмъ онъ переходитъ къ разсмотрѣнію трехъ положеній, которыя, очевидно, давно его занимаютъ. Во-первыхъ, можно ли основать общественное благо на волѣ народа, какъ верховномъ законѣ? Во-вторыхъ, обезпечитъ ли общественную безопасность союзъ короля съ парламентомъ, или онъ только уничтожитъ всѣ плоды междоусобной войны и возвратитъ страну къ тому положенію, въ которомъ она находилась прежде и отъ котораго старалась избавиться? Въ-третьихъ, нельзя ли признать армію тоже законной властью, установленной Богомъ для противодѣйствія королю и парламенту въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо?

Затѣмъ онъ вдругъ начинаетъ сомнѣваться въ этихъ положеніяхъ и восклицаетъ: «Правда, всѣ эти разсужденія могутъ быть тоже плодомъ плотскихъ вожделѣній, но надо же все-таки узнать—справедливы они или нѣтъ.» Кромвель былъ достаточно уменъ для того, чтобы понять, что salus populi со всѣми его атрибутами можетъ также хорошо служить оправданіемъ для Страффорда и Карла, какъ для Айртона и арміи, и что узурпацію власти войскомъ такъ же легко оправдать какъ и узурпацію ея королемъ. Поэтому онъ опять прячется за волю Божію, любимую свою крѣпость. «Указанія Провидѣнія до такой степени ясны, точны и послѣдовательны, что въ нихъ нельзя ошибиться.» Возможно ли, чтобы Господь, не оставлявшій англійскій народъ во все время



Арчибальдъ Кемпбель, первый маркизъ Арджайль.
(Съ портрета, гравированнаго Давидсономъ).

Digitized by Google

его исторіи, не проявилъ своей воли теперь, именно вложивъ въ души большинства одинаковыя стремленія къ дѣйствіямъ, которыхъ Гаммондъ такъ боится? «Вы говорите о томъ, что не слѣдуетъ искушать Господа; но вѣдь искушеніе искушенію рознь. Одно дѣло—поступить высокомѣрно, полагаясь на плотскую самоувѣренность, и совсѣмъ другое дѣло—скромно и старательно отыскивать свой путь между затрудненіями, полагаясь на помощь Божію.» Чѣмъ болѣе затрудненій, тѣмъ болѣе слѣдуетъ полагаться на вѣру.

Надо признаться, что съ точки зрѣнія нашего современнаго плотскаго разума всѣ эти разсужденія пахнутъ софистикой и заставляютъ сомнѣваться въ искренности Оливера. Едва ли онъ даже разсуждалъ самостоятельно, такъ какъ самъ признается, что они въ сѣверной арміи выжидали обстоятельствъ, чтобы высказаться откровенно. На такую откровенность подтолкнула ихъ только демонстранція, поданная южной арміей. «Мы предпочли бы, можетъ быть, подать ее послѣ заключенія трактата, но разъ она подана, мы радуемся о ней въ Господѣ и ждемъ Его дальнѣйшихъ указаній.» Эти слова доказываютъ только, что Айртонъ и его партія высказали въ демонстраціи свое собственное мнѣніе, безъ всякихъ толчковъ со стороны Кромвеля. Но они доказываютъ также, что Кромвель сочувствовалъ демонстраціи. Въ концѣ письма онъ отзывается о Ньюпортскомъ трактатѣ, какъ «о гибельномъ, измѣнническомъ соглашеніи», и возмущается людьми, ждущими какого-нибудь добра отъ Карла, «отъ этого человѣка, котораго вы хорошо знаете и противъ котораго самъ Богъ свидѣтельствуетъ!»

Одинъ писатель враждебной Кромвелю школы отмѣчаетъ въ этомъ достопамятномъ письмѣ «преднамѣренную туманность, осторожныя недомолвки, тонкій ядъ, волчьи когти, прикрытые лисьимъ хвостомъ. «Кромвель на многое намекаетъ и мало высказываетъ, прикрывая жестокое значеніе своихъ словъ благочестивой мягкостью выраженій.» Совершенно вѣрно. Но что, если таковъ и былъ, къ самомъ дѣлѣ, Кромвель, если письмо это вполнѣ выражаетъ его характеръ и привычки?

Когда это письмо пришло на островъ Уайтъ, то Гаммонда тамъ уже не было. Армія рѣшилась дѣйствовать, и ударъ уже былъ нанесенъ. Судьба короля свершилась. Въ окончательномъ рѣшеніи этой судьбы Кромвель, повидимому, не участвовалъ. Письмо его къ Гаммонду есть послѣдній слѣдъ его дѣятельности за это время. Вѣроятно, онъ былъ вынужденъ ко многому, на что самъ никогда бы не рѣшился. Даже въ самыя послѣднія минуты король, вѣроятно, еще могъ бы спастись, но онъ не вѣрилъ, чтобы армія безъ его содѣйствія способна была справиться съ парламентомъ.

Въ зимнія сумерки (6-го декабря) толпа офицеровъ вошла въ его спальню, заставила одѣться, посадила въ карету, отвезла на берегъ и переправила въ Херстъ-Кэстль—уединенный, мрачный и тѣсный блокгаузъ, стоявшій на Гэмпширскомъ берегу. Тамъ король пробылъ двѣ недѣли. Приближалась послѣдняя сцена трагедіи, въ которой всѣ дѣйствующія лица — король, парламентъ, армія, Кромвель — вели другъ съ другомъ смертный бой подъ вліяніемъ неумолимой необходимости.

Пустая болтовня, продолжавшаяся тѣмъ временемъ въ палатѣ общинъ, была рѣзко прервана. 30-го ноября палата еще разъ громаднымъ большинствомъ постановила не обращать вниманія на ремонстранцію арміи, а армія отвѣтила на это рѣшеніе тѣмъ, что спустя два дня (2-го декабря) вступила въ Лондонъ. Еще два дня спустя палата послѣ долгаго и горячаго обсужденія, вотировала протестъ противъ какихъ бы то ни было насилій надъ королемъ безъ ея вѣдома и согласія, а затѣмъ приступила къ обсужденію отвѣтовъ короля ея делегатамъ на островѣ Уайтѣ. Обсудивъ эти отвѣты, она приняла ихъ «за основаніе, на которомъ палата можетъ приступить къ умиротворенію государства» (5-го декабря). Это постановленіе было уже прямымъ вызовомъ арміи. Въ тотъ же вечеръ состоялась конференція между вождями послѣдней и нѣкоторыми членами парламента. Одна часть конференціи стояла за насильственное его распущеніе, на которое прежде намекалъ Кромвель, а другая — за мѣры болѣе мягкія, за «чистку». Комитетъ, составленный изъ трехъ членовъ парламента и трехъ офицеровъ, получилъ порученіе прекратить засѣданія палатъ, являющіяся нарушеніемъ довѣрія, оказаннаго имъ избирателями. Этотъ комитетъ тотчасъ же распорядился поставить часовыхъ вокругъ Вестминстера для того, чтобы

Digitized by Google

«не впускать туда никого, кромѣ лицъ, оставшихся вѣрными общественному благу.» На слѣдующій день (6-го декабря), полковникъ Прайдъ, находившійся въ караулѣ съ семи часовъ утра, арестовалъ или прогналъ отъ дверей парламента сто сорокъ четыре члена палаты общинъ. Въ ту же ночь Кромвель вернулся изъ Іоркшира и въ первый разъ ночевалъ въ Уайтхоллѣ, гдѣ остановился Фэрфаксъ. «Приэтомъ,—говоритъ Людлоу,— а потомъ и въ другое время Кромвель заявлялъ, что не зналъ о рѣшеніяхъ, состоявшихся въ арміи, но вполнѣ имъ сочувствуетъ и будетъ ихъ поддерживать.»

На слѣдующій день дѣло было закончено, а недѣлю спустя (15-го декабря) совѣтъ офицеровъ, ставшій распорядителемъ судебъ государства, предписалъ перевезти короля въ Виндзоръ, и Фэрфаксъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Темной зимней ночью король, находившійся въ мрачномъ замкѣ, на берегу моря, услыхалъ скрипъ цѣпей подъемнаго моста, а на другой день узналъ о прибытіи страшнаго майора Гаррисона. Карлъ зналъ, какъ быстръ для королей переходъ отъ темницы къ могилѣ. Онъ часто думалъ о «печальныхъ исторіяхъ» Генриха VI, Эдуарда II,

Генералъ Ламбертъ.
(Съ оригинала въ Chequers Conrt).

Digitized by Google

умерщвленнаго въ Беркли, Ричарда II и своей бабки, погибшей въ Фотерингеѣ, а потому долженъ былъ предчувствовать, что появленіе Гаррисона предвѣщаетъ и его близкій конецъ. Гаррисонъ, впрочемъ, не былъ палачомъ по натурѣ, а только фанатически вѣрующимъ человѣкомъ. Онъ заявилъ королю, что правосудіе не смотритъ на лица, что великій и малый одинаково должны подчиняться закону. Какъ это подѣйствовало на Карла — неизвѣстно, но онъ былъ радъ, «что перемѣнитъ, по крайней мѣрѣ, скверный замокъ на хорошій.» Послѣ четырехдневнаго путешествія (19—23 декабря) черезъ Нью-Форестъ, Винчестеръ, Фарнгамъ

Домъ въ Нью-Портѣ, на о-вѣ Уайтѣ, гдѣ жилъ Карлъ I и происходили нью-портскіе переговоры. (Нынѣ—школа).

и Багшотъ онъ, дѣйствительно, прибылъ, наконецъ, въ лучшій и благороднѣйшій изъ дворцовъ англійскихъ королей. Здѣсь онъ провелъ три недѣли въ радостной увѣренности, что все обойдется для него благополучно, что враги не сумѣютъ справиться съ обстоятельствами, что онъ все-таки имѣетъ власть надъ ними и что придетъ, наконецъ, счастливый день, когда онъ надѣнетъ на ихъ шеи петлю законнаго мщенія.

XXIV.

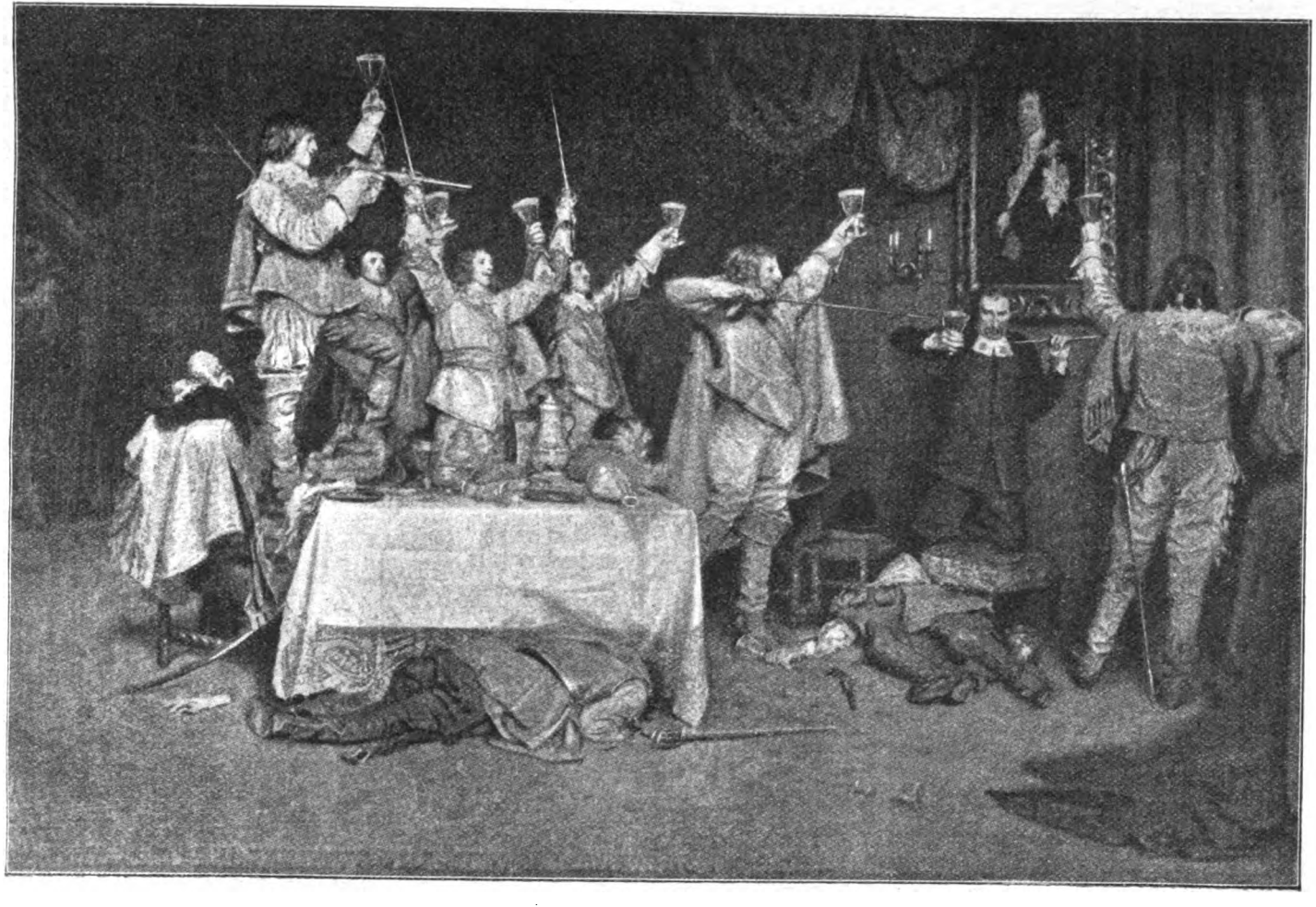
Смерть короля.

Палата общинъ, надлежащимъ образомъ «очищенная» и подобранная, назначила комитетъ для обсужденія средствъ привлечь короля къ суду и, наконецъ, издала (1-го января 1649 года) билль, въ силу котораго былъ назначенъ высшій судъ для этой цѣли. Душою всего дѣла былъ, повидимому, Гаррисонъ. Пройдя черезъ три обычныхъ чтенія и будучи подкрѣпленъ справкой съ основными законами страны, по которымъ вооруженная борьба съ парламентомъ была классифицирована, какъ измѣна со стороны короля, билль былъ отосланъ въ палату лордовъ. Лорды, въ числѣ всего двѣнадцати, немедленно страстно и единодушно отвергли его. Пятьдесятъ или шестьдесятъ членовъ, изъ которыхъ теперь состояла палата общинъ, столь же страстно вновь вернули его лордамъ (6 января). Два дня спустя знаменитый высшій судъ уже собрался въ Расписной палатѣ (Painted Chamber) Вестминстера, но изъ ста тридцати пяти его членовъ, назначенныхъ парламентомъ, явилось только пятьдесятъ два, въ томъ числѣ Фэрфаксъ, Кромвель и Айртонъ.

Остановимся немного на роли, которую игралъ Кромвель въ трагической развязкѣ дѣла. Сначала роль эта завѣдомо не была руководящею. Кромвель не присутствовалъ при рѣшеніи перевезти короля изъ Херстъ-Кэстля въ Виндзоръ (декабря 15-го), а слѣдующую затѣмъ недѣлю онъ провелъ въ переговорахъ со спикеромъ палаты, Ленталлемъ, и двумя другими столь же благоразумными и умѣренными ея членами, какъ бы пріискивая какой-нибудь выходъ изъ безвыходнаго положенія. Потомъ онъ сдѣлалъ попытку отложить судъ надъ королемъ до тѣхъ поръ, пока кончится судъ надъ другими виновниками второй междоусобной войны. Наконецъ, существуютъ какіе-то темные слухи о новыхъ предложеніяхъ королю, сдѣланныхъ съ вѣдома Кромвеля уже въ самую послѣднюю минуту. Но слухи эти настолько смутны, что могутъ дать матеріалъ лишь для догадокъ, а догадкамъ, о вѣрности и невѣрности которыхъ судить невозможно, въ серіозной исторіи не должно быть и мѣста.

Многозначителенъ, между прочимъ, и слишкомъ поздній пріѣздъ Кромвеля въ Лондонъ — въ центръ совершающихся событій. Онъ достигъ Карлейля 14-го октября и оставался подъ Понтефрактомъ до начала декабря. Онъ свободно могъ бы оставить тамъ Ламберта—прекраснаго полководца, если бы пожелалъ вмѣшаться въ парламентскія интриги, а не предоставить ихъ собственной участи. Главной его заботой, во всю жизнь, какъ мы знаемъ, была боязнь нарушить во-

Digitized by Google



Пуритане, принужденные пить за здоровье Карла I.
(Съ картины Вершмита).

Digitized by Google

лю Божію, проявляющуюся въ сцѣпленіи обстоятельствъ.

Вообще поведеніе Кромвеля въ теченіе того бурнаго мѣсяца, который отдѣляетъ время его прибытія изъ Іоркшира отъ дня назначенія верховнаго суда, покрыто такимъ непроницаемымъ мракомъ, что мы можемъ судить о немъ только на основаніи нашихъ свѣдѣній относительно характера нашего героя, относительно его политическаго смысла, обычной осторожности, настойчивости, свободы отъ личныхъ пристрастій и крайней медленности въ принятіи окончательныхъ рѣшеній.

Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что Кромвель, «лежа въ богатой королевской постели, въ Уайтхоллѣ» (гдѣ онъ и Фэрфаксъ остановились), въ теченіе всего мѣсяца старательно обдумывалъ всѣ свои шаги и измѣрялъ всю глубину той пропасти, въ которую необходимость толкала его и его сторонниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ надо было поступить? Парламентъ могъ низложить короля и затѣмъ изгнать его изъ предѣловъ государства или заключить на всю жизнь въ Тоуэръ. Онъ могъ также судить короля, приговорить его къ смерти и подождать, пока страхъ послѣдней не заставитъ его согласиться на всѣ уловія. Но если бы это даже и удалось, то будетъ ли король или его преемникъ держаться конституціи, насильно имъ навязанной? Наконецъ, нужна ли, въ самомъ дѣлѣ, монархія для того, чтобы водворить въ странѣ порядокъ? Да если даже и нужна, то не можетъ ли кто-нибудь изъ младшихъ сыновей короля замѣнить его на тронѣ? Принцъ Уэльскій принималъ участіе въ войнѣ и потому не годится для этого, но герцогъ Іоркскій и Глостеръ ни въ чемъ предосудительномъ не участвовали. Нѣкоторые вспоминали при этомъ даже объ электорѣ-палатинѣ, какъ о кандидатѣ на англійскую корону.

Такія соображенія давно уже занимали умы руководителей движенія. Но возможно ли было осуществить ихъ на дѣлѣ? Допустима ли была умѣренность при томъ настроеніи, въ какомъ находилась армія? Не слишкомъ ли жарко разгорѣлся костеръ для того, чтобы потушить его стаканомъ воды? Слѣдуетъ помнить, что съ шайкой изувѣровъ, случайно овладѣвшей властью, весьма трудно справиться. Партійныхъ интересовъ нельзя не принимать въ разсчетъ, а низложеніе короля вырывало оружіе изъ рукъ пресвитеріанъ. Какова бы ни была впослѣдствіи реакція, она все-таки будетъ монархическою, а не пресвитеріанскою, какъ это потомъ и случилось. Но можно ли предположить, чтобы Кромвель не предвидѣлъ тѣхъ осложненій, которыя повлечетъ за собою такой рѣшительный шагъ, какъ казнь короля?

Насиліе, однако же, будучи само по себѣ зломъ, не есть худшее изъ золъ, разъ оно не нарушаетъ чувства справедливости и долга. Такому человѣку, какъ Кромвель, не могло не приходить въ голову, что казнь короля, благодаря своей заносчивости и легкомыслію ввергнувшаго всю страну въ продолжительную и кровопролитную междоусобную войну, будетъ хотя и жестокимъ, но вполнѣ справедливымъ возмездіемъ, исполненіемъ предначертаній Всевышняго. Но онъ на этой мысли не останавливался и принимать на себя отвѣтственность за ея выполненіе не хотѣлъ. Только такіе люди, какъ Людлоу, громко ее высказывали, опираясь на кровожадные тексты Стараго Завѣта. «Я убѣжденъ,—говоритъ этотъ жестокій человѣкъ,—что всякія соглашенія съ королемъ были бы несправедливы и противны Слову Божію; кровь затопила всю страну и можетъ быть смыта только кровью же того человѣка, который ее пролилъ.»

Кромвель не меньше кого-либо другого основывалъ свои поступки на Библіи, но въ данный, самый критическій моментъ его жизни у него не вырвалось ни одной, соотвѣтствующей обстоятельствамъ ссылки. Единственное его изреченіе, сказанное по поводу суда надъ королемъ, страдаетъ крайней неопредѣленностью. Когда билль о назначеніи верховнаго суда былъ представленъ палатѣ общинъ, то Кромвель сказалъ: «Человѣкъ, предлагающій или имѣющій намѣреніе низложить короля или лишить престола его потомковъ, долженъ быть величайшимъ бунтовщикомъ и измѣнникомъ; но ужъ если Божественное Провидѣніе и необходимость привели насъ къ этому, то я прошу Бога вразумить насъ и благословить наши начинанія, хотя самъ не могу теперь высказать никакого мнѣнія.» Провидѣніе и необходимость—предначертанія Небесъ, проявляющіяся въ формѣ такого сцѣпленія обстоятельствъ, изъ котораго есть одинъ только выходъ, не желательный и не защитимый съ точки зрѣнія

Digitized by Google

Карлъ I.
(Съ картины Ванъ-Дейка въ Луврѣ).

человѣческаго разума, но, тѣмъ не менѣе, обязательный.

Какъ бы медленно и неохотно ни доходилъ Кромвель до какого-либо рѣшенія, но, разъ придя къ нему, уже не раздумывалъ. Никто менѣе его не былъ способенъ оглядываться назадъ, и, согласившись, въ принципѣ судить короля, Кромвель стоялъ за этотъ судъ съ той же энергіей, съ какою топталъ своимъ конемъ королевскую армію при Марстонъ-Мурѣ и Нэзби. Весьма многіе изъ столь же добродѣтельныхъ, мужественныхъ и умныхъ людей, какъ онъ самъ, устранились отъ суда и рѣшительно его порицали. Ольджернонъ Сидней, напримѣръ, одинъ изъ судей, явившись вмѣстѣ съ другими въ Расписную ка-

Digitized by Google

меру и прослушавъ судоговореніе, обратился къ Кромвелю, Брэдшоу и прочимъ съ заявленіемъ, что никакой судъ вообще не имѣетъ права судить короля, а что такимъ судомъ, какъ данный, и никого судить нельзя. «А мы все-таки снесемъ ему голову вмѣстѣ съ короною!»—съ бѣшенствомъ воскликнулъ Кромвель. «Помѣшать я вамъ не могу,—отвѣчалъ Сидней,—но и помогать не стану, а потому устраняюсь отъ этого дѣла.» Вэнъ, не со-

Ольджернонъ Сидней.
(Съ миніатюры).

чувствовавшій Прайдовской «чисткѣ», тоже отказался участвовать въ судѣ надъ королемъ и позднѣе не одобрялъ ни этого суда, ни послѣдовавшей за нимъ казни, хотя съ Кромвелемъ былъ очень друженъ.

Много разсказовъ ходитъ о грубомъ ожесточеніи Кромвеля во время суда и о его плоскихъ и неумѣстныхъ шуткахъ за это время, но такимъ разсказамъ едва ли можно вѣрить. Достовѣрно, однако же, что въ первый день суда, смотря изъ оконъ Расписной камеры на то, какъ король высаживается изъ лодки передъ Вестминстеръ-Холломъ «блѣдный какъ стѣна», Кромвель позвалъ всѣхъ смотрѣть на это и совѣтовалъ приготовиться отвѣчать на первый вопросъ обвиняемаго: кто имъ далъ право судить его?

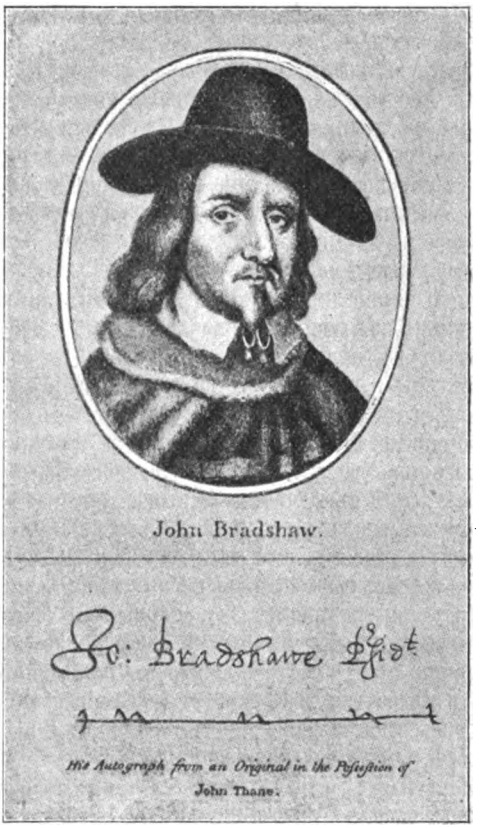
Такой вопросъ король дѣйствительно задалъ и недаромъ: отвѣчать на него было нечего, какъ совершенно справедливо думалъ Сидней. Право верховнаго суда опиралось на вотуе всего только пятидесяти членовъ, то-есть одной лишь секціи парламента, состоявшаго болѣе чѣмъ изъ пятисотъ человѣкъ и нарочно для этой цѣли подвергнутаго «чисткѣ», при которой было изгнано сто сорокъ три члена. Не имѣя законнаго права на существованіе, верховный судъ не обладалъ и правомъ нравственнымъ. Если даже народъ есть источникъ всякой власти, то все-таки та маленькая кучка членовъ палаты общинъ, которая учредила судъ, ни въ какомъ смыслѣ слова не могла быть считаема представительницей англійскаго народа. Даже и всю-то палату, въ полномъ ея составѣ, народъ никогда не уполномочивалъ издавать законы безъ согласія короля и лордовъ, а въ данномъ случаѣ нарочно подобранная кучка депутатовъ могла служить лишь выраженіемъ желаній арміи, и авторитетъ суда опирался на пики.

Короче — верховный судъ представлялъ собою не что иное, какъ обыкновенный военный судъ и имѣлъ такое же право судить короля, какое имѣли бы офицеры Фэрфакса или Кромвеля, если бы взяли Карла въ плѣнъ при Нэзби. Епископъ Бётлеръ въ 1741 году, въ годовщину мученической смерти короля, взялъ текстомъ своей знаменитой проповѣди лицемѣріе и заявилъ, что въ исторіи нѣтъ такой профанаціи формъ судопроизводства, какая имѣла мѣсто при судѣ надъ Карломъ Первымъ. Въ этой же проповѣди, замѣтимъ мимоходомъ, онъ высказалъ мрачное заключеніе, которое едва ли понравится оптимистамъ, ожидающимъ слишкомъ многаго отъ ума и сердца человѣческаго. «Исторія всѣхъ временъ и народовъ,—сказалъ онъ,—доказываетъ, что слово и дѣло не одно и то же, и что добродѣтель на землѣ больше проповѣдуется, чѣмъ практикуется.» Мы можемъ, пожалуй, согласиться съ Бётлеромъ вообще, но въ приложеніи къ данному случаю—къ трагедіи, совершившейся въ Вестминстеръ-Холлѣ,—онъ едва ли вполнѣ правъ. Въ этой трагедіи проявился скорѣе самообманъ, чѣмъ лицемѣріе; внѣшняя легальность придана была верховному суду только изъ уваженія къ обычаю и по привычкѣ къ легальности,

Digitized by Google

а на самомъ дѣлѣ всѣ на него и смотрѣли какъ на судъ военный, воспрещенный петиціей о правахъ не далѣе, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и всѣмъ еще памятный. Его облекли поддѣльною легальностью только для того, чтобы скрыть это обстоятельство отъ самихъ себя. И въ то время и послѣ относительно суда надъ Карломъ I были высказываемы два совершенно основательныхъ мнѣнія. Судъ этотъ, во-первыхъ, приравнивался къ военнымъ дѣйствіямъ, а потому являлся настолько же законнымъ или незаконнымъ, какъ самая война; во-вторыхъ, по мнѣнію, раздѣляемому Мильтономъ и Вольтеромъ, самъ Карлъ, оказавшись побѣдителемъ, поступилъ бы со своими противниками столь же нелегально, какъ и они съ нимъ поступили. Человѣкъ, совершившій покушеніе на пятерыхъ членовъ парламента въ 1642 году, не могъ требовать строгой легальности отъ революціонной юрисдикціи. Надо помнить, что ставкою междоусобной войны съ самаго начала была «твоя голова или моя голова». Карлъ проигралъ и потому потерялъ свою голову.

По внѣшнимъ формамъ такъ же, какъ и по внутреннему значенію, судъ надъ Карломъ отличался казарменной грубостью и мало походилъ на торжественную процедуру, совершающуюся легальнымъ трибуналомъ. Патетическій элементъ, присущій сердцу человѣка, и та чувствительность, которая служитъ опорою милосердію, за неимѣніемъ времени для слезъ и красивыхъ ламентацій, вполнѣ отсутствовали въ эту суровую, тревожную эпоху, да и вообще они болѣе приличны исторіи и зрителямъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицамъ. Какъ Карлъ, такъ и Кромвель оба слишкомъ часто и близко видѣли передъ собою смерть для того, чтобы очень съ нею теперь церемониться. Вестминстеръ-Холль былъ переполненъ солдатами и дрожалъ отъ ихъ криковъ, требующихъ правосудія и казни. Король со шляпою на головѣ сидѣлъ передъ судьями и съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на нихъ, настаивая на томъ, что они не имѣютъ права судить его, что судъ надъ нимъ незаконенъ. Президентъ Брэдшоу грубо грозилъ королю и говорилъ, что упрямство его ни къ чему не приведетъ. Кромвель присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, кромѣ одного, да и то весьма сомнительно, чтобы это было такъ. Три дня прошли въ препирательствахъ, весьма мучительныхъ и совершенно ненужныхъ, такъ какъ казнь короля была уже рѣшена заранѣе. Но Карлъ до послѣдней минуты этому не вѣрилъ. На четвертый и пятый день (24—25-го января) судъ въ закрытомъ засѣданіи выслушивалъ свидѣтелей, которые не могли сообщить ему ничего новаго. Дѣло затягивалось болѣе для того, чтобы утомить несговорчивыхъ членовъ, чѣмъ для того,



Джонъ Брэдшоу.
(Съ гравюры изъ «Исторіи междоусобной войны» Кларендона).

чтобы выяснить правду. Есть нѣкоторыя основанія думать, что Кромвель былъ въ числѣ членовъ, особенно горячо настаивавшихъ на томъ, что истинная религія не можетъ быть утверждена въ странѣ, пока не устраненъ король, какъ главное тому препятствіе. На слѣдующій день (26-го января) судъ, въ составѣ пятидесяти двухъ членовъ, призналъ Карла тираномъ, измѣнникомъ, убійцей, врагомъ общественнаго порядка и приговорилъ

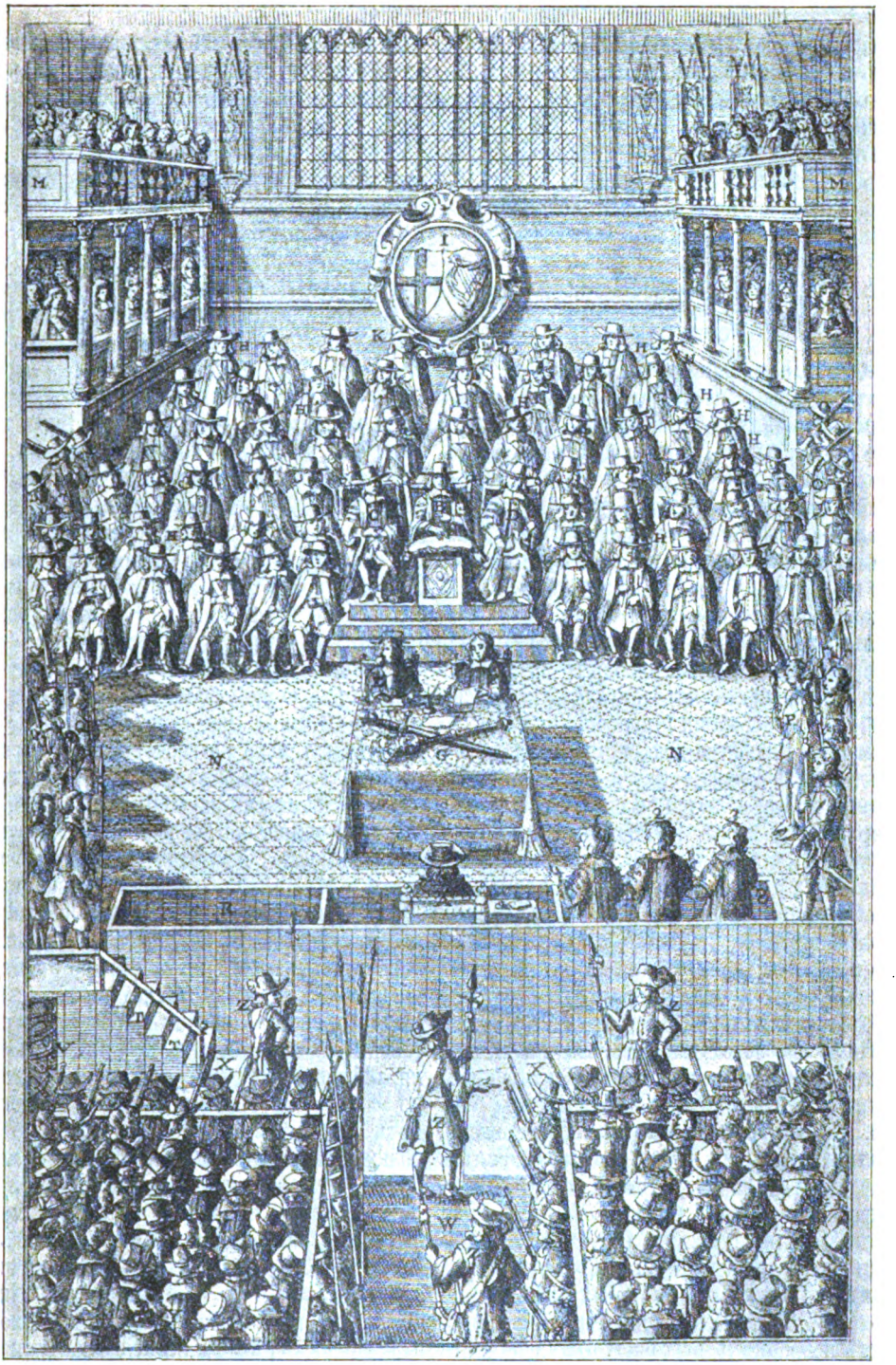
Digitized by Google

его къ лишенію жизни путемъ отсѣченія головы. Двадцать седьмого января приговоръ былъ объявленъ подсудимому. Карлъ, приведенный для этого въ Расписную камеру, попробовалъ говорить среди страшнаго шума и безпорядка. Онъ требовалъ возможности объясниться передъ цѣлымъ парламентомъ въ полномъ его составѣ, но судъ отказался исполнить это требованіе. Послѣ продолжительныхъ пререканій между Карломъ и Брэдшоу приговоръ былъ прочтенъ, а короля, требовавшаго заставить себя выслушать, вывели изъ зала. Спокойствіе, твердость и покорность судьбѣ, выказанныя имъ въ теченіе послѣднихъ трехъ дней жизни, проведенныхъ въ уединеніи и молчаніи, произвели сильное впечатлѣніе на современниковъ и до сихъ поръ не перестаютъ производить таковое на всѣхъ благомыслящихъ людей. Въ печальный день тридцатаго января короля вновь привели въ Уайтхолль, попрежнему скорѣе напоминавшій казармы, чѣмъ дворецъ. Фэрфаксъ, Кромвель, Айртонъ, Гаррисонъ были уже тамъ, хотя первый изъ нихъ старательно уклонялся отъ засѣданій суда во всѣ предшествующіе десять дней. Разсказываютъ, что какъ разъ передъ казнью Кромвель, сидя въ комнатѣ Айртона, своею рукою написалъ приказъ палачу (не какому-нибудь особому, а самому обыкновенному), который затѣмъ былъ подписанъ однимъ изъ трехъ экзекуторовъ, назначенныхъ верховнымъ судомъ для этой цѣли. Карлъ до самаго конца велъ себя съ большимъ достоинствомъ и твердостью. Недѣлю спустя тѣло его было перевезено ближайшими друзьями въ Виндзоръ, гдѣ и похоронено въ капеллѣ св. Георга. Кларендонъ запечатлѣваетъ въ нашей памяти такую безотрадную картину этихъ похоронъ: «Тогда они пошли въ церковь для того, чтобы выбрать мѣсто для могилы, но когда вошли, то не узнали хорошо всѣмъ знакомаго храма—до такой степени все въ немъ измѣнилось. Надгробныя плиты были сдвинуты и перемѣшаны, надписи исчезли, такъ что трудно было разобрать, гдѣ кто лежитъ и въ какомъ мѣстѣ похоронены наши короли. За неимѣніемъ сторожа или какого-нибудь служащаго при капеллѣ, одинъ изъ городскихъ обывателей показалъ имъ склепъ, въ которомъ лежатъ тѣла короля Генриха VIII и королевы Дженъ Сеймуръ. Устроивъ могилу какъ можно ближе къ этому мѣсту, опустили въ нее тѣло Карла безъ всякихъ особыхъ церемоній, если не считать истиннаго горя и слезъ всѣхъ предстоящихъ. На гробѣ находилась серебряная пластинка съ простой надписью: «Король Карлъ, 1649». По опущеніи гроба въ могилу, онъ былъ закрытъ чернымъ бархатнымъ покровомъ, поверхъ котораго насыпали земли. Комендантъ замка присутствовалъ при похоронахъ, засвидѣтельствовалъ, что они были произведены какъ должно, а затѣмъ заперъ церковь, рѣдко кѣмъ-либо посѣщаемую, и взялъ ключи къ себѣ.»

Странныя рѣчи говорились по поводу казни короля различными знаменитыми людьми, начиная съ Чарльза Фокса и кончая Карлейлемъ. «Сомнительно»,—говоритъ Фоксъ,—чтобы какое-нибудь другое обстоятельство до такой степени содѣйствовало поднятію уваженія къ англійскому характеру въ общественномъ мнѣніи Европы.» «Это дѣяніе англійскихъ цареубійцъ»,—говоритъ Карлейль,—убило ложную сантиментальность. Лицемѣріе, жеманство, поклоненіе наружности увяли съ тѣхъ поръ и въ современныхъ поколѣніяхъ окончательно вымираютъ.» Увы! Отъ лицемѣрія и жеманства не такъ-то скоро можно отдѣлаться; они не могутъ быть убиты однимъ ударомъ революціоннаго топора. Да и самъ-то этотъ ударъ, какъ вообще всякое насиліе, всѣ мечи и топоры не носятъ ли въ себѣ чего-нибудь худшаго, болѣе жестокаго, чѣмъ простое жеманство? Что касается ложной сантиментальности, то, вопреки мнѣнію Карлейля, именно казнь Карла I и поддерживала ее въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній болѣе, чѣмъ какой-либо другой актъ въ англійской исторіи.

Взглядъ Кромвеля на этотъ актъ отличается постоянствомъ. Спустя годъ послѣ казни онъ говоритъ, что «важнѣйшимъ результатомъ войны слѣдуетъ считать казнь зачинщика междоусобія.» Еще позднѣе онъ заявляетъ, что устраненіе тирана заставитъ впослѣдствіи всѣхъ добрыхъ христіанъ радоваться, а тирановъ—остерегаться; что тысячи народа въ Англіи были весьма довольны казнью; что главные дѣятели въ этомъ дѣлѣ доказали свою вѣру на практикѣ и готовы поступить такъ же со всѣми супротивниками. Если Господь допустилъ казнь короля, то, значитъ, послѣдній дѣйствительно ея заслуживалъ. Еще позднѣе, въ разговорѣ съ пресвитеріанами въ Эдинбургѣ, Кромвель успѣлъ убѣдить ихъ въ томъ, что казнь короля была

Digitized by Google



Судъ надъ Карломъ I.

(Изъ «Исторіи» Кларендона).

A)—король; B)—президентъ суда Брэдшоу; C)—Лисль, D)—Сэй, ассистенты Брэдшоу; E)—Бруктонъ, F)—Фельтъ, клерки; G)—столъ съ булавой и мечомъ; H)—члены палаты; I)—гербъ государства; K)—Кромвель; L)—Мартинъ; M)—зрители; N)—полъ; W, O, X)—проходы; P, Q)—стража; R)—проходъ къ мѣсту короля; S)—прокуроры; T)—выходъ на дворъ; V)—проходъ къ дому сэра Роберта Коттона, гдѣ жилъ король; J)—зрители; Z)—пристава.

Digitized by Google

положительно необходима. Разсказываютъ, что когда тѣло Карла стояло еще въ Уайтхоллѣ, то Кромвель приходилъ къ нему потихоньку, поднималъ крышку гроба и долго смотрѣлъ въ лицо мертвецу, бормоча сквозь зубы: «Печальная необходимость!» Едва ли это, впрочемъ, правда; что-то не похоже на Оливера съ его житейской философіей.

XXV.

Республика.

Смерть короля ничего, однако же, не измѣнила; старыя затрудненія остались и къ нимъ прибавились еще новыя. Кромвель и его сторонники не могли, собственно говоря, и ожидать ничего другого; но они оказались стоящими на высотѣ своей задачи и продолжали бороться съ энергіей, свойственной людямъ, вполнѣ увѣреннымъ въ своей правотѣ, ни на шагъ не отступающимъ отъ стези, указанной Провидѣніемъ. Цѣлью ихъ дѣятельности было, во-первыхъ, объединеніе государства и учрежденіе центральной власти на началахъ народнаго самодержавія, вмѣсто самодержавія династическаго, а затѣмъ — устройство церкви, объединеніе религіозное и развитіе флота. Трудовъ предстояло много, а людей было мало. Изъ всего парламента послѣ Прайдовской «чистки» осталась кучка меньше, чѣмъ въ полтораста человѣкъ, а на засѣданіяхъ присутствовало не больше пятидесяти. Эта кучка прежде всего порѣшила, что палата лордовъ не только не нужна, но и вредна и должна быть уничтожена, а два дня спустя такимъ же образомъ было рѣшено уничтожить и единоличную королевскую власть, ненужную, отяготительную и опасную для общественнаго спокойствія, какъ это было извѣдано на опытѣ. Въ мартѣ эти частныя постановленія были облечены въ форму якобы законныхъ парламентскихъ декретовъ. Затѣмъ былъ учрежденъ государственный совѣтъ въ качествѣ органа исполнительной власти. Онъ состоялъ изъ сорока одного члена, изъ коихъ тридцать были въ то же время членами парламента. Назначались они на одинъ годъ. Судъ по формѣ и персоналу остался почти безъ всякихъ измѣненій. Въ маѣ Англія была объявлена республикой, управляемой парламентомъ, состоящимъ изъ представителей народа, безъ короля и лордовъ.

Едва ли можно предполагать, чтобы Кромвель не понималъ, что бумажныя постановленія не могутъ передать власти въ руки дѣйствительныхъ представителей народа, разъ ею овладѣли представители одной только арміи, опирающіеся на штыки, и что настоящая республика при этихъ условіяхъ невозможна. Въ 1647 году онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы сойтись съ королемъ, отъ котораго окончательно отказался въ 1648 году, а теперь онъ принужденъ былъ принять форму правленія, основанную на тѣхъ самыхъ принципахъ, противъ которыхъ онъ такъ рѣзко возставалъ два года тому назадъ (въ военныхъ совѣтахъ), и дающую военному элементу столь вредное, по его мнѣнію, преобладаніе въ дѣлахъ государственныхъ. Но Кромвель принадлежалъ къ числу натуръ дѣятельныхъ, а не рефлективныхъ. Онъ видѣлъ, что элементы стараго, ненавистнаго ему порядка еще цѣлы, и новому порядку, каковъ бы онъ ни былъ, приходится выдерживать съ ними борьбу. Роялисты, оскорбленные въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствахъ казнью законнаго короля, перенесли свою горячую привязанность на его законнаго наслѣдника. Пресвитеріане, бывшіе роялистами только по расчету, были приведены въ отчаяніе неудачей своихъ сектантски и политически-партійныхъ плановъ. Пэры, хотя немногочисленные по количеству, но сильные по богатству и территоріальнымъ владѣніямъ, горевали о внезапной потерѣ политическихъ правъ. Епископальное духовенство, съ высшихъ до низшихъ ступеней іерархіи, не могло не роптать на потерю какъ доходовъ, такъ и нравственнаго авторитета. Вообще количество противниковъ вѣротерпимости, не имѣвшихъ причинъ быть довольными новымъ порядкомъ, по самому скромному расчету равнялось пяти седьмымъ англійскаго народа. Одни только индепенденты, составлявшіе меньшинство, но меньшинство могущественное, потому что оно опиралось на армію, могли быть довольны. Однако, и они дѣлились на сотни разнородныхъ по оттѣнкамъ міровоззрѣній, начиная съ всеобъемлющаго Мильтоновскаго гуманизма вплоть до мистиковъ, считающихъ грѣхомъ носить одежду и вѣрующихъ, что небо находится только въ шести миляхъ отъ земли. Старая распря по поводу устройства церкви была теперь отодвинута на задній планъ богословскими спорами, возбуждавшими крайній энтузіазмъ.

Digitized by Google

Карлъ I, идущій на казнь.
(Съ картины Крофтса).

Digitized by Google

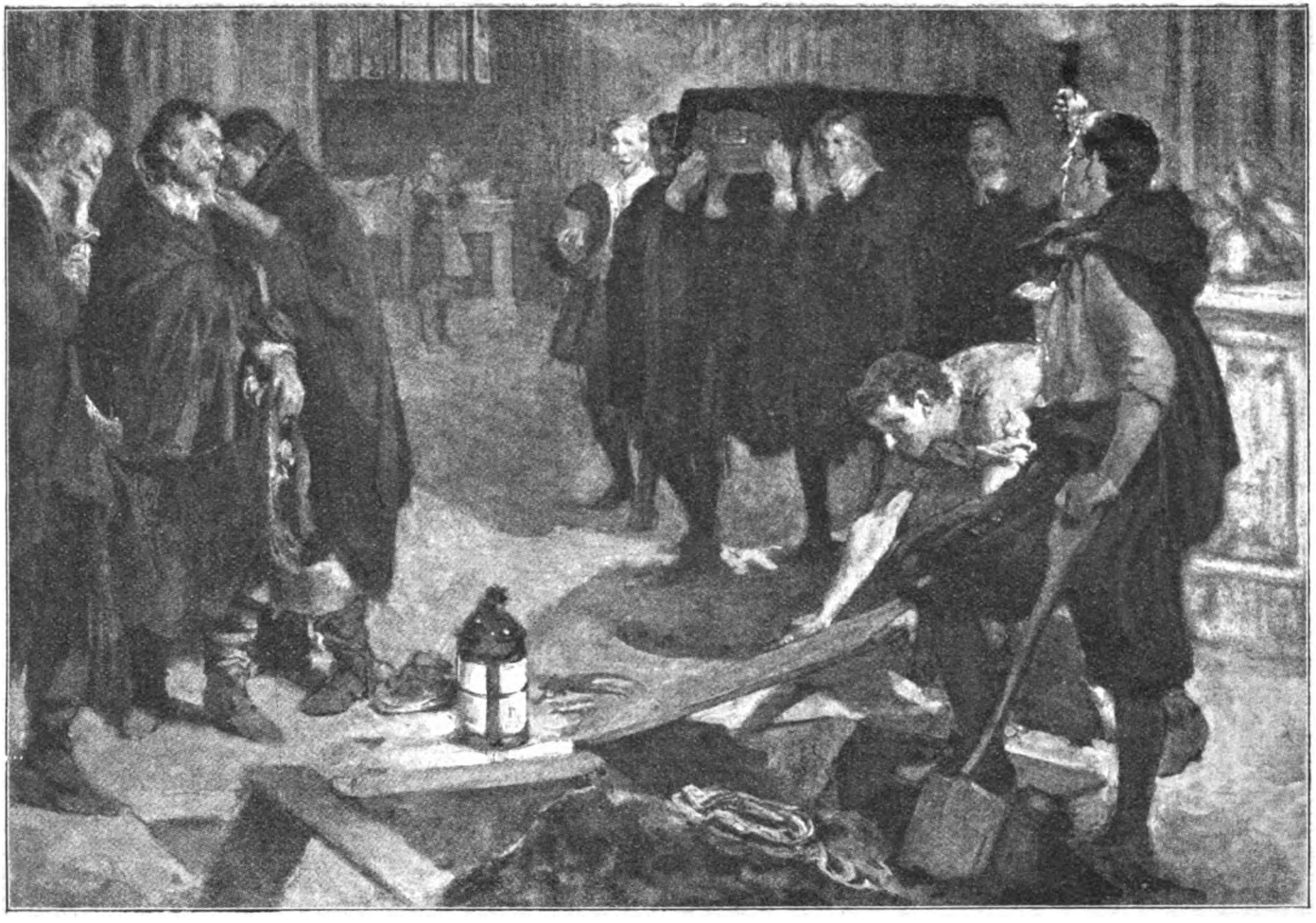
Самыя разнообразныя теократическія, нигилистическія и анархическія теоріи проповѣдывались съ такою страстностью, что примиреніе ихъ другъ съ другомъ, устраненіе религіознаго сумбура во имя политическаго единства и общественной пользы, сдѣлалось настоятельнѣйшей и крайне трудной задачей сначала для новорожденной республики, а потомъ и для самого Кромвеля. Одинъ изъ роялистовъ того времени такъ описываетъ положеніе: «Индепенденты владѣютъ городами, крѣпостями, флотомъ и казною, а пресвитеріане, черезъ духовенство и матеріальные интересы дворянъ и лордовъ, владѣютъ духомъ народа, особенно въ Лондонѣ и большихъ городахъ. Партія его величества такъ малочисленна, разрознена и до такой степени строго подстерегается двумя предыдущими, что ничего предпринять не можетъ.»

Два королевства, политически связанныя съ новорожденной англійской республикой, смотрѣли на нее враждебно и, того гляди, могли превратиться въ открытыхъ враговъ. На континентѣ Европы правители новой Англіи друзей не имѣли, такъ какъ даже Голландія отвернулась отъ нихъ, повинуясь вліянію сильной оранжистской партіи, которая, естественно, должна была стоять за Стюартовъ. Малѣйшаго толчка достаточно было для образованія какой-нибудь враждебной республикѣ политической комбинаціи, и только благодаря какому-то чуду послѣдняя не составилась. У Руперта оставался еще небольшой флотъ, роялисты владѣли нѣкоторыми островами (между прочимъ, Джерсеемъ и Силли), откуда дѣлали пиратскіе набѣги на англійскія торговыя суда. Республика не успѣла просуществовать нѣсколькихъ недѣль, какъ уже ей пришлось защищаться отъ опасности, грозившей подрыть самыя ея основанія и выросшей среди ея собственныхъ корней—отъ возмущенія арміи, убившей короля, изуродовавшей парламентъ и наложившей свое иго какъ на государственный совѣтъ, такъ и на большинство въ якобы самодержавномъ народѣ.

Естественное право, законы природы, Царство Божіе и всѣ другія теоріи, выставлявшіяся въ 1647 году противъ Божіею милостію короля, оказались теперь годными и для того, чтобы опрокинуть военную республику. Начало возмущенія положено было Лильберномъ, однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ революціи всегда пораждаютъ — узкимъ, прямолинейнымъ, догматическимъ риторомъ; несговорчивымъ и безтолковымъ крикуномъ; либераломъ на жестко-деспотической подкладкѣ; честнымъ въ своемъ стремленіи къ цѣли, но не стѣсняющимся никакими средствами; одушевленнымъ фарисейской любовью къ человѣчеству, а, въ сущности, влюбленнымъ только въ себя самого и гоняющимся за славою; однимъ словомъ—человѣкомъ лишеннымъ не только государственнаго ума, но и здраваго смысла. Таковъ былъ Лильбернъ, и таково было множество другихъ людей, съ которыми Кромвелю приходилось возиться всю остальную его жизнь. Мыслящій роялистъ или пресвитеріанинъ дѣйствительно могли усомниться въ способности къ созданію прочной конституціи и къ управленію государствомъ той партіи, которая состоитъ преимущественно изъ такихъ людей. Громадная популярность Лильберна была основана не столько на симпатіи къ его личности и принципамъ, сколько на отвращеніи къ военной республикѣ, а, можетъ быть, и вообще ко всякому правительству. Если бы возстаніе разгорѣлось и увлекло армію, то все было бы потеряно, и лица, стоявшія во главѣ республики, прекрасно понимали это. Они дѣйствовали быстро и рѣшительно. Фэрфаксъ и Кромвель распорядились съ зачинщиками не давъ возмущенію разгорѣться; при томъ они поступили съ ними довольно мягко, разсудительно, не увлекаясь ни местью, ни паническимъ страхомъ. А все-таки, изъ немногихъ, разстрѣлянныхъ при этой оказіи, нѣкоторые пріобрѣли въ народѣ славу мучениковъ за убѣжденія, что доказываетъ, какъ непрочна была республика и какъ немногіе ей сочувствовали.

По устраненіи одной опасности возникли другія. Одно время казалось, что политическая революція повлечетъ за собою соціальную и за нивелляціей правъ послѣдуетъ нивелляція состояній. Война разорила страну, народъ обѣднѣлъ, и въ одинъ прекрасный день (въ апрѣлѣ 1650 г.) небольшая кучка бѣдняковъ вскопала землю на Сентъ-Джорджъ-Хиллѣ, въ Серри, и посадила на ней бобы, говоря, что пора, наконецъ, уничтожить загородки, отдѣляющія частную собственность. Безысходный трудъ бѣдныхъ рабочихъ и въ это время, какъ всегда (во время реформаціи, напримѣръ), заставилъ ихъ примѣнять къ себѣ различныя библей-

Digitized by Google



Похороны Карла I въ капеллѣ св. Георгія въ Виндзорѣ.
(Съ картины Соломона).

Digitized by Google

скія предсказанія. «Въ наши дни,—пишетъ Вистэнли, одинъ изъ мало извѣстныхъ тогдашнихъ проповѣдниковъ,—бѣдный человѣкъ принужденъ работать за два пенса въ день, а хлѣбъ, между тѣмъ, очень дорогъ. Священники, собирающіе свою десятину, говорятъ вамъ, что библейское пророчество, заключающееся въ словахъ: «Бѣдные наслѣдятъ землю», должно обозначать «внутреннее удовлетвореніе», а я вамъ говорю, что оно исполнится буквально. Вы смѣетесь надъ нивелляторами матеріальныхъ благъ, а между тѣмъ главою ихъ слѣдуетъ считать Іисуса Христа.» (Gooch, 220). Фэрфаксъ и государственный совѣтъ весьма благоразумно посмотрѣли сквозь пальцы на эти проявленія соціалистическихъ идей, но народъ, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ убѣдиться, что за превращеніемъ монархіи въ республику не всегда наступаетъ на землѣ рай.

Тѣмъ временемъ меньшинство, захватившее въ свои руки государственную власть, стало прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ всѣ не пользующіяся популярностью правительства: цензура печатныхъ произведеній была усилена; за проповѣдями начали строго слѣдить, не пропуская никакихъ «превратныхъ идей»; мѣстныя власти получили предписаніе не допускать многолюдныхъ митинговъ; старый законъ о государственныхъ преступленіяхъ былъ не только возстановленъ, но еще усиленъ. А такъ какъ, при существованіи суда присяжныхъ, законы могутъ быть весьма легко смягчаемы, то для государственныхъ преступленій былъ оставленъ верховный судъ.

Но самыя крупныя затрудненія для республиканскаго правительства лежали не внутри государства, а внѣ его. Какъ въ Шотландіи, такъ и въ Ирландіи народъ враждебно относился къ цареубійцамъ. Въ обѣихъ этихъ странахъ Карлъ II тотчасъ же былъ провозглашенъ королемъ, и ему оставалось только выбрать изъ нихъ ту, которая представляла болѣе удобствъ для начатія войны съ убійцами его отца и узурпаторами законныхъ его правъ.

За время гражданской войны въ Англіи Ирландія пережила много разнообразныхъ треволненій, исторія которыхъ въ высшей степени темна, запутана и мало изслѣдована. Къ счастію, мы не имѣемъ надобности изучать ее въ подробностяхъ, такъ какъ намъ нужно знать лишь тѣ ея стороны, которыми она соприкасается съ исторіей Англіи, а для этого достаточно понять дѣятельность трехъ выдающихся людей, служившихъ выразителями настроеній во внѣшней политикѣ страны. Первымъ изъ нихъ является Ормондъ, представитель англійскихъ интересовъ, стойкій, покойный, дальновидный и вполнѣ почтенный государственный дѣятель. Вторымъ—Оуэнъ Ро О'Нейль, храбрый и честный воинъ, убѣжденный католикъ и страстный ирландскій патріотъ. Третьимъ—монсиньоръ Ринуччини, папскій нунцій, способный и честолюбивый человѣкъ, ультрамонтанъ, которому не было никакого дѣла ни до мѣстныхъ ирландскихъ партій, ни, тѣмъ болѣе, до еретиковъ-роялистовъ, и который заботился только объ интересахъ своей церкви, втайнѣ стараясь подчинить Ирландію папской власти, подъ протекторатомъ какого-нибудь иностраннаго католическаго государя. Всѣ эти три типа государственныхъ людей, выражающіе собою главныя теченія общественной мысли въ Ирландіи, съ нѣкоторыми поверхностными измѣненіями, могутъ быть прослѣжены въ этой странѣ до нашихъ временъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ общественныхъ учрежденій въ Ирландіи былъ тогда высшій совѣтъ католической конфедераціи въ Килькенни, интересы которой ничѣмъ не отличались отъ интересовъ англійскихъ католиковъ. Совѣтъ этотъ весьма мало симпатизировалъ нунцію, такъ какъ Ирландія вообще никогда не бывала ультрамонтантской страною. За нѣсколько дней до казни короля (въ январѣ 1649 г.) Ормондъ успѣлъ было заключить съ этимъ совѣтомъ, а, стало быть, и со всѣми ирландскими католиками, весьма разумный договоръ, по которому послѣдніе подчинялись власти короля на условіяхъ полной терпимости къ ихъ религіи и полной свободы мѣстнаго парламента. Нельзя не пожалѣть, что по смерти короля пуританское изувѣрство помѣшало Кромвелю перенести эти условія на республиканское правительство. Между тѣмъ католическая конфедерація, давно уже не ладившая съ нунціемъ, попросила его не вмѣшиваться болѣе въ мѣстныя дѣла, и черезъ мѣсяцъ по заключеніи договора Ринуччини уѣхалъ въ Римъ.

Ясно, что по провозглашеніи въ Ирландіи королемъ Карла II, на условіяхъ Ормон-

Digitized by Google

довскаго договора, связь между этой страной и республикой почти совсѣмъ порвалась. Вѣчный страхъ передъ высадкой ирландской арміи на западные берега, да еще, можетъ быть, одновременно съ вторженіемъ шотландцевъ съ сѣвера, для поддержки роялистовъ, не могъ не обуять республиканскаго правительства. Взглядъ Кромвеля на это дѣло былъ изложенъ имъ передъ государственнымъ совѣтомъ, въ Уайтхоллѣ (23 марта 1649 г.), въ рѣчи, по поводу принятія имъ поста главнокомандующаго въ Ирландіи. «Если мы не успѣемъ поддержать тамъ наши интересы,—говорилъ онъ, описывая Ормондовскую комбинацію,—то ирландцы, того гляди, сдѣлаютъ высадку въ Англію. А я долженъ признаться, что скорѣе согласился бы подчиниться кавалерамъ, чѣмъ шотландцамъ и скорѣе послѣднимъ, чѣмъ ирландцамъ; ихъ я считаю самыми опасными.» Даже англійскіе роялисты, по его мнѣнію, желающіе реставраціи, должны воспротивиться насильственному навязыванію короля шотландцами или ирландцами. Дру-

Джемъ Бётлеръ, двѣнадцатый графъ и первый герцогъ Ормондъ.
(Съ портрета Лели въ Ирландской Національной галлереѣ).

Digitized by Google

гими словами, борьба между королемъ и парламентомъ превратилась въ борьбу между тремя королевствами за преобладающую роль въ ихъ союзѣ. Вотъ откуда ведутъ свое начало наши современныя распри.

XXVI.

Кромвель въ Ирландіи.

Описывая дѣятельность крупныхъ государственныхъ людей, нельзя довольствоваться однѣми только риторическими фигурами, въ родѣ того, напримѣръ, что онъ, дескать, былъ «Божіимъ посломъ, говорящимъ громами и мечущимъ молніи». Помимо риторики есть еще и здравый смыслъ, который не даромъ, вѣроятно, данъ человѣку. Надо посмотрѣть, нужны ли еще были эти громы и молніи, не представляли ли они собою тоже въ своемъ родѣ риторику. Карлейль восхищается Оливеромъ въ виду полнаго отсутствія въ немъ этой послѣдней. Онъ восхищается также Магометомъ, искренно и горячо провозглашавшимъ: «Несчастный смертный! Поступай вотъ такъ-то и такъ-то, а иначе я, во имя Предвѣчнаго, моего и твоего Творца, убью тебя! Развѣ это не будетъ благодѣяніемъ для тебя, богохульнаго выродка, если ты не раскаешься и не подчинишься волѣ Аллаха?» Развѣ это, однако же, не риторика? Въ самыхъ поступкахъ, въ дѣятельности человѣка можетъ заключаться столько же пустоты, лжи, притворства, сколько и въ словахъ, въ риторикѣ. Архіепископъ Лодъ, обрубающій уши Принну; Карлъ, лицемѣрно умерщвляющій Эліота въ Тоуэрѣ; члены священной инквизиціи; испанцы, уничтожавшіе въ Америкѣ несчастныхъ индѣйцевъ; англійскіе пуритане, избивавшіе ирландокъ при Нэзеби; наконецъ, испанскіе короли, изгонявшіе ни въ чемъ не виноватыхъ мавровъ съ полуострова,—развѣ всѣ они не считали себя въ правѣ называть свои жертвы богохульными выродками? А, между тѣмъ, какъ судить, кто изъ нихъ, въ сущности, былъ выродокъ? Вообще поэзія и диѳирамбы ни къ чему не ведутъ. Вопросъ не въ томъ, гдѣ—риторика и гдѣ—дѣйствіе, а въ томъ—что справедливо и что несправедливо, что разумно и что неразумно, что жестоко и что человѣчно, какъ въ словахъ, такъ и на дѣлѣ.

Парламентъ противопоставилъ ирландцамъ энергію Кромвеля, а этотъ послѣдній принялъ на себя возлагаемую на него миссію только послѣ характерныхъ для него разсужденій. «Поѣду ли я или останусь,—сказалъ онъ,—это зависитъ отъ того, въ какую сторону Богъ направитъ мое сердце.» И Богъ не направлялъ его сердца до тѣхъ поръ, пока не были пополнены недоимки въ жалованьи войску и оно не было обезпечено провіантомъ

Отъѣздъ Юлія Цезаря въ Галлію въ то время, когда Риму угрожала междоусобная война, приписывается обыкновенно желанію выдрессировать войско для того, чтобы впослѣдствіи воспользоваться имъ въ этой войнѣ. Такого же сорта мотивы были изобрѣтены и для того, чтобы объяснить готовность Кромвеля уѣхать изъ Вестминстера въ такой критическій моментъ. А дѣло, надо думать, въ обоихъ случаяхъ было гораздо проще. Разсчетливый государственный человѣкъ, изъ личныхъ видовъ на будущее, едва ли рѣшится предпринять отдаленную, опасную и, во всякомъ случаѣ, невѣрную военную экспедицію, оставляя сзади себя могущественныя враждебныя партіи. Кромвель прекрасно зналъ, какихъ дѣятельныхъ враговъ оставляетъ онъ какъ въ арміи, такъ, особенно, въ пресвитеріанской партіи и вообще среди недовольныхъ военной республикой. Его мотивы были, вѣроятно, самые простые и подручные, никакихъ претензій на приписываемую ему дальновидность онъ не имѣлъ. Будучи солдатомъ, онъ стремился выполнить солдатское дѣло, тѣмъ болѣе, что оно въ данное время выступило на первый планъ. Онъ думалъ, вѣроятно, что самъ Богъ браней предназначилъ ему такую роль.

Только въ августѣ (1649 г.) Кромвель сѣлъ на суда, «прекрасно разъяснивъ передъ отправленіемъ нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, приложимыя къ данному случаю.» Въ Дублинъ онъ прибылъ въ качествѣ лорда-намѣстника и главнокомандующаго войскомъ. Давъ краткій отдыхъ своему отряду, измученному бурей, свирѣпствовавшей во время переѣзда, онъ, во главѣ десяти тысячъ солдатъ, двинулся на сѣверъ къ Дрогэдѣ (Drogheda), гдѣ и началась его приснопамятная по жестокости ирландская карьера. Новѣйшія изслѣдованія почти ничего не прибавили къ разсказу самого Кромвеля. Прибылъ онъ въ Дрогэду 3-го сентября — одинъ изъ трехъ рѣшительныхъ дней въ его

Digitized by Google

жизни. Черезъ недѣлю онъ предложилъ гарнизону сдаться, но, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, началъ бомбардировку и пробилъ стѣну въ двухъ мѣстахъ. На слѣдующій день около пяти часовъ вечера начатъ былъ штурмъ. Осажденные два раза отбивали ветерановъ Кромвеля, и только на третій разъ послѣдніе съ Оливеромъ во главѣ, овладѣли роялистскими ретраншементами. Комендантъ крѣпости Астонъ удалился въ цитадель, «очень хорошо укрѣпленное и почти неприступное мѣсто; находясь на высокой горѣ, оно еще было огорожено палисадами.» У Астона оставалось еще три тысячи человѣкъ, и штурмовать цитадель стоило бы слишкомъ дорого. Произошли, повидимому, переговоры, и Астонъ допустилъ себя обезоружить. Тогда, по приказанію Кромвеля, всѣ находившіеся въ цитадели были поголовно перебиты. Затѣмъ послѣдовалъ новый приказъ: «Сгоряча я приказалъ не щадить людей, встрѣченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ и въ самомъ городѣ; надо думать, что въ эту ночь было убито таковыхъ тысячи двѣ. Умѣющіе плавать спасались на сѣверную сторону.» Одни изъ нихъ нашли убѣжище на колокольнѣ церкви Св. Петра, а другіе — въ двухъ приворотныхъ башняхъ городской стѣны. «Я поэтому приказалъ сжечь колокольню, и кто-то изъ нихъ кричалъ тамъ: «Господь меня покинулъ! Господь меня проклялъ! Горю, горю!» Изъ восьмидесяти несчастныхъ, скрывшихся на колокольнѣ, пятьдесятъ было убито, а тридцать сгорѣли. Кромвель съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ объ этомъ. «Замѣчательно,—говоритъ онъ,—до какого нахальства дошелъ этотъ народъ. Наканунѣ штурма они служили торжественную мессу въ такъ называемой церкви Св. Петра и даже выгнали оттуда всѣхъ протестантовъ. Въ этой-то самой церкви, гдѣ они потомъ искали убѣжища, и было убито ихъ болѣе тысячи.» О приворотныхъ башняхъ Кромвель говоритъ: «Въ одной изъ нихъ всѣ офицеры и десятый изъ солдатъ были перебиты, а остальные сосланы въ Барбадосъ, а въ другой башнѣ убили только офицеровъ, а солдатъ всѣхъ сослали въ Барбадосъ.» Когда пылъ сраженія прошелъ, то офицеровъ все-таки разыскивали по всему городу и убивали хладнокровно. «Всѣмъ монахамъ,—говоритъ Кромвель,—прошибли головы, кромѣ двухъ. Непріятеля въ городѣ было около трехъ тысячъ человѣкъ, и я думаю, что мы всѣхъ ихъ покончили. Спаслось едва ли болѣе тридцати человѣкъ.» Покончили три тысячи человѣкъ, а сами потеряли только шестьдесятъ четыре.

Стѣны Дрогэды.

Таковъ неприкрашенный разсказъ о рѣзнѣ въ Дрогэдѣ. Самъ ея устроитель, одумавшись, счелъ нужнымъ придумать для нея оправданія. «Такія дѣйствія,—говоритъ онъ,—приводятъ только къ раскаянію и упрекамъ совѣсти», если были совершены безпричинны, но въ данномъ случаѣ, по его мнѣнію, причины были двухъ родовъ: во-первыхъ—мщеніе, а во-вторыхъ—политика. «Я убѣжденъ, что былъ только исполнителемъ справедливаго суда Божія надъ этими несчастными варварами, обагрившими свои руки въ убійствѣ невинныхъ людей; я убѣжденъ также, что это предупредитъ дальнѣйшее пролитіе крови.» А затѣмъ Кромвель излагаетъ теорію Божественной тактики въ дѣлахъ такого рода, въ высшей степени характерную для

Digitized by Google

пуританской теологіи. «Теперь позвольте мнѣ сказать,—пишетъ онъ,—какъ это все произошло. Нѣкоторые изъ насъ прекрасно понимаютъ, что всякое великое дѣло выполняется не человѣческой силой или могуществомъ, а Духомъ Святымъ. Да и не ясно ли, что это такъ и должно быть? Духъ Святый сначала далъ вашимъ людямъ мужество и заставилъ ихъ храбро идти на штурмъ, а потомъ отнялъ его и передалъ непріятелямъ, затѣмъ отнялъ у нихъ и передалъ опять вамъ, почему вы и побѣдили. Не Богу ли, стало быть, принадлежитъ и вся слава побѣды?»

Весьма возможно, что жестокость Кромвеля можетъ быть оправдана съ точки зрѣнія военныхъ законовъ и обычаевъ того времени; весьма возможно также, что Дрогэдская рѣзня была ничѣмъ не хуже подобныхъ же дѣяній, совершенныхъ тѣми полководцами Тридцатилѣтней войны, имена которыхъ съ тѣхъ поръ записаны на страницахъ исторіи, какъ синонимы варварства и жестокости. Но все это—плохія оправданія. Если Кромвель, по военнымъ законамъ, дѣйствительно имѣлъ право не давать пощады непріятелю, отказывающемуся сдаться, то этимъ правомъ онъ воспользовался всего только одинъ разъ во все продолженіе войны, да и то чувствуетъ необходимость оправдываться, при чемъ дѣлаетъ ссылки совсѣмъ не на военный законъ. По тону, въ которомъ говоритъ о Дрогэдской рѣзнѣ Людлоу, видно, что она даже и въ то время требовала объясненій. «Бойня продолжалась весь день и всю ночь,—говоритъ онъ,—съ необыкновенной жестокостью, которая, я полагаю, была необходима для того, чтобы задушить противодѣйствіе въ самомъ началѣ.» Это, какъ мы видѣли, была одна изъ причинъ, выставляемыхъ и самимъ Оливеромъ. Насколько она разумна, насколько цѣль въ данномъ случаѣ оправдывала средства,—это вопросъ военной и христіанской этики, котораго мы здѣсь касаться не будемъ. Напомнимъ только читателю, что большинство варварскихъ дѣяній были оправдываемы такимъ образомъ, что висѣлица, колъ, топоръ и пуля весьма часто были признаваемы въ высшей степени благодѣтельными для земной жизни человѣка или для его души за гробомъ.

Не менѣе сомнительна и другая причина рѣзни, выставляемая Кромвелемъ. Онъ говоритъ, что мстилъ негодяямъ, обагрившимъ свои руки кровью невинныхъ людей, убитыхъ въ Ульстерѣ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. Но онъ долженъ былъ знать, что ни одна изъ трехъ тысячъ жертвъ Дрогэдской рѣзни, ни одинъ монахъ, которому «прошибли голову», ни одинъ изъ сгорѣвшихъ въ колокольнѣ солдатъ не могъ участвовать въ Ульстерскихъ убійствахъ 1641 года. Большинство лѣтописцевъ, включая Людлоу и Кларендона, увѣряютъ, что гарнизонъ Дрогэды состоялъ почти сплошь изъ англичанъ и протестантовъ. Новѣйшія изслѣдованія, однако же, доказываютъ, что хотя въ составъ его и входило много протестантовъ, но что убиваемы были преимущественно ирландцы и католики. Послѣдніе были, впрочемъ, родомъ изъ Килькенни и другихъ мѣстъ, далеко отстоящихъ отъ Ульстера, а потому «въ высокой степени невѣроятно, чтобы они могли принимать какое-нибудь участіе въ Ульстерской рѣзнѣ 1641 года.»

Сомнительно, наконецъ, и то, чтобы убійства въ Дрогэдѣ предупредили какимъ-нибудь образомъ дальнѣйшее кровопролитіе. Кромвель пробылъ въ Ирландіи послѣ этого еще девять мѣсяцевъ, а война прекратилась только черезъ два года по его отъѣздѣ. Всѣ девять мѣсяцевъ были употреблены Оливеромъ на энергичную и неустанную борьбу съ возстаніемъ, которое, въ свою очередь, столь же энергично и упрямо ему противодѣйствовало. Изъ Дрогэды онъ пошелъ къ югу, на Уэксфордъ. Гарнизонъ этой крѣпости, продержавшись нѣсколько дней, принужденъ былъ начать переговоры, во время которыхъ одинъ измѣнникъ сдалъ замокъ Кромвелю, при чемъ ирландцы удалились со стѣнъ въ городъ. «Увидавъ это, наши люди стремительно бросились туда же и начали штурмъ. Достигнувъ базарной площади, на которой непріятель оказалъ особенно сильное сопротивленіе, они опрокинули его и затѣмъ предали мечу все, что встрѣтилось на ихъ пути. Я полагаю, что непріятель потерялъ при этомъ не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ, а наши потери ограничились всего двумя десятками за все время осады.» Городъ былъ разграбленъ; священникамъ и монахамъ «пробиты головы», несмотря на то, а, можетъ быть, именно потому, что многіе изъ нихъ искали спасенія въ протестантскихъ храмахъ, въ которыхъ они дерзновенно совершали мессы.

За всѣ эти неистовства, впрочемъ, Кром-

Digitized by Google

Штурмъ и сожженіе колокольни церкви Св. Петра въ Дрогэдѣ.
(Рис. Морица Грэйфенгагена).

Digitized by Google

вель не можетъ нести такой отвѣтственности, какъ за Дрогэдскую рѣзню. «Намъ очень было прискорбно,—пишетъ онъ,—разорять этотъ городъ, который могъ бы пригодиться вамъ и вашей арміи, какъ мы думали. Но Богъ судилъ иначе. Въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ Онъ направилъ на нихъ мечъ своей мести и сдѣлалъ добычею солдатъ, которые многихъ заставили кровью искупить жестокости, учиненныя ими надъ бѣдными протестантами.»

Во время пребыванія Кромвеля въ Ирландіи южная часть этой страны особенно сильно отъ него потерпѣла. Послѣ Дрогэды и Уэксфорда онъ взялъ Говранъ (Gowran)—сильную крѣпость, въ которой комендантомъ былъ кентіецъ, одинъ изъ вождей Кентскаго возстанія въ 1648 году. На предложеніе сдаться онъ отвѣтилъ гордымъ отказомъ (мартъ 1650 г.). Началась бомбардировка, а затѣмъ переговоры и капитуляція, по условіямъ которой офицеры сдавались на милость побѣдителей, а солдаты должны были быть пощажены. Милость побѣдителей выразилась на другой день въ разстрѣляніи всѣхъ офицеровъ, а католическій священникъ былъ повѣшенъ. Въ виду этого повѣшенія и «пробиванія головъ» монахамъ, мы можемъ спросить мимоходомъ: что же значитъ вызовъ Кромвеля указать ему «хоть одинъ примѣръ за все мое пребываніе въ Ирландіи, когда бы безоружный человѣкъ былъ убитъ какимъ-нибудь образомъ или даже изгнанъ?»

Дрогэдская рѣзня вообще никому не послужила устрашающимъ примѣромъ. Она не испугала, какъ мы видѣли, уэксфордскаго коменданта, и сопротивленіе, встрѣченное Кромвелемъ при Россѣ, Дёнканнонѣ, Уотерфордѣ, Килькенни и Клонмелѣ, было столь же энергично, какъ если бы съ Дрогэдскимъ гарнизономъ было поступлено такъ же милостиво, какъ съ гарнизонами Бристоля, Таунтона или Рэдинга. Въ Клонмелѣ, послѣднемъ изъ взятыхъ городовъ, оно было даже упрямѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Урокъ Дрогэды и Уэксфорда не подѣйствовалъ. «Въ Клонмелѣ мы встрѣтили такихъ стойкихъ враговъ, какихъ наша армія еще не встрѣчала въ Ирландіи; никогда не бывало столь горячаго и продолжительнаго штурма, такъ упрямо и храбро отбиваемаго.» Кромвель потерялъ при этомъ около двухъ тысячъ человѣкъ, а между тѣмъ гарнизонъ, лишенный боевыхъ снарядовъ, ушелъ ночью, такъ что осаждавшіе, взявшіе, наконецъ, городъ, получили только одну скорлупу безъ ядра.

Ирландская кампанія потребовала отъ парламента большого напряженія силъ. По словамъ современниковъ, армія годилась скорѣе для госпиталей, чѣмъ для лагеря. Изъ сорока офицеровъ ни одинъ не избѣгъ дизентеріи, которая господствовала эндемически. Самъ Кромвель долго былъ боленъ. Все это очень его огорчало и тревожило, разумѣется. «Въ самый разгаръ нашихъ успѣховъ,—говоритъ онъ,—когда благодать и милосердіе Божіе видимо на насъ проявлялись, Господь, съ цѣлью Ему одному извѣстной, но, вѣроятно, мудрой и благой, рѣшилъ подвергнуть насъ испытаніямъ, заставляющимъ серіозно подумать о томъ, къ чему направлена Его святая воля... Вы видите, какъ Богъ мѣшаетъ для насъ сладкое съ горькимъ. Мы теперь представляемъ собою по истинѣ печальную фигуру... Но все же живемъ, пока Господь терпитъ, и будемъ работать въ теченіе предназначеннаго времени, а потомъ отдохнемъ съ миромъ.»

Общій взглядъ Кромвеля на политику изложенъ имъ въ одномъ документѣ величайшей важности, и притомъ бросающемъ такой свѣтъ на его отношенія къ Ирландіи, что мы не можемъ не привести здѣсь выдержки изъ этого документа. Дѣло въ томъ, что католическое духовенство, собравшись на митингъ въ Клонмекнойзѣ (Clonmacnoise), издало манифестъ, отмѣченный исторіей только благодаря отвѣту на него Кромвеля (январь 1649 г.), который многими признается замѣчательнѣйшимъ изъ государственныхъ актовъ, изданныхъ въ Ирландіи со времени Стронгбоу или даже Св. Патрика. Пожалуй, что это и правда, такъ какъ въ немъ полнѣйшее невѣдѣніе прошлаго Ирландіи соединено съ невѣжественнѣйшими видами на ея будущее. «Я вамъ дамъ пожевать полыни», говоритъ Кромвель и дѣйствительно исполняетъ свое обѣщаніе. Между тѣмъ прелаты были совершенно правы; въ своемъ манифестѣ они вполнѣ ясно и толково изложили дѣло съ ирландско-католической точки зрѣнія, тогда какъ Кромвель говоритъ тономъ разсерженнаго изувѣра, не имѣющаго понятія о предметѣ спора и дѣйствующаго подъ вліяніемъ предвзятыхъ, совершенно ложныхъ идей. Вообще, какъ правитель Ирландіи, онъ стоитъ гораздо ниже Чичестера и Страффорда.

Въ вышеупомянутомъ манифестѣ прела-

Digitized by Google

ты заявляютъ своей паствѣ, что одно только тѣсное единеніе въ ихъ рядахъ можетъ помѣшать парламенту уничтожить католическую религію въ странѣ, вырѣзать или изгнать всѣхъ католиковъ и замѣстить ихъ протестантскими колонистами. Это какъ разъ то самое, что говоритъ Климентъ Уокеръ, пуританскій историкъ индепендентовъ. «Парламентскіе индепенденты»,—пишетъ онъ,—открыто настаивали на необходимости искоренить папистовъ въ Ирландіи и распродать ихъ земли всякимъ искателямъ приключеній.» Между тѣмъ Оливеръ горячо обрушивается на прелатовъ, уснащая свою рѣчь всѣми полемическими красотами того времени. Истощивъ запасъ ругательствъ, онъ переходитъ къ дѣлу, но прежде рисуетъ такую смѣлую и фантастическую картину благоденствія Ирландіи подъ крыломъ англійскаго правительства, какой никто еще изъ англійскихъ государственныхъ людей рисовать не рѣшался. «Помните вы, лицемѣры,—пишетъ онъ,—что Ирландія прежде составляла одно цѣлое съ Англіей? Англичане владѣли въ ней имуществомъ, купленнымъ на свои деньги ими или ихъ предками, у васъ или вашихъ предковъ. Они мирно и честно жили среди васъ. Вы пользовались одинаковымъ съ нимъ покровительствомъ англійскихъ законовъ; вы имѣли одинъ и тотъ же судъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, во имя блага всего государства, приходилось усмирять такихъ бунтовщиковъ, какъ вы. Вы все это разрушили. Ничѣмъ не будучи вызваны, вы подвергли англичанъ варварскому избіенію, неслыханному и невиданному съ тѣхъ поръ, какъ солнце свѣтитъ.»

Точно будто бы Кромвель никогда не поддерживалъ преувеличенныхъ обвиненій, предъявляемыхъ Пимомъ къ Страффорду, въ систематическомъ нарушеніи англійскихъ законовъ и ихъ духа за все время продолжительнаго управленія послѣднимъ Ирландіей! Точно будто бы конфискація имуществъ въ Ирландіи и раздача ихъ англичанамъ, къ величайшему неудовольствію коренныхъ обывателей страны, случалась въ это время не чаще, чѣмъ когда - либо! Точно будто бы «одинаковое покровительство законовъ» не выражалось, съ одной стороны, открытымъ грабежомъ, насмѣшками, презрѣніемъ, гнетомъ, а съ другой—бѣдностью, сдержанной злобой, отчаяніемъ! И такое-то отношеніе сторонъ другъ къ другу Кромвель рисуетъ въ видѣ какой-то Аркадіи, въ которой разнородныя овечки мирно пасутся подъ надзоромъ одного пастыря, а все зло идетъ только отъ хищныхъ волковъ—римскаго духовенства.

Что касается религіи, то Кромвель, наговоривъ софизмовъ по поводу слова «уничтожить», съ полною откровенностью сообщаетъ, что оно, по его мнѣнію, должно означать. «Если Богу будетъ угодно благословить мои начинанія, и если буду въ силахъ, то не допущу служенія мессъ. Не допущу также, чтобы вы, паписты, соблазняли народъ или какимъ-нибудь образомъ нарушали существующіе законы. Что же касается самого народа, то до его религіозныхъ убѣжденій мнѣ нѣтъ дѣла и если онъ будетъ весли себя честно и мирно, то я сочту своимъ долгомъ оградить его отъ всякихъ религіозныхъ преслѣдованій.» Претендовать на вѣротерпимость, запрещая католикамъ совершать богослуженіе и требы, было со стороны Кромвеля столь же дико, какъ и со стороны испанскаго правительства, запрещавшаго частнымъ лицамъ читать библію и изгонявшаго протестантскихъ проповѣдниковъ съ ихъ каѳедръ.

«Съ Божіей помощью,— продолжаетъ онъ,—мы сумѣемъ поддержать свободу въ странѣ, которою имѣемъ несомнѣнное право распоряжаться. Ирландскій народъ (если бы онъ не слушалъ подобныхъ вамъ соблазнителей) могъ бы наравнѣ съ англійскимъ пользоваться благосостояніемъ и свободою. Для этого ему стоитъ только положить оружіе.» Ну, конечно, для того, чтобы перестроить Ирландію, нужно было сначала завоевать ее, а завоеваніе страны, изнуренной десятилѣтними смутами, не представляло особыхъ трудностей. Насколько можно судить по вышеприведенной цитатѣ, Кромвель въ самомъ дѣлѣ разсчитывалъ успокоить Ирландію, покоривъ ее первоначально. И если бы у него хватило на это силы и пониманія народнаго характера, народныхъ нуждъ, то онъ дѣйствительно началъ бы новую эру въ существованіи несчастной страны. Но, какъ опять-таки видно изъ той же цитаты, у него ничего этого не хватило. Чисто пуританская точка зрѣнія, суровыя и презрительныя выраженія декларацiи, предназначенной «для вразумленія обманутаго и соблазненнаго народа», вмѣстѣ съ изувѣрскими поступками, отвратили отъ него душу этого народа, въ чемъ и лежитъ вся суть дѣла.

Digitized by Google

Парламентъ послѣ тщательныхъ обсужденій предписалъ совершить такую массу казней, что это оказалось даже практически неосуществимымъ, но нѣсколько сотъ человѣкъ все-таки было казнено. Тотъ же парламентъ долженъ нести на себѣ отвѣтственность за выселенія ирландцевъ, не столь поголовныя, какъ это иногда предполагалось, но все же совершавшіяся въ громадныхъ размѣрахъ. Кромвель, не будучи иниціаторомъ этихъ мѣръ, санкціонировалъ ихъ и приводилъ въ исполненіе. Конфискація земель распространялась на цѣлыя территоріи. Огромныя пространства были розданы кромвелевскимъ солдатамъ за счетъ жалованья или проданы различнымъ авантюристамъ, снабжавшимъ правительство деньгами на веденіе войны. Бывшіе собственники этихъ земель самымъ безчеловѣчнымъ образомъ выселялись на западъ, въ безплодныя пустыни. Двадцати или тридцати тысячамъ ирландцевъ было дозволено эмигрировать на континентъ, при чемъ они поступали въ испанскую, французскую или польскую службу. Бристольскіе купцы въ продолженіе четырехъ лѣтъ, безнаказанно торговали людьми, то-есть собственно ирландцами, какъ записные работорговцы.

Когда Ямайка была отнята у Испаніи въ 1655 году, Оливеръ, старавшійся заселить ее, требовалъ отъ Генри Кромвеля, который управлялъ тогда Ирландіей, присылки полуторы тысячи солдатъ и тысячи женщинъ. Все требуемое количество ихъ, съ прибавкою почти такого же числа дѣтей, было немедленно выслано изъ Галуэя. Между прочимъ, Пьемонтскія избіенія протестантовъ въ 1655 году значительно озлобили дублинское правительство и протестантскихъ генераловъ противъ бѣдныхъ ирландцевъ. Флитвудъ говоритъ: «Офицеры нашей арміи были сильно возмущены рѣзнею бѣдныхъ протестантовъ во владѣніяхъ герцога Савойскаго... Мы вѣримъ слухамъ, что въ этомъ кровопролитіи замѣшаны и ненасытные ирландцы.» Гоненіе на послѣднихъ было поэтому усилено.

Всякій изъ насъ можетъ, конечно, имѣть свое мнѣніе о дѣяніяхъ Кромвеля въ Ирландіи, но каждому должно быть понятно, почему ирландцы до сихъ поръ ненавидятъ самое имя его. Порядокъ, имъ установленный, довелъ Ирландію до крайней степени бѣдствій, и не прошло одного поколѣнія, какъ взрывы народнаго гнѣва въ Лимерикѣ и Бойнѣ доказали, насколько жестокъ, непрактиченъ и безрезультатенъ былъ этотъ порядокъ. Въ сущности, ирландская политика парламента ничѣмъ не отличалась отъ политики Страффорда. Послѣдній тоже стремился къ единенію Ирландіи съ Англіей на англійскихъ началахъ, къ наводненію ея англійскими колонистами и къ установленію религіознаго однообразія въ обоихъ соединенныхъ королевствахъ. Но Страффордъ понималъ особенности ирландскаго быта и характера, а Кромвель такимъ пониманіемъ не обладалъ. Пуританинъ, вооруженный мушкетомъ и книгой Ветхаго Завѣта, пробуя перестроить основы католической общины, непремѣнно долженъ быть впасть въ грубыя ошибки, и величіе Кромвеля не должно помѣшать намъ видѣть ихъ. Но Кромвель все же сдѣлалъ одно замѣчаніе несомнѣнно вѣрное. «Этотъ бѣдный народъ,— сказалъ онъ (въ декабрѣ 1649 г.),—привыкъ къ тираніи, гнету и несправедливостямъ со стороны своихъ лэндлордовъ и вообще высокопоставленныхъ лицъ, которые, по настоящему, должны бы были обращаться съ нимъ справедливѣе. Если бы, сэръ, теперь мы принесли ему свободу и отсутствіе лицепріятія, то предшествующія горе и бѣдствія заставили бы его смотрѣть на насъ, какъ на избавителей, и привлекли бы къ намъ всѣ сердца.»

Таковъ взглядъ Кромвеля на главную тайну ирландскаго вопроса, донынѣ нерѣшеннаго. И никто изъ англійскихъ государственныхъ людей не сказалъ ничего справедливѣе.

Шпоры Карла I. (Съ оригинала, хранящагося въ Оксфордскомъ музеѣ).

Digitized by Google

XXVII.

Въ Шотландіи.

Вслѣдъ за Ирландіей наступила очередь Шотландіи. Тамъ молодая англійская республика друзей не имѣла. Какъ религіозное, такъ и національное чувство,—если только ихъ можно разсматривать отдѣльно въ этой странѣ,—соединились въ противодѣйствіи правительству, которое, во-первыхъ, было основано на побѣдѣ сектантовъ надъ истинно-вѣрующими и на убійствѣ законнаго короля Шотландіи, а, во-вторыхъ, окончательно замѣнило ковенантерскую узость широкимъ принципомъ терпимости. Настоящіе роялисты, настоящіе ковенантеры, пылкіе пресвитеріане, сподвижники Монтроза и Арджилля, побѣжденные подъ Престономъ, дворянство и духовенство—всѣ одинаково ненавидѣли новый общественный строй Англіи, разбивавшій золотыя мечты о пресвитеріанскомъ королѣ изъ законной династіи, конституціонно царствующемъ надъ пресвитеріанскимъ народомъ. Вся страна была недовольна, роялистскіе и пресвитеріанскіе заговоры росли какъ грибы; но дальновиднѣйшіе изъ шотландцевъ прекрасно понимали, что въ основѣ этихъ заговоровъ, какъ во времена Уоллеса и Брюса, попрежнему лежало стремленіе къ національной независимости.

Между тѣмъ государственные люди республики чувствовали, что не справятся съ толпою недовольныхъ новыми порядками въ самой Англіи до тѣхъ поръ, пока не усмирятъ своихъ враговъ въ Шотландіи. Союзъ между сосѣдними странами, возникшій десять лѣтъ тому назадъ изъ общности религіозныхъ и военныхъ интересовъ, переходилъ понемногу въ борьбу за гегемонію. Эдинбургская прокламація Карла II, долгіе переговоры съ нимъ въ Голландіи; подчиненіе его необходимости осудить своего отца за противодѣйствіе реформаціи, а мать—за то, что она идолопоклонница, присоединеніе его къ ковенанту и, наконецъ, прибытіе въ Шотландію—все показывало, что нельзя терять времени, во имя спасенія самаго союза королевствъ.

Въ мартѣ 1650 года государственный совѣтъ отправилъ въ Ирландію нарочнаго для того, чтобы увѣдомить Кромвеля объ угрожающей опасности и просить его вернуться въ Англію. Кромвель пріѣхалъ, однако же, только 1-го іюня и былъ принятъ восторженно всѣми партіями, начиная съ великодушнаго Фэрфакса и кончая толпою черни, собравшейся въ Вестминстерѣ. Какъ парламентъ, такъ и Сити поднесли ему благодарность за услуги, оказанныя республикѣ въ Ирландіи, и эти новые лавры, прибавившіеся къ прежнимъ, «увѣнчали его, во мнѣніи всего свѣта, какъ одного изъ мудрѣйшихъ и способнѣйшихъ вождей въ настоящемъ и прошлыхъ поколѣніяхъ». Во взглядѣ на Кромвеля такъ же, какъ въ противодѣйствіи папизму сошлись всѣ религіозныя и политическія партіи Англіи.

Фэрфаксъ, искусный и храбрый полководецъ, которому не хватало, однако же, рѣшительности и иниціативы въ дѣлахъ государственныхъ, начинаетъ съ этого времени отступать на задній планъ. Пока Кромвель былъ въ Ирландіи, Фэрфаксъ оставался главнокомандующимъ войсками республики, и Оливеръ по возвращеніи вполнѣ искренно настаивалъ на томъ, чтобы это такъ и продолжалось, потому что въ лицѣ Фэрфакса республика какъ бы подавала руку пресвитеріанамъ, своимъ главнымъ врагамъ. Но Фэрфаксъ всегда былъ остороженъ и скрупулезенъ въ дѣлахъ совѣсти. Побывавъ на одномъ засѣданіи во время суда надъ королемъ, онъ отказался на немъ присутствовать. Въ силу той же скрупулезности онъ отказался и отъ командованія арміей, предназначенной для вторженія въ Шотландію, такъ какъ это вторженіе нарушало торжественную лигу и ковенантъ. «Человѣческіе расчеты, —говорилъ онъ,—не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для войны съ сосѣдней націей.» Намъ теперь это можетъ казаться мелочностью, простой отговоркой; но въ Фэрфаксѣ такая нравственная пунктуальность вполнѣ естественна, тѣмъ болѣе, что она не послужила во вредъ ни республикѣ, ни его начинающему возвышаться боевому товарищу. За отказомъ Фэрфакса Кромвель тотчасъ же былъ назначенъ генералъ-капитаномъ и главнокомандующимъ арміей.

Къ Шотландіи Кромвель отнесся совершенно не такъ, какъ къ Ирландіи. Въ послѣднюю онъ ѣхалъ для того, чтобы отомстить, чтобы вставить въ рамки распадающуюся общественную жизнь, чтобы преслѣдовать всѣми мѣрами ненавистное вѣроисповѣданіе. Свирѣпое его отношеніе къ ирландскому ду-

Digitized by Google

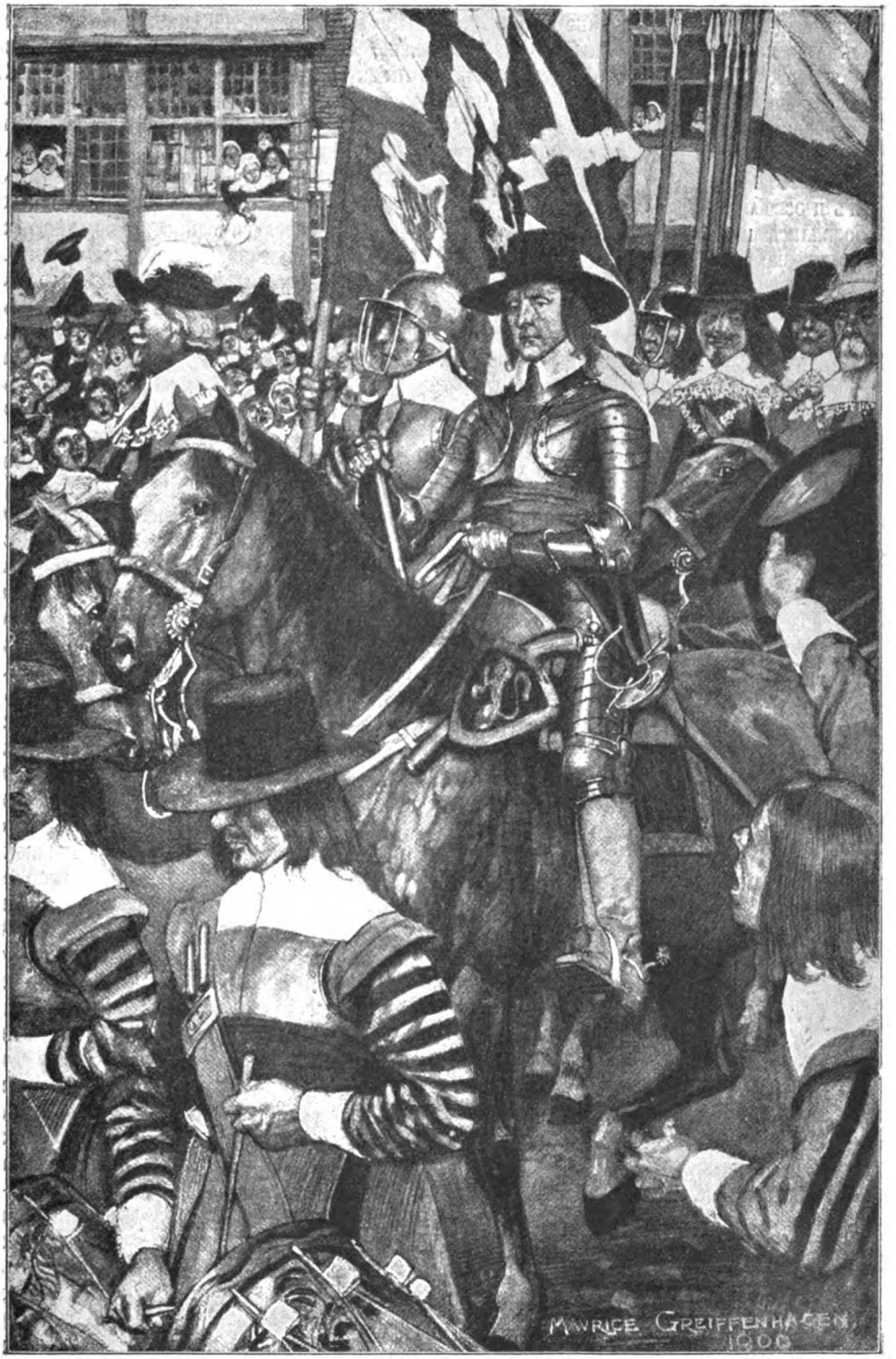
ховенству смѣнилось въ Шотландіи искренней попыткой сблизиться, сговориться. «Умоляю васъ,—пишетъ Кромвель въ своемъ посланіи къ Шотландской генеральной ассамблеѣ, заставляя ее выслушать урокъ, наименѣе внимательно выслушиваемый кѣмъ бы то ни было,—умоляю васъ, подумайте о томъ, что вы можете ошибаться.» Онъ говоритъ далѣе, что республика желаетъ добра шотландскому народу, что она не намѣрена «препятствовать ему служить Богу согласно указаніямъ собственной совѣсти, какъ учитъ Слово Божіе», и что война вызвана причинами политическими. Шотландцы думаютъ, говоритъ затѣмъ Кромвель, что съ ихъ стороны будетъ богоугоднымъ дѣломъ навязать Англіи короля; но они забыли, что этотъ самый король, подписавшійся подъ ковенантомъ, въ настоящую минуту распоряжается арміей папистовъ, сражающихся за него въ Ирландіи. А принцъ Рупертъ,—человѣкъ, руки котораго по локоть запачканы кровью ни въ чемъ неповинныхъ англичанъ,—его же именемъ пиратствуетъ на судахъ, украденныхъ у англійской республики. Наконецъ, въ самой Англіи злонамѣренные люди пытаются поднять возстаніе въ пользу и по порученію того же самаго короля.

На такое изложеніе политической обстановки отвѣчать было нечего, и Кромвель всѣми мѣрами старался довести его до свѣдѣнія благомыслящихъ людей въ Шотландіи. Но духовенство, «вмѣшивающееся въ свѣтскую политику и стремящееся вмѣшать земную власть въ дѣло насажденія Вертограда Христова», препятствовало его стараніямъ, забывая, что Вертоградъ Христовъ земными мѣрами насажденъ быть не можетъ, и что одинъ только Духъ въ силахъ насадить его. Мистическій спиритуализмъ, лежавшій въ основаніи вѣры Кромвеля, не нашелъ, однако же, отклика въ сердцахъ суровыхъ іерофантовъ, къ которымъ былъ адресованъ.

Какъ бы то ни было, пришлось начинать войну. Хотя король, навязанный Шотландіей, былъ бы пріятнѣе короля, навязаннаго Ирландіей, но все же лучше бы было, если бы реставрація была совершена руками англійскихъ кавалеровъ, если ей вообще суждено совершиться. Шотландскіе пресвитеры чрезчуръ уже надменны и проникнуты теологической самоувѣренностью, чтобы имъ подчиняться, да, кромѣ того, они еще и чужіе. Кромвель никогда не отчаявался и шесть лѣтъ спустя, въ одинъ критическій моментъ, высказалъ причины бодраго настроенія своего духа: «Хорошо уже и то, что мы—англичане,—сказалъ онъ. Если Богъ даровалъ нашей націи доблесть и энергію, то это великая милость.» На доблесть и энергію англичанъ онъ всегда разсчитывалъ, и въ данномъ случаѣ расчетъ его оказался вѣрнымъ: побѣда при Ворстерѣ осенью 1651 года блестящимъ образомъ оправдала его. Но раньше пришлось пережить тяжелыя минуты.

Кромвель перешелъ границу Шотландіи (22-го іюля) всего съ шестнадцатью тысячами человѣкъ. Въ теченіе пяти недѣль, затѣмъ, до конца августа, онъ продѣлалъ цѣлый рядъ весьма запутанныхъ движеній, тщетно стараясь вызвать шотландцевъ изъ крѣпкой позиціи въ Эдинбургѣ на чистое поле. Командовалъ ими тотъ самый Дэвидъ Лесли, который шесть лѣтъ тому назадъ оказалъ такую важную услугу англичанамъ при Марстонъ-Мурѣ. Онъ зналъ, что время, дурная погода и недостатокъ провіанта утомятъ, наконецъ, Кромвеля и заставятъ его перейти границу обратно. Искусно и настойчиво избѣгая быстрыхъ и энергичныхъ ударовъ, составлявшихъ знакомую ему обычную тактику Оливера, Лесли успѣлъ добиться желаемаго. «Не было никакой возможности,—говоритъ Флитвудъ,—вызвать ихъ на битву: пока мы входили въ ущелье съ одной стороны, они выходили изъ него съ другой.» Въ концѣ концовъ голодная, обносившаяся, утомленная англійская армія унылой толпою отступила въ Денбаръ. Лесли тѣмъ временемъ отклонился къ югу и сталъ на холмахъ, господствующихъ надъ послѣднимъ, такъ что Кромвель былъ запертъ, отрѣзанъ отъ Бервика, чему шотландцы, конечно, очень радовались. «Надменно и самонадѣянно они уже думали, что держатъ насъ въ рукахъ; забывая объ интересахъ бѣдной Англіи, они предполагали, что ихъ король безпрепятственно можетъ идти во главѣ арміи къ Лондону.» Это былъ бы, дѣйствительно, плохой исходъ: монархія, реставрированная крайними ковенантерами, несомнѣнно, вызвала бы новую междоусобную войну въ Англіи. «Между тѣмъ мы были очень близки къ такому исходу,—пишетъ Оливеръ,—потому что сознавали свою неудачу и крайне ослабѣли плотью; но самъ Богъ поддержалъ

Digitized by Google



Въѣздъ Кромвеля въ Лондонъ.
(Рис. Грейфенгагена).

Digitized by Google

нашъ падающій духъ: именно потому, что ихъ было много, а насъ—мало; что они были сильны, а мы слабы; что успѣхъ сдѣлалъ ихъ самонадѣянными, а наши неудачи насъ обезкуражили,—именно поэтому мы воспрянули духомъ, такъ какъ за слабыхъ стоитъ самъ Богъ, и мы были увѣрены, что Онъ спасетъ и освободитъ насъ. Мы, дѣйствительно, ободрились и стали надѣяться.» Это было писано уже впослѣдствіи, но въ письмѣ къ губернатору Ньюкэстля (отъ 2-го сентября) Кромвель болѣе реально описываетъ отчаянное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ тактикой Лесли. «Мы находимся въ очень тяжеломъ положеніи. Непріятель загородилъ намъ путь къ Копперспатскому перевалу и мы можемъ спастись только чудомъ. Онъ обложилъ всѣ окрестные холмы, и мы лишь съ большимъ трудомъ могли бы пробиться. А между тѣмъ оставаться здѣсь почти невозможно: люди заболѣваютъ и мрутъ ежедневно. Что бы съ нами ни случилось, вы хорошо бы сдѣлали, если бы собрали всѣ силы, какія можете, и помогли бы намъ съ юга. Это такое дѣло, которое касается всѣхъ добрыхъ людей. Если бы ваши войска очутились въ тылу непріятеля, сзади Копперспата, то они могли бы снабдить насъ хоть провіантомъ. Всѣ должны работать на общую пользу. Духомъ мы не падаемъ, благодаря Бога, въ какомъ бы положеніи ни находились.» Едва ли въ исторіи есть примѣры такой стойкости дѣятеля, ясно понимающаго опасности, которыя его окружаютъ, и, тѣмъ не менѣе, живо, энергично и съ какою-то радостной надеждой заботящагося о малѣйшихъ подробностяхъ дѣла. Нравственная высота доступна только тому, чьи намѣренія возвышенны и не эгоистичны.

Желалъ ли Лесли завлечь Кромвеля въ ущелье и тамъ разбить его, напавъ со всѣхъ сторонъ, или просто прогнать англичанъ съ позоромъ за границу,—сказать трудно. Нельзя рѣшить также, собирался ли Кромвель пробиться сквозь ряды враговъ или, согласно первоначальному плану, укрѣпиться въ Денбарѣ. Лесли думалъ, конечно, что англичанамъ остается только положить оружіе или двинуться впередъ, на полную гибель; но, къ его несчастію, самъ же онъ, въ виду ли недостатка воды и провіанта для солдатъ или въ виду нетерпѣнія военнаго комитета, состоявшаго изъ духовныхъ и утомленнаго Фабіевской тактикой главнокомандующаго, принужденъ былъ измѣнить взаимное положеніе арміи. Члены комитета, изучавшіе тактику по Библіи, вспоминая о Саулѣ амалекитянахъ, моавитянахъ и проч., удивлялись, вѣроятно, что ненавистные сектанты, попавшіе въ западню между моремъ и горами, занятыми арміей правовѣрныхъ, вдвое превышающею ихъ по численности, такъ долго не сдаются и предписали, можетъ быть, Лесли взять ихъ съ боя. Какъ бы то ни было, шотландская армія вечеромъ 2-го сентября спустилась съ горъ и растянулась у ихъ подошвы, по болотистой долинѣ. Кромвель, тоже читавшій всякій день Библію, но не руководствовавшійся ею въ тактикѣ, прогуливаясь вокругъ города съ Ламбертомъ, замѣтилъ это неожиданное движеніе. «Я сказалъ генералъ-майору,—пишетъ онъ,—что, по моему мнѣнію, оно даетъ намъ случай и возможность напасть на непріятеля. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ, что вполнѣ со мной согласенъ и самъ хотѣлъ сказать то же. Такимъ образомъ Богу было угодно внушить намъ обоимъ эту мысль одновременно.» Позвали Монка; затѣмъ, вернувшись въ лагерь, созвали ночью военный совѣтъ; сообщили планъ полковникамъ, которыми онъ и былъ принятъ съ восторгомъ. Движеніе Лесли могло обозначать только или немедленную атаку, или болѣе плотное обложеніе. Въ обоихъ случаяхъ англичанамъ выгоднѣе было первымъ напасть на него, тѣмъ болѣе, что, сойдя съ горъ, онъ поставилъ себя въ худшее положеніе. На военномъ совѣтѣ рѣшено было начать битву на другой день, съ восходомъ солнца, но на самомъ дѣлѣ она началась не раньше шести часовъ (3-го сентября). День былъ бурный и дождливый. Всю ночь въ сторожевыхъ частяхъ англійской арміи раздавались проповѣди и молитвы, доказывая благочестивое настроеніе и крѣпкую вѣру воиновъ. Тѣмъ временемъ шотландцы прятались отъ дождя и вѣтра за мѣшками съ зерномъ, вмѣсто того чтобы слушаться приказаній начальства и стоять подъ ружьемъ. «Наша лѣнь виновата,—говорилъ Лесли,—свидѣтельствую Богомъ, что мы такъ же легко разбили бы ихъ, какъ разбили Джемса Грээма въ битвѣ при Филиппо если бы офицеры наши остались при своихъ полкахъ и отрядахъ.»

Англичане и шотландцы остановились другъ противъ друга на крутыхъ берегахъ узкаго ручья, переходимаго только въ од-

Digitized by Google

номъ мѣстѣ, гдѣ и началась битва. Битва эта разъ навсегда описана Карлейлемъ такъ живо, поэтично и вѣрно дѣйствительности, съ такимъ глубокимъ пониманіемъ духа обѣихъ армій, что неудачныя остроты и сомнительнаго свойства философія, сопровождающія описаніе, не мѣшаютъ имъ восторгаться. Сраженіе началось канонадой англійскихъ пушекъ, за которой послѣдовала атака кавалеріи, подъ начальствомъ Ламберта. Непріятель стоялъ на хорошей позиціи и имѣлъ численный перевѣсъ надъ Ламбертомъ, которымъ въ первыя минуты боя и воспользовался. Прежде чѣмъ англійская пѣхота успѣла двинуться, по словамъ Кромвеля, «непріятель оказалъ сильное сопротивленіе, и его кавалерія сошлась съ нашею въ рукопашную». Затѣмъ двинулась первая линія пѣхоты, но «исполнивъ свой долгъ, поколебалась. Тогда, какъ разъ во-время, вступилъ въ дѣло мой собственный полкъ и на концахъ пикъ отбросилъ самые стойкіе полки непріятеля, что въ ихъ рядахъ произвело не малое изумленіе. Тѣмъ временемъ и конница въ высшей степени храбро побѣдила всѣ препятствія, давя непріятельскую кавалерію и пѣхоту, которыя, послѣ перваго отпора, волею Божіей были преданы на жертву нашимъ мечамъ. Лучшая конница непріятелей была разсѣяна въ теченіе часа времени, а затѣмъ и вся армія ихъ поколебалась, бросилась бѣжать, и наши люди преслѣдовали ее на протяженіи около восьми миль.»

Такова вся исторія кратковременной битвы, какъ ее разсказываетъ побѣдитель. Рётвортъ тогдашній секретарь Кромвеля, выражается еще лаконичнѣе: «Рано утромъ генералъ двинулся съ арміей и атаковалъ ихъ какъ на равнинѣ, такъ и на холмахъ. Сраженіе было очень жаркое. Часть ихъ войска стояла крѣпко, но остальные скоро побѣжали. Я никогда не видывалъ болѣе ужасной пѣхотной атаки, какъ та, которая была сдѣлана нашими; наша пѣхота тѣснила непріятельскую на протяженіи трехъ четвертей мили.» Была ли одержана окончательная побѣда благодаря второй атакѣ Ламбертовской кавалеріи, или Кромвель одержалъ ее при помощи привычнаго ему фланговаго движенія,—лѣтописцы не указываютъ. Наиболѣе достовѣрный изъ нихъ говоритъ слѣдующее: «Когда совсѣмъ разсвѣло, мы были въ безпорядкѣ; генералъ-майоръ (Ламбертъ) требовалъ артиллеріи. Генералъ (Кромвель) очень безпокоился; шотландцы приготовляясь атаковать насъ, трубили въ трубы, но потомъ перестали. Наконецъ пріѣхалъ генералъ-майоръ и приказалъ Пакеру (майору генеральнаго полка) Гогу (Gough) и нашимъ двумъ полкамъ идти мимо Роксбургъ-Хауза къ морю и напасть на непріятельскій флангъ, что мы сдѣлали въ высшей степени рѣшительно. Одна изъ шотландскихъ пѣхотныхъ бригадъ не хотѣла уступить и дралась съ нами въ рукопашную, пиками и прикладами, до тѣхъ поръ, пока наша кавалерія не атаковала ее съ одного конца строя до другого и тѣмъ не заставила отступить. Самъ генералъ ѣздилъ по рядамъ нашего полка, приказывая отклониться влѣво: это для того, чтобы захватить побольше мѣста и чтобы трупы не мѣшали. Мы сдѣлали какъ онъ приказалъ, кавалерія и пѣхота смѣшались по всему полю и скоро непріятель поколебался. Въ это время солнце показалось надъ моремъ, и я слышалъ, какъ Ноль [1]) сказалъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» А потомъ, слѣдуя медленно за нами, онъ еще сказалъ: «Они положительно бѣгутъ!» Затѣмъ шотландцы въ самомъ дѣлѣ побѣжали, и правое крыло, и лѣвое крыло, и центръ. Послѣ того какъ мы смяли ихъ правое крыло, они стали мять своихъ же, и мы, на ихъ плечахъ, взобрались на холмъ, гдѣ помѣшали имъ вновь выстроиться.»

Отчетъ Кромвеля о сраженіи очень оригиналенъ и можетъ служить урокомъ для полководцевъ нашего времени. «Какъ главные командиры такъ и солдаты вели себя съ такой доблестью, какой невидано за все время войны. Я знаю, что они не желаютъ быть названными, а потому умалчиваю о подробностяхъ.» Во всемъ отчетѣ ни слова о самомъ себѣ. Замѣчательно, что несмотря на отчаянную схватку, продолжавшуюся болѣе часа, англичане потеряли всего тридцать человѣкъ, или, какъ Кромвель говоритъ въ другомъ мѣстѣ, только двадцать. Непріятелей, между тѣмъ, убито три тысячи, да десять тысячъ взято въ плѣнъ.

XXVIII.

Отъ Денбара до Ворчестера.

Почти годъ послѣ побѣды подъ Денбаромъ, Кромвель оставался въ Шотландіи и въ теченіе пяти мѣсяцевъ съ короткими проме-

[1]) Ласкательное отъ Оливеръ.

Digitized by Google

жутками былъ такъ боленъ, что чуть не умеръ. Черезъ день послѣ Денбара онъ пишетъ своей женѣ: «Слабая вѣра моя укрѣпилась. Духъ мой чудеснымъ образомъ воспрянулъ, хотя увѣряю тебя, что становлюсь старъ и свойственныя старости болѣзни незамѣтно подкрались ко мнѣ. Хорошо, если бы мои грѣхи такъ же незамѣтно оставляли меня.» Кромвелю въ это время было всего пятьдесятъ лѣтъ, но труды, заботы и лишенія, испытанныя имъ за послѣднія восемь лѣтъ, могли сломить хоть кого. Зима, проведенная въ Ирландіи, отозвалась на немъ продолжительной и сильной лихорадкой. Климатъ Шотландіи тоже оказался неблагопріятнымъ для его здоровья. Продолжительные походы въ скверную погоду и по грязнымъ дорогамъ понизили его жизненную энергію. Лондонскіе друзья Кромвеля сильно встревожились; парламентъ послалъ къ нему двухъ врачей и даже позволилъ ему вернуться въ Англію для поправленія здоровья. Этимъ непрошеннымъ позволеніемъ Кромвель, однако же, не воспользовался.

Какъ политическія, такъ и военныя операціи въ Шотландіи, между сраженіями при Денбарѣ и Вэрстерѣ, до такой степени запутаны, что ихъ нѣтъ возможности распутать. Ученый, изслѣдовавшій ихъ подробно, легко можетъ увѣрить насъ, что дѣло шло бы совершенно иначе, если бы военная тактика была иною или религіозные споры были ведены менѣе горячо и упрямо; но мало ли что могло бы быть при другихъ условіяхъ, а при данныхъ ничего иного и представить себѣ нельзя. Основныя черты всей борьбы совершенно ясны. По словамъ Ранка, война велась не между арміями, а между религіозно-политическими сектами. Обѣ стороны считали себя усердными протестантами. Обѣ стороны разсчитывали на прямое вмѣшательство Правосудія въ ихъ дѣла. Для обѣихъ сторонъ текстъ Св. Писанія служитъ неопровержимымъ аргументомъ, и обѣ стороны, какъ англичане, такъ и шотландцы, живя въ семнадцатомъ вѣкѣ нашей эры, черпали нравственныя и политическія правила, равно какъ и тактическіе примѣры, изъ Стараго Завѣта, изъ войнъ еврейскихъ племенъ другъ съ другомъ. Англичане приравнивали себя то къ Израилю, то къ Іисусу Навину, борющемуся съ хананеянами. А борьба, между тѣмъ, велась изъ-за того, имѣть ли имъ короля и господствующую Церковь или нѣтъ. Разгромъ Лесли при Денбарѣ отодвинулъ послѣднее обстоятельство на задній планъ.

Тщетно Кромвель, по своему обыкновенію, ссылался на свидѣтельство фактовъ. Онъ не могъ понять, какъ это люди, вѣрующіе въ Бога Израилева и считающіе себя избраннымъ народомъ Божіимъ, не понимаютъ значенія Денбарской побѣды и не видятъ ясныхъ проявленій гнѣва Божія на всю семью человѣкоубійцы Карла Стюарта. Шотландское духовенство высокомѣрно отвѣчало ему, что не выучилось ставить исходъ праваго дѣла въ зависимость отъ разныхъ случайностей.

«Случайности!—возражалъ Кромвель съ высокомѣріемъ, превосходящимъ ихъ собственное. Очи ваши, должно быть, ослѣпли, что вы не видите чудесъ, проявившихся за послѣдніе годы въ Англіи! Развѣ вы не возносили торжественныхъ моленій ко Господу о побѣдѣ, и развѣ мы не дѣлали того же? Развѣ не должны мы теперь со страхомъ и вѣрою прозрѣвать Десницу Божію въ томъ, что вы такъ легкомысленно называли случайностями? Не разъ вѣдь и вы и мы прибѣгали къ Богу, чтобы Онъ указалъ намъ правый путь—и что же? Когда, послѣ всѣхъ этихъ молитвъ, постовъ, слезъ, ожиданій, торжественныхъ молебствій, Господь соизволилъ исполнить наши желанія, вы называете Его указанія простыми «случайностями»? Да смилуется Онъ надъ вами!»

Послѣ обостренной полемики, затянувшейся въ Шотландіи на много поколѣній, послѣ ссоры между ремонстрантами, резолюціонерами и протестерами, послѣ побѣды Ламберта надъ западными изувѣрами, шотландская политика замѣтно измѣнилась. Арджилль, хитрый и настойчивый оппортунистъ, пытавшійся примирить ярыхъ ковенантеровъ съ умѣренными роялистами, потерпѣлъ неудачу. Фанатическое духовенство лишилось власти, которою такъ нахально злоупотребляло. Дворянство вновь пріобрѣло вліяніе. Король оказался въ силахъ сбросить съ себя иго пресвитеріанской тиранніи, а потому, къ срединѣ 1651 года, сложный политико-религіозный вопросъ упростился, будучи сведенъ къ одной только монархической реставраціи въ обоихъ королевствахъ.

Главная квартира шотландской арміи находилась въ Стирлингѣ, и Лесли опять повторялъ увѣнчавшуюся успѣхомъ Эдинбургскую тактику. Хорошо укрѣпившись среди степной и болотистой мѣстности, онъ разстрои-

Digitized by Google

Кромвель въ битвѣ при Денбарѣ.
(Съ картины Гоу).

Digitized by Google

валъ всѣ попытки Кромвеля сдвинуть его съ мѣста или пробиться къ Стирлингу. Опять англичане, вторгшіеся въ Шотландію, были выведены изъ терпѣнія. Кромвель говоритъ: «Мы сдѣлали, что могли, и, въ концѣ концовъ, сами не знали что намъ дѣлать.» Непріятель сидѣлъ «въ старомъ гнѣздѣ» и могъ просидѣть тамъ сколько угодно, снабжаемый продовольствіемъ съ сѣвера. «Намъ остается только уповать на Господа, въ надеждѣ, что онъ укажетъ намъ, какъ поступить съ хитрымъ врагомъ, и я увѣренъ, что Онъ это сдѣлаетъ.» Тѣмъ временемъ Кромвель, какъ дѣловой человѣкъ, какимъ долженъ быть всякій полководецъ, требуетъ отъ государственнаго совѣта присылки оружія, сѣделъ, провіанта и людей, преимущественно волонтеровъ, а не насильно взятыхъ въ военную службу. Положеніе его, далеко не такое критическое, какъ въ Денбарѣ, все-таки очень непріятно. Можно было опасаться удаленія шотландской арміи по частямъ въ горы и начала продолжительной партизанской войны. Съ другой стороны, если бы Кромвель не успѣлъ взять Стирлинга, то ему пришлось бы еще одну зиму подвергать солдатъ всѣмъ неудобствамъ климата и разорять англійскую казну непосильными издержками. Нѣсколько недѣль сряду провелъ онъ въ разработкѣ плана, по которому Стирлингъ долженъ быть обойденъ черезъ Файфъ и отрѣзанъ отъ сѣверныхъ провинцій Шотландіи, снабжавшихъ его провіантомъ. Но при выполненіи этого плана являлся тотъ рискъ, что доведенные до отчаянія шотландцы по неволѣ бросятся на открытую дорогу въ Англію. Въ іюлѣ Кромвель, наконецъ, рѣшился. Въ обходъ Стирлинга онъ отправилъ Ламберта съ четырьмя тысячами, черезъ Фортъ, къ берегамъ Файфа, а самъ остался на мѣстѣ. Но когда Ламбертъ встрѣтилъ серіозное сопротивленіе при Инверкитингѣ, то Кромвель и самъ двинулся къ нему на помощь, такъ что вся англійская армія, оставивъ Стирлингъ влѣво, дошла на сѣверѣ до Перта. Кромвель прибылъ туда 1-го августа, и на другой день городъ сдался ему безъ боя. Это движеніе англійской арміи повлекло за собою именно тѣ послѣдствія, которыя предвидѣлъ Кромвель. Передъ королемъ и его войскомъ встала дилема: или драться съ англичанами въ открытомъ полѣ, или перейти границу и вторгнуться въ Англію, потому что подвозъ провіанта сталъ затруднителенъ, и Кромвель всякую минуту готовъ былъ совершенно прекратить его. Въ шотландской арміи начались набѣги. «Мы должны,—говоритъ одинъ изъ сподвижниковъ Лесли,—или умереть съ голоду и разсѣяться, или идти съ горстью людей въ Англію. Послѣдній исходъ будетъ меньшимъ зломъ, хотя и онъ почти безнадеженъ.» Этотъ исходъ и былъ избранъ. Шотландская армія двинулась (31-го іюля) въ Англію. Услыхавъ эту новость, Кромвель съ необыкновенной поспѣшностью бросился преслѣдовать шотландцевъ. 2-го августа онъ взялъ Пертъ, а черезъ два дня былъ уже въ Лейтѣ и черезъ два же дня двинулся оттуда далѣе къ югу. Преслѣдованіе продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Карлъ съ двадцати-тысячнымъ войскомъ пошелъ по западной дорогѣ такъ же, какъ и Гамильтонъ въ 1648 году.

По выраженію Кромвеля, Англія оказалась въ это время гораздо болѣе твердой и постоянной, чѣмъ при Гамильтонѣ. Шотландцы прошли отъ Карлейля до Вэрстера, нигдѣ не успѣвъ поднять возстаніе противъ республики, на что разсчитывали. Они оказались чужими среди сплошного и враждебно настроеннаго населенія. Государственный совѣтъ толково и энергично спѣшилъ исполнить всѣ требованія Кромвеля. Онъ разослалъ приказанія о сборѣ милиціи по всей Англіи въ подходящихъ для того мѣстахъ. Онъ указывалъ на несбывшіяся предположенія короля: на то, что графства, вмѣсто того чтобы принять послѣдняго съ радостью, поспѣшили соединиться противъ того; на то, что на всемъ пути почти никто къ нему не присталъ, «кромѣ людей и безъ него преступныхъ, для которыхъ семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ». Кромвель, идя къ югу ускореннымъ маршемъ черезъ Бервикъ, Іоркъ и Ноттингамъ, принужденъ былъ оставлять по дорогѣ отсталыхъ ветерановъ, измученныхъ зимней кампаніей въ Шотландіи. Совѣтъ тотчасъ же распорядился о надлежащемъ призрѣніи этихъ людей. 28-го августа онъ прислалъ Кромвелю послѣднее привѣтствіе передъ взятіемъ Вэрстера: «Мы употребили всѣ старанія для того, чтобы собрать какъ можно больше войска, признавая своей обязанностью служить орудіемъ Провидѣнія и не упускать случая пользоваться всѣми возможными средствами. Но, сдѣлавъ это, мы, по вашему совѣту, не полагаемся на силу человѣческую, а на Того, для Котораго ни сила, ни число

Digitized by Google

ничего не значатъ»... и такъ далѣе, въ томъ же духѣ.

Походъ Кромвеля отъ Перта до Вэрстера, со всѣми комбинаціями, ему присущими, до сихъ поръ возбуждаетъ восторгъ военныхъ критиковъ. Точность его операцій кажется замѣчательной даже во времена телеграфа, а успѣхъ ихъ свидѣтельствуетъ о необыкновенныхъ военныхъ талантахъ какъ самого Кромвеля, такъ и ближайшаго его помощника—Ламберта. Гаррисонъ, который слѣдовалъ за лѣвымъ флангомъ шотландцевъ, и Ламбертъ, которому Кромвель поручилъ итти у нихъ въ тылу, соединились между собою 13-го августа. Кромвель, шедшій въ той же линіи, но восточнѣе, получивъ на походѣ рекрутъ (отъ Фэрфакса изъ Іоркшира, между прочимъ), вошелъ въ связь съ Ламбертомъ 24-го августа. Къ нимъ же присоединился и Флитвудъ, съ только-что собранной на югѣ милиціей. Такимъ образомъ три отдѣльныхъ корпуса, двинувшіеся изъ трехъ разныхъ мѣстъ, идя на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, сошлись какъ разъ тамъ, гдѣ слѣдовало, и четыре дня спустя цѣлая армія въ тридцать тысячъ человѣкъ обложила Вэрстеръ. «Ни Наполеонъ, ни Мольтке не могли бы сдѣлать лучше» (Hönig, III, 136). Энергія государственнаго совѣта, искусство Ламберта и Гаррисона, равно какъ рѣзкая непріязнь населенія къ непрошеннымъ гостямъ много помогли стратегіи Кромвеля въ этомъ дѣлѣ.

Армія Кромвеля была должна оперировать за-разъ на обоихъ берегахъ Северна. Флитвудъ успѣлъ перейти съ лѣваго берега на правый по Уптонскому мосту, въ семи миляхъ ниже Вэрстера, и тѣмъ обезпечилъ доступъ къ обоимъ берегамъ. На половинѣ пути отъ Вэрстера до Уптона, въ Севернъ впадаетъ Тимъ (Teme), и рѣшительнымъ элементомъ въ предстоящей битвѣ было устройство двухъ плавучихъ мостовъ, на обѣихъ рѣкахъ, вблизи ихъ сліянія. Это было сдѣлано вечеромъ 3-го сентября, въ годовщину Денбарскаго сраженія, такъ что армія Кромвеля могла теперь свободно оперировать на любомъ берегу.

Битва была начата Флитвудомъ, послѣ того какъ онъ перевелъ одно крыло своего отряда по плавучему мосту черезъ Тимъ, а другое по Повикъ-Бриджу черезъ Севернъ, немного лѣвѣе и вверхъ по теченію рѣки. Шотландцы, находившіеся на правомъ берегу Северна, оказали сильное сопротивленіе атакѣ Флитвуда. Поэтому Кромвель поспѣшилъ ему на выручку, переведя пѣхоту и кавалерію главныхъ силъ черезъ Северн-скій плавучій мостъ. Вмѣстѣ они побили непріятеля и загнали его въ Вэрстеръ. Тогда центръ тяжести сраженія перемѣстился на лѣвый берегъ. Замѣтивъ съ колокольни собора, что главныя силы Кромвеля были заняты преслѣдованіемъ шотландцевъ между Тимомъ и городомъ, Карлъ собралъ всю свою армію, сдѣлалъ вылазку съ восточной стороны послѣдняго и ударилъ на резервы, оставленные Кромвелемъ, когда тотъ пошелъ на помощь къ Флитвуду. Увидавъ это, Кромвель тотчасъ же повернулъ назадъ, перешелъ обратно Севернъ и всѣми своими силами обрушился на короля. Послѣдовала битва, продолжавшаяся три часа и нѣсколько разъ доходившая до рукопашной. Въ концѣ концовъ «непріятельская армія была на-голову разбита и городъ взятъ. Наши вошли въ него по пятамъ непріятелей и весьма храбро дрались съ ними даже въ улицахъ.» Шотландцы защищались отчаянно. Въ улицахъ происходила совершенная бойня, какъ это всегда бываетъ при уличныхъ схваткахъ. Около трехъ тысячъ непріятелей было убито, а вдвое или втрое столько, вмѣстѣ съ главноначальствующими, взято въ плѣнъ. Но королю удалось убѣжать.

Такова была битва при Вэрстерѣ,—«жарче всѣхъ, какія я видѣлъ», говоритъ побѣдитель. Она же была и послѣднимъ сраженіемъ Оливера, «окончательнымъ проявленіемъ благодати Божіей».

Обыкновенно говорится, что задачею Кромвеля, какъ главнокомандующаго и военнаго дѣятеля вообще, было не сверженіе Карла I, а переустройство взаимныхъ отношеній между тремя королевствами. Такое опредѣленіе, однако же, черезчуръ произвольно и пахнетъ парадоксомъ. Ни при Нэзеби и Престонѣ, ни при Денбарѣ и Вэрстерѣ не произошло никакого измѣненія въ государственномъ строѣ странѣ; объ инкорпораціи Ирландіи и Шотландіи не могло быть тогда и рѣчи. Результатомъ военной дѣятельности Кромвеля было только устраненіе монархической реакціи на то время, пока великій соціологическій опытъ не былъ совершенно законченъ.

Digitized by Google

XXIX.

Солдатъ при исполненіи гражданскихъ задачъ.

«Когда Богъ далъ побѣду правому дѣлу,— говоритъ Мильтонъ,— то людямъ, бывшимъ душою этого дѣла, пришлось усиленно работать среди пошлой, неразумной толпы и бороться съ нею.» Впослѣдствіи Кромвель часто говорилъ, что послѣ окончательной побѣды республики надъ монархіей подъ Вэрстеромъ онъ тщетно старался сойти съ перваго плана и удалиться отъ власти. Такія проявленія усталости, такое стремленіе къ покою въ сильныхъ людяхъ часто бываютъ искренними и всегда тщетными. Удаленію отъ дѣлъ мѣшаютъ, обыкновенно, какъ внѣшнія обстоятельства, такъ и внутренній ненасытный червякъ.

Кромвель достигъ вершины своей славы. Прошло девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ совѣсть, долгъ, благо родной страны, защита гражданской свободы и божественной правды призвали его къ оружію. Побѣда съ удивительнымъ постоянствомъ вѣнчала его знамена. Въ противоположность Конде, Тюренню и большинству другихъ полководцевъ, онъ ни разу не былъ разбитъ въ теченіе девяти лѣтъ постоянной войны. Земледѣлецъ, простой кавалерійскій капитанъ, сталъ теперь главнокомандующимъ арміей, наиболѣе дисциплинированной въ Европѣ. Настало для него время показать, что и въ гражданскихъ дѣлахъ, въ управленіи государственнымъ кораблемъ, почти потерпѣвшимъ крушеніе, онъ окажется столь же искусенъ и счастливъ. Нельзя было сомнѣваться, конечно, въ томъ, что Кромвель и въ мирное время будетъ такъ же дѣятеленъ и неутомимъ, какъ на войнѣ; что энергія его никогда не ослабѣетъ; что заботливость и внимательность къ дѣлу не покинутъ его и тогда, когда самые точные расчеты не сбудутся; что онъ до конца останется человѣкомъ твердой воли; что въ самыхъ затруднительныхъ и гибельныхъ положеніяхъ, когда всѣ теряютъ надежду, онъ одинъ ее не потеряетъ, какъ не терялъ на полѣ битвы. Въ неистощимой надеждѣ и въ ореолѣ прошлыхъ успѣховъ лежитъ тайна вліянія великихъ людей на толпу, помимо цѣльности натуры, всякому въ глаза бросающейся. Кромвель обладалъ всѣми тремя атрибутами великаго человѣка, а насколько онъ былъ одаренъ другими качествами хорошаго правителя,—это мы увидимъ.

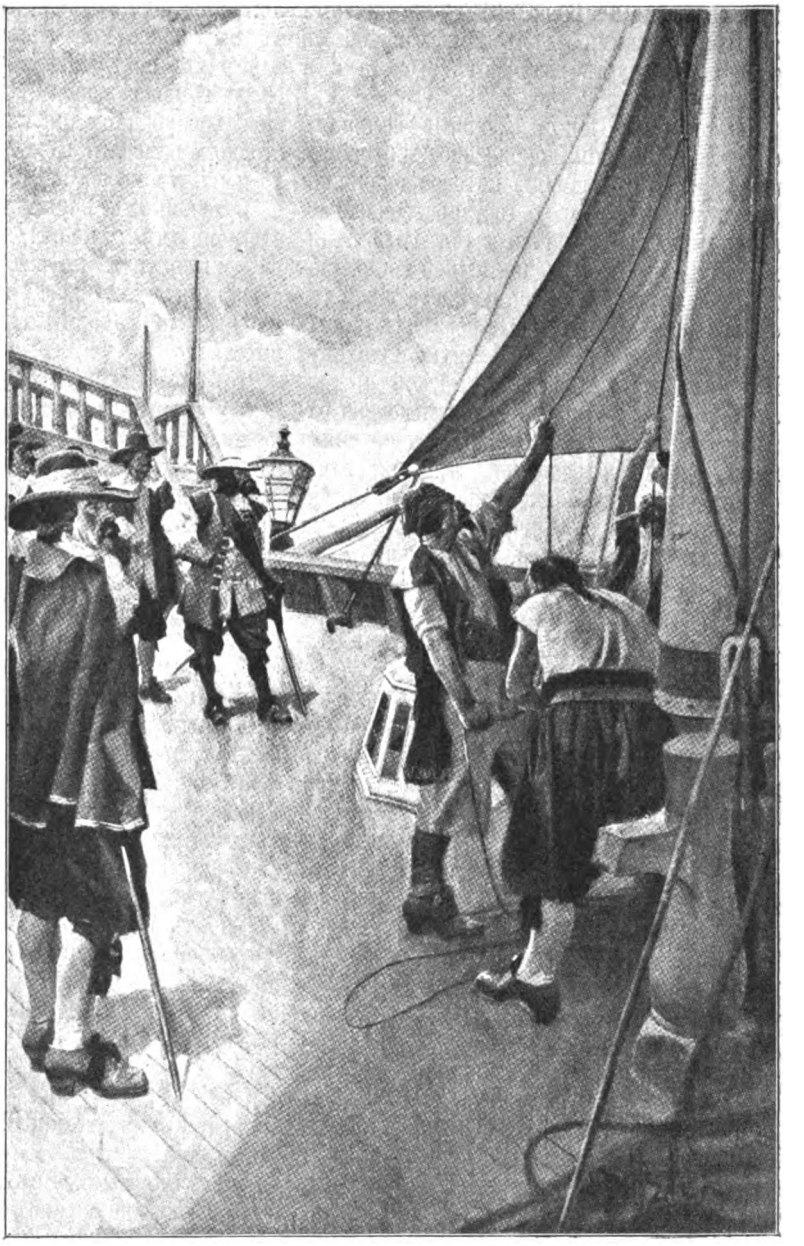
Побѣдоносный военачальникъ вернулся съ тріумфомъ. Парламентъ выслалъ ему навстрѣчу пятерыхъ самыхъ вліятельныхъ своихъ членовъ, вотировалъ прибавку четырехъ тысячъ фунтовъ къ его годовому жалованью (2500 ф.) и предоставилъ въ его распоряженіе Гэмптонъ-Кортскій дворецъ.

Кромвель вступилъ въ Лондонъ, сопровождаемый не только своимъ штабомъ, но и спикеромъ и всѣми членами государственнаго совѣта, не говоря уже про лордамэра, ольдерменовъ, шерифовъ и другихъ высокопоставленныхъ особъ. Громадная толпа народа привѣтствовала покорителя Ирландіи и Шотландіи выстрѣлами изъ мушкетовъ и громкими криками. Принятый съ такимъ восторгомъ (которому зналъ цѣну), Кромвель велъ себя весьма привѣтливо и скромно, даже смиренно. Съ легкой ироніей, мало ему свойственной, но все же постоянно присутствующей во всякомъ человѣкѣ, который вращается среди политики и борьбы партій, онъ замѣтилъ, что если бы его собирались повѣсить, то толпа была бы гораздо больше. Когда кто-либо упоминалъ о Вэрстерѣ, то Кромвель, ничего не говоря о себѣ самомъ, хвалилъ только поведеніе своихъ соратниковъ и воздавалъ хвалу Богу. И все-таки находились люди, заподозрѣвавшіе его въ стремленіи овладѣть короною; самая скромность его впослѣдствіи приписывалась коварству. Человѣческая натура такъ несовершенна, что ей свойственно заподозрѣвать эгоистическія стремленія во всякомъ, кто способенъ разсчитывать. Скромность Кромвеля была свойственна его грубо-простодушной натурѣ и поддерживалась опытностью пожилого человѣка, знающаго, что великія дѣла зависятъ отъ слишкомъ большого количества факторовъ, для того чтобы ихъ можно было приписывать одному какому-нибудь.

До тріумфальнаго возвращенія Кромвеля республика успѣла уже просуществовать два съ половиной года (съ 1-го февраля 1649 по сентябрь 1651). За все это время существованіе ея поддерживалось, главнымъ образомъ, побѣдами Кромвеля надъ ея врагами въ Ирландіи и Шотландіи, отчасти же тѣмъ обстоятельствомъ, что двумъ величайшимъ монархіямъ европейскаго континента, Франціи и Испаніи, некогда было думать о

Digitized by Google

вооруженномъ вмѣшательствѣ въ пользу выиграли нѣсколько достопамятнѣйшихъ англійской короны. Кромѣ того, военные въ исторіи англійскаго мореплаванія по-успѣхи Кромвеля были поддержаны энергической политикой Вестминстерскаго правительства. На Рождествѣ 1650 года, то-есть меньше чѣмъ черезъ два года послѣ казни Карла, посолъ короля испанскаго былъ принятъ въ торжественномъ засѣданіи парламента и вручилъ спикеру свои кредитивныя грамоты. Франція, разрываемая внутренними смутами и находившаяся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ англійскимъ королевскимъ домомъ, нѣсколько запоздала; но все же зимою 1652 года республика была признана и правительствомъ Людовика XIV, дядю котораго она казнила. Вообще искусство и энергія, съ которыми государственный совѣтъ сумѣлъ заставить Европу дорожить дружбой Англіи, до сихъ поръ еще не получили надлежащей оцѣнки. Созданіе военнаго флота, съ которымъ Блэкъ и другіе адмиралы бѣдъ, на ряду съ созданіемъ арміи по новому образцу, тоже суть дѣянія, до сихъ поръ не оцѣненныя. Между тѣмъ, организа-



Адмиралъ Ванъ Тромпъ приказываетъ поднять на верхушку мачты метлу въ знакъ того, что онъ намѣревается вымести англичанъ съ моря. (Рис. Дицлера).

Digitized by Google

ціей морского дѣла мы цѣликомъ обязаны энергіи, дальновидности и административнымъ талантамъ Вэна, вмѣстѣ съ другими республиканскими дѣятелями, которыхъ сплошь и рядомъ величаютъ эгоистами и педантами.

За то время, когда Кромвель начиналъ покореніе Ирландіи, доконченное Айртономъ, и покореніе Шотландіи, которое докончили Монкъ и Динъ (Deane), государственный совѣтъ столь же энергично и дѣятельно занимался прекращеніемъ пиратской войны, затѣянной принцемъ Рупертомъ на морѣ, а что еще важнѣе—онъ впервые обратилъ вниманіе на морскую и коммерческую политику. Неудовольствія между англійской и голландской республиками возникли очень рано, отчасти благодаря династической связи между домами Оранскимъ и Стюартовъ, отчасти въ силу отвращенія голландцевъ къ цареубійству, а главнымъ образомъ изъ-за торговаго соперничества. Какъ это ни странно, а двѣ республики, имѣвшія общихъ враговъ въ лицѣ Франціи, Стюартовъ и католицизма, въ первый разъ въ это время объявили другъ другу войну.

Когда-то, во дни борьбы своей съ Испаніей, голландцы сдѣлали все возможное для того, чтобы убѣдить королеву Елизавету принять ихъ въ свое подданство и присоединить Голландію къ соединенному королевству; теперь, наоборотъ, государственные люди англійской республики стали мечтать о такомъ присоединеніи. Но изъ этой мечты ничего не вышло, и даже переговоры о простомъ союзѣ до такой степени обострились, что скоро перешли въ открытую вражду. Англійская республика задалась цѣлью сломить морское могущество Голландіи и тѣмъ усилить свое собственное, устранить постоянную опасность вторженія и увеличить морскую торговлю Англіи. Актъ о мореплаваніи (Navigation Act) — единственный прочный памятникъ республиканскаго правленія—прошелъ въ 1651 году. По этому акту, товары могутъ быть привозимы въ Англію только на англійскихъ судахъ или на судахъ той страны, которой они принадлежатъ. Устранивъ фрахтовое посредничество Голландіи, онъ убилъ ея монополію въ міровой торговлѣ.

Но ударъ, нанесенный этой монополіи, раздражилъ голландцевъ, и безъ того уже недовольныхъ поползновеніями англичанъ къ господству на моряхъ, а враждебно настроенная Голландія оказалась столь же опасной, какъ Франція или Испанія. Заключивъ союзъ съ Даніей, она заперла англичанамъ входъ въ Балтійское море и лишила ихъ матеріаловъ для постройки кораблей. Изъ этого воспослѣдовала война (1652 г.), которая велась республикой съ рѣшительностью, достойною римскаго сената въ его цвѣтущія времена. Кромвель, насколько можно судить по источникамъ, принималъ мало участія въ этой попыткѣ установить преобладаніе Англіи на моряхъ. Вся честь въ данномъ случаѣ выпала на долю Вэна, какъ иниціатора, и адмираловъ Блэка, Дина, Монка, какъ исполнителей.

Что касается Кромвеля, то ему эта война между двумя протестантскими республиками казалась братоубійственною. Она шла въ разрѣзъ съ идеей религіознаго единенія подъ главенствомъ Англіи, которую онъ разрабатывалъ съ тѣхъ поръ, какъ окончаніе междоусобной войны доставило ему надлежащій досугъ. Кромѣ того, морская война поглощала много денегъ, возлагая тяжелое бремя на плечи народа. По расчету Кромвеля, на военныя издержки шло не менѣе ста двадцати тысячъ фунтовъ въ мѣсяцъ, то-есть почти весь доходъ, доставляемый налогами, а, кромѣ того, отъ войны страдала и торговля. Продажа церковныхъ имуществъ, конфискованныхъ имѣній короля и другихъ преступниковъ не могла покрыть расходовъ на военныя надобности. Между тѣмъ, денежныя затрудненія, какъ водится, вызывали въ народѣ ропотъ, дѣлали правительство непопулярнымъ и мѣшали прочному водворенію новаго политическаго и соціальнаго строя. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Кромвелю, мало по-малу, однако же, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, измѣнившему свое мнѣніе.

О форменномъ механизмѣ государственнаго управленія Кромвель заботился мало. Преобладающей его мыслью въ теченіе всей жизни было водвореніе справедливости въ частной и общественной жизни согражданъ. Государство, парламентъ, національное могущество и образъ правленія были для Кромвеля только средствами къ такому водворенію—путями къ побѣдѣ правды, права и долга надъ несправедливостью и безправіемъ. «Позабудьте самихъ себя,—уговаривалъ онъ парламентъ послѣ побѣды при Денбарѣ,—но держитесь за вашу власть для того, чтобы обуз-

Digitized by Google

дывать гордыхъ и нахальныхъ людей, нарушающихъ спокойствіе Англіи подъ какими бы то ни было предлогами. Поддерживайте угнетенныхъ, не отклоняйте вашего слуха отъ стоновъ несчастныхъ плѣнниковъ (?). Прекращайте произволъ всюду, гдѣ его встрѣтите. Въ республикѣ не можетъ быть мѣста учрежденіямъ, содѣйствующимъ обогащенію немногихъ насчетъ разоренія большинства.» Но, хотя конечной цѣлью молодой республики была, въ глазахъ Кромвеля, реформа права и церкви, на подробности государственнаго устройства нельзя же было не обращать никакого вниманія. Годился ли засѣдающій остатокъ старой палаты общинъ на то, чтобы произвести всѣ требуемыя реформы, или онъ долженъ былъ создать только проектъ будущей конституціи? Нужно ли было его поддерживать, въ цѣломъ или по частямъ? Первымъ шагомъ Кромвеля, по возвращеніи въ Лондонъ было, стараніе убѣдить парламентское большинство въ необходимости распущенія и новыхъ выборовъ, и когда срокъ для этого былъ назначенъ, Кромвель какъ бы исчезаетъ на много мѣсяцевъ. Легко угадать, что изъ этого воспослѣдовало. Срокъ для распущенія парламента былъ назначенъ трехлѣтній, то-есть слишкомъ долгій для концентраціи партій для новыхъ выборовъ и слишкомъ короткій для разработки плана реформъ. Временное правительство, работая лишь на извѣстный срокъ, было поставлено въ неловкое положеніе, такъ какъ требованій къ нему предъявлялось много, а власть его была ограничена черезчуръ короткимъ періодомъ. Ему за-разъ приходилось думать и о текущихъ дѣлахъ и о томъ, чтобы не надѣлать ошибокъ, въ которыхъ, не далѣе какъ черезъ три года придется всенародно каяться. Находясь въ такомъ положеніи, ловкіе люди спѣшатъ, обыкновенно, ковать желѣзо, пока оно горячо. Каждый начинаетъ заботиться только о себѣ, партіи распадаются или становятся непрочными. Въ то же время растетъ число безпокойныхъ людей, которые сами не знаютъ, чего хотятъ, и потому дѣлаются опасными для общественнаго порядка. Никакое правительство при такихъ условіяхъ не можетъ быть популярнымъ. «Я ихъ предупреждалъ,— говоритъ Кромвель впослѣдствіи,—что народъ ихъ ненавидитъ. Кому же это лучше знать, какъ не мнѣ, когда я, благодаря своимъ занятіямъ, изъѣздилъ всю страну вдоль и поперекъ, почему могъ изучить характеры и настроеніе народонаселенія и притомъ въ отборныхъ его людяхъ.»

Это, вѣроятно, было вполнѣ справедливо. Къ несчастію, и всѣ правительственныя системы, которыя, одну за другою, придумывалъ Кромвель для замѣны парламента, точно такъ же оказывались неугодными народу. «Никакая партія или кучка людей,— говорилъ Кромвель,—не можетъ браться за составленіе конституціи, потому что главный вопросъ заключается не въ томъ, чтобы ее составить, а въ томъ, чтобы большинство населенія ее приняло и согласилось ей подчиниться.» Эту истину онъ проповѣдывалъ въ тѣ времена, когда лагерные политики составляли конституціи десятками, и благодаря ей же не удалась ни одна изъ конституціонныхъ схемъ, составленныхъ за послѣдніе годы. Большинство населенія, повидимому, столь же мало было расположено подчиняться измышленіямъ тѣхъ жалкихъ остатковъ парламента, которые теперь распоряжались государствомъ, какъ и лагерному творчеству. Кромвель, между прочимъ, прибѣгъ къ тому средству, въ которое вѣрилъ больше, чѣмъ это было оправдано опытомъ: онъ назначилъ конференцію между выдающимися офицерами арміи и членами парламента. На обсужденіе этой конференціи онъ предложилъ два вопроса: что лучше—республика или конституціонная монархія? Если монархія, то кто долженъ быть королемъ?

Юристы — Ст. Джонъ, Ленталль, Уайтлокъ думали, что основные законы Англіи проникнуты монархизмомъ, и стояли за назначеніе періода, по прошествіи котораго одинъ изъ сыновей Карла могъ бы быть призванъ къ управленію страною. Десборо и Уэлли (Whalley), наоборотъ, не видѣли, почему бы Англіи, по образцу нѣкоторыхъ другихъ странъ, не оставаться республикой. Вся армія раздѣляла это мнѣніе. Что же касается Кромвелля, то онъ полагалъ, что чисто-республиканскій строй въ Англіи едва ли возможенъ и что «введеніе въ него элементовъ монархической власти было бы желательно», если только оно можетъ бы совмѣстимо съ сохраненіемъ гражданскихъ и вѣроисповѣдныхъ правъ населенія.

Немного позже, послѣ внимательнаго обсужденія вопроса, онъ сталъ уже выражаться на этотъ счетъ болѣе рѣшительно и опре-

Digitized by Google

дѣленно. Зарожденіе въ умѣ Кромвеля мысли о томъ, что самъ онъ предназначенъ судьбою къ роли главнаго правителя страны, нѣтъ никакой надобности приписывать коварству или самолюбію. Происшествія послѣднихъ десяти лѣтъ какъ бы отмѣтили его въ качествѣ орудія Провидѣнія, предназначивъ къ совершенію великихъ дѣлъ. По его словамъ, онъ давно уже замѣчалъ, что самъ Богъ требовалъ отъ него служенія себѣ и благословилъ на это служеніе. Послѣ Вэрстера онъ надѣялся пожинать плоды своихъ тяжелыхъ трудовъ, то-есть пользоваться свободой и миромъ,—благами, дорогими каждому христіанину и человѣку; но обстоятельства показали, что это невозможно. Продолжавшаяся смута въ государствѣ призывала его къ дѣлу и показывала, что онъ, подобно Іисусу Навину, не кончилъ еще работы, къ которой приставленъ Богомъ и въ которой долженъ идти впереди другихъ.

Однажды, въ ноябрѣ мѣсяцѣ (1652 г.), прогуливаясь въ Сентъ-Джемсскомъ паркѣ, онъ имѣлъ важный разговоръ съ Уайтлокомъ, представителемъ здраваго смысла націи среди всеобщей путаницы въ умахъ. Кромвель признался своему собесѣднику, что видитъ большую опасность для государства въ той розни, которая господствуетъ между партіями. Уайтлокъ рѣзко и мужественно заявилъ ему, что вся опасность лежитъ въ стремленіи арміи захватить власть въ свои руки. Кромвель отвѣчалъ, что, напротивъ, ее создаютъ члены парламента, раздражающіе армію своими интригами, стараніями играть первую роль, медленностью въ производствѣ дѣлъ, стремленіемъ какъ можно долѣе оставаться у власти, неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ частные споры между ними. Вообще парламентъ сталъ безконтрольнымъ и безотвѣтственнымъ; нуженъ какой-нибудь высшій авторитетъ, который могъ бы справиться съ произволомъ парламента и безобразіями, въ немъ происходящими. Безъ этого ничто не можетъ предупредить окончательной гибели республики. На эти обвиненія, хотя и справедливыя отчасти, но проникнутыя солдатскимъ отвращеніемъ къ спасительной медленности хода гражданскихъ дѣлъ, Уайтлокъ отвѣчалъ указаніемъ на невозможность нарушить авторитетъ парламента—источника всякой власти въ странѣ. «А что если бы кто-нибудь взялся быть королемъ?» воскликнулъ вдругъ Кромвелль. Уайтлокъ твердо изложилъ передъ нимъ всѣ препятствія къ такому поступку, которыя и безъ того были очевидны. Послѣ этого лордъ-главнокомандующій замолчалъ и на нѣкоторое время какъ бы стушевался; но какъ онъ, такъ и вся армія продолжали наблюдать за парламентомъ съ постоянно возрастающей враждебностью. Военная революція съ каждымъ днемъ становилась неизбѣжнѣе.

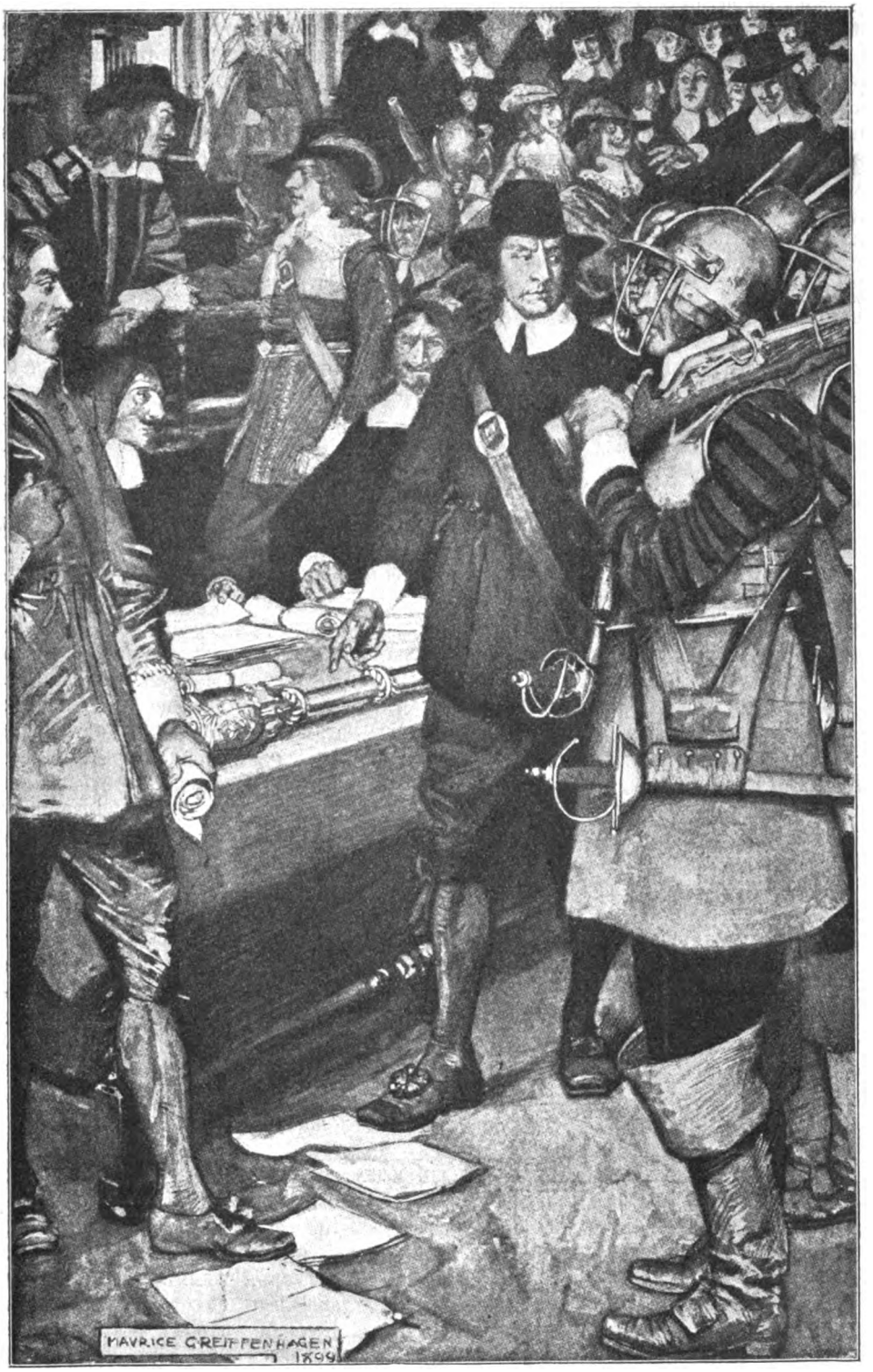
XXX.

Насильственное прекращеніе Долгаго парламента.

Послѣ казни короля самымъ выдающимся событіемъ является военная революція 1653 года. «Предполагать, что вождь партіи есть въ то же время и ея глава, значитъ не знать, что такое партія», и, дѣйствительно, предѣлы вліянія Кромвеля на армію трудно опредѣлимы. Весною 1647 г., когда армія въ первый разъ поссорилась съ парламентомъ, крайніе взяли верхъ надъ Кромвелемъ. Во время Прайдовской «чистки», вліяніе его вновь возросло. Передъ казнью короля руководителемъ, повидимому, былъ Гаррисонъ, о которомъ въ 1653 году Кромвель выражался такъ: «Генералъ-майоръ Гаррисонъ—человѣкъ честный и благонамѣренный, но по излишнему безпокойству характера онъ не выжидаетъ велѣній Божіихъ, а спѣшитъ надѣлать такихъ дѣлъ, въ которыхъ послѣ и ему и всѣмъ честнымъ людямъ приходится раскаиваться.» «Если мы вспомнимъ, какъ трудно разобраться въ происшествіяхъ современныхъ, то поймемъ, что по отношенію ко времени давно прошедшему мы по неволѣ должны довольствоваться догадками. Самымъ вѣрнымъ мнѣніемъ по отношенію къ апрѣльской революціи 1653 года, слѣдуетъ, повидимому, считать то, которое высказали тогдашніе роялисты, то-есть что Кромвель дѣлилъ свой авторитетъ въ арміи съ такими фанатиками, какъ Гаррисонъ и Ламбертъ; что онъ принужденъ былъ слѣдовать за ними, чтобы уцѣлѣть самому; что онъ былъ членомъ тріумвирата, не особенно расположенаго выжидать велѣній Божіихъ.

Непосредственный поводъ къ совершенію насилія, которое должно, было послѣдовать, столь же неизвѣстенъ, какъ и поводы ко многимъ другимъ поступкамъ Кромвеля. Въ концѣ 1652 года онъ еще разъ пробовалъ

Digitized by Google



«Уберите эту игрушку!»
(Рис. Грейфенгагена).

Digitized by Google

устраивать конференціи между выдающимися офицерами арміи и парламентскими представителями, стараясь убѣдить послѣднихъ добровольно, отъ имени парламента, дать имъ «хорошія вещи», которыя послѣднимъ были обѣщаны и такъ нетерпѣливо всѣми ожидаемы— «до такой степени хотѣлось намъ сохранить престижъ парламента передъ народомъ». «Хорошія вещи», которыхъ требовала армія осенью 1652 года, едва ли свидѣтельствуютъ о политической ея мудрости. Онѣ состояли всего только въ уплатѣ задержаннаго жалованья, прекращеніи бродяжничества и снабженіи бѣдныхъ работою, если не считать распущенія парламента и новыхъ выборовъ. Всего этого легко было требовать, но невозможно получить.

Когда армія опять стала усиленно молиться Богу и каяться во грѣхахъ, то всѣ поняли, что дѣло плохо. Въ виду такого возбужденія, парламентъ старательно занялся проектированіемъ новаго представительнаго собранія. Армія полагала, однако же, что старанія эти только маска и что вмѣсто новыхъ и болѣе полныхъ избирательныхъ правъ для народа лица, засѣдающія въ парламентѣ, желаютъ только пополнить палату своими сторонниками, то-есть, лучше сказать, не желаютъ ни измѣнять конституцію, ни уступать власти, ими забранной. Между тѣмъ, Кромвель и его офицеры хотѣли, чтобы парламентъ избралъ извѣстное количество надежныхъ людей, которымъ и поручилъ бы составить конституцію, то-есть произвольно отрекся бы отъ власти, передавъ ее учредительному собранію.

19-го апрѣля въ аппартаментахъ Кромвеля, въ Уайтхоллѣ, состоялась конференція офицеровъ съ выдающимися членами парламента. Проектъ арміи долженъ былъ на ней разсматриваться параллельно съ проектомъ Вэна и его друзей. Въ чемъ состоялъ послѣдній,—положительно сказать нельзя, такъ какъ онъ въ подлинникѣ до насъ не дошелъ, а выраженія Кромвеля на этотъ счетъ очень смутны и неудобопонятны. Подлинный билль въ день катастрофы былъ взятъ Кромвелемъ изъ парламента, а копіи не осталось. Повидимому, Вэнъ полагалъ, что временное правительство,—такъ какъ никакое другое пока было невозможно,—должно состоять изъ тѣхъ же людей, которые и теперь состояли членами парламента, изъ людей, выдержавшихъ борьбу съ монархіей въ 1647 и 1648 годахъ, изъ людей, основавшихъ республику въ 1649 году, изъ людей, наконецъ, усиленно, энергично успѣшно работавшихъ за послѣдніе четыре годе. Эти люди должны были составить ядро временнаго правительства, къ которому нужно присоединить лицъ, неспособныхъ измѣнить общему дѣлу. Нельзя не признаться, что это, пожалуй, было бы наилучшій выходъ изъ положенія вообще безвыходнаго. Это значило бы избѣжать самой гибельной ошибки французскаго Учредительнаго собранія, исключившаго въ 1791 году своихъ членовъ изъ Законодательнаго собранія, въ неопытныя руки котораго было отдана судьба Франціи. Со стороны Кромвеля было неразумно — упрекать Вэна и его друзей въ томъ, что они будто бы желаютъ устранить выборное начало, тѣмъ болѣе, что его-то собственный проектъ и устранялъ это начало, назначая для управленія государствомъ постоянный совѣтъ, вмѣсто палаты, періодически возобновляемой при помощи выборовъ (если только Вэнъ дѣйствительно хотѣлъ этого). Надо помнить, что армія все-таки меньше привыкла къ выборному началу, чѣмъ парламентъ, такъ какъ не на немъ была основана. Впрочемъ, въ данное время какъ армія, такъ и парламентъ едва ли могли особенно дорожить этимъ началомъ, такъ какъ для нихъ обоихъ важно было отдать управленіе страною въ руки искреннихъ республиканцевъ, между тѣмъ открытые, свободные выборы теперь, какъ и вообще послѣ окончанія междоусобной войны, были бы несомнѣнной гибелью республики. Ни Кромвель, ни Ламбертъ, ни Гаррисонъ не осмѣлились бы положиться на свободные, ничѣмъ не стѣсненные выборы. Весь вопросъ заключался только въ томъ, какъ ихъ стѣснить, кто долженъ былъ накладывать стѣсненія и слѣдить за неуклоннымъ приложеніемъ стѣсняющихъ мѣръ. Остатки парламента смотрѣли на себя какъ на самое подходящее для этого орудіе, и нельзя сказать, чтобы они ошибались.

Для того, чтобы правильно судить о происшествіяхъ 1653 года, намъ надо заглянуть на нѣсколько лѣтъ впередъ. Въ 1654 году у Кромвеля былъ собственный парламентъ, состоявшій изъ четырехсотъ шестидесяти членовъ. Первымъ шагомъ протектора было удаленіе цѣлой сотни изъ нихъ. Можетъ быть, Кромвель и былъ правъ, поступивъ такимъ образомъ, но за что же тогда обвинять парламентъ 1653, желавшій поступить

Digitized by Google

такимъ же образомъ? Въ 1656 году Кромвель опять прогналъ сотню представителей, избранныхъ народомъ. Во всякомъ случаѣ справедливо то, что какая бы неудача ни постигла проектъ Вэна и его друзей, она не могла бы быть болѣе гибильной, чѣмъ неудача, постигшая проектъ Кромвеля.

Оливеръ Кромвель пятидесяти одного года.
(Съ портрета Лели въ галлереѣ Питти во Флоренціи).

Помимо вопроса о конституціи и, можетъ быть, даже смотря на него какъ на дѣло второстепенное, Кромвель враждебно относился и къ тому, что онъ, справедливо или нѣтъ, называетъ окончательнымъ идеаломъ Вэна и его друзей. «Хороши бы мы были,—говорилъ онъ пять лѣтъ спустя,—если бы государственному совѣту и парламенту, состоящему изъ пятисотъ человѣкъ пришлось управлять деспотически, да еще продолжая соединять, вмѣстѣ съ законодательной и исполнительной властью, еще судебную». Остатокъ (или, какъ его называли, «Огузокъ»—Rump)

Digitized by Google

Долгаго парламента, несомнѣнно, злоупотреблялъ произволомъ; но надо же имѣть въ виду, что онъ былъ правительствомъ революціоннымъ, и если это извиненіе не годится для парламента, то я не вижу, почему бы оно годилось для протектора, управлявшаго столь же деспотически. Что касается общаго характера конституціи, проектированной Вэномъ, то ее сравнивали съ французскимъ конвентомъ 1793 года, но, мнѣ кажется, справедливѣе было бы сравнить ее съ современной швейцарской конституціей. Какъ бы то ни было, а ужъ есть диктатура была необходима, то энергичная парламентская олигархія была бы, въ роли диктатора, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не хуже олигархіи солдатской. Недаромъ когда солдаты попробовали управлять государствомъ и потерпѣли неудачу, то къ тому же плану послѣ многолѣтнихъ смутъ и переворотовъ обратился Мильтонъ. Во всякомъ случаѣ, проектъ Вэна не принадлежалъ къ числу такихъ, которые бы требовали насильственнаго противодѣйствія со стороны солдатъ или извиняли его.

Конференція въ аппартаментахъ Кромвеля, въ Уайтхоллѣ, 19-го апрѣля 1653 года, тотчасъ же вызвала одно изъ такихъ насилій. На ней было рѣшено окончить обсужденіе парламентскаго билля на слѣдующій день, а пока положить его подъ сукно.

Утромъ до Уайтхолла дошли слухи, что парламентъ уже собрался и старается поскорѣе пропустить билль, который, того гляди, станетъ закономъ. Сначала Кромвель и его сторонники не повѣрили, чтобы Вэнъ рѣшился такъ грубо нарушить данное имъ наканунѣ слово. Но слухи скоро подвердились. Лицамъ, желавшимъ помѣшать прохожденію билля, не приходилось терять ни минуты.

Легко можетъ быть, что слово, данное Вэномъ, вовсе не было имъ нарушено. Члены, не участвовавшіе въ конференціи, могли разсердиться за то, что ихъ не пригласили, и взять все дѣло въ свои руки, причемъ противъ парламента ничего не могли бы подѣлать, какъ это часто бываетъ при подобныхъ коллизіяхъ передовыхъ людей съ большинствомъ. Какъ бы то ни было, удивленный и разсерженный Кромвель, не переодѣваясь, какъ былъ, въ черномъ костюмѣ и сѣрыхъ шерстяныхъ чулкахъ, поспѣшилъ отправиться въ палату, взявъ съ собою военный конвой. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что онъ всталъ въ это утро съ намѣреніемъ немедленно выполнить давнишнее желаніе арміи и закончить длинный рядъ изгнаній, оставокъ «чистокъ», полнымъ, насильственнымъ распущеніемъ парламента. Обдуманная преднамѣренность вообще была не въ характерѣ Кромвеля. Онъ всегда ожидалъ наитія свыше, и это наитіе чаще всего проявлялось въ видѣ грубой несдержанной вспышки гнѣва. Такимъ же образомъ произошла и та достопамятная сцена въ англійской исторіи, къ описанію которой мы переходимъ. Подробности ея разными писателями передаются разно. Иные даже говорятъ, что она будто бы была проведена совсѣмъ скромно, безъ шума, но единственнымъ вѣрнымъ источникомъ свѣдѣній о ней слѣдуетъ считать описаніе Людлова, который самъ хотя на засѣданіи не присутствовалъ, но слышалъ о немъ отъ Гаррисона, прямого участника въ дѣлѣ. Въ данный день въ палатѣ, повидимому, было не болѣе пятидесяти—шестидесяти членовъ.

«Придя въ палату, Кромвель сѣлъ и нѣкоторое время слушалъ дебаты молча. Затѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ генерала-майора Гариссона, находившагося на другомъ концѣ зала, и сказалъ ему, что считаетъ парламентъ вполнѣ созрѣвшимъ для распущенія и намѣревается сдѣлать это тотчасъ же. Генералъ-майоръ, какъ онъ мнѣ самъ послѣ разсказывалъ, отвѣтилъ Кромвелю: «Сэръ, дѣло это нешуточное и опасное; прошу васъ хорошенько обдумать его, прежде чѣмъ приступите къ исполненію.» «Вы правду говоритъ», сказалъ Кромвель и опять сидѣлъ молча съ четверть часа. Но когда парламентскій билль былъ поставленъ на баллотировку, то Кромвелль опять сказалъ генералу-майору Гаррисону: «Положительно пора; я долженъ начать.» Затѣмъ вдругъ всталъ и сказалъ рѣчь, въ которой осыпалъ парламентъ жесточайшими упреками, обвиняя его въ неспособности сдѣлать что-либо на пользу общую; въ преданности однимъ только вреднымъ для страны интересамъ пресвитеріанскаго духовенства и юристовъ, поддерживающихъ тираннію, всѣмъ давно надоѣвшую; въ намѣреніи удержать за собою государственную власть, такъ какъ они, вѣроятно, рѣшились не соблюдать того акта, который теперь, подъ давленіемъ обстоятельствъ, готовы пропустить. Въ силу этого Господь отъ нихъ отвернулся и избралъ для совершенія своего дѣла другія орудія, болѣе достойныя. Все это Кром-

Digitized by Google

вель проговорилъ такъ запальчиво, что его можно было принять за сумасшедшаго. Тогда сэръ Питеръ Уэнтворсъ всталъ, чтобы отвѣчать ему, и сказалъ, что въ первый разъ слышитъ въ парламентѣ такую неприличную рѣчь, тѣмъ болѣе неприличную, что она произнесена однимъ изъ вѣрнѣйшихъ, уважаемѣйшихъ и наболѣе превознесенныхъ парламентомъ слугъ его. Но не успѣлъ еще Уэнтворсъ кончить, какъ генералъ, выскочивъ на средину зала, сказалъ: «Ладно, ладно, я сейчасъ покончу съ вашей болтовней.» Затѣмъ, мечась какъ угорѣлый и топая ногами, онъ вскричалъ: «Вы не парламентъ, я вамъ говорю! Какой вы парламентъ! Я положу конецъ вашимъ засѣданіямъ! Позовите ихъ! Позовите ихъ!» Приставъ тотчасъ же открылъ двери и впустилъ полковника Вольслея съ двумя рядами мушкетеровъ. Увидавъ это, сэръ Генри Вэнъ воскликнулъ со своего мѣста: «Это безчестно! Да, это безнравственно и безчестно!» Тогда Кромвель подбѣжалъ къ нему и закричалъ громкимъ голосомъ: «Ахъ, сэръ Генри Вэнъ, сэръ Генри Вэнъ! Когда Богъ избавитъ меня отъ сэра Генри Вэна!» Затѣмъ, указывая на одного изъ членовъ, Кромвель продолжалъ: «Вотъ сидитъ пьяница...» и такимъ образомъ, грубо ругаясь, перебралъ очень многихъ и, наконецъ, обратившись къ парламентскому скипетру, приказалъ убрать его. «Что намъ дѣлать съ этой игрушкой? Уберите ее!»—сказалъ онъ при этомъ.

«Пока Кромвель безчинствовалъ такимъ образомъ, генералъ-майоръ Гаррисонъ подошелъ къ спикеру, продолжавшему сидѣть на своемъ креслѣ, и сказалъ, что въ виду всего происшедшаго ему едва ли не слѣдуетъ удалиться. Спикеръ отвѣчалъ, что онъ уступитъ только силѣ. «Такъ я вамъ предлагаю свою руку», сказалъ генералъ-майоръ и, взявъ спикера подъ руку, свелъ его внизъ. Тѣмъ временемъ Кромвель обратился ко всѣмъ членамъ парламента и сказалъ имъ: «Вы сами заставили меня поступить такимъ образомъ! Я день и ночь молилъ Бога скорѣе послать мнѣ смерть, чѣмъ довести до такого дѣла!» Потомъ Кромвель приказалъ очистить залъ отъ членовъ, а самъ пошелъ къ клэрку и, вырвавъ изъ его рукъ билль о распущеніи, который чуть было не былъ пропущенъ, спряталъ его подъ плащъ, велѣлъ запереть двери и отправился въ Уайтхоллъ.»

Все это произошло послѣ полудня. Узнавъ, что государственный совѣтъ — созданіе разогнаннаго парламента — продолжаетъ еще засѣдать, Кромвель отправился и туда вмѣстѣ съ Ламбертомъ и Гаррисономъ. Онъ успѣлъ уже немного успокоиться. «Если вы собрались какъ частные люди», сказалъ онъ членамъ совѣта, «то я васъ не потревожу; но если вы представляете собою государственный совѣтъ, то вамъ здѣсь не мѣсто. Вы знаете, вѣроятно, что произошло въ палатѣ; такъ имѣйте же въ виду, что парламентъ распущенъ.» Но Брэдшо, бывшій предсѣдателемъ, не струсилъ. Онъ видалъ и не такія сцены четыре года тому назадъ, при королѣ Карлѣ. «Сэръ,—отвѣчалъ онъ Кромвелю,—мы слышали о вашихъ поступкахъ въ палатѣ въ это утро, и скоро вся Англія о нихъ узнаетъ; но, сэръ, вы ошибаетесь, думая, что парламентъ распущенъ, потому что никакая сила въ мірѣ не можетъ распустить его, кромѣ него самого. Примите это къ свѣдѣнію.»

Что бы ни говорилось по этому поводу, но нужно помнить, что осужденіе остатковъ Долгаго парламента было уже шагомъ къ осужденію самой революціи. Оправдывать насиліе, произведенное Кромвелемъ, значитъ оправдывать Хайда и даже Страффорда. Если палата общинъ дѣйствительно пала такъ низко, какъ это провозгласилъ Оливеръ, увлекшись гнѣвомъ, то, значитъ, общественные классы ею представляемые, въ самомъ дѣлѣ неспособны управлять государствомъ, какъ всегда думали люди, подобные Страффорду, и Пимъ со своими друзьями напрасно старался доставить имъ это право. Вѣдь нельзя же не признать, что «огузокъ» состоялъ изъ квинтъ-эссенціи членовъ Долгаго парламента, выдержавшей цѣлый рядъ послѣдовательныхъ перегонокъ. Они уже не были ни пресвитеріанами, ни умѣренными, ни буржуа, ни жирондистами; они, или, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ, были люди, выдержавшіе переговоры при Ньюпортѣ; они участвовали въ Прайдовской «чисткѣ»; они судили короля; они установили республику, безъ лордовъ и монарха; они, короче, участвовали во всѣхъ перипетіяхъ ломки стараго государственнаго строя и представляли собою сливки опытныхъ государственныхъ людей. Если они не могли управлять страною, то кто же могъ?

Digitized by Google

Мы видѣли, какъ горько жаловался Кромвель на членовъ парламента еще въ 1652 году, обвиняя ихъ въ себялюбіи, медленности въ дѣлахъ и скандальной жизни. Но все это была, пожалуй, одна только солдатская рѣзкость выраженій, такъ какъ почти въ то же время французскій посланникъ доносилъ Мазарини о членахъ англійскаго парламента совсѣмъ другое. «Они не только сдѣлали свою страну могущественной на морѣ и на сушѣ,—говоритъ посланникъ,—но и въ частной жизни совсѣмъ лишены тщеславія... Они очень экономны въ личныхъ издержкахъ и щедры для дѣлъ общественныхъ. Каждый изъ нихъ работаетъ на пользу общества какъ бы для личной выгоды.» Трудно думать, чтобы такіе люди, не болѣе какъ черезъ два года, переродились настолько, чтобы заслуживать упреки Кромвеля.

По разогнаніи парламента, Кромвель и самъ сознавался, что среди его членовъ были люди честные и достойные всякаго довѣрія, вѣрно служившіе орудіемъ Всевышняго за все время междоусобія. Да и трудно было бы говорить что-либо иное относительно собранія, въ составѣ котораго находились такіе способные, энергичные и ничѣмъ не запятнанные дѣятели, какъ Вэнъ, Скоттъ, Брэдшо и другіе. Равнымъ образомъ нельзя думать, чтобы такіе достойные люди представляли собою незначительное меньшинство. Въ числѣ членовъ «огузка» были, конечно, и оппортунисты, безъ которыхъ не обходится никакое собраніе, потому что оппортунизмъ лежитъ въ натурѣ человѣка; но вопросъ въ томъ: какъ великъ былъ процентъ оппортунистовъ въ разогнанномъ солдатами парламентѣ? Трудно думать, чтобы онъ былъ великъ. Но великъ онъ былъ или малъ, а ладить съ оппортунистами есть одна изъ немаловажныхъ задачъ государственнаго человѣка, а Кромвель расправился съ ними такъ, что его расправа вышла хуже всякаго оппортунизма.

Разогнавъ парламентъ, онъ совершилъ непростительный, по нашимъ современнымъ понятіямъ, грѣхъ измѣны своей партіи. Это самая важная изъ его ошибокъ, сдѣлавшая революцію 1653 года поворотнымъ пунктомъ для республики. Пресвитеріане давно ненавидѣли Кромвеля какъ величайшаго изъ индепендентовъ; между нимъ и роялистами разныхъ оттѣнковъ стояла плаха короля. Къ враждѣ династическихъ легитимистовъ со времени учрежденія республики прибавилась вражда монархистовъ вообще. А теперь, разогнавъ парламентъ, Кромвель поссорился и съ лучшими людьми своей собственной партіи. Въ чемъ состояла его политика? Какія основанія оставилъ онъ ненарушенными для того, чтобы построить ее заново? Разсчиталъ ли онъ свои силы на будущее, принялъ ли во вниманіе обстоятельства, запасся ли людьми для будущаго дѣла или ни о чемъ этомъ не позаботился? Когда онъ, во гнѣвѣ, топалъ ногами по священному полу парламента, подумалъ ли онъ о томъ, чего это ему будетъ стоить, или, подобно королю Карлу, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ это съ легкимъ сердцемъ, не задумываясь?

Впрочемъ, его вѣра возводила непредусмотрительность въ принципъ. «Вдумайтесь въ ваше предназначеніе,—говорилъ онъ первому изъ своихъ парламентовъ,—потому что оно чудесно и не было обдумано заранѣе. Скоро всѣ мы его узнаемъ. Во истину, это великій актъ Божественной мудрости—хранитъ отъ насъ втайнѣ предначертанія Провидѣнія, такъ что сами мы не знаемъ заранѣе, что насъ ожидаетъ.» А затѣмъ нужно еще вспомнить знаменитое его изреченіе, по поводу котораго кардиналъ Ретцъ призналъ Оливера простакомъ, чтобы не сказать болѣе. Вотъ это изреченіе: «Только тотъ пойдетъ далеко, кто не знаетъ куда идетъ.» Плохо бы было, если бы всѣ кормчіе держались такого правила.

Положеніе, правда, было революціонное, и «огузокъ» настолько же не могъ считаться настоящимъ парламентомъ, насколько Кромвель не былъ настоящимъ монархомъ. Конституція давно сошла со сцены. Съ того дня, въ маѣ 1641 года, когда король далъ свое согласіе на билль, уполномочивающій парламентъ расходиться по собственному желанію, вплоть до марта 1649 года, когда изуродованная палата общинъ уничтожила лордовъ и королевскую власть, конституція разрушалась все болѣе и болѣе. «Огузокъ» одинъ только оставался представителемъ стараго парламента,—учрежденія, почитаемаго даже самыми безпокойными элементами въ странѣ, вдохновлявшаго весь народъ за время междоусобной войны. Грубое разрушеніе этого остатка возбудило въ сердцахъ однихъ людей ненависть къ самому Кромвелю, въ сердцахъ другихъ—отвраще-

Digitized by Google

ніе къ революціямъ и республикамъ, а въ сердцахъ большинства—сомнѣніе въ справедливости всего содѣяннаго съ 1641 года, признаніе междоусобной войны за печальную ошибку и стремленіе вернуться къ старымъ порядкамъ, даже къ Карлу Второму со свитою.

Гизо совершенно справедливо говоритъ, что Кромвель былъ человѣкъ никогда не отчаивающійся и смѣло принимающій на себя всѣ послѣдствія своихъ поступковъ. Но въ данное время ему скоро пришлось оглянуться назадъ, раскаяться и пожалѣть о тѣхъ, кого онъ такъ сурово оттолкнулъ отъ себя. Поссорившись со своимъ первымъ парламентомъ, года два спустя послѣ революціи, онъ ставилъ своихъ старыхъ враговъ (если только они были ему врагами) въ примѣръ новымъ: «Я долженъ вамъ сказать по совѣсти, что если бы Долгому парламенту была предложена такая мѣра, вполнѣ соотвѣтственная волѣ Божіей, да онъ обсудилъ бы ее со всѣхъ сторонъ, сообразилъ бы со внѣшними и внутренними дѣлами, съ расположеніемъ народа, съ обстоятельствами времени, то онъ бы поступилъ иначе, чѣмъ вы.» Да, прекратить въ припадкѣ гнѣва существованіе такого учрежденія было ошибкой, которую Кромвель не могъ исправить.

XXXI.

Царство Святыхъ.

Кромвель былъ теперь единственнымъ непоколебленнымъ авторитетомъ. «Въ силу парламентскаго акта,—говоритъ онъ,—я былъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ трехъ націй—Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Власть въ моихъ рукахъ была безгранична.» Эта безграничность пугала его совѣсть и не нравилась уму. Онъ совершенно искренно говорилъ, что не вынесетъ такого бремени и въ теченіе одного дня. Но, на самомъ дѣлѣ, въ теченіе пяти съ половиной лѣтъ, протекшихъ отъ революціи до смерти Кромвеля, немного выпало такихъ дней, когда руки этого Самсона оказывались связанными конституціей. Мы видѣли, какъ въ тѣ отдаленныя времена, когда Карлъ I былъ плѣнникомъ въ Карисбукѣ, Кромвель, не безъ видимаго колебанія, однако же, старался внушить черезчуръ щепетильному Роберту Гаммонду тотъ принципъ, что общее благо есть высшій законъ. Увы! Salus populi всегда служилъ насущнымъ хлѣбомъ для всякихъ революцій. Онъ же послужилъ и основаніемъ Кромвелевской диктатуры во всѣхъ ея фазахъ.

За разогнаніемъ Долгаго парламента наступило Царство Святыхъ, въ высшей степени неудачное. Самъ Кромвель въ этомъ признается: «Теперь я вамъ разскажу исторію моей собственной слабости и глупости. И все-таки могу васъ увѣрить, что это было сдѣлано по простотѣ душевной. Мы тогда думали, что люди нашего закала, цѣльные, понюхавшіе пороха, рѣшительно на все годятся и все приведутъ къ надлежащему концу. Мы всѣ тогда такъ думали—и я тоже, къ моему несчастію. Вотъ такихъ-то людей мы выбрали и припустили къ дѣлу. Только, по правдѣ сказать, результатъ вышелъ не соотвѣтствующій прямотѣ и чистосердечію замысла.» Такъ четыре года спустя отзывался о Царствѣ Святыхъ самъ Оливеръ. Онъ только тогда, должно быть, открылъ, что для управленія упрямыми земными дѣлами недостаточно одного «святого энтузіазма» и «согласныхъ со Священнымъ Писаніемъ намѣреній». Не превратившись, однако же, изъ идеалиста въ циника, онъ остался воиномъ, призваннымъ небесами къ спасенію гражданскаго порядка и религіозной свободы. Въ качествѣ таковаго, онъ съ тяжелымъ сердцемъ слѣдилъ за выполненіемъ проекта, навязаннаго ему Гаррисономъ. Ранкъ справедливо говоритъ, что Кромвель смотрѣлъ на свои собственные идеалы не съ точки зрѣнія личнаго удовлетворенія, а съ точки зрѣнія общественной необходимости. А это, во всякомъ случаѣ, есть признакъ великаго государственнаго человѣка.

Компанія, выбранная вышеозначеннымъ образомъ, извѣстна въ исторіи подъ именемъ Малаго парламента или, по имени одного изъ ея членовъ, Бэрбоновскаго [1]) парламента. Онъ былъ назначенъ Кромвелемъ и совѣтомъ офицеровъ, ни у кого не спросившихся. Призывные листы, разъяснявшіе, насколько важно призвать къ управленію и охранѣ республики людей богобоязненныхъ и отъ души преданныхъ Божьему дѣлу, вышли за подписью Оливера Кромвеля, генералъ-капитана и главнокомандующаго. Такихъ призывныхъ листовъ было разослано

[1]) Barebone—сухощавый человѣкъ, Кащей, скелетъ.

Digitized by Google

сто тридцать девять, а затѣмъ уже самъ Маленькій парламентъ пригласилъ въ свою среду еще пятерыхъ, въ томъ числѣ Кромвеля, Ламберта и Гаррисона.

Замѣчательной чертой въ этомъ парламентѣ было назначеніе въ первый разъ пяти представителей за Шотландію и шести—за Ирландію. Правда, что изъ шести ирландскихъ представителей четверо были англійскіе офицеры (въ томъ числѣ Генри Кромвель), а остальные двое—хотя и дѣйствительно ирландцы, но потомки лицъ англійскаго происхожденія. Какъ бы ни было лишено смысла такое представительство, но присутствіе хотя бы подобныхъ делегатовъ отъ странъ, покоренныхъ мечомъ Кромвеля, послужило символомъ будущаго законодательнаго единенія ихъ съ Англіей и дѣлаетъ, конечно, честь политическому инстинкту представителей республики. Надо замѣтить, однако же, что инициатива инкорпоративной политики принадлежитъ Долгому парламенту, который весьма благоразумно разсчитывалъ привлечь шотландцевъ эмансипаціей простого народа и мелкихъ собственниковъ отъ гнета ихъ лордовъ. Вэнъ, Сентъ-Джонъ, Ламбертъ, Монкъ и другіе много потрудились надъ осуществленіемъ этого плана, но онъ встрѣтилъ препятствіе въ двухъ могущественныхъ факторахъ общественной жизни: въ упрямомъ чувствѣ національности и въ антагонизмѣ церквей. Вооруженное сопротивленіе, вызванное этими факторами, было усмирено мечомъ, и теперь отъ правительства зависѣло принять политику, завѣщанную создателями республики.

Несмотря на неправильное назначеніе, члены Малаго парламента были, несомнѣнно, по большинству, людьми вполнѣ достойными, серіозными и благонамѣренными. Наэлектризованные энтузіастомъ Гаррисономъ, они были пропитаны библейской политикой—пуританизмомъ въ его приложеніи къ законодательству и соціальному возрожденію. Въ исторіи не было другой, столь же крупной попытки основать гражданское общество на словахъ и духѣ Священнаго Писанія, но не было и попытки, которая кончилась бы такъ неудачно.

4-го іюля 1653 года, въ день, предназначенный къ тому, чтобы сто слишкомъ лѣтъ спустя сдѣлаться достопамятнымъ въ исторіи развитія республикъ, новый совѣтъ собрался въ Уайтхоллѣ. Всѣ сѣли вокругъ стола, а лордъ-главнокомандующій стоялъ у средины его около окна. Залъ былъ переполненъ офицерами. Въ своей рѣчи Кромвель не скрылъ военнаго характера революціи, собравшей ихъ воедино. Власть, въ силу которой они облечены теперь высшимъ авторитетомъ въ странѣ, идетъ, говорилъ онъ, отъ арміи, на которую народъ, недовольный парламентаризмомъ, возложилъ свои надежды. Что касается его самого и другихъ высшихъ офицеровъ, то они суть лишь орудіе арміи. Но все же необходимость прибѣгнуть къ насилію была для нихъ, вѣроятно, хуже, чѣмъ всѣ сраженія, въ которыхъ они участвовали, рискуя своею жизнью. Теперь на ихъ обязанности лежитъ употребить власть, имъ врученную, не для своей личной пользы, а на благо общее; пусть мечъ, облеченный этой властью, введетъ порядокъ въ гражданскую администрацію. Пусть они помнятъ, что самъ Богъ призвалъ ихъ къ работѣ, вырвавъ ее изъ слабыхъ рукъ, въ которыхъ она дотолѣ находилась.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Кромвель вполнѣ искренно вѣрилъ какъ въ призваніе арміи къ руководительству гражданскими дѣлами, такъ и въ свою, чисто служебную, при этомъ роль. Но искренность эта можетъ быть допущена лишь въ ущербъ его сообразительности. Въ самомъ дѣлѣ, насиліе надъ старымъ парламентомъ, облеченнымъ все же законною властью; удаленіе самыхъ твердыхъ, способныхъ и преданныхъ республикѣ дѣятелей; невѣроятность существованія въ странѣ симпатій къ правленію Святыхъ—все это лишало новый порядокъ всякихъ нравственныхъ и соціальныхъ основаній. Порядокъ этотъ могъ опираться на одинъ только мечъ, да и то лишь временно.

Но Кромвель вполнѣ искренно и до энтузіазма имъ увлекался. «Признаюсь, я никогда не думалъ дожить до такого дня, какъ этотъ, когда Іисусъ Христосъ такъ видимо участвовалъ въ нашей работѣ. Послѣ такого кровопролитія и такихъ испытаній, какія вынесла наша нація, Богу угодно было проявить свою мощь черезъ Христа, приведшаго насъ къ такому счастливому исходу.» Затѣмъ въ лирическомъ восторгѣ онъ сыплетъ текстъ за текстомъ и изъ Пророковъ, и изъ Псалтыря, и изъ Дѣяній Апостольскихъ. Тутъ и заповѣди Стараго Завѣта, и заповѣди Новаго; тутъ примѣры Моисея и апостола

Digitized by Google

Павла, положившихъ души свои за други своя; тутъ и стихи о высшей мудрости, чистой и мирной, удобоисполнимой и плодотворной. А въ концѣ концовъ—весь шестьдесятъ восьмой псаломъ, звучащій тріумфомъ и радостью...

Черезъ нѣсколько недѣль наступило, однако же, пробужденіе. Всѣ строители новаго порядка были искренни и усердны, но чѣмъ усерднѣе, тѣмъ простоватѣе... Солдатская зависть къ гражданской власти есть болѣзнь неизлѣчимая. Такъ рѣзко проявившееся недовольство старымъ парламентомъ скоро возникло и по отношенію къ новому. Какъ въ природѣ судовъ лежитъ стремленіе усложнять юрисдикцію, такъ въ природѣ политическихъ собраній лежитъ стремленіе расширять свою власть. Умѣренные и консервативные элементы составляютъ большинство въ такихъ собраніяхъ, но крайнія партіи, несмотря на свою малочисленность, берутъ верхъ, благодаря настойчивости и горячему чувству. Энтузіазмъ передовой партіи въ новомъ парламентѣ подогрѣвался фанатизмомъ толпы, находящейся внѣ его, криками о томъ, что золото счастія народнаго потускнѣло; что пути Сіона наполнились мерзостью запустѣнія; что сухой вѣтеръ пустыни дуетъ надъ страною и проч.; а пуще всего—проповѣдями о томъ, что четыре царства (Навуходоносора, Кира, Александра Македонскаго и древняго Рима) прошли и что теперь должно наступить пятое и окончательное—царство Іисуса Христа на землѣ и уже не въ сердцахъ только людей, а въ общественной жизни націй, путемъ законовъ, обезпечивающихъ навсегда свободу, собственность и порядокъ.

Вѣрность новаго парламента Кромвелю проявилась въ единогласномъ выборѣ его предсѣдателемъ государственнаго совѣта; но будущій диктаторъ продолжалъ держаться въ тѣни, добросовѣстно, хотя и противъ видимости, надѣясь, что дѣла и безъ него хорошо пойдутъ. «Меня теперь больше безпокоятъ дураки, чѣмъ мерзавцы», проговорилъ онъ какъ-то. Новое собраніе тотчасъ же, хотя и безъ всякаго права, назвалось парламентомъ. Вмѣсто того, чтобы заняться своимъ спеціальнымъ дѣломъ, какъ учредительное собраніе, оно принялось издавать одни законы за другими, и чѣмъ прямолинейнѣе — тѣмъ лучше, потому что да будетъ проклятъ тотъ, кто дѣлаетъ дѣло Божіе съ небреженіемъ! Въ одномъ засѣданіи, напримѣръ, былъ сразу пропущенъ билль объ учрежденіи палаты высшаго суда въ тѣхъ случаяхъ, когда суду присяжныхъ нельзя довѣриться. При обсужденіи вопроса о податяхъ раздавались такія зловѣщія рѣчи, что правильная доставка провіанта и жалованья войскамъ, очевидно, находилась въ большой опасности. Между прочимъ, новый парламентъ успѣлъ узаконить гражданскіе браки, совершаемые мировымъ судьей послѣ надлежащаго оглашенія въ церкви или какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ. Изъ проектовъ реформъ, унаслѣдованныхъ отъ стараго парламента, новый не успѣлъ сдѣлать ничего путнаго, а, между тѣмъ, въ теченіе перваго же мѣсяца своихъ засѣданій святые порѣшили множество юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ были совсѣмъ не компетентны, и, между прочимъ, назначили комитетъ, въ составѣ котораго не было ни одного юриста, для сведенія всей путаницы старыхъ законовъ въ одинъ кодексъ величиною въ карманную книжку. За такимъ лихорадочнымъ упорядоченіемъ юриспруденціи наступила очередь церковныхъ вопросовъ. Прежде всего спеціально назначенный комитетъ высказался въ пользу учрежденія государственной комиссіи съ правомъ удалять негодныхъ священниковъ и заполнять образовавшіяся такимъ образомъ вакансіи. Но, что еще важнѣе, тотъ же комитетъ высказался за сохраненіе десятиннаго сбора (tithe) въ качествѣ законной подати. Палата, большинствомъ двухъ голосовъ (56 противъ 54), отвергла докладъ комитета, чѣмъ высказала намѣреніе уничтожить десятинный сборъ, а вмѣстѣ съ нимъ и казенное жалованье священникамъ. Это, наконецъ, вызвало кризисъ. Старанія парламента ввести порядокъ въ странѣ были такъ неудачно направлены, что испугали и раздражили всѣ наиболѣе вліятельные элементы народонаселенія. Армія, юристы, духовенство, землевладѣльцы, собственники — всѣ почувствовали себя находящимися въ опасности, а, наконецъ, и самъ лордъ-главнокомандующій увидалъ (по его собственнымъ словамъ, сказаннымъ впослѣдствіи), что придуманное имъ правительство можетъ только перепутать всѣ правовыя понятія, уничтожить всякую свободу, разорить священниковъ,—короче, поставить все вверхъ дномъ и, вмѣсто порядка, для сокращенія процедуры,

Digitized by Google

ввести библейскую юриспруденцію, возстановить законы Моисея. Солнце, такъ ярко свѣтившее пять мѣсяцевъ тому назадъ, скрылось въ облакахъ; радужныя мечты оказались химерами. А царство химеръ никогда не бываетъ популярнымъ. Лильборнъ, врагъ всякаго правительства, толковаго и безтолковаго, вновь явился на сцену и былъ преданъ суду присяжныхъ за такое же оскорбленіе верховной власти, за какое судился при Долгомъ парламентѣ. Присяжные признали его невиновнымъ, и приговоръ этотъ былъ встрѣченъ толпою съ криками радости. Значитъ, правленіе Святыхъ успѣло уже опротивѣть народу, по крайней мѣрѣ, такъ же, какъ и блаженной памяти «Огузокъ».

Предполагавшееся уничтоженіе десятиннаго сбора доказало, что правительственный корабль готовъ потонуть. Воскресенье, 11-го декабря, прошло въ обсужденіи проектовъ самоуправленія Малаго парламента, а въ понедѣльникъ, рано утромъ, спикеръ занялъ мѣсто только для того, чтобы выслушать предложеніе о закрытіи засѣданій, которыя оказались ненужными болѣе для общаго блага, и о передачѣ въ руки лорда-главнокомандующаго той власти, которая была отъ него получена.

Кое-кто попробовалъ было спорить противъ этого предложенія, но такъ какъ времени терять не приходилось, въ виду прибытія членовъ, которые могли бы затормозить рѣшеніе, то спикеръ поднялся со своего кресла, приказалъ приставу захватить скипетръ и въ торжественной процессіи, во главѣ какихъ-нибудь сорока членовъ, отправился въ Уайтхоллъ.

Меньшинство, впрочемъ, упрямо продолжало сидѣть на своихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока не явились два полковника съ солдатами и не попросили ихъ о выходѣ. По словамъ одного роялиста, полковникъ спросилъ остававшихся въ палатѣ членовъ, что они тутъ дѣлаютъ. «Ищемъ Господа», отвѣчали они. «Ну, такъ тогда вамъ придется идти куда-нибудь въ другое мѣсто,— сказалъ полковникъ,—потому что, сколько я знаю, Господь здѣсь не бывалъ за послѣднія двѣнадцать лѣтъ.»

Кромвель увѣряетъ, что ничего не зналъ о самоубійственномъ рѣшеніи Святыхъ. Если такъ, то изгнаніе изъ палаты остававшихся тамъ членовъ горстью солдатъ, на свой страхъ и рискъ, показываетъ, до какой развязности дошли въ это время военные. Оливеръ принялъ спикера и его свиту съ искреннимъ или поддѣльнымъ удивленіемъ, но, тѣмъ не менѣе, еще разъ принялъ на свои плечи бремя власти, взваливаемое на нихъ парламентскимъ самоотреченіемъ.

XXXII.

Первая ступень протектората.

«Что такое вся наша исторія,—воскликалъ Кромвель въ 1655 году,—что такое всѣ наши прошлыя дѣянія, какъ не проявленія могущества Божія, опрокинувшаго и искоренившаго все, что не имъ насаждено?» Въ то же самое время и Боссюэтъ, говоря о всемірной исторіи, разрабатывалъ ту же самую тему въ блестящей литературной формѣ. Но то, что для Боссюэта служило лишь темой для богословскаго разсужденія, для Кромвеля было дѣйствительной жизнью: путемъ труда, стараній, несбывшихся надеждъ дошелъ онъ до своего заключенія. Для него трагедія человѣческой исторіи была не простымъ зрѣлищемъ, — онъ самъ участвовалъ въ ней въ качествѣ актера, вмѣстѣ со всею англійской націей. Для него англійскій народъ былъ главнымъ героемъ трагедіи, развертывавшейся, по заранѣе предопредѣленному плану, «подъ наблюденіемъ Всевидящаго и Недремлющаго Ока». «Я смотрю на нашъ народъ какъ на избранный Богомъ,—говорилъ онъ... «Если бы я зналъ, что такъ суждено Богомъ, то давно бы подчинился Его волѣ... Но если Англія угодна Господу и Онъ хочетъ намъ добра, то Самъ спасетъ и вознесетъ насъ.»

Но если Англія есть мѣстопребываніе избраннаго Богомъ народа, то всѣ случайности прошлыхъ битвъ, отъ Уинсби до Вэрстера, не доказываютъ ли, что Кромвель призванъ быть Моисеемъ или Іисусомъ Навиномъ этого народа?

Горячая латынь Мильтона, относящаяся къ тому же времени, въ выраженіяхъ, напоминающихъ скорѣе Перикла или кого-нибудь изъ римскихъ стоиковъ, чѣмъ еврейскія священныя книги, излагаетъ, собственно говоря, тѣ же мысли, которыя преслѣдовали Кромвеля. Мильтонъ былъ назначенъ секретаремъ перваго государственнаго совѣта въ 1649 году, тотчасъ же послѣ казни короля, и пробылъ въ этой или подобныхъ

Digitized by Google

Провозглашеніе Кромвеля протекторомъ.

(Рис. Сулливана).

Digitized by Google

должностяхъ до смерти Кромвеля и даже послѣ. Историкъ тщетно будетъ искать какихъ-нибудь слѣдовъ, указывающихъ на характеръ личныхъ отношеній между двумя выдающимися людьми даннаго времени,— такихъ слѣдовъ не осталось. Кромвель и Мильтонъ должны были встрѣчаться другъ съ другомъ въ засѣданіяхъ; но обмѣнялись ли они когда-нибудь хоть однимъ словомъ,— неизвѣстно. Когда Мильтона попросили дать рекомендательное письмо къ англійскому посланнику въ Голландіи (1657 г.),то онъ отказался, говоря: «Я очень мало знакомъ съ высокопоставленными людьми, потому что предпочитаю сидѣть дома.» Фантазія живописца заставила Кромвеля диктовать своему секретарю знаменитыя депеши о замученныхъ святыхъ, кости которыхъ лежатъ разбросанными на холодныхъ вершинахъ Альпъ; но бѣдный поэтъ былъ въ это время уже слѣпъ и самъ, вѣроятно, диктовалъ свои произведенія. Онъ, очевидно, одобрялъ насиліе надъ парламентомъ, хотя слѣдуетъ помнить, что онъ, между прочимъ, восхваляетъ Брэдшо и Овертона, которые, конечно, не одобряли этого акта. Онъ обращается къ протектору съ просьбой не забывать заслугъ и страданій, уважать тѣни той группы мужественныхъ людей, которые подъ его же собственнымъ руководствомъ выдержали такую трудную и продолжительную борьбу во имя свободы; онъ проситъ подумать о республикѣ, заря которой занялась такъ ярко, и о репутаціи Англіи передъ другими народами, такъ много ожидавшими отъ ея свободы и для себя самихъ; онъ заклинаетъ далѣе Кромвеля изъ самоуваженія не допускать, чтобы чья-либо чужая и даже его собственная рука нарушила такъ дорого купленную свободу.

Въ такихъ выраженіяхъ благородный идеалистъ привѣтствуетъ человѣка, благодаря своему положенію и силѣ воли способнаго водворять на землѣ идеалы. Апостолъ и воинъ свободы были людьми разнаго типа и черпали свой энтузіазмъ изъ разныхъ источниковъ, но мы легко можемъ повѣрить Обрэю, когда онъ говоритъ, что были люди, нарочно пріѣзжавшіе въ Англію для того, чтобы взглянуть на Оливера Кромвеля и Джона Мильтона.

Четырехъ дней было достаточно для того, чтобы учредить новое правительство, проектъ котораго былъ составленъ офицерами арміи, съ Ламбертомъ во главѣ. Кромвель, вообще мало заботившійся о бумажной разработкѣ конституцій, согласился принять этотъ проектъ. Въ полдень 16 декабря 1653 года изъ Уайтхолла въ Вестминстеръ прослѣдовала процессія. Судьи въ парадныхъ костюмахъ, высшіе офицеры арміи и чиновники правительства, лордъ-мэръ и ольдермэны Сити прошли, между двумя рядами войскъ, къ Ченсери-Корту, гдѣ, на богатомъ коврѣ, поставленъ былъ тронъ. Оливеръ, одѣтый въ черную бархатную мантію, обшитую горностаемъ и въ таковую же шапку съ широкимъ золотымъ галуномъ, получилъ черезъ Ламберта предложеніе принять на себя обязанности лорда-протектора республики соединенныхъ странъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, согласно Учредительному Акту (Instrument of Government), тутъ же прочитанному. Лордъ-главнокомандующій согласился, подписалъ торжественную присягу въ вѣрности вышеозначенному акту, надѣлъ шапку и сѣлъ на тронъ, тогда какъ всѣ остальные стояли кругомъ съ непокрытыми головами.

Церемоніймейстеры съ различными обрядами передали ему государственную печать, а лордъ-мэръ поднесъ государственный мечъ. Протекторъ, взявъ въ руки эти атрибуты своей власти, тотчасъ же отдалъ ихъ обратно, а затѣмъ, послѣ принятія церемонныхъ поздравленій, вернулся съ процессіей въ Уайтхоллъ, сопровождаемый привѣтственными криками солдатъ и полупроническими взглядами толпы. Въ тотъ же день состоялось торжественное провозглашеніе его протекторомъ на Пэлесъ-Ярдъ и другихъ площадяхъ Лондона, черезъ герольдовъ въ золотыхъ костюмахъ, въ присутствіи лорда-мэра и приставовъ со скипетрами. Съ этого времени лордъ-протекторъ «занялъ высокое положеніе, и достодолжныя почести были оказываемы ему людьми всѣхъ состояній, какъ ихъ государю». Новая конституція, такимъ образомъ учрежденная—протекторатъ—представляетъ собою самое серіозное явленіе въ это сумасшедшее время.

Послѣ паденія Бэрбоновскаго парламента, ничѣмъ не затруднявшагося, старыя правовыя затрудненія вновь возникли. Какъ совмѣстить исполнительную власть съ самодержавіемъ народа? Каковы должны быть отношенія между властями законодательной и исполнительной, между церковью и маги-

Digitized by Google

стратурой? Вотъ задачи, которыя служили причиною раздора между Карломъ I и старымъ парламентомъ, которыхъ не могли рѣшить ни Пимъ, ни Хайдъ, которыя затруняли Айртона и съ которыми теперь столкнулся Оливеръ. Самодержавіе народа въ качествѣ абстрактной идеи провозгласить легко, но какъ его устроить на дѣлѣ? Старанія горсточки солдатъ, желавшихъ въ нѣсколько часовъ рѣшить вопросы, которые и до настоящаго дня, нѣсколько столѣтій спустя, остаются нерѣшенными, несмотря на стодвадцатилѣтнее выкраиваніе и примѣриваніе различныхъ конституцій,—такія старанія представляютъ собою одну изъ забавнѣйшихъ въ исторіи сценъ.

Выкройки конституцій и тогда, впрочемъ, имѣлись въ изобиліи. Проектъ за проектомъ предлагались въ Оксфордѣ, Уксбриджѣ, Ньюкэстлѣ и Ньюпортѣ. Кромѣ того армія представила свои «Предложенія», а за нѣсколько дней до ареста короля, еще и «Народное соглашеніе». Передъ офицерами была уже торная дорога, но идти по ней оказалось все-таки очень трудно.

Учредительный Актъ, призвавшій Оливера къ выполненію роли лорда-протектора республики, хотя очень растяжимый въ подробностяхъ, былъ все-таки достаточно послѣдователенъ и опредѣлененъ. Правительство должно было состоять изъ протектора, одной палаты и государственнаго совѣта. Послѣдній представлялъ собою нѣкоторое подобіе стараго тайнаго совѣта (Privy Council) или новѣйшаго кабинета. Члены его назначались пожизненно. Совѣтъ при конфирмаціи парламента завѣдывалъ назначеніемъ на высшія должности въ магистратурѣ. Что касается палаты, то о ея реформѣ, впослѣдствіи выполненной Питтомъ, то-есть объ уничтоженіи представительства отъ «гнилыхъ мѣстечекъ», шла рѣчь уже и тогда. Проектъ этой реформы приписывается обыкновенно Кромвелю, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ выработанъ еще Айртономъ при старомъ парламентѣ.

Учредительный актъ просуществовалъ недолго и не имѣлъ особенно важнаго значенія, но онъ все же не чета эфемернымъ французскимъ конституціямъ III и VIII годовъ, во-первыхъ, потому, что вмѣстѣ со своими послѣдствіями, «Покорнѣйшей просьбой» (Humble Petition) и «Совѣтомъ» (Advice), представляетъ единственную въ англійской исторіи попытку теоретически выработать систему, а, во-вторыхъ, потому, что его часто разсматриваютъ какъ зародышъ конституціи Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Но послѣднее предположеніе не выдерживаетъ критики.

Въ исторіи нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы составители американской конституціи имѣли въ виду Учредительный Актъ, да на него нѣтъ и никакихъ ссылокъ ни въ «Федералистѣ», ни въ протоколахъ дебатовъ какого-либо штата. Наконецъ, американцамъ не за чѣмъ было и обращаться ко временамъ англійской республики: ихъ проекты основывались на дѣйствовавшихъ уже конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ. Въ этихъ послѣднихъ были найдены принципы, на которыхъ построена конституція государственная.

Помимо нѣкоторой исторической связи, сходство американской конституціи съ Учредительнымъ Актомъ весьма слабо, различія же между ними весьма велики. По смыслу акта, протекторъ избирается совѣтомъ, а не народомъ; онъ не имѣетъ права veto въ законодательствѣ; онъ избирается пожизненно такъ же, какъ и члены совѣта. Прямого обращенія къ народу въ актѣ нѣтъ. Парламентъ, въ противоположность конгрессу, состоитъ только изъ одной палаты. Обѣ системы сходятся только въ признаніи принципа непоколебимости основъ конституціи, но въ Актѣ содержатся лишь четыре такихъ непоколебимыхъ основы, а все остальное можетъ быть измѣнено тѣми же путями, какъ и всякій другой законъ.

Сдѣлайте американскаго президента пожизненнымъ, избираемымъ какими-нибудь двумя дюжинами членовъ совѣта, тоже назначенныхъ на всю жизнь изъ лицъ, выдающихся военными заслугами, богатствомъ или высокимъ положеніемъ въ Церкви, тогда вы получите нѣчто подобное строю, установленному Учредительнымъ Актомъ. Страсть проводить параллели приводитъ иногда и не къ такимъ еще куріознымъ сравненіямъ. Моммзенъ на двухъ страницахъ уподобляетъ циничнаго и кровожаднаго Суллу то Донъ-Жуану, потому что онъ былъ развратенъ, то Георгу Вашингтону, потому что онъ не былъ себялюбивъ, то, наконецъ, Оливеру Кромвелю, потому что оба они возстановляли порядокъ и учреждали конституціи.

Въ теченіе восьми мѣсяцевъ, протекшихъ

Digitized by Google

отъ провозглашенія протектората до созыва парламента, Кромвель и его совѣтъ, въ качествѣ законодательной власти, издали до восьмидесяти разныхъ законовъ. Это время считается творческимъ періодомъ жизни Кромвеля, но, въ сущности, творчество это было не особенно плодотворно. Часть изданныхъ имъ законовъ представляетъ собою скорѣе служебныя инструкціи полицейскаго характера. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, ограничиваетъ число извозчиковъ въ Лондонѣ двумястами; другой—воспрещаетъ дуэли и приравниваетъ убійство въ такихъ случаяхъ къ обыкновеннымъ уголовнымъ преступленіямъ. Были изданы законы, воспрещающіе пьянство и грубую брань, пѣтушиные бои и скачки. Однимъ изъ самыхъ раннихъ и наболѣе сенсаціонныхъ постановленій явился возстановленный законъ первыхъ дней республики, требовавшій отъ всѣхъ обязательства во что бы то ни стало признавать ее лучшимъ строемъ общественной жизни. Наиболѣе горячіе умы признали этотъ законъ нарушеніемъ основного принципа свободы мнѣній, такъ что многіе изъ ближайшихъ сторонниковъ и сотрудниковъ Кромвеля отшатнулись отъ него.

Болѣе фундаментальными и серіозными законами являлись лишь тѣ, которые были унаслѣдованы отъ парламента 1652 года, какъ, напримѣръ, эдиктъ объ инкорпораціи Шотландіи въ одно цѣлое съ Англіей или эдиктъ по аграрнымъ вопросамъ въ Ирландіи. Однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости Кромвеля въ теченіе короткаго періода реформъ было преобразованіе и устройство судовъ. Шестьдесятъ семь положеній, реформирующихъ Ченсери-Кортъ, были тщательно разработаны, но безъ всякой руководящей мысли.

Кромвель вообще обладалъ слишкомъ сильно развитымъ инстинктомъ порядка и дисциплины, чтобы не обратить главнаго своего вниманія на строгое примѣненіе законовъ. Судьями онъ назначилъ въ большинствѣ случаевъ самыхъ выдающихся юристовъ своего времени, которые, безъ сомнѣнія, въ высшей степени умѣло и добросовѣстно выполняли свои обязанности какъ чисто судебныя, такъ и административныя, потому что въ то время подробности провинціальной администраціи находились въ завѣдываніи судей. Неблагоустройство въ этомъ отношеніи быстрѣе и глубже повліяло бы на общественный строй, чѣмъ любой политическій шагъ, въ родѣ казни короля или разогнанія парламента. Надо замѣтить, однако же, что въ вопросахъ государственной важности Кромвель стремился обходиться безъ помощи обыкновенныхъ судовъ, а создавалъ новые, спеціальные трибуналы нисколько не хуже, чѣмъ Стюарты или Бурбоны.

Наиболѣе важной изъ всѣхъ творческихъ попытокъ Кромвеля была созданная имъ схема религіозной пропаганды, заслуживающая большого вниманія.

Глубокое несогласіе, расщепившее патріотическую партію въ первые дни Долгаго парламента, опрокинувшее тронъ, создавшее вражду съ Шотландіей, поссорившее пресвитеріанъ съ интепендентами, безпокоившее «Огузокъ» въ послѣдніе дни его существованія и погубившее Царство Святыхъ, не заглохло, а проникло, пожалуй, еще глубже въ общественную жизнь. Горячая душа Мильтона стремилась къ полному отдѣленію церкви отъ государства, «къ спасенію свободы совѣсти отъ когтей свирѣпыхъ волковъ, для которыхъ Евангеліемъ служитъ ихъ аппетитъ». Къ тому же стремились и передовые члены Бэрбоновскаго парламента. Но такія крайнія стремленія были чужды большинству, даже въ средѣ интепендентовъ. Кромвель, напримѣръ, никогда ихъ не имѣлъ, хотя, въ общемъ, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ свободы совѣсти. Догматическія тонкости въ религіи онъ такъ же мало цѣнилъ, какъ и конституціонныя тонкости въ политикѣ. Систематическая прямолинейность была чужда его духу. Сердце человѣческое есть престолъ Божій; самоусовершенствованіе совершается изнутри насъ и притомъ не съ помощью ума или знаній, а по прямому дѣйствію благодати Божіей; въ дѣлахъ религіи не должно быть принужденія—вотъ въ чемъ состояла его вѣра. «Я не заботусь о словахъ, названіяхъ и тому подобныхъ пустякахъ», говорилъ онъ.

Казалось бы, что такое настроеніе правителя особенно удобно для религіознаго соглашенія, если нація до него дозрѣла. Когда, на засѣданіи одного изъ парламентскихъ комитетовъ по церковнымъ дѣламъ, кто-то изъ членовъ горячо возсталъ противъ «Лаодикейскаго индифферентизма», признаваясь, что скорѣе хотѣлъ бы быть Сауломъ, то Кромвель, только-что вернувшійся изъ-подъ Вэрстера, съ величайшимъ негодованіемъ

Digitized by Google

воскликнулъ, что онъ скорѣе готовъ допустить распространеніе магометанства, чѣмъ дозволить, чтобы кто-либо изъ дѣтей Божіихъ страдалъ за вѣру.

Но общій принципъ свободы совѣсти—одно, а управленіе государствомъ и трата народныхъ денегъ—другое. Вѣротерпимость (съ двумя обычными исключеніями папизма и епископата) была установлена Учредительнымъ Актомъ, также какъ и содержаніе публичнаго культа на государственный счетъ, но какого именно культа—объ этомъ не упомянуто. Задачею Кромвеля было поэтому развить общія положенія, выставленныя въ Актѣ, и ввести ихъ въ жизнь. Изъ постановленій, изданныхъ имъ въ 1654 году, видно, что онъ, въ сущности, принялъ для этого программу доктора Джона Оуэна, представленную еще Долгому парламенту и одобренную въ принципѣ «Огузкомъ» въ послѣдніе дни его существованія.

Епископъ Вилькинсъ, мужъ младшей сестры Кромвеля,—Робины, разсказывалъ, правда, что протекторъ считаетъ единую господствующую церковь главной поддержкой всякаго свѣтскаго правительства, а епископатъ — единственнымъ возможнымъ для Англіи строемъ церкви. Но послѣднее увѣреніе едва ли справедливо, хотя Кромвель, находясь у власти, дѣйствительно держался тѣхъ же взглядовъ на государственную религію, какихъ держались король Карлъ и Долгій парламентъ. Въ своихъ постановленіяхъ онъ не предписываетъ никакого опредѣленнаго вѣроисповѣданія, но исключаетъ какъ папизмъ, такъ и епископатъ, къ остальнымъ же тремъ сектамъ—пресвитеріанству, баптизму и индепендентству относится безразлично. Приходы сами должны рѣшать, въ какую форму имъ вылиться: пресвитеріанскую или конгрегаціоналистическую. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Внѣ Лондона и Ланкастера, гдѣ пресвитеріанство, насажденное парламентомъ съ 1647 года, пустило глубокіе корни, въ остальной Англіи во все время протектората церковь была устроена на конгрегаціоналистическій образецъ съ такой примѣсью пресвитеріанства, какую только могли допустить свободныя религіозныя ассоціаціи, ради дисциплины и другихъ какихъ-нибудь постороннихъ соображеній.

Ясно, стало быть, что идеаломъ Кромвеля была единая государственная церковь, основанная на соглашеніи всѣхъ протестантскихъ церквей, кромѣ епископальной. Это исключеніе, обусловленное самымъ характеромъ революціи, было гибельнымъ для дѣйствительнаго соглашенія, такъ какъ сдѣлало его навсегда невозможнымъ, въ чемъ и состоитъ главный грѣхъ переворота, совершавшагося въ Англіи во второй половинѣ XVII столѣтія.

Важнѣйшая рана общественной и церковной жизни страны была нанесена въ теченіе короткаго періода времени съ 1643 по 1647 годъ, когда болѣе двухъ тысячъ лицъ, принадлежавшихъ къ епископальному духовенству, будучи изгнаны изъ своихъ домовъ и приходовъ, терпѣли жестокія гоненія. Виновники этихъ гоненій не предвидѣли, что они произведутъ въ англійскомъ обществѣ расколъ на нѣсколько столѣтій впередъ. Когда, лѣтъ двадцать спустя, настала очередь реакціи, то имъ пришлось тяжело поплатиться.

Въ 1662 году, въ достопамятный день Св. Варѳоломея, точно будто присужденнаго быть патрономъ всѣхъ неурядицъ въ христіанствѣ, епископальная церковь, поднятая колесомъ фортуны кверху, предприняла гоненія на нонконформистовъ и тоже лишила приходовъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ изъ ихъ духовенства. Съ тѣхъ поръ вся нація распалась на два лагеря — церковниковъ и диссентеровъ, которые до сихъ поръ борются другъ съ другомъ: первые — за преобладаніе, а послѣдніе—за равенство, сужая своею борьбою національный духъ и уродуя благородный идеалъ гражданина-патріота. Толчокъ въ этомъ пагубномъ направленіи впервые былъ данъ пресвитеріанами, но индепенденты, захвативъ власть въ свои руки, ничего не сдѣлали для того, чтобы исправить бѣду, причиненную ихъ соперниками.

XXXIII.

Ссора съ первымъ парламентомъ.

Уайтлокъ, будучи посланникомъ въ Швеціи, часто встрѣчался съ знаменитымъ канцлеромъ Оксенштіерной, сыгравшимъ такую крупную роль въ исторіи Густава-Адольфа и всего протестантскаго міра,—однимъ изъ немногихъ мудрецовъ, пробовавшихъ управлять людьми. Справившись о лѣтахъ, здоровьѣ, семействѣ и характерѣ

Digitized by Google

Кромвеля, канцлеръ высказалъ свое удивленіе передъ энергіей и мудростью протектора, но замѣтилъ при этомъ, что прочность его положенія вполнѣ зависитъ отъ того, какъ взглянетъ на его дѣйствія парламентъ. Пока послѣдній не высказался, протектору приходится опираться только на войско, а такая опора въ высшей степени ненадежна и къ добру не приведетъ, какъ это доказала исторія римскихъ императоровъ, избиравшихся легіонами. Королева Христина была еще откровеннѣе. «Вашъ генералъ,— сказала она,—надѣлалъ много великихъ дѣлъ; даже принцу Конде до него далеко. Въ его жизни есть много общаго съ жизнью моего предка, Густава I, который тоже сдѣлался маршаломъ Швеціи изъ простыхъ джентльменовъ, хотя и древняго рода. Онъ выдвинулся тѣмъ, что поднялъ всю страну противъ ига, наложеннаго на нее датскимъ королемъ, разбилъ и прогналъ датчанъ. Въ концѣ концовъ онъ былъ избранъ королемъ Швеціи, и я думаю, что вашъ генералъ кончитъ тѣмъ же: онъ будетъ у васъ королемъ.» — «Простите, ваше величество,— отвѣчалъ Уайтлокъ,—этого не можетъ быть, потому что Англія стала теперь республикой и генералъ пользуется такой властью, въ качествѣ главнокомандующаго морскими и сухопутными силами, что большаго ему не нужно.» — «Становитесь, чѣмъ хотите,—сказала королева,—но я думаю, что онъ все-таки станетъ королемъ. Едва ли какая-нибудь власть можетъ удовлетворить самолюбиваго человѣка.» Уайтлокъ могъ только отвѣтить, что его генералъ вовсе не самолюбивъ. Не нужно было, однако же, обладать большимъ самолюбіемъ для того, чтобы, находясь въ положеніи Кромвеля, соблазниться карьерой Густава Вазы, и ему, несомнѣнно, эта карьера частенько приходила на умъ.

Во время протектората состоялись двѣ парламентскихъ сессіи. Первая изъ нихъ открыла свои засѣданія 3-го сентября 1654 года, въ памятный для Кромвеля день. Продолжалась она около пяти мѣсяцевъ. Одного взгляда на составъ ея членовъ достаточно было для того, чтобы замѣтить въ ней элементы весьма сильной оппозиціи. Тѣнь Долгаго парламента, очевидно, перешла въ нее вмѣстѣ съ личностями Брэдшо, Скотта, Хэзельригга и другихъ, такъ что хотя Вэна въ числѣ членовъ и не было, но духъ непримиримой вражды къ единоличному правленію, опирающемуся на мечъ, долженъ былъ присутствовать. Роялисты не попали въ парламентъ, но пресвитеріане крайней правой мало чѣмъ отличались отъ роялистовъ, да и пресвитеріанскій центръ едва ли могъ дружелюбно относиться къ тріумфу ненавистныхъ индепендентовъ. Враждебныхъ новому правительству элементовъ было болѣе, чѣмъ достаточно.

Сессія началась проповѣдью въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, куда протекторъ явился въ каретѣ, съ конвоемъ, пажами и блестящей свитой. Генри Кромвель и Ламбертъ — два самыхъ способныхъ члена послѣдней—сидѣли безъ шляпъ, вмѣстѣ съ Оливеромъ, на передней скамейкѣ кареты. Послѣ проповѣди всѣ прошли изъ аббатства въ Расписную камеру, гдѣ Оливеръ открылъ засѣданіе одною изъ своихъ, безсвязныхъ отрывистыхъ, часто совсѣмъ непонятныхъ рѣчей, дышащихъ, однако же, искреннимъ энтузіазмомъ, который проглядывалъ и сквозь уродливыя формы выраженій. Рѣчи его всегда произносились тономъ могущественнаго человѣка, говорящаго о великихъ дѣлахъ и затрудненнаго именно этимъ самымъ ихъ величіемъ; пространно, колеблясь, заикаясь, повторяясь, Кромвель бормоталъ нѣчто неудобопонятное, но среди этого бормотанья поминутно проскакивали благородныя мысли и сильныя выраженія; въ общемъ — смѣсь церковной проповѣди съ устнымъ распоряженіемъ главнокомандующаго, не умѣющаго красно выражаться. Рѣчи эти дѣйствовали на слушателей своей искренностью, правдивостью и скрытою въ нихъ страстью.

Старыя несогласія тотчасъ же всплыли наверхъ. Люди, помнившіе начало ссоры короля съ парламентомъ, находили, что съ тѣхъ поръ ничто не измѣнилось, ничто не установилось, даже вопросъ о томъ, дѣйствительно ли государственный строй трехъ соединенныхъ королевствъ долженъ быть парламентарнымъ. Антагонизмъ между арміей и парламентомъ выказался съ тою же силой, какъ и прежде. Какъ только началось засѣданіе, такъ парламентъ занялся обсужденіемъ существующей конституціи Онъ, очевидно, расположенъ былъ взглянуть на свои задачи вполнѣ серіозно. Не могутъ же депутаты, облеченные народнымъ довѣріемъ, безъ критики принять правительство, навязанное странѣ военной революціей. Разъ это

Digitized by Google

Кромвель, послѣ проповѣди, отправляется въ Вестминстеръ.

(Рис. Грейфенгагена).

Digitized by Google

правительство созвало парламентъ, то послѣдній долженъ же выполнить свою роль. Протекторъ, «волею арміи», не можетъ быть неприкосновеннѣе королей «милостію Божіей». Члены парламента заимствуютъ свою власть отъ всего народа, и въ составѣ этой власти не можетъ же отсутствовать право на критику той системы, при помощи которой народъ управляется.

Но Оливеръ поссорился съ «Огузкомъ» именно на почвѣ этого права. Теперь, когда новый парламентъ тоже вступилъ на такую почву, то протекторъ и съ нимъ раздѣлался столь же рѣшительно. Не прошло двухъ недѣль отъ начала сессіи, какъ въ одно прекрасное утро члены парламента нашли коридоры Вестминстера наполненными войскомъ, двери палаты запертыми, а на нихъ— объявленіе, гласящее, что протекторъ проситъ господъ депутатовъ пожаловать въ Расписную камеру для особаго разговора. Тамъ Оливеръ, что называется, распушилъ ихъ, напомнивъ времена Прайдовской «чистки.»

Въ виду того, что парламентъ слишкомъ легко относится къ той власти, которая его созвала, протекторъ, по собственнымъ его словамъ, счелъ обязаннымъ прекратить депутатамъ доступъ въ палату до тѣхъ поръ, пока они не подпишутъ обязательства быть вѣрными республикѣ и существующему правительству, которое, по смыслу Учредительнаго Акта, состоитъ изъ пожизненнаго протектора и парламента, собираемаго разъ въ три года. Исполнить это требованіе было не трудно, и въ теченіе нѣсколькихъ дней, изъ четырехсотъ шестидесяти депутатовъ, подъ обязательствомъ подписались триста. Остальные, включая Брэдшо, Хэзельригга и другихъ членовъ упорной оппозиціи, отказавшись подписаться, разъѣхались по домамъ. Такимъ простымъ способомъ оппозиція была сразу сломлена.

Разъ парламентъ существуетъ, то онъ волей-неволей долженъ заниматься дебатами; а такъ какъ для дебатовъ нѣтъ болѣе благодарной темы, какъ пересмотръ конституціи, то оставшіеся члены и продолжали заниматься этимъ дѣломъ, нѣсколько перемѣнивъ, однако же, свое къ нему отношеніе. Прежде всего они серіознѣйшимъ образомъ постановили резолюцію, подтверждающую положенія только-что даннаго ими обязательства, точно будто могли отъ нихъ отказаться. Затѣмъ пересмотрѣли всѣ сорокъ два параграфа Учредительнаго Акта, прибавивъ къ нимъ еще восемнадцать.

Тутъ Оливеръ понялъ, что могъ бы сойтись, пожалуй, и съ «Огузкомъ.» Выше мы видѣли, что онъ почти такъ и высказался. Иронія судьбы, приведя его ко взглядамъ Страффорда и Карла, доказала, что онъ, подобно имъ, неспособенъ былъ понять сущности парламентарнаго правленія и даже ненавидѣлъ его. Въ концѣ концовъ онъ рѣшился не принимать разсмотрѣнной парламентомъ конституціи съ добавленіями, въ ней сдѣланными. «Хотя многіе могутъ думать,—говорилъ Кромвель,—что собирать съ народа деньги безъ разрѣшенія парламента было бы несправедливо, но я спросилъ бы у народа, что для него выгоднѣе—исполнять ли свою волю, ведущую къ раззоренію, или подчиниться разумной необходимости?» Именно на такихъ разсужденіяхъ основывается абсолютизмъ.

Кромвель вообще, значитъ, не вѣровалъ въ парламенты. Можетъ быть, онъ и былъ правъ. Но какъ же обойтись безъ нихъ, находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи? Депутаты сдѣлали все отъ нихъ зависящее для того, чтобы превратить правительство, опирающееся на грубую силу, въ парламентарное, то-есть такое, изъ-за котораго и началась междоусобная война, которое и до сихъ поръ оставалось цѣлью стремленій самого Оливера. А онъ на первыхъ же порахъ разогналъ депутатовъ, на что Учредительный Актъ давалъ ему право.

Въ одномъ изъ писемъ Генри Кромвеля къ Тёрло (Thurloe), написанномъ два года спустя (4 марта 1657), встрѣчается тирада, бросающая яркій свѣтъ на эту сторону характера Кромвеля. «Хотѣлъ бы я, чтобы его высочество обратилъ вниманіе на то, какъ многочисленны вопросы, предлагаемые парламенту, и какъ много ихъ возникнетъ прежде, чѣмъ хоть одинъ удается разрѣшить удовлетворительно. Такія многолюдныя собранія всегда работаютъ медленно, въ нихъ всегда встрѣчаются разногласія, какъ въ своей средѣ, такъ и съ правительствомъ. Понявъ это, онъ, можетъ быть, не сталъ бы отвергать многое, полезное для общества, изъ того, что они предлагаютъ. Дай ему Богъ увидать, насколько покойнѣе можно положиться на людей, владѣющихъ собственностью, независимыхъ и умныхъ, чѣмъ на такихъ, которыми двигаютъ, какъ это оказалось, только зависть и са-

Digitized by Google

молюбіе и которыхъ выгода заключается въ поддержаніи смутъ.» Насколько покойнѣе, значитъ, положиться на парламентъ, со всей его медлительностью и запутаннымъ ходомъ дѣлъ, чѣмъ на тѣсно сплоченную кучку высшихъ офицеровъ, съ цѣлой арміей за спиною. Такъ же думала и нація, запѣчатлѣвшая эту мысль въ своей памяти на сто лѣтъ впередъ.

XXXIV.

Военная диктатура.

Съ распущеніемъ перваго парламента началась новая эра. На цѣлыхъ двѣнадцать мѣсяцевъ протекторатъ превратился въ деспотическое правленіе, столь же откровенное, какъ при Тюдорахъ или Стюартахъ. На диктатуру Елизаветы, однако же, оно не было похоже, потому что Кромвель дѣлилъ власть съ совѣтомъ, то-есть съ предводителями арміи. Какого рода были дѣловыя отношенія Оливера къ восемнадцати офицерамъ, составлявшимъ государственный совѣтъ, и въ какой мѣрѣ политика зависѣла отъ послѣдняго, — мы въ точности не знаемъ. Что Кромвель не обладалъ самодержавной властью,—это доказывается эпизодомъ съ возстановленіемъ королевскаго титула въ 1657 году. Что онъ въ критическія минуты былъ вынуждаемъ поступать сообразуясь съ обстоятельствами,—это уже видѣли.

Послѣднюю половину 1654 года часто называютъ великой эпохой правленія Кромвеля. Ирландія и Шотландія были приведены къ порядку; арміи и флотъ казались искренно преданными правительству; казна Кромвеля была переполнена; звѣзда его ярко сіяла въ европейскомъ созвѣздіи. Но подъ этой блестящей внѣшностью роились тысячи опасностей, и правительство встрѣчало массу затрудненій. Трудно было держаться консервативной политики, не обладая консервативными принципами, не имѣя ни въ чемъ точки опоры. Оливеръ упрекалъ членовъ своего парламента въ томъ, что они покрыли всю страну тѣнью, подъ которой выросъ терновникъ, а почва поросла плѣсенью и грибами. Онъ сравнивалъ ихъ съ человѣкомъ, требующимъ свободы выѣзда заграницу въ то время, когда горитъ его собственный домъ. И, въ самомъ дѣлѣ, заговоры противъ новаго порядка и его основаній росли какъ грибы. Лѣтомъ 1654 года былъ даже открытъ серіозный замыселъ убить протектора, и два главныхъ заговорщика — Джерардъ и Воуэль поплатились за это головами. Они условились напасть на Кромвеля во время его обычной верховой прогулки изъ Уайтхолла въ Гэмптонъ-Кортъ въ субботу вечеромъ. Жившій за моремъ король зналъ о намѣреніи Джерарда и одобрялъ его, несмотря на мнѣнія нѣкоторыхъ своихъ совѣтниковъ, считавшихъ убійство неполитичнымъ. Это было въ нравахъ вѣка, и участіе Кромвеля въ судѣ надъ Карломъ I оправдывало кровавую съ нимъ расправу въ глазахъ многихъ, которымъ иначе такая расправа показалась бы варварскою.

Шпоры Кромвеля.

Расколъ, возникшій въ республиканскомъ лагерѣ благодаря распущенію стараго парламента и учрежденію протектората, весьма естественно оживилъ надежду роялистовъ. Король, сангвинически легковѣрный, какъ и всѣ претенденты, поддерживалъ ихъ. Онъ отдался въ руки вожаковъ роялистскаго движенія, и это движеніе разразилось, наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ; тлѣющій уголекъ вспыхнулъ маленькимъ пламенемъ.

Іоркширскіе роялисты собрались на историческомъ Марстонъ-Мурскомъ полѣ и рѣшили захватить Іоркъ, собравъ для этого

Digitized by Google

четыре тысячи человѣкъ; но когда назначенное для этого время наступило, то собралась только одна сотня, которая, побросавъ оружіе, разбѣжалась. Въ Нортумберландѣ кавалеры должны были захватить Ньюкэстль и Тайнмаутъ, но и тутъ ихъ явилось на дѣло меньше сотни. Къ Руффорду, въ Шервудскомъ лѣсу, должно было собраться нѣсколько сотъ человѣкъ изъ самыхъ выдающихся мѣстныхъ дворянъ. Все было готово—и лошади, и оружіе; но въ назначенный день никто не тронулся съ мѣста, кромѣ горсти людей, которые, увидавъ свою малочисленность, разбѣжались съ криками объ измѣнѣ. Планы возстанія были составлены также въ Стаффордшайрѣ, Чешайрѣ, Шропшайрѣ, но нигдѣ они не были выполнены, потому что никто не возсталъ. Всѣ графства Англіи, говоритъ Тёрло, скорѣе возстали бы противъ заговорщиковъ, чѣмъ за нихъ. Протекторъ, говоритъ онъ далѣе, могъ бы въ двѣ недѣли выставить въ поле двадцать тысячъ человѣкъ добровольцевъ, помимо постоянной арміи, если бы это было нужно. «Сильно ошибались тѣ, которые думали, что народъ симпатизируетъ династіи Стюартовъ.»

Армія хотя и не роптала, но партія недовольныхъ въ ней тоже строила планы возстанія. Гаррисонъ, провожавшій короля Карла въ его послѣднемъ путешествіи изъ Хёрстъ-Кэстля въ Виндзоръ, самъ теперь былъ арестантомъ въ Карисбрукѣ. Вильдманъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ агитаторовъ за все время съ 1647 года, былъ тоже арестованъ, такъ какъ у него нашли «декларацію свободнаго и достолюбезнаго народа Англіи, нынѣ возставшаго противъ тирана, Оливера Кромвеля, сквайра». Декларація эта представляла собою не что иное, какъ повтореніе тѣхъ требованій, которыя были предъявлены революціей двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Но для людей, находящихся у власти, не всегда пріятно перечитывать свои собственныя желанія, высказанныя тогда, когда они находились въ оппозиціи.

Протекторъ не жалѣлъ денегъ на то, чтобы слѣдить за заговорщиками. Онъ тратилъ большія суммы на тайную полицію, и все, переходившее изъ лагеря роялистовъ заграницу, было извѣстно агентамъ Тёрло. Сесиль и Вальсингэмъ не такъ тщательно и успѣшно охраняли безопасность Елизаветы, какъ умный, вѣрный и неутомимый государственный секретарь охранялъ Кромвеля. Заговорщики понять не могли, какимъ образомъ лордъ-протекторъ узнаетъ всѣ ихъ намѣренія, и приписывали это колдовству, знакомству его съ діаволомъ. Одинъ джентльменъ, напримѣръ, взялъ отпускъ за границу и въ Кельнѣ, подъ большимъ секретомъ ночью получилъ аудіенцію у короля. По возвращеніи, при первой же встрѣчѣ съ протекторомъ, послѣдній спросилъ его, сдержалъ ли онъ свое обѣщаніе не видѣться съ Карломъ Стюартомъ. Джентльменъ отвѣчалъ, что сдержалъ. «Кто же вынесъ изъ комнаты свѣчи, когда вы у него были?» спросилъ Кромвель. Затѣмъ, онъ удивилъ своего собесѣдника вопросомъ, не привезъ ли тотъ съ собою какого-нибудь письма отъ Карла. Получивъ отрицательный отвѣтъ, Кромвель взялъ шляпу изъ рукъ джентльмена и вынулъ изъ нея письмо, спрятанное подъ подкладкой. Джентльменъ этотъ былъ засаженъ въ Тоуэръ. Шпіономъ Кромвеля за границею былъ нѣкій Маннингъ. Кельнскіе роялисты заподозрѣли его, обыскали, нашли шифръ и забрали всю корреспонденцію. Тогда Маннингъ во всемъ признался и объяснилъ свою измѣну крайней нуждой, отъ которой спасали его тысяча двѣсти фунтовъ въ годъ, платимыхъ Кромвелемъ. Единственнымъ средствомъ спасти жизнь былъ для него размѣнъ на одного роялиста, арестованнаго въ Лондонѣ; но размѣнъ этотъ не состоялся и Маннингъ былъ застрѣленъ двумя придворными джентльменами въ лѣсу близъ Кельна.

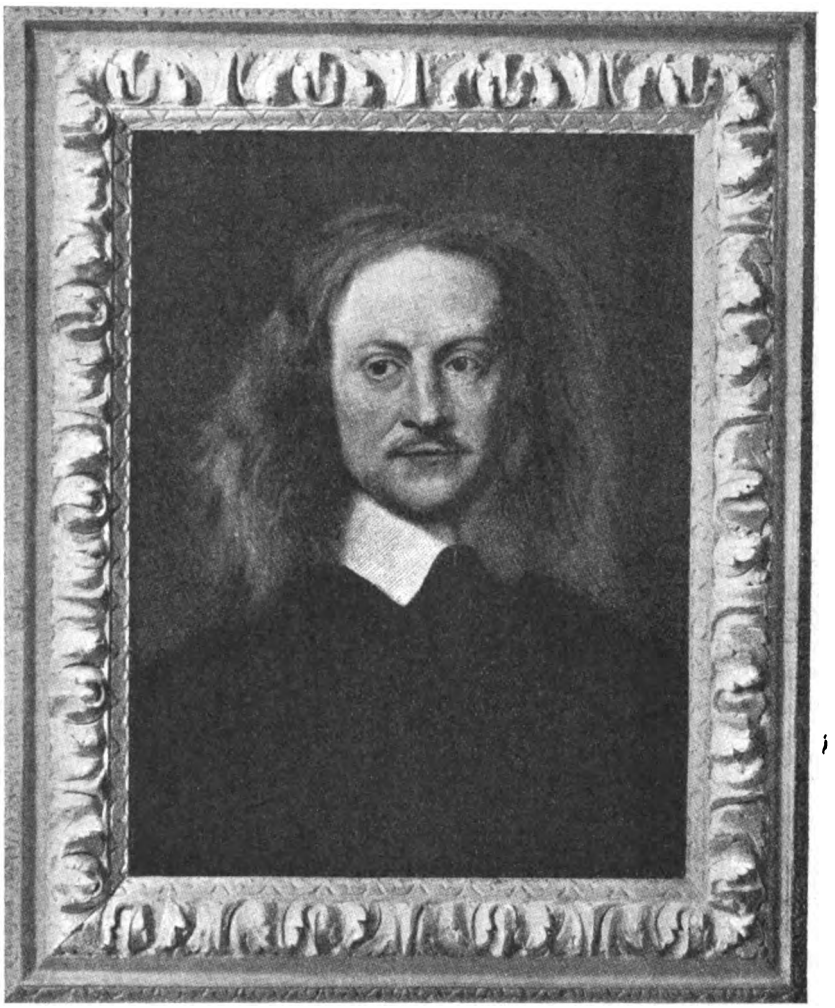
Правительство должно было отбивать удары со всѣхъ сторонъ. Особенное вниманіе было обращено на охрану Лондона. Во всѣ порты былъ посланъ приказъ остерегаться нечаянныхъ нападеній и задерживать подозрительныхъ лицъ. Вся страна находилась на военномъ положеніи. Всякія сборища были запрещены. Ежедневно совершались многочисленные аресты не только простыхъ, но и знатныхъ лицъ, которыя потомъ, безъ суда и слѣдствія, административнымъ порядкомъ ссылались въ Барбадосъ на каторгу. Прямодушный и безупречный Овертонъ, такимъ образомъ, ни за что, ни про что, просидѣлъ въ тюрьмѣ три года и былъ освобожденъ только послѣ смерти Кромвеля и реставраціи «Огузка». Когда это случилось, то Тёрло и Баркстэду, губернатору Тоуэра, пришлось раскаяться въ грубомъ произволѣ и крупныхъ правонару-

Digitized by Google

шеніяхъ, совершенныхъ ими по приказанію протектора.

Происшествія 1659 года значительно умаляютъ похвалу, расточаемую Бёркомъ справедливости и строгой законности Кромвелевскаго управленія. Впрочемъ, если оно не обладало этими достоинствами, то рѣдко было и жестокимъ.

Подпольные заговоры и маленькія возстанія черезчуръ горячихъ головъ въ провинціи не исчерпываютъ всѣхъ непріятностей, съ которыми приходилось бороться Кромвелю и его совѣту. Послѣдній парламентъ не успѣлъ вотировать бюджета. Правительство поэтому оперлось на свое право налагать подати декретами. Право это было оспариваемо, и суды склонялись къ признанію возраженій противъ него справедливыми. Одно время казалось, что общій отказъ платить налоги можетъ окончательно погубить правительство. Три адвоката Кони,— купца, отказывавшагося вносить пошлины, были вызваны протекторомъ въ государственный совѣтъ. Выслушавъ то, что они имѣли сказать, Оливеръ подписалъ приказъ о заключеніи ихъ въ Тоуэръ за употребле-



Генри Кромвель.
(Съ портрета въ Chequers Court).

Digitized by Google

ніе оскорбительныхъ для правительства выраженій. Грубое нарушеніе буквы и смысла законовъ не можетъ идти далѣе. Адвокаты скоро были выпущены на свободу, и протекторъ не мстилъ имъ; но вся эта исторія не безъ основанія напомнила народу повадки Звѣздной Палаты, тѣмъ болѣе, что когда судьи, тоже вызванные въ государственный совѣтъ, осмѣлились смиренно упомянуть о Великой Хартіи, то Кромвель такъ грубо надъ нею насмѣхался, что его выраженій въ наше время и передать нельзя. Онъ заявилъ при этомъ, что не можетъ руководствоваться Хартіей въ поступкахъ, которые, по его мнѣнію, вызываются общественной безопасностью; напомнилъ судьямъ, что они назначаются правительствомъ и рекомендовалъ имъ не дозволять адвокатамъ болтать всякій вздоръ. Судьи могли ошибаться въ толкованіи Учредительнаго Акта или въ своемъ правѣ осуждать нѣкоторые его отдѣлы, но заключеніе адвокатовъ въ тюрьму за то, что они говорили вещи, неугодныя исполнительной власти, во всякомъ случаѣ, нельзя считать справедливымъ и законнымъ.

Судьи, не подчинившіеся приказаніямъ протектора, были уволены. Сэръ Питеръ Уэнтвортъ, пробовавшій противостать Кромвелю при разогнаніи Долгаго парламента, попробовалъ и теперь противостать ему, возбудивъ процессъ противъ сборщика податей. Протекторъ вызвалъ его въ совѣтъ. Уэнтвортъ сослался было на законъ, въ силу котораго налоги не могутъ быть собираемы безъ согласія парламента; но Кромвель велѣлъ ему взять свой искъ назадъ, и Уэнтвортъ повиновался.

«Вотъ тогда-то,—говоритъ Оливеръ,—мы сдѣлали маленькое изобрѣтеніе, о которомъ, кажется, теперь сожалѣютъ; это изобрѣтеніе—учрежденіе генералъ-майоровъ». По военному—коротко и ясно. А дѣло состояло въ томъ, что лѣтомъ и осенью 1655 года Англія и Уэльсъ были раздѣлены на двѣнадцать округовъ, изъ коихъ во главѣ каждаго былъ поставленъ генералъ-майоръ—Ламбертъ, Десборо, Баркстэдъ, Флитвудъ, Скиппонъ, Уэлли, Гоффъ вообще кто-нибудь изъ надежнѣйшихъ ветерановъ. Главною ихъ обязанностью было завѣдываніе государственной полиціей: насильственное прекращеніе незаконныхъ митинговъ; обезоруженіе папистовъ и вообще лицъ, опасныхъ для общественнаго спокойствія; взятіе обязательствъ съ каждаго домохозяина объ отвѣтственности за хорошее поведеніе его слугъ, при чемъ послѣдніе, въ свою очередь, обязывались являться къ генералъ-майору или его замѣстителю, когда бы ихъ ни позвали. Вся прислуга вообще была переписана и обязывалась извѣщать генералъ-майора о перемѣнѣ мѣста. Всякій пріѣзжавшій изъ-за моря долженъ былъ являться въ полицію, и за нимъ учреждался строгій надзоръ. Генералъ-майоръ долженъ былъ, кромѣ того, слѣдить за проповѣдниками и не допускать подозрительныхъ людей къ преподавательской дѣятельности.

Все это, однако же, были только второстепенныя подробности новой полиціи. Поводами къ ея учрежденію послужили: возможность образованія новыхъ заговоровъ и возстаній; недостаточность мѣстныхъ судей и полиціи для подавленія этихъ возстаній; необходимость для центральнаго правительства имѣть повсюду свои глаза и руки; наконецъ, признаки возникающей партійности въ арміи.

Въ первомъ парламентѣ были люди, считавшіе всѣ эти поводы ничтожными, но Тёрло сообщаетъ, что «его свѣтлость считаетъ необходимымъ усилить репрессію во всѣхъ графствахъ, чтобы не отдать страну въ руки враговъ.»

Усиленіе репрессіи повело къ образованію постоянной милиціи во всѣхъ графствахъ, а это, въ свою очередь, вызвало новые расходы и новые налоги. «Что можетъ быть справедливѣе, какъ возложеніе расходовъ именно на тѣхъ, по чьей винѣ они сдѣланы?» Согласно такому принципу оставалось только разорять произвольно налагаемыми податями всѣхъ, кто такъ или иначе навлекъ на себя неудовольствіе правительства, и генералъ-майоры получили инструкцію взимать съ этихъ лицъ десятую часть ихъ дохода. Нечего и говорить, что эта мѣра не имѣла никакого основанія въ законѣ, но апеллировать противъ нея можно было только передъ протекторомъ и совѣтомъ, а не передъ судами. Парламентъ былъ распущенъ за нарушеніе Учредительнаго Акта, а диктатура протектора какъ бы совсѣмъ отмѣняла этотъ послѣдній. Репрессивныя мѣры требовали, конечно, времени для своего выполненія, но къ концу 1655 года онѣ уже дѣйствовали во всю свою силу.

Digitized by Google

Между этими мѣрами были и еще двѣ, достойныя вниманія. Въ ноябрѣ 1655 года вышелъ эдиктъ, воспрещающій частнымъ лицамъ, во имя блага республики, держать уволенныхъ правительствомъ священниковъ капелланами въ домовыхъ церквахъ, воспитателями и учителями въ школахъ, а равно допускать ихъ къ совершенію браковъ, крещенія и вообще всякихъ требъ. Доказательствомъ излишней строгости и ненужности этой мѣры можетъ служить то, что она совсѣмъ не была выполнена. Вѣроятно, и многія другія мѣры того суроваго времени оказывались столь же ненужными и неприложимыми, такъ какъ опытъ показываетъ, что ничто такъ часто не пересаливается, какъ военная репрессія гражданскихъ безпорядковъ.

Вторая мѣра еще рѣзче выказываетъ границы, до которыхъ можетъ дойти деспотизмъ военнаго правительства. Совѣтъ издалъ распоряженіе, въ силу котораго воспрещалось кому бы то ни было печатать что бы то ни было, безъ разрѣшенія государственнаго секретаря. Въ результатѣ — вся столичная пресса свелась на одинъ журналъ, выходившій два раза въ недѣлю, подъ двумя разными заглавіями. Между тѣмъ Мильтонъ все еще продолжалъ быть секретаремъ по латинскому языку (Latin secretary), а отъ появленія въ свѣтъ его безсмертной защиты свободы печатанія прошло всего одиннадцать лѣтъ.

«Священники наши плохи,— доноситъ одинъ изъ генералъ-майоровъ въ 1655 году, чиновники лѣнивы, а народъ спитъ.» Но про новорожденныя власти нельзя было сказать этого; онѣ дѣятельно принялись за работу. Первымъ дѣломъ было назначеніе комиссаровъ для обиранія лицъ неугодныхъ правительству, причемъ, однако же, приходилось безпрестанно сноситься съ протекторомъ и совѣтомъ для полученія отъ нихъ инструкцій въ затруднительныхъ частныхъ случаяхъ. Обложеніе десятинной податью кавалеровъ «было прекрасно встрѣчено всею парламентской партіей,—люди всѣхъ мнѣній радостно приняли эту мѣру», что и не удивительно, разумѣется, такъ какъ всякія насильственныя мѣры противъ людей одной партіи всегда радостно встрѣчаются людьми другой,—это лежитъ въ натурѣ человѣка; жаль только, что дѣятельность генералъ-майоровъ помѣшала введенію общаго налога на собственность въ 1656 году.

Кавалеры подчинились направленной противъ нихъ мѣрѣ съ большимъ трудомъ. Еще большее раздраженіе возбудила регламентація пивныхъ лавокъ, медвѣжьей травли, пѣтушиныхъ боевъ, скачекъ и проч. Лордъ Экзетеръ обратился къ Уэлли съ вопросомъ, дозволено ли ему будетъ устроить послѣднія. «Я увѣрилъ его,—доноситъ Уэлли протектору,—что въ намѣренія вашей свѣтлости не входило препятствовать устройству скачекъ и лишать джентльменовъ любимаго спорта, а что вы хотѣли только устранить большія сборища, состоящія изъ людей враждебныхъ другъ другу партій.» Скачка Экзетера состоялась, стало быть.

Защита государственныхъ интересовъ, если они хорошо поняты, всегда приводитъ къ хорошимъ результатамъ, но въ данномъ случаѣ таковыхъ не получилось. Новое направленіе политики Кромвеля раздражило весьма многихъ и не примирило никого. Приняты строгія мѣры, заговорщики усмирены, деньги конфискованы; но глухое недовольство быстро растетъ во всей странѣ, отражаясь на общественномъ мнѣніи. Оливеръ самъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что перемѣна системы убиваетъ его политику примиренія и заживленія.

XXXV.

Реакція.

Нужда въ деньгахъ всегда была отрезвляющимъ факторомъ для королей, парламентовъ и кабинетовъ; настала она, наконецъ, и для протектора. Несмотря на конфискаціи и десятинный сборъ, милиція часто подолгу сидѣла безъ жалованья и принуждена была поэтому терпѣть насмѣшки. Помимо издержекъ на администрацію, Кромвель, какъ мы увидимъ ниже, принужденъ былъ тратить деньги на дѣла внѣшнія, международныя, въ которыя ввязался. Благодаря этому, онъ скоро очутился въ томъ положеніи, отъ котораго Страффордъ еще много лѣтъ тому назадъ предостерегалъ своего господина, говоря, что международная политика всегда оплачивается недовольствомъ собственныхъ подданныхъ. Въ іюнѣ 1656 года протекторъ созвалъ конференцію изъ членовъ совѣта и нѣкоторыхъ высшихъ офицеровъ арміи. Среди нихъ были такіе,

Digitized by Google

которые совѣтовали Кромвелю собрать деньги единоличной властью, при помощи принудительнаго займа или общей таксаціи. Есть основаніе предполагать, что и самъ Кромвель склонялся къ этимъ мѣрамъ, такъ какъ онъ вскорѣ сталъ ворчать на то, что его заставили избрать другой путь. Тѣмъ не менѣе, этотъ другой путь былъ избранъ: конференція постановила собрать новый парламентъ.

Выборы, происходившіе лѣтомъ 1656 года, сопровождались грубымъ оживленіемъ, свойственнымъ вѣку, и заслуживаютъ особаго вниманія.

Тёрло пишетъ Генри Кромвелю, что въ будущемъп арламентѣ должна произойти неслыханная борьба, такъ какъ въ странѣ масса недовольныхъ и всѣ партіи страшно возбуждены. Генералъ-майоры принимаютъ дѣятельное участіе въ направленіи выборовъ и, несмотря на выраженную ими глубокую покорность волѣ Провидѣнія, довольно-таки энергично нажимаютъ винты гдѣ нужно. Они всѣми мѣрами навязываютъ избирателямъ правительственныхъ кандидатовъ, стараясь устранить подозрительныхъ лицъ. Каждый генералъ-майоръ выставилъ свою собственную кандидатуру, и каждый былъ избранъ. Въ Дуврѣ большинство стояло за Кони, — того самаго , который отказывался платить пошлины,—и мѣстный генералъ-майоръ ничего бы не имѣлъ противъ этого, если бы Кони не былъ предварительно и весьма благоразумно устраненъ... въ тюрьму. Въ Престонѣ, когда-то бывшемъ ареною одной изъ самыхъ рѣшительныхъ побѣдъ Кромвеля, генералъ-майоръ ожидалъ большихъ смутъ, благодаря вялости друзей и наглости враговъ правительства. Въ Норвичѣ очень популярному оппозиціонному проповѣднику запрещено было входить на каѳедру. Почту обязали строго слѣдить за всѣми печатными произведеніями, пересылаемыми изъ одного графства въ другое. Уэлли доноситъ, что народу извѣстна нужда правительства въ деньгахъ, но что онъ не желалъ бы давать ихъ въ качествѣ платы за дозволеніе имѣть земельную собственность. Одинъ оппозиціонный кандидатъ увѣрялъ своихъ слушателей, что его свѣтлость завелъ при своей особѣ швейцарскую гвардію въ три тысячи человѣкъ; что онъ тайно предалъ всю торговлю Англіи въ руки голландцевъ; что большинство англійскихъ графствъ готово къ возстанію и не побоится Оливеровыхъ краснокафтанниковъ, причемъ кандидатъ прозакладывалъ свою голову, увѣряя, что развѣ какихъ-нибудь пять тысячъ изъ этихъ послѣднихъ осмѣлятся противостать народному дѣлу. Со всѣхъ сторонъ слышались крики, что свободный англійскій народъ не желаетъ больше военщины, сборщиковъ податей, да и вообще лицъ, состоящихъ на жалованьи у правительства.

Противъ этого послѣдняго былъ изданъ энергическій манифестъ, съ особенной силой выставляющій необходимость для друзей и братьевъ во Христѣ сплотиться между собою во дни бѣдствій, смутъ и богохуленія, возстать за права свободно рожденныхъ англичанъ противъ власти и величія какого бы то ни было человѣка, какъ бы высоко онъ ни вознесся. Половина Библіи цитировалась въ манифестѣ, какъ примѣръ, доказательство или свидѣтельство вышесказаннаго. Сеннахерибъ, Моисей, Эсѳирь, Авессаломъ и другіе выставлялись образцами для избирателей при подачѣ голоса за того или другого кандидата. Въ цѣломъ манифестъ этотъ весьма поучителенъ и прекрасно обрисовываетъ психическій строй даннаго поколѣнія.

Парламентъ собрался въ сентябрѣ 1656 года, и Оливеръ открылъ его одною изъ своихъ характернѣйшихъ рѣчей. Сначала онъ очень долго остановился на враждебныхъ отношеніяхъ Испаніи, зависящихъ отъ ея преданности папѣ; на вредѣ, приносимомъ ею англичанамъ въ Вестъ-Индіи; на поддержкѣ, оказываемой ею дѣлу Стюартовъ. Затѣмъ онъ обратился къ домашнимъ дѣламъ, упомянулъ о неумѣстной дружбѣ англійскихъ,—«объиспанившихся», какъ онъ ихъ назвалъ,—папистовъ съ кавалерами, точно такъ же, какъ и о еще болѣе неумѣстной дружбѣ между республиканцами и роялистастами,—гражданами и подонками общества, выброшенными революціоннымъ движеніемъ. Онъ напомнилъ потомъ о заговорахъ и возстаніяхъ, предостерегая отъ слишкомъ легкаго къ нимъ отношенія, и, наконецъ, перешелъ къ защитѣ генералъ-майоровъ и новой системы денежныхъ и иныхъ репрессій. Развѣ не справедливо въ самомъ дѣлѣ, говорилъ Кромвель, заставлять роялистовъ платить за возстановленіе порядка, ими нарушеннаго? Но и помимо возстановленія порядка развѣ генералъ-майоры не сдѣлали для уничтоженія всякаго зла и утвержденія ре-

Digitized by Google

Оливеръ Кромвель.
(Съ портрета Роберта Уалькера въ Національной портретной галлереѣ).

лигіи гораздо болѣе, чѣмъ кто-либо другой, за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ? Нечестіе, безпорядокъ и злоба написаны на знамени кавалеровъ; противъ нечестія, безпорядка и злобы ратовали генералъ-майоры. «Если что-либо намъ нужно, если отъ чего-либо зависитъ наша свобода и наше благосостояніе, то это есть, я увѣренъ, реформа нравственности. Она одна скорѣе, чѣмъ что-либо другое, можетъ заживить наши раны, потому что она касается души и духа, то-есть самой сущности людей. Человѣкъ есть духъ. И если духъ чистъ, то и человѣкъ достоинъ своего предназначенія, а если нѣтъ, то я не вижу разницы между нимъ и животнымъ.»

Digitized by Google

О настоящей причинѣ созыва парламента—о дефицитѣ и долгѣ протекторъ, весьма благоразумно, не распространялся. Въ ариѳметикѣ, такъ же какъ и въ законовѣдѣніи, онъ былъ не особенно силенъ, какъ самъ иногда признавался, и составленные имъ отчеты не удовлетворили бы современнаго бухгалтера. Неспособность къ юриспруденціи, такъ же какъ и къ финансовой наукѣ, суть большіе недостатки въ государственномъ человѣкѣ, призванномъ къ перестройкѣ государства.

Прежде чѣмъ началась сессія, протекторъ принялъ уже свойственныя его характеру мѣры противъ оппозиціонной критики. Онъ вмѣстѣ съ совѣтомъ предварительно просмотрѣлъ списки депутатовъ, и когда послѣдніе двинулись изъ Расписной палаты въ залъ засѣданій, то нашли у его дверей военный караулъ. Одинъ изъ секретарей правительства раздавалъ отъ имени государственнаго совѣта именные входные билеты. Около сотни членовъ не нашли такихъ билетовъ на свое имя и не были допущены къ участію въ работахъ парламента. Эта «чистка» являлась законной по Учредительному Акту, а потому палата, заслушавъ докладъ о ней, ограничилась тѣмъ, что рекомендовала исключеннымъ членамъ обратиться къ совѣту съ просьбой о допущеніи. Въ числѣ такихъ подозрительныхъ для Кромвеля членовъ находились и обломки Долгаго парламента. Они главнымъ образомъ, а вслѣдъ за ними и другіе, въ числѣ девяноста трехъ, составили и подписали ремонстранцію, по смыслу и выраженіямъ почти одинаковую съ тѣми, которыя когда-то такъ часто были направляемы противъ короля. Она заключала въ себѣ горячій протестъ противъ обычая тирановъ прикрывать именемъ Божіимъ и религіей, постами и молитвами самые черные и противозаконные поступки, изгонять сотнями избранниковъ народа и называть парламентомъ сборище однихъ только своихъ сторонниковъ. Собраніе, засѣдающее теперь въ Вестминстерѣ, говоритъ далѣе ремонстранція, находится подъ постояннымъ давленіемъ протектора и подъ страхомъ вооруженной силы, а потому не смѣетъ свободно разсуждать о дѣлахъ государства, не смѣетъ возстать противъ тиранніи, а потому и не можетъ быть представительнымъ собраніемъ Англіи.

Если такія мнѣнія были высказаны почти четвертой частью членовъ парламента, и притомъ парламента, избраннаго при помощи всевозможныхъ уловокъ и стѣсненій, то мы можемъ быть увѣрены, что популярность Кромвеля значительно упала за послѣдніе годы.

XXXVI.

Перемѣна галса.

Новый парламентъ, провѣянный и просѣянный, лояльно относившійся къ особѣ протектора, тѣмъ не менѣе, скоро показалъ, что и онъ, подобно «Огузку», подобно Бэрбоновскому и первому парламенту при протекторатѣ, которые всѣ были разогнаны, не намѣренъ смотрѣть на себя какъ на нуль въ механизмѣ республиканскаго управленія, а полонъ корпоративнаго духа и самоуваженія, безъ которыхъ всякая корпорація является тѣломъ безъ души. Выборы доказали, что режимъ военнаго насилія противенъ даже самымъ тихимъ и скромнымъ людямъ въ странѣ.

Оливеръ, внимательно наблюдавшій за общественнымъ мнѣніемъ, тоже понялъ теперь, вѣроятно, что генералъ-майоры не усилили, а ослабили его авторитетъ. Наступилъ, однимъ словомъ, часъ, когда борьба между арміей и парламентомъ, продолжавшаяся въ разныхъ формахъ болѣе девяти лѣтъ, должна была войти въ новую заключительную фазу.

Случай для заявленія своей рѣшимости покончить съ военнымъ режимомъ скоро представился парламенту. Ему предшествовалъ одинъ изъ тѣхъ инцидентовъ, которые, проявляя свободу законодательнаго собранія, всегда внушали опасеніе Оливеру. Главною цѣлью парламента 1656 года, равно какъ и его предшественника въ 1654 году, было расширеніе своей власти, ограниченіе власти протектора, устраненіе военнаго режима и, наконецъ, что держалось въ секретѣ, суженіе арены религіозной терпимости. Вотъ эта-то терпимость на первыхъ же порахъ и подверглась испытанію, что и немудрено, такъ какъ, согласно предсказанію католиковъ, высказанному при началѣ реформаціи, разрывъ съ церковью дѣйствительно прорвалъ въ сердцахъ протестантовъ плотину ересей и всяческаго безумія. Эксцессы религіозной эмоціи стали дѣйствительно очень частыми въ протестантскомъ обществѣ. Нигдѣ не встрѣчалось такой прямо-

Digitized by Google

линейности и такого страстнаго фанатизма, какъ въ средѣ апостоловъ свободнаго обсужденія религіи, по отношенію къ людямъ, которые считали это обсужденіе недозволительнымъ.

Джемсъ Нейлеръ принадлежалъ именно къ числу такихъ страстныхъ фанатиковъ. Нѣсколько лѣтъ онъ съ честью сражался въ рядахъ парламентской арміи и былъ, между прочимъ, при Денбарѣ. Затѣмъ онъ сталъ послѣдователемъ Джорджа Фокса и мало-помалу довелъ квакерскіе принципы до крайности, причемъ ученики провозгласили его мессіей. Въ октябрѣ 1656 года Нейлеръ пріѣхалъ въ Бристоль, окруженный толпою полусумасшедшихъ послѣдователей, бросавшихъ вѣтви на его пути, восклицавшихъ «осанну» и даже увѣрявшихъ, что онъ воскресъ изъ мертвыхъ. За всѣ эти дѣянія Нейлера притянули къ суду парламентской комиссіи. Самъ онъ, однако же, оказывался совершенно чистымъ отъ всякихъ нареканій; ни одинъ свидѣтель не могъ уличить его ни въ кощунствѣ, ни въ стараніи присвоить себѣ ненадлежащее званіе или достоинство. Единственно, въ чемъ онъ могъ быть обвиненъ, это — въ молчаливомъ подчиненіи толпѣ, устроившей для него кощунственную овацію. Палата обвинила его, однако же, въ кощунствѣ, самозванствѣ, учиненіи соблазна и чуть не приговорила къ смертной казни. Отъ этой послѣдней Нейлеръ избавился только благодаря большинству четырнадцати голосовъ изъ ста семидесяти восьми. Дебаты по его дѣлу шли нѣсколько дней, а приговоръ въ окончательной формѣ налагалъ на него слѣдующій рядъ наказаній: простоять два часа у позорнаго столба въ Вестминстерѣ; быть прогнаннымъ плетью черезъ палача отъ Вестминстера до Старой Биржи, гдѣ снова простоять два часа у позорнаго столба; затѣмъ, по наложеніи на лбу клейма съ буквой B (blasphemy--кощунство) и проткнутіи языка раскаленнымъ гвоздемъ, быть посланнымъ въ Бристоль, гдѣ проѣхать по всему городу голымъ, верхомъ на лошади и сидя лицомъ къ хвосту; по наказаніи плетью на торговой площади Бристоля, быть привезеннымъ назадъ въ Лондонъ и засаженнымъ въ одиночное заключеніе, при каторжной работѣ, безъ права читать и писать, на время какое угодно будетъ назначить парламенту. Вотъ до какихъ жестокостей можетъ дойти пуританизмъ; вотъ какъ мало разницы было въ то время между духомъ архіепископа Лода и духомъ людей, снявшихъ голову съ этого Лода!

Кромвель въ такихъ случаяхъ всегда высказывалъ свои благородныя чувства. За годъ передъ тѣмъ, онъ личной властью освободилъ отъ суда Джона Биддля, обвиненнаго въ социніанской ереси. Признавая кощунствомъ отрицаніе божественности Іисуса Христа, онъ все-таки спасъ Биддля, сославъ его на Силлійскіе острова съ содержаніемъ въ десять шиллинговъ въ недѣлю и съ большимъ запасомъ книгъ. Точно такъ же и теперь, въ процессѣ Нейлера, онъ не могъ не видѣть ненавистной ему жестокости и ясно понялъ вредъ, происходящій отъ узурпированія парламентомъ судебной власти. Однако же, наиболѣе ярые друзья послѣдняго могутъ и теперь съ удовольствіемъ прочесть слова посланія, адресованнаго Кромвелемъ спикеру по этому случаю,—до такой степени они лояльны и умѣренны: «Узнавъ о приговорѣ, недавно вынесенномъ вами нѣкоему Джемсу Нейлеру, хотя Мы и чуждаемся желанія оказывать хотя бы малѣйшую поддержку людямъ, думающимъ и поступающимъ подобно ему, но все-таки, будучи заинтересованы въ благотворности теперешней правительственной системы для націи и не зная, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ повести подобные процессы, ведомые совсѣмъ безъ Нашего участія, Мы желали бы, чтобы Палата поставила Насъ въ извѣстность, на какихъ основаніяхъ и по какимъ причинамъ она пришла къ высказанному ею рѣшенію.» (Декабря 12, 1656 года). Несмотря на такой отпоръ, возмутительный рядъ наказаній былъ продѣланъ съ буквальной точностью. Это крайне оскорбило и раздражило Кромвеля, увидавшаго, что, въ силу Учредительнаго Акта, онъ не имѣетъ права прекратить узурпацію судебной власти парламентомъ. Пересмотръ конституціи сталъ поэтому тѣмъ болѣе необходимъ

Нѣсколько дней спустя послѣ суда надъ Нейлеромъ въ парламентъ былъ внесенъ билль, касающійся жгучаго вопроса о генералъ-майорахъ, ихъ единоличной власти и правѣ налагать контрибуціи. Новый билль потребовалъ парламентской санкціи для продолженія этой системы. Юристы горячо возстали противъ такого предложенія, а члены государственнаго совѣта и сами генералъ-майоры столь же горячо стояли, раз

Digitized by Google

умѣется, за него. Возникли продолжительныя и страшныя пренія, такъ какъ обѣ стороны прекрасно сознавали важность ихъ исхода. При послѣднемъ чтеніи билль былъ отвергнутъ большинствомъ тридцати семи изъ двухсотъ двѣнадцати.

«Нѣкоторые джентльмены,—пишетъ Тёрло Генри Кромвелю,— чувствуютъ себя оскорбленными этой нотой противъ ихъ билля и сильно сердятся.» Это значитъ, что большинство генералъ-майоровъ съ популярнымъ и талантливымъ Ламбертомъ во главѣ должно были признать парламентское рѣшеніе формальнымъ вызовомъ арміи. Такой рѣзкій вызовъ со стороны парламента, въ образованіи и чисткѣ котораго они принимали столь живое участіе, не могъ, конечно, не разсердить ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ чреватъ весьма важными послѣдствіями. Роль Кромвеля въ этой первой стычкѣ съ парламентомъ, равно какъ и въ той, которая за ней послѣдовала, настолько же темна, насколько и роль его въ переводѣ короля изъ Хольмби, въ Прайдовской «чисткѣ» и въ приговорѣ Карла къ смертной казни. Безпрекословный пропускъ лордомъ-протекторомъ парламентской воты по поводу генералъ-майоровъ произвелъ въ публикѣ большое впечатлѣніе и былъ принятъ за отказъ съ его стороны отъ системы репрессій.

Въ сущности, это такъ и было. Кромвель, какъ мы это часто уже повторяли, съ 1647 года скорѣе слѣдовалъ за обстоятельствами, чѣмъ велъ ихъ за собою. За эти годы онъ перебывалъ и конституціоннымъ правителемъ, и диктаторомъ, и простымъ агентомъ казармы, смотря по тому, какъ того требовало дѣло. Теперь онъ опять превращался въ конституціоннаго правителя. Выборы и настроеніе парламента должны были показать ему, что его «маленькое изобрѣтеніе» оказалось ошибкою, хотя открыто признаться въ этомъ онъ еще не рѣшался.

Но, рано или поздно, пришлось признаваться. Даже среди его близкихъ мнѣнія о генералъ-майорахъ раздѣлились. Десборо, его деверь, стоялъ за билль, а Клейполь, его зять,—противъ билля. Такія мелочи все же сильно иногда вліяютъ на созданіе парламентскаго большинства; перемѣна политики носилась въ воздухѣ. Вслѣдствіе этого Кромвель, еще нѣсколько дней тому назадъ стойко защищавшій генералъ-майоровъ, рѣшился перемѣнить галсъ.

Въ это самое время появился знаменитый памфлетъ, носившій парадоксальное заглавіе: «Умерщвленіе, а не убійство» (Killing no murder). Въ немъ со страшной силой и убѣдительностью доказывалась необходимость умерщвлять тирановъ, съ прямымъ вызовомъ приложить эту мѣру къ особѣ лорда-протектора. Роялисты не скрывали своего одобренія этой доктринѣ кинжала и пистолета. Никласъ, государственный секретарь короля, открыто называлъ памфлетъ въ высшей степени основательнымъ. Кромвель, по его мнѣнію, имѣлъ такое же право на покровительство законовъ, какъ любой волкъ или лисица. Эмигранты радовались тому, что протекторъ долженъ теперь чувствовать себя совершенно такъ же, какъ Каинъ послѣ убійства Авеля. Недѣли за три до появленія памфлета автору его чуть-чуть не удалось сдѣлать свое произведеніе ненужнымъ. Авторъ этотъ — Сексби, котораго Кромвель, при открытіи парламента, описывалъ какъ ренегата, лишеннаго чести и совѣсти, былъ искренній республиканецъ, возмущенный политикой репрессій и сошедшійся, вслѣдствіе этого, не только съ роялистами за границею, но и съ испанцами, убѣдившими его посягнуть на жизнь протектора. Но самому ему сдѣлать этого не удалось, благодаря бдительному надзору, за нимъ учрежденному. Долго онъ ничего не предпринималъ, но, наконецъ, нашелъ себѣ столь же убѣжденнаго и рѣшительнаго помощника, притомъ почти неизвѣстнаго полиціи Тёрло, въ лицѣ Мильса Синдеркомба, бывшаго дружинника Монка, ненавидѣвшаго тирановъ скорѣе на римскій, чѣмъ на европейскій образецъ. Этотъ Синдеркомбъ сталъ охотиться на протектора: нанялъ себѣ квартиру на пути отъ Уайтхолла въ Гэмптонъ-Кортъ, куда Оливеръ ѣздилъ каждую недѣлю; подкупалъ охранную стражу и, наконецъ, чуть было не успѣлъ поджечь аппартаменты Кромвеля въ Уайтхоллѣ, но былъ схваченъ и судимъ. Присяжные—по большинству мировые судьи—приговорили его къ смертной казни, которой онъ, однако же, не дождался, такъ какъ умеръ въ Тоуэрѣ въ ночь передъ экзекуціей.

Покушеніе Синдеркомба произошло въ январѣ (1657 года) и произвело большое впечатлѣніе на публику. Всѣ здравомыслящіе люди, коихъ во всякой странѣ—большинство, поняли, что только жизнь Оливера

Digitized by Google

стоитъ между ними — съ одной стороны и полной анархіей или мстительной реставраціей—съ другой.

Размноженіе религіозныхъ сектъ не угрожало такой непосредственной политической опасностью, какъ это многіе изъ правительствующихъ лицъ предполагали, но оно, во всякомъ случаѣ, обусловливало невозможный хаосъ въ жизни, общественной. Оливера называли и Змѣей, и апокалиптическимъ Звѣремъ, и Непотребнымъ Выродкомъ. Святые считали своимъ долгомъ стоять на жизнь и смерть за своего генералъ-капитана, лорда Іисуса, сидящаго на красномъ конѣ и долженствующаго покорить Звѣря. Кромвель былъ удивительно терпѣливъ и снисходителенъ къ разнообразнымъ фанатикамъ. Онъ никакъ не могъ, напримѣръ, поссориться съ храбрымъ и прямодушнымъ Гаррисономъ. Онъ пригласилъ его въ Уайтхоллъ, угостилъ обѣдомъ и долго, по-дружески, склонялъ оставить скользкіе и ошибочные пути. Будучи очень привязчивымъ, онъ не бросалъ старыхъ друзей и отказывался отъ нихъ лишь тогда, когда они сами отъ него отстранялись.

Въ это время (1654 годъ) квакеры впервые появляются на страницахъ исторіи, хотя, надо признаться, давно бы имъ пора было выступить на первый планъ, такъ какъ пуритане давно уже отступили отъ Новаго Завѣта, оставивъ Нагорную Проповѣдь и другіе лучшіе его тексты аріанамъ. Воинствующій пуританизмъ вообще былъ только на половину христіанскимъ. Между тѣмъ квакерство, перейдя многія фазы, во всѣхъ въ нихъ старалось превратить христіанство въ чистую религію Христа. Въ темныхъ и неуклюжихъ фразахъ, но съ ясной душою, квакеры доводили до крайности протестъ противъ внѣшнихъ формъ и церемоній, заслоняющихъ собою и унижающихъ подлинный духъ религіи. Вполнѣ послѣдовательно являлись они противниками государственной власти и ея учрежденій, какъ стѣсняющихъ свободу человѣка. Никакая другая секта, по политическимъ и военнымъ причинамъ, не раздражала до такой степени предержащую власть, какъ квакеры. Ихъ повсюду преслѣдовали такъ же упорно, какъ императорскій Римъ преслѣдовалъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Но Кромвель относился къ нимъ такъ благодушно, какъ только могъ. Въ своихъ аппартаментахъ, въ Уайтхоллѣ онъ внимательно и съ волненіемъ прислушивался къ проповѣдямъ Джорджа Фокса, по временамъ приговаривая: «Хорошо» или «Совершенно вѣрно.» Прощаясь съ Фоксомъ, Оливеръ сказалъ ему: «Приходи ко мнѣ опять; если бы мы хоть по часу въ день могли проводить вмѣстѣ, то очень бы сошлись. Я не желалъ бы вредить тебѣ, такъ же какъ и своей собственной душѣ.» Когда Фоксъ былъ посаженъ въ тюрьму, то одинъ изъ его друзей пришелъ просить у Кромвеля позволенія сѣсть на его мѣсто. Протекторъ отвѣчалъ ему, что это было бы противно закону, а потомъ, повернувшись къ членамъ совѣта, сказалъ: «Кто бы изъ васъ сдѣлалъ для меня то же, если бы я находился въ такомъ же положеніи?»

Несмотря на благосклонность Кромвеля, квакерамъ приходилось много терпѣть отъ судей, полиціи и военныхъ офицеровъ. «Друзья» жаловались, что судьи забавляются, заставляя ихъ безпрестанно приносить присягу, которой они давать не имѣютъ права, за что и бываютъ наказываемы. Узнавъ объ этомъ, Кромвель воскликнулъ: «Да это не для нихъ! Я никогда не разсчитывалъ заставлять ихъ присягать!» Когда ихъ наказывали за отказъ въ уплатѣ десятины, то Оливеръ снималъ съ себя отвѣтственность за эти наказанія, увѣряя квакеровъ, что всякія преслѣдованія и жестокости надъ ними совершаются противъ его воли. Тёрло, съ другой стороны, будучи заурядным представителемъ духа времени, смотрѣлъ на квакеровъ какъ на самыхъ опасныхъ враговъ государства. Преслѣдованія квакеровъ навсегда останутся чернымъ пятномъ въ исторіи протектората.

Разсказываютъ объ очень оригинальномъ свиданіи протектора съ нѣкоторыми изъ самыхъ ярыхъ его критиковъ. Одинъ изъ нихъ, Джонъ Роджерсъ, громилъ его какъ въ печатныхъ памфлетахъ, такъ и съ каѳедры, постоянно прибѣгая къ полезнѣйшему изъ всѣхъ текстовъ—къ «Мани,Факелъ,Фаресъ», за что и былъ арестованъ. Кромвель далъ Роджерсу аудіенцію вмѣстѣ съ толпой его послѣдователей. Еще въ сѣняхъ, стража приняла посѣтителей, что называется — какъ собакъ при игрѣ въ кегли, толкала и оскорбляла ихъ какъ только возможно, а когда они были введены въ кабинетъ протектора, то «великій человѣкъ стоялъ у окна, на которомъ лежалъ пистолетъ. Въ ком-

Digitized by Google

натѣ было еще два джентльмена. Постоявъ у окна, онъ молча и очень величественно перешелъ къ камину, не кланяясь и не показывая вида, что замѣчаетъ насъ, хотя всѣ мы стояли съ обнаженными головами.»

Кромвель выслушалъ своихъ посѣтителей съ грубымъ добродушіемъ, безцеремонно останавливая ихъ, когда они уклонялись въ сторону. «Я вижу, что вы говорите согласно съ Евангеліемъ, но наказываютъ то васъ не за это, а за разныя дурныя дѣла и неповиновеніе», говорилъ онъ имъ, какъ добродушный полицейскій чиновникъ уличнымъ проповѣдникамъ, не допуская ихъ на каѳедру.

Кромвель не спускалъ даже и англиканскому духовенству. Однажды депутація лондонскихъ священниковъ явилась къ протектору жаловаться на то, что епископальное духовенство отбиваетъ у нихъ паству. «Вотъ какъ?!» сказалъ Оливеръ, обратившись къ офицеру, какъ бы для того, чтобы отдать приказаніе, но затѣмъ вдругъ опять спросилъ депутацію: «Какимъ же образомъ кавалеры отбиваютъ у васъ слушателей?»— «Своими проповѣдями», отвѣчали священники. «Такъ поступайте и вы такъ же», сказалъ Кромвель, предоставивъ депутаціи размышлять надъ сказаннымъ [1]). Терпимость Кромвеля не помѣшала, однако же, одному генералъ-майору засадить безобиднаго и добродѣтельнаго Іеремію Тейлора въ тюрьму.

Когда Мазарини (въ 1656 году) требовалъ отъ Англіи такой же терпимости къ католикамъ, какою пользовались протестанты во Франціи, то Кромвель отвѣчалъ ему, что и безъ того при протекторатѣ терпимость значительно возросла, по сравненію съ тѣмъ, что было при Долгомъ парламентѣ. «И я намѣренъ,—писалъ Кромвель,—идти по этому пути далѣе, какъ только всѣ препятствія будутъ устранены; но при настоящихъ обстоятельствахъ я не могу—пожалуй, даже не долженъ — удовлетворить вашему желанію вполнѣ. Я не могу публично высказать мое мнѣніе на этотъ счетъ.»

Какъ власть исполнительная, руководящая поступками англійскихъ гражданъ, протекторъ былъ ограниченъ только совѣтомъ, но властью надъ чувствами и мнѣніями націи онъ совсѣмъ не обладалъ и руководителемъ душъ не былъ. Между тѣмъ чувства эти постоянно и со страшной злобою были направлены противъ папистовъ. Какъ въ 1651 году въ Тибурнѣ былъ повѣшенъ и четвертованъ вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками католическій священникъ Питеръ Райтъ, обвиненный въ совращеніи правовѣрныхъ, такъ и въ 1654 году потерпѣлъ ту же самую кару, за такое же преступленіе, семидесятидвухлѣтній старецъ Джонъ Саутвортъ. Въ 1655 году было издано строгое подтвержденіе законовъ, направленныхъ противъ іезуитовъ, католическихъ священниковъ и ихъ паствы вообще. Благоразумные люди, въ родѣ Уайтлока, считали его ненужнымъ, изъ него ничего не вышло, но все же оно было издано. Наконецъ, въ 1657 году тѣ же самые индепенденты, политическое существованіе которыхъ началось съ протеста въ пользу терпимости, издали актъ, въ силу котораго каждый достигшій шестнадцатилѣтняго возраста и подозрѣваемый въ папизмѣ, долженъ былъ или отречься отъ главныхъ догматовъ католической церкви, или потерять двѣ трети своей собственности. Несмотря на всю свою вѣротерпимость, протекторъ не могъ отказаться подписать этотъ подлый законъ, который былъ, впрочемъ, послѣднимъ законодательнымъ актомъ Кромвелевскаго парламента.

Евреи были формально изгнаны изъ Англіи еще съ конца тринадцатаго столѣтія, но все же они проживали въ большинствѣ графствъ и городовъ. Шекспиръ и Марлоу писали ихъ темными красками въ своихъ произведеніяхъ, но это не помѣшало тому же Шекспиру вложить въ уста своего «Шейлока» самый патетическій протестъ противъ религіозной ненависти. Пуританизмъ былъ весь пропитанъ идеями, выраженіями и чувствами, заимствованными изъ еврейскихъ священныхъ книгъ. Роджеръ Вильямсъ, одинъ изъ неутомимѣйшихъ адвокатовъ вѣротерпимости, изъ всѣхъ силъ боролся для того, чтобы опрокинуть предразсудокъ, отгораживающій еврея отъ христіанина. Даже такіе суровые люди, какъ Уэлли, ясно видѣли религіозную и политическую необходимость допустить евреевъ въ страну, такъ какъ они содѣйствуютъ ея благосостоянію и легко принимаютъ христіанство. Самъ Кромвель вполнѣ искренно держался того же мнѣнія; но хотя вопросъ о допущеніи евреевъ обсуждался въ совѣтѣ вполнѣ покойно и безпристрастно, мнѣнія

[1]) Neal, 501.

Digitized by Google

членовъ все-таки раздѣлились. Въ концѣ концовъ Кромвель оказался въ силахъ дать лишь нѣсколько личныхъ дозволеній да допустить устройство маленькой синагоги и кладбища. Этого, впрочемъ, совершенно достаточно для того, чтобы мы видѣли его стоящимъ на сторонѣ свободы, снисходительности и просвѣщенія.

Терпимость пуританъ не простиралась такъ далеко. Неблагодарно бы было съ нашей стороны забыть, чѣмъ мы обязаны какъ квакерамъ, такъ и индепендентамъ. Они въ самую критическую минуту выдвинули свободу совѣсти на первый планъ и вырыли для нея широкое русло. Но, во всякомъ случаѣ, потокъ вѣротерпимости, смягчивъ законы и народную душу, разлился по странѣ, благодаря возникавшему духу раціонализма, а не стараніямъ либеральныхъ англичанъ, въ родѣ Тейлора, латитудинаріевъ или либеральныхъ пуританъ, въ родѣ Кромвеля и Мильтона.

XXXVII.

Проектъ возстановленія королевскаго титула.

Тѣмъ временемъ подготовлялась новая и крайне поразительная сцена. Паденіе военнаго режима, постоянная смѣна заговоровъ, наконецъ, тотъ фактъ, что четыре года диктатуры нисколько не подвинули впередъ дѣло умиротворенія страны,—все это дало неудержимый толчокъ желанію попытать новые пути. Христофоръ Пакъ, дѣятельный и вліятельный представитель лондонскаго Сити, бывшій однажды лордомъ-мэромъ, удивилъ разъ палату (23-го февраля), попросивъ у нея позволенія внести проектъ новаго государственнаго строя, глава котораго носилъ бы титулъ короля, а парламентъ раздѣлялся на двѣ палаты. Предложеніе это было встрѣчено взрывомъ негодованія, и Пака даже поставили къ рѣшеткѣ давать отвѣтъ за свою дерзость. Но буря скоро улеглась, такъ какъ, въ сущности, умы членовъ парламента были уже подготовлены къ выслушанію такого предложенія. Палата почти тотчасъ же дозволила прочесть «Почтительнѣйшую петицію и совѣтъ» (The Humble Petition and Advice), какъ былъ названъ въ то время этотъ актъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ потомъ занимавшій вниманіе публики.

Чтобы Кромвель, при всей силѣ, сконцентрированной въ его рукахъ, былъ тутъ ни при чемъ,—это кажется мало вѣроятнымъ. Однако же, вся петиція оказалась строгой и открытой критикой самыхъ крупныхъ его дѣяній. Онъ превозносилъ Учредительный Актъ, сдѣлавшій его протекторомъ,—этотъ Актъ теперь совершенно отмѣнялся. Онъ распустилъ свой первый парламентъ за то, что тотъ тратилъ время на обсужденіе реформы конституціи,—но это же самое обсужденіе возникало теперь во второмъ парламентѣ и съ бо̀льшимъ противъ прежняго рвеніемъ. Онъ изобрѣлъ генералъ-майоровъ и собиралъ подати, не разрѣшенныя парламентомъ, — эта система подверглась теперь строгому осужденію, и согласіе парламента на взиманіе податей было обставлено въ проектѣ такими гарантіями, которыя могли удовлетворить самаго требовательнаго противника произвола. Всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ онъ заперъ дверь палаты передъ цѣлой сотней законнымъ образомъ выбранныхъ депутатовъ,—въ первомъ парламентѣ онъ такъ же требовалъ удаленія членовъ, которые не подписали декларацiи, признающей его власть. А теперь всѣ эти деспотическія дѣянія открыто признавались ошибочными и вредными. Въ проектѣ реформы предлагалось незыблемо установить, что члены парламента, законно избранные по свободному выбору, могутъ быть удаляемы только по суду и съ согласія той палаты, къ которой онъ принадлежалъ. Подстановка королевскаго титула вмѣсто титула протектора была, слѣдовательно, послѣднимъ дѣломъ въ предлагаемой реформѣ.

Кромвель медленно, обдуманно, послѣ долгаго періода колебаній и сомнѣній согласился принять проектъ къ разсмотрѣнію. Возстановленіе королевскаго титула было само по себѣ очень важно какъ въ глазахъ лицъ, которыя его добивались, такъ и въ глазахъ тѣхъ, которые противодѣйствовали. Сильными вліятельными сторонниками перемѣны титула были юристы,— сословіе, значеніе котораго даже во время революціонныхъ смутъ недостаточно еще сознается историками и политиками. Въ данномъ случаѣ юристы весьма убѣдительно доказывали необходимость возстановить королевскій титулъ. Единственное возраженіе, которое могъ бы противопоставить имъ Кромвель, состояло въ томъ, что протекторатъ успокоилъ страну, но именно этого-то возраженія

Digitized by Google

онъ представить и не имѣлъ права, такъ какъ смуты при протекторатѣ не прекращались. Ясно, стало быть, что и Кромвель, въ глубинѣ души сознавалъ, что юристы правы.

Но въ качествѣ государственнаго человѣка онъ долженъ былъ взвѣсить не только справедливость данной мѣры, но и средства къ ея выполненію. Онъ долженъ былъ подумать объ арміи, наиболѣе могущественной во всей Европѣ,—о той арміи, которую самъ же онъ въ теченіе девяти лѣтъ велъ отъ побѣды къ побѣдѣ, революціонный пылъ которой самъ раздѣлялъ. Какъ посмотритъ эта армія на своего вождя, если онъ рѣшится надѣть на себя аттрибуты сана и титула, противъ котораго она долго дралась и который привыкла считать эмблемой рабства и національнаго униженія, самимъ Господомъ Силъ проклятой и уничтоженной?

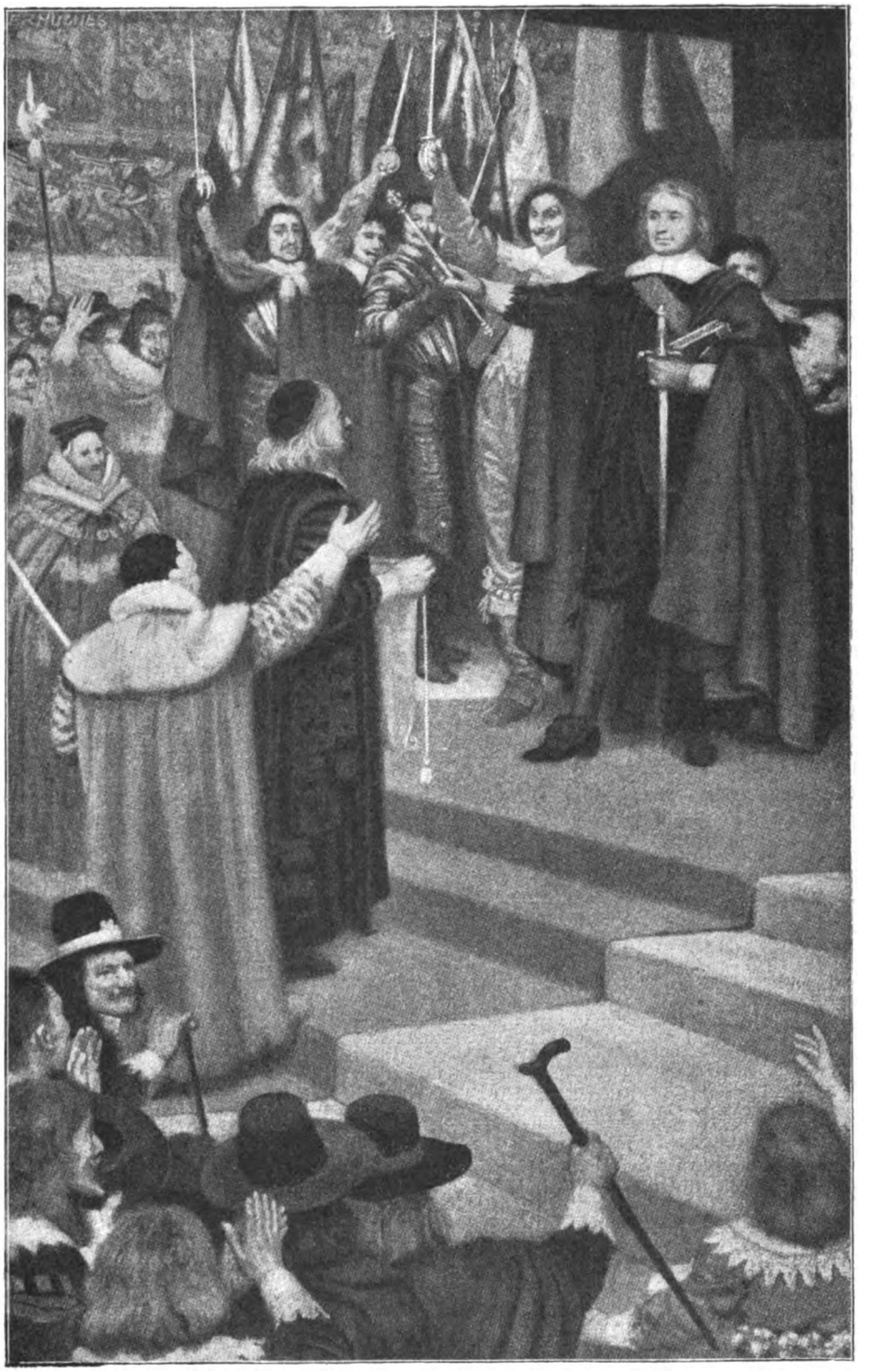
Со злобной торопливостью армія спѣшила уже показать свои зубы. Ламбертъ и другіе высшіе офицеры тотчасъ же высказались противъ проекта. Черезъ три дня послѣ заявленія Пака болѣе сотни изъ нихъ явилось къ Кромвелю требовать, чтобы онъ не принималъ короны, такъ какъ это не понравится и арміи, и всѣмъ благочестивымъ людямъ, навлечетъ несчастія на страну и на него самого, наконецъ, рано или поздно возстановитъ на престолъ изгнанную династію. Кромвель отвѣчалъ имъ вполнѣ искренно. На королевскій титулъ самъ онъ смотритъ такъ же, какъ они, считая его дѣтской игрушкой, перомъ на шляпѣ. Но не они ли первые заговорили объ этомъ титулѣ въ Учредительномъ Актѣ? При этомъ Кромвель взглянулъ на Ламберта, дѣйствительно внесшаго въ 1653 году то предложеніе, противъ котораго онъ теперь такъ сильно возставалъ. Затѣмъ Кромвель заявилъ, что онъ уже усталъ быть вѣчнымъ работникомъ, всегда пускаемымъ въ первую голову, причемъ весьма странно освѣтилъ все прошлое. По его словамъ, они заставили его распустить Долгій парламентъ; они потомъ устроили протекторатъ, границы котораго столь неопредѣленны, что онъ легко перешелъ въ диктатуру; они заставили его морить съ голоду духовенство, и они же, наконецъ, разогнали первый парламентъ за попытку перестроить конституцію, какъ будто бы она не нуждалась въ перестройкѣ. Имъ были нужны генералъ-майоры; но когда генералъ-майоры явились, имъ потребовался парламентъ. Кромвель не соглашался на созывъ послѣдняго, но они увѣрили его, что проведутъ выборы какъ по командѣ, согласно желанію арміи. Всѣмъ извѣстно, насколько это не удалось и насколько оскорбило всю страну.

Такой потокъ упрековъ поможетъ намъ, между прочимъ, объяснить себѣ одно замѣчаніе Генри Кромвеля, высказанное имъ Людлоу на прогулкѣ въ загородномъ домѣ послѣдняго, около Монкстауна, въ Дублинскомъ заливѣ. «Вы здѣсь можете думать,—сказалъ онъ,—что вся власть находится въ рукахъ моего отца, а они тамъ, въ Лондонѣ, дѣлаютъ изъ него—что хотятъ.»

Упреки Оливера произвели то впечатѣніе, на которое онъ разсчитывалъ. Время было выиграно, и компромиссъ найденъ. Вопросъ о королевскомъ титулѣ отложили до конца преній и занялись разсмотрѣніемъ самыхъ существенныхъ параграфовъ петиціи Пака, а когда это было сдѣлано, то титулъ прошелъ (марта 25-го) большинствомъ 123 надъ 62. Дебаты кончились въ палатѣ къ концу марта (1657 г.), и въ послѣдній день этого мѣсяца новая конституція, написанная на пергаментѣ, была поднесена протектору въ Уайтхоллѣ. Тономъ полнымъ достоинства и не безъ паѳоса онъ отвѣчалъ, что конституція накладываетъ на его плечи тяжесть, которой никогда не носилъ ни одинъ человѣкъ; что онъ вообще, можетъ быть, не далекъ уже отъ могилы и что уже лучше бы было ему совсѣмъ не родиться на свѣтъ, чѣмъ сдѣлать теперь какую-нибудь непоправимую ошибку. Въ виду всего этого онъ просилъ дать ему время на размышленіе.

Начался рядъ конференцій и переговоровъ, сомнѣній, убѣжденій, откладываній и пережевываній, продолжавшихся весь апрѣль мѣсяцъ. Рѣчи Кромвеля оказывались «темными и уклончивыми», что̀ и не удивительно; онъ пользовался, разумѣется, всякимъ поводомъ уклониться отъ опредѣленнаго отвѣта. Одно изъ тогдашнихъ его изреченій стало даже знаменитымъ. На чей-то вопросъ (13-го апрѣля) онъ отвѣчалъ, что принялъ санъ протектора не столько въ надеждѣ принести странѣ какое-нибудь добро, сколько изъ желанія предупредить въ ней зло: «Я, право, часто думаю, что не могъ бы сказать, въ чемъ состоитъ моя задача и что̀ я собою представляю, если бы не считалъ себя простымъ, добросовѣстнымъ констеблемъ, изъ

Digitized by Google



Второе провозглашеніе Кромвеля.
(Рис. Юга).

Digitized by Google

всѣхъ силъ заботящимся о спокойствіи въ своемъ приходѣ.»

Долго ли, коротко ли,— Кромвель конфиденціально заявилъ, наконецъ, нѣкоторымъ членамъ парламента, что рѣшился принять конституцію вмѣстѣ съ титуломъ. Тогда Ламбертъ, Десборо и Флитвудъ предупредили его, что если онъ это сдѣлаетъ, то они вмѣстѣ со многими другими военными офицерами устранятся отъ всякой государственной службы. Встрѣтившись съ полковникомъ Прайдомъ, Десборо сообщилъ ему, что Кромвель принимаетъ корону.

— Ну, этого онъ не сдѣлаетъ, — отвѣчалъ неунывающій Прайдъ.

— Какъ же ты ему помѣшаешь?

— Составь петицію по этому поводу, и я помѣшаю.

Петиція была составлена и, какъ разъ въ тотъ день, когда палата ожидала рѣшительнаго отвѣта отъ Кромвеля, къ ея рѣшеткѣ явилась группа изъ двадцати семи офицеровъ, съ просьбой не настаивать на возстановленіи королевскаго титула. Вѣра Прайда въ эффектъ такой ремонстранціи оправдалась. Когда слухъ о смѣлой выходкѣ офицеровъ, направленной и противъ Кромвеля, и противъ парламентскаго большинства, достигъ Уайтхолла, то протекторъ страшно разсердился, называя ее нарушеніемъ привилегій и величайшимъ оскорбленіемъ, когда-либо ему нанесеннымъ. Онъ послалъ за Флитвудомъ и разразился упреками въ томъ, что тотъ допустилъ офицеровъ зайти такъ далеко, прекрасно зная, что протекторъ безъ согласіи арміи и такъ бы не принялъ королевскаго титула. Въ заключеніе Кромвель просилъ Флитвуда немедленно отправиться въ Вестминстеръ, остановить обсужденіе петиціи офицеровъ и пригласить палату въ Уайтхоллъ для полученія рѣшительнаго отвѣта отъ протектора.

Палата явилась въ полномъ составѣ. Кромвель далъ ей отвѣтъ въ краткой и сильной рѣчи, въ которой заявилъ, что принялъ бы королевскій титулъ лишь сомнѣваясь и нерѣшительно, а гдѣ есть сомнѣніе—тамъ нѣтъ вѣры. «Я не могу,— сказалъ онъ, —принять обязанности правителя съ титуломъ короля; въ этомъ и состоитъ мой отвѣтъ по поводу такого великаго и важнаго дѣла.» Онъ не сказалъ ничего болѣе, но всѣ поняли, что онъ глубоко оскорбленъ, и оскорбленъ друзьями. И Кромвель не забылъ этого оскорбленія, отмѣтивъ въ своемъ сердцѣ всѣхъ, кто нанесъ его. Ламбертъ почти тотчасъ же получилъ отставку.

Процедура реформы конституціи продолжалась въ парламентѣ, и 26-го іюня Оливеръ торжественно былъ провозглашенъ протекторомъ по новому закону. Хотя королевскій титулъ въ этомъ законѣ отсутствовалъ, но церемоніалъ провозглашенія указывалъ на превращеніе военнаго диктатора, а затѣмъ протектора республики въ конституціоннаго монарха. Въ верхнемъ концѣ Вестминстеръ-Холла былъ приготовленъ богатый помостъ, подъ которымъ стоялъ шотландскій коронаціонный тронъ, нарочно привезенный изъ аббатства. На столѣ, передъ трономъ, лежали: великолѣпно переплетенная Библія, скипетръ и мечъ Республики. Когда вошелъ лордъ-протекторъ, то спикеръ палаты, отъ имени парламента, облекъ его въ бархатную пурпуровую мантію, опоясалъ государственнымъ мечомъ, далъ ему въ руки массивный золотой скипетръ и принесъ присягу на вѣрность новой конституціи. Затѣмъ, послѣ молитвы, Кромвель, при звукахъ трубъ и привѣтственныхъ кликахъ толпы, наполнявшей залъ, сѣлъ на тронъ, держа скипетръ въ правой рукѣ и имѣя по бокамъ: съ одной стороны—посланника Людовика XIV, съ другой — голландскаго посланника. «Какое величественное зрѣлище, — говорилъ спикеръ, — видѣть лорда-протектора, одѣтаго въ пурпуръ, со скипетромъ въ рукахъ и мечомъ правосудія у чреслъ, съ глазами, устремленными на Библію! Да здравствуетъ же онъ на долгіе годы, на счастіе народа нашихъ странъ!» А между тѣмъ, не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Оливеръ говорилъ уже: «Могу сказать какъ передъ Господомъ Богомъ, передъ Которымъ всѣ мы не что иное, какъ черви, пресмыкающіеся по землѣ, что я скорѣе радъ бы жить въ хатѣ и пасти овецъ, чѣмъ стоять во главѣ такого правительства, какъ это.»

Протекторатъ иногда выставлялся какъ новая и оригинальная постановка вопроса о верховной власти парламента. Между тѣмъ, исторія протектората въ двухъ его фазахъ, по конституціямъ 1653 и 1657 года, скорѣе показываетъ постепенный возвратъ къ старой системѣ, чѣмъ что-либо новое. «Народное соглашеніе» 1649 года было воплощеніемъ идеи абсолютнаго главенства одной

Digitized by Google

избирательной палаты. «Учредительный Актъ» 1653 года представляетъ собою уже ограниченіе этого главенства единоличной исполнительной властью, къ которой прибавленъ консультативный совѣтъ, назначаемый сначала прямо, а потомъ лишь косвенно тою же единой палатой. «Почтительнѣйшая петиція и совѣтъ» 1657 года уже возстановляетъ монархическій принципъ и отнимаетъ у парламента право избирать въ будущемъ монарховъ. Присяга членовъ тайнаго совѣта обязываетъ ихъ вѣрностью персонѣ и власти лорда-протектора и его наслѣдниковъ, а самому протектору предоставлено болѣе чѣмъ королевское право назначать этихъ наслѣдниковъ. Съ другой стороны, совѣтъ или кабинетъ, при помощи котораго лордъ-протекторъ обязанъ управлять страною, назначается обѣими палатами и неизмѣнимъ безъ ихъ согласія. Протекторатъ, слѣдовательно, былъ окончательно установленъ (насколько конституціи вообще могутъ быть окончательными), хотя въ зачаточномъ видѣ, на тѣхъ же самыхъ принципахъ преобладанія законодательной власти надъ исполнительною и отвѣтственности министровъ, которые позднѣе развились въ современную систему парламентскаго правленія съ отвѣтственнымъ кабинетомъ.

Елизавета Буршье, жена Оливера Кромвеля.
(Съ портрета сэра Петера Лели).

Digitized by Google

XXXVIII.

Черты характера.

Удивительное счастіе, выпавшее на долю Кромвеля и благопріятствовавшее ему въ теченіе тѣхъ семнадцати лѣтъ, которыя онъ, бросивъ свою ферму, поля и стада, посвятилъ общественной жизни, не измѣнило, повидимому, его здравомыслящей натуры. Крупныя дѣла только расширили его кругозоръ; большая власть — укрѣпила волю; многообразныя сношенія со множествомъ разнохарактерныхъ людей, по самымъ разнороднымъ вопросамъ, развили въ немъ сдержанность, снисходительность, гибкость ума и умѣнье молчать; высокое положеніе выработало достоинство манеръ. Но основныя черты его натуры не измѣнились. Годы не заглушили въ немъ теплоты душевной и не вырвали изъ его сердца привязанностей— единственной отрады суроваго работника. Въ своей семьѣ онъ и во дни величія былъ такъ же нѣженъ, такъ же простъ, какъ и въ тѣ дни, когда жилъ въ провинціи простымъ помѣщикомъ. Весною 1654 года ему пришлось переѣхать въ Уайтхоллъ. «Жена его сначала была не особенно довольна этимъ переѣздомъ, но потомъ величіе ее утѣшило. Его мать, которую, по крайне уже преклоннымъ годамъ, никакое величіе соблазнить не могло, не вѣрила въ хорошій исходъ предпріятій сына и пугалась всякій разъ, когда слышала выстрѣлъ изъ мушкета; ей все казалось, что Оливера застрѣлятъ; ей было нужно видѣть его хоть разъ въ день.» Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ водворенія въ Уайтхоллѣ старушка скончалась. «Матушка нашего лорда-протектора,—пишетъ Тёрло,—вчера вечеромъ умерла, девяноста четырехъ лѣтъ отъ роду. Незадолго передъ кончиной она благословила сына въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Да обратитъ Господь лицо Свое на васъ и утѣшитъ васъ во всѣхъ несчастіяхъ и да дастъ вамъ силу совершить великія дѣла во славу Божію и на облегченіе судьбы народа. Дорогой сынъ мой! Сердце мое всегда съ тобою. Прощай!»

Письма Оливера къ женѣ полны нѣжной заботливости и теплаго чувства. «Мнѣ нѣтъ времени писать много,—пишетъ онъ ей изъ Денбара,—но я долженъ побранить тебя за то, что ты въ большинствѣ писемъ пишешь, чтобы я не забывалъ тебя и нашихъ малютокъ. Поистинѣ, мнѣ кажется, что я люблю васъ ужъ слишкомъ сильно. Ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ; этого съ тебя довольно.» Затѣмъ онъ говоритъ ей, какъ мы выше видѣли, что становится старъ и чувствуетъ, какъ старческія немощи его одолѣваютъ. Между тѣмъ, ему было немного больше пятидесяти, а союзъ ихъ продолжался уже тридцать лѣтъ. Семь мѣсяцевъ спустя Оливеръ пишетъ женѣ, что поправился физически. «Но это меня не удовлетворитъ, если не буду способенъ болѣе усердно служить Отцу моему Небесному и любить его... Молись за меня; я всякій день молюсь за тебя и за всѣхъ васъ, моихъ дорогихъ, да благословитъ васъ Всемогущій Богъ и осѣнитъ Своею благодатію... Поцѣлуй маленькихъ, Господь съ ними... Благодарю за письма, пиши почаще... Если Дикъ Кромвель съ женою будутъ у васъ, то поцѣлуй и ихъ. Я молюсь за нихъ; дастъ Богъ, они обо мнѣ услышатъ. Я ихъ обоихъ очень люблю. Право, не могу еще писать много. Усталъ и потому остаюсь вѣчно твой.»

Оливеръ, по словамъ Тёрло, всегда былъ очень нѣжнымъ и снисходительнымъ отцомъ. Ричардъ Кромвель, какъ извѣстно, не унаслѣдовалъ той энергіи, которая сдѣлала его отца «вождемъ людей». Будучи очень почтеннымъ человѣкомъ, любя соколиную и ружейную охоту, а также скачки, онъ бралъ жизнь такою, какою она ему давалась, а не строилъ ее самъ. Когда пришло время ему жениться, то Оливеръ, хотя весь ушедшій въ общественную жизнь, все же со своимъ обычнымъ благоразуміемъ принималъ большое участіе въ выборѣ невѣсты, въ устройствѣ имущественныхъ дѣлъ и будущей жизни молодыхъ. Генри Кромвель—энергичный солдатъ, разсудительный, тактичный и дальновидный администраторъ, тонкій и умный политикъ, съ 1655 года состоялъ главнокомандующимъ въ Ирландіи, и отецъ былъ о немъ такого высокаго мнѣнія, что уже въ 1657 году не задумался сдѣлать его, едва лишь тридцатилѣтняго молодого человѣка, лордомъ-депутатомъ послѣ Флитвуда. Этотъ послѣдній за пять лѣтъ передъ тѣмъ женился на Бриджетъ Кромвель, вдовѣ храбраго и остроумнаго Айртона. Любимой дочерью Оливера, говорятъ, была Елизавета, вышедшая замужъ за Клейполя, нортэмптонскаго дворянина, богатаго и изъ почтенной семьи.

Вскорѣ послѣ учрежденія второго протектората двѣ младшихъ дочери Кромвеля со-

Digitized by Google

ставили такія блестящія партіи, что завистникамъ оставалось только указывать на это какъ на поворотъ Оливера къ реакціоннымъ стремленіямъ. Лэди Мери, не достигшая еще двадцати одного года, вышла замужъ за лорда Фоконберга, а лэди Фрэнсисъ на той же недѣлѣ сочеталась бракомъ съ Робертомъ Ричемъ, внукомъ и наслѣдникомъ графа Варвика. Свифтъ разсказываетъ, какъ онъ встрѣтилъ лэди Фоконбергъ на крестинахъ въ 1710 году, за два года до ея смерти. Онъ говоритъ, что нашелъ ее очень похожей на портреты Оливера.

Черезчуръ требовательные люди находили Уайтхольскій дворъ слишкомъ распущеннымъ и фривольнымъ, но они называли фривольностью простое веселье, которое тогда дѣйствительно считалось смертнымъ грѣхомъ. Одинъ изъ голландскихъ пословъ въ 1654 году описываетъ придворную жизнь во время большихъ празднествъ, и описаніе это стоитъ привести: «...Церемоніймейстеръ явился за нами отъ Его Высочества въ половинѣ второго съ двумя каретами и повезъ насъ въ Уайтхоллъ, гдѣ двѣнадцать трубачей проиграли встрѣчу. Лэди Ньюпортъ и моя жена были тотчасъ же представлены Его Высочеству,—который принялъ насъ дружески. Поговоривъ немного, мы перешли въ другую комнату, гдѣ уже былъ накрытъ столъ. Его Высочество сѣлъ одинъ по срединѣ, лордъ В., N. и я сѣли на верхнемъ концѣ, а лордъ-президентъ Лоренсъ и другіе—рядомъ съ нами. Въ той же комнатѣ находился другой столъ, для лордовъ совѣта и прочихъ. За столомъ лэди Кромвель обѣдали: лэди N., моя жена, лэди Ламбертъ моя дочь и дочь лорда-протектора. За обѣдомъ все время играла музыка. Послѣ обѣда лордъ-протекторъ увелъ насъ въ другую комнату, куда скоро пришли и дамы. Тамъ мы пили вино и опять слушали музыку, между прочимъ, одинъ псаломъ. Его Высочество потомъ далъ его намъ, говоря, что это самая лучшая нота изъ тѣхъ, которыми мы съ нимъ обмѣнялись. Затѣмъ всѣ вышли на галлерею, къ рѣкѣ, гдѣ и гуляли съ Его Высочествомъ около получаса, послѣ чего простились и были отвезены домой такимъ же порядкомъ, какъ пріѣхали.»

Мэри Кромвель.
(Съ портрета Корнеля Янсена въ Chequers Court).

Бакстеръ разсказываетъ менѣе веселую исторію. Услыхавъ его проповѣдь, Кромвель прислалъ за нимъ. Знаменитый проповѣдникъ нашелъ протектора въ обществѣ Брогилля, Ламберта и Тёрло. «Кромвель началъ длинную и скучную рѣчь о роли Божествен-

Digitized by Google

наго Провидѣнія въ смѣнѣ правительства и о томъ, какъ Богъ все хорошо устроилъ, и какіе великіе успѣхи достигнуты уже во внутренней и внѣшней политикѣ, въ Испаніи и Голландіи.» Ламбертъ уснулъ, а Бакстеръ сталъ противорѣчить, нападая на смѣну правительства, Кромвель же горячо защищалъ ее. «Нѣсколько дней спустя,—продолжаетъ Бакстеръ,—онъ опять прислалъ за мной, чтобы выслушать мое мнѣніе о свободѣ совѣсти, за которую онъ будто бы боролся со всѣмъ своимъ тайнымъ совѣтомъ. Послѣ новой и столь же скучной его рѣчи я высказалъ свое мнѣніе. И когда двое изъ его компаніи произнесли тоже по столь же длинной и скучной, но еще болѣе безтолковой рѣчи, на что ушло четыре-пять часовъ времени, то я сказалъ ему, что если онъ желаетъ, то я могъ бы изложить свое мнѣніе письменно, на двухъ листочкахъ, причемъ сказалъ бы болѣе, чѣмъ проговоривъ такимъ образомъ нѣсколько дней.» Можно повѣрить, что это такъ бы и было. Такое было время—время длинныхъ рѣчей и экстатическихъ упражненій.

Джонъ Хоу, очень понравившійся Кромвелю тѣмъ, что, проговоривъ два часа, перевернулъ клепсидръ на третій, разсказываетъ, что онъ всегда по воскресеньямъ начиналъ службу въ девять часовъ утра, причемъ порядокъ ея былъ такой: четверть часа—молитва о ниспосланіи благословенія на дневной трудъ; три четверти часа—чтеніе Св. Писанія; затѣмъ часъ—молитва, часъ—проповѣдь, полъ-часа—молитва; затѣмъ проповѣдникъ удалялся на четверть часа или болѣе, чтобы подкрѣпиться, а народъ тѣмъ временемъ пѣлъ псалмы; вернувшись, проповѣдникъ входилъ на каѳедру и въ теченіе часа читалъ молитву, потомъ проповѣдовалъ около часа и затѣмъ опять молился полъ-часа. Служба оканчивалась только къ четыремъ часамъ.

Фрэнсисъ Кромвель (мистрисъ Ричъ, потомъ лэди Руссель). (Съ портрета Джона Рилея).

XXXIX.

Внѣшняя политика.

Всѣ мы учили, что значительную часть исторіи составляютъ разсказы объ иллюзіяхъ государственныхъ людей. Принадлежала ли внѣшняя политика Кромвеля къ числу такихъ иллюзій? На вопросъ о томъ, какова была эта политика, въ краткихъ словахъ отвѣчать нельзя, хотя главной своей цѣлью Кромвель всегда выставлялъ единство протестантскихъ интересовъ во всемъ мірѣ, съ Англіей въ роли авангарда. Въ немъ самомъ цѣль эта по обыкновенію установилась импульсивно, по наитію. Но, къ несча-

Digitized by Google

стію, при международныхъ сношеніяхъ нашіе не можетъ служить хорошимъ маякомъ, такъ какъ не соотвѣтствуетъ натурѣ тѣхъ дѣлъ, которыми приходится заниматься. Насколько въ этихъ дѣлахъ были затронуты національные интересы, Кромвель слѣдовалъ той же политикѣ, что̀ и республика до протектората. А то, что выходило за предѣлы національныхъ интересовъ и было любимымъ дѣтищемъ самого протектора, то, несмотря на свое величіе и внушительность, едва ли принесло какую-нибудь пользу не только государству, но и дѣлу протестантизма.

Въ началѣ протектората Оливеръ стремился къ миру. Республика затѣяла войну съ Голландіей, и первымъ дѣломъ Кромвеля, когда власть попала въ его руки, было прекращеніе этой войны (апрѣль 1654 г.). Первое сообщеніе Оливера парламенту касалось заключенія мирныхъ договоровъ не только съ Голландіей, но и съ Швеціей, Даніей, Португаліей. Эти договоры были не только коммерческими, но и вообще дружескими, хотя дружба съ Голландіей не могла быть особенно сердечною. «Миръ,—говорилъ Кромвель, употребляя условныя выраженія, теперь уже окончательно изношенныя отъ безпрестаннаго повторенія людьми, вооруженными съ головы до ногъ, передъ началомъ каждой войны,—миръ долженъ быть всеобщимъ постольку, поскольку онъ совмѣстимъ съ требованіями чести и совѣсти». Но по мѣрѣ того, какъ шло время, въ его умѣ появились стремленія не къ миру, а къ энергичной борьбѣ. Онъ сталъ переходить къ политикѣ преобладанія на моряхъ, выдвинутой Долгимъ парламентомъ. Даже въ договорѣ съ Голландіей въ 1654 году проглядываетъ сознаніе силы и рѣшимость воспользоваться ею. Эта политика имѣла двѣ цѣли, духовную и матеріальную. Протекторъ намѣревался, съ одной стороны, поднять значеніе протестантизма въ Европѣ, а, съ другой, доставить англійскимъ судамъ и англійской торговлѣ преобладаніе на моряхъ. Соединеніе протестантскихъ церквей давно уже было мечтою многихъ правовѣрныхъ идеалистовъ, но Кромвель воплотилъ эту мечту, связавъ ее съ матеріальными интересами могущественной націи. По духу выходило нѣчто похожее на идею арабовъ, за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ вторгшихся въ Европу съ мечомъ въ одной рукѣ и кораномъ—въ другой для того, чтобы покорить и обратить. Говорятъ, что если бы Кромвель пожилъ подольше, то его континентальная политика послужила бы зародышемъ чего-нибудь очень крупнаго,—напримѣръ, созданія протестантскаго военнаго союза, столь же могущественнаго, какъ Испанская монархія въ началѣ столѣтія, а для Англіи это было

Елизавета Кромвель (мистриссъ Клейполь).
(Съ миніатюры Кросса въ Виндзорскомъ дворцѣ).

Ричардъ Кромвель.
(Съ миніатюры Госкинса въ Виндзорскомъ дворцѣ).

Digitized by Google

бы эпохой если не счастія, то величія и преобладанія. Нѣтъ, однако же, никакихъ основаній предполагать, что Оливеръ увлекался такимъ планомъ и хотѣлъ жертвовать счастіемъ націи ея величію. Эта тщеславная политика досталась въ удѣлъ слѣдующему поколѣнію французовъ, руководимыхъ Людовикомъ XIV—Солнцемъ, которое тогда только еще показалось изъ-за горизонта. Совершенно справедливо говоритъ Гардинеръ, что проживи Оливеръ еще двадцать лѣтъ, которыя, по мнѣнію его поклонниковъ, нужны были для осуществленія всѣхъ его плановъ, то противъ Англіи и ея протектора составилась бы такая же европейская коалиція, какъ противъ Людовика и Франціи.

По заключеніи мира съ Голландіей (іюнь 1654 г.), правительство оказалось стоящимъ во главѣ ста шестидесяти «прекрасныхъ судовъ, спущенныхъ на море». Протекторъ и его совѣтъ дебатировали вопросъ о томъ, какъ воспользоваться этою силой: оставить ли ее пока въ покоѣ или пустить въ какое-нибудь отважное предпріятіе, направленное противъ одной изъ могущественнѣйшихъ въ тогдашнее время націй—Франціи или Испаніи; наконецъ, не лучше ли будетъ продавать свою дружбу той или другой изъ нихъ, за хорошій кушъ? Ламбертъ стоялъ противъ аггрессивной политики въ испанской Индіи. Театръ военныхъ дѣйствій былъ слишкомъ далекъ, по его мнѣнію; стоимость войны не опредѣлена надлежащимъ образомъ; протестантскаго дѣла эта война впередъ не подвинетъ; наконецъ, дома слишкомъ много работы: реформа законовъ, конституція Ирландіи и другія важныя дѣла, ждущія своей очереди. Былъ ли Ламбертъ одинокъ въ совѣтѣ или его поддерживало большинство,—мы не знаемъ. Но Кромвель съ нимъ не соглашался. Богъ призвалъ Англію, говорилъ протекторъ, не къ тому только, чтобы заниматься домашними дѣлами, а къ работѣ, совмѣстной со всѣмъ свѣтомъ; и если теперь отложить эту работу въ ожиданіи еще большаго накопленія силъ, то она никогда не будетъ сдѣлана. Обладаніе стошестьюдесятью судами есть несомнѣнное указаніе Провидѣнія. Предпріятіе будетъ стоить немногимъ дороже простого содержанія судовъ, а между тѣмъ можетъ принести громадныя выгоды. Все подвергнуто было тщательному обсужденію: хозяйничанье испанцевъ въ серебряныхъ копяхъ, ихъ кораблестроительство и кораблевожденіе, выгоды, получаемыя ими отъ колоніальной политики,—однимъ словомъ, все то, что двумя поколѣніями раньше при Дрэкѣ и Гаукинсѣ заставило Англію предпринять первыя ея экспедиціи противъ Испаніи и создало ея морскую силу.

Съ точки зрѣнія современнаго международнаго права, государственный совѣтъ съ Оливеромъ во главѣ, разсуждающій о выгодности захвата Вестъ-Индіи, походитъ на совѣтъ корсаровъ съ ножами и пистолетами за поясомъ, рѣшающихъ судьбу купеческаго судна, показавшагося на горизонтѣ. Но современное международное право, пожалуй, тоже бы отказало въ своемъ покровительствѣ колоніальной политикѣ Испаніи, такъ какъ она ввела въ колоніяхъ инквизицію и силою противилась свободѣ мореплаванія. Это обстоятельство могло послужить законнымъ поводомъ къ войнѣ. Трудно, однако же, судить, какой поводъ имѣло въ виду англійское правительство. Историки могутъ вести безконечные споры о томъ, была ли Вестъ-Индская экспедиція затѣяна съ единственной цѣлью завоевать рынокъ, увеличить свои владѣнія, даже просто разграбить серебряные рудники, или ея цѣлью была величественная протестантская демонстрація. Въ тѣ времена духовное и плотское страннымъ образомъ перемѣшивались другъ съ другомъ. «Мы, съ надеждою взирающіе на Сіонъ,—писалъ одинъ бравый адмиралъ-анабаптистъ тогдашняго времени,—мы должны дождаться христіанскаго общенія со всѣми. Пушки наши готовы.» Случайно или преднамѣренно, но за выполненіемъ великихъ политическихъ плановъ всегда слѣдовалъ грабежъ.

Для того, чтобы усыпить подозрѣнія испанскаго короля, протекторъ увѣрялъ его, что посылка флота въ Средиземное море не скрываетъ за собою никакихъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ друзьямъ и союзникамъ, «къ числу которыхъ принадлежитъ и Ваше Величество» (5-го августа 1654 г.). Если бы король могъ слышать дебаты совѣта, то едва ли бы повѣрилъ такому заявленію.

Первымъ шагомъ Кромвеля на новомъ пути была посылка одной эскадры подъ начальствомъ Блэка въ Средиземное море, а другой, подъ начальствомъ Пэнна и Винэбля, къ берегамъ Вестъ-Индіи. Обѣ полу-

Digitized by Google

чили инструкціи, направленныя не только противъ испанцевъ, но и противъ французовъ. Появившись въ Средиземномъ морѣ, Блэкъ напугалъ и Францію, и Испанію, и папу, а, между прочимъ, напалъ на варварійскихъ пиратовъ. Экспедиція въ Санъ-Доминго была неудачна, потому что ее плохо задумали, плохо обставили и плохо вели. Впавшіе въ немилость вожди этой экспедиціи, желая поддержать свою репутацію, овладѣли Ямайкой. Такое дѣяніе вовлекло Англію въ сферу великаго европейскаго конфликта того времени и заставило ее участвовать въ томъ новомъ распредѣленіи могущества въ Европѣ, которымъ отличается средина семнадцатаго столѣтія. Со временъ Елизаветы столкновеніе на моряхъ еще не вело непремѣнно къ войнѣ, такъ какъ владѣніе колоніями и морскими путями не было окончательно установлено. Но Кромвель все-таки не имѣлъ права удивляться, когда Филиппъ посмотрѣлъ на аггрессивное поведеніе англичанъ въ Индіи, какъ на вызовъ. А прямымъ послѣдствіемъ такого его отношенія къ дѣлу была дѣятельная помощь изгнанной династіи. Весною 1656 года Филиппъ IV формально обязался содѣйствовать реставраціи и переправѣ роялистской арміи изъ Фландріи въ Англію.

Съ отреченіемъ Карла V могущество Испаніи начало, однако же, колебаться. Около средины семнадцатаго столѣтія отъ нея оторвалась Португалія; въ Италіи владычество ея потрясалось бунтами; Каталонія открыто возстала; соединенныя провинціи окончательно отвоевали свою независимость; вслѣдствіе варварскаго изгнанія мавровъ и евреевъ Испанія потеряла три милліона самаго промышленнаго населенія; морское ея могущество приходило къ концу. Филиппъ IV, восшедшій на испанскій престолъ незадолго до воцаренія Карла I въ Англіи и сошедшій съ этого престола въ могилу немного спустя послѣ воцаренія Карла II, былъ, правда, прозванъ льстецами великимъ, но это величіе, по словамъ испанскаго юмориста, «было подобно канавѣ: чѣмъ больше ее раскапываешь, тѣмъ она становится больше.» Вестфальскій трактатъ (1648 г.),— плодъ трудовъ и генія Ришелье, хотя имъ воспользовались другіе,—ослабилъ силу германской вѣтви дома Габсбурговъ, и Мазарини,— второй изъ знаменитыхъ кардиналовъ, сорокъ лѣтъ управлявшихъ Франціей,—былъ занятъ теперь борьбою съ испанской его вѣтвью. Въ этой борьбѣ между двумя государствами, кромѣ внѣшнихъ враговъ, разъѣдаемыми и внутреннимъ несогласіемъ, Англія, по учрежденіи въ ней республики, могла явиться факторомъ рѣшающимъ, почему Испанія и поспѣшила признать республику. Завладѣвъ властью, Кромвель, какъ мы видѣли, долго колебался между Испаніей и Франціей. Традиціонная политика указывала ему на Францію, которая хотя и была страной католической, но со времени Франциска I величайшіе изъ ея государственныхъ людей, включая Генриха IV и Ришелье, благопріятно относились къ германскимъ принцамъ и протестантскимъ властямъ вообще не во имя вѣры, конечно, а просто потому, что эти власти были врагами императора, главы католической партіи въ Европѣ.

Мазарини постарался заручиться Кромвелемъ съ минуты его тріумфальнаго возвращенія изъ Вэрстера. Способность примѣняться ко вновь возникающимъ требованіямъ, искусно разыгрывать все новыя и новыя партіи есть отличительный признакъ генія. Надѣясь встрѣтить въ Кромвелѣ грубаго солдата, котораго счастіе и храбрость выдвинули на первый планъ, Мазарини наткнулся на политика, такого же хитраго, гибкаго, выдержаннаго и способнаго, какимъ былъ самъ. Заносчивая требовательность Англіи и высокомѣріе лорда-протектора никогда не раздражали Мазарини, о которомъ Минье совершенно справедливо сказалъ, что самолюбіе его стоитъ выше себялюбія и что онъ обладаетъ объективнымъ хладнокровіемъ, дающимъ ему возможность смотрѣть на враговъ не какъ на нѣчто ненавистное, а просто какъ на препятствія, подлежащія устраненію. Одно время ходили слухи, довольно неосновательные, однако же, что Мазарини желалъ выдать одну изъ своихъ племянницъ за второго сына Оливера. Годами шла игра между главою пуританъ, считающимъ англійскую націю избраннымъ народомъ Божіимъ, и италіанскимъ кардиналомъ, провозглашавшимъ, что хотя онъ и не французъ, но у него сердце французское. Дипломатія Мазарини сообразовалась съ колебаніями политической карьеры Кромвеля; отношенія между этими двумя государственными людьми становились теплѣе или холоднѣе, смотря по тому, упрочивалась ли или ослаблялась

Digitized by Google

власть послѣдняго изъ нихъ. Оба были, впрочемъ, людьми здраваго смысла, и дружба ихъ не нарушалась въ теченіе шести или семи лѣтъ, подобно той гораздо болѣе плодотворной дружбѣ, которая въ слѣдующемъ столѣтіи цѣлыхъ двадцать лѣтъ соединяла сэра Роберта Вальполя съ кардиналомъ Флёри. Французскій писатель, извѣстный какъ историкъ и государственный дѣятель (Гизо), совершенно справедливо говоритъ о такихъ отношеніяхъ, при которыхъ противники, знающіе, что не могутъ ни надуть, ни испугать другъ друга, поступаютъ просто и откровенно,—какъ о высшемъ искусствѣ государственнаго человѣка. Въ данномъ случаѣ одинъ изъ двухъ противниковъ—Кромвель былъ жестче, менѣе гибокъ и не обладалъ той любезностью, подъ которой италіанецъ часто скрывалъ хитрость и твердость. Но оба прекрасно видѣли затруднительность положенія другъ друга, и ни одинъ не ожидалъ отъ другого рѣшительныхъ поступковъ и непреклоннаго шествованія по прямому пути. Мазарини очень рано понялъ желаніе Кромвеля стать покровителемъ гугенотовъ во Франціи и протестантовъ во всей Европѣ. Весною 1655 года избіеніе послѣднихъ въ Пьемонтѣ подняло въ Англіи волну страсти, которая до сихъ поръ еще дрожитъ въ сонетахъ Мильтона, и дало толчокъ къ осуществленію такого желанія. Ни въ какое другое время своей жизни не былъ Кромвель проникнутъ такимъ энтузіазмомъ. Пьемонтскія злодѣйства затронули самыя чуткія струны его души, а помимо этого давали прекрасный поводъ реализировать политику конфедераціи протестантовъ во всей Европѣ, съ Англіей во главѣ и Франціей въ качествѣ союзника. «Грѣхомъ было бы,—говорилъ онъ,—относиться къ такимъ дѣяніямъ безучастно, но еще большій грѣхъ—смотрѣть на нихъ сквозь пальцы, изъ личнаго расчета.» Дѣло стало его личнымъ, а потому было направлено въ высшей степени прямолинейно. Помощь Франціи была обезпечена, благодаря его давленію, хотя Мазарини не безъ коварства сохранилъ за собою первое мѣсто.

Ни одинъ изъ правителей Англіи никогда не игралъ такой благородной роли, какъ Кромвель въ дѣлѣ Водуа, и, конечно, всѣ лучшія чувства націи были за него. Онъ сказалъ французскому послу, что несчастія бѣднаго пьемонтца близки его сердцу, какъ горе самаго близкаго родственника, и доказалъ свою искренность богатымъ пожертвованіемъ въ фондъ, образованный для помощи пострадавшему населенію. Никогда концепція могущественнаго государства, помимо интересовъ имѣющаго и обязанности, не была столь великодушно проявлена. Пришло время государственному совѣту обзавестись картой Европы и поставить глобусъ на своемъ столѣ. Представитель Венеціи въ Лондонѣ въ 1655 году заявлялъ, что дворъ протектора принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ въ Европѣ: шесть королей прислали пословъ искать его дружбы. Все это величіе было, въ глазахъ Кромвеля, доказательствомъ вліянія, завоеваннаго протестантизмомъ въ средѣ давно уже установившихся европейскихъ государствъ, что̀ и было бы справедливо, если бы основы всего дѣла были болѣе прочны и разумны.

Война съ Испаніей, въ которую Англія была вовлечена аггрессивнымъ поведеніемъ своего флота въ Вестъ-Индіи, не возбуждала особаго энтузіазма въ публикѣ. Парламентъ не осудилъ войны, но и не выказалъ особой готовности давать на нее деньги. Дѣло въ томъ, что торговля съ Испаніей виномъ, масломъ, сахаромъ, фруктами, кошенилью и серебромъ была для Англіи гораздо важнѣе торговли съ Франціей. Достойно замѣчанія, что Долгій парламентъ относился враждебно только къ Голландіи, а съ Испаніей былъ очень любезенъ; то же самое можно сказать и относительно Малаго парламента, и относительно Кромвеля въ началѣ его правленія. Съ другой стороны, привычка англичанъ мысленно отождествлять Францію съ Маріей Стюартъ, съ женой Карла I, съ безконечными ссорами и войнами въ отдаленномъ прошломъ—дѣлала для нихъ эту страну болѣе ненавистной, чѣмъ Испанія съ ея святой инквизиціей и религіозными гоненіями. Въ общественномъ мнѣніи испанская Армада болѣе чѣмъ уравновѣшивалась Варѳоломеевской ночью, которую Бёрлей называетъ величайшимъ преступленіемъ послѣ распятія Спасителя. Но ни общественное мнѣніе, ни недостатокъ въ деньгахъ не помѣшали энергичному веденію войны. Блэкъ, будучи республиканцемъ, все-таки вѣрно служилъ и протектору до тѣхъ поръ, пока, прославившись своими побѣдами и утомленный долговременной службой, не умеръ, достигнувъ Плимута (1657 г.).

Digitized by Google

Въ октябрѣ 1655 года Мазарини довелъ Кромвеля до заключенія Вестминстерскаго договора, хотя этотъ договоръ не могъ еще считаться союзомъ. Обѣ стороны обязывались только, во-первыхъ, сдерживать своихъ моряковъ, которые издавна враждовали другъ съ другомъ; во-вторыхъ, взаимно уничтожить нѣкоторыя стѣснительныя судовыя пошлины и вообще ввести болѣе порядка въ свои отношенія на морѣ. Въ секретномъ параграфѣ содержалось еще обѣщаніе взаимно выдавать другъ другу политическихъ эмигрантовъ. Этотъ трактатъ избавлялъ Мазарини отъ заботъ объ огражденіи себя со стороны Англіи и развязывалъ ему руки для борьбы съ Испаніей.

Только въ мартѣ 1657 года сдѣланъ былъ новый шагъ по тому же пути, то-есть состоялось заключеніе Парижскаго трактата. Это было началомъ новой фазы въ политикѣ протектора. Отнынѣ онъ прямо обязывался принимать активное участіе въ континентальныхъ дѣлахъ и получалъ точку опоры въ Европѣ.

Англійская армія была переправлена черезъ проливъ, и молодой французскій король съ большимъ интересомъ произвелъ смотръ тѣмъ желѣзнымъ людямъ, которые прогнали съ трона и казнили его дядю. Тюреннь, знаменитый маршалъ, протестантъ по крови Оранскаго дома, текущей въ его жилахъ, но страннымъ образомъ предназначенный къ тому, чтобы служить орудіемъ величайшаго преступленія того времени, отозвался о Кромвелевскихъ войскахъ какъ о лучшихъ въ свѣтѣ. Вскорѣ послѣдовало взятіе Мардайка, который въ октябрѣ 1657 года былъ сданъ англійскому представителю. Это былъ первый опорный пунктъ пріобрѣтенный Англіей на континентѣ со времени потери Калэ, сто лѣтъ тому назадъ. Очередь Дюнкирхена наступила въ слѣдующемъ году. Слава, завоеванная тогда англійскимъ оружіемъ, принадлежитъ уже позднѣйшему времени.

Оливеръ Кромвель.
(Статуя Харриса Торникрафта).

Въ концѣ 1655 года Кромвель говорилъ агенту электора, что онъ призванъ не только къ тому, чтобы править Англіей, но и къ тому, чтобы внести единеніе и дружбу въ среду правителей Европы. Между тѣмъ венеціанскій посолъ, прекрасно знавшій почву, на которой протектору приходилось дѣйствовать и которой послѣдній совсѣмъ не зналъ, уже въ 1655 году, въ качествѣ хлад-

Digitized by Google

покровнаго наблюдателя, предсказывалъ, что широкія, но плохо обдуманныя затѣи Оливера внесутъ только смуты въ христіанскій міръ.

Эти затѣи подвигались впередъ весьма медленно. Электоръ предупредилъ пословъ Кромвеля, что при настоящемъ состояніи Европы самые интересы протестантизма требуютъ большой осмотрительности и что нужно пока довольствоваться обезпеченіемъ свободы совѣсти трактатами. Вмѣсто великой протестантской лиги противъ германской вѣтви австрійскаго дома, на который протекторъ не могъ смотрѣть безъ гнѣва и отвращенія, въ средѣ самихъ балтійскихъ протестантовъ возникло бурное территоріальное несогласіе. Шведскій король, датскій король и электоръ перессорились другъ съ другомъ, причемъ Карлъ X, внукъ Густава Адольфа и дѣдъ Карла XII, удивилъ всю Европу, пройдя съ двѣнадцатитысячной арміей болѣе тринадцати миль по замерзшему морю, изъ-за территоріальныхъ пріобрѣтеній. Карлъ, на котораго Кромвель такъ надѣялся, думалъ вовсе не о религіи, а объ основаніи новой готской имперіи. Смуты, возбуждаемыя анабаптистами въ Англіи, не были такъ досадны, какъ смуты между заграничными протестантами. Даже протестантскіе кантоны Швейцаріи отказались мстить за пьемонтскія варварства. Когда пришлось выбирать императора, то между электорами оказались только три протестанта, да и то одинъ изъ нихъ вотировалъ за австрійскаго кандидата. Присутствіе англійскихъ войскъ во Фландріи, несомнѣнно, должно было безпокоить Голландію и заставило еще одно протестантское государство поднять оружіе противъ общаго дѣла. Въ концѣ концовъ униженіе Испаніи послужило бы только къ возвеличенію Франціи, то-есть страны преимущественно католической, въ которой вѣроисповѣдные интересы неминуемо пріобрѣли бы большую силу, если бы политическое значеніе ея прочно утвердилось.

Болингбрукъ упоминаетъ о преданіи, которое онъ слышалъ отъ лицъ, жившихъ въ данную эпоху и, въ свою очередь, слышавшихъ его отъ Тёрло, что Кромвель передъ смертью заключилъ союзъ съ Испаніей и готовъ уже былъ обратить свое оружіе противъ Франціи. Онъ успѣлъ уже увидать, будто бы, до какой степени пострадаютъ интересы всей Европы отъ преобладанія въ ней Франціи, которому его политика содѣйствовала, и проживи онъ дольше,—Людовикъ XIV никогда бы не посмѣлъ отмѣнить Нантскій эдиктъ. Это, однако же, весьма проблематично. Не даромъ говорится, что «человѣкъ, желающій совершать великія дѣла, долженъ поступать такъ, какъ будто бы онъ никогда не умретъ.» Если виды, приписываемые Кромвелю его новѣйшими почитателями, дѣйствительно принадлежали ему, то ихъ можно было бы причислить къ разряду самыхъ противорѣчивыхъ химеръ, которыя когда-либо овладѣвали могучимъ умомъ. Пусть даже планы Кромвеля насчетъ преобладанія протестантизма въ Европѣ могли бы быть легко соглашены съ существующими обстоятельствами, то какъ бы онъ привелъ ихъ въ исполненіе? Могло ли превращеніе Англіи въ военное государство съ широкими міровыми задачами, требующее громаднаго повышенія налоговъ, увеличить популярность и прочность правительства, оказавшагося несостоятельнымъ послѣ пятилѣтнихъ попытокъ устроиться на разные манеры? Одни расходы на войну съ Испаніей помѣшали Оливеру помочь протестантскимъ кантонамъ Швейцаріи въ борьбѣ съ католическими, хотя онъ всей душой этого желалъ. Единственной причиной его стремленія овладѣть Дюнкирхеномъ было торговое соперничество съ Голландіей, страной столь же протестантской, какъ и Англія. Вообще идеалы Оливера были не лишены величія, но имъ недоставало послѣдовательности и связи, такъ что дальнѣйшее приложеніе къ дѣлу только доказало бы ихъ неосуществимость.

«Вы говорите, что чувствуете себя счастливыми,—сказалъ протекторъ въ своей рѣчи въ 1658 году,—будучи отгорожены большимъ рвомъ отъ всего остального свѣта. Но говорю вамъ, что вы потеряете и вашъ ровъ, и ваши корабли, если не обзаведетесь пѣхотой и конницей для защиты вашихъ интересовъ на твердой землѣ.»

Великая Елизавета, подобно Ламберту въ кромвелевскомъ совѣтѣ, вѣровала въ политику большого рва и въ «благополучіе обладать полнымъ сундукомъ», а она оставила послѣ себя довольный народъ и установившійся государственный строй. Кромвель, не смотря на все величіе его плановъ имперской политики для Англіи, въ сущности, сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы не оставить послѣ себя ни довольства, ни прочнаго строя

Digitized by Google

на томъ островѣ, изъ котораго должно было истекать это величіе. Послѣдующій ростъ Вестъ-Индскихъ колоній, къ которому захватъ Ямайки былъ первымъ шагомъ, подалъ поводъ считать Кромвеля авторомъ системы расширенія колоніальнаго господства. Но идея этой системы жила въ умахъ современниковъ. Республика, при самомъ своемъ зарожденіи, когда Кромвель сражался въ Шотландіи, выказала ту же энергію при усмиреніи возмутившихся колонистовъ, какую выказывала въ морской войнѣ съ роялистами или въ подчиненіи двухъ соединенныхъ съ нею королевствъ. Актъ о мореплаваніи, изданный въ то же время, справедливо считается предназначеннымъ и къ тому, между прочимъ, чтобы укрѣпить власть Англіи надъ ея колоніями, хотя нельзя же изъ этого заключать, что государственные люди республики сознательно желали сдѣлать Англію не только европейскимъ государствомъ, но и центромъ міровой имперіи. Колоніальная политика Кромвеля была, во всякомъ случаѣ, продолженіемъ политики его предшественниковъ, а впослѣдствіи перешла къ тѣмъ, кто ему наслѣдовалъ. Онъ мирно и разумно наблюдалъ за колоніями, энергично стараясь укрѣпить за Англіей и Ямайку, хотя многія изъ мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли, были приняты слишкомъ поспѣшно, чтобы оказаться практичными; черезчуръ энергичный характеръ имѣетъ свои неудобства. Вообще расширеніе колоній и обладаніе Вестъ-Индіей не особенно прельщало тогда англійскихъ купцовъ, сильно пострадавшихъ отъ войны съ Испаніей, за которую простое присоединеніе Ямайки казалось плохимъ вознагражденіемъ.

Расширеніе колоній совершилось вопреки противодѣйствію купцовъ и не въ силу счастливой догадки какого-нибудь государственнаго человѣка. Оно вытекло изъ народныхъ нуждъ и обусловлено гнетомъ экономической необходимости на энергичный и предпріимчивый характеръ англичанъ. Колоніальная политика не могла быть дѣломъ одного человѣка или даже одного поколѣнія.

XL.

Затрудненія возрастаютъ.

Столѣтіе съ четвертью спустя послѣ смерти Кромвеля во Франціи всякій писарь, прочитавшій «Новую Элоизу» Руссо, всякій школьный учитель, сумѣвшій перевести десять строкъ изъ Ливія, всякій журнальный писака, заучившій наизусть софизмы изъ «Общественнаго Договора», были увѣрены, что нашли философскій камень и тотчасъ же могутъ сочинить конституцію. Наши храбрые дѣды временъ Кромвеля были, вѣроятно, такіе же шустрые. Ни къ чему они не приступали съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ къ учрежденію верхней палаты, и ничто не оставило въ нихъ такой глубокой меланхоліи и смущенія. Кромвель и его парламентъ вступили на этотъ pons asinorum демократіи, не подозрѣвая никакой опасности.

Протекторъ на конференціяхъ, состоявшихся весною 1657 года, ставилъ непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго своего участія въ дѣлахъ, чтобы между нимъ и палатой общинъ была еще одна инстанція. Онъ искалъ ширмъ, чтобы отгородиться отъ шумливой толпы, составлявшей эту палату. Ему было предоставлено право самому назначить членовъ другой палаты. Казалось бы, нѣтъ ничего легче и проще, какъ сдѣлать это, а, между тѣмъ, протекторъ сразу наскочилъ на мель. Ошибиться въ выборѣ членовъ верхней палаты, говоритъ Тёрло, значило бы то же самое, что ошибиться въ выборѣ себѣ жены или ошибочно начать войну: во всѣхъ этихъ случаяхъ никакое раскаяніе не поможетъ впослѣдствіи. Если бы старая палата лордовъ еще существовала и была бы склонно работать, при настоящихъ обстоятельствахъ, на пользу успокоенія умовъ, то это успокоеніе было бы, конечно, достигнуто. Но создать изъ ничего искусственную палату, безъ историческихъ традицій, безъ всякой корпораціи въ роли контингента, безъ опредѣленной власти, безъ привилегій и наружныхъ отличій и отгородиться этой палатою отъ избранниковъ народа, на согласіи которыхъ держится весь государственный строй, значило не успокоить умы и не объединить гражданъ, а еще болѣе раздѣлить и возмутить ихъ.

Вѣруя въ свое собственное чистосердечіе и въ то, что приспособленіе законовъ ко всевозможнымъ будущимъ случайностямъ носитъ въ себѣ слѣдъ недовѣрія къ Провидѣнію, Кромвель никогда не обдумывалъ проекта верхней палаты. Проектъ этотъ остался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ намѣченъ «Почтительнѣйшей петиціей», съ такими пробѣлами, прорѣхами и заплатами, которые заста-

Digitized by Google

вили бы теперь поблѣднѣть отъ ужаса даже новичка въ составленіи конституцій. Новая палата должна была состоять не болѣе какъ изъ семидесяти и не менѣе какъ изъ сорока членовъ, назначаемыхъ протекторомъ и утверждаемыхъ палатой общинъ; должность члена передается по наслѣдству; самое учрежденіе носитъ не особенно громкое названіе «Другой» палаты. Кромвель избралъ около шестидесяти весьма почтенныхъ людей, начиная со своихъ сыновей, Ричарда и Генри, и кончая лучшими юристами, судьями, генералами, наконецъ, почти цѣлой дюжиной старыхъ лордовъ. Способнѣйшіе изъ нихъ, въ томъ числѣ Локгартъ, Монкъ и Генри Кромвель, находились внѣ Англіи, а изъ старыхъ лордовъ явилось только пять, остальные же уклонились отъ участія въ дѣлахъ.

Подобно многимъ позднѣйшимъ реформаторамъ, Кромзель никакъ не могъ рѣшить, какими должны быть его лорды,—сильными или слабыми, потому что имъ слѣдовало умѣть противостоять палатѣ общинъ, но умѣть и склоняться передъ нею. Эта загадка, впрочемъ, и до сихъ поръ не рѣшена. Онъ забылъ также, что, отнимая столь многихъ способныхъ, опытныхъ и преданныхъ ему людей отъ палаты общинъ, онъ ослабляетъ въ ней свое собственное вліяніе и ослабляетъ его въ центральномъ пунктѣ атаки. А атака должна была послѣдовать неминуемо, такъ какъ при открытіи второй сессіи второго парламента (20 января 1658 г.) тѣ девяносто членовъ, которыхъ онъ не допустилъ на первую сессію, должны были быть приняты. Нѣкоторые изъ нихъ, по зрѣломъ разсужденіи, признали своимъ долгомъ «не мѣшать этому тирану, вмѣстѣ съ его шайкой, строить домъ на пескѣ», но большинство думало иначе и появилось вновь.

Широта и неопредѣленность конституціонныхъ постановленій давали оппозиціи большую свободу дѣйствій. Одно изъ этихъ постановленій гласило, что никакой старый законъ не можетъ быть отмѣненъ и никакой новый введенъ иначе, какъ путемъ парламентскаго акта. Между тѣмъ, предыдущими параграфами конституціи парламентъ опредѣлялся состоящимъ изъ двухъ палатъ; значитъ, Другая палата тоже должна была участвовать въ законодательной работѣ. Но, съ другой стороны, единственный параграфъ, опредѣлявшій характеръ дѣятельности этой Другой палаты, разсматривалъ ее какъ апелляціонную инстанцію для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Оппозиція, стало быть, имѣла основаніе настаивать на томъ, чтобы Другая палата и не была ничѣмъ болѣе. Вотъ на этомъ-то пунктѣ, на вопросѣ объ участіи Другой палаты въ законодательной дѣятельности, и должна была разыграться партійная борьба. Враги Кромвеля обладали слабымъ большинствомъ въ парламентѣ. На четвертый день преній онъ обратился къ нимъ съ важной регламентаціей, въ которой указывалъ на безпокойное состояніе Европы, на козни противъ протестантизма, на разладъ въ самомъ лагерѣ послѣдняго, на возможность вторженія испанцевъ съ цѣлью возстановленія изгнанной династіи, наконецъ, на гибельныя домашнія несогласія.

Палата ничего не слушала. Еще десять дней продолжались упрямые споры о названіи, мѣстѣ и предѣлахъ вѣдѣнія Другой палаты. Были сдѣланы тайныя попытки склонить армію въ пользу возстановленія республики. Какъ и во дни Долгаго парламента, оппозиція работала съ помощью петицій отъ Сити. Недовольные предназначали эти петиціи къ тому, чтобы служить готовыми текстами для предложеній и дебатовъ въ пользу возврата къ чисто-республиканскому строю. Съ другой стороны, въ палатѣ находились сторонники короля и даже лица, состоящія у него на службѣ. Открывая сессію, Кромвель упоминалъ о своемъ плохомъ здоровьѣ и о трудахъ, неразрывно связанныхъ съ его саномъ. Роялисты, опираясь на это признаніе, вывели, что онъ ослабъ физически и нравственно, что мятежные офицеры угнетаютъ его до такой степени, что онъ не можетъ спать безъ опія. Протекторъ зналъ все это и, наконецъ, потерялъ терпѣніе.

О послѣднихъ сношеніяхъ Оливера съ парламентомъ разсказываютъ слѣдующее. Какой-то таинственный посолъ принесъ письмо на имя протектора. Тёрло послалъ ихъ съ Мейдстономъ къ гофмаршалу (steward), чтобы тотъ передалъ его высочеству. Дверь кабинета была заперта, и Кромвель отозвался только на громкій повторенный стукъ, сердито спрашивая: «Кто тамъ?» Затѣмъ онъ отперъ дверь, взялъ письма и опять заперся. Нѣсколько времени спустя онъ послалъ за Уэлли и Десборо, состоявшими въ тотъ день въ караулѣ. Онъ спросилъ ихъ, не слыхали

Digitized by Google

ли они чего-либо новаго, и послѣ отрицательнаго отвѣта опять спросилъ: не слыхали ли они о какой-нибудь петиціи? Затѣмъ онъ поручилъ имъ справиться объ этомъ въ Вестминстерѣ. По пути туда они слышали непочтительные отзывы отъ нѣкоторыхъ солдатъ и донесли объ этомъ протектору. Оливеръ приказалъ имъ тотчасъ же поставить на ночь другой караулъ. На слѣдующее утро (4-го февраля), около девяти часовъ онъ приказалъ подать завтракъ и сообщилъ Тёрло, не совсѣмъ здоровому въ этотъ день, что пойдетъ въ палату. Такое внезапное рѣшеніе очень удивило Тёрло, но протекторъ не далъ никакого объясненія. Позавтракавъ, онъ тотчасъ же ушелъ совсѣмъ одинъ, намѣреваясь пройти пѣшкомъ черезъ рѣку, но ледъ оказался слишкомъ плохъ для этого. Тогда протекторъ приказалъ привести первый попавшійся экипажъ, который оказался только въ двѣ лошади. На немъ онъ и отправился въ палату съ четырьмя лакеями и не болѣе, какъ съ пятью или шестью гвардейцами. Прибывъ въ Вестминстеръ, онъ удалился тамъ въ свою комнату, гдѣ выпилъ кружку эля и съѣлъ кусокъ поджаренаго хлѣба. Тогда лордъ Финнсъ, бывшій около него, спросилъ его высочество, что онъ намѣренъ дѣлать. Протекторъ отвѣчалъ, что хочетъ распустить парламентъ, на что лордъ Флитвудъ замѣтилъ: «Умоляю ваше высочество хорошенько обдумать этотъ шагъ; онъ будетъ имѣть большія послѣдствія.» Онъ отвѣчалъ: «Вы трусите; клянусь Богомъ, я распущу парламентъ.» (Нѣкоторые говорятъ, что онъ повторилъ это дважды, а иные прибавляютъ, что онъ сказалъ: «Клянусь Богомъ живымъ»).

Рѣчь Оливера была коротка и содержательна, причемъ онъ даже не старался скрыть свой гнѣвъ. «Что изъ всего этого можетъ выйти,—сказалъ онъ въ заключеніе,—если не кровопролитіе и смуты, когда враги вторгнутся въ нашу страну? А если это такъ будетъ, то причиной тому вашъ отказъ согласиться на предложеніе, вами же мнѣ навязанное въ вашей «Почтительнѣйшей петиціи», какъ такое, которое можетъ установить въ странѣ порядокъ. И если вы такъ себя ведете, если на этомъ только и вертится ваша сессія, то я нахожу, что пора положить ей конецъ. Я распускаю парламентъ. Пусть Богъ разсудитъ насъ съ вами!» На это, по словамъ одного очевидца, многіе члены воскликнули: «Аминь!».

Со времени революціи 1653 года, въ теченіе пяти лѣтъ, правленіе Кромвеля прошло черезъ шесть различныхъ фазъ: во-первыхъ,—диктатура, ограниченная военнымъ совѣтомъ; во-вторыхъ, пользуясь исполнительной властью, какъ лордъ-главнокомандующій, онъ созываетъ нѣчто въ родѣ парламентской конвенціи; въ-третьихъ, конвенція исчезла и солдаты провозглашаютъ его протекторомъ по Учредительному Акту; въ-четвертыхъ, строй, основанный Учредительнымъ Актомъ, рушится, и на нѣсколько мѣсяцевъ протекторатъ превращается опять въ военную диктатуру: въ-пятыхъ, проваливаются генералъ-майоры, и наступаетъ нѣчто въ родѣ конституціонной монархіи; въ-шестыхъ, наконецъ, монархъ ссорится съ парламентомъ, и вся конституція рушится. Такая смѣна попытокъ устроиться могла быть неизбѣжною въ виду полнаго сумбура, наступившаго послѣ революціи и войны, но, въ виду ея безплодности, едва ли возможно ставить удачливаго солдата на высокое мѣсто въ исторіи, отведенное для самостоятельныхъ и творческихъ государственныхъ умовъ.

Вслѣдъ за распущеніемъ парламента протекторъ принялся охотиться за заговорщиками. Что планъ совмѣстить испанское вторженіе съ домашнимъ возстаніемъ долженъ былъ не удаться,—это весьма вѣроятно. Что на вѣрность арміи протекторъ могъ положиться,—въ этомъ онъ и самъ, вѣроятно, не сомнѣвался. Но правитель, несущій на себѣ отвѣтственность за спокойствіе націи, не можетъ довѣряться случайностямъ. Мы, живущіе двумя столѣтіями позже, не смѣемъ судить о размѣрѣ опасности, угрожавшей тогда нашему отечеству, но, читая показанія свидѣтелей въ слѣдственныхъ дѣлахъ, относящихся къ веснѣ 1658 года, нельзя не увидать въ нихъ зла, къ которому самые снисходительные судьи не могли относиться мягко. Страна не давала отпора измѣнническимъ покушеніямъ, потому что они направлены были противъ правительства, не установившагося и необщепризнаннаго. Но это не устраняло не обходимости дать жестокій ударъ тому, что Генри Кромвель называлъ періодическими, ежегодными заговорами. Примѣръ былъ показанъ на сэрѣ Генри

Digitized by Google

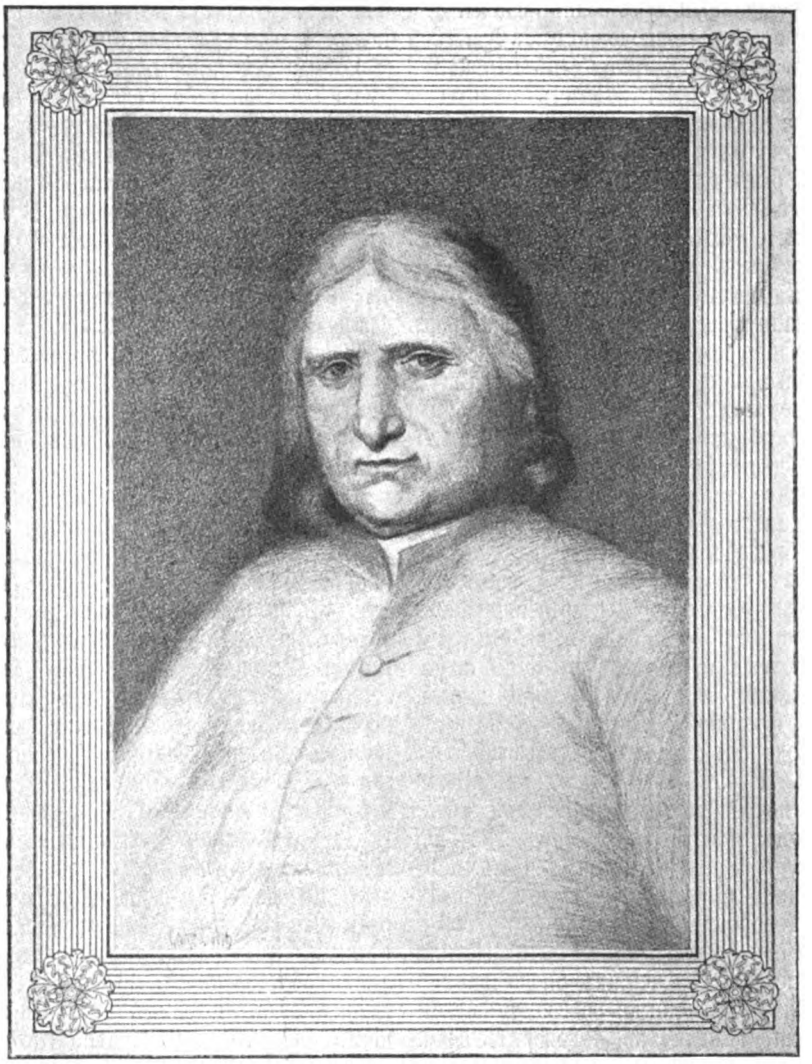
Слингсби, докторѣ Хьюиттѣ и другихъ, болѣе мелкихъ людяхъ. Хьюиттъ былъ епископальный священникъ, любимый проповѣдникъ въ кружкѣ людей, ему сочувствовавшихъ, и страстный роялистъ: доказательства принадлежности его къ стюартовскому заговору были слишкомъ ясны. Случай Слингсби болѣе теменъ. Что онъ тоже былъ роялистъ и заговорщикъ,— это несомнѣнно, но онъ, повидимому, совершенно справедливо заявилъ на судѣ, что агенты правительства «сверлили ему черепъ», когда онъ находился подъ стражей въ Гуллѣ, то-есть вырвали у него его тайны, притворяясь ему сочувствующими. Высшіе суды, передъ которыми проходили дѣла такихъ арестантовъ, не нравились прямодушнымъ и строгимъ юристамъ, въ родѣ Уайтлока, но протекторъ находилъ ихъ болѣе годными для терроризаціи злоумышленниковъ, чѣмъ суды обыкновенные. И надо признаться, что какъ бы ни были незаконны по идеѣ высшіе суды кромзелевскаго времени, они рѣшали дѣла въ высшей степени справедливо и умѣренно, такъ какъ состояли изъ хорошихъ юристовъ, да и самое число членовъ,— не менѣе тридцати,— придавало этимъ судамъ характеръ суда присяжныхъ. Говорятъ, что Хьюиттъ вѣнчалъ по англійскому обряду Мэри Кромвель съ лордомъ Фоконбергомъ и что она просила за него отца; но протекторъ остался неумолимымъ, и головы какъ Слингсби, такъ и Хьюитта упали на эшафотѣ (іюнь 1658 г.).

Тѣмъ временемъ протекторатъ все глубже и глубже погружался въ бездну финансовыхъ затрудненій. «Мы здѣсь до такой степени сбились съ толку,—говоритъ Тёрло въ апрѣлѣ,—что я не знаю, что мы будемъ дѣлать безъ денегъ.» Къ концу мѣсяца онъ доноситъ, что и флотъ и армія ропщутъ, не получая содержанія. Генри Кромвель, лордъ-намѣстникъ Ирландіи, находится въ крайности. Голодъ, пишетъ онъ, стучится въ стѣны, и если обстоятельства не измѣнятся, то они принуждены будутъ бросить все дѣло и заняться добываніемъ себѣ хлѣба, какъ простые рабочіе. Флитвудъ былъ убѣжденъ, что правительство тратитъ очень мало общественныхъ денегъ на собственныя надобности, но что общественныя дѣла требуютъ громадныхъ тратъ, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть сокращены. Въ іюнѣ дѣла нисколько не измѣнились. Безъ парламента нельзя было достать денегъ, и это угрожало большими опасностями. «Я положительно думаю,— говоритъ Тёрло,— что только одно Провидѣніе можетъ устранить наши затрудненія, если Богу будетъ угодно сжалиться надъ нами.» Въ іюлѣ дѣла пошли еще хуже: «Наши нужды возрастаютъ ежедневно», говоритъ тотъ же Тёрло.

Разработку вопроса о новомъ созывѣ парламента Кромвель возложилъ на юнту или совѣтъ, состоявшій изъ девяти членовъ. Что парламентъ будетъ дѣлать, когда соберется? Какъ устранить изъ него, съ одной стороны, кавалеровъ, а, съ другой, крайнихъ республиканцевъ? Кто-то изъ членовъ юнты предложилъ требовать отъ кавалеровъ присяги отреченія и налагать на нихъ конфискацію половины имущества. Но это предложеніе было непрактично. Кавалеры могутъ дать присягу и не сдержать ея. Наказывать тѣхъ изъ нихъ, которые ни въ какихъ заговорахъ не замѣшаны, значило бы быть въ высшей степени несправедливымъ и возбудить противъ себя ихъ всѣхъ поголовно. Единственный пунктъ изъ всего списка конституціонныхъ затрудненій, не возбудившій споровъ въ юнтѣ, былъ пунктъ о назначеніи протекторомъ себѣ наслѣдника. Если этотъ маленькій, интимный совѣтъ могъ сойтись только на одномъ пунктѣ, то что же будетъ, когда конституція подвергнется пересмотру въ такомъ многолюдномъ, разномыслящемъ и шумномъ собраніи, какъ парламентъ?

Есть основаніе предполагать, что, находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Оливеръ попробовалъ сойтись съ республиканцами, даже такими, какъ Людлоу и Вэнъ. Генри Кромвель не вѣрилъ въ возможность такой комбинаціи, совершенно справедливо говоря, что при партійныхъ раздорахъ ложные друзья опаснѣе открытыхъ враговъ. Ошибочно было бы думать, что въ общественныхъ дѣлахъ хотя бы даже великіе люди могутъ забывать свои личныя обиды, соперничество и выгоды. Исторія старается скрыть эти вещи, время ихъ затушевываетъ, поклоненіе героямъ въ нихъ не вѣритъ, но они все-таки дѣлаютъ свое дѣло. Еще въ англійской революціи встрѣчается меньше проявленій коварства и личныхъ страстей, чѣмъ въ какой-нибудь другой, а самъ Кромвель и вовсе не проявлялъ такихъ противообщественныхъ стремленій. Но о Ламбертѣ, прекрасномъ солдатѣ и способномъ человѣкѣ,

Digitized by Google



Джорджъ Фоксъ.
(Съ портрета сэра Петера Лели).

мы не можемъ сказать того же, а ужъ тѣмъ болѣе о всѣхъ другихъ.

Ясный умъ Генри Кромвеля никогда не измѣнялъ ему; онъ прекрасно видѣлъ безплодность всякихъ споровъ. «Да есть ли у васъ,— спрашиваетъ онъ Тёрло, — какая-нибудь положительная конституція, которой можно бы было присягнуть? Не зависитъ ли спокойствіе страны единственно отъ жизни его высочества, отъ его исключительныхъ способностей и заботъ объ арміи, которую онъ создалъ и устроилъ? Если я что-нибудь понимаю въ государственныхъ дѣлахъ, то, помимо милости Божіей, только жизнь моего отца мѣшаетъ страшному кровопролитію.» Такое мнѣніе такого человѣка стоитъ цѣлой диссертаціи. Оно вполнѣ справедливо, и никто не зналъ этого лучше, чѣмъ самъ лордъ-протекторъ.

XLI.

Кончина Кромвеля.

Сквозь густыя тучи, обложившія политическій горизонтъ, блеснулъ, наконецъ, и

Digitized by Google

одинъ прощальный лучъ солнца славы. Согласно трактату, заключенному съ Франціей въ мартѣ (1658 г.), протекторъ отправилъ на континентъ шесть тысячъ пѣхоты и флотъ на помощь французамъ при осадѣ Дюнкирхена съ моря и суши. Знаменитый Тюреннь былъ главнокомандующимъ соединенныхъ силъ, а Локгартъ стоялъ во главѣ англійскаго пѣхотнаго отряда. Кардиналъ Мазарини былъ при арміи, также какъ и король Людовикъ XIV, тогда двѣнадцатилѣтній мальчикъ, получавшій первый урокъ военнаго искусства. Между тѣмъ, въ пестрой испанской арміи, сражавшейся съ французскимъ королемъ, находились двоюродные братья послѣдняго—герцоги Іоркскій и Глостерскій, дѣти Карла I и внуки Генриха IV Наваррскаго, также какъ и самъ Людовикъ XIV. При англійскихъ принцахъ состояло нѣсколько бригадъ ирландцевъ и англійскихъ роялистовъ, дѣлившихъ судьбу изгнанной династіи и теперь вновь встрѣтившихся съ побѣдоноснымъ желѣзнымъ войскомъ Кромвеля. Протекторъ послалъ въ Калэ своего зятя Фоконберга для того, чтобы привѣтствовать французскаго короля и подвести ему въ подарокъ превосходныхъ англійскихъ лошадей. Посолъ былъ принятъ съ выдающимися почестями какъ королемъ, такъ и министромъ; послѣдній даже проводилъ Фоконберга до наружной двери,— честь, которой онъ никогда не оказывалъ даже посланникамъ коронованныхъ особъ.

Битва при Дюнахъ (іюня 14), происходившая на песчаныхъ холмахъ около Дюнкирхена, окончилась полнымъ разгромомъ испанской арміи. «Англичане,— говоритъ французъ-очевидецъ,—съ пиками въ рукахъ, съ такой упорной энергіей атаковали восемь испанскихъ батальоновъ, стоявшихъ на высотѣ, что, несмотря на сильный ружейный огонь и стойкое сопротивленіе, прогнали ихъ съ позиціи.» Между тѣмъ эти батальоны состояли изъ природныхъ испанцевъ, а не изъ валлонскихъ или германскихъ союзниковъ, и считались цвѣтомъ испанской арміи. Позиція, ими занимаемая, съ перваго взгляда показалась Локгарту неприступной, а когда атака кончилась, то онъ признавался, что никогда не видалъ такого жаркаго дѣла. Два принца изъ дома Стюартовъ, при видѣ беззавѣтной храбрости своихъ соотечественниковъ, позабыли, говорятъ, всѣ несчастія, обрушившіяся на ихъ головы благодаря солдату, который воспиталъ такое войско, и краснѣли отъ гордости.

Побѣда Тюренія была полная, и черезъ недѣлю Дюнкирхенъ сдался. Тогда наступилъ моментъ, не очень пріятный для французовъ. Король, получивъ ключи Дюнкирхена изъ рукъ Тюренія, тотчасъ же, согласно трактату, передалъ ихъ англичанамъ, и Локгартъ занялъ городъ отъ имени протектора. Мазарини прекрасно понималъ, что такая плата за помощь была черезчуръ велика; но французскіе историки полагаютъ, что онъ предвидѣлъ въ будущемъ возможность отобрать городъ у англичанъ обратно, мечомъ или деньгами, какъ на самомъ дѣлѣ и вышло, благодаря продолжавшимся въ Англіи смутамъ.

Тѣмъ временемъ желѣзные воины надѣлали много хлопотъ благородному Локгарту своимъ любопытствомъ: они входили въ церкви не снимая шляпъ, грабили церковную утварь и тутъ же разыгрывали ее въ лотерею, а одинъ даже закурилъ свою трубку отъ алтарной свѣчи во время мессы. Но Локгартъ былъ строгъ, и дисциплина скоро возстановилась. Не такъ легко было урезонить Хью Питерса, войскового проповѣдника, который, во что бы то ни стало желалъ угощать своими длинными и скучными проповѣдями союзниковъ вообще и всемогущаго кардинала въ особенности.

Людовикъ XIV послалъ Кромвелю почетную саблю съ рукояткой, осыпанной драгоцѣнными каменьями, при особомъ, великолѣпно обставленномъ посольствѣ. Впослѣдствіи, когда Людовикъ сдѣлался воплощеніемъ божественнаго права, гордость его христіаннѣйшаго величества очень страдала при воспоминаніи о комплиментахъ, которые онъ по этому случаю наговорилъ презрѣнному цареубійцѣ.

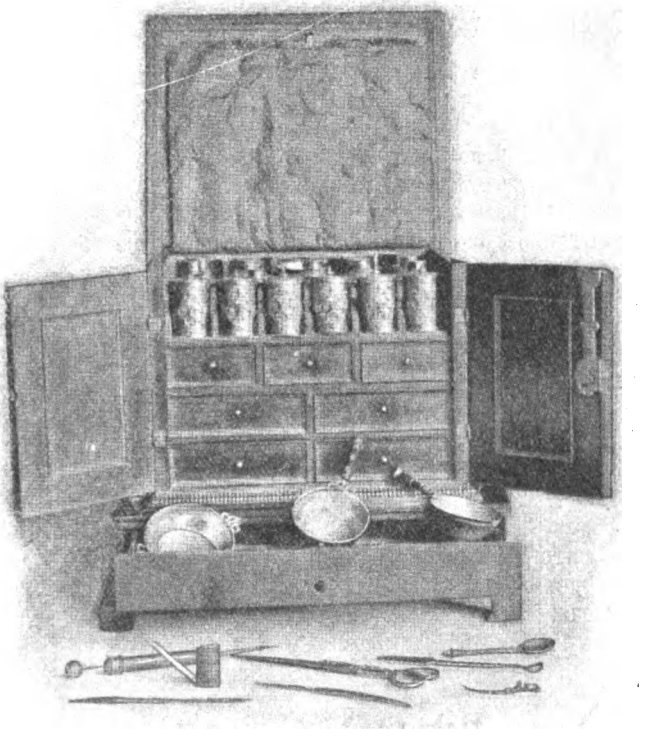
Слава, покрывшая правителя Англіи, очень льстила англійской гордости, но она не только не внесла успокоенія во внутреннія дѣла Англіи, а, пожалуй, даже подлила въ огонь масла. «Богъ сотворилъ чудо ради его величества и превыше чаянія благословилъ его начинанія», говоритъ Тёрло, послѣ взятія Дюнкирхена, но затѣмъ тотчасъ же переходитъ къ текущимъ нуждамъ и къ необходимости поскорѣе какъ-нибудь устроиться. Хладнокровные люди ясно видѣли, что хотя побѣды на континентѣ и могутъ усилить вліяніе Англіи, но онѣ зато

Digitized by Google

стоютъ громадныхъ денегъ, недостатокъ которыхъ и составляетъ самое больное мѣсто господствующей правительственной системы. Для самого протектора всѣ тѣ затрудненія, съ которыми онъ такъ упорно и мужественно боролся въ теченіе семи лѣтъ, должны были скоро кончиться. Онъ сказалъ своему послѣднему парламенту, что смотритъ на себя какъ на часового, приставленнаго къ тому, чтобы хранить спокойствіе націи. Часъ смѣны этого часового былъ близокъ. Смерть въ этомъ году уже неоднократно посѣщала порогъ его дома. Въ февралѣ умеръ Ричъ, только лишь въ ноябрѣ прошлаго года женившійся на Фрэнсисъ Кромвель; въ іюнѣ Елизавета Клейполь потеряла младшаго сына, да и сама была все лѣто сильно больна, а въ августѣ скончалась въ Гэмптонъ-Кортѣ. Много дней и ночей просидѣлъ у постели любимой дочери старикъ Кромвель, изъ-за семейнаго горя позабывшій даже общественныя дѣла. Онъ и самъ давно страдалъ подагрою и другими болѣзнями, ожесточившимися отъ горя и безсонныхъ ночей. По кончинѣ дочери, у него появилась изнурительная лихорадка. Отъ времени до времени онъ, однако же, ходилъ еще въ совѣтъ и принималъ участіе въ дѣлахъ. Въ одинъ изъ этихъ то свободныхъ отъ лихорадки дней (20 августа) на пути въ Гэмптонъ-Кортъ встрѣтилъ его Джонъ Фоксъ. «Еще не подходя къ гвардейскому конвою, во главѣ котораго онъ ѣхалъ,—говоритъ этотъ мистикъ,—я почувствовалъ дуновеніе смерти, отъ него исходящее.» Немного позднѣе его привезли въ Лондонъ и, пока отдѣлывался Сентъ-Джемскій дворецъ, помѣстили въ Уайтхоллѣ, откуда онъ уже и не вышелъ. «Во время болѣзни онъ получилъ откровеніе отъ Господа, надѣялся поправиться и быть опять способнымъ къ дѣлу. Едва ли о комъ-либо когда-нибудь такъ много молились, какъ о немъ. Всѣ, добрые и злые, были въ отчаяніи, страшась за могущія быть послѣдствія, если Богу будетъ угодно отозвать къ себѣ душу его высочества. Всѣ готовы были умереть вмѣсто него.» А когда старый воинъ убѣдился, что смерть близка, то онъ встрѣтилъ ее съ покорностью, свойственной твердой вѣрѣ. Онъ видалъ смерть слишкомъ часто и слишкомъ близко, чтобы бояться ее. Капелланы, проповѣдники, духовенство разнаго рода помѣщались въ сосѣдней комнатѣ и входили къ нему поочередно для того, чтобы читать Библію или молиться. Одному изъ нихъ онъ предложилъ трогательный и патетическій вопросъ, одновременно полный покаяннаго значенія и радостныхъ воспоминаній о свѣтломъ прошломъ:

— Скажите мнѣ, можно ли лишиться благодати, разъ данной?

— Нѣтъ, нельзя,—отвѣчалъ священникъ.



Аптечка Кромвеля.

Digitized by Google

— Ну тогда я покоенъ, потому что мнѣ она когда-то была дана.

Громко и съ глубокимъ чувствомъ повторялъ онъ тексты Св. Писанія, утѣшавшіе такъ много поколѣній вѣрующихъ людей. Прерывающимся голосомъ молился онъ о ниспосланіи милости Божіей на страну и народъ, о томъ, чтобы всѣ слились въ общей любви, чтобы дѣло реформаціи ширилось и процвѣтало. «Ты сдѣлалъ меня, недостойнаго, орудіемъ Твоимъ для проведенія въ жизнь нѣкотораго добра, во славу Твою; многіе возрадовались тому и слишкомъ высоко оцѣнили меня, другіе же давно уже ждутъ моей смерти. Прости ихъ, Боже, тѣхъ, которые хотѣли бы раздавить червя, возвеличеннаго Тобою, потому что они суть тоже твое созданіе.» Всю ночь на второе сентября онъ былъ очень безпокоенъ, а когда ему предложили выпить лѣкарство, чтобы заснуть, то онъ отвѣчалъ: «Я не хочу ни пить, ни спать; я хотѣлъ бы поскорѣе умереть.» Въ понедѣльникъ, 30-го августа, когда Кромвель еще боролся со смертью, жестокій штормъ господствовалъ на сушѣ и на морѣ, такъ что въ первыхъ числахъ сентября солнце всходило надъ разрушенными домами, деревьями вырванными съ корнемъ, потонувшими судами и людьми.

Въ пятницу, 3-го сентября, была годовщина двухъ самыхъ блестящихъ побѣдъ Кромвеля. Семь лѣтъ тому назадъ, въ тотъ же самый день, палъ Вэрстеръ, а восемь лѣтъ тому назадъ Оливеръ привѣтствовалъ восходъ солнца на Денбарскомъ полѣ, по которому отступали разсѣянные имъ враги Господа. Теперь онъ лежалъ уже безъ сознанія и къ четыремъ часамъ вечера отдалъ свою честную душу Богу.

Три недѣли спустя останки его были частнымъ образомъ погребены въ капеллѣ Генриха VII, а черезъ два мѣсяца восковое его изображеніе, въ мантіи, съ короной и скипетромъ, выставлено въ Соммерсетъ-Хаузѣ. Тогда же (23 ноября) состоялись и торжественныя похороны, великолѣпно обставленныя, причемъ прахъ былъ перенесенъ туда, гдѣ лежатъ короли, законодатели и великіе воины, принесшіе честь и славу Англіи.

Но менѣе чѣмъ черезъ два года наступилъ и часъ дикой, варварской мести. По единогласному постановленію палаты общинъ, 30-го января 1661 года, въ годовщину казни Карла I, состоялась возмутительная церемонія. «Въ это утро, послѣ поста и молитвы, тѣла Кромвеля, Айртона и Брэдшо (за день передъ тѣмъ привезеннаго изъ Хольборна) были привезены на саняхъ въ Тайбёръ (на полетъ камня отъ теперешней мраморной арки), вынуты изъ гробовъ и, какъ были, въ полусгнившихъ отрепьяхъ, повѣшены за шею до захода солнца. Затѣмъ ихъ сняли и отрубили головы, а тѣла зарыли тутъ же, подъ висѣлицами. Гробъ, въ которомъ находилось тѣло Кромвеля, былъ очень богатъ, съ золотыми петлями и гвоздями.»

Три головы были выставлены на шестахъ въ южномъ концѣ Вестминстеръ-Холла, гдѣ цареубійцы судили короля, и гдѣ Пепсъ видѣлъ ихъ еще четыре дня спустя послѣ отвратительной церемоніи.

XLII.

Заключеніе.

Ставить Кромвеля на ряду съ такими властителями Европы, какъ Карлъ V, Людовикъ XIV или Наполеонъ, было бы смѣшнымъ преувеличеніемъ. Гизо стоитъ ближе къ истинѣ, когда сравниваетъ Оливера съ Вильгельмомъ III и Вашингтономъ, какъ вождями и представителями кризисовъ, рѣшавшихъ судьбу націй. Когда мы, отрѣшившись отъ предвзятыхъ идей, спросимъ себя, какова была спеціальная задача Кромвеля въ такой высокой миссіи, то отвѣтъ найти будетъ не трудно. Благодаря своему военному генію, благодаря могуществу легіоновъ, имъ созданныхъ и руководимыхъ, онъ шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ; при Марстонѣ и Нэзеби, при Престонѣ и Вэрстерѣ, въ Ирландіи и подъ Денбаромъ оставилъ Кромвель глубокіе слѣды на судьбахъ старой Англіи, не изгладившіеся и тогда, когда она превратилась въ нѣчто болѣе широкое и многообъемлющее. Онъ былъ главою партіи, убѣжденной, что ни гражданская, ни политическая свобода не могутъ быть прочно установлены безъ помощи меча, и, къ счастію, избранный имъ человѣкъ меча оказался вполнѣ достойнымъ своего избранія. По быстротѣ соображенія и храбрости, по стремительности и благоразумію, по силѣ удара и настойчивости, по качествамъ кавалериста, тактика и стратега современные эксперты ставятъ Кромвеля рядомъ съ лучшими мастерами въ суровомъ

Digitized by Google

дѣлѣ войны. Но главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ создалъ армію, по духу дисциплинѣ, стойкости и высшимъ военнымъ добродѣтелямъ никѣмъ до сихъ поръ не превзойденную.

Въ послѣдней половинѣ текущаго столѣтія въ Западной Европѣ факелъ войны возжигался нѣсколько разъ, но скорѣе изъ-за единства національности или за цѣлости государства, чѣмъ изъ за свободы. Кромвель дрался за то и за другое. Его рукою были смяты абсолютистскія претензіи короны и митры, а затѣмъ тою же рукою были слиты воедино три отдѣльныхъ королевства. Непобѣдимый военачальникъ бросилъ свой мечъ на вѣсы какъ разъ въ тотъ рѣшительный моментъ, когда они колебались, не зная, въ какую сторону склониться. Послѣ всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя мы сообщили о жизни и дѣятельности Кромвеля, это послѣднее выраженіе вполнѣ опредѣляетъ его мѣсто въ исторіи Англіи.

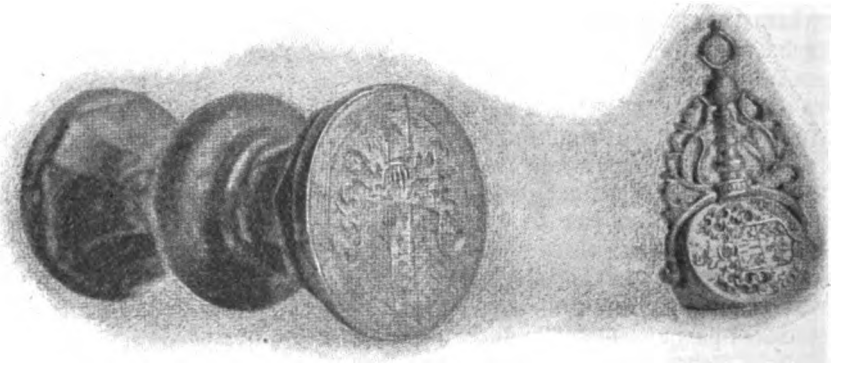
Рядомъ съ этой великой службой онъ сослужилъ родной странѣ еще и другую, въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживая въ ней временный миръ и тѣмъ охраняя ее отъ ужасовъ анархіи, которая поглотила бы и порядокъ и свободу. По мнѣнію своихъ современниковъ, онъ надѣлалъ много ошибокъ; отыскивая средства, ведущія къ цѣли, онъ иногда жертвовалъ принципами; онъ самъ былъ виною многихъ своихъ неудачъ и затрудненій. Но его усердіе, самопожертвованіе, искренность и находчивость все выкупаютъ; какъ «приходскій констэбль» онъ былъ незамѣнимъ. Болѣе трудное дѣло—возведеніе прочнаго фундамента для постройки зданія общественнаго и государственнаго порядка, которое могло бы существовать и безъ его надзора, ему не удалось, правда. Но онъ едва ли и разсчитывалъ на удачу. Мы уже приводили его слова: «Я только по необходимости взялся за это дѣло, разсчитывая не столько сдѣлать какое-нибудь добро, сколько предупредить зло.» Онъ не строилъ плотинъ и валовъ, достаточно прочныхъ, чтобы сдерживать какъ волны революціоннаго прилива, такъ и волны монархической реакціи. «Не зависитъ ли спокойствіе страны, — спрашивалъ Генри Кромвель,— единственно отъ жизни его высочества, отъ его исключительныхъ способностей и заботъ объ арміи?» Протекторатъ, слѣдовательно, не былъ правительственной системой, а только временнымъ и притомъ личнымъ оплотомъ противъ анархіи.

Ричардъ Кромвель, правда, наслѣдовалъ отцу, не встрѣтивъ оппозиціи. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ новый протекторъ носилъ всѣ внѣшніе признаки верховной власти, но на самомъ дѣлѣ она ему и на одинъ день не принадлежала. Казна была истощена до такой степени, что Ричарду пришлось унижаться, выпрашивая у Мазарини пятьдесятъ тысячъ фунтовъ взаймы. Военный совѣтъ на первыхъ же шагахъ воспользовался случаемъ захватить власть въ свои руки. Большинство въ новомъ парламентѣ сначала относилось къ Ричарду благосклонно, но конституція, вполнѣ зависящая отъ борьбы безчисленныхъ партій въ парламентѣ и отъ колебаній въ немъ большинства, очевидно, ничего не стоила. Авторитетъ въ настоящемъ былъ подрытъ обвиненіями, предъявляемыми къ прошлому. Бюджетный дефицитъ и административныя злоупотребленія подверглись жестокимъ нападкамъ. Государственные преступники, арестованные единственно по приказанію протектора, изъ Тоуэра и другихъ тюремъ,

Гербъ, несенный на похоронахъ Кромвеля.

Digitized by Google

при радостныхъ кликахъ толпы были поставлены къ рѣшеткѣ палаты, гдѣ приняты заявленіями симпатіи къ жертвамъ и негодованія къ покойному угнетателю. Дюнкирхенъ, Ямайка, лавры Блэка, униженіе Испаніи—все это казалось пустяками въ сравненіи съ упадкомъ торговли. Вражда парламента съ арміей, долго сдерживавшаяся желѣзной рукой Оливера, теперь вспыхнула съ новой силой. Ричардъ Кромвель, честный и умный человѣкъ, но не военный и не обладавшій престижемъ, не выдержалъ и скрылся (май 1659 г.). Вражда военныхъ властей съ гражданскими завершилась возмутительной путаницей интригъ, взаимныхъ упрековъ и всеобщей политической неспособности, которою большинство революцій кон-



Личная печать Кромвеля и печать лорда-намѣстника Ирландіи.

чается. Къ счастію, кровь не была пролита. Затѣмъ состоялась реставрація, опять появились кавалеры—раздраженные прошлыми неудачами и настоящимъ разореніемъ, епископы—спѣшившіе вновь взобраться на свои троны, и большинство народа стало на ихъ сторону.

Правой рукой новаго короля сталъ Кларендонъ; но четырнадцать лѣтъ изгнанія со всѣми его послѣдствіями—лишеніями, оскорбленіями, вѣчно обманываемой надеждой—обозлили его и вытолкнули изъ его души тѣ принципы и стремленія, за которые онъ когда-то вмѣстѣ съ Пимомъ и Гемпденомъ стоялъ противъ Лода, Страффорда и Карла. Монархія вернулась, несомнѣнно, съ подрѣзанными крыльями. Мечъ Оливера совершилъ эту операцію добросовѣстно. Но какъ мало было имъ сдѣлано для другой цѣли, еще болѣе дорогой сердцу покойнаго главы индепендентовъ, это доказывается Актомъ Однообразія (Act of Uniformity), Актомъ объ Испытаніи (Test Act), Актомъ о Сходбищахъ (Conventicle Act), Пяти-мильнымъ Актомъ (Five mile Act) и другими узаконеніями, касающимися церковныхъ привилегій и проскрипцій.

Нельзя не признать, что кромвелевская революція была скорѣе концомъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ началомъ новой эры. Во-первыхъ, самъ Кромвель, несомнѣнно, мало вѣровалъ въ прогрессъ, сдѣлавшійся путеводной нитью новой исторіи. Во-вторыхъ, уваженіе къ общественному мнѣнію, ставшее основнымъ принципомъ современныхъ правительствъ, въ кромвелевскія времена было очень еще не развито даже въ самомъ Кромвелѣ. Въ-третьихъ, онъ вовсе не былъ демократомъ, ибо заявлялъ, какъ мы видѣли, что не то важно, что нравится народу, а то, что для него нужно. Это скорѣе напоминаетъ слова, сказанныя Карломъ на эшафотѣ: «Свобода,— сказалъ онъ,— лежитъ въ законахъ, а такъ какъ не народъ ихъ составляетъ, то онъ и не можетъ ею пользоваться.»

Съ другой стороны, однако же, Кромвель твердо вѣрилъ, что все полученное при помощи насилія не бываетъ ни хорошо, ни прочно и не доставляетъ чести правителю: «То, что мы получаемъ добровольно, вдвое лучше получаемаго при помощи насилія и дольше останется за нами и нашимъ потомствомъ», такъ что принятіе конституціи народомъ есть вѣрнѣйшій залогъ ея пригод-

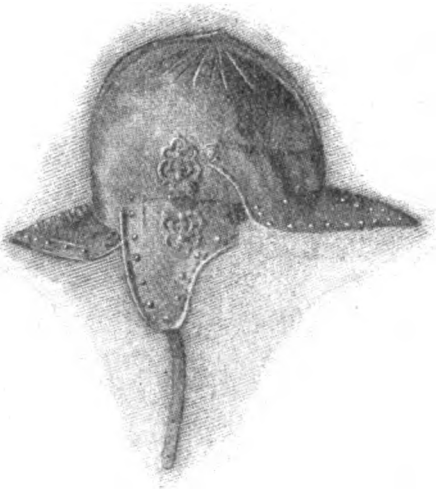
Digitized by Google

ности.» И потомъ: «Несправедливо и неблагоразумно лишать человѣка свободы располагать собою, изъ опасенія, что онъ злоупотребитъ этой свободой.» Въ этихъ словахъ лежитъ корень всякой свободы.

Говоря, что Кромвель обладалъ всѣми качествами, необходимыми для человѣка, располагающаго большой властью, мы вовсе не хотѣли сказать, что у него былъ вкусъ къ абстрактнымъ политическимъ идеямъ или что онъ страстно вѣровалъ въ свободу. Инстинктъ порядка и способность къ его водворенію столь же часто бываютъ свойственны тирану, какъ и герою, худшимъ людямъ въ исторіи, какъ и лучшимъ. Кромвель непохожъ на Фридриха Великаго, говорившаго о человѣчествѣ какъ о diese verdammte Race—этомъ проклятомъ племени. Онъ принадлежалъ къ болѣе рѣдкому и благородному типу правителей, которые руководствуются вѣрой, надеждой, милосердіемъ столько же, сколько и практической мудростью, подыскивая для своей власти нравственныя основы. Въ этомъ и лежитъ разгадка всеобщей любви къ нему. Идеалы его были высоки, вѣрность имъ — почти безупречна. Но не случайно же все-таки онъ сталъ идоломъ той школы, которая въ Англіи осторожно, а въ Германіи открыто, признаетъ, что сила есть право и что могущество государства есть цѣль, оправдывающая всѣ средства.

Увѣряя, что ни одинъ изъ правителей Англіи не сдѣлалъ для будущаго этой страны столько, сколько Кромвель, мы рисковали бы совершить историческую натяжку въ пользу ретрорадныхъ идеаловъ. Послѣ этого многіе могли бы претендовать на то, что Томасъ Кромвель, опредѣливъ будущее одного изъ наиболѣе могущественныхъ учрежденій Англіи, сдѣлалъ для нея больше, чѣмъ Оливеръ. Положительно можно сказать, что послѣднему не удалось придать окончательной формы ни англійской церкви, ни англійскому парламенту. Что касается конституціи, то, какъ бы это странно ни звучало, а ея устройствомъ мы болѣе обязаны умному и стойкому, хотя въ высшей степени не героическому Вальполю. Развитіе этой конституціи, въ сущности, пошло по пути, который Кромвелю былъ глубоко противенъ. Идея парламента, постоянно засѣдающаго и входящаго во всѣ детали управленія, была, съ его точки зрѣнія, невыносимымъ гнетомъ. Это былъ настоящій единственный пунктъ, съ которымъ его вообще гибкій умъ никакъ не могъ помириться. А, между тѣмъ, худо ли, хорошо ли, эта система теперь принята и у насъ, и во всѣхъ странахъ, устроившихся по нашему примѣру.

Когда опять говорятъ, что нонконформизмъ, именно благодаря Кромвелю успѣлъ до такой степени укорениться, что выдержалъ штормъ реставраціи, то забываютъ при этомъ о внутренней его силѣ, изъ которой возникла и революція, и самъ Кромвель. Не одинъ человѣкъ, хотя бы это былъ самъ Оливеръ, а общее духовное движеніе создало революцію и держалось противъ реставраціи. Не Кромвель же, въ самомъ дѣлѣ, создалъ нонконформизмъ, а скорѣе обратно.



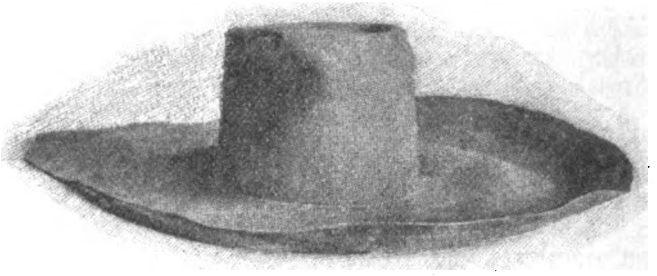
Шлемъ Кромвеля.

Въ наше время уже признано ошибочнымъ приписывать ходъ исторіи вліянію отдѣльныхъ личностей,—героевъ, монарховъ, правителей. Толчокъ, даваемый прошлымъ, внезапные импульсы массъ, зарожденіе новыхъ надеждъ и опасеній, открытіе новыхъ горизонтовъ въ наукѣ—все это гораздо болѣе вліяетъ на ходъ исторіи, чѣмъ дѣятельность самыхъ рѣшительныхъ, могущественныхъ и дальновидныхъ вождей. Черезъ тридцать лѣтъ по смерти протектора совершилась болѣе успѣшная революція. Законы стали болѣе справедливыми; суды очистились отъ неправды; пресса стала пользоваться свободою, о которой мечталъ Мильтонъ и которую

Digitized by Google

Кромвель не рѣшился осуществить; права индивидуальной совѣсти были хоть отчасти признаны. Но Декларація о правахъ и Актъ Терпимости (Toleration Act) вытекли изъ идей и принциповъ, стремленій и методовъ вовсе не пуританскихъ. Новые притоки расширили русло и измѣнили форму того потока понятій, нравовъ и вѣрованій, по которому время ведетъ барку человѣческой исторіи. Начался вѣкъ раціонализма съ его трезвымъ и разумнымъ освѣщеніемъ жизни.

А еще девяносто лѣтъ спустя въ той же Англіи, но только за Атлантическимъ океаномъ, произошла новая революція, и пропасть, отдѣляющая Кромвеля отъ Джефферсона, можетъ служить мѣриломъ пути, пройденнаго человѣческой мыслью за это время. Со смертью Кромвеля кончилось кратковременное господство пуританской теократіи въ Англіи. Это была лишь одна фаза въ эволюціи общественности, оставившая намъ въ наслѣдство нѣсколько благородныхъ мыслей, память о геройской борьбѣ за свободу да цѣлый рядъ именъ, принадлежавшихъ честнымъ и сильнымъ людямъ, съ Кромвелемъ и Мильтономъ во главѣ. Политическія цѣли запутываютъ человѣка, и революціонный вождь почти всегда идетъ наугадъ. Отъ насъ, хладнокровныхъ наблюдателей далекаго прошлаго, зависитъ различить въ его поступкахъ вѣчное отъ временнаго, высокія стремленія отъ невольныхъ ошибокъ и, воздавъ надлежащую честь за первыя, позабыть о послѣднихъ.



Парламентская шляпа Кромвеля.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
	ПРОЛОГЪ	3
I.	Юные годы Оливера Кромвеля	5
II.	Законы, король и королева	12
III.	Уэнтвортъ, Лодъ, Пимъ	17
IV.	Пуританизмъ и двойной исходъ	21
V.	Interim	26
VI.	Короткій парламентъ	30
VII.	Долгій парламентъ.—Кромвель на 42-мъ году жизни	34
VIII.	Паденіе Страффорда	37
IX.	Канунъ войны	41
X.	Пять членовъ.—Призывъ къ оружію	46
XI.	Начало войны	53
XII.	Марстонъ-Муръ	62
XIII.	Вестминстерское собраніе	73
XIV.	Новая система	82
XV.	Сраженіе при Нэзеби	88
XVI.	Послѣ Нэзеби	93
XVII.	Король среди шотландцевъ	96
XVIII.	Король-плѣнникъ	102
XIX.	Кризисъ 1647 года	108
XX.	Кромвель и армія	114
XXI.	Бѣгство короля	124
XXII.	Вторая гражданская война.—Кромвель въ Престонѣ	129
XXIII.	Роль Кромвеля въ окончательномъ кризисѣ	134
XXIV.	Смерть короля	140
XXV.	Республика	148
XXVI.	Кромвель въ Ирландіи	154
XXVII.	Въ Шотландіи	161
XXVIII.	Отъ Денбара до Ворчестера	165
XXIX.	Солдатъ при исполненіи гражданскихъ задачъ	170
XXX.	Насильственное прекращеніе Долгаго парламента	174
XXXI.	Царство Святыхъ	181

Digitized by Google

СТРАН.

XXXII. Первая ступень протектората 184
XXXIII. Ссора съ первымъ парламентомъ 189
XXXIV. Военная диктатура 193
XXXV. Реакція 197
XXXVI. Перемѣна галса 200
XXXVII. Проектъ возстановленія королевскаго титула 205
XXXVIII. Черты характера 210
XXXIX. Внѣшняя политика 212
XL. Затрудненія возрастаютъ 219
XLI. Кончина Кромвеля 223
XLII. Заключеніе 226

Digitized by Google

Digitized by Google

AP50
.N688
g. 4
t. 14
okt.-nováb.-dek.
1900

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

PENN STATE UNIVERSITY LIBRARIES
Digitized by Google